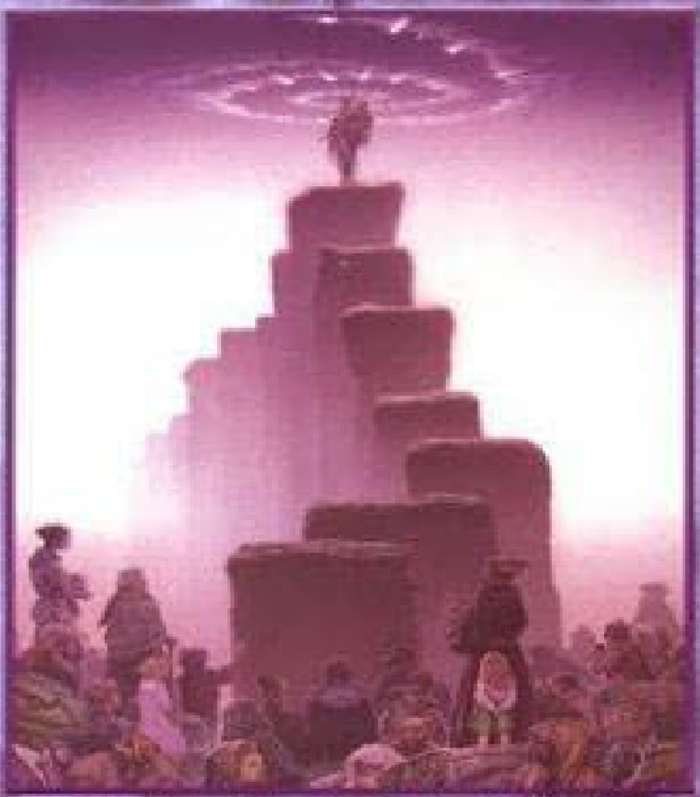
NEW YORK TIMES BEST-SELLING AUTHOR

TAD WILLIAMS



OTHERLAND

Final Volume

SEA OF SILVER LIGHT

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

КОНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ…

Иноземье — частная многомерная вселенная, сотворенная и контролируемая Братством Грааля, организацией, созданной самыми богатыми и безжалостными личностями в мире — рушится. Планы членов Братства стать бессмертными при помощи сети вдребезги разбиты чудовищным интеллектом, существующим и действующим в сети под именем «Иной», и еще более чудовищным человеком, называющим себя Джон Дред. Перехватив управление сетью у своего нанимателя, Феликса Жонглера, Дред сделал себя богом этой виртуальной вселенной и последовательно уничтожает все ее миры.

Жонглер, беспомощный и попавший в ловушку, вынужден заключить союз со своими врагами: Рени Сулавейо, !Ксаббу, Мартиной, Полем Джонасом и другими членами маленькой группы, вошедшей в Иноземье в попытке спасти маленьких детей, ставших пленниками виртуальной реальности. Но пока они пробиваются через лабиринт придуманных миров, стремясь достигнут настоящего сердца Иноземья, время неумолимо истекает.

Захваченные сверхъестественными и смертельными ландшафтами умирающей сети, отчаявшаяся группа стремится, несмотря на все уменьшающеюся вероятность, спасти детей, решить причудливые загадки Иноземья и вернуться в реальную жизнь.

Но задолго до того, как у них появится возможность вернуться в «настоящий» мир, он может исчезнуть! Ведь уничтожение вселенной Жонглера — только генеральная репетиция Джонни Дреда. Он задумал овладеть всеми гигантскими ресурсами холдинга Жонглера и вызвать разрушение всей Земли…

- Тед Уильямс
  - БЛАГОДАРНОСТИ
  - КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ КНИГ ТЕТРАЛОГИИ «ИНОЗЕМЬЕ»
    - ТОМ 1
    - ТОМ 2
    - ТОМ 3
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА 1

- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10

○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15
- ГЛАВА 16
- ГЛАВА 17
- ГЛАВА 18
- ГЛАВА 19
- ГЛАВА 20
- ГЛАВА 21
- ГЛАВА 22

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА 23
- ГЛАВА 24
- ГЛАВА 25
- ГЛАВА 26
- ГЛАВА 27
- ГЛАВА 28
- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- ГЛАВА 32

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА 33
- ГЛАВА 34
- ГЛАВА 35
- ГЛАВА 36
- ГЛАВА 37
- ГЛАВА 38
- ГЛАВА 39
- ГЛАВА 40
- ГЛАВА 41
- ГЛАВА 42

        - ГЛАВА 43
        - ГЛАВА 44
        - ГЛАВА 45
        - ГЛАВА 46
        - ГЛАВА 47
        - ГЛАВА 48
        - ГЛАВА 49
    - ЧАСТЬ ПЯТАЯ
        - ГЛАВА 50
        - ГЛАВА 51
        - ГЛАВА 52
        - ГЛАВА 53
    - ЭПИЛОГ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

Тед Уильямс
Море серебряного света

Мой отец все еще не открыл ни одной моей книги — нет, он даже их не видел. Я думаю, что должен что-нибудь сказать ему. Может быть так, мягко и осторожно:

— Все, у кого нет посвященной ему книги, три шага вперед. Эй, Папа, не делай второго.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эти люди спасли мне жизнь. Без их помощи я никогда не закончил бы эту книгу. Вы можете сами назначить им подходящее наказание.

Очень Длинный Список:

Барбара Кэннон, Аарон Кастро, Ник де Барр, Дебра Евлер, Артур Росс Эванс, Эмми Фодера, Шин Фодера, Джоу-Энн Гудвин, Дебора Грэбиен, Ник Гребиен, Джед Хартман, Тим Холман, Ник Итсу, Джон Джерролд, Катарина Керр, Ульрик Киллер, М. Д. Крамер, Джоу и Фил Ноулз, Марк Крейбаум, ЛЕС…, Брюс Либерман, Марк МакКрум, Джошуа Миллиган, Ганс-Ульрих Мюринг, Эрик Ньюман, Питер Стампфел, Митч Вагнер, Майкл Уилан.

К которым нужно добавить другую группу храбрых и добрых:

Мелисса Браммер, Мич Вагнер, Майкл Вилан.

Как всегда, привет всем моим друзьям по e-mail и страничке фанатов Теда Уильямса, а также на Guthwuff.com и MST Interactive Thesis.

И, конечно, никакая благодарность не будет благодарностью, если я не упомяну мою жену Дебору Вил, моего талантливого и любимого агента Мэтта Байпера и моих терпеливых издателей Шилу Гилберт и Бетси Уолхайм. Мои дети Коннор и Девон не слишком много помогали, но зато делали жизнь намного более интересной (и заставляли закончить и продать книги как можно скорей). К тому же Коннор напечатал, случайным образом, в рукописи множество согласных, которые я впоследствии использовал, так что они принадлежат как мне, так и ему.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ КНИГ ТЕТРАЛОГИИ «ИНОЗЕМЬЕ»

ТОМ 1
ГОРОД ЗОЛОТЫХ ТЕНЕЙ

Промокший, насмерть перепуганный и удерживаемый от потери разума лишь друзьями Финчем и Маллитом, с которыми он сидит в одном окопе, Пол Джонас ничем не отличается от тысяч прочих пехотинцев Первой мировой войны. Но, оказавшись на пустой ничейной полосе между окопами и увидев выросшее до облаков дерево, он начинает сомневаться в здравости своего рассудка. Когда же Пол взбирается на дерево и обнаруживает за облаками замок, женщину с птичьими крыльями вместо рук и охраняющего ее жуткого великана, эти сомнения практически исчезают. Однако, снова очнувшись в окопе, он видит, что сжимает в кулаке перышко женщины-птицы.

Свои проблемы у Ирен (Рени) Сулавейо, живущей в Южной Африке в середине двадцать первого века. Рени преподает виртуальную инженерию. Ее новый студент !Ксаббу — бушмен, представитель древнего народа, живущего в африканской пустыне и совершенно незнакомого с современными технологиями. Рени фактически заменяет мать младшему брату Стивену, одержимому путешествиями по виртуальным мирам всемирной коммуникационной Сети, и те редкие часы, когда Рени свободна, она тратит на семью, так как ее овдовевшего отца, Длинного Джозефа, похоже, интересует лишь очередная выпивка.

Как и почти всех детей, Стивена тянет к запретному. Хотя Рени уже однажды спасла его из опасного виртуального ночного клуба под названием «Мистер Джи», Стивен снова тайком пробирается туда. К тому времени, когда Рени узнает об этом, Стивен впадает в кому. Врачи не могут объяснить причину, но Рени уверена, что с братом что-то произошло в онлайне.

Американец Орландо Гардинер лишь ненамного старше брата Рени, но он уже большой специалист по онлайновым мирам, а из-за тяжелого состояния здоровья проводит большую часть времени в Сети, в облике воина-варвара Таргора. Во время одного из приключений он на несколько секунд увидел золотой город, непохожий на все то, что ему доводилось видеть раньше в виртуальной реальности. Это зрелище настолько отвлекло Орландо, что его персонаж Таргор оказался убит. Несмотря на столь страшную утрату, Орландо не может забыть о восхитительном зрелище и при поддержке собственного компьютерного агента Бизли и помощи сетевого друга Фредерикса, испытавшего немало колебаний по этому поводу,

решает отыскать золотой город.

Тем временем на военной базе в Соединенных Штатах маленькая девочка по имени Кристабель Соренсен тайно навещает своего друга мистера Селларса — странного, покрытого шрамами старика. Родители запретили ей с ним встречаться, но девочке нравится старик и истории, которые он рассказывает. К тому же она больше жалеет его, чем побаивается. Девочка еще не знает, что старик связывает с ней весьма необычные планы.

По мере того как Рени лучше узнает !Ксаббу и начинает ценить его спокойное добродушие и взгляд со стороны на современную жизнь, она все больше полагается на студента в поисках причины трагедии, случившейся с ее братом. Они с ! Ксаббу тайком пробираются в виртуальный ночной клуб «Мистер Джи». Это место оправдывает худшие опасения Рени: здесь собираются поклонники всех мыслимых виртуальных извращений. Но ничто не указывает на то, что брату Рени могли причинить здесь реальный физический вред — пока герои не вступают в схватку с виртуальной версией индийской богини смерти Кали. Богине удалось одолеть !Ксаббу, а ее давящий на подсознание гипнотизм почти ошеломил и Рени, однако благодаря таинственной личности с совершенно безликим симулированным телом (симом) Рени и !Ксаббу удается вырваться из «Мистера Джи». Перед выходом Рени из Сети незнакомец дает ей какую-то информацию, упакованную в золотистый кристалл.

Снова оказавшись (как ему кажется) в окопах Первой мировой, Пол Джонас дезертирует и пытается вырваться на свободу, пробираясь по опасной нейтральной полосе между линиями траншей. Под проливным дождем и градом рвущихся снарядов Пол ползет по грязи между трупами и оказывается в непонятном месте, еще более странном, чем его прежний сон о замке, — на пустой туманной равнине. Вспыхивает мерцающий золотой свет, влекущий к себе Пола, но прежде чем он успевает шагнуть в это сияние, неожиданно появляются Финч и Маллит. Они требуют, чтобы Пол вернулся вместе с ними в окопы. Усталый и запутавшийся, он уже готов согласиться, но когда Финч и Маллит приближаются, Пол видит, что они теперь даже отдаленно не похожи на людей, и бежит в золотое сияние.

Самого старого и, возможно, самого богатого человека XXI века зовут Феликс Жонглер. Его физическое тело почти умерло, и он проводит дни в созданном для себя виртуальном Египте, где правит в облике Осириса, бога жизни и смерти. Главный слуга Жонглера как в виртуальной реальности (ВР), так и реальном мире (РМ) — серийный убийца, австралийский абориген-

полукровка по происхождению, называющий себя Дред. Его страсть к охоте на людей сочетается со странной экстрасенсорной способностью манипулировать электроникой («скруткой»), что позволяет ему, к примеру, отключать камеры видеонаблюдения и избегать тем самым обнаружения. Жонглер отыскал Дреда много лет назад, помог юноше развить его способности и сделал своим главным киллером.

Жонглер Осирис возглавляет группу «Братство Грааля», в которую входят несколько самых влиятельных и богатых людей мира. Братство создало для себя виртуальную вселенную, непохожую на любую другую, — «Проект Грааль», известный в узких кругах также как «Иноземье». Последнее название имеет прямую связь с существом по имени Иной, задействованном в «Проекте Грааль», — неизвестно, что это, существо ли, искусственный интеллект или нечто еще более странное. Братство в целом управляется Жонглером, но единственное, чего старик боится, так это своих же соратников.

Члены «Братства Грааля» грызутся между собой, их раздражает, что таинственный «Проект Грааль» движется к завершению столь медленно. Все они вложили в него миллиарды и ждут уже более десяти лет. Оппозиция, возглавляемая американским технобароном Робертом Уэллсом, проявляет все большее беспокойство по поводу лидерства Жонглера и его секретов — например, истинной сущности Иного.

Жонглер подавляет мятеж и приказывает своему подручному Дреду подготовить устрашающую акцию по нейтрализации одного из членов Братства, уже покинувшего организацию.

Тем временем в Южной Африке Рени и ее ученик !Ксаббу, потрясенные тем, что им едва удалось сбежать из виртуального ночного клуба «Мистер Джи», еще больше убеждаются в том, что существует некая связь между клубом и нынешним состоянием брата Рени, который все еще пребывает в коме. Но когда Рени исследует информацию, переданную ей таинственной безликой фигурой, золотистый кристалл выдает поразительно реальное изображение золотого города. Рени и !Ксаббу обращаются за помощью к бывшему преподавателю Рени, доктору Сьюзен ван Блик, но и она не в силах решить загадку города или хотя бы с уверенностью подтвердить, что такое место реально существует. Доктор решает прибегнуть к помощи исследовательницы по имени Мартина Дерубен. Но в то время, когда Рени и таинственная Мартина устанавливают первый контакт, кто-то нападает на Сьюзен ван Блик в ее доме, жестоко избивает пожилую женщину и уничтожает все ее оборудование. Рени мчится в госпиталь, но Сьюзен, успев лишь намекнуть Рени, где

искать еще одного своего друга, умирает. Рени переполняют гнев и ужас.

Орландо Гардинер, смертельно больной американский подросток, продолжает поиски увиденного в Сети золотого города, причем настолько активно, что его друг Фредерикс начинает волноваться. Орландо всегда отличался странностями (например, он большой любитель испытывать симуляции предсмертных ощущений), но сейчас его странности уже выходят за рамки. И когда Орландо заявляет, что они отправляются в знаменитый хакерский сетевой узел под названием Скворечник, худшие опасения Фредерикса подтверждаются.

Скворечник — последнее прибежище анархии в Сети. Это место, где никакие законы не навязывают людям ни их поведение, ни внешность. Но хотя Скворечник приводит Орландо в восхищение и он находит в общем-то сомнительных, но союзников — группу детей-хакеров, называющих себя Озлобышами (их виртуальный облик — стая крылатых желтых обезьянок), его попытки обнаружить следы золотого города вызывают подозрения, и им с Фредериксом приходится бежать.

Тем временем Рени и !Ксаббу с помощью Мартины также проникают в Скворечник в поисках старого и уже удалившегося от дел хакера по имени Сингх, друга Сьюзен ван Блик. Когда они находят Сингха, тот сообщает, что остался последним из специализированной группы программистов, создававших систему безопасности для таинственной сети с кодовым названием «Иноземье», и что все его коллеги умерли при таинственных обстоятельствах. Сингх единственный, кто еще жив.

Рени, !Ксаббу, Сингх и Мартина решают, что им нужно пробиться в систему Иноземья и выяснить, какой секрет дороже жизней товарищей Сингха и детей, подобных брату Рени.

Пол Джонас, сбежав из траншей, оказался неизвестно в каком пространстве и времени. Утратив немалую часть воспоминаний, он скитается в мире, где воюют Красная и Белая королевы и где его снова преследуют Финн и Маллит. С помощью мальчика по имени Гэлли и болтливого яйцеобразного епископа Пол ускользает от преследователей, но они убивают детей — друзей Гэлли. Огромное существо, которого здесь называют Бармаглот, нападает на врагов Пола, и он вместе с Гэлли успевает нырнуть в реку.

Когда они выплывают, то река течет уже в другом мире — странной, словно воссозданной на основе комиксов версии Марса, где полно чудовищ и разгуливают английские солдаты-джентльмены. Пол вновь встречает женщину-птицу из облачного замка. Теперь ее зовут Ваала, но на сей раз она пленница

повелителя Марса. С помощью полусумасшедшего искателя приключений Харли Браммонда Пол спасает женщину. Она тоже узнает Пола, но не помнит, где виделась с ним прежде. Когда снова являются Финч и Маллит, женщина убегает. Пытаясь ее догнать, Пол разбивает украденный летающий корабль, обрекая себя и Гэлли почти на верную смерть. После странного сна, в котором он вновь оказывается в облачном замке, где Финч и Маллит присутствуют в еще более странном обличье, Пол просыпается уже в ледниковом периоде среди охотников-неандертальцев. Но Гэлли рядом с ним нет.

Тем временем в Южной Африке за Рени и ее товарищами начинают охотиться таинственные незнакомцы. С помощью Мартины (которую они до сих пор не видели и знают лишь по голосу) Рени, ее отец, !Ксаббу и Джереми, помощник доктора ван Блик, находят старую законсервированную базу военных самолетов-роботов в Драконовых горах. Там они приводят в рабочее состояние две В-капсулы для виртуального погружения, чтобы Рени и !Ксаббу могли войти в Сеть на неограниченное время и подготовиться к атаке на Иноземье.

А на военной базе в Америке инвалид мистер Селларс, находящийся под наблюдением, уговаривает малышку Кристабель помочь ему в осуществлении сложного плана побега. На базе объявляется тревога. Кристабель с помощью бездомного мальчика, живущего за пределами базы, прорезала в ограждающей изгороди дыру, через которую якобы скрылся беглец, но лишь она знает, что на самом деле мистер Селларс прячется в лабиринте туннелей под базой, где ему теперь никто не помешает продолжать таинственную «работу». Происшествие серьезным образом затрагивает отца Кристабель, начальника безопасности базы.

В заброшенном укрытии под Драконовыми горами Рени и ! Ксаббу укладываются в капсулы, входят в Сеть вместе с Мартиной и Сингхом и прорываются в Иноземье. Троим удается выжить после страшного столкновения с Иным, который оказывается элементом системы безопасности этой Сети, однако Сингх умирает от сердечного приступа. Иноземье выглядит и ощущается настолько реалистичным, что поначалу они не могут поверить в его виртуальность. Возникает и много других странностей. Мартина впервые обретает виртуальное тело-сим, !Ксаббу принимает облик бабуина, и, что самое главное, они не могут обнаружить способ выхода из этой Сети в офлайн. Рени и ее спутники попадают в средневековую Южную Америку. Когда они добираются до находящегося в центре древней страны золотого города Темилюна, который так долго искали, их захватывают в

плен по приказу Боливара Атаско — человека, вовлеченного в «Проект Грааль» и с самого начала участвовавшего в создании Сети Иноземья.

В Америке дружба Орландо и Фредерикса переживает двойное потрясение: Орландо сообщает, что умирает от редкой болезни, вызывающей преждевременное старение, а Фредерикс признается, что в реальном мире она — девушка. Озлобыши, которых друзья попросили о помощи, неожиданно соединяют их с Сингхом как раз в тот момент, когда он пробивает входной канал в Сеть Грааля, и Орландо и Фредерикса затягивает в Иноземье. Уцелев после жуткого столкновения с Иным, приятели также становятся пленниками Атаско. Однако когда их приводят к нему (в одной группе с Рени и остальными), то выясняется, что собрал их в этом виртуальном мире не Атаско, а мистер Селларс — именно он является тем странным безликим симом, который помог Рени и !Ксаббу бежать из «Мистера Джи».

Селларс объяснил, что заманил их всех сюда картиной золотого города — самым осторожным способом, какой только смог придумать, потому что их враги, члены Братства Грааля, невероятно могущественны и безжалостны. Селларс пояснил, что Атаско и его жена некогда были членами Братства, но покинули его, когда их вопросы насчет этой сети остались без ответов. Затем Селларс рассказал о том, как он узнал, что секретная Сеть Иноземья имеет таинственную, но несомненную связь с болезнью тысяч детей, подобных Стивену, брату Рени. Но прежде чем он успел рассказать об этом подробнее, симы Атаско и его жены застыли, а сим Селларса исчез.

Как раз в этот момент Дред, подручный убийца Жонглера, начал в реальном мире атаку на укрепленный дом Атаско, расположенный на острове у побережья Колумбии. Прорвавшись сквозь системы защиты, он убил супругов Атаско. Затем, воспользовавшись своей странной способностью («скруткой»), он проник в их информационные линии, обнаружил организованное Селларсом собрание и приказал помощнице Дульсинее Энвин переключить на него входной канал одного из гостей Атаско (членами онлайновой группы, включающей Рени и ее друзей, были еще несколько человек). Дред имитировал личность этого гостя, став таким образом тайным шпионом в группе.

Селларс снова появляется в виртуальном мире Атаско и умоляет Рени и ее спутников бежать в Сеть, пока он постарается скрыть их присутствие. Он говорит, что всем им надо искать Пола Джонаса, таинственного виртуального пленника, которому Селларс помог спастись от Братства. Рени и ее спутники добираются до реки и покидают симмир Атаско, а затем, пройдя

сквозь электрическое голубое сияние, оказываются в соседнем виртуальном мире. Встревоженная и ошеломленная огромным потоком поступающей информации, Мартина наконец раскрывает Рени свой секрет — она слепа.

Корабль беглецов превращается в огромный лист. А над их головами пролетает стрекоза размером с истребитель.

В реальном же мире, на скрытой в недрах горы базе, Джереми и Длинному Джозефу остается лишь присматривать за безмолвными виртуальными капсулами, гадать и ждать.

ТОМ 2
РЕКА ГОЛУБОГО ПЛАМЕНИ

Пол Джонас продолжает скитаться во времени и пространстве. Большая часть памяти вернулась к нему, но он ничего не помнит о последних годах своей жизни. Он понятия не имеет, почему его швыряет из одного мира в другой, а два существа, которых он раньше знал как Финча и Маллита, преследуют его. Он так и не узнал, кто на самом деле та женщина, которую он постоянно встречает и которая является ему даже во снах.

Он избежал опасности утонуть лишь ради того, чтобы оказаться в доисторическом времени и попасть в племя неандертальцев. Таинственная женщина является ему еще в одном сне и говорит, что он может добраться до нее, только если найдет «черную гору высотой до небес».

Не все обитатели пещеры рады появлению незнакомца; один из них затевает ссору, в результате которой Пол оказывается один в ледяной пустыне. Ему удается отбиться от пещерных гиен, но он снова попадает в ледяную реку.

У остальных дела обстоят не лучше, чем у Пола, хотя они имеют больше информации. Рени Сулавейо, ее бывший студент !Ксаббу, бушмен из дельты Окаванго, и Мартина Дерубен оказываются в одной связке с людьми, также пострадавшими от козней Братства: Орландо Гардинером, смертельно больным подростком, его другом Сэмом Фредериксом, женщиной по имени Флоримель, яркой личностью, называющей себя «Сладкий Уильям», китайской бабушкой Квон Ли и угрюмым юношей в фантастических доспехах по прозвищу Т-четыре-Б. Что-то мешает им выйти из Сети, и девять товарищей вынуждены переходить из одного виртуального мира в другой по реке голубого огня — виртуальной тропе, проходящей по всем мирам Иноземья.

Сначала они находятся в симмире, который совсем как настоящий, только Рени и ее товарищи в сто раз меньше, чем на самом деле. На них нападают местные насекомые и более крупные существа, такие как рыбы и птицы. Группа распадается. Рени и !Ксаббу спасают ученые, которые пользуются этой симуляцией для изучения жизни насекомых в необычном ракурсе. Вскоре ученые обнаруживают, что, как и Рени с !Ксаббу, они не могут покинуть Сеть. Рени и !Ксаббу встречают странного человека по имени Кунохара; именно ему принадлежит симуляция мира жуков, но он утверждает, что не входит в

Братство Грааля. Кунохара предлагает пару хитроумных загадок и исчезает. Когда орда муравьев-воинов нападает на исследовательскую станцию, большая часть ученых погибает, а Рени и !Ксаббу чудом спасаются от огромных богомолов. Они удирают к реке на самолете ученых и встречают Орландо и Фредерикс, плывущих по реке на листе. Рени и !Ксаббу делают безуспешную попытку спасти их, но самолет терпит аварию. В результате обе группы попадают в разные симуляции.

Тем временем в реальном мире за пределами Сети все новые люди подвергаются усиливающемуся загадочному влиянию Иноземья. У Ольги Пирофски, которая работает в детском шоу в Сети и изображает «дядюшку Джингла», появляются ужасные головные боли. Она начинает подозревать, что это связано с ее работой. В ходе исследования проблемы Ольга обнаруживает, что многие дети (как и брат Рени) страдают болезнью, явно связанной с Сетью. Открытие Ольги привлекает внимание юриста Катура Рэмси, который расследует причины заболеваний Орландо и Фредерикс по просьбе их родителей, так как оба подростка находятся в коме с момента входа в Сеть Иноземья.

Совершенно случайно о Сети узнает подручный Жонглера Джон Вулгару, называющий себя Дред. Выполняя заказ на убийство супругов Атаско, Дред обнаруживает существование Иноземья и берет себе сим одного из членов команды Рени. Пока Феликс Жонглер (который практически все свое время проводит в виртуальной симуляции Египта в образе Осириса) занят окончательной доводкой Сети, Дред стремится раскрыть тайну своего босса, прежде скрытую от него. Дред, шпион в группе сторонников Селларса, путешествует по Сети и пытается разгадать ее секреты. Но, в отличие от группы Селларса, жизнь Дреда вне опасности, он может выходить из Сети когда захочет. Нанятая Дредом помощница — программист по имени Дульсинея Энвин — помогает ему управлять симом марионетки. Дульси обожает своего босса, но одновременно панически боится его и начинает задумываться, насколько глубоко она увязла в этом деле.

А в это время всплыла часть прошлого Дреда. В Австралии детектив Каллиопа Скоурос пытается раскрыть с виду рядовое убийство пятилетней давности. Некоторые следы насилия на теле жертвы наводят на мысль о мифическом существе Вулгару, персонаже местного фольклора. Скоурос убеждается, что между смертью женщины, которую она расследует, и местным мифом существует некая связь.

В Сети Иноземья Рени и !Ксаббу попадают в дикую исковерканную версию истории о стране Оз, где место действия

— унылый Канзас, который в оригинале фигурирует только в начале. Такое впечатление, что симуляции Иноземья разваливаются или по крайне мере становятся непредсказуемыми. Удирая от злобных Льва и Железного Дровосека (эти существа напоминают Финча и Маллита), Рени и ! Ксаббу неожиданно находят союзников в лице юной и наивной Эмили 22813 и молчаливого цыгана Азадора. Позднее Эмили признается, что она беременна и отец ребенка — Азадор. Потеряв Азадора в одном из все более частых сбоев системы, они убегают из Канзаса, и, к их изумлению, Эмили (они думали, что она — часть программы) вместе с ними переходит в другую симуляцию.

Орландо и Фредерикс попадают в очень странный мир, представляющий собой кухню из старого мультика, населенную существами, сошедшими с упаковочных бирок. Они помогают нарисованному индейцу в поисках его украденного ребенка и после битвы с рисованными пиратами и встречи со спящей красавицей — воплощением загадочной женщины Пола Джонаса, и некоей необъяснимой силой, по всей видимости, являющейся чувствующей операционной системой Иного, они покидают Кухню и переходят в симуляцию Древнего Египта.

А их бывшие товарищи, слепая Мартина и сторонники Селларса, выбрались из мира жуков и оказались в симуляции, где в реке течет не вода, а воздух и где первобытные жители летают, пользуясь воздушными потоками, а живут в пещерах на вертикальном склоне скалы. Мартина и остальные называют это место Аэродромия. Преодолев страх, они обнаруживают, что тоже могут летать. Местные жители приглашают их к себе.

Пол Джонас перемещается из ледникового периода в другое место. Сначала, увидев знакомые виды Лондона, он думает, что нашел, наконец, дорогу домой, но вскоре понимает, что оказался в Англии, почти полностью разрушенной марсианами. На самом деле это декорации «Войны миров» Герберта Уэллса. Теперь Пол знает, что он путешествует не просто во времени и пространстве, а по выдуманным мирам. Он встречается со странной четой Панки, которые, судя по всему, являются новым образом Финча и Маллита, но не причиняют ему вреда. (Пола преследует специальная программа «Немезис», только он об этом еще не знает.) Потом Пол и Панки останавливаются в гостинице Хэмптон Корт, а странный человек проводит Пола в лабиринт и вталкивает его в светящиеся ворота в центре.

За воротами Пол оказывается в знаменитой поэме Колриджа «Ксанаду», а человек, который привел его туда, представляется Нанди Парадивашем. Нанди — член группы «Круг», которая борется с Братством Грааля. Наконец, Пол узнает, что он не

сумасшедший и не попал в искривленное пространство, а скорее является пленником невероятно реалистичной сетевой симуляции. Но Нанди не представляет, почему Братство до такой степени интересуется Полом, что весьма настойчиво преследует его по всему Иноземью. Ведь Джонас — скромный сотрудник музея и всю жизнь был обычным человеком. Нанди также поведал Полу, что все симуляции, в которых тот побывал, принадлежат одному человеку — Феликсу Жонглеру, председателю Братства Грааля. Больше Нанди не успел ничего рассказать, поскольку их разлучили: за Нанди погнались войска Кублай-Хана, а Пол прошел через другие ворота, в другой симмир.

В реальном мире проблем не меньше. Настоящие тела Рени и !Ксаббу находятся в специальных кабинках для виртуальной реальности на заброшенной военной базе в Южной Африке, за ними наблюдают Джереми Дако и отец Рени Длинный Джозеф Сулавейо. Длинному Джозефу надоедает это занятие, и он сбегает с базы в больницу, где лежит брат Рени Стивен (все еще в коматозном состоянии). Джереми остается на базе один. А когда Джозеф добирается до больницы, его похищают и под дулом пистолета заталкивают в машину.

Таинственный мистер Селларс тоже живет на военной базе, но она находится в Америке. Селларс прячется в старом туннеле под базой, и его единственный товарищ — маленькая девочка Кристабель, чей папа возглавляет охрану базы. Позже к ним присоединяется уличный мальчишка Чо-Чо (именно он помог девочке замаскировать побег Селларса из-под многолетнего домашнего ареста, а потом застрял на территории Базы). Кристабель мальчишка не нравится. Она опасается за безопасность мистера Селларса, тревожится из-за его слабого здоровья, кроме того, ее мучает совесть, потому что мама и папа рассердятся, если узнают, что она сделала. А когда мама обнаруживает, что она разговаривает с Селларсом через специальное устройство, вмонтированное в солнечные очки, у Кристабель начинаются настоящие неприятности.

Мартина, Флоримель, Квон Ли, Сладкий Уильям и Т-четыре-Б с удовольствием проводили время в летучем мире — Аэродромии. Но все изменилось, когда кто-то похитил маленькую девочку из племени. Мартина и остальные, конечно, не знали, что ее украл, мучил, а потом убил Дред, который все еще притворялся одним из товарищей Мартины. Местные жители обвиняют в похищении своих гостей и швыряют их в лабиринт пещер, который называют Жилищем Заблудших.

Там наши герои оказываются в окружении призраков, а Мартине с ее обостренными из-за слепоты чувствами, они

особенно неприятны. Фантомы говорят хором, они сообщают о «том, кто является Иным», который обещал взять их в плавание через «Белый океан», но бросил их. Голоса знают имена всех товарищей Мартины. Все удивлены и напуганы, поэтому с опозданием замечают исчезновение Сладкого Уильяма. Он исчез, видимо, для того, чтобы скрыть свою истинную личину. Вдруг что-то огромное и жуткое — Иной — появляется из темноты Жилища Заблудших. Мартина и остальные в ужасе убегают. Мартина отчаянно ищет проход, по которому они могли бы покинуть эту симуляцию, пока Иной или предатель Сладкий Уильям не настигли их.

Тем временем Орландо и Фредерикс обнаруживают, что симуляция Египта основана не на исторических данных, а на своеобразно отредактированных мифах. От встреченного по пути гиеноголового бога Упаута они узнали, что главное божество, Осирис, жестоко обошелся и с ним, и с Египтом в целом. К сожалению, Упаут не слишком умен и не очень уравновешен. Когда через некоторое время Орландо говорил во сне со своим программным агентом Бизли (реальный мир может вторгаться в сознание Орландо только, когда он спит), Упаут принял эти слова за божественный приказ свергнуть Осириса. Упаут похищает меч Орландо и лодку, после чего оставляет друзей посреди пустыни. Много дней они идут вдоль Нила и, наконец, выходят к странному храму, в котором чувствуется что-то ужасное и неодолимое. Они не могут пройти мимо. Во сне к Орландо приходит загадочная женщина и обещает оказать помощь, но храм притягивает к себе все ближе. Они видят Озлобышей, чьи симы выглядят как крошечные, желтые, суетливые обезьянки. Орландо поражен — он думает, что это и есть обещанная помощь женщины. А жуткий храм все тянет их к себе.

Пол Джонас переносится из Ксанаду в Венецию конца XVI века и вскоре наталкивается на своего друга Гэлли, которого он не видел после окончания «марсианской» эпопеи. Но Гэлли Пола не помнит. Мальчик приводит его к женщине по имени Элеонора, но и та не может помочь им обрести память и, в свою очередь, признается, что в реальном мире она была любовницей криминального авторитета, который построил и подарил ей виртуальную Венецию. Ее любовник был членом Братства Грааля, но умер слишком рано, чтобы воспользоваться машиной бессмертия, поэтому сейчас он существует в искаженном виде.

Больше Полу ничего не удалось узнать, так как жуткие Финч и Маллит выследили его в Венеции. Он вынужден снова удирать, теперь вместе с Гэлли. Но Близнецы (как называл эту парочку Нанди) настигают их у ворот. Снова появляются Панки, и обе

пары оказываются лицом к лицу, но Панки уходят, оставив Пола сражаться с Близнецами. Гэлли погибает, а Полу едва удается спастись. Он пытается выполнить желание загадочной женщины из каменного века и отправляется в древнюю Итаку, чтобы встретиться с неким «ткачом». Все еще переживая смерть Гэлли, он видит, что в новой симуляции он — знаменитый греческий герой Одиссей, а «ткач» — его жена Пенелопа, все та же загадочная женщина. Похоже, что у него появился шанс получить ответы на свои вопросы.

Рени, !Ксаббу и Эмили обнаруживают, что изКанзаса они перенеслись в еще более странное место — в мир, где нет солнца, луны, погоды. Случайно они забрали у Азадора некий предмет, который выглядит как зажигалка, но на самом деле — это прибор для доступа, ключ к Сети Иноземья, похищенный у одного из членов Братства Грааля, генерала Дэниела Якубиана, одного из соперников Жонглера за лидерство. !Ксаббу рассматривает прибор, пытаясь заставить его работать, и видит Мартину, попавшую в ловушку в Жилище Заблудших. Совместными усилиями они создают проход для Мартины и ее товарищей.

Спасающиеся бегством от преследования Сладкого Уильяма Мартина и прочие неожиданно обнаруживают, что Уильям сам смертельно ранен. А настоящим врагом является божий одуванчик Квон Ли — виртуальная маскировка Дреда. Поскольку его секрет раскрыт, Дред уходит, воспользовавшись прибором для доступа. Рени и ее друзья остаются пленниками этого неустойчивого мира — может быть, навсегда…

ТОМ 3
Гора из Черного Стекла

Рени Сулавейо, ее друг-бушмен !Ксаббу и еще несколько добровольцев, созванные странным мистером Селларсом, объединяются в очень странной части сети Грааля, который они только что обнаружили — мир, который кажется незавершенным. Они застряли здесь из-за убийцы по имени Дред, который, замаскировавшись под члена их компании, похитил устройство доступа — виртуальный объект, выглядящий как зажигалка — который они использовали для путешествий между мирами.

Пока они ищут путь наружу, два самых загадочных члена их компании, Флоримель и Т-четыре-Б, наконец-то рассказывают о себе. Флоримель убежала из немецкой религиозной секты и вошла в сеть потому, что ее дочь (как и младший брат Рени, Стивен) впала в загадочную кому, которая называется синдром Тандагора. Т-четыре-Б, которого зовут Хавьер Роджерс, бывший беспризорник и малолетний бандит, сейчас живет с бабушкой и дедушкой. Его молодой друг тоже впал в кому.

Рени и остальные обнаружили, что незаконченный мир, в котором они застряли, становится все более неприятным: однажды они видят сим, похожий на павиана !Ксаббу, но это не он; прямо перед ними открывается огромная дыра, в которую проваливается слепая женщина Мартина; что-то уничтожает одну из виртуальных рук Т-четыре-Б. Они решают немедленно бежать. Мартина, !Ксаббу и Рени, работая вместе, ухитряются открыть проход без помощи зажигалки.

После того, как они пройдя через ворота, ушли по виртуальным следам Дреда, появляется программа Немезис, предназначенная для поиска и уничтожения другого беглеца, Пола Джонаса. Немезис пытается решить, следовать ли ему за ними или нет. Он в растерянности — в сети происходят события, которые влияют на первоначальную ясность его цели, и находятся аномалии, которые приводят к странным и беспрецедентным событиям.

Беглец с поврежденной памятью, Пол Джонас, перемещается в ту версию Одиссеи, к которой он сам становится Одиссеем и возвращается домой на Итаку после Троянской войны. Но Пенелопа, жена Одиссея (которая, похоже, является очередной реинкарнацией загадочной женщины, которую Пол называет «Ангел») не хочет подчиняться правилам игры. Пол произносит заклинание и приносит жертву тому, кого он считает Гадесом,

древнегреческим богом смерти, пытаясь получить некоторые ответы и трясет Пенелопу. Вместо Гадеса появляется другая инкарнация Ангела и, стоя напротив своего двойника, говорит ему, что эта версия Пенелопы укажет ему путь к «черной горе», которую он должен достичь. А затем на заклинание отвечает новая сила — не Гадес, а Иной, темный ум сети Грааля. Перепуганный до смерти Пол бежит в океан, но его лодка разбивается.

Тем временем Орландо Гардинер и его друг Сэм Фредерикс находятся в симуляции Древнего Египта, в том самом месте в сети, которое Феликс Жонглер, самый старый человек в мире и предводитель Братства Грааля, считает своим домом. От подручных Жонглера их прячет женщина по имени Бонни Мей Симпкинс, член организации, называющей себя Круг. Она рассказывает им, что ее муж и многие другие члены Круга были убиты, когда пытались проникнуть в тайны сети Грааля. Последние несколько египетских членов Круга осаждены в храме. Бонни Мей вызывает бога по имени Бес и просит его провести ее, Орландо и Фредерикс туда, надеясь, что члены Круга смогут помочь двум подросткам убежать из Египта, открыв ворота.

Помимо тех, кто пойман в ловушку виртуальных миров, в происходящие события вовлечены и люди реального мира. Юрист Катур Рэмси, нанятый родителями Сэм Фредерикс, обнаруживает, что все глубже и глубже погружается в загадку Иноземья. С помощью Бизли, компьютерного агента Орландо, Рэмси идет по компьютерным следам двух находящихся в коме подростков. Он знакомится с канадкой по имени Ольга Пирофски, которая работает в одной из многочисленный компанией Жонглера. Ольга вовлечена в эти события, потому что испытывает ужасные головные боли, во время которых она видит загадочных детей. Ольга боится, что сходит с ума.

В Северной Каролине маленькая девочка Кристабель Соренсен, которая помогла Селларсу сбежать и спрятаться под военной базой, где они оба живут, схвачена начальником безопасности базы, своим отцом майором Соренсеном. Селларс использует маленького бездомного мальчика по имени Чо-Чо и просит Кристабель устроить ему встречу с ее родителями. Селларс говорит — и показывает — родителям Кристабель столько, что убеждает их помочь ему полностью ускользнуть из базы. Майор прячет Селларса в задней части их фургона, выдает Чо-Чо за двоюродного брата Кристабель и все вместе они едут на встречу с Рэмси, который уже связался с Селларсом.

В сети Иноземья Рени, !Ксаббу и другие проходят через импровизированные ворота и, преследуя Дреда, попадают в

виртуальный мир, известный как Дом. Они быстро понимают, что этот мир действительно является гигантским домом — бесконечное переплетение залов, комнат и коридоров, в котором разные цивилизации живут, отделяемые друг от друга только полом. В их поисках им помогают монахи братства, поддерживающие гигантскую библиотеку. В этот момент Дред похищает Мартину и они бросаются на поиски ее — и убийцы.

Еще кое-кто ищет убийцу Дреда — хотя и в реальном мире, а не в виртуальном. Это Каллиопа Скоурос — австралийский детектив. В ходе расследования одного из самых ранних убийств Дреда, она обнаруживает, что он — жестокий и непредсказуемый убийца. Хотя Дред — чье настоящее имя Джон Вулгару — в полицейском досье числится мертвым, Каллиопа начинает подозревать, что он жив.

Дред не только жив, но и возвращается в Сидней и, находясь в нескольких милях от детектива, развивает бурную деятельность. Он привозит с собой американскую программистку Дульси Энвин, которая помогает ему в работе с сетью Иноземье, чье существование он обнаружил, уничтожая одного из соперников Братства Грааля. Дульси обнаруживает, что ее почему-то тянет к Дреду — она знает, что он преступник, хотя и не догадывается о его настоящих склонностях — и он более чем хочет использовать ее симпатию к себе в своих целях. У него огромные планы, связанные с сетью, и он собирается с ее помощью свергнуть своего нанимателя, Жонглера. Он поселяет Дульси на верхнем этаже своего дома и она принимается за работу.

В Южной Африке Длинный Джозеф Сулавейо, отец Рени, и его друг, Джереми Дако, стерегут тела Рени и !Ксаббу, беспомощно лежащие в В-капсулах, устройствах, дающих возможность выхода в сеть. Но Длинный Джозеф, одуревший от питья и скуки, бросает заброшенную военную базу и направляется в Дурбан, где его похищают в то время, когда он пытался увидеть своего сына Стивена, лежащего в коме. Оказывается, что похищение организовал Дель Рей, бывший любовник его дочери, чья жизнь полностью разрушилась после того, как он помог Рени. Он отчаянно хочет найти Рени чтобы избавиться от группы наемных бандитов (нанятых Дредом от имени Жонглера) за своей спиной. Но когда Джозеф и Дель Рей, повидав Стивена, уезжают из больницы, за ними едет загадочный черный фургон. Потом, вернувшись на военную базу, зарывшуюся в землю в горах Дракенсберга, они видят, что бандиты их опередили. Оказавшись внутри базы Джозеф связывается с Селларсом, который хочет помочь ему, но это не так-то легко. У них нет никакого оружия, а их осаждают великолепно вооруженные убийцы.

Потерпевший кораблекрушение Пол Джонас направляется к Трое, а это означает, что он опять стал более-менее нормальным Одиссеем. Гостеприимная богиня помогает ему построить плот — и утешает самыми разными способами — и он опять выходит в море. Он выживает во время атаки монстра Сцилла, избегает водоворота Харибды и даже подбирает еще одного выжившего, без сознания плававшего по волнам. Незнакомец оказывает Азадором, тем самым загадочным цыганом, который путешествовал вместе с Рени, !Ксаббу и странной девушкой Эмили из сим-страны Оз, и у которого Рени случайно забрала устройство-зажигалку. Пол и Азадор, действуя вместе, побеждают циклопа и плывут на остров Лотос, где попадают под действие наркотических цветов. Ангел будит Пола и помогает им убежать, но только после того как Азадор, во власти наркотика, рассказывает Полу, что за ним гонится Братство Грааля: он единственный, кто сумел убежать от машин бессмертия, а другие цыгане — нет. Покинув Лотос, они плывут к Трое.

В мире Дома Рени и ее товарищам никак не удается найти похищенную Мартину (которую психологически мучает Дред), и их самих схватывает одно из племен, живущее на чердаке Дома. К своему удивлению они обнаруживают, что в пирушке разбойников участвует Хидеки Кунохара, один из владельцев сети Грааля, в чьем мире гигантских насекомых они уже были. Он тоже не ожидал увидеть их здесь, но вступается за них перед разбойниками. Внезапно, совершенно сверхъестественным способом, появляется Ангел Пола Джонаса и пугает разбойников. Даже Кунохара встревожен, но он отказывается помогать Рени и ее друзьям, говоря, что и так уже много для них сделал и больше не может рисковать, иначе вызовет неудовольствие могущественного Братства Грааля.

Рени и ее товарищи находят Марину, но во время поисков исчезает !Ксаббу (его сим бабуина более пригоден для обследования крыш Дома). Однако Мартина не одна; Дред приготовил для них ловушку. Они открывают дверь и он стреляет в Т-четыре-Б и Флоримель, а потом сражается с Рени на крутой крыше. Когда кажется, что он уже победил, возвращается !Ксаббу и Флоримель находит один из разряженных револьверов Дреда. Когда Дред готовится убить Рени, Флоримель стреляет по нему. Дред умирает, но только в виртуальном мире, оставляя за собой украденное тело. На какое-то время Дреда выбрасывает из сети, так что хорошо потрепанные Рени и ее товарищи оказываются в безопасности.

Старый супермиллиардер Феликс Жонглер занят подготовкой Церемонии — момента, начиная с которого члены Братства

Грааля станут бессмертными в виртуальных мирах, которые построили для себя. Он не может проводить много времени в своей любимой симуляции, мифологическом Египте, и не осознает, что там все пошло наперекосяк. Его слуги Тефи и Мават — египетские версии его подчиненных Финни и Мадда, которых он послал охотиться за Полом Джонасом по всей сети — вынуждены осаждать храм, в котором собрались люди, восставшие против их жестокого правления.

В самом храме Орландо Гардинер и Сэм Фредерикс встречаются с другими членами Круга, включая Нанди Парадиваш, который пытается разобраться в умирающей системе ворот сети. Что-то плохое происходит в сети Грааль. Ее загадочная операционная система, Иной, работает очень странно, и многие симуляции разваливаются.

Тефи и Мават атакуют храм, приведя с собой троих жестоких египетских богов, сражающихся с двумя сторожами-сфинксами, а потом посылают орду людей-черепах и летучих змей, которые должны завершить работу. Орландо храбро сражается, но Тефи и Мават схватывают Сэм. Ужасная пара узнает в ней подростка из реального мира, и уже собираются увести ее и пытать, когда возвращается Жонглер в образе Осириса, главного бога Египта. В возникшем хаосе Орландо и Фредерикс убегают из Египта через ворота, которые открыл Нанди, и оказываются в Трое, куда их заставляла идти еще одна инкарнация Ангела Пола Джонаса.

Пол уже в Трое, где он — Одиссей — вполне соответствует грекам, осаждающим город. Но когда его посылают в палатку, где ждут герой Ахилл и его друг Патрокл, не желающие сражаться с троянцами, он понимает, что эти двое не соответствуют симуляции. После долгих препирательств он узнает их настоящие имена. Ахилл и Патрокл — это Орландо и Сэм, которые, в свою очередь, узнают имя «Джонас», которое им сказал Селларс. Они счастливы, хотя Пол слегка падает духом, поняв, что у обоих подростков тоже неприятности, и они тоже сбиты с толку, как и он.

Рени и остальные используют зажигалку, которую они отняли у Дреда, чтобы из Дома попасть с Трою. В отличии от Орландо и Пола, они оказываются в осажденном городе на стороне троянцев. Они знают, что их друзья могут быть за воротами, но никак не могут найти их. Их посылают в смертельный набег на греков.

Во сне Полу Джонасу является Ангел и говорит, что он должен выйти из лагеря. Там он встречает всех остальных. Они долго говорят, сравнивая свои истории и пытаясь понять смысл всех этих событий. Пол решает доставить их к укреплением греков под видом пленников, чтобы соединиться с Орландо и

Сэм, но, как только они оказываются в лагере, троянцы начинают отчаянную атаку.

Оказавшись в самом центре жестокой битвы, отрезанные от Орландо и Сэм, они должны сражаться, чтобы остаться в живых. Тем времем Сэм, пытаясь поднять упавший дух армии Ахилла и выиграть больному Орландо немного времени, одевает на себя знаменитые доспехи Ахилла и, представившись полководжем, ведет воинов Ахилла на троянцев. Она добивается успеха, и троянцы бегут за стены Трои. Орландо просыпается один. Осознав, что происходит, он надевает первые попавшиеся доспехи и, несмотря на быстро ухудшающееся самочувствие, отправляется спасать Сэм. Он оказывается рядом с ней в то самое мгновение, когда троянский герой Гектор собирается убить ее. С трудом он побеждает его и падает прямо перед стенами Трои.

Мартина, ставшая одним из членов царской семьи Приама, отчаянно пытается сохранить своих друзей живыми. Услышав о сражении перед стенами, она пытается хитростью заставить стражников открыть ворота, и, когда те упираются, приказывает Т-четыре-Б убить капитана стражи. Ворота открылись, и, к ужасу Мартины, греки ворвались в Трою, сжигая, убивая и насилуя. Хотя благодаря ее поступку все объединились, и даже хотя убитые троянцы были только кусками кода, она чувствует, что сделала ужасную вещь.

Тем временем Братство Грааля уже начало свою Церемонию, хотя Жонглер и раздражен тем, что его служащий, Дред, не появился. Жонглер и технократ Роберт Уэллс объясняют членам Братства, что они не прямо проецируют свое сознание в сеть. Вместо этого созданы виртуальные двойники их всех, виртуальные сознания которых содержат все детали их оригинального сознания, и эти двойники будут жить в сети вечно. Однако, для того, чтобы была только одна копия каждого члена Братства, необходимо убить их физические тела. Только четыре члена Братства — Жонглер, Уэллс, финансист Цунь Бяо и американский военный Якубиан — знают, что для них Церемония состоится позже. Эти четверо хотят посмотреть, как пройдет переход всех остальных, и только делают вид, что оживляют своих виртуальных двойников и убивают свои физические тела; тем самым они убеждают остальных.

Но у Дреда совсем другие планы на сеть Грааля. Он решил силой ворваться в нее, и, при помощи Дульси Энвин и копии устройства-зажигалки, пытается войти в систему. Изо всех сил сражаясь с охранной системой Иного, Дред — используя свой телекинетический талант, который он называет «скрутка» — понимает, что в сети есть механизмы, которые причиняют что-то

вроде боли Иному: Братство Грааля использовало эти механизмы для того, чтобы заставить умную операционную систему выполнять их волю. Дред использует эту боль и заставляет Иного отступить. Одержав победу, Дред в состоянии диктовать свою волю всей сети.

Рени, !Ксаббу и остальные с боем идут через гибнущую Трою. Встретив Эмили, давно присоединившуюся к компании Рени, Пол с удивлением понимает, что это еще она копия Ангела. Внезапно к нему приходит имя — «Авиаль» — и его переполняют вернувшиеся воспоминания.

Он вспоминает, что Феликс Жонглер нанял его. Он должен был работать учителем в огромной башне-доме в Луизиане. И он вспоминает первую встречу со своей ученицей — дочкой Жонглера Авиаль Жонглер. Но он не помнит, что было потом.

Несмотря на погоню, группа Рени добирается до входа в заброшенный храм и до алтаря в центре лабиринта, где им опять является Ангел и говорит, что они опоздали — у нее больше нет сил для того, чтобы перенести их туда, куда хочет Иной. Пол предлагает ей взять все, что ей нужно, но никак не ожидает того, что происходит вслед за этим. Ангел забирает жизненную силу у Эмили, которая была копией ее самой, и открывает ворота. Пройдя через ворота Пол, Рени и остальные оказываются на тропинке, идущей по склону странной и совершенно нереальной черной горы. Они взбираются наверх, где находят связанного гиганта, лежащего в широкой долине. Гигант страдает от боли, но при этом поет песню об ангеле. Мартина узнает, песню. Она сама пела ее загадочному ребенку в Институте Песталоцци, тридцать лет назад, в тот день, когда потеряла зрение.

Страдающий гигант не делает им ничего плохого и открывает окно, через которое Рени и ее друзья проникают в виртуальный египетский храм, где Жонглер и остальные члены Братства уже начали Церемонию. Некоторые члены Братства не хотят пить яд, но один из числа, Рикардо Клемент, уже прошел весь процесс, и, на первый взгляд, вполне доволен своим новым виртуальным телом, молодым и сильным. Тогда остальные с радостью убивают свои физические тела, чтобы воскреснуть в виртуальном мире. Однако, несмотря на смерть физических тел, больше никто не переселяется в виртуальных двойников. В живых остаются Жонглер и еще трое, и только потому, что они не прошли Церемонию. Тем не менее они удивлены и испуганы. Что-то пошло не так.

Орландо, чье физическое тело тоже умирает, не может больше просто смотреть. Он шагает через окно в храм, где сталкивается с Жонглером и остальными тремя выжившими. Сэм

и Рени идут вслед за ним, пытаясь его спасти. Рени пытается угрожать Жонглеру зажигалкой, в которой Якубиан узнает украденное у него устройство доступа. Якубиан, в виде египетского бога, нападает на Орландо.

Система Грааля не выдерживает напряжения и начинает разваливаться. Египетский храм и вершина черной горы сливаются воедино. Одновременно черный гигант начинает корчиться от боли и кричать — на него кто-то напал. Мгновением позже, посреди воцарившегося хаоса, становится ясно, что на Иного напал Дред, который пытается перехватить у Иного управление всей системой.

Появляется ангел Пола, и кричит, что мир разваливается на куски. При помощи Т-четыре-Б Орландо удается убить чудовищного Якубиана, но Орландо тратит всю свою силу и его раздавливает чудовищный труп Якубиана.

Рука черного гиганта поднимается и падает на Рени, !Ксаббу, Сэма, Орландо и остальных. Они проваливаются в темноту, но потом опять оказываются на вершине черной горы. Мартина, чувствующая сеть так, как никто другой, кричит, что детям больно и они умирают. Пол побежден и теряет сознание.

Рени пробуждается и обнаруживает, что она больше не является симом, который себе выбрала, а находится в своем настоящем теле. И к !Ксаббу, тоже, вернулось его настоящее тело, как и к юной девушке Сэм Фредерикс, которая больше не выглядит мужчиной. Но они не вернулись в реальный мир, а находятся на пустой вершине горы. Страдающий гигант исчез. Все их товарищи тоже. Только мертвое тело Орландо Гардинера, по прежнему в симе Ахилла, лежит на вершине.

Но на вершине есть и другие, хотя эти другие им не друзья. Появляется Феликс Жонглер, в теле человека среднего возраста, вместе с Рикардо Клементом, который, хотя и пережил Церемонию, повредил мозг. После того, как Дред завладел операционной системой, Жонглер такой же пленник сети, как и все остальные. Он соглашается, что у Рени и ее друзей есть все основания напасть на его, но предлагает действовать сообща. Он приводит их к краю горы и показывает вниз.

Они находятся на высоте нескольких миль, в центре пустоты. Они не могут видеть подножие горы или вообще землю, потому что все внизу покрыто странным серебряным облаком. Жонглер уверяет их, что в его сети нет такого места, он его не создавал.

ПРОЛОГ

Его выбросило из мира и разбило на куски, он стал частью вырвавшегося наружу вихря разбитого света. Его собственная личность исчезла — он стал крутящимся облаком частиц, как только что родившаяся вселенная.

«Вы убьете его!»— крикнула его ангел и распалась на миллионы душ, каждая из которых мерцала своим собственным светом — кричащая стая крошечных радуг.

Но когда мир рухнул, к нему вернулся кусочек прошлого. Сначала в виде одной вспышки воображения — дом, окруженный садами, и сами сады, опоясанные дремучим лесом. Небо в пятнах серых облаков, через которые пробиваются сияющие лучи солнца, трава и листья в сверкающих каплях недавнего дождя. Капли дробят лучи на множество цветных лучиков, и деревья кажутся частью эльфийского сада, магическим лесом из детской сказки. В долю мгновения, прежде чем воспоминания стали глубже и шире, ему показалось, что под небесами не может быть более мирного места.

Но все остальное, конечно, было намного более странным.

* * *

Лифт поднимался так быстро и гладко, что иногда Пол Джонас почти забывал, что живет в огромном шпиле, и что каждое утро он поднимается на высоту почти в тысячу футов над дельтой Миссисипи. Ему никогда не нравились высокие здания — один из многих признаков того, что он чувствовал себя немного в стороне от пути своей эпохи. Часть привлекательности дома в Кэнонбери была в его старомодности — три этажа, несколько лестниц. В случае пожара из такого дома действительно можно было убежать (во всяком случае так он говорил себе). Когда Пол открывал окна своей квартиры и выглядывал на улицу, он мог слышать, что люди говорят и даже видеть, что они купили. Сейчас же, за исключением сезона ураганов, когда налетали сильные ветры с залива, чьи скрипучие голоса он слышал даже через толстые рамы из фибрамика, и которые заставляли гигантскую башню слегка раскачиваться, он жил как в межгалактическом космическом корабле. По меньшей мере пока не оказывался в той части здания, где каждый день учил свою единственную ученицу.

Дверь лифта скользнула в сторону, за ней обнаружился портал. Пол набрал свой код и прижал ладонь к считывателю,

потом долго ждал, пока считыватель и остальные охранные устройства сделают свою работу. Наконец, с легким хлопком воздуха, бронированная дверь открылась, и Пол, пройдя внутрь, толкнул третью дверь, висевшую на металлических петлях и подчеркнуто старомодную. Над ним заклубился запах дома Авы — смесь ароматов, вызывавшая почти клаустрофобические воспоминания о других временах: лаванда, полированное серебро, белье в кедровых сундуках. Войдя в фойе, он перенесся из гладкой безликой эффективности настоящего в что-то, что могло быть музеем или даже могилой, если бы в ее сердце не было живой и энергичной юной женщины.

Она не ждала его в гостиной и он испугался. Такая неожиданность делала весь этот странный ритуал безумием, как он и думал о нем в первые несколько недель работы. Он проверил стеклянные и бронзовые часы, стоявшие на каминной полке. Ровно минута после девяти, и никакой Авы. Он спросил себя, не могла ли она заболеть, и сам поразился уколу беспокойства, пронзившего его при этой мысли.

В это мгновение через холл скользнула одна из служанок, работавших на этом этаже, в белом переднике и с чепчиком на голове, молчаливая, как призрак. В руках она несла сложенную скатерть.

— Простите, — сказал он. — Мисс Жонглер, она все еще спит? Она опаздывает на урок.

Девушка с ужасом взглянула на него, как если бы заговорив с ней он нарушил многовековую традицию. Она покачала головой и исчезла.

Он был здесь уже полгода, и до сих пор не знал, является ли весь этот персонал хорошо обученными актерами или просто очень странными людьми.

Он постучал в дверь спальни, потом еще раз, сильнее. Никто не ответил и он осторожно открыл незапертую дверь. Комната, наполовину будуар, наполовину детская, была пуста. С каминной полки на него молчаливо глядел большими безжизненными глазами из-под длинных ресниц длинный ряд фарфоровых кукол

Возвращаясь обратно в гостиную он на мгновение увидел сам себя в высоком зеркале над камином: совершенный мужчина, одетый в столетие назад вышедший из моды костюм, стоящий посреди великолепно убранной гостиной, сошедшей прямо с какой-нибудь иллюстрации Тенниела.

Что-то, на волосок более неуловимое чем дрожь, прошло сквозь него. Это длилось только мгновение, но он весь встревожился и почувствовал себя так, как будто заперт в чужом

сне.

Это было странно, и даже немного пугало, но он никогда не понимал, почему в этот дом было вложено так много выдумки. Передняя дверь выходила в классический сад с его лабиринтом дорожек, высокими изгородями и лесом за ними — именно такой, какой он и ожидал увидеть вокруг сельского дома богатой французской семьи конца девятнадцатого столетия. Еще больше очарования добавляли нереальное небо над головой, дожди и утренние туманы, появлявшиеся из какой-то сложной дождевальной установки, дни и ночи, сменяющие друг друга, и играющие в прятки облака, создававшиеся световыми и голографическими иллюзиями. Но больше всего Пола смущало то, что весь этот дом и окрестности, выстроенные на верхнем этаже небоскреба, предназначались только для одного человека: для нее одной была создана запечатанная временная капсула, в которой время как будто пошло вспять и остановилось в конце девятнадцатого века.

«Что-то здесь от сказки,— уже не первый раз подумал он.— Тот способ, каким они держат ее здесь. Вроде жены великана в сказке о бобовом стебле или… как же ее звали, принцессу с длинными с волосами? Рапунцель[1]?»

Как-то раз он недолго исследовал сад и пришел к выводу, что его классический старомодный дизайн смягчен чем-то таким, что ему представлялось влиянием английских лесов и парков, хотя и едва заметным. Было несколько мест, где высокие изгороди скрывали скамейки, и Ава рассказала ему, что любит сидеть там с вышиванием в руках и работать, слушая птичьи трели.

«Хоть птицы настоящие»,— подумал он, глядя, как они перепархивают с ветки на ветку над его головой.

По извилистым тропинкам не ходил никто, и, несмотря на весь здравый смысл, Пол чувствовал, как в нем поднимется панический ужас. Трудно было себе представить, что на свете есть кто-нибудь другой, кому может грозить меньшая опасность, чем Авиаль Жонглер: ее окружала частная армия ее отца, и самые совершенные защитные устройства. Но она никогда не пропускала утренние занятия и никогда не опаздывала. Время, которое она проводила с Полом, было самым лучшим моментом ее дня, хотя он и не льстил себе, относя это за счет своего непобедимого обаяния. У бедного ребенка было так мало возможностей видеть других людей.

Он поплутал по посыпанным гравием дорожкам и вышел на тропинку, ведущую к разросшейся орхидее, которую Ава называла «деревом». Здесь земля становилась неровной, как в настоящем саду, а сливы и дикие яблони, окружавшие сад, уступали место

серебряным березам, дубам и ольхе, настолько тесно переплетшихся между собой, что закрывали собой дом и создавали иллюзию уединения, хотя в разговоре с Полом Финни подчеркнул, что наблюдение ведется за всем. Тем не менее он никак не мог избавиться от чувства, что пересек невидимую линию: дом казался далеко за сгрудившимися в кучу деревьями и поддельное небо можно было видеть только через просветы в листве над головой. Даже птицы держались на самых верхних ветках. Место казалось странно изолированным от всего сада. Пол обнаружил, что ему трудно выкинуть из головы впечатление, будто он по-прежнему находится в сказке.

Он нашел ее именно там: она сидела на траве около ручья. Увидев его, она загадочно улыбнулась, но ничего не сказала.

— Ава? Вы себя хорошо чувствуете?

Она кивнула. — Идите сюда. Я хочу показать вам кое-что.

— Время ваших занятий. Я забеспокоился, когда не нашел вас в доме.

— Вы очень добры, мистер Джонас. Пожалуйста, подойдите сюда. — Она похлопала по траве рядом с собой.

Пол увидел, что она сидит в центре широкого круга, образованного грибами — эльфийским кругом, так называла его бабушка Джонас — и опять его охватило чувство, что он находится в неторопливо развертывающейся сказке. Широко раскрытые глаза Авы были полны… чем-то. Восторгом? Предчувствием?

— Сидя на траве вы промочите свою одежду, — сказал он и недовольно подошел к ней.

— Деревья задерживают дождь. Здесь достаточно сухо. — Она отдернула подол платья и заткнула его под ногу, освобождая ему место, нечаянно — или нарочно? — показав нижнюю юбку и бледно сверкнувшую щиколотку над туфлей. Ему пришлось постараться, чтобы не выдать своих чувств. С первого же дня занятий он обнаружил, что Ава отчаянно флиртует с ним, хотя трудно было сказать, сколько в этом было настоящего и сколько шло от ее старомодных манер, диктовавшихся совершенно благопристойной внешностью и окружением, но в результате им было трудно говорить свободно и непринужденно. Как-то раз во время пьяной вечеринки его лондонская подруга объяснила, почему романы эпохи Регентства[2] намного сексуальнее, чем любые другие, написанные в более свободные времена. «Все дело в полном сосредоточении»,— настаивала она. Сейчас Пол был готов с ней согласиться.

Заметив его смущение Ава широко усмехнулась, выражение, которое означало ее безмерное удовольствие, и Пол вспомнил,

что она немногим больше, чем ребенок, и, парадоксальным образом, смутился еще больше.

— Мы на самом деле должны вернуться в дом, — начал он. — Если бы я знал, что сегодня вы хотите учиться снаружи, я бы приготовился…

— Все прекрасно. — Она коснулась его колена. — Это сюрприз.

Пол покачал головой. Ясно, что она что-то задумала, но он разозлился сам на себя, что потерял контроль над ситуацией. В любом случае нелегко быть личным преподавателем у привлекательной, одинокой и очень юной женщиной, но в странных условиях башни Жонглера все становилось еще намного сложнее. — Нет, Ава, это неприлично. Кто-нибудь увидит нас…

— Никто не увидит нас. Никто.

— Это не так. — Пол не был уверен, знала ли она о наблюдении. — В любом случае мы сегодня должны поработать над…

— Никто не увидит нас, — повторила она, на этот раз с удивившей его твердостью. Она подняла палец к губам, улыбнулась, потом коснулась уха. — И никто не услышит нас, тоже. Видите ли, мистер Джонас, у меня есть… друг.

— Ава, я надеюсь мы друзья, но…

Она хихикнула. Волны черных волос, сегодня ограниченные заколками и соломенной шляпой, обрамляли довольное личико. — Дорогой, дорогой мистер Джонас — я говорю не о вас.

Пол стоял растерянный и смущенный еще больше, чем обычно. Протянув руку Аве, он сказал:

— Пойдемте со мной. Мы можем поговорить об этом позже, но мы должны вернуться в дом.

Она не приняла его помощь, тогда он повернулся и сделал вид, что уходит.

— Нет! — крикнула она. — Не выходите из круга!

— О чем вы говорите?

— Круг — кольцо. Не выходите из него. Иначе мой друг не сможет защитить нас.

— О чем вы говорите, Ава? Неужели об эльфах? Защитить нас? Как?

Она надула губы, хотя и неосознанно. Пол решил, что она действительно выглядит озабоченной — и даже напуганной.

— Сядьте, мистер Джонас. Я расскажу вам все, но, пожалуйста, не выходите из круга. Пока вы сидите здесь со мной, нас обоих никто не видит и не слышит.

Побежденный, хотя и уверенный, что дела приняло дурной оборот, Пол уселся рядом с ней. Ава облегченно вздохнула.

— Очень хорошо. Большое спасибо.

— Тогда расскажете мне, что происходит.

Она сорвала одуванчик.

— Я знаю, что отец постоянно смотрит за мной. Он может видеть меня тогда, когда ему хочется, и я не буду об этом ничего знать. — Она посмотрела прямо на него. — Так было всю мою жизнь. И я читаю в книгах о мире, который, я знаю, не увижу никогда, если ничего не изменится.

Полу стало неловко. Он сам совсем недавно сообразил, что он скорее тюремщик, чем учитель.

— Даже в гаремах Ближнего Востока женщины не находятся одни, — продолжала Ава. — А кто есть у меня? Учитель — хотя я глубоко уважаю вас, мистер Джонас, и другие мои учителя и няни все были добры ко мне — и доктор, сухой и неприятный старик. Я не хочу говорить о служанках, которые настолько запуганы, что боятся сказать мне даже одно слово. И все эти отвратительные люди, работающие для моего отца.

Полу стало еще более неудобно. Что подумают Финни или этот кошмарный Мадд, когда услышат такие слова дочки Жонглера? И увидят его, сидящего рядом с ней?

— На самом деле, — сказал Пол так спокойно, как только мог, — на тебя всегда глядят, Ава. И слушают. И, я уверен, сейчас тоже…

— Нет, они не могут. — Она озорно улыбнулась. — Не сейчас. Ведь у меня есть друг — друг, который может делать всякие штуки.

— О чем вы говорите?

— Вы думаете, что я сошла с ума, да? — сказала она, — но это правда. Самая настоящая правда!

— Что?

— Мой друг… — Внезапно она замолчала и какое-то время ее глаза не могли встретить с его. Когда же их взгляды наконец встретились, в ее глазах тлело что-то странно. — Он призрак.

— Что? Ава, это невозможно.

Брызнули слезы. — Я думала, что вы не такой, как другие и выслушаете меня. — Она отвернулась.

— Ава, простите. — Он протянул руку и коснулся ее плеча в паре дюймов от гладкой нежной шеи и завитков черных волос, высвободившихся из-под заколок. Ручей, казалось, зажурчал громче. Он отдернул руку. — Скажите мне, что происходит. Я не обещаю, что поверю в призраков, но просто скажите мне, договорились?

Она, по-прежнему не глядя на него, заговорила очень тихим голосом: — Я сама в них не верила. Вначале. Я решила, что это

мелкие пакости Никелированного.

— Никелированного?

— Финни. Так я его зову. Эти стекла, и они так сверкают. А вы слышали, как он ходит? В его карманах полным-полно металла. И все время что-то звякает. — Она нахмурилась. — Жирного я называю Масляный. Они чудовища, оба. Я ненавижу их.

Пол закрыл глаза. Если она ошибается и их подслушивают — в чем он не сомневался — их действительно должен защитить призрак, иначе очень скоро он услышит запись этого разговора, возможно в тот момент, когда его будут увольнять.

«Получу ли я выходное пособие, большой вопрос…»

— Голос шепчет мне в ухо, — продолжала Ава. — Ночью, когда я лежу в кровати. Я думала, что это проделка Никеля и не отвечала. Вначале.

— Вы слышали голос во сне…?

— Это был не сон, мистер Джонас. Дорогой Пол. — Она робко улыбнулась. — Я не так глупа. Он говорил очень тихо, но я все равно проснулась. Я даже уколола себя, чтобы убедиться, что не сплю. — Он подняла бледное предплечье и показала ему, куда. — Но я все еще думала, что это какой-то фокус. Служащие моего отца всегда зло подшучивают надо мной. Если он узнает, он точно выгонит их, да? — Казалось, она едва не плачет. — Но я никогда ничего не говорю ему, потому что боюсь, что он не поверит мне — посчитает бреднями маленькой девчонки. И тогда они сделают мне еще какую-нибудь гадость — возможно уволят вас и наймут какую-нибудь ужасную старуху или жуткого старика, кто знает? — Она опять нахмурилась. — Этот жирный, Мадд, как-то раз сказал мне, что он с удовольствием отправил бы меня в Желтую Комнату. — Она вздрогнула. — Я даже не знаю, что это такое, но звучит угрожающе. Вы знаете?

Пол неопределенно пожал плечами.

— Не могу сказать, что знаю. Но что вы рассказываете мне? Голос говорил с вами? И сказал, что мы можем безопасно поговорить здесь?

— Судя по всему он очень одинокий призрак — маленький мальчик, или, может быть, иностранец. Он говорит очень серьезно, и очень странно. В тот первый раз он сказал, что подглядывал за мной и ему очень жалко, что я так одинока. И еще он сказал, что хочет быть моим другом. — Он тряхнула головой, на ее лице медленно появилось удивление. — Так странно! Он был больше, чем голос — как будто стоял рядом со мной. Было темно, но света хватало и я видела, что в комнате никого нет.

Теперь Пол убедился, что происходит что-то очень плохое, но

у него даже мысли не было, как он должен поступить.

— Ава, я знаю, вы думаете, что это был не сон, но… это должно быть сном. Я не верю в призраков.

— Он прячет меня. Как-то раз он сказал мне пойти прогуляться вечером, и тогда он сделает так, что меня никто не найдет. И он так и сделал. Я ушла в лес, и вскоре все служанки высыпали в сад и стали рыскать среди деревьев. Даже Финни пришел и тоже стал искать — и очень разозлился, когда в конце концов нашем меня, сидящей на камне со своим вышиванием. «Я часто хожу гулять вечером, мистер Финни, — сказала я ему. — Почему вы вне себя?» Конечно он не захотел признаться, что потерял меня; вместо этого он извинился и сказал, что ему надо было срочно поговорить со мной. Плохо придуманная уловка.

— Но разве этого достаточно?.. — начал Пол.

— А прошлой ночью мой друг показал мне комнату, в которой вы живете, — торопливо сказала она. — Я знаю, это ужасное вторжение в вашу личную жизнь. Я прошу прощения. Но я должна сказать, что она намного меньше, чем я подозревала. И вся ваша мебель гладкая и плоская — и так не похожа на мою, ту что в доме.

— Как это, показал?

— Зеркало, через которое отец разговаривает со мной, когда ему хочется — я и не знала, что его можно использовать по-другому, но прошлой ночью мой друг использовал его, чтобы показать мне *вас*, дорогой мистер Джонас. — Она озорно, по девичьи, улыбнулась, сверкнули белые зубы. — Не волнуйтесь за мою и вашу скромность — вы все это время были полностью одеты.

— Вы видели *меня*? — Пол не мог поверить своим ушам. Каким-то образом ей удалось использовать односторонний настенный экран в гостиной, чтобы осмотреть все здание.

— Вы смотрели куда-то в стену — меняющаяся картина с вами. Там были животные. И вы, в серой одежде. Пили стакан чего-то — вина?

Пол смутно помнил, что перед сном смотрел какой-то ролик о самом себе на природе. И с остальными деталями она не ошиблась. Его беспокойство выросло, стало значительно более серьезным и пугающим. Неужели кто-то взломал охранную систему дома? Быть может тщательная подготовка к попытке похищения?

— Этот ваш друг… Он сказал свое имя? Сказал, что… что он хочет?

— Нет, он не сказал, как его зовут. Не думаю, что он помнит

свое имя, даже если оно у него было. — Она помрачнела. — Он так одинок, Пол. Так одинок!

Он с трудом осознал, что она в первый раз назвала его по имени, сломав барьер, отделявший их друг от друга; но в этот момент это беспокоило его меньше всего.

— Мне это не нравится, Ава. — Еще одна мысль пришла ему в голову. — Вы разговариваете со своим отцом? Через зеркало?

Она медленно кивнула, глядя на медленно раскачивающиеся ветви над головой.

— Он очень занятый человек и всегда говорит, что хочет зайти ко мне, но у него так много забот и так мало времени. — Она попыталась улыбнуться. — Но он говорит со мной очень часто. Я уверена, что если бы он знал, как его служащие относятся ко мне, он бы на самом деле разозлился.

Пол расслабился, пытаясь разобраться в ситуации. Он сам говорил с Жонглером — точнее с лицом на экране — всего один раз и был полностью уверен, что этот щегольски одетый шестидесятилетний человек, который насмешливо экзаменовал его на знание привычек и одежды его дочери, никак не мог быть настоящим: никакая самая передовая медицинская технология не могла позволить человеку в сто пятьдесят лет так выглядеть. Тем не менее показываться в таком виде наемному работнику — это одно, но собственной дочери?..

— Он приходил к вам? Когда-нибудь? Лично?

Она покачала головой, все еще глядя на свет, сочившийся сквозь листья.

«Слишком причудливо. Призраки. Отец, появляющийся только в зеркале. Черт побери, что я делаю в этом сумасшедшем доме?»

— Мы должны возвращаться, — сказал он вслух. — Не имеет значения, увидит нас кто-нибудь или нет — нас слишком давно не было в доме.

— Если даже какой-нибудь шпион увидит нас здесь, — беззаботно сказала она, — он увидит только то, что у нас урок. Вы говорите, а я записываю. — Она усмехнулась. — Так обещал мне друг.

— Даже если так. — Он встал. — Все это слишком странно для меня, Ава.

— Но я хочу поговорить с тобой, — сказала она, и на ее лицо с широко раскрытыми глазами вернулось беспокойство. — По настоящему поговорить. Пол, не уходи. Я… я так одинока.

Внезапно он понял, что ее рука схватила его. Беспомощный, он разрешил опять усадить себя.

— Поговорить о чем, Ава? Я знаю, что ты одинока — и что

твоя жизнь ужасна, в некоторых отношениях. Но я ничего не могу сделать. Здесь я наемный рабочий, а твой отец очень могущественный человек.

Правда ли это, спросил он сам себя? Разве для таких случаев нет законов? Даже ребенок богатого человека имеет права — и разве родители не обязаны воспитывать своих отпрысков в том времени, в котором они родились? Думать было трудно — постоянное журчание ручья, свет, так странно пробивавшийся сквозь деревья, как если бы на него навалился груз окружающего сверхъестественного очарования.

«Что мне делать? Бежать к адвокату? Или в комитет по правам человека ООН? Разве Финни не предупреждал меня, когда нанимал?— И внезапная мысль, как ушат холодной воды.— А что на самом деле случилось с последней учительницей? Они сказали, что были недовольны ей. Очень недовольны.»

Пальцы Авиталь Жонглер по-прежнему сильно сжимали его руку. И когда их глаза встретились, он в первый раз увидел за девичьей взбалмошностью настоящее отчаяние, почти сумасшествие.

— Ты мне нужен, Пол. У меня нет никого, никого настоящего.

— Ава, я…

— Я люблю тебя, Пол. Я люблю тебя с того мгновения, как ты в первый раз вошел в мой дом. Сейчас мы по-настоящему одни и я могу тебе сказать все. А ты, ты можешь полюбить меня?

— Господи Иисусе! — Он отшатнулся, пораженный и почти больной от горя. Она плакала, но в ее лице помимо страданий было еще кое-что, более острое и тяжелое, что-то неистовое, как гнев. — Ава, не глупи. Я не могу… Мы не можем. Ты — моя ученица. Да ты еще ребенок!

Он встал и пошел. Но даже в смятении он очень осторожно переступил через кольцо белых мясистых грибов.

— Ребенок! — сказала она. — У ребенка никогда не болит сердце от любви — из-за тебя.

Пол колебался, сострадание сражалось с тайным ужасом.

— Ты не знаешь о чем говоришь, Ава. Ты почти никого не видишь. Ты читаешь только старые книги. Так что я понимаю тебе… но этому не бывать.

— Не уходи. — Ее голос сорвался до отчаянного крика. — Ты должен остаться!

Чувствуя себя по меньшей мере предателем, он повернулся и пошел прочь.

— Я не ребенок! — крикнула она, не выходя из магического круга. — Как я могу быть ребенком, когда у меня самой уже есть ребенок от моего собственного…

* * *

Длинная нить воспоминаний внезапно оборвалась и исчезла. Опустошенный и раскаивающийся, до физической боли, Пол выпал из восстановившегося прошлого в темное раздробленное настоящее.

Во-первых он осознал, что сидит с бьющимся сердцем, и все еще слышит журчание воды, хотя даже эхо последних невероятных слов Авы полностью исчезло. Во-вторых, секундой позже, он сообразил, что сидит на земле рядом со стволом невообразимо гигантского дерева.

— О, мой бог! — простонал он, и на мгновение спрятал лицо в руки, стараясь не заплакать. — О, мой бог, опять! Нет!

Рядом с ним поднимался в воздух неровный цилиндр, шириной в офисную башню, серая кора тянулась в воздух на несколько сотен метров, прежде чем от центральной колонны отходили первые ветки. В этом зрелище было что-то странное, и только полная дезориентация после возвращения из сна-воспоминания помешала ему понять это немедленно.

Тогда, в его первой галлюцинации на поле боя, было только одно гигантское дерево, единственная магическая колонна, пронзившая облака; здесь их были сотни.

Мигнув, он встал, слегка поскользнувшись на рыхлой земле.

«На этот раз настоящее,— подумал он.— Они все настоящие — или, по меньшей мере, сейчас я не сплю.» Он медленно повернулся, замечая детали, в которые не мог поверить даже с открытыми глазами. Гигантскими были не только деревья. Он стоял на небольшой горке, скорее куче опавших листьев и рыхлой земли, и все вокруг него казалось гигантским — даже острые травинки были не меньше десяти метров в высоту, и ветер наполнял их, как узкие зеленые паруса. Дальше, за рощей качающихся цветов, каждый из которых был величиной с окно-розетку кафедрального собора, лежала зеленая вода, источник постоянного шума — широкая, как океан, но журчащая среди гигантских палок и камней величиной в дом; река, нет другого объяснения.

«Я уменьшился. Черт побери, что же происходит?— Он какое-то мгновение пытался вспомнить недавнее прошлое, заслоненное волной вернувшейся памяти.— Где я был до того, как день с эльфийским кольцом вернулся ко мне?»

«На вершине горы. С Рени, Орландо и остальными. И с Богом, или Иным, или кто он там такой. Потом пришел ангел — еще одна Ава — и… и что?— Он тряхнул головой.— Кто сделал это со

мной? Чем я это заслужил?»

Он оглянулся в поисках своих товарищей, спрашивая себя, не занесло ли кого их них сюда? Нет, ничто не двигалось, только журчала гигантская река, и колыхались под ветром травинки. Он один среди огромных камней и деревьев.

«Наверно это тот самый мир насекомых, о котором мне рассказывали Рени и остальные.» Внезапно его взгляд остановился на округлом камне всего в нескольких шагах от него вниз по склону, почти сферический булыжник размером с него, наполовину врытый в землю. Пол едва заметил его, когда осматривал местность, но сейчас… да, он начал развертываться.

Испугавшись, Пол отбежал на несколько футов подальше, ближе к стволу гигантского дерева, но, узнав разворачивающее существо в серо-коричневом панцире с тесно прилегающими друг к другу чешуйками, слегка успокоился.

«Это самая обыкновенная мокрица.» Лесная вошь, как ее иногда называют — безвредная и безобидная[3]. Тем не менее было не так-то приятно понимать, что существо, которое обычно, размером с горошину, ползало под цветочным горшком, теперь распухло до размеров человека. Мгновением позже распрямившаяся мокрица перекатилась на живот, из-под которого вытянулась дюжина ног, вонзившихся в неровную землю; он заметил, что все ноги были разной длины, и многие из них кончались неуклюжими ладонями с короткими, беспокояще похожими на человеческие пальцами.

Тварь встала, и по позвоночнику Пола пробежал холодок. Передняя часть ее головы оказалась еще хуже рук с пальцами, смутная пародия на человеческое лицо, как если бы куски, предназначенные совсем для другого, образовали смятую маску — пересеченный складками лоб, безглазые плоскости по каждую сторону от намека на нос, распахнутый рот, обрамленный крошечными атрофированными жвалами.

Пол пошатнулся и отпрыгнул еще дальше, когда тварь, шатаясь, направилась к нему, ее странные руки вытягивались вперед, как у безногого нищего. Ее жалкое, плохо оформленное лицо и спотыкающаяся походка изо всех сил молили о чем-то, и когда голос, вышедший не из человеческого рта, простонал «Едаааа!», он начал поднимать руки тем же в том же жесте беспомощности, как и тогда, на Аппер-Стрит в Лондоне, когда его окружили бродяги. Потом из-за перегноя появилось еще полдюжины таких же созданий, и, извиваясь и шелестя по земле, они тоже бросились вслед за ним с криком «Еда! Едаааа!», и только тут Пол Джонас сообразил, что первая тварь ни о чем не умоляла — она подала сигнал для семейного обеда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Путешествие в сердце

Винкен и Блинкен и братец их Нут
Сели в башмак деревянный.
Волны серебряной речки несут
Их в море росы оловянной.

Юджин Филд, 1850–1895

ГЛАВА 1
Странные партнеры

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Заложники Юношеской Бейсбольной Лиги освобождены — злой отец убит

(изображение: тело Уилкса рядом с туристским фургоном)

ГОЛОС: Джерард Рей Уилкс, как и многие отцы юных бейсболистов, посчитал, что команда его сына стала жертвой неправильного судейства. Однако, в отличии от большинства из них, Уилкс решился на решительные действия. Избив до полусмерти судью-добровольца, он заставил под угрозой оружия одиннадцати-двенадцатилетних игроков команды соперника сесть в свой фургон и уехал с ними. Полиция преследовала его по территории двух штатов и, наконец, остановила на дорожной заставе за Томпкинсвиллем, Кентукки. Уилкс отказался сдаться и был застрелен…

Рени уклонилась от первого удара Сэм, пропустила над собой второй, но третий, очень сильный, попал ей слева в голову. Рени выругалась и отпрыгнула. Сэм плакала и слепо размахивала руками, но Рени не хотелось ввязываться в обмен ударами — если сим-тело являлось копией ее настоящего тела, то Сэм Фредерикс была сильной, атлетически сложенной девочкой. Рени охватила ее за пояс и бросила на странно мыльную землю, потом попыталась схватить ее за руки. Не получилось, и еще один тяжелый удар обрушился на щеку. Рени с трудом сдержала гнев.

— Хватит, черт побери! Сэм, перестань!

В конце концов ей удалось ухватить одну из рук девочки, перевернуть ее головой вниз и вжать голову в землю. Потом она взобралась на спину Сэм и заломила за спину и вторую руку. Какое-то время девочка брыкалась, пытаясь сбросить ее, потом ее руки ослабели и она заплакала менее безумным, но более глубоким и рвущим сердце плачем.

Рени держала Сэм почти минуту, пока не почувствовала, что ее конвульсивные рыдания начали успокаиваться. Надеясь, что худшее позади, она рискнула и отпустила одну из рук девушки и потерла место, куда Сэм ударила ее. Челюсть щелкнула, когда она коснулась ее.

— Господи Иисусе, ты разбила мне лицо, девочка.

Сэм изогнула голову назад и, широко открыв глаза, посмотрела на Рени.

— О, мой бог, прости! — Она опять заплакала.

Рени встала. Скудные полоски одежды, которые носили она и Сэм, едва не упали с них во время драки, и они обе выпачкались в псевдо-грязи. «Некоторые люди платят бешенные деньги за то, чтобы увидеть подобные вещи,— кисло подумала Рени.— Если вспомнить „Мистера Джи“, то их программисты приложили много труда, чтобы добиться такого эффекта — полуобнаженные женщины борются в грязи.»

— Вставай, девочка, — сказала она вслух. — Мы, вообще-то, собирались искать камни, если ты еще помнишь.

Сэм перекатилась на спину и уставилась на странное серое небо, лицо мокрое, в глазах отчаяние.

— Я не сделаю это, Рени! Я *не могу* сделать это — даже если вы сломаете мне обе руки. Он убийца. Он убил Орландо.

Рени сосчитала про себя до десяти и только потом заговорила.

— Сэм, я разрешила тебе кричать на меня — и даже бить меня, и я не ударила тебя в ответ, и не важно, как мне хотелось тебе врезать. Ты думаешь, я чувствую себя хорошо? — Она коснулась ноющей челюсти. — Это трудно нам всем. Но я собираюсь идти с этим противным стариком, потому что мы должны — и я не оставлю тебя здесь. Обсуждения окончены. И теперь, неужели ты хочешь, чтобы я связала тебя и понесла вниз с этой проклятой горы? У меня нет сил для этого. — Внезапно она поняла, до чего устала, и тяжело рухнула на землю рядом с девушкой. — Неужели ты действительно хочешь, чтобы я это сделала?

Сэм мрачно взглянула на нее, пытаясь овладеть собой. Она никак не могла отдышаться и заговорить. Наконец она пришла в себя:

— Рени, прости. Но как мы можем идти с… с…?

— Я знаю. Я ненавижу этого ублюдка — я сама с удовольствием сбросила бы его с горы. Но нам придется жить вместе с Феликсом Жонглером, пока мы не узнаем, что тут происходит. Ты помнишь древнюю мудрость: держи друзей близко, а врагов еще ближе? — Рени сжала руку девочки. — Это война, Сэм. А не одна единственная битва. Терпеть рядом с собой это чудовище… это как быть разведчиком за линией фронта или что-то в этом духе. Мы должны сделать это, потому что у нас есть более важная цель.

Сэм опустила глаза, не в силах выдержать взгляд Рени.

— Чизз, — сказала она после долгого молчания, и это

прозвучало как смерть. — Я попытаюсь. Но я не собираюсь разговаривать с ним.

— Прекрасно. — Рени с трудом встала на ноги. — Пошли. Я привела тебя сюда вовсе не для того, чтобы поговорить с глазу на глаз. Мы должны…

Она прервалась, увидев силуэт, медленно обходивший один из обломанных каменных столбов, из которых и состоял этот безжизненный ландшафт. Красивый молодой человек тоже остановился, уставившись на них пустым взглядом, как золотая рыбка в аквариуме.

— Что, черт побери, ты хочешь? — спросила его Рени.

Темноволосый мужчина какое-то время молчал.

— Я… Рикардо Клемент, — наконец сказал он.

— Мы знаем. — Да, его мозг был поврежден, но это вовсе не означало, что Рени должна была жалеть его. Перед тем, как на Церемонии все пошло вкривь и вкось, он был одним из этих убийц, членом Грааля, как и Жонглер. — Уходи. Оставь нас одних.

Клемент медленно мигнул. — Как хорошо… быть живым. — Еще одна пауза, и он исчез среди камней.

— Это совершенно ужасно, — жалобно сказала Сэм. — Я… я не хочу больше быть здесь, Рени.

— Я тоже, — Рени потрепала ее по плечу. — Вот почему мы должны идти, найти путь домой. И не имеет значения, насколько мы хотим сдаться. — Она опять схватила руку Сэм и сжала ее, пытаясь заставить Сэм выслушать и понять ее слова. — Не имеет значения, насколько. Давай, девочка, вставай на ноги — мы должны набрать камней побольше.

!Ксаббу, используя уже принесенные камни, соорудил что-то вроде стены вокруг голого сима Орландо, и это напоминала скорее гроб без крышки, чем погребальную пирамиду. Псевдо-камни, как и все остальные вещи на вершине черной горы, медленно изменялись: с каждым прошедшим часом они все больше и больше походили не на предметы, какими им полагалось быть, а на трехмерные эскизы предметов. Однако сим Орландо, Ахиллес, сохранял сверхъестественный натурализм: лежа в импровизированной могиле он выглядел погибшим полубогом.

Вглядевшись в пустую оболочку своего друга, Сэм опять заплакала.

— Он умер, да? Я бы не хотела, чтобы это было правдой, но вы все так чувствуете, верно?

Рени вспомнила наполненные болью черные месяцы после

смерти матери.

— Да. Ты увидишь и услышишь его, где бы он ни был. И через какое-то время тебе полегчает.

— Мне никогда не полегчает. Никогда. — Сэм наклонилась и погладила каменную щеку Орландо. — Но он мертв, разве не так? По-настоящему мертв.

Рени обнаружила, что ей почти так же трудно, как и Сэм, думать о том, что надо оставить тело, выглядевшее полным жизни. Были и другие странные знаки. Она видела несколько симов, чьи обладатели умерли, и, в отличии от них, одежда Орландо осталась мягкой и гибкой, несмотря на мраморную твердость тела под ней. Такая странность даже заставила Рени спросить себя, умер ли он вообще и не лежит ли он в глубокой коме в реальной жизни, но многочисленные тайные попытки — сделанные ею в то время, когда Сэм отвлекалась — убедили Рени, что она могла бы провести вечность в этом странном месте, но окаменелая фигура Орландо никогда даже не пошевелится.

Последний дар Орландо позволил Сэм и Рени раздобыть немного материи и сделать грубую одежду, что, в свою очередь, помогло ей чувствовать себя не такой уязвимой в присутствии холодноглазого Жонглера и бессмысленно-детского Клемента. Перевернув застывший сим Орландо, чтобы добраться до остатков его разодранного в клочья хитона, они даже нашли сломанный меч, рукоятку с несколькими дюймами лезвия, и теперь им было легче сделать из белой грязной материи набедренные повязки и тонкие ленты для грудей.

Сломанный меч оказался единственным оружием, оставшимся у выживших, возможно единственным оружием во всем симмире, и, конечно, слишком ценным инструментом, чтобы оставлять его здесь, на вершине горы. Нельзя было допустить, чтобы он попал в руки Жонглера, и Рени предпочла бы нести его сама — себе то она доверяла! — но Сэм так трогательно просила дать ей хоть что-нибудь на память об Орландо, что сердце Рени не могло сопротивляться; Сэм засунула его себе за набедренную повязку. От клинка остался кусочек чуть больше ладони, меч больше не был оружием, и тем не менее на ноге Рени появилась неприятная царапина, пока она и Сэм боролись между собой. Тем не менее ей пришлось признаться, что даже в таком состоянии потрепанный клинок сохранил вид легендарного оружия.

Рени тряхнула головой, разозлившись на саму себя за мистические мысли. Гниет тело или нет, их друг мертв. Меч Орландо когда-то был бичом всего вымышленного игрового мира, но теперь им можно только копать или пилить дрова… если они их найдут. А из удивительной одежды Орландо получилась пара

примитивных бикини, как в плохих фильмах о троглодитах. (! Ксаббу отказался взять даже кусок ткани, чтобы прикрыть свою наготу, и когда Рении предложила немного Жонглеру, не из-за доброты, а больше думая о себе и Сэм, он только рассмеялся.)

«Итак, мы должны спуститься с горы, подумала она. Трое голых мужчин и две женщины, выглядящих как реклама женской одежды неандертальцев. И, судя по тому, что мы знаем, во всей виртуальной вселенной не осталось других живых… кроме Дреда. И мы, да, мы в замечательной спортивной форме…»

!Ксаббу взял новые камни, которые они собрали, но, похоже отвлекся. Прежде чем спросить, почему, Рени убедилось, что Жонглер их не услышит. Глава Братства Грааля стоял в стороне, уставившись на странное бездонное небо за краем обрыва. И Рени не смогла удержаться и в очередной раз спросила себя, как это будет, если столкнуть его вниз.

— Ты выглядишь взволнованным, — сказала она !Ксаббу, который клал камни вокруг тела Орландо. — Каким образом ты предполагаешь закрыть пирамиду?

— Я потому и взволнован, что у нас нет на это времени. Мы должны оставить Орландо так и как можно скорее начать путь вниз. Прости — я хотел сделать, как лучше.

— О чем ты говоришь?

— Мы все видим, что происходит с этим местом с того мгновения, как мы оказались здесь — вещи теряют очертания и цвет. И пока я искал камни, я заметил то, что на самом деле обеспокоило меня. Тропа перестает быть правдивой.

Она встряхнула головой, недоумевая.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть я использовал неправильное слово. Я говорю о тропе, по которой мы взобрались сюда вместе с Мартиной, Полом Джонасом и другими, прежде чем все стало такое странное — тропе вдоль склона горы. Она меняется, как и все здесь, и, Рени, в ней уже не так много… как бы точнее выразиться? В ней уже не так много правды, не так много… реальности, наверное так. Она уже выглядит старой и расплывчатой.

Несмотря на постоянную комнатную температуру окружающего воздуха, по телу Рени пробежал холодок. Без тропы они будут заперты на вершине горы, которая быстро теряла свою структуру. А что если в конце должна исчезнуть и гравитация?

— Ты прав. Мы должны как можно быстрее уходить.— Она повернулась к Сэм, которая стояла над пустым симом Орландо. — Ты слышала? Нам нужно немедленно бежать отсюда.

Глаза девочки высохли, но самообладание еще не вернулось. Для Рени было по-прежнему странно видеть настоящее лицо Сэм.

И еще более странно было обнаружить, что у нее черный отец и отчетливый африканский облик, несмотря на рыжеватые волосы. Она говорила на подростковом сленге, совершенно среднеамериканском, и даже сама Рени бессознательно считала ее белой (хотя и мальчиком).

— Он все еще выглядит таким… идеальным,— спокойно сказала Сэм.— Что с ним случится, когда мы уйдем?

Рени покачала головой.

— Не знаю. Но помни, Сэм, это не он. Это даже не его тело. Где бы Орландо сейчас не был, он в более лучшем месте, чем это.

— Нам надо немного отдохнуть,— сказал !Ксаббу.— Мы не спали с ночи разрушения Трои, и, как мне кажется, это было очень давно. Нет смысла спускаться вниз сейчас, если мы будем без сил — будет только оступаться и падать от усталости.

Рени начала было возражать, но он, конечно, был прав: все они были истощены — и даже сам !Ксаббу, которой обычно спал меньше всех и брал на себя самую трудную работу. Конечно, это был только сим, и не настоящее тело, но и сим качался от слабости. Да и эмоциональная неустойчивость Сэм, совершенно неудивительная, учитывая все, что она перенесла, должна была улучшится после отдыха.

— Хорошо, — сказала Рени.— Мы несколько часов поспим. Но только в том случае, если ты будешь первым.

— Я привык обходиться без сна, Рени…

— Не имеет значения. Сейчас твоя очередь. Я берусь дежурить первой, потом разбужу Сэм. Так что ложись спать, понял?

!Ксаббу пожал плечами и улыбнулся.

— Если ты так говоришь, Возлюбленная Дикобраз.

— Прекрати. — Она посмотрела вокруг. — Было бы замечательно, если бы стемнело. — Тут она вспомнила ужас внезапной темноты в другом незаконченном мире.— А, может быть и нет. В любом случае давай, закрывай глаза.

— Ты тоже можешь поспать, Рени.

— И оставить Жонглера без присмотра? Низзя, как говорит молодежь.

!Ксаббу свернулся клубочком на земле. Его кочевой народ умел использовать для отдыха любую возможность: через несколько секунд его дыхание замедлилось и мышцы расслабились.

Рени протянула руку и медленно коснулась его волос, она опять восхищалась !Ксаббу, как и раньше. Или его виртуальной версией. Она взглянула на Феликса Жонглера, который по-прежнему глядел в небо, как капитан корабля, наблюдающий за

погодой, потом на Сэм, молча сидевшей на земле рядом пирамидой Орландо. Хотя ее колено касалось ноги Рени, девочка, казалось, была от нее еще дальше, чем Жонглер.

— Ты тоже должна поспать, — сказала ей Рени. — Сэм? Ты слышишь меня?

Девочка взглянула вверх, в ее взгляде сверкнул гнев.

— Ты мне не мать, поняла?

Рени вздохнула.

— Да, конечно. Но я взрослая женщина и пытаюсь помочь. И если ты хочешь снова увидеть свою мать, то должна набраться сил.

Взгляд Сэм смягчился.

— Прости. О, прости, я была такой глупой. Просто… просто я хочу, чтобы все это прошло. Я хочу домой.

— Мы делаем все, что в наших силах. Если не хочешь спать, просто ляг и отдохни.

— Чизз. — Она вытянулась рядом с телом Орландо и закрыла глаза, одной рукой касаясь низкой каменной стены.

Рени пробрала суеверная дрожь.

«Я даже не могу вспомнить,— подумала она,— как я жила в той, нормальной жизни.»

Прошло что-то около часа, и оба они, !Ксаббу и Сэм, спали глубоким сном, точно так же, как спал ее брат Стивен после целого дня детской гиперактивности. Сэм негромко сопела, и Рени решила ее не будить. На какое-то мгновение ей захотелось закурить, и она с удивлением сообразила, что уже довольно давно не вспоминала о сигарете.

«Была чертовски занята,— подумала она,— стараясь остаться в живых. Достаточно эффективный способ бросить курить, но наверняка есть и более легкие способы.»

Жонглер прислонился к камню метрах в десяти от них и тоже спал, по крайней мере, закрыл глаза и свесил голову на грудь. Рени невольно подумалось, что он похож на хищника, с бесконечным терпением, выработанным миллионами лет эволюции, ждущего свою жертву. Пятый член их странной компании, Рикардо Клемент, так и не появился, и хотя Рени тревожила мысль о том, что он бродит где-то вокруг по вершине горы и бог знает какие мысли крутятся в его поврежденном мозгу, все равно было лучше не видеть и не слышать его.

И тут внимание Рени привлекла сама вершина. Несмотря на все, что произошло, несмотря на все их страхи и опасения о прогрессирующем распаде, она не слишком внимательно глядела на нее. Сейчас, в вечном, неизвестно откуда берущемся свете, она

дала своему взгляду пространствовать по усеянной острыми камнями земле.

Гора не только теряла детали, она теряла и цвет — или, поскольку вначале она была одинаково блестяще черной, было бы точнее сказать, что она приобретала краски. Земля под ногами, слегка прикрытая черным и ничего не отражающая, почти не изменилась, но неровные пики и каменные колонны стали не такими черными — как если бы кто-то пролил воду на рисунок чернилами прежде, чем он высох. Некоторые из каменных пиков лишь слегка посветлели и стали темно серыми, но по другим бежали полосы других оттенков, фиолетовых и небесно-синих, и даже были намеки на темно-коричневый, цвета засохшей крови.

«Но все это не имеет никакого смысла,— сказала себе Рени. — Виртуальный ландшафт вырождается совсем не так. Если программа перестает работать, некоторые из его компонентов должны работать дольше, чем другие, и, когда детали исчезают, вы получаете эффект проволочного каркаса или чертежа, но цвета не должны стираться. Или расплываться. Это сумасшествие.»

Но разве было хоть *что-нибудь* нормальным с того мгновения, как они вместе со старым хакером Сингом впервые пересекли границу этого виртуального сумасшедшего дома? Ничто не вело себя так, как должен вести нормальный код.

Рени прищурилась. Вершина казалось совершенно настоящей — даже более настоящей чем тогда, когда они появились на ней — и тем не менее было ясно, что она теряла целостность. Некоторые из торчащих вверх острых выступов стали меньше капли, а там, где ущелья разрезали край долины, каменные края оплыли, как пудинг.

«Это не настоящий ландшафт — и никогда не был настоящим.» Чем больше она вглядывалась в него и в расплывчатое серое небо, совершенно мертвое, как плохая театральная декорация, тем больше он казался похожим на что-то, созданное воображением. Возможно картина какого-нибудь экспрессиониста. Кадр из мультфильма. Сон.

«Да, вот на что это похоже,— подумала она.— И другой незаконченный мир, тоже. Это не настоящие места, а на один из тех ландшафтов, которые мозг изобретает как задник для сна.»

И тут ей в голову пришла мысль, такая же странная и колючая, как статическое электричество, и она обнаружила, что села прямо. Через несколько минут, когда другие идеи присоединились к первой, как намагниченные, ей захотелось обсудить их с кем-нибудь. Она легонько толкнула !Ксаббу. Тот мгновенно проснулся.

— Рени? Моя очередь? Что-нибудь…?

— Нет, все в порядке, просто… просто у меня есть идея. Это именно то, о чем ты всегда говорил. Будто мы лишь чей-то сон, понимаешь?

— Что ты имеешь в виду? — Он стал приподниматься, пока не оказался с ней лицом к лицу.

— Ты всегда говорил, что мы снимся кому-то, верно? И я всегда думала что рассуждения о жизни это… ну, не знаю… *философия*.

Он усмехнулся.

— Для тебя это звучит как ругательство, а, Рени?

— Не смейся надо мной, пожалуйста. Я всегда признаю свои ошибки. Ради бога, я инженер — по меньшей мере училась на него. И я всегда думала, что всякие философские штучки, вроде рассуждений о жизни, начинаются тогда, когда настоящая работа закончена.

Он посмотрел на нее, вокруг глаз появились веселые морщинки:

— И?

— Я думала об этом месте и о том, как оно похоже на сон. Здесь нет ничего нормального, но во сне это совершенно не важно, потому что ты все время ждешь, что случится что-то важное. И я внезапно подумала, а что если это место чей-то сон?

!Ксаббу поднял голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Быть может не сон, но такое же странное и нереальное, как и сон. Почему все то, что ты видишь во сне, выглядит так странно? Ничего полностью не завершено, верно? Потому что твое подсознание не слишком хорошо воссоздает те предметы, которые ты видишь, когда не спишь, или просто ему все равно.

Сэм зашевелилась во сне, потревоженная горячностью тона Рени, и та заговорила шепотом:

— Я думаю, что это место создал Иной. Он имел в виду, что мы обязательно попадем сюда, и выстроил его из собственного сознания, похожим на свой сон. Как Джонас называл это?.. А, метафора.— Высказанная вслух мысль уже не казалась очевидно правдивой. Трудно было представить себе, что ты каким-то образом важен для этого огромного страдающего существа.

— Выстроил из собственного сознания? Но если Иной управляет системой, у него есть доступ ко всему — ко всем этим мирам, и каждый из них совершенен. — !Ксаббу нахмурился, обдумывая ее мысль. — И мне кажется очень странным, что он выстроил нечто совершенно нереальное.

— Тем не менее это так, — азартно сказала Рени. — Он не строил другие миры. Их сделали люди — программисты и

инженеры, настоящие люди, которые знают, как выглядит настоящий мир, и как сделать так, чтобы вымышленный мир был похож на настоящий. Но что знает Иной? Это же просто искусственный интеллект некоторого вида, верно? Он видит образцы, но он же не человек. Он знает только общую форму вещей и не знает, что для нас реально, а что нет. Это как будто ты даешь книгу очень умному мальчику, а потом говоришь ему: «А теперь сделай свою книгу». У ребенка есть все буквы, которые ты дал ему, но он не в состоянии написать из них связный рассказ. Так что это будет странная вещь, но *выглядеть* она будет как книга. Понял?

!Ксаббу долго обдумывал ее слова.

— Тогда почему? Почему Иной выстроил новый мир?

— Не знаю. Может быть для нас. Мартина сказала, что она уже встречалась с ним, помнишь? Она, тогда еще девочка, участвовала в эксперименте. Предположим, что Иной вспомнил ее. Или, по какой-нибудь причине, захотел посмотреть на нас. Мы говорим о чуждом нам интеллекте, кто знает, как он думает? Может быть он и искусственный, но мне он представляется намного более сложным, чем обычная нейронная сеть.

Рени почувствовала, как что-то коснулось ее плеча и резко повернулась. Рядом с ней стоял Феликс Жонглер, с хмурым жестким лицом. — Мы ждали вполне достаточно. Время начать спуск. Буди девчонку.

— Мы только что…

— Буди. Мы начинаем спуск.

В обычных обстоятельствах, находясь лицом к лицу с обнаженным человеком средних лет, Рени была бы только счастлива смотреть ему в глаза, но тут она с удивлением поняла, что ей трудно выдерживать холодный взгляд Жонглера. Теперь, когда первый прилив ненависти к этому человеку начал спадать, она открыла для себя неприятный факт: Жонглер ее пугал, и очень сильно. В нем чувствовался несгибаемый стержень, глубокая внутренняя сила, служившая только его воле, и ничьей другой. В его темных глазах не было ни на йоту человеческого участия, но в них не было и ничего от животного — скорее он казался существом, перешагнувшим за грань человечности.

Она слышала, как политиков и финансовых титанов описывали как неодолимые силы природы, и всегда считала это льстивой метафорой. Теперь, лицом к лицу с предводителем Братства Грааля, она начала понимать, что черная харизма таких людей вовсе не художественное преувеличение.

Она отважилась бросить взгляд на !Ксаббу, но ничего не смогла прочитать на его лице; когда он хотел, то становился

таким же непроницаемым в своем собственным обличье, как и скрытый за симом бабуина.

Жонглер повернулся к ним спиной и отошел на несколько шагов, всем своим видом показывая, что с трудом сдерживает нетерпение. Рени наклонилась над Сэм Фредерик и слегка толкнула ее.

— Сэм, мы должны идти.

Девочка не спеша поднялась. На секунду присела. Затем ее взгляд остановился на теле Орландо, лежащем в недостроенном каменном гробу.

— !Ксаббу, — прошептала Рени. — Отвлеки на минуту Жонглера и дай Сэм попрощаться со своим другом. Задай старому ублюдку пару вопросов — конечно он не ответит, но это займет его на какое-то время.

!Ксаббу кивнул. Он подошел к Жонглеру и что-то сказал ему, потом протянул руку к жемчужному безгоризонтному небу, как будто хотел поговорить о погоде или странном зрелище. Рени повернулась к Сэм. — Мы должны уйти и оставить его здесь.

Девочка кивнула.

— Да, я знаю, — тихо сказала она, глядя на Орландо. — Он был очень хорошим человеком. Не всегда приятным — иногда упрямым и очень саркастичным. Но он всегда — всегда хотел быть хоро-о-о-ошим.

Рени обняла ее. Она ничего не могла сделать, совсем ничего.

— Прощай, Орландо, — наконец сказала Рени, очень тихо. — Где бы ты ни был. — Она отвела Сэм от пирамиды и заставила пригладить волосы и привести в порядок одежду, чтобы отвлечь от черных мыслей. — Ты бы лучше позаботился о своем приятеле с поврежденным мозгом, — сказала она Жонглеру. — Через пару минут мы уходим, а он где-то бродит.

Взгляд Жонглера стал еще темнее и холоднее, чем обычно. — Ты считаешь, я должен идти искать Клемента? Тогда ты дура. Он что, мой школьный друг? Вы трое нужны мне, и мы уйдем вместе, но я не вижу, какая мне польза от него. Я не буду ему мешать, если он захочет присоединиться к нам, если, конечно, он не совершит какую-нибудь опасную глупость, но если он останется здесь, в месте, которое скоро станет сырым кодом, меня это мало волнует.

Он повернулся и направился к тропе, ведущей вниз с горы, сам себя назначив лидером.

— Какая приятная компания, — прошептала Рени. — Ладно, пора. Пошли.

Огромная чашеобразная долина, в которой лежала гигантская

фигура Иного, сейчас была пуста, одна из ее сторон рухнула, став длинным зазубренным краем, как будто что-то выгрызло ее. Жонглер шел впереди всех, прямой, словно аршин проглотил; шаги и осанка принадлежали человеку моложе пятидесяти, на которые он выглядел. Рени спросила себя, действительно ли это жесткое лицо принадлежит Жонглеру, или он так выглядел так лет сто назад. И тогда это еще один довесок к самой странной загадке этого мира — почему они проснулись в симах, так похожих на настоящие тела?

«Все это не имеет никакого смысла. Когда мы впервые вошли в сеть, я была в симе, который выбрала, и Т-четыре-Б, и Сладкий Уильям, но у Мартины было тело из симуляции Атаско, а !Ксаббу стал бабуином. Так что же это такое, черт побери? И Орландо с Фредериксом сами выбрали себе симы, аватары из их игры, но разве Сэм не сказала мне, что сим Орландо был не совсем таким, как обычно? Старше, младше или что-то в этом роде?»

Самое странное то, что их оригинальные симы не стали образцами этих, и они носят тела, так похожие на настоящие. *А что, если мы действительно в наших настоящих телах?* пришла ей в голову дикая мысль. Но она точно помнила, как проснулась в цистерне в своем настоящем теле, и это было другим, не намного, но другим. Да, очень похоже на настоящее за исключением некоторых мелких деталей, вроде шрамов или шишке на костяшке пальца, который она сломала в детстве. Значит это сим.

«Но что же происходит? Если это сон Иного, почему мы так выглядим? Похоже на магию.» Рени глубоко выдохнула, глубоко разочарованная. Не имеет значения, насколько странными и нереальными кажутся факты, должны быть ответы, но она никак не может их найти.

Когда их маленькая компания оказалась у самой дальней от вершины остроконечной башенки, Рени заметила, что Рикардо Клемент где-то присоединился к ним и шел метрах в ста сзади, как неупокоившийся призрак.

Тропа вилась вокруг вершины по блестящему черному склону, и, скорее всего, шла до низу через окружавшие гору сияющие облака, и теперь Рени видела, что !Ксаббу не преувеличил опасность. Борозды, которые делали дорогу безопасной, почти исчезли, и хотя сама тропинка казалась достаточно материальной, ее внешний край стал вязким, как если бы камень превратился то что-то вроде лакричного мороженного, слишком давно вынутого из холодильника.

— Я все еще поражаюсь, почему Иной перенес нас в такое место, — тихо сказала она !Ксаббу, когда они только что начали

спускаться вниз вслед за Жонглером. — И в тот первый незаконченный мир, тоже. — В голову немедленно пришло непрошеное воспоминание, как часть земли того мира внезапно исчезла, поймав в ловушку Мартину и отрезав руку Т-четыре-Б. А что если здесь исчезнет часть тропы? В конце концов она решила не тратить время на бессмысленные размышления о том, чему не в силах помешать.

Рука Т-четыре-Б, да, это была интересная аномалия. Потом на ее месте возникла другая рука, сияющая, которая с таким ужасным эффектом вонзилась в тело одного из членов Грааля, а все остальное время была невидимой. Быть может сам Иной заменил руку Т-четыре-Б, или, по меньшей мере, дал ей возможность влиять на сеть? Дикий кусок операционной системы на конце виртуальной руки?

Она поделилась своей мыслью с !Ксаббу. — Даже если Иной сделал оба эти места — можно сказать вырезал из сырого материала сети — это все равно не говорит нам ни о чем. Дред каким-то образом завладел Иным — или взял его в плен — и быть может поэтому этот конкретный мир теряет твердость, но это никак не объясняет, почему первый незаконченный мир начал разрушаться прямо под нами.

!Ксаббу прервал ее.

— Посмотри сюда. Я не помню, чтобы дорога раньше была такой. — Тропа перед ними внезапно резко сузилась, так что надо было идти гуськом. — Мы должны перестать говорить и даже думать, пока не найдем более широкое место, где можно будет заночевать.

— Но мы же не собираемся спать на горе, да? — запротестовала Сэм. — Ведь мы карабкались вверх всего пару часов, не больше!

— Да, — сказал ей !Ксаббу, — но, как мне кажется, мы были очень высоко, совсем недалеко от вершины. Идти вниз — намного более долгое путешествие.

— Если бы нам нечего было опасаться, — сказала Рени, осторожно пройдя узкое место и увидев под ногами намного более широкую тропу, — я могла бы спускаться так хоть неделю.

Они упорно спускались несколько часов, но край белых облаков ближе не стал. Все очень устали — особенно Рени, которая вообще не спала. И, не удивительно, что несчастный случай не заставил себя ждать.

Они достигли достаточно узкого участка тропы, хотя и не самого худшего из всех — были места, где они должны были идти по тропе боком, прижав спину к твердому каменному склону —

здесь же двое едва могли уместится рядом друг с другом. Сэм шла за Рени; Ксаббу был первым в линии, Жонглер за ним. Клемент, который временами отходил очень далеко назад, был так близко, что мог протянуть руку и коснуться человека перед ним, и, по какой-то причине, он так и сделал.

Пальцы Клемента пробежались по волосам Сэм, и та, испугавшись от неожиданности, бросилась вперед, пытаясь проскочить между склоном и плечом Рени. На мгновение они обе сплелись; потом, пытаясь дать девочке место, Рени слишком далеко поставила ногу, и край обрыва раскрошился под ней как черствый хлеб. Она рефлекторно и абсолютно бесполезно замолотила руками в воздухе, что только добавило суматохи, и едва не потащила за собой и Сэм. Рени крикнула и перевалилась через край, ее сердце почти остановилось, и она успела подумать только о том, что вид плеча !Ксаббу и его поворачивающейся головы — слишком поздно, чтобы помочь! — будет последнее, что она видела в жизни. Потом что-то железной хваткой схватило ее за лодыжку и бросило на тропу — только ноги свисали в бездну, а изо рта вместо воздуха вылетал отчаянный крик.

Дергаясь и крича на !Ксаббу и Сэм, тащивших ее через край, Рени ничего не понимала. И только оказавшись в безопасности она сообразила, что ее схватила и удерживала от падения в пропасть крепкая рука Феликса Жонглера.

Потом Рени лежала на животе, кровь пульсировала в голове, как разряды тока, и она пыталась восстановит дыхание. Жонглер холодно посмотрел на нее сверху вниз, как ученый, изучающий мертвую лабораторную крысу. — Не уверен, что я бы сделал это для кого-нибудь из твоих товарищей, — сказал он, повернулся и продолжил спускаться.

Несмотря на шок и тошноту, Рени долго пыталась решить, как к этому относиться.

На горе было светло, и странные звезды Ван Гога, висевшие над ними во время подъема, больше не появлялись. Казалось, что первое путешествие было много недель назад, но Рени вспомнила, что прошло не больше сорока восьми часов с того мгновения, как она, !Ксаббу, Мартина и остальные перенеслись из симуляции Трои на эту самую тропу. Сейчас не осталось почти никого — остальные исчезли или погибли. Из всей компании, собранной Селларсом, уцелели только трое: !Ксаббу, Сэм и она.

На гору они поднялись очень быстро, но обратное путешествие обещало быть очень долгим. Подавленные тем, что далекие серебряные облака не собирались приближаться, а усталость все увеличивалась, они продолжали спускаться по

тропе в поисках места, где можно остановиться и отдохнуть. Часом позже после того, как Рени в последний раз решила, что еще может идти, они внезапно достигли складки в склоне. Здесь тропа вдавалась на несколько метров вглубь горы и можно было отдохнуть, не боясь во сне скатиться вниз. Условия в новом лагере оказались суровые — без еды, воды и даже огня, потому что !Ксаббу не нашел ничего, что можно было зажечь. Тем не менее возможность лечь и растянуться в безопасности показалась Рени намного более привлекательной, чем любая еда, которую она когда-нибудь ела. Едва не упав, она так испугалась, что шла, касаясь рукой склона, и большую часть спуска ее пальцы скользили по черному камню, натирая кожу: зато так она была уверена, что находится внутри тропы.

Рени заставила Фредерикс лечь у задней стены расселины, а сама легла между Жонглером и сломанным мечом, который несла Сэм; потом положила голову на плечо !Ксаббу. Сам Жонглер устроился недалеко от них: просто сел, оперся спиной на камень, уронил голову на грудь и мгновенно заснул. Клемент, с непроницаемым лицом, сидел у входа в расселину и глядел на серое небо.

Буквально через пару секунд Рени уже спала.

Она качалась на краю. Стивен был в нескольких метрах, туманная тень, плавающая в почти не ощутимых потоках воздуха, как если бы у него были крылья; но, сколько бы он не махал ими, ближе к ней не становился. Она вытянула руку так далеко, как только могла, и на какое-то мгновение коснулась его, но потом поскользнулась и начала падать, стремительно погружаясь в кричащую пустую темноту…

— … *Ты здесь? Ты можешь… меня? Рени?*

Она вынырнула из сна в еще более сумасшедший мир. Голос Мартины жужжал из ее собственной груди, как если бы ее подруга попала в ловушку в теле самой Рени. Долгое мгновение, ничего не понимая, она могла только глядеть на черные каменные стены и кусочек серого неба, пока не вспомнила, где находится.

Голос из-под ее кожи загудел опять. !Ксаббу сел. Сэм тоже уставилась на нее, потрясенная и плохо соображающая.

— … *Можешь нас…? Мы… плохом месте!..*

— Зажигалка! — сказала Рени. — Боже праведный! — Она порылась в куске материи, которым закрывала грудь, и нащупала устройство. — Это Мартина — она жива! — Но как только она подняла его, пытаясь наклонить так, чтобы видеть крошечный огонек света, и вспоминая последовательность команд, которые

они обнаружили, над ней появилась тень, вырвала зажигалку из ее руки и отбросила ее к задней стене трещины. Феликс Жонглер, сжав кулаки, стоял над Рени.

— Что, черт побери, ты делаешь? — крикнула она, уже ползя на четвереньках за устройством.

— *…Рени, ответь…,* — молила Мартина. Рука Рени опять подобралась к зажигалке. — *Мы… без…*

— Если ты попытаешься активировать ее, — сказал Жонглер, — я тебя убью.

Сэм прыгнула на моги, размахивая сломанным мечом Орландо. — Оставь ее в покое!

Жонглер даже не взглянул на нее.

— Я еще раз предупреждаю тебя, — сказал он Рени. — Не прикасайся к ней.

Рени застыла на месте, не зная, что делать. — Что-то в тоне Жонглера сказало ей, что он сделает то, чем угрожал, даже с мечом, вонзенным в спину. Тем не менее она медленно наклонилась к зажигалке, растопырив пальцы. — Что с тобой? — проворчала она. — Это наши друзья!

— *Мартина! Это… моя сладкая?* — сказал новый голос, ужасный и знакомый; более сильный, чем у Мартины, но тоже временами убегающий. — *Я так скучал… с тобой… кто-нибудь из моих…?*

Рени мгновенно отдернула руку, как если бы зажигалка раскалилась добела.

— *Сейчас… немного занят… моя старая любовь, но я пошлю… друзей… найдут тебя. Не двигайся! Они будут… через… минут. Но… идти, если хочешь… лучше…*

Жужжащий смех Дреда наполнил маленькое пространство.

— Он отправился за ними! — Рени почти кричала. — Мы должны помочь.

Жонглер сжал пальцы в кулак.

— Нет.

Десять секунд протекло в настороженном молчании, потом Рени протянула руку к зажигалке и подобрала ее. Она казалась холодной и инертной, совершенно мертвой.

— Эти люди — наши друзья, — яростно сказала она, но Жонглер уже отошел от нее и повернулся спинок к входу в расщелину. !Ксаббу и Сэм глядели на него так, как если бы у него внезапно отросли рога и хвост. Только Клемент не пошевелился и молча сидел на своем месте около стены.

— Эти люди только что выдали себя, открыв устройство коммуникации, — сказал Жонглер. — Они объявили, что полностью беспомощны — хотя и не сообщили, где находятся —

всему каналу Грааля. Но они не единственные, кто имеет доступ к каналу, и ты это слышала. Если ты попытаешься передать ему наши координаты, я убью тебя без малейших колебаний.

Рени глядела на него во все глаза, ненавидя и боясь его жестокой определенности. — А почему это должно волновать нас? Ему нужен только ты.

— Именно поэтому ты не должна выдавать меня.

— Неужели? — Она рассердилась на себя из-за своей собственной трусости. — Ну, ты важничаешь, но нас трое, а ты один, если, конечно, ты не ждешь помощи от твоего друга-идиота. А что касается Дреда, то мы его опасаемся не больше, чем тебя — даже меньше, потому что он самый обыкновенный психопат.

— Обыкновенный психопат? — Жонглер поднял голову. — Ты ничего не знаешь. Джон Дред и без всякого оружия был одним из самых опасных людей в мире, а сейчас в его распоряжении сила всей моей системы.

— Хорошо. Пусть он опасен. Пусть он стал поддельным богом сети Грааля. Ну и что? — Рени наставила на Жонглера дрожащий палец. — Ты и твои эгоистичные старые друзья, уничтожающие детей только для того, чтобы жить вечно, вы смогли построить самую дорогую игрушку в мире. Я надеюсь, что твой друг Дред сожжет ее дотла, даже если мы сами сгорим в огне. Оно того стоит, лишь бы увидеть твой конец.

Жонглер посмотрел на нее, потом на !Ксаббу и Сэм. Девочка тихонько выругалась и отвернулась, но !Ксаббу бесстрастно глядел Жонглеру в глаза, пока старик опять не повернулся к Рени.

— Помолчи, и я кое-что объясню тебе, — сказал он. — Я построил для себя одно место. Не имеет значения, что это такое, но я построил его для себя, отдельно от системы Грааль. Там я отдыхал, когда стрессы и тревоги проекта чересчур утомляли меня. Система совершенно изолирована от матрицы Грааля — на самом деле это распределенная система, если ты знаешь, что это такое.

— Я знаю, что это такое, — презрительно сказала Рени. — Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что никто кроме меня не должен был иметь доступ в его виртуальную среду. И вот, однажды, не так давно, я обнаружил, что кто-то другой вошел туда и разрушил то, что я построил. После долгих разбирательств я обнаружил, что сам Иной вошел в распределенную систему — хотя, по идее, не мог это сделать.

Он замолчал. Рени не поняла, в чем смысл всего то, что он сказал.

— И?

Он покачал головой, насмешливо и печально. Его взгляд сверкнул; Рени осознала, что чудовище действительно забавляется, только как-то очень странно.

— Я опять переоценил тебя. Единственный путь, каким Иной мог войти в это виртуальное окружение, лежит через мою систему — он должен был украсть или скопировать процедуры доступа из системы моего дома. Моей личной системы, не системы Грааля. А теперь Иным управляет Джон Дред.

По спине Рени пробежал холодок.

— То есть… то есть ты хочешь сказать, что Иной больше не изолирован внутри системы Грааля?

Улыбка Жонглера слегка раздвинула губы, но дальше не пошла.

— Точно. Когда ты будешь думать, кому быть верной, используй это в своих раздумьях. Этот далеко-не-обычный-психопат Дред управляет самой могущественной и сложной операционной системой в мире, которая сумела выйти из бутылки проекта Грааль и войти в сеть моего дома. А это означает, что Иной — и Дред, управляющий им — может достичь любого места в глобальной сети.

Он вышел из расселины и встал на тропу, повернулся вниз, к склону, потом остановился.

— Тот ущерб, который Дред может причинить здесь, не идет ни в какое сравнение с тем что он сделает, когда откроет, куда может дотянуться. — Жонглер широко развел руки. — Представь себе. Весь мир будет в его руках — управление воздушными перевозками, главные области промышленности, запасы биологического оружия и ракеты с ядерными боеголовками. И, как ты уже знаешь, Джонни Дред очень-очень злой молодой человек.

ГЛАВА 2
Сладкая казнь

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Секта отказывается от маркировочного гена для Мессии

(изображение: Штаб-квартира Звездной Мудрости, Кито, Эквадор)

ГОЛОС: Религиозная секта Звездная Мудрость обратилась в суд, требуя освободить их от правила ООН добавлять маркировочный ген в человеческих клонах. Религиозная группа собирается клонировать своего последнего лидера, Леонардо Ривас Мальдонадо, но утверждает, маркировочные гены, которые, по требованию ООН, отличают клонов от оригинала, нарушают их религиозные права.

(изображение: Мария Рокафуэртэ, представитель Звездной Мудрости)

РОКАФУЭРТЭ: «Как мы можем воссоздать нашего дорогого мастера в теле, запачканном неправильным геном? Мы пытаемся сотворить Сосуд Живой Мудрости, который поведет нас в эти последние дни, но правительство требует, чтобы мы изменили сосуд из-за навязчивых антирелигиозных законов.»

«Так плохо, так плохо»,— это было единственное, о чем могла думать Кристабель.

Фургон выехал на тротуар и стал заезжать в открытые ворота, очень медленно, чтобы не наткнуться на большой металлический ящик, стоящий там. Женщина, одетая в купальник и платье, и прогуливавшаяся с детской коляской перед зданием, попыталась заглянуть через окно внутрь фургона, но, кажется, не смогла увидеть Кристабель через стекло. Через несколько секунд женщина отвернулась. Фургон покатился по пандусу вниз в темноту.

Кристабель поняла, что она, наверно, вскрикнула, потому что папа наклонился к ней и сказал:

— Это только гараж, моя дорогая. Не бойся. Гараж при отеле.

Они ехали сюда, как ей показалось, очень долго. Сначала выехали из города, потом приехали в место, где было больше холмов, чем домов, поэтому этот отель она увидала еще издалека — большое длинное белое здание, вытянувшееся далеко в небо, с

развевающимися флагами на фасаде. Отель производил хорошее впечатление, но Кристабель он не нравился.

Молоденький солдат, сидевший напротив них, посмотрел на нее, и на мгновение она подумала, что он хочет ей что-то сказать, что-нибудь утешительное, но потом его губы сжались и он отвел взгляд. Капитан Рон, тоже сидевший напротив них, выглядел таким несчастным, как будто у него болел живот.

«Где же мама?— спросила она сама себя.— Почему она уехала? Почему не подождала нас?»

Чтобы сохранить секрет мистера Селларса, внезапно поняла Кристабель. Именно поэтому папа и мама, и их новый знакомый — мистер Рэмси, знали о нем, но не хотели никому говорить.

И когда фургон остановился, ей в голову пришло еще кое-что: «Капитан Рон тоже ничего не знал о мистере Селларсе — о том, как он попал в нашу машину, и об этом ужасном мальчишке, тоже. Никто в армии не знал об этом. Вот почему папа сказал, никому об этом не говорить.»

Ей даже пришлось задержать дыхание, потому что она почувствовала себя очень испуганной. Раньше она не понимала. Она думала, что папа разозлился на капитана Рона, потому что Рон не хотел, чтобы папа уезжал в отпуск. Но теперь она знала, что он не разозлился, он просто хранил секрет. Секрет, который она могла выдать любому военному, если бы ее спросили.

— Как ты, малышка? — поинтересовался папа. Дверь зашипела, открываясь, и один из солдат спрыгнул наружу. — Держись за руку этого человека, когда будешь выходить.

Мистер Рэмси наклонился к ее уху:

— Кристабель, я буду рядом с тобой. Твой папа и я уверены, что все будет в порядке.

Но Кристабель уже знала много ужасных вещей об этих взрослых. Иногда они говорили, что все будет хорошо, но сами *не знали*, будет ли на самом деле все хорошо. Они только так говорили. Всегда может произойти что-то плохое, даже с маленькими девочками.

Особенно с маленькими девочками.

— Очень удобно, — сказал капитан Рон, когда дверь в стене гаража скользнула в сторону, но радости в его голосе не слышалось. — Наш личный лифт в президентские покои[4].

Что значит покои? Кристабель заплакала. «Покойник». Она уже слышала это слово. Она не помнила, что оно означает, но была уверена, что это должно означать что-то связанное с казнью. Она знала об этом — она видела в сети намного больше, чем думали ее родители. «Сладкая казнь», вот что на самом деле ее

ждет. Она спросила себя, будет ли это отравленная конфета, или еще что-нибудь, что дают плохим детям — может быть отравленное яблоко, как Белоснежке.

Папа коснулся ее волос, ласково провел рукой по затылку.

— Не плачь, дорогуша. Все будет хорошо. Рон, она должна идти с нами? Может быть отложим встречу, пока мать или кто-нибудь другой не заберет ее?

Кристабель изо всех сил вцепилась папе в руку. Капитан Рон только пожал могучими плечами.

— Майк, у меня приказ.

В лифте было жарко и душно из-за набившегося в него народа: она сама, папа, мистер Рэмси, капитан Рон и еще два солдата. Но Кристабель не хотела, чтобы лифт останавливался, и не хотела знать, на что похоже это отравленное лакомство. Когда дверь звякнула и открылась, она опять заплакала.

Однако, вопреки ее ожиданиям, комната за лифтом вовсе не походила на ужасные серые тюрьмы, которые она видела в сетевых шоу, вроде Зельмо и Недра в «Ненавидь мою жизнь». Капитан Рон назвал это отелем, и, действительно, так это и выглядело — большой, просто огромный гостиничный номер размером с лужайку перед их домом, с голубым ковром на полу, тремя диванами и столами, огромным экраном во всю стену, маленькой кухонькой в дальнем конце и несколькими дверьми. На одном из столов стояла ваза с цветами. Единственным, кто соответствовал ее мрачным представлениям об этом месте, оказался громадный человек в темных очках, который ждал их в дверях. Другой, похожий на первого, сидел на диване, но при их появлении встал. На обоих были забавные черные пиджаки, облегающие, с небольшим блеском, а еще на груди и на боку висели какие-то штуки, похожие на оружие или даже на кое-что похуже — еще более непонятное и более страшное.

— Пароль, — низким тяжелым голосом сказал человек, стоявший в дверях.

— Кто ты такой, черт побери? — спросил капитан Рон. Впервые помимо растерянности весь его облик выражал что-то еще — злость или может быть даже страх.

— Пароль, — опять повторил большой человек в непроницаемых очках, как если бы он был информационным окном в «Сиуолл-центре».

Солдаты и капитан Рон слегка подались назад. Кристабель увидела, что один из них положил руку на бок, поближе к пистолету. Сердце Кристабель забилось очень быстро.

— Постойте, — сказал папа. — Давайте просто…

Одна из дверей в боковой стене огромной комнаты открылась и из нее вышел усатый человек с короткими седыми волосами. Кристабель смогла увидеть просторную комнату позади него с кроватью, письменным столом и большим окном с задернутыми шторами. Мужчина был в купальном халате и полосатой пижаме. Он курил сигару. На мгновение Кристабель показалось, что она видела его в сети, настолько знакомым он выглядел даже в такой смешной одежде.

— Все в порядке, Дойл, — сказал усатый. — Я знаю капитана Паркинса. И майора Соренсена, тоже — о, да.

Большой человек в черном отошел к ближайшему дивану. Теперь он и второй сидели вместе, не говоря ни слова, но Кристабель почему-то вспомнила пса, делающего вид, будто спит на конце привязи, хотя сам только и ждет, когда ребенок подойдет поближе, чтобы прыгнуть на него.

— Я даже помню *тебя*, дорогуша. — Мужчина с усами наклонился и погладил Кристабель по голове. Тогда она тоже вспомнила, что видела этого человека с загорелым лицом в папином офисе. — Что ты здесь делаешь, малышка? — Папина рука сжала ее покрепче, но она не отдернула ее и не сказала ни слова.

Мужчина выпрямился, но когда он опять заговорил, его голос был холоден, как если бы кто-то открыл дверь морозилки и оттуда в лицо Кристабель подул холодный воздух. — Почему этот ребенок здесь, Паркинс?

— Я… прошу прощения, генерал. — Пятна пота под мышками капитана Рона стали еще больше с того момента, как они вышли из лифта. — Сэр, я был в очень трудном положении — мать девочки пошла за покупками, и ее невозможно было найти, а поскольку вы сказали, что встреча неформальная…

Генерал громко фыркнул.

— О да, неформальная. Но я же не сказал тебе, что приглашаю его на чертов пикник, а? Мы, что, собираемся бегать в мешках наперегонки: папы с дочками? Хмм? Капитан Паркинс, неужели ты думаешь, что у нас здесь пикник?

— Нет, сэр.

Мистер Рэмси прочистил горло.

— Генерал… Якубиан?

Генерала перевел взгляд на него.

— А это еще кто? — мягко сказал генерал. — Я тебя *вообще* не знаю, штатский. Так что давай убирайся из моей квартиры и чеши отсюда прямо в чертов лифт.

— Я адвокат, генерал. Майор Соренсен мой клиент.

— Да ну? Тогда я в первый раз слышу, что офицер приходит

на неофициальную встречу со своим командиром в сопровождении адвоката.

Теперь усмехнулся Рэмси, хотя и слегка.

— Вы слишком вольно толкуете значение слова «неофициальный», генерал.

— Я бригадный генерал, сынок. И, я надеюсь, ты скоро поймешь, что все дела идут так, как я говорю. — Он повернулся к Паркинсу. — Все в порядке, капитан, ты сделал свою работу. Бери своих ребят и вали туда, где тебе полагается быть. Остальное мое дело.

— Сэр? — Капитан Паркинс выглядел смущенным. — Но мои люди, сэр… вы приказали привести с собой пару военных полицейских…

— Ты же не думаешь, что Дойл и Пилгер не справятся с тем, что здесь может произойти? — Генерал покачал головой. — У этих парней больше оружия, чем у боевого вертолета.

— И они служат в армии США, генерал? — громко спросил Рэмси. — Можно это записать?

— Не задавай мне вопросов, законник, и я тебе не совру, — хихикнул генерал.

Кристабель чувствовала, как дрожит рука отца, и это пугало ее больше, чем все случившееся сегодня. Наконец отец заговорил.

— Генерал, я согласен с вами, что ни моя дочь, ни мистер Рэмси не должны быть вовлечены во все это…

— Майк, — прервал его Рэмси, — не отступайте от своих прав…

— … поэтому я хочу, чтобы вы дали им уйти, — закончил папа, не обращая внимания на мистера Рэмси. — Можете отослать их с капитаном Паркинсом.

Генерал покачал головой. И хотя его лицо сильно загорело, а усы были маленькими и аккуратными, морщины вокруг глаз были как у Санта Клауса, которого Кристабель видела на картинках. Но она тут же подумала, что он скорее походит на плохого Санту, который вместо того, чтобы приносить подарки, вылезает из камина и забирает маленьких мальчиков и девочек в мешок.

— О нет, я так не думаю, — сказал он. — Я очень хочу услышать, что они скажут — даже твоя малышка. Капитан Паркинс, ты и твои люди можете убираться отсюда. А с остальными я немного побеседую. — Он прошел мимо них и нажал золотую кнопку лифта на стенной панели.

— Сэр, если вы не возражаете, — внезапно сказал капитан Рон, — я останусь. Я буду полезен, если понадобиться отвезти куда-нибудь майора Соренсена или его дочь. Майк мой друг,

сэр. — Он повернулся к двум солдатам, которые глядели на него широко раскрыв глаза, но до сих пор не сказали ни слова. — Ты и Джентри идите вниз и ждите в фургоне. Если вы мне не понадобитесь, я вам позвоню и скажу, что вы можете возвращаться на базу.

Дверь лифта зашипела, открываясь. Какое-то мгновение все глядели друг на друга: солдаты, люди в черном на диване, капитан Рон, Рэмси, папа и генерал. Наконец генерал улыбнулся.

— Прекрасно. Парни, вы слышали капитана. — Он жестом послал солдат в лифт. Те все еще недоуменно глядели оттуда, пока дверь не закрылась. По какой-то причине, увидев, как молодые солдаты в блестящих шлемах исчезли, она почувствовала себя так, как в тот первый день, когда мама оставила ее одну в детском саду. Она опять ухватилась за руку папы и крепко ее сжала.

— Располагайтесь, чувствуйте себя как дома, — радостно сказал генерал. — Сейчас у меня очень важное совещание, но через полчаса я все закончу и тогда мы с вами как следует поговорим. — Он повернулся к мужчинам в черном. — Позаботьтесь о наших гостях. Им должно быть удобно. Но они должны оставаться в офисе, пока меня не будет. И повежливее, черт побери, повежливее.

Он повернулся и направился к двери спальни.

— Генерал Якубиан, сэр, — сказал папа Кристабель. — Я хочу вас попросить освободить мистера Рэмси и мою дочь. Так будет намного легче для всех…

Генерал резко повернулся, и Кристабель подумала, что взгляд у него такой же острый и холодный, как у птицы. — Легче? Не *я* должен сделать твое положение легче, Соренсен. Не я должен ответить на вопросы. — Он пошел было в спальню, но опять повернулся. — Видишь ли, один человек из твоего офиса, по имени Дункан, прислал мне отчет о лабораторном исследовании — это то, что я обычно получаю автоматически, но который ты, по какой-то причине, решил утаить от меня. И, надо сказать, это было интересное чтение. Сделанное тобой научное исследование каких-то солнцезащитных очков. Очень интересных очков. Припоминаешь?

Капитан Рон выглядел совершенно сконфуженным, а папа Кристабель стал таким белым, как будто из него вытекла вся кровь.

— Так что сиди спокойно и держи рот на замке, пока я не вернусь. — Генерал опять улыбнулся. — И молись, если умеешь. — Он опять повернулся и вышел в спальню, закрыв за собой дверь.

Настало долгое молчание. Потом один из людей в черном, Пилгер, сказал:

— Если ребенок хочет есть, в минибаре есть арахис и шоколад. — Потом отвернулся и опять уставился на настенный экран.

* * *

«Все дело в том,— сказала себе Дульси,— что я его совершенно не знаю».

Она проверяла программу администрирования системы Дреда, которая выглядела примерно так же, как и отделка его дома — скудная и бесцветная. Там, где ее собственная система была сродни запискам и незаконченным проектам, разбросанным повсюду, не говоря уже о всякого рода нестандартных программных фишках — начиная от длинных устаревших утилит и отладчиков кода, которые она устанавливала на всякий случай, вдруг когда-нибудь еще пригодятся, и заканчивая реализациями алгоритмов, такими занимательными, что она сохраняла их практически только ради красоты — то у Дреда все было на своем месте, все было абсолютно нужным, во всем не было даже намека на индивидуальность.

«Он так охраняет себя. Один из этих мелочно-дотошных типов. Наверно и носки свои складывает всегда одинаково.» Все свое детство она провела заботясь о доме своей агрессивной матери-цыганки. Почти каждое утро юной Дульсинеи Энвин приходилось не только мыть тарелки с остатками пищи, лежавшие горой на кухне после очередной вечеринки, прежде чем поесть самой, но и тушить непогашенные свечи и выгонять гостей, которые ухитрялись заснуть в самых странных местах. Так что она считала, что жесткая приверженность к порядку — не самая худшая черта, которую может иметь человек.

Она только что закончила диагностику домашней системы их проекта, которая, несмотря на довольно необычные нагрузки, которые Дред в настоящее время давал ей, держалась молодцом, и уже решила написать отчет о некоторых событиях, произошедших после их вторжения в систему Грааля, которые собиралась изучить позже, как наткнулась на нечто очень странное.

Это была какой-то раздел собственной системы Дреда, хранилище данных, и, на первый взгляд, ничего необычного в нем не было. Все системы обычно разбиваются на части в организационных целях, и большинство людей, тратящих массу

времени в работе онлайн, ненавидят приводить в порядок свое собственное системное окружение, как если бы это были их дома в реальной жизни. Система Дреда, напротив, была настолько вылизана, что ее это сбивало с толку: он даже не удосужился изменить настройки, имена или инфраструктуру системного пакета, приспосабливая их под себя. Это почти как осознать, что на фотографиях на вашем рабочем столе — улыбающиеся модели из каталога, вставленные в рамку при покупке. Нет, ничего необычного в том, чтобы поделить свою память на разделы, не было. Но этот раздел был невидимым, или, во всяком случае, Дред пытался его сделать таким. Она проверила все каталоги, но и там на было никаких ссылок на исключительно секретную область, которую она обнаружила.

«Маленькая секретная дверь, подумала она. Почему, мистер Дред, вы хотите сохранить что-то в тайне от всех?»

Это было даже пикантно — что-то мальчишечье, дом на дереве, девчонкам не входить. Но, конечно, Дред в таких делах был новичком, а Дульси — слишком опытной девушкой, чтобы спрятать от нее такие вещи.

Несколько мгновений она колебалась — на самом деле совсем недолго — напомнив себе, что это вообще не ее дело, и любой человек, даже твой босс, имеет право на личные тайны; к тому же Дред занимается опасными делами для очень опасных людей, и такие люди очень серьезно относятся к своей безопасности. Но Дульси (которая почти всегда проигрывала спор с собой) решила, что это скорее сложная проблема, а не препятствие. Разве она сама не часть этой опасной стаи? Разве она не убила человека несколько недель назад? Тот факт, что ее по ночам мучают кошмары, и теперь она жалела, что тогда не нашла предлога, чтобы этого не делать — неисправный пистолет, заклинивший замок, эпилептический припадок — все это не значило, что она неспособна бежать наравне с большими мальчиками.

«Кроме того,— подумала она,— интересно заглянуть, хотя бы тайком, в его ум. Узнать, что он на самом деле думает. Конечно, это может быть просто его бухгалтерская книга. Все эти помешанные на порядке маньяки должны изо всех сил скрывать свою двойную бухгалтерию».

Но даже то небольшое желание сунуть нос в чужие дела, которое она себе позволила, не заставило ее продолжить поиски замочной скважины, не говоря уже о ключе. Если и было что-то интересное по ту сторону двери, она не ожидала добраться до этого с легкостью. Слегка пристыженная, чувствуя себя чуть ли не маленькой девочкой, роющейся в тайном ящике маминого

письменного стола, она стерла все записи своего исследования и вынырнула из системы.

И полчаса спустя, когда она стояла над спящим телом, уютно устроившимся словно кусок драгоценного черного камня на белой простыне кровати, факт существования тайного раздела в системе ее работодателя все еще жег ей мозг.

«Это правда — я действительно ничего не знаю о нем,— подумала она, глядя на его набрякшие веки, на быстрое движение зрачков между переплетенными черными ресницами.— Да, я знаю, что он не самый уравновешенный мужчина на свете.— Невозможно было не вспомнить одну из его многочисленных вспышек гнева.— Но в нем есть и еще что-то — спокойное и знающее. Как в тигре или волке». Ей было трудно избавиться от аналогий с животными — сдержанная грация Дреда почему-то никак не вязалась с цивилизованностью.

Она наблюдала, как его кожа цвета какао смягчала падающий на нее резкий медицинский свет от ламп наверху, когда глаза Дреда внезапно открылись.

— Здравствуй, моя сладкая, — сказал он, усмехаясь. — Сегодня ты немного нервная, а?

— О Господи ..! — У нее перехватило дыхание. — Мог бы предупредить меня. Ты не связывался со мной почти сутки.

— Я был занят, — сказал он. — Ситуация просто скачет. — Его улыбка стала шире. — Зато теперь я могу показать тебе кое-что. Присоединяйся.

Ей потребовалось долгое мгновение, чтобы понять, что он не приглашает ее в кровать — неприятная мысль, даже если бы ее мысли об этом человеке были менее противоречивы: негромкое урчание моторов и постоянное медленное движение поверхности кровати наталкивали ее на мысль о какой-нибудь морской твари, вроде устрицы без панциря. — Ты имеешь в виду… в сети?

— Да, в сети. Энвин, что-то ты сегодня тормозишь.

— Просто несколько тысяч дел, которые я переделала, только и всего, и пара часов сна. — Она пыталась говорить легко и небрежно, но напускная веселость только выдавала внутреннее напряжение. — Что я должна сделать?

— Входи тем же путем, что и я, и убедись, что обладаешь панорамным зрением — тебе это понадобится. Когда упрешься в первый барьер, введи пароль «Нуба». Н-У-Б-А. Это все.

— Что оно означает?

Он опять улыбнулся. — Одно из наших слов, слов аборигенов, моя сладкая. Пришло с севера, с острова Мелвилл.

— Это оскорбление или что-то в таком роде?

— О, нет. Нет. — Он закрыл глаза, как если опять собрался спать. — Так называют незамужних женщин. Например тебя, верно? — Он хихикнул, что-то смакуя. — Ты увидишь, когда войдешь. — Он расслабился и вновь погрузился в систему, как пловец, скользнувший под воду.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что ее все еще немного трясет после его внезапного появления. «Как будто он наблюдал за мной,— подумала она.— Просто стоял сзади, наблюдал за мной и выжидал момент, чтобы напугать. Ублюдок».

Она налила себе стакан вина и осушила его в два глотка, прежде чем лечь на диван с волоконно-оптический кабелем.

Едва Дульси успела произнести кодовое слово, как пустота первого системного уровня внезапно обрела цвет и глубину. Вначале свет был настолько ярок, что на секунду показалось, что она смотрит на солнце, затем перед ней распахнулась огромная бронзовая дверь, и она шагнула в темноту.

Но не в полную темноту: в дальнем конце коридора что-то мерцало, увлекая ее вперед. Ее омыл глухой рокот, глубокий и неторопливый как океанская волна, сбегающая по гальке. По мере того как свет усиливался, и она начинала различать за ним очертания большой комнаты, темные пространства наполнились очертаниями плотно упакованных, круглых предметов, словно поле затонувших мегалитов, и она не могла отделаться от чувства, что попала в сон. Однако вид ее ног и босых ступней, мускулистых и крепких после многих лет, проведенных в танцевальном классе, говорил об обратном. Кто и когда видел во сне собственные ноги? Руки тоже несомненно были ее руками, веснушки на ее длинных пальцах были видны даже в тусклом свете.

«Это сим… меня самой»,— осознала она, как раз когда вошла в большую комнату.

Рой бормочущих голосов окружил ее. Тысячи людей, может быть больше, стояли на коленях на полу этого огромного зала, их ритмичное шепчущее пение поднималось к высокому потолку. В стенных нишах горели масляные лампы, и все вокруг мерцало, словно изображение на кинопленке, записанное в ранние годы развития технологий. Она шла по бледному мраморном полу сквозь толпу склоненных людей: никто из них не осмеливался даже взглянуть на нее.

В дальнем конце зала на высоком троне восседала молчаливая неподвижная фигура, словно статуя в языческом

храме. В руке она держала длинный серебряный жезл. Существо было больше человека, и, хотя его тело было похоже на человеческое, кожа была абсолютно черной и гладкой как китайский лак. Вытянутая остроухая голова напоминала собачью морду.

Когда она приблизилась к возвышению, на котором стоял трон, шепчущие голоса замолчали. Собачья морда была опушена на массивную грудь, глаза закрыты, как будто существо спало, и она уже начала думать, что это действительно статуя, когда большие желтые глаза затрепетали и открылись.

Все коленопреклоненные фигуры внезапно взвыли в унисон: «Славься, Дульси!» По помещению загрохотало эхо, в котором утонул ее удивленный вскрик. «Сегодня ты выглядишь чертовски привлекательно»,— добавили они с громкостью артиллерийского выстрела и без малейшего выражения, как штамповальный пресс.

Опять внезапная тишина, и ей пришлось переступить, чтобы не упасть. Существо на возвышении встало, оказавшись высотой около десяти футов, и хитро улыбнулось, обнажив длинные зубы. — Нравится? Так я говорю «Добро пожаловать!»

«Интересно, можно ли обмочиться в ВР». Но вслух она сказала:

— Это было восхитительно. Стоило мне несколько лет жизни.

— Что ты хочешь получить от Повелителя Жизни и Смерти? Цветы? Песни и пляски? Хорошо, сейчас будет и это. — Он поднял серебряный жезл и с потолка пошел настоящий снег из розовых лепестков. Шаркая ногами и приглушенно напевая, тысячи жрецов с выбритыми головами поднялись с колен и начали неуклюже танцевать. — Какая-нибудь особая музыка, *что* ты хочешь услышать?

— Я ничего не хочу. — Дульси посмотрела вверх на колышущие в воздухе лепестки, стараясь не замечать смущающего зрелища тысяч пустоглазых жрецов, судорожно пытающихся изобразить танцевальные па ногами, одетыми в грубые сандалии. — Черт побери, что это за место?

— Дом Старика в ВР. — Он махнул рукой, и все жрецы опять попадали на пол. Последние несколько лепестков еще падали сверху. — Его любимая симуляция — я думаю, он называет ее Абидос. Древний Египет.

Было более чем неприятно говорить с шакалоголовым человеком почти вдвое выше тебя ростом — как будто участвуешь в игре или интерактивной пьесе.

— Старик — ты имеешь в виду своего… нанимателя, верно? И ты, кто ты такой? Электрическая Чудо Собака?

Он опять показал ей зубы.

— Это сим, который я всегда носил здесь. Конечно, раньше я получал приказы, сейчас — отдаю их. — Он заговорил громче. — Перекатиться! Поза мертвеца! — Жрецы рухнули на животы, перевернулись и застыли без движения, колени и локти в воздухе. — Кстати это очень забавно, особенно когда я думаю, как обмочился старый пердун. — Он махнул рукой одному из жрецов, тот прыгнул на ноги и поспешно подбежал к возвышению. Дульси с любопытством разглядывала его сим. Он выглядел настоящим человеком, вплоть до капель пота на бритой голове. — Это Дульси, — сказал Дред жрецу. — Она — ваша богиня.

— Я люблю ее, — пробормотал жрец, хотя даже не взглянул на ту, которой он собирался поклоняться. — Она — моя новая богиня.

— Сделаешь ли ты все для нее?

— Да, о повелитель.

— Тогда покажи, как ты любишь ее. Давай.

Жрец — толстый человек среднего возраста, уже запыхавшийся — побрел к одной из стенных ниш. Пока Дульси с нарастающим ужасом смотрела на него, жрец схватил одну из масляных ламп и вылил пылающее масло себе на голову; в тот же момент его всего охватило пламя. Белая одежда мгновенно вспыхнула. Дульси показалось, что его круглая голова всплыла в огненном гало. — Я люблю тебя, моя богиня, — прохрипел он, хотя черты лица уже начали чернеть.

— Боже мой, прекрати, убери его! — крикнула она.

Дред с удивлением повернул свою длинную морду к ней, потом поднял посох. Горящая фигура исчезла. Все остальные жрецы по-прежнему лежали на спинах, как мертвая саранча на поле. — Господи, детка, это всего-навсего код.

— Все равно, — прошептала она. — Я не хочу видеть ничего, похожего на это.

Шакал исчез, вместо него появился настоящий Дред, обычного роста, одетый в свободный черный костюм и стоящий на верхней ступеньке трона. — Не собирался огорчать тебя, дорогая. — Он говорил скорее недовольно, чем раскаиваясь.

— Я просто… — она покачала головой. — Что здесь вообще происходит? Ты сказал, что это… место Старика. Где он сам? Что ты делал с того времени, как вошел в систему?

— О, всякие вещи. — Его человеческая ухмылка была не менее дикой. — Я объясню тебе позже, но сначала я хочу устроить тебе небольшую экскурсию, так, для развлечения.

— Спасибо, но я больше не хочу видеть никаких горящих жрецов.

— Здесь есть много чего намного более интересного. — Он

поднял руку в воздух и длинный серебряный жезл сложился в маленький серебряный цилиндр. Пошли.

— Это же… зажигалка! — сказала она. — Что?..

Но высокий зал Абидоса-Который-Был и тысячи терпеливых жрецов уже исчезли.

Это действительно была экскурсия. После первой остановки на улицах Императорского Рима, наполненных криками продавцов и ветром с Тибра, несшем запах человеческого пота и мочи, Дред быстро провел Дульси через изнемогающую от полуденного зноя африканскую степь, населенную странными созданиями, огромными, как слоны, потом через сливовые сады мифического Китая на утес, нависший над водопадом высотой в милю, и, наконец, в белую глушь дальнего севера, где изогнувшееся полярное сияние висело над их головами, словно очень медленно взрывающийся фейерверк.

— Боже мой, — сказала она, глядя на повисший в воздухе пар от своего дыхания. — Это потрясающе. То есть я знала о многих сим-мирах — некоторые из них мы видели, когда были в симе Кван Ли, но… — Она вздрогнула, больше рефлекторно. Из-за какой-то недоработки в симмире, или благодаря Дреду, здесь было не холоднее, чем ранним весенним вечером. — И ты можешь идти в любое место?

— Идти в любое место и делать все, что захочу. — Его усмешка стала наполовину улыбкой, а наполовину выражением кота, схватившего канарейку. Он покрутил пальцами зажигалку. — Мне она больше не нужна. И ты, тоже, можешь делать все, что тебе захочется, но только если будешь вести себя хорошо и продолжать делать меня счастливым.

Ее уколола маленькая иголочка беспокойства.

— Что ты имеешь в виду, конкретно?..

— Делай свое дело. Держись подальше от неприятностей. — Он замолчал и посмотрел на нее так, что она невольно съежилась. Как если бы попытка взлома его тайного архива горела на ее лбу, как стигмата. — Ты даже не представляешь себе, что я собираюсь сделать здесь.

Она взглянула на бесконечные ледяные поля, мерцавшие в слабом северном свете.

— Но что стряслось с твоем нанимателем? Где он? Как так получилось, что у тебя есть доступ ко всему?.. — Рядом с ними кусок льда величиной с футбольное поле затрещал и сдвинулся, его заостренный край поднялся над вечной мерзлотой и повис над головами Дульси и Дреда. Она в ужасе вскрикнула, и в поисках поддержки ухватилась за руку Дреда.

Его глаза расширились.

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказал он, наслаждаясь ее испугом. — Даже если тебя здесь убьют, тебя просто выкинет из сети. Мы — единственные люди, которые могут быть и внутри, и снаружи.

— А что с собственниками сети? Теми, кого называли «люди Грааля»?

Он пожал плечами.

— Обстоятельства слегка изменились.

— И теперь ты управляешь системой? Это ты сделал так, что все изменилось?

Он кивнул. Он казался довольным, как ребенок, и Дульси сообразила, что, в точности как ребенок, он хочет произвести на нее впечатление.

— Чтобы ты еще хочешь узнать?

— А что с другими людьми, которые были в сети?

— Другими людьми?..

— С теми, с которыми мы путешествовали — Мартиной, Т-четыре-Б, Сладким Уильямом? Если ты можешь управлять сетью, ты легко можешь освободить их… — Внезапно она осознала, что скучает по ним. Прожив рядом с ними несколько недель, она знала их лучше, чем большинство людей в настоящей жизни. Они были так испуганы, несчастны и, к тому же, пойманы в ловушку…

Ничего не выражающий взгляд Дреда стал глубже и каким-то отдаленным. Она дернула его за рукав.

— Ты собираешься их освободить, ведь так? — Он не ответил, и она дернула его еще раз. Он отбросил ее руку настолько быстро и сильно, что едва не сбил ее с ног.

— Помолчи, — бросил он. — Кто-то использует основной канал связи.

Пока она рассматривала белый молчаливый мир, в котором двигался только лед, его губы зашевелились, как будто он разговаривал с невидимым собеседником. Медленная улыбка протянулась через его лицо. Он сказал что-то еще, потом его пальцы прыгнули на зажигалку. Он медленно повернул прибор и его глаза вспыхнули.

— Прости. Есть кое-что, чем мне придется заняться попозже. — Он кивнул. — Что ты сказала?

— Об остальных — тех, кто застрял в сети Грааля.

— А, да. На самом деле я как раз собирался повидать Мартину и остальных. На этот раз я сам отправлюсь к ним. Ты права — я должен заключить с ними что-то вроде сделки. — Он на мгновение закрыл глаза. Когда он опять открыл их, в них пылал странный восторг, как уголь в огне. — Пошли — нам

столько еще надо увидеть.

Она не успела даже открыть рот, как полярные льды растаяли и они оба оказались над огромной, ничем не потревоженной поверхностью океана. Солнце спускалось к горизонту, его медные лучи играли на верхушках волн, но на многие мили вокруг не было видно ничего, даже морских птиц.

— Что это…? — начала было она, но он махнул рукой, призывая ее к молчанию.

Долгие минуты они висели над бесконечной зеленью, потом Дульси увидела, как прямо перед ними волны начали изменяться, регулярная сеть барашков сбилась, превратилась в что-то хаотическое. Она смотрела, раскрыв рот, и вода перед ними забурлила, волны стали в дюжины, быть может в сотни метров высотой, в воздух взлетели огромные клочья пены. Потом, как конус ракеты, выпущенной из гигантской подлодки, поверхность бушующего моря пронзила первая башня.

Прошло около часа. Большую часть времени Дульси не видела ничего, кроме грандиозного зрелища, развертывавшего перед ней. Из воды со страшным грохот поднимался город, как если бы сама земля в муках рождала его — сначала шпили самых высоких башен, оплетенных веревками водорослей, потом на солнце явились стены цитадели, на которых мокрыми кляксами сверкало оружие. Наконец цитадель появилась полностью, вода лилась с ее стен и крыш, низвергаясь в океан, на многие мили вокруг все покрылось белой пеной, и тут появилась гора и цеплявшийся за нее город, его затопленные улицы сверкали, возвращаясь под солнце.

Когда все закончилось и огромная пустая Атлантида вернулась из бездны, рука Дреда дружески обняла ее за дрожащие плечи и он наклонился к ее уху.

— Сделай правильную ставку, моя дорогая, — прошептал он, — и ты получишь все, что только захочешь. — Он протянул руки вниз и погладил ее ягодицы. — Для тебя я могу даже осушить океан. А сейчас, извини, меня ждут несколько неоконченных дел, которыми я должен заняться. Держись подальше от неприятностей, и постарайся, чтобы мой чердак не сгорел в огне или с ним не стряслось чего-нибудь другого, хорошо? Будь.

Мгновением позже она опять лежала на диване в переделанном складе в Редферне, мышцы болели, кровь бешено стучала в ушах. У другой стены лежало неподвижное тело Дреда, похожее на труп, выставленный на всеобщее обозрение.

И только тогда, когда она приняла душ и выпила второй стакан вина, она сообразила, что это было первое свидание, быть

может самое странное в истории.

* * *

— Эй, дорогуша, — сказал Катур Рэмси маленькой девочке, — иди ко мне, посмотрим на жирафов.

Она в сомнением поглядела на него, потом на отца, стоявшего около дальней стены комнаты. Соренсен кивнул, она подошла и свернулась клубочком на диване рядом с Рэмси. Он поднял путеводитель и коснулся картинки с курортом Тасмании; в то же мгновение картинка ожила. Рэмси приглушил звук. — Видишь, какие они высокие? — спросил он. — Они едят листья с самых верхушек деревьев.

Кристабель нахмурилась, ее большие серьезные глаза занавесились ресницами. Он видел, что она нервничает, но изо всех сил старается не показывать этого. Катур вдруг понял, что впечатлен самообладанием совсем маленькой девочки.

— Разве у них не болит шея, которую они так тянут?

— О, нет. Не больше чем у тебя, когда ты встаешь на цыпочки, чтобы достать что-нибудь с верхней полки. Они родились такими.

Она прикусила губу, когда книга показала картину молодой счастливой семьи, обедающей на веранде дома, нависавшего над водопадом; антилопы импала и зебры изящно прыгали по омытому солнечным светом вельду[5].

Сам Рэмси совсем не чувствовал себя счастливым. Он взглянул на свой блокнот, и ему очень захотелось кое-кому позвонить, но один из этих двух людей в черном, тот что пониже, которого звали Пилгер — да, пониже, но все равно выше шести футов и с мышцами профессионального борца — смотрел на него, его широкое лицо казалось обманчиво равнодушным. Рэмси злился на себя за то, что не захватил с собой телематический разъем.

Отец Кристабель, майор Соренсен, подошел к пульту управления маленькой кухней и стал перебирать пальцами кнопки. Большой человек по имени Дойл, еще один телохранитель генерала, или кто их там знает, оторвался от европейского футбола, который он смотрел на большом настенном экране, и спросил:

— Что вы там делаете?

— Хочу сделать дочке стакан какао, — хмуро сказал Соренсен, но Рэмси показалось, что язык его тела говорит о другом. Он даже не представлял себя, что майор может сделать,

но надеялся, что человек в черном не обратит на это внимание. С другой стороны он надеялся, что это не будет что-то героическое — Дойл и Пилгер были вооружены до зубов, и даже друг Соренсена, капитан Паркинс, замерший в кресле и хмуро глядевший в пол, был вооружен. В конце концов, именно Паркинс арестовал их, и теперь они торчали здесь, ожидая генерала Якобиана.

То есть три рослых человека против него и Соренсена, невооруженных, и еще маленькая девочка, которая наверное даже не умеет ездить на двухколесном велосипеде.

— Папочка, — внезапно сказала Кристабель, которая больше не могла делать вид, что интересуется львицей, в пятый раз сидевшей в засаде и охотившейся на диких зверей вельда, — когда мы поедем домой? Я хочу к маме.

— Скоро, дорогая.

Соренсен стоял спиной к ним, ожидая, когда вода вскипит, и по спине Рэмси пробежал холодок. Дойл и Пилгер могли выглядеть так, как будто они ничего не делают, но они были профессионалами, и Рэмси уже встречал людей такого сорта: в молодости на военных базах, а став постарше — в полицейских барах. Даже не говоря об их мускулах, наверняка они прошли и метаболическую стимуляцию. У того, которого звали Дойл, было несколько желтых пятнышек на белках глаз, а это могло означать множество отталкивающих вещей. Например то, что он прошел через одну из военных биопрограмм, и даже если Соренсен обольет его кипящей водой, телохранитель сумеет сломать несколько шей, несмотря на боль и ожоги третьей степени.

«Эй, майор,— мысленно взмолился Рэмси,— не делай глупостей».

Он уже начал спрашивать себя, правильно ли он сделал, вмешавшись во все это. Якубиан точно знал что-то, что пугало Соренсена до смерти — майора весь побелел, когда генерал заговорил о солнечных очках — и они точно не выйдут отсюда без разрешения генерала. Рэмси злился, что у него не было времени поговорить с Соренсеном и тем более увидеться с этим странным Селларсом до их ареста; как если бы он, не подготовившись, оказался на суде по делу об убийстве.

Его невеселые мысли прервала Кристабель, которая протиснулась мимо него к отцу. Соренсен повернулся и отставил ее в сторону.

— Кристабель, он еще горячий, — резко сказал он. — Я принесу тебе его, когда он будет готов.

Ее лицо скривилось и глаза наполнились слезами. Рэмси безнадежно посмотрел на капитана Паркинса, который глядел на

синий ковер с таким видом, будто тот оскорбил его. Рэмси вздохнул, встал, взял девочку за руку и повел обратно на диван.

— А теперь, дорогуша, расскажи мне о твоей школе. Как зовут вашу учительницу?

В дальней комнате что-то громыхнуло. На мгновение Рэмси показалось, что он слышит гневный голос генерала. Телохранители обменялись взглядами, потом опять вернулись к футболу. Рэмси очень хотел бы знать, с кем совещался генерал, и почему это важнее, чем допрос Соренсена. Генерал приложил много усилий, чтобы выйти на след отца девочки, и казалось очень странным, что он отложил расследование на полчаса или даже больше. Рэмси посмотрел на настенный экран. Почти час. Что же это значит?

Что-то ударилось о соединявшую обе комнаты дверь, как будто кто-то пытался выйти из нее. Рэмси успел только удивиться, почему в таком дорогом номере настолько тонкие двери, что вздрагивают от удара кулаком по столу во время телеконференции, а Дойл уже вскочил на ноги. Он в два шага пересек номер, именно так быстро, как Рэмси и боялся, встал перед дверью в спальню генерала и прислушался. Потом дважды громко постучал.

— Генерал? С вами все в порядке? — Он бросил быстрый взгляд на Пилгера, который тоже уже был на ногах, и постучал опять. — Генерал Якубиан? Не нужна ли вам помощь, сэр? — Он облокотился о дверь, стараясь услышать ответ. Ничего. Через секунду он опять ударил ладонью по двери. — Генерал! Откройте, сэр!

— Что они делают? — спросила Кристабель и залилась слезами. — Почему они кричат?..

Дойл отступил на шаг, схватился за плечо Пилгера для большей устойчивости, поднял ногу и ударил по двери.

— Заперто, — проворчал он. В следующее мгновение они оба одновременно ударили по двери ногами. Дверь не выдержала и упала вовнутрь. Пилгер сорвал остатки двери с петель, а Дойл выхватил из плечевой кобуры огромный пистолет-пулемет, мгновенно снял его с предохранителя и осторожно вошел внутрь, скрывшись в комнате.

Потом Рэмси услышал, как он выругался: «Блин!»

Пилгер вошел следом, и его оружие уже было наготове. Рэмси подождал несколько секунд. В спальне никто не стрелял, он встал и подошел к двери под таким углом, чтобы увидеть, что там происходит. Капитан Паркинс наклонился вперед на своем кресле, его рот был открыт.

— Кристабель! — где-то за спиной Рэмси крикнул

Соренсен. — Не вставай! Оставайся на чертовом диване.

Дойл присел над телом генерала Якубиана, которое лежало на полу между дверью и большой гостиничной кроватью, халат генерала сполз на ноги, открыв заросшую седыми волосами грудь. Загорелая кожа странно посерела. Язык вывалился изо рта и свисал, как кусок тряпки. Дойл начал делать массаж сердца; на мгновение Рэмси удивился, как телохранитель ухитрился за несколько секунд так сильно нажать на грудь генерала, что там образовалось широкое пурпурное пятно.

— Скорую помощь к гаражу, — сквозь зубы сказал Дойл. — Сердечный приступ. И возьми аптечку.

Пилгер уже бежал обратно в главную комнату, с пальцем, прижатым к разъему на шее. Он выплюнул в воздух последовательность кодов, потом внезапно повернулся и махнул дулом пистолета:

— Эй, вы все! На пол, немедленно! — Даже не взглянув, выполнил ли кто-то его приказ, он упал на колени, вытащил из-под дивана чемодан и бросился обратно в спальню. Открыв замки, он толкнул его к Дойлу, который все еще работал над генералом; при каждом ударе Якобиан подпрыгивал на ковре. Пилгер вытащил из одного из внутренних пакетов шприц. Проверяя надпись на нем, он заметил Рэмси, стоящего около дверного проема. Тут же в его второй руке появился пистолет.

— Черт побери, я же сказал: все на пол!

— Папочка! — Кристабель опять заплакала в салоне. — Папочка!

Катур Рэмси отступил назад, беспомощно глядя на невероятно большое отверстие на конце ствола пистолета-пулемета Пилгера, одновременно уголком глаза заметив какую-то вспышку. Он мигнул, но это был не выстрел. Взглянув направо он увидел нечто, что вообще не имело смысла: Майор Соренсен стоял на кухонном стуле с горящей салфеткой в руках, которую он держал парой щипцов для льда. Он поднял ее к самому потолку, и в таком виде напоминал странную пародию на Статую Свободы с ее факелом.

— Я приказал вам всем *лечь*, — крикнул Пилгер, не видевший необъяснимого зрелища. Даже когда Дойл впрыснул гиподермик в середину темного шрама на груди Якубиана, пистолет Пилгера бегал от одной стороны дверного проема к другому, потом опустился вниз и уставился на колени Рэмси. Что-то стукнуло, потом зашипело.

Внезапно пошел фиолетовый снег.

Плитки потолка сложились, как венецианские жалюзи. Дюжины летучих мышей понеслись вниз, рассеивая облака

бледно-фиолетовой противопожарной пыли. Лампы в комнате замигали, включаясь и выключаясь, воздух наполнило болезненно громкое гудение. Соренсен метнулся мимо Рэмси, схватил дочку с пола, прыгнул к двери лифта и начал жать на кнопку вызова.

Дойл тратил секунды, прикладывая ко все еще неподвижной груди генерала два электрода, но Пилгер выскочил из спальни с взведенным пистолетом, разгоняя дым взмахами свободной руки. Он прижал дуло к затылку Соренсена, в нескольких дюймах от перекошенного ужасом лица Кристабель.

— Ты же не хочешь лечь на пол вот так? — прорычал он. — Чтобы твои мозги брызнули на твою девчонку? Отойди от двери и ложись на пол!

— Нет. Никто из них не ляжет так. — Капитан Рон Паркинс вынул свой пистолет-пулемет и наставил его на голову Пилгера. Лицо Паркинса покраснело от гнева. — Мы не собираемся дать убить себя ублюдкам вроде тебя. Я отвечаю за этих людей, а не ты. Иди занимайся генералом. Мы уходим.

На мгновение все затихло, за исключением низкого воя сигнала тревоги, и тут дверь лифта открылась. Рэмси, на пути которого к безопасности стояли и Пилгер и капитан Паркинс, постарался успокоить неистово стучащее сердце. Дышать было трудно, и хотя большая часть фиолетового дыма уже осела на пол, в воздухе еще оставалось достаточно, чтобы появилась мать всех чихов. «Все, крышка,— подумал он.— Чихи плюс стрельба, капец».

— Дай нам уйти, — спокойно сказал Соренсен, не обращая внимания на пистолет Пилгера, все еще прижатый к его затылку. — Генерал мертв. Быть может вам на помощь прибегут еще ваши люди, но теперь сработала пожарная тревога, и здесь появится много народа, *не вашего*. Подумай об этом. Он мертв. Оно того не стоит.

Пилгер уставился на него, потом скосил глаза на серебряный ствол капитана Паркинса. Искривив губу, он опустил ствол и пошел обратно в спальню, даже не взглянув на них. Тело генерала дрожало на полу — Дойл включил дефибрилятор на полную мощность. Рэмси приказал себе не падать в обморок.

— Выходите здесь, — проворчал капитан Паркинс. Они были в пяти милях от отеля, фургон остановился прямо перед станцией узкоколейки. — Берите такси, поезд, любой чертов транспорт, какой хотите. И убирайтесь.

— Рон, спасибо, парень, спасибо тебе. — Соренсен помог дочке выйти из фургона. Два молодых солдата, которые не смогли стереть удивление со своих лиц, когда увидели трех

мужчин и девочку, выходящих из лифта в облаке фиолетовой пыли, сели немного прямее.

— Не знаю, что и думать, — зло сказал Паркинс. — Но даже если из-за этого я потерял свои погоны, я должен был… я просто не…

— Не думаю, что ты еще раз услышишь об этой истории, Рон. По меньшей мере по официальным каналам. — Отец Кристабель смахнул пыль с ее волос, и она быстро взглянула вверх, как если бы хотела убедиться, что это сделала его рука, а не какого-нибудь незнакомца. — Поверь мне — тебе не нужно знать ничего обо всем этом кроме того, что ты уже знаешь.

— Да, верю, и не хочу ничего знать.

Рэмси тоже спустился на землю, все еще удивляясь, что он жив и опять видит чистое небо.

— Благодарю вас, капитан Паркинс. Вы спасли наши жизни.

Паркинс растерянно взмахнул руками.

— Господи Иисусе! — Он повернулся к Соренсену. — Ну… Майк, позаботься о своей жене и этой малышке. Я тут подумал, быть может однажды я попрошу тебя все мне объяснить. Ты не против?

Майор Соренсен кивнул.

— Как только я все до конца выясню, ты будешь первый, кому я расскажу.

Несмотря на жару, Кристабель никак не могла согреться и дрожала. Когда военный фургон уехал, Рэмси снял с себя ветровку, стряхнул с нее облако пыли и укутал ее плечи. И только теперь, идя вслед за ребенком и ее отцом, сообразил, что дрожит ничуть не меньше ее.

ГЛАВА 3
Беспокойные дикари

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: IEN[6], 4 часа (Евр, СевАм) — «Удар в спину»

(изображение: Йохира получает имплантат)

ГОЛОС: Ши На (Венди Йохира) — пленница в штаб-квартире секты злого доктора Мафусаила (Мойше Рейнер), находящейся в сердце Новой Гвинеи. Сможет ли Кэн Стаббак (Каролюс Кеннеди) спасти ее прежде, чем она присоединится к членам секты, готовящим ритуал массового самоубийства? Требуются: 28 членов секты, 5 дикарей, 2 «особых подхалима» доктора Мафусаила. Заявки подавать по адресу: IEN.BKSTB.CAST.

Память возвращалась к нему очень странным образом: внезапно всплыли новые картины, как если бы крыша древней могилы обрушилась и свет солнца осветил ее содержимое в первый раз за много столетий. И в то же самое время, воспоминания казались новыми и болезненно свежими, как новая кожа, вырастающая под коркой на ране.

Но, конечно же, у него не было времени думать об этом…

Пол спрыгнул со скользкой вершины холма из листьев ровно в тот момент, когда первая из мокриц едва не схватила его ногу своими бесформенными лапами. Он едва удержал равновесие: оставшиеся от листьев скелеты были больше его и скользкие, как кости на кладбище слонов. Уже больше дюжины мокриц бежали к нему по склону, целая стая, неуклюже покачиваясь. Быть может их уродливые ноги и были разной длины, но на такой неровной поверхности это давало им небольшое преимущество, а дюжины крохотных алчных рук были идеально приспособлены для охоты на спотыкающуюся двуногую добычу.

Пол втянул себя на большой завиток корня, который торчал из грязи как спина разрезающего волны кита. Он видел, что если даже доберется до ствола, который, однако, был не менее, чем в сотне шагов, все равно не было другого пути, кроме как спуститься с другого склона того же самого холма из наполовину гнилого перегноя, склона, усеянного телами спящих мокриц, свернувшихся как полосатые пасхальные яйца. В любом случае ему придется бежать зигзагом.

— Вернись,— простонала одна из тварей за его спиной, и некоторые из ее товарищи подхватили ее крик.— Гоооооолод! Дай тебя съеееесть!

Отчетливо распознаваемые английские слова произносились настолько нечеловеческими голосами, что Пола омыл холодный дождь отчаяния. Даже если он и убежит, с ним случится что-нибудь еще, как всегда. Он один во враждебном мире — во враждебной вселенной. Проживет ли он десять минут или десять дней — все равно ему не увидеть ни одно человеческое существо, только скрипучих кошмарных монстров вроде этой компании, и так до неизбежного конца.

Жалобный вой его преследователей внезапно перешел в шипение, изменивший настолько резко, что Пол от изумления остановился. Все мокрицы встали на задние сегменты, их перекошенные маленькие руки бешено махали ему. Или к кому-то за ним.

Пол обернулся. Рядом со стволом дерева стоял человек в невыразительной одежде, почти невидимый на фоне огромной серой коры, и в первое мгновение Пол принял его за призрака, фантома, игру света на узорах грубой поверхности. Ростом не больше Пола, он, казалось, немало не волновался, видя приближающихся мокриц, и стал спокойно спускаться по горбатой спине корня.

— Гоооооооолод, — пели они, как ужасные дети.

Когда человек подошел поближе, Пол отчетливо разглядел худое тело и отчетливо азиатские черты лица. Конечно, это тот самый человек, которого ему описывали Рени и остальные — Кунохара, создатель мира насекомых.

Черноволосый человек быстро оглядел Пола, не проявляя ни интереса ни недовольства, потом остановился там, где корень резко изгибался вниз, уходя в перегной, и оказался лицом к лицу со стаей тварей, как Моисей, проповедовавший с горы. Но если это была паства Кунохары, она, казалось, не собиралась подчиняться ему.

— Съесть его,— кричали они, взбираясь по склону.

Кунохара с неудовольствием покачал головой, потом поднял руку. Внезапно с неба ударил сильный порыв ветра, пронесся по земле и мимо ствола — настолько ошеломляюще жестокий, что большинство опавших листьев и остальных обломков мгновенно разорвало в клочья. Ветер схватил мокриц, пронзительно воющих от разочарования или ужаса, и унес в никуда; некоторые попытались зацепиться за предметы побольше, но за несколько ударов сердца вихрь всосал и их. И прекратился.

Пол стоял, пораженный до глубины души. Хотя самая близкая

тварь была всего в нескольких шагах от него и унеслась прочь со скоростью пули, выпущенной из револьвера, он сам вообще не почувствовал ветра.

Толька одна мокрица осталась из нескольких дюжин, и она беспомощно верещала на земле у ног Кунохары.

— Они даже говорят… — спокойно сказал человек, однако сам казался почти пораженным. Кунохара сунул палец в чешуйки за головой твари и сильно нажал. Что-то щелкнуло, и чудовище замерло.

— Ты спас меня, — сказал Пол. — Эти штуки собирались мной пообедать…

Человек равнодушно взглянул на него и поднял свернувшийся труп человекоподобной мокрицы. Повернулся спиной к Полу и опустил голову. У Пола возникло впечатление, что его спаситель собирается исчезнуть.

— Погоди! Ты не можешь так просто взять и уйти!

Человек остановился.

— Я не переносил тебя сюда. — Подчеркнуто правильный английский. — На самом деле ты вторгся без разрешения. Мне не нужно было спасать тебя, но эти… монстры оскорбили меня. Ты можешь уйти тем же путем, что и пришел.

— Но я не знаю, как попал сюда.

— Это не ко мне. — Он пожал плечами и опять поднял мертвое насекомое. — Мне и так не нравится, что мои безупречные *изоподы* испорчены таким странным образом. Я не собираюсь становиться лесничим в собственном доме.

— Испорчены? Что ты имеешь виду? — Пол уже не надеялся, что удастся удержать этого странного человека. Он чувствовал, то его спаситель не шутит — он действительно собирается оставить его одного в дикой природе. Мокрицы исчезли, но одной мысли о том, что другие не менее ужасные твари только и дожидаются его, было вполне достаточно, чтобы заставить Пола броситься на человека и заставить его остаться, даже если придется повиснуть на нем, как испуганный ребенок. — Ты же Кунохара, верно? Это твой симмир.

Человек не ответил, но Полу вполне хватило озабоченного выражения, промелькнувшего на его лице.

— По меньшей мере ты можешь сказать мне, знаешь ли ты что-нибудь о моих друзьях? Ты уже встречался с ними — здесь и в мире «Дом».

Кунохара фыркнул. Трудно было сказать, сморщил он нос от удовольствия или неудовольствия.

— А, так ты один из сирот Атаско, — сказал он. — Теперь мне почти жаль, что я спас тебя. Ты и твои друзья принесли

разрушение в мой мир. — Он опять повернулся к Полу спиной и пренебрежительно махнул рукой. — Иди и найди свою дорогу в ад.

— О чем ты говоришь? По меньшей мере скажи мне, видел ли ты их? Они здесь?

Кунохара резко повернулся, его злой взгляд стал внимательнее, но не дружелюбнее.

— Тебя не было среди этих глупцов — да и раньше я не видел тебя в моем мире. Кто ты такой?

Пол почувствовал себя на развилке. Этот Кунохара конечно не друг Рени и остальным, и Полу нужна была очень веская причина, чтобы назвать кому бы то ни было свое настоящее имя. Но он чувствовал, что Кунохара в любой момент может ускользнуть от него. И в тот момент Пол останется в мире, в котором любой муравей больше него.

— Да, я не был здесь раньше, — сказал он. — Меня зовут Пол Джонас.

Обе брови Кунохары взлетели в небо.

— Так ты и есть тот самый человек, ради которого Жонглер чуть не разорвал на куски систему. Почему ты ему нужен? На первый взгляд в тебе нет ничего. — Он опустил руки, жест разочарования или смирения. — Пошли.

— Пошли… куда?

— В мой дом на реке. — В первый раз за все время губы Кунохары тронула еле заметная улыбка. — Мне нужно задать тебе пару вопросов, прежде чем вернуть тебя ракообразным. — Он кивнул и местность вокруг них расплылась так быстро и неожиданно, что на мгновение Пол решил, что земля в буквальном смысле вырвалась у них из-под ног. Мгновением позже все опять прыгнуло на место, и задохнувшийся Пол обнаружил, что мир стал похож на грушу.

Над ним изогнулось небо, похожее на сверкающую тарелку; огромные деревья, тянувшиеся вверх как колонны, поддержавшие небесный свод, сейчас изогнулись и стали похожи на наблюдателей, высматривающих случайную жертву. Пол почувствовал, что под ногами твердый пол, медленно повернулся и обнаружил за собой большое помещение, со множеством уровней, бедно обставленное, но достаточно привлекательное, со многими экранами и низкой мебелью. За мебелью, лестницами и полами на разных уровнях мир, казалось, опять искажался, но вместо деревьев и неба вторую половину широкого пространства прикрывала изогнутая стена пенящейся воды.

Эффект был настолько странным, что только через несколько долгих секунд Пол сообразил, что небо, деревья и вода изогнуты

потому, что помещение было…

— … Большой… пузырь?

Кунохара покачал головой, но только потому, что был доволен.

— На самом деле он не такой уж большой — это ты и я маленькие. Пузырь плавает в водовороте между порогами реки. — Он кивнул на стену воды, которая нависла над его домом-пузырем. — Видишь, как бурлит река, изливаясь вниз? Нет ничего приятнее, чем наблюдать за ее движением — турбулентность парадоксальным образом успокаивает, а слишком большая регулярность сводит с ума.

— Мне этого не понять. — Пол повернул голову и взглянул на «фасад» дома, с его изогнутыми деревьями и широким, хотя и искаженным зрелищем реки, несущейся через порог, потом опять взглянул на занавес из пенящейся воды. Он чувствовал, как кипящая в водовороте вода постоянно бьется в пузырь, хотя сам дом двигался на удивление мягко, вроде парусника, покачивавшегося на якоре. — Если это пузырь, и вода льется мимо нас, почему она не уносит нас собой?

— Потому что это мой мир, — раздраженно сказал Кунохара. — Достаточно легко заставить пузырь плавать на одном месте и удерживать равновесие в водовороте, крутясь по одну сторону от основного потока.

Пол подумал, что намного легче было сделать дом из чего-нибудь более материального и воткнуть его в дно, или использовать какой-нибудь магической программный код и быть уверенным, что пузырь всегда будет на одном месте, но было ясно, что Кунохаре нравится звук водопада, чувство движущейся воды и мягкое кружение пузыря. Пол поздравил себя с тем, что не подвержен морской болезни. Потом он повернулся и внимательно осмотрел все многоуровневое помещение, пол, покрытый коврами и мягкими циновками, и низкую мебель, сделанную в старинном японском стиле.

— Ты интересовался естественными науками? — внезапно спросил Кунохара.

— Конечно. — Пол постарался сохранить счастливое настроение хозяина. Вежливая болтовня, поддакивание, и может быть Кунохара не захочет выбросить его к этим чертовым прожорливым псевдожукам. — Я не большой знаток, но…

— Поднимись по той лестнице. На последней ступеньке махни рукой, потом спускайся.

Пол остановился на верхней ступеньке лестницы и посмотрел на самый нижний этаж дома Кунохары, который ничем не отличался от остальных, разве что полом, сделанным из какого-то

темного гладкого вещества. Потом махнул рукой, свет в нижней комнате погас, и он внезапно сообразил, что глядит не на темный пол, а на дно пузыря, и через него видит реку.

Теперь, когда отражения не мешали ему, он увидел под собой дно реки-озера, и оно показалось ему далеким и скалистым, как горный кряж, видимый из пассажирского кресла самолета. Время от времени между камнями дна скользили огромные создания, при виде которых он вздрагивал от атавистического страха, хотя и знал, что это самые обыкновенные маленькие рыбки. Было еще несколько полупрозрачных животных, потоньше, раки с ногами пауков и еще более необычные создания. Пол спустился вниз, к началу лестницы, и стоял там, не в силах поставить ногу на гладкий материал, хотя и видел низкий диван и другую мебель, спокойно стоявшую на нем. Один из ракообразных подплыл снизу и ударился головой в пузырь, черные глаза-бусинки повернулись на стебельках, тонкие ноги-соломинки заскребли по изогнутой поверхности, возможно удивляясь, почему невозможно попасть внутрь.

— *Penaeus vannemei*, послелатентная стадия, — сказал Кунохара из-за его спины. — Креветка, ребенок. Я изменил преломление дна пузыря, чтобы ты увидел что-то действительно великолепное. На самом деле они намного меньше нас, даже в нашем нынешнем состоянии.

— Ты изменил… очень впечатляет. — Дом-пузырь поражал, и тем не менее он был странно скромным для одного из богов виртуальной вселенной. Но свое мнение стоило придержать при себе. — Замечательный дом.

Пол поднялся наверх и махнул рукой; свет вернулся и он увидел свое отражение, протянувшееся по изогнутой стене, похожей на боковое зеркало. Несмотря на незнакомый комбинезон, человек, глядящий в него был тем Полом Джонасом, которого он помнил, хотя клочковатая борода придавала ему вид выжившего при кораблекрушении.

«Почему я всегда похож на себя?,— поразился он.— Когда все кругом изменяются? Кто-то сказал, что !Ксаббу даже был обезьяной».

Тряхнув головой, он спустился по лестнице и обнаружил мертвую мокрицу, которая плавала над центром комнаты; Кунохара подвесил ее внутри шестигранника белого света и она напоминала окаменелость в янтаре. Хозяин Пола ходил вокруг, задумчиво разглядывая ее; иногда он взмахивал рукой и жук поворачивался на месте. Бледная надпись на *кандзи* вилась по стенкам прозрачного контейнера.

— Это… это что-то такое, чего ты раньше не видел?

— Хуже. Это что-то такое, что не должно существовать, — буркнул Кунохара. — Ты можешь пить?

— Могу ли я?

— У тебя есть рецепторы? Чтобы ты хотел? Ты — мой гость. Элементарная вежливость требует, чтобы я что-нибудь тебе предложил, даже если ты и твои друзья разрушили мою жизнь.

Уже во второй раз Кунохара назвал Пола и его товарищей причиной своих несчастий. Тем не менее Пол решил, что время для разговора на эту тему не пришло.

— Я могу пить. Я не знаю, пью ли я а самом деле, но это не имеет значения. — Внезапно ему в голову пришла замечательная мысль. — Быть может у тебя есть какой-нибудь чай, а?

Улыбка Кунохары стала на несколько градусов дружелюбнее.

— Сорок или пятьдесят сортов. Я больше всего люблю зеленый, но есть и черный — оранж пеко, кунгу, сушонг. [7]. И еще улун. Какой именно ты хочешь?

— Я бы убил за английский чай.

Кунохара нахмурился.

— Строго говоря «английского» чая вообще не существует, если они не начали его выращивать на высоких тропических холмах Котсуолдса, пока меня не было. Но у меня есть Эрл Грей и дарджилинг [8].

— Я очень люблю дарджилинг.

Пол не сомневался, что Кунохара может перенести чай сюда таким же магическим способом, как он перенес их в пузырь, но судя по всему его хозяин тщательно сохранял свои странности — и сам Кунохара и его окружение представляли из себя удивительное сочетание естественности и абсурда. Кунохара разжег старомодный огонь на жаровне в наполненном песком углублении пола, и хотя было совершенно непонятно, как дым может уходить из пузыря, в воздухе дыма не было. Кунохара подвесил над низким пламенем чайник с водой, Пол сел на циновку и стал ждать, но никак не мог подавить еще одно абсурдное сопоставление — мгновение на то, чтобы уничтожить мутантов, и пять минут на то, чтобы вскипятить воду для чая.

— Что это за… штуки? — спросил он, указывая на висевшую в воздухе мокрицу.

— Искажения, — резко ответил Кунохара. — Новое ужасное явление в моем мире. И еще одна причина для того, чтобы презирать твоя компанию.

— Рени и остальные как-то связаны с этими монстрами?

— Совсем недавно я обнаружил в моем мире странную аномалию — мутации, не имеющие смысла, которые не могли возникнуть при нормальном функционировании симуляции — но

это кое-что другое. Ты только взгляни на нее! Жалкая пародия на человека. И они созданы совершенно умышленно. Кое-кто обладающий силой — несомненно кто-то из членов Братства Грааля — решил наказать меня.

— Наказать тебя? Мутации? — Пол расслабился и недоверчиво тряхнул головой. Он начал понимать, что даже если чай подействует на него так, как в реальном мире, его голова все равно не прояснится. Он слишком истощен. — Не понимаю.

Кунохара, ничего не отвечая, хмуро глядел на мокрицу.

Чайник запыхтел, распространяя вокруг себя веселое облако пара, которое быстро исчезло, как бы побежденное холодом, идущим от хозяина Пола. Пол взял кружку, которую Кунохара вынул из воздуха, потом смотрел, как тот наливает кипящую воду через сеточку. Запах, поднимавшийся от настаивавшегося чая, был первой вещью за долгое время, которая заставила его почувствовать, что в мире осталось кое-что хорошее.

— Прошу прощения, — сказал он. — Может быть я выгляжу тупым как пробка, но я очень устал. Очень. — Он улыбнулся, услышав слабую истерику в собственном голове. Он наклонил голову над кружкой и вдохнул пар. — Не можешь ли ты сказать мне, что такое ужасное сделали мои друзья?

— Они сделали то, что я и ожидал от них, — щелкнул голос Кунохары. — На самом деле я сержусь как на них, так и на себя. Они попытались сразиться с силой, намного превосходящей их, проиграли, и теперь все мы расплачиваемся за это.

— Проиграли? — Пол сделал первый глоток. — О, мой бог, это изумительно. — Он подул на чай и выпил еще, одновременно пытаясь понять смысл слов Кунохары. — Но… но никто еще не проиграл, насколько я знаю. За исключением Братства. Я думаю, что большинство из них мертвы. — Он остановился, внезапно сообразив, что из-за слабости сказал слишком много. Быть может Кунохара тоже член Братства, или снимает место у них?

Его хозяин потряс головой.

— Что за чушь ты несешь?

Пол посмотрел на него. Нельзя узнать, что на самом деле думает человек в реальном мире, скрывающийся за этой маской. Но, напомнил он себе, вряд ли прошло больше часа со времени тех событий, которые случились с Рени и остальными… что бы там не произошло на самом деле. Слишком много всего случилось, и он сам слишком беззащитен, чтобы оскорблять потенциальных союзников.

— То есть ты не знаешь о том, что с нами случилось? То, что мы видели Церемонию Братства Грааля — и то, что мы встретились с Иным? Для тебя это новость?

И тут Пол с невероятным удовольствием увидел, как на жестком лице Кунохары появилось выражение удивления.

— Вы повстречались с… операционной системой. И вы все живы?

— Как видишь. — Пол постарался, но не сумел вложить достаточно сарказма в свои слова.

Кунохара поднял чайник. Удивительно, но его рука не дрожала.

— Вот теперь ясно, что ты знаешь то, что не знаю я.

— Судя по тому, что мне рассказали друзья, обычно все было наоборот. Возможно на этот раз ты будешь немного пощедрее со своей информацией.

Кунохара выглядел потрясенным.

— Я отвечу на твои вопросы, обещаю. Но сначала расскажи мне то, что произошло с тобой.

Хидеки Кунохара внимательно выслушал историю Пола, время от времени останавливая его и уточняя подробности. Но даже без лишних подробностей это был длинный рассказ: к тому времени, когда Пол добрался до восхождению на черную гору, мир за пузырем окутали сумерки, в темном небе над рекой появились звезды. Кунохара тоже разрешил своему дому потемнеть, только вздрагивал огонь жаровни; в какие-то мгновения Пол забывал, что находится внутри светящихся изогнутых стен и почти верил, что вернулся на один из греческих островов и вместе с Азадором сидит у лагерного костра под открытым небом.

Обессиленный и хотевший как можно быстрее закончить рассказ, Пол говорил только о том, что считал важным, но там было так много тайн, что трудно было что-то выкинуть. Кунохара особенно заинтересовался серебряной зажигалкой и с неудовольствием узнал, что она, скорее всего, осталась на вершине горы. А когда Пол рассказал о Дреде и о том, как этот убийца хвастливо объявил о переходе операционной системы под его контроль, выражение лица японца стало мрачным и отдаленным.

— Вот это и есть самое что ни на есть странное, — сказал он, когда Пол остановился, чтобы закончить четвертую кружку дарджилинга. — Страннейшее. Я догадывался, что Братство собирается сделать. Давным-давно они обратились ко мне, и, казалось, очень удивились, когда я не захотел присоединиться к их внутреннему кругу. Хотя и мог. — Он встретил взгляд Пола с мрачной усмешкой. — Я сказал, что отвечу на твои вопросы, но не обещал, что расскажу все о себе. Причины, по которым я не

стремлюсь к тому бессмертию, за которым охотится Братство, чисто мои.

— Тут не за что извиняться, — поспешно сказал Пол. — Если бы это мне предложили мне и я бы знал, что в результате будут страдать тысячи детей, я бы тоже сказал нет.

— Да, дети, — кивнул Кунохара. — Это вопрос и детей тоже. — На мгновение он смущенно замолчал. — Но Иной, вот что по-настоящему удивительно. Я уже давно подозревал, что в основе системы лежит какой-то уникальный искусственный интеллект, который каким-то образом изменяет окружение. Я тебе уже говорил, что с самого начала в моей биосфере происходили очень неприятные мутации. Вначале я решил, что это ошибки, происходящие из-за слишком сложной сети, но довольно скоро засомневался. И вот самые последние события… — Он остановился и на мгновение закрыл глаза. В наступившем молчании Пол почувствовал, что слабость тяжелой ношей лежит на его плечах. — Ты сам видел их, — наконец сказал Кунохара, — этих мутантов-изоподов. Они ни в коем случае не ошибки программы. Они даже могут говорить! — Он покачал головой. — Я подозреваю, что та самая тварь, которая называет себя Дред, действительно подмяла систему под себя и начала играть с ней по своим правилам.

Мысль о том, что чудовищная личность, которую описала Рени, овладела сердцем сети, обдала холодом Пола.

— И твоя собственная история тоже достаточно странная, — резко сказал Кунохара. — Неужели ты действительно служил Феликсу Жонглеру?

— Да, насколько я помню, но все, что произошло потом, — белое пятно. Все, кроме ангела, Авы.

— Дочери Жонглера. — Кунохара нахмурился. — Но такого просто не может быть. Насколько я знаю, этому человеку почти две сотни лет. И жизнь в его практически не работающем, плавающем в цистерне теле уже много десятилетий поддерживается машинами — значительно дольше, чем возраст девушки, которую ты обучал. Почему же он захотел ребенка?

Пол вздохнул.

— Я даже не думал об этом. И не понимаю. Пока.

Кунохара шлепнул себя по ногам и встал.

— Завтра нам надо будет многое обсудить и понять, но ты, я вижу, буквально валишься с ног. Найди себе место и ложись. Если тебе что-то потребуется, попроси дом, но я надеюсь, что кровати тебе понравятся. Я затемню стену дома около того места, которое ты выберешь, и солнце не разбудит тебя утром.

— Спасибо. — Пол осторожно встал на ноги. — Я уже

говорил, но не грех и повторить. Ты спас мою жизнь.

Кунохара пожал плечами.

— А ты, быть может, мою. В сети самый ценный капитал — информация. Конечно же, я всегда поддерживал собственные источники информации, без этого никак. Делить сеть с Жонглером и его приятелями — это все равно, что жить в Венеции во времена Медичи. Но, должен признаться, на этот раз мои источники подвели меня.

Пол похромал к алькову, в котором стояла кровать, мало отличавшаяся от подбитой ватой циновки, постеленной на полу.

— Еще один вопрос, — сказал он, падая на нее. — Почему ты решил, что мы проиграли, а Братство победило?

Кунохара встал у входа в альков. Его лице опять ничего не выражало.

— Потому что кое-что изменилось.

— Эти новые мутанты?

Он покачал головой.

— Я и не знал о них, пока не застал тебя в бедственном положении. Но совсем недавно я обнаружил, что в одном отношении стал таким же, как и вы все, хотя и являюсь одним из основателей этой виртуальной вселенной. — На его лице появилась почти издевательская улыбка. — Я больше не могу выйти из сети. Похоже на то, что я здесь и умру. — Он слегка поклонился. — Спокойной ночи.

Пол проснулся среди ночи от очередного кошмара: за ним сквозь облака гнался гигант, от каждого шага которого дрожала земля. Он сел на кровати, сердце колотилось как ненормальное, и обнаружил, что все еще подпрыгивает, хотя и меньше, чем в ужасном сне-преследовании. Но, увидев спокойный темный дом Кунохары, расслабился. Снаружи шел дождь, гигантские капли колотили по стенам пузыря и воде водоворота, но Кунохара, по видимому, умел управляться с этой силой, и дом только слабо трясся.

Он опять улегся, пытаясь очистить свое сознание и увидеть во сне что-нибудь более приятное, когда комнату наполнил громкий и странно знакомый голос.

— Ты здесь? Ты слышишь меня? Рени?

Он вскочил на ноги. В комнате никого не было — голос шел из воздуха. Он сделал пару шагов и ударился голенью о низкий стол.

— Рени, Ты нас слышишь? Мы в ужасном месте!..

Это была та самая слепая женщина, Мартина, очень испуганная. Пол схватился за голову, пораженный и смущенный

голосом, идущим ниоткуда.

— Кунохара! — крикнул он. — Что это?

Вокруг него зажегся свет, слабое свечение, идущее непонятно откуда. Появился его хозяин, одетый в темную одежду. Он тоже казался растерянным.

— Кто-то… кто-то использует открытый канал связи, — сказал он. — Глупцы! Они понимают, что делают?

— Что за канал связи? — спросил Пол, но японец, не слушая его, сделал сложную последовательность жестов. — Это мои друзья. Что происходит?

В воздухе открылось несколько небольших окон, наполненных светящимися искрами, которые становились то числами, то символами, то еще чем-то еще более непонятным, но, кажется, Кунохара понял их смысл и нахмурился.

— Семь дьяволов ада! Они здесь — в моем мире!

— Что происходит? — Пол увидел, что Кунохара открывает новое окно, на этот раз большое. По нему бродили темные фигуры. Еще мгновение, и Пол сообразил, что смотрит на часть макроджунглей, освещенных только светом луны. Дождь шел и там, каждая капля била по земле с силой артиллерийского снаряда. Пол увидел несколько темных фигур, собравшихся под нависшем над ними листом. — Это они? Как они говорят с нами?

— *Рени, ответь нам,* — молила Мартина. — *Мы застряли где-то без…*

Звук внезапно пропал. Прежде, чем Пол успел открыть рот и задать еще множество вопросов, комнату разорвал другой бестелесный голос, сильнее и глубже первого. И этот голос он тоже слышал, с ужасом сообразил Пол — но только однажды, с неба над черной горой…

— *Мартина! Это ты, моя сладкая*? — Большой злой волк обнаружил, что кирпичи больше не скрывают поросят, и заговорил обрадованным голосом. — *Я так скучал по тебе! Ты одна или с тобой еще кто-нибудь из моих старых товарищей?*

Испуганная Мартина замолчала, но злорадствующий голос этого даже не заметил.

— *Сейчас я немного занят, моя давняя любовь, но я пошлю несколько друзей и они найдут тебя. Не двигайся! Они будут у тебя через пару минут. Но можешь идти, если хочешь — лучше тебе от этого не будет.* — Довольный Дред рассмеялся, от всего сердца. Фигуры, которые Пол видел через открытое окно, съежились в тени под листом.

Он повернулся и схватил Кунохару за руку.

— Мы должны помочь им!

В мигающем слабом свете профиль Кунохары казался

вырезан из неподвижного камня.

— Мы ничего не можем сделать. Они сами навлекли это на себя.

— *Меня* ты спас!

— Ты не открыл себя тем, кто хочет уничтожить меня. В любом случае уже слишком поздно, что бы Дред не захотел сделать. Их нашел намного более близкий враг.

— О чем ты говоришь?

Кунохара указал на окно. Лист, под которым укрывались Мартина и остальные, все еще содрогался под тяжелыми ударами капель, а на экране уже появилась огромная тень, ее суставчатые ноги уходили в небо, а панцирь закрыл собой всю картину.

— Хвостатый скорпион, — сказал Кунохара. — По меньшей мере они не будут долго страдать.

ГЛАВА 4
В серебряном сне

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Свобода слова для говорящих игрушек?

(изображение: Макси Маус оскорбляет Долли, ролик производителя)

ГОЛОС: Родители девятилетнего швейцарского мальчика подали в суд на местных школьные власти, обвиняя их в том, что их ребенок был наказан за неприличные слова, хотя на самом деле их произнесла говорящая игрушка по имени Макси Маус, произведенная компанией ФанСмарт.

(изображение: Дилип Ренджел, Вице Президент ФанСмарта по связям с общественностью)

РЕНДЖЕЛ: «Макси Маус — полнофункциональная интерактивная игрушка. Он разговаривает — для этого он и был сделан. Иногда он говорит нехорошие слова. Не имеет значения, насколько неприятные замечания он может сделать. В любом случае это не вина владельца, который еще маленький мальчик. Одно дело отобрать игрушку — это мы видим постоянно! — совсем другое — возложить ответственность на ребенка за то, что игрушка сказала учительнице. Которая, кстати, действительно деспотичная старая шлюха…»

Горы не бывают такими высокими. Это просто непостижимо.

— Если бы это был настоящий мир, — выдохнула Рени, обращаясь к !Ксаббу мучительным полуднем того, что могло быть четвертым или пятым днем спуска, — вершина пронзила бы атмосферу и вышла в космос. Здесь не должно быть воздуха. А холод должен был проморозить нас до костей.

— И тогда, я полагаю, мы бы очень обрадовались. — Похоже, она его не убедила.

— Низзя, — пробормотала Сэм. — Если б нас сунули в космос, мы бы давно подохли и избавились от этого долбаного спуска. Сплошной *фенфен*.

Они разговаривали крайне редко. Слишком тяжело и тягостно было идти, опасность грозила каждую секунду — не до разговоров. Тропа, однообразная спираль, вившаяся по часовой стрелке вокруг огромного черного конуса, все еще вела их вниз, и

то убегала внутрь горы, то вообще почти исчезала, становясь настолько узкой, что можно было идти только вытянувшись в линию — слишком предательская, чтобы попытаться ускорить шаг. Они устало тащились по ней, постоянно глядя то на край тропы, то на спину того, кто шел впереди.

Сэм поскользнулась уже дважды, и осталась в живых только потому, что человек, шедший сзади, успевал подхватить ее. Даже Жонглер однажды чуть не свалился, но !Ксаббу схватил его за руку, и глава Братства упал не в пропасть, а обратно на тропу. ! Ксаббу действовал чисто автоматически, и Жонглер даже не подумал поблагодарить его. Рени спросила себя, что бы она сделала, если бы он опять покачнулся и она оказалась бы единственным человеком, который мог бы спасти его.

После того, как Жонглер едва не упал, решили постоянно меняться местами в более широких местах тропы, которые, однако, попадались все реже и реже. Теперь все четверо вели группу по очереди, и идущий впереди был всегда настороже. Только Рикардо Клемент всегда шел сзади — и его сомнамбулические движения угрожали только ему самому.

Неописуемо мрачное путешествие! Смотреть было не на что, за исключением странного черного камня, его изгибов и выступов: ни дерева, ни растения, на даже плохой погоды. Небо, такое близкое и так страшно окружавшее их, было не интереснее бетонной стены. Даже прекрасные серебряно-белые облака под ними, постоянно мерцающие и сияющие радужным светом, быстро потеряли привлекательность, да и в любом случае было слишком опасно заглядывать за край дольше, чем на несколько секунд. Усталые ноги слишком часто запинались: тропа, хотя и однообразная, постоянно менялась.

Ко времени их третьего жалкого ночного сна в одной из узких горных трещин — «ночью» они называли время, когда переставали идти, потому что на черной вершине всегда царили сумерки — исчезло даже взаимное ожесточение их первого лагеря. Феликс Жонглер едва бормотал самые необходимые слова, вероятно не желая тратить силы даже на презрение. Рени по прежнему боялась и ненавидела его, но монотонная длительная ходьба и шок от случайных происшествий загнали ее страх далеко вглубь сознания, превратив в маленькую спящую льдинку. Даже Сэм, открыто ненавидевшая Жонглера, стала меньше опасаться его. Хотя она по-прежнему не говорила с ним, но в те мгновения, когда она запиналась и он был впереди, хваталась за его обнаженную спину. В первый раз она содрогнулась от отвращения, но сейчас, как и все остальное, это стало еще одной частью их унылой жизни.

— Я сейчас кое-что поняла, — сказала Рени !Ксаббу. На этот раз они не нашли места пошире, где можно было сесть, и пришлось стоять, опершись спиной о гору. Камень, который не грело солнце и не холодил ночной холод, всегда имел температуру их кожи. — Предполагалось, что мы будем взбираться по этой тропе.

— Что ты имеешь в виду? — Он поднял левую ногу и тщательно массировал подошву.

Рени украдкой бросила взгляд на Жонглера, который стоял в нескольких метрах от них, прижав голову и спину к гладкому камню.

— Ава. Она что-то такое говорила, будто предполагалось, что сами мы должны взобраться на гору, но ей не хватило времени. Поэтому она создала ворота и выкинула нас прямо на тропу. Понимаешь? Они хотели, чтобы мы взбирались по ней. Вообрази себе это! Идти *вверх*, и намного дольше, чем мы уже спустились. — Она тряхнула головой. — Ублюдки. Скорее всего это убило бы половину из нас.

!Ксаббу тоже тряхнул головой, но от изумления.

— Кто этого хотел? Кто такие *они*?

— Ангел. И Иной, наверно. Кто знает?

Он сморщил губы и вытер рукой глаза. Рени подумала, что он выглядит выжатым — более усталым она его не видела.

— Это похоже на путешествие, которое должен делать мой народ: иногда, чтобы выжить, мы должны путешествовать несколько месяцев.

— Тот самый случай, я уверена. Но меня злит, когда кто-то нарочно ставит перед нами такие препятствия. «О, пусть они заберутся на сто-километровую гору. Это их займет, на какое-то время.» Ублюдки.

— Это квест, — тихо сказала Сэм.

Рени удивленно посмотрела на нее. Судя по сгорбленной фигуре девочки, у нее не осталось сил на разговоры.

— Что ты имеешь в виду, Сэм?

— Квест, врубаешься? Как в Срединной Стране. Если ты хочешь что-нибудь сделать, ты должен отправиться в какое-нибудь очень долгое путешествие, зарабатывать очки и убивать монстров. — Она вздохнула. — Если даже я выберусь отсюда, мне никогда уже не бывать в этой долбаной Срединной Стране.

— Но почему нас послали в новый квест? Я имею в виду, что один мы уже прошли. — Рени нахмурилась, желая заставить свой усталый мозг поработать, хотя он хотел только расслабленно лежать в черепе-ванне из питательных веществ. — Селларс собрал

нас вместе, чтобы понять, что происходит. У игровых квестов всегда есть цель: «Возьми вот это и выиграешь игру». Но у нас не было ни малейшего понятия, что мы ищем — и нет до сих пор.

Ее взгляд скользнул по Жонглеру, припавшему к камню как ящерица. В памяти что-то заскреблось.

— Именно Ава посылала Пола во все эти места, верно? И тебя и Орландо тоже?

— Да, она проклюнулась в Морозилке. — Сэм слегка поменяла положение. — И в Египте. Типа того.

— Боже мой! — сказала Рени. — Я только что сообразила. — Ее голос упал до шепота. — Если Пол Джонас прав, Ава — дочка Жонглера.

!Ксаббу поднял бровь.

— Это мы и так знали.

— Да, знали, но не понимали. Все очень просто — ответы на наши вопросы скорее всего находятся в голове этого ужасного человека.

— Давайте вскроем ее острым камнем и все узнаем, — сказала Сэм.

Веки Жонглера скользнули вверх и он повернулся к ним. Рени спросила себя, не появилась ли виноватая краска на щеках ее сима.

— Если у вас есть энергия шептаться, как школьники в классе, — сказал он, — тогда, несомненно, у вас есть и силы идти вниз. — Он выпрямился и начал спускаться по тропе.

— Ты кажешься очень взволнованной, Рени, — тихо сказал !Ксаббу, когда они уже шли вслед за Жонглером.

— Что, если это правда? Что, если он знает ответы на все — дети, почему мы застряли здесь, что происходит — а мы убиваем себя, пытаясь их узнать.

— Не думаю, что это нам поможет, Рени. Мы могли бы купить у него информацию, но только за что-нибудь, что ему будет полезно. Но я понятия не имею, что ему нужно.

Рени мутило от омерзения, но она ничего не могла с собой поделать.

— Я никак не могу перестать думать о словах Сэм. Не вскрыть его череп, конечно, но использовать силу. Он — в виртуальном теле, как и мы, и, значит, уязвим — и нас больше. Разве мы не должны узнать все, что он знает — хотя бы ради детей, лежащих в коме, и пропавших друзей. Даже если придется… пытать его.

!Ксаббу выглядел очень расстроенным.

— Мне не нравится эта мысль, Рени.

— Мне тоже, но если от этого зависит судьба мира? — Сэм

шла в паре шагов сзади, и Рени понизила голос и чуть ли не шептала в ухо !Ксаббу, что при их движении в одну линию было очень опасно. — Звучит слишком мелодраматически, но может быть правдой! А что, если другого пути нет? Давай обдумаем его.

!Ксаббу не ответил. Но выглядел еще более истощенным чем тогда, когда они остановились отдохнуть.

Конечно Рени понимала нежелание !Ксаббу даже говорить о пытках ради информации — и не только из-за омерзения, которое они будут испытывать сами к себе потом, но и из-за страха последствий. Жонглер был жестким и безжалостным человеком. Глядя на его размеренную походку в нескольких шагах впереди, на твердые мускулы обнаженного тела, перекатывавшиеся под кожей, она чувствовала, что подчинить его своей воле будет очень непросто, возможно придется рискнуть жизнью — не та цена, которую Рени хотела платить. Возьмем Рикардо Клемента. Пока он не интересовался ничем, но кто может поручиться, что он останется в стороне, если они нападут на Жонглера? И даже если они смогут каким-то образом схватить главу Грааля и пригрозить ему смертью, что с того? Она даже не знает, действительно ли Жонглер так же уязвим в виртуальном теле, как она и ее товарищи; возможно он только делает вид по каким-то собственным причинам, и, умерев здесь, перепрыгнет в другой сим или в свое реальное тело. И вот тогда они точно останутся даже без капли информации, не говоря уже о том, что станут неудачливыми убийцами самого могущественного человека в мире — а это не сулит им долгой жизни.

Она не могла и не хотела исключать возможность использовать грубую силу — во всяком случае пока на кону стояли жизни Стивена и многих других — но все-таки это самое последнее средство, когда больше ничего не останется.

Что еще? Если бы Жонглер был обычным человеком, можно было бы заключить сделку, обменяться информацией. Но ему нужно только одно — сбежать отсюда и отомстить своему слуге, Дреду. А это Рени никак не могла пообещать ему.

«Что можно дать человеку, у которого есть все?»— подумала она с кислой улыбкой. Есть ли хоть что-нибудь, что Жонглер хочет знать? Что-то такое, что Рени и ее товарищи могут ему дать? Что может заинтересовать его?

«Его дочь,— внезапно подумала она.— Но годится ли она для этого?» Внезапно Рени поняла, почему все это так ее беспокоит. «Что бы она не делала, но своему отцу она точно не помогает. Скорее наоборот. Разве Пол не говорил, что за ним гнались головорезы Жонглера? Но, она, похоже, пыталась защитить Пола

от Близнецов, хотя спокойно могла отдать его им в руки, если бы захотела. Она даже сказала, что тоже боится их». Так как же она связана с Жонглером? Да, это не старомодная история Папы-С-Маленькой-Девочкой.

Что-то во всем этом было. Рени почувствовала, как у нее поднялось настроение. Есть о чем подумать, есть чем занять мозги.

«На самом деле мы ничего не знаем об этой Аве. Почему она была Эмилией — самым презренным персонажем в симуляции Оз? Почему она помогла Орландо и Фредерикс на Кухне и в Египте, но никогда не показывалась мне и !Ксаббу? И почему она стала ангелом, охраняющим Пола, когда ее собственный отец насиловал сеть, пытаясь поймать его?»

Рени механически шла вниз, как зомби, ставя одну ногу перед другой, но в первый раз за эти дни она почувствовала себя живой.

Пещеру в склоне горы они нашли довольно скоро после последней остановки, и решили разбить в ней лагерь, потому что не было никаких гарантий, что впоследствии найдется другое подходящее место, и им опять не придется спать стоя, каждую секунду рискуя свалиться с тропы.

Рени проснулась первой. Она перекатилась и посмотрела на Сэм, вздрагивавшую в беспокойном сне. Девочка переносила путешествие даже лучше, чем можно было ожидать, но Рени все равно беспокоилась: она подозревала, что такое удивительное самообладание обязано скорее безразличию и истощению. Повинуясь внезапному импульсу, она вытащила сломанный меч из-за пояса Сэм, села и стала ждать, когда проснется Жонглер.

!Ксаббу и человек с жестким лицом зашевелились одновременно. Похоже Феликсу Жонглеру приснился плохой сон — его кулаки сжимались и разжимались, а губы двигались, как если бы он пытался что-то сказать. Рени почувствовала себя немного более счастливой от мысли, что и у этого монстра есть муки совести.

Жонглер выпрямился и пробормотал: «Нет, стекло…», потом устало огляделся. Его взгляд упал на Рикардо Клемента, лежавшего в метре от него, открыв глаза, но в остальном почти безжизненного. Жонглер пожал плечами и потер лицо.

— Итак, — громко и неожиданно сказала Рени. — Что произошло между тобой и Полом Джонасом?

Жонглер застыл, как испуганное животное, потом его лицо стало полностью безразличным, как будто он надел на себя

маску, которую носил в древнем Египте.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хотела бы знать, почему ты преследовал Пола Джонаса. — Она постаралась говорить агрессивно небрежным голосом, но сердце отчаянно колотилось в груди.

Жонглер мгновенно вскочил на ноги и бросился к ней.

— Что ты знаешь о нем?

Рени была готова. Сломанный меч сверкнул, в дюймах от его лица. Жонглер опять застыл и уставился на нее, хищно изогнув губы и обнажив белые зубы.

— Лучше не подходи ближе, — сказала она. — Кто ты по национальности — француз? Ты говоришь по-английски с небольшим акцентом. Быть может ты привык к черным женщинам Южной Африки, которые делают то, что им говорят мужья. Ну, а я не такая, старик. Отойди и сядь.

Он не стал подходить ближе, но и не отступил.

— Акцент? Плохая шутка, особенно от тебя, чей дворовый *patois* [9] едва прикрыт школьной грамматикой. — У него были узловатые руки с распухшими суставами пальцев, напоминавшими маленькие белые яйца. Рени могла сказать, что — с мечом или без меча — ей в любом случае пришлось бы несладко, если бы этот деспот дал волю своим рукам. — Что ты знаешь о Поле Джонасе? — требовательно повторил он.

— В эту игру мы будем играть по другому. — Рени заметила, что !Ксаббу уже сидит и внимательно глядит на нее. — Ты сказал, что не собираешься делиться своей информацией бесплатно. Хорошо, я согласна, это честно. Мы много знаем о Поле Джонасе. Ты много знаешь о сети. Давай меняться.

Он сумел совладать со своим гневом, только жилы на шее и руках натянулись как струны.

— Ты слишком высокого мнения о себя, женщина.

— Нет, я знаю себя как облупленную — и поэтому наш договор мне очень не нравится. Тебе нужна наша помощь, чтобы выбраться из этой проклятой богом горы, но что мы получим взамен? Мы все спустимся, ты исчезнешь и у нас добавится еще один враг, только и всего.

Глаза Жонглера сузились.

— Я спас твою жизнь.

Рени фыркнула.

— Это стоило бы гораздо больше, если бы я не знала, что ты с намного большим удовольствием столкнул бы меня вниз, а не поймал. Кстати, с того времени мы пару раз спасли твою. И это не имеет никакого отношения к нашей сделке. Ну, будем делиться?

Теперь и Сэм села, ребенок, который привык просыпаться в

самых странных местах и ситуациях. Тем не менее на этот раз она необычно напряженно глядела на происходящее. !Ксаббу подвинулся к ней поближе, возможно чтобы не дать ей вмешаться в дипломатические усилия Рени.

— Что ты хочешь знать? — наконец сказал Жонглер. — И что ты хочешь предложить взамен?

— Ты и так знаешь, что у нас есть. Пол Джонас. Мы знаем его — и знаем его хорошо. На самом деле мы путешествовали вместе с ним. — Все это время она очень внимательно глядела на него и была вознаграждена вспышкой в его глазах. — Почему бы тебе не рассказать нам об Ином?

— А. Но вы и так знаете кое-что, верно?

— Очень мало. Что это? Кто это? Как работает?

Он рассмеялся, грубо и внезапно, как будто акула укусила.

— Да ты еще большая дура, чем я думал. Разрабатывая эту систему я потратил больше национального дохода твоей презренной страны, и убил дюжины людей, защищая свои инвестиции. Неужели ты думаешь, что я отдам все это за бесплатно?

— Бесплатно? Неужели Пол Джонас ничего не стоит? — Она нахмурилась — его лицо опять было холодно, как лед. — Он был с нами, знаешь ли. Ты был в дюжине метров от него на вершине горы, когда все начало валиться в тартарары. — Она увидела на его лице выражение недоверия и грубо рассмеялась. — Он был там! А ты даже не знал этого.

Жонглер, в первый раз, серьезно задумался над ее словами. Она увидела, что безупречный фасад его силы треснул, на нем появилась тень несчастья.

— Это не имеет значения, — наконец сказал он. — Сейчас его здесь нет. И мне нужен сам Джонас, а не старые новости о нем. Ты сможешь доставить его мне?

Рени на мгновение заколебалась, пытаясь сообразить, можно ли это сделать.

— Может быть.

Жонглер медленно и безжалостно улыбнулся.

— Ты лжешь. Разговор окончен.

Уязвленная, Рени покрепче сжала рукоятку меча.

— Неужели? Прежде, чем мы поговорим о твоей дочери, Аве?

На этот раз, к ее удивлению, Жонглер действительно отшатнулся. Из его лица ушла кровь, темные глаза, казалось, вылезли из глазниц.

— Если ты еще раз произнесешь это имя, я убью тебя, и никакой меч тебе не поможет, — сказал он раздраженным шепотом. Ему опять пришлось сражаться с собой, и он с трудом

победил. Пожалуй Рени давно уже не видела такого страшного зрелища. — Ты не знаешь ничего о ниочем… это все много выше твоих куриных мозгов. Не… ни единого слова! Поняла? — Он повернулся и начал спускаться. Но прежде, чем исчезнуть из вида, он опять повернулся и его дрожащий палец уставился в нее.

— *Ни единого слова*!

Когда он исчез, в маленькой пещере воцарилось молчание. Сэм, широко открыв глаза, глядела на Рени.

— Ну и ну. — Рени внезапно почувствовала, что ее всю трясет. — Ну, если он так хочет… Этот ублюдок — кровавый убийца, и я не собираюсь с ним дружить семьями. — Она заколебалась, но потом протянула сломанный меч Сэм. — На случай, если он рассердится и столкнет меня с обрыва. Сохрани его.

— Чизз, — сказала Сэм приглушенным голосом.

Много часов Жонглер шел впереди, хотя почти никогда не пропадал из вида — прямые плечи, решительная походка, суровое лицо. Какой-то части Рени хотелось бы посмеяться над его поведением — самый могущественный человек в мире, взобравшийся наверх по горе трупов, повел себя как избалованный ребенок, когда игра пошла не по его правилам. Но другая часть, которая боялась этого человека и отчаянно стремилась поддержать собственное мужество, сказала ехидный голосом, что она коснулась чего-то очень внутреннего и катастрофически опасного в Жонглере. Она уже видела его мгновенные вспышки гнева, но это было что-то другое — холодная ярость, которая не исчезнет никогда.

Похоже, она добилась только одного — этот плохой мужчина стал ее личным врагом.

Их отношения с Жонглером могли бы закончиться катастрофой, если бы гора не требовала полного внимания. Тропа медленно, но явственно становилась все хуже и хуже, и все впали в уныние. Теперь уже почти половину пути приходилось идти по самому краю, прижимаясь спиной к камню, и глядеть в загадочный серебряный туман, простиравшийся далеко внизу. Наконец Жонглер, едва не упав, решил смениться, замедлил шаг и пошел на расстоянии вытянутой руки от !Ксаббу, но они много часов не могли найти места пошире, где это можно было бы безопасно сделать.

Наконец его сменил !Ксаббу, и еще долго вел их, идя с такой скоростью, чтобы Рени и все остальные могли выдержать ее, но даже силы бушмена были не беспредельны. Несколько

неприятных происшествий едва не закончились катастрофой, но самое плохое было то, что они, очевидно, почти достигли конца тропы. Рени была уверена, что если все так и будет продолжаться, то завтра им придется идти на кончиках пальцев, вжавшись лицом в камень.

Она ошиблась. Это случилось намного быстрее.

Они нашли место пошире, немного отдохнули и поменяли порядок цепочки. Рени пошла впереди, !Ксаббу подождал, пока все, кроме Рикардо Клемента, прошли мимо и пошел вслед за Жонглером, который полз за Сэм. Рени почти уверилась, что чувствует, как темный взгляд главы Грааля жжет ей затылок, но у нее уже не было сил на такие фантазии: тропа сузилась настолько, что на ней с трудом помещались две ноги, стоявшие рядом друг с другом, и Рени пришлось идти очень аккуратно, и еще постоянно опираться о гору, чтобы поддерживать равновесие.

Прошло много часов, Рени устала до невозможности, спину ломило от неудобного положения, а глаза и ноги болели настолько, что ее уже стала привлекать мысль о шаге в пустоту. Море сверкающего тумана ближе не стало, но у Рени не было сил даже смотреть на него — смерть была слишком близко. Она уже несколько раз оступалась и едва не упала — однажды только рука Сэм, в самый последний момент схватившая ее за одежду, позволила ей сохранить равновесие и избежать шага в никуда. Но даже если бы они нашли место, где можно было поменяться, Сэм устала еще больше Рени. Конечно !Ксаббу без колебаний взял бы лидерство на себя, если бы его попросили — она знала это так же точно, как и то, что ее большой палец встретится с указательным, если она сведет их вместе — но она не хотела рисковать его жизнью. На самом деле больше никто не мог идти впереди. Им отчаянно нужно было место, где можно остановиться и лечь. Еще одна остановка ничего бы им не дала — они должны были уснуть. Но спать, опираясь на равнодушный камень — верный путь к катастрофе.

Здесь нечего рассуждать, поняла она. Она пошла медленнее, нагнулась и попыталась помассировать сведенное судорогой икру. Чувство было такое, как будто кто-то воткнул в мышцу кинжал. Ей хотелось выть от боли, но она знала, что и так едва держится на обрыве. И если начнет делать что-то в таком духе… Сейчас все висело на волоске.

— Мы должны остановиться, — сказала она вслух. — У меня судорога. Мне нужна передышка, хотя бы на мгновение.

— Если мы остановился, у нас всех будут судороги, — проворчал Жонглер из-за спины Сэм. — И мы все упадем. Мы должны идти, или умереть. Если ты упадешь, значит упадешь.

Злые слова. Но он прав. Если она остановится, она уже не сможет идти дальше. Поморщившись, она перенесла вес на свою напряженную пульсирующую болью икру и сделала осторожный шаг. Икра выдержала, хотя она все еще чувствовала себя так, как если бы в следующую секунду порвутся все волокна в мышце.

— Рени, осторожнее, — сказал !Ксаббу.

Она подняла свободную руку в воздух, думая весело и небрежно махнуть ею, но вместо этого слабо шлепнула по воздуху.

«Шаг. Перенести вес. Шаг». Рени мигнула, пытаясь смахнуть слезы, ослеплявшие ее. «Перенести. Шаг». Они все умрут здесь — один за другим, но она первая. Это место проектировал монстр-садист, с горящими огнем нервами. «Шаг. Перенести вес. Шаг».

Очень и очень скоро тропа еще больше сузилась, превратившись в полоску шириной со ступню Рени. К счастью в этом месте этой несчастной вселенной гора стала чуть более покатой. Рени перенесла тяжесть тела на горящую перенапряженную икру и заставила себя повернуться лицом к склону. Теперь она могла слегка опираться о гору и не видеть крохотный выступ, отделявший ее от падения в никуда.

Никто ничего не говорил. Слов не было, не было и сил на слова.

Через наполненные болью четверть часа того, что можно было назвать ходьбой по-крабьи, Рени взглянула вперед и грязно выругалась. Из глаз хлынули слезы, но на этот раз она легла на гору и стала ждать, когда они высохнут, не обращая внимания на резкую боль в ноге.

Впереди гору выпирало наружу, и бежавший вдоль гладкого камня крошечный карниз исчезал, сменяясь вертикальным или даже немного наклоненным наружу склоном. Она попыталась подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть гору, но ноги так затряслись, что она могла только стоять, вцепившись в камень.

— Рени? — спросил !Ксаббу. Несмотря на полное изнеможение, в его голос прорвалась тревога. — Рени?

— Все бесполезно, — всхлипнула она. — Тупик. Тропа завела нас в тупик. Мы в ловушке.

— Там есть еще дорога? — спросил он. — Рени, скажи.

— Быть может нам лучше вернуться…? — безнадежным голосом сказала Сэм.

Рени только покачала головой. Пальцы свело, но она мертвой хваткой вцепилась в выступ склона.

— Бесполезно… — печально прошептала она.

— Не шевелись, — сказал !Ксаббу. — Я пойду посмотрю.

Рени, которая мгновение назад думала, что во всей вселенной

не осталось ничего хуже этого, вздрогнула от ужаса.

— О чем ты говоришь?

— Не шевелись, — повторил !Ксаббу. — Я попытаюсь пройти между твоими ногами.

Рени с трудом держалась, безнадежно глядя на плоский равнодушный камень перед собой. «Боже праведный,— подумала она,— у него же не осталось сил. Он вел группу до меня».

— Не делай этого, !Ксаббу, — попыталась сказать она, но уже слышала, как кто-то ворчит и копошится справа от нее, где все остальные прилипли к почти голой горе. Она слушала, как он подходит все ближе и ближе, и никак не могла избавиться от мысли, насколько тяжело пройти мимо Сэм и Жонглера, опираясь на них вместо стены. Только сверхчеловеческое чувство равновесия могло сохранить ему жизнь.

— Осторожно, Рени, моя дорогая храбрая Рени, — сказал он. — Я справа от тебя. Сейчас я поставлю ногу между твоих ступней. Не двигайся и держись.

Вне себя от ужаса она открыла глаза и посмотрела вниз. Коричневая ступня !Ксаббу появилась между ее ступней, он держался краешками пальцев за край карниза. Под ними было только ничего — одно серебряное ничего. Его пальцы выгнулись, вытянулись как паучьи ноги и появились среди ее, вцепившихся в камень. Появилась вторая ступня и встала рядом с первой, сейчас он стоял на скользком каменном карнизе между ее пятками. На какое-то мгновение, когда его вторая рука вытянулась дальше, он оперся на ее спину, едва касаясь ее кожи; он как будто держал равновесие, стоя на паутине, и она успела подумать, что если она чуть-чуть отклонится назад, они оба упадут вниз, в бледный туман, полетят как ангелы и вся эта кошмарная боль наконец пройдет.

— На мгновение задержи свое дыхание, моя Возлюбленная Дикобраз, — прошептал он ей в ухо. — На короткое мгновение. Пожалуйста, пожалуйста.

Она опять закрыла глаза и припала к горе, молясь всем и всему, слезы бежали по щекам и шее. Он перенес одну ногу… руку… другую руку… вторую ногу и все, больше он ее не касался.

«Если уж умирать,— спокойно и мрачно подумала она,— то я бы хотела именно так, вместе, вместе…»

Она услышала, как он медленно идет вдоль кромки карниза.

— Ты должна идти дальше, — послышался его спокойный голос. — Все должны идти. Не будет ничего хорошего, если я обогну выступ, а ты останешься здесь. Иди за мной.

Рени покачала головой — разве он не знает? Ее ноги дрожат и не в состоянии идти. Она — мертвое насекомое: снаружи —

жесткий панцирь, внутри — пусто.

— Ты должна, Рени, — сказал он. — Остальные не могут идти, пока ты не пройдешь.

Она еще немного поплакала, потом попыталась разжать пальцы руки. Они превратились в когти, жесткие и закостеневшие. Она медленно перетащила ладонь на несколько сантиметров в сторону и опять вцепилась в камень. Потом кусала себя за губу до тех пор, пока боль не встряхнула мозги. Тогда она заставила ногу скользнуть вперед по карнизу. Нога горела как огонь, а колено начало выгибаться.

— Продолжай, — откуда-то спереди сказал !Ксаббу. Она уставилась на черный равнодушный камень. «Стивен,— сказала она самой себе.— Он неизвестно где. Помоги ему».

Она приставила вторую ногу к первой. Боль, хотя и разрывавшая все мышцы, не стала больше. Она выдохнула через нос и перенесла правую руку, потом опять повторила весь ужасный процесс.

Рени рискнула взглянуть вперед, и тут же пожалела об этом. !Ксаббу находился в том самом месте, где гора выпирала наружу и как-то очень сложно маневрировал — он скорчился и его голова оказалась под обнаженной породой, потом со скоростью черепахи двинулся вбок, перегнувшись в поясе и держась кончиками пальцев ноги за карниз, а пальцами рук слегка касаясь камня; весь его вес оказался впереди. Двигаясь, сантиметр за сантиметром, он то наклонял голову и плечи чуть-чуть вперед, то чуть-чуть назад; постоянно поддерживая равновесие он медленно огибал выступ. Рени почувствовала, как из ее глаз опять полились слезы, и смахнула их поднятой рукой.

!Ксаббу исчез за выступом. Она сделал еще несколько осторожных шагов, и достигла места, где начинался выступ. Припав к камню она ждала, зная, что все бесполезно и вот-вот она услышит его ужасный крик, который будет означать, что он упал.

Вместо этого он сказал.

— Здесь есть место.

Потребовалось долгое мгновение, прежде чем она сумела сдержать рыдания.

— Что?

— Место. Плоское место. Нужно только обогнуть выступ. Рени, тут можно лечь! Держись! Скажи остальным!

— Лжец. — Она скрипнула зубами. Она знала, что это ложь — и тем не менее обязана передать ее остальным, чтобы они нашли в себе силы обогнуть ужасное препятствие. — Там то же самое, что и здесь.

— Я сказал тебе правду, — резко ответил он. — Клянусь

сердцем праматери Богомол, я сказал тебе правду.

— Но я не могу, — захныкала она.

— Можешь. Подойди как можно ближе ко мне. Обопрись о склон, чтобы сохранить равновесие. И попытайся протянуть ко мне руку. Когда коснешься меня, не бойся. Я крепко схвачу тебя за руку и удержу.

— Он говорит, что на той стороне есть место, — сказала Рени остальным, пытаясь говорить так, как будто сама верит в это. Никто не ответил, но она краем глаза увидела Сэм Фредерикс, истощенную и испуганную. — Безопасное место, совсем рядом. — Она не стала передавать остальные указания !Ксаббу, ни на мгновение не веря, что это может сработать, потом скользнула как можно ближе к выступу. Опершись о склон, как советовал !Ксаббу, она вытянула вибрирующую ногу как можно дальше за выступ. На мгновение она решила, что оперлась слишком далеко, но тут окоченевшая нога смогла найти крошечную полку, на которой можно было удержаться. Она изо всех сил вцепилась в черный камень, и вытянула левую руку как можно дальше, за пределы зрения…

… И что-то коснулось ее. Несмотря на предупреждение ! Ксаббу, она так вздрогнула, что едва не сорвалась вниз, но пальцы, охватившие ее запястье, были тверды и надежны. Она шагнула дальше и, внезапно, камень выгнулся из-под нее, она потеряла равновесие и начала валиться в никуда. Она успела только безнадежно рефлекторно вскрикнуть, как ее руку резко дернули и она заскользила по склону. Правая нога соскользнула с карниза, но все остальное отскочило от камня, вращаясь вокруг точки опоры, левой ноги, и там уже был !Ксаббу, сильный святой !Ксаббу, бросивший себя назад в широкую трещину в склоне горы, и она упала прямо на него. Он быстро выбрался из-под нее и мгновением позже Рени услышала, как он подобрался к краю складки и зовет Сэм. Сама Рени могла только лежать лицом вниз на земле, вдавив лицо в камень, драгоценный горизонтальный камень.

Она едва поняла, что !Ксаббу начал переносить всех остальных. Едва дышащая Сэм упала рядом с ней, воя из-за сведенных судорогой пальцев ног и рук. Намного более спокойный Жонглер последовал за ней и молча повалился на землю. Когда адреналин в крови Рени уменьшился и сердце начало биться потише, она сообразила, что !Ксаббу отправился к краю трещины, опять собираясь рискнуть жизнью и помочь безумному Рикардо Клементу. Она встала на колени — каждая мышца протестующе закричала — и поползла к краю. !Ксаббу наклонился вперед на угол, при виде которого ее сердце опять

застучало, как молот, и медленно заговорил с кем-то, кого она не могла видеть, его худая рука вытянулась вокруг выступа.

— Я за тобой, !Ксаббу. — Голос прозвучал, как сухое карканье. — Хочешь, я схвачу тебя за руку?

— Нет, Рени, — сказал он приглушенным голосом. — Она нужна мне для равновесия. Но если ты подержишь меня за ногу, я буду очень тебе благодарен. И, как только я попрошу, быстро меня тащи.

Как только ее пальцы схватили его за лодыжку, !Ксаббу наклонился еще дальше. Рени на мгновение взглянула на него и тут же закрыла глаза. И вид странного неглубокого неба не помешал голове закружиться.

«Как хорошо, что здесь нет Т-четыре-Б»,— подумала она, стараясь отвлечься от невыносимого ужаса.

В следующее мгновение она почувствовала, как мускулы ! Ксаббу напряглись, он еще больше наклонился и вытянул руку до предела; она подумала, что сейчас сумасшедшие удары сердца разорвут грудь. Потом голое тело Клемента задрожало на выступе, !Ксаббу согнулся и дернулся назад, падая на Рени, а сверху на них упал Клемент.

Какое-то время они лежали, тяжело дыша, потом Рени нашла в себе силы помочь !Ксаббу отойти от края пропасти, подольше в полутьму расщелины. До того места, где Сэм лежала пластом, было не больше трех метров, но после узенькой ленточки тропы вся площадка казалась чуть ли не дворцом.

Рени заснула, короткий нырок под поверхность сознания. Проснувшись, она заставила себя подтащиться к !Ксаббу, который сидел, прислонившись к черному камню. Уткнувшись головой в его грудь, она начала тихонько поднимать ее, пока не добралась до ямочки под подбородком. Удары его сердца успокаивали, и она осознала, что хотела бы никогда не расставаться с ним.

— Кажется, дело плохо, — прошептала она.

Он ничего не сказал, но она почувствовала, что он внимательно слушает.

— Нам отсюда не уйти. От тропы ничего не осталось.

Она думала, что он начнет спорить, но он только медленно кивнул, изгибы его горла и челюсти полностью повторяли линии ее черепа, как будто ласковая рука погладила ее по голове.

— Я думаю, ты права.

— Что нам делать? Неужели останемся здесь до тех пор, пока гора не растает под нами? — Она поглядела на оцепеневшую Сэм, глядевшую на собственные руки. Жонглер тоже, казалось, заблудился внутри себя, хотя никто из них не ушел так далеко внутрь, как Рикардо Клемент. — Что еще мы можем сделать?

— Ждать. Надеяться. — !Ксаббу поднял руки и притянул Рени к себе. Его пальцы погладили ее в области сердца, по верхушке груди. — Неважно что произойдет, но мы будем вместе.

Она еще дальше зарылась в нем и поняла, что хочет не просто держаться за него, но целовать его, плакать рядом с ним, любить его. Но не здесь. Не в нескольких дюймах от медленно дышащего Жонглера, не под стеклянным взглядом Рикардо Клемента.

«И если не здесь, то где?— с печальным сарказмом подумала она.— И если не сейчас, то когда?» Потому что не осталось ничего. Совсем ничего. Кроме въевшейся в кости усталости и, для большего гротеска, кучки противных чужаков. Она бы обрадовалась, как ребенок, перестав сдерживаться и отдавшись самому безопасному из всего, что она могла вообразить.

— Расскажи сказку, — вместо этого прошептала она. — Хотя бы одну.

Она почувствовала, как его голова медленно повернулась из стороны в сторону.

— Я даже не могу думать о сказках, Рени. Я слишком устал. Все мои сказки ушли.

Более печальных слов она не слышала за всю свою жизнь. Закрыв глаза, она коснулась его лица. Налетел сон и унес ее за собой.

Даже после всего абсурда, который она уже вынесла, после видений и галлюцинаций, сон бросил ее в самые черные, самые неизвестные глубины, и, самое странное, она немедленно осознала это.

Обычно во сне она что-то делала, даже если результаты ее расстраивали; в самых худших случаях она была беспомощным наблюдателем, лишенным тела фантомом, осужденным наблюдать за жизнью, наслаждаться которой она больше не могла. На этот раз все было иначе. Этот сон бросился на нее, подхватил, как поток бегущей воды, проглотил и потащил за собой, и непрерывно колотил, пока она не почувствовала, что может утонуть в нем.

Если бы это была последовательность связанных между собой картин, ей было бы легче сопротивляться потоку кошмаров, она сумела бы найти способ управлять им, но вокруг нее крутился и ревел хаос, проходил через нее, изливался из нее, и его было не остановить. Полосы всех цветов, взрывы непонятных звуков, скребущие по нервам вспышки жары и холода, все это продолжалось до тех пор, пока она не почувствовала себя настолько переполненной всем этим, что она взмолилась о каком-нибудь более глубоком сне, в котором была бы блаженная

пустота без ощущений, а этот непрерывный ужасный поток остановился.

Смерть. Слово на мгновение повисло в воздухе, как бросающийся в глаза заголовок статьи. *Смерть. Спокойствие. Покой. Темнота. Сон*. Это был опасный соблазн: прекратить неуправляемую анархию ощущений, остановить непрерывную засасывающую гонку. Но жизнь, скрытая внутри, оказалась слишком сильной: когда темнота пришла, она испугалась ее.

Холодная, медленно сочащаяся темнота, черная липкая хватка которой оказалась чуть ли не хуже суматошного ужаса, на смену которого она пришла, потому что исчезли не только сводящие с ума крутящиеся образы, но и большая часть мыслей. Реальность распалась, развалилась на куски, стала последовательностью бесцельных движений, которые, как она поняла, раньше сдерживались и замедлялись.

Она плавала в живой тени. Там не было ничего, кроме ее самой, окруженной невообразимой темнотой. Она не могла думать, во всяком случае последовательно. Она могла только ждать, пока время или, возможно, какой-нибудь неумелый обманщик сделает свое дело.

Пустота длилась много эонов. Умерло даже воображение. Эон летел за эоном.

Наконец она почувствовала что-то — слабое трепетание в нигде. О боже, это что-то настоящее! Что-то далекое, но другое, не она сама. Нет, *много* других, живых и маленьких, крошечных, благословенных комочков там, где мгновение назад не было ничего, кроме холода.

Она горячо потянулась к ним, но трепещущие комочки бросились от нее, испугались ее. Он протянулась опять, и они отступили еще дальше. Она опечалилась, сильно и болезненно, и прониклась уверенностью, что все то, что делает ее цельной, сейчас взорвется, и она опять окажется в темноте, разбитая и упавшая духом. Она лежала в ледяной муке.

Комочки вернулись.

На этот раз она потянулась к ним медленно и осторожно, так осторожно, как только могла, чувствуя их невероятную хрупкость. Еще немного и они сами подошли к ней, без уговоров. Она взяла их в руки с почти бесконечными предосторожностями, и обняла каждый из них так нежно, как только могла, между мыслями проходили века, между болезненно сдерживаемыми движениями — тысячелетия. Но все равно некоторые из них оказались слишком уязвимыми, и с еле слышным криком взорвались в ее руках, как мыльные пузыри. У нее заболело сердца.

Остальные отлетели прочь, взволнованные и испуганные, и

она тоже испугалась, что они улетели навсегда. Она позвала их. Некоторые вернулись. О, какие же они были нежные и красивые!

Она заплакала, и вселенная медленно обрушилась.

Сон был настолько глубок, реален и, одновременно, странен, что она долго не могла понять, что пришла в сознание. Ее сознание все еще блуждало в холодной темноте: потребовалась минута, чтобы она вспомнила свое имя, и Рени никак не могла открыть глаза. Наконец вернулись ощущения, что-то защекотало ее по коже и рукам, она с трудом разлепила веки и… закричала.

Серое, крутящееся серебряно-серое. Вспышки света, мазки сломанных цветов спектра, тонкая серебрящаяся пыль… и все. Казалось, что мерцающие облака, окружавшие гору, сейчас собрались вокруг нее, океан серебряной пустоты, хотя под ногами она чувствовала что-то твердое и горизонтальное. И у нее было тело — значит это не сон. Она ощупала себя и землю рядом с собой, которую она даже не могла увидеть. Она затерялась в сияющем густом тумане, и нет никого и нечего.

— !Ксаббу? Сэм? — Она немного проползла по твердой, но по-прежнему невидимой гладкой поверхности под собой, потом вспомнила о крае трещины и остановилась, захлестнутая волной паники. — !Ксаббу! Где ты?

Эхо осталось одной из немногих жизненных черточек, сохраненных разрушающейся черной горой, но здесь не было и эха. Рени опять поползла вперед, дрожащими пальцами ощупывая поверхность перед собой, но даже и через дюжину метров она не обнаружила ни склона утеса, ни пропасти, которая должна была находиться за краем трещины. Как если бы гора внезапно растаяла, оставив ее на совершенно непонятной равнине в окружении сверкающего тумана.

Она проползла еще дюжину метров. Земля, хотя и невидимая, была настолько гладкой, что казалась сделанной из стекла, тяжелого и прочного, от которого болели колени. Она еще раз прокричала имена товарищей. Тишина. Абсолютная тишина. Наконец, в отчаянии, она прыгнула на ноги.

— !Ксаббу! — Она кричала до тех пор, пока не начало саднить в горле. — !Ксаббу! Ты слышишь меня?

Ничего.

Она сделала полдюжины осторожных шагов, тщательно проверяя землю, прежде чем на нее ступить. Абсолютно плоская поверхность. И больше ничего — ни трещины, ни вертикально стоящего камня, ни даже звука или света, кроме вездесущего свечения жемчужного тумана. Но и туман был нематериален: он мокро мерцал, но воды в нем не было. И вообще не было никого и

ничего. Только Рени. Все остальное исчезло.

Она села и обхватила себя руками за голову. «*Я умерла*»,— подумала она, но, как и во сне, эта мысль не слишком успокаивала. «*И это все, что мне осталось. Все врут*». Она засмеялась, но смех как-то нехорошо отозвался в ней самой. «*Даже атеисты врут*».

— Черт побери! — сказала она вслух.

Ее глаз уловил тень — в тумане что-то двигалось.

— !Ксаббу? — Не успев договорить, она сообразила, что лучше помолчать. Охотятся — за ними за всеми охотятся. Но она не смогла подавить рефлекс полностью. — Сэм? — прошептала Рени.

Фигура приближалась, возникая из ничего, как привидение. Она уже приготовилась к чему-нибудь жуткому, но внезапно узнала того, кто разделял с ней серебряную пустоту.

— Я… я Рикардо, — сказал человек с пустыми глазами. — Клемент, — добавил он мгновением позже.

ГЛАВА 5
Последний кусок рыбы

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Церковь отказывается изгонять духов из «богимена»

(изображение: ребенок на кровати в больнице Ля Палотна)

ГОЛОС: Епархия Лос-Анжелоса отказала группе из примерно трех дюжин Мексикано-Американских родителей, которые требовали изгнать духов из их детей. Сами дети утверждают, что им всем снятся одинаковые кошмары о темном духе, которого они называют «Эль Кукуйя» — богимен. Трое из этих детей покончили жизнь самоубийством, а нескольких лечат от депрессии. Социальные работники утверждают, что виноват отнюдь не несуществующий демон — дети проводят в сети слишком много времени.

(изображение: Кэсси Монтгомери, глава Латино-Американской службы социальных работников)

МОНТГОМЕРИ: «Пока мы не знаем причины, но я не считаю совпадением, что большинство из этих молодых людей — хакеры и постоянно находятся в сети. Совершенно ясно, что они что-то увидели или испытали там, и теперь видят плохие сны. Все остальное я считаю разновидностью истерии.»

— Еще более важно, — сказала женщина-гид, профессионально улыбаясь из-за тяжелых солнцезащитных очков, — то, что у нас есть здоровая, хорошо размножающаяся популяция птиц, занесенных в «Красную книгу» — коростель, шотландская куропатка, розовая цапля, луизианская цапля и замечательная белая цапля, и это далеко не все. Сейчас Шарлеруа завезет нас глубоко в болото. Быть может мы увидим оленя или даже рысь! — Она работала с увлечением: было ясно, что она готова с тем же энтузиазмом вести экскурсии день за днем.

Не считая гида и молодого человека, делавшего вид, что управляет лодкой, чьи загорелые руки носили змеиные следы подкожных инъекций и чье выражение лица заставляло предположить, что внутри него что-то еще горит, в лодке, неторопливо плывущей под утренним солнцем, было только шесть пассажиров: краснолицая британская пара и их маленький

шумный сын, прорезавший ряску сувенирной светящейся палочкой, молодая пара профессионалов из центра страны, и Ольга Пирофски.

— Пожалуйста, не суйте руки в воду. — Гид сумела сохранить улыбку даже тогда, когда ее голос посуровел. — Здесь не парк развлечений — наши аллигаторы совсем не механические куклы.

Все, за исключением Ольги, почтительно рассмеялись, только мальчик никак не хотел перестать бить своей палочкой по воде, пока отец не сказал ему: «Перестань, Гарет», — и шлепнул его по затылку.

«Странно, очень странно,— подумала Ольга.— После стольких прожитых лет и пройденных миль закончить жизнь здесь». Берег с высокими кипарисами замаячил впереди, призраки, сделанные из утреннего тумана, быстро рассеивались. «*Здесь конец*».

Прошло уже три дня с того времени, как она достигла конца путешествия, или, возможно, путешествие бросило ее. Все замерло, стало бессмысленным, вроде этой маленькой лодки, двигавшейся по заранее определенному пути через воскрешенное болото. Этими тихими ночами Ольга никак не могла заснуть. Только иногда, когда рассвет уже касался окон ее комнаты в мотеле, ей удавалось ненадолго соскользнуть в бессознательность. Она едва находила в себе силы есть и пить, и разрешила себе не делать ничего более серьезного. Она даже не понимала, какой импульс заставил ее купить билет на эту экскурсию; здесь не было ничего, что стоило нескольких часов сна, которые у нее могли бы быть взамен. А свою цель она могла видеть отовсюду — черная башня господствовала над окрестностями, как средневековый собор над деревней и полями.

Три дня без голосов, без детей. Она не чувствовала себя такой одинокой с тех далеких ужасных дней, когда умерли ее ребенок и Александр.

«И я даже не помню, что значит чувствовать,— осознала она. — Огромная пустота, это все, что мне осталось. Как дыра, и всю мою жизнь с того времени я что-то бросаю в эту дыру, стараясь наполнить ее. Но я не могу почувствовать ее».

«И никогда не чувствовала,— поняла Ольга,— ни полностью, ни по настоящему». И сейчас это была тьма, которую невозможно достичь, на другой стороне перепонки преднамеренного незнания, тонкой стене, отделяющей ее от ужаса, такого же полного, как космический вакуум.

«И если бы я прошла сквозь нее,— подумала она,— я бы умерла. Я думала, что я сильная, но никто не может быть

сильным настолько. Надо держаться по эту сторону».

— После завершения Междубережнего Барьера, — продолжала гид, — тысячи и тысячи акров канала, потерянных из-за эрозии и увеличивающейся солености, вернулись в первоначальное состояние, спасенные для будущих поколений. — Она кивнула, как если бы сама каждое утро выбиралась из кровати, смазывалась солнцезащитным кремом, надевала болотные сапоги и шла собирать барьер.

«Но это же прекрасно,— подумала Ольга,— даже если все это иллюзия». Лодка медленно плыла мимо множества гиацинтов, дрожавших над светло-лиловой водой. Маленькие птицы неторопливо уплывали с их пути, явно знакомые с тем, что теперь было издавна установленным порядком. Кипарисы стали ближе. Солнце поднялось на пядь выше Миссисипского пролива и залива за ним, но свет не мог проникнуть внутрь чащи плотно переплетшихся между собой деревьев и сбросить с их колен туманное одеяло. Темнота между ними выглядела спокойной и спящей.

— Да, — внезапно сказал мужчина из молодой пары профессионалов, — но разве создание этого Междубережного э… Барьера… не разрушило почти все болотистые места, которые были здесь? — Он повернулся к своей жене или подруге, которая сделала вид, что ей очень интересно. — Посмотрите, корпорация, которая владеет всем этим, полностью уничтожила озеро Борне. Оно было только несколько метров в глубину, они соединили его с морем, навалили посреди кучу земли, создали остров и на нем построили штаб-квартиру корпорации. — Он посмотрел на гида, на его тонком лица явственно читался легкий вызов. Ольга решила, что он был инженером, для которого любой управляющий — враг. — Да, частью сделки было то, что они должны были позаботиться об остальном и создать маленький природный парк. При этом убив всю рыбу вокруг.

— Вы — зеленый, или что-то в этом роде? — скучным голосом спросил англичанин.

— Нет. — Молодой профессионал слегка сбавил тон. — Просто… просто я читаю газеты.

— Джи Корпорэйшн не сделала ничего плохого, — чопорно сказала гид. — У них было разрешение строить посреди озера Борне. Все абсолютно законно. Они просто… — она напряглась, сообразив, что говорит не своим обычным *recititativo* [10], — они просто хотели дать что-нибудь взамен. Обществу. — Она повернулась и взглянула на юного рулевого, который округлил глаза, но все-таки увеличил скорость. Теперь они плыли мимо стволов кипариса, остроконечными островками поднимавшихся

из темной воды и похожих на миниатюрные версии черной горы, постоянно вторгавшейся в сны Ольги.

«Идти больше некуда,— подумала она.— До башни я добралась, но это частная собственность. Кто-то даже сказал, что у этой корпорации есть постоянная армия. Никаких экскурсий, никаких посетителей, войти нельзя». Она вздохнула, когда кипарисы скользнули к ним через туман, погрузив маленькую лодку в полумрак.

Ольга подумала, что все это походит на рекламу: зал водяного собора, колонны и занавеси, кипарисы, покрытые движущимся мхом, на мгновение застывшим; сама вода, спокойная и ровная, как кожа на барабане, пробуждающаяся при приближении лодки. Она почти представила себе, что они уплыли не только от лучей солнца, но вообще выпали из времени, соскользнули через тысячелетия в ту эпоху, когда люди даже не касались огромного Американского континента.

— Смотрите, — сказала гид, четко поставленный голос выдавал ее настроение с хирургической точностью скальпеля, — брошенная лодка. Это *пирога*, плоскодонка, которой обычно пользуются охотники и рыбаки.

Ольга невольно взглянула на скелет маленького суденышка, на его ребрах росли гиацинты, похожие на заглавные буквы раскрашенного требника. Очень живописно. Даже слишком.

— Бутафория, — прошептал юный профессионал своей половинке. — Десять лет назад здесь не было никакого болота — они буквально построили его после того, как закончили проект Озеро Борне.

— Людям, жившим на болотах, приходилось нелегко, — продолжала гид, не обращая внимания на молодого человека. — Хотя время от времени здесь происходили экономические подъемы, вызванные подорожанием меха или древесины кипарисов, спады были значительно более долгими. До того, как Джи Корпорэйшн создала Луизианский Болотный Заповедник, жизнь здесь постепенно умирала.

— На первый взгляд сейчас здесь вообще никто не живет, — заметил англичанин и рассмеялся.

— Гарет, оставь в покое черепашку, — сказала его жена.

— Нет, еще есть люди, которые живут здесь по старому, — весело ответила гид, радуясь легкому вопросу. — Вы увидите их во время нашей последней остановки, когда мы окажемся на Болотном Рынке. Старые ремесла и умения не забыты, но бережно сохранены.

— Как мертвая свинья, заспиртованная в кувшине, — тихо сказал инженер, и Ольга поразилась неожиданному сравнению.

— Если хотите знать, — сказала гид, и ее настороженность прорвалась наружу, — народ Шарлеруа происходит из этой самой области, верно? — Она повернулась к юному рулевому, который в ответ посмотрел на нее с бесконечной скукой. — Твоя семья отсюда, не правда ли?

— Да, мэм. — Он кивнул, потом сплюнул через борт. — И посмотрите на меня сейчас.

— Командует судном, плывущим через болота, — сказала гид, как если бы это доказывало ее правоту.

Когда гид начала с подробностями рассказывать о красноплечем ястребе, ибисе, змеешейке и прочих крылатых тварях, рекламировавших болото, Ольга разрешила своему рассудку идти куда ему заблагорассудится, чувствуя себя ленивой, как след через плавучие водоросли, проложенный вчера — их лодка плыла по нему с минимальными отклонениями. Птица, которую гид обозвала выпь, стучала, как молоток, ударяющий по доске. Кипарисы стали редеть, туман понемногу таял.

Они выскользнули из рощи и опять увидели огромный черный палец бога, властвовавший над горизонтом за растительным болотным ковром.

— О мой бог, — сказала англичанка. — Гарет, дорогой, взгляни на это.

— Это просто дом, — сказал ребенок, роясь в рюкзачке в поисках чего-нибудь съестного. — Мы уже видели его, раньше.

— Да, это башня Джи Корпорэйшн, — сказала гид, гордясь далекой громадой как если бы она была Междубережным Барьером. — Отсюда не видно, но на острове озера Борне находится настоящий город, со своим аэропортом и полицией.

— И они установили там свои собственные законы, — сказал профессионал своей спутнице, которая повязала на лоб косынку. На этот раз он и не подумал шептать. — Этот парень, который владеет этим всем, Жонглер, безусловно один из самых богатых людей в мире. Говорят, что у него слишком много денег, чтобы правительство могло ему что-то сказать.

— Это не совсем правда, сэр… — начала было говорить смутившаяся гид.

— Вы шутите? — Мужчина фыркнул, потом повернулся к англичанам. — Говорят, что Жонглер не захотел управлять правительством напрямик только потому, что тогда ему пришлось бы платить налоги.

— Это не ему ли две сотни лет отроду? — спросила англичанка, а ее муж фыркнул, услышав об идее обладать правительством. — Я видела о нем передачу — он машина или

что-то в этом роде. — Она повернулась к мужу. — Я вся заледенела, глядя на него.

Гид энергично взмахнула руками.

— Все, что говорят о мистере Жонглере, — преувеличение. О его жестокости, деньгах и влиянии на правительство. Он старый человек, и очень болен, вот и вся правда. — Она надела на лицо соответствующее выражение, и Ольга вспомнила Печального Диктора Новостей, который рассказывал о крушениях школьных автобусов и бессмысленных самоубийствах. — Конечно, он очень влиятелен — в Джи Корпорэйшн работают десятки тысяч жителей Нового Орлеана, и сотни по всему миру. Он — держатель контрольного пакета акций множества компаний: Коммерческой Банк, Клинзор Фармасейтикал, Дартеон. Кстати, и Оболос Энтертейнмент, детские интерактивные шоу, — сказала она, обращаясь к маленькому мальчику. — Гарет, верно? Ты же знаешь дядюшку Джингла, а?

— Да. «Прекрасные Сопли!» — Он засмеялся и шлепнул маму по подбородку светящейся палочкой.

— Видите? Джи Корпорэйшн участвует во множестве проектов, владеет множеством замечательных, помогающих людям компаний по всему миру. Мы любим говорить, что мы «народная корпорация»…

Ольга больше не слышала ее — на самом деле она вообще больше ничего не слышала после того, как гид упомянула Оболос. Она проработала в компании много лет, и никто и никогда не сказал ни одного слова о Джи Корпорэйшн. Но, конечно, кого это интересует? В мире хищников, где все корпорации поедают друг друга, кто может сказать, какая проглотила последний кусок рыбы?

«Я должна исследовать башню. Я должна…»

Это был религиозный опыт, откровение, а не какое-нибудь домашнее задание. Голоса детей потребовали, чтобы она пришла: она выбросила все, чем обладала, и пришла.

«Дядюшка Джингл — Дядюшка Джингл приходит из черной башни…»

Ольга Пирофски провела в крошечной лодке еще два часа, окруженная людьми, рты которых двигались, но чьи голоса она больше не слышала — путешественница со звезд высадившаяся среди лепечущих чужих.

«Дядюшка Джингл убивает детей. И я помогала ему делать это».

* * *

— Я не понимаю, — сказал Длинный Джозеф. — Где этот Селларс? Ты сказал, что он звонил — постоянно был на проводе. Но теперь он вообще не звонит, вообще!

— Он сказал, что позвонит, — Джереми беспомощно развел руками. — Он сказал, что весь мир сошел с ума… и мы не единственные, кому приходится туго.

— Да, но, держу пари, мы единственные запертые в горе, пока банда убийц-буров готовится прожечь дорогу и убить нас.

— Расслабься, понял? У меня от тебя болит сердце. — Дель Рей Чиуме вернулся из короткого обхода базы. — Не обращай на него внимания, — сказал он Джереми. — Лучше прочитай нам заметки, которые ты сделал — у нас нет времени на пустые споры.

Длинному Джозефу Сулавейо очень не нравилось то, что происходило. Не слишком хорошо быть запертым в военной базе глубоко под землей в центре неизвестно чего, особенно если у тебя осталось всего три бутылки с пивом и только бог знает, сколько это продлится, а есть еще люди снаружи, жаждущие всадить тебе пулю в брюхо; а тут еще этот Дель Рей, которого Джозеф сам приволок сюда: у него оказались общие интересы с Джереми Дако и они строят заговоры против него.

Джозеф не видел в этом никакого смысла, если, конечно, этот Дель Рей не тайный гомик, и братские узы между ними не стали сильнее верности. «Может быть это и есть настоящая причина того, что он порвал с Рени».

— Ты хочешь, чтобы я доверил свою жизнь этому *дерьму*? — с вызовом спросил он.

— Не заводись опять, Джозеф Сулавейо, — сказал Джереми. — Особенно после того, как исчез на день не сказав ни слова, и оставил все это на меня.

— Я должен был посмотреть на сына. — Тем не менее в его глазах скользнула легкая тень вины. Ему не хотелось сидеть в этом курятнике одному. Возможно Джереми тоже было нелегко. — Хорошо, парень, но кто такой Селларс? Что ему нужно от нас? Почему он звонит неизвестно откуда и говорит нам, что мы должны делать?

— Он пытается спасти наши жизни, — проворчал Джереми. — И если бы ты не появился, он был бы для меня единственной надеждой спастись от убийц снаружи.

— Он и еще несколько футов стальных плит. — Дель Рей пытался говорить весело и небрежно, но не преуспел. — Бывают и намного худшие осажденные места, чем укрепленный военный бункер.

— Нет, если у нас тут будет балаган, — строго сказал

Джереми. — Ты собираешься выслушать меня?

Подозрения Джозефа еще не улеглись. — Ты сказал, что этот человек из Америки, верно? Как же он нашел это место? Предполагалось, что это очень большая тайна.

— В точности не знаю. Но он чертовски много знает о Рени, ! Ксаббу и французской женщине — и даже знает кое-что о старике Сингхе. Селларс сказал, что он умер.

— Почему он говорит такие вещи? — Джозеф почувствовал, как дрожит от суеверного страха. Было так странно держать молчащую трубку, ожидая голоса из ниоткуда — голоса, который никогда не придет. — Этот Селларс действительно сказал тебе, что он мертв?

Джереми изумленно уставился на него, потом раздраженно фыркнул.

— Он сказал, что Сингх мерт. Сингх. Старик, который помог Рени и остальным. А теперь ты заткнешься и будешь слушать то, что я написал. Снаружи люди, пытающиеся ворваться сюда. Хоть мы и запихали в лифт походные кровати, надолго это не поможет.

Джозеф махнул рукой. У этих гомосеков есть одна женская черта — они всегда на все слишком эмоционально реагируют.

— Говори. Я слушаю.

Джереми опять фыркнул, потом посмотрел на записи, которые нацарапал старомодной ручкой на бетонной колонне.

— Селларс говорит, что мы не сможем заблокировать лифт — они спустятся вниз по шахте. Мы должны запечатать всю секцию базы. Он говорит, что есть план, который показывает, как это сделать. Но мы должны приготовиться к долгой осаде, и принести сюда все наши вещи. Джозеф, это означает, что ты должен притащить сюда из кухни всю воду и еду, какую только сможешь. Мы не знаем, когда они взломают внешние двери, так мы должны быть готовы запечатать секцию в любой момент. Поэтому чем раньше мы начнем таскать, тем больше воды и еды у нас будет.

— Что, ты хочешь, чтобы я таскал вниз эти пластиковые контейнеры с водой, как какой-нибудь поденщик? А кто будет искать револьверы — Дель Рей? Видел бы ты его с пистолетом в руке. Он более опасен для нас чем все эти плохие парни.

Джозеф на мгновение закрыл глаза. Дель Рей выдохнул и нехорошо выругался.

— Трудно поверить, что были такие моменты, когда я на самом деле скучал по тебе, — сказал Джереми. — Во-первых здесь нет никакого оружия, как и никакого офисного оборудования. Почти все, что можно было унести, они унесли с собой, когда закрывали базу. Они оставили только еду и воду, потому что думали, что в будущем смогут использовать это место как

бомбоубежище. Во-вторых, даже если бы у нас было оружие, нам этих людей не остановить. Ты сам сказал, что они вооружены как отряд спецназа. Селларс говорит, что для нас самое лучшее — запечатать это место и ждать.

Длинный Джозеф не знал, плакать ему или радоваться, что ему не удастся пострелять в боевиков бура.

— Тогда что будет делать *он*? — спросил он, ткнув пальцем в сторону Дель Рея.

— Посмотрим. Мистер Чиуме, вы знаете что-нибудь о компьютерных системах, электронике?

Дель Рей покачал головой.

— У меня степень по политологии. Я знаю как пользоваться электронным блокнотом, но это все.

Джереми вздохнул.

— Этого я и боялся. Селларс сказал, что он может нам помочь еще больше, но для этого надо поставить множество заплат. Теперь я должен сам довести дело до конца, если смогу понять его инструкции. Боже правый, надеюсь, что он скоро позвонит.

— Заплаты?

— Здесь очень старомодная система, ей лет двадцать-тридцать, а может и больше. Я не знаю в точности, что он хочет сделать, но он сказал, что это очень важно. — Джереми попытался улыбнуться. Он выглядел очень бледным и напряженным. — Тогда, мистер Чиуме, вы станете дежурным по генератору.

— Пожалуйста, называй меня Дель Рей. Что я должен делать?

— Если нам действительно придется закрыться здесь, в лаборатории, нам нужен генератор, потому что эти люди попытаются отключить нам электричество, которое мы получаем снаружи. А оно нам необходимо, не говоря уже о том, что нам надо поддерживать работоспособность капсул. — Он указал на огромные цистерны, находившиеся уровнем ниже, кабели опутывали их со всех сторон, как ползучие лозы камень. — Селларс сказал, что нам очень повезло: они поставили сюда работающий на водороде генератор, не реактор, потому что если бы это был реактор, военные точно забрали бы его с собой, не оставив нам ничего, кроме электросети.

— Я все еще не понимаю, — пробурчал Длинный Джозеф, в его голове крутились малопривлекательные виды самого себя, с проклятиями тащившего дюжины тяжелых пластиковых контейнеров с водой и едой с верхних уровней. — Что он знает о моей Рени? Каким образом какой-то американка узнал о ней и добрался до нас?

Дель Рей пожал плечами и ответил, обращаясь к Джереми.

— А что каждый из нас делает в этом странном месте? Почему банда головорезов вломилась в мой дом и угрожала убить меня за то, что моя бывшая девушка говорила с исследовательницей из Франции? Это странный мир и с каждым днем он становится все более странным.

— Это первая имеющая смысл фраза, которую ты сказал за все это время, — констатировал Джозеф.

Джозеф чувствовал себя потным и злым, но еще больше ему мешали пустые гулкие залы «Осиного гнезда», от которых по его коже тек холодный пот.

Джозефу не хотелось думать, что он дрожит от страха — хотя в его жизни это был далеко не первый раз — но он не мог бы утверждать, что все идет как надо.

«Парень, ничего не идет так, как надо»,— сказал он себе, вкатывая ручную тележку в лифт. Прежде, чем нажать кнопку, он прислушался, пытаясь понять, смогли ли эти головорезы наверху подобрать код и открыть массивную главную дверь; тогда сейчас убийцы молча крадутся по коридорам базы, как коты в ночи. Но все было тихо, и он даже не слышал Джереми и Дель Рея, находившихся двумя этажами ниже. Только его собственное тяжелое дыхание оживляло это место и превращало его во что-то другое, а не в дыру, окруженную камнем, и необитаемую, как пустая раковина.

Звякнула, открываясь, дверь лифта. Негромко выругавшись, Джозеф выкатил тележку и стал сгружать с нее упаковки с водой. Ноги Джереми торчали из-за консоли, окруженные различными приборами и кабелями, и он на мгновение вспомнил комнату Слона, похожую на киношный вариант лаборатории сумасшедшего ученого. «*Это уже совсем не тайна*»,— вот что сказал толстяк об этой базе, и он был прав. Хотя Джозеф вовсе не собирался заехать к нему в гости и поздравить с удачным предсказанием.

— Воды больше нет, — крикнул он ногам Джереми. — Теперь я собираюсь принести еду. Даже не знаю почему — там только упакованная дрянь. После нескольких недель такой еды тебе захочется убить себя и как можно быстрее.

Джереми выскользнул из-под консоли, его взгляд был таким твердым, что Джозеф мог бы открыть им бутылку с пивом, если бы она у него была.

— Да, и очень жаль. Поэтому я был уверен, что пока ты шлялся по Южной Африке, а я сидел здесь и приглядывал за твоей беспомощной дочкой, ты догадаешься купить мне пару сладостей. Что-нибудь вроде хороших конфет, а? Или дюжину

коксистеров [11] из булочной? Что-нибудь такое, чем бы я мог вознаградить себя за то, что сижу здесь и ем только такую еду, которую ты так точно обозвал дрянью?

Джозеф, обладавший большим опытом общения со своей дочкой и всеми остальными, сразу узнал довод, на который невозможно возразить; поэтому он быстро покатил свою тележку к тому месту, где начиналась его пирамида упаковок воды. Возвращаясь назад он увидел, что Джереми благополучно находится под консолью, а Дель Рей вообще исчез из вида. Джозеф остановился и внимательно оглядел лабораторию. Молчаливые гробы В-капсул, пыльные, мертвые вещи на музейных полках. Внезапно в уголках его глаз выступили слезы. Удивленный, он быстро вытер их.

«Одну вещь,— молча сказал он соседнему устройству.— *Одну вещь я тебе обещаю: они никогда не доберутся до тебя, пока я жив. И я постараюсь вернуть тебя к солнцу».* Он очень удивился, услышав речь, которую сказал сам себе, но еще больше удивился, поняв, что сказал правду.

— Ты слышишь меня, детка? — прошептал он. — Я еще жив, они не достали меня.

Он испугался, что Джереми или Дель Рей могли увидеть его, да и вообще это место было такое же каменное и несчастное, как могила. И поспешил обратно в лифт.

* * *

Каллиопа Скоурос скривилась и выплюнула кофе обратно в стакан. Не то, чтобы у него был такой ужасный вкус, хотя не без этого — обыкновенное кофе из маленького пакета для быстрого приготовления — но прошлой ночью она выпила столько кофе, что даже после пяти часов плохого сна все еще чувствовала вкус вчерашнего кофеина, который слонялся по ее телу, как один из тех ужасных энергичных людей, которые живут только для того, чтобы досаждать соседям.

Однако настроение Каллиопы улучшалось с каждой минутой. Правда в войне с официанткой она еще не добилась решительной победы, но была к ней близка.

Элизабет (одинаково гордо носившая тату и все это кофе) открыла свое имя, и сейчас регулярно приземлялась за столиком Каллиопы, чтобы поболтать, даже тогда, когда случайный просчет в политике «сядьте сами» уводил детектива в другую секцию, которую Элизабет не обслуживала. К удивлению и удовольствию Каллиопы, она обнаружила, что юная женщина не просто

лохматая симпатичная пустышка. Она изучала искусство в университете — ну конечно! — иногда выглядела очень задумчивой и даже была готова послушать несколько коротких историй, когда отвлекалась от вечных жалоб на мерзких боссов, больные ноги и неприятности со ссудами и машинами.

Интересно, что во время этих мимолетных вечерних разговоров совершенно не проявлялись другие обычные компоненты несчастной официантской жизни: Элизабет не упоминала ленивых, невежественных или жестоких любовников. На самом деле она вообще не упоминала о любовниках (или любовницах).

«Скорей бы уже появилась какая-нибудь определенность,— сказала себе Каллиопа, с ужасом подумав о месяцах ожидания среди чрезмерно пестрой публики в Вонди Бейби.— За это время кофеин меня убьет».

— Я бы заплатил пенни за твои мысли, партнер. — Стэн Чан скользнул в узкую комнату с огромным экраном на стене. Полицейские называли ее «зеленой комнатой». Стэн, как обычно, бросил свой пиджак на спинку стула: в крошечном помещении стояла жара, как в сауне. — Но я уверен, что я бы недоплатил. Сегодня ты выглядишь невероятно задумчивой. Сколько они стоят? И чем платить? Швейцарскими франками? Или жилыми домами? — Он посмотрел на экран, который показывал тощего, покрытого шрамами мужчину. В комнате, в которой сидел заключенный, не было ничего, кроме старого стола и нескольких стульев, стены из отвратительного оранжевого фибрамика были покрыты еще более отвратительными граффити с мазками крови. — Ну, если говорить о более стоящих вещах, не наш ли это друг, Большой Три?

Стэна иногда бывало трудно выносить по утрам, даже когда все мысли в голове Каллиопы не смешивались в кучу от совершенно легального эквивалента пары песенок тяжелого рока.

— Не мог бы ты говорить потише? Да, это он. Провел всю ночь в камере, и мы собираемся поговорить с ним.

— С удовольствием. — У ее партнера действительно было пугающе хорошее настроение. Она спросила себя, не был ли он на свидании или что-то в этом роде. — Не могу ли я побыть гадким? Моя очередь?

— Да, твоя.

— Ты хороший товарищ. — Он помедлил, нахмурился и ткнул ее кулаком в ребра. — Скоурос, ты не надела свою чешую.

— В участке? — Она ненавидела наполненную гелем рубашку, которую за пределами участка называли «пуленепробиваемый жилет».

— Таковы правила. Кроме того даже в камере наш друг может сделать пистолет из тарелки с супом и кусков материи.

— Да, ты прав. Не удивительно, что ты любишь носить свою — из-за нее кажется, что у тебя есть мускулы. А я выгляжу толстой.

— Я всегда думаю о тебе как об могучем ангеле правосудия. — Внезапно он стал серьезным. — Скоурос, ты действительно должна одеть эту штуку.

— Хорошо, одену. А теперь давай поработаем, мистер Гадкий.

Стэн щелчком пальцев выключил свет в зеленой комнате и, оставив за собой только темноту, они вышли в дверь на блестящую оранжевую плитку. Заключенный посмотрел на них, его лицо не выражало ничего, и только опущенная нижняя губа говорила о презрении к ним. Каллиопе это понравилось — она наслаждалась, когда они делали вид, что круче их только вареные яйца.

— Доброе утро, Эдвард, — весело сказала Каллиопа, когда она и Стэн скользнули в кресла рядом с пленником. — Я — детектив Скоурос, а это детектив Чан.

Темнокожий юноша ничего не ответил, только почесал пальцем шрам на щеке.

Каллиопа решила немного его удивить.

— Ты Эдвард Пайк, верно? И я уверена, что это помещение для допроса. — Она повернулась к Стэну. — Похоже, что это парня надо вернуть обратно в ящик, а мы подумаем о своей ошибке.

— Никто не называл меня Эдвард, кроме мамы, а она умерла два года назад, — угрюмо сказал он. — Большой Три, вот как меня кличут. Большой Три.

— Да, это он, не бойся, — сказал Стэн. — Маленький уличный зверек, который только что снял дворники с шесть дюжин грузовиков, привезенных из Джакарты. И собирался продать их скупщикам из Индонезии — тебе светит за это лет десять, не меньше, Мальчик Три, и место, где ты будешь, вряд ли кто назовет приятным.

— Это было для меня лично, понял? — Он запирался для проформы — все хорошо знали, что они продают краденое, пока государственный защитник устраивает шоу. — И вообще мне нужно подлечиться. Плохая д'кция, вот.

Стэн фыркнул.

— Собираешь поиграть, а? Судья только посмотрит на тебя, заметит, что ты не подходил к школе и на километр, и порекомендует нам посадить тебя в судно с отбросами и утопить в океане.

Каллиопа спокойно сидела и смотрела, пока ее партнер исполнял несколько агрессивных па обычного танца. Эдвард «Большой Три» Пайк не первый раз был здесь и знал все их методы не хуже Стэна. И он еще был не самым худшим из тех, с кем они имели дело — он воровал и сбывал краденое, и однажды достаточно долго просидел в Сильверуотере, но, насколько она знала, никогда не пытался убить того, кто не нападал на него, а это, по меркам Дарлингхаст Роуд, делало его почти Робин Гудом. К тому же он был слегка умнее среднего подонка с Кинг Кросс Стрит и на самом деле им только один раз удалось доказать, что он сбывает краденое. Каллиопа спросила себя, не смогут ли воспользоваться его гордостью и найти место, куда можно вставить острие клина.

Стэн заставил его рычать и огрызаться, значит пришло ее время начать.

— Детектив Чан? — сказала она слегка резким голосом. — Я не думаю, что это правильный путь справиться с ситуацией. Почему бы вам не выпить стакан воды?

— Нет, я так не думаю. — Стэн посмотрел с презрением на пленника. — Но если ты сумеешь взнуздать эту дикую тварь, выпивка за мной.

— Смотрите, мистер Пайк, — начала Каллиопа, — технически вы принадлежите отделу по расследованию личных преступлений, и у нас нет формальной юрисдикции над вами. Но если вы сообщите нам кое-какую информацию — но хорошую! — мы способны облегчить вашу участь. Учитывая то, что это у вас не первый случай, вам все равно придется немного посидеть, но совсем не так много.

Он заинтересовался, хотя постарался не показать это, его глаза, прикрытые тяжелыми веками, вспыхнули из-под удивительно длинных ресниц.

— Что вам надо? Я не выдам никого. Не имеет смысла раньше выходить из ящика, если мне воткнут перо в спину, когда я окажусь на Дарлинге.

— Нам нужна информация. О вашем очень старом знакомом, с котором вы познакомились в Миндовской тюрьме для несовершеннолетних. Джонни Вулгару…?

Лицо осталось пустым.

— Не знаю такого.

— Его еще называют Темный Джонни — или Джонни Дред.

Вот тогда что-то пробежало под каменными чертами лица, быстро, как ртуть по сковородке.

— Ты говоришь о Джонни Мор Дред? О Дреде? — По его лицу пробежало множество выражений, закончившихся нервной

недоверчивой ухмылкой. — Что ты хочешь от него? Он же крякнулся, да? Умер?

— Так предполагают. Не слышали ли вы что-нибудь другого? — Она внимательно глядела на него, но спавшая маска уже вернулась обратно. — Мы расследуем очень старое убийство. Девушка, по имени Полли Мерапануи.

Но он уже был на безопасной земле.

— Не знаю ее. Никогда не слыхал про такую. — Он мигнул и подумал заново. — Это ей вырвали глаза?

Каллиопа наклонилась вперед и небрежно спросила:

— Вы что-то знаете об этом?

— Видел по сети.

— Мы хотим знать, не связан ли Джонни Дред с этим преступлением. Вот и все.

— Не собираюсь выдавать никого.

Стэн вскочил и наклонился над ним.

— Как ты можешь его выдать, если он мертв, ты, маленькая дрянь? Скажи что-нибудь более толковое.

Большой Три смерил Каллиопу взглядом оскорбленного достоинства.

— Это твой пес? Если он не перестанет хватать меня за яйца, можешь отправлять меня обратно в ящик.

Каллиопа махнула рукой, приказывая Стэну вернуться на стул.

— Просто скажите мне все, что вы помните о Джонни Дреде.

Пленник ухмыльнулся.

— Ничего. Ничего я не помню. И даже если услышу о нем завтра, тут же забуду. Он был чокнутый ублюдок. За любые деньги не скажу о нем ни слова.

Каллиопа продолжала расспрашивать, задавая вопросы о социальной жизни и аборигенах, а Стэн время от времени выдавал что-нибудь нереальное. Это было как фехтовальный матч, где пленник не только не мог победить, но и набрать хотя бы одно очко, и все-таки держался и не сдавался, пока из нее не выветрился весь кофеин, оставив Каллиопу усталой и раздраженной.

— Итак он мертв, и вы ничего не слышали о нем много лет. Это то, что вы мне говорите, верно?

Он кивнул.

— Точно.

— Тогда почему я не могу избавиться от ощущения, что вы что-то от меня скрываете? Мы уже долго говорим, мистер Пайк. Эдди. Большой Три. Какой еще идиотской кличкой тебя называть? Послушай, если бы я была тобой, я бы сейчас забралась на этот

стол и попыталась поцеловать мою большую греческую жопу, потому что найдется очень мало людей, которым я предлагаю так много за сущую ерунду. Когда вернешься в Сильверуотер и пойдешь с кем-нибудь в душ, побереги свою шоколадную задницу. — Он слегка удивился, увидев, как она внезапно перестала делать вид, что хочет помочь ему, но не перестал ухмыляться. — Почему бы тебе не поговорить?

— Я и так говорю.

— Тогда скажи что-нибудь стоящее. Мы можем сократить твой срок лет на пять, если ты скажешь нам что-нибудь полезное о Дреде.

Он долго смотрел на нее, странно долго. Стэн начал было что-то говорить, но она коснулась его колена под столом, призывая к терпению.

Большой Три опять почесал шрамы, вздохнул и опустил руки на стол.

— Смотри, женщина, — медленно сказал он. — Я кое-что скажу тебе, бесплатно. Я ничего не знаю о Дреде. Но даже если бы я что-нибудь знал, я бы тебе не сказал ни одного гребаного слова. Ни за доброе отношение ко мне, ни за уменьшение срока, ни за миллион долларов.

— Но если он мертв…!

Он покачал головой, его взгляд опять спрятался за длинными ресницами, как пантера в зарослях тростника.

— Не имеет значения. Ты не знаешь Дреда, ты никогда не встречалась с ним. Если он узнает, что ты интересуешься им, то выйдет из под земли, убьет тебя трижды, и каждый раз по другому. Если ты когда-нибудь станешь *мопадити*, тогда возвращайся и пошарь в темноте. Дред уже там.

— Мопадити. Что это означает?

Он опять оглядел их, как бы из глубины пещеры.

— Призрак. Приведение. Когда ты мертв, но не ушел. А сейчас я хочу обратно в ящик.

— Похоже мы ничего не добились, — испытующе сказал Чан.

— Помолчи. — Каллиопа сняла наушники и убрала их в разъем своего блокнота. Она опять спросила себя, не пора ли купить себе новую жестянку. Эту ей уже надоело таскать, хотя это был новый сверхтонкий «Криттапонг», который она подарила себе на день рождения. — Доктора Джигалонг нет в городе. Я оставила ей сообщение на работе и дома.

— О «мопадити»?

— Да. Что-то из уличного сленга, но я не слышала его раньше. А ты?

— Нет. — Он положил ноги на стол. — Сколько этих подонков мы уже перешерстили? Восемь, девять? Не слишком много.

— Чего-то мы добились.

Стэн удивленно поднял бровь.

— Ты имеешь в виду, что мы узнали новое туземное слово? Если ты заметила, Скоурос, в этом парне действительно есть кровь аборигенов. Разве ты сама не говоришь время от времени «хопа»[12], «ретсина» [13] или даже «акрополис»[14]? Я сам иногда использую жаргон — кажется вчера я обозвал тебя «круглоглазой»…

— Он среагировал, когда я спросила его о Джонни Дреде. И удивился. — Что-то еще не давало ей покоя, какая-то мелкая деталь, сумасшедше близкая, но недостижимая.

— Ну, человек официально мертв. Так что можно и удивиться, когда тебя спрашивают о том, кого ты считаешь покойником.

— Может быть. Но как-то он очень странно отреагировал. Может быть что-то слышал на улице.

— «Может быть» не переведет нас через перевал, Скоурос. Что дальше? Может быть пора бросить исследование уличной культуры, хотя это и очень интересно?

Каллиопа помотала головой, сбитая с толку и разочарованная, из нее выветрились последние крупицы кофеина, на их место не пришло ничего, и она чувствовала себя совершенно ужасно.

Не в состоянии уснуть от беспокойства, она села на диване и вызвала из отдела беседу с Большим Три на свой стенной экран. И еще она решила держаться подальше от Вонди Бейби, ради самой себя. Даже не из-за навязчивого интереса к официантке Элизабет, но из-за того простого факта, что она начала есть слишком много сладкого десерта, который там подают.

«Так ты никогда не похудеешь, Скоурос,— сказала она себе.— Лучше тебе оставаться дома». Все это время она не заходила в магазин, и дома не было нечего, кроме хрустящих хлебцев, и это могло угрожать ее решимости. Она просмотрела весь разговор до конца, потом прыгнула назад к тому месту, где она впервые упомянула имя своей жертвы.

«Ты говоришь о Джонни Мор Дред?— сказал Большой Три и повторил,— …О Дреде?».

«Вот!— подумала она.— Джонни Мор Дред! Как же она не услышала это раньше?» Но почему еще одно прозвище — она подозревала, что у него их много — зацепило ее внимание? И

зудится под кожей, как заноза? «Мор Дред? Мор Дред? Где я уже слышала это?»

Она вспомнила фотографию из Фивербрукской больницы, расплывчатое темное пятно, бесформенное туманное лицо.

«Большой Три сказал, что он призрак. Если есть кто-нибудь, кто возвращается призраком…»

Она закрыла глаза и тут же открыла, пытаясь видом знакомой комнаты успокоить нервы и избавиться от ощущения, что за ней наблюдают. Призрак.

* * *

Она опять вернулась на свой балкон. Башня притягивала ее к себе, как будто она была мотыльком, а эта черная громада — лучом извращенного света. Даже сейчас, когда голоса исчезли, когда она забралась так далеко от Джунипер Бэй и вряд ли вернется обратно, она не могла не обращать на это внимания.

Красные искры сигнальных огней угольками окружали верхушку башни, окна самых верхних этажей светились, поодиночке или маленькими гроздьями. И ничего больше не было видно на ночном небе, только поисковые огни шарили по пустым паркам, изредка вспыхивая, когда они падали на ряды раскрашенных киосков.

Голоса исчезли. Дети исчезли. Были ли оно одно и то же? Ольга Пирофски даже не могла вспомнить, когда ее затянула в себя мистическая фантасмагория путешествия на юг. У нее не осталось сил. В те ночи, когда дети толкали и торопили ее, шепотом рассказывали свои жизни в ее спящее ухо, она больше отдыхала, чем сейчас, в эти мертвые черные часы, которые настали после того, как умерли голоса. Каждый день она просыпалась пустой и усталой, чувствуя себя баллоном с гелием, из которого вытекли последние остатки жизненной энергии и которому осталось только бесполезно лежать на полу.

«Что же теперь?— в который раз спросила она себя. Она не могла оторвать глаза от башни, центра их темного королевства.— Ехать домой? Убить себя?»

Но у нее больше нет дома. Миша ушел, а Джунипер Бэй казался далеко, как другая планета — как цирк, как ее дорогие волшебные дни, когда она была вместе с Александром. И она оттолкнула всех, кто мог помочь ей: Роланда Макдэниела, остальных немногочисленных друзей с работы, и даже этого симпатичного адвоката Рэмси. Не осталось ничего, кроме молчания.

Голоса привели ее к подножью ужасной черной горы, и бросили. Каким-то образом все это смешалось вместе — дети, башня, улыбающееся, трупно-белое лицо Дядюшки Джингла, маска, которую она носила так долго, что невольно спросила себя, осталось ли под маской другое лицо.

Она открыла свой блокнот и села рядом с крошечным пластиковым щитом мотеля. Обнаружив, что ее все время тянет поглядеть в окно и вообще невозможно думать при виде этого темного угрожающего пальца, она с усилием задернула шторы.

Усталая, но счастливая, что наконец-то решилась, Ольга начала писать бесконечную предсмертную записку.

ГЛАВА 6
Разговор с машинами

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Ракетная доска привела к еще одной трагедии

(изображение: дети катаются на аттракционе Конькобежная Сфера, Клиссолд Парк, Лондон)

ГОЛОС: Целая серия трагедий с ракетными досками заставила членов Британского Парламента запретить то, что один из них назвал «смешной и опасный транспорт». Но большинство тех, кто катается на досках не согласны с запретом.

(изображение: Алоизус Кеннелли, шестнадцать лет, перед магазином «Скучно!», Сток Ньюингтон[15]*.*

КЕННЕЛЛИ: «Меня просто сунули носом в дерьмо. Большинство из тех, кто взорвался, они как старые сорокалетние пердуны, сечешь? Конец недели, почесали брюхо, куда-то поехали, грабанули зачуханного шопоголика, для развлечения прицепились к автобусу и взлетели. Не надо опускать всех нас из-за того, какой-то пердун не может скакать молотком как настоящий микро…»

Это походило на фильм ужасов, но было куда хуже, потому что происходило на самом деле. Крошечные человеческие фигурки, напуганные огромной чудовищной фигурой — хвостатым скорпионом, так его назвал Кунохара. Пол видел, как Мартина и ее миниатюрные товарищи забились подальше в складки большого листа, который содрогался от капель дождя, скорее похожих на водяные бомбы. Он протянул руку, но это было только окно на экране компьютера — он ничем не мог помочь им. Хвостатый скорпион подошел ближе, сутулясь в колыбели своих огромных суставчатых ног. Узкий щуп, похожий на жесткий хлыст, тянулся к ним — медленно, почти нежно.

— Ты убил тех мутантов, — крикнул Пол. — Почему бы тебе не спасти моих друзей?

— Мутанты не принадлежали этому миру. А в этом скорпионе нет ничего плохого. — Хидеки Кунохара почти обвинял. — Он только следует природе.

— Если ты не хочешь помочь им, пошли меня. По меньшей мере я буду вместе с ними.

Кунохара какое-то время разглядывал его со сдержанным неудовольствием. — Тебя могут убить.

— Я должен попытаться.

— Ты почти не знаешь этих людей — ты сам мне это сказал.

Из глаз Пола хлынули слезы. Гнев распирал его как пар, угрожая вырваться наружу где-нибудь в районе макушки. Он едва услышал тонкие крики ужаса Мартины и остальных, когда чудовищный скорпион шагнул еще ближе.

— Ты ничего не понимаешь. Я бродил один — месяцы, может быть годы. Один! Я думал, что сошел с ума. *Они все, что у меня есть*!

Кунохара пожал плечами, потом поднял руку. Мгновением позже пузырь, окно и бесстрастное лицо Кунохары исчезли, сменившись ужасной и странной сценой.

Он стоял на земле где-то в лесу, вокруг него к ночному небу тянулись стволы гороподобных деревьев, такие большие, что были почти невидимыми. Дождь шипел и стучал по всему, сверху падали капли, размером с бочки с мусором, а некоторые — как маленькие автомобили; когда они ударяли по грязной лесной земле, все подпрыгивало вверх.

Внезапно Пол с ужасом вспомнил траншеи Амьена, которые обстреливала немецкая тяжелая артиллерия; сверкали молнии, добавляя еще сходства — ослепительно яркие, как вспышки фосфорных снарядов. Справа кто-то двигался, с таком громким кожистым скрипом, что Пол едва слышал тяжелые удары капель; земля под ним шевелилась. Пол повернулся и его сердце попыталось выскочить из груди.

Хвостатый скорпион шагнул еще ближе к основанию листа и застыл, совершенно неподвижно, только щупы исследовали добычу. В сравнение с Полом он был размером с пожарную машину; высоко над головой Пола на подставке из суставчатых ног висело низкое широкое тело. Хвоста у него не было, но клешни, сложенные под головой как амортизаторы, были усеяны колючими шипами, и могли держать добычу, как челюсти крокодила. Два блестящих красных пятна на голове, видимые при вспышке молнии, производили впечатление злых недовольных глаз: как будто его вырвали из сна в самой глубине ада и призвали в этот мир, и он обозлился за то, что его разбудили.

Поток воды скатился с одного из высоких листьев прямо на скорпиона. Он припал к земле и с холодным терпением ждал, пока наводнение не прекратится. На мгновение Пол смог увидеть то, что находилось за ним, дыру под склонившимся листом размером с лыжный коттедж, и там бледные лица людей, сверкавшие как жемчужины в слабом лунном свете. Он сделал к

ним несколько шагов, хотя скорпион уже вставал в полный рост.

— Мартина! — Бомбардировка дождем проглотила его крик. Он потянулся, схватил волокнистую щепку, длинную как его рука, и бросил ее в скорпиона. Она безвредно ударилась об одну из ног чудовища, но привлекла его внимание. Скорпион остановился и махнул одним из своих бичей в сторону Пола. Пол, внезапно сообразив что наделал, застыл на месте. Щуп, похожий на рог, метров в двадцать длину, хотя и не толще ноги Пола, упал на расстоянии ладони от того места, где он стоял совершенно неподвижно, хотя сердце колотилось в три раза быстрее, чем обычно.

«Что я наделал?— Мысли понеслись вскачь, еще быстрее сердца.— Я убил самого себя. Я ничего не могу сделать для них, и теперь я еще и убил себя».

Скорпион трескуче шагнул к нему. Бич скользнул по груди Пола и почти сбил его с ног. Над ним появилась тень, ноги выросли с каждой стороны, как лес склонившихся к нему деревьев. Пол увидел, как массивные клешни медленно распрямились, потом щелкнули.

Прежде, чем он успел закрыть глаза, чтобы не видеть ужас неизбежного конца, скорпион внезапно повернулся. Крошечная человеческая фигурка вынырнула из-под листа и похромала по неровной земле. Скорпион с невероятной скоростью бросился за ней.

Маленькая кричащая фигурка закачалась, когда ее покрыла многоногая тьма. Скорпион опустил тело пониже, клешни вцепились в лягающуюся добычу, пронзили ее и раздробили на куски, а потом поднесли мешанину кусков к яростно заработавшим челюстям.

Пол, охваченный притупляющим сознание ужасом, мог только смотреть. Преследование и убийство заняло несколько секунд. Один из его друзей мертв, и сейчас чудовище поворачивалось, нога за ногой, обратно к нему.

Что-то пролилось с дерева, колонна белого тумана, которая бросила огромное создание на землю. Лед начал образовываться вокруг панциря скорпиона и кристаллизоваться в рыхлых суставах его ног.

— Семь кругов ада, больше ничего не работает! — Голос Кунохары проскрежетал в ухе Пола, потом перед ним появился сам повелитель этого мира. Не обращая внимания на огромного как мамонт окостеневшего скорпиона, Кунохара схватил Пола за плечо, потом махнул людям, все еще прятавшихся под листом. — Выходите, — крикнул он. — Идите сюда и хватайтесь за меня — я не знаю, как далеко действует мое личное поле.

С головой, все еще кружащейся от неожиданности, Пол смотрел, как три темные фигуры вывалились на открытую землю. Кто-то схватил его за руку, на него обрушилась лавина дождя, куски листьев взметнулись в воздух и, внезапно, все исчезло.

Он полз по виртуальным циновкам дома-пузыря темной ночью, вокруг него лежали тела. Мгновением позже вспыхнули огни, и Пол подполз к ближайшей ворчащей фигуре.

— Это что еще за *фенфен*? — сказала большая фигура, села и отряхнулась, брызги воды полетели во все стороны. — Где мы?

Учитывая то, что, когда Пол в последний раз видел этого подростка, тот попытался задушить его, Пол не мог даже вообразить себе, как будет счастлив, увидев Т-четыре-Б. И тем не менее увидев бледную перчатку, торчащую из мешковатой одежды, он обрадовался по-настоящему. Он схватил худой темноволосый сим, по внешнему виду совершенно не похожий на троянского воина, которого Пол встречал раньше. — Хавьер? Это ты? Это ты, да? Кто еще с тобой? Где Мартина?

— Пол Джонас? — Это был голос Флоримель. — Да, где Мартина?

— Здесь. — Т-четыре-Б согнулся над третьей фигурой. — Выглядит не слишком клево.

Мартина Дерубен попыталась заговорить, закашлялась, и только потом сказала:

— Ничего, жить буду. Превращение… оно разбило меня. Пол Джонас, это действительно ты? Где мы? Я ничего не понимаю.

— Да, это я. — Он несколько раз посчитал головы, но никак не мог насчитать больше трех. Ему было страшно задавать следующий вопрос, но он не мог не спросить. — Где остальные? Неужели эта ужасная тварь… скорпион, разорвала их всех?

Флоримель села прямо, на ней был самый обычный сим женщины средних лет, но ее легко было узнать по больному глазу и отсутствующему уху. — Мы не видели Рени, !Ксаббу или Фредерикс с… с того момента, когда что-то случилось на вершине черной горы.

Пол лихорадочно пытался понять, о ком он забыл.

— Но кого…? Я видел, как этот монстр схватил кого-то…

— Это был человек из Братства Грааля, — сказала Флоримель. — Мужчина по имени Цунь. Мне кажется, он решил, что сможет убежать, пока ты отвлекаешь тварь. Он ошибся. — Она огляделась. — Что это такое? Как мы попали сюда?

— Цунь Бяо? — Из-за их спин послышался голос Кунохары. Все, кроме Пола, удивленно повернулись к нему. — Цунь Бяо, бич Азии, съеден в моем саду хвостатым скорпионом? — Он откинул

голову назад и зашелся от смеха.

— Нехилое чувство юмора, — прокомментировал Т-четыре-Б, но видно и на него произвело впечатление веселье Кунохары, который согнулся вдвое, обняв самого себя руками, и никак не мог остановиться.

— То есть мы обязаны своим спасением вам? — спросила Мартина хозяина дома.

— Кунохара, тебе действительно потребовалось немного времени, чтобы принять решение, — зло сказал Пол.

Мужчина вытер глаза.

— О, прошу прошения, но мне стало так хорошо… Если бы вы знали, сколько малых предприятий пожрал Цунь? Сколько жизней сгубил своими железными когтями? И теперь Цунь Бяо съеден скорпионом, в дождь. — Он покачал головой. — Но ты несправедлив ко мне, Джонас. Я не мог оставить тебя умирать. Я мог бы перенести тебя в дом прямо оттуда, но в высших уровнях моей системы есть серьезные проблемы — несомненно последствия катастрофы — и я не мог передвинуть тебя или твоих товарищей дистанционно. Я мог бы попытаться издали убить скорпиона, хотя, кстати, сам по себе он совершенно безгрешен, но система выполняет далеко не все мои команды. Вот почему я должен был появиться лично, и вы должны были держаться за меня, когда я перемещался обратно.

— Тогда мы твои гости, — медленно сказала Флоримель. — Или пленники?

— Не больше, чем я сам, — Кунохара изобразил поклон. — Однако здесь у вас будет меньше свободы, чем вы, возможно, желаете.

— Есть кое-что, что я не понимаю, — сказал Пол. — Мартина, я слышал твой голос. Как… как ты передала его?

Слепая подняла дрожащую от усталости руку с зажатой в ней маленькой серебряной коробочкой.

— Зажигалка! — воскликнул Пол. — Но я думал, что она осталась у Рени…

— Это другая, — устало сказала Мартина. — Я объясню тебе все позже, если ты не против.

Кунохара хмуро поглядел на устройство.

— Вы и так навредили мне, сообщив, что находитесь в моем мире. — Он прищурился на стилизированную монограмму. — Якубиан — идиот. Со своими сигарами и короткой памятью. Я должен был догадаться.

— Ему она уже не нужна, — с некоторым удовлетворением сказала Флоримель. — Если в аду не курят сигарет.

Кунохара нахмурился.

— Я не прошу вас отдать ее мне — такие мелочи разрушили не один непрочный союз. Но если вы осмелитесь вновь использовать ее и рискнете привести сюда нашего врага, я выгоню вас из этого дома и отправлю обратно к скорпиону. Он, без сомнения, уже оттаял.

— Мы не хотим использовать ее, — сказала Мартина, ее голос дрожал от усталости. — Все равно ни одна из его функций не работает, насколько я могу судить. Только связь. — Она зевнула. — Мы хотим только одного — спать.

— Очень хорошо. — Кунохара махнул рукой. — Спите. Ты тоже, Джонас, ведь зов твоих друзей разбудил тебя. Я не слишком доволен теми глупостями, которые они наделали, но шаг уже сделан. Я узнаю все, что смогу и достаточно скоро разбужу тебя.

Он исчез, оставив их одних в широкой изогнутой комнате со звуками и искаженным движением реки. Т-четыре-Б критически осмотрел скромную мебель и тело мокрицы-мутанта, которое все еще висело в воздухе, заключенное в маленький светящийся ящик у одной из стен комнаты.

— Жуки прячутся под листом, наверно, — сказал он и вытянулся на одной из циновок.

* * *

Код Дельфи. Начать здесь.

Я тороплюсь сохранить эти мысли. Один бог знает, когда у меня опять будет такая возможность — все кажется таким непрочным и кричит о катастрофе, как если бы весь виртуальный мир сошел с орбиты. Но я должна все делать хорошо, потому что чувствую, что время истекает. Возможно именно это чувствовала Рени, и это влекло ее вперед…

Мне кажется, что я успела записать большинство из того, что произошло в Трое и на вершине черной горы до того, как на нас напал скорпион. Теперь постараюсь описать осмысленно, как мы оставили гору и что произошло потом. Вряд ли я когда-нибудь сумею восстановить эти еле слышные в эфире сети звуки, но я всегда упорядочивала свою жизнь таким образом, хотя обычно вела более традиционный дневник, и я предпочитаю жить с этим костылем.

В этом все дело, верно? Всю жизнь я утешалась и успокаивала себя тем, что говорила с машинами, а через них — с собой. Психологически все ясно, хотя и довольно мрачно.

Достаточно.

В последние мгновения на вершине черной горы, когда мы

поняли, что реальность вокруг нас разрушается, я обнаружила, что поглощена картинами и ощущениями — сильнейшими чувствами, которые подавляли как демоническое присутствие. Теперь, поговорив с Флоримель и остальными, я подозреваю, что мои изменившие чувства восприняли атаку Дреда на Иного — для меня он появился в виде призрачных птиц, кричавших детскими голосами, от которых шли волны ужаса и боли, непередаваемые никакими словами. Был или не был Иной тем самым одиноким существом, которое я, еще ребенком, встретила в управляемой темноте Института Песталоцци, он ли убил старого хакера Сингха, или это сделал кто-то другой, не важно, я пожалела его — да, пожалела, хотя он, скорее всего, какой-то усовершенствованный вид искусственного интеллекта. Я не могу придумать ничего более трогательного, чем слышать, как он поет старую колыбельную из сказки. Но хороший ли он, плохой, или где-то посредине, его боль почти убила меня.

Пока Иной старался отразить атаку Дреда, вокруг меня происходило множество событий, которые я могу описать только по рассказам других. Т-четыре-Б напал на одного из членов Братства Грааля и победил — вероятно это был американский генерал по имени Якубиан, настоящий владелец моего устройства доступа — и это влечет за собой множество мыслей, потому как что-то странное произошло с рукой нашего юного товарища, когда мы были в недоделанном мире перед тем, как Дом разрешил ему… ну, не знаю. Не дать Якобиану контролировать виртуальное окружение? Разрушить все защитные алгоритмы, которыми так недавно наслаждались члены Братства?

В любом случае вскоре после этого появилась гигантская рука Иного и, скорее всего, стерла Рени, !Ксаббу, Орландо, Сэм и, возможно, главу Братства Грааля, который носил сим Осириса. Но ни я, ни Флоримель не верим, что они погибли. Мне кажется очень странной сама идея о том, что сложнейшая операционная система решила прихлопнуть нашу компанию как мух.

Во всяком случае Флоримель практически потащила меня, и мы поторопились на помощь Т-четыре-Б, которого монстр сшиб с ног и который лежал без сознания в нескольких метрах от руки титана. Рука внезапна исчезла — я почувствовала, как вместе с ней исчезло присутствие Иного и в моей голове образовался внезапный вакуум, который я даже не пытаюсь описать — не осталось и следа от нашей компании, только тело сокологолового Якубиана. Флоримель, значительно более спокойная, чем я, заметила что-то, лежавшее в огромных пальцах Якубиана. Это оказалась еще одна зажигалка, точно такая же, как та, что была у Рени и пропала вместе с ее смертью или исчезновением —

вероятно Якубиан заменил ею потерянный оригинал. Когда Флоримель нагнулась и подняла ее, мир опять стал разваливаться.

Иной исчез. Я почувствовала, как ангел Пола, Ава, разлетелась на куски, каждый кусок закружился вокруг нас, плача и страдая, ужасный хор боли, почти такой же разрушительный, как Иной. Реальность сети обрушилась — я до сих не могу определить как — и стала буквально разваливаться на части. Я потянулась в поисках того, что могло спасти меня, как тонущая женщина отчаянно пытается схватить маленький кусок дерева, хотя и знает, что он не удержит ее на плаву.

Но я действительно нашла что-то, что спасло нас от смерти в налетевшем хаосе. Как я могу это объяснить? Если бы я надеялась, что однажды кто-нибудь другой услышит мои мысли, то я постаралась бы сделать это получше, но, увы, надежды нет.

Это было… что-то. Слова не имеют значения, потому что слова не могут описать его — луч света, серебряная нить, струна связанных энергий. Своего рода связь между тем местом, где мы были и… чем-то еще, вот и все, что я точно знала. Самое похожее — то ужасное мгновение в Жилище Заблудших, когда я протянулась через ничего и на другом конце нашла !Ксаббу. Но на этот раз на другом конце сияющей нити не было никого. Когда все вокруг меня выродилось в бессмысленную информацию, осталась только эта яркая нить, хотя и она начала терять связность. Я схватила ее — другого подходящего слова нет — и как с расширившейся личностью !Ксаббу, прильнула к ней. Я попыталась думать о всей нашей компании — Рени, Флоримель, Пол, обо всех — пыталась увидеть их образы сквозь информационную бурю и вытащить их вместе с собой через эту тонкую спасательную нить. Но те способности, которыми я обладаю здесь, это не наука, а, скорее, искусство, и опять слова подводят меня. Если бы я знала, как правильно делать то, что я иногда делала, я сама стала бы богиней этого мира. В любом случае мне удалось спасти только некоторых.

И мы обнаружили, что вырвались оттуда и без всякого предупреждения упали в штормовую ночь мира Кунохары. На нас оказались те самые симы, с которыми мы вошли в систему, но одетые в одинаковые комбинезоны с нашивкой «Улей» на груди — вероятно что-то вроде одежды по умолчанию в мире Кунохары. Все оказалось весьма плохо — нас снабдили одеждой, но теперь надо было искать сам Улей. Было бы приятно оказаться под крышей и в четырех стенах. Вместо это пришлось съежиться под листом, спасаясь от убийственного дождя — добыча для любого хищника, решившего поохотиться в такую погоду. И

действительно, нас точно съела бы одна такая тварь, если бы не вмешались Пол Джонас и Кунохара. Я даже рада, что не видела ее. Достаточно было почувствовать ее размер и силу, чтобы уже стало плохо.

Сейчас мы находимся в доме Кунохары. Немного поспав, мы затем долго, очень долго говорили. Я опять устала, но должна продолжать, пока остальные отдыхают, потому что никто не знает, когда у меня будет еще возможность описать свой жизненный опыт. Эта сеть не приемлет естественной инертности — если что-то *может* произойти, оно без сомнения произойдет.

Мы проснулись в относительной безопасности этого странного пузыря и рассказали Полу о том, что произошло после того, как он отделился от нас на вершине горы. Я думаю, что каким-то образом все-таки вытащила его за собой через сияющую нить. Кунохара не сказал мне ни слова о том, чем могло быть то, что привело нас сюда, но у меня есть своя… нет, я хочу излагать события в их естественном порядке.

В любом случае наш хозяин — странный человек. Весь полдень он провел попивая виртуальный ликер, который предложил нам, пожав плечами. Т-четыре-Б храбро согласился, но так и не допил свой стакан. Кунохара кажется обреченным и покорным судьбе — сознание того, что он заперт здесь, то, с чем все мы живем уже много недель, плохо повлияло не него.

Мы уже объяснили Полу, что когда Флоримель, Т-четыре-Б и я вернулись в микромир Кунохары, мы вернулись не одни. Мы утащили с собой двух членов Братства Грааля, одетых не в симы египетских богов, но в симы по умолчанию — Флоримель сказала мне, что оба казались скорее марионетками, чем обычными людьми. Она единственная, кто догадался, что они должны быть из Грааля, и при помощи Т-четыре-Б и его странной руки — оба видели, что произошло с их товарищем Якубианом — убедила их сотрудничать. Бывшие владыки сети обнаружили, что больше не имеют власти над системой, и, я думаю, они были потрясены и сбиты с толку.

Из них двоих более уверенным выглядел тот, кого зовут Роберт Уэллс. Было невероятно странно сидеть под чудовищным листом вместе с одним из наиболее могущественных людей в мире, и, что удивительно, его компаньон оказался не менее впечатляющей фигурой, китайским финансистом Цунь Бяо. Цунь, похоже, еще не полностью сообразил, что произошло, и считал, что Флоримель, Т-четыре-Б и я оказались там только для того, чтобы помочь ему вернуться в офис, или, если не получится, в его собственный виртуальный мир. Мы быстро лишили его иллюзий.

Пока мы были вместе, он провел большинство часов в угрюмом, почти по-детски, молчании.

Уэллс оказался более энергичным и быстро дал понять, что готов продать нам информацию в обмен на нашу помощь. Он не уточнил, что за информация, и сейчас я сожалею, что у нас не было времени на сделку, потому что именно в это мгновение на нас испытующе посмотрела охотящаяся многоножка, и Флоримель и я сосредоточились на защите нашей позиции, а не на том, что хочет знать Уэллс.

Аааа. Мартина, слишком много слов. Я рассказываю все это медленнее, чем мы объясняли это Полу и Кунохаре. Вскоре нас нашел скорпион. В отчаянии я попыталась использовать зажигалку и услышала голос этого монстра Дреда, который пообещал… как он выразился? *Пошлет друзей, чтобы найти нас*. Слава богу, мы сейчас совсем не там, где я использовала коммуникатор. Хотела бы я никогда не видеть этого… этого…

Так трудно говорить, когда я думаю о нем, вспоминаю, как была его пленницей, как его голос радостно говорил всякие гнусные вещи. Остановись, Мартина. Давай наведем порядок в том, что у тебя есть, что ты знаешь и помнишь.

Кто из них более страшен, Дред или скорпион, я не могу сказать, но Роберт Уэллс решил бежать и исчез в густой траве. Цунь выжидал мгновением дольше и выбрал неверное направление. Не могу сказать, что потеряла бы сон от смерти такого жестокого эгоистичного человека, как Цунь, но я хотела бы знать, где находится Уэллс. Откровенно говоря я почувствовала бы себя счастливее, если бы была уверенна, что он встретил ту же судьбу, что и Цунь Бяо. За те несколько часов, что мы провели вместе, Уэллс показался мне пугающе умным.

Кунохара очень обрадовался, узнав, что произошло с Цунем, но, похоже, совсем не беспокоится о том, что произойдет с Уэллсом, потерявшимся в его симмире. На самом деле вообще трудно сказать, о чем думает Кунохара. Пол сказал, что, по его мнению, наш хозяин готов поделиться информацией, но он почти ничего не говорит и постепенно становится все более молчаливым и странным. Несмотря на обещание, он не сказал нам почти ничего из того, что мы уже не знали. Что же это такой за союзник? Ненамного лучше врагов, которые у нас были. Так много друзей погибли или потерялись, и трудно не обижаться на него и его жалость к себе.

Иногда этот Кунохара напоминает мне юношу, которого я знала в университете, очень популярного и очень отчаянного, которые делал все, только бы ему аплодировали. Но я всегда слышала в его голосе темную нотку. Он погиб, пытаясь взобраться

на стену десятиэтажного дома, и все сказали, что это была ужасная случайность, но я думаю, что он подсознательно искал такую случайность и наконец ее нашел.

Кунохара, особенно с его тихим пьянством, кажется мне чем-то похожим на этого юношу…

Остальные опять зашевелились, и надо еще многое обсудить. Позже я продолжу эти заметки.

Код Дельфи. Закончить здесь.

* * *

Пол сам поразился, насколько лучше он себя почувствовал, просто сидя рядом с Мартиной и остальными. «*Кунохара прав — я почти не знаю этих людей,*— подумал он.— *Но я этого не чувствую».*

— Итак, мистер Кунохара, — в голосе Мартины прозвучала сталь. — Теперь ваша очередь поделиться информацией. В конце концов ваша жизнь в не меньшей опасности, чем наши.

Кунохара улыбнулся, принимая ее мнение.

— Я никогда не вредил вам. Как я уже говорил вашим друзьям, я рисковал своей жизнью даже разговаривая с вами. У вас есть враги, которых такие люди как я, стараются избегать.

— Больше не удастся, — резко сказала Мартина. — Расскажите нам. Что вы знаете обо всем этом?

Кунохара вздохнул и скрестил ноги перед собой. За пузырем первые лучи утреннего солнца подсветили небо, изменив его цвет с черного на фиолетовый. Туман почти полностью заволок реку — они могли бы плавать по облакам на воздушном шаре.

— Я расскажу вам то, что я могу, но не слишком много. Если вы до сих пор не знаете кто я такой и как оказался здесь, я не вижу смысла в объяснениях. Я построил это место, потому что мог, и долгое время жил в ненадежном мире с Братством Грааля. Я не утверждаю, что ничего не знаю о их делах и их преступлениях, но сам не делаю ничего плохого. И это не моя обязанность — спасать мир.

Флоримель что-то негромко и зло проворчала, но Кунохара не обратил на нее никакого внимания.

— Все, что я хотел — и хочу до сих пор — жить в одиночестве. Я не люблю людей. Мне достаточно странно наблюдать за тем, как мой тихий дом стал казармой, но с этим я ничего не могу поделать. Трудно не замечать того, кто появился в твоем саду, тем более, что ты сам этого хотел.

— Вы сказали, что знаете о том, чем занималось Братство

Грааля, — сказала Мартина. — Расскажите нам. Мы опираемся только на догадки.

— Я думаю, что сейчас вы знаете не меньше меня. Они сделали машину бессмертия и убивали, чтобы сохранить свой проект в тайне, хотя в конце концов это принесло им мало счастья. Несмотря на все свое планирование, они не приняли в расчет этого маньяка, подручного Феликса Жонглера, который, судя по тому, что вы рассказали мне, взломал операционную систему.

— Но что такое эта самая операционная система? — спросила Флоримель. — Она имеет довольно своеобразное имя. Иной. Что это?

— Тогда вы, вероятно, знаете больше меня, — Кунохара тонко улыбнулся. — Жонглер хранил этот в секрете даже от других членов Братства. Как он создан, какие принципы использованы — все это знает только Жонглер. Как если бы этот Иной выпрыгнул из ниоткуда.

— Он не выпрыгнул из неоткуда, — внезапно сказала Мартина. — Я сама встречала его двадцать восемь лет назад.

Пол уже слышал что-то в этом духе на верхушке горы и оказался единственным, кто не посмотрел на нее с изумлением. Мартина быстро рассказала свою историю. Несмотря на ее спокойный сухой голос, трудно было не расслышать в ее словах старый детский ужас.

Кунохара удивленно покачал головой.

— И тем не менее он был создан, и сам Жонглер каким-то образом программировал его почти три десятилетия. Как если бы учил человека. Он нахмурился и задумался; его странное настроение куда-то исчезло, по меньшей мере на мгновение. — Он должен был достичь своей цели как имитацией, так и используя человеческое сознание, как корень системы.

— Точно! — внезапно сказал Пол. — Боже мой, я почти забыл. Этот человек, Азадор — Рени и !Ксаббу тоже встречали его — сказал мне, что система использует мозги детей, цыганских детей, и еще… как он назвал их? Не родившиеся? — Воспоминания были смутны и отрывочны, и к тому же искажены вечным полусном на острове Лотоса. — Почему ты кажешься таким удивленным? — спросил он Кунохару, который действительно выглядел очень странно. — Мы и так знали, что они каким-то образом используют детей — именно это привело сюда большинство из нас.

Кунохара, сообразив, что глазеет, открыв рот, устроил целое представление, разжигая огонь.

— Так вот из чего они создали ее? Сеть из связанных

человеческих мозгов?

— Но что означает «не родившиеся»? — спросила Флоримель, пытавшаяся сдержать свой гнев. — Мертворожденных детей? Недоношенные плоды?

— У нас есть только слухи от… от того, о ком говорил Джонас, — сказал Кунохара. — Но меня бы не удивило, если бы оказалось, что основой нейронных узлов сети является гигантский массив непробудившихся сознаний, да. — Он пожал плечами. — Там есть южноамериканец, Клемент, он сделал состояние на черном рынке человеческих органов.

— Чизз, эти старые пердуны улизнули, — с внезапной злостью сказал Т-четыре-Б. — Хотелось бы этих Грааль-беглецов окунуть носом в дерьмо.

— Это ужасная мысль, — нахмурилась Флоримель. — Ужасная. Но для чего им нужны живые дети? Для чего им понадобился брат Рени или… или моя Эйрин?

— И Матти, — сказал Т-четыре-Б. — Просто бедный маленький микро — никому не мешал.

— Трудно понять, — сказал Кунохара. — Возможно из более развитых мозгов они извлекают что нибудь другое.

— Но как они вообще это делают? — резко спросила Флоримель. — Вы не можете выпить чей-то мозг, как вампиры кровь. Все это место — безумие помноженное на безумие, но должны же быть правила. Оно все еще существует внутри реального мира, подчиняющегося физическим законам.

— Мистер Кунохара, я хочу задать еще один вопрос. — Спокойный твердый голос Мартины заставил Флоримель замолчать: как будто перекрыли кран. — Вы сказали, что мы знаем о вас все, что нам надо, но я не думаю, что верю в это. Мало того — вы еще предлагаете нам загадки. Что все это означает?

Кунохара равнодушно взглянул на нее. Интересно видеть, подумал Пол с легкой завистью, как быстро Мартина овладела вниманием владельца этого особого мира и бросила ему вызов, оставив остальным роль сторонних наблюдателей.

— Я стараюсь помочь по-своему. Может быть я назойливый человек и не самый приятный отшельник на свете, в конце концов. Вы пришли сюда, чтобы разбить мой мир, невинный как овечка, и все-таки я решил помочь вам понять, что происходит. Но я уже говорил вам, что не могу позволить себе помогать вам открыто. Я остаюсь в безопасности здесь и в реальном мире только потому, что ничего не значу для Жонглера и его клики.

— Вы по-прежнему говорите загадками. — Мартина села прямо, ее лицо побледнело. — Закон Долло и… как звали

второго? Что-то японское. Кишимо… кто-то-там.

— Кишимо-джин. — Кунохара кивнул головой.

— О! Я вспомнила, что такое закон Долло, — внезапно сказала Флоримель. — Понадобилось время, но теперь я вспомнила. Мы проходили его по биологии в университете. Необратимость эволюции — но я все равно не понимаю, почему ты тогда заговорил о нем.

— Жизнь не отступает. — Кунохара закрыл глаза и сделал еще один глоток. — Эволюция не идет назад. Как только достигнут определенный уровень сложности, он не исчезает. Параллель к тому, что мы постепенно усложняемся — эта жизнь, или любой объект, который воспроизводит сам себя, постепенно становится более сложным.

— Школа? — проворчал Т-четыре-Б. — Школа, ты че? Спаси меня от гвоздя в заднице.

Мартина не обратила на него внимания.

— Что вы хотите сказать?

— Эта система стала более сложной, чем хотело Братство Грааля. Я подозреваю, что операционная система эволюционировала, возможно приобрела зачатки сознания. — Он сделал еще один глоток. — Похоже последнее десятилетие я был недостаточно внимательным.

— А эта другая маленькая… загадка? — Голос Мартины показался Полу излишне суровым. Кунохара может и не самый приятный человек на земле, но он спас их и укрыл в своем доме.

— Кишимо-джин. Монстр, орг — существо из буддисткой сказки. Она была демоном и пожирала детей, пока Будда не превратил ее. И она стала их особым защитником.

— И даже с объяснением, — холодно сказала Мартина, — мы все еще ничего не понимаем. Под монстром, который пожирает детей, вы имеете в виду Иного? Что это говорит нам?

Кунохара слегка улыбнулся, видимо радуясь что может брать и давать. Пол решил, что хотя этот человек и не любит других людей, но любит спорить и сражаться.

— Давайте рассмотрим то, что вы рассказали мне. Да, вы можете сказать, что эта система поедает детей. Но разве вы сами не замечали, как мучаются дети во всех этих мирах? Разве вы не встречали, как я в моих путешествиях через все симуляции, детей, которые, кажется, не принадлежат мирам, в которых вы их нашли?

— Сироты! — почти закричал Пол. Обнаружив, что все на него смотрят, он прочистил горло. — Извините. Так я называю детей, вроде мальчика Гэлли, которого повстречал в двух разных симуляциях. Они не обыкновенные люди, вроде нас, — они не

знают, что у них есть тело вне симуляции. Когда я был вместе с Орландо и Фредерикс, мы обсуждали, можно ли что-то сделать с детьми в коме.

— Потерянные, — спокойно сказала Мартина. — Они — как бездомные души. Хавьер услышал кого-то, кого он знал.

— Т-четыре-Б, — механически поправил он ее. — Чизз, услышал Матти. Далеко чирикал, вот.

— В любом случае операционная система — Иной — кажется страдает от таких вещей, верно? — Кунохара посмотрел на Мартину. — Детей, и всего, что связано с детьми.

— Например детских историй. — Слепая Мартина не могла посмотреть на него в ответ, но ясно признала его правоту. — Вы уже говорили об этом. Вроде бы так: история, как действующая сила.

— И ты сказал «мем», — произнесла Флоримель. — Я слышала это слово, но не знаю его значение.

— Возможно мы сейчас смотрим на мем, — сказал их хозяин. — Возможно я пригласил ее в свой дом.

Пол даже испугался, увидев, как побелела Мартина.

— Не играй с нами в игрушки, человек, — сказал он. — Что ты имеешь в виду?

— Мем, — слабо сказала Мартина. — Это слово означает идею-ген. Теория из последнего столетия, о ней много говорили и спорили. Некоторые говорили, например, что коммунизм был мемом. Идея, которая воспроизводит себя снова и снова в человеческом сознании, как биологическую особенность. Вечная жизнь — тоже мем, идея о том, что можно замечательно жить поколение за поколением… и вот доказательство: Братство Грааля и их одержимость ею.

— Чтоб меня, — сварливо сказал Т-четыре-Б. — Этот пердун-жуколюб говорит, что здесь есть коммуняги? Я думал, что они все вымерли, как гребаные динозавры.

— Мистер Кунохара предполагает, что двадцать восемь лет назад я, наряду со всеми остальными участниками эксперимента в Институте Песталоцци, инфицировала операционную систему Братства историями — мы дали этой быстро эволюционировавшей машине понятие о причинности, основанное на сказках Братьев Гримм или Перро. — Мартина прижала пальцы к вискам. — Это возможно — да, я допускаю, что это возможно. Но что это означает для нас?

Вино на какое-то мгновение смягчило Кунохару — он выглядел спокойным и удовлетворенным.

— Трудно сказать, но я везде ищу сведения. Взгляните на то, что опять и опять происходит с вами — взгляните на способ,

каким вам помог призрак, который вы называете дочкой Жонглера. Кто бы она ни была, но она очень близка к Иному, появляется опять и опять, как… какое слово из твоих французских сказок надо использовать, мисс Дерубен? Быть может добрая фея? Или ангел, как Джонас называет ее.

— Даже если это правда, — сказала Флоримель, — даже если операционная система действительно пытается обратить все в сказку, *сама операционная система не нападает ни на кого.* Насколько мы знаем, та небольшая самостоятельность, которая была у нее во времена Грааля, исчезла — теперь она полностью подчиняется этому наглому убийце, Дреду. — Она подняла руку к лицу. — Посмотри на это. Я потеряла ухо и глаз — даже если я выживу и вернусь в реальный мир, я буду полуслепая и почти глухая. И, еще хуже, этот убийца пообещал, что никто не будет лечить мою дочь. Так что я не вижу смысла сидеть здесь и говорить об одной истории или о другой. Где Дред? Как мы можем достать его? Где мы, и что это за место, где Иной показал нам себя? Ты — хозяин этой виртуальной вселенной, Кунохара. Ты должен быть способен находить вещи, путешествовать, переговариваться. — Она глубоко неровно вздохнула; когда она заговорила опять, ее голос был спокойнее, но не менее резок. — Однажды мы уже спрашивали тебя, поможешь ли ты нам, и ты сказал, что слишком боишься Братства и не хочешь рисковать своей жизнью. Ну, твоя жизнь в опасности, в настоящей опасности. Поможешь ли ты нам?

Полу показалось, что прошло очень много времени. За туманом стало разгораться тусклое свечение: над воображаемым миром Кунохары поднималось солнце.

— Ты переоцениваешь мои возможности, — наконец сказала Кунохара. — Я даже свою собственную систему почти не контролирую — а любая возможность управлять более общей инфраструктурой Грааля исчезла день назад, вероятно в то мгновение, когда наш общий враг поработил Иного. Я все еще не знаю, какая сила осталась у меня даже в моем собственном мире, но я, безусловно, потерял большую часть возможностей контроля. Например я не могу убирать или добавлять вещи в систему, как я это делал в обычное время. — Он повернулся к Полу. — Вот почему я не мог стереть мутантов из системы, или даже передвинуть хвостатого скорпиона в другое место. Я бы вынужден использовать свою способность управлять погодой, что не слишком удобно даже в самом лучшем случае.

— Итак, что мы должны сделать? — спросила Флоримель, но из ее голос исчез металл. — Просто поднять лапки? Сидеть, пить чай и ждать смерти?

— Мы должны понять систему. Не поймем — умрем, совершенно точно. Иной создал, или по меньшей мере повлиял на структуру всей сети, и даже если этот человек, Дред, каким-то образом захватил контроль над всей системой, должны остаться модели.

— Модели чего? — спросила Мартина. и замолчала. Казалось, что-то ее отвлекло; она наклонила голову, как бы прислушиваясь к тому, что остальные не могли слышать.

Кунохара осушил стакан и встал.

— Историй. Всяких приключений, квестов. И других вещей тоже. Детей и детства. Смерти. Воскрешения.

— И лабиринтов, — сказал Пол, вспоминая. — Я подумал об Итаке. Много контрольных точек, порталов, всякого такого — центры лабиринтов или места, связанные со смертью. Но я всегда думал, что это своеобразное чувство юмора Братства.

— Быть может, частично, — сказал Кунохара. — Впрочем, может быть и другая причина. Всегда есть какой-то риск неудачи, и они часто используют места, которые народ избегает: там пользователи Грааля чувствуют себя в безопасности. Но я повидал достаточно много самых разных миров и думаю, что эта тема повторяется слишком часто, а это означает, что операционная система тяготеет к подобного рода вещам — все это, если хотите, признаки неожиданного порядка. — Он, казалось, увлекся и возбудился, на щеках появился лихорадочный румянец. — Я повстречал большинство из вас в мире Дома. Я знал его строителей, и большинство персонажей этого мира — их творения, но Госпожа Окон? Которая также показывалась тебе как твой личный ангел, Джонас? Я не верю, что все это было встроено в оригинальный мир. Нет, это появилось потом — было перенесено из более общей системной модели. А теперь взгляните на место, где вы нашли троянский портал — Храм Деметры. В доме, принадлежавшем матери невесты бога смерти, в центре лабиринта. Оба тропа[16], которых описал Джонас, в одном месте.

Пол подумал, что теперь и он слышит то, что привлекло внимание Мартины, — низкое ритмичное жужжание, едва различимое на фоне шума реки. Но, похоже, у Мартины на уме было еще кое-что.

— Да, вы правы, — сказала она. — Вы знаете, что нас туда позвали, верно? Когда мы встретились в Доме, Флоримель сказала, что в Трое нет лабиринта, но вы знали больше, чем она.

Кунохара кивнул, внезапно став очень настороженным.

— Я уже говорил, что Троя — одна из первых симуляций, построенных Братством. — Он нахмурился. — Но откуда вы

знаете, что мы говорили? Вас там не было — вы были в плену.

— Верно. — Лицо Мартины стало жестким. — Всегда странно, когда люди знают то, что им не положено знать. Вот вы, например, знаете все о том, что мы делали в Трое. Пол, ты говорил мистеру Кунохаре о том, что мы были в Храме Деметры?

Открытая враждебность Мартины к их хозяину заставила Пола поежиться от неудобства, и он уже собирался сказать что-нибудь такое, что повернуло бы разговор в правильное русло, когда до него дошел смысл вопроса.

— Нет… не во всех деталях. Я много опустил… я торопился рассказать ему о том, что произошло с Братством Грааля. — Он почувствовал себя так, как если бы его опять повлекло куда-то, как если его судьба опять оказалась в чьих-то руках. — *Откуда* ты знаешь?

Трудно было сказать точно, что означает выражение на лице Кунохары: даже в самые лучшие времена его лицо было непроницаемым.

— Может ли быть иначе? Практически я сам послал вас туда!

Т-четыре-Б сел прямо и сжал кулаки.

— Работаешь на пердунов Грааля? Продал нас, после всего?

— Быть может он сказал правду, — сказала Мартина, поднимая руку, чтобы успокоить Т-четыре-Б. — Но я спрашиваю себя. Быть может вы не сказали нам *всей* правды, мистер Кунохара? — Она мигнула и опять отвлеклась, на мгновение, но потом сочла за лучшее закончить мысль. — По вашим словам вы знали, куда мы идем. Я подозреваю, что у вас был информатор в Трое и в других местах — возможно даже один из нас, хотя мне очень неприятна эта мысль — и что связь между вами и этим информатором и есть та нить, следуя за которой я перенесла сюда всех нас с вершины горы.

Напряжение, возникшее между этими двумя, заставило, казалось всю комнату нагреться и уменьшиться. Но оно быстро исчезло. В то мгновение, когда Кунохара то ли собирался признать свою вину, то ли со злостью опровергнуть ее слова, Мартина откинула голову назад и слепо уставилась на арку потолка и серую пелену тумана, покрывшую все. Жужжание стало таким громким, что не замечать его стало невозможно.

— Над нами много форм, — сказала она изумленным голосом. — Много…

Что-то с силой ударило в самый верхний изгиб пузыря, темное пятно, вокруг которого завихрился туман. Мелькнули суставчатые ноги, скребущие прозрачную поверхность, как если пытались прокопаться сквозь нее. Потом, с громким шумом, на крышу обрушились новые темные пятна, сначала немного, потом

все больше и больше, одно за другим. Пол попытался вскочить на ноги, но света почти не было: извивающиеся тела облепили весь пузырь, и каждую секунду приземлялись новые. Кунохара ударил в ладоши, в пузыре стало светлее, и они увидели, как что-то вдавилось в крышу.

Судя по форме тела, длинному бронированному брюшку и по бешено молотящим крыльям над блестящей грудкой, это были осы — но какие-то неправильные. Как и у мутировавших мокриц, каждая из них имела столько ног, сколько хотела и там, где хотела. Сгрудившись все увеличившейся толпой на пузыре, он прижали к поверхности свои получеловеческие, искаженные и вытянутые лица, которые пугали даже больше, чем их попытки прорваться через барьер.

Т-четыре-Б вскочил, пытаясь найти, куда сбежать, но осы покрыли каждый сантиметр прозрачных стен, туманное небо сменилось на переплетение бронированных конечностей и сочащихся слюной жвал.

— Это Дред, — безнадежно прошептала Мартина. — Их послал Дред. Он знает, что мы здесь.

Вес осоподобных тварей должен был быть невероятно большим, и Полу казалось, что пузырь может лопнуть в любое мгновение: их собралось так много, что целые спутанные груды переползали с места на место. Некоторых прижало ко дну и раздавило, пока они пытались вонзить ядовитые жала в субстанцию пузыря, которая прогибалась внутрь — но не трескала.

Пол схватил Кунохару за плечо.

— Прогони их! Или заморозь, ради бога! Они могут прорваться в любой момент.

Их хозяин посмотрел на Пола дикими глазами, но попытался сохранить хладнокровие.

— Если я взорву их ветром или льдом, я дестабилизирую сам дом, и либо разрушу его, либо пущу вниз по реке, и мы все погибнем.

— Ты и твой кровавый реализм! — крикнула Флоримель. — Вы все богатые идиоты, играющие в детские игрушки!

Кунохара не обратил не нее никакого внимания. Пол смотрел, как он проделал серию бессмысленных жестов, как те, кто занимаются *тай чи* в тихом парке. Какое-то мгновение он думал, то Кунохара полностью сошел с ума, и только потом сообразил, что тот перебирает все свои команды, пытаясь найти то, что работает.

— Ничего, — прорычал Кунохара и с холодной яростью

повернулся к Мартине. — Ты, со всеми твоими обвинениями. Я думал, что, используя коммуникатор, ты приговорила себя к смерти, но ты привела смерть к моему дому и убила меня, тоже. — Он махнул рукой: в воздухе открылось окно. Какое-то мгновение Пол видел только бурлящую кучковатую массу, потом понял, что с высоты птичьего полета глядит на дом-пузырь, настолько плотно облепленный осоподобными тварями, что невозможно было представить себе его настоящую форму.

— Взгляни, — горько сказал Кунохара. — Они строят мост между нами и землей.

Он был прав. Толстая веревка, сплетенная из шевелящихся осиных тел, тянулась по движущейся поверхности воды, взводы инженеров-самоубийц, отдающих свои жизни ради того, чтобы связать пузырь с берегом реки. Осы на дне растущей ложноножки должны были тонуть сотнями, подумал Пол, но куда больше спускались на них сверху и мост непрерывно увеличивался.

Увеличивался куда? Через туман Пол никак не мог рассмотреть берег реки, заросший цветущей травой. У Кунохара, наверно, появилась та же мысль, он по-особому махнул рукой, и фокус окна изменился, в поле зрения появился песчаный берег. На нем не было ни травинки: жесткая линия пчелоподобных созданий, точно так же искаженных, как и осы, армия из тысяч и тысяч безобразных ползунов, ждущих когда осиный мост достигнет них. Даже сейчас, стараясь встретить ос, сотни передних в щелкающей, толкающейся толпе взбирались одна на другую и хватались друг за друга; тонули, но строили цепь.

Но это еще было не самое страшное. На массивном, покрытом мхом камне на берегу реки стояла пара резко контрастирующих между собой фигур, напоминающих двух генералов, наблюдающих за сражением. Кунохара подвел окно поближе к ним. Несмотря на страшную угрозу, исходящую от ос, которые уже образовала сплошную стену из панцирей и ног вокруг всего дома-пузыря, Пол не мог оторвать взгляд от этих двоих.

Одной была массивная раздутая гусеница, с мягкими сегментами цвета плоти трупа и лицом, еще более тревожно гуманоидным, чем у армии монстров, крошечными поросячьими глазками и ртом, полным неровных зубов. Рядом с ним качался сверчок, белый как бумага, потирая ногами друг о друга и играя неслышную музыку. Его длинное лицо тоже походило на человеческое, как и у гусеницы, за исключением пустого пятна вместо глаз.

— Близнецы, — сказал Пол. — Боже мой, он послал за нами Близнецов.

— Там есть еще кое-кто, — сказала Флоримель. — Смотрите,

он едет на той пчеле.

Пол посмотрел на бледную человеческую фигурку, прыгавшую на блестящем панцире.

— Кто это?

Кунохара нахмурился.

— Роберт Уэллс, я полагаю. Как жаль, что скорпион не позаботился о нем.

Крошечная фигурка махнула рукой и еще один эскадрон пчел отправился вниз от края реки, готовый отдать жизнь растущей цепи.

— Ублюдок развлекается, — заметил Кунохара.

ГЛАВА 7
Человек с Марса

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ДРАМА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ: «Воин из Школы Шпрути»

(Изображение: тренировочный зал Венвен Шо.)

ШО: «Чень Шуо, пришло время действовать. Моя дочь Зиа украдена злой школой Волчьи Челюсти и они собираются испытать на ней их мистическое, неправильное и смертельное военное искусство.»

(звуки за сценой: задыхается)

ШУО: «Клянусь священными Шпрути, мы не должны допустить этого.»

ШО: «Вы храбрый человек и настоящий воин. Быстро берите мои драгоценные метательные звездочки и торопитесь спасти мою дочь.»

ШУО: «Я вернусь к вам с отрубленной головой мастера Волчьих Челюстей и вашей дочкой Зией, живой и невредимой.»

(звуки за сценой: аплодисменты, приветствия)

ШУО(себе): «Но я должен помолиться, чтобы моя преданность священным Шпрути дала мне силу выполнить это задание, ибо миньоны школы Волчьи Челюсти многочисленны и коварны. И все таки — где Шпрути, там и храбрость!»

(звуки за сценой: еще более громкие аплодисменты)

Миссис Соренсен — Кейлин, она сказала им свое имя — только что вышла из смежной комнаты, где была с обоими детьми, пока все пользовались возможностью перевести дыхание. Катур Рэмси, к примеру, наслаждался паузой. За всю жизнь у него не было такого странного дня, даже если включить заигрывания с психоделиками в колледже.

— Кристабель в полном порядке, — сообщила она, — спит. А мальчишка свернулся на полу. Я смогла еще раз помыть его, но не убедить лечь на кровать.

— Ей пришлось много перенести, — сказал Майкл Соренсен. — Если бы я мог себе представить… Всемогущий боже, во что мы ввязались?

Странный сморщенная старик, сидевший во взятом напрокат инвалидном кресле, поднял на него взгляд.

— Мне очень жаль, мистер Соренсен, что я втянул вас в это дело. Отчаяние заставляет нас совершать самые неблаговидные поступки.

Женщина какое-то мгновение боролась с желание сказать что-нибудь вежливое, и победила. Она только что выслушала весьма прилизанную версию того, что произошло в номере Якубиана, и еще не пришла в себя от ужаса. Пока Рэмси пытался развлечь переволновавшуюся Кристабель и угрюмого маленького испанца, она увела мужа в соседнюю комнату и, как потом сказал Соренсен, «дала мне понять, что не слишком счастлива от того, происходит.»

На самого Рэмси, утомленного до предела, давила атмосфера напряжения и несчастья, сгустившаяся в комнате, не говоря уже о странной истории, которую им только что рассказал Селларс, настолько наполненную заговорами, что ее осмеял бы самый сумасшедший сетевой завсегдатай. Ему надо было несколько секунд, чтобы прочистить мозги.

— Я собираюсь выпить немного колы, — сказал он. — Кто-нибудь хочет чего-нибудь?

Кейлин Соренсен устало покачала головой, но Рэмси не мог не заменить тень подозрения, промелькнувшую по лицу ее мужа.

— О, ради бога, Соренсен, если бы я собирался сбежать, предать вас или еще что-нибудь в таком же духе, мне было бы намного легче немного подождать и сделать это, вернувшись в свой мотель.

На лице Соренсена появилось виноватое выражение.

— О, я не имел в виду… я просто… сегодня был тяжелый день.

Рэмси изобразил на лице улыбку.

— Точно. Я вернусь через секунду.

Он поймал себя на том, что раз за разом бьет кредитной карточкой по считывателю автомата по продаже воды.

«Быть может паранойя Соренсена лучше того, что творится у меня в голове, сказал он самому себе. Это был самый настоящий бригадный генерал, и он похитил нас из ресторана. Что бы там ни было, это факт, а не чей-то лихорадочный бред». Он нашел несколько монет, и какое-то время раздумывал, не надо ли стереть с них отпечатки пальцев, прежде чем кинуть в щель автомата.

История Селларса, которой Соренсен и его семья то ли поверили, то ли нет, была откровенным бредом. Рэмси сомневался, но все-таки допускал, что синдром Тандагора мог быть намеренно создан какими-то злоумышленниками. Он даже

начал подозревать, что существует связь между состоянием Орландо Гардинера и докладами его программы-агента, рассказывавшими об особой сети, в которой сознание Орландо попало в ловушку. Он даже хотел бы поверить в странный набор обстоятельств, в тайные заговоры могущественных людей. Но в это? Это же чистый бред сумасшедшего — заговор самых богатых на земле мужчин и женщин, задумавших стать богами. Мало того, что это совершенно невероятно само по себе, но, даже если это правда, было бы невозможно многие годы сохранять все в тайне, особенно если механизм каким-то образом опирается на уничтожение невинных детей. Весь этот безумный рассказ казался чем-то вроде мыльной оперы или непомерно раздутой сетевой драмы. Этого просто не могло быть. Точка.

Если бы он слушал такое в первый раз, уже через десять минут Катур Рэмси вежливо поблагодарил бы рассказчика и пошел домой, оставив других слушать это безумие. Но он уже прожил в этом странном виртуальном мире Орландо Гардинера несколько недель, и начал считать программу-агента в виде картонного жука надежным источником информации. Он разговаривал с женщиной, признавшейся, что провела какое-то время в психиатрической больнице. Она, прежде чем закрыть свой дом и исчезнуть, рассказала ему, что одна из самых успешных в мире компаний по развлечению детей является частью дьявольского эксперимента над теми же самыми детьми, и он спросил себя, не была ли она права. Он умел воспринимать новые идеи — разве он не повстречался с Селларсом на задворках ВР-игры? И разве там, он, Артур Рэмси, респектабельный адвокат, не бегал, переодетый в варвара-мечника? Однако он должен признаться, что этот Селларс сказал ему кое-что такое об Орландо Гардинере и Саломее Фредерикс, что он сам, несмотря на полный контакт с обеими семьями, не сумел установить.

Он цедил колу и слепо глядел на проходящие машины.

Селларс просил его поверить в то, что делало самую худшую чепуху о масонах и розенкрейцерах образцом здравого смысла. И что увенчало всю эту дурацкую пирамиду? Утверждение майора Соренсена, что Селларс даже не человек.

На какое-то мгновение ему нестерпимо захотелось дойти до машины и рвануть на полной скорости домой. Рассказать Джалилу и Энрике Фредерикс, что он не нашел ничего, что могло бы объяснить кому их дочери, и вычеркнуть Ольгу Пирофски из списка телефонов. Поместить все это дело в категорию «кто знает, что за чертовщина там творится?» и вернуться к клиентам, и его жизни, более или менее налаженной.

Но он вспомнил лицо матери Орландо Гардинера, слезы,

блестевшие в ее глазах, и голос, сказавший ему, что они всегда надеялись хотя бы проститься со своим сыном. Он слышал этот голос два часа назад, надтреснутый и хриплый, шептавший как сухая трава и оставивший в его системе сообщение с датой заупокойной службы по Орландо. Он обещал им сделать все, что в его силах. Он обещал.

Он поколебался еще несколько секунд, потом смял одноразовый стакан и бросил его щель мусороприемника за автоматом.

Селларс вдохнул что-то из мокрой тряпки. Он взглянул на вошедшего Рэмси и улыбнулся, его странное морщинистое лицо исказилось по горизонтали.

— Соренсены вернутся через пару секунд, — сказал он. — Маленькой девочке приснился плохой сон.

— Она через многое прошла, — сказал Рэмси. — Слишком многое для ее возраста.

Селларс печально опустил голову.

— Я надеялся, что ее роль в этом деле закончена. — Он опять вдохнул из тряпки. — Пожалуйста, простите меня. Мои легкие… они не работают так, как должны. Мне будет лучше, когда я возьму фильтры из своего увлажнителя. Мне нужно постоянно увлажнять дыхательные трубки. — Что-то на лице Рэмси опять вызвало его улыбку, на этот раз побольше, и Селларс разрешил своим морщинистым рукам упасть на колени. — А, я вижу, что вас что-то волнует. Мои легкие? Я сам? Попробую угадать — быть может майор Соренсен вам что-то сказал обо мне?

— Не слишком много. И это безусловно не самое худшее, что беспокоит меня. Но и это тоже, да. Он сказал… — Внезапно, хотя и абсурдно, ему показалось что он собирается нагрубить. Рэмси сглотнул и бросился вперед. — Он сказал, что вы не человек.

Селларс кивнул, сейчас он походил на древнего отшельника с какой-нибудь забытой горы.

— Разве он не сказал вам, как меня называли на базе? «Человек с Марса.» На самом деле меня называли так еще до того, как майор Соренсен родился. — Улыбка пересекла его лицо и исчезла. — Конечно это неправда — я никогда не был даже поблизости от Марса.

Колени Рэмси подогнулись. В поисках опоры он вытянул руку, нашел ручку кресла и с трудом уселся.

— Вы говорите мне… что вы кто-то вроде пришельца? Из космоса? — Теперь, как если бы на глазах появились линзы, он увидел заново кожу Селларса, покрытую чем-то странным, что считал шрамами или морщинами — пестро-розовую шкуру

неизвестного животного. Костлявый старик с безобразной головой и странными желтыми глазами был бы чудесной до абсурда иллюстрацией в детской книге, но совершенно невозможно было бы сказать, какую роль он там будет играть — добрую или злую. Когда дверь смежной комнаты вдруг распахнулась, Рэмси испуганно вздрогнул.

— Кейлин приготовила насколько сэндвичей, — сказал Майкл Соренсен. — Рэмси, ты должен что-нибудь съесть — ты плохо выглядишь.

Его жена вошла вслед за ним, неся в руках поднос для пикника — слишком совершенная картинка из традиционной женской жизни прошлых столетий. Рэмси никак не мог успокоиться; внезапно все вокруг показалось зловещим и угрожающим.

— Я только что рассказал мистеру Рэмси свою историю, — сказал Селларс. — Нет, спасибо, миссис Соренсен, я ем очень мало. Разве ваш муж еще не рассказал вам обо мне? Определенно вы бы удивились.

— Майк…? Он рассказывал мне, очень мало. — Было видно, что ей сразу стало неудобно. — Вы уверены, что я не могу вам что-нибудь…?

— Давайте! — Рэмси почувствовал, что от его запасов энергии не осталось ничего. — Я сижу здесь и слушаю, как этот человек говорит мне, что он — инопланетянин. А тем временем вокруг говорят о сэндвичах. Сэндвичи, ради всего святого!

Кейлин Соренсен нахмурилась и приложила палец к губам.

— Мистер Рэмси, пожалуйста, за дверью двое спящих детей.

Рэмси покачал головой, падая на стул.

— О, простите, простите.

Селларс улыбнулся.

— Разве я говорил о пришельцах, мистер Рэмси? Нет, я сказал, что так меня называли — Человек с Марса. — Он поднес тряпку поближе ко рту, вдохнул, потом притянул руку, окунул тряпку в чашку и опять поднес ко рту. — Это очень интересная история, и, быть может, услышав ее вы лучше поймете тот странный рассказ, который уже услышали от меня сегодня.

— Даже если вы назовете себя Великим Герцогом Альфы Центавра, — с жаром сказал Рэмси, — не думаю, что все станет более странным, чем уже есть.

Селларс нежно улыбнулся сначала ему, а потом Кейлин Соренсен, которая устроилась на диване рядом с мужем.

— Вы все ввязались в очень большое дело. Я надеюсь, что вы понимаете, насколько важно…

Рэмси прочистил горло.

— Да, извините, последнее время я мало с кем общался, за исключением Чо-Чо — и забыл как разговаривать со взрослыми. — Он вытянул перед собой узловатые пальцы. — Уверяю вас, мистер Рэмси, что независимо от того, что случилось со мной потом, я родился человеком. Много кого можно назвать Чужим, и я определенно не пришелец.

На самом деле первые лет тридцать все называли меня пилот — пилот боевого самолета. Я летал за флот США на Среднем Востоке, и позже, во время событий в Тайване, а потом, в мирное время, тренировал новых пилотов. Я так и не женился, и у меня не было особенно близких людей среди моих товарищей, хотя во время боя я доверял им мою жизнь, а они мне — свою. Я жил жизнью морского пилота, и был более или менее доволен ею.

Все это происходило до того, как вы родились, так что вы не помните как умирало то, что называлось пилотируемой космонавтикой — частные консорциумы, которые финансировали большинство проектов, решили, что лучше вкладывать деньги в спутники и далекие шахты, чем помещать настоящего живого человека в корабль и посылать его куда-то там. Кроме того население земли утратило интерес к космосу — лично я думаю, что человеческая раса начала поворачиваться лицом к себе. Но идея колонизации других миров еще не полностью умерла, и один не слишком громкий проект шел вперед даже после того, как все остальные, более громкие, положили в долгий ящик. Фактически он тоже финансировался частными компанийяим но формально он был под контролем правительства Соединенных Штатов, и все это происходило в те дни, когда у ООН не было своей космической программы.

Поползли слухи, что военные летчики, не имеющие семьи и желающие поучаствовать в чем-нибудь очень опасном, оцениваются для какого-то проекта, который называется ПЕРЕГРИН. К тому времени мне надоело обучать летать, я слегка устал от такой жизни, и хотя подозревал, что уже немного староват — все, что я слышал, говорило об очень жестком отборе, в первую очередь по физическим параметрам, а это обычно означало рефлексы — я решил, что могу попробовать. — Селларс опять улыбнулся, на этот раз смеясь над собой. — Когда я обнаружил, что по результатам отбора вошел в первую дюжину, то очень возгордился собой.

Я бы с удовольствием рассказал всю эту историю в деталях, потому что это интересно само по себе, и еще потому, что никто не знает о ней правды, кроме меня. Не осталось ни книг, ни документов в сети, ни записей разговоров. Но вы все устали, поэтому я буду краток. ПЕРЕГРИН оказался новым подходом к

исследованию человеком космоса, программой, которая позволяла людям не только путешествовать на долгие расстояния — в анабиозе, но с бодрствующим сознанием — но также давала возможность исследовать планеты значительно лучше, чем старомодная астронавтика. Они интересовались несколькими планетами — сейчас я помню только одну вокруг «70 Девы». Впоследствии оказалось, что многие из этих сигналов были неправильно интерпретированы, да и человечество потеряло интерес к космическим исследованиям — позор, по-моему — но в то время все были возбуждены и горели энтузиазмом. В любом случае даже тогда у нас в руках были инструменты, которые могли обследовать планеты значительно более тщательно, чем живой человек, но люди, стоявшие во главе программы, думали, что они никогда не получат достаточного финансирования и поддержки прессы, если не послать настоящего, дышащего воздухом человека, который рискнет жизнью ради всей человеческой расы. Вы сами легко можете сочинить такие речи, а?

Итак, ПЕРЕГРИН. Нас привезли в Санд Крик, секретную базу в Южной Дакоте…

— Я слышал о ней, — медленно сказал Рэмси. — Санд Крик…

— Конечно слышали. Об этом говорили многие годы. Но все, что вы слышали, очень далеко от правды. — Селларс закрыл глаза. — На чем я остановился? А, да. Нас подвергли очень сложной обработке, чтобы сделать способными на любые физические нагрузки и — более важно — связали наши сознания с системой бортового компьютера. Сейчас почти не услышишь это слово, «компьютер». Они везде. А раньше это были такие ящики вместе с клавиатурой. — Он покачал головой, и это выглядело так, как будто сухой подсолнух закачался на своем стебельке. — Технология еще не была такой продвинутой, в конце концов это было почти пятьдесят лет назад. Мне сделали множество операций — встроили микросхемы прямо в тело, имплантировали различные устройства, вы сами можете назвать их. Теперь люди считают само собой разумеющимся, что они могут связаться с сетью при помощи нейроканюль, но тогда мысль о том, что человеческое существо может получать данные из компьютера прямо в мозг, казалась научной фантастикой. Везде, за исключением Санд Крик, где это реально делали.

Вот так… вот так они построили меня. Скорее перестроили, усилили мои кости, защитили кожу и различные органы, которые теперь стали лучше переносить повышенную гравитацию и радиацию, имплантировали крошечные химические насосы, которые автоматически добавляли кальций и другие важные

элементы в мое тело, если я долго находился в невесомости… и все в таком роде. Но они пошли еще дальше и буквально прошили меня — от головы до пяток, как рождественскую елку. Они использовали новейшие сплавы и полимеры — хотя сейчас, когда молекулярная инженерия так сильно изменилась, то, что они ввели в меня, кажется глубокой древностью. Но в то время добровольцы ПЕРЕГРИНА были произведениями искусства. Вот тогда я впервые узнал и полюбил Йитса — строчка об императорских механических птицах из «Плавания в Византий» осталась со мной на всю жизнь:

> Мне не даёт неверный глазомер
> Природе вторить с должною сноровкой;
> Но способ есть — на эллинский манер
> Птах создавать литьем и тонкой ковкой.[17]

Он на мгновение остановился, потеряв мысль.

— Я не могу передать вам, что почувствовал, когда в первый раз закрыл глаза и оказался в сети. Тогда сеть была крошечной и примитивной, ранние дни виртуального интерфейса, и все же… Все же…! Не покидая Земли мы стали исследователями, и летали там, где остальные ползали. Мы, добровольцы ПЕРЕГРИНА, начали говорить о сети между собой так, как если бы это было место, вселенная, куда остальные могли попасть ненадолго, как туристы, глядящие через изгородь, но которое по-настоящему принадлежало только нам. Когда вы плывете через информационные потоки, как через настоящее физическое пространство, когда у вас постоянный доступ, вы начинаете видеть все по-другому, и изучать по-другому… — Его голос стал скрипучим и сухим, он остановился и быстро вдохнул воду из тряпки. — Я пообещал, что не буду отклоняться, верно? Прошу прощения. В любом случае наши корабли строили в то же самое время, что и нас — можно сказать параллельно — и каждый из них был особым, подстроенным под наши физиологические возможности. Они были маленькие и очень сложные: основные двигатели, работавшие на антиматерии, давали возможность летать на длинные расстояния, но были и альтернативные, менее мощные, использовавшие, например, солнечный ветер. Каждый из них предназначался для одного из нас, и каждый был назван по имени какого-нибудь исследователя — *Фрэнсис Дрейк, Мэтью Пири*. Сейчас я уже позабыл все их имена, и это очень печально. Мою малышку звали *Салли Райд*. Прелестное имя для корабля, и каким же прелестным кораблем она могла быть — моя невеста, вы можете сказать, у нас был бы постоянный медовый месяц. Но

все пошло совсем по другому. У нас было только несколько тренировочных орбитальных полетов, прежде чем… О, мой дорогой, я утомил вас?

Майкл Соренсен сладко спал, сидя на диване, положив голову на плечо жены.

— Он очень устал, — сказала она извиняющимся тоном, как если бы он пропустил карточную игру с соседями. — Кроме того он все это знает, да?

— Все кроме некоторых деталей, — мягко сказал Селларс. — Я уверен, что с тех пор, как мы познакомились, он несколько раз заглядывал в мой файл.

— Мне ваш рассказ кажется совершенно замечательным, — уверила она его, хотя тоже выглядела очень усталой. — Я… я ничего этого не знала.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Рэмси.

— Ну, вы оба должны знать, что может случиться, когда работаешь на правительство. Не забывайте, что это было в ранние дни того, что сейчас называется частно-общественным партнерством. В Вашингтоне поменялась администрация. ООН стала презирать проекты, в которых не было широкого международного участия. Боссы корпораций начали ворчать: проект стоит уйму денег, а прибыль в ближайшем будущем не ожидается. Несколько раз ПЕРЕГРИН почти закрывали.

Позже были ночи, и годы, темные как ночи, когда я всем сердцем хотел, чтобы этого произошло на самом деле.

Решение на самом деле никого не удивило, особенно учитывая огромные оборонные корпорации, замешанные в это дело. Было решено рационализировать проект, «получить больше секса за те же деньги», я думаю это была фраза дня. Очень трудно сократить проект на завершающей стадии, поэтому вместо этого они объединили нас тем, что называлась ЧР/БС — Человеко-Робот / Боевая Система. Я думаю, что у того проекта тоже было кодовое имя — «Блестящий Воин», «Блестящее Копье» или еще что-нибудь в таком духе, но инженеры стали называть его ЧЕРТБОСС и имя приклеилось. Это был чисто военный проект, возможно первая попытка создать биомодифицированных солдат — людей, в которых вживляли самое совершенное боевое оружие, и которые могли использовать его как продолжение своего тела и идти в такие места, куда не мог войти обычный солдат в броне. Вы легко поймете идею — достаточно посмотреть на старые комиксы. В то время военные имели намного больше влияния, чем сейчас, и большинство ресурсов — инженеры, медики и время суперкомпьютеров — потекло в их направлении. Шаг ПЕРЕГРИНА существенно замедлился.

Все это не имело бы такого большого значения, но ЧЕРТБОСС использовал совершенно другие принципы набора людей. Проверяли именно то, что, как мне казалось, должен был делать ПЕРЕГРИН, то есть рефлексы и даже более загадочные штуки, вроде синаптических функций, чувствительности химических и иммунных систем и все в таком роде. И даже физиологически они искали других людей. Мы были пилотами, и нас выбирали именно за профессиональное умение — хотя некоторые из людей ПЕРЕГРИНА и не участвовали в боях, но они были летчиками, как и первые космонавты. ЧЕРТБОСС искал солдат. Можно даже сказать более определенно: убийц. Они пытались быть более разборчивыми, но, я думаю, эта тенденция ослепила их с самого начала.

Даже в этих условиях, если бы проблема Баррета Кинера была физической — скажем опухоль, или недостаток серотонина, ее бы заметили мгновенно. Людей как ПЕРЕГРИНа, так и ЧЕРТБОССа автоматически проверяли на такие вещи, мы проводили уйму времени подключенными к аналитическим устройствам, и принимали это как должное. В те дни чистая шизофрения представляла из себя загадку, и Кинер был параноиком, скрывавшим растущее сумасшествие. Хотя очень мало из тех, кто работал с ним, могли бы сказать, что он им нравится, ни один из психологов и врачей на Санд Крике или их коллег из ЧЕРТБОССа не догадывался, что он мало-помалу сходит с ума. Пока не стало слишком поздно.

Я вижу выражение вашего лица, мистер Рэмси. Нет, вы никогда не слышали о Кинере. И сейчас узнаете, почему.

Я постараюсь рассказать обо всем этом как можно короче. Слишком много моих друзей погибло в тот день, когда Кинер впал в буйство. В систему было встроено множество предохранителей, но хотя военные и подрядчики учитывали как возможность саботажа, так и пугающую возможность того, что кто-нибудь из людей ЧЕРТБОССа может выйти из-под контроля, никто не думал, что это может произойти одновременно. Кинер, охваченный все усиливающимся психическим расстройством, готовился несколько недель. Комплекс ЧЕРБОССа в Санд Крике был целым арсеналом — кибернетические боевые комплекты имели убойную силу никак не меньше какого-нибудь танка, и еще там были запасы другого оружия для учебных боев. Такие же смертельные, как и боевые комплекты, если кто-нибудь, вроде Баррета Кинера, хорошо разбирался в вооружении и мог их использовать. Последствия были попросту ужасающими, хуже невозможно себе представить. Решив отомстить за никому не ведомое оскорбление, он провел недели, втайне готовясь, и под

невообразимым ударом душевного расстройства все глубже и глубже погружался в черные глубины ненависти.

То, что произошло потом, я почерпнул большей частью из секретных отчетов. Все началось ночью, и большая часть персонала базы спокойно спала в своих кроватях. Так получилось, что я был на ногах — мне никогда не надо было много спать — и работал в строительном отсеке вместе с ночной сменой механиков. Сначала мы услышали взрывы. Едва мы успели спросит себя, что происходит, как появился сам Кинер, в боевом комплекте, термоустойчивая броня светится, и начал стрелять по стенам ангара. Он не хотел мстить именно нам — просто мы оказались на его разрушительном пути из одного конца базы в другой. Несмотря на внезапность и огонь из гранатомета, который он вел не переставая, кто-то попытался сопротивляться, и подарил нам несколько драгоценных секунд. Кинер получил гранату в грудь, но на нем остался только слабый след от взрыва и из одного из его суставов начал медленно выходить фреон. В светящейся броне, в облаке выходящего пара, он казался разгневанным богом. У нас не было ни одного шанса. Он прошел через стену, которую пробил мини-рэйлганом[18], и ангар буквально обрушился на нас.

Это был кошмар, и я до сих пор не могу спокойно думать о нем. Раньше я пытался сообразить, что я мог сделать иначе и спасти своих товарищей — измучил самого себя тысячей различных сценариев. Сейчас я знаю, что мне несказанно повезло и я остался жив. Я находился достаточно близко к одному из строящихся кораблей, и успел прыгнуть внутрь, когда в нас полетел первый из зажигательных снарядов Кинера. Я еще успел увидеть, как Кинер шествует через остатки ангара, броня блестит как солнце, поглощая дополнительное тепло, и стреляет термическими гранатами во все стороны.

Селларс медленно потер суставом пальца уголок сухого глаза. Рэмси спросил себя, повторяет ли он обычный жест отчаяния, или чувствует в себе слезы, которые не силах выплакать. Что из них хуже?

— Два механика внутри корабля и я, вот и все, кто выжил после атаки безумца — но никто из них не прожил и месяца, потому что они оба очень сильно обгорели. Мы все обгорели, нас зажарило, как мясо в печи, но у меня были защищенные органы и измененная кожа, а у них нет. Мне повезло, или не повезло, выжить. Чудом.

Проложив дорогу через базу и оставив за собой одни развалины, Кинер действительно ушел из Санд Крика. К счастью, встроенный в него ракетный двигатель был поврежден огнем

одного из часовых, и он пошел пешком. Я думаю, что он направлялся к ближайшему городу, Буффало, и один бог знает, что бы он с ним сделал, если бы добрался, но в воздух подняли истребители с ближайшей авиабазы и они нашли его в миле от Санд Крика, в открытой прерии. Один самолет он сумел сбить, но остальные накрыли его ракетами воздух-земля и убили. Хотя, если быть более точным, ни одна из них не попала прямо в него, но взрывы настолько раскалили его комплект, что он не выдержал и взорвался, как маленькая термоядерная бомба. Я слышал, что потребовались годы, прежде чем на этом месте что-то выросло. Земля там стала стеклом.

Вот так… сумасшедший убил себя очень дорогим способом, и нам, оставшимся в живых, пришлось расхлебывать последствия. Из всех пилотов ПЕЛЕГРИНА выжил я один. Со своими товарищами по ЧЕРТБОССУ Кинер поступил более изощренно — заложил заряды в казармах, и они умерли в кроватях, когда здания обрушились на них. Весь Санд Крик превратилась в развалины — сто восемьдесят шесть убитых, в три раза больше раненых. Все корабли разрушены, миллиарды долларов, затраченных на исследовательскую работу, ушли в никуда, военные корпорации подсчитали убытки и закрыли проект. Впрочем ЧЕРТБОСС тоже похоронили — по меньшей мере официально. Кинер сумел разрушить огромную базу при помощи одного-единственного комплекта, и сейчас солдаты используют намного менее сложный комплект. Тем не менее он настолько похож на изделие ЧЕРТБОССА, что, возможно, корпорации просто изменили имя программы и начали ее опять.

— Как… как это *ужасно*, — выдохнула Кейлин Соренсен.

— Я никогда не слышал об этом, — сказал Рэмси, пытаясь, чтобы в его голосе не прозвучало сомнение, потому что от разрушенного лица Селларса веяло искренней болью. — Даже намека.

— Все это похоронили очень-очень глубоко. Конечно народ знал о базе Санд Крик, но не о том, что там произошло на самом деле. По официальной версии там был пожар, а остаточная радиация вынудила закрыть базу. Некоторых из погибших, вроде добровольцев ПЕРЕГРИНА, которые вообще проходили под грифом «Совершенно секретно», приписали другим операциям и сообщили о их смерти. Потери были чересчур велики, не говоря уже о том, что если бы правда о случившемся вышла наружу, корпорациям пришлось бы заплатить миллиарды в ходе судебных преследований. И все похоронили. Но, конечно, такое дело невозможно зарыть полностью, так что слухи о том, что произошло, появляются даже сейчас.

— И вас тоже похоронили?

— Так хорошо, как только смогли. У меня нет родственников. На самом деле первые двенадцать часов меня считали трупом, потому что… потому что ангар выглядел слишком плохо. Когда оказалось, что я жив, им оставалось только спрятать меня.

— То есть вы узник? — В голос Рэмси прорвалась злость.

— Не с самого начала. Нет, сначала меня собирали по частям, в буквальном смысле, они хотели как-то использовать меня. Но мой проект умер, я сам был обожжен и изувечен, а электронные схемы внутри сильно повреждены. Я стал им не нужен — и, кроме того, в отличии от остальных выживших, был неопровержимым доказательством того, что произошло. Если обычный солдат нарушает конфиденциальные договоренности, вы можете достаточно просто объявить его чокнутым, но что делать с человеком, в теле которого находятся кибернетические имплантанты на многие миллионов долларов? Так что они постепенно засадили меня под стражу, и, откровенно признаться, мистер Рэмси, я очень благодарен им за это. В другой стране или в другое время они могли бы гарантировать мое молчание значительно более действенными мерами.

Рэмси не знал, что и сказать. Наступило молчание. Наконец майор Соренсен глубоко вздохнул, сел прямо и поглядел вокруг. Не желая признавать, что он проспал почти десять минут, он сделал вид, что закрыл глаза только для того, чтобы получше сосредоточиться. Селларс какое-то мгновение глядел на него, почти с любовью, а потом продолжил.

— Потянулись унылые дни. То, что случилось потом, оказалось важно только для меня. После первых нескольких лет в госпиталях и исследовательских институтах, было решено, что ничего полезного от меня уже не получить, и меня поместили на базу — ту самую, где вы возились со мной, майор Соренсен, хотя я оказался там задолго до того, как вы поступили на военную службу. Одна из маленьких нелепостей всей этой ужасной неразберихи состояла в том, что я, морской летчик, попал в заключение как член ЧЕРТБОССА, и оказался на армейской базе.

На самом деле руководство хотело от меня только одного — молчания, и я многие годы прожил в окружении, чем-то напоминающим более ранние столетия: ни телефона, ни телевизора, никакой электронной связи с внешним миром. Я прожил так десять лет, и мое показное смирение убаюкало их. Мне поставили настенный экран, конечно односторонний, и очень низкоскоростное соединение, которое никак не могло позволить мне связаться с внешним миром, если нет устройства приема.

Конечно все эти годы я ждал только этого. Я очень устал и в те дни очень злился на них за все, что сделали со мной, потому что я был свободен в той же степени, что и прикованный к веслу раб на галере. Я мог заниматься только мысленными упражнениями — вы же видели мои ноги и морщинистые руки, попробовавшие огня Кинера — но, черт побери, я же был пилотом! За несколько минут я потерял все — корабль, здоровье, свободу — но во мне еще бурлил адреналин. Неба мне больше не видать, но я мог летать по информационным потокам тем самым путем, который открыли я и мои товарищи по ПЕРЕГРИНУ. Хотя это не совсем то, что идти по улице как обыкновенные люди, тем не менее это был способ ускользнуть в реальным мир.

Чистая правда, что у меня не было устройства доступа в сеть. Во всяком случае видимого. Но даже мои сторожа очень мало знали о моих способностях… и, что более важно, о моей навязчивой идее побега. Было очень легко украсть кусок волоконно-оптического кабеля у людей, которые ставили мне настенный экран. Когда они ушли, я также легко сделал небольшую, хотя и достаточно сложную операцию с увеличительным стеклом, кухонным ножом, который я заточил как бритву, и еще кое-какими инструментами, включая старомодный паяльник. Все это выглядело совершенно ужасным для всех, кроме меня, провода торчали прямо из длинного кровоточащего разреза в моей руке, но я подсоединил мое старое приемное устройство из дней ПЕРЕГРИНА и начал использовать встроенные в меня системы для связи с сетью через стенной экран.

Я не буду утомлять вас деталями. Однажды мои тюремщики заметили, что я делаю — меня настолько захватила вновь обретенная свобода, что я не был достаточно осторожен. Они привели четырех военных полицейских, чтобы справиться со мной — мной, сто десятью фунтами дрожащего тела! — и выдрали с корнем настенный экран. Доктора опять зашили мне руку. Вот здесь шрам. К моему файлу прикрепили большой мигающий маркер, запрещающий мне любой способ связи, и еще долгие годы устраивали внезапные обыски, на всякий случай.

Но они не знали, что уже было поздно. В самые первые часы моей вновь обретенной свободы я нашел и скачал в себя множество специальных приспособлений для моих внутренних систем, включая очень изощренную маленькую программу, добытую на черном рынке, которая давала мне отдаленный доступ к любой соседней сети, используя свои кости как антенну. Задолго до того, как гнездо подключения стало шикарным аксессуаром занятых нуворишей, у меня было свое собственное,

невидимое, скрытое внутри меня.

С того времени я постоянно обновлял себя, под носом у ничего не подозревающих тюремщиков. Программное обеспечение может сделать далеко не все, но человек, который может идти, куда захочет, и общаться с теми, с кем захочет, практически недосягаем. В пылу рефлексивной честности армия хранила мой пенсию для любого из выживших, кто мог ее попросить. При помощи небольшого цифрового фокуса я заставил ее исчезнуть, а потом перевел в кое-какие другие области и начал увеличивать — легально, совершенно легально. Я не знаю, почему это имеет значение, но это факт. Я не украл ничего и ни у кого. Ну, за исключением информации. Конечно, даже с большой натяжкой я далеко не самый богатый человек в мире, но у меня есть кругленькая сумма и уже много времени я трачу эти деньги на самоусовершенствование. Модернизация? — Селларс внезапно рассмеялся и по-настоящему довольно закашлялся. — Я Модернизированный Человек. Вы помните, как я играл в шахматы по переписке, майор Соренсен?

Майор сузил глаза.

— Мы проверили все ваши слова. Никаких кодов. Никаких трюков. Вообще ничего.

— О, это была совершенно законная игра, уверяю вас. Но вы можете использовать немного наномеханизмов с черного рынка в доли секунды после слова «шах», и один из моих контактов смог послать мне самые новейшие изменения для моей системы; теперь я могу жить без постоянного увлажнения. Я разорвал и съел крошечные кусочки бумаги, и маленькие механизмы заработали. Без этого усовершенствования я не смог бы провести и дня в туннеле под базой.

— Ну вы и сукин сын, — с восхищением сказал Соренсен. — Мы все никак не могли понять, куда вы делись из своего дома. Мы взяли под наблюдение все больницы в трех штатах, и ничего.

— Но для чего? — спросил Рэмси. — Почему вы так долго ждали, прежде чем убежать? Что-то около тридцати лет, верно?

Селларс кивнул.

— После того, как я получил полный доступ к сети, мог читать каждый файл и исследовать каждую запись, мой гнев начал исчезать. Жизнь поступила со мной ужасно и несправедливо — но что это значит на самом деле? Разве в конце концов я не добился свободы, и даже большей, чем хотел? Взгляните на меня, мистер Рэмси. Совершенно ясно, что я никогда не буду жить нормальной жизнью. В глубине себя я все еще таил глубокое негодование, но начал посвящать свое

бесконечно свободное время другому: исследованию быстрорастущей мировой сферы данных, сети. Наслаждения любого рода. Эксперименты.

И в ходе одного из экспериментов я нашел первый след Братства Грааля…

— Остановитесь на секунду, — сказал Рэмси. — Что за эксперимент?

Какое-то мгновение Селларс колебался, но потом его лицо посуровело.

— Я бы не хотел говорить об этом. Хотите ли вы, чтобы я продолжал, или вы считаете, что на сегодня достаточно?

— Нет, пожалуйста, продолжайте. Я не хотел оскорбить вас. — Но сигнал «внимание» Катура Рэмси все еще мигал. Вроде бы старик хотел, чтобы его попросили еще раз, но трудно понять, что таится за такими странными чертами лица. «Но в этом что-то есть,— подумал он.— Что-то важное, по меньшей мере для Селларса. Но важно ли для нас?» Невозможно догадаться. Он отложил это на потом. — Пожалуйста, продолжайте.

— Я уже рассказал вам многое из того, что тогда обнаружил. Что делает Братство, какое оружие находится в его распоряжении, и все было достаточно плохо. На в последние сорок восемь часов все слетело с рельсов. Я провел ужасное время, пытаясь понять смысл происходящего, и весь мой сад пришел в волнение.

— Сад? — спросила Кейлин Соренсен раньше всех остальных. — Что за сад?

— О, простите. Это способ, при помощи которого я упорядочиваю информацию — в каком-то смысле метафора, но для меня самая настоящий сад. Если хотите, однажды я вам его покажу. Это… это действительно замечательно. — Он медленно качнул головой. — Сейчас все разбито. Никакого порядка. Что-то очень страшное случилось с сетью Грааля и с самим Братством. Сетевые новости говорят, что за последние дни некоторые люди, которых я считал руководителями Братство, найдены мертвыми, управляемые ими империи в хаосе. Я подозревал, что их путь к бессмертию — навсегда перевести себя в виртуальное пространство. Но, если так, мне кажется очень странным, что они оставили за собой такие разрушения, потому что им нужна очень мощная экономическая поддержка — содержать такую гигантскую сеть очень и очень дорого.

— Вы можете только догадываться об этом, — сказал Майк Соренсен. — И о многом другом.

— Я могу только догадываться почти обо *всем*, — возразил Селларс, одновременно оживленный и раздраженный, и в это мгновение Рэмси, наконец, поверил ему. — Но вероятность

слишком велика, чтобы ее можно было игнорировать, и я слежу за ними с того момента, когда впервые наткнулся на этот страшный заговор. Я был напуган, и попытался понять, что происходит за толстым черным занавесом. И теперь я *уверен*, что, чем бы оно ни было, это что-то очень плохое и становится еще хуже — к сожалению именно в этом я уверен на сто процентов. Неужели вы думаете, что я мог бы втянуть в это дело Кристабель, если бы хотя бы на мгновение усомнился в своей правоте? Я, который разрушил свою собственную жизнь, потому что доверял людям, которые должны были знать и планировать все лучше меня? Майор Соренсен, миссис Соренсен, я навсегда виноват перед вами, что подверг опасности вашу дочь, и я не прошу прощения. Но я сделал это только потому, что ставки были пугающе велики… — Он остановился и опять покачал лысой головой. — Нет, это не делает мой поступок лучше. В конце концов она ваша дочь.

— И мы не разрешим ничему случиться с ней, — резко сказала мать Кристабель. — На этот риск я больше не пойду. — Она зло посмотрела на мужа. — С меня хватит.

— Я думаю, что мы поняли ситуацию. — Часть Рэмси была потрясена тем, что он еще сидит здесь, и еще больше потрясена тем, что он стал чуть ли не центральной фигурой в том, что, с нормальной точки зрения, можно считать массовым психозом. — Но… но что мы можем сделать?

— Давайте я расскажу вам о слабых и, вероятно, безнадежных мерах, которые я предпринял, — сказал Селларс. — Я собрал маленькую группу исследователей, я все еще надеюсь на них и, пока я не узнаю иное, я думаю, что они еще живы и действуют.

— Боже мой, — внезапно сказал Рэмси, — Сэм Фредерикс, Орландо Гардинер. Так они ваши… Я почти забыл… когда мы в первый раз встретились, вы сказали, что что-то знаете о них. Так вот что вы имели в виду — это вы послали их в сеть?

Селларс кивнул.

— В известном смысле. Да, они часть этой маленькой группы, которую я собрал. Надеюсь, они еще действуют.

— Значит вы не знаете. — Рэмси заколебался. — Орландо Гардинер умер два дня назад.

Селларс какое-то время потерянно молчал.

— Нет, я… я не знал, — наконец сказал он голосом, похожим на воркование голубя. — Я был… — Он опять замолчал, на это раз надолго. — Я боялся… для него это было слишком тяжело. Такой храбрый молодой человек… — Старик крепко зажмурил глаза. — Если вы не против, я воспользуюсь ванной, на секунду.

Инвалидная коляска повернулась и покатилась по ковру.

Дверь ванной закрылась за ней, оставив Рэмси глядеть на Соренсенов, которые, в свою очередь, во все глаза глядели на него.

* * *

Кристабель видела плохой сон, в котором она убегала от людей в черной одежде, гнавшихся за ней по длинной лестнице. Они несли длинный пожарный шланг, который извивался за ними как змея, и она знала, что они хотят схватить ее, уткнуть в нее металлический нос шланга и задушить фиолетовым дымом. Она попыталась позвать на помощь маму и папу, но никак не могла хорошо вздохнуть, а когда опять посмотрела назад, бледноликие люди стали ближе, вот совсем близко…

Она проснулась, забила руками по подушке и простыне, и едва не закричала опять. Освободившись от одеяла, она со страхом заметила, что находится в странной комнате, на стенах висели незнакомые картины, через тяжелые занавески просачивались только слабые желтые лучики света, в которых танцевала пыль. Она открыла рот, чтобы позвать маму, и тут над краем кровати поднялось лицо.

Оно было даже хуже, чем во сне, она упала обратно и почувствовала, как холодная рука схватила ее изнутри и, как и во сне, она не могла даже крикнуть.

— Хей, дурочка, — сказало лицо, — чо с тобой? Спи, пока дают.

Она дышала так быстро, что подумала, будто ее бока хотят как у кролика — и тут она узнала лицо, сломанные зубы и ежик черных волос. Некоторые из самых плохих страшилок исчезли.

— Я в порядке, — зло сказала она, но прозвучало не слишком хорошо.

Мальчишка улыбнулся, еще злее. — Знаешь, *claro*[19], если бы я дрых на такой большой кровати и мне приснился *pesadilla*[20], я бы не стал орать как резанный и все такое.

Звучало так, как если он говорил о еде. Она не поняла. И не хотела понимать. Она встала, подбежала к двери, ведущей в соседнюю комнату, и открыла ее. Мама, папа и этот новый взрослый, мистер Рэмси, разговаривали с мистером Селларсом. Они выглядели очень усталыми и еще какими-то другими, как в то время, когда ее родители и родители Офелии Вейнер собирались воевать из-за Анны Артики. Кристабель всегда считала, что это очень глупое имя для места, и из-за него совсем не стоит воевать, но у всех взрослых во время обеда было как раз

такое выражение лица.

Мистер Селларс говорил:

— … На самом деле в Южноафриканской военной программе работало несколько людей из первоначального ПЕРЕГРИНА — авиаконструкторы и пилоты, использовавшие виртуальные управляющие модули — но сам проект перестали финансировать много лет назад. Я нашел их, когда искал следы ПЕРЕГРИНА, и это очень пригодилось. Мне удалось заставить некоторых людей из моей группы использовать их оборудование, главным образом потому, что база была совершенно секретной и там они были в безопасности, но каким-то образом Грааль выследил их и сейчас они в осаде. — Тут он заметил, кто стоит у двери и нежно улыбнулся. — А, Кристабель, как приятно видеть тебя. Хорошо поспала?

— Дорогая, как ты себя чувствуешь? — спросила мама, вставая. — Мы тут разговариваем. Не хочешь посмотреть что-нибудь в сети?

Судя по всему ее родители и мистер Селларс говорили о взрослых делах, и тут их непонятный вид, и то, что они были далеко от дома, и это странное место, мотель, внезапно встали за ее спиной и захотели, чтобы она заплакала. Но она не захотела плакать и вместо этого сказала:

— Я хочу есть.

— У меня есть сэндвич, который ты не доела — только один раз укусила. Вот он, я сейчас накапаю немного соуса… — мама повела ее обратно в ту комнату, в которой она проснулась, и дела сразу пошли получше.

Перед Кристабель появилась бумажная тарелка с сэндвичами и изюмом, мама достала из сумки пакет с печеньями, два дала Кристабель и еще два этому мальчишке, который схватил их с такой скоростью, как будто мама собиралась у него их отнять.

— Нам, взрослым, надо поговорить, — сказала мама. — Я бы хотела, чтобы дети оставались здесь и смотрели сеть, хорошо?

Мальчишка только посмотрел на нее, как дикий кот, но Кристабель побежала за ней к двери.

— Мама, я хочу домой.

— Мы очень скоро поедем домой, моя сладкая. — Когда она открыла дверь, оттуда донесся папин голос.

— Но это все совершенно бессмысленно, — говорил он. — Если сеть вредит детям, вызывая синдром Тандагора, почему мальчик входит в нее и выходит, и… с ним не происходит ничего плохого?

— Частично потому, что он использует мой личный канал прохода через систему безопасности, — сказал мистер

Селларс. — Но тут есть еще кое-что. Система, кажется, чувствует… близость, да это подходящее слово. Свою близость к детям.

Мама, которая внимательно слушала, внезапно посмотрела вниз и увидела, что Кристабель все еще стоит рядом с ней. На мамином лице появилось испуганное выражение, «о-мой-бог», которое Кристабель не видела уже давно, с того раза, когда Кристабель тщательно подобрала осколки стакана, упавшего на пол кухни, и в обеих руках принесла их в столовую, показать родителям.

— Иди, дорогая, — сказала мама и почти толкнула ее в комнату с этим ужасным мальчишкой. — Я приду немного попозже. Ешьте сэндвичи и смотрите сеть. — Она закрыла за собой дверь. Кристабель почувствовала, что ей опять хочется плакать. Обычно мама не любила, когда она смотрела сеть, если это не была какая-то передача, которую родители считали образовательной.

— Эй, дурочка, если ты не будешь сэндвич, тогда я его прикончу, — сказал мальчишка у нее за спиной.

Она повернулась и увидела, что он держит в руке ее сэндвич. Мама несколько раз отмывала его в ванне, и теперь его ногти стали почище, но она точно могла сказать, что сколько его не мой, все равно его покрывали невидимые микробы. Теперь этот сэндвич стал совершенно неаппетитным.

— Он твой, — сказала она, медленно подошла к кровати и уселась на нее. Стенной экран был не слишком велик, и по Детскому Каналу шла глупая китайская игра с людьми, бегающими туда и сюда и говорящими с закрытыми ртами. Он глядела на экран, чувствуя себя опустошенной, одинокой и печальной.

Мальчишка прикончил ее сэндвич и, не говоря ни единого слова, взялся за ее печенье и изюм. Кристабель даже не разозлилась — было странно видеть, как кто-то ест так, как если бы никогда ничего не ел, и не знает, когда можно будет поесть опять. Она спросила себя, когда он успел так проголодаться. Она знала, что у мистера Селларса в туннелях было много пакетов с едой, и он был очень приятный человек. Он не мог не давать мальчишке еду. Это было просто невозможно.

— Чо ты так зыришься на меня, *mu'chita*[21]? — сказал он со ртом, набитым печеньем.

— Ничего. — Она повернулась к экрану. Китайцы делали из себя большую кучу, чтобы схватить что-то, висевшее высоко в воздухе. Куча упала, и кое-кто убежал под крики публики. Кристабель очень хотела, чтобы родители пришли и сказали, что

пришло время ехать домой. Чтобы там еще не произошло, ей это не нравилось. Она украдкой посмотрела на мальчишку. Он облизывал тарелку, на которой лежали сэндвичи. Очень грубо, но тут ей в голову пришла интересная мысль.

— Когда мы будем дома, — внезапно сказала она, — может быть… может быть мамочка сможет давать тебе еду. Знаешь, поговори с ней.

Он посмотрел на нее и покачал головой, как если она сказала какую-то глупость.

— Никто не собирается домой, *chica*[22]. Мы в бегах. Больше у тебя не будет папа-мама дома, *m'entiendes*[23]?

Она знала, что он врет, что он сказал это только для того, чтобы помучить ее, но не смогла остановиться и слезы сами хлынули из глаз. Но, еще хуже, когда она рассказала об этом маме, та не сказала, что это вранье, что не о чем беспокоится — они сейчас поедут домой, и даже не отругала этого ужасного мальчишку. Она вообще не сказала ничего, просто уложила Кристабель в кровать. Должно было стать лучше, но не стало, не стало, не стало…

ГЛАВА 8
Слушая пустоту

СЕТЕПЕРЕДАЧА/СТИЛЬ: Виртуальные воспоминания — посетите мертвых

(изображение: семья и смеющийся встающий покойник)

ГОЛОС: Ритуалпро, компания в Неаполе, Италия, объявила о последнем достижении в области технологии ритуальных услуг — виртуальных воспоминаниях: присутствующие на похоронах могут поговорить со своим дорогим усопшим. Компания утверждает, что может создавать то, что она называет Живой Копией, и потом из нее сделать достоверную симуляцию умершего, каким он — или она — был при жизни.

(изображение: основатель компании Тинторино ди Поццциоли)

ДИ ПОЦЦИОЛИ: «*Эй, здесь у нас замечательная штука. Если вы кого-нибудь потеряли, как я потерял своего дорогого дедушку, вы все таки сможете сохранить его, хотя бы частично. Вы можете навещать их после того, как они ушли — их коммуну, вы можете сказать. Это все равно, что направить телескоп в небеса, верно?*»

Почти умереть на горе — уже было достаточно скверно. Но теперь в вымученный сон Сэм Фредерикс вторгся странный ночной кошмар, и таких она еще не видела.

Казалось, этот сон будет длиться вечно, поток ужаса, одиночества и беспорядка, такой реальный и такой длинный, что, в конце концов, парадоксальным образом даже ужас стал чем-то скучным, вроде столетней поездки на заднем месте родительского авто. Единственной передышкой от монотонно ударяющего страха и одиночества стали маленькие призраки, быстрые и осторожные, как птицы, которые в конце концов начали появляться из глубокой темноты, как если бы она прошла бесконечный бессмысленный тест и получила приз. Она не могла видеть их, но чувствовала, как они крутились вокруг, мягкие и нематериальные, как легкий вздох. Они могли бы быть эльфами, нежными красивыми созданиями, на которых она любила смотреть в детстве. Или, возможно, духами. Чем бы они не были, в конце концов она почувствовала, как успокоилась. Она

хотела, чтобы они летали поближе к ней, но они были такими хрупкими, как крылья бабочки, как трепещущий пух одуванчика: схватить их означало уничтожить.

Первое, что вспомнила Сэм Фредерикс, очнувшись от своего бесконечного сна — как и при каждом пробуждении в последнее время — что Орландо умер. Он не просто умирает (она уже давно замечала знакомую тень, на мгновение появлявшуюся из невидимости) — нет, он умер. Ушел. И не вернется назад — не будет новых рассказов, новых воспоминаний. Не будет Орландо.

Но на этот раз ужасная печаль длилась только до того мгновения, как она открыла глаза и увидела бесконечное серебристое ничто, окружавшее ее.

Приз оказался чем-то намного более худшим, чем сам тест, и один взгляд на озабоченное расстроенное лицо !Ксаббу сказал ей, что Рени исчезла.

— Что стряслось? Это же совершенно *полный* скан.— Прошел по меньшей мере час и ничего не изменилось. Сэм не была в беспогодном стазисе, который Рени называла Миром Лоскутного Одеяла; для нее самым удивительным в окружающем мире было то, что окутавшая их серебристо-серая пустота не изменялась и не имела границ. — Рени все еще на горе? И где гора?

— У меня нет ответов, Фредерикс, — сказал !Ксаббу.

— Сэм. Зови меня Сэм — о, пожалуйста. — Она выбилась из сил и не знала, что делать дальше. Орландо умер. Начиная с того мгновения, когда сеть поймала их в ловушку, Сэм Фредерикс никогда не разрешала себе всерьез подумать о том, что может наступить время, когда это случится — когда она должна будет жить без него. Разве такое вообще возможно? Но вот это произошло, вокруг нее такой же странный и непостижимый мир как и тогда, когда Орландо был жив, но теперь нет того, кто постоянно гнал ее вперед, ворчал на нее и травил всякие глупые шуточки, потому что знал, что уписаться от смеха над глупыми шуточками — отличный способ как для того, чтобы идти дальше, так и для поднятия настроения, да и тому же тому, кто шутит, становится намного легче.

Сэм чувствовала внутри себя тяжелый куль, болезненную опухоль на сердце. Никогда больше она не скажет ему самые очевидные вещи так, чтобы взбесить его до белого каления — потому что он никогда не мог понять, шутит она или нет. Она ощущала тяжесть внутри себя как то, что нужно родить, но что никак не хотело выходить наружу. Просто удивительно обнаружить, что тебе так не хватает того, чье настоящее лицо ты не видела ни разу.

«Что бы он сказал сейчас?»— подумала она. Все исчезло,

включая Рени, сама Сэм заперта в середине ничто.

«Сидим по шею в фенфене и ждем, когда начнется прилив»,— вот что он как-то раз сказал ей в Срединной Стране, когда они на мгновение перестали набивать сокровищами карманы и обнаружили двадцатиметровую змею, которая расположилась поперек единственного выхода из подземной комнаты.

«Я именно там, Гардино,— подумала она.— На этот раз по-настоящему. Жду когда начнется прилив…»

!Ксаббу увидел слезы, выступившие на ее глазах, сел рядом и обнял ее сильными жилистыми руками. И как раз тогда, когда слезы угрожали переполнить ее, из тумана появилась высокая фигура.

— Я знал, что она была самой заслуживающей доверия из вас, — неприязненно сказал Жонглер, — но я не думал, что вы двое можете так быстро пасть духом в ее отсутствие. Неужели вы такие бесхребетные? Мы должны идти.

Человек с костистым лицом был настолько неприятен Сэм, что она даже не могла смотреть на него, но !Ксаббу рядом с ней напрягся.

— Глупо идти, если не знаешь куда, — сказал маленький мужчина. — Ты уже искал. Ну, повезло ли тебе больше, чем мне?

Жонглер тихонько зашипел, как если бы из него начал выходить пар.

— Нет. Ничего. Если бы я шел не так аккуратно и не возвращался в точности по своим следам, вы бы меня больше не увидели.

— Я бы не огорчилась.

Жонглер не обратил на нее внимания.

— Именно это, без сомнения, случилось с вашим товарищем. Ушла куда-то после того, как мы перенеслись в это место, и не смогла найти дорогу назад.

— Рени не могла сделать такую глупость, — твердо сказал ! Ксаббу. — Она слишком умна.

Жонглер презрительно махнул рукой.

— Выбирай любое объяснение, но, тем не менее, она заблудилась. И Клемент, тоже. — Он холодно улыбнулся. — Мы можем быть уверены, я полагаю, что они не сбежали.

!Ксаббу встал на ноги. Он был на голову ниже Жонглера, но что-то в его осанке заставило более высокого человека отступить назад.

— Если тебе нечего сказать что-нибудь полезное, перестань вообще говорить о ней. Сейчас же.

Жонглер со скукой посмотрел на него, сверх вниз, в его взгляде мелькнуло изумление.

— Успокойся, приятель. Это было просто замечание…

— Больше никаких замечаний. — !Ксаббу посмотрел на Жонглера долгим взглядом, а Сэм смотрела на них обоих, внезапно с неудовольствием обнаружив, что без !Ксаббу она осталась бы один на один с этим древним монстром. Жонглер в ответ уставился на !Ксаббу. Наконец !Ксаббу опустил руку и коснулся ее руки. — В одном он прав, Сэм. Мы можем еще немного подождать Рени, но даже если она недалеко, мы скорее всего не найдем ее. Звук плохо распространяется в этом месте. Она может пройти в сотне метров от нас, и мы этого не узнаем. Рано или поздно мы должны будем продолжить путь и надеяться, что найдем ее по дороге.

— Мы… мы не можем уйти без нее!

На какое-то мгновение горделивая осанка !Ксаббу исчезла, приоткрыв Сэм боль, которую он скрывал.

— Если… если с ней что-то случилось… — Он остановился и бросил взгляд на Жонглера, очевидно не желая показывать свои чувства в его присутствии. — Если мы не сможем найти ее, мы обязаны идти, ради ее памяти. Не забывай, именно любовь к своему брату привела ее сюда. Она бы хотела, чтобы мы попытались помочь ему даже без нее.

Он говорил обычным спокойным голосом, но за словами чувствовалось такое горе, что Сэм почувствовала, как будто ее собственная река отчаяния встретилась с другой, ничуть не меньшей — и если они оба не будут бороться с собой, объединившиеся потоки переполнят берега и смоют весь мир.

Плохая видимость означала, что ей надо оставаться как можно ближе к Жонглеру, и, пока !Ксаббу работал, ей приходилось сдерживать свою ненависть к этому человеку. Его гордое лицо казалось высеченным из камня, настоящий памятник — как у отца Сэм, когда тот бывал строгим и злым, и оно не смягчалось чувством юмора, из-за которого Сэм всегда хотелось поддразнить отца. Она никак не могла перестать спрашивать себя, как такой богатый и могущественный человек превратился в *нечто* и исковеркал своей жестокостью столько жизней… для чего? Для того, чтобы сохранять себя живым? Наслаждаться столетиями холодной несчастливой власти? Сэм и в лучшие времена не понимала, почему старики хотят жить и жить, далеко заходя за точку, после которой они не могут сделать ничего стоящего; а люди вроде Жонглера, жившего уже третий отпущенный людям срок, были ей совершенно непонятны.

Орландо тоже боялся умереть — она только сейчас сообразила, что все эти смертельно-опасные симуляции означали

для него только подготовку к тому, что должно было произойти так скоро. Но даже если бы у него была возможность ускользнуть от смерти, сделал ли бы он то, что сделал этот человек, забрал ли бы жизни невинных детей в обмен на свою? Она не верила в это. Только не ее Орландо, который веровал в Приключения Носителя Кольца так, как люди Круга верили в бога. Только не Орландо Гардинер, который не раз говорил ей, что самая важная вещь на свете — быть настоящим героем, даже если об этом никто не знает. Она на самом деле верил, что не имеет значения, что происходит или что кто-нибудь другой думает о тебе — важно только то, что ты знаешь о самом себе.

В те времена, когда она сражалась с мамой за свое имя, отец как-то раз сказал ей: «Если ты хочешь быть Сэм, будь ей — но только самой лучшей Сэм на свете. — Его ироническая усмешка внезапно сменилась смехом. — Кто-нибудь должен записать эти слова в книге для детей».

Она скучала по отцу и по нервной большеглазой маме, и внезапно боль от разлуки с ними стала ничуть не меньше боли от потери Орландо, и в какое-то мгновение тень едва не проглотила ее. Сэм посмотрела на Жонглера, сидевшего в нескольких метрах от нее и плохо видного — то ли из-за тумана, то ли из-за ее усталых глаз. Теперь она точно знала, что никогда не будет такой как он — злой, холодной и одинокой, что бы с ней не случилось.

Туман пошевелился, оторвав ее от печальных мыслей. Из него появилась маленькая фигурка !Ксаббу. Он уселся рядом с ней, осторожно, как если бы все его тело болело.

— Ну? — щелкнул Жонглер.

!Ксаббу не обратил на него внимания. Он взял руку Сэм — она еще не очень привыкла к его аккуратным осторожным прикосновениям, но уже обнаружила, что это успокаивает — и спросил ее, как он себя чувствует.

— Лучше, как мне кажется. — Сэм слегка улыбнулась, осознав что сказала правду. — Сработало?

Он устало вернул улыбку.

— Как я часто говорил Рени, мои таланты не то, что можно включать и выключать. Но я думаю, что мне удалось понять смысл вещей, хотя бы немного.

Жонглер тихонько зашипел.

— Любой другой человек моего поколения хорошо бы посмеялся, увидев что я доверил свою жизнь двоим африканцам и, если я не ошибся в этой девочке, одной креолке — и мы уже потеряли одну африканку. — Он округлил глаза. — Но я никогда не был расистом. Если твой инстинкт покажет тебе выход из этого мира, тогда, черт побери, не забудь сказать нам об этом.

!Ксаббу бросил на него взгляд, наполненный настоящей ненавистью — чуть ли не самая сильная эмоция, которую Сэм видела у него.

— Это не «инстинкт», по крайней мере в том смысле, какой ты имеешь в виду. Всему, что я знаю о том, как находить путь, меня научили в семье отца. Меня научили и еще кое-чему другому, которого ты, похоже, тоже не знаешь — доброте и здравому смыслу. — Он повернулся спиной к Жонглеру, который застыл между ненавистью и кислым оживлением. — Прости, Сэм, что оставил тебя наедине с этим человеком, но я должен был отойти достаточно далеко, чтобы не видеть вас и даже не слышать вашего дыхания. В этой сети все намного страннее, чем в настоящем мире, и даже в лучшее время трудно понять смысл вещей. Но это место еще хуже — недаром недавно я сказал, что здесь вообще ни у чего нет смысла, кроме нас самих. Скорее всего это правда — но как умирающий от голода человек надеется услышать запах дичи, так и я убедил себя, что это неправда.

— Ты думаешь… что почуял что-то?

— Не совсем так, Сэм. Долгое время я просто сидел, пытаясь, как я уже сказал, забыть звуки и запахи тебя и… этого человека. Через какое-то время у меня появилась надежда, что я смогу услышать, если Рени позовет нас издалека. — Он печально покачал головой. — Но еще через какое-то время я сдался и просто… открыл себя. Это не мистика, — поспешно сказал он, взглянув через плечо на Жонглера. — Скорее способность по-настоящему слышать, ощущать, видеть — то, что люди из города делают очень редко, потому что любая вещь, в которой они нуждаются, приходит к ним, торопится к ним, как если бы ею выстрелили из ружья. — Его лицо стало серьезнее, как будто бы он искал подходящие слова. — Через какое-то время я начал что-то чувствовать. Примерно так, как Мартина чувствует смысл вещей — мне потребовалось время, чтобы понять местные образцы — но я думаю, что в меня проникла тишина и… какое слово? Одиночество? И у меня появилась возможность слышать этот мир. — Он опять взял руку Сэм и встал. — Туда, — сказал он, указывая на очередную порцию жемчужного ничто, ничем не отличающуюся от других. — Быть может мое сознание обманывает меня, но я чувствую, что в этом направлении что-то есть.

— Что-то? — сдержанно сказал Жонглер, но Сэм явственно расслышала гнев, бурливший под спокойной поверхностью.

Внезапно инстинкт подсказал ей, как должен себя чувствовать человек, вроде него, привыкший не зависеть ни от кого, вынужденный опираться на того, кого он считает слегка

цивилизованным дикарем.

«Сколько же ему лет?— спросила себя Сэм и едва не содрогнулась.— Двести, больше? Когда он родился, ее предки были рабами, или нет?»

— Да, я чувствую… что-то, — сказал !Ксаббу. — Другого слова нет. Я говорю так не потому, что хочу запутать тебя. Это какое-то уплотнение, или, возможно, более активное движение, или далекое изменение того, что обычно здесь, или… что-то. Как призрак следа на песке, когда все остальное сдул ветер. Может быть тень. Но это там. Я иду туда и, думаю, Сэм идет со мной.

— Чертовски верно. — Кроме того, а что еще? Сидеть вечно в этом тумане и ждать у моря погоды? Ни Орландо, ни Рени так не делали.

Жонглер внимательно поглядел на !Ксаббу. На этот раз не надо было никакого инстинкта, чтобы понять его мысли. Он пытался понять, врет ли ему !Ксаббу, сошел ли он с ума или просто ошибается. Сэм знала, что никогда не пожалеет таких противных мужиков как Жонглер, но, конечно, он должен был подозревать всех и все. Он смотрел на мир уродливым и несчастным взором.

— Хорошо, веди. — Жонглер, даже голый, производил впечатление короля, даровавшего милость крестьянину. — Все лучше, чем сидеть здесь.

* * *

В третий раз Рени с трудом нашла путь назад. Было очень странно использовать еле волочащего ноги полоумного Рикардо Клемента как магнит, и еще более странно испытать чувство удовольствия и освобождения, увидев его сидящую фигуру посреди ничто.

«А что, если бы он ушел? —спросила она саму себя.— Даже если бы я опять нашла его, это произошло бы в другом месте, которое !Ксаббу и Сэм, возможно, уже проверили. Тогда они бы принялись искать меня там, где я уже была…»

Все это предполагало, что оба ее друга живы — что эта чертова сеть не засосала их и не переодела в кого-то другого. Она не могла позволить себе вообще думать об этой альтернативе.

И не могла позволить себе бесконечно блуждать в тумане. Не то, чтобы одно место отличалось от другого — бесшовная однообразная серость тянулась во все стороны над невидимой землей-полом, плоской как бильярдный стол; везде царствовали молчание и пустота. Она могла бы оставаться на месте, могла

идти, везде одно и то же.

Было бы преувеличением сказать, что Клемент обрадовался, увидев ее — он слегка приподнял голову — но безусловно он понял, что она вернулась: его глаза следила за ней, и, после того как она уселась в нескольких метрах от него, он слегка подвинулся, как бы указывая на место между ними — место, на котором в другом мире можно бы разжечь костер.

За костер Рени отдала бы свою руку. И еще ногу и, возможно, другие органы за !Ксаббу и Сэм, сидевших вокруг костра вместе с ней.

«Я не должна думать о том, как мало нас осталось — не надо испытывать судьбу. Лучше смотреть на то, что осталось. Я. И… этот…»

Рикардо Клемент смотрел на нее так тихо и спокойно, что казался картиной в музее. И у нее даже в мыслях не было, что картина может заговорить.

— Кто… ты? — спросил Клемент.

Рени вздрогнула от неожиданности; ей понадобилось несколько мгновений, чтобы ответить.

— Кто я? — Говорить было трудно: она охрипла, непрерывно зовя товарищей. — Что ты имеешь в виду? Я женщина. Африканская женщина. Я та, кому ты и твои богатые друзья… сделали больно. — У нее не было слов, чтобы объяснить свои чувства к Стивену, и беспомощность последних часов сделали их еще хуже, чем обычно.

Клемент продолжал глядеть. В его глазах что-то шевельнулось, но очень-очень глубоко.

— Это… длинное имя, — наконец сказал он. — Кажется… очень длинное.

— Имя? — «Боже праведный,— подумала она,— эта Церемония по-настоящему выжгла ему мозги. Или нет?» — Это не мое имя, это то, кто я… — Она остановилась и глубоко вздохнула. — Мое имя…? — Она не очень-то хотела говорить его, хотя давным давно отказалась от анонимности. Что-то с ним происходило, что-то неприятное, неправильное, не подходящее для детской невинности поврежденного мозга. Не означает ли это внезапное оживление, что старый Рикардо Клемент возвращается на поверхность, или, быть может, новая версия старого негодяя учится пользоваться своими возможностями?

— Меня зовут Рени, — наконец сказала она.

Клемент не ответил, но по-прежнему не отрывал от нее глаз, как если бы формировал визуальное изображение, подходящее к новообретенному имени.

Рени вздохнула. Этот полоумный — самая маленькая из всех

ее проблем. Она в пустоте уже полдня — и ничего не изменилось. Она кричала до тех пор, пока не охрипла, сделала дюжину маленьких кругов, ничего. Здесь не было ничего, что можно было бы назвать землей, никаких ориентиров, ни направленного света, ни звуков, кроме тех, которых она производила сам. «Но если я останусь здесь, *здесь* и умру. Или сердце Стивена наконец не выдержит и он умрет на больничной кровати, и тогда все, что я делаю, окажется бесполезным». Даже через этот бесконечный полупрозрачный туман она видела дорогое лицо Стивена, дорогое и ужасное — невидящие глаза, пепельная кожа, отвисшая челюсть с аппаратом для искусственного дыхания. «Высохший, свернувшийся калачиком. Как рыба, вытащенная из воды и брошенная в грязь. О Боже, дай мне увидеть его другим!»

Но если она не может ничего сделать, что она за человек? Рени до сих пор не понимала, как она очутилась в ничто, где нельзя было ничего делать, даже существовать. Но разве есть из чего выбирать? У нее нет ничего, кроме зажигалки, да и та, хотя Рени несколько раз пыталась открыть проход, оставалась разочаровающе инертной, как и раньше.

— Где… это… место? — спросил Клемент.

Рени крепко выругалась, про себя, потом решила, что заслужила это маленькое удовольствие, и выругалась вслух. Похоже ей надо быть готовой в таким вот неожиданным замечаниям, да.

— Не знаю. Я не знаю ничего. Жонглер уже сказал, что мы не в сети, и это… это больше *не* сеть. Мне кажется, он прав. — Она посмотрела на него. — Ты ничего не понял, верно?

— Длинное имя. Имена мест… если их говорить… обычно не такие длинные.

Она вздохнула и покачала головой. Рени начала думать, что он нравился ей намного больше, когда мог говорить только «Я Рикардо Клемент».

Рени вернулась к самой насущной проблеме — что делать в нигде — и провела молчаливые четверть часа вспоминая все, что случилось с того мгновения, когда она в последний раз была с ! Ксаббу и другими, но не смогла найти ничего, что помогло бы ей сформулировать теорию, как они разделились. Скользкая серость вокруг выглядела очень похожей на серебряные облака, окружавшие гору, но невозможно было понять, куда исчезла гора и ее товарищи. Она заснула, а потом проснулась в этом мире. Быть может причина всего этот странный сон? Она попыталась припомнить детали, обрушившийся на нее хаос, долгую темноту, ободряющее появление эфемерных призраков, но все казалось смутным и далеким, и в любом случае ничего не объясняло.

Да, головоломка. Вроде замкнутой комнаты наоборот, как в загадочных историях — но не как войти в закрытую на замок комнату, а как выйти из никуда в куда-то… куда угодно.

А у нее есть только клочки одежды, сделанные из костюма Орландо и зажигалка. И зажигалка не хочет открывать ворота, хотя именно для этого и предназначена. Быть может можно ее использовать как-нибудь иначе?

«Если бы у меня была сигарета, я бы ее закурила»,— угрюмо подумала она.

И тут ей пришла в голову внезапная мысль. Бледная пустота вокруг, неестественная и вероятно бесконечная — не может ли это быть Белым Океаном, о котором говорили Пол Джонас и другие? Сетевые дети говорили о нем, как о таинственном месте, которое надо пересечь, чтобы добраться до Земли Обетованной. Не означает ли это, что по ту сторону пустоты что-то есть? Ободряющая мысль. Но даже если это правда, у нее нет никаких мыслей, как туда попасть.

Она вытащила зажигалку, лежавшую между грудями, и подняла ее вверх. Прежде чем уйти из Дома, она, !Ксаббу и Мартина провели много времени, изучая ее, и все таки узнали не слишком много о ее настоящих возможностях — как если бы инопланетяне обнаружили автомобиль и, после многих экспериментов и ошибок, научились включать поворотные огни.

Дальнейшие эксперименты многому научили ее, и, быть может, это и есть выход из нынешней дилеммы, но осмелится ли она рискнуть? Поначалу она смеялась над опасениями Жонглера — главным образом из-за ненависти к этому человеку. Но когда из зажигалки донесся мурлыкающий голос Дреда — шепчущий из того, что давило ее кожу несколькими мгновениями раньше — она почувствовала себя так, как если по ней поползли жуки. Стоит ли ей рисковать и объявлять о себе, используя коммуникатор, встроенный в устройство? Единственным человеком, помимо Дреда, обладавшим таким же устройством, была Мартина, а она, судя по всему, вовсе не в том положении, чтобы помочь кому бы то ни было.

«Допустим я добралась до нее. Что мне ей сказать? „Мартина, найди меня, я посреди серого тумана“».

Она подняла зажигалку и повернула ее, рефлекторно пытаясь поймать свет, который в этом мире не падал ни под каким углом. Она взглянула на витиеватое «Я», букву, образованную переплетенными виноградными лозами и листьями, как если бы это была статуя в забытом саду. Жонглер вроде бы называл имя этого ублюдка. А, да, Якубиан. Тот самый, которого убил Орландо. В ее животе поднялась настоящая буря. «Надеюсь, Т-

четыре-Б воздал Якубиану по его грехам. Надеюсь, он никогда не получит и мгновение покоя».

Она спросила себя, не слушает ли и Дред коммуникатор, молча, выжидая, что она обнаружит себя. Неприятная мысль, но тут же ее воображение нарисовало еще более худшую картину: Дред, где-то там, сидит и ждет ее, как кот, стерегущий мышь, ждет, когда она покажет свои усики.

«Просто слушает мертвый воздух и ухмыляется…»

В следующее мгновение ее осенило. Рени вскочила на ноги, немного отбежала от Клемента, остановилась и — из-за некоторого необъяснимого чувства порядочности — сказала ему:

— Сейчас я отойду от тебя. Недалеко. Мне нужна тишина. Не говори ничего, вообще ничего. Я вернусь, очень скоро.

Он посмотрел на нее, невозмутимый, как корова жующая траву.

Она отошла достаточно далеко, но так, чтобы видеть его расплывающийся силуэт. Теперь, когда она была относительно одна, Рени снова достала зажигалку. Уже в Доме она обнаружила, как пользоваться встроенным коммуникатором, но она не была уверена, что вспомнит всю последовательность движений. Она посмотрела со смутным страхом на устройство, но выполнила всю комбинацию касаний, которую помнила. Закончив она осмотрелась. Ничего не произошло, вообще ничего. Зажигалка осталась молчаливой и инертной, окрестности вокруг не изменились.

Аккуратно, почти не дыша, она поднесла устройство к уху, потом вытянула руку с ним перед собой и описала медленную дугу. Тишина. Она затаила дыхание и вслушалась. Ничего. Она повернулась на несколько градусов направо и повторила процесс.

«Лозоискательство,— подумала она, весело и немного раздраженно.— Если я попытаюсь объяснить это кому-нибудь, придется использовать более научные термины».

Но все-таки это было не суеверие и не отчаяние, а поиск, и примерно на полдороги через медленное вращение он что-то услышала. Настолько слабое, что для нее это показалось скорее немного более шумным молчанием коммуникатора, и, тем не менее, она могла поклясться, что слышит шипение, очень и очень тихое, которого раньше не было.

Она провела зажигалкой чуть-чуть дальше, и звук исчез. Она описала весь круг, чтобы удостовериться. Как только она вернулась туда, где была раньше, звук опять появился.

Если она собирается рискнуть жизнью, то надо быть уверенной настолько, насколько возможно. Рени взглянула назад и удостоверилась, что Клемент сидит там, где она оставила его,

почти невидимая тень быть может метрах в пятнадцати от нее. Она быстро сняла с себя грудную повязку, сделав из нее стрелку длиной в метр, обозначила найденное направление. Потом закрыла глаза, несколько раз повернулась, чтобы дезориентировать себя, потом начала медленно поворачиваться, используя зажигалку как стрелку компаса. Уверившись, что она слышит мягкое шуршание, она открыла глаза.

Кусок бледной одежды лежал прямо перед ней.

— Отлично! — Она обрадовалась за себя, и еще тому, что теперь есть что-то, о чем можно подумать. Она опять надела грудную повязку и уже собиралась идти вперед, когда вспомнила о Клементе и повернулась к нему. Он не шевелился и сидел настолько спокойно, что, казалось, разучился ходить.

«Я должна оставить этого ублюдочного убийцу здесь,— подумала Рени. Позже я навернобуду ругать саму себя, если я возьму его с собой». Но сама мысль — оставить похожего на ребенка Клемента посреди смертельного ничто — показалась ей неправильной, хотя она и не могла сказать, почему.

— Я собираюсь идти в том направлении, — крикнула Рени. — Обратно не вернусь. Если ты хочешь идти со мной, присоединяйся.

Уверенная, что только что сморозила глупость, и тем не менее чувствуя себя намного лучше, чем последние несколько часов, она пошла вдогонку за шепотом.

* * *

Идя через бесконечный серебристо-серый туман, Сэм решила, что в некотором отношении это даже хуже, чем сидеть в нем. Тащиться черепашьим шагом плохо само по себе — она любила спорт, но ненавидела бег и ходьбу, где надо было просто долго двигаться, ставя одну ногу перед другой — но здесь к тому же не было ни ориентиров, ни погоды, неизвестно откуда бравшийся свет никогда не менялся, и все это было предназначено специально для того, чтобы пытать Сэм Фредерикс и довести ее до белого каления. В первый раз с того мгновения, когда она вошла в сеть, ей захотелось есть, не из-за голода, но чтобы отметить проходящее время.

«Ни воды, ни еды, ни остановки». Прошли первые часы, и эти слова постоянно крутились у нее в голове, как рекламный слоган какой-нибудь совершенно ужасной экскурсии. Она слегка преувеличивала, потому что время от времени они останавливались и отдыхали, пока !Ксаббу слушал непонятно что,

которое вело его вперед, но эти остановки ненамного улучшали дело. На каждой остановке она оставалась наедине с молчаливым Жонглером, а это было все равно, что остаться одной в комнате с недружелюбной собакой: прямой угрозы нет, но намек на нее есть всегда. Собрав все свои силы, Сэм отбросила в сторону мысли об Орландо и родителях, которые были так далеко, что ей с трудом верилось, что ее отец и мать, в отличии от Орландо, все еще живы и может настать день, когда она их увидит.

Феликс Жонглер шел с мрачной решимостью средневекового паломника. Сэм, молодая и сильная, догадывалась, что ему не слишком просто идти наравне с нею, но он отказывался показать это; наоборот, он делал вид, что ему не терпится идти дальше, когда они останавливались, чтобы дать !Ксаббу «понюхать воздух». В менее неприятном человеке такой стоицизм мог бы вызывать восхищение, но для Сэм это только делало его еще более холодно-далеким от нормального человека. Она обнаружила, что не может вслух пожаловаться на усталость, потому что не хочет показать ему свою слабость.

Феликс Жонглер мог сколько угодно стараться держаться наравне с Сэм, но было ясно, что !Ксаббу специально шел позади, чтобы не оставить их далеко за собой.

Все это время она видела его в симе бабуина, и только начала привыкать к его новому облику. В некотором смысле настоящее тело !Ксаббу было даже большей экзотикой, чем обезьяна. Совсем маленький человек — меньше ростом и худее самой Сэм, которая была среднего роста и совсем не толстой — он, казалось, вообще не уставал, двигаясь с такой ленивой грацией, что, казалось, если понадобится, мог бы идти во сне.

— Откуда взялись бушмены? — внезапно спросила она. ! Ксаббу не ответил сразу, и она почувствовала острый укол совести. — Ой, это не слишком грубый вопрос?

Его раскосые глаза были настолько узки, что коричневые радужные оболочки были видны только в те мгновения, когда удивление или удовольствие заставляли их широко открыться. Она не могла сказать, какое их них вызвал ее второй вопрос.

— Нет, нет. Совсем не грубый Сэм, просто я пытаюсь найти ответ. — Он указал на себя. — В моем случае это маленькая страна, Ботсвана, но люди нашей крови рассеяны по всей южной Африке. Но, быть может, ты имела в виду наше происхождение?

— Да. — Она подвинулась ближе, уровняв его шаг с его; ей не хотелось, чтобы их слышал Жонглер.

— Никто не знает, откуда мы взялись. В детстве мне сказали, что мы давным-давно пришли с севера — много тысяч лет назад. Но существуют и другие теории.

— Именно поэтому ты можешь вот ходить, вечно? Потому что ты бушмен?

Он улыбнулся.

— Да, как мне кажется. Я унаследовал сразу две традиции, и обе готовили меня к тяжелой жизни, но люди племени отца — охотники-кочевники, очень старая традиция — могли идти и бежать по следу добычи часы и дни, не уставая. Я далеко не такой, какими они были, но, пока жил с ними, я закалил себя.

— Были? Ты хочешь сказать, что их больше нет?

Что-то прошло по его коричневому лицу, быть может тень, хотя в этом мире не было теней.

— Несколько лет назад я пытался найти их и не сумел. Я любом случае их осталось немного, Калахари — трудное место для жизни. Быть может уже не осталось людей, живущих старой жизнью.

— Обалдеть! Тогда ты… последний бушмен. — И только договорив, она сообразила, какой ужас ляпнула.

К ее облегчению !Ксаббу только улыбнулся.

— Я не думаю о себе так, Сэм. Я, всего-навсего, несколько лет прожил с ними и видел их оригинальный образ жизни. Но в одном отношении ты права: я, быть может, последний, кто изучал их жизнь, старую жизнь. — На мгновение он замолчал. В наступившей тишине Сэм услышала позади них тяжелое ровное дыхание Жонглера. — Нечему удивляться, это жизнь, которую я ценю, но мало кто согласится со мной. Если бы ты пожила в их племени, Сэм, то обнаружила бы, что это очень трудно.

Тон, каким он сказал это, болью отозвался в ее сердце — в нем была затаенная боль, то, что она никогда не видела в нем раньше. Быть может из-за исчезновения Рени.

— Расскажи мне об этом, — сказала она. — Неужели мне пришлось бы охотиться с копьем на льва или что-то в этом духе?

Он засмеялся.

— В дельте, где живет народ моей матери, иногда бьют рыбу копьем, но в пустыне больших животных убивают луком и стрелами. Я не знаю никого, кто убил бы льва, мало кто вообще видел их — они тоже вымирают, да. Мы стреляем отравленными стрелами и преследуем животное, пока оно не умрет.

Она подумала, что это не очень-то честно, но не осмелилась сказать вслух. — А девушки, они тоже охотятся?

!Ксаббу покачал головой. — Нет, по меньшей мере в племени моего отца. И даже мужчины очень редко охотятся на больших животных. По большей части они ставят ловушки на более мелкую дичь. У женщин другие обязанности. Если бы ты была членом нашего племени, незамужней девушкой, как сейчас, ты бы

могла смотреть за детьми, играть с ними…

— Звучит не слишком плохо. И что бы я носила? — Она посмотрела вниз, на импровизированное бикини, последнее печальное воспоминание об Орландо. — Что-нибудь в этом духе?

— Нет, нет, Сэм. Солнце сожгло бы тебя в первый же день. Ты бы носила *кароссу* — одежду, сделанную из цельной шкуры антилопы. Кроме присмотра за детьми ты бы помогала другим женщинам выкапывать дыни, корни и личинки — не думаю, что тебе понравилось бы их есть. Но в Калахари ничего не выбрасывают и все идет в дело. Мы используем луки для того, чтобы из них стрелять и, одновременно, чтобы играть мелодии. А наше пальцевое пианино — он сделал вид, что играет на маленьком двуручном инструменте — мы также используем как рабочий стол для плетения веревки. Все используется самыми разными способами. И ничего не выбрасывается.

Она какое-то время думала.

— Мне кажется, что это даже хорошо. Но не думаю, что мне понравится есть личинки.

— И муравьиные яйца, — торжественно добавил он. — Их мы тоже едим.

— Ик! Ну это ты придумал!

— Клянусь, что нет, — сказал он, улыбнувшись. — Сэм, я тоскую по этой жизни, мне хочется опять поесть эти яйца, но я знаю, что большинство народа не хочет так жить.

— Похоже это действительно трудная жизнь.

— Так и есть. — Он кивнул, немного печально и отдаленно. — Так и есть.

Наконец бесконечная ходьба на время прекратилась. Жонглер уже хромал, хотя и отказывался признаваться в боли. Сэм, истощенная, со стертыми ногами, проглотила свою гордость и предложила остановиться.

Она уже пугающе привыкла спать на земле без подушки и одеяла — множество путешествий по Срединной Стране, которые Пифлит проделал вместе с Таргором, немного закалили ее — и невидимая земля была ничем не хуже множества мест, в которых она спала, но даже истощение не принесло ей покоя.

Вернулись сны о темноте и одиночестве, не такие живые, как раньше, но достаточно кошмарные, чтобы заставить ее несколько раз проснуться. В последний раз она обнаружила, что !Ксаббу стоит на коленях рядом с ней и внимательно глядит ей в лицо.

— Ты кричала, — сказал он. — Что-то о птицах, которые не вернулись.

Сэм не помнила ничего о птицах — сон уже улетал, оставляя

за собой только смутные обрывки воспоминаний — но она все еще помнила одиночество, и как она безнадежно искала друга, одно прикосновение к которому могло согреть длинную холодную темноту. Выслушав, !Ксаббу как-то по-особому взглянул на нее.

— Это слишком похоже на сон, который видел я. — Он повернулся и взглянул на Феликса Жонглера, который, слегка подергиваясь и вскрикивая, пытался проснуться. !Ксаббу подошел к нему и потряс.

— Что ты хочешь? — прорычал Жонглер, но Сэм показалось, что под его наигранной злостью скрываются слабость и страх.

— Мой друг и я видели одинаковый сон, — сказал ! Ксаббу. — Расскажи нам, что тебе приснилось.

Жонглер отпрянул, как обожженный.

— Я ничего тебе не скажу. Не трогай меня.

!Ксаббу пристально посмотрел на него.

— Это может оказаться очень важным. Мы все заперты в одном месте.

— То, что в моей голове, принадлежит мне одному, — громко и раздраженно сказал Жонглер. — Не вам — только мне! — Он с трудом встал на ноги, руки сжаты в кулаки, бледное лицо. Сэм внезапно вспомнила, насколько странно то, что их симы так похожи на их настоящие тела, что все в этом странном и нереальном мире так пугающе реально.

— Тогда храни их, — недовольно сказал !Ксаббу, — свои тайны.

— Человек без тайны вообще не человек, — сплюнул Жонглер.

— *Чи син*, — сказала Сэм. — Он сканит. Забудь его, !Ксаббу. Пошли. — К ее удивлению в это мгновение с лица Жонглера сползло обычное ледяное выражение; он стал выглядеть так, как будто за ним гонится стая демонов.

Мысль об общем сне будоражила ее все то время, пока они шли.

— Как такое может быть? — спросила она !Ксаббу. — Ну, понятно, мы видим одно и то же, потому что наши головы засунуты в систему. Но ты же не может засунуть мне в голову свои мысли и сны, даже в этом *фенфене*. — Она нахмурилась. — Или можешь?

!Ксаббу пожал плечами. — С тех пор как мы оказались в этой сети, вокруг нас одни вопросы. — Он повернулся к Жонглеру. — Ты не хочешь говорить о своих снах, тогда расскажи нам, как так получается, что нас держат в сети против воли? Ты называешь себя хозяином сети, даже богом, но сейчас ты, как и

мы все, заперт в ней. Как такое может быть? Со всем твоим дорогостоящим оборудованием, ты, возможно, немногим отличаешься от рассудка робота — но я? У меня даже нет нейроканюли, если это подходящее слово. У системы нет прямого контакта с моим мозгом.

— Всегда есть прямой контакт между окружением и мозгом, — насмешливо ответил Жонглер. — Постоянно. Ты, с твоим рассказом о старых племенных обычаях и жизни в природе, должен понимать, что так устроен наш мир, с самого начала. Мы не видим, пока свет не передает послание мозгу, и не слышим, пока звуковая волна не приходит туда же. — Он ухмыльнулся. — И так все время, всю жизнь. Ты имеешь в виду, что нет прямого электронного контакта между твоим мозгом и сетью — нет проводов. Но в нашей ситуации это полная чушь.

— Не понимаю, — терпеливо сказал !Ксаббу. Сэм решила, что сейчас он зло высмеет старика, но, похоже, !Ксаббу хотел чего-то другого. — Неужели ты хочешь сказать, что есть другие способы рождать мысли в моем мозгу?

Глаза Жонглера округлились.

— Если ты думаешь, что по ходу этого детского разговора я открою тебе тайны моей самой дорогой в мире операционной системы, то ты глубоко ошибаешься. Но любой школьник, даже из африканских болот, должен был догадаться, что держит нас в сети. Ты уходила в офлайн?

— Да, — мрачно сказала Сэм. Ужасное воспоминание.

— И что произошло? — Он пристально и свирепо поглядел на нее, как какой-нибудь дедушка из ада. — Давай, рассказывай. Что произошло?

— Было… больно. То есть меня реально сжигало.

Глаза Жонглера округлились опять.

— Я пережил десять поколений молодежного сленга. Одного этого вполне достаточно, чтобы отбить охоту у любого другого жить так долго, как я. Да, это больно. И ты не смогла уйти в офлайн сама, верно?

— Да, — неохотно сказала Сэм. — Кто-то выдернул меня. Обратно в РЖ.

— Да, в «реальную жизнь». Как подходяще. — Жонглер показал зубы — что-то вроде холодной усмешки. — Потому что ты сама не могла найти туда дорогу, как и я сейчас. Неужели ты думаешь, что это происходит потому — и все эти религиозные идиоты в Круге верят, что однажды это произойдет — что нас перенесли в Рай, в непортящиеся тела, не знающие такой вещи, как нейроканюля? Ты так думаешь?

— Нет. — Сэм сердито засопела. — Низзя.

— Тогда почему ты не в состоянии подумать обо всем, что знаешь и найти идею, которая идеально объясняла бы это? Подумай, ребенок! — Он повернулся к !Ксаббу. — Не забыл ли я о тебе? Ты еще не догадался?

Бушмен холодно взглянул на Жонглера.

— Если бы мы могли догадаться, мы бы давно догадались без твоей лекции, которая ничего не объясняет.

Жонглер широко раскинул руки, насмешливо-разочарованно.

— Тогда я больше не буду докучать тебе. Решай загадку сам. — Он медленно отошел от них на несколько шагов.

— Я ненавижу его, — яростно прошептала Сэм.

— Не трать напрасно силы, и особенно не разрешай своему гневу ослепить себя. Он умен — я был дураком, когда подумал, что могу что-то вытащить из него. Я уверен, что у него свои планы, и он никогда не сделает для другого ничего за спасибо.

Сэм ощупала сломанный меч, подвешенный к поясу ее скудного костюма.

— Все равно, я надеюсь, что однажды он даст мне причину воткнуть эту штуку ему в грудь.

!Ксаббу сжал ее руку.

— Ничего не делай не подумав, Сэм. Я говорю тебе, как друг. Рени сказала бы тебе то же самое, если бы была здесь. Он очень опасный человек.

— Я тоже опасна, — сказала Сэм, но настолько тихо, что даже !Ксаббу ее не услышал.

Они трижды останавливались, чтобы поспать, пока !Ксаббу в конце концов что-то не обнаружил.

Все это время Сэм и !Ксаббу видели похожие сны, хотя и не в точности идентичные. Жонглер по-прежнему тяжело вздыхал во сне, но молчал и не признавался в том, что его будит.

Ходьба через безликую бесконечность сама по себе превратилась в муторный сон — оказавшись лицом к лицу с бесконечным ничто, Сэм несколько раз соскальзывала в галлюцинации. Однажды она так ясно увидела себя перед дверью своей школы в Восточной Вирджинии, как если бы стояла у подножия лестницы. Услышав шум гулких коридоров, она даже подняла руки, чтобы открыть дверь… и обнаружила, что протянула их к тому же самому ничто и !Ксаббу с огорчением глядит на нее. Несколько раз она видела Орландо и родителей, далеко, но без ошибки. А однажды даже дедушку, подрезавшего изгородь.

И даже !Ксаббу, казалось, был подавлен однообразным бледным маревом, простершимся повсюду, продолжающейся

бессмысленностью; даже он стал более молчаливым и замкнутым. Потом, внезапно и неуклюже, он остановился посреди одного из своих исследований, прервав то, что сейчас стало надоедливо-знакомым танцем — повернулся, замер, вслушиваясь, повернулся, опять замер… В первое мгновение Сэм решила, что у него галлюцинация — он увидел Рени или, возможно, какую-то картину из жизни народа пустыни.

— Я не верю сам себе. — У него был на удивление энергичный голос — такого она не слышала довольно давно. — Если, конечно, я не сошел с ума. — Он засмеялся. — Идем, сюда.

Жонглер, больше похожий на лунатика, послушно пошел за ним, аккуратно переставляя одну ногу за другой, как будто прочитал в учебнике, как надо это делать. Сэм поторопилась догнать !Ксаббу.

— Что это? — спросила она. — Ты что-нибудь слышишь?

— Мне нужна тишина, Сэм.

— Извини. — Она слегка отстала от него. «Пожалуйста, пусть он будет прав,— подумала она, глядя на его напряженную обнаженную спину.— Пожалуйста, пусть он что-нибудь найдет. Я ненавижу эту серость. Я так ненавижу ее…»

!Ксаббу внезапно остановился и присел на корточки. Серебристое ничто колыхалось вокруг его, неизменное и, похоже, никогда не меняющееся. Глаза маленького человека широко раскрылись, он шевелил пальцами в чем-то невидимом, делая маленькие круги на уровне земли, и Сэм внезапно испугалась, что он сошел с ума.

— Что ты делаешь? — Она почти кричала.

— Чувствую, Сэм, чувствую. — Он потянул ее вниз, усадил рядом с собой и окунул ее руку в совершенно пустой кусок пустоты, ничем не отличавшийся от других кубических метров ничто, протянувшихся во всех направлениях. — Здесь. Видишь?

Она покачала головой, напуганная. Жонглер дошел до них и стоял, глядя на них сверху вниз с таким видом, как если бы они были нищими, которых он нашел в своем розовом саду.

— Я не вижу ничего, — простонала она.

— О, прости, я плохо выразился. Здесь не на что смотреть, но может быть ты можешь почувствовать или услышать это… — Он взял ее руку в свою и начал медленно водить ею вперед и назад прямо над землей. — Что-нибудь? — Когда она покачала головой, он отдернул свои руки от нее. — Попробуй снова. Сосредоточься.

Понадобилось несколько долгих мгновений, но, наконец, и она почувствовала это — очень слабую, почти не существующую силу, слабое течение ни горячего ни холодного воздуха, или,

возможно, дрожь, настолько слабую, что она едва отличила ее от пульса, бившегося в пальцах.

— Что… что это?

— Река! — С триумфом сказал !Ксаббу. — Я полностью уверен в этом. Или, по меньшей мере, это станет рекой.

ГЛАВА 9
Возвращение Ганнибала

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ИНТЕРАКТИВНЫЕ ИГРЫ: HN, Hr. 6.5 (Евр., Сев. Ам.) — «Молодежная Банда!»

(изображение: Мако и Капризная Обезьяна обыскивают аллею в поисках Клорины)

ГОЛОС: Одержимая идеей самоубийства Клорина (Биби Танзи) обнаружила, что она — приемная дочь, а не биологическая. Она принимает сверхдозу таблеток, но никто из Молодежной Банды не знает, где она. У ее друзей, Мако и Капризной Обезьяны, есть только два часа, чтобы найти ее, пока не станет слишком поздно. Продюсеры утверждают: «Самое удивительное окончание года!» Требуются 12 актеров на роли аптекаря и безумных покупателей в гипермаркете. Обращаться: HN.TNMB.CAST

— Мы должны были догадаться, — горько сказала Флоримель, глядя в открывшееся окно на далекую фигуру, сидящую на пчеле. — Тип вроде Роберта Уэллса всегда найдет способ присоединиться к побеждающей стороне.

Все стояли, замершие и беспомощные. Даже Кунохара прекратил безнадежные попытки заставить работать свою разрушенную систему. Гул ос-мутантов, клубившихся на домом-пузырем, наполнял Пола клаустрофобным ужасом — в любой момент ядовитые жала, бившие в прозрачные стены, могли проломить их и разорвать на кусочки, и вся извивающаяся масса ос могла обрушиться им на голову. Что они могут сделать? Они окружены, и даже если они выйдут наружу, там уже поджидают Близнецы. Как только они окажутся вне пузыря, на открытом воздухе, за ними начнется безжалостная погоня….

— Вы все еще не ответили на мой вопрос, Кунохара, — грубым голосом сказала Мартина. Пол мог слышать, что она старается говорить твердым голосом. — Мы должны доверять друг другу, и мы погибнем. Есть ли у вас информатор среди нас?

Кунохара со злостью повернулся к ней.

— У тебя нет никакого права спрашивать меня. Ты и твоя беззаботность обрушили на нас весь этот ад. — Он бросил на нее испепеляющий взгляд, потом опять взглянул в окно. — Я иду наружу. По меньшей мере я могу поговорить с Уэллсом, хотя и

сомневаюсь, что могу доверять ему.

— Продаст нас, — проворчал Т-четыре-Б, но под напускной храбростью чувствовался страх. — Не дадим ему сделать это!

Пол удивил самого себя, сказав:

— Я пойду вместе с ним.

Даже Кунохара удивился, но в его глазах все равно колыхался холодный гнев.

— Почему? Неужели ты думаешь, что, если этот ребенок справедливо обвиняет меня в предательстве, ты сможешь остановить меня?

— Нет, не по этому. Эти твари — Близнецы. Они охотились за мной по всей сети. Если они ищут именно меня, то, что ж… может быть без меня они пощадят других. — Вслух это прозвучало еще глупее, но он не мог просто ждать, пока крыша обрушится им всем на голову.

— Не уверен, что понял тебя, — сказал Кунохара. — Но если ты будешь со мной, то снаружи ты будешь не в большей опасности, чем внутри.

— Может быть ты можешь… перенести наружи нас всех. — Пол уже сожалел, что вызвался идти. — Не будет ли так лучше? Перенести нас всех куда-нибудь еще, как ты унес нас сюда от скорпиона.

— И отдать мой дом этим? — Кунохара с презрением посмотрел на него. — Это то, что позволяет мне оставаться в живых. Здесь мой локальный интерфейс — место моей силы или, по меньшей мере, того, что от нее осталось. Если я сбегу и они уничтожат Дом, нас не будет на свете через полчаса. — Он покачал головой, его лицо было мрачнее тучи. — Ты все еще хочет пойти со мной на переговоры?

Пол вздохнул поглубже.

— Да, я думаю, что да.

Дом исчез, сменившись холодным и ветреным берегом реки. Выступающий камень, на котором они стояли, окружали деформированные пчелы и осы, жужжавшие так громко, что у Пола заболел живот. Пузырь, который они оставили, был невидим за шевелящейся массой насекомых.

— *Уэллс*! — крикнул Кунохара человеческой фигуре, наблюдавшей за представлением с края камня. — *Роберт Уэллс*!

Человек, сидевший на пчеле, казавшейся размером со слона, повернулся к ним. Потом стал бить пятками в панцирь пчелы, до тех пор, пока она медленно не повернулась к ним, двигаясь почти с механическим достоинством. Человек наклонился вперед и прищурился.

— А! — весело сказал он. — Доктор Кунохара, я полагаю?

Теперь Пол понял, что имела в виду Мартина — сим Уэллса выглядел не совсем реалистически. Бледные волосы и общая форма головы в точности повторяли фотографии и видео технократа, которого он постоянно видел в сетевых новостях, но было что-то незаконченное, почти кукольное в чертах его лица.

Кунохара поджал губы.

— Да, это я. Но я не припомню, что приглашал тебя сюда, Уэллс. Насколько я вижу, ты даже надел один из моих научных комбинезонов. А что с соглашением, которое я заключил с Братством?

Уэлсс быстро и без любопытства оглядел Пола и опять повернул голову к Кунохаре.

— О, Братство. Ну, если ты еще не слышал, *этот* корабль налетел на айсберг. — Он хрипло рассмеялся. Пол не знал этого человека, но он казался странным, почти сумасшедшим. — О, да, Старик чертовски здорово закрутил все гайки. И тут ему дал под зад коленом один из его подручных, не больше и не меньше. Корпоративная игра во власть, ты бы так назвал это, хотя он выбрал неудачный момент. — Его не-совсем-человеческая улыбка так и не растаяла. — А сейчас все пошло к дьяволу, буквально. Но не все так плохо. Мы должны оставаться в седле, пока все не успокоится.

Выражение лица Кунохары не изменилось.

— Уэллс, ты шутишь, и, одновременно, пытаешься уничтожить мой дом и все, что я построил здесь.

Пчела шевельнулась под Уэллсом, и он покачнулся.

— Не я! Я только скачу на этой твари. Мои новые друзья, вот с кем ты должен поговорить. — Он сунул пальцы в рот и свистнул. Сердце Пола понеслось вскачь, когда над краем камня появились две не подходящие друг к другу фигуры. Все, что он мог сделать — не убежать и верить в исчезнувшие возможности Кунохары. — Они пришли не за тобой, Кунохара, но за твоими гостями, — сказал Уэллс. Потом он опять взглянул на Пола, и улыбнулся, лениво и слегка потерянно. — Вероятно они встали на неправильную сторону по отношению к новому руководству. Если ты отдашь их этим парням, — он кивнул головой на приближающуюся пару, — то, я уверен, они с радостью примут тебя к себе. — Он наклонился вперед и подмигнул. — Время выбирать сторону, приятель. Но сейчас выбрать совсем не трудно.

Пол почти не слышал слов Уэллса. Он смотрел, не в состоянии оторваться, как обе твари приближаются к нему, обвисшая мясистая гусеница и сверчок-альбинос — Маллит и Финч — нет, так их звали в траншеях. Мадд и Финни.

Вспышка памяти. Мадд и Финни… темная комната, два не

сочетающихся между собой силуэта…

Все исчезло. Пол пожал плечами. Они ужасали, как всегда, в любой инкарнации, и все чувства Пола в один голос кричали ему бежать от них как можно быстрее и как можно дальше — но, тем не менее, на этот раз все было слегка иначе. Как только они подошли к Уэллсу и встали по обе стороны пчелы, Пол понял в чем дело.

— Что ты хочешь? — спросил Финни-сверчок скрипучим раздраженным голосом. — Новый хозяин сказал, чтобы мы поторопились. Он хочет, чтобы мы как можно скорее обезопасили эти создания.

— Если мы поможем ему, — грохотнула Мадд-гусеница, — он отдаст нам маленькую королеву.

— Да, маленькую королеву. — Безглазый сверчок потер передними ногами друг о друга, предвкушая удовольствие. — Мы так долго охотились за ней… — Он повернул гладкую голову к Кунохара и Полу. — А это еще кто? Пленные?

— Мы можем съесть их? — поинтересовалась гусеница, так высоко подняв переднюю часть туловища, что ее гигантское тело нависло над ними обоими.

Пол испуганно отступил назад, но его уже накрыла волна радости. «Я был прав, подумал он. Сейчас я не чувствую такого ужасного тошнотворного страха, как в прошлом — да и посмотри на них. Они даже не узнали меня».

Уэллс какое-то время размышлял над вопросом гусеницы.

— Нет, я думаю, нет. Кунохара, по меньшей мере, будет полезным источником сведений об этом богом забытом месте. — Он улыбнулся и кивнул. — Но тебе лучше всего отдать им остальных, доктор К. Эта чертовски целеустремленная парочка…

— Мы принесем новому хозяину ту, кто говорила через коммуникатор, — проскрежетал слепой сверчок, — и он разрешит нам взять нашу маленькую королеву. Нашу любимую личинку.

— Мне ее так не хватает, — сказала гусеница, и что-то вроде нежной улыбки промелькнуло в ее клыкастом рту. — Такая бледная, такая жирная… Когда мы найдем ее, я откушу все ее дюжины маленьких пальчиков.

Теперь Пол точно знал, что эти версии Близнецов были не теми безжалостными созданиями, с которыми он сталкивался во многих мирах, но больше походили на Пэнки, забывших о нем и поглощенных собственными заботами. Он вспомнил Ундину Пэнки, ее тестообразное лицо, искаженное тем же гротескным инстинктом, что и у гусеницы, и ее бормотание «Моя дорогая Виола…»

«Виола». Что-то кольнуло его мысли. Виола, Ваала. Авиаль.

«Ава».

— …и я продолжаю настаивать, чтобы ты прекратил эту дурацкую атаку, Уэллс, — брызгал слюной Кунохара. — Это мой дом и мой мир, хотя и измененный, и я все еще настаиваю на своих правах. И никто не возьмет моих гостей из-под крыши моего дома.

Уэллс кивнул, воплощение здравого смысла.

— О, конечно, я понимаю тебя. Но ты помнишь что говорит старая пословица: отрежь свой нос, чтобы досадить лицу. Кунохара, на самом деле тебе совсем не нужно восставать против нового босса. Но и я не пил вместе с ним — во всяком случае пока. Ничего личного, но я не могу помочь тебе.

Сверчок и гусеница, медленные и погруженные в собственные мысли, тем не менее начали замечать окружающее.

— Этот? — проныл сверчок. — Этот не дает нам добраться до остальных?

Шлепая по камню, как гигантский водяной матрас, гусеница подползла ближе. Рябь прошла по ее ногам, самые передние она протянула к Полу, их концы округлились и сжались.

— Они стоят между нами и нашей маленькой королевой…?

— Хватит, — сказал Кунохара и махнул рукой. Мгновение позже каменная осыпь исчезла и Пол, от неожиданности потеряв равновесие, упал на пол дома-пузыря Кунохары.

— Что произошло? — спросил Флоримель. — Мы ничего не слышали…

Пол повернулся к Кунохаре.

— Почему ты не взорвал их — снег, ветер или еще какой-нибудь божественный трюк? Мы были достаточно далеко от дома…

— Что-то не давало мне сделать это, — взволнованно сказал Кунохара. — Наверно их новый хозяин, Дред, защитил их. Он играет и дурачится в моем мире. — Озабоченный взгляд сменился сердитым. — Но меня не так-то просто уничтожить. Не в моем собственном доме.

Осы на крыше пузыря заволновались, медленно движущийся хитиновый ковер стал убыстрятся, пока не слился в почти жидкое пятно, а жужжание стало настолько громким, что воздух в прозрачном доме завибрировал.

— Глянь сюда, — крикнул Т-четыре-Б. Он быстро шагнул назад и споткнулся о Пола. — Прямо над их головами вес скопившихся на крыше пузыря тварей заставил ее выгнуться вниз. — Не уйдем отсюда, станем мясом для шестиногих!

В конце концов какое-то жало пробилось через материал

купола. и страшное давление начало расширять дыру. Даже Кунохара застыл от изумления, как одна из деформированных ос проскользнула через быстро разрушающуюся оболочку. На мгновение она повисла, ударяя по воздуху огромными черными ногами, как лошадь, качающаяся на люстре.

— Вниз! — крикнул Кунохара. Он схватил Пола за плечо и толкнул к лестнице, ведущей в нижнюю комнату. Остальные побежали вслед за ними, когда первая оса наконец протиснулась сквозь крышу и упала на пол верхней комнаты. Встав, ее карикатура на человеческое лицо слепо оглядела все вокруг, и тут на нее свалилось несколько ее приятелей, которые, пытаясь расцепиться, вдребезги разбили мебель Кунохары.

Когда все люди оказались внизу, Кунохара слегка ударил пальцами по двери на верхушке лестницы, требуя, чтобы она закрылась за ними; дверь не отреагировала, он схватил ее и с силой потащил вниз. Т-четыре-Б и Флоримель прыгнули на помощь, но молотящая по воздуху нога просунулась снизу, не давая им закрыть дверь. С криком, который, оказывается шел из его собственного рта, Пол схватил первый попавшийся под руку предмет, маленький стол, и стал бить по ноге, пока не отрубил ее. Серая жидкость брызнула через люк, но Кунохара и остальные уже закрыли дверь на засов.

Ошеломленный, Пол уставился на отрезанную ногу, лежащую на прозрачном полу, все еще слегка подергивающуюся. Под ногой, под дном пузыря, взбудораженные тем, что происходило на поверхности, сновали паукообразные послелечиночные креветки, поворачивались стебельчатые глаза, мелькали ноги. Грохочущее жужжание с верхнего этажа стало громче. Люк начал выгибаться внутрь под весом ос, падавших вниз через разорванную крышу.

— Шарахнет, нас, — вздохнул Т-четыре-Б. — Взять некоторых из этих ползунов с собой, хотя.

— Нет, — Кунохара указал место на полу. — Становитесь сюда.

Мартина прижала руки к ушам, чтобы не слушать жужжания.

— Что мы можем сделать?

— Только одно, — сказал Кунохара, его голос перекрыл даже непрекращающийся гул. — Их защитное поле окружило даже это место — я не могу переместить самого себя! Но если вы уйдете, я, быть может, смогу кое-что спасти. — Он взял Марину за руку и грубо толкнул к месту, которое указал.

— Что, отдать нас жукам, он? — крикнул Т-четыре-Б. — Низзя…

Кунохара зашипел от ярости и отчаяния.

— Тебе мало, что вы и так уничтожили меня? Ты еще должен оскорбить меня? Становись на это чертово место!

Пол схватил Т-четыре-Б и толкнул туда, где уже стояли Мартина и Флоримель. Пол внезапно выпятился вниз, образовав выгнутую полость. Т-четыре-Б поскользнулся и соскользнул вниз, утащив за собой Флоримель и Мартину.

— Утопить нас, он! — крикнул Т-четыре-Б.

Пол посмотрел на Кунохару, чей ответный взгляд не объяснил ничего, решил слепо довериться и соскользнул вниз в увеличивающийся пузырь. Внезапно материал выпятился наружу, их окружила вода реки, компания просвечивающих креветок оказалась в дюймах от них.

— А ты? — крикнул Пол Кунохаре.

— Я должен кое-что сделать, иначе они схватят вас через несколько минут. Держитесь покрепче. — Он отвернулся от Пола и начал новую серию сложных жестов. Как если бы услышав его слова, снаружи пророкотал гром, на мгновение заглушив злое жужжание ос. Сверкнула молния, тусклая вспышка была видна даже сквозь толщу воды, почти полностью окружившей их. Выпятившийся прозрачный материал превратился в маленький пузырь, и только все уменьшающаяся перемычка связывала его с домом. Пол, не способный двигаться, скорчился между Флоримель и Т-четыре-Б. Кунохара опустил руки, как дирижер, заканчивающий симфонию, и дыра, через которую Пол видел его, резко сузилась и исчезла. Пузырь, освободившись от родительского дома, внезапно подпрыгнул, отправив желудок Пола в ноги, и быстро всплыл на поверхность реки.

Сильное давление вытолкнуло пузырь из воды; на мгновение он застыл в воздухе и упал вниз. Пол и его товарищи повалились друг на друга, больно ударившись головами, локтями, коленями и всем, чем возможно. Мгновенное чувство свободы быстро умерло. Они оказались на поверхности реки, совсем близко от дома, плотно накрытого одеялом из насекомых. Сверху бил дождь, огромные капли вспенивали воду и их крошечный сферический плот подпрыгивал на волнах как детская игрушка.

Пол отцепился от товарищей и прижал лицо к стене пузыря. Дождь даже на секунду не остановил атаку Близнецов: мост на землю был уже построен, сотни тысяч пчел и ос сцепились над ревущим потоком. В свете молний он увидел, как сверчок и гусеница сошли с каменной осыпи и неторопливо шествуют по мосту, как завоеватели, поднимающие к завоеванному замку. И еще Полу показалось, что Уэллс на своей пчеле едет вслед за ними.

— Они увидели нас! — крикнула Флоримель, и Пол не сразу

понял, что она имеет в виду — Близнецы и Уэллс были слишком далеки, чтобы заметить их маленький пузырь, бросаемый из стороны в сторону вспененной дождем водой. Но потом и он увидел ос-мутантов с пустыми, ничего не выражающими лицами, которые, тем не менее, целеустремленно плыли к ним. Ревущий поток уже унес некоторых из них, но многие дюжины барахтались в воде с неуклюжей бульдожьей решимостью.

Еще одна крупная капля ударила в их сферическую арку, заставив ее закружиться и запрыгать по воде. Пол держался обеими руками за изогнутую стену, стараясь не упасть. Когда он опять сумел поглядеть наружу, вспышка молнии показала ему Близнецов, стоящих на верхушке пузыря Кунохары. Осиная мантия под ними дико колыхалась, возможно стараясь дать войти внутрь своим командирам. Подхваченное потоком бревно, размером с полдома, проплыло совсем рядом, унеся с собой нескольких из сотен ос, прилипших к дому. Листья, куски деревьев и трава заполонили всю поверхность воды. Пол взглянул на порог за домом и увидел, что на нем образовался огромный затор из обломков деревьев, что-то вроде плотины из переплетшихся между собой ветвей и листьев, дрожащий от напора воды, бьющей в него.

«Дождь,— рассеянно подумал он.— Такой сильный дождь. За этой штукой должно быть очень много воды и всякого дерьма».

Что сказал Кунохара? «Я должен кое-что сделать…»

— Боже мой! — крикнул Пол. — Держитесь — как можно крепче!

— Мы и так едва держимся на ногах… — начала было Флоримель, но Пол уперся ногой в ее бедро и прижал ее к изгибу пузыря. — Держитесь крепче. Сейчас будет…

Сверкнула очередная молния и он увидел, как огромный клин на вершине порога пошатнулся и стал меняться. На мгновение поток воды почти прекратился, задушенный им — все настолько изменилось, что даже бесформенная парочка, стоявшая на вершине дома Кунохары, повернулась и взглянула на порог. В результате река заметно обмелела, вода стала грязной, пузырь глубже погрузился в нее. Но тут поток прорвал затычку, и огромный кулак из зеленой воды и белой пены ударил сверху вниз по дому Кунохары и насекомым, увлекая всю массу под воду, в воздух взлетел столб водяной пены.

Стена воды докатилась до Пола и его товарищей, подхватила их и швырнула в воздух через нижний порог, так что какое-то мгновение они свободно летели вниз над темной, избиваемой дождем рекой, как звезда, упавшая с небес.

* * *

Разрушение Рима было в полном разгаре, дым пожаров можно было видеть даже с виноградников Кампании — поражение удивительно беспрецедентных размеров. Римлян, свободных и рабов, застали врасплох, и их извиняло только то, что беда пришла ниоткуда и с опозданием почти на триста лет.

Еще утром Тигеллин был императором, правившим уже два года. Бывший торговец лошадями, знавший счет деньгам, был достаточно популярен, но не благодаря своим заслугам, а, скорее, из-за ненависти, которую римляне питали к его предшественнику, Нерону, последнему из династии Юлиев-Клавдиев, в дни перед его убийством. Многие говорили, что после Нерона даже одна из лошадей Тигеллина была бы принята с восторгом.

На самом деле еще вчера все казалось более чем хорошо в Матери Городов.

Мартовский заальпийский ветер дочиста подмел небо, проснувшаяся весна разбудила природу, из почек на ветках каштана появились листья, раскрасив холмы зеленой краской. Очень странно, но даже коллегия авгуров не предупреждала ни о чем плохом — все недавние жертвоприношения были благоприятными и все знаки сулили счастливый год императору и народу. И в самой империи все было спокойно. На дальних границах происходили мелкие стычки, как всегда, но только ветераны, воевавшие в Британии или лесах Галлии, рассказывали о больших войнах, да и то после нескольких стаканов в винной лавке. Никто не ожидал нападения армии, во главе которой стоял давно умерший враг — тем более, что родной город врага превратился в пыль через несколько лет после его смерти.

Просто-напросто одним поздним мартовским утром армия Ганнибала появилась перед воротами, как будто ее принесла рука бога. Триста лет назад карфагеняне пересекли Альпы и захватили римлян врасплох. На этот раз Ганнибал Барка и его армия нашли еще более поразительный путь в Вечный Город. О его присутствии узнали по черному дыму, поднявшемуся в небо к северу от города, и первым перепуганным беженцам, прилетевшим оттуда в Рим. Через несколько часов пожары уже пылали внутри городских стен, а трупы жителей оскверняли Марсово Поле.

Город практически не сопротивлялся. Сенат в полном составе сбежал на юг по Аппиевой дороге после первого же сообщения о вторжении, некоторые из сенаторов в спешке безжалостно давили колесами своих повозок других беженцев. Самые уважаемые люди были далеко от Рима, по большей части потому, что Тигеллин не хотел их видеть рядом с собой, а все защитники и генералы были

рассеяны. И, конечно, заклятые враги Ганнибала, Сципион и Марцелл, умерли несколько столетий назад.

Преторианская гвардия храбро приняла бой, но ничего не могла поделать с десятью тысячами кричащих карфагенян: на Триуфальной дороге армия Ганнибала прошла через них как нож через горячий жир. Императора Тигеллина, со связанными за спиной руками, вытащили из Золотого Дома. Сам Ганнибал слез с черной лошади и забил его палками до смерти — в определенном смысле знак уважения.

Однако самым странным за всю неделю ужасов — и труднее всего понятным — был даже не сам монстр Ганнибал, вставший из своей могилы, а то, что он налетел на Рим со своей армией, в которой, как клялись некоторые выжившие беженцы, каждый солдат походил друг на друга как две капли воды. Было совершенно ясно, что на этот раз вместо разношерстной банды наемников, с которой он в первый раз спустился в Италию в дни Республики — лигурийцев, галлов, испанцев и греков — на этот раз его солдаты были странно единообразны: невысокие, хорошо-сложенные, с темной кожей, длинными темными волосами и азиатским разрезом глаз. Но откуда бы они не появились, они жгли, грабили и убивали с такой дикой жестокостью, что уже в самые первые часы убийств некоторые римляне клялись, что двери ада открылись и исторгли наружу армию демонов. К концу первого дня с этим уже никто не спорил.

Те немногое, кто видел Ганнибала и выжил, говорили, что и у него была та же самая темная кожа и те же странные глаза с нависающими веками, как и у его солдат. Испуганно шептали, что помимо подкованного золотом коня и знамени, отличить его от солдат можно было только по серебряному посоху, который он никогда не выпускал из рук, и еще тому, что из всей неумолимой армии он один получал удовольствие от страшных сцен убийства и насилия. Он смеялся, когда приводили молодых людей из сословия всадников и безжалостно убивали прямо перед ним, смеялся, когда их сестры и матери молили о пощаде, как если бы весь этот кошмар был спектаклем, поставленным ради его удовольствия.

«Он не человек, а злой бог,— шептали друг другу выжившие, прятавшиеся в сточных трубах и подвалах.— Он может сколько угодно называть себя Ганнибалом, но бич Канн не был так жесток».

В первый день его завоевание, после захода солнца, зло вошло в сердце города, на Римский Форум, и построило там себе дворец.

Над ним клубились миллионы мух, грозовым облаком

затемняя багровое небо. Демон выстроил себе дом из трупов и полутрупов: собрал их в кучи, а потом сделал из них стены, насадив каждого на высокий деревянный кол лицом вверх, так что каждый умирающий видел перед смертью только другое тело, притиснутое сверху к нему самому.

В центре, под огромной аркой, Ганнибал приказал поставить трон, сделанный из самых разнообразных черепов, в которых еще несколько часов назад жили мысли и чувства римлян; когда трон был закончен, демон сел на него, окруженный стенами своего нового дворца — которые еще стенали, кровоточили и молили о пощаде — и к нему стали приводить пленников, сначала один за одним, а потом, уже ночью, группами, и он приказывал сделать с ними какую-нибудь ужасную вещь.

Старый стоик Сенека, советчик трех императоров, которого многие называли совестью Рима, храбро, хотят и со слезами на глазах, предстал перед троном врага и, глядя в темное лицо Ганнибала, процитировал Эврипида:

«Той ночью, что родился я для боли,
Приговорили к смерти мать мою,
И потому я с той поры желаю
Лишь смерть всем тем, кто на земле живет.»

Демон громко засмеялся, приказал сковать руки и ноги старика, чтобы он не смог убить себя, и привязать его к подножью трона, как собаку, и заставить быть свидетелем всего, что произойдет.

И действительно, в конце концов он один, оставшийся в живых, позавидовал тем, кого уже убили…

Трудно быть богом, начал понимать Дред.

Он стоял под бледным солнечным светом, лившимся в его тронный зал на Форуме, его чуткие ноздри искали в воздухе, пахнувшем дымом, кровью и гнилью, чего-нибудь более тонкого и интересного; он сам не очень понимал, что ищет. Солдаты, тысячи отражений его самого, стояли на коленях на Священной Дороге, молча ожидая его приказов. Он опять вдохнул, пытаясь понять, чего ему не хватает, что он ищет здесь прекрасным весенним утром, воздух которого мало чем отличался от зловония тысяч непогребенных трупов. Возможно слабого следа цели, настоящего вызова себе.

Уничтожение ради уничтожения уже начало надоедать, решил он, глядя на закопченные крыши Рима. Он уже уничтожил полдюжины любимых симуляций Старика, не говоря уже о некоторых более мелких, принадлежавших другим владельцам сети, и ему это изрядно надоело. Вначале, да, это было волнующе

— он провел несколько дней, проектируя разграбление Страны Игрушек и проверяя, есть ли границы у его жестокого воображения. Ближе к концу, когда он, насытившись, лежал посреди разрушений, как лев рядом с убитой добычей, едва слышный внутренний голос спросил его, не являются ли свидетельствами скрытой педофилии те изощренные пытки, которым он подверг Мери-Никогда-не-Верю, Малышку-Пастушку и Тома-Сына-Дудочника, и полное уничтожение сказочной страны. Мысль ему не понравилась — Дред считал, что педофилы слишком жалкий народ — и, приступая к своей следующей цели, маленькому комическому Лондону в 1920 году, тщательно ограничил себя преследованием и убийством только взрослых персонажей. Но сейчас, после нескольких разрушенных симмиров, погоняв по полям цвет римских женщин, оставив на месте всех вилл этого мира закопченные развалины и убедив всех оставшихся мужчин, как храбрых так и плачущих, больше не сопротивляться ему, Дред почувствовал, что ему все надоело и что программа террора выродилась, стала пустой и механической.

Он подозвал одного из Дред-солдат, случайно выбрав его из тысяч, и дал ему недействующую копию серебряного посоха.

— Теперь ты будешь Ганнибалом, приятель, — сказал он своему подобию. — Вот твое первое задание: освободи всех гладиаторов и дай им ножи, мечи и копья. — Он нахмурился. Трудно думать о делах, когда невозможно забыть, что ты разговариваешь с плохой копией самого себя. — Да, и еще уничтожьте все склады с продовольствием. Когда закончите, ты и все остальные образуйте периметр вокруг города и мы посмотрим, что будут делать выжившие.

Он не стал ждать ответа — какое ему дело? — и перебросил себя в сердце системы.

Проблема в том, что слишком просто уничтожать и слишком тяжело сохранять к этому интерес. Вначале, конечно, сама мысль — предать хаосу невероятно дорогие симуляции Старика — очень радовала Дреда: почти все равно, что дать старому ублюдку пинка под зад. Кроме того идея использовать бесконечную силу для того, чтобы вызвать ужас в таком размере, очаровывала сама по себе. Но теперь он начал ощущать ограничение: вскоре возможность бродить по всем сетевым мирам и делать то, что захочешь, потеряла весь смак. В любом случае это было не настоящее разрушение: если он не замораживал их в бесконечном и довольно скучном опустошении, или не уничтожал код, стоящий за миром (совсем другой и значительно менее

интуитивно-удовлетворительной способ мщения), сумуляции через простой цикл возвращались в первоначальное состояние, стирая изменения, как если бы их и не было.

Дред плавал в воздухе внутри огромного, но совершенно безликого комплекса, который создал для себя, четыре стены без перегородок, полностью построенных из гладкого и белого виртуального камня. За окнами простиралось голубое безоблачное небо и бесконечный Аутбэк[24], заросший кустами и низкорослыми деревьями, который он видел сетевом шоу в детстве, но в котором никогда не был, пустота, которая заполняла сердце его родной страны.

В сети мало иметь силу, подумал он. Хлестнув болью — или ее аналогом, потому что не может быть настоящей боли для искусственного интеллекта, даже настолько жизнеподобного — он потребовал, чтобы Иной дал ему неограниченную власть, и обжигал операционную систему до тех пор, пока не уничтожил всю ее защиту против себя. Но и теперь, когда он мог контролировать все, осталось слишком много ограничений, и с мрачной злобой он сообразил, что, получив столько же власти, сколько было у Жонглера, не получил больше. Он не мог найти какого-нибудь конкретного пользователя внутри по одной простой причине — система была слишком сложной и слишком распределенной. Если бы эта слепая женщина, Мартина, не выдала себя, подключившись к открытому каналу связи, он бы и не узнал, что она жива, и тем более, где она находится. Теперь он сожалел, что тогда был занят с Дульси: быстрая проверка мира Кунохары открыла, что его бывшие товарищи опять исчезли неизвестно куда. Он не должен был оставлять их на попечение кому-то другому, даже собственным агентам Жонглера. *Особенно* собственным агентам Жонглера. Сейчас Дред начал лучше понимать недовольство Старика некомпетентными подчиненными.

«Уверенный, беспечный, ленивый, мертвый»,— напомнил он себе. Старик считал себя безусловным владыкой сети, и всю оставшуюся жить будет сожалеть об этом. Дред решил, что необходимо обратить побольше внимания на то, чтобы не совершать подобных ошибок. Но кто может угрожать ему?

Не все так плохо, решил он, пока ничего другого нет, можно попытаться найти Мартину и остальных его бывших товарищей — это и будет первый серьезный вызов за эти дни. Да и сам Жонглер исчез неизвестно куда, отсоединившись от порта собственной системы. Мертв, или вышел в офлайн и бултыхается в своей цистерне? Дред знал, что его победа не полна до тех пор, пока его бывший наниматель не поползет перед ним на карачках. Вот

будет прекрасный день! Даже уничтожение Страны Игрушек, Атлантиды или Рима покажется веселым пикником на природе по сравнению с тем, что он приготовил для Феликса Жонглера.

«О, еще есть эта сука Сулавейо». Виртуальная Рени бродит неизвестно где в сети Грааля, но Клеккер и его парни очень скоро добудут ее настоящее тело. Он мысленно приказал себе проверить, как идут дела в окрестностях Драконовых Гор. «Разве это не будет интересным? Я буду иметь ее и онлайн и офлайн, ее тело и ее ум. Очень… очень по особому».

Дред разрешил музыке наполнить снежно-белый дворец, случайно выбрав детский хорал из своей системы. Певцы, невинные как медоносные пчелы, опять перенесли его в последние часы в Стране Игрушек, хотя как этот момент он находил эстетически неприятным. Он слегка приглушил звук и полностью расслабился.

Бог, или, по меньшей мере, его кровожадный эквивалент в сети Грааля, недолго отдыхал после утомительной работы.

«Дело в том,— через какое-то время подумал он,— что я не могу обходиться без малышки Дульси Энвин, пока. Я не знаю, как создавать новые миры, или как по-настоящему менять старые. Операционная система — это дверь, она открывается или закрывается, когда я давлю на нее, но возможности двери очень ограничены».

Он пытался отдавать команды голосом, но то ли эта возможность не была встроена в систему, то ли она делала вид, что не понимала. И никакая боль, которую он мог причинить ей, не могла заставить ее понимать. Оставалось одно — преобразовывать то, что уже существовало, задавать направление мутаций, менять алгоритмы создания симов. Такие ограничения очень разочаровывали и вынуждали работать со всеми причудами сети, что делало его похожим на дешевую шлюху.

Но одно ясно как день — если он хочет найти Рени Сулавейо и Мартину Дерубен, то должен научиться использовать систему более изощренным способом. Собственные агенты Жонглера были безнадежно неуклюжи, судя по тому, что произошло в мире жуков. Дред начал думать, что в этом виртуальном мире ничего не может быть более интересным, чем самому справляться с теми людьми, которые бросают ему вызов. И каким изумительным стало бы его мщение! Что-нибудь невероятное, изобретательное и болезненно медленное. Да, для самых знатных граждан Рима он придумал неплохую забаву — с них содрали кожу, живьем, сделали из нее воздушные шары, надули их горячим воздухом и заставили их семьи цепляться за корзины без дна — и конечно его артистический и изобретательный ум способен найти для

немногих оставшихся врагов по-настоящему ужасающий способ мщения и даже… прекрасный?

Дред медленно соскользнул в полусон, плавая по воздуху в своем белом дворце, и даже во сне искал новые идеи боли и силы, которые никто другой даже не мог себе представить.

* * *

Лифту потребовались слишком много времени, чтобы опуститься на десять этажей вниз. Гнев заставил его ожесточиться и разгорячиться, агрессия рвалась наружу. Наконец дверь с шипением открылась, и Пол решил, что сейчас он ворвется в приемную, кипя как кровь из порванной артерии.

В приемной не было никого, и это было даже хорошо — он терпеть не мог бледную угловатую девушку, которая обычно сидела там, и не хотел, чтобы она видела, как он кричит как сумасшедший. Он прошел через помещение с изогнутыми стенами, обставленное дорогой Ростовской мебелью в безликом стиле современных офисов, и положил руку на дверную панель.

Он увидел, как они сидят рядом за столом, маленькая аккуратная голова едва не касается другой, сияюще бритой, и первая же рефлекторная мысль удивила даже его:

Они знают все тайны. Все самые ужасные тайны.

Он остановился в дверном проеме, внезапно сообразив, что сам нарушил правила поведения, и, к тому же, относительно беспомощен; и его справедливая ярость охладела.

Но в эмоциональной буре, охватившей его, было и еще кое-что: он глупо и стесняясь самого себя верил в детские идеалы, которые протянул с собой через школьные годы как рваное пальто, хотя из-за них он скорее терял, чем приобретал друзей. Не воровать и не ябедничать — он до сих верил в это. Исполнять долг и играть честно. Все то, что в этой гордой частной школе для мальчиков считалось глупостью, которую дети, родившиеся с этим, должны были выкорчевать из себя пока бегали в коротких штанишках. Но некоторые дети, вроде него, считали эти идеалы драгоценными и редкими.

Он посмотрел на эту пару, молчаливую и не замечающую вторжения, несомненно общающуюся через беспроводную связь — у самого Пола никогда не было нейроканюли, еще одно доказательство его безнадежной старомодности — и он опять почувствовал себя школьником. Он пришел, чтобы поругаться со старшими ребятами за то, что они не играют честно, и сейчас он был один среди них, и он знал, что его ждет ужасная выволочка.

«Не глупи,— *сказал он самому себе.*— Они даже не знают, что я здесь. Я могу повернуться и придти попозже…»

Глаза маленького поднялись, что-то сверкнуло за очками. Да, поздно убеждать самого себя.

— Джонас. — Финни уставился на него так, как если бы он пришел голым. — Вы в моем офисе. Дверь была закрыта.

Его товарищ, Мадд, по прежнему отсутствовал, уставившись в никуда, на губах играла довольная улыбка.

— Я только… — Пол сообразил, что ему трудно дышать, а сердце стучит как сумасшедшее, но не от гнева, а скорее от страха. — Я знаю… Я должен был сначала позвонить…

Финни разочарованно поджал губы, и Пол почувствовал, как в нем опять загорается гнев. Здесь не школа. Никто не будет никого бить. И у него есть кость, которой можно ткнуть в длинноносое лицо.

Мадд внезапно вернулся, коснулся рукой шеи и взглянул на Пола своими свинячьими глазками.

— Джонас? — Какого черта вы здесь делаете?

— Я только что разговаривал со своим другом. — Пол остановился, чтобы набрать побольше воздуха, и сообразил, что лучше всего очертя голову броситься вперед. — И я должен сказать. Я возмущен. Да, очень возмущен. Вы не имеете права.

Финни склонил голову на плечо с таким видом, как будто Пол не только пришел голым, но и нес заведомую чушь. Почти невидимый верхний свет превратил стекла его очков в два белых пятна.

— Черт побери, что вы такое бормочите?

— Мой друг, Найлз Пенеддин. Он порекомендовал мне эту работу. — Пол опять вдохнул побольше воздуха. — Он сказал, что вы обратились к нему.

Она из бровей Финни поднялась, тонкая, как мушиная лапка.

— Он порекомендовал вам эту работу? Вы смеетесь надо мной, мистер Джонас. Он порекомендовал вас *нам — и это была хорошая рекомендация, потому что мистер Пенеддин, в отличии от вас, происходит из хорошо известной семьи и у него замечательные связи.*

Он хорошо знал, что Финни пытается оскорбить его, но не дал себя отвлечь. — Да. Да, это он. Он сказал, что вы связались с ним.

— И?

Мадд привалился своим огромным бедром к столу как слон, чешущий кожу о ствол дерева. — Джонас, я не понимаю, что вас тревожит?

— Я только что говорил с ним. Он был очень озабочен. Он сказал, что, судя по вашим словам, у меня трудности в общении с

моей ученицей.

— Он рекомендовал вас нам. Мы хотели убедиться, что не сделали ошибки — кто знает, быть может он просто хотел помочь тому, кого вообще не знает.

— Но какие трудности? — Под с трудом удержался от крика. — Как вы осмелились так говорить? Как вы осмелились позвонить моему другу и сказать ему, что есть что-то… необычное в моем поведении?

Если бы он сам не был таким серьезным, Пол мог бы поклясться, что Финни едва не смеется.

— О, и это вывело вас из себя?

— Вы чертовски правы, я вне себя!

Прошло несколько секунд. Пол вспомнил, что говорил все громче и громче, и начал подозревать, что накричал на служащего самого богатого человека в мире.

— Послушайте, Джонас, — наконец сказал Финни, и сейчас на его лице не осталось и следа веселья. — Мы очень серьезно относимся к своим обязанностям — если мистер Жонглер недоволен, он становится очень-очень плохим человеком. И нам кажется, что мы видим… тенденции в ваших взаимоотношениях с вашей ученицей, которые нам не нравятся.

— О каких тенденциях вы говорите? И на чем основаны ваши слова?

Финни не обратил внимания на второй вопрос Пола.

— Нам кажется, что между вами и мисс Жонглер возникла… слишком большая эмоциональная близость. Мы этого не одобряем и, уверяю вас, ее отец самым решительным образом не одобрит этого, тоже.

— Я… я не понимаю, о чем вы говорите. — Пол покачал головой, его храбрость начала испаряться. Он чувствовал, что они должны знать о тайной встрече — но больше он не позволит поставить себя в такое положении. Вот это и есть его тенденция — с ним всегда происходит всякая чертовщина! Но если бы они узнали хотя бы кусочек того, что произошло на самом деле — стали бы они звонить Найлзу? Нет, сделали ли бы что-нибудь по-настоящему драконовское…

Пол постарался отыскать сбежавшее возмущение. Ведь он действительно ни в чем не виноват, верно?

— Черт побери, это моя работа. И она еще ребенок.

Финни кисло улыбнулся.

— Ей пятнадцать лет, Джонас. Совсем не ребенок, в любом смысле*этого слова.*

— В юридическом. В профессиональном. Боже мой, поскольку это касается меня, в моем смысле.

— Не говорите нам о детях, Джонас, — с тяжелой усмешкой сказал Мадд. — О детях мы знаем все.

— На чем строятся ваши предположения? — спросил Пол. — Неужели Ава что-то сказала вам? Она — совсем юная девушка, замкнутая в доме, как какая-нибудь сказочная принцесса. У нее… ну, слегка необычное воображение. Но я никогда…

— Нет, вы нет, — сказал Финни, обрывая его. — Вы определенно *нет. Иначе мы бы узнали. И вы бы провели остаток жизни, сожалея о своем поступке. — Он наклонился вперед, и даже положил бледные пальцы на руку Пола, как будто собирался сказать ему важную тайну. — Остаток вашей очень короткой жизни.*

— Короткой, но веселой! — сказал Мадд и залился смехом.

Очень странно, но когда дверь офиса закрылась за Полом, Финни присоединился к смеху. Ужасный звук!

Дверь на верхнем этаже открылась, и лифт омыл запах гардений. Мгновением позже, едва он успел сделать несколько шагов в холл, навстречу вылетела Ава и так крепко обняла его, что Полу потребовалось несколько секунд, чтобы освободиться.

— О, дорогой. — Блеск ее чудесных глаз прятал притаившиеся слезы. — Они знают о нас?

— Господи Иисусе, Ава. — Пол быстро повел ее в сад. — Ты сошла с ума? — прошептал он. — Никогда так не делай.

Мелодраматическая печаль на ее лице сменилась каким-то другим, бесконечно более тонким выражением, и было бесконечно больнее смотреть на нее. Она промчалась мимо него и исчезла среди деревьев, которые занимали большую часть верхушки башни. Белые и желтые птицы, как праздничный салют, взмыли в воздух, потревоженные ее безудержным бегом…

Пол очнулся и обнаружил, что его голова лежит на коленях Флоримель, хотя он не сразу понял, где вибрирующая боль, а где колени. Болели все кости, и он зашипел от боли, когда попытался сесть. Флоримель осторожно опустила его обратно на колени. С повязкой вокруг раненых глаза и уха, она выглядела заправским пиратом. Пузырь качался вверх и вниз, добавляя правдоподобности пиратской иллюзии и вызывая приступы головной боли.

— Она… она была такой непостоянной, — сказал он. — Я много забыл, и это неудивительно, потому что она говорила мне о таком, что трудно понять.

— Он бредит, — сказала Флоримель Мартине.

— Нет, нет. Я говорю о Аве, дочке Жонглера. Пока я был без сознания, ко мне вернулась еще одна часть моей памяти. Похожая

на сон, но это был не сон. — Он уже собирался рассказать им все то, что вспомнил, но внезапно сообразил, что сейчас не до возвратившихся воспоминаний, какими бы интересными они не были. — Где мы? На реке?

Мартина кивнула.

— Прыгаем по волнам. Ни единого признака Уэллса, Близнецов или их насекомых-монстров.

— Да, — сказала Флоримель. — Я и Мартина и Т-четыре-Б, мы все выжили, но ранены, и довольно сильно. Спасибо за вопрос.

— О, прости. — Пол пожал плечами и моргнул. — Кунохара?

Флоримель покачала головой.

— Я не верю, что он пережил гибель своего дома. Мы не видели, как что-нибудь появилось на поверхности.

— Пища для рыб, — сказал Т-четыре-Б, не без удовольствия. — Чистая.

— И куда мы плывем? Можно как-то управлять этой штукой? — На самом плыть было достаточно приятно, пузырь стал частью течения, но внутри было тесновато. Однажды он слышал, как описывали полет в дирижабле — очень приятно, потому что летишь вместе с воздухом, а не против него.

— Управлять им? — недовольно проворчала Флоримель. — Оглянись — где ты видишь руль? Или штурвал?

— А что мы можем сделать? — Он наконец сел, оперся спиной о изогнутую стену и аккуратно отсоединился от Флоримель. Все сидели лицом друг к другу, касаясь друг друга ногами на донышке пузыря, под ними текла река, и можно было подумать, что они висят в воздухе. — Просто ждать, пока мы не налетим на песчаную мель или жадную рыбу?

— Или пока мы не достигнем конца реки и пройдем через ворота, — сказала Мартина. — Орландо говорил, что есть много ворот, но большая часть из них уже не действует. Будем надеяться, что если следующим симмир закрыт, мы сможем найти другой. Безопасный.

— И это все, что мы собираемся делать? Ждать и смотреть?

— Ну, можно подумать о том, насколько нам хватит воздуха в пузыре, — заметила Флоримель. — Но ничего хорошего из этого не выйдет.

— Я бы хотела поговорить о Кунохаре, — сказала Мартина. — Если бы он сказал, что в Трое у него не было информатора среди нас, и если бы я почувствовала, что это правда, хотя бы до некоторой степени, я бы закончила с этим. Но вы слышали его — он не ответил.

— На нас напали гигантские осы, — напомнил Пол, почему-то чувствуя, что должен защитить Кунохару. — И он спас нас.

— С этим я не спорю, — твердо сказала Мартина. Пол обнаружил, что немного встревожен — почему она говорит так тихо, как будто ее могут подслушать? — Если он вел двойную игру, это может быть важным для нас — и если один из *нас* хранит тайну… — Она не закончила, но ее мысль поняли все. Пол знал, что она имеет в виду: тот самый случай, когда эти люди обнаружили, что вместе с ними путешествует убийца, прикрывающийся симом Кван Ли, которую они считали верным другом.

— Возможно, — сказала Флоримель. — Но подозрение может разрушить нашу дружбу. И, кроме того, здесь только половина тех, кто был в Трое.

— Просто скажи мне, — настаивала Мартина. — Скажи мне, что у тебя не был тайной связи с Кунохарой. Я поверю тебе.

Флоримель сердито посмотрел на нее.

— Мартина, ты не такая, как мы. Разве ты не говорила, что видишь нас своим маленьким детектором лжи?

— У меня нет никакого детектора лжи, — ответила Мартина и кисло улыбнулась. — Скажи мне, Флоримель.

— У меня не было с Кунохарой таких дел, в которых не участвовали бы вы все, — сказала Флоримель злым голосом, но Пол почувствовал в нем много боли. Эта сеть, все эти маски и лабиринты. Трудное место для дружбы.

— Пол? — спросила Мартина.

— То же самое. Я встретился с ним только здесь — я еще не знал его, когда был в Трое.

Мартина повернулась к Т-четыре-Б, который был необычно молчалив.

— Хавьер? — Она мгновение подождала, потом повторила вопрос. Он выглядел как пружина, сжатая слишком сильно. — Просто скажи нам правду, Хавьер.

— Не гляди, ты, — пробурчал он. Даже Пол почувствовал что-то защищающееся в его голосе. — Ничего не делал с Куно-как-его-там. Как и Флор-мель сказала, все видели, вы. — Казалось, он воспринял неотрывный взгляд Мартины как атаку, и зло махнул рукой. — Кончай лыбиться! Без шуток сказал, тебе. Не гляди.

Мартина казалась встревоженной, но, прежде чем она успела заговорить, заговорил другой голос.

— Мартина? Я слышала тебя раньше — ты можешь слышать меня?

Знакомый голос говорил как будто совсем рядом с ним, и на мгновение Пол подумал, наверно в пузыре есть еще кто-то, невидимый. Потом, когда Мартина вытащила зажигалку, он понял.

— Рени? Это ты? — Флоримель зло шикнула на нее, но слепая женщина только покачала головой. — Дред знает, где мы, — спокойно сказала Мартина. — И будет знать, пока мы не выберемся из этого мира, так что это не имеет значения. — Она заговорила громче. — Рени? Мы слышим тебя. Говори.

Голос пришел снова, не искаженный, более спокойный, но и более слабый, с очевидными пропусками в потоке слов.

— *Мы остались… горе*, — говорила она. — …*Мы в… должно… океаном. Но я потеряла !Ксаббу и…*

— Мы не слишком тебя поняли. Где ты в точности?

— … *я думаю… как сердце системы.* — В первый раз Пол услышал, как ее страх вырвался наружу. — *Но… меня беда — страшная беда…!*

Все. Мартина еще много раз молила Рени заговорить, бесполезно. Наконец она убрала зажигалку, они опять уселись и стали ждать в молчании, пока их пузырек, как пена на поверхности реки, плыл по течению, торопясь к концу этого мира.

ГЛАВА 10
Страна стекла и воздуха

СЕТЕПЕРЕДАЧА/БИЗНЕС: Смерть Фигейра выбрасывает на берег огромную кораблестроительную фирму

(изображение: Фигейра разбивает бутылку о нос танкера)

ГОЛОС: Внезапная смерть Максимилиано Фигейра, председателя и генерального директора Фигейра Миритима СА, самой большой португальской кораблестроительной фирмы, поставило компанию на грань банкротства.

(изображение: Эйтор ду Каштелу, представитель ФМ)

ДУ КАШТЕЛУ: «Мы все в шоке. Он был исключительно здоровым человеком, для своего возраста, но нас больше всего потрясло то, что он не сделал даже минимальных приготовлений на случай своей смерти. Он еще никого не выбрал на свой пост и мы все надеялись, что он, постепенно, подготовит себе приемника. Конечно мы постараемся сохранить наше ведущее положение в отрасли, но должен честно признаться, что сейчас мы пытаемся разобраться с несколькими очень странными договорами…»

Вначале казалось, что !Ксаббу просто подшучивает над ними, аккуратно ведя их по берегу реки, которую мог видеть только он один, но через какое-то время сама Сэм стала ясно ощущать то, что ее друг почувствовал намного раньше.

Они начались как линии в бесконечной серости, едва заметные, как отметки карандашом, но менее материальные: когда Сэм подходила к ним, или изменяла угол зрения, они исчезали. Но потом они стали длиннее и многочисленнее, и она увидела, что линии — края теней, отбрасываемых большими природными телами, вроде далеких скругленных холмов или высоких берегов реки, вдоль которой шел !Ксаббу. Хотя на небе не было ничего, похожего на солнце, да и само небо почти не отличалось от земли, это заставляло предположить, что у света появилось направление.

Свет изменился — изменились и цвета. Серость стала более

веселой и сияющей. По ней стали пробегать слабые белые пятна, вспыхивавшие то там, то здесь, как кожа угля. Хотя все вокруг по-прежнему было странным и в основном бесформенным, на сердце у Сэм полегчало. Бесконечное ничто начало оживать.

— Как будто плывешь в серебряном океане, — с восхищением сказала она. Долгое время пустота над головой ничем не отличалась от пустоты под ногами; сейчас на ней появились сверкающие черточки, которые могли стать облаками, и намек на глубину. Сэм осознала парадокс: пока смотреть было не на что, казалось, что пустота не простирается очень далеко. А сейчас как если бы кто-нибудь сдернул одеяло, открыв вещи, скрытые за ним. — Или под водой. *Хо дзанг*! Я чувствую, как если бы снова могу дышать.

!Ксаббу улыбнулся странной комбинации изображений.

— Я думаю, что у этой реки есть и звук. — Он поднял руку. Сэм остановилась. Даже Жонглер замер. — Слышишь?

Она прислушалась, и, действительно, услышала слабый шепот движущейся воды.

— Что все это означает?

— Я думаю, что мы скоро достигнем чего-нибудь более приятного, чем вся эта пустота. — !Ксаббу попытался нащупать что-нибудь там, где сливалось несколько теней и, следовательно, должна была быть река. Ничего. Он пожал плечами. — Похоже нам еще идти и идти, пока не окажемся там.

— Нет, я имею в виду… что стряслось с этим местом? Оно такое сканированное, сначала эта пустота, а потом… *что-то*. Как будто это что-то выросло из пустоты.

!Ксаббу покачал головой.

— Не могу сказать, Сэм. Но я думаю, что мы, скорее, приближаемся к месту, где пустота… более концентрирована, если это вообще имеет смысл. — Он посмотрел на Жонглера, слегка насмешливо. — Может быть ты объяснишь нам что-нибудь?

Остролицый человек, казалось, сначала хотел сказать что-нибудь резкое, но потом заговорил, на удивление спокойным голосом.

— Я тоже не знаю. Братство не создавало в сети ничего похожего, и никто другой, тоже.

— Тогда мы должны продолжать, — сказал !Ксаббу. — Если мы не настолько умны, чтобы разгадать загадку, возможно мы достаточно сильны, чтобы идти, пока не достигнем ее сердца.

Жонглер какое-то время с изумлением глядел на него, потом медленно кивнул. Подождав, пока !Ксаббу опять пошел вдоль полупрозрачного берега реки, бывший глава Братства опять

последовал за ним, ровным усталым шагом.

Очень странно, подумала Сэм, как незаметно весь этот пустой мир превратился в реальность. Что-то вроде музыки, которую слушали ее родители: скрипки и другие старинные инструменты начинали почти неслышно, потом звук рос и, вдруг, ты замечал, что слышишь великолепную мелодию.

Серебряный призрачный ландшафт наполняли цветные полосы, появлявшиеся на короткие мгновения, двигавшиеся, расплывавшиеся и исчезающие; иногда они неожиданно меняли цвета и оттенки. Стеклистые призрачные холмы, убегавшие к далекому горизонту, мерцали фиолетовым светом, приобретали вес и материальность, пока она не начинала чувствовать, что может видеть каждую деталь; но, стоило пройти еще двадцать шагов, фиолетовый цвет прятался внутри, оставляя за собой эскиз верхушки холма, бесцветный, как выползок. Мгновением позже, когда силуэт холма почти исчезал на фоне бледного неопределенного неба, он опять вспыхивал глубоким коричневым цветом, почти оранжевым, и в это короткое мгновение холмы и весь мир казались чем-то нормальным.

Насколько Сэм могла понять, она и остальные двигались к холмам вдоль гладких склонах длинной извилистой долины, идя вверх по реке. Когда сама река приобретала цвет, она казалась глубоким разрезом в земле, виляющим среди огромных камней, в своем призрачном состоянии походивших на неровные ледяные глыбы. Некоторые из них, побольше, лежали поперек реки, как заторы из стекла, вода перед ними пенилась, плескалась и изливалась через более низкое место. Вдоль берегов и на высоких буграх иногда росли призрачные деревья, но в целом местность заставляла думать скорее о травянистых лугах. Кроме слабого рокота реки Сэм слышала только свое дыхание и, изредка, приглушенные ругательства Жонглера, в те мгновения, когда он натыкался на что-то более твердое. Ни жужжания насекомых, ни птичьего пения.

— Как будто кто-то изобретал его, — сказала она, когда они остановились отдохнуть. Сэм сидела на плоском камне, на расстоянии вытянутой руки от нее плескалась и шуршала река. ! Ксаббу больше не надо было вдыхать воздух и слушать; он сидел рядом, болтая ногами. Сэм протянула руку и пощупала воду, которая не очень-то походила на настоящую: холодная, но сухая, как если бы по коже провели холодным шелком. — Как книжка-раскраска для детей, — продолжила она. — Кто-то начал проверять цвета и не закончил.

— Нет, я думаю иначе, — серьезно сказал !

Ксаббу. — Возможно раньше здесь были и цвет и форма. Помнишь черную гору? Сначала твердая и очень материальная, а позже тающая и растворяющаяся? Я думаю, что и здесь произошло то же самое.

Сэм почувствовала, как ее кольнул страх, впервые за последние часы. Если !Ксаббу прав, то они идут быстрее, чем этот мир исчезает, но как долго это может длиться? И тогда они, как и на горе, обнаружат, что все исчезает вокруг них. Должны ли они продолжать и идти дальше через недоработанные миры, портящиеся вокруг них, без малейшей надежды найти стабильное место, где можно остановиться и жить, как люди?

Жонглер стоял в нескольких шагах от них, на берегу реки. Сейчас он повернулся и подошел к ним, с задумчивым выражением лица.

— Мне это напоминает Северную Африку, — сказал он. — В молодости я провел там год, в Агадире. Ландшафт, который постепенно появляется вокруг нас, выглядит европейским, или был бы им, если его наполнить цветом и формой. Но свет, да, он напоминает мне город в пустыне рано утром — серебряные дюны, освещенные белым светом дома, все белое и бледное, как льняное полотно. — Он опять повернулся и посмотрел на холмы, пока Сэм и !Ксаббу, открыв рот, смотрели на него. Его рот перекосила кислая усмешка. — Неужели вы думаете, что я никогда не был молод? Что я всегда находился внутри этого проклятого биомедицинского кокона?

Сэм выпрямилась.

— Нет. Мы не думали, что тебя может заинтересовать что-то, не принадлежащее тебе. То, что построено не для тебя.

На секунду Сэм показалось, что он сейчас улыбнется, но Жонглер по-прежнему управлял своим виртуальным лицом так же твердо, как и египетской маской.

— Уколола, признаюсь. Но, если ты хотела ранить меня, выбирай клинок поострее. Неужели ты считаешь меня хладнокровным чудовищем? Конечно. Разве я обдуманно совершал ужасные поступки, чтобы растоптать павших и увеличить свою гору сокровищ, как сидящий в логове дракон? Нет, я делал все это только потому, что люблю жизнь.

— Что? — Сэм с удовольствием дала ему услышать презрение в своем голосе. — Это самый настоящий *фенфен*…

— Нет, ребенок, совсем нет. — Он повернулся и посмотрел на далекие прозрачные холмы. — Я не сказал, что люблю *всякую* жизнь. Я не ханжа. Подавляющая часть ползающих по земле миллиардов людей значит для меня меньше, чем муравьи и букашки, которых ты давишь, идя по траве, и даже не замечаешь

этого. Я люблю *свою* жизнь и всю ту красоту, которую видел и чувствовал. И я сражаюсь против смерти, чтобы сохранить мои воспоминания и мой опыт. Да, верно, счастье других людей почти ничего не значит для меня — но значило бы еще меньше, если бы я умер. — Он медленно повернулся к Сэм и посмотрел на нее невообразимо пронизывающим взглядом. Сэм ненавидела этого мужчину, который пытался отвлечь ее от того, чем являлся на самом деле, но в это мгновение она почувствовала в нем силу, которая свергала правительства как кегли для боулинга. — А ты, ребенок? Ты думаешь, что будешь жить вечно? Тебе это нравится?

— Нет, если бы ради этого я была должна вредить другим. — Она внезапно поняла, что вот-вот расплачется. — Нет, если цена за это — дети…

— А, возможно нет. Но если бы тебе представилась такая возможность, ты уверена, что отказалась бы, а? Особенно тогда, когда Смерть стоит у тебя за спиной…

!Ксаббу, который до этого молча слушал разговор, внезапно прыгнул на ноги и уставился на какую-то точку на берегу реки.

— Что там? — спросила она. — !Ксаббу, что там?

Не отвечая, он побежал по берегу, грациозно перепрыгивая через почти невидимые камни, как степной олень. Через несколько секунд он оказался рядом с несколькими бесцветными деревьями, которые торчали над берегом, как дымки умирающего костра. Он схватил что-то с одного из ветвей и побежал обратно.

— Смотрите! — крикнул он, добежал во Жонглера и Сэм. — Вы только посмотрите на это!

Она наклонилась и взглянула. На его ладони лежал крошечный кусочек белой ткани, завязанный узелком. Ей потребовалось мгновение, чтобы сообразить, что это означает. — Чизз! Это…?

!Ксаббу приложил кусочек к ткани, повязанной вокруг ее бедер.

— Точно такая же! — Он неистово рассмеялся, такое от него она еще не слышала. — Это от Рени! Она была здесь! — Он едва не плясал, прижав крошечный кусочек ткани к груди. — Она оставила нам знак. Она знала, что мы пойдем вдоль реки. — Он повернулся к Жонглеру, и, как будто добродушно поддразнивая друга, сказал: — Я говорил тебе, что она умна! Я говорил тебе! — Он опять повернулся к Сэм. Мы должны идти вдоль реки пока хватит сил; быть может она остановилась где-нибудь впереди нас.

Сэм конечно согласилась, но, вставая с камня, не смогла подавить усталый вздох. !Ксаббу уже несся вдоль берега. Сэм пошла за ним. Жонглер покачал головой, но тоже пошел вслед за ними.

Счастье маленького человека была настолько заразительно, что вначале Сэм почувствовала себя легче, в первый раз после смерти Орландо, но постепенно холодные пальцы опять сжали ее сердце — было кое-что такое, чем она не могла поделиться даже с !Ксаббу, но что тревожило ее все больше и больше.

«В Девочках-Скаутах всегда говорили, что, если ты заблудишься, ты должен оставаться на месте»,— сказала она самой себе. Сэм не слишком преуспела в Девочках-Скаутах, но она выучила все, что могла, особенно то, что казалось разумным и полезным. «Интересно, есть ли Девочки-Скауты в Африке, откуда Рени родом?» Она не была уверена, но в любом случае !Ксаббу прав — Рени очень умная женщина. Поэтому Сэм решила, что Рени должна знать правило оставайся-на-месте. И, значит, должна быть причина, почему она не осталась здесь, в месте, которое сама отметила.

«Может быть ей пришлось уйти из-за того, кто шел по ее следам».

* * *

Она упорно шла из ничего в *что-то*, и, когда свет поменялся, из бездонного серого стал переливающимся и ярким, как ртуть, она поняла, что должна почувствовать возбуждение, радость, может быть освобождение. Ради этого непонятно что она останавливалась каждые несколько сот ярдов и махала зажигалкой, как посохом лозоискателя. Мир менялся, становился более материальным, и она должна была бы торжествовать, но вместо этого двигалась все медленнее и медленнее, как будто несла на себе тяжелую ношу.

Все дело в том, что в этом месте нет никакого смысла.

«И я не слишком хорошо справляюсь с такими делами». Она оглянулась назад и посмотрела на Рикардо Клемента, который шел по неровной земле, если, конечно, можно назвать ходьбой то, что он делал: ставил одну ногу перед другой как заведенный автомат, который движется до тех пор, пока не выйдет на край пропасти и не упадет вниз, по-прежнему перебирая ногами.

«Как мой отец». То, что он делал, не имело смысла — саморазрушительное скольжение в алкоголь и депрессию. Да, его жена умерла. Да, это ужасно. Но его жена была матерью Рени, а Рени сумела пережить то, что случилось и каждый день делать то, что необходимо. И это имело смысл. Сдаться, медленно гнить, нет. Смерть все равно возьмет тебя, и кто знает, что будет потом? Лучше сражаться.

Но, похоже, некоторые люди не в состоянии.

«Отец так бы и поступил, подумала она. Даже не стал бы пытаться что-то сделать. Лег бы на землю и стал ждать, пока мир вокруг него не изменится». Она ненавидела свою мысль, она ненавидела свою резкость.

Когда она в первый раз остановилась отдохнуть, примерно через час ходьбы, Клемент подошел к ней и остановился, настолько похожий на автомат, что поначалу она даже не взглянула на него — в ее воображении он был чем-то вроде микроволновой печи, которая закончила работу и остановилась.

— Скажи мне, — сказал Клемент болезненно-механическим голосом. — Почему… это так важно, вверх и вниз?

— Что?

Он механически махнул рукой, быть может указывая на собственное тело, или на появляющуюся на фоне серебряного неба землю.

— Для чего… это? Вверх и вниз?

Она обнаружила, что не может вынести то, что билось за его безумным взглядом, пойманное в ловушку, потерявшееся.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. — Она отвернулась от него и опять пошла вперед. Но Клемент, казалось, прирос к одному месту. Наконец, когда Рени уже собиралась остановиться, он пошатнулся и пошел за ней, как если бы старался идти в точности по ее следам. Она покачала головой. Возможно часть его самого еще сохранилась, но, даже так, это не делало его приятным собеседником.

Что же это за место? Жонглер сказал, что это не часть его сети, но как такое возможно? Это же не магия. Должно быть какое-то объяснение.

Что-то мокро зашуршало недалеко от нее. Рени забралась на полупрозрачный пригорок, с интересом заметив, как много меняется, когда можно двигаться не только строго горизонтально, и увидела мерцающую линию, которая выглядела менее материальной, чем то, что лежало по обе стороны от нее.

«Река,— подумала она.— *Может ли это быть рекой*?»

Она подождала, пока не убедилась, что Клемент может видеть ее, потом спустилась на берег реки. Теперь у нее есть направление — вверх по течению, что бы это не означало. Она знала, что !Ксаббу поступил бы точно так же, если бы был впереди ее, а значит шансы на встречу существенно возросли. Мысль подняла настроение.

«Пускай здесь ничего не имеет смысла, подумала она, но по меньшей мере есть люди, которых ты любишь и которым ты нужна».

Но если этот бессмысленный мир придумал Иной, что же все это означает? Конструкция в сети, которая *не* является частью сети? И почему она чем-то напоминает реальность — есть холмы, и небо, как в Лоскутном Одеяле, и даже река? Быть может операционная система работает с некоторым странным понятием, что людям надо человеческое место? Но для чего операционной системе вообще нужны люди?

Долина реки, чем дальше, тем больше, начала походить на настоящую долину в настоящем мире, с травой, камнями и даже несколькими кипами деревьев. Небо, все эти дни остававшееся белым, как недоделанный уровень в BP системе, стало приобретать глубину, хотя и оставалось мрачным и рассеивавшим свет, как будто весь этот призрачный мир находился внутри гигантской жемчужины.

«А что если !Ксаббу не впереди меня,— внезапно подумала она.— Что если он потерялся в серости, в конце концов у него и Сэм нет зажигалки, как у меня. Тогда я должна остановиться и немного подождать их. Но что, если они впереди?» Она подумала о том, что стоит оставить знак из палок или стеклянно-чистых тростников, росших вдоль берега реки, но, с другой стороны, те, кто может быть идут за ней, все равно не обратят внимание на любую конструкцию, сделанную из этих материалов — это все равно, что пытаться увидеть тающий лед в стакане воды. Она должна подождать, пока вещи вокруг станут более материальными. Вот тогда она сможет написать палками что-нибудь в таком роде — «*Помогите! Я Пленник Моего Собственного Разочарования*». Или, быть может, «*Разыскивается, Больше Реальности*».

Она уселась на то, что было — или однажды будет — стволом дерева, давая Клементу возможность догнать ее. Призрачные деревья колыхались вокруг нее под неощущаемым ветром, совершенно бесшумно, даже листья не шуршали, касаясь друг друга.

Прошло примерно четверть часа, Клемент так и не появился.

Недовольно ворча, Рени поднялась на высоких пригорок и оглядела скругленную землю, которую только что пересекла. Ничего, не малейшего следа, а ведь спрятаться в сером пространстве совершенно невозможно. Она грубо выругалась — не потому что боялась за него или ей не хватало его общества, но потому что чувствовала себя ответственной за него и еще потому, что разрешила беззаботности завладеть собой. Подождав достаточно долго на вершине, она спустилась вниз и отправилась к тем самым деревьям, где сидела и ждала его.

«Я должна отметить место, решила она. Даже если я не пойду

искать его, я должна дать знать !Ксаббу и остальным, что была здесь». Но оставалась задача, как это сделать. Думая, она рассеянно теребила скудную одежду, надетую на себя — чем более реальным казался ландшафт, тем более раздетой она себя чувствовала — и внезапно поняла, как ей объявить друзьям о себе.

Завязав клочок бледной материи на тонком суке, далеко торчавшем из гущи тенистых соседей, она подумала, что если бы она должна была сделать это еще несколько раз, то очень скоро осталась бы голой, и тут что-то задвигалось в ветвях прямо у нее над головой. Удивленная, она отпрыгнула назад.

Это оказалась птица… или, по меньшей мере, что-то похожее на птицу, меньше ее сжатого кулака. Похоже, она была немного более реальной, чем окружающий ландшафт, несмотря на крошечное тело и убегающие цвета, похожие на отражения в разбитом стекле. Рени с удивлением глядела, как птица допрыгала до конца ветви, а потом наклонила голову — намек на глаза, расплывчатое пятно на месте клюва. На мгновение такие знакомые движения заставили ее почувствовать, что вещи могут иметь смысл, но затем птица опустила голову пониже и сказала:

— *Даже не думай.*

Рени вдохнула и отступила на несколько шагов. В этом безумном месте возможно все, сказала она себе, поэтому ничего не должно ее удивлять.

— Ты что-то сказала? — спросила она.

Птица подпрыгнула на ветке и пискнула.

— *Даже не думай, что я когда-нибудь.* — Мгновением позже она прыгнула в воздух, превратилась в крошечную вспышку радужного света, и улетела за реку.

У Рени оставалось мгновение на то, чтобы решиться. Она посмотрела на клочок белой ткани, качавшийся на ветке, потом на долину, стеклянный мир, замерший в вечном сумраке, и побежала догонять птицу, к тому времени превратившуюся в пятнышко в изменчивом небе.

Рени нашла мелкое место и перебралась через реку. Добравшись до дальнего берега она обнаружила, свет слегка изменился. Окрестности внезапно стали совершенно твердыми, как если бы она пересекла невидимый барьер, который держал реальность и не давал ей убежать, но это оказалось самым маленьким из всех изменений. Новый мир был настолько странным и интересным, что ей едва удавалось не упускать из вида резво машущую крыльями птицу.

Скругленные холмы и луга сменились складками и пиками,

как будто какой-то могучий сдвиг толкнул поверхность земли, оставив за собой гигантские морщины. Земля была тяжелой и каменистой, из растительности остались искривленные ветром сосны и завернутый в туман колючий кустарник. Разросшийся солнечный свет не мог пробиться через плотно переплетшиеся ветви, так что хотя мир стал намного тверже, красок в нем не прибавилось.

Тяжело дыша, она на мгновение остановилась на вершине холма, глядя за полетом птицы. Ее добыча выросла, тоже стала более твердой, хотя с такого расстояния ее цвет было не разобрать. Она уселась на изогнутую ветку сосны в сотне метров вниз по склону холма и запищала:

— … *я когда-нибудь… я когда-нибудь…* — негромко и плаксиво, как усталый ребенок.

Вниз вела очень крутая тропа, извивавшая между двух каменных осыпей, но Рени не могла повернуть назад — слишком долго и упорно она бежала сюда. И, не считая ее друзей, это был первый голос, который она услышала с тех пор, как исчезла гора, первое новое живое существо, которое она повстречала.

Пока она спускалась с холма птица спокойно сидела на ветке, как будто ждала ее. Туман колыхался под порывами несильного, но удивительно холодного ветра — она обнаружила, что радуется далеко не всем особенностям вернувшейся реальности — и решила, что видит странные формы, встроенные в изгибы земли, как будто под поверхностью прятались огромные, почти человеческие тела.

В тумане и скудном свете трудно было сказать точно, но это неприятно напомнило ей чудовищную фигуру Иного, приветствовавшую их на вершине горы. Она содрогнулась и предпочла повнимательнее вглядываться в каменистую почву под ногами.

Птица вытянула шею, чтобы лучше видеть неуклюжее приближение Рени. Теперь у нее были и цвета и форма, красно-коричневых перья и блестящие черные глаза, и все-таки было в ней что-то необычное, что-то незавершенное.

— *Даже не думай, что я когда-нибудь возьму тебя туда,* — внезапно сказала птица.

— Возьмешь куда? — спросила Рени. — Кто ты? И что эта за место?

— *Мы долго шли,* — печально чирикнула птица. — *Даже не думай, что я когда-нибудь…* — Внезапно она остановилась и взмахнула крыльями, как если бы собиралась взлететь. Сердце Рени упало, но птица опять уселась на ветку. — *Даже не думай, что я когда-нибудь возьму тебя туда,* — опять заметила

она. — *Мама сказала, что это займет какое-то время. Мы долго шли.*

— Шли куда? Ты можешь мне сказать? Эй? — Рени медленно шагнула вперед и понизила голос. — Я не сделаю тебе ничего плохого. Пожалуйста, поговори со мной.

Птица опять посмотрела на нее, потом внезапно спрыгнула с ветки и улетела вниз вдоль склона холма.

— *Даже не думай, что я когда-нибудь…* — пронзительно крикнула она и исчезла в тумане.

— Боже праведный! — Рени, почти плача, опустилась на каменистую почву. Она променяла место за призрачной рекой на ничто, за исключением истощающего бега и холодного туманного склона холма; теперь ей нужно долго отдыхать, прежде чем она сможет взобраться обратно. — Боже праведный.

Только тогда, когда подбородок стукнулся о грудь и она вскинула голову, Рени осознала, что уснула — были ли это минуты или секунды, она не могла сказать, но туманный ландшафт казался более мрачным, тени в складках холма более глубокими, небо из жемчужного стало грозово серым. Рени с трудом поднялась на ноги, всем полуголым телом ощущая холодный ветер, гулявший по склону. Она вздрогнула, тихи и несчастно выругавшись при мысли, что придется провести ночь на отрытом воздухе. Ее и ее друзей избаловала вечная комнатная температура незаконченной земли.

Вскарабкавшись коротким путем на холм, она постояла, осматривая окрестности в последних лучах света. Туман, жавшийся к земле, стал подниматься. Пока она спала, друзья могли пройти в броске камня, даже не заметив ее.

Повернув голову, она подумала, что слышит реку, которая не должна быть так уж далеко, где-нибудь в невидимой сейчас складке холма. Рени медленно пошла на звук, наклоняясь в склону холма и перед каждым шагом проверяя ногой землю. По меньшей мере спасибо за то, что холм — скорее жидкая грязь, чем камни, ведь у нее нет обуви.

Никакой реки. На самом деле нет ничего, что выглядело бы как низкая скругленная страна, которую он только что покинула.

«Заблудилась. И скоро будет совсем темно».

Она задержалась на каменной полке, чтобы восстановить дыхание, и услышала странный звук. Ветер умер, но тонкий стон все еще летал над склоном холма, что-то вроде протяжного вибрирующего воя. Кожа на загривке Рени напряглась. Через секунду, когда вой отчетливо поднялся с места впереди нее и перелетел дальше вниз по склону, беспокойство превратилось в

страх. Первый голос, казалось, услышал его и ответил, причитая и жалуясь как какая-нибудь подводная гиена, и сердце Рени застучало с перебоями.

Времени на размышления не было — она знала только то, что не хочет оказаться зажатой между этими двумя тварями. Она повернулась и опять полезла на вершину холма, в полутьме несколько раз пропустив удобные скальные полки, так что по меньшей мере дважды едва не погибла, с трудом удержавшись на склоне.

«Двигайся, двигайся…» Она была странно и необъяснимо уверена, что стонущие существа не просто воют ради собственного развлечения, но охотятся… на кого-то. Быть может и на Рени, если ей так не повезло. Или, возможно, предостерегают друг друга о надвигающейся опасности, что не намного лучше.

От холодного ветра кожа окоченела, и, неловко поднимаясь по склону, она не чувствовала бесчисленные царапины и толчки, но холод высасывал из нее силы и она точно знала, что не в состоянии долго двигаться так быстро. Крик одной из тварей вроде стал дальше, но отвечавший стон не стал тише, только громче. Рени бросила взгляд назад и немедленно пожалела об этом. Что-то бледное двигалось вдоль склона, принюхиваясь к ее следам.

Едва видимое через полумрак, оно колыхалось и трепетало, как человек, завернутый в простыню, но казалось крупным и пугающе чужим. Постоянно меняющиеся тени двигались по призрачному облику — ужасный намек на лицо, то появляющееся, то уплывающее. Пока она, замерев от ужаса, глядела на ужасную тварь, в середине теней открылась неровная дыра, откуда вылетел траурный вибрирующий стон. Тварь на вершине холма ответила, дальше от нее, но не достаточно далеко. Рени изо всех сил бросилась вдоль склона, пожертвовав осторожностью ради скорости. Звук преследователей наполнил ее сердце ледяным ужасом. Лучше уж оступиться и разбиться насмерть, упав с холма, чем допустить, чтобы тебя схватила эта бледная бесформенная тварь.

И ее желание почти исполнилось, когда ее нога провалилась через подстилку из упавших веток, которые она посчитала твердой землей. Потеряв равновесие, она взмахнула руками, упала и покатилась вниз по склону. Ее спасло чудо — дерево, согнутое вдвое годами и непогодой, шишковатое, как рука старика, оказалось прямо на ее пути. Когда она высвободилась из переплетшихся ветвей, вся покрытая кровавыми царапинами, еще один вибрирующий крик улетел вдаль, но казался значительно

более далеким.

Мгновенная бурная радость — она скатилась так далеко вниз и осталась жива — так же мгновенно исчезла, когда она сообразила, что вой донесся снизу — третий охотник. И тут же жуткое подтверждение — два воя отозвались со склона сверху, более громкие и веселые, как будто они чувствовали, что настал конец охоты, их жертва лишилась сил.

Рени скорчилась на земле, неглубоко дыша, в голове крутились бесполезные ужасные мысли. Они окружили ее, возможно ведомые кровожадным инстинктом, но, возможно, собирались сделать так с самого начала. Она в ловушке, зажата между ними, и уже видит самую ближнюю: серая смертельная тень, слегка плотнее тумана, без ног, колыхающаяся над склоном как медуза в океане, медленно, но неумолимо движущаяся к ней. Сердце стучало со скоростью грузовика.

И тут она сообразила, что держит в руке зажигалку, которую вытащила из своей скудной одежды. Это было бесполезно, но ей отчаянно захотелось услышать голос, все равно чей. Внезапно она даже не смогла понять, какую опасность она считала настолько большой, что боялась использовать зажигалку раньше.

— Алло, М-Мартина, к-кто-нибудь? — Страх сдавил горло, она еле говорила. — Кто-нибудь слышит меня? Пожалуйста, ответьте. Алло? — Молчание — даже призрачные охотники молчали. Пока она повторяла последовательность команд, Рени видела только крутящийся туман и тени деревьев. — Мартина? Я слышала тебя раньше — ты можешь слышать меня?

И пришел голос, негромкий, но на удивление настолько отчетливый, что у Рени на мгновение вспыхнула безумная надежда, что ее друзья близко, всего в нескольких метрах, и могут появиться из шуршащего тумана и спасти ее.

— Рени? Это ты? Рени? Мы слышим тебя. Говори.

— Боже праведный, — тихо сказала Рени. — Это ты, Мартина. — Она пыталась сохранить самообладание — было почти ясно, что друзья ничего не смогут сделать для нее. Она должна рассказать им то, что сможет, сказать что видела и испытала. — Мы остались на горе, — начала она. — Мы проснулись и вас не было. Сейчас мы в месте, которое должно быть Белым Океаном, о котором нам говорили. Но я потеряла ! Ксаббу и Сэм, и сейчас заблудилась сама.

— Мы не слишком тебя поняли, — ответила Мартина. *— Где ты в точности*?

Она была нигде. В царстве ужаса. Она заставила себя вспомнить то, о чем думала так давно. — Я думаю… о, мой бог, я думаю, что мы в сердце системы. — Слезы опять потекли из

глаз. — Но у меня беда — страшная беда!..

Что-то щелкнуло в кустах за ней. Рени, охваченная ужасом, подпрыгнула и выронила зажигалку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Песни призраков

Мальчишки, девчонки,
Гулять идем!
Светло на улице,
Как днем.
Оставь свой ужин,
Оставь кровать.
Айда на улицу
Гулять…
[25]

ГЛАВА 11
Искренне ваша

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Посетители клуба получили Матушку Гусыню

(изображение: объявление для клиентов Лимузина)

ГОЛОС: Посетители виртуального секс-клуба Лимузин очень удивились, когда обслуживание прервалось почти на час и замаскированный — или, как предположили некоторые — искусственный голос стал петь детские песенки.

(изображение: анонимный клиент Лимузина)

КЛИЕНТ: «Да, звучало потрясно, но на самом деле совершенно отвратно. Ну, это было как-то… неестественно.»

ГОЛОС: Счастливый Плут, корпорация-владелец Лимузина и некоторых других клубов, называет случившееся «просто самой беспрецедентной в серии бессмысленных выходок».

(изображение: Жан-Пьер Мишо, представитель СПК)

МИШО: «Это было сделано, чтобы помешать нам предоставлять обслуживание в самое прибыльное время, и, давайте посмотрим правде в глаза, половина наших клиентов — отцы и даже матери, которые наконец-то с трудом уложили детей спать и надеялись слегка отдохнуть и рассеяться. И никто из них не хочет сидеть и опять слушать эти чертовы детские песенки.»

Джереми уложил последний вакуумный пакет и постоял, любуясь своей работой. Эта была не совсем кухня — как бы он не обманывал себя, это была совсем *не* кухня — это было что-то. Кучи канистр и ящиков, запечатанных пакетов с едой, несколько пластиковых канистр с водой, переносное галогеновое кольцо, которое он стащил из одной из комнат на верхних этажах, чайник и запасы еды на три недели — если придется их есть — и, возможно, самое драгоценное из всего, настоящий кофе. Запертый на подземной базе без настоящей еды, он уже давно приучил себя пить не морщась саморазогревающиеся помои и даже ждать утреннюю чашку. И сейчас ему хотелось сохранить несколько последних ритуалов нормальной жизни.

Он прищурился на свою временную кладовку, занимавшую

большую часть огромного металлического шкафа. Все пригодится. И если им придется сидеть на этом самом нижнем уровне до тех пор, пока кофе не кончится, ну что ж, тогда бандиты сверху будут казаться не самым плохим выбором.

Он не мог даже заставить себя улыбнуться. Он проверил батареи фонаря, лежавшего у края одной из его куч, и встал.

«Господи, я же ходячий стереотип. Мы в осаде, сражаемся не на жизнь, а на смерть, и кого мгновенно делают посаженной матерью для кухни?»

Покружив между устройств, он добрался до блока консолей, где сидел Дель Рей, мрачно уставившийся в экран, как литературный критик, вынужденный писать рецензию на бульварный роман. Длинный Джозеф тихо подкрался к нему и встал сзади, рядом с двумя пластиковыми бутылками вина. На мгновение Джереми по-настоящему пожалел его. Если сам Джереми чувствовал себя несчастным, имея запас настоящего кофе на несколько недель, легко себе представить, что чувствует Джозеф, имея запас своего обычного яда на день или даже меньше, а ведь сидеть им здесь черт знает сколько.

— Как дела? — спросил он.

Дель Рей пожал плечами.

— Никак не могу заставить работать камеры слежения. Вроде должны, но не работают. Я же предупреждал — это не моя область. А как у тебя?

— Настолько хорошо, насколько это возможно. — Джереми выбрал один из вращающихся стульев и уселся на него. — Хотел бы я, чтобы мой старый приятель Сингх запустил бы все эти камеры, когда была такая возможность. Но кто знал, что они понадобятся?

— Быть может перезвонит твой друг Селларс, — сказал Дель Рей, но, судя по всему, сам не верил в это. Он нажал одну из кнопок на консоли, потом разочарованно ударил по ней. — Может быть он сумеет что-то сделать с этой заразой.

— Если бы моя Рени была здесь, — внезапно сказал Длинный Джозеф, — она бы смонтировала все раньше, чем ты бы успел подпрыгнуть в воздух и перевернуться. Она здорово разбирается в этом. У нее университетская степень и все такое.

Дель Рей было рассердился, но потом, неожиданно, слегка улыбнулся. — Да, она бы смогла. И получила бы массу удовольствия, исправляя все глупости, которые я наделал, и долго говорила бы мне об этом.

— Точно. Она очень умная девушка. И конечно, смогла бы, ведь я столько потратил на ее обучение.

Дель Рей улыбнулся еще шире, встретившись взглядом с

Джереми. «Насколько я помню, за образование она платила сама», — подумал Джереми. Рени рассказывала о годах рабства в университетской столовой.

— Погоди, — сказал он, поворачиваясь к Джозефу. — Не подвел ли меня слух. Неужели ты хвастаешься Рени?

— Хвастаешься? Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросил Джозеф.

— Я имею в виду, что ты вроде гордишься ею.

Более старший человек засопел.

— Горжусь ею? Конечно горжусь! Она умная девушка, какой была ее мать.

Джереми едва не покачал головой от изумления. Он спросил себя, говорил ли ее отец что-то в этом духе тогда, когда Рени могла слышать его, а не сейчас, когда ее упаковали в пласмодиумный гель внутри фибрамитового гроба. Что-то сомнительно.

— Черт побери. — Дель Рей повернул стул спинкой к консоли. — Сдаюсь, мне не исправить эту бандуру. Ожидание сводит меня с ума. Я думаю, что если бы мы могли увидеть, что они делают, а не просто сидеть здесь и плевать в потолок…

— Тебе не помогут все эти камеры, — проворчал Джозеф. — Они ничто против плохих парней вроде этих. Мы должны найти револьверы и перестрелять всех этих свиней.

— Здесь *нет* никаких револьверов, — зло рявкнул Джереми. — И ты это знаешь. Никто не закрывает военную базу вместе с разбросанными по ней револьверами.

Джозеф ткнул пальцем в сторону Дель Рея, который, сгорбившись на стуле, слепо уставился в потолок обширного подземного помещения, как если бы пытался заставить заработать безжизненные камеры.

— У него есть пушка. Говорю тебе, он должен отдать ее мне. Ты не видел, как он размахивал им, испуганный до полусмерти и с такими потными руками, что я боялся, будто он может сделать мне дырку в голове случайно нажав на курок.

— О, не начинай опять, — простонал Джереми.

— Я просто тебе говорю! Не думаю, что этот маменькин сынок стрелял из пистолета хотя бы раз в жизни! А я был армии, знаешь ли.

— О, да, — сказал Дель Рей, не открывая глаз. — Я уверен, что ты застрелил множество цыплят после того, как ты и твои приятели их одолели. Он потер лицо. — Даже если бы он не был закодирован на меня, ты был бы последним, кому…

Внезапно он замолчал. Джереми только собирался спросить Дель Рея, что произошло, как молодой человек выпрямился на

своем стуле, широко открыв глаза.

— О боже, — простонал он. — О боже!

— Что случилось? — спросил Джереми.

— Пистолет. — Дель Рей схватился за волосы, как будто хотел снять с себя скальп. — Пистолет! В кармане моей куртки.

— И?

— Я оставил его наверху !Когда таскал бутылки с водой. Мне стало жарко. Я отложил эту чертовы штуку в сторону, а потом пошел вниз, и ты спросил меня о камерах и… черт! — Он встал, все еще держась рукой за голову, как будто боялся, что иначе она скатится с плеч.

— Видишь?.. — начал Джозеф, не в состоянии спрятать довольный тон, но Джереми оборвал его.

— Лучше молчи. — Он повернулся к Дель Рею. — Где это произошло? В кухне?

Дель Рей несчастно кивнул.

— Нужен ли он нам? — Джереми поглядел кругом. — Я хочу сказать, если они спустятся, поможет ли он нам?

— Поможет ли он нам? — Дель Рей удивленно поглядел на него. — Если они спустятся? А что, мы собираемся бросаться в них бутылками с водой? Нам понадобится все, что у нас есть, все. Я собираюсь вернуться за ним.

— Нет, ты не можешь. Мы закрыли лифт — и заперли все эти бронированные двери, как велел сделать Селларс. Другого пути наверх нет. И мы не собираемся рисковать, опять открывая их.

Дель Рей встал и какое-то мгновение глядел на пол, потом выпрямился, паника, отражавшаяся на его лице, внезапно исчезала.

— Погодите. Не думаю, что я оставил его в кухне. Нет, я оставил его рядом с лифтом на верхнем этаже нашей части базы. Я погрузил в лифт большую часть бутылок с водой, и еще генератор, и вот тут-то я и снял куртку.

— Тогда я могу достать его, — радостно сказал Длинный Джозеф, но оба человека повернулись к нему.

— Заткнись.

— Да, заткнись, Джозеф.

Дель Рей отправился к лестнице.

— Слишком плохо, что мы запечатали лифт с обеих концов — было бы неплохо использовать его, чтобы подниматься вверх и вниз.

— Слишком шумно, — сказал Джереми ему во след. — Если нам повезет, они даже не узнают, что внизу есть еще что-то. — Внезапно он сообразил, что говорит слишком громко.

«Ты говоришь слишком громко, любой может услышать! А

что если у них есть стетоскопы или еще что-нибудь, они слушают пол, ищут нас…»

При мысли о безликих наемниках — из всех троих только Джереми не видел их — ползающих по полу и долбящих бетон как дятлы, он невольно содрогнулся.

«Мы даже не знаем, что они внутри, сказал он самому себе. Быть может они не сумели пробиться через переднюю дверь. Это же как сейф в банке. Рени и ее подруга-хакер долго мучались, прежде чем сумели открыть ее.»

Тем не менее видение не желало исчезать. Джереми осмотрел на Джозефа, который с лицом, полным оскорбленного достоинства, сосал порцию «Горной Розы», и решил, что лучше всего чем-нибудь заняться.

Дель Рей вскрыл консоль и комплект мониторов, обнажив жуткую неразбериху проводов, которые выглядели как коммутатор какой-нибудь древней телефонной сети. Джереми уселся на стул, освобожденный молодым человеком, и задумчиво поиграл переключателями. Консоль была включена — под экраном каждого монитора светились маленькие красные огоньки — но сами экраны были пустыми и темными.

«Джозеф прав. Если бы Рени была здесь, все это заработало бы через несколько минут.»

Он дернул пучок кабелей. Почти все подсоединены. Он взял один из не подсоединенных и попытался подключить его к свободному гнезду. Ничего не изменилось. Второй, опять без изменений, но когда он вытащил из связки третий и коснулся им чего-то на щите, экраны на мгновение мигнули светом и опять погасли.

Джереми, возбужденный, схватил конец этого кабеля и стал по очереди подключать его ко всем открытым гнездам. Внезапно мониторы опять ожили. Джереми укрепил кабель, гордясь самим собой. Теперь они могут наблюдать за своим бункером. Больше им не надо сидеть и слепо ждать.

Прежде, чем он успел похвастаться своим триумфом перед Длинных Джозефом, что-то привлекло его внимание. Один из мониторов показывал прямоугольник из деревьев и кустов, обрамленный чернотой. Он долго глядел на него ничего не понимая, прежде чем сообразил, что видит.

Это были массивные ворота базы, снимаемые камерой, находившейся внутри. Открытые ворота.

Откуда-то сверху донеслось три громких щелчка. Длинный Джозеф с руганью вскочил на ноги, от испуга уронив пластиковую бутылку с вином на пол. По коже Джереми побежали мурашки.

— Дель Рей! — крикнул он. — Дель Рей, это ты?

Джозеф немедленно замолчал, и они оба прислушались. Ничего, кроме эха голоса Джереми.

— Это он стрелял? — хрипло и нервно спросил Джозеф. — Или кто-то стрелял в него?

Джереми чувствовал себя так, как будто выкрикнул весь воздух из груди: он смог только покачать головой. Какое-то мгновение он стоял, испуганный и растерянный, пытаясь решить, не должны ли они выключить свет и спрятаться. Потом повернулся к консоли и попытался разобраться в почти монохромных изображениях, на которых виднелись какие-то движущиеся тени, но ничего не смог понять.

«Какая показывает этаж, на который пошел Дель Рей?»

Наконец он узнал помещение с лифтом — самого лифта видно не было, только темная тень вдоль стены, но рядом с ним висела старая вывеска, суровое предупреждение о том, что нельзя перегружать лифт, которое он видел много раз и иногда тихонько ругался.

Он только успел подумать, в первый раз за все те недели, что он привел в подземной базе: «Как смешно, что на базе с таким количеством оборудования нет грузового лифта»,— как увидел туманные очертания пары ног, протянувшихся по полу и исчезавших за экраном. Было слишком темно, чтобы быть полностью уверенным, но с неоспоримым ужасом Джереми понял, чьи ноги лежат рядом с темной дверью лифта.

* * *

Дорогой мистер Рэмси.

В первый раз, когда вы вошли в мой дом, я решила, что вы очень приятный человек. Я знаю, что вы ни о чем не догадались, потому что я казалась очень подозрительной и недоверчивой. Но просто выслушайте меня и не разрешайте вашему лицу показать, что вы на самом деле думаете, потому что, я уверена, вы должны были посчитать меня сумасшедшей старухой.

Когда вы прочитаете то, что я обязана рассказать вам, вы уверитесь, что не ошиблись. Для меня это не имеет значения. Я начала себя чувствовать несчастной еще тогда, когда начала стареть, потому что мужчины больше не глядели на меня так, как раньше, когда я была юной девушкой. Я никогда не была красавицей, но когда-то была молодой, и мужчины глядели на меня во все глаза. Мне не очень понравилось, что это закончилось, но, я решила, что теперь они будут относиться ко мне более серьезно.

Потом, когда со мной случилось все это — головные боли, неприятности и мои идеи о синдроме Тандагора — люди стали смотреть на меня так, как будто я вообще безмозглая дура. Но вы разговаривали со мной с настоящим уважением. Вы действительно очень приятный человек, я не ошиблась в вас.

Сейчас я делаю кое-что такое, что трудно объяснить, и если я ошибаюсь, то окажусь в тюрьме. Если же я права, то меня, скорее всего, убьют. Держу пари, вы думаете, что понадобится много времени, чтобы доказать это.

Но это письмо должно сказать вам по меньшей мере одно: если я и сошла с ума, то сама этого не чувствую, и я делаю свое дело, хотя это, кажется, не имеет смысла. Но если бы вы, как я, слышали голоса в своей голове, или думали, что слышите, то сделали бы то же самое, что и я. Я знаю, что вы точно сделали бы это, потому что могу сказать, к какому типу мужчин вы принадлежите.

О, я кое-что вспомнила, то, что хотела рассказать вам прежде всего. Сейчас я чувствую себя очень легко, как будто сбросила с себя тяжелое пальто и иду по свежему снегу. Позже я могу замерзнуть, но сейчас я счастлива, потому что с моих плеч упал тяжелый груз. Груз притворства. Я больше не буду притворяться и расскажу вам правду. И еще кое-что, что никогда бы не сказала в глаза. Вы должны жениться. Вы хороший человек, который работает слишком много и всегда находится в офисе, а не дома. Я знаю, вы скажите, что сумасшедшая польско-русская женщина несет чушь, но вам надо найти кого-нибудь, кто разделит с вами свою жизнь. Я даже не знаю, кого вы любите, мужчин или женщин, и, знаете что? Мне это не важно. Найдите кого-нибудь, кто будет жить с вами, того, к кому вам захочется идти после работы. Заведите детей, если сможете. Иногда дети придают жизни смысл.

Теперь я расскажу вам остальное, о голосах, об Оболосе и о Феликсе Жонглере. Тогда, даже если вы все еще считаете меня сумасшедшей, вы поймете, почему я делаю то, что делаю. Я расскажу вам все это как человек, который знает, о чем говорит.

Знаете ли вы, что, если бы мой сын был жив, ему было бы примерно столько лет, сколько вам? Я слишком много думаю о таких совпадениях.

Когда я закончу объяснения, я попрошу вас сделать только одно. Вроде бы есть то, что называется доверенность. Вы адвокат и должны знать о ней. Если я исчезну, не будете ли так любезны продать мои вещи? По большей части это всякие мелочи, не стоящие хлопот, но у меня есть пакет акций Оболоса и дом. У меня не осталось живых родственников, а эти акции кажутся мне

нечистыми — «трефными», как сказала бы моя мама. Не можете ли вы продать их и отдать деньги детской больнице Торонто?

Я сижу за столом, смотрю в экран и мне очень трудно начать объяснять. Голоса не говорили со мной тогда, когда вы и я впервые встретились. Если они существуют только в моей голове, если они только то, что заставляет раскалываться от боли мою голову, то я сделала из себя полную дуру. Но знаете что? Мне все равно. Есть страдающие дети, как те, которые лежат в ужасной коме, так и, может быть, другие — чьи голоса говорят со мной. И ради этих детей я обязана рискнуть. Если я ошибаюсь, невелика беда — еще одну старуху посадят под замок. Если я права, никто не поверит мне, даже вы, но по меньшей мере я попытаюсь что-то сделать.

Голоса и, сейчас, черная башня. Она вроде замка из маминых сказок. Я очень боюсь ее. Но я пойду туда, войду внутрь и попытаюсь узнать правду…

— …и конец: «Искренне ваша, Ольга Пирофски» — закончил Рэмси.

Кейлин Соренсен прервала затянувшееся молчание.

— Бедная женщина.

— Действительно бедная женщина. — Селларс сидел, наклонившись вперед, с полузакрытыми глазами. Он прикатил свое инвалидное кресло в самый затененный уголок комнаты, но даже слабый свет, просачивавшийся через шторы, причинял ему боль. — И очень храбрая. Она собирается в логово льва.

— Вы же не думаете, что ее на самом деле убьют? — Рэмси тряхнул головой; письмо Ольги глубоко взволновало его. — Это будет не слишком умно, с их стороны. Даже если люди Джи Корпорэйшн поймают ее на незаконном проникновении и нарушении прав собственности, скорее всего ее просто выставят наружу. Или, может быть, арестуют.

Селларс печально покачал головой.

— Нет, так было бы только в том случае, если бы Жонглеру и его сообщникам не надо было ничего скрывать. Кстати, будет ли ваша клиентка молчать, когда ее схватят? Или она, наоборот, будет громко кричать, чтобы привлечь к себе внимание? — Селларс вздохнул. — И вот еще вопрос. Что она может сказать о вас?

— Что? — Рэмси оказался не готов к такому повороту дела. — Не понял.

— Если все дело в этой заварухе, — внезапно вмешался майор Соренсен, — тогда Селларс прав — они обязательно допросят ее. И вытрясут из нее информацию, любым способом. Ты

не хочешь слишком много думать об этом, но поверь мне — да ты сам видел, как действуют ребята генерала Якубиана. Что она знает о тебе, Рэмси и о… всем этом?

Катур Рэмси внезапно заметил, что его сердце пустилось вскачь. Он шагнул назад и упал на один из сверкающих металлических стульев. Дешевые сервомоторы попытались подстроить стул под него, но сдались на полпути.

— Иисус Христос.

— Но я совершенно не врубился, — продолжал Соренсен, — во всю эту мутотень о «голосах». Селларс, это что-то вроде того, о чем вы говорили моей дочке и мне? Быть может кто-то подшутил над ней? Или она просто… ну, вы знаете… чокнутая?

— Не знаю, — сказал старик. Он выглядел таким же взволнованным, как и Рэмси. — Но я подозреваю, что за этим стоит что-то более странное и более запутанное.

— Боже мой, мы должны остановить ее. — Рэмси толкнул себя на край стула, вызвав негодующий вой внутреннего механизма. — Мы не можем разрешить ей идти туда, рискует ли она мной или нет. При встрече я не рассказал ей и половину того, что обнаружил. В любом случае я ничего не знаю об этих голосах, но она каким-то образом ввязалась в это дело — и совершенно независимо от вас, Селларс — и все еще думает, что могла все себе нафантазировать. — Он откинулся назад. — Боже мой, бедная женщина.

— Ты ответил ей? — спросил майор Соренсен.

— Конечно! Я тут же послал сообщение позвонить мне — и не делать ничего, не посоветовавшись со мной. — Он поймал взгляд военного и почувствовал, как его желудок завязался узлом. И ему потребовалось пару секунд, чтобы понять почему. — Черт. Я дал ей номер телефона мотеля.

К счастью Соренсен не стал укоризненно качать головой, но мгновенно вскочил на ноги.

— Хорошо. Во-первых, мы немедленно уезжаем. Кейлин, почему бы тебе не поднять детей, пока я перенесу вещи в машину. Селларс, нам придется вернуть этот стул и мы не в состоянии снять другой. Боюсь, что на время езды вам придется вернуться под пол фургона. Быть может военные еще не ищут нас, особенно если нами интересовался только Якубиан, но вас слишком легко заметить и запомнить.

— Майк, куда мы едем? — Кейлин Соренсен, истинная офицерская жена, уже паковала вещи. — Нельзя ли нам просто отправиться домой? Там мы найдем, где спрятать мистера Селларса, верно? А может быть он останется на какое-то время с мистером Рэмси? Кристабель должна идти в школу!

Даже Катур Рэмси заметил страдальческое выражение, промелькнувшее в глазах майора.

— Не думаю, что мы можем вернуться домой, даже ненадолго, дорогая. И сейчас я вообще не знаю, куда мы едем — но подальше отсюда.

— Мне нужно позвонить Ольге прежде, чем мы уедем, — сказал Рэмси. — Я должен попытаться отговорить ее идти в это место.

— Наоборот, — резко сказал Селларс. Он сидел очень тихо, с почти закрытыми глазами, вроде ящерицы, греющейся на солнце. Сейчас он поднял голову, взгляд его странных желтых глаз уперся в Рэмси. — Наоборот, мы не должны ни в коем случае останавливать ее. И я знаю, куда мы должны ехать — во всяком случае некоторые из нас.

— О чем вы говорите? — требовательно спросил Соренсен.

— В последние несколько дней с людьми из Братством Грааля произошло множество странных событий. Я тщательно наблюдаю за ними, пытаясь понять смысл событий, происходящих в сети, и наткнулся на свидетельства растерянности в принадлежащих членам Братства различных холдингах и частных областях. Включая маленькое королевство Жонглера. Все это позволяет предположить: что-то происходит во всех них, быть может из-за растерянности на самом верху.

— И? — нетерпеливо спросил Рэмси.

— И вместо того, чтобы отговаривать миссис Пирофски от Джи Корпорэйшн, я думаю, мы должны помочь ей *проникнуть* в нее, мистер Рэмси. Я был вынужден использовать невинные души, которые помогали мне в этом мрачном деле — Соренсены могут подтвердить мои слова. Ольга Пирофски твердо решила рискнуть. Посмотрим, чем мы можем помочь ей и защитить ее, если потребуется.

— Это… это сумасшествие. — Рэмси так быстро вскочил на ноги, что едва не сшиб поднос с кофе. — Она не заслужила этого — она сама не понимает, во что собирается ввязаться!

Что-то сверкнуло в странных глазах соломенного цвета, на мгновение Селларс опять стал воздушным хищником, каким был когда-то.

— Никто не заслужил этого, мистер Рэмси. Но кое-кто другой сдал карты — и мы должны играть тем, что у нас на руках. — Он повернулся к Соренсенам, которые остановились и глядели, майор с недовольным профессиональным интересом, его жена с растущим недовольством. — Я не могу командовать вами обоими, но я знаю, куда должен пойти, и, независимо от того, что думает мистер Рэмси, он тоже должен идти со мной.

— И это…?

— Майк, даже не говори с ним, — сказала Кейлин Соренсен. — Я не хочу слышать об этом. Это сумасшествие…!

— Новый Орлеан, конечно, — сказал Селларс. — Самое логово Зверя. Мы в отчаянном положении, и, ретроспективно, мне кажется очевидным, что приближается конец игры. Я должен был подумать об этом пораньше.

* * *

Они опять куда-то ехали. Кристабель не знала точно почему, но это происходило не в первый раз и причина никогда не имела большого значения. Интересно, когда она будет большой, другие взрослые будут объяснять ей что-нибудь, или, если ты взрослый, ты и так все знаешь.

Очень грустно, что пришлось уехать из нового мотеля как раз тогда, когда он нашла автомат с конфетами. Но еще грустнее было то, что мистеру Селларсу опять пришлось отправиться в самый зад фургона, в то место, где папочка обычно хранил запасную шину. Ужасное место, такое узкое.

Старик сидел в двери фургона, ожидая когда папа закончит свои дела и поможет ему, и тут его нашла Кристабель.

— Ничего страшного, малышка Кристабель, — сказал он, когда она поделилась с ним своими опасениями. — Мне все равно, честное слово. В любом случае все эти дни я почти не пользовался своим телом. Пока мой ум свободен — что говорит Гамлет? «Я мог бы проживать в ореховой скорлупе и считать себя властителем безграничных просторов…» Что-то вроде этого. — Какое-то мгновение об выглядел печальным. «Если он хотел, чтобы она почувствовала себя лучше, — подумала Кристабель, он выбрал плохой способ.»

— Мамочка сказала, что у тебя внутри провода, — наконец сказала она. — Это правда?

Селларс тихо хихикнул.

— Да, полагаю что так, мой юный друг.

— Это больно?

— Нет. У меня болят вот эти шрамы от ожогов и… и другие старые раны. А большая часть проводов уже даже и не провода. Мне помогли, и я очень много поменял внутри себя. Есть множество производителей всяких устройств, только и ждущих интересного заказа, и еще больше безработных наноинженеров, жаждущих заработать.

Кристабель не была уверена, что поняла его. Слово

«наноинженеры» заставило ее вспомнить наноплатье Офелии Вейнер.

Инженеры, наверно, все равно, что машинисты, но идея о множестве машинистов поезда, одетых в платье, которому можно придать любые форму и цвет, объясняла не слишком много, так что она дала ей ускользнуть подальше, еще одна вещь, которую дети должны обходить стороной.

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя были провода, но больше нет?

— Провода сейчас устарели, есть много других способов передавать информацию. Но я тебя запутал, верно? Ты помнишь, как приносила мне суп?

Она кивнула, радуясь, что вернулась на знакомую почву.

— Так вот, иногда я ем самые смешные штуки, потому что мое тело делает что-то новое для меня или исправляет то, что работает не слишком хорошо. Иногда я ем маленькие кусочки полимеров — ты называешь их пластиком. Или металл. Иногда таблетки, и это помогает, но в них есть не все, что мне нужно. Обычно я съедал пару медных пенни в неделю, но теперь все это в прошлом. — Он кивнул ей и улыбнулся. — Это все ерунда, Кристабель. У меня внутри очень смешные штучки, но я все еще я. И неважно, что у меня внутри — важно, что ты мой друг, верно?

Она быстро кивнула. Она вообще не имела в виду что-нибудь плохое, и уж конечно она будет и дальше дружить с ним. Просто мама мимоходом сказала, что у него внутри провода — вот она и испугалась, что их острые концы впиваются в него изнутри, и едва не расплакалась.

— О, подожди минутку, Кристабель, — сказал ей Селларс, а потом приглашающе махнул рукой мистеру Рэмси.

Кристабель видела, что темноволосый мужчина не слишком счастлив, потому что он не улыбнулся ей, и хотя она знала его совсем недолго, она могла точно сказать, что такие мужчины, как он, почти всегда улыбаются детям.

— Я чувствую себя ужасно, — сказал он мистеру Селларсу. — Я был настоящим идиотом. Так трудно воспринимать все это всерьез! Заботиться о том, чтобы тебя не выследили — это как какой-нибудь плохой сетефильм.

— Никто не обвиняет вас, — мягко сказал Селларс. — Но я хочу кое о чем спросуть вас, прежде чем я спущусь в свое sanctum sanctorum[26]. Со времени нашего утреннего разговора, вы получили что-нибудь от Ольги Пирофски?

— Нет, ничего, ни звонка, ни сообщения.

— Можно я кое-что предположу? Если бы вы были ею и

делали кое-что опасное и сомнительное, как бы вы отреагировали на сообщение вашего адвоката: «Не делайте ничего, не посоветовавшись со мной»?

Кристабель видела, что мистер Рэмси пытается придумать ответ, как она сама, когда не слушаешь учительницу, а она внезапно тебя спрашивает.

— Не знаю. Наверно подумал бы, что адвокат собирается отговорить меня делать эту безумную вещь.

— Точно. И если бы вы были ею, вы бы ответили?

Теперь, хотя мистер Селларс говорил своим обычным ухающим голосом, мистер Рэмси стал похожим на нее саму тогда, когда учительница кричала на нее. — Нет. Скорее всего нет, не стал бы. Ведь я уже все для себя решил.

— Я думаю, что это и произошло. На вашем месте я послал бы ей что-то вроде следующего: «Я знаю, что вы собираетесь сделать, и, хотите верьте, хотите нет, считаю, что вы совершенно правы. Я хочу помочь вам безопасно войти внутрь. Пожалуйста, свяжитесь со мной».

— Верно. Верно. — Рэмси отвернулся и быстро зашагал к мотелю.

— Ну, дорогая Кристабель, — сказал мистер Селларс, — я вижу, что твой отец идет сюда и собирается помочь мне сесть в кресло пилота. Знаешь, самые лучшие капитаны всегда едут позади своих войск. Или даже под ними. — Он засмеялся, но Кристабель решила, но он не такой счастливый, как обычно. — Я выберусь наружу раньше, чем ты узнаешь об этом. Приятной поездки и скоро мы опять увидимся.

Мальчишка был уже в машине. Кристабель была так смущена и озабочена, что не обратила на него особого внимания.

— Что с тобой, *mu'chita*? — спросил он.

Она ничего не ответила, пытаясь понять, почему мистер Селларс казался не таким как всегда — под его обычной улыбкой таилось что-то темное, тихое и очень усталое.

— Эй, я говорю с тобой, дурочка!

— Я знаю, — ответила она. — Я думаю. Поговори сам с собой.

Он опять позвал ее, но она предпочла не услышать. Она знала, что если бы мама не была здесь, рассовывая пакеты и коробки по всему фургону, он, скорее всего, стал бы драться и щипаться. Но ей было все равно, даже если бы он начал. Мистер Селларс был очень опечален. Случилось что-то плохое — что-то очень плохое, хуже тех самых худших вещей, которых она боялась до того, как родители раскрыли ее.

— Хорошо, хорошо, просто скажи мне, о чем ты думаешь, ну?

Она взглянула на него, удивленная тоном его голоса. Мальчишка не выглядел злым, насколько она могла видеть.

— Мистер Селларс. Я думаю о мистере Селларсе, — сказала она.

— Он странный *viejo*[27].

— Он испуган.

— Ага. Я тоже.

Какое-то мгновение она не понимала, что услышала. Ей пришлось повернуться и посмотреть на него, чтобы увериться, что это тот самый мальчишка без переднего зуба с лицом взрослого.

— Испуган, *ты*?

Он уставился на нее так, как если бы ждал, что она засмеется над ним.

— Ну, я же не дурак. Я слышал кое-что из того, о чем они говорили. Один военный хотел их убить, всех. Это все связано, сечешь? *Azules*[28], ну полиция и армия, чаще всего не бегают за такими, как твои папа и мама, они охотятся на детей, вроде меня, или больших бандитов. Но если твой па на самом деле спер *viejo* с военной базы, забрав оттуда всю свою семью и даже маленькую *gatita*[29], вроде тебя — ну, ты знаешь, это большие неприятности. — Он выглянул из окна фургона. — Я думаю, что скоро свалю. — Внезапно он повернулся к ней. — Не говори никому, иначе я тебя прирежу. Без дураков.

Несколько дней назад Кристабель заплясала бы от радости при одной мысли о том, что мальчишка убежит. Но теперь ей стало только еще более одиноко и страшно.

Происходит что-то очень, очень плохое, но Кристабель никак не могла понять, что именно.

* * *

Длинный Джозеф, вооружившись огромным пожарным топором, крался по коридору, очевидно решив, что таким образом он подражает военным уловкам своих войнолюбивых предков, зулусов. Джереми Дако не нашел для себя ничего лучше, чем ножка стола, та самая, которой он едва не размозжил головы Джозефу и Дель Рею. Тем не менее трудно было себе вообразить, что ему вообще представится возможность пустить ее в ход.

Джереми вообще не хотел брать с собой Джозефа, но оказалось совершенно невозможно убедить старика остаться рядом с оборудованием и неподвижными Рени и !Ксаббу. Кроме того самому Джереми было бы тяжело тащить на себе Дель Рея,

единственный разумный довод. К чести Джозефа Сулавейо, на этот раз он держал рот на замке.

На пересечении коридоров Джозеф остановился и театральным жестом приложил пальцы левой руки ко рту; другой рукой он указал на правый коридор. Полная глупость — Джереми абсолютно точно знал, где находятся они и где лежит Дель Рей — и тем не менее только теперь Джереми полностью осознал грозящую им опасность.

«Снаружи люди, которые хотят убить нас. Люди с револьверами и еще бог знает чем. Быть может те самые, которые избили доктора Сьюзен до смерти.»

Он знал, что если остановится и подумает об этом еще немного, то ноги откажутся идти дальше, но, тем не менее, в нем бушевало пламя гнева. Джереми коснулся рукой груди Джозефа и, посмотрев на него самым решительным взглядом, который только смог изобразить, скользнул в коридор. Там он встал на четвереньки и пополз вперед, пока не увидел ног Дель Рея, одна в носке, туфля валялась в метре от нее. Джереми почувствовал, как его затошнило.

«Вперед, парень. Нечего делать. Вперед.»

Уверенный, что в любой момент кто-нибудь может выйти из теней — и еще хуже, этот «кто-то» может просто пристрелить его — Джереми пополз к Дель Рею… или, по меньшей мере, к его ногам.

«Боже мой, а что если в меня пустят очередь из пистолета-пулемета?»

Он прополз несколько метров по ковру, настолько старому и потрепанному, что чувствовал животом холодный бетон под собой, и наконец очутился совсем рядом с необутой ногой Дель Рея. На ощупь она была теплой и живой, но это ничего не значило — выстрелы прозвучали несколько минут назад. Испуганный до невозможности, Джереми закрыл глаза и дал своей руке пропутешествовать вдоль ноги Дель Рея, и, с огромным облегчением, почувствовал материю его рубашки, его руку, плечо и загривок. По меньшей мере он из одного куска.

Джереми поднял руку, чтобы подозвать к себе Джозефа, когда кто-то прошипел ему в ухо.

— Куда они подстрелили его? В живот? Между глаз?

Сердце Джереми подпрыгнуло до рта; когда оно вернулось обратно, он повернулся и зло посмотрел на Джозефа:

— Заткнись! Мы заберем его отсюда.

— Тогда скажу тебе кое-что, — прошептал Джозеф. — На его руке большая труба, вон там.

Джереми, почувствовав себя получше — он уже минуту

ползал по открытому пространству, и никто еще не всадил пулю ему в спину — приподнялся и встал на колени рядом с Дель Реем. Он положил руку на грудь молодому человека, вроде колышется, потом нашел пульс под челюстью. Но облегчение сменилось ужасом, когда, отдернув руку, он обнаружил, что она покрыта чем-то темным и липким.

— О, Иисус Христос! У него из головы идет кровь.

— Тогда он покойник, — зло сказал Джозеф. — Никто, получив пулю в голову, не выходит в понедельник на работу.

— Заткнись и помоги перенести его. Мы должны забрать его туда, где я смогу получше ухаживать за ним.

Джозеф оказался прав — длинный кусок тяжелой трубы, толщиной с бутылку вина, лежал на руке Дель Рея. Они сбросили ее, не без усилий, и хотя Джереми вздрогнул, когда она со звоном ударилась о пол, постепенно он начал чувствовать себя легче. Возможно в Дель Рея вообще не стреляли. Возможно эта штука в темноте упала на него и разбила ему голову.

Джереми поглядел наверх и его сердце опять едва не остановилось. С потолка свисало чудовищное переплетение тяжелых железных труб, все под странными углами, как будто чья-то чудовищная рука потянулась к ним и наполовину вырвала из гнезд. Весь этот металл выглядел так, как будто мог упасть в любую секунду. Джереми махнул Джозефу и они потащили Дель Рея в коридор.

В последнее мгновение Джереми вспомнил о пистолете. Он заколебался, боясь оставаться на открытом месте еще несколько секунд, да и надо было немедленно обработать раны Дель Рея. Чем им сможет помочь один пистолет и несколько патронов? Джозеф беспокойно вздохнул. Джереми поколебался, и все-таки повернулся и пополз обратно, так тихо, как только мог, под нависшим над ним Дамокловыми сломанными трубами. Куртка Дель Рея лежала в тени, почти не видимая. Джереми подтащил ее к себе и ощупывал карманы до тех пор, пока не наткнулся на тяжелый кусок гладкого металла, потом со всех ног бросился подальше от предательского места.

Пока Джозеф проверял показания приборов В-капсул, Джереми положил Дель Рея на скатерть, содранной со стола в одном из конференц-залов. На голове молодого человека, слева, он нащупал отчетливую припухлость, шишку, а под ней длинную, но неглубокую рану. Пальцы быстро вымокли в крови. Джереми очень обрадовался бы, если бы это была единственная рана, но воротник и плечи рубашки тоже были темными и мокрыми. Он надеялся, что это только потому, что парень лежал в луже крови,

лившейся из раненой головы, но не был уверен.

«Может быть сначала его подстрелили, а потом получил упавшей трубой по голове.»

Удовлетворившись тем, что Дель Рей по меньшей мере дышит, Джереми начал кромсать рубашку карманным ножом. Длинный Джозеф пришел из главного помещения и молча стоял, с непроницаемым выражением лица, но все-таки помог перевернуть безвольное тело Дель Рея, чтобы Джереми мог обследовать спину.

Джереми смочил водой из пластиковой бутылки неровный конец ткани и начал вытирать кровь, благословляя лампы дневного света, висевшие на потолке — одна мысль о том, без такого света он мог бы не заметить опасную рану, заморозила кровь в жилах. С облегчением он убедился, что других ран нет. Из маленького набора первой помощи он вынул бутылку, жидкостью из нее смочил относительно чистый кусок рубашки Дель Рея и начал прочищать рану на голове.

— Что это еще за дрянь? — спросил Джозеф.

— Алкоголь. Но не такой, какой можно пить.

— Знаю, — разочарованно сказал Джозеф.

«Вероятно по опыту», — подумал Джереми, но предпочел сохранить мысль для себя. Края раны были очень неровными, но осторожное прощупывание показало, что рана не глубокая и чистая, внутри ничего нет. Чувствуя себя лучше, чем за весь последний час, он сделал тампон из мокрой рубашки, рукавами перевязал рану и, при помощи Джозефа, перевернул Дель Рея обратно на спину.

И тут молодой человек так жалобно застонал, что на мгновение Джереми застыл в ужасе, как если бы он сделал что-то ужасное. Потом глаза Дель Рея открылись. Взгляд какое-то время бродил по помещению, не в силах сосредоточиться, испуганным ярким флуоресцентным светом.

— Это… это ты? — наконец сказал Дель Рей. Может быть он имел в виду кого-то другого, но Джереми не собирался придираться к пустякам.

— Да, это мы. Мы принесли тебя сюда, теперь ты в безопасности. Кажется, ты ударился головой. Что произошло?

Дель Рей опять простонал, но этот раз скорее от разочарования, чем от боли. — Я… я не уверен. Я только что отошел от лифта, когда что-то на потолке что-то *бум*. — Он прищурился и попытался отвернуться от света, но тампон не давал голове повернуться. Джереми наклонился вперед, чтобы на глаза Дель Роя упала тень. — Я думаю… я думаю, что они там что-то взорвали. Старались проникнуть в нашу часть базы. — Он

мигнул и медленно поднял руку к голове, глаза слегка расширились, когда он нащупал повязку. — Что… насколько это плохо?

— Совсем не плохо, — ответил Джереми. — Я думаю, что на тебя упала труба. Они что-то делали там, наверху. Я слышал громкий треск, три раза — *банг, банг, банг*!

— Они, что собираются нас разбомбить? — сказал Джозеф. — Придурки. Они не возьмут меня так легко. Даже если они сделают дыру, я вылезу в нее и поотрываю им головы.

Глаза Джереми округлились.

— В одном он точно прав, — сказал он Дель Рею. — Не думаю, что они смогут прорваться через бетонный пол или бронированную дверь лифта — прямой дороги нет.

Дель Рей что-то пробормотал, потом попытался сесть. Джереми наклонился вперед, пытаясь остановить его, но более молодой мужчина не остановился. Он побледнел и покачивался, но в остальном выглядел почти как всегда.

— Вопрос в том, — наконец сказал Дель Рей, — сколько времени нам придется сдерживать их. Неделю? Да, мы сможем. Вечно? Это не сработает.

— Да, не сработает, если ты собираешься и дальше гулять под падающими трубами, — заявил Джозеф. — Говорил я тебе, ты должен был дать мне пойти за этой штукой.

Усталый и раздраженный, Джереми решил не спорить.

— Дель Рей, одно удовольствие видеть тебя без рубашки. Джозеф прав — ты действительно очень симпатичный молодой человек.

— Что? — Длинный Джозеф Сулавейо взвился на ноги, брызгая слюной от негодования. — Ты что, с ума сошел? Я ничего такого не говорил! Чего ты несешь?

Джереми громко, во весь голос, рассмеялся. Даже Дель Рей изобразил на лице гримасу, похожую на улыбку, когда более старший мужчина похромал в другое помещение, по-видимому собираясь утопить оскорбление в нескольких стаканах своего драгоценного вина.

— Я должен был сделать это, — сказал Джереми, когда он ушел, хотя и не смог удержаться от легкой улыбки. — Он совсем не такой плохой, но мы должны держаться вместе. Помогать друг другу.

— Ты уже помог мне, — сказал Дель Рей. — Спасибо.

Джереми махнул рукой. — Ерунда. Но я на самом деле испугался. Я подумал, что они пробились внутрь и застрелили тебя. Но они все еще там, снаружи, а мы здесь, в безопасности — пока. А! — Вспомнив, он наклонился и поднял с пола пакет Дель

Рея. — И у нас даже есть пистолет.

Дель Рей вынул из пакета тяжелый пистолет и посмотрел на него так, как будто видел его в первый раз. — Да, — сказал он. — Один пистолет, но только два патрона. — Он вытер крошечную струйку крови, текшую по уху и, поморщившись, поглядел на Джереми. — Когда они пробьются внутрь, этого даже не хватит, чтобы застрелить самих себя.

ГЛАВА 12
Мальчик в колодце

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ МУЗЫКА: Христос не хочет быть «Суперзвездой».

(изображение: Христос со Светловолосой Сучкой на сцене)

ГОЛОС: Слегка беллетризованная история певца Иоганна Себастьяна Христоса, который вернулся на сцену после гибельного увлечения адренохромом и смерти в огне своей группы, станет сетевой драмой — если сумеет миновать критический участок.

(изображение: музыкальный обозреватель Патси Лу Корри)

КОРРИ: «Сейчас на сеть давят рекламодатели из Библейского Пояса[30], которым не нравится герой по имени Христос, носящий собачью маску и поющий голым, не говоря уже о прочих менее приличных привычках. Сетевики предложили перешменовать героя и назвать его „Иоганн Себастьян Суперзвезда“. Теперь уже сам Христос хочет закрыть проект, но не хочет возвращать деньги. Дело пошло в суд.»

(изображение: Христос на пресс-конференции)

ХРИСТОС: «Иск? Вы знаете, что могут сделать Международные Развлечения? Нагнуться и начать считать плитки на полу в душе…»

— Прям как в школе, тут, — с несчастным видом сказал Т-четыре-Б.

Пол очень давно не был в школе, но он знал, что имел в виду их юный товарищ.

Они были заперты в пузыре уже несколько часов, возможно полдня. В другой ситуации путешествие в прыгающем по волнам пузыре было бы восхитительным: течение толкало их через джунгли мира Кунохары, мимо огромных мангровых деревьев, чьи корни погружались глубоко в воду, их переплетения образовывали чудовищные здания из коры, большие, как города. Странные рыбы нюхали их, левиафаны из глубин обследовали маленький пузырь, но, к счастью, ни один из них не решился проглотить его. Птицы, размерами с грузовой самолет и расцвеченные, как взрывающийся фейерверк, созданный самим

господом богом, крыса, размером со склад, водяные жуки, похожие на моторные лодки — они проплывали мимо самых разнообразных чудес. Но они, все четверо, были заперты в сфере, в которой едва хватало места для того, чтобы сидеть, вытянув ноги; они устали, закостенели и чувствовали себя совершенно несчастными.

Еще хуже, незаконченное послание Рени повисло в воздухе, как струйка отравленного газа. Ей угрожала страшная опасность, но друзья ничего не могли сделать для нее.

И вообще делать хоть что-нибудь, только сидеть и говорить, они спорили часами, но Пол думал, что они не приблизились к решению ни одной из загадок, которые стояли перед ними. Он рассказал все, что вспомнил из жизни в башне Жонглера, но хотя все были восхищены и поражены, никто не смог помочь ему найти смысл всех этих событий.

— Ну, что будет? — после долгого молчания сказал Т-четыре-Б. — Только плыть вперед, нас, это же просто *эники-беники-бу, трое залезли в трубу*, навсегда.

Пол печально улыбнулся. Лично он подумал о Винкене, Блинкене и Нуте, и об их деревянном башмаке, но их мысли шли одной дорогой.

— Мы идем в следующую симуляцию, — устало сказала Флоримель. — Скоро мы пройдем через ворота и Мартина попытается отправить нас назад в Трою; тогда, быть может, мы окажемся там, где сейчас Рени и все остальные. Мы уже говорили об этом.

Пол поглядел на Мартину, которая, казалось, не могла манипулировать ничем более сложным, чем ванное полотенце или ложка. Слепая женщина устало сгорбилась, вся ее уверенность в себе куда-то исчезла, или, по меньшей мере, изрядно уменьшилась. Ее губы двигались, как будто она разговаривал сама с собой. Или молилась.

«Надеюсь, она не сдалась, — с внезапным страхом подумал он. — Без Рени, которая толкала нас вперед, она — это все, что у нас есть. Флоримель тоже умная и храбрая женщина, но она не может предвидеть события, как эти две, а сейчас она слишком зла и обескуражена. Т-четыре-Б — ну, он всего лишь подросток, и не слишком терпеливый.»

«А я сам? — Даже мысль о том, чтобы взять на себя ответственность за жизнь этих людей, заставила его поежиться. Да, парень, вляпался ты в дерьмо, по самые уши, и хорошо это знаешь. В последние несколько недель ты испытал то, что никто — никто! — не испытывал в реальном мире, и выжил. За тобой охотились монстры, ты сражался в кровавой Троянской войне.

Тогда почему ты не хочешь стать лидером, если это необходимо?

Потому что мне и так достаточно трудно быть Полом Джонасом, ответил он самому себе. Потому что достаточно трудно сознавать, что не помнишь огромный кусок своей жизни. И еще потому что я чертовски устал, вот почему.»

Почему-то это прозвучало не слишком хорошим извинением.

Мартина зашевелилась и села прямее.

— Я обеспокоена, — сказала она. — Очень многим.

— А кто нет? — проворчала Флоримель.

— Тем, что у Кунохары был информатор среди нас? — спросил Пол.

— Нет. Даже если это правда, мы ничего не можем поделать с этим, и я хочу верить, вы все ничего не знаете об этом. — На мгновение ее невидящий взгляд остановился на Т-четыре-Б, который даже поежился от неудобства. — Я обеспокоена песней, которую напевает этот… эта операционная система, наверно я так должна называть ее. Той самой, которую я научила ее петь.

— Ты можешь называть его Иной, — сказала Флоримель. — Многие другие называют его так, и это легче выговорить.

Мартина беспокойно махнула рукой.

— Не имеет значения. Я обеспокоена тем фактом, что в этой песне, быть может, есть ответы на некоторые наши вопросы, но я почти не помню событий того времени.

Пол пожал плечами.

— Мы вообще не знаем ничего кроме того, что ты рассказала нам.

— Я рассказала все, что хотела рассказать. Тогда… я экспериментировала. Я общалась дистанционно с тем, кого считала другим ребенком — странным испуганным ребенком, вызывавшем жалость. Я играла с ним в разные игры, как, наверно, делали и другие дети в институте. Я учила его рассказывать сказки и петь песни. Я думаю, что научила его и этой песне, которую он поет. — Он внезапно замолчала, уставившись в никуда.

— И теперь ты думаешь, что тот ребенок и есть этот Искусственный Интеллект? — закончил за нее Пол. — То есть по какой-то непонятной причине вы все учили операционную систему быть человеком.

Т-четыре-Б тряхнул головой.

— Ни хрена себе. Эти старые пердуны из Грааля свободно сканировали, у?

— Сказки, — тихо сказала Мартина. — Да, сказки и песни, которые я пела, рассказывая сказки. Ну и что? Боже мой, это было

так давно!

— Я не помню песню, — сказала Флоримель. — Слишком много всего произошло на вершине горы — было не до нее. Слишком страшно.

Мартина взмахнула руками, как будто пыталась удержать равновесие. Остальные молчали. Пол надеялся, что, когда она заговорит, станет немного легче, но вместо этого слепая сказала:

— Мы почти на месте.

— Что? Где?

— В конце симуляции, я чувствую… уменьшение. Все заканчивается. — Она покачала головой. — Я должна замолчать и сосредоточиться. Я хочу, чтобы мы прошли через ворота плавно и медленно, но мы не в состоянии управлять нашим движением, так что я попытаюсь взять управление на себя. Если смогу, переброшу нас в Трою. Если нет, тогда невозможно предсказать, где мы очутимся.

На мгновение все замолчали, пузырь поднимался и опускался на волнах.

— На той стороне… мы будем в лодке? — хрипло спросила Флоримель.

Мартина, почти не слушая, раздраженно покачала головой, сосредоточившись на чем-то, что никто из них не мог ощущать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Флоримель Пол.

— Это не обычная лодка, — ответила она. — Мы уже были в этой симуляции и уходили из нее. Рени и !Ксаббу использовали один из самолетов энтомологов, который перенес нас далеко за ворота. Но это? — Она раскинула руки. — Это пузырь, кое-что такое, чего не было, пока Кунохара не создал его. Будет ли он существовать на той стороне? Или просто… исчезнет?

— Господи Иисусе. — Пол потянулся и схватил руку Мартины. — Хватайтесь друг за друга. По меньшей мере в воду мы свалимся вместе. — Слепая женщина никак не отреагировала. Флоримель схватила ее за другую руку и они оба схватились за Т-четыре-Б, бледного и молчаливого, как и Мартина. Течение стало быстрее, пузырь понесся через белую пену. — Мне кажется, впереди еще один водопад. — Пол старался говорить как можно более спокойным голосом.

— Крышу сносит, как, — проворчал Т-четыре-Б, пытаясь выглядеть таким же спокойным, как Пол. — Искрит.

— Держитесь покрепче. — Флоримель закрыла глаза. — Если мы упадем в воду, перед падением глубоко вздохните. Не пытайтесь сопротивляться и плыть, пока не поймете, где верх и низ.

— Если мы сможем плыть, — едва слышно прошептал Пол.

Мартина рядом с ним полностью окостенела, сосредоточившись на каком-то непостижимом сигнале.

Течение стало еще быстрее. Пузырь перепрыгивал с гребня одной быстро движущейся волны на другую, едва касаясь поверхности воды. Его крутило во все стороны, на мгновение Флоримель и Т-четыре-Б оказались над головой Пола, потом свалились на него, все четверо превратились в шевелящуюся груду, из которой торчали колени и локти. Каким-то образом они ухитрились не разжать руки; мгновением позже пузырь выпрямился, оставив их лежать на спине, молчать и тяжело дышать.

Вокруг них появились сияющие каскады голубых искр. Пузырь прыгнул в воздух, упал, заскользил, закрутился.

«Где же следующий? — лихорадочно подумал Пол, когда его ноги опять взлетели над головой. — Боже мой, где же следующий?»

Туман из голубых искр полностью окружил их. Мартина заворчала от боли и упала прямо на колени Полу в то самое мгновение, когда пузырь испарился и они плюхнулись в темную воду.

— Мы все еще живы, — сказал Пол. — Он сказал это вслух и очень громко, частично потому, что сам не очень верил в это. Пузырь исчез, и Пол уже успел пожалеть об этом. Его заменила маленькая грубая лодка, которую, похоже, надо было толкать шестом, хотя на борту не было ни шеста, ни весел. Шторм, который приветствовал их в воротах, утих, но они успели вымокнуть насквозь, да и воздух был довольно холодный. Мокрая одежда пола уже начала покрываться льдом.

Вода вокруг них стала черной. Земля, насколько можно было видеть через туман, наоборот была белой. Их окружал снег, белый снег.

— Как Мартина? — спросила Флоримель.

Пол подтянул ее поближе к себе.

— Продрогла, дрожит, но, надеюсь, придет в себя. Мартина, ты слышишь меня?

Т-четыре-Б, прищурившись, изучал полярный ландшафт.

— Не похоже на Трою, мне.

Мартина слабо простонала и тряхнула головой.

— Да, не Троя. Я не смогла найти симуляцию Трои в информационном хаосе ворот. — Она покрепче обняла себя руками, но по-прежнему дрожала. — Мне надо было действовать так быстро! Многие из ворот оказались закрыты — информационные системы ворот похожи на здания, и

большинство из них не светились.

— Так *где* мы? — спросила Флоримель. — И, если уж мы не попали в Трою, что мы собираемся делать?

— Замерзнуть, если не разожжем огонь, — сказал Пол, сжав зубы; он тоже дрожал. — Обо всем остальном позаботимся позже, если выживем. Надо высаживаться на берег. — Хотел бы он сам быть уверен в своих словах. Симмир вдоль берегов реки напомнил ему Ледниковый Период, хотя он очень надеялся, что ошибается; невозможно забыть гигантских гиен, которые охотились за ним на ледяной реке, очень похожей на эту. Он не хотел бы опять повстречаться с любой первобытной мегафауной.

— Здесь негде разжечь костер, и не из чего. — Флоримель указала на ледяные холмы, простиравшиеся от берегов реки вплоть до далеких, окутанных туманами гор. — Ты видишь деревья? Или что-нибудь деревянное?

— Впереди более высокие холмы, — сказал Пол. — Там, где река поворачивает — кто знает, что находится за ними или даже под ними? Может быть это какой-нибудь футуристический симмир, и здесь есть поземные дома с атомными печками или чем-то похожим. Мы не можем сдаться. Иначе замерзнем.

— Не обязательно, — резко сказала Флоримель. — Мы не Рени и !Ксаббу, чьи настоящие тела плавают в жидкости. Наши тела лежат на кроватях при комнатной температуре. Как мы можем замерзнуть? Холод может обмануть наши нервы, но это совсем не то же самое, когда ты чувствуешь холод по-настоящему. — Несмотря на свои слова она тоже задрожала от холода. — Психосоматически нас можно убедить отдать больше тепла, как будто мы замерзаем, но ведь мы не можем заморозить самих себя?

— Согласно твоей логике, — сказала Мартина, стуча зубами, — гигантский скорпион не может перекусить нас пополам — это только осязательная иллюзия. Но никто из нас не захотел проверить это предположение, верно?

Флоримель открыла было рот, и тут же закрыла его.

— Нам нужно найти то, что можно использовать как весла, — сказал Пол. — Иначе нам потребуются дни для того, чтобы куда-то приплыть.

— Мы должны как можно теснее прижаться друг к другу, — сказала Мартина. Независимо ни от какой соматики я чувствую, как тепло быстро уходит из наших виртуальных тел.

Все сгрудились в центре лодки. Даже Т-четыре-Б, не самый общительный из их числа, не жаловался. Лодка плыла, очень медленно, по черной реке, гладкой как стекло.

— Давайте поговорим, — вскоре сказал Пол. — Хоть немного

отвлечемся. Мартина, ты говорила, что помнишь сказку, рассказывая которую пела песню, ту самую, которую… поет Иной.

— Это-то и п-проблема. — Она никак не могла перестать дрожать и едва могла говорить. — Я н-не п-п-помню. Так давно! Очень старая сказка. О мальчике, м-маленьком м-мальчике, который упал в дыру.

— Спой песню. — Беспокоясь за нее, Пол начал растирать руки и спину, пытаясь немного согреть ее. — Может быть это нам что-нибудь скажет.

Мартина тряхнула головой, потом тихим дрожащим голосом запела: — *Ангел коснулся меня, ангел коснулся меня…* — Она нахмурилась, вспоминая. — *Рекой* — нет — *Река омыла, и я очистился.*

Теперь Пол явственно вспомнил песню, жуткие звуки, внезапно зазвучавшие на вершине черной горы.

— Ты думаешь, это что-нибудь значит?..

— Я знаю эту сказку, — внезапно сказала Флоримель. — Одна из любимых сказок Эйрин. Из собрания Гурнеманца.

— Ты знаешь ее из собрания немецких сказок? — удивленно спросила Мартина. — Но это народная французская сказка.

— Что это? — спросил Т-четыре-Б.

— С-сказка, — ответила Мартина, пораженная до глубины души. — Ты не знаешь, что такое с-сказка? Боже мой, что они сделали с нашими детьми?

— Нет, — недовольно сказал Т-четыре-Б. — Что это?

Он указал на вершину снежной горы, находившуюся где-то в километре впереди, вздымавшуюся ввысь из снежных холмов, которые Пол видел раньше.

— Гора снега, — несколько резко сказал Пол, потому что хотел услышать о сказке, которую вспомнила Флоримель. Но мгновением позже он вздрогнул от удивления, потому что понял, что видит не снег и не лед. — Великий боже, ты прав, это башня. Башня!

— Ну, а ты думаешь ослеп, я? — проворчал Т-четыре-Б. Потом нахмурился и повернулся к Мартине. — Не хотел никого обидеть.

— Поняла. — Мартина нахмурилась и прислушалась. — Не чувствую н-никаких признаков жизни. Не чувствую н-ничего, кроме льда и снега. Что вы видите?

— Вершина башни. — Пол сощурился. — Очень… очень узкая. Похоже на минарет. Украшенная. Но не вижу ничего под ней. Черт побери, это течение такое медленное!

— Да, минарет, — подтвердила Флоримель.

— Может быть это Марс, где я уже был, — возбужденно сказал Пол. — Такой очень странный мир, приключения в духе поздно викторианской эпохи. Там был множество мавританских зданий. — Его взгляд скользнул по бесчисленным милям смертельной белой пустыни, простершейся по обеим берегам реки. — Что здесь произошло?

— Дред, — тихо сказала Мартина. — Держу пари, в этом месте побывал человек, называющий себя Дред.

Теперь уже все напряженно пытались что-нибудь рассмотреть, за исключением Мартины, которая дала своему дрожащему подбородку опуститься на грудь. Когда они подплыли ближе к огромному снежному холму и торчащему из него шпилю, Пол увидел что-то на берегу перед ними, намного меньший предмет, покрытый снежными заносами.

— А это еще что за чертовщина?

Т-четыре-Б, который наклонился так далеко вперед, что маленькая лодка наклонилась на бок, сказал: — Это штука из *Тат-Тат и Сфинкс*, вроде — ну, знаете, такое сетевое шоу для микро? Такое животное, с горбами, они на нем ездят.

Пол, чьи познания в поп культуре быстро уменьшались с того времени, как он закончил школу, только покачал головой.

— Сфинкс?

— Он имеет в виду верблюда, — сказала Флоримель. Если бы она не сжала зубы, чтобы не стучать ими, она бы улыбнулась. — Это верблюд, замерзший. На твоем Марсе были верблюды?

— Нет. — Теперь, когда они подплыли ближе, Пол увидел, что парень прав. Мертвый верблюд стоял на коленях на берегу реки, зубы обнажены в чудовищной улыбке, кожа натянута так сильно, что, казалось, голова и шея мумифицировались; и все-таки это безусловно был верблюд. — Наверно мы в Египте Орландо. Или еще в чем-то похожем.

Мартина зашевелилась.

— Т-того человека звали Нанди. Если мы действительно в Египте, в-в-возможно мы найдем его. Орландо и Фредерикс говорили, что он из Круга, эксперт по воротам. Он может помочь нам найти Рени и остальных.

— Если он здесь, и не стал эскимо, — предположил Т-четыре-Б.

— Древний Египет с минаретом? — кисло спросила Флоримель. — В любом случае я передумала, и мы вполне можем замерзнуть от холода. Так что давайте направимся к этой башне, Египет это или не Египет, иначе мы все скоро будем… эскимо.

— Придется грести собственными руками, — сказал

Пол. — Мы должны попасть туда как можно быстрее, иначе отморозим себе все, что возможно.

— Время от времени надо вынимать руки, чтобы согреть их, — сказала Мартина. — Двое гребут, двое греются. Начали.

В первое мгновение, погрузив руки в черную воду, Пол почувствовал только пронзительных холод, как будто руки промыли спиртом перед уколом. Потом кожа загорелась, как огонь.

Был только снег и совсем не было льда, пока они пробирались к открытой арочной двери здания, темневшего под завернутой в белое башней — невероятное счастье, и Пол горячо поблагодарил судьбу. Через несколько мгновений они очутились в богато украшенной прихожей, потолок который украшал великолепный повторяющийся узор из голубых, золотых и черных геометрических фигур. Они не остановились, но продолжали идти, прижимая замерзшие руки к животу.

Еще три двери, еще три богато украшенных помещения, и они очутились в комнате поменьше, на стенах которой висели полки с рядами переплетенных к кожу книг, где с радостью обнаружили выложенный плиткой камин и поленницу с дровами.

— Мокрые, — сказал Пол, непослушными окостеневшими пальцами укладывая поленья в очаг. — Нужно что-нибудь на растопку. Не говоря уже о спичках.

— Растопка? — Флоримель взяла с полки книгу и вырвала из нее несколько страниц. Полу показалось, что она делает что-то кощунственное, но он мгновенно сообразил, что вполне сможет жить с таким чувством. Взглянув на одну страницу, он обнаружил, что она написана по-английски, но таким затейливым шрифтом, что буквы походили на арабские. Измяв страницы и рассредоточив их вдоль полена, он увидел красивую лакированную коробочку, стоящую в алькове над камином. Он открыл ее и поднял вверх то, что нашел. — Я думаю, что это называется кремень и сталь, и слава богу за них обоих. Как бы я хотел, чтобы здесь был !Ксаббу !Кто-нибудь умеет ими пользоваться?

— Пока мне не исполнилось десять лет, в нашем Убежище Гармонии даже не было электричества, — сказала Флоримель. — Дай их мне.

Прошло около четверти часа, звук клацающих зубов постепенно затих, и только тогда Пол сумел оторвать руки от чудесного тепла камина. После небольшого исследования он обнаружил целую кладовую, полную мягких ковриков, в которые

он и остальные завернулись от головы до ног. Согревшийся и чувствующий себя почти человеком, он подобрал одну из выброшенных книг и открыл ее.

— Совершенно точно, это должен был быть арабский мир — книга посвящена Его Величеству Калифу, Гаруну аль-Рашиду, Хммм. Кажется это сказака о Синдбаде Мореходе. — Пол посмотрел на полки. — Я думаю, что это все тома Тысячи и Одной Ночи, целая библиотека.

— Не собираюсь проводить тысячу ночей в эскимосской дыре, я, — проворчал Т-четыре-Б. — Забудь. Забудь навсегда.

— Это просто имя книги, — сказал ему Пол. — Знаменитое древнее собрание сказок. — Он повернулся к Мартине и Флоримель. — Что напоминает мне…

— Я уже говорила, что не помню эту сказку, — начала Мартина.

— А я, что помню. — Флоримель слегка отодвинула ее от огня. Завернутая жесткий ковер, с самодельной повязкой через глаз и большую часть головы, она выглядела как какая-нибудь средневековая лесная ведьма.

«А это смешно, — подумал Пол, — потому что у нас уже есть одна ведьма — Мартина.» Очень любопытная ассоциация, верная, хотя и странная.

— Я расскажу ее так, как помню. — Немка нахмурила свое и так страшное лицо. — Я помню ее только потому, что моя дочь хотела слышать ее — и еще несколько других из собрания Гурнеманца — множество раз, и поэтому не прерывайте меня или я потеряю ритм и забуду какую-нибудь часть. Мартина, я уверена, она будет немного другой, чем та, что знала ты, но ты расскажешь мне об этом потом, договорились?

Пол увидел, как призрак улыбки мелькнул на лице слепой женщины. — Договорились, Флоримель.

— Хорошо. — Она поправила свою мокрую, но уже высыхающую одежду, и открыла рот, но потом опять закрыла и посмотрела на Т-четыре-Б. — И если ты что-то не поймешь, я объясню тебе все потом, когда закончу. Слышишь, Хавьер? Не прерывай меня, или я выброшу тебя в снег.

Пол ожидал вспышки гнева, или, по меньшей мере, подросткового негодования, но мальчик только улыбнулся. — Чизз. Стучи в сенсоры. Слушаю, мне.

— Правильно. Очень хорошо, вот все, что я помню.

Однажды, давным-давно, жил мальчик, которого родители берегли, как зеницу ока. Они очень любили его и очень боялись, что однажды с ним может что-нибудь произойти. Поэтому они

купили ему огромного пса, по имени Неспящий, который стал его верным товарищем.

Но даже если тебя любят родители и Бог, невозможно избежать несчастных случаев. Однажды, когда отец мальчика работал в поле, а мать готовила обед, мальчик пошел гулять и ушел далеко от дома. Неспящий попытался его остановить, но мальчик шлепнул пса и отослал его прочь. Пес побежал к маме мальчика, чтобы позвать ее, но, прежде, чем она пришла, мальчик провалился в заброшенный колодец.

Очень долго мальчик падал, крутился и переворачивался в воздухе, пока, наконец, не ударился о дно колодца очень глубоко под землей, на берегу подземной реки. Его мать, узнав, что случилась, побежала к своему мужу, но ни одна веревка из тех, что были в доме, не могла достичь дна колодца. Они привели всех жителей деревни, но даже когда они связали вместе все свои веревки, они не смогли добраться до дна.

Родители мальчика крикнули ему, что он должен быть храбрым и сильным, и тогда обязательно найдет способ выбраться из этой глубокой дыры. Он услышал их и слегка ободрился, они бросили ему немного еды, завернутой в листья, чтобы смягчить паденье, и он решил использовать ее самым лучшим образом.

Поздно ночью, когда его родители и другие жители деревни пошли спать, мальчик испугался, что он остался один на дне колодца, начал плакать и молиться богу.

Никто не услышал его, кроме Неспящего. Как только храбрый пес услышал плач своего маленького хозяина, он бросился в большой мир, чтобы найти того, кто поможет мальчику в колодце.

Родители мальчика каждый день бросали ему еду, он пил воду из подземной реки, но все равно каждую ночь ему было очень печально и одиноко, и, думая, что никто не слышит его, он горько плакал. Даже его пес, Неспящий, не нашел никого, кто бы мог помочь ему, и никто не слышал его плач за исключением Дьявола, который жил глубоко под землей. Дьявол не мог пересечь текущую воду, и не мог утащить его в Ад, но он стоял в темноте на том берегу реки и мучил мальчика, рассказывая ему заведомую ложь: будто родители забыли его, и вообще все, кто живет на земле, давным-давно сдались и потеряли надежду вытащить его. Мальчик плакал, все громче и громче, пока, наконец, его плач не услышал ангел и не появился перед ним в виде бледной прекрасной женщины.

— Бог защитит тебя, — сказала ангел мальчику и поцеловала его в щеку. — Прыгни в реку и все будет хорошо.

Мальчик сделал так, как она говорила ему, потом вскарабкался на берег, мокрый и дрожащий, и запел песню:

— Ангел коснулся меня, ангел коснулся меня, река омыла, и я очистился.

На вторую ночь Дьявол послал из темных глубин змею, чтобы она напала на мальчика, но Неспящий нашел охотника, храброго человека с ружьем, и привел его к краю колодца. Охотник не мог вытащить мальчика из колодца, но его острые глаза заметили змею, он выстрелил из ружья и убил ее. Мальчик остался цел и невредим. И мальчик опять помолился Богу, прыгнул в реку, выбрался обратно и запел:

— Ангел коснулся меня, ангел коснулся меня, река омыла, и я очистился.

На следующую ночь Дьявол послал призрака, чтобы тот напал на мальчика, но Неспящий нашел священника и привел его к краю колодца. Священник не мог вытащить мальчика из колодца, но он увидел призрак и бросил в него четки, заставив призрака убежать обратно в ад. И мальчик помолился Богу, прыгнул в реку, выбрался обратно и запел:

— Ангел коснулся меня, ангел коснулся меня, река омыла, и я очистился.

На следующую ночь Дьявол послал за мальчиком все силы ада, но Неспящий привел к краю колодца девочку-крестьянку. Казалось, что девочка не могла спасти мальчика от всех сил ада, но на самом деле это была не крестьянка, а сама ангел, которая помогла ему вначале. И сейчас она слетела вниз, на самое дно колодца, держа в руках ярко пылающий меч. Адские силы увидели его, испугались и убежали.

— Бог защитит тебя, — сказала ангел мальчику и поцеловала его в щеку. — Прыгни в реку и все будет хорошо.

Мальчик опять вошел в воду, но когда он захотел выбраться на берег, она подняла руку и покачала головой.

— Бог защитит тебя, — сказала она. — Все будет хорошо.

Только тут мальчик сообразил, что он должен сделать, и, вместо того, чтобы выйти не берег, доверился воде. Река долго несла его через тьму, но поцелуй ангела горел на его щеке, хранил его теплым и невредимым, и когда, наконец, он выплыл на свет, то оказался не больше не меньше, чем в самом Раю, который освещало лицо Бога. И очень скоро пес Неспящий и любимые родители присоединились к нему, и, если я не ошибаюсь, они все еще там.

— Я уверена, что где-то ошиблась в деталях, — сказала Флоримель после нескольких долгих мгновений, когда все молча

сидели и слушали треск и шипение пламени. — Но это очень близко к тому, что много раз я читала моей… моей Эйрин. — Она нахмурилась и потерла уголок своего здорового глаза. Пол, охваченный сочувствием и состраданием, отвел взгляд.

— Ты сказала, объяснишь части, которые не въехал, я? — спросил Т-четыре-Б.

— А что ты не понял?

— Все.

Флоримель едва подавила смех.

— Мне кажется, ты шутишь. Хавьер, ты же не дурак, и это сказка для детей.

Он пожал плечами, но не обиделся. Пол даже спросил себя, не становится ли этот угрюмый подросток мужчиной. Возможно все дело в том, что у него нет защитной брони.

— А ты, Мартина? — спросила Флоримель. — Ты помнишь эту же самую сказку? Мартина?

Слепая покачала головой, как будто проснувшись из полусна.

— О. Извини. Да, очень похожа — но это было так давно. Возможно есть некоторые отличия. В моем варианте собаку звали «Никогда-Не-Спит», и, мне кажется, был не охотник, а рыцарь… — Она опять замолчала, поглощенная каким-то внутренним разговором. — Прошу прощения, — сказала она через мгновение, — но… но когда я услышала песню и сказку, я вспомнила то ужасное время. — Она взмахнула руками, опережая слова утешения. — Но это еще не все. Сказка заставила меня задуматься.

— О песне? — спросил Пол.

— Обо всем. О том, что говорил Кунохара — причина для таких странных действий Иного может быть в тех сказках, которых я научила его. Но я думаю, что это было бы слишком просто. Многие дети в институте должны были рассказывать ему сказки — уверена, что сама рассказывала ему много сказок. Сказки — это то, что врачи часто просили нас рассказывать, возможно для того, чтобы проверить нашу память и психическое здоровье. Если какая-то одна сказка повредила операционную систему и ее растущий интеллект, дело тут не в сказке и не в песне, которых она услышала очень давно.

Пол мигнул. На него накатилась волна усталости. Опасности мира Кунохары, бегство по реке, холод этого мира; только сейчас об почувствовал, насколько истощен.

— Прошу прощения. Я не понял.

— Я думаю, что он принял эту историю близко к сердцу, если вы извините мне не самую подходящую метафору, потому что она больше, чем любая другая, нашла ответный отклик. — Мартина

тоже выглядела очень усталой. — Для Иного это был рассказ о его собственном положении.

— То есть ты хочешь сказать, что он считает себя маленьким мальчиком? — сказала Флоримель, с почти злым оживлением в голосе. — Маленьким мальчиком с собакой? В дыре?

— Возможно, хотя и несколько упрощенно. — Мартина на мгновение наклонила голову. — Пожалуйста, Флоримель, дай мне возможность подумать вслух. У меня нет сил на споры.

Немка на мгновение смешалась, но потом кивнула. — Хорошо, давай.

— Быть может он не думает о себе как о мальчике, о человеческом ребенке, но если это на самом деле это искусственный интеллект, что-то почти человеческое, можно попытаться представить себе, как он *чувствует*. Что сказал Дред, в то мгновение на горе, когда он появился в образе гиганта. «Твоя система все еще сражается со мной, но я теперь знаю, как причинить ей боль.» Метафора… или нет. Возможно, когда система, чья индивидуальность постоянно росла, стала делать совсем не то, что хотело Братство, они должны были пытаться как-то воздействовать на нее, и она воспринимала это как боль.

Пол внезапно вспомнил кошмарную сцену: Иной, скованный цепями, корчащийся от боли. Прометей.

— То есть он считает себя узником.

— Узником в темноте. Да, возможно. — Мартина перевела дыхание. — Его наказывали просто так, беспричинно — мучили, как Дьявол мучает людей, наслаждаясь страданиями других. И он сидел в темноте многие годы — по меньшей мере три десятилетия, может быть больше — надеясь, что однажды его спасут от боли и освободят, и пел ту самую песню, которую маленький мальчик пел на дне глубокого темного колодца. — Внезапно ее лицо исказилось от гнева. — Ужасно даже думать об этом, верно?

— Ты думаешь, он делал все это… против своей воли? — спросила Флоримель. — То, что он сделал моей Эйрин, другим детям, твоему другу Сингху — все это его заставляли делать, как раба? Как солдата на военной службе? — Она выглядела потрясенной. — Очень трудно в это поверить.

— О, Господи Иисусе, ангел. — Пол с трудом вздохнул. — В сказке. Неужели поэтому… поэтому Ава появляется таким образом. Только потому, что Иной считает ее ангелом?

— Возможно. — Мартина пожала плечами. — Или потому, что это единственный способ представить себе женщину-человека, которая не является членом легиона его мучителей. А еще образ реки — теперь, конечно, мы все согласны, что это *очень*

знакомо.

— Но даже если ты права, что это дает нам? — сказала Флоримель, прерывая долгое молчание. — Иной побежден, по меньшей мере та его часть, которая думает. Системой управляет Дред. Взгляните на это место — Багдад Гарун аль-Рашида, все убито снегом. Дред не просто придурочный монстр. Он готов уничтожить все воображаемые миры только для того, чтобы порадовать самого себя.

— Да, и теперь, когда Братство мертво или рассеяно, он — наш настоящий враг. — Мартина оперлась спиной о стену. — Боюсь, что ты права, Флоримель — моя идея мало что значит для нас. Мы не смогли никак воздействовать на Иного; и я даже не представляю себе, что мы можем сделать Дреду.

Пол сел.

— Быть может ты кое-что забыла? У нас есть друзья, хотя и не здесь. Быть может мы ничего не можем поделать с системой, быть может мы не в состоянии коснуться этого убийцы-ставшего-виртуальным-богом, о котором я так много слышал, но мы, черт побери, можем попытаться найти Рени и остальных.

Какое-то мгновение Мартина выглядела так, как будто потеряла свое обычное хладнокровие — Пол увидел красные пятна на щеках ее сима.

— Нет, я не забыла, Пол, — сухо сказала она. — Это мое проклятие — я почти ничего не забываю.

— Не в этом смысле. Но если мы не можем ничего сделать, чтобы остановить Дреда, мы можем по меньшей мере попытаться выйти из сети. Братство Грааля мертвее мертвого, так что против кого мы теперь сражаемся? Вы все может быть и добровольцы, но я, клянусь Христом, нет. — Пол почувствовал, что бессмысленный гнев захватывает его и попытался успокоиться. — Хорошо, но что мы можем сделать? Если симуляция Трои недостижима или уничтожена, как мы доберемся до Рени и остальных?

— Мы даже не знаем, сработает ли один и тот же трюк дважды, — заметила Флоримель. — Мне кажется, Иной хотел, чтобы мы попали туда — сделал специальный тип ворот для нас. Если этот искусственный интеллект попал в рабство, или, по меньшей мере, потерпел поражение, я сомневаюсь, что…

Она остановилась, потому что Мартина подняла ладонь с растопыренными пальцами, как стражник, который слышит крадущиеся шаги за лагерем.

— Я думаю, ты права, — медленно сказала Мартина. — Я думаю, что, как и ангел Пола, Иной пытался нас привести к себе. Он что-то хотел от нас.

— Но же мы не знаем, что именно, — сказал Пол.

— Секунду! — На щеки слепой вернулись пятна гнева. — Боже мой, дай подумать. Так… Иной… хочет нас, по какой-то причине. Помочь освободить его? Как в сказке?

Пол нахмурился, пытаясь понять ход ее мыслей. — Он что… воспринял сказку дословно? Он хочет, чтобы мы освободили его из дыры?

— Из тюрьмы, да, возможно.

— А кто из нас собака? — с явным сарказмом сказала Флоримель. — Я надеюсь, что вряд ли кто-то из нас вызовется добровольцем.

— Собака. Конечно! — Мартина энергично кивнула. — О, неужели это правда? Возможно я права. Дайте мне сказать, как бы глупо это не прозвучало. — Она подняла руки к голове и крепко закрыла глаза. — Рени как-то сказала мне, что все симы, которые я ношу в сети, выглядят очень… обыкновенными. Эти правда? Почти как базовые симы.

— Да, я полагаю, да. — сказала Флоримель. — И?

— Она сказала мне, что только в Трое я стала выглядеть особой личностью. Но только потому, что в Трое я стала самой особой личностью в симуляции — Кассандрой, дочерью короля. А все остальное время я была разными вариациями крестьянки из Темилюна, и почти не отличалась от тебя, Флоримель, или фальшивой Кван Ли.

— Точно. И что это значит?

— Все мы общаемся с системой как чистые информационные потоки, да? Как бы не выглядели наши настоящие тела, в системе мы существуем только как сознания — чувствующая память и соображающая мысль, верно? И система посылает нам информацию обратно через те же самые нейронные пути.

Пол посмотрел на Т-четыре-Б, ожидая, что подростку скучно слушать долгое скучное обсуждение, но мальчик отвернулся и смотрел в огонь. На какое-то мгновение Пол позавидовал его отрешенности.

— Но ведь это и есть базовое определение этого типа ВР, не так ли? — сказал он. — Люди получают ввод из сети на сенсорном уровне, и пропускают информацию, исходящую из реального мира.

— Да. — Мартина выпрямилась. — Но неправильно говорить «этот тип ВР». Мы уже убедились — это совершенно уникальная вещь! Уникальная во многих отношениях: мы не можем выйти обратно в офлайн, мы не можем найти наши нейроканюли, или даже грубые устройства ввода-вывода, которые используют ! Ксаббу и Рени, *хотя мы точно знаем, что они есть*. И когда Фредерикс попытался уйти в офлайн, он… нет, она, я почти

забыла!.. испытала ужасные боли.

— Ты еще ничего не объяснила… — проворчала Флоримель.

— Возможно сеть — или, более точно, операционная система, Иной — может взаимодействовать не только с нашим сознанием, но и с подсознанием, тоже.

— Что? Ты имеешь в виду, читать наши мозги полностью?

— Я не представляю, как это может работать, или какие ограничения для это существуют, но ты только подумай! Если он может достигнуть нашего подсознания, он может внедрить туда предположение, что мы не в состоянии выйти в офлайн. Как гипноз. Это может убедить нас, на уровне ниже сознания, что уйдя из сети мы причиним себе ужасную боль.

— Господи Иисусе. — Пол внезапно начал понимать идею Мартины. — Но это означает… что он хочет, чтобы мы все оставались в сети. А что с вашим другом, Сингхом? Иной убил его.

— Не знаю. Возможно система безопасности, часть Иного, охраняющая вход в сеть, находилась под более прямым управлением Братства Грааля. Но возможно Иной только тогда увидел и узнал нас, когда мы вошли в сеть. — Она заметно возбудилась. — Если проводить аналогию со сказкой о мальчике в колодце, он должен был сперва понять, те ли мы союзники, которых он ищет!

— Да, это имеет смысл, — медленно сказала Флоримель. — Хотя мне надо как следует подумать, прежде чем я буду готова согласиться. Однако ты обещала объяснить, какое отношение к этому имеет собака. Я сказала что-то о собаке, и это вызвало у тебя поток идей о симах, о том, как это работает…?

— Да. Ты знаешь, как выглядит твое лицо?

Флоримель вздрогнула. — Ты говоришь о моих ранах?

— Нет, в повседневной жизни. Ты знаешь, как выглядит твое лицо? Конечно знаешь. У тебя есть зеркало, есть фотографии, старые или новые. Любой обычный человек знает, как он выглядит. Пол, ты видел свои симы? Они похожи на тебя?

— По большей части. За исключением тех случаев, когда я был кем-то особым, как ты выразилась, вроде Одиссея. — Он посмотрел на нее, сбитый с толку, потом сообразил. — Ты же не знаешь, как выглядишь, верно?

Мартина покачала головой.

— Конечно не знаю. Я ослепла, когда была еще маленькой. Я знаю, что больше не выгляжу ребенком, но понятия не имею о том, что годы сделали со мной, разве только по прикосновениям.

Флоримель уставилась на нее.

— И ты говоришь, что Иной читает… твое сознание?

— В том числе. И, может быть, пытается взять от каждого из нас то, кем мы были, как выглядели — или как хотели бы выглядеть. Разве Орландо не говорил, что его сим выглядел как ранняя версия его собственного персонажа? Откуда же он взялся, если не из сознания самого Орландо?

Пол по-прежнему чувствовал себя очень усталым, но не мог проигнорировать новые развертывающиеся перспективы.

— Я очень удивился, когда он рассказал мне об этом. Но меня удивляло столько всего, что до сих пор нет недостатка в вопросах без ответов.

— Еще бы, — сказала Мартина. — Мы каждый день сражаемся за свою жизнь в таких обстоятельствах, в которых не оказывался еще никто за всю историю человечества. И нам потребуется много времени, чтобы, как говорят англичане, уронить пенни[31].

Пол печально улыбнулся.

— И что мы будем делать со своим знанием, даже если это все правда?

— Еще не знаю. — Она повернулась к Флоримель. — Ты спрашивала про собаку. Не один Орландо очень удивился своему симу в Иноземье. Ты помнишь, что сказал нам !Ксаббу?

— Что… что он думал о бабуинах… — начала Флоримель, потом замолчала, с ошарашенным выражением лица. — Он думал о бабуинах, из-за какой-то истории в племени или чего-то такого… но не собирался им быть.

— Точно. Но кто-то… что-то… выбрало для него эту внешность. Вы знаете, как бабуинов называли раньше?

Впечатленный, Пол кивнул.

— Да. Европейские моряки называли их «обезьянами с собачьим лицом», верно?

— Да. Так что представьте себе Иного, запертого в темноте, молящегося и поющего в маленьком уголке свое собственного интеллекта, где он может укрыться от своих жестоких хозяев. Он помнит сказку, быть может самое яркое воспоминание с того времени, когда он был ближе всего к детству. Сказку о мальчике в темноте, напуганном и мучимом Дьяволом. И вот, пока его система защиты разбирается с грубыми физическими актами вторжения, он исследует мысли самой последней группы взломщиков и обнаруживает, что у одного из них в голове находится точно такой же образ, как и у него — возможно даже вид самоидентификации — четвероногое создание с головой как у собаки. Проверяя подсознание, он ощущает настоящую природу этого объекта, и, быть может, даже доброту и верность !Ксаббу.

Возможно он давно уже разработал этот план, но, возможно, !

Ксаббу — или что-нибудь другое в нас — инициировали его мысли. Но с этого мгновения Другой больше не пытается уничтожить нас — или по меньшей мере детская часть его интеллекта, думающая и страдающая. Он пытается найти нас. Он пытается привести нас к себе. И он умоляет нас спасти его.

— Господи Иисусе. — Пол смутно осознавал, что уже несколько раз говорил это, но не мог удержаться. — Господи Иисусе. Так что эта гора…

— Быть может нейтральная территория? — предложила Флоримель.

— Возможно. Возможно, что место рядом с ней — если мы вправе использовать физические понятия по отношению к сети — собственное тайное место Иного, центр «себя». Если бы мы смогли остаться там, если бы Дред не вмешался, он бы поговорил с нами.

Пол застыл.

— Значит Рени права. Она и остальные действительно в центре системы, да?

Мартина тяжело привалилась к стене.

— Не знаю. Но если мы хотим попасть туда, мы должны найти другой путь, потому что Троя для нас закрыта.

— Мы чего-нибудь придумаем, — сказала Флоримель. — Великий боже, я никак не ожидала что буду так думать о твари, которая украла и искалечила мою Эйрин, но если твоя догадка верна, Мартина… о! Это ужасная мысль.

Мартина вздохнула.

— Прежде чем подумать, надо как следует выспаться. Лично я разбита и полностью обессилена.

— Погоди. — Пол протянул руку и коснулся ее. Он чувствовал, как она дрожит от усталости. — Прости, последний вопрос. Ты что-то говорила о Нанди.

— Да, его встречал Орландо.

— Знаю. Я тоже. И я уверен, что ты права. Если кто-нибудь и может помочь нам с воротами, то только он.

— Но мы не знаем, где он, — сказала Флоримель.

— В последний раз Орландо и Фредерикс видели его в Египте.

— Тогда и нам надо туда. По меньшей мере теперь у нас есть цель. — Он нежно сжал предплечье Мартины. — Ты не заметила, было ли это одно из… возможных направлений? Когда искала Трою?

Она печально покачала головой.

— Не было времени. Вот почему я приняла это место, когда поняла, что не могу найти Трою — это переход по

умолчанию. — Он погладила его руку, потом отвернулась, ища пальцами место, где можно лечь и уснуть. — Мы поищем Египет в следующих воротах. — Она зевнула. — И ты прав, Пол — по меньшей мере теперь у нас есть что-то.

Она свернулась клубочком под своим ковром-одеялом, и Флоримель сделала то же самое. Пол повернулся к Т-четыре-Б.

— Хавьер? Ты не слишком много говорил.

Мальчик и сейчас не собирался ничего говорить. Он спал, и, похоже, уже давно.

ГЛАВА 13
Король Джонни

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Наследники утверждают, что Цунь не хотел Государственных Похорон

(изображение: Цунь на церемонии в Азиатской «Зоне Процветания»)

ГОЛОС: Наследники Цунь Бяо, самого влиятельного азиатского магната, говорят, что государственные похороны, запланированные для бизнесмена, совершенно неуместны.

(изображение: племянница Цуня, Тунг, на пресс-конференции)

ЦУНЬ ТУНГ: «Он был очень скромным человеком, олицетворением Конфуцианских ценностей. Он бы не захотел, чтобы вокруг него поднялся такой шум, совсем нет.»

(изображение: Цунь встречается с группой фермеров)

ГОЛОС: Некоторые обозреватели полагают, что теперь семья будет вести намного более скромный образ жизни, чем вел их патриарх, и им совсем не нравится, что государство собирается заставить их оплатить очень дорогостоящую церемонию похорон…

Каллиопа барабанила пальцами по столешнице. Все, она должна окончательно расстаться с кофеином и перейти на безуглеводную диету. Завтра. Или сразу после этого.

Любой звук из другой комнаты казался громче, чем был на самом деле. Так странно слышать, что в ее квартире есть кто-то еще! Мать Каллиопы ненавидела малейший шум в своем маленьком доме, боялась толпы и незнакомых мест. Стэн не был у нее много месяцев, главным образом потому, что они чертовски много виделись на работе: даже дружелюбные партнеры не хотят проводить друг с другом больше времени, чем должны.

Каллиопа уже решила нацедить себе стакан чего-нибудь такого, что уничтожает действие кофе — хотя сейчас она чувствовал себя настолько усталой, что какой-нибудь морфин просто уложит ее на пол — когда дверь ванны отворилась. Элизабет, муза-официантка, стояла, опираясь о дверной проем, и только желтое полотенце прикрывало ее татуированное нагое тело. В руке она держала еще одно полотенце, которым махнула

Каллиопе.

— Я возьму это для волос. Хорошо?

Детектив сержант Скоурос только кивнула. Прикрытое полотенцем видение опять исчезло в наполненной паром ванне. Мой бог, девчонка просто великолепна. Может быть и не топ-модель, но сильная и вся наполненная юностью и жизнью.

«Неужели я тоже когда-то так выглядела? Неужели и я так сверкала, и только потому, что мне было столько лет? Или, наоборот, потому что мне не было столько лет?

Хватит, Каллиопа. Ты еще не так чертовски стара, просто ты чертовски много работаешь. И чертовски много ешь всякой дряни. Ищи жизнь, как всегда говорит Стэн. Ходи на аэробику. У тебя хорошие кости.»

Когда Каллиопа была моложе и чувствовала себя совершенно некрасивой, мама всегда говорила, что у нее хорошие кости — весьма сомнительная ценность. Но тут у нее все вылетело из головы — Элизабет опять появилась из ванны, на этот раз с полотенцем вокруг головы, одетая в черный вышитый топик и пару черных гетр, исчерченных белыми сверкающими полосками.

— Они такие… — она махнула шелковыми трусиками. — Я хочу сказать, это жопорезы, но они намного удобнее этого дерьма из латекса.

— Жопорезы…? — спросила Каллиопа, понимая, что одним этим вопросом подтверждает свой не самый молодой возраст.

Элизабет усмехнулась.

— Ну, с острыми краями, врезаются. Старомодные. Так говорит моя подруга. — Он в последний раз пригладила волосы и торжественно повесила свое полотенце на ручку двери. По-видимому, подумала Каллиопа, для тех, кому едва за двадцать, это означает «навести порядок».

— Как здорово, что ты разрешила мне помыться в твоем душе. До дома так далеко, а движение… — Она наклонилась над своей сумкой, потом выпрямилась. — О, и спасибо тебе за питье, тоже.

— На здоровье. Я только рада. — Каллиопа попыталась найти слова, выражавшие надежду на будущие более тесные отношения, но в голову лезли один глупости. «Мне нравится твое общество и все время мне снятся о тебе странные фантастические сны? Я бы хотела стать мужчиной и иметь от тебя детей? Я выпиваю три галлона кофе в день только потому, чтобы видеть, как ты разносишь салаты по столикам, и совершенно замечательно видеть тебя голой в моей квартире, даже в комнате рядом?»

— Мне действительно надо ехать на эту вечеринку. У моей подруги новоселье и народ приедет сказать ей, как хорошо иметь

свой дом — потрясающее место, со стенами, как замок. И ты можешь устраивать фейерверк, хоть каждую ночь. Они не настоящие, голограммы или что-то в этом духе, но моя подруга говорит, что они замечательные. — Она откинула с глаз мокрые волосы и посмотрела на Каллиопу. — Эй, может быть и тебе там понравится. Хочешь поехать со мной?

Что-то сжало ей сердце, совсем чуть-чуть.

— Я бы хотела. — И еще раз что-то сжало — совесть? — Но я не могу. Не сегодня вечером. У меня важная встреча. — Закрыла ли я дверь, нервно подумала она. — Мой партнер. По работе. О работе.

Элизабет какое-то время просто смотрела на нее, потом опять принялась копаться в сумке. Внезапно она посмотрела вверх, с улыбкой, оживленной и немного стыдливой.

— Эй, неужели ты меня любишь?

Каллиопа осторожно откинулась на спинку стула, только для того, чтобы перестать нервно барабанить пальцами по столешнице.

— Да, Элизабет. Я тебя люблю. Конечно люблю.

— Нет, я имею в виду ты *любишь* меня? — Улыбка все еще немного робкая, но и с вызовом. Каллиопа еще не разобралась, то ли она дразнится, то ли насмехается над ней. — Ты… ты интересуешься мной?

Больше пудрить мозги не получится, как бы не было соблазнительно. Она работала в полиции уже полтора десятка лет, допрашивала насильников, убийц и психопатов, но сейчас ее язык как будто примерз к глотке. Прошло, как ей показалось, полчаса, хотя, возможно, три секунды, и она прочистила горло.

— Да. — Это все, что она сумела сказать.

— Гммм. — Элизабет кивнула и закинула сумку на плечо. Она все еще улыбалась, загадочной улыбкой. — Я должна как следует все обдумать. — Подойдя к двери, она внезапно повернулась, на этот раз ее улыбка была намного шире. — Ну, полетела — увидимся позже!

Долгую минуту после того, как дверь хлопнула, Каллиопа сидела на своем стуле, не двигаясь, как будто, раздавленная, как если бы ее переехала машина. Сердце стучало как сумасшедшее, хотя на самом деле ничего не изменилось.

«И что же, черт побери, я должна делать сейчас?»

— Технически, — сказал Стэн Чан после короткого молчания, — это должен был быть разговор, где ты спрашиваешь меня «как тебе эта великая встреча, Стэн?» Я имею в виду, что мы только что проговорили двадцать минут об официантке, которую

я не помню.

— О, Господи Иисус, Стэн, извини. — Она поглядела на тарелку с пирожками, потом вызывающе взяла еще один. — Я действительно… Я не забыла, просто… У меня так давно не было подруги, столько дел, то одно, то другое. Я и забыла, какой это ужасный наркотик. Если она любит меня, должна ли я волноваться, что означает эта маленькая вещь… О, черт побери, я опять начала. Скажи мне, когда это опять произойдет, пожалуйста. Мне уже тошно слушать саму себя.

— Вот почему ты и я такие хорошие партнеры. Мы одинаково думаем об очень многом.

— Умри, китаеза.

— Я на тебя никогда не обижаюсь, коза, охотящаяся за лимоном.

— Я очень рада, что мы высказались до конца.

Стэн счастливо кивнул, потом помрачнел.

— Боюсь, что мы подходим к главному событию вечера.

— То есть им это не понравилось. — Она потратила время на рассказ о официантке еще и из-за плохого предчувствия о встрече Стэна с боссами их отделения.

— Не только им это не понравилось, они достаточно ясно дали понять, что думают, будто пара заурядных охотников на убийц должна держать свои носы подальше от дел, в которых они ничего не понимают.

— То есть от дела Реального Убийцы.

— Да.

— Ты спросил их о Реальных Жертвоприношениях? О Короле Артуре и Граале?

— Да, и они сообщили мне, что сами думали об этом много лет назад, и в конце концов выбросили на помойку. Проверили всех ученых, занимающихся Артуром, все списки Парсивалей, всех чудиков, интересующихся Вагнером, каждый уголок, о котором можно было подумать. Должен признаться, мне показалось, что они действительно проделали большую работу.

— И в конце сказали «проваливай».

— Это замечательно суммирует их точку зрения, Скоурос. Они уже однажды решили, что Мерапануи не имеет ничего общего с их серийным убийцей. И капитан была там — я говорил об этом? Она считает, что скорее всего этот мелкий негодяй, Банчи, перепутал даты, когда говорил о том, что видел Джонни Дреда на улице уже после даты его предполагаемой смерти, и вообще она поинтересовалась, почему мы так много времени уделили этому случаю, которому в конце концов уже пять лет и который — вот ее собственные слова для нас, Скоурос — «мертв,

как хорошие манеры». — Он пожал плечами.

— Капитан… — Каллиопа наклонилась вперед, мысли о плечах Элизабет, с которых скатываются сверкающие капли воды, быстро исчезли, когда она сообразила, что Стэн пытается сказать ей. — Мой бог. Неужели это означает?..

Стэн кивнул.

— Да, боюсь, так оно и есть. Она сказала, что мы должны затихнуть и позабыть об этом деле. Она спросила, нашли ли мы хоть одно настоящее свидетельство, что Джонни еще жив, и я должен был признаться, что нет.

— Но… черт побери. — Каллиопа неуклюже задвигалась. Да, конечно, они не нашли твердого свидетельства, которое можно было бы предъявить прокурору. Она почувствовала себя так, как если бы кто-то ударил ее дубинкой в живот. Все дело было выстроено на предположениях — что-то вроде параноидальной фантазии, которая связывала воедино тысячи узлов сети. Но она знала, что это не было фантазией чистой воды — здание стояло на *основании*. И Стэн это знал, тоже.

— Неужели ты не спорил?

— Конечно спорил. — На мгновение в его глазах вспыхнула настоящая боль. — Кем ты считаешь меня, Скоурос? Но она указала мне, что пока мы посвящаем так много времени расследованию событий пятилетней давности, людей все время убивают, самым различным образом, и в отделении не хватает людей, чтобы расследовать все эти случаи. С ней трудно спорить.

— Да уж. Прости, Стэн. Ты единственный, кто должен услышать это. — Она нахмурилась, вынула кусок льда из коктейля и потерла им по столу так, что остался мокрый след. — Даже хорошо, что меня там не было. Я, скорее всего, начала бы кричать на нее.

— Ну, быть может в этот полдень ты сделала что-нибудь другое хорошее? Кроме того, что пригласила человека воспользоваться твоим душем?

Она мигнула. Да, больно — несмотря на неоплаченные сверхурочные, когда она засиживалась допоздна, ее раздражало, что она ушла на полчаса раньше, чтобы застать конец смены Элизабет в Вонди Бейби.

— Чан, честно, я не весь день пыталась затащить ее в кровать. Но если они собираются отнять от нас Мерапануи, нет смысла много говорить о том, что я обнаружила, потому что я нашла не слишком много.

— Не собираются отнять — уже отняли.

— Ты хочешь сказать… мы вне?

— Как то, что сейчас 18:00. — Стэн не часто обнаруживал

свои настоящие чувства, но сейчас его подвижное лицо стало свинцовым. — Все кончено, Каллиопа. Прости, но капитан совершенно ясно сказала об этом. Мерапануи возвращается обратно в файл с «нераскрытыми делами», а мы с понедельника возвращаемся к работе над самыми последними уличными убийствами. — Он слабо оскалился. — Мы могли бы разобраться, партнер. но не уложились по времени.

— Блин. — Каллиопа не собиралась плакать, тем более перед Стэном, но от волны злости и разочарования, пробежавшей по ней, глаза заслезились. Она ударила куском льда по столешнице, лед сломался в ее руках, ударился о салфетницу и упал на пол. — Блин.

Других слов у нее не было.

* * *

Она испытывала странные ощущения, вламываясь в чью-то систему. Всегда чувствовала себя здоровенным мужиком, вероятно потому, что большинство хакеров и кракеров[32] были мужчинами.

«И грабители, тоже. И исследователи. И насильники, естественно.»

Она сама не могла понять, почему так происходит, но невозможно было отрицать извращенное удовольствие, которое Дульси испытывала всякий раз, находя лазейки в защите чей-то системы.

Сейчас она медленно исследовала код на машинном языке, и не только потому, что Джи Корпорэйшн имела все обычные системы защиты, но скорее из-за того, что по-настоящему важные данные, которые она искала, были похоронены под огромной грудой кодов ВР. В результате взлом хранилища данных Джи Корпорэйшн казался ей еще более дерзким, чем обычный налет: информация представлялась в виде старомодных страниц папок, стоящих в шкафах, различные секции огромной системы напоминали комнаты в почти бесконечном здании. Не то, чтобы Дульси беспокоила эта имитация настоящего мира, но, если бы она захотела и проникла немного дальше, вся система раскрылась бы перед ней как игра, виртуальное представление ворот и сводчатых дверей, зорких стражников и всего такого. Неужели только потому, что за пятьдесят лет жизни в онлайне Феликс Жонглер нашел время снабдить все привычной человеку внешностью? Или в этом есть что-то еще, более сложное и важное?

«Может быть он как Дред, подумала она. Не слишком грамотный, когда дело касается высоких технологий, но хочет иметь доступ ко всему, потому что доверяет только самому себе.»

Если все эти рассказы о его возрасте правда, то это имеет смысл, потому что Жонглер был уже стариком, когда началась Эра Информации.

Она убрала вопросы о Жонглере в сторону — быть может понадобятся впоследствии — но идея выбила несколько интересных искр. Быть может у Жонглера тоже есть невидимое хранилище данных, как у Дреда, и можно найти к нему ключ? Совершенно тривиальная мысль, и технари вроде Дульси Энвин обычно даже не думают об этом — с ней такого не может произойти. Прошло несколько дней, как она порылась в тайнике своего работодателя, но то, что она нашла там, все еще зудело внутри.

«Не сейчас, — сказала она себе. —У меня есть работа с файлами Жонглера. И я уверена, что не хочу, чтобы Дред сжег меня.»

Но не только это, сообразила она — она *хоче*т поразить его. Сделать что-то такое, что докажет самоуверенному и эгоистичному Дреду, что он нуждается в ней.

«Ну, даже если он самый жестокий и холодный сукин сын в мире, он сам не в состоянии проникнуть в файлы Джи Корпорэйшн. А я могу. И проникну.»

И она проникла, в конце концов, хотя это и заняло почти двадцать четыре часа.

Ни один из паролей или другой информации, которую Дред дал ей, не помог ни на грош. Так что она вернулась к своим старомодным методам, и тихо радовалась, что была готова. Но даже с самым лучшим оборудованием, которое могли предоставить деньги и теневые связи, потребовалось много терпения. Несколько раз она выходила из здания, чтобы размяться и погулять — но ненадолго, несмотря на необходимость в свежем воздухе и свете солнца: уж больно неприятными были окрестности — и однажды забылась на пару часов в ужасном сне, в котором она бросила по длинным больничным коридорам в поисках какого-то маленького животного, но белые коридоры были пусты и поиск казался бесконечным.

Когда, в конце концов, модифицированный ею взломщик кода нашел дыру, которую она искала, Дульси даже подпрыгнула от радости, хлопнула в ладоши и громко заорала, адреналин хлынул в кровь — но восторг длился недолго. Некоторым

образом прорыв в данные Джи Корпорэйшн оказался даже хуже ее мрачного больничного сна. По меньшей мере там она искала *что-то*, хотя и трудно находимое; здесь, даже вломившись внутрь, ей приходилось сражаться с невероятной сложной задачей.

Дред, с беззаботностью человека, не понимающего что просит, сказал, что хотел бы узнать что-нибудь интересное о сети Грааля, особенно все, касающееся ее операционной системы, Иного. В то же самое время он ясно дал понять, что не хочет, чтобы она слишком пристально проверила данные — ограничение, заставившее ее громко рассмеяться, слушая его сообщение.

«Замечательно, подумала она. *Как будто они на каждом файле выставили табличку, чтобы облегчить жизнь промышленным ворам „Дорогие, не читайте это: просто поверьте, что это важно.“»*

Теперь, когда первоначальная радость от взлома системы схлынула, ее подавил объем задачи. Не было никаких мыслей о том, где может находиться то, что интересует Дреда. Перед ней лежала информация, которую одна из самых больших в мире транснациональных корпораций копила долгие годы. И это не считая сети Грааля — это же была важная тайна, верно? И, безусловно, на каждом файле не было никакой таблички.

Два часа она бродила по оглавлению системы, и ее страхи только возросли. Она вздохнула, вышла из сети и открыла еще один пакет с кофе. Нужно было как-то сузить сферу поисков.

Мысль пришла к ней, пока вода еще кипела. На самом деле ей не нужна информация о Джи Корпорэйшн — только о самом Феликсе Жонглере. Клиенты Джи Корпорэйшн вообще ничего не знали об Иноземье — или, по меньшей мере, очень мало — потому что сеть администрировалась Телеморфиксом Роберта Уэллса, и хотя Жонглер владел всем пакетом акций Джи Корпорэйшн, она был квази-публична и, вероятна, доступна для правительственного аудита. Жонглер же не мог подкупить *всех*, верно? Значит очень велика вероятность того, что человек, который почти все время живет онлайн, имеет свою собственную систему, содержащую всю наиболее важную информацию, включая тайны сети Грааля. Вопрос в том, как найти личную систему Феликса Жонглера.

Решение, когда оно пришло, показалось ей ироничным и подтвердило ее ранние предчувствия: сама эксцентричность Жонглера давала средства для взлома его системы.

Жонглер использовал очень специфический интерфейс с ВР, и это замедлило ее первоначальные шаги; зато теперь это стало ключом к успеху и она не собиралась жаловаться. Она бросила

все свои лучшие средства анализа на те места, где использовался тот же самый неуклюжий, очеловеченный и парадоксальный интерфейс, надеясь, что одно из них и является входом в личную систему Жонглера. Средства справились на отлично. Уже через час начали появляться ссылки на каналы, по которым информация из системы Джи Корпорэйшн регулярно куда-то перекачивалась, трубопроводы данных, специально сконструированные для эксцентричного использования, характерного для Жонглера. Дульси вся надулась от гордости. У Дреда были какие-то свои хитрые маленькие трюки, которыми он не делился с ней — он точно проделал что-то экстраординарное, проламываясь через систему безопасности Иноземья — но у нее были свои трюки.

«Я хороша, черт побери. Я очень хороша. Я одна из лучших.»

А когда один из ее механизмов нашел совсем маленький путь, капилляр, который привел к ссылке побольше, и пошел к ней, через лабиринт внезапных переключений и защит, ее возбуждение выросло почти до небес. Это было именно то, ради чего она жила. Лучше всего — денег, власти, даже секса. Большая ссылка привела ее к широкополосному каналу данных, и тут адреналин забурлил в ней с такой силой, что ей пришлось встать и прогуляться, только для того, чтобы выпустить нервную энергию из самой себя и не взорваться. Пока она шла по узким, освещенным солнцем улицам просыпающегося города, населенных только мусоровозами, она чувствовала, как ее сердце стучит так, как если бы она только что пробежала марафон. Да, она совершила взлом на миллиард кредитов. Если бы она играла сама, то кое-кто назвал бы это выходом в отставку — ей бы никогда больше не надо было работать.

Он вернулась на чердак и обнаружила, что ее средство проследило путь до конца и закончило работу: она находилась внутри личной системы Жонглера. Надо было, конечно, еще кое-что доделать. В любом другом случае Дульси потребовалось бы несколько недель только для того, что исследовать самые простые уровни, но сейчас, имея все пароли и другую информацию, которую Дред дал ей, она немедленно вгрызлась в систему, как мышь в стенную проводку. Даже сейчас ей пришлось попотеть — защитные механизмы, которые старый магнат вставил в свой виртуальный мир, оказались могучими, хитрыми и легко приспосабливающими к новой ситуации — но информация Дреда, как пятая колонна внутри осажденного города, дала ей возможность быстро закончить самую сложную часть.

«Специалист по персоналу был бы на седьмом небе, подумала

она, рассматривая то, что лежало перед ней. Он мог бы провести дни — недели! — просто наблюдая, как работает штат службы режима этой большой башни. А посмотрите на это! Личная служба безопасности — целая подсекция. Он нанял целую армию, которая охраняет остров и все вокруг него. Одни требования коменданта занимают в десять раз больше места, чем вся моя система.»

Но даже самый безупречный взлом ограничен во времени, естественно, и даже на гребне своего триумфа Дульси четко понимала, что все может изменится, и очень быстро.

Дред говорит, что Жонглер вне игры — но кто-нибудь должен остаться во главе компании. Вы не оставляете компанию, стоимостью много миллиардов долларов, пустой как стиральная машина, когда уезжаете на несколько дней. Благой боже, если Джи Корпорэйшн пропустит свои платежи, штат Каролина разорится.

Она разглядывала огромную корпорацию, простиравшуюся перед ней, и тут мысль о невидимых файлах Дреда схватила ее, как рука нищего. «Сколько всего он скрывает от меня? Насколько можно доверять ему? Я рискую жизнью, делая все это — а что, если он ошибается? Что, если его бывший босс уже вернулся и взял над ним верх?»

Тем не менее, разглядывая империю Жонглера, она должна была признаться, что в одном отношении Дред был безусловно прав: если бы Жонглер и его компаньоны узнали о ее существовании, Дульсинея Энвин исчезла бы из этого мира так быстро и тщательно, как будто ее и не было.

«И только мама могла бы вспомнить. Если бы пережила.»

И, кстати, Дред еще в кое-чем прав, а она ошибалась. *Возможно* скопировать информацию, не прочитав ее. Более того, необходимо.

Здесь много тысяч файлов, которые, похоже, могут заинтересовать Дреда, так что она пометила блоки для копирования и запустила высокоскоростной канал данных, который перекачает их в память, выделенную ей Дредом, который, в свою очередь, позаимствовал ее из сети Грааля, потому что ни в ее системе, ни в системе Дреда, не было достаточно места.

Внутренним взглядом Дульси видела себя на одном из сетевых шоу — как дела, *Лут*? — бросающей награбленные вещи в сумку так быстро, как только возможно, и спотыкающейся о некоторые из них только из-за жадности, потому что их так много, а она одна.

Она проработала всю ночь и даже не осознала, сколько

выпила кофе, пока не вытащила дата-щуп и не грохнулась в кровать. Все ее нервы превратились в искрящиеся замкнувшиеся провода, только короткие; три часа она скрежетала зубами, лежа на спине, пока сон, наконец, не пришел к ней.

Проснувшись, она не помнила, искала ли потерявшееся животное, больницу или что-нибудь другое. На этот раз сон прошел как длинная полоса темноты, и ей показалось, что атака на систему Жонглера произошла недели назад. Однако, проверив Дреда, лежавшего на кровати для комы, и выйдя в серый день, чтобы найти какую-нибудь еду не в вакуумной обертке, она обнаружила что прошло не больше десяти часов, совсем не так плохо.

«Ты стареешь, Энвин, — сказала она сама себе. — Раньше ты спала по два часа и опять вгрызалась в работу.»

После пары австралийских кексиков, фруктового салата и стакана кофе, Дульси почувствовала себя более материальной, вернулась на чердак, подключилась к сети и погрузилась в скачанные файлы Жонглера. Ее мучило извращенное желание разбудить Дреда, оторвать его от сети Грааля и показать то, чего она добилась.

«Что же это такое — синдром отца? — Ее даже затошнило от самой себя. — Папочка, смотри, я хорошая девочка, видишь, что я сделала для тебя?»

Около часу она исследовала свое богатство и нашла несколько кодовых слов, которыми обозначались файлы, связанные с сетью Грааля. Это дало ей возможность найти в куче еще много таких же и создать из «подходящих» уже намного меньшую выборку, не проверяя их самих. И тут она наткнулась на аномальный объект. BP файл, или, по меньшей мере, файл с BP кодом, внутри которого была странная зашифрованная ссылка. Он находился в группе самых обычных файлов, имевших дело тем, что она несколько неопределенно называла личным имуществом Жонглера — приказы адвокатам, переписка с разными легальными фирмами, банковские операции и инструкции персоналу Джи Корпорэйшн. Она какое-то время исследовала все эти данные, надеясь найти какую-нибудь информацию о том, как должна действовать сеть Грааля в случае непредвиденной ситуации, разумно рассудив, что такой старый человек, как Жонглер, должен был позаботиться о том, чтобы его гордость и радость работала бы и тогда, когда сам он работать не сможет, хотя бы временно. И не нашла ничего — все было совершенно обычно, ни малейшего указания на то, как действовать в случае, если этот богатый и могущественный

человек заболеет или даже умрет; тем более необычным казался этот файл.

На нем была метка «*Ушабти*», странное слово, незнакомое Дульси, но Дред как-то говорил ей, что старик был помешан на всем, связанным с Египтом. Файл был создал три года назад, и с тех пор не менялся. Она быстро поискала в своей системе и обнаружила, что, действительно, *ушабти* — древнеегипетское слово, означающее статуи-хранители могил великих королей. Дульси быстро пробежала взглядом по подробному описанию, ничего интересного. Она нахмурилась и открыла файл.

Перед ней возник темноволосый мужчина, так быстро, что она вздрогнула. Ему было около шестидесяти, на морщинистом лице играла слабая улыбка, аккуратные белые волосы. Камера отступила назад, и теперь стало видно, что он сидит за столом в старомодном офисе, быть может из девятнадцатого века, мебель из тика, на окнах тяжелые портьеры.

«Господи, — подумала она. Это сам Жонглер. — *Но этому файлу всего несколько лет, а так он выглядел лет сто назад.»*

Что ничего не значило в ВР, конечно. «*Какая разница, сколько ему лет на самом деле — этот парень большую часть времени вообще выглядит египетским богом…»*

Старик перед ней кивнул, потом заговорил, голосом учителя в частной школе, со слабым намеком на иностранный акцент.

— Итак мы наконец встретились, мой сын. Мы никогда не видели друг друга, пока я был жив. И сейчас я должен рассказать тебе, и ты должен понять, почему так произошло и твоя жизнь пошла так, а не иначе. Но вначале скажи мне твое имя. Твое настоящее имя, то, которое я дал тебе, и потом мы пройдем обычную процедуру взаимной идентификации.

«Мой сын?» Дульси сидела, не зная, что сказать. Она запустила первую половину какого-то вида двойного шифрования, и теперь Жонглер — или его сим, или его призрак, или черт знает что — ждал второй половины ключа.

— Я жду твое настоящее имя, — сказал старик слегка раздраженным голосом. Беспомощно глядя на него, она подумала, что его взгляд приказывает — на языке романтиков можно было бы сказать «гипнотизирует», если бы было хоть что-нибудь романтическое в суровом старом монархе. И если в реальной жизни он действительно выглядел примерно так, легко было понять, как он выстроил свою империю.

— Твое настоящее имя, — в третий раз сказал псевдо-Жонглер. Мгновением позже он исчез, файл закрылся.

Дульси потерла рукой лоб и почувствовала, он весь в поту. Она вышла из системы. Да, время прерваться и подумать.

Часом позже она сидела и глядела на файл *Ушабти*. Она не хотела открывать его опять, или даже более тщательно исследовать: такие вещи чаще всего настроены на определенное количество попыток, после чего самоуничтожаются.

Поиск в системе Жонглера не прояснил ничего. И не только потому, что его настоящие сыновья и дочери умерли бы сто лет назад. Согласно самым лучшим источникам, которые она смогла найти, у него вообще не было прямых наследников. Все его еще живущие родственники — самые старшие из них были на несколько поколений моложе Жонглера — были потомками его двоюродных братьев. Он никогда не поддерживал с ними связь и никто из них не играл ни малейшей роли в Джи Корпорэйшн.

Очень аккуратно, как минер, исследующий неразорвавшуюся бомбу, Дульси вынула файл *Ушабти* из имущественной информации и перенесла в свою систему. Потом вернулась к сортировке файлов.

Дреду можно что-то скрывать от нее? Дред хочет сохранить от нее свои тайны? Отлично, тогда и у нее будут тайны от него.

* * *

— Пусть будет еще один, — решил Дред. — Это интересно.

Он махнул рукой и темноволосый мускулистый человек прошаркал вперед и упал на колени, освещенный светом факелов. Его льняная одежда, когда-то дорогая и богатая, вся выгорела и изорвалась, парик сидел криво.

— Как тебя зовут? — спросил его Дред.

— Сенеб, Повелитель.

— И что ты делаешь? — Дред повернулся к женщине, стоявшей рядом с ним. — Смешно, а? Как игровое шоу.

— Я… я к-купец, о Великий Повелитель. — Мужчина был настолько испуган, что едва мог говорить.

— Скажи мне… хммм. Что ты ел сегодня на завтрак?

Сенеб молчал, боясь неправильно ответить. — Н-ничего, Повелитель. Я ничего не ел уже два дня.

Дред махнул огромной, черной как смоль рукой. — Тогда пожуй в последний раз, приятель. Что бы ты хотел?

— Хлеб, Повелитель. И немного пива. — Человек наморщил лоб и задумался. — А, еще яйцо! Да, утиное яйцо.

— Видишь? — Дред, оскалясь, поглядел на женщину, его красный шакалий язык высунулся из пасти. Заниматься такого рода делами в компании настоящего человека было намного

приятнее. — Каждый что-нибудь другое. — Он указал на жреца, которого допрашивал до купца. — Что ты думаешь об этом парне, а? Он хороший человек?

Сенеб поглядел на съежившегося жреца, опять не зная, как правильно ответить.

— Он жрец Осириса, о Повелитель. А все жрецы Осириса хорошие люди… или нет?

— Ну, с тех пор, как Осирис ненадолго вышел… — Дред ухмыльнулся. — Полагаю мы оставим этот вопрос без ответа. Но как насчет того, чтобы сразиться с ним? И убить его, если сможешь?

Сенеб, несмотря на свое мощное телосложение, затрепетал. Быть может из-за того, что шакалоголовый бог, сидевший на троне перед ним, был вдвое выше обычного человека.

— Если Великий Повелитель захочет, — сказал он наконец, — я попытаюсь.

Дред засмеялся.

— Видишь? Некоторые ждут не дождутся, чтобы наброситься на жрецов. Другие считают это святотатством и не сделают даже ради того, чтобы спасти свою жизнь. Это чертовски изумительно.

Его гостья непонимающе глядела на него.

— Не понимаешь? — спросил Дред. — Ты ничего не можешь предсказать! Боже мой — не собирался каламбурить — как это впечатляюще! И они все такие. — Он повернулся к Сенебу. — Если ты убьешь его, я разрешу тебе жить.

Сенеб, колеблясь, чуть ли не со стыдом, посмотрел на жреца.

— Чего ты ждешь?

— И… моей семье?

— Ты хочешь убить свою семью? — Дред лающе рассмеялся. — О, нет, я понял, ты хочешь знать, пощажу ли я твою семью? Ха, почему нет?

Купец Сенеб поднял руки и шагнул к жрецу, намного более старому и хилому мужчине, который в страхе застонал. Дред покачал головой, продолжая удивляться. Вот это действительно потрясающе. Интересно, что Рени и другие женщины из ее команды сказали бы на это, но теперь, с полным доступом к сети, когда он наслаждался ничем не ограниченной свободой делать все что угодно с любым симом и подвергать его любой боли, которую только можно придумать, стало более чем ясно: индивидуальность конструктов была совершенно беспрецедентна, каждый из них является маленькой вселенной со своими надеждами, предрассудками и воспоминаниями.

Теперь он почти понимал, почему некоторые типы, вроде Жонглера, думали, что могут провести здесь вечность, и им не

надоест. Конечно не он сам, во всяком случае в ближайшем будущем. Дред уже почти исчерпал большинство очевидных развлечений, и хотя он собирался, в будущем, стать бессмертным в сети Грааля, но не собирался отказываться от удовольствий настоящей жизни. Еще не время.

И удовольствий у него еще хватает.

— Давай, прими это — и будешь болеть за одного из них.

Женщина рядом с ним твердо сжала рот. Дред улыбнулся. Да, с этой намного приятнее, чем с Дульси, перед которой он вынужден казаться дружелюбным. Ему от нее еще слишком много надо. Он должен узнать все, что только возможно о сети Грааля, но, кроме того, теперь, когда он убедился, что Старика нет, и уже давно — во всяком случае его личная линия связи мертва, и, даже если он где-то бродит внутри системы, он там заперт, как на необитаемом острове, как и бывшие товарищи Дреда — ему надо проникнуть в личные файлы Жонглера. Ему ужасно не хватает сведений об операционной системе и, конечно, о том, что находится за пределами маленького наглухо запертого мира Иноземья.

«С деньгами Старика и его властью, счастливо подумал Дред, я стану богом и в настоящем мире. Я смогу делать с настоящими людьми все, что пожелаю. Промышленные катастрофы. Эпидемии. Быть может несколько войн, если будет настроение. И у меня есть сеть Грааля, там я всегда останусь живым.»

Потрясающие перспективы !Контроль над Иноземьем, который вначале казался пределом мечтаний, может быть только началом.

«Джонни Вулгару, — подумал он о себе. — Маленький Джонни Дред. Властелин мира.»

Купец Сенеб оказался не самым умелым воином, но старый жрец вообще не мог сопротивляться. Его беззубый рот только раскрылся в отчаянном крике, кода более молодой противник схватил его и ударил головой о полированные камни пола храма, опять и опять.

Гостья Дреда закрыла глаза. Он улыбнулся. Если она думает, что так решит проблему, то очень удивится, когда ее веки исчезнут. Он повернулся к другому гостю, который застонал, приходя в сознание.

— Немного устал? — Дред махнул серебряным посохом, купец и жрец закричали от нестерпимой боли и вместе упали в грязь. Все зрители тоже истошно завопили. Дред заинтриговано посмотрел на них: он ожидал, что они все умрут от боли. — Тогда пришло время вернуться к нашему дельцу.

— Ты можешь мучить меня столько, сколько хочешь, —

сказала женщина. — Даже если ты *на самом деле* Дьявол, у меня для тебя нет ничего, кроме пощечины.

— О, какие мы. — Дред наклонился к ней и уткнулся своей огромной мордой в щеку, а влажный нос сунул в ухо. Он облизнул ее голову, и спросил себя, что бы он почувствовал, если бы откусил ей голову. Интересно, на настоящих людях это как-то отличается? Он хорошо потренировался на виртуальных жителях Иноземья. — Давай поиграем в игру… как тебя зовут? А, Бонни Мей. Давай сыграем, Бонни Мей. Каждый раз, когда ты скажешь мне что-нибудь полезное о Круге, или о моих друзьях, с которыми, я знаю, ты встречалась, я буду дарить тебе целый час без боли. Играй правильными картами, и ты проведешь незабываемые каникулы здесь, в солнечном Египте.

— Я не скажу тебе ничего. Изыди, Сатана.

— Хорошо, хорошо, я уверен, что ты будешь держать рот на замке, как холодная маленькая мученица, что бы я не делал с тобой, маленькая Красная Шапочка. По меньшей мере вначале. Но хватит терять время. — Он повернулся и притянул массивную руку к другому пленнику. Кончики сильных черных пальцев Дреда раскалились до красна. — Как долго ты сможешь молчать, если твой маленький друг-индеец подвергнется заслуженному тобой наказанию? — Он с вожделением посмотрел на пленника-мужчину. — Хочешь уйти из этой симуляции прежде, чем я закончу с ним, а? — Он свел свои длинные пальцы на ноге мужчины. Крик пленника перекрыл вопли толпы и заставил их всех упасть на пол.

— Нет! — крикнула женщина. — Остановись, Дьявол. Прекрати это!

— Но это и есть самое главное, дорогая. — Дред поднял дымящийся палец и насмешливо изобразил беспомощность. — Это не я должен прекратить это — но ты сама.

— Не… не говорите ему ничего, миссис Симпкинс! — Нанди Парадиваш корчился от невыносимой боли, но старался держаться прямо. — Я не меньше вас готов к страданиям. Моя жизнь ничто. Моя боль ничто.

— О, напротив, — сказала Дред. — Есть разница. И если она не хочет говорить, чтобы спасти тебя, я думаю, что ты заговоришь, когда я начну работать с ней. — Он оскалился, показав линию великолепных зубов, похожих на шахматные фигуры, вырезанные из слоновой кости. — Потому что с женщинами я работаю лучше, чем с мужчинами.

ГЛАВА 14
Каменная девочка

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: У сети есть собственный фольклор

(изображение: художник раскрашивает узел Скворечника)

ГОЛОС: Историк сети Гвенафра Гласс говорит, что, как и у любой новой страны, у сети есть собственные сказки, мифические животные и призраки.

ГЛАСС: «Вы возвращаетесь в самые ранние дни и слышите истории о кабельных вшах. А вот немного другой пример: Скворечник. Это вполне реальный узел, но за много лет он оброс рассказами, в которых по большей части нет и слова правды. Или совсем недавний миф: Плакса, странный плачущий голос, который иногда слышат в свободных чатах и незаконченных ВР узлах. Ну и конечно весь старый фольклор двадцатого столетия, вроде гремлинов, запирающих боевые самолеты, а также Световых Шаров и Светящихся Змей, которых люди того времени часто видели в ВР, но чей код никто еще не нашел…»

Взгляд Рени метался из стороны в сторону, но она не видела никого, кто мог бы так щелкнуть. Ближайший из преследовавших ее призраков, бледное пятно в полутьме, находился пугающе близко, но все-таки несколько дюжин метров до него еще было. Она переступила на месте, чтобы не упасть, и с ужасом почувствовала, как что-то схватило ее за щиколотку. Со сдавленным криком она отпрыгнула в сторону.

— Ложись, — сказал тихий голос. — Ты сможешь спрятаться.

Что-то прошуршало у ног Рени.

— Я… я не вижу тебя. — Ветер донес до нее влажный стон преследователя. — Где ты?

— Ложись, немедленно!

Рени упала на четвереньки посреди подлеска, не видя ничего, кроме темных теней. Одна полоска тьмы слегка расширилась, маленькая рука коснулась ее запястья и потянула за собой. Рени поползла вперед и обнаружила себя в тайнике, ненамного больше ее съежившегося тела, крошечное пространство под переплетением упавших ветвей, покрытых смятыми листьями и

грязью. Упершись в ветви головой, она не видела других обитателей этого кармана, и только чувствовала маленькую фигурку, прижавшуюся к ее боку.

— Ты кто? — тихонько спросила она.

— Шшшш! — фигурка рядом с ней замерла. — Они близко.

Сердце Рени билось слишком быстро.

— Разве они не почуют нас? — прошептала она.

— Они ничего не чуют — они охотятся на слух.

Рени закрыла рот. Запах мокрой земли бил в ноздри, она съежилась и старалась не думать, что похоронена заживо.

Она почувствовала охотника раньше, чем услышала. Постоянно растущая паника заставила кожу натянуться, а сердце забилось так быстро, что грозило убежать из груди. Не тот ли это беспомощный парализующих страх, который Пол Джонас испытывал каждый раз, когда Близнецы находились рядом с ним? Пока она пыталась победить панику, ее уважение к этому человеку поднялось на новый уровень.

Сейчас страшный призрак двигался прямо над ними; она чувствовала его так же ясно, как облако, проходящее перед солнцем. А горло так закостенело, что она не могла бы крикнуть, даже если бы очень захотела.

Но сама тварь совсем не молчала. Она опять застонала, очень близко, и кости Рени рассыпались в пыль прямо внутри тела. Проснулся слух, и она услышала шуршащие вздохи, как будто призрак шептал что-то самому себе голосом ветра, бессмысленные звуки, но на самой границе речи. Эта тарабарщина была еще более невыносимой, чем стон. Звук умирающего или уже мертвого разума, абсолютное безумие. Рени, и так лежавшая в темноте, зажмурилась так сильно, что лицо заболело, сжала зубы и взмолились всем, кому возможно, умоляя дать ей силы выдержать.

Постепенно звук слабел. Уменьшилось и ощущение голодной безмозглой злобы. Рени, очень осторожно, вдохнула поглубже. Тень рядом с ней коснулась ее руки холодными пальцами, как будто предупреждая против преждевременного триумфа, но Рени и не собиралась шевелиться или говорить.

Прошло несколько минут, прежде чем тонкий голосок сказал:

— Я думаю, что они все ушли.

Рени, не теряя времени, вылезла, пятясь, из крошечной пещеры, образованной упавшими ветвями и листьями. День — или то, что заменяло его в этом бессолнечном мире — почти полностью прошел. Мир был сер, но все-таки немного слишком ярок для последних сумерек, как если бы камни и даже деревья сами слегка светились.

У ног Рени что-то зашуршало. Из-под серо-коричневой листвы выползла маленькая фигурка, почти человеческая, как если бы женщину вырезали из сырой земли формочкой для печенья.

Рени отступила на шаг.

— Ты кто?

Новоприбывшая с удивлением посмотрела на нее, ее лицо казалось коричневой поверхностью, по которой в беспорядке разбросали темные и светлые пятна, выступы и дыры.

— Ты не знаешь меня? — сказала она негромким, но удивительно четким голосом. — Я — Каменная Девочка. Здесь меня знают все. Но ты даже не умеешь прятаться, так что ты, быть может, действительно не знаешь меня.

— Извини. Спасибо за то, что помогла мне. — Рени посмотрела на пустую верхушку холма. — Что… что это за твари?

— Эти? — Каменная Девочка с легким удивлением посмотрела на нее. — Обыкновенные Жинни. Они выходят ночью. Обычно я не остаюсь снаружи так долго, но… — Внезапно лицо Каменной Девочки помрачнело. Она наклонилась и очистила себя от прилипших листьев, очень ловко, учитывая толщину ее рук и неуклюжие грубые пальцы.

— А ты кто? — спросила малышка, выпрямившись. — Почему ты ничего не знаешь о Жинни?

— Просто странник, — ответила Рени. — Путешественница. — Хотя Каменная Девочка выглядела так, как будто ее быстро и небрежно вылепили из сырой земли, но она оказалась странно гибкой, как если бы могла сгибаться в таких местах, где не было суставов. — Ты здесь живешь? — спросила ее Рени. — Можешь рассказать мне об этом месте? — Внезапно ей пришла в голову счастливая мысль. — Я ищу друзей — один маленький, почти такой же темный, как я, и еще девочка с курчавыми волосами и более бледной кожей. Может быть ты видела их?

Выемки, которые были глазами Каменной Девочки, расширились.

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— О, прости. Я… я заблудилась. Ты видела их?

Маленькая головка качнулась из стороны в сторону.

— Нет. А ты не из Окончания?

— Если ты имеешь в виду место, где все… так странно и трудно видеть… Да, пожалуй да. — На Рени внезапно навалился груз усталости. — Мне действительно нужно найти друзей.

— Нет, тебе надо как можно быстрее уйти отсюда. И мне тоже — я никогда не была снаружи так поздно, но я пыталась

добраться до Ведьминого Дерева и спросить его об Окончании. — За этим невнятным объяснением последовало долгое молчание. — Тебе лучше всего пойти со мной к мачехе, — наконец сказала она.

— Мачеха? А это кто?

— А у тебя нет? У тебя совсем нет семьи?

Рени вздохнула. Опять один из непостижимых разговоров Иноземья. — Не имеет значения. Хорошо, пошли к твоей мачехе. Это далеко?

— Башмаки. Вниз, на дно Штанов, — загадочно добавила Каменная Девочка, прошла мимо Рени начала спускаться со склона холма.

Рени достаточно быстро поняла смысл географических названий, хотя это был как раз тот сорт знания, который ничего не объясняет.

В умирающем свете они спустились с холма, прошли вдоль реки, которая энергично изливалась из расселины в склоне, и оказались в туманной долине. И тут Рени увидела, что она была пугающе права. Все далекие холмы действительно имели формы людей, но, покрытые почвой и растительностью, оставались настоящими холмами, по меньшей мере снаружи, как если бы земля прикрывала тела титанов. Но, в отличии от единственного гиганта на вершине черной горы, безусловно живого, эти меньшие и многочисленные формы, похороненные в земле, казались остатками чего-то непостижимо древнего.

— Что это за место? — опять спросила она Каменную Девочку, когда сумела догнать ее.

Та повернулась и посмотрела на Рени через плечо, ухитрившись при этом не пошевелить шеей.

— Ты что, никогда не была здесь? Это Там-где-Бобы-Говорят. Видишь, упавшие гиганты. Они большие, — добавила она как-то неопределенно.

— Настоящие гиганты? — спросила Рени, и немедленно поразилась собственной глупости. Как если бы такой вопрос что-то значил в мирах вроде этого.

Однако Каменная Девочка глубоко задумалась.

— Они были, — наконец сказала она. — Потом упали. Не помню почему. Спроси мачеху, может быть она знает.

Пока они шли мимо порогов вниз, Рени начала понимать и остальные странные замечания девушки. Пока она смотрела сквозь туман, необычная форма земли казалась комбинацией странных холмов и теней деревьев, но теперь, вблизи, она начала улавливать формы. Например длинная складка на склоне холма,

гребень, на вершине которого росла линия деревьев, напомнил ей один гигантский…

— … *Рукав*? — поразилась Рени. — Это рукав? Не хочешь ли ты сказать, что мы спускаемся по… рубашке?

Каменная Девочка отрицательно перекосила голову.

— Жакету. Мы сейчас в Жакетах. Рубашки там, наверху. — Он ткнула куда-то толстым пальцем. — Ты хочешь в Рубашки?

Рени решительно тряхнула головой. — Нет, совсем нет. Я… я просто очень удивилась. Почему в этой стране… все сделано из одежды?

Каменная Девочка остановилась и повернулась, вероятно она устала говорить через плечо без соответствующей анатомической поддержки. Она посмотрела на Рени так, как если бы подозревала, что та смеется над ней.

— А что, разве она не появилась вместе с гигантами? Когда те упали?

— А, — сказала Рени, и, не придумав ничего другого, добавила. — Конечно.

Пока они спускались через речной туман по длинной складке одного из Жакетов, огибая маленькие, но упрямые сосны, которые, казалось, росли так тесно только для того, чтобы сузить и без того узкую тропинку, Рени спросила своего маленькую гида: — Ты знаешь что-нибудь о птицах, которые говорят?

Каменная Девочка пожала плечами.

— Конечно. Многие птицы говорят.

— Я имею в виду ту, которая повторяет все время одно то же, и не важно, о чем я спрашиваю ее.

— На самом деле ты не можешь разговаривать с ними, потому что они спят, — ответила девочка.

— Как спят? Эта птица летела — не спала.

— Нет, они все спят, с того мгновения, как впервые попали сюда, и неважно, летают они или сидят на ветке. В любом случае они так всегда делали — да и их осталось не так много. Появляются новые и тоже ничего не понимают — все время говорят одно и тоже, снова и снова. Я пыталась поговорить с ними, когда была маленькой. — Она метнула на Рени быстрый взгляд, как сделала бы настоящая девочка, чтобы удостовериться: Рени понимает, что она уже подросла и совсем не ребенок. — Мачеха сказала, что это не наше дело — мы должны дать им спать и видеть сны.

Рени, с растущим восторгом, обдумала ее слова.

— То есть эти птицы… спят? И видят сны?

Каменная Девочка кивнула, потом ловко прыгнула вниз и

подождала Рени.

— Да. А теперь иди повнимательнее — здесь очень скользко.

Рени, стараясь держать равновесие, соскользнула за ней.

— Но… как ты называешь это… место? Не это, Жакеты, а все? — Она подняла руки. — Все вокруг.

Прежде, чем девушка успела ответить, с морщинистого склона холма донеслось ужасное рыдание. Рени вздрогнула, потеряла равновесие и едва не упала.

— О, Господи, еще один!

Каменная Девочка осталась спокойной, только прижала к губам свой грубый палец. Какое-то мгновение они стояли в тумане, и Рени слышала только мягкие вздохи и шорохи бегущей рядом реки. Потом раздался еще один крик, из долины внизу.

— На этот раз намного дальше, — прошептала Каменная Девочка. — Идет в другом направлении. Пошли.

Рени, слегка успокоившись, поспешила за ней.

Чем ближе к дну долины, тем легче становилась тропинка, но туман стал совсем густым, а медленные сумерки сменились настоящей ночью. Тени стали глубже, и странные горообразные рубашки, штаны и жакеты, накрытые зелено-коричневым земляным плащом, казались еще более загадочными. Время от времени Рени казалось, что она видит маленькие фигурки, скользившие сквозь туман, как будто за ней и Каменной Девочкой следили люди, хотевшие остаться незамеченными. Рени, мысленно, горячо поблагодарила своего проводника. Пробираться одной через эти странные холмы в почти полной темноте, и слушать завывания… Бррр, не самая лучшая идея!

Наконец через туман замелькали огни, и теперь она уверилась, что много людей — или много *созданий*, как бы они себя не называли — выстроили себе дома среди Штанов и Рубашек. Каменная Девочка подвела их ко входу в маленькое ущелье, на склонах которого горели линии костров, и несколько голосов приветствовало их. В ответ Каменная Девочка подняла свою руку, похожую на обрубок, и Рени всем сердцем захотелось, чтобы !Ксаббу и Сэм тоже были здесь. Какое-то глубокое примитивное удовольствие охватило ее — как приятно ночью войти в светлый дом, особенно после того, как тебя едва не съели в глуши, и в намного более страшной глуши, чем остались в реальном мире.

Выйдя из Штанов, они оказались в темной расселине между холмами, и Каменная Девочка сказала:

— Мы почти пришли. Может быть мачеха расскажет тебе, где твои друзья. А я должна рассказать ей о Ведьмином Дереве и о том, что Окончание стало намного ближе.

Они перебрались через каменную осыпь и оказались в еще одной долине, освещенной приветливым светом огоньков. Все полуразвалившиеся здания имели безошибочно узнаваемую форму, некоторые из них казались частью ландшафта, а другие, напротив, резко поднимались из земли; огоньки сверкали через ушко или дыры в подошве. Дюжины домов, возможно сотни — целый город.

— Это же обувь! Большие башмаки.

— Я же говорила тебе, верно?

Когда глаза привыкли к свету, Рени увидела, что пространство между башмаками тоже занято, дюжины и дюжины фигур сгрудились вокруг костров, темные силуэты, молча глядевшие, как Рени и ее спутница идут мимо. Они ничего не говорили, но Рени почувствовала скрытую угрозу. Глаза, глядевшие на нее, губы, что-то неслышно шептавшие, казались притупленными усталостью и отчаянием.

«Что-то вроде трущоб», — подумала она.

— Обычно люди здесь не живут, — объяснила Каменная Девочка. — Но эти потеряли свои дома, когда пришло Окончание. Теперь их так много, они напуганы и голодны…

Она прервалась, когда дюжины кричащих фигурок вылетели из одного из гигантских башмаков и бросились к ним. Рени на мгновение запаниковала, но быстро успокоилась, когда поняла, что это дети. Многие из них были даже меньше Каменной Девочки, но энергия из них так и хлестала.

— Где ты была? — крикнула одна из ближайших фигурок. — Мачеха волнуется.

— Я кого-то нашла. — Каменная Девочка указала на Рени. — Потребовалось время, чтобы вернуться.

Дети окружили их, галдя и толкаясь. Поначалу Рени решила, что они все родственники Каменной Девочки, но потом, при свете, лившемся изо рта ближайшего башмака, она увидела, что никто из них не похож на ее проводника. Большинство из них казалось обыкновенными людьми, хотя их одежда (тех, у кого она была) представляла из себя что-то неописуемое. Зато некоторые из толпы смеющихся детей казались даже более странными, чем Каменная Девушка, с фантастически искаженными телами — одна была покрыта ярким черно-желтым мехом, как шмель, у другого были утиные ноги, и Рени даже вздрогнула, увидев, что у одной девочки на месте живота находилась огромная дыра, и, казалось, у ней вообще нет торса.

— Они все… твои братья и сестры? — спросила Рени.

Каменная Девочка пожала плечами.

— Что-то вроде того. Многие из них. Их так много, как зерен

в колоске, и я иногда думаю, что даже мачеха не знает, что с ними делать.

Перед ними замаячил огромный башмак, и Рени внезапно выпрямилась и остановилась.

— Боже праведный, я поняла.

— Пошли, — сказала Каменная Девочка и в первый взяла Рени за руку. У ней оказались сильные пальцы, холодные и влажные, как глина в лесу. Маленький мальчик с головой оленя робко посмотрел на Рени прозрачными коричневыми глазами, как если бы хотел взять ее за другую руку, но Рени была занята: она обдумывала новую идею. — Ну конечно, это же проклятая колыбельная «Жила-была старушка в дырявом башмаке».
[33]

Что-то еще зацепило ее, какое-то далекое воспоминание, но и так было достаточно неприятно обнаружить себя внутри Матушки Гусыни.

— Мы *все* живем в башмаках, — сказала Каменная Девочка, таща ее через дверь старого, заросшего мхом башмака. — Все до одного…

Это был очень-очень старый башмак. К облегчению Рени в нем не осталось никаких запахов его прежнего владельца, гиганта. Внутри, освещенные дымным светом огня, ее ждало вдвое или втрое больше детей, чем те, что выбежали встречать ее, но оставшиеся дома казались странно разнообразными. Те, у кого были глаза, с восхищением смотрели на Рени, пока Каменная Девочка вела ее через весь огромный башмак к большому пальцу. Детей действительно было слишком много, и Каменная Девочка представили только некоторых из них, главным образом предлагая им убраться с пути.

— Полли, Малышка Сид, Ганс, Большие Уши, — услышала Рени. Через многих она переступила, на кое-кого случайно наступила, но никто не возмутился. Судя по всему они жили в такой тесноте, что привыкли ко всему.

«Не могут ли эти дети быть теми, которые лежат в коме? — спросила себя она. А что, если это место что-то вроде концентрационного лагеря, где находятся дети, украденные Другим?» Если это так, то возможности найти Стивена не было почти никакой — только в Башмаках должно было быть несколько тысяч детей, и один бог знает, сколько еще в другой одежде среди холмов.

— Это ты, Каменная Девочка? — прозвучал голос, эхом отразившийся от свода большого пальца. — Сегодня ты вернулась слишком поздно и заставила меня поволноваться. Сейчас плохие времена. Это недопустимо.

Темная тень сидела в кресле-качалке перед камином. Кирпичная труба камина уходила наверх, протыкая насквозь кожаный башмак, но толку от нее было мало.

Сначала Рени даже подумала, что именно из-за дыма, наполнявшего палец, она не может ясно разглядеть фигуру на стуле, но потом сообразила, что человекообразная фигура сама колышется как туман — быть может у нее есть голова и плечи над бесформенным, похожим на серое облако телом, а может быть и нет. Свет огня отражался в двух сверкающих угольках, находившихся в том месте, где должны были быть глаза, но лица точно не было. И голос, хотя и слабый и воздушный, не казался женским или дружественным. Это безусловна была не та версия Старушки-в-Башмаке, которую ожидала Рени.

— Я… я пыталась найти Ведьмино Дерево, Мачеха, — сказала Каменная Девочка. — Потому что все идет плохо. Я хотела спросить…

— Нет! Ты вернулась слишком поздно. Это недопустимо. И ты привела с собой чужого. Улицы снаружи и так полны тех, кто потерял свой дом — зачем над другие? Нам нечего ей дать.

— Но она заблудилась. Один из Жинни пытался…

Дымное тело мачехи на мгновение стало тверже. Глаза сверкнули.

— Ты плохо себя вела. И заслужила наказание.

Каменная Девочка внезапно упала на пол, извиваясь и крича. Другие дети сидели молча, с широко раскрытыми глазами.

— Оставь ее в покое! — Рени шагнула к упавшей Каменной Девочке, но ее ударило чем-то вроде электрического тока, все тело выгнулось от боли и ее бросило на пол рядом с ребенком.

— Это чужая, — самодовольно сказала мачеха. — Слишком большая, слишком странная. Она должна уйти.

Рени подняла голову; ее челюсть дергалась, но ничего не выходило наружу. Она с трудом заставила подчиниться дергающиеся руки и ноги, и поползла вперед. Мачеха с удивлением посмотрела на нее, и еще один обжигающий бич смертельной боли пробежал по спине Рени и взорвался в голове.

Она смутно почувствовала, как ее поднимают множество маленьких рук. Когда они опять уложили ее, она была так благодарна им за это, что даже попыталась что-то сказать, но сумела только прохрипеть. Ее лицо было обмазано грязью, холодной и мокрой, как рука Каменной Девочки, и она благодарно лежала до тех пор, пока последняя мучительная вспышка боли не перестала дергать ноги.

Усевшись, она обнаружила себя на темной улице, окруженной гигантскими Башмаками, как если бы ее бросили в

шкаф Гаргантюа. Из одного из домов лился свет, но все двери были плотно закрыты. Казалось, что даже костры трущоб наскоро погасили, и из темноты на нее смотрят страх и недоверие.

«Хорошо, — с трудом подумала она. — Больше я никому не дам бить меня по голове. Больше я этого не хочу.»

По улице проплыл тонкий вой и Рени, с содроганием, спросила себя, что она собирается делать, потерявшаяся и одинокая.

Она ковыляла по извилистым улицам, спотыкаясь и пошатываясь, когда из темноты появилась маленькая фигурка.

— Я ушла, — очень тихо сказала Каменная Девочка.

Рени не была уверена — сегодня она не была уверена ни в чем — но, кажется, произошло что-то очень важное.

— Ты… убежала?

— Мачеха с каждым днем становится все хуже и хуже. Я хотела рассказать ей об Окончании, но она не дала мне говорить. — Каменная Девочка издала странный звук, что-то вроде хриплого фырканья. Рени решила, что она так плачет. — И она не должна была наказывать тебя. — Она что-то бросила Рени — одеяло, мягкое и очень старое. — Я принесла это для тебя, так что тебе не будет холодно. Я пойду с тобой.

Рени, тронутая, но слегка ошеломленная, обмотала одеяло вокруг плеч и посмотрела на Каменную Девочку, недоумевая: конечно она очень благодарна ей, но брать на себя ответственность за ребенка…

— Идешь со мной… куда?

— Я возьму тебя к Ведьминому Дереву. И попрошу Дерево помочь. Я пыталась сделать это сегодня, но Окончание съело путь, которым я обычно ходила. Мы пойдем через Лес.

— Прямо сейчас?

Маленькая головка кивнула.

— Сейчас самое лучшее время. Но нам придется быть очень осторожными — ночью много кто охотится. Не только Жинни — и Тики, тоже. — Она внезапно взглянула на Рени и заколебалась. — Ты хочешь идти со мной, или нет?

Рени перевела дыхание.

— Конечно хочу. Но ты должна будешь кое-что мне объяснить, по дороге.

Каменная Девочка улыбнулась странной, но безусловно настоящей улыбкой. — Да, верно, ты любишь задавать вопросы.

* * *

Сэм решила, что мир вокруг становится как более так и менее настоящим.

Более настоящим, потому что чем дальше они шли вдоль реки, тем более материальным становился стеклянный прозрачный мир, поля и холмы уже стали достаточно твердыми, а сама река, безусловно мокрая, шумно плескалась рядом с ними. Но и более ненастоящим, потому что ничто не казалось нормальным, как если бы это были картины, плохо скопированные с оригинала — или даже плохие копии плохих копий. Цвета и формы вещей были неправильными, слишком простыми или вообще неузнаваемыми.

— Чистое изобретение, я думаю, — сказал !Ксаббу, внимательно разглядывая маленькую группу деревьев, росших на берегу реки, чья кора скорее походила на ногти, а идеально круглые листья на просвечивающие серебряные монеты. — Как первый цветок, который я сделал — скорее идея цветка, чем что-нибудь другое.

— Первый цветок, который ты сделал? — спросила Сэм.

— Да, когда Рени учила меня как делать вещи в виртуальном мире. — Он покачал головой. — Мне кажется, что это тоже самое — как будто сделанные играющим ребенком или кем-то, кто экспериментирует.

— Вроде бы Рени говорила об этом? Он сказала, гора могла быть создана… Иным. Системой. Так что может быть и это, тоже.

— Очень может быть. И это безусловно не совершенная копия реально существующего места. — Он отломил один из серебряных листьев и улыбнулся. — Взгляни, слишком ярко сияет, слишком много света !Кстати, именно так скорее всего сделал бы ребенок.

Жонглер повернулся к ним, его костистое лицо казалось твердым, как камень.

— Эй вы, двое? Мы теряем время. Скоро будет темно.

!Ксаббу пожал плечами.

— Возможно. Мы не знаем законов этого места.

— Ну ты же не хочешь, чтобы тебя кто-то съел, и только потому, что ты на знаешь законов этого места?

Маленький человек помедлил, умеряя свой гнев. Еще недавно Сэм думала, что у него не бывает плохого настроения, но так много времени в одной компании с Жонглером, похоже, исчерпали даже огромные запасы хладнокровия и вежливости !Ксаббу.

— Да, вероятно хорошая идея разбить лагерь, — сказал он размеренным спокойным голосом. — Ты это хотел сказать?

— Скорее всего мы не найдем… вашего друга. По меньшей

мере до темноты. — Спокойное презрение, с которым Жонглер относился к ним раньше, тоже исчезло. Сейчас он глядел на !Ксаббу и Сэм так, как будто с удовольствием забил бы их обоих палками, хотя и он сумел сохранить голос спокойным. — Здесь не гора — и могут быть живые существа, с которыми лучше не встречаться.

— Очень хорошо, — сказал !Ксаббу. — Тогда нам лучше разбить лагерь прямо сейчас, потому что здесь, по меньшей мере, земля плоская. — Он повернулся к Сэм. — В одном он безусловно прав — это новая местность и мы не знаем, кто может заинтересоваться нами.

— Если ты хочешь, я могу набрать хворост. А ты пока можешь еще раз поискать Рени. Позвать ее или что-нибудь еще в таком духе.

Он благодарно кивнул.

— Спасибо Сэм. Я думаю, что смогу разжечь огонь — мне удалось сделать это в том незаконченном месте, где мы были раньше. Но бери только то, что лежит на земле.

Она не удивилась, когда !Ксаббу вернулся, медленно волоча ноги, как будто нес на себе что-то тяжелое. Она слышала, как он долго звал Рени. И решила попытаться втянуть его в приятный разговор.

Он нагнулся и начал строить костер. Жонглер сидел на пятнистом камне, о чем-то размышляя и сжав вместе свои голые ноги. Сэм решила, что старик напоминает горгулью на церковной крыше.

С травянистых холмов задул ветер, и некоторые из деревьев зашевелились. Глядя на дрожащие огоньки костра, Сэм внезапно сообразила, что погода тоже вернулась, когда они оказались в более материальных местах.

«Но останется ли оно достаточно реальным?» — спросила она саму себя. И только тогда, когда !Ксаббу удивленно посмотрел, поняла, что говорила вслух. Она чувствовала себя глупой, но мысль и не думала уходить.

— Я хочу сказать, если мы пойдем дальше, будет ли этот мир более материальным?

!Ксаббу еще не успел ничего сказать, когда Жонглер резко наклонился вперед. — Ребенок, если ты думаешь, что мы идем обратно в сеть, тебя ждет болезненное разочарование. Я не строил это место, и другие, тоже. Мы в черной воде, созданной операционной системой отдельно от сети — очень отдельно.

— А для чего?

Жонглер недовольно засопел и уставился на огонь.

— Он не знает, — сказала Сэм, обращаясь к !Ксаббу. — Он тупит. Он думал, что знает все, но сейчас испуган, как и мы.

Жонглер фыркнул.

— Я не испуган, «как вы все», девочка. Мне действительно есть, чего бояться, потому что у меня есть много чего терять. Но я не хочу тратить энергию на бессмысленные разговоры.

!Ксаббу протянул руку и ласково погладил Сэм.

— И опять он прав, по меньшей мере в одном. Мы должны отдохнуть, потому что кто знает, что мы найдем завтра?

Сэм обняла себя руками.

— Я надеюсь, что хоть что-то из того, что мы найдем завтра, можно будет надеть. Стало холодно. — Она посмотрела на ! Ксаббу, который, совершенно голый, выглядел так, как будто был одет. — А тебе, что, не холодно?

Он улыбнулся.

— Возможно будет. Так что завтра мы потратим время и попытаемся понять, можно ли будет из этих растений сделать одежду или, по меньшей мере, одеяло.

Идея маленького, но проекта, подняла настроение Сэм. После смерти Орландо все казалось совершенно бессмысленными, и конечно они ни на шаг не приблизились к тому, что им действительно нужно было узнать… но было бы очень здорово снова согреться.

Она почувствовала, как сон наваливается на нее и свернулась клубочком около огня.

Сэм думала, что спала не больше секунды, когда ее лица коснулись длинные пальцы !Ксаббу.

— Тише, — прошептал он. — Кто-то ходит поблизости.

Она попыталась вскочить, но !Ксаббу удержал ее внизу. Жонглер тоже проснулся и молча глядел, как прямо за костром в высокой траве движутся тени. Сэм сообразила, что он волнения забыла вдохнуть. Она напомнила себе, что вместе с Орландо участвовала во множестве опасных приключений, умеет побеждать нервное возбуждение и делать то, что необходимо.

«Да, но сейчас все по-настоящему.»

Нет, конечно нет — достаточно посмотреть на все эти странные деревья — но опасность самая настоящая. Тихое шипение, которое может быть ветром, а может быть и шепчущими голосами. Сэм вытащила рукоятку меча и схватила ее обеими руками, потому что руки так дрожали, что одной она не могла удержать ее.

В круг света скользнула маленькая фигурка. Она распласталась на земле, огромные круглые глаза нервно глядели

по сторонам. Сэм решила, что никогда не видела более странного животного — гибрид обезьяны с кенгуру, веретенообразные ноги покрыты длинным мехом, крошечная голова низко сидит на узких плечах.

Жонглер внезапно кинулся вперед и выхватил из костра дымящуюся ветку. Но когда он выпрямился, животное уже исчезло в высокой траве.

— Остановись! — сказал !Ксаббу. — Кажется он не хочет нам ничего плохого.

Жонглер презрительно засопел.

— Первая пиранья, которая оказывается около пловца, несомненно ведет себя очень воспитанно. Но там есть много. Я слышу их.

Прежде, чем !Ксаббу или Сэм успели ответить, на краю поляны опять появилась то же самое широкоглазое лицо. Несмотря на ужасающий внешний вид существа, сердце Сэм забилось поспокойнее — зверь был вдвое меньше их и, судя по виду, напуган до полусмерти. И тем не менее она испуганно вздрогнула, когда существо заговорило.

— Вы… вы говорить? — Оно запиналось и мямлило, и тем не менее слова были понятны.

— Да, мы говорим, — ответил !Ксаббу. — Кто ты такой? Хочешь посидеть у нашего костра?

— Посидеть у нашего костра! — взорвался Жонглер. Костлявое создание отпрянуло от него, но не убежало.

— Да. Там, откуда я пришел, мы не гоним от костра того, кто не хочет нам ничего плохого. — !Ксаббу повернулся к их маленькому шерстистому гостю. — Подходи и садись. Скажи нам, как тебя зовут.

Создание заколебалось, его длинные ноги задрожали, оно потерло передние друг о друга.

— Со мной другие. Много. Замерзшие и испуганные. Они могут подойти к огню?

Взгляд, которым !Ксаббу успокоил Жонглера, очень впечатлил Сэм, потому что в данном конкретном случая она была согласна скорее с Жонглером, чем со своим другом.

— Да, — сказал !Ксаббу чужаку, — если они не хотят нам ничего плохого.

Создание нервно улыбнулось.

— Мило. Дела… очень плохо. Все боятся. — Он повернулся на своих длинных ногах, потом повернулся обратно. — Джеки Ниббл. Так меня зовут. Вы — милые люди. — Он повернулся к лесу и свистнул, призывая товарищей.

Вначале Сэм показалось, что кто-то открыл ворота

зоомагазина и дал товару убежать. Около дюжины созданий осторожно выползли из подлеска и устремились к слабому свету костра; очень маленькие, издали они казались крысами, собаками или котами, но вблизи можно было рассмотреть более странные детали. Пока она смотрела, взволнованно и восхищенно, на крошечных созданий, которые *не* были теми, чем казались, она услышала над головой шум крыльев, посмотрела вверх и увидела еще не меньше дюжины гостей, крылатых созданий, по виду напоминающих птиц, которые рассаживались на ветках деревьев вокруг поляны.

— Что, в Ковчеге появилась дыра? — проворчал Жонглер.

— Эй! Он шутит — вроде того. — Сэм пыталась говорить небрежным голосом, но никак не могла оторвать взгляд от взвода странных маленьких созданий, который уже приближался к костру. — Он сканирует, и очень плохо.

— Я зажег этот костер, — сказал !Ксаббу первому созданию. — У нас нет еды, но вы можете разделить с нами его тепло.

Джеки Ниббл смешно поклонился, согнув длинные ноги.

— Мило. Очень. — Он опять свистнул, и маленькие создания бросились вперед, окружив костер кольцом.

— Кто эти твои товарищи? — спросил !Ксаббу, положив в костер очередную бесцветную сухую ветку. — Или это твои дети?

Вопрос показался Сэм очень странным — как обезьяно-кенгуру может быть родителем птиц или треухих кроликов? — но Джеки Нибблу он показался естественным.

— Нет, не мои. Я делаю… — Он остановился, его большие круглые глаза съехали в стороны, пока он думал. — Я делаю… я беру? Я беру заботу о них? О новых — нахожу место, семью. Но семей не осталось. Кроме мест-собраний, очень плохо. — Он тряхнул маленькой круглой головой. — Мы пытаемся найти мост. Мир становится такой маленький! Я думаю Тот-который-есть сердится на нас.

— Кто… этот Тот-который-есть? — спросила Сэм. — И что это значит «найти им семью»?

Дрожь мрачного предчувствия пробежала по лицу Джеки Ниббла, плоского даже в туманном свете костра.

— Вы не знаешь? Не знаешь Того-который-есть?

— Мы издалека, — быстро сказал !Ксаббу. — Возможно мы называем Того-который-есть иначе. Ты имеешь в виду… ты имеешь в виду Того-который-есть, который сделал все это?

Джеки Ниббл кивнул, успокоенный.

— Да, о да! Он, который сделал нас. Перенес через Белый Океан. Кормит нас. Дает нам семью.

Более маленькие создания, до этого мгновения тихо шуршавшие и чирикавшие, почтительно замолчали. Некоторые из них кивнули крошечными головками и отстраненно улыбнулись, погрузившись в мечту о кормящей их общине.

Но Феликс Жонглер не улыбнулся. На самом деле Сэм никак не могла отделаться от мысли, что он выглядел таким злым, что готов был укусить кого-нибудь. Гости, кажется, тоже заметили это, и хотя теперь вокруг лагеря их было полным полно, все они предпочитали держаться подальше от него.

И тут Сэм сообразила, что она слишком долго сидела без движения и поэтому у нее болят все суставы. Она встала, и все их маленькие гости испуганно вздрогнули. Некоторые из птиц взвились в воздух и не садились обратно на ветки, пока она опять не застыла неподвижно.

Все эти странные маленькие создания так робко глядели на нее, что Сэм едва не рассмеялась.

— Да это настоящее сканшоу для детей. *Баббл Банни на Планете Черепах*. Такое ощущение, что они каждую минуты готовы запеть «*Банни уши, Банни хвост, супер-пупер Банни нос*»…

— Помолчи, ребенок, — резко сказал Жонглер. — Как можно думать, когда ты так лепечешь?

— Не говори с ней так, — сказал !Ксаббу.

— Не волнуйся — я же не обращаю на него внимания… — Сэм внезапно замолчала, потому что одно из маленьких созданий внезапно подошло к ней, встало на задние лапы и уставилось на нее.

— Он всегда говорит, что я слишком много времени провожу в сети, — продекламировало оно тонким голосом. *— И только потому, что он думает, будто Баббл Банни непроходимо глуп и у него нет никаких моральных принципов*. — Закончив, существо выжидательно посмотрело на Сэм, как будто ожидало контрпредложения на основное предложение. Потом крошечное лицо опустилось и существо уползло обратно к своим товарищам.

— *Кто* всегда говорит? — Сэм не поняла смысл представления. — Я хочу сказать, вы это слышали? Оно потрясно говорит! О Баббл Банни! — Она повернулась к !Ксаббу, пытаясь не захихикать, но все равно кое-кто из существ перепугался. — Что это все значит?

— Это… жизнь-призрак, — обеспокоено сказал Джеки Ниббл. — Разве ты не иметь ее, когда впервые появилась сюда? Тот-который-есть дает нам все — но может быть ты забыть твой, когда нашла себя здесь. Это бывает.

Прежде, чем она или !Ксаббу смогли ответить, Жонглер нагнулся над обезьяноподобным созданием.

— Этот… Тот-который-есть, как ты говоришь. Он *сделал* тебя? — Он нагнулся еще ближе. — Сделал *все это*?

Джеки Ниббл поднял длинные руки над головой, пытаясь защитить себя. — Конечно! Тот-который-есть сделал все. И тебя, тоже!

— Ого, неужели? — Голос Жонглера стал тише и противнее, как будто огонь горна превратился в свирепое синее пламя. — А теперь отведи меня к твоему Тому-который-есть. — Его рука с удивительной скоростью сомкнулись на крошечном пушистом запястье. — И тогда мы узнаем, что это за черт.

Джеки Ниббл заорал так, как если бы его обожгло. Зашуршала трава, захлопали крылья. Мгновением позже на поляне остался только один пленный, отчаянно пытавшийся вырваться из железной хватки Жонглера. Его крошечное лицо перекосил неподдельный ужас, и сердце Сэм переполнилось жалостью.

— Отпусти его! — крикнула она. — Ты, большой подлый мамаёб, отпусти его!

!Ксаббу прыгнул вперед, схватил свободную руку Жонглера и сильно дернул. Джеки Ниббл, освободившись, отлетел в сторону и со всех ног бросился в лес. Жонглер, с сузившимися, горящими яростью глазами, поднял руку, как будто хотел ударить !Ксаббу.

Сэм, размахивая сломанным мечом Орландо, бросилась вперед.

— Если ты ударишь его, я… я отрежу тебе яйца, ты старый подонок. — Жонглер зарычал на нее, по-настоящему зарычал, как дикий зверь, на одно ужасающее мгновение она решила, что он сошел с ума и ей надо будет сражаться насмерть с этим жестоким мускулистым мужчиной. Она развела ноги пошире, заставила себя выставить вперед остаток клинка и взмолилась, чтобы он не заметил ее дрожащие коленки. — Вот!

Глаза Жонглера расширились. Он медленно посмотрел на нее, потом на !Ксаббу, как будто не понимал, как житель далекой области дельты Окаванго посмел коснуться его руки, потом встряхнулся и пришел в себя. Повернувшись спиной к ним обоим, он ушел с поляны.

Сэм села, уверенная, что иначе упадет. !Ксаббу мгновенно бросился к ней.

— Ты не ранена?

— Я? — Она рассмеялась, даже слишком громко. — Он же собирался отвернуть голову тебе. Я не была даже близко от него. — В это мгновение ее с головой захлестнуло ощущение странности и даже абсурда происходящего. Что она, Сэм Фредерикс, делает в этом месте, где только что чуть не зарезала

самого богатого и противного человека на свете? Она должна сидеть дома, слушать музыку, или болтать с друзьями по сети. — Господи, — сказала она, — да нас только и трахают самыми разными способами.

!Ксаббу успокаивающе коснулся ее плеча.

— Ты вела себя очень храбро. Но я далеко не такая беспомощная жертва, как ты могла подумать.

— Не дашь всем этим плохим парням коснуться меня, да? — Сэм попыталась улыбнуться. — Ты не один из них. Вот почему Рени любит тебя.

!Ксаббу изумленно посмотрел на нее, потом мигнул. — И что мы будем делать теперь?

— Не знаю. Не думаю, что больше смогу находиться рядом с этим человеком. Ты видел его? Он… даже не знаю. Сканирует по настоящему.

— Очень плохо, что он напал на нашего гостя, — задумчиво сказал !Ксаббу. — Но мы должны узнать от этих детей все, что только возможно.

— Детей?

— Да, я уверен. Ты помнишь, что сказал нам Пол Джонас? О мальчике Гэлли и его товарищах, ждущих за Белым Океаном?

Сэм медленно кивнула.

— Да. И этот маленький бурундук или кто он там такой… говорил о Баббл Банни. Здесь все как в сетевом шоу для микро в настоящем мире! — Она быстро взглянула на !Ксаббу. — Микро значит дети.

Он улыбнулся.

— Я догадался. — В то же мгновение улыбка испарилась. — Мы должны узнать как можно больше…

Теперь уже Сэм успокаивающе коснулась руки маленького человека. — Мы обыщем все вокруг. И найдем Рени.

— Я пойду, соберу немного хвороста, — сказал !Ксаббу. — А ты ложись и попытайся уснуть. Я постерегу. Не думаю, что сумею заснуть, даже ненадолго.

Несмотря на предложение !Ксаббу, прошли долгие бессонные часы, прежде чем движение в траве не заставило ее подскочить. Рукоятка сломанного меча как бы сама прыгнула ей в руку; она покрепче сжала ее, когда увидела ястребиное лицо Жонглера, нависшее над собой.

— Что ты хочешь? Ты думаешь, что я шутила, когда собиралась…?

Жонглер нахмурился, но в выражении его лица было что-то странное. Он развел руки. Они тряслись. — Я вернулся… — Он

заколебался, потом, отвернулся, и Сэм потребовалось несколько секунд, чтобы понять смысл его слов. — Я вернулся для того, чтобы сказать: я был не прав.

Сэм посмотрела на !Ксаббу, потом опять на Жонглера.

— Что?

— Ты слышала меня, ребенок. Или ты хочешь, чтобы я стелился перед тобой? Я был не прав. Я потерял контроль над собой и упустил возможность узнать что-нибудь, возможно очень важное. — Он смотрел в никуда, на нечто, не видимое никому. — Я был ослом.

!Ксаббу склонил голову набок.

— И ты хочешь все забыть?

По голому торсу Жонглера пробежала видимая дрожь.

— Я не прошу, чтобы вы все забыли. Я, например, никогда. И ни от кого! Но неправда, будто я не умею признаваться в своих ошибках. Я ошибся. — Свет костра, по видимому, мешал ему, и отступил назад, почти скрывшись в тенях. — Вы… вы слышали, что они говорили. Как они говорили о моем изобретении. Тот-который-есть…! Они говорили о моей операционной системе, как о боге! Он… Иной делал вещи без моего разрешения, стал неслыханно свободным! Вот почему система была такой медленной, вот откуда все проблемы с сетью, из-за которых Церемония Грааля так долго откладывалась. Потому что эта проклятая операционная система крала ресурсы и строила свой маленький проект, этот смешной и сломанный Эдем. Иисус Христос, меня предали, все!

Какое-то мгновение все молчали, потом !Ксаббу спокойно сказал:

— Да, похоже тебе не везло со слугами, а?

На лице Жонглера появилась волчья усмешка.

— Ты невольно напоминаешь мне, что ты не дикарь. У тебя неприятно-острый ум, которым ты пользуешься, если захочешь — как отравленные стрелы твоего народа. — Он покачал головой и осел на лесную почву. Только тут Сэм поняла, что он дорожал не от гнева, а от усталости и еще чего-то такого. В первый раз она видела его без маски — старый, очень старый человек. — И я заслужил это. Я дважды крупно ошибся в расчетах — и теперь плачу полную цену. В любом случае если вы оба хотите какую-нибудь небольшую компенсацию, я готов заплатить.

Прежде, чем Сэм успела что-то сказать, !Ксаббу коснулся ее руки.

— Нам не надо никакой компенсации, — спокойно сказал он. — Мы пытаемся остаться в живых, вот и все. Твоя операционная система и твой… как сказать? Наемник? Наемный

рабочий? Это твои проблемы, но и наши, тоже.

Жонглер медленно кивнул.

— Он устрашающе умен, молодой мистер Дред. Он использовал это имя, чтобы насмехаться надо мной — сам себя он называет Мор Дред. Вы понимаете, на что он намекает? И даже я не понимаю его до конца.

Сэм нахмурилась. Она знала, что !Ксаббу хочет, чтобы этот противный мужик говорил как можно дольше, так что один вопрос не повредит, верно?

— Я не понимаю, что это означает — Мор Дред.

— Легенда Грааля. Мордред, сын Короля Артура. Незаконнорожденный ублюдок, предавший Круглый Стол. Точно так же, как Дред предал меня и уничтожил мой Грааль. — Жонглер взглянул на свои руки, как если бы они, тоже, могли предать его. — У него есть много талантов, у моего маленького Джонни Дреда. Вы знаете, что он истинный чудотворец?

!Ксаббу сидел со спокойной ненавязчивостью охотника, не хотящего волновать добычу. — Чудотворец?

— Да, он владеет телекинезом. Каприз генов, вероятно присущий его расе миллион лет, который никто не замечал. Он может действовать на электромагнитные потоки. И я очень сомневаюсь, что пока развитое человечеством общество зависит от этих потоков, кто-нибудь обращает внимание на этот весьма средний выброс силы. Он не может, например, мыслью смахнуть бумагу со стола, зато может изменять информацию в сети. И нет никаких сомнений, что он нашел способ взломать мою систему, проклятый шакал. Но настоящая ирония в том и состоит, что именно я научил его управлять этой силой!

Огонь опять начал умирать, но ни Сэм ни Ксаббу не шевелились, чтобы накормить его. По мере того, как пламя уменьшалось, странные геометрические деревья становились дальше и дальше.

— Видите ли, я очень давно интересовался… такими талантами. У меня есть уши и глаза во многих местах, и когда определенные сообщения о Джонни Вулгару привлекли мое внимание, я позаботился, что его перевели в одно из моих заведений. Он был не только грубый талант, он был и очень грубый мальчик. К тому времени, когда я его нашел, он уже убил нескольких человек. Потом он убил гораздо больше — и только малую часть их них по моему приказу, я должен добавить. Но я должен был догадаться, что тот, кто так потакает себе, никогда не станет полезным инструментом.

— Ты… ты обучал его?

— Да, мои исследователи взяли в руки и его самого и его сырой талант. Мы помогли ему научиться пользоваться такой необычной возможностью. Мы научили его ограничению, выбору, стратегии. На самом деле мы научили его даже большему — из уличного животного мы сделали человеческое существо, или, по меньшей мере, убедительную подделку. — Жонглер хрипло рассмеялся. — Я уже говорил, что понимал его, и мы хорошо работали вместе.

— И он использовал эту… свою силу… для тебя?

— Время от времени. Даже когда он научился полностью фокусировать ее, пробуждать свои спящие способности, он был способен только на маленькие чудеса — и в других обстоятельствах в точности то же самое можно было сделать самыми обычными методами. Ну, например, он научился выводить из строя системы наблюдения. Но я обнаружил, что у него есть и другие таланты, более практические. Он умен и совершенно беспощаден. Исключительно полезный инструмент. До недавнего времени.

!Ксаббу немного подождал, и только потом заговорил.

— И… операционная система? То, что называют Иной?

Жонглер сузил глаза.

— Это несущественно. Дред управляет ею, и, через нее, сетью.

— Да, но только не этой частью, чем бы она ни была. — ! Ксаббу махнул рукой на неестественный тенистый лес. — Он может найти нас здесь, или нет?

Старик пожал плечами.

— Возможно. Я все еще не знаю, где находится это «здесь». Но наш настоящий враг — Джонни Вулгару.

!Ксаббу нахмурился.

— Я думаю, что если этот человек, Дред, управляет сетью через операционную систему, то чем больше мы знаем о ней, тем больше мы сможем сделать — как она работает, как Дред заставил ее работать на него.

— И тем не менее я сказал все, что я хотел сказать.

!Ксаббу посмотрел на него тяжелым взглядом.

— Если бы Рени была здесь, она бы знала, что спрашивать. Но ее здесь нет. — Его глаза на мгновение уставились в никуда. — Нет.

— И что, нас всех уже трахнули? — Сэм пыталась сдержать свой гнев, но не слишком преуспела. Ее жгло воспоминание об Орландо, в последние часы жизни храбро идущем вперед, пока этот покрытый струпьями старый монстр сидел в золотом доме, собираясь жить вечно. — Что, все уже пропало и ничего на фиг не поделаешь? И что ты имеешь в виду, когда говоришь «наш враг

— Дред»? *Наш* враг? А я вижу, что ты — такой же наш враг, как и он.

!Ксаббу какое-то мгновение глядел на нее, серьезным и далеким взглядом.

— Ты напугал эти невинные создания, которые могли помочь нам, — сказал он Жонглеру. — Ты и твои подручные много раз пытались убить нас. Она права, почему мы должны иметь с тобой дело?

На мгновение показалось, что старый человек опять потеряет контроль над собой. Морщины вокруг рта стали еще более резкими.

— Я уже сказал, что был не прав. Ты хочешь, чтобы я униженно ползал перед вами? Никогда.

!Ксаббу вздохнул.

— С того времени, как я уехал из дельты, мне стало ясно, что говорить на одном языке вовсе не означает понимать друг друга. Нам не нужны никакие извинения. За то, что ты сделал нам и другим людям, мы никогда не извиним тебя. Но мы так же… практичны… как и ты. Что ты можешь сделать для нас? Почему мы должны верить тебе?

Жонглер долго молчал.

— Я опять недооценил тебя, — наконец сказал он. — Я несколько лет прожил в Африке и должен был помнить, что среди черных есть много твердоголовых торговцев. — Он широко развел руки, как если бы показывая, что безоружен. — Клянусь, я помогу вам выйти отсюда, и не сделаю вам ничего плохого, даже если будет такая возможность. И хотя я пока не хочу добровольно открыть вам все, что знаю — а чем еще я тогда смогу торговать? — я знаю много такого, чего вы не знаете. Я вам нужен. В одиночестве я окажусь в большой опасности, поэтому вы мне тоже нужны. Что скажете?

— !Ксаббу, нет, — сказала Сэм. — Он лжец. Ты не можешь доверять ему.

— Но если вы не хотите заключить со мной договор, что вы будете делать? — требовательно спросил Жонглер. — Убьете меня? Не думаю. Я же просто пойду за вами следом, извлекая пользу хотя бы из вашего присутствия, а вот вы ничего не выиграете, изгнав меня.

!Ксаббу встревожено посмотрел на Сэм.

— Рени хотела, чтобы мы работали вместе с ним.

— Но Рени здесь нет. И разве имеет значение то, что я хочу?

— Конечно.

Сэм, расстроенная, крутанулась к Жонглеру.

— В любом случае, куда мы пойдем? И как ты собираешься

нам помогать? Вроде как здесь, с этими маленькими лесными животными, которые так и не успели сказать нам то, что мы хотели узнать.

Он нахмурился.

— Это была ошибка. Сколько можно говорить.

— Если он пойдет с нами, нам придется спать по очереди, — сказала Сэм. — Как будто мы на вражеской территории. Потому что я не доверяю ему и он может убить нас во время сна.

— Ты не ответил на ее первый вопрос, — заметил !Ксаббу. — Куда мы пойдем?

— Внутрь. В сердце системы, я полагаю. Чтобы найти… как эти жалкие создания называют его? Найти Того-который-есть.

— Ты сказал, что даже если знать операционную систему, это нам не поможет.

— Еще раз: я сказал все, что хотел сказать. И, откровенно говоря, пока Дред управляет ею, мы можем сделать очень мало. Но, если операционная система построила это мир, где-то здесь должна быть прямая связь с ней. — Он замолчал, размышляя, но потом сообразил, что не закончил. — Если мы сможем найти эту связь, мы сможем добраться до Дреда.

— А потом? — Внезапно !Ксаббу показался очень усталым. — Что потом?

— Не знаю. — И у Жонглера почти не осталось сил. — Но иначе мы будем бродить здесь как призраки, пока наши тела не умрут настоящей смертью.

— Я просто хочу домой, — тихо сказала Сэм.

— Долгая дорога. — На мгновение голос Жонглера стал почти человеческим. — Очень долгая дорога.

ГЛАВА 15
Исповедальня

СЕТЕПЕРЕДАЧА/МОДА: Новое направление Мбинды?

(изображение: модели, одетые в «шюты», последнюю коллекцию озабоченного дизайнера)

ГОЛОС: После последнего совершенно провального года, многие дизайнеры решили кардинально изменить свои представления о моде. Но Хусейн Мнонда пошел намного дальше. Вчера он объявил, что рассматривает намного более радикальный подход к своей профессии.

(изображение: Мбимба за кулисами Миланского дома мод)

МБИНДА: «Мне снился сон, в котором все ходили голыми. Я был в месте, где одежда не имеет значения, потому что все молоды и прекрасны, всегда. Я осознал, что это небеса, и я видел души людей. Это видение послал мне Бог, понятно? И теперь я хочу показать всем, что мода, деньги и вообще все это не имеет никакого значения…»

ГОЛОС: Внутреннее зрение Мбинды подсказало ему его последнее направление: спреи латекса. Это не обычные модные тени. Каждый новый спрей Мбинды имеет цвет человеческого тела, так что того, кто его носит, можно считать обнаженным, хотя он вполне одет. Несмотря на религиозный источник вдохновения дизайнера, сами спреи весьма дорогостоящи…

Он уже достаточно давно смотрел на свой планшет. Он уже закончил все отложенные дела, которые смог вспомнить, и еще несколько новых, которые только что придумал. И теперь не было ни одной причины, из-за которой можно было отложить звонок. Он выговорил кодовую фразу, которую Селларс дал ему. Если верить этому странному человеку, теперь его разговор будет невозможно засечь. И стал ждать.

За последние несколько дней Катуру Рэмси пришлось поверить в несколько невозможных вещей — всемирный заговор, устроенный ради бессмертия нескольких самых богатых людей мира, жертвой которого стали заболевшие дети, огромную виртуальную вселенную, созданную без всякого официального извещения, и даже в то, что единственная крошечная надежда на

выздоровление детей находится в покалеченных руках человека, живущего в заброшенном туннеле под военной базой. Рэмси видел отца и ребенка, похищенных из ресторана военными США, ему самому угрожал грубый генерал, который потом внезапно умер, и сейчас он и еще несколько беженцев находятся в большой опасности и только потому, что узнали об этом огромном зловещем заговоре. У одних его клиентов дети лежат в загадочной коме, вызванной, по видимому, этим самым заговором. Другую его клиентку ведут сверхъестественные голоса. Да, за последнее время Катур Рэмси прошел через многое.

И все-таки сейчас ему предстоит сделать намного более трудное дело.

На десятом звонке включилась служба отсутствующих абонентов. Ненавидя себя за чувство облегчения, он начал диктовать сообщение для них. Потом трубку взяла мать Орландо.

— Рэмси, — сказала она, странно замедленно кивнув. — Мистер Рэмси. Конечно. Как дела?

Все абстрактные мысли об опасности и смерти немедленно исчезли, смытые настоящей болью Вивьен Феннис Гардинер. Как ракетное топливо изменило внешность Селларса, сделав ее почти сверхъестественной, так и горе выполнило свое темную чудовищную работу внутри мамы Орландо; за пустым взглядом и неуклюжим макияжем — он не помнил, чтобы раньше, во время их встреч, она пользовалась косметикой — скрывалось что-то ужасное.

Он постарался найти слова.

— О, миссис Феннис. Мне очень жаль, очень жаль.

— Мы получили ваше сообщение. Благодарю вас за молитвы и добрые мысли. — Она говорила голосом лунатика.

— Я… я позвонил потому, что хочу очень-очень извиниться за то, что не смог быть на погребальной церемонии Орландо…

— Мы понимаем, мистер Рэмси. Вы очень занятый человек.

— Нет! — Но даже эта неподходящая вспышка не вызвала у ней никакой реакции. — Нет, я не мог приехать вовсе не поэтому. — Внезапно он почувствовал себя барахтающимся над океанской бездной. Что он может рассказать ей, даже по безопасной линии. Об агентах всемирного заговора, которые могут преследовать его, Селларса и остальных? Однажды он утаил от нее критическую информацию, чтобы не углублять ее горе. А сейчас, когда произошло самое худшее, что он может сказать ей?

«По меньшей мере хотя бы часть правды, черт тебя побери. Ты обязан.»

Она ждала молча, как кукла, посаженная прямо, сидит и

ждет, когда придет кто-нибудь и вернет ее к жизни.

— Я был… я занимался расследованием, как я вам уже говорил. И… и безусловно кое-что происходит. Кое-что большое. Вот почему… поэтому… — Внезапно на почувствовал как на загривке повисло тяжелое бремя страха. Ведь если люди Грааля смогли украсть майора Соренсена прямо из ресторана, что помешает им дотянуться до домашней линии семьи Орландо? Что он мог сказать ей? Даже если все, что рассказал Селларс, правда, людям Грааля вовсе не обязательно знать, как Рэмси открыл его — и как глубоко в нем увяз. — Орландо… и все то, что он сделал онлайн…

— О, — сказала внезапно Вивьен, и в первый раз что-то похожее на оживление пробилось через ее маску Кабуки. — Это вы послали этих людей?

— Что?

— Этих людей. Которые пришли и попросили посмотреть его файлы. Кажется они сказали, что они ученые — исследуют Синдром Тандагора. То, что было у Орландо, вы же знаете. В конце. — Она кивнула, очень медленно. — Это было на следующий день после Орландо… и Конрад был в больнице… и я даже не обратила внимание… — Ее лицо опять опустилось. — Мы так и не нашли этого жука… агента Орландо. Может быть они забрали его. Я ненавижу эту противную ползучую тварь.

— Минутку, Вивьен. Постойте. — На шее Рэмси уже висела целая тонна. — Кто-то пришел в *ваш* дом? И рылся среди файлов Орландо?

— Кажется один из них дал мне визитную карточку… — Она мигнула и огляделась. — Она где-то здесь… секунду.

Пока она ходила по дому, Рэмси пытался успокоится после внезапного приступа паники. «Нет, — предупредил он себя. Не делай этого — не становись профессиональным параноиком. Это могут быть настоящие ученые, может быть из больницы или из правительственного института. Тандагор попал в прессу довольно поздно, и некоторые чиновники могли почувствовать себя неуютно. — Но он сам не верил себе. — Даже если они из Грааля, ну и что? Расслабься, парень и дыши медленно. Ты никогда не говорил об этих файлах с Орландо Гардинером, ты даже никогда не видел его — только его теплое тело на кровати для комы.»

«Но жук. Бизли. Если они найдут эту тварь, компьютерного агента, что они найдут в его памяти?»

К тому времени, когда она вернулась, он почти успокоился.

— Я не могу найти ее, — сказала она. — Но в любом случае там были только номер телефона и имя. Хотите, что, если я найду ее, пошлю информацию вам?

— Да, пожалуйста.

Она какое-то время молчала.

— Это была великолепная служба. Мы сыграли несколько песен, которые он любил, и пришли несколько людей из игры, в которую он так любил играть. Кто-то из Срединной Страны прислал что-то вроде подарка, и они играли на экране часовни. Монстры, замки и все такое. — Она улыбнулась, печальная улыбка, которая, однако, расколола маску: губы затряслись, голос дрогнул. — Они… они просто дети !Как Орландо. Вы знаете, раньше я ненавидела их. Даже проклинала.

— Смотрите, Вивьен, я не ваш адвокат и не чиновник, но если кто-нибудь еще придет и попросит посмотреть файлы Орландо, я бы ему не разрешил. Если, конечно, они не из полиции и вы не будете полностью уверены, что они те, за кого себя выдают.

Ее бровь поднялась.

— Что происходит, мистер Рэмси?

— Я… на самом деле я не могу сказать. Но обещаю, что расскажу все, когда смогу. — Он попытался понять — находятся ли они в опасности, Конрад и Вивьен? И не смог представить, почему. Самое последнее, что сейчас хотят люди Грааля — новая история об еще одной жертве Тандагора. — Просто… просто… — Он вздохнул. — Я не знаю. Просто позаботьтесь друг о друге. Я знаю, что для вас это ничего не значит, но есть вероятность того, что ваши страдания не бессмысленны. Никому от этого не будет лучше, и я могу только гадать, как ужасно все это для вас, но… — Все. Больше он у него слов не было.

— Я не очень поняла, что вы имеете в виду, мистер Рэмси. — Она слегка отшатнулась от экрана, то ли потому, что опасалась услышать что-нибудь еще более ужасное, то ли потому, что разговор утомил ее.

— Не имеет значения миссис Феннис. Вивьен. Мы еще поговорим, попозже.

Он подал ей знак конца разговора и отсоединился. Он мог дать ей только это, и ничего другого.

Селларс почувствовал его настроение и оказался достаточно мудр, чтобы не мешать Рэмси какое-то время молча лежать на диване, делая вид, что смотрит в стенной экран по меньшей мере двадцатилетней давности. Плазменный, на два дюйма выходящий из стены, верхняя рама в пыльных пятнах, и совсем небольшой, едва ли больше противной картины с парусником, видевшей над диваном.

— Я внезапно вспомнил, как ненавижу мотели, — сказал Рэмси. Лед в напитке уже растаял, но он не мог заставить себя

сесть прямо, и тем более подойти к автомату для производства льда в холле. — Плохие картины, мебель странных цветов, песок, который вы найдете во всех коридорах, если посмотрите внимательно…

Селларс вздернул голову и улыбнулся.

— А, но видите ли, мистер Рэмси, все зависит от точки зрения. Я провел десятки лет в маленьком доме, который был моей тюрьмой. Или, недавно, я прожил несколько недель в бетонном туннеле под базой майора Соренсена. И сейчас, последние несколько дней, я просто наслаждаюсь комнатами мотеля, даже если здесь не слишком красиво.

Рэмси тихо выругался.

— Простите. Я чересчур эгоистичен…

— Пожалуйста. — Селларс поднял тонкий палец. — Не извиняйтесь. Я уже потерял надежду найти союзников, а теперь у меня их несколько. Вы добровольно взяли на себя опаснейшую миссию — и имеете право пожаловаться на жилье.

Катур Рэмси хмыкнул.

— Да, и я готов согласиться, что видал и похуже. Просто… просто я в ужасном настроении. Звонок родителям Орландо оказался…

— Плохим?

— Очень плохим. — Он резко посмотрел на Селларса. — Кто-то был в их доме — интересовался файлами Орландо. — Он быстро рассказал Селларсу подробности. Пока Рэмси говорил, разрушенное лицо казалось задумчивым, но глаза почти пустыми, как будто старик уже вошел в сеть через свое невидимое подключение и там что-то искал.

— Я должен буду следить за этим, — вот и все, что он со вздохом сказал, когда Рэмси закончил. — Я очень устал.

— Вы хотите поспать? Я буду счастлив освободить вам диван и вытянуть ноги…

— Нет, я имел в виду другое, но благодарю вас. Ольга Пирофски, она еще не звонила вам?

— Нет. — Рэмси все еще злился на самого себя. — Я не должен был посылать ей первое сообщение — вы совершенно правы. Она наверно думает, что я собираюсь ругать ее и заставить вернуться обратно. — Он посмотрел на Селларса. — Хотя я до сих пор не уверен, что *не* должен был говорить ей это.

Непостижимые желтые глаза Селларса взглянули на него, потом старик покачал головой.

— Проклятие, — тихо сказал он. — Я забыл, что у меня больше нет кресла-коляски. — С большим усилием он устроился на диване так, что мог смотреть на Рэмси более прямо. — Я

действительно очень устал, мистер Рэмси. У меня осталось не так много времени, и все мои планы и приготовления не будут значить ничего, когда время придет. Как замечательно сказала мисс Дикинсон:

> Я не могла прийти — и Смерть
> Заехала за мной…[34]

Его голова качнулась на тонкой шее.

— Вы… больны?

Селларс засмеялся, сухой звук, как будто ветер пролетел через верхушку трубы.

— О, мой бог. Мистер Рэмси, взгляните на меня — последние пятьдесят лет я чувствую себя не слишком хорошо. Но, да, у меня бывали лучшие мгновения, чем сейчас. И я не просто болен, я умираю. Ирония, какая ирония — я делаю в точности то же самое, что и Братство Грааля, пытаясь обогнать падающую земную оболочку. Но они хотят сохранить то, что горит внутри. Я же приму свою судьбу с благодарностью, если моя работа будет окончена.

Рэмси чувствовал, что все еще не понимает этого странного человека. — Сколько вам осталось?

Селларс дал рукам упасть на колени, где они лежали, как перекрещенные сухие веточки.

— Возможно несколько месяцев, если я не буду сильно напрягаться, но что в этом странного? — Он безгубо улыбнулся, показав свои зубы. — Я усовершенствовал себя настолько, что могу работать двадцать четыре часа каждый день не сходя со стула, а теперь еще наслаждаюсь путешествием в фургоне майора Соренсена. — Он поднял руку. — Нет, пожалуйста, я не прошу жалеть меня. Но есть кое что, что вы можете сделать, мистер Рэмси.

— И что?

Катура Рэмси показалось, что Селларс секунд тридцать молчал.

— Возможно, — сказал наконец он, — будет полезно, если вначале я кое-что объясню. Я не сказал вам или Соренсенам все, что знаю о себя. Вы удивлены?

— Нет.

— Я так и думал. Давайте я вам расскажу один не самый интересный факт, но имеющий прямое отношение к нашим делам. Кстати, майор Соренсен скорее всего знает его, ведь он в деталях изучил мою биографию. Я не американец, по рождению. Я родился в Ирландии — даже в Северной Ирландии, в то время о

ней писали в газетах чуть ли не каждый день. Мой родной язык — гаэлик.

— Не слышу у вас ирландского акцента…

— Я был совсем ребенком, когда переехал сюда, к дядя и тете. Мои отец и мать принадлежали к древней католической секте Ольстера, довольно странной. Они оба умерли молодыми — это история, интересная само по себе — и меня отправили в Америку. Но пока они были живы, меня растили воином за веру, и я бы им и стал, если бы они не умерли.

— Вы хотите сказать — как Ирландская Республиканская Армия?

— О, значительно меньшая и не такая известная. Отколовшая от нее группа, которая образовалась в то время, когда мирный процесс начался всерьез, и с которым она никогда не примирилась. Но все это не имеет к нам отношения.

— Извините.

— Нет, нет. — Селларс медленно кивнул. — Мы живет в сумасшедшем переплетении историй, и трудно понять, что важно, а что нет. Но я действительно рос в очень католическом окружении. И теперь, мистер Рэмси, когда конец моих трудов близок, я бы хотел исповедоваться.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять смысл этих слов. — Вы хотите исповедоваться… мне?

— Некоторым образом. — Селларс опять рассмеялся своим свистящим смехом. — В нашей компании нет священника, увы. А адвокат, разве он не следующий по очереди?

— Я действительно не понимаю.

— Дело не в религии, мистер Рэмси. Я очень устал и очень одинок. Мне нужно, чтобы кто-то помог мне, и в первую очередь выслушал меня. Я слишком долго сражался в своей войне, почти один. Сейчас мы все в отчаянном положении, и я больше не доверяю самому себе, не могу принимать все решения. Но вы должны понять всю историю.

Рэмси попросил подождать мгновение, потом пошел и напился из раковины в ванной и еще побрызгал на лицо.

— Все это звучит так, как будто вы хотите сообщить мне какую-то тайну, — сказал он, вернувшись обратно. — Во что вы хотите меня впутать?

— Ну, вы же в конце концов юрист, черт побери! Просто выслушайте, пожалуйста, а потом сможете судить сами.

— А почему не майор? Или Кейлин Соренсен — она умная женщина, хотя и немного старомодная.

— Потому что я уже несколько раз подвергал опасности их ребенка, и в результате Кристабель едет с нами. Они не могут

быть объективными.

Рэмси побарабанил пальцами по ручке дивана.

— Хорошо. Говорите.

— Отлично. — Селларс медленно наклонился назад на подушки стула, двигаясь так аккуратно и расчетливо, как хранитель музея, переносящий хрупкий экспонат.

«Которым он и является, — подумал Рэмси, — если все, что он говорил, правда.»

— Первое, — объявил Селларс. — Я наткнулся на проект Братства — сеть Грааля — совсем не случайно. — Он нахмурился. — Этот кусок истории я приберегу для будущего. А сейчас достаточно знать, что, обнаружив их, начал смотреть на развитие их сети с большой тревогой. И не только по альтруистическим причинам, мистер Рэмси. Я наблюдал за угрозой Братства с растущим отчаянием главным образом потому, что понял, что теперь мне придется повременить с самым важным из моих собственных проектов.

— То есть?.. — после долгого молчание спросил Рэмси.

— То есть со смертью. Не то, чтобы это трудно для меня, мистер Рэмси. Напротив. С теми наномеханизмами, которые я приобрел, и с моим оригинальным внутренним устройством, я в состоянии полностью управлять своим телом, и могу одной мыслью остановить поступление крови в мозг.

— Но… почему вы тогда еще жили? Прежде, чем узнали о Проекте Грааль.

— Потому что я долго балансировал на весах, мистер Рэмси. На одной чаше совершенно нормальное желание жить, у меня есть свои радости и интересы, хотя, может быть, одинокие и ограниченные. На другой — боль. Из-за многочисленных операций все, что происходит в моих костях, внутренних органах, даже в гландах… причиняет мне боль. Моя жизнь, мистер Рэмси, наполнена болью.

— Но если вы умеете управлять своим телом, почему бы вам не отключить боль?

— У меня еще не было полного контроля над своим телом, когда я впервые столкнулся с Братством. Сейчас, да, я могу отключить, скажем, чувства в руках и коже, и отрезать свой мозг от остального тела. Но, тогда, что значит быть живым? В моей жизни и так мало физических ощущений — весь мой мир сосредоточен главным образом в сознании, как и у большинства заключенных. Должен ли я отказаться чувствовать, как ветер холодит мне лицо? Вкус еды, которую ем?

— Я… я думаю, что понимаю.

— И, на самом деле, мое время почти истекло, дальше

мучаться не имело смысла. Но тут поднял голову проект Грааль, и я не мог не обратить на него внимания. Не думаю, что мне нужно описывать первоначальные шаги — я сеял семена, вот и все. Я хотел найти группу людей, которым можно доверять, научить их всему, что знаю и потом сделать то, что давно хотел. Я даже сказал им свое настоящее имя, так что вы легко можете себе представить, что я не собирался задерживаться надолго! Но с самого начала все пошло неправильно — вторжение на остров Атаско, загадочное поведение операционной системы, мешающее людям, которых можно назвать моими добровольцами, выйти в офлайн — и вот я еще здесь, и даже более нужный, чем всегда.

— Я могу вас слушать. Но что я могу сделать еще?

— Слушать — очень помогает, не сомневайтесь. Какое невообразимое удовольствие — быть способным говорить открыто. Но у меня есть еще очень специфические нужды. Я сражаюсь на многих фронтах, мистер Рэмси…

— Называйте меня Катур, пожалуйста. Или даже Декатур, если Катур слишком неформально.

— Декатур. Очень мило. — Старик медленно мигнул, возвращаясь к своим мыслям. — На многих фронтах. Еще есть маленькая группа наших союзников, буквально находящихся под осадой в Южной Африке. И еще есть различные планы, которые Братство разработало и уже начало осуществлять, надо наблюдать за ними и в некоторых случаях тайно противодействовать. И, самое важное, я постоянно ищу и пытаюсь помочь тем, кого я послал сеть Грааля. И именно туда пойдете вы… и миссис Пирофски.

— Не понял.

Селларс тихонько вздохнул. — Возможно, когда я расскажу вам все, мистер Рэмси, вы поймете, почему я так разочарован и устал. Я пытался связаться с моими добровольцами в системе с того времени, когда я впервые был вынужден бросить их в симмире Атаско, но с того момента, как система Грааль начала функционировать в полном объеме оказалось, что я не в силах прорваться через ее систему защиты. Говорил ли я вам об этой операционной системе? О ее странной тяге к детям? Я обнаружил это, когда на некотором, достаточно высоком уровне процесса, отправил в сеть Чо-Чо, и система просто разрешила ему войти. Не мне, хотя я чего только не делал, чтобы скрыть себя — операционная система всегда останавливала меня, иногда довольно болезненно — но настоящему ребенку разрешено войти внутрь.

— Ну, эти же хорошо, верно?

— Вы не понимаете, мистер Рэмси, а, Декатур, извините

меня. Представьте, что у вас есть запечатанный ящичек, полный мелких жемчужин, и тонкая иголка, которой вам нужно пронзить стену ящика так, чтобы она коснулась совершенно конкретной жемчужины, находящейся где-то в ящичке. Что вы будете делать?

— Я… — Рэмси нахмурился. — Ну, наверно даже не буду пытаться. Это вопрос с подвохом?

— Я бы этого очень хотел. Дело в том, что я не могу найти своих добровольцев. К счастью это означает, что Братство тоже не в состоянии сделать это. Во всяком случае один из них, Пол Джонас, которому я помог освободиться, кажется ускользает от них уже довольно долго.

— Но вы сами сказали, что пару раз *сумели* связаться с ними, верно?

— Да. Я взял Чо-Чо в правильное место. Это была маленькая победа — и я очень гордился самим собой. Вы знаете, как я добился этого? Операционная система — квази-живая нейронная сеть, или что-то в этом духе — восхищается моими добровольцами. Она уделяет им много внимания и тщательно отслеживает все их действия. Поэтому я составил, довольно грубо, их маршрут. Разрешите мне вам кое-что показать.

Селларс махнул рукой, и хай-алай[35] исчезла с экрана. На ее месте появилось странное изображение: масса зеленых растений, видимая через «рыбий глаз»[36].

— Это мой Сад, место, где я размышляю, — сказал Селларс. — Или мое te'armunn[37], как я привык называть его на родном языке. Все, что я знаю, отображается здесь в виде деревьев, мха, цветов или травы. То есть вы смотрите не на сад, а на полную картину всей моей информации, в данную секунду.

Вот эта картина была неделю назад. Видите темные грибковые следы, ползущие по земле? Там и там? И еще кое-что очень большое под той поверхностью? Это операционная система. Узел вроде этого, активный, означает, что операционная система прилагает много усилий в этом направлении. Часто — хотя и не всегда — это значит, что система следит за действиями моих добровольцев. Как вы видите, они разбились на несколько групп.

— Значит вы можете использовать ребенка, вроде Чо-Чо, чтобы войти в систему. И, приблизительно, представляете себе где находятся ваши люди. — Рэмси прищурился, осматривая сложные зеленые фигуры. — Тогда в чем проблема?

— Это было неделю назад. А вот то, что сейчас.

Отличия буквально бросались в глаза. Как будто по саду Селларса ударил мороз — одни растения исчезли, другие почернели и увяли. Рэмси не мог сказать, что это означает, но было ясно, что случилось что-то ужасное.

— Операционная система. Она… исчезла.

— Нет, не исчезла, но существенно уменьшилась, или, возможно, отступила. — Селларс подсветил некоторые места своего почти безжизненного сада. — Операционная система превратилась в простой механизм, как будто все ее дополнительные функции уничтожены. Я не понимаю смысл этих событий. Еще хуже, исчезли все аналогии и соответствия, и больше я не могу найти своих людей. Для меня они потеряны.

— Теперь я понимаю, почему вы вне себя…

— Но есть и еще кое-что. Вы заметили, насколько тих и мрачен был сегодня Чо-Чо? Прошлой ночью мы провели очень опасный эксперимент. Я не мог найти своих добровольцев и решил отправить мальчика в онлайн, чтобы он попытался узнать что-нибудь о текущем состоянии сети. И нас обоих едва не убили.

— Что?

— Операционная система больше не действует так, как раньше, по меньшей мере для тех, кто пытается вторгнуться в сеть. Больше нет необъяснимых исключений для детей — и для любых других. Система безопасности сети Грааль, смертельно опасная по непостижимым для меня причинам, сейчас полностью безупречна. Никто не может войти, никто не может выйти.

Рэмси сел попрямее и задумался.

— То есть люди, которых вы ввели в систему… потерялись?

— Да. Полностью. И я чувствую себя полностью беспомощным, Декатур. И теперь ваш ход.

— *Мой*? Не думаю, что судебный процесс принесет много хорошего.

Улыбка Селларса стала слегка менее сердечной.

— Боюсь, что до этого еще очень далеко. Я знаю, что вы не в состоянии полностью понять мой сад, но поверьте мне — у нас почти нет времени. Все меняется слишком быстро. Вся система Грааля нестабильна, того и гляди полностью разрушится.

— Но ведь это хорошо, разве нет?

— Нет, пока дети, лежащие в коме, заперты внутри сети. Нет, пока люди, которых я отправил сражаться вместо себя, находятся там же. Вы уже видели, как ребенок умер, а мы все ждали, не в силах ему помочь. Вы хотите позвонить еще раз, родителям Саломеи Фредерикс?

— Нет, Иисус Христос, конечно нет. Но как вы сможете меня использовать?

— Я долго размышлял, и пришел к выводу, что наша единственная надежда — Ольга Пирофски. Я попробовал все, что мог себе представить, но так и не проник в систему. Я пробовал связаться с моими добровольцами, и хотя я могу коснуться их

соединений с внешним миром, что-то мешает мне самому, пользуясь этой связью, прорваться через систему безопасности и войти в сеть.

— Но причем здесь Ольга Пирофски? Она просто милая женщина, которая слышит голоса.

— Если она добьется своей цели, она многое сможет сделать. И нам нужно именно то, что, быть может, она сумеет нам дать — доступ к личной системе Феликса Жонглера.

Рэмси мигнул.

— Личной системе…

— Через систему безопасности может прорваться только тот, кто ее создал. Если и есть что-нибудь, что может дать нам доступ в систему Грааля и связаться с людьми, которых я подверг смертельной опасности, то оно находится в системе Жонглера.

— Но Ольга… Не думаю, что вам нужна дама средних лет, скорее, ну, не знаю — какой-нибудь взвод парашютистов ! Коммандос! Это работа для майора Соренсена, а не ведущей детского шоу.

— Нет, это как раз работа для человека вроде Ольги. Майор Соренсен тоже нам пригодится, обещаю вам, как эксперт по системам безопасности. Никто не собирается плыть на остров Жонглера ночью, прибираться через его личную армию и карабкаться на башню, как какой-нибудь шпион. Нам нужен кто-нибудь в крепости врага — он… или она — кто пригласит нас войти внутрь.

— Пригласит? Она бросила свою работу, Селларс. Она больше не работает на них. Не думаете ли вы, что они ей скажут «О, как это великолепно, наша бывшая служащая, которая слышит голоса и ушла с работы из-за головных болей — возьмем ее к боссу!» Это безумие.

— Нет, Декатур, не думаю, что все произойдет именно так. И мы этого не хотим. Но есть множество людей, которые входят и выходят в эти здания, и никто не замечает их. Уборщики — по большей части бедные женщины, родившиеся в других странах. И Ольга Пирофски скорее проникнет туда, толкая пылесос, чем майор Соренсен за рулем танка.

Спустя полчаса недоверчивость Рэмси хоть и не сменилась восторженным одобрением, но, по меньшей мере, смягчилась до некоторого удивленного согласия.

— Хорошо, но я все еще не понимаю, почему я?

— Потому что я не могу делать все, и, боюсь, умру задолго до конца, каким бы он не будет. Миссис Пирофски потребуются постоянное наблюдение, поддержка и одобрение. Соренсен

способен решить множество технических проблем, я помогу с другими, но она пойдет в лабиринт — в логово врага. Ей нужен кто-нибудь, кто будет держать второй конец ее нити — если я не переборщил с мифологическими ассоциациями. Из всех нас она знает — и доверяет! — только вам. Кто лучше?

— То есть вы предполагаете, что она опять свяжется со мной, — сказал Рэмси, хотя и не сумел сохранить голос жестким. — Очень рискованное предположение.

Селларс негромко вздохнул.

— Декатур, мы собираемся сделать только то, что можем.

Рэмси кивнул, но нельзя сказать, что сильно обрадовался. Теперь, даже если он сумеет связаться с Ольгой Пирофски, то вместо разумного совета — скажем убираться ко всем чертям из этого города и держаться как можно дальше от Джи Корпорэйшн — он должен будет убедить ее сделать кое-что намного более опасное, чем то, что она собиралась. И все ради дела, о котором он еще неделю назад не знал ничего, и в которое верил не больше, чем наполовину.

Селларс прочистил горло.

— Если вы не против, Декатур, мне надо отдохнуть. Вы можете не уходить, но я прошу меня простить, если я усну, ненадолго.

— Конечно, вперед. — Он даже подпрыгнул, когда перестал управлять экраном, Сад исчез, на его месте появились гоночные машины, мчащиеся по чему-то, что казалось минным полем. Рэмси приглушил звук. В замедленном показе бронированная машина плавно взвилась в воздух, уносимая яркой вспышкой; он вспомнил об ужасных ожогах Селларса.

— Погодите. — Он повернулся к Селларсу. Старик закрыл глаза и на мгновение волна жалости захлестнула Рэмси. Он должен оставить этого несчастного инвалида, дать ему отдохнуть. И даже если половина из того, что он сказал, правда, старый пилот заслужил право на отдых…

Но Катур Рэмси провел всю молодость в прокуратуре, и та закалка никогда не покидала его.

— Погодите. Еще одно, и потом вы можете спать.

Желтые глаза медленно открылись. встревоженные и печальные, как у совы.

— Да?

— Вы сказали, как что собираетесь рассказать мне историю о том, как наткнулись на сеть Грааля.

— Декатур, я очень устал…

— Знаю. Прошу прощения. Но если Ольга перезвонит, мне надо будет решать, что говорить ей. Я не люблю болтающиеся

концы. Помните, исповедальня.

Селларс хрипло вздохнул.

— Я наполовину надеялся, что вы забыли. — Он неловко начал садиться, и каждый почти не прикрытый приступ боли упрекал следователя. Рэмси сделал все, что в его силах, чтобы ожесточиться. — Очень хорошо, — сказал Селларс, устроившись поудобнее. — Я расскажу вам последний акт этой пьесы. И когда я закончу рассказ, надеюсь вы вспомните, что исповедь не может быть полной без отпущения грехов. Я все время нуждался в этом.

Вот так, в комнате, освещенной мерцанием настенного экрана, молчаливыми образами разрушения и триумфа, приходившими из широкого мира, Селларс начал говорить. И, слушая спокойные слова старика, удивление и смущение Катура Рэмси постепенно стали чем-то совсем другим.

ГЛАВА 16
Бесплодные земли

СЕТЕПЕРЕДАЧА/РАЗВЛЕЧЕНИЯ: Жабры как основание для отмены сделки.

(изображение: Орхид и его адвокат)

ГОЛОС: Хоумграунд Нетпродакт выкинула актера Монти Орхида из своего будущего сериала «Укуси моего Бетховена» *из-за последней косметической операции. Орхид, известный по своей роли сына врача в сериале* «Бетонное Сердце»*, должен был играть студента музыкальной академии, одновременно являющегося агентом правительства. Хоумграунд утверждает, что новые декоративные жабры Орхида являются нарушением контракта. Орхид подал в суд.*

(изображение: Орхид на пресс-конференции)

ОРХИД: «Они могут работать со мной… можно создать подводного мутировавшего парня — ну, вы знаете, днем он обучается музыке, а по ночам взрывает что-нибудь под водой. Но у них нет никакого воображения.»

Блеклое ледяное пространство, когда-то бывшее Аравийской пустыней, тянулось и тянулось вдаль, сугроб за сугробом, похожие на белый рассыпанный сахар, туманное небо, почти того же цвета, что и пустая равнина. К концу второго дня Пол понял, что несносный холод перестал быть самой большой неприятностью. Ему стало не хватать цвета, как умирающему от голода человеку не хватает еды.

— Мы зря теряем время, — заметила Флоримель, — мне его до ужаса жалко. Как будто тебя заставили идти сто километров по одним рельсам, а по соседним пролетают поезда. Вся система выстроена для постоянного движения, но мы не можем заставить ее работать.

Они обыскали еще несколько заметенных снегом арабских дворцов, надеясь найти другие ворота — без того же успеха.

— Если бы мы как следует осмотрели это место и поняли как оно устроено, — в очередной раз пожаловался Пол, — мы бы сообразили, где они обычно прячут ворота.

— О, чизз, — сказал Т-четыре-Б. — Ты чо, хочешь чтобы мы рылись в снегу, как проклятые собаки? Низзя.

— Мы уже обо всем договорились. — Только по белым облачкам дыхания можно было понять, что Мартина что-то сказала. Как и остальные, она завернулась в ковер, утащенный из фантастических замков, так что наружу торчало только ее лицо. Пол решил, что она выглядит как куль со стиркой, который ждет стиральной машины. — Мы плывем вплоть до конца реки. По меньшей мере мы уверены, что он существует.

— Я не собираюсь опять спорить. — Пол безнадежно посмотрел на черную реку, медленно влекущую их вперед. — Просто… подумал о Рени и остальных… чувствую себя таким бесполезным…

— Мы все так чувствуем, — уверила его Мартина. — А некоторые из нас чувствуют себя еще хуже.

Они появилась перед ними очень медленно, возможно из-за густого тумана или, возможно, из-за темной холодной воды, приглушавшей их обычные колебания, но Пол и все остальные заметили ворота только тогда, когда были уже прямо перед ними.

— Ого! — сказал Т-четыре-Б. — В воде вокруг лодки — голубой свет.

— Господи, — выдохнула Мартина. — Только не по реке. К берегу!

Все дружно замахали самодельными веслами, кусками великолепных резных панелей, украденных из шкафов и сундуков пустого дворца для борьбы с медленным течением. Когда нос маленькой лодки заскрежетал по мели, все пошлепали на берег через обжигающе холодную воду, потеряв по дороге несколько драгоценных одеял.

— Я не хочу давить на тебя, Мартина, — сказал Пол, его мокрые ноги уже дрожали от холода, — но, если ты провозишься достаточно долго, мы замерзнем до смерти.

Она рассеянно кивнула.

— Мы прямо на краю симуляции. Я попытаюсь найти информацию ворот. — Река и ее берега почти исчезали в тумане в нескольких сотнях ярдах впереди, но из-за какого-то программного фокуса казалось, что впереди видна излучина река и земля за ней. Интересно, подумал Пол, что бы мы увидели здесь до того, как Дред накрыл эту землю убивающим холодом — быть может иллюзию бесконечной пустыни?

— Думаю, что нашла, — наконец объявила Мартина. — Тащим лодку за собой, что не потерять, и идем вперед.

Они пошли за ее маленькой, завернутой в ковер фигуркой через сугробы, как группа заблудившихся горовосходителей,

пытающихся не отстать от гида-шерпы. Т-четыре-Б шел медленнее всех, сражаясь с течением и волоча на веревке маленькое суденышко вдоль берега реки. Во время путешествия он больше молчал, и даже его обычное обиженное бурчание стало намного тише, так что Пол спросил себя, не меняется ли молодой человек, быть может взрослеет.

Пол не мог не вспомнить юного солдата его эскадрона, парня из Чешира, с девичьим лицом и привычкой говорить о своих родственниках так, как если бы все в траншее знали их и хотели услышать все, что они говорят и думают. Первая же сильная бомбардировка заставила его притихнуть. Увидев то, что немцы хотели сделать с ними, он стал едва цедить слова, как и большинство убежденных мизантропов в траншее.

Через шесть недель его убило во время артобстрела в Савском Лесу[38]. Пол даже не помнил, что бы он сказал хоть слово в течении нескольких дней до смерти.

Вздрогнув, он остановился. Мартина стояла перед ним и своими слепыми глазами всматривалась в крутящийся туман, как если бы выбирала направление по уличному указателю.

«Куда мы пойдем? В проклятый Савский Лес? Это все не настоящее — во всяком случае те воспоминания, точно. Тебя заставили поверить в это.»

Но он на самом деле пережил это все. Воспоминания о деталях симуляции первой мировой войны ничем не отличались от воспоминаний о его настоящей жизни, или о туманной рутинной работе в Тейте, или о странных годах в башне-крепости Жонглера.

«Так откуда я знаю, что хоть какие-нибудь из этих воспоминаний настоящие? — Он боялся даже думать об этом, и уж конечно не здесь, в ледяном тумане, накрывшем край мира, перед зубцами Чистилища. — Откуда ты знаешь? Откуда ты знаешь, что Пол Джонас твое настоящее имя — и то, что ты считаешь настоящим, случилось на самом деле?»

— Вперед. — Хриплый голос Мартины заставил призраки рассеяться. — Во время перехода мы должны взяться за руки, для надежности.

— Ты нашла Египет? — Пол протянул руку назад и схватился за загрубевшие пальцы Флоримель, а та схватилась за свободную руку Т-четыре-Б.

— Просто ш-шагаем вперед со м-мной — я все объясню, когда п-пройдем. Быстрее! Еще немного, и я з-замерзну до смерти.

Они пошли вперед, голубой свет клубился вокруг их ног; в воздухе дрожали искры, похожие на пьяные светлячки. Статическое электричество подняло волосы Пола.

«Каждая деталь, удивился он. Они продумали каждую деталь…»

Через двадцать шагов он окунулся в обжигающий воздух и яркий свет солнца, которые ударили его как кузнечный молот.

Река никуда не делась, но текла в сотнях метров под ними по дну красного грязного каньона, сверкая в ярком солнечном свете. Они стояли на грязной дороге, не больше дюжины метров в ширину. Как будто опять оказались на склоне черной стеклянной горы.

— Индекс говорит что это… — слегка удивленно начала Мартина. — Додж Сити[39]. Где-то на диком американском западе, да?

Пол даже присвистнул от удивления, но тут его прервал визг Т-четыре-Б. Они повернулись и увидели, как подросток с ошалелыми глазами пятится от того, что раньше было их лодкой, а сейчас стало большим фургоном на колесах, колеса были со спицами. Но Т-четыре-Б напугал не фургон, а странное животное, запряженное в него.

— Д-д-держал веревку от лодки, типа того, — заикаясь сказал он, остановившись за Полом. — Прошли через ворота, и *это* вместо, обалдеть!

Косматая черная тварь в постромках напоминала лошадь со слишком большими задними ногами, но на передних были суставчатые пальцы, как у большой обезьяны. Морда слегка короче, чем у лошади, а крошечные уши очень тесно прижимались к бокам выпяченного лба.

— Что это? — спросил Пол. Животное склонилось к траве, росшей за узкой дорогой. — Что-то вымершее?

— Я таких не видела, — сказала Флоримель. — С пальцами! Это что-то сконструированное.

— И совсем не то, что я ожидала, — невидящий взгляд Мартины зашарил по каньону. На дальней стороне находились искаженные фигуры, которых вначале Пол принял за людей, но теперь отчетливо увидел, что это кактусы, росшие на самом краю обрыва. — Не думаю, что в Канзасе были такие большие горы, даже в девятнадцатом веке.

— Почему мы здесь? — Пол был благодарен за горячее солнце — даже начал потеть. Он бросил на дорогу накидки, ставшие чем-то другим, но из той же материи.

— Прямо как в старом анекдоте, — сказала Мартина. — У меня есть хорошая новость и плохая новость. Хорошая — симуляция Египта существует, или, по меньшей мере, все еще в индексе. Плохая — мы не можем войти в нее из Арабского мира.

— Мы можем войти в нее отсюда?

— Нет, если пойдем по реке, — ответила она. — Речные ворота в конце симуляции открываются в мир, который называется «Тенистая земля» — или назывался раньше. Но, похоже, посреди симуляции есть вторые ворота, которые мы можем использовать.

— И они могут перенести нас в Египет?

— Да, насколько я могу судить. Трудно быть уверенным до конца, я не успела расшифровать коды, указывающие статус. Но я верю, что возможность есть.

— Эй! — крикнул Т-четыре-Б. — Здесь! — Он отошел на несколько шагов от дороги и глядел куда-то в сухую траву. — В земле дыра, вокруг рама. Что-то вроде пещеры с сокровищами, зуб даю.

— Оставайся с нами, Хавьер, — позвала его Флоримель. — Скорее всего это шахта. Опасно, можно свалиться.

— Что сейчас? — спросил Пол. — Как ты думаешь, где могут быть вторые ворота?

Мартина пожала плечами.

— Этот мир называется Додж Сити, так что я думаю стоит начать с города. — Она указала вниз по каньону. — Мы на самом краю симуляции, значит нам туда. Ты что-нибудь видишь?

— Не отсюда. — Он повернулся к Флоримель. — Ты что-нибудь знаешь о лошадях? Похоже эта тварь заменяет их здесь.

Флоримель одарила его мрачной улыбкой.

— Приходилось иметь с ними дело. Я же говорила, что выросла в деревенской коммуне. Почему бы не бросить все тряпки в фургон и не сесть на них? — Она повернулась и позвала Т-четыре-Б, чья черноволосая голова торчала из высокой травы. Его руки ходили вверх и вниз, как будто он чем-то махал. — Черт тебя побери, Хавьер, но если ты упадешь вниз и сломаешь ноги, я не собираюсь тебя вытаскивать. Иди сюда и помоги нам.

— Глубоко, жуть, — сказал Т-четыре-Б, присоединившись к ним через несколько секунд. — Камню надо минуту, чтобы удариться о дно.

— Господи Иисусе, — с усталой скукой сказал Пол, — может быть мы все-таки сядем и поедем?

Все набились в фургон. Флоримель сумела укротить лошадеподобную тварь, хотя Полу показалось, что, забравшись на переднюю скамью и взяв в руки поводья, она выглядела не слишком уверенной в себе. Тем не менее, когда все уселись на твердых скамьях и Флоримель щелкнула языком, тварь послушно пошла вниз. Дорога плавно спускалась вниз по склону горы, глубокий каньон расстилался слева от них, какому-нибудь

неудачнику потребовалось бы несколько долгих секунд, чтобы долететь до дна, и Пол даже радовался неспешному шагу.

— Очень странно, — сказала Флоримель. — Эта долина реки кажется такой… грубой, неотделанной. — Действительно, по краям стен каньона шли красные, оранжевые и коричневые полосы, сверкающие как мясо. — Новой.

— Я никогда не бывал здесь, — сказал Пол. — В реальном мире, я хотел сказать, но я согласен с Мартиной — не думаю, что в Канзасе есть такие горные кряжи. Т-четыре-Б, ты что-нибудь знаешь?

Юноша поглядел на него с задней скамьи фургона.

— О чем?

— О Канзасе.

— Это что-то вроде города, верно?

Пол вздохнул.

— По моему новое, — сказала Мартина. — По меньшей мере я чувствую что-то такое в геологической информации — не знаю как сказать точнее — и это заставляет предположить, что здесь многое уже изменилось и многое меняется как раз сейчас. — Она нахмурилась. — Что там бренчит?

— Очень плохая подвеска фургона, возможно, — кисло сказала Флоримель. — Кстати, эта тварь тащит нас, в отличии он настоящих американских животных. На самом деле я вспомнила…

— *Фенфен*! — внезапно крикнул Т-четыре-Б, указывая на склон позади них. — Там! *Смотри*!

Пол повернулся и увидел огромную светящуюся фигуру, выползающую из шахты. Какое-то мгновение было видно только сверкающее сияние, потом из него высунулась чудовищная голова, повернулась к ним и внезапно Пол ясно разглядел ее.

— Господи Иисусе, это же змея!

Но это оказалось нечто большее — еще одна тварь, вроде их лошади: знакомая, но странная. А когда чудовище начало вытягивать из шахты свое тело, Пол увидел, что оно усеяно большими кусками меди и серебра, как если бы его кости были сделаны из металла и проткнули насквозь грубую узорчатую кожу. Вместо мягкой трубы тело состояло из секций, как детская игрушка, но самым странным оказались колеса, прикрепленные под каждой секцией, круглые костяные пуговицы, очень большие.

— Это же… — «Абсурд, сердце стучит от страха, а он ищет подходящий термин.» — Это же шахтный поезд — вагонетки для перевозки руды!

Огромное тело извивалось и скрипело, выползая на дорогу. Какое-то мгновение чудовище пыталось свиться в круг, но на

плоском пространстве вдоль обрыва не было достаточно места для его огромных колец. Наконец оно подняло две секции вверх, на несколько метров над землей и его фасеточные розовые глаза уставились на фургон, остановившийся и беспомощный — Флоримель пыталась успокоить испуганную до ужаса лошадеподобную тварь. Язык, твердый, похожий на поток ртути, высунулся изо рта, втянулся обратно, голова упала на дорогу и змея с чудовищной скоростью устремилась к ним.

— Бежим! — крикнул Пол. — Оно ползет сюда. Быстрее!

— Низзя! — Т-четыре-Б скатился на переднюю скамью фургона и выхватил поводья из рук Флоримель. — Однажды сделал такого, *я* — в *Бухте Гадеса*.

Он с силой стегнул лошадь поводьями по боку, и та, буквально свистнув от боли и неожиданности, устремилась вниз по дороге с такой скоростью, что фургон едва не перевернулся. Пол успел только вцепиться во что-то. Не успел он восстановить равновесие, как фургон резко повернул, Пол закрутился и обрушился на Мартину, которая едва не перелетела через низкие поручни. Змееподобное чудовище исчезло из вида.

— Улет! — радостно завопил Т-четыре-Б. — Говорю вам, сделал такого, раньше.

— Это не игра! — крикнул ему Пол. — Это чертова реальность.

Флоримель воспользовалась ровной дорогой, перебралась на заднюю скамью, к остальным, и вцепилась в поручни рядом с Полом.

— Если мы выживем, — выдохнула она, — я убью его.

Шансы на спасение быстро уменьшались; дорога стала круче, фургон набрал скорость, но огромная голова змееподобной твари вылетела из-за поворота, за ней трясущееся тело. Колеса и огромная сила набитого рудой тела толкали ее вперед.

Тварь настигала их. Фургон взлетел над камнями, раскиданными по дороге, на мгновение Пол повис в невесомости, потом гравитация вернулась и он резко ударился спиной о лавку. На него упало чье-то тело, Флоримель или Мартина, из него вышибло воздух и он увидел дневные звезды.

Секундой позже фургон наклонился под тревожным углом — это испуганная лошадь протащила его вокруг очередного поворота на двух колесах. Полу даже показалось, что они слетели с дороги и повисли над абсолютной пустотой.

Когда все четыре колеса коснулись земли, Пол встал на четвереньки, страстно желая выполнить план Флоримель, даже если они сами не выживут после смерти Т-четыре-Б. Но, оглянувшись назад, увидел кошмарную морду в нескольких

метрах за ними. Тварь тоже увидела их. Полная железных зубов пасть открылась, показывая непроницаемые глубины, такие же черные, как и дыра, из которой она выползла.

Пол решил, что время задушить подростка еще не настало.

— Она близко! — крикнул он.

Т-четыре-Б пригнулся еще ниже к скамье и изо все сил стегнул поводьями по спине их лошади, но без толку, та и так мчалась на пределе сил. Еще один булыжник, и Пол почувствовал, как опять взлетает в воздух; на мгновение его сердце остановилось, когда он решил, что сейчас вылетит из фургона прямо в ждущие челюсти. Вместо этого он свалился на Флоримель и они оба заскользили к низкой задней стенке фургона.

— Хватай ее! — крикнула Флоримель, когда он пытался распутаться. Сначала Пол не понял, что она умеет в виду, но потом увидел Марину, которая тоже ударилась о зад фургона и лежала, с трудом держась одной рукой и одной ногой; ее левая нога висела в каких-то дюймах над грязью и она была так напугана, что потеряла голос.

Пол подполз к ней вдоль поручней, Флоримель держала его ноги, став чем-то вроде якоря, но он никак не мог крепко ухватить дергающую ногу Мартины, потому что фургон безостановочно подпрыгивал. Т-четыре-Б в тревоге посмотрел назад, и, как бы перестав чувствовать его взгляд, лошадь побежала медленнее. Преследующая змея громко зашипела и поднялась за ними, нависнув над фургоном как внушающая страх фигура на носу корабля викингов.

Лошадь описала крутую дугу вдоль склона горы, и фургон резко вильнул вправо. Пол, Флоримель и Мартина взлетели к наружным поручням; Мартина поднялась над поручнями, какое-то мгновение под ней был только воздух и болезненный полет ко дну каньона. Пол почувствовал, как ее рукав начал выскальзывать из его пальцев, материя трещала по швам, и тут голова дракона резко бросилась вниз и каменные челюсти клацнули в нескольких сантиметрах от головы Пола.

Пол дернул Марину обратно в фургон, по ходу дела ударив ее головой о поручни. Змея опять встала на дыбы, потом приостановилась и, удивленно зашипев, внезапно покатилась в сторону.

Пол встал на четвереньки и глядел, не отрываясь. Голова еще стремилась убить, но хвост змеи не успел резко повернуть, массивное туловище занесло и оно заскользило вниз, окутанное облаком пыли. Пол не отрываясь глядел, как голова билась о горную дорогу, пытаясь зацепиться, но слишком большая часть

тела уже соскользнула вниз. Со скрежетом отказавших тормозов голова устремилась вслед за туловищем, солнце сверкнуло на медных узлах и чудовище исчезло за обрывом, как лопнувшая веревка.

Спустя несколько мгновений до них долетел грохот аварии вертикального поезда.

Пол потрясенно опустился на пол фургона. Мартина и Флоримель лежали рядом с ним, тяжело и быстро дыша. Фургон все еще сильно трясло, он мчался вниз по извилистой дороге, опасно накреняясь на поворотах.

— Хавьер, — крикнул Пол. — Тварь сдохла. Остановись!

— Не могу замедлить, лошадь заклинило!

Пол, истощенный, сел. Мальчишка тянул на себя поводья так сильно, как только мог, но лошадь только слегка замедлилась и по-прежнему неслась вниз с горы почти галопом.

— Она не может остановиться, — простонала Флоримель откуда-то снизу. — Фургон летит на нее. Ищи тормоз!

— Тормоз? В фургоне?

— Боже бой, конечно он здесь! — Она встала на колени рядом с Полом, наклонилась к коленям Т-четыре-Б, схватила за что-то и потянула. Стон тормозов, на мгновение колеса застыли, потом опять покатились, но намного медленнее.

— Черт побери, — сказал Пол. — Даже не могу сказать, насколько я счастлив, что ты и это знаешь.

Он по-прежнему катились со свистом вниз, но все четыре колеса оставались на земле. Пол, Мартина и Флоримель со стонами устроились на полу в середине фургона, каменистый склон горы проносился мимо.

— Все целы? — спросил Пол.

— У меня нет половины кожи на руках, — простонала Мартина. — Но жить буду.

— Эй, — крикнул Т-четыре-Б. — Как насчет заряда для водителя?

— Что? — Флоримель потерла поцарапанные колени. — Неужели он хочет наркотики?

— Заряд! — сказал Т-четыре-Б и захохотал. — Ну, ты знаешь, спа!

Пол, чуть-чуть знавший уличный жаргон, догадался первым.

— Спасибо. Он хочет, чтобы мы сказали ему спасибо.

— Поблагодарили его? — проворчала Флоримель. — Я бы его так поблагодарила, что он улетел бы в пропасть.

Т-четыре-Б нахмурился.

— Съела бы змея, сечешь, ты? Включи чердак.

— Ты сделал хорошую работу, Хавьер, — сказала

Мартина. — Просто смотри на дорогу, пожалуйста.

Пол расставил ноги пошире и оперся о кузов фургона, глядя на холмы, среди которых вилась дорога. Солнце по-прежнему светило ослепляюще ярко, полдень, может быть чуточку позже.

— Очень сомневаюсь, что змея или эта лошадь, которая везет нас, являются частью первоначального дизайна этого мира, — сказал он. — Это ничего не напоминает вам? — Он уставился на черную линию, появившуюся на гребне холма за ними. Через мгновение он сообразил, что это такое. Кабель! Он встал, помогая себе локтями, и посмотрел вперед. Кабель бежал параллельно дороге, протянутый от одного ствола дерева до другого.

«Телефон? Только не в Додж Сити. Может быть телеграф.» Он опять сел и стал глядеть на холмы и черную линию, бегущую рядом с дорогой.

— Мне это напоминает мир Кунохары, — сказала Флоримель. — Мутации, о которых он говорил, начались и здесь. Возможно Дред сделал что-нибудь и здесь, тоже.

— Быстрый и, возможно, приятный ему способ все испортить, — сказала Мартина, медленно и устало. — А ему надо разрушить так много миров. Достаточно изменить несколько случайных факторов, а потом сидеть и наслаждать тем, как из тщательно сконструированной симуляции получается нечто странное.

Еще одна телеграфная линия, ниже первой, уже две непрерывных черных полосы слева от Пола. Фургон трещал и раскачивался на каменистой дороге. Пол застонал. Трудно представить себе менее комфортабельное путешествие — чудо, что он не сломал себе зубы во время этих зубодробительных прыжков. — Нельзя ли помедленнее?

— Проси Мистера Коня, — сердито сказал Т-четыре-Б.

Телеграфные кабели появились и на другой стороне каньона, и фургон катился между двумя высокими, но неплотными изгородями из черных кабелей. Пол спросил себя, действительно ли это очередное искажение первоначальной симуляции, и, если так, какие сообщения бегут по этому множеству кабелей. Или это пустые копии?

— Мне кажется, я вижу город, — сказала Флоримель. — Смотрите, на дне каньона.

Пол забрался на край фургона и прищурился. Солнце уже не так яростно било в стены каньона, река на дне казалась полоской серебряного огня, но что-то точно находилось на берегу реки прямо перед поворотом каньона и мешало видеть всю долину, что-то слишком правильное, не какой-нибудь дикий камень на дне ущелья.

— Мартина, можешь сказать, это действительно город — Додж Сити, или что-нибудь другое? Я не слишком хорошо вижу.

— Мы очень скоро будем там. — Он потянулась и вяло потерла виски. — Простите меня.

— Что за чертовщина? — сказала Флоримель.

Сначала Пол решил, что она говорит о нежелании Мартины, но потом увидел впереди них еще полдюжины проводов, сбегавших со склона холма и протянувшихся над дорогой как музыкальная запись без нот. В следующее мгновение фургон уже подпрыгивал под тентом из черных линий, и Пол никак не мог избавиться от ощущения, что кабели окружили их со всех сторон. Они висели довольно свободно, метр или два свободного пространства от пары до пары, фургон пока ехал совершенно свободно, но глядеть на это было неприятно.

— Не знаю, — запоздало ответил Пол. — Но мне это сильно не нравится… — Он взглянул мимо Т-четыре-Б — фургон как раз проходил очередной поворот, по прежнему едя в трубе телеграфных проводов. Парень ругался и сильно тянул на себя поводья. Лошадь сама уже пыталась остановиться, но слишком тяжелый фургон за ее спиной толкал ее вперед и суставчатые пальцы напрасно пропахивали дорогу.

В нескольких дюжинах метрах впереди кабели сливались вместе, образуя узел, похожий на кривую черную мандалу[40], повисшую посреди широкой дороги.

— Иисус Христос, — крикнула Флоримель, когда лошадь запуталась в постромках и фургон начал опасно раскачиваться. — Что…?

Это выглядело как гигантская паутина.

— Наружу! — крикнул Пол. Лошадь уже добралась до внутренней стороны дороги и фургон, достаточно широкий, не мог проскочить за ней. Колеса зарывались в землю и буксовали. Весь фургон начал опрокидываться, при это не переставая стремиться вперед, в ждущее переплетение кабелей, находившее на расстояние броска камня. — Прыгаем — сейчас!

Мартина лежала вокруг его ног. Фургон уже опрокидывался на бок, безжалостно поднимая их к ближней к каньону стороне дороги. Пол наклонился, схватил слепую женщину и попытался подняться вместе с ней на поднимающуюся стенку, надеясь выпрыгнуть на склон, но Мартина была слишком тяжела.

Одно из колес фургона треснуло, как будто пистолет выстрелил. Деревянные щепки пронеслись мимо его лица, фургон застонал, как раненое животное, и опрокинулся на бок.

Выбирать не приходилось. С Мартиной в руках Пол

выпрыгнул из фургона. Что-то липкое приняло его на себя, провисло под его весом, и на одно тревожное мгновение он видел под собой только пустой воздух и головокружительный спуск по сумасшедшему склону каньона. Наполовину скользя, наполовину падая по ряду кабелей, он спускался вниз, пока не уселся в неловком болезненном положении на перемычке между двумя черными лентами. Мартина неподвижно лежала у него на коленях.

Прежде, чем он успел поглядеть на остальных, фургон и привязанная к нему лошадь вкатились в паутину, перегородившую дорогу, подняв вверх густое облако пыли. Одна из ног лошади по-видимому сломалась; несчастное создание корчилась в обломках фургона, мелькали покрытые черной шерстью ноги, расколотое дерево смешалось с черными липкими лентами.

Тут же появились создатели паутины — волосатые серо-коричневые тела выбирались из каньона или спускались со склона, пробегая по кабелям как настоящие пауки.

И выглядели эти пауки просто кошмарно. Лица мертвого бизона, высунутые языки и вращающиеся глаза поверх уродливых многоногих тел. Но, хуже всего, у них были человеческие черты, даже более отчетливые, чем у насекомых-монстров в мире Кунохары. Шипя от голодной радости, они спускались вниз по раскачивающимся кабелям. Первые уже добрались до середины сети и начали растаскивать еще живую лошадь, споря между собой тонкими пищащими голосами за лучшие куски и не обращая внимания на крики умирающего создания, которое они уже начали поедать.

Пол попытался подтащить себя вверх, но липкие кабели вцепились в него и не отпускали.

* * *

Код Дельфи. Начать здесь.

Кажется бессмысленным записывать эти мысли — я не верю, что мы когда-нибудь сможем покинуть этот мир, но привычка умирает последней.

Остальные говорят мне, что здесь темно — что-то вроде подземного гнезда, с ужасным запахом и еще более ужасными звуками. Хотела бы я, чтобы у меня осталось только эти два чувства, но я, по своему, могу видеть как эти твари движутся, едят и спариваются. Они ужасны. Надежда покинула меня, вместе с силами.

Я полагаю мы живы только потому, что они уже попировали лошадью. Она умирала с такими воплями… Нет. Есть ли в этом смысл? Что мы могли сделать? Думаю, ничего. Их дюжины и дюжины. Мы уже пытались убежать, когда нас схватили. Теперь мы в их гнезде. Была надежда, что они едят только животных, но она испарилась, когда мы наткнулись на кучи человеческих костей, лежащих повсюду. Те, которые я трогала, оказались совершенно гладкими и полностью очищенными от плоти, костный мозг высосан.

Ужасные твари. Т-четыре-Б, который играл большую часть своей жизни, называет их «неприятными человеко-пауками». У меня нет своего впечатления о них. Я воспринимаю их как массу — шевелящиеся ноги и голоса, почти человеческие; о господи, это слово «почти»…

Остановись, Мартина. Мы были в еще более худших переделка и выжили. Почему же я такая слабая, усталая и несчастная? Почему все последние дни я чувствую себя так, как будто взялась за слишком трудную работу?

Это…

Великий боже. Одна из этих тварей подошла и обнюхала нас. Флоримель пинками отогнала ее, но не похоже, чтобы она испугалась. Они пахнут гнилым мясом и чем-то еще, очень странным и неживым, не могу определить чем. Весь этот симмир кажется мне одним пароксизмом изменений. Остальные видят его сейчас, в этот момент, но я воспринимаю изменения, которые уже произошли и которые вот-вот произойдут. Дред схватил этот мир, крепко сжал в руке и мир сопротивлялся ему не больше, чем кусок масла. Только небеса знают, кем были эти бедолаги. Быть может людьми, обычными людьми с обычной жизнью. Теперь они живут в подземных норах, пищат как крысы и едят живую кричащую добычу.

Где Пол? Я не чувствую его поблизости. Быть может из-за жары, шума и растерянности…

Флоримель говорит, что он в нескольких метрах от нас, стоит на четвереньках. Бедняга. Пройти через столько только для того, чтобы закончить здесь.

Больше я не в состоянии выносить — все это. Начиная с Трои я живу ошеломленная, как будто ударенная током. В промежутках между ужасами и прочими развлечениями я пыталась найти себя, Мартину. Воспоминания о последних часах Трои постоянно навещают меня. Как я могу жить с ними? Слишком многих я принесла в жертву, чтобы спасти своих друзей. Я привела в город насилие, пытки и гибель всех людей. И все это я сделала, увидев человечность самого Гектора и его семьи.

Опять и опять я говорю себе, что они только симулянты, кусочки битов. Иногда я даже верю в это, в долгие часы без сна. Может быть все это правда, но я не могу перестать видеть копье, погружающееся в живот троянского воина, и ужас на его лице. Откуда я знаю, быть может это был кто-нибудь вроде нас, пойманный системой, которая заставила его играть эту роль в знаменитой войне? Не очень вероятно, да, но возможно… еще как возможно.

Прошлой ночь мне приснилось, что сильной обжигающий свет моей слепоты вырвался из его раны. После чего я упала в темную пропасть намного более глубокую, чем я когда-нибудь знала.

Больше я не в состоянии выносить это место. Я не могу жить с этим безумием. Много лет назад я убежала от этого всего. Не то, чтобы это меня это сильно волнует. Я не хочу, чтобы меня опять пугали до смерти, не хочу видеть, как пугают, ранят и убивают моих друзей.

И я не хочу опять повстречаться с Дредом.

Вот. Возможно это и есть мой самый большой страх. Да, согласна! Даже если произойдет что-то совершено невероятное, и мы вберемся из этой вонючей дыры, сбежим от этих чудовищ-каннибалов, все равно дорога в настоящий мир лежит через него. Он обращался со мной так, что я превратилась в ребенка — начала хныкать. Заставил меня просить его остановится — и бил без всяких причин. Теперь же, получив силу бога, он стал еще более свирепым и яростным.

О, благословленные небеса, я не хочу встречаться с ним!

Хватит. Я хочу только одного — перестать чувствовать. Я хочу закрыться, похоронить себя в темноте — но не в этой темноте! Побег… я уже не хочу!

Они идут к нам, большая группа. Неужели они… поют?

Пол исчез — так говорит Флоримель. Они уже взяли его?

«Т-четыре-Б! Они идут. Иди сюда, к Флоримель и мне.»

Как бы я хотела, чтобы у него была броня робота. Я должна… если это последний… Я должна… но…

О, господи, нет…!

ГЛАВА 17
Некогда вздохнуть

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРОГРАММЫ: GCN, 5.50 (Евр., СевАм) — «КАК УБИТЬ СВОЕГО УЧИТЕЛЯ».

(Изображение: Лушас и Канти читающие Свиток Реальности)

ГОЛОС: Лушас (Уфур Халлоран) и Канти (Бренвайн Гарсия) обнаруживают, что суперинтендант Скуллфлеш является возрожденным пророком культа Звездного Знания и готовится принести в жертву всех детей в школе для того, чтобы уничтожить мир. Требуются: 4 актера на роли наблюдателей в зале и 7 сектантов. Заявки подавать по адресу: GCN.HOW2KL.CAST.

Она глядела на маленькую кучку вещей. Здесь было все, что она купила, и все, что на привезла с собой в это последнее и самое странное место своей жизни, а ведь она повидала множество стран и еще больше странных вещей.

Новый телематической разъем, конечно маленький, ничем не больше стандартного, хотя у него было много дополнительных возможностей. Она заплатила за него весьма приличную часть ее банковского счета, но продавец клялся, что разъем будет поддерживать связь с ее новейшим блокнотом Дао-Минг на расстоянии в несколько миль — «даже в электрическую бурю посреди области с высокой плотностью телепучков», радостно пообещал он. Ольга никогда не слышала об электрических бурях, хотя провела немало дней около Мексиканского залива и знала, что в ясный день молния всегда ударяет на волосок от тебя; тем не менее она была уверена, что остров с собственной армией и самолетами можно назвать «областью с высокой плотностью телепучков».

Рядом с разъемом лежал маленький, но очень мощный фонарик на светодиодах, одна из тех высокотехнологических игрушек, которые обычно покупают бизнесмены, набитые под завязку деньгами, и которая, несмотря на впечатляющее имя — что-то вроде «Космический Свет» или «Шпионский Свет», насколько ей помнилось — редко использовался для чего-нибудь более впечатляющего, чем для поиска потерянных на парковке ключей. Кроме того в том же магазине она хотела купить то, что

продавец называл Универсальным Инструментом, но передумала и приобрела более знакомый швейцарской военный нож. Ей всегда хотелось купить такой, она время от времени думала, что одинокой женщине не вредно заиметь хороший нож, но руки никак не доходили. Тот факт, что она в конце концов все-таки купила его, самую лучшую модель, с множеством невидимых устройств и микрочипом, помог отметить важное обстоятельство. Все изменилось. И больше всего она сама. Теперь она совсем другая Ольга Пирофски.

Что делает тот, кто хочет проникнуть в одну из самых больших и лучше всего охраняемых корпораций в мире? Можно купить много чего, вроде пистолетов, газовых горелок или устройств для выживания, но все они пахнут мальчишками, играющими в войну. Кроме того, она была уверена, что где-нибудь ее арестуют, а с пластиковым пакетом с взрывчаткой или кошками для подъема на стену трудно утверждать, что ты только отстала от группы туристов.

Так что все ее средства проникновения в логово врага поместились в маленькую кучку: новый разъем, нож, фонарик и еще одна вещица, которую она не смогла оставить в Джунипер Бей, хотя там и осталась вся ее прежняя жизнь.

Маленький завиток белого пластика не должен был вызвать ничьих подозрений. Много лет назад старая няня, сейчас уже наверняка умершая, написала на нем ее фамилию и первую букву имени, но все буквы уже почти выцвели. Ольга сама разрезала браслет и убрала его подальше, но не выкинула, и все эти годы он пролежал на верхней полке шкафа, сохраняя очертание ее запястья. Много раз она была на волосок от того, чтобы выкинуть его в мусор, но О. Пирофски, которая носила это больничный браслет, была совсем другим человеком, и крошечная змейка из белого пластика оставалась ее единственной материальной связью с той Ольгой, юной женщиной, у которой впереди была вся жизнь, у которой был муж по имени Александр и которая должна была вот-вот родить…

Кто-то громко и властно постучал в дверь мотеля. Ольга опустила браслет в маленькую кучку на середине кровати. Секунду поколебавшись, она подошла к двери и заглянула в глазок «рыбий глаз». Снаружи стояли двое, черная женщина и белый мужчина, оба в черных костюмах.

На мгновение она бессильно оперлась о дверь, сердце стучало как сумасшедшее непонятно почему. Наверно миссионеры — они тут ползали повсюду, люди, которые не придумали ничего лучшего, чем в самый жаркий день расхаживать в тяжелой одежде, пытаясь убедить других, что будет еще жарче, если все

немедленно не примут их веру.

Стук повторился; что-то в нем заставило ее отбросить все мысли о том, то можно не обращать на него внимание. Она быстро набросила купальный халат на маленькую кучку вещей, лежавших на кровати — хотя и немного злясь на то, что эти люди примут ее за человека, всегда разбрасывающего вещи по комнате.

Она открыла дверь и черная женщина взяла инициативу на себя. Улыбнувшись Ольге, слегка натянуто, она вынула из кармана длинный плоский футляр. — Вы миссис Пирофски, мэм, верно?

— Откуда вы знаете мое имя?

— Нам сказал управляющий мотеля. Не о чем беспокоиться, мэм, мы хотим только задать вам пару вопросов. — Женщина открыла футляр, там оказалось что-то, что выглядело как полицейском значок с голограммой. — Я — офицер Апшоу, а это мой напарник, офицер Казаро.

— Вы… полицейские?

— Нет, мэм, мы из службы безопасности Джи Корпорэйшн.

— Но я… — Она сама удивилась и испугалась, когда чуть не сказала им, что больше не работает на Джи Корпорэйшн. Рот остался открытым, и теперь она наверняка выглядит как глупая старуха. Но, подумала она, наверно можно выглядеть еще хуже.

Мужчина по имени Казаро только быстро оглядел ее, и, в отличии от своей напарницы, даже не сделал попытки улыбнуться. Черные дыры в центре его бледных глаз глядели не на нее, а на комнату, как будто он был каким-то автоматом, запоминающим все чтобы разобраться впоследствии. Ольга внезапно вспомнила, как бабушка описывала людей из польской тайной службы. «Они не глядят на тебя, они глядят сквозь тебя, даже когда разговаривают с тобой. Как рентгеновские лучи.»

— Что… что вы хотите узнать от человека, такого как я?

Офицер Апшоу с неохотой опять использовала свою улыбку. — Мы делаем свое дело, мэм. Мы слышали, что вы спрашивали о кампусе Джи Корпорэйшн, в самых разных местах.

— О кампусе? — Она никак не могла избавиться от ощущения, что они следили за ней с того мгновения, когда она вышла за ворота Оболос Энтертейнмент — и все это обман, в любой момент они могут бросить ее на пол и надеть наручники.

— Здания, постройки — мы называем это кампусом, мэм. Некоторые местные торговцы, ну, они сообщают нам, когда люди задают вопросы. — Она пожала плечами, и в первый раз Ольга увидела, что эта женщина очень молода — возможно только что закончила колледж, и поэтому говорит слегка неуверенно. — Не могли бы вы рассказать нам, что привело вас сюда и почему вы

интересуетесь Джи Корпорэйшн?

Судя по всему офицер Казаро закончил долгую проверку того, что находилось за спиной Ольги. Его глаза нашли ее и остановились. Ольга почувствовала, что ее колени дрожат.

— Конечно, — сумела она сказать. — Почему бы вам не войти — там есть все кондиционер и вообще приятно?

Двое обменялись почти незаметным взглядом.

— Это было бы великолепно, мэм. Благодарю вас.

Сделав вид, что убирает купальный халат, Ольга спрятала вещи в шкафчик в крохотной ванне, и немного успокоилась. Ни одна из них не была незаконной или даже подозрительной для того, кто достаточно много времени проводил в сети, но она не хотела, чтобы они стали спрашивать о ее новом разъеме, стоившим не меньше небольшой машины.

Когда ее ужас слегка улегся, она начала верить, что ее дела совсем не так плохи, как кажутся. В конце концов она задавала вопросы в городе, фактически принадлежавшем корпорации, которая славилась своей любовью к секретности. Кроме того, если они добыли ее имя из кредитной информации мотеля, значит она никак не может быть кем-то другим, верно? Наверняка где-то на острове — возможно в самой башне — есть файл с именем О. Пирофски, служащая.

— Видите ли, — сказала она им, — я много лет работала на Джи Корпорэйшн — вы же видели Дядюшку Джингла, верно? Я была одной из ведущих этого шоу. — Апшоу кивнула и вежливо улыбнулась, Казаро себя не затруднил. — И вот, приехав сюда — я уволилась и сейчас путешествую по Америке — я подумала, что хорошо бы посмотреть ее. В конце концов все эти годы они платили мне хорошую зарплату!

Она ответила еще на некоторые вопросы, которые задавала Апшоу, изо всех сил делая вид, что наслаждается отдыхом и хорошо понимает важность визита офицеров безопасности. Она даже вспомнила, как изображала невинного налогоплательщика во время встреч с полицией в Джунипер Бей.

«Ты же актриса, в конце концов! Работай!»

Похоже это сработало. Вопросы стали более формальными, и даже острый взгляд, которым Казаро обследовал Ольгу и ее комнату, постепенно смягчился и стал обыденно скучным. В любом случае она не хотела привлекать к себе его интерес. Тогда она начала рассказывать им истинные, но совершенно бессмысленные истории о своем любимом Мише. Трюк сработал.

— Просим прощения, миссис Пирофски, но у нас еще много дел, — сказала Апшоу и встала. — Просим прощения, что

побеспокоили вас, работа.

Почти гордясь собой, Ольга рискнула вернуть подачу.

— Может быть вы скажите мне то, что я так и не сумела узнать. Есть ли какой-нибудь способ побывать в кампусе, как вы называете его? Мне очень не нравится, что я столько проехала и вижу его только на расстоянии.

Казаро фыркнул и вышел из мотеля, решив подождать напарницу на парковке, под горячим серым небом.

Апшоу покачала головой. В первый раз за все время на ее лице появилась настоящая улыбка — довольная усмешка.

— Нет, мэм. Боюсь, что нет. Видите ли, мы совсем другой тип корпорации.

* * *

Джереми отправился в спальный отсек, менять перевязку Дель Рею, и Джозеф остался официальным дежурным наблюдателем. Все люди наверху собрались под прицелом одной камеры, все в том же месте за дверью лифта. Сейчас они отдыхали и курили, но вокруг них лежали пыльные куски бетона, а человек, стоявший в яме и опиравшийся на рукоятку своей кирки, был на добрых полметра ниже своих товарищей.

Джозеф подумал, что он и его товарищи должны быть благодарны судьбе хотя бы за то, что находятся так далеко от любого жилья, в центре пустоты, иначе люди наверху притащили бы компрессоры и отбойные молотки.

— Трусливые ублюдки, — сказал он полушепотом. То, что они делали, было не так уж трусливо, но трудно подобрать точные слова, когда можешь только сидеть и ждать, ждать, когда тебя убьют.

Он взглянул на пол лаборатории, туда, где лежали тихие В-капсулы. «Как странно, — подумал он. — Рени так близко. И ее друг, тоже — оба запечатаны в темноте, как шпроты в банке.» Он скучал по ней.

Мысль так поразила его, что он остановился и попробовал ее на вкус. Да, действительно, он скучал по ней. Не только боялся за нее, не только хотел защитить ее, исполнить отцовский долг, спасти от плохих парней. Нет — он хотел бы, чтобы она была здесь, хотел бы поговорить с ней.

Он почти никогда не думал об этом, и было трудно свести концы с концами и как следует все обдумать. Каким-то образом все это было связано с матерью Рени, но не с той ужасной безнадежностью, которая охватила его при виде мертвого тела, а,

скорее, с нехваткой любви. Ему не хватало того, кто бы заботился о нем. Кто бы понимал его. Кто бы смеялся над его маленькими шутками. Не то, чтобы Рени нравились его шутки, и иногда она говорила, что у него вообще нет чувства юмора, что он глуп и его трудно выносить, но бывали времена, когда она весело смеялась вместе с ним, как и ее мать.

Ему показалось странным, что он вспомнил об этом; все это было так давно. В последние годы он вообще редко шутил, да и шутки были не такими, чтобы над ними смеяться.

Она была очень веселой тогда, когда хотела быть, но сейчас Джозефу показалось, что он очень давно не видел, как она весело смеется. Она стала слишком серьезной. Даже злой. Из-за смерти мамы? Потому что отец не мог работать из-за больной спины? Это не причина, чтобы терять чувство юмора. Наоборот, оно нужно тебе больше, чем раньше — Длинный Джозеф знал это совершенно точно. Если бы он не мог выйти, выпить вместе с Ваттером и Догом, и посмеяться вместе с ними, он бы давно убил себя.

«Когда она была маленькой, мы любили поговорить. Она задавала мне вопросы, и, если я не знал ответов и нес всякую чушь, весело смеялась.» Он давно не слышал ее удивленный смех, освещавший все лицо. Она была такой серьезной девочкой, что они с женой даже иногда поддразнивали ее, чуть-чуть.

«Возвращайся, девонька.» Он поглядел на молчащую капсулу, потом повернулся к экрану. Перекур кончился: три мужика опять начали долбить дыру в бетонном полу, вокруг них вздымалась пыль и вообще они напоминали дьяволов в клубах адского дыма. У Джозефа возникло странное желание завыть во весь голос. Он протянул руку и глотнул из последней бутылки вина, почти пустой. Ты скоро придешь и посмеешься вместе со мной…

Звонок телефона так напугал его, что он едва не уронил на пол драгоценную пластиковую бутылку с открытой крышкой. Какое-то время он пялился на устройство, как на черную мамбу. Джереми был наверху, но должен был услышать звонок — с дырой через все потолки, подземная лаборатория напоминала большую железнодорожную комнату ожидания.

«Может быть не трогать трубку, пока он не спустится вниз, — подумал Джозеф, — но неужели я настолько не мужик, что боюсь звонка древнего телефона?» Когда телефон опять зазвонил, он встал, сжал покрепче зубы и схватил трубку.

— Кто там?

На другом конце замолчали. Потом пришел голос, искаженный и призрачный.

— Это вы, Джозеф?

Только после того, как первый суеверный страх холодком пробежал по спине, он вспомнил, но хотел быть уверенным до конца.

— Сначала скажите, кто звонит.

— Это Селларс. Мистер Дако должен был рассказать вам обо мне.

Джозеф не хотел говорить о Джереми. Он отвечает по телефону; он тут один, готовый встретиться с любой опасностью.

— Что вы хотите?

— Помочь. Я надеюсь, что они еще не прорвались вниз.

— Они пытаются. Прямо сейчас.

Последовало долгое молчание. Джозеф внезапно испугался, что сделал что-то неправильное и отпугнул их благодетеля.

— У меня мало времени, — наконец сказал Селларс. — И, должен признаться, не густо с идеями. Вы сумели закрыть броней двери лифта?

— Да. Но сейчас эти парни пробивают дыру в полу — начали с гранаты, как кажется, а сейчас используют ломы и кирки. Прямо через бетон.

— Плохо. Мониторы работают?

— Да, я вижу их прямо сейчас. Они грызут бетон как собака кость. — Появился Джереми, на лице тревожный взгляд. Джозеф махнул ему рукой: все под контролем.

Селларс вздохнул.

— Вы можете помочь мне связаться с вашей системой наблюдения? Тогда бы я лучше понял, что происходит.

— Вы имеете в виду камеры слежения? — Джозеф внезапно почувствовал, как по его компетентности бьет тяжелая артиллерия. — Вы хотите подключиться? К ним?

— Да, мы можем сделать это, даже если у вас там очень старое оборудование. — В трубке раздался странный кудахтающий смех. — Я сам очень старое оборудование. Да, я думаю, что смогу объяснить вам, что надо делать…

Джозеф смутился. Каждая клетка в его теле требовала сделать это самому и посмотреть, что получится, но он знал, что у Джереми намного больше опыта в таких делах, чем у него. На самом деле он вообще ничего не знал о мониторах и сказал, с сожалением в голосе:

— Даю вам Джереми. — Но все-таки он не мог сдаться не показав, что тоже в деле. — Это тот парень, Селларс, — прошептал он, передавая трубку. — Он хочет подключиться к картинкам.

Джереми с недоумением посмотрел на него, потом нагнулся вперед и нажал клавишу на инструментальной панели.

— Я включил громкую связь, мистер Селларс, — громко сказал он, беря трубку. — Теперь мы оба слышим вас.

Джозеф едва удержался на ногах. Неужели Джереми стал так добр к нему, как к ребенку? Или рассматривает его, как равного? Джозеф хотел бы рассердиться, но почувствовал себя скорее польщенным.

— Хорошо. — Голос Селларса, искаженным маленьким скрипучим громкоговорителем, казался еще более странным. — Я попытаюсь придумать, что делать, но вначале соедините меня с вашими мониторами. — Он выдал целый ворох инструкций, большинство из которых Джозеф не понял и опять заскучал. Кто механик в их группе? Уж только не Джереми, расфуфыренная служанка богатой белой старухи. И не Дель Рей, школьник-переросток, который носит костюм и сидит за партой.

К тому времени, когда Джозеф сумел успокоиться после непреднамеренного оскорбления, Джереми уже сделал все, что хотел Селларс.

— Я вижу, что трое работают и один, с револьвером, наблюдает, — сказал тихий голос. — Это все?

— Не уверен, — сказал Джереми.

Джозеф нахмурился, вспоминая. Когда он и Дель Рей крались мимо них, сколько же их было?

— Пятеро, — внезапно сказал он. — Их пятеро.

— Значит один где-то вне досягаемости камер, — сказал Селларс, — и мы не должны забывать о нем. Но, во-первых, надо что-то сделать с теми, кто копает. Насколько толстые здесь полы, кто-нибудь знает? О, подождите, сейчас взгляну на план базы.

Долгие секунды громкоговоритель молчал. Мысли Джозефа с печалью обратились к последней бутылке вина, когда странный голос заговорил опять.

— Рядом с шахтой лифта около двух метров. А это значит, что они уже прошли четверть пути. — Послышался странный звук, быть может разочарованное шипение. — Это хороший бетон, но им потребуется день, самое большее.

— У нас есть только один пистолет, мистер Селларс, — сказал Джереми. — И две пули. Если они ворвутся сюда, мы не сможем сражаться с ними.

— Тогда мы должны не допустить этого, — ответил Селларс. — Если бы то место было постарше, я, может быть, сумел бы использовать разрушенные батареи центрального отопления и наполнить верхние этажи монооксидом углерода.

Джозеф достаточно долго проработал на стройке и что-то такое помнил об углероде твою-перекись.

— Да, убить ублюдков. Отравить их. Это было бы здорово.

Джереми кивнул.

— Хладнокровно убить их.

— Мы не можем сделать это, — сказал Селларс, — или, по меньшей мере, я не вижу как, так вопросы морали мы обсуждать не будем. Но вы должны понимать, что это не обычные люди, мистер Дако. Это убийцы — возможно те же самые, которые напали на вашего друга, доктора.

— Откуда вы это знаете? — поразился Джереми. — Это Рени рассказала вам?

— На самом деле они убили еще одного человека, которого знает Джозеф, — сказал Селларс, не отвечая на вопрос Джереми. — Юного программиста, которого вы посетили в Дурбане.

Джозеф на мгновение задумался.

— Толстого парня? Слона?

— О господи, — простонал Джозеф. — Они не могли!

— Да. Пустили ему пулю в голову и сожгли все здание. — Селларс говорил быстро и отрывисто, как если бы внутри него громко тикал будильник. — И они убьют вас, тоже, хладнокровно, как прихлопнут муху, если им это будет нужно… и я подозреваю, что им нужно.

Мысленным взглядом Джозеф увидел, как горит заставленный вещами гараж для грузовиков. Первоначальное боязливое восхищение сменилось чем-то другим, когда он вспомнил дружелюбного Слона, который так гордился своим новейшим оборудованием.

«Несправедливо. Это все несправедливо. Он просто помог нам, и только потому, что Дель Рей его попросил.»

— Что над делать? — спросил Джереми? — Ждать, когда они проломят пол и убьют нас?

— Он говорил о полиции, — сказал Джозеф, чувствуя, как в нем растет гнев, совсем другой вид гнева. — Почему бы нам не позвонить куда-нибудь — в армию? Сказать им, что нас пытаются убить, прямо на их базе.

— Потому что вас самих разыскивает полиция, — сказал Селларс, электрические помехи сгладили его голос. — Братство предвидело такую ситуацию. Вы помните, что произошло, когда мистер Дако попытался использовать свою кредитную карточку?

— Откуда вы знаете об этом? — требовательно спросил Джереми. — Я не говорил вам об этом, когда мы разговаривали раньше.

— Не имеет значения. — Их невидимый товарищ казался расстроенным. — Я уже говорил вам, что у меня мало времени, а надо сделать слишком много. Даже если позвоните властям, им

потребуются часы, чтобы отреагировать, набрать людей и отправить сюда — вы же глубоко в горах. И, когда они, допустим, схватят Клеккера и его бандитов, что будет с вами? И, еще важнее, что произойдет с !Ксаббу и Рени? После того, как вас всех троих арестуют, они останутся здесь одни, никто о них не будет заботиться, власти, скорее всего, отключат электричество, отсоединят их от сети и утащат с собой. Погруженных в глубокую кому, если я прав. И перевозка может закончиться очень плохо.

Джозеф представил себе, что электричество исчезло, Рени просыпается в темной капсуле, попытается выйти наружу, сражается с этим странным желе, бррр… Это еще ужаснее, чем представить ее в больнице, такой же неподвижной, как и ее брат. Он хлопнул рукой по столу. — Это не должно произойти. Я не оставлю мою дочь здесь.

— Тогда давайте найдем другое решение, — сказал Селларс, — и побыстрее. Мои руки и так полны горячих углей, по одному для каждого, кем я управляю, и как раз еще два собираются загореться. — На мгновение наступило молчание, заполненное повторяющимся *хмм* этого загадочного человека. — Стойте. Это может сработать.

— Что? Что это? — спросил Джереми.

— Дайте мне еще поглядеть на план, — сказал Селларс. — Если я прав, мы должны работать быстро — вам надо чертовски много сделать. Хмм. Очень рискованно.

— Сначала небольшую кучку, — сказал им Селларс. — Соберите все, что может хорошо гореть — бумагу, ткань, все.

Джозеф поглядел на огромную кучу мусора, которую они собрали за последние полтора часа под руководством Селларса. Бумага, кухонные тряпки, пыльные военные простыни со склада, которые они притащили вниз в первые же дни, это он понимал, но что за каким чертом Селларсу понадобились спинки от офисных стульев? Пластиковые циновки? Резиновые маты?

— Давай проверим идею еще раз, прежде чем подожжем сами себя, — сказал Селларс. — В отличии от ваших врагов у вас нет доступа к наружному воздуху. И если призрак щелкнет выключателем, шум пойдет через стенной дымоход. Станет подниматься, пока не превратится в пронзительный вой. Потом постепенно ослабнет. Отлично. Пусть кто-нибудь зажжет огонь.

Дель Рей, который выволок себя из кровати для выздоравливающих, посмотрел сначала на Джереми, потом на Джозефа.

— Зажечь? Как?

В голосе Селларса проскользнула усталость.

— Неужели нет ничего, что можно использовать? База очень старая — наверняка кто-нибудь позабыл здесь зажигалку, верно?

Джозеф и остальные посмотрели вокруг, как если бы зажигалка могла чудесным образом материализоваться из воздуха.

— Есть немного горючего в запасном стартере генератора, — сказал Джереми. — Нужна искра. Мы можем добыть искру, а?

— Мне кажется, можно перерезать провода консоли, — сказал Селларс. Те, которые вы легко сможете потом…

— Стой! — Джозеф встал. — Я знаю. Длинный Джозеф решит проблему. — Он повернулся и направился к комнате, в которой спал.

Он сложил одежду Рени в ящик, зная, что она захочет одеться, когда выйдет из капсулы. Он пошарил в карманах и, к огромной радости, отыскал сигареты, но не мог найти и следа зажигалки, как бы не искал. В мгновение гордость сменилась досадой.

— Что за черт! — сказал он, убирая одежду обратно в ящик. Он уставился на сигареты, пытаясь понять, как Рени обходится без них. Интересно, можно ли курить там, в компьютерном мире?

«Она сойдет с ума, если не сможет, подумал он. Черт побери, но вот я в реальном мире, мне негде взять вина, и кому из нас хуже?»

— Отличная мысль! — сказал кто-то от двери.

Джозеф поглядел на Дель Рея.

— Ни спичек, ни зажигалки.

На мгновение более молодой мужчина растерялся, потом улыбнулся.

— Они не нужны. Это самозажигающиеся сигареты.

Джозеф поглядел на пачку сигарет, испытывая облегчение, смешанное со злым сожалением, и решил сказать кое-что важное этому сопляку. Он уже набрал в грудь воздух… и проглотил все что приготовил. Вместо этого он протянул Дель Рею сигареты и отправился за ним к самодельному костру.

Дель Рей сорвал ярлык, и кончик сигареты засветился. Он поднес его к куче тряпок и бумаги в колено высотой. Маленькие язычки желтого пламени охватили верхушку кучи, через полминуты она уже ярко пылала. Когда Джозеф и остальные начали добавлять на ее верхушку то, что хорошо горит, повалил дым, который быстро поднимался вверх видимым облаком. Воздухозаборник завыл громче, дым втянулся в стенной дымоход.

— Не торопитесь. — Бестелесный голос Селларса было трудно расслышать из-за рева пламени. — Огонь должен

достаточно разгореться, прежде чем вы сможете добавить пластик или резину.

Джозеф подошел к монитору. Люди в дыре за лифтом работали по-прежнему, яма была уже почти по пояс глубиной. Белый глядел на их работу, зажав сигару в уголке рта

— Сейчас ты получишь свой дым, урод, — сказал Джозеф и пошел помогать остальным.

Через двадцать минут пламя стало выше Длинного Джозефа, несколько метров в высоту, и только воздухозаборник, которые сейчас ревел как маленький самолет, взмывающий в воздух, не давал их задохнуться от серого дыма.

— Сковородки с маслом, — сказал Селларс. — И начинайте кидать резиновые маты.

Джереми и Джозеф, вооружившись ручками метел, толкнули сковородки, полные машинного масла, прямо в сердце пламени. Дель Рей начал бросать собранную ими резину на самый верх кучи. Сначала дым, а потом и само пламя изменило цвет: облако, которое втягивалось в дымоход, стало черным, как грозовая туча, и хотя нос и рот Джозефа закрывали мокрые тряпки, запах едва не валил с ног. Глаза тоже горели: защитные очки, которые они нашли в одном из кабинетов, были стары как мир и плохо сидели. Он немного отошел назад и смотрел, как Дель Рей и Джереми вбросили в огонь последние пластиковые ящики и резину. Пламя накинулось на них с такой яростью, что все трое вынуждены были убежать подальше, на бетонный пол, кашляя и чихая.

«Если эта хрень не прогонит их, — подумал Джозеф, глядя как в дымоходе исчезает чернильно-черное облако, такое толстое, что оно скорее лилось, чем летело, — мы все покойники.» Внезапно он сообразил, что имел в виду Селларс, когда сказал «очень рискованно». Если электричество выключат, или что-нибудь в туче перекроет дымопровод, черная масса потечет прямо на них. Им останется либо задохнуться, либо открыть бронированные двери лифта и выйти наружу, под пули убийц.

Черная пелена стала такой большой, что воздухозаборник уже не справлялся, скрутилась в грозовое облако и стала распространяться по всему помещению.

— Где этот чертов мужик? — сказал он. Джереми и Дель Рей, слишком занятые выкашливанием собственных внутренностей, не отвечали. Джозеф, с небывалой ясностью, представил в уме местонахождение В-капсул и что он будет делать для того, чтобы освободить пленников, если произойдет короткое замыкание. Его мысли, до этого поглощенные подготовкой костра, опять стали отрывочными и испуганными. — Селларс! Эй парень, что ты там

делаешь? Мы сейчас задохнемся насмерть!

— О, простите, — прожужжал голос. — Я должен был отключить пожарную тревогу. Я готов.

«Тебе-то легко, подумал Джозеф. Ты-то не сражаешься за каждый вздох.»

Он и все остальные, тяжело дыша, собрались около монитора. Воздухозаборник ревел во всю глотку, но вот, наконец, послышался далекий звон, как будто кто-то стал регулярно бить молотком по металлической трубе. Мгновением позже Джозеф почувствовал, что давление в комнате меняется, не настолько, чтобы его уши отпустило, но все-таки меняется. Черные перья костра задрожали и нагнулись к дымопроводу. Остаток дыма, убежавший от воздухозаборника, направился туда же, как если бы гора сама вдохнула себя.

— Смотрите, — сказал Селларс.

Какое-то мгновение сцена на мониторе не менялась: кирки поднимались и опускались, белый человек с сигарой — Селларс назвал его Клеккер, Джозеф хотел бы запомнить имя этой бурской свиньи — наклонился к ним и что-то сказал. Потом Клеккер поднял голову, как животное, услышавшее далекий выстрел. Мгновение позже картинка потемнела. Джозеф даже решил, что монитор испортился.

На крошечном экране, без звука, все казалось достаточно странным и далеким. Внезапно экран опять потемнел, и из ямы выбрались люди. Один из них упал на колени, хватаясь за горло, но прежде, чем Джозеф сумел увидеть, что с ним произошло, экран стал совершенно черным.

Дым лился потоком из вентилятора возле лифта, все экраны этого этажа потемнели. Джозеф видел только очертание темных фигур, бредущих, подающих, опять поднимающихся и ползущих к выходу.

— Сдохните, ублюдки! — крикнул Джозеф. — Сожгли мой дом, да? Застрелили толстого парня- компьютерщика, которого даже не знали? Задохнитесь и сдохните!

Но они не все сдохли, увы. Мониторы зафиксировали их бегство на следующий этаж, отчаянные попытки запечатать за собой дверь, но Селларс напустил дым и на этот этаж, тоже, и наемникам опять пришлось бежать.

В конце концов четверым удалось улизнуть через массивные главные ворота. Камера около бронированных ворот показала маленькие молчаливые фигурки, которые вывалились на воздух и свалились без сил, как моряки, выжившие при кораблекрушении, падают на землю, которую уже не чаяли увидеть.

— Четверо, — сосчитал Дель Рей. — Один не сумел

выбраться. Уже кое-что.

— Остальные еще долго не сумеют войти на тот этаж, где они копали, — сказал Селларс. В его голосе не было особого удовольствия, но, скорее, мрачное удовлетворение. — Они открыли все двери, вероятно для того, чтобы не попасть больше в ловушку, но я отключил все воздухозаборники на том этаже, и потребуется много времени, чтобы дым сам ушел оттуда.

— Хотел бы я убить их всех, — сказал Джозеф.

Джереми покачал головой и отвернулся.

— Ужасная смерть.

— А что, как ты думаешь, они собирались делать с нами? — разъярился Джозеф. — Браай[41]? Эй, ребята, мы тут приготовили немного барбекю, не хотите ли выпить пару кружек пива?

— Я должен оставить вас, — объявил Селларс. — Но я свяжусь с вами, попозже. У вас есть отсрочка на несколько дней.

Громкоговоритель замолчал. Джозеф снял мокрую тряпку со рта и тут же завязал ее опять.

— Лучше бы он сделал воздух получше, — проскрежетал он.

— Дымоотвод все еще работает, — сказал Дель Рей. — Вскоре воздух точно будет лучше. Но мы должны потушить огонь. — Он поднял один из огнетушителей, которые они приготовили заранее.

Джозеф поторопился присоединиться к нему.

— Как там Рени и маленький человек? — спросил он у Дако.

Джереми Дако на мгновение приподнял защитные очки и, прищурясь, осмотрел данные консоли.

— Все в норме, — сказал он. — Они дышат лучшим воздухом, чем мы.

— И что мы теперь будем делать? — спросил Джозеф, поднимая тяжелый огнетушитель. Дым закручивался вокруг концов его ботинок, но самая большая часть облака по-прежнему всасывалась в дымоход, решетка и вся стена вокруг нее лоснились от жирной черной копоти.

— Что мы будем делать? — переспросил Джереми. — Ждать.

— Черт побери, — сказал Джозеф, направляя поток пены на огонь. — Вот это именно то, от чего я устаю. Почему этот Селларс способен перевернуть всю гору сверху до низу, но не хочет послать мне бутылку вина?

* * *

Конечно это был сон — не тот, что разрушил ее жизнь, и дети не вернулись к ней после долгого молчания; самый

обыкновенный сон.

Стояла ночь, и Александр стоял за дверью их дома в Джунипер Бей. Он хотел войти, потому что оставил что-то внутри, но она, хотя и видела его силуэт в слабом свете уличных ламп — в этом сне рядом с дверью было окно — все никак не решалась его впустить. Он звал ее, опять и опять, без боли и недовольства, но с той горячей увлеченностью, которая всегда отличала его, и с таким видом, как будто он должен был сделать что-то очень важное, такое, что не даст миру сломаться и разлететься на мельчайшие кусочки.

Он не мог или не хотел сказать ей, что оставил в доме. Влекомая глубочайшим отчаянием и безнадежностью, она стала рыться в ящиках и шкафах, пытаясь найти что-то настолько важное, что из-за него он отложил свою какую-то там поездку, но не нашла ничего, что вообще имело бы смысл.

Ее разбудило жужжание настенного экрана и темнота, сгустившаяся за шторами мотеля. Она уснула, сидя на кровати, сразу после полудня, и теперь комнату освещал только свет, лившийся с экрана. Какая беспечность, она не полностью задернула шторы. Любой мог стоять и разглядывать ее через окно.

Но кому это нужно?

Она встала, полностью задернула шторы и вернулась в теплую уютную кровать. Садясь и пытаясь примириться с пробуждением, она почувствовала, что чего-то не хватает. Миши, сообразила она через мгновение, который всегда спал свернувшись клубочком рядом с ней, или на коленях, его маленькое тело так успокаивающе лежало на ней.

«Перестань. Не начинай опять.» На глазах появились слезы.

Экран бормотал о внезапной экономической нестабильности на финансовых рынках, о странных слухах, о загадочном молчании влиятельных лиц и ключевых игроков. Так трудно быть внимательным. Скорее трудно быть внимательным по-настоящему, потому что внимание так болезненно. Раньше она каждый вечер слушала новости, но в конце концов ежедневное повторение стало вызывать у ней чувство, что она и вся остальная человеческая цивилизация с трудом удерживаются на гребне гигантской волны, которая может с сокрушительной силой в любой момент обрушиться вниз.

Она выключила экран. Пора идти. Офицеры охраны, полиция корпорации, кто бы они не были, взяли ее на заметку, но ясно, что они только исследуют все возможности. Люди отметили, что она задает вопросы.

«Из всего, что они знают, они могут подозревать, что я

террористка, — подумала она. Ее даже развеселила эта мысль, но собственное оживление сделало ее еще более ироничной. — И я действительно террористка.»

Человек, который смеется в пустой и тихой комнате, явно не здоров. Она испугалась этой мысли, но призналась, что это правда. Ольга не любила врать кому бы то ни было, и никогда не обманывала саму себя.

Конечно она солгала этим офицерам, просто умолчав о своей настоящей цели. Точно так же, как она солгала мистеру Рэмси — просто ничего не сказав ему при встрече, только написав в сообщении, зная, что он может не ответить и что ей не потребуется защищать саму себя. Как она и опасалась, его ответ пришел очень быстро, хор протестующих голосов, которых она не хотела слышать.

Время идти. Потом она сумеет поспать несколько часов в машине, которую взяла напрокат. Сначала нужно добраться до того глухого место около заболоченного рукава реки, где стоит купленный ею плот. Ровно в полночь будильник разбудит ее и она постарается высадиться где-нибудь парке, который покрывает берега искусственного острова. Скорее всего они охраняют берега, но не края непроходимого болота, верно?

Не самый хороший план, но самый лучший, который она сумела придумать.

Блокнот останется в ее комнате; она заплатила за две недели вперед, и скорее всего его не заметят, не то что машину, которую хватятся через пару дней. Так что она сможет посылать на него сообщения пока… пока сможет. А он уже перешлет их мистеру Рэмси, который таким образом узнает, что произошло с ней. Он пытается помочь бедным детям и, возможно, сможет использовать для этого ее информацию.

Она знала, что должна в последний раз осмотреть свою комнату и идти, но мысль о Катуре Рэмси не хотела уходить вот так легко. Она щелчком открыла блокнот и посмотрела на его последние три сообщения, все мигающие, отмеченные как «очень срочные», практически кричащие: *прочитайте нас*. Она знала, что она, прочитав их, почувствует себя намного хуже, что все его аргументы, какими бы разумными они не были, не изменят ничего. Она ненавидела споры — Александр мучил ее ими, заставлял ее спорить о самых смешных вещах, потом смеялся и отказывался признавать поражение. «Ты как вода, Ольга, — говорил он. — Всегда находишь дорогу.»

А что, если мистер Рэмси чего-нибудь хочет от нее? Разрешение на продажу ее дома? Или люди, которые взяли Мишу, забыли имя ветеринара и не знают, какое лекарство надо ему

давать?

Она знала, что специально медлит, боясь будущего путешествия, но тревога не уходила. Быть может именно поэтому дорогой Александр, так раздражительно ждавший у двери, хотел уйти, но никак не мог?

Он в последний раз обошла комнату и взяла блокнот. Она оставит его в шкафу, под лишними одеялами. В комнате не будет никого, и прислуге не надо будет менять одеяла — вряд ли плохо оплачиваемые уборщицы будут искать себе лишней работы.

Ольга положила блокнот к задней стенке шкафа, потом подошла к столу и написала записку на необычной старомодной бумаге для заметок — единственном, что отличало этот мотель от дюжины других, в которых она останавливалась во время поездки. Прямо под именем мотеля, «Байу Свитс»: «Я вернусь за этим блокнотом. Если его надо будет забрать из комнаты, прошу передать его служащим мотеля, или связаться с К.Рэмси, адв.» Она добавила телефон Рэмси и подписалась.

Она уже опять направилась к шкафу, когда в голову опять прыгнула мысль о Мише. А что, если действительно что-то случилось? Если он не получит свое лекарство, у него опять начнутся эти ужасные судороги. Да, она предупреждал о них новых хозяев Миши, но кто знает, сколько внимания они уделяют ему?

«Бедный малыш! Я отдала тебя чужим. Бросила.»

Ее глаза опять наполнились слезами. Ольга тихо обругала сама себя, села на кровать, положила блокнот на колени и начала открывать сообщения.

ГЛАВА 18
Сделать ведьму

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Загадка все еще окружает смерть Генерала

(изображение: Якубиан встречается с президентом Анфордом)

ГОЛОС: Смерть бригадного генерала Дэниела Якубиана в номере отеля в Виргинии вызвала удивительно ядовитый поток слухов, самый странный из которых — утверждение Эдварда Пилгера, телохранителя генерала, который верит, что Якубиан участвовал в заговоре против американского правительства. Журналистка Екатерина Сколомб, снявшая небольшой документальный фильм о генерале для рыночного узла Белтвей, считает, что принять эту мысль очень непросто.

СКОЛОМБ: «Это не имеет никакого смысла. Якубиан дружил со многими могущественными людьми. Зачем ему или кому-либо из них свергать правительство, которое и так их, более или менее? Якубиану было глубоко наплевать на любую идеологию — напротив, это был король прагматизма.»

«Один из тех редких дней в этой сети,— подумала Рени,— когда со мной происходит хоть что-то осмысленное». Но не сейчас, конечно. Маленькое, сделанное из грязи создание, называвшее себя Каменной Девочкой, решительно ковыляло рядом с ней по пустой улице. По обе стороны стояли дома из гигантских башмаков, которые местные жители наглухо закрыли, опасаясь ночи и ее опасностей, и весь этот мир вырос из серебряного ничто прямо на глазах Рени.

— Я все еще не понимаю, почему ты пошла со мной, — сказала она ребенку. — Разве тебе не приказали оставаться дома? Тебя и так уже наказали из-за меня.

Лицо Каменной Девочки было таким же темным, как и улица.

— Потому что… потому что… не знаю. Но все идет плохо и никто меня не слушает. Даже мачеха не слушает. — Она демонстративно вытерла темное пятно с глаза, и Рени не могла не удивиться, как ребенок, сделанный из земли и камня, может плакать. — Окончание все ближе, и Ведьмино Дерево пропало.

— Погоди. Ты же сказала, что мы идем к Ведьминому Дереву.

— Да. И сначала мы должны найти его.

Рени переваривала ее слова, пока они шли через окраину деревни-из-башмаков. Трогательно, но сбивает с толку. Девочка, готовая отказаться от нормального порядка своей жизни, напомнила ей брата Фактума Квинтуса из мира Дома — трудно представить себе, что кто-то запрограммировал настолько свободную личность в самой обыкновенной симуляции, но Рени видела сходство, чем дальше, тем больше. Вообще в этой очень новой симуляции было что-то странное — помимо того факта, что Иной сам создал ее. Какое-то острое воспоминание зудилось внутри ее, с того самого мгновения, когда она впервые увидела Каменную Девочку и ее разнообразных родственников, но в руки не давалось.

«Итак, что я знаю? Это место сделано из детского стишка, или, скорее, из многих. Я никогда не слышала ни о какой Каменной Девочке в стихотворении „Старушка и Башмак“. Мартина говорила, что она научила Иного песне — и он пел песню об ангеле, когда мы впервые увидели его на вершине горы. Может быть она рассказала ему и несколько сказок».

Воспоминание не подвинулось ни на дюйм ближе.

Они находились уже на краю поселка. Луны не было, только небо тускло светилось, делая тени слегка более фиолетовыми и придавая неотчетливую форму тенистому миру. Рени едва видела маленькую фигурку, шагавшую рядом с ней. Она уже начала спрашивать себя что произойдет, если он потеряет своего маленького проводника, когда перед ними появился светящийся призрак, колеблющийся и стонущий.

Рени, напуганная, схватилась за Каменную Девочку, но ее компаньонка только махнула рукой.

— Это же Вивинки, — сказала она.

— Остановитесь! — Вивинки поднял руку. Над ней висел сияющий огненный шар. — Кто идет?

— Это я, Каменная Девочка.

Они подошли ближе, и странное создание, закрывающее им дорогу, стало слегка меньше — грызун, размером с человека, в бледном ниспадающем одеянии, похожем на закрытое свадебное платье. Он махнул лапой, и сияющий огненный шар последовал за ней, как привязанный — впечатляющее зрелище, которое еще больше подчеркивали круглые щеки и выпученные черные глаза-бусинки.

— Ты должна быть в постели, — заявил гигантский сурок, или кто он там был, голосом ябеды. — Уже ровно восемь.

— Откуда он знает? — Рени даже не помнила, когда она в последний раз слышала точное время. — Откуда он знает, что

сейчас ровно восемь?

— Это его слово для «темно», — объяснила Каменная Девочка.

— Все дети должны быть в кровати, — сказал ей Вивинки.

— Сегодня я не хочу спать. Я иду на поиски Ведьминого Дерева и она идет со мной. Вот так.

— Но… но… ты не можешь. — Его голос потерял всю властность и стал опасно похож на писк. — Все должны быть в кровати. Я должен ударить во все окошки.

— Мачеха выгнала нас обоих, — храбро солгала Каменная Девочка, что было ложью только наполовину. — Мы не можем вернуться.

Вивинки почти впал в панику.

— Тогда вы можете пойти к кому-нибудь другому, а? Просто… идите в кровати. Должны быть и другие кровати, даже если люди спят на улице.

— Не для нас, — твердо сказала девочка. — Мы идем в Лес.

Темные глаза расширились от ужаса.

— Но вы не можете! Уже восемь!

— Спокойной ночи, Вивинки. — Каменная Девочка взяла Рени за руку и провела ее мимо несчастного создания, которое опустило усики и трепещущее пламя.

Рени повернулась и взглянула на него. Грызун застыл на месте, печально глядя им вслед, каждая линия его тела говорила о невыносимом горе. Даже его тонкое одеяние перестало колебаться.

— О, — сказала Рени и внезапно едва удержалась, чтобы не рассмеяться. — О. Это же Крошка Вилли Винки. В ночной рубашке. — На нее пахнул запах детства — налетело воспоминание об огромном томе Матушки Гусыни, который бабушка подарила ей на пятый день рождения, с картинками, яркими как обертки от конфет. Она была слегка разочарована, потому что хотела, чтобы картинки двигались, как замечательные игрушки в детских сказках, которые она видела на их маленьком сетевом экране (хотя их семья не могла позволить себе большинство из них), но мама резко толкнула ее в спину и она вежливо поблагодарила Бабу Бонжелу и положила книгу за кровать.

Только несколько месяцев спустя, вернувшись из школы она оказалась дома одна — папа и мама были на работе — заняться было нечем и она, наконец, открыла ее. Сначала ее смущали некоторые странные слова, но потом все внезапно стало ясным, как будто распахнулось окно в те места, о которых она и не подозревала…

Крошка Вилли Винки по городу бежит.
В одной ночной рубашке, куда он так спешит?
Он в окно ударит и давай кричать:
Время ровно восемь! Дети, марш в кровать!

Она прочитала стихотворение вслух и заработала недовольный взгляд Каменной Девочки.

— Его зовут Вивинки, — поправила она Рени с таким видом, как будто говорила с маленьким ребенком.

Рени потребовалось мгновение для того, чтобы сообразить, что даже без Вивинки и его магической свечки она видит выражение лица своей спутницы.

— Стало светлее!

Каменная Девочка указала на окружающие холмы. Их гребни светились серебряным светом, который усиливался с каждым мгновением. И пока Рени глядела на них со смесью восхищения и страха, на небо выскользнула полная луна и заняла огромную часть небосклона, огромный бело-голубой диск, который, тем не менее, давал не больше света, чем обычный месяц.

— Это… это сама большая луна, которую я видела в своей жизни.

— А ты видела несколько?

Рени покачала головой. Лучше не говорить. Это мир-сон — и сон того, кто, скорее всего, не является человеком — и бороться с его частицами совершенно бесполезно.

Каменная Девочка вывела ее из деревни и они пошли по долине. Рени видела темные силуэты, прильнувшие к склонам холмов по сторонам от них, разбросанные дома другой деревни; между занавесками просачивался свет от каминов, но она не могла сказать, были ли эти жилища обувью или другими частями одежды.

— Итак, где дерево? — спросила она; они шли уже около четверти часа под лучами назойливой, но странно неяркой луны.

— В Лесу.

— Но, как мне кажется, ты сказала, что уже искала его и не нашла.

— Да, не нашла. И Лес исчез.

— Исчез? — Рени остановилась. — Погоди, но тогда куда мы идем? Я не хочу бродить тут всю ночь — я должна найти своих друзей! — Ее пронзила внезапная жгучая боль при мысли о том, что она только увеличивает расстояние между собой и !Ксаббу, или, еще хуже, он может быть совсем недалеко, в этой же освещенной луной ночи. Она пыталась не думать о нем, но это

было опасное незнание, хрупкое, как мыльный пузырь.

Каменная Девочка повернулась к ней лицом и подбоченилась.

— Если ты хочешь услышать ответы, ты должна сделать Ведьму. Если ты хочешь найти Ведьмино Дерево, то должна найти Лес.

— Он… он перемещается?

Ее спутница только покачала головой.

— Я не понимаю тебя. Я пытаюсь помочь. Ты хочешь идти со мной или нет? — Несмотря на жесткие слова в ее тоне слушалась молящая нотка.

И тут Рени пришла в голову замечательная мысль.

— А ты можешь нарисовать карту? Может быть это поможет мне понять. — Он наклонилась, подобрала палку и нарисовала на грязи линию — жирную, чтобы была видна в слабом свете луны. — Смотри, это дорога, по которой мы идем. Сейчас я рисую дома-башмаки. Вот. А это холмы. Мы здесь. Ты можешь нарисовать, куда мы идем?

Каменная Девочка долго смотрела на землю, потом подняла взгляд на Рени, прищурив свои ямки-глаза, как будто смотрела на яркое солнце.

— До того, как я встретила тебя, — с некоторой деликатностью спросила она, — ты ни на что не падала, случайно? Может быть… на голову?

К тому времени, когда они оказались на заросших кустами склонах холмов, которые Каменная Девочка назвала опушкой, Рени начала понимать, насколько невозможен весь этот мир. Здесь не было и не могло быть карты, как для этого путешествия, так и для любого другого, которое Рени захотела бы совершить. В таких местах карты вообще не существуют, и по очень хорошей причине.

«Мир выглядит так, как если бы нет такого понятия „близость одного места близко к другому“,— решила она.— Я должна была догадаться. В симуляции, построенной людьми, можно путешествовать как в настоящем мире. Но почему машинный разум должен пытаться скопировать такие понятия как близость или географическая непрерывность, если у него самого нет и не может быть такого опыта?»

Насколько она могла судить, некоторые объекты, вроде деревни, *подразумевали* карты, или по меньшей мере некоторую трехмерную организацию и стабильность, которые позволяли жителям находить дорогу домой, но как только они выходили из знакомых мест, постоянных дорог в другие места просто не было, дороги исчезали, даже если жители раньше ходили по ним.

На самом деле Каменная Девочка храбро пыталась ответить на вопросы Рени, хотя для нее они казались странными и фундаментально неправильными.

— Ты просто… ищешь Лес, — опять объяснила она. — Он всегда перед тобой, просто нужно идти какое-то время, а потом поискать вещи.

— Вещи… какие вещи? Деревья, которые ты видела раньше? Холмы? Что?

Каменная Девочка пожала плечами.

— Просто вещи, глядя на которые ты понимаешь, что Лес близко. Вроде этой. — Она указала на вертикальный камень, торчащий из склона холма, освещенного гигантской луной.

— Камень? — Палец из бледного камня был не меньше грузовика, безусловно великолепный ориентир. — Ты видела его раньше?

Девочка растерянно покачала головой.

— Нет. Есть много таких камней. Но сегодня ночью это Близость-к-Лесу камень.

Теперь пришла очередь Рени качать головой. Ее спутница знала что-то такое, чего сама Рени не знала — возможно воспринимала сигналы, которые не получала Рени, или даже интуитивно распознавала докодовую информацию. Что бы это ни было, Рени ее не понимала. А если действительно докодовая, то никогда и не поймет.

Они прошли через густой кустарник и вышли на вершину холма. По дороге Рени обмоталась потуже одеялом, чтобы защититься от колючек, и попыталась представить себе, как бы она себя чувствовала, если бы жила в этом мире. «Но разве я могу даже надеяться понять его? Я не могу даже представить себе, что значит вырасти в деревне, как !Ксаббу, который смотрит на обычную городскую жизнь как на нечто невероятно странное, а ведь он нормальный человек, вроде меня, а не искусственный конструкт».

Острая боль разлуки опять резанула ее по сердцу, на это раз к ней добавилась безнадежность, которой раньше не было. «Быть может это все бессмысленно? спросила она себя. Я так хочу оказаться рядом с ним, я так напугана нашей разлукой — но разве у нас есть будущее? Даже если мы выживем, разве мы сможем жить вместе? Мы такие разные. Я не знаю ничего о жизни его народа, за исключением того, что он рассказал мне. Что подумает обо мне его семья?»

Настроение упало, она пошла медленнее. Тогда она заставила себя подумать о другом.

«Я все еще не знаю, действительно ли люди, живущие в этом

мире — Каменная Девочка, Вивинки — пропавшие дети. Но это, безусловно, возможно. Может быть Другой перенес их сюда, их сознания, их разум. Она задрожала, и не от холода ночи. Их души.

И если Стивен здесь, в этом мире, как я могу найти его? Как я узнаю его? И как он узнает меня?»

— Лес начинается. — Ее спутница вернулась немного назад, сойдя со склона. — Здесь плохое место — Жинни и, может быть, Тики, они любят края и обрывы.

— Ты знаешь… — Рени с ужасом подумал о том, что она собирается спросить. — Ты помнишь жизнь перед этим?

— Перед чем?

— Перед тем, как ты стала жить в башмаке, с мачехой. Ты помнишь что-нибудь другое? Как ты пересекала белый океан? Как жила с мамой и папой?

Каменная Девочка казалось сбитой с толку и слегка растерянной.

— Я помню множество вещей из жизни до башмака. И, конечно, я пересекла океан. А кто нет? — Она нахмурилась. — Но мама? Нет. Много кто говорит о маме, но ни у кого ее нет. — Внезапно она стала очень серьезной, ее темные дыры-глаза расширились. — А там, откуда ты пришла… у людей есть мамы?

— У некоторых, да. — Рени подумала о свой, погибшей много лет назад. — У некоторых счастливчиков.

— А как они выглядят? Они больше, чем мачехи или меньше? — Наконец-то Рени нашла тему, интересную для ее спутницы. — Один мальчик, который раньше жил в Башмаках, но сейчас ушел, говорит, что помнит маму, настоящую, которая была только его. — Каменная Девочка недоверчиво фыркнула. — Хвастун, так мы зовем его.

Рени на мгновение закрыла глаза, пытаясь придать смысл тому немногому, что она знала об этом мире.

— Вы все появляетесь здесь как птицы? Вы начинаете с птиц?

Каменная Девочка громко засмеялась, удивительный звук в вечерней темноте.

— Птицы? Ты имеешь в виду всех людей в Башмаках, Сюртуках, Очень-Громком-Ударе и Очень-Старом-Мосте? Как может быть так много птиц? — Она наклонилась вперед и схватила Рени за руку. — Пошли. Здесь обычно бывают Жинни.

Только тут Рени вспомнила об этих ужасных созданиях; даже если она поймет, как устроен этот мир, это ей мало поможет, если одно из них застанет ее снаружи.

— Да, пошли.

Как и все остальное, что она видела с того времени, как очутилась на вершине черной горы, Лес оказался одновременно и большим, чем в реальности, и меньшим. В нескольких шагах от опушки началась настоящая чаща и деревья настолько тесно переплелись ветвями, что весь верхний этаж леса превратился в единое покрывало, протянувшееся в ширину на много миль. Некоторые из деревьев были не слишком высокими, но их ветви раскинусь намного шире, чем у любого настоящего дерева, и, как огромные зеленые грибы, они покрывали сотни квадратных метров. Многие из отдельно стоящих кустов имели явно искусственную форму — игральные карты с скругленными углами, лопаты, дубинки и бриллианты — как будто лесная страна хранила творения безумных фанатиков-садовников.

Высокий полог над лесом не пропускал лучи бело-голубого диска, но слабый теплый свет лился из переплетшихся ветвей, как будто заменяя невидимый свет луны. Неяркие огоньки вспыхивали один за другим, наконец весь лес вспыхнул ярким светом и стал похож на бесконечную мерцающую беседку, гигантское рождественское представление.

— Кто это так светится?

— Жуки, — ответила Каменная Девочка. — Мы зовем их лесные свечки. Они как свеча Вивинки, но меньше.

Блуждающие огоньки, подумала Рени, именно их они должны так называть. Но кто-то бы они не были, они заманивают путешественников в лес. И они прекрасны. Ты можешь вечно идти вслед за ними.

— Сейчас мы близко к Ведьминому Дереву, — тихо сказала Каменная Девочка, как если бы дерево могло испугаться и улететь.

«Может быть и может,— подумала Рени.— Кто его знает?» Она попыталась представить себе, что это такое.

— Это Ведьмино Дерево, — сказала она наконец. — Что мы будем делать, когда найдем его?

— Ведьму, конечно.

— А. — Она уже заметила, что Иной сокращает имена — крошка Вилли Винки, например, загадочным образом превратился в Вивинки. Похоже у него идиосинкразия на разговорный английский, почти детское непонимание. Мысли обратились к Ведьминому Дереву. — Ага, ты просто говоришь ему, что хочешь, верно?

Каменная Девочка утвердительно кивнула.

— Ну да.

Сейчас они были уже глубоко в Лесу, вихрь крошечных светящихся огоньков освещал уже не только фантастические

ветви над их головами, но и широкие поляны, и тропинки, скорее похожие на длинные освещенные туннели, изгибавшиеся и пропадавшие из виду. Туман, поднимавшийся от земли, превращал всю картину в сцену из веселого зимнего праздника. И тут, наконец, воспоминание, так долго изводившее Рени, выбралось наружу.

«Ну конечно, это же место под тем ужасным клубом — Мистер Джи! Где странные люди, дети или не дети, кто их знает, держали !Ксаббу.» Она вспомнила потолок из корней, как в сказках Братьев Гримм, мигающие огоньки, ощущение тесноты даже в широком подземелье. Во всех изобретенных Иным мирах то же чувство — сильнейшая клаустрофобия, как будто прекрасный парусник построен внутри бутылки.

И то место создал Иной, внезапно поняла она, хотя это была настоящая всемирная сеть, не сеть Грааля. «Маленькое… что, укрытие? Убежище? Что-то такое, что он создал для себя в том призрачном месте. Тогда дети там — Асфальт, Шлагбаум, я не помню их имена — тоже как эти? Украденные?»

Ключ к личности Иного можно найти, сравнивая эти два места, внезапно поняла она, если, конечно «личность» — подходящее слово. Во всем, что он делает для себя, есть повторяющиеся темы. Есть на чем потренировать привыкший решать инженерные задачи ум.

«Еще бы немного времени на то, чтобы подумать…»

— Вот, — объявила Каменная Девочка. — Ведьмино Дерево.

Вначале Рени решила, что она в очередной раз не поняла свою спутницу — перед ней лежал участок леса, в котором вообще не было деревьев, только довольно большое пруд или озеро с темной водой. В следующее мгновение она еще больше укрепилась в своем мнении, обратив внимание, что несмотря на огромную блестящую луну, висевшую в небе как космическая база перед посадкой, вода ничего не отражала: если бы не огоньки, бегавшие под поверхностью воды, озеро показалось бы огромной черной дырой в земле.

Рени подошла немного ближе и прищурилась, рассматривая пыльное зеркало. Огоньки в воде вовсе не походили на лесные свечи, скорее это были волны, мерцающие слабым фиолетово серебряным светом, быстро двигавшиеся и последовательно поворачивающие налево и направо. Он присела и уставилась на гипнотическое движение огоньков, потом протянула руку к темной воде.

— Нет, не делай! — сказала Каменная Девочка. — Мы не касаемся его. Обходим вокруг.

— Почему? Что это за огоньки?

Ее спутница взялась холодными пальцами за руку Рени.

— Ну… они принадлежат ему. Ты хочешь идти к дереву, или нет?

Рени разрешила себя поднять.

— Ты вроде сказала, что это оно.

— Нет, глупая, оно за ним. Ты, что, не видишь?

Рени посмотрела туда, куда указала девочка. На полпути вокруг озера что-то темнело, возвышаясь над росшими на берегу кустами и деревьями; его ствол наполовину утонул в воде, как будто гигант решил остудить ноги. Трудно было ясно разглядеть его: кроны других деревья сверкали веселыми огоньками, искрились волны, оживляя озеро, но оно оставалось темным и мрачным.

Пока они шли по губчатому берегу, Рени никак не могла избавиться от ощущения, что огоньки в воде следуют за ними, как любопытные рыбы, хотя, конечно, это мог быть обман зрения. Он наклонилась и резко махнула рукой над водой, наполовину ожидая, что огоньки убегут от нее, но если их тусклое свечение и вызывалось какими-то существами, те не впечатлились.

Все живые существа в этой симуляции не слишком походили на свои прототипы в настоящем мире, но Ведьмино Дерево переплюнуло их всех. Она даже не было деревом: только грубая вертикальная часть, расширявшаяся у вершины и основания, слегка походила на ствол. Кора, светящейся и гладкая везде, кроме тех мест, откуда выходили корни и сучья, скорее напоминала кожу черного дельфина. Концы разветвляющихся частей исчезали среди ветвей других, более нормально выглядевших деревьев; резиновые корни болтались в мрачной воде, как щупальца осьминога, наполовину вылезшего на землю. Все дерево производило впечатление инопланетного существа, приземлившегося на берегу озера.

«Ничего не скажешь, очень странная штука»,— решила Рени.

— Ты уверена, что это… дерево?

Каменная Девочка нахмурилась.

— Это Ведьмино Дерево. Там, откуда ты пришла, они, что, выглядят по другому?

Рени не нашла, что ответить, и предпочла спросить:

— Что мы должны делать?

— Ведьму, я тебе уже говорила, и потом задать ей вопросы. — Она выжидательно поглядела на Рени. — Хочешь быть первой?

— Я не знаю, что делать. — Что-то в этом странном уединенном месте заставило ее вспомнить, как она устала и

натрудила ноги. — Давай ты, я посмотрю.

Каменная Девочка кивнула. Она еще больше сморщила свою бесформенную одежду и, успокоив себя, уселась на землю. Потом, сухим и трогательно фальшивым голосом, запела незнакомые слова на знакомую мелодию:

Баю-баю, детка, глазоньки закрой,
Мама — королева, папочка король.
А сестричка — леди, с золотым кольцом,
Брат играет песни перед королем.

Наступила тишина, и Рени показалось, что вспышки в темной воде стали двигаться медленнее и потускнели, но само дерево, как бы впитав их свет, начало медленно разгораться, из-под гладкой черной коры Ведьмина Дерева начало пробиваться фиолетовое сияние. Ствол трещал и вздрагивал. Рени даже испугалась, что сейчас дерево встанет на корни, как ночной кошмар, но вместо этого ветви начали медленно нагибаться. Что-то, раньше скрытое плотной листвой окружающих деревьев, зашуршало, спускаясь вниз с высоты — фрукт, сиявший глубоким красным светом и свисавший с конца длинной черной ветки.

Каменная Девочка протянула свои маленькие руки и подставила их под плод. Потом быстро и резко дернула, сук освободился и опять унесся в небо. Каменная Девочка посмотрела на Рени, малиновый свет омывал ее улыбку и круглые ямочки-глаза. Хотя она и ожидала подарка от дерева, но, судя по выражению лица, все равно гордилась собой.

Искорки на соседних деревьях потускнели, так что фрукт, яйцеобразный, размером и формой напоминавший баклажан, горел ярче всех. Рени наклонилась вперед и, затаив дыхание, смотрела, как Каменная Девочка решительно взялась за светящийся объект и разделила его пополам.

В центре оказалась крошечная фигурка — ребенок, или существо похожее на ребенка, его сморщенное тельце было явно женским, а глаза закрыты, как если бы оно спало. Руки лежали на животе, меленькие пальчики просвечивали, как стеклянные.

— Я сделала Ведьму! — прошептала возбужденная и слегка испуганная Каменная Девочка. При звуке ее голоса малышка зашевелилась в своей сияющей кроватке.

— Ведьму… — Безумная, нелогичная сцена заставила Рени почувствовать себя, как во сне. Она подумала было о неправильном названии существа, но здесь было что-то другое, более глубокое.

Каменная Девочка осторожно поднесла девочку-гомункулуса

к груди, и, почти касаясь ее губами, задала свой вопрос:

— Подойдет ли Окончание ближе?

Малышка опять зашевелилась. Глаза остались закрытыми, но послышался жуткий голос, совсем не соответствующий облику ребенка, еле слышный стон, эхо от которого, тем не менее, разлетелось чуть ли не на весь лес.

— … Окончание… только начинается…

— Но что случится с нами, когда весь мир исчезнет в Окончании? Где мы будем жить?

Крошечный ротик изогнулся в полуулыбке, и Ведьма запела:

— Мальчишки, девчонки, гулять идем! Светло на улице, как днем….

Рени сражалась с суеверным страхом. Тихий призрачный голос, фантастическое окружение — и все-таки творец этого мира хотел что-то сказать, что-то совершенно определенное. Странно и тревожно было слышать шепот, произносящий слова так, как обычно говорят машины, но опасность была слишком велика и такими фокусами ее не обмануть. Под всем этим колдовством текла двоичная кровь системы с искусственным интеллектом: ее не собьет с пути то, что мало отличается от игры, пошедшей не в том направлении.

Ведьма в руке Каменной Девочки стала увядать, превращаясь в морщинистую массу, похожую на косточку от персика. Абсурд, но она продолжала говорить и петь, все более и более тихим голосом. Каменная Девочка продолжала очень внимательно слушать ее, а вот Рени не могла разобрать ни одного слова. Наконец стало ясно, что даже Каменная Девочка больше ничего не услышит; она печально посмотрела на съежившуюся Ведьму и бросила ее темную, ничего не отражавшую воду.

— А для меня дерево сработает, а? — спросила Рени.

Каменная Девочка казалось очень разочарованной, но не вопросом.

— Попробуй.

Рени уселась на землю рядом с ребенком. И тут же сообразила, что не помнит слова песенки.

— Ты поможешь мне петь?

Девочка напомнила ей слова о короле и королеве, и Рени запела, пытаясь громким отчетливым пением скрыть свою неуверенность. Она закончила и воздух над озером застыл. Ветер зашелестел в ветвях деревьев, огоньки вспыхивали и гасли. Ветви темного дерева опять задвигались: сияющий плод скользнул сверху из темноты над головой.

Рени взяла в руки теплый гладкий фрукт и дернула. Когда он раскрылся напополам, как биологическая иллюстрация, открыв

маленькое спящее создание, в голове Рени мелькнуло давно забытое воспоминание. Детская серьезность Каменной Девочки, грубые сцены смерти и рождения, перенесли ее назад, в детство, когда она играла вместе со своей подругой Номзой — они устраивали почти египетские похороны кукол, мрачные церемонии, происходившие за жилыми кварталами горда, в тростниках, скрывавших их от мам, которые вряд ли это одобрили. И здесь все было очень похоже, по детски — заигрывание с запретным и опасным.

Миниатюрное создание открыло глаза, вернув Рени в настоящее.

— *Слишком поздно…* — сказал он, далеким трепещущим голосом. — *Слишком поздно… дети умирают… старые дети и новые дети…*

Рени обнаружила, что ужасно разозлилась, и не только потому, что *ее* ребенок оказался мальчиком.

— Что это означает «слишком поздно»? Ты, полная куча дерьма, мы через столько прошли. — Она посмотрела на Каменную Девочку. — Я еще не спросила?

Ее спутница глядела на нее глазами ребенка, одни веки, похожие на жемчужины, никаких зрачков и радужных оболочек. Похоже она настолько испугалась, что не могла говорить, и Рени повернулась обратно к странному фрукту.

— Смотри, я знаю, кто ты, и понимаю кое-что из того, что происходит. — Рени даже не знала, к кому обращается: гомункулусу, дереву, воздуху. «Это все равно, что говорить с богом,— решила она.— Хотя с этим можно поговорить. Как бы». — Просто скажи мне, чего ты хочешь от нас. Мы должны найти тебя? И что мы видели на черной горе?

Гомункулус вздрогнул.

— *Хочу… дети… в безопасности…* — Его руки опять задергались, как если бы он спал и видел, что тонет. — *Новые дети… некуда… Холодно…*

— Чти с детьми? Зачем они тебе?

— *Больно. Падаю. Потом тепло… не надолго…* — Маленький совершенный ротик широко открылся и воздух наполнился ужасающим ритмическим шипением. Рени не могла понять, то ли это смех, то ли рыдания, но, в любом случае, у нее мороз пробежал по коже.

— Скажи нам, что ты хочешь! Почему взял детей — моего брата Стивена, всех остальных? Как мы можем забрать их обратно?

Кошмарный шум закончился. Крошечные ручки задвигались более медленно. Гомункулус обвис и расплылся, и начал быстро

разлагаться.

— …*Освободи*… Голос ослаб до еле слышного шепота. — … *Освободи*…

— Черт тебя побери, проклятый бог! — крикнула Рени. — Возвращайся и говори со мной! — Молчание. Рени попыталась припомнить слова песенки, которая вызывала его, но они, как назло, вылетели из головы, смытые поднявшейся злостью. Все равно, что разговаривать с Стивеном, когда тот разозлится — ребенок просто не слушается, даже если ты грозишься его побить. Она сдалась и запела те слова, которые *знала*, решив вытащить его наружу силком, заставить иметь с ней дело.

Баюшки, на ели мальчик засыпает.

Плод в ее руках стал совсем жидким, между пальцами потекли струйки. Рени с отвращением бросила его в воду и вытерла руки и грязь, продолжая петь:

А подует ветер — люльку раскачает,
Ветка обломилась, полетела колыбель —
Падает и люлька, и дитя, и ель.

— Ты слышишь меня? — прорычала она. — Падает колыбель и ель, черт побери!

Долгое молчание. Потом шепот, еле слышный, как последний вздох умирающего.

— *Почему… так больно?.. Звал тебя… но сейчас… слишком поздно*…

— Звал…? Ты, подонок, ты никого не звал, ты украл моего брата!

Бурлящий гнев, так долго скрытый внутри, выплеснулся наружу.

— Где ты? Черт тебя побери, ты скажешь мне, где находится Стивен Сулавейо, или я тебя найду и буду рвать на куски, часть за частью! — Никакого ответа. Разъяренная как фурия, она открыла рот, чтобы опять запеть и притащить Иного сюда за его метафорическое ухо, но остановилась, потому что гладкий черный ствол содрогнулся, еще и еще — ветки наверху беспорядочно забили по воздуху, сбивая листья и сучья с других деревьев, а черные корни зашевелились и вспенили озеро.

Потом, с внезапностью испуганного океана, возвращающегося в раковину, дерево обрушилось — молниеносное подражание

тому, что происходило с детьми-ведьмами, но, в отличии от них, дерево не просто съежилось: оно растаяло, превратилось в ничто; еще мгновение назад оно стояло перед ними, а сейчас только грязная земля и бурлящая вода напоминали о том, что оно вообще существовало.

Каменная Девочка повернулась к Рени, ямки-глаза расширились, рот превратился в глубокую пещеру.

— Ты… ты убила его, — сказала она. — Ты убила Ведьмино Дерево.

ГЛАВА 19
Самый храбрый человек в мире

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: АНВАК арестовывает своих собственных пользователей за несоблюдение правил

(Изображение: дом обвиняемого Вильдбьерга, Оденсе, Дания)

ГОЛОС: Датской музыкальный продюсер Налл Вильдбьерг ненадолго попал за решетку и сейчас преследуется по суду охранной корпорацией АНВАК за нарушение контракта — он не сообщил им о преступлении, совершенном в доме, который они охраняют.

ВИЛЬДБЬЕРГ: «Да эти люди просто сумасшедшие! У меня была вечеринка, и кто-то взял чужой плащ — случайно, я уверен. Эти сумасшедшие из АНВАКа увидели это, и не только арестовали его — моего гостя! — но и теперь преследуют меня, тоже!»

(Изображение: анонимный адвокат из международной юридической фирмы Торн, Таксис и Постхорн, представляющий интересы АНВАКа)

АДВОКАТ: «В контракте, который вы подписываете с нами, на странице сто семьдесят ясно сказано, что обо всех преступлениях, происходящих на охраняемой территории, надо немедленно сообщать в компанию. Мистер Вильдбьерг не имел права игнорировать преступление — и сам совершил преступление, попадающее под юрисдикцию Датского и Международного законодательств».

«Я должна помнить об Орландо, и все,— сказала себе Сэм, возможно в двадцатый раз за последние несколько часов.— Тогда я смогу идти дальше». Она спотыкалась от усталости и чувствовала себя несчастной, ей настолько не хватало родителей и родного дома, что хотелось плакать, но все это была ерунда по сравнению с тем, что Орландо выносил каждый день.

«И все равно его убили,— не могла не напомнить она себе.— Что толку быть храбрым, таким храбрым…»

— Я думаю, пора отдохнуть, — сказал !Ксаббу. — Мы уже и так прошли очень много.

— И ничего не изменилось, — резко сказала она. — Мы, что,

собираемся идти вечно? Какой смысл, а? В том, чтобы идти вперед, я хотела сказать. Это же не настоящий мир.

— Да, я полагаю, — !Ксаббу легко опустился на землю, как если бы они не шли без перерыва весь день — у самой Сэм ноги дрожали от усталости. — Но это не означает, что в нем нет… какое слово? А, наверно логики.

— Логика. — Она фыркнула. — Слово Рени.

— Да, это ее слово, — согласился !Ксаббу. — Мне очень не хватает ее — всегда думающей, удивляющейся, пытающейся придать смысл каждой детали. — Он посмотрел на фигуру, идущую по гребню невысокого холма, с которого они только что спустились. Конечно Жонглер, устало тащившийся за ними с мрачной решимостью, которая почти восхищала Сэм. У него было относительно молодое и здоровое тело, вполне подходящее человеку средних лет, но сам Жонглер давно не ходил в таком теле достаточно долго и ощущал бесконечность пути еще острее, чем она.

— Я все еще ненавижу его, — тихо сказала Сэм. — В высшей степени. Но, ты знаешь, трудно ненавидеть того, кого ты видишь все время, верно?

!Ксаббу не ответил. С тех пор, как бушмен во время остановок сплел что-то вроде килта из длинной речной травы, он и старик больше не ходили голыми, и Сэм пришлось признаться, что теперь ей стало удобнее. Она считала себя современной девушкой, которую непросто чем-то удивить, и тем не менее было довольно странно общаться все время с голым !Ксаббу, да и самой обходиться почти без одежды; видя же день за днем грубое тело голого Феликса Жонглера она чувствовала себя какой-то грязной и нечистой.

— Оно не настоящее, — сказала она вслух. — Как и то, что вокруг нас.

!Ксаббу с любопытством посмотрел на нее.

— Прости. Я просто подумала вслух. — Сэм нахмурилась. — Но это правда. Здесь не темнеет и не светлеет, как в нормальном месте. Солнца нет. Как будто кто-то утром включает большой свет, а ночью выключает.

— Да, это странно. Но почему должно быть как-то иначе? В конце концов это не настоящее.

— Оно достаточно настоящее, чтобы убить нас, — сказал Жонглер, остановившись рядом с ними.

— Спасибо *тебе*, Аардлар Веселый Варвар. — Сэм с запозданием сообразила, что процитировала одну из любимых шуток Орландо.

!Ксаббу слегка прошелся вдоль реки. Пока Жонглер

приходил в себя, Сэм глядела на небольшую худую фигурку, пробиравшуюся через тростники. «Он очень скучает по ней, но никогда не говорит об этом. Он просто хочет, чтобы мы шли, все дальше и дальше, в поисках ее». Она попыталась представить себя, что бы она почувствовала сама, если бы Орландо был жив и затерялся где-то в чужом ландшафте, но только опечалилась и чуть не расплакалась. По меньшей мере он-то еще может найти Рени.

— Мы должны идти, — позвал их !Ксаббу. — Трудно сказать, сколько еще часов будет свет.

Жонглер, не говоря ничего, встал и потащился за ним. Сэм поторопилась нагнать !Ксаббу.

— Это место выглядит всегда одним и тем же, — сказала она. — Только что-то начало выглядеть… Я даже не знаю… ну, начало опять просвечивать. Как то, где мы были вначале. — Она указала на далекую линию холмов. — Видишь? Раньше они казались нормальными, а сейчас выглядят совершенно ненастоящими.

!Ксаббу устало кивнул.

— Я вижу здесь не больше смысла, чем ты.

— А как насчет другой стороны реки? — спросила Сэм, наполовину надеясь отвлечь его. — Может быть Рени перешла на ту сторону.

— Ты видишь не хуже чем я, что земля там более плоская, — ответил !Ксаббу. — А на этой стороне реки есть по меньшей мере деревья и растения, и мы можем не увидеть ее, пока не окажемся рядом. — Его мрачный взгляд стал еще глубже: Сэм не нужно было говорить ему, что это будет особенно верно, если Рени где-то лежит без сознания или вообще мертва.

По спине пробежала холодная дрожь. Хотела бы она вспомнить пару молитв из тех, которые учила в воскресной школе, но их пастор главным образом пел псалмы, а не учил тому, что надо делать, когда ты и твои друзья окажутся в тяжелом положении в воображаемой вселенной.

Сэм вспомнила свою группу и мальчика с подтяжками по имени Холгер, который — вопреки ее желанию — пытался поцеловать ее на церемонии Последнего Костра в лагере. Она прошла еще несколько шагов, прежде чем поняла, что !Ксаббу остановился. Она повернулась, увидела потрясенный взгляд на его лице, и на мгновение подумала, что случалось самое худшее, что он увидел ноги Рени, торчащие из-под куста, или ее тело, плывущее по реке. Она проследила за его взглядом, но с облегчением увидела только маленькую группку деревьев, одиноко стоявших на зеленой лужайке недалеко от воды.

— !Ксаббу…?

Он метнулся к дереву. Сэм поспешила за ним.

— !Ксаббу, что там? — Он коснулся ветки и медленно провел пальцами по ее коре. Он молчал, с отчаянием на лице, и она уже едва не плакала. — !Ксаббу, что произошло?

Он посмотрел на ее лицо, потом вниз, на ноги. Она хотела подойти к нему, но он с неожиданной силой схватил ее за руку.

— Не двигайся, Сэм.

— Что? Ты меня так напугал!

— Дерево. Это то самое дерево, на котором Рени оставила свою одежду. — Он махнул закопченным клочком белой материи, которую нес в руке как священную реликвию.

— О чем ты говоришь? Мы там были два дня назад!

— Сэм, посмотри вниз. — Он указал на землю. — Что ты видишь?

— Следы. Значит…? — И тут до нее дошло.

Цепочка ее собственных следов вела обратно, показывая место, где она только что пересекла рассыпчатую почву. Но вокруг были дюжины следов, включая и маленькие следы самого !Ксаббу, более узкие, чем ее — слишком много. Он подошла и аккуратно поставила ногу на один из следов — идеальное соответствие.

— Господи, — ахнула она. — Это слишком большой скан.

— Каким-то образом, — сказал !Ксаббу несчастным голосом, такой она еще не слышала, — мы вернулись к началу.

Хотя до переключения на ночь оставалось еще не меньше часа, !Ксаббу развел костер: ни он, ни Сэм больше не хотели идти дальше. Тонкое серебристое пламя, которое обычно придавало их лагерю домашнюю атмосферу, сейчас казалось чуть ли не чужим.

— Это не имеет смысла, — опять сказала Сэм. — Мы просто шли вдоль реки. Даже без солнца мы не могли заблудиться… или могли?

— Даже если на земле не наши следы, я все еще не забыл это место — я не мог ошибиться, — печально сказал !Ксаббу. — Тем более я не забыл дерево, на котором нашел знак, что Рени жива и ищет нас. Там, где я рос, мы знали деревья не хуже, чем людей — даже лучше, потому что деревья всегда остаются на месте, а люди уходят или умирают, и ветер сдувает их следы. — Он покачал головой. — Я уже давно понял, что местность выглядит очень похожей, но пытался убедить себя, что ошибаюсь.

— Но это не объясняет, как мы так реально заблудились! — сказала Сэм. — Особенно ты — это неправильно.

— Потому что ты еще веришь, что находится в настоящем

мире, — резко сказал Жонглер. Он молчал почти час, и его внезапные слова заставили их вздрогнуть.

— Что ты имеешь в виду? — не менее резко сказала Сэм. — Мы, что, лезли вверх и спускались вниз? Налево и направо? Мы шли вдоль реки через всю твою долбаную сеть…

— Это не моя сеть, — прервал ее Жонглер. — Мою делали техники, инженеры, дизайнеры — люди для людей. Лево, право, вверх, вниз — очень полезно, если ты человек. И почти ничего не значит, если ты Иной.

!Ксаббу безрадостно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— То есть ты говоришь, что здесь все… другое? — сказала Сэм. Здесь нет правил?

Жонглер подобрал с земли прутик. Несмотря на странное освещение и отсутствие солнца, местность выглядела достаточно обычной и даже скучной. И она сыграла с ними такой ужасный фокус!

— Быть может мы нашли место, где «правила», как ты назвала их, почти не существуют, — сказал старик, катая длинный прутик между пальцами. — Тем не менее я подозреваю, что здесь есть жесткие правила, но не такие, какие мы ожидаем увидеть. — Он наклонился вперед, очистил кусок грязной земли перед собой и нарисовал прутиком несколько маленьких кругов, расположенных друг рядом с другом, как бусины на линии. — Примерно так устроена сеть Грааля, — сказал он. — Каждый круг — мир. — Он нарисовал черточку, которая проходила через все круги — нитку, на которой висели бусины. — Через все миры бежит великая река, которая соединяет концы всех миров. Если вы плывете по реке, используя только ее ворота, чтобы перейти в другую симуляцию, вы постепенно пройдете через все миры, вернетесь назад и начнете сначала.

Сэм какое-то время изучала набросок.

— И? Почему это не работает здесь? Как мы потеряли реку?

— Я не верю в это.

— Как такое может быть?

— Этот мир вовсе не обязан быть линейным, как мир Грааля. Мы считаем, что река должна иметь исток и выход, но даже у соединяющей миры реки моей сети нет ни начала, ни конца. — Жонглер стер бусины и нарисовал новый круг, побольше, внутри которого был другой круг, волнистый. — Это место ни в коем случае не копирует модель настоящего мира. Я полагаю, что мы шли вдоль реки отсюда, — он коснулся кончиком сука волнистого круга, — до сюда. — Он провел прутиком по волнистому кругу, пока опять не оказался в той точке, откуда начал.

Сэм с удивление глядела на рисунок. !Ксаббу, рядом с ней, смотрел намного более заинтересованно, чем за весь этот час.

— Тогда… мы уже все обошли? — спросила она. — Мы видели весь этот мир? Прошли вдоль баранки? — Она зло тряхнула головой. — Это слишком по-детски, чтобы быть правдой. И еще одно. Если мы обошли весь мир кругом, где же Рени? И этот твой друг, Клемент? Они же не могли просто так исчезнуть.

«Быть может могли,— внезапно подумала Сэм.— В дыре. В реке. Потерялись, как Орландо…»

— Возможно модель мира еще более странная, — сказал Жонглер. В это мгновение он казался почти обычным человеком, вроде учителя — в спутники не выберешь, но уж точно не сверхзлодей. И, как самые лучшие учителя, действительно интересовался тем, о чем говорил. Сэм внезапно вспомнила, что именно он решил проблему человеческой смертности, если, конечно, забыть о его методах.

«Как тот греческий парень в мифах, который украл тайну жизни у богов. Орландо вспомнил бы его имя.»

Жонглер стер свой рисунок и заменил его еще большим кругом, который наполнил полдюжиной концентрических волнистых кругов; в результате рисунок стал похож на глаз водяного буйвола.

— Возможно в это мире есть еще много спрятанных миров — как в русской матрешке, — сказал он. — И реки их не связывают, а, скорее, разделяют. Так что вместо того, чтобы идти вперед, — он опять обвел прутиком волнистый круг, — и снова оказаться в начальной точке, нам надо *пересечь* реку и попасть в следующий мир. — Он нарисовал линию, выходившую из одного кольца и кончавшуюся в другом. — Геометрия этого мира ни в коем случае не повторяет геометрию настоящего. Не говоря уже о том, что Иной, сам избравший себя богом этого мира, почти ничего не знает о настоящем.

Сэм уставилась на глаз буйвола.

— Подожди — да это просто скан. Смотрите сюда — ну! — Она указала на дальний берег реки, низкие холмы и луга, все еще сверкавшие под загадочным светом. — !Ксаббу уже говорил, что мы бы увидели Рени, если бы она была там. И, кроме того, если это другой мир, тогда у твоей операционной системы нет воображения, ведь тот берег похож на этот как две капли воды!

Жонглер самодовольно хихикнул и Сэм с трудом удержалась, чтобы не ударить его.

— Именно потому, что ты его видишь, означает, скорее всего, что его нет, ребенок.

— Что?

— В сети Грааля есть множество мест, где мир существует только на одной стороне реки. Те, кто попытаются достичь другого, очень быстро обнаружат, что не в состоянии это сделать — и тем не менее иллюзорное изображение другого берега существует всегда. Если мы сумеем пересечь реку, кто знает, где мы окажемся? Или что увидим, посмотрев обратно на этот берег?..

Тем временем настали сумерки, и дальний берег почти растаял в темноте. Сэм усталая и подавленная, решила, что обсуждение очередной загадки ей больше не интересно. Даже если Жонглер прав, даже если они смогут найти Рени и самого Иного, они все равно находятся точно в нигде. Сэм помнила Иного, его холодное присутствие, и как он сделал картонный Холодильник дырой в никуда…

«Интересно, что папа и мама делают сейчас?— внезапно подумала она.— Они же не могут быть в больнице все время». К ее одиночеству примешалось немного ревности. «Быть может они дома, ужинают. Смотрят что-нибудь по сети. Мам звонит бабушке Катерине…»

!Ксаббу внимательно посмотрел на реку.

— Там кто-то есть, — тихо и спокойно сказал он, но тепрь Сэм знала его лучше — за эти дни она кое-что узнала о нем.

— Где? — Она села и посмотрела на дальний берег, полностью скрытый тенями. — Я не вижу ничего.

— Камыши на краю реки. — Он встал. — Фигура человека.

Сэм видела только слабое колыхание стеблей, волнующаяся серая стена.

— Ты… ты видишь, кто это? — Она попыталась сохранить радостное возбуждение в голосе, хотя и понимала, что скорее всего это зомбированный Клемент, а не Рени. Или даже Джекки Ниббл, а может быть и одно из тех странных созданий, с которыми они повстречались пару ночей назад.

Кто-то действительно шел через тростники — и может быть даже человек, судя по форме и походке.

Увы, надежда растаяла после следующих слов !Ксаббу, сказанных настолько безразличным голосом, что Сэм могла только догадываться о боли, стоявшей за ними.

— Это мужчина. — Мгновение назад он был туго натянутым, как тетива, готовым броситься вниз со склона. А сейчас он весь обвис, даже возможная опасность казалась мелочью по сравнению с потерей.

Незнакомец поднял руки вверх.

— Только не убегайте! — крикнул он. — Я не выдержу еще

одну ночь в холоде.

Он хромал, на нем были черные короткие штаны и свободная белая рубашка, изодранные, с пятнами крови. Если он прикидывался, пытаясь заманить их в ловушку, подумала Сэм, то делал это чертовски хорошо. Он шел запинаясь, как бегун на последних метрах изнурительного марафона, и казался мокрым и несчастным. !Ксаббу смотрел на него с очень странным выражением на лице, но без малейшего страха.

Незнакомец был обыкновенного роста, старше ее, хотя и моложе Жонглера, и очень хорош собой. Если бы не грязные черные усы и мокрые волосы, он бы выглядел загорелым красавчиком-актером какого-нибудь сетевого шоу, и, похоже, пребывал на пике жизни и здоровья.

— О, разделите со мной ваш огонь, пожалуйста, — молящим голосом сказал он, дохромав до них. Никто из них ничего не сказал, и он упал рядом с костром, дорожа от холода. — Слава богу. Здесь нет хорошего материала для плота — тот, что я сделал, утонул. Все эти ночи я не мог высохнуть и мерз. Я уже видел ваш огонь, но никак не мог догнать вас. О, боже мой, это пустое несчастное место.

Сэм молча удивилась тому, что !Ксаббу не стал приветствовать незнакомца. Он поглядела на бушмена, пытаясь понять, в чем дело, но маленький человек, казалось, находился где-то в другом месте.

— Мы не можем дать тебе многого, — сказала она, — у нас самих даже нет одеяла. Но ты можешь погреться у костра.

— Благодарю тебя, юная леди. Ты очень добра. — Незнакомец попытался улыбнуться, но непрерывно стучащие зубы не дали удержать улыбку больше, чем на секунду. — Ты помогла мне, а Азадор не забывает добро.

— Нам нужен сушняк, — внезапно сказал !Ксаббу, касаясь руки Сэм. — Пойдем со мной и принесем столько, чтобы хватило на всю ночь.

!Ксаббу подошел очень близко к ней, взял ее за руку и повел к группе деревьев, около которой собирал сухие ветки.

— Не оборачивайся, — прошептал он ей. — Неужели ты не помнишь это имя, Азадор?

— Нет… но звучит знакомо, теперь, когда ты сказал его.

— Он недолго путешествовал вместе с Полом Джонасом. А до этого со мной и Рени. Зажигалка — устройство доступа — досталась нам от него.

— Боже мой! Ты дупляешь, да? — Сэм сражалась с собой, пытаясь не обернуться. — Что он здесь делает?

— Кто знает? Но важно то, что он не знает, кто мы. Видишь

ли, меня он видел только в симе бабуина.

— И ты не хочешь, чтобы он знал, кто мы такие?

— Мы узнаем больше, если он будет считать нас незнакомцами. По меньшей мере мы будем знать, если он нам солжет. — !Ксаббу нахмурился. — И, знаешь, перед нами весьма сложная задача. Пол Джонас говорил, что этот человек называл себя жертвой Братства Грааля. Если он узнает, кто такой Жонглер… — Он покачал головой. — Я и Рени назвали ему свои настоящие имена, так что ты не должна называть меня по имени. Но Жонглер сразу заметит, если ты назовешь меня каким-то другим, вымышленным именем.

— У меня от твоих слов болит голова, — сказала она, когда они подошли к деревьям. — Быть может самое простое — убить его. — !Ксаббу повернулся к ней, широко раскрыв глаза. — Да ну, я пошутила, чизз.

— Я не люблю такие шутки, Сэм, — сказал !Ксаббу и начал подбирать с земли сучья.

— Хорошо, — сказала она, набрав столько сушняка, сколько поместилась в руках, — это была не самая удачная шутка. Дошло. Но если мы не можем говорить имя Рени, твое имя, не можем говорить о том, что происходит, мы будем тормозить. Что важнее, задурить голову этому парню или найти Рени?

!Ксаббу медленно кивнул.

— Да, ты права, Сэм. Давай посмотрим, что Азадор расскажет о себе — мы же должны расспросить того, кто подошел к нашему костру — и тогда постараемся понять суть дела.

— Да, конечно, вы хотите узнать мою историю, — экспансивно сказал Азадор. Костер согрел его и, не считая распухшей лодыжки и выражения побитой собаки в глазах, он полностью пришел в себя. — Она полна опасностей, переживаний и даже — не побоюсь этого слова — героизма. Но на самом деле вы хотите узнать, как Азадор оказался в этом забытом богом месте, верно?

Сэм захотелось округлить глаза, но она сдержалась.

— Да.

— Тогда я открою вам страшную тайну. — Красивый мужчина наклонился вперед, поднял глаза и посмотрел из стороны в сторону, очень театрально и по детски. — Азадор уже давно следует за вами.

Сэм опять победила себя и не подняла взгляда на !Ксаббу.

— Да ну?

— С… Трои. — Азадор сел и скрестил руки на груди, как будто только что произнес волшебное заклинание.

— Что… о чем ты говоришь?

Он улыбнулся, по-доброму.

— Не пытайся обмануть меня, моя прекрасная леди. Я обошел тут все — и видел больше миров, чем любой другой человек. Вы — единственные люди в этом месте. Я видел вас на вершине горы — ага, вы помните! Я знаю ваши лица. И я точно знаю, что вы — те самые люди, за которыми я последовал из Трои.

Сэм попыталась понять, что делать теперь. Они в опасности? Все предупреждения !Ксаббу стали бесполезны? Она взглянула на сосредоточенное лицо бушмена, потом перевела взгляд на непроницаемое лицо Жонглера.

— Но… почему ты следуешь за нами? Если мы те люди, о которых ты думаешь.

— Потому что вы были вместе с человеком по имени Ионас. Я знал, что он нечто большее, чем сказал мне, и когда я увидел, как он ведет тебя и других людей в храм, находящийся посреди горящего города, я сразу понял, что он ищет ворота. Не забывай, Азадор был везде! И Братство Грааля преследовало его, везде! Есть кое-кто, кто называет меня самым храбрым человеком в мире. — Он вытянул руки вперед, как бы отталкивая от себя собственные слова. — Я сам никогда так не говорил.

Его глупость начала успокаивать ее страхи, но она не могла не спросить себя, не этого ли он и хотел. «О господи, все это приключение — скан за сканом. Все равно, как надеть на Хэллоуин маскарадные костюмы и играть в темной комнате — но если проиграешь, тебя убьют.»

— Почему ты следовал за этом… Ионасом? — спросил ! Ксаббу.

— Потому что он мой друг. Я знал, что в мире Трое он попал в беду — он видел то же самое, что и я, но не делал того, что делал я. Я хотел помочь ему… защитить его.

Лицо !Ксаббу выражало большое сомнение. Сэм прочистила горло.

— То есть ты последовал за… этими людьми… в храм?

Азадор засмеялся.

— Ты хочешь притворяться дальше, маленькая леди? Очень хорошо — мне нечего скрывать. Да, я пошел за Ионасом и… его друзьями в храм. Через лабиринт — я все время слышал их впереди себя. Потом они остановились и начали спорить. Я тоже остановился, невидимый, в коридоре. Они долго спорили, и я даже решил, что ворота сломаны, они должны будут вернуться и мне придется опять идти за ними в город, где людей убивали как бездомных собак. Но внезапно ворота открылись и они вошли в них, все еще крича и споря. Я подождал, так долго, как только

мог, но тут испугался, что ворота опять закроются, и прошел через них.

— Но если Ионас твой друг, почему ты не хотел, чтобы тебя увидели?

На мгновение на лице Азадора появилась гримаса раздражения.

— Потому что я не знал людей, с которыми он был. У меня много врагов.

— Хорошо, — сказала Сэм. — Ты прошел через ворота и…

— И оказался в странном месте — даже очень странном. Я услышал голоса на горе передо мной, подождал, пока они начали удаляться и пошел за ними. Медленно-медленно и очень тихо. Вы… или я продолжу дальше, друзья Ионаса? — Он улыбнулся, как можно более обаятельно. — Эти люди, впереди меня, они шли очень медленно. Но я терпеливо шел за ними, еще медленнее. К тому времени, когда мы достигли вершины, они далеко обогнали меня. И там я увидел гиганта. — Он тряхнул головой, вероятно вспомнив свой страх. — Ну и дела! Такого я не видел ни в одном из всех этих миров. И я увидел, как Ионас и другие подошли к нему очень близко. Но когда я попытался пойти за ними, что-то… что-то произошло. — Он закрыл глаза, вспоминая. — Все развалилось на части, как если бы кто-то сломал стекло и вихрь унес все вон.

Внезапно рядом с ней что-то зашевелилось. Сэм сообразила, что Жонглер проснулся и сел рядом с ней; уголком глаза она заметила напряжение в теле старого предводителя Братства. «Из всех этих странностей, что же больше всего привлекло его внимание?»

— Все развалилось на части, — подсказала она.

— И дальше я почти ничего не помню, — сказал Азадор. — Я упал. Наверно ударился головой. — Он протянул руку и потер основание черепа. — Когда я пришел в себя, гора исчезла и я находился в нигде — все серое, как туман, нет ни верха ни низа. С того времени я ищу, но даже когда я находил мир, там не было никого. Азадор был один, не считая всяких хищных тварей. Пока не увидел свет вашего костра.

— Хищных тварей? — Ксаббу поворошил костер. — Это еще кто?

— Вы не видели их? Тогда вам повезло. — Азадор потер себя по груди. — Они замораживают кровь. Монстры, призраки — кто знает? Но они охотятся на людей. Они охотились на меня. Безопасно было только на реке, и я построил себе плот.

Удовлетворенный эффектом от своего рассказа, новоприбывший уселся и уставился на играющие языки пламени.

— Значит мы должны поддерживать огонь всю ночь, — сказала Сэм. — Что еще ты хочешь?

— Путешествовать с вами, — быстро ответил Азадор. — Вместе безопаснее, и вы не пожалеете, что взяли в свою компанию Азадора. Я умею ловить животных, удить рыбу…

— Мы не едим, — заметила Сэм.

— … И я могу голыми руками построить плот.

— Который опять утонет. — Она повернулась к !Ксаббу, наполовину с интересом, наполовину с отвращением. Почему им все время приходится таскать за собой таких ужасных людей?

— Здесь нет никого Ионаса, — сказал !Ксаббу. — И я могу сказать, с чистым сердцем, что никогда не знал такого человека.

— А, даже с вашими очень непохожими на прежние симами, я знаю, что его здесь нет, — весело сказал Азадор. — Кроме того Ионас очень храбрый малый — для англичанина, конечно. Он бы не стал молчать и выдавать себя за другого перед своим старым другом Азадором. Но если он затерялся в этом мире, то я найду его.

Сэм поглядела на !Ксаббу, который глядел на Жонглера, но тот сидел с непроницаемым лицом. Наконец !Ксаббу повернулся к ней и она увидела, что единственный человек из этой компании, которому она доверяет, так же озабочен и сконфужен, как и она сама. Она почти сказала его имя, но в очередной раз удержалась.

— Что мы будем делать?

Он посмотрел на Азадора, который уверенно улыбался.

— Даже не знаю, — !Ксаббу тряхнул головой. — Хорошо, я полагаю, что ты можешь путешествовать с нами, Азадор. По меньшей мере в ближайшие дни.

Новоприбывший улыбнулся и погладил усы.

— И вы не пожалеете. Клянусь.

ГЛАВА 20
Железка Томпсона

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Эксперт говорит о темах апокалипсиса в сети

*(изображение: отрывок из шоу «*Как Убить Своего Учителя»*)*

ГОЛОС: Эксперт по сетевой этике Сиан Келли считает, современные сетевые шоу заходят слишком далеко, акцентируя внимание детей на конце света.

КЕЛЛИ: «Это тенденция, и очень опасная. Слишком много интерактивных детских шоу — Подростковая Банда, Блоджер Парк, те же Как Убить Своего Учителя — все время угрожают концом света. Детям легко поддаются внушению, и постоянное подчеркивание темы самоубийства и конца света — совершенно безответственный и очень пугающий тренд.»

ГОЛОС: Сетевики полностью отрицают любой тайный сговор между писателями и создателями вышеупомянутых шоу.

(изображение: Рей Контеррас-Симонс, GCN)

КОНТРЕРРАС-СИМОНС: «Да, это тренд, но никто не приказывал развивать его. Лично я думаю, что идеи просто носятся в воздухе…»

Спуск в нору обернулся сплошным кошмаром, их четверых несли как куски мертвого мяса, и, похоже, мутанты-строители паутины уже прикидывали, каковы они на вкус. Пол попытался сражаться, но его крепко держали за руки и за ноги, и, в результате, его только протащили по острым камням и он заработал жгучий удар по голове бесформенным когтем, торчавшим то ли из руки, то ли из копыта.

Судьба улыбнулась им только в одном — их не связали. Липкие кабели остались частью паутины; твари полили пленников какой-то вонючей жидкостью и те освободились.

Пока их спускали вниз, им повстречалось несколько дюжин монстров, но Пол, чьи чувства обострились в темноте, слышал и пищащее голоса в боковых проходах. Внизу не царила полная тьма; что-то горело или светилось в одном из туннелей, слабый свет освещал их ползающих похитителей и само гнездо, лишив Пола даже иллюзий о возможности побега.

Эти твари не люди. Он должен был постоянно напоминать себе об этом для того, чтобы слегка умерить ужас и сохранить тлеющий уголек надежды. У пауко-бизонов не было почти никакой организации и они набрасывались либо на мертвую добычу, либо на пораженную ужасом. Т-четыре-Б попытался было выкарабкаться из ямы, но мальчишку только грубо столкнули назад, как будто они совсем не опасались побега. И действительно, опасаться было нечего: их было по меньшей мере в десять раз больше, чем Пола и его друзей, и каждый из них не уступал в силе взрослому мужчине.

Пол попытался понять, кто эти твари на самом деле и найти их слабые места, но не преуспел. Конечно они дикие мутации симмира, возможно кем-то направленные — но может быть и жестокая шутка, потому что они напоминали бизонов дикого запада, которых так быстро и полностью перебили из-за шкур: их убивали тысячами, сдирали шкуры и оставляли мясо гнить на просторах прерий. В любом случае это были большие, быстрые и, скорее всего, неразумные твари, очень любившие человеческое мясо. Человеческие кости устилали дно туннеля и самой ямы, и дальше, в туннелях, ведущих в черные глубины логова, их становилось только больше.

Как будто для того, чтобы подчеркнуть это, Пол коснулся рукой чего-то твердого. Он ощупал находку, ожидая еще одну кость, но, это оказалось что-то маленькое, квадратное и твердое. Он поднял ее и рассмотрел в слабом свете. Заржавевшая пряжка от ремня, согнутая так, как если бы застегнутый ремень разорвали одним могучим рывком. У Пола засосало под ложечкой. Нетрудно представить себе, как эти жестокие волосатые твари в спешке срывают пояс и накидываются на нежное мясо под ним.

Отчаяние холодным дождем хлынуло на него. Что делать? Сражаться с чудовищами голыми руками и сломанной пряжкой? Или раздобыть челюсть, как Самсон, и ею поразить все своих врагов?

«Но я же не чертов Самсон, а?»

— Пол? — Флоримель, где-то недалеко. — Это ты? Ты кричал — ранен?

— Нет, просто положил руку на что-то. — Он уставился на склон, по которому в полутьме сновали гротескные фигуры — похоже готовили местный эквивалент праздничного стола — и попытался изгнать из голоса безнадежность. — Есть идеи?

Он не видел ее, но услышал тихий всхлип отчаяния.

— Никаких. Я едва могу ползти. Я сильно ударилась, когда мы вылетели из фургона.

— Как остальные?

— Мартина жива, но тоже сильно расшиблась — она молчит, наверно разговаривает сама с собой. Т-четыре-Б… Т-четыре-Б молится.

— Молится? — Пол вздрогнул, но признался себе, что лучших идей у него нет.

— Этих монстров так много, а я очень устала. Я боюсь, Пол.

— Я тоже.

Флоримель взволнованно замолчала. Пол не думал, что должен заставить ее говорить. Другое дело, если бы был план, но сейчас дело слишком плохо, им не до оживленных разговоров.

«Значит опять я? Я должен что-то такое придумать? Во-первых я никогда никого не просил сунуть меня в эту сеть». По меньшей мере он этого не помнил, но трудно было себе представить, чтобы он очутился здесь по собственному желанию. «Кстати, мистер Жонглер, если у вас есть пара свободных минут, не поместите ли вы меня в симуляцию Первой Мировой войны, ну и заодно помучите чуток, договорились?»

Но тогда почему? Он ничто, музейная крыса, выпускник университета, и власти у него меньше чем у учителя в классе или продавца в магазине. Если он что-то такое напорол с дочкой Жонглера, ну выгнали и все дела. А если, самое вероятное, он обнаружил что-то, связанное с Проектом Грааля, почему просто не убить его? Возможно, они не хотели устраивать несчастный случай или самоубийство, но люди вроде Жонглера и его подручных обычно не уделяют слишком много внимания ничтожествам.

Даже если симуляция Первой Мировой войны уже была создана, Финч и Маллит, известные в других мирах как Финни и Мадд, посвятили ему чертовски много времени, и как ищейки следовали за ним по всей сети Грааля. Почему?

Он содрогнулся, вспомнив бегство из траншей — тогда ему было даже хуже, чем сейчас. Грязь, мертвые тела, куски людей и механизмов, разбросанные под ногами…

В голову пришла ошеломляющая мысль. Пол, сидевший на корточках, опустился на четвереньки и пополз вниз по склону, ощупывая землю руками. Отвратительная работа. Руки то и дело нащупывали остатки людей и животных, на многих костях еще оставалось мясо, оставшееся с времен больших пиров, когда паукообразные создания съедали столько, что больше не лезло. Он с ужасом сообразил, что ему и его друзья предназначалась роль такого лакомства — именно поэтому их пока пощадили, чтобы сделать главным блюдом на кошмарном празднике мяса.

У самого дна ямы стояло ужасное зловоние, земля и останки

кишели мелкими тварями, пользовавшимися щедростью строителей паутины. Еще хуже, чем дальше он полз, тем темнее становилось, и ему приходилось тщательно ощупывать остатки в поисках того, что могло спасти его и друзей.

Пробираясь через грязь и гниющие остатки, Пол безуспешно пытался выкинуть из головы последние часы в симуляции Первой Мировой войны. Ава — Авиаль — тогда явилась ему, она лежала в гробу, как принцесса вампиров. «Иди к нам, Пол»,— сказала она. Была ли она говорящими строчками кода, голосом Иного, как предполагала Мартина? Пытался ли он собрать вместе Пола и его товарищей для того, чтобы они выполнили навеянную сказкой спасательную миссию? Но почему? И какую роль играла в этом Ава? Почему она всегда выбирала такие странные способы контакта?

Он уже несколько секунд ощупывал руками предмет, и только сейчас сообразил, что нашел. Сначала он бессознательно отверг его — если нет толку от пряжки, чем может помочь гниющий ремень? — но сейчас, когда его пальцы пробежали по нему и нашли на конце треугольную кобуру, он почувствовал, что сердце застучало так, как если бы могло остановиться.

Он надеялся на посох или, возможно, на нож, что-то такое, что эти твари отбросили в сторону и могло бы слегка выровнять шансы. Сейчас, едва осмеливаясь дышать, он вытащил пистолет. Похоже, это револьвер того типа, который он видел в вестернах. На удивление тяжелый, но это было все, что он мог сказать, взяв его в руку — Пол не был знатоком и никогда не думал, что ему понадобятся какие-нибудь знания о револьверах, новых или старых. И, конечно, самые параноидальные поклонники револьверов никогда не попадали в переделки вроде этой.

Медленно, хотя и подгоняемый чувством опасности, он аккуратно давил и тянул цилиндрический барабан, пока не выкрутил его из ствола. Пол прищурился, но не увидел ничего. Палец, аккуратно вставленный в одну из дыр, наткнулся на препятствие, и более тщательно обследование показало, что в шести остальных то же самое. Пули — или грязь? Нужны были свет и время, но не было ни того, ни другого. И даже если это действительно пули, не было никаких гарантий, что грязь и сырость уже не сделали их бесполезными.

Пол заколебался. Часть его требовала спускаться дальше вниз по склону, дикий импульс игрока, внезапно выкинувшего три семерки. Быть может он найдет столько револьверов, что вооружит всю компанию. В конце концов это Додж Сити — многие из пленников этих тварей были вооружены. Возможно он найдет что-то еще более полезное. Трудно поверить, что он

найдет в грязи многоствольный пулемет, но какое-нибудь охотничье ружье — почему нет? Вот из него Пол умел стрелять, потому что несколько раз проводил конец недели в Стаффордшире вместе с Найлзом и его семьей, прежде чем нашел мужество признаться сначала себе — а потом и Найлзу — в том, что больше не хочет находиться вместе с группой людей, которые считают хорошим развлечением напиться пьяным и разносить на куски мелких животных.

И он тоже не собирался разносить на атомы своих похитителей, совсем нет. С охотничьим ручьем в руках он почувствовал бы себя намного более уверенно, и не пришлось бы надеяться на один единственный револьвер, который, по меркам этого симмира, мог пролежать в темноте много лет…

Это было искушение, но он не мог пойти на такой риск. Он и так почти в пятидесяти метрах от товарищей — а что если эти твари как раз сейчас уносят их? Он должен быть совсем рядом с ними, иначе в этой темноте придется стрелять вслепую, на звук, а он совсем не десантник.

Он повернулся и начал подниматься по склону, грязно ругаясь, когда натыкался на кости и остатки одежды, которые так тщательно обыскивал, спускаясь вниз. Как бы подтверждая его самые худшие страхи на краю ямы явно что-то происходило: паукообразные твари собрались вместе, шипя и захлебываясь от возбуждения. Мартина панически закричала. Пол споткнулся и упал, настолько испуганный, что даже не стал проклинать свою удачу, и стал карабкаться вверх на четвереньках, по-звериному, стараясь не уронить револьвер.

— Я иду! — крикнул он. — Готовьтесь бежать!

Он оказался на верхушке ямы как раз вовремя: одну из двух женщин — в полутьме непонятно какую — уносила целая банда волосатых тварей, пока ее товарищи отчаянно и безуспешно пытались удержать ее за руки. Пол прыгнул вверх и оказался всего в метре от ближайшего пауко-бизона, который повернул к нему перекошенное лицо и прищурился на неожиданно появившегося человека. Оставив Флоримель своим приятелям, он вытянул кошмарные длинные руки к Полу. Пол поднял револьвер и нажал на курок. Молоточек ударил и… ничего.

Кожистая лапа ударила его по голове и отбросила назад. Револьвер улетел в темноту и грязь. Пол упал на колени, перед глазами колебались слабый свет и глубокие тени, как будто он смотрел через воду. Тварь, ударившая его, какое-то время колебалась, разрываясь между желанием еще раз ударить его или вернуться обратно за своей порцией вкусного мяса. За отведенные ему полдюжины ударов сердца Пол успел прийти себя и пополз за

пистолетом. Он опять поднял его, прицелился и спустил курок, уверенный, что опять ничего не произойдет.

В яме взорвалась маленькая бомба. Из дула вылетел огонь, и ужасная голова твари исчезла, как будто ее и не было. Остальные твари отпрыгнули назад, вереща как испуганные чайки, но из-за звона в ушах он ничего не слышал.

— Бежим! — Собственный крик донесся до него издалека, как через хлопок. — Вперед!

Он схватил ближайшую руку и поволок ее обладателя, Мартину, вверх по склону. Твари бросили Флоримель и одна из них появился прямо перед ним. Пол ткнул револьвером куда-то ей в живот, выстрелил, и в следующее мгновение пауко-бизон согнулся вдвое и отлетел в сторону. Твари в темном гнезде стали носиться как сумасшедшие, но Пол сосредоточился только на том, что находится перед ним.

Веря, что остальные идут вслед за ним, Пол потащил Марину к туннелю, из которого лился слабый свет, молясь, чтобы это оказалось солнце. Он наклонился голову, входя в низкий коридор, и, к своему изумлению, едва не налетел на одну из этих тварей. От страха Пол нажал на курок, даже не прицелившись. Он, по-видимому, не попал, вспышка и взрыв пороха заставила тварь заверещать и убраться в боковой туннель.

Еще дюжина шагов, и его сердце упало. Это было не солнце. Он оказался в широком месте, посреди которого находилась большая яма с огнем, окруженная грубым кольцом закопченных черепов, людей и животных, и короной из расщепленных костей. Несколько монстров бросились обратно к стенам, испуганные внезапным появлением беглецов, но, судя по всему, они собирали мужество для атаки.

«Солнца нет. Мы будем бродить по этим проклятым туннелям пока они не окружат нас или у нас не кончатся пули». Адреналиновая нечувствительность слегка отступила. Он осознал, что давно тяжело дышит, а запястье болит от отдачи при выстрелах. Мартина, идущая рядом с ним, бешено дернула его за руку.

— Здесь ничего хорошего, — сказал он. — Их… их кухня. Солнца нет.

— Иди дальше! — Требовательно сказала слепая, стараясь говорить спокойнее. — Ты идешь в правильном направлении. Вперед!

Он мог только надеяться, что она знает, о чем говорит. Их маленькая компания быстро шла вперед, освещенная мигающим желтым светом. Пол махнул пистолетом, и несколько тварей быстро убрались в стороны. Одна не испугалась, и Пол опять

выстрелил. Чудовище с шипением упало на пол и задергалось, заставив их обойти его, чуть ли не прижавшись спинами к мокрой стене. Кишки твари вывалились наружу, а зловоние когтями вцепилось в ноздри Пола.

«Сколько еще пуль? Есть хотя бы одна?»

Время тянулось бесконечно, а они все шли и шли через гнездо. Каждый следующий туннель казался меньше предыдущего. Пол уже почти поверил, что Мартина ужасно ошиблась, когда еще пара поворотов привела их в трубу, где можно было только ползти на четвереньках, а оттуда к стене грязи, где уже выхода не было.

Ну, это уже как на войне, подумал он. Обозленные паукобизоны верещали совсем недалеко. Он почувствовал, как мысли разлетаются. Держись, Пол, смотри только на то, что перед тобой… перед тобой…

— Направо! — крикнула Мартина. — Пол, направо!

Он заколебался, потому что никак не мог вспомнить, что такое «право». Он почувствовал, как Мартина толкает его и разрешил ей вывести себя из туннеля в проход, который вел резко вверх, извилистый путь между сломанных и треснувших камней.

— Я вижу свет! — возбужденно сказал он. Кружок дымной вечерней синевы колыхался в сотне метров над ним, и это не был ни оптический обман, ни костер монстров: это слабо светили звезды, настоящие честные звезды, приветствовавшие их с лицами верных друзей. — Быстрее.

Он протянул руку назад, чтобы помочь Мартине перебраться через камень, который изогнутым зубом вдавался в проход, и на мгновение запаниковал, когда увидел за собой только ее. Потом, пошатываясь, появились Т-четыре-Б и Флоримель, неуклюже выскочив из коридора снизу.

— Они идут! — крикнула Флоримель, сгребая камни и землю и бросая их в выход туннеля, чтобы остановить преследователей. — Их дюжины!

Пол не мог лезть наверх при помощи только одной руки; он сунул пистолет в карман изодранного грязного комбинезона и начал карабкаться, останавливаясь через каждые несколько метров, чтобы помочь Мартине. Звуки преследования стали намного громче. Не успел Пол насладиться первыми порывами ветра, дунувшими ему в лицо, как Флоримель крикнула, что твари выбрались из коридора внизу.

Пол добрался до края дыры и вытащил себя наружу, вдохнув свежий воздух в первый раз за последние несколько часов. Помогая подняться Мартине и остальным, он успел пару раз глянуть вокруг, и окружающее ему сильно не понравилось. Они

находились в центре каменистого плоскогорья, в тысяче метров над дном долины, уже утонувшей в вечерних тенях. Сравнительно недалеко находился край каменистого кряжа, но на него надо бы карабкаться по очень крутому склону, усеянному осыпями и острыми камнями.

— Нам нужно спуститься вниз, — выдохнул Пол, пока он и Мартина вытаскивали Флоримель на край дыры. Т-четыре-Б, поднимавшийся сразу за ней, ругался от ужаса и отвращения, и, торопясь выбраться наверх, едва не сбросил ее вниз, на верную смерть.

— Сразу за мной, — выдохнул он. — Схватили за ногу, они.

— Пошли, — сказал Пол. — Быть может они не последуют за нами по открытому месту.

Пол не слишком верил самому себе, и оказался прав. Не успели они отойти от туннеля вниз по склону и на десять метров, как на краю ямы показалась целая толпа пауко-бизонов. Они возбужденно бормотали что-то и глядели по сторонам, пока один из них не увидел Пола и остальных, после чего вся рассерженная орава покатилась к ним, как термиты из трещины в бревне.

Пол вытащил револьвер и выстрелил в преследователей. Отдача от выстрела сбила его с ног, он упал на Т-четыре-Б и они оба едва не покатились по склону. Ближайшая к ним тварь отпрыгнула в сторону, уклоняясь от выстрела, остановила на мгновение всю волнующую толпу, но никто их них не упал.

Пол повернулся и поторопился вниз по склону вслед за товарищами. Он был уверен, что пуль больше не осталось, с тяжелым пистолетам в руке было трудно сохранять равновесие, но все-таки он не хотел оказаться лицом к лицу с этими волосатыми тварями, не имея ничего в руках.

«Если пистолет не будет стрелять, то я использую его как молоток. И разобью пару этих милых личек прежде, чем они доберутся до меня.» Но даже ему самому слова показались бессмысленной и жалкой бравадой.

Впереди шла Мартина, но Полу, самому последнему, не было времени удивляться, как может слепая женщина вести их. Идти было трудно, повсюду неглубокие рытвины и шатающиеся камни; он мог только молиться, чтобы странный дар Мартины позволил ей провести их через это ужасное место, в котором каждый поспешный шаг угрожал лавиной. Пол то и дело цеплялся за плечо Т-четыре-Б, который, в свою очередь, хватался за него, когда камни срывались из под ног подростка и катились вниз, вызывая маленькие камнепады. Было видно, что у Флоримели все болит и она не может идти быстро, поэтому даже такой медленный спуск казался лучше, чем бег по ровной земле. И все-

таки Мартине приходилось останавливаться после каждых нескольких шагов и помогать немке добраться до следующего относительно безопасного места.

Пол не осмеливался оторвать глаза от склона перед собой, пока внезапный визг преследователей, в котором слышался панический страх, не заставил его обернуться. Некоторые из монстров, поспешив на осыпи, которую Пол и его друзья уже пересекли, не удержали равновесие и начали скользить. Пол смотрел, как каменистая земля обвалилась под ними, и они, шипя и дико визжа, покатились вниз по склону горы. На мгновение Пол почувствовал что-то вроде надежды, но, увы, упало только несколько первых, остальные остановились и стали обходить смертельное место поверху — совсем небольшая задержка.

Солнце уже исчезло среди рогов высокого горного кряжа на дальней стороне долины реки. Из каньона выбрались холодные тени. Пол почти чувствовал, как его сердце замерзает в груди.

«Мы никогда не выберемся отсюда. Мы сдохнем в этом идиотском мире, где все наоборот.»

Мерзкий лающий звук, очень близкий, заставил его остановиться. Он резко повернулся и увидел двух тварей, каким-то образом оказавшихся на выступе прямо у него над головой: перекошенные рты открыты, из них капает слюна. Видимо они нашли более быстрый путь по склону горы и обошли их сверху.

Ближайшая тварь прыгнула на край каменной полки, длинные ноги тянулись от ее головы, как у какого-нибудь гигантского ночного сверчка, только волосатого. Пол успел только вскрикнуть от удивления и испуга, а она уже прыгнула на него.

И, к полному изумлению Пола, промахнулась, причем ее подбросило вверх и в сторону прямо в воздухе. Она тяжело приземлилась у его ног, проскользила несколько метров вниз и замерла, очевидно мертвая. Вторая тварь уже прыгнула за ней, когда треск выстрела, убившего первую, только достиг ушей Пола.

Второй пауко-бизон немного не допрыгнул до Пола, и едва он встал на задние ноги и попытался схватить добычу, как что-то пронеслось мимо ушей Пола — как будто бич щелкнул — и ударило в волосатую грудь. Хлынула отвратительно пахнувшая кровь.

Невидимые стрелки перенесли огонь на большую толпу пауко-бизонов, стоявших выше по склону. Некоторые пули со стуком ударились в камни и подняли брызги грязи, но примерно столько же попало в цель; через несколько секунд около полудюжины тварей уже катились вниз с горы, а остальные, с

булькающими криками и округлившими от ужаса глазами, улепетывали обратно.

— Ложись! — Пол бросился на землю, утащив за собой Т-четыре-Б; они лежали ничком, пока выстрелы косили их преследователей. Он с трудом повернул голову в сторону и увидел спину Флоримель, лежавшей рядом; Пол мог только надеяться, что она не ранена, а Мартина, целая и невредимая, лежит рядом с ней.

Охота и почти неизбежная поимка вкусного мяса превратилась для пауко-бизонов в самый худший кошмар. Последние отставшие в живых твари с визгом карабкались вверх по склону, оставляя за собой убитых и раненых, некоторые из трупов еще подпрыгивали от ударов случайных пуль. Если бы Пол не был настолько усталым и испуганным, что едва помнил, как его зовут, он бы орал от восторга.

Несколько последних выстрелов преследовали оставшихся в живых, пока те не исчезли в тени камней далеко наверху, и склон горы опять окутала тишина.

— Что?.. — прохрипела Флоримель. — Кто?..

Пол ждал, но не слушал ни предупреждений, ни приветствий. Наконец он сел и внимательно оглядел все вокруг, пытаясь понять, откуда звучали выстрелы, но не нашел ничего на уже темной горе.

— Я не знаю, но, надеюсь, они на нашей стороне…

— Там, — сказала Мартина и указала вниз.

В двух сотнях метров под ними, около кучи валунов, опасно примостившихся на склоне, задвигался свет. Кто-то сигналил им, размахивая фонарем. Совсем маленькое пятнышко света, слабый отблеск в последних лучах солнца, но в эту секунду Полу показалось, что это сияние небес.

Фонарь держал невысокий человек, с лицом, почти полностью замотанным шарфом, и низко натянутой шляпой; длинный развевающийся плащ казался слишком большим для узкой фигурки, но все равно Пол удивился, когда незнакомец заговорил отчетливым женским голосом.

— Стойте там, — сказала она, слегка растягивая слова. — На вас глядит пара винтовок, и, если вы не думаете, что можете бегать от пуль лучше чем эти твари, расскажите мне, что у вас за дело.

— Дело? — Флоримель настолько устала, что стала такой же злой, как и ее голос. — Дело? Спастись от этих чудовищ! Они собирались съесть нас!

— Точно, — добавил Пол. — И мы очень благодарны вам за

то, что вы отогнали их. — И он настолько устал, что не знал, что сказать и чувствовал, что может рухнуть на землю от истощения в любую секунду. — Не стреляйте в нас. Или вы хотите отправить нас на небо? — Дурацкая фраза — но это было все, что он помнил из сетевых вестернов.

Женщина подошла к ним, подняв повыше фонарь, оставшийся единственным источником света на горе.

— Ну, чуток придержите языки, пока я погляжу на вас. — Он внимательно оглядела Пола и его товарищей, потом повернулась и бросила через плечо. — Похожи на настоящих людей. Более или менее.

Из-за валунов в ответ крикнули что-то непонятное, но, как показалось Полу, одобрительное, и женщина с фонарем взмахом руки приказала им идти вперед.

— Только никаких фокусов, — сказала она, когда Пол и все остальные стали медленно спускаться к ней. — У ребят был очень длинный день, но, если понадобиться, они убьют и еще кого-нибудь.

— Сука говорит *фенфен*, — зло прошептал Т-четыре-Б. — Не нравится, мне.

— Я все слышу, — холодно и твердо сказала женщина. Из-под объемистого рукава появилась бледная рука с маленьким револьвером, направленным прямо на Т-четыре-Б. — Мне не нужен ни Билли, ни Тит, чтобы справиться с тобой, пацан — я сама положу тебя.

— Господи Иисусе! — сказал Пол. — Он не хотел обидеть тебя. Он просто глупый мальчик. Хавьер, извинись!

— Гребаная, ты! Хочешь?..

Мартина схватила его руку и дернула.

— Извинись, идиот.

Т-четыре-Б какое-то время глядел на вороненый ствол «дерринжера», потом опустил глаза.

— Извини. Устал, я. Эти штуки хотели съесть нас, сечешь?

Женщина хмыкнула.

— Тогда следи повнимательнее за своим ртом. Я-то может быть и не леди, но у нас есть несколько, не говоря уже о юных дамах.

— Мы все просим прощения, — сказал ей Пол. — Мы были в их гнезде и уже готовились к смерти.

Брови женщины поднялись.

— Вы выбрались из их гнезда? — поразилась она. — Ну, это кое-что. Мой муж с удовольствием послушает вас, если не врете.

Пол услышал, как Т-четыре-Б недовольно вздохнул и бросил на него предостерегающий взгляд.

— Это чистая правда. Но нам бы не выжить без вашей помощи.

— Скажите это Билли и Титу, когда дойдете до них, — сказала женщина, указывая на проход между двух валунов. — Большинство пуль — их.

Пол наклонил голову и шагнул в темноту — тут же вокруг стало темно, как в гнезде, и его охватил внезапный страх, боязнь какого-то ужасного обмана.

— У Энни и самой твердая рука. Видел бы ты, как она стреляет бизонов, — пробасил чей-то голос сзади. Пол испуганно обернулся. — В любом случае она стреляет лучше, чем танцует. И не дай ей сказать иначе. — Говорил высокий мужчина, с длинными волосами и пятнышками грязи на лице, в которых Пол с опозданием узнал следы от пороха. Несколько других мужчин стояли за ним, держась в тени, не освещенной светом фонаря.

— Это Билли Диксон, — сказала женщина, подойдя к нему вместе с остальными. Давно скатившиеся валуны прикрывали вход в пещеру, глубоко врезанную в склон. Насколько Пол мог видеть, их спасители хорошо укрепили ее — только через несколько щелей между огромными камнями можно было увидеть вечернее небо. — У Билли самая быстрая рука на западе — даже мой муж должен был согласиться с этим.

Диксон, широкое лицо которого окаймляли серьезная борода и белые усы, улыбнулся, но ничего не сказал.

— А меня зовут Энни Ладю, — сказала она, разматывая шарф. Она был хорошенькой, или могла бы быть, с острым подбородком и большими глазами, прикрытыми тяжелыми бровями, но у нее были плохие зубы и одну из щек портил длинный горизонтальный шрам. — Если вы будете себя хорошо вести, то мы сможем ужиться. Тит, — бросила она через плечо, — что там снаружи?

— Ничего, — ответил низкий голос. — Никакого следа этих дьяволов, только дохляки. — Высокий черный мужчина с очень длинной винтовкой спрыгнул с верхушки каменной кучи — наверно них там что-то вроде наблюдательной вышки, решил Пол. Он с шумом приземлился рядом с ними.

— А это Тит, который продырявил того шакала, который прыгнул на тебя, чтобы побрить и постричь, мистер, — усмехаясь сказала Энни. — Если ты еще не забыл.

Пол притянул руку.

— Спасибо. Спасибо тебя за все.

Тит, мгновение поколебавшись, все-таки пожал руку.

— Ты точно протянул ее мне, не ошибся? И тебя не волнует цвет моей кожи?

Пол, сбитый с толку, только спустя какое-то мгновение сообразил, что они в Америке девятнадцатого столетия, в которой расовые различия играли огромную роль.

— Абсолютно, — сказал он. — Но я бы больше не хотел, чтобы в меня опять стреляли из винтовки.

Билли Диксон фыркнул от удивления, и пошел вглубь пещеры. Остальные обитатели, наоборот, подошли к ним. Как и обещала Энни, среди них было много молодых женщин с детьми. На самом деле, за исключением пары стариков, которые приковыляли посмотреть на новоприбывших и поздравить стрелков, Билли и Тит казались единственными молодыми мужчинами в пещере.

— Я рада, что тебе понравилось шоу, Генри, — сказала Энни одному из стариков, глядевшего на Пола и улыбавшегося беззубой улыбкой. — А сейчас бери Спрингфилд[42]. Первая стража твоя. Учти, сейчас холодно, так что не разбей бочонок о камни. — Она повернулась к Полу и остальным. — Только так мы сможем от него добиться чего-то хорошего, пока он не накачался ликером.

Старик засмеялся и отправился за ружьем. Похоже Энни была одним из руководителей, если не самим лидером общины. Пол очень заинтересовался, но не настолько, чтобы забыть об усталости. Адреналин рассеялся, и сила убегала из него как воздух из продырявленной шины.

— Хотите что-нибудь поесть? — спросила Энни. — У нас не слишком хорошо с едой, но есть бобы и галеты, всяко лучше, чем ничего.

— Нам бы где-нибудь посидеть, — сказал Пол.

— Лечь, — тихо поправила его Мартина. — Мне нужно поспать.

— Тогда пошли в то место, которые мы называем слепой стрелок, — сказала их хозяйка. — Там спят маленькие — если вы попытаетесь лечь вместе со всеми, вас заедят крысы. — Она повела их по узкой самодельной тропинке между упавшими сверху валунами, прикрывавшими в ход в пещеру, пока они не оказались на широкой плоской вершине валуна. Несколько шкур животных — Пол решил, что это шкуры бизонов — выглядели как приглашение. На самом краю сидел человек, которого Энни назвала Генри, и не отрывал взгляд от трещины между двумя большими камнями, рядом с ним лежала длинная винтовка.

— Этим людям нужно отдохнуть, — сказала Энни. — А это значит, что если я услышу, что ты им мешал, то поговорю с тобой по-настоящему. Так что держи язык в своем беззубом рту.

— Я буду тих, как могила, — сказал он, округлив глаза в

притворном страхе.

— Где ты и окажешься, если пересечешь мне дорогу, — сказала Энни и исчезла.

— Спокойно ложитесь, — сказал им Генри. — Я присмотрю за вами, а вижу я лучше, чем жую. — Он фыркнул.

— Господи, — сказала Флоримель, тяжело опускаясь на ближайшую шкуру бизона. — Чертов комедиант.

Пола не волновало ничего. Как только он лег, сон бросился на него и проглотил его так, как если бы камень под ним стал жидким, и он заскользил вниз и вниз, в глубины сновидений.

Он проснулся с головной болью, сухим ртом и легким, но твердым давлением на ребра. Над ним стоял мужчина, которого звали Тит, его скуластое африканское лицо ничего не выражало.

— Поднимай своих друзей, — сказал он и опять несильно толкнул Пола ногой. — Остальные вернулись и босс-мужчина хочет поговорить с вами.

— Босс-мужчина? — бестолково спросил Пол. — Вернулись откуда?

— С охоты. — Тит прислонился к валуну, пока они, все четверо, поднимались с камня. — Ты думаешь, что мы едим только этих проклятых шакалов, а?

Идя вслед за долговязым Титом, Пол вспомнил свое недолгое пребывание в вымышленном Ледниковом Периоде и возбуждение, охватившее всех после возвращения охотников. Во всех углах пещеры кипела бурная деятельность, несколько факелов горели там, где еще вчера был только один — возможно для того, чтобы лучше видеть то, что происходит снаружи.

— Сколько времени, — спросил Пол.

— Не знаю точно, но сейчас утро, — сказал ему Тит. — Вы все спали, потому что вам нужно выспаться.

— Да.

Тит привел их во вторую большую пещеру, в которой, решил Пол, прошлой ночью спали все остальные обитатели пещерной крепости. Теперь она, как и наружная комната, была наполнена запахом готовящегося мяса и густым дымом. Пол с удивление увидел трех мужчин с длинными ножами, разделавших на части тела трех достаточно больших телят.

— Вы что, охотитесь на коров?

— Лучше, чем оставлять их шакалам и дьяволам-людям, — сказал Тит.

— Дьяволам-людям? — спросила Флоримель. — Кто это такие?

Тит не ответил, но остановился и кивнул на одного из

мясников.

— Вот. Он хотел говорить с вами.

Пол и остальные сделали пару шагов вперед. Широкоплечий и хорошо сложенный человек с густой бородой и пыльным цилиндром на голове поднялся на ноги с грацией льва, выпрыгивающего из травы.

— Я бы предложил вам свою руку, — сказал он, — но она по локоть в крови. Тем не менее я рад вас приветствовать здесь. Меня зовут Мастерсон, но мои друзья и некоторые из моих врагов называют меня Бат[43].

— Бат Мастерсон? — Пол потрясенно посмотрел на него. Не так уж странно встречать в симуляциях знаменитых людей, тем более в этой искусственной вселенной, но его это по-прежнему поражало.

— А, так вы слышали обо мне? Значит надо проводить еще больше времени с корреспондентами.

— И большинство того, что они написали о нем, ложь, — сказала Энни Ладю, поднимаясь на ноги за ним. Только тут Пол сообразил, что опять ошибся, приняв ее за мужчину. Она нежно шлепнула своего любовника по заднице. — Но, откровенно говоря, половину этой лжи им рассказал сам Бат.

— Садись и работай, женщина, — сказал он. — Нам надо накормить полсотни ртов, и, значит, нам надо срезать с костей все мясо. — Он опять повернулся к Полу и остальным и внимательно оглядел их все, особенно заинтересовавшись комбинезонами, которые они унаследовали от мира Кунохары. — Так кто вы такие? Циркачи? Бродячие актеры? Тогда здесь у вас будет благодарная публика, хотя и немного капризная после всех этих дней.

— Нет, мы не… актеры. — Полу пришлось подавить смущенную улыбку. Если бы это было сетевое шоу, тогда, скорее всего, они бы могли выдать себя за актеров. Какую бы странную пьесу они могли сыграть перед этими людьми? «*Смотрите, вот потрясающий Потерявшийся Человек. А это чудо из чудес — самый мрачный подросток в мире*». — Мы обыкновенные люди, хотя мы прошли очень долгий путь. Мы заблудились и эти… твари напали на нас.

И опять, способность системы приспосабливаться в аномалиям провела их мимо трудностей; их странная одежда уже не смущала Бата.

— Да, наслышан, — сказал Бат. — Я слышал и то, что вы прошли весь путь, который — леди, простите мой грубый язык — чертовски труден. Как вам такое удалось?

— Я… я нашел револьвер, — сказал Пол, аккуратно

вытаскивая его из кармана. — В нем хватило зарядов, чтобы проложить нам дорогу, но едва-едва. Нас бы убили, если бы твои люди не помогли нам.

— У нас множество проблем из-за этого гнезда, — вскользь заметил Бат, не отводя глаз от пистолета Пола. — Но на многие мили кругом нет лучше защищенного места, так что мы выбрали меньшее из двух зол.

— Как же вы попали в такое опасное положение?.. — начал было Пол.

— Я ненавижу прерывать, — сказал Бат, — и вы можете воспринять это неправильно, хотя, я надеюсь, что нет. Не могли ли вы простереть свою вежливость немного дальше, и дать мне поближе посмотреть на ваше стреляющее железо?

Пол помедлил, удивленный странным напряжением в голосе Мастерсона.

— Не давай, — громко прошептал Т-четыре-Б, и недовольно заворчал, когда Мартина наступила ему на ногу.

— Конечно. — Пол протянул пистолет Бату, тыльной частью вперед, но Мастерсон не взял его; порывшись в кармане куртки, он нашел шейный платок и только тогда аккуратно взял револьвер, не испачкав его в крови. Он поднял его повыше, на свет, лившийся из высокий щели в стене пещеры.

— Вы говорите, что нашли его в гнезде? — спросил он ровным голосом, но с таким выражением, что Пол занервничал.

— Ну да, клянусь. В грязи, среди костей животных и… и людей. Он был в кобуре.

Бат вздохнул.

— Я бы хотел, чтобы вы соврали. Это револьвер Бена Томпсона, и трудно было найти лучшего человека и лучшего стрелка. Я не видел его с того момента, как на нас обрушился весь этот ад, но верил, что он еще жив где-то, быть может в других лагерях плоскогорья. Но если вы нашли его на дне богом забытого гнезда… — Он покачал головой. — Смерть — единственная дорога. Бен хотел бы, чтобы кто-нибудь взял его железо. — Он протянул револьвер обратно Полу. — Я полагаю, что он ваш, по праву добычи.

— Откровенно говоря, — сказал Пол, — я никогда не стрелял из револьвера раньше, и я был бы счастлив не стрелять больше. Если он принадлежал вашему другу, сохраните его.

Одна из темных бровей Мастерсона поползла вверх.

— Я был бы рад, если бы вы могли исполнить ваше пацифистское желание, но это совершенно невероятно. Мы расстреляем все пули задолго до того, как избавимся от всех неприятностей.

— Но что это за неприятности? — требовательно спросила Флоримель. Она слишком долго терпеливо молчала. — Почему здесь горы? Мы никогда не слышали о них. И что это за монстры?

— Еще более важно, — сказала Мартина. — Как добраться до Додж Сити? Можем ли мы добраться до него отсюда?

Пол на мгновение сам не понял, зачем ей это знать, но тут же вспомнил, что там могут быть ворота, ведущие в Египет.

Мастерсон, Энни и Тит были удивлены намного больше Пола и разглядывали ее с чем-то вроде изумления; тем не менее Бат заговорил почти вежливо.

— Моя дорогая леди, никаких оскорблений, но из какого захолустья вы появились? Отправиться в Додж Сити? Вы бы лучше спросили, как открыть собственный бар в Аду! Или сбросили с себя всю одежду — прошу прощения за грубость — и побежали в ближайший лагерь Команчей с криком «Все индейцы дураки и лжецы!»

Тит хихикнул.

— Хорошая мысль.

Энни обрадовалась намного меньше.

— Бат, они просто ничего не знают. Они издалека, вот и все. И мы должны узнать, откуда, потому что, быть может, есть и лучшие места, чем это.

Бат улыбнулся.

— У этой леди больше ума, чем у меня, и лучшие манеры. Быть может мы действительно должны обменяться информацией…

Прежде, чем он смог закончить свою фразу, появился длинноволосый Билли Диксон.

— Пленник бесится как дьявол, — объявил он.

— Черт побери. Может быть ты должен занять нож, Билли — я немного отвлекся.

Бат предложил свой нож, но Диксон так быстро выхватил другой из ножен на ноге, что, казалось, он прыгнул в его руку из воздуха.

— У меня есть свой.

— Если вы пойдете со мной и посмотрите на маленького очаровашку, которого мы привели с собой, мне не понадобиться почти ничего объяснять, — сказал Бат, приглашая Пола и остальных идти с собой. Он провел их к задней стене пещеры, далеко от костров. Несколько мужчин с твердыми лицами глядели, как они подходят; Пол решил, что это те, кто сопровождал Мастерсона в его охотничьей экспедиции.

— Эти парни пришли к нам на следующий день после того, как земля задвигалась, — начал рассказывать Бат. — В воздухе

стояла пыль, и мы даже не видели их, пока они буквально не оказались у нас на головах. Потом кто-то прискакал из Лонг Бранча и закричал, что на них напал военный отряд Шайенов. Мы собрали женщин, детей и стариков в церкви, сели на лошадей и взяли в руки ружья. Это нам не слишком помогло. Потому что это были такие Шайены, которых я никогда не видел… — Он остановился. — Я слышал, что он начал дергаться, Дейв, — сказал он одному из мужчин.

Дейв, тощий, с лицом, наполовину закрытом огромной кустистой бородой, пожал плечами. — Я проветрил его. Он не сказал ничего, кроме своего имени — по меньшей мере я думаю, что это его имя. Он говорит «Моя Дред», опять и опять…

— Великий боже! — ахнула Флоримель, отступая на шаг назад. — Как такое может быть?

— Ублюдок стрелял в меня! — проворчал Т-четыре-Б.

— Это Дред, — прошептала Мартина. Она побледнела, как смерть. — Хотя и не в теле Кван Ли, я не могла ошибиться.

Пол посмотрел на товарищей, потом на худого, почти голого человека в набедренной повязке, лежавшего на полу перед ним, с крепко связанными руками и ногами, покрытого шрамами и истекающего кровью. Пленник тоже посмотрел на них, но, похоже, никого не узнал. Зубы были обнажены в усмешке, и он извивался в путах, как змея. Темной кожей и азиатскими чертами лица он слегка походил на американских индейцев, но в ощущениях Мартины Пол не сомневался. Сам он никогда не встречал этого многострашного Дреда, но слышал более, чем достаточно: несмотря на очевидную беспомощность пленника он отступил обратно к стене.

Пленник засмеялся, увидев испуг Пола.

— Ха! Моя убить всех.

Бат Мастерсон скрестил руки на груди.

— Ну, если вам, ребята, не понравился этот парень, придется вам поменять свои планы. Видите ли, у этого парня есть тысячи двоюродных братьев, похожих на него как две капли воды, и прямо сейчас они перенесли ад из-под земли на Фронт Стрит в Додже.

ГЛАВА 21
Заклинание змей

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ИСКУССТВО: Биггер Х — Мертвый гений или просто мертвый?

(изображение: труп на Коксвелл Авеню, Торонто)

ГОЛОС: Мир искусства обсуждает смерть художника-партизана «Биггер Х», погибшего в результате несчастного случая на улице Торонто. Уже сформировалось несколько противоборствующих лагерей. Многие верят, что Х ответил на «состязание в самоубийстве» другого художника, известного как «N 1», и устроил собственный «несчастный случай» как ответ на вызов N 1 и из уважения к любимому художнику Х, Т. Т. Дженсену. Другие предполагают, что Т. Т. Дженсен сам устроил его смерть, то ли недовольный постоянными ссылками Биггер Х на себя, или (еще более странная альтернатива) наоборот, как символ благодарности за похвалы Х. Другая группа предполагает, что это дел рук N 1, разочарованного тем, что Биггер Х не ответил на его «состязание в самоубийстве». И есть еще одна храбрая, но маленькая группа, которая предполагает, что смерть Х — именно то, чем она кажется: если брести по оживленной улице не глядя по сторонам, то рано или поздно на тебя обязательно налетит машина…

Она так долго глядела на стенной экран, что едва не заснула. Но началась стрельба, и она выпрямилась настолько быстро, что чуть не упала со стула.

Дульси автоматически посмотрела на кровать для комы, но Дред не пошевелился. Сейчас он по большей части находился в сети. Иногда ей казалось, что она — сиделка у постели умирающего.

Кто-то закричал на улице под окнами, пронзительный, но безусловно мужской крик гнева и боли. Дульси пересекла чердак на спотыкающихся ногах — она слишком долго сидела на одном месте! — и приподняла жалюзи.

Снаружи было темно, и это испугало ее еще больше — неужели ночь пришла так быстро? Внизу двигались люди — покрытые тенями фигуры исполняли агрессивный танец. Что-то вроде драки, трое или четверо молодых мужчин толкались и

напирали друг на друга, но скорее спорили, чем дрались по настоящему. Дульси провела слишком много лет на Манхеттене, чтобы удивляться или даже заинтересоваться мелкой дракой, и не собиралась тратить время на уродов, которые собирались покалечить друг друга.

«Мужчины. Они запрограммированы на это, не так ли? Вроде маленьких строительных роботов. Идут вперед пока не натолкнутся на что-нибудь, и начинают толкать это, пока не сделают то, что вы хотите — или пока не толкнут сильнее, чем вы хотите.»

Она опять подошла к маленькому шкафчику, рядом с которым, ожидая окончания работы взломщика систем безопасности, поставила стул, разложила пакеты со сладостями и другими вкусностями, и сделала что-то вроде уголка отдыха, слабая замена домашнему уюту. Ссора внизу разгоралась, и она в первый раз сообразила, что не имеет ни малейшего понятия о системе безопасности этого места. Она не могла себе представить, что Дред не защитил дом от грабителей или убийц, особенно учитывая беспокойный район по соседству, но, с другой стороны, вряд ли он поставил себе систему защиты, подсоединенную к полицейской линии: Дред не из тех, кто звонит в полицию и умоляет защитить их. Она не могла представить себе его ждущим спасения от людей из частной охранной фирмы, или даже от людей, которых он сам выбрал, вроде тех, которые напали на остров Сантуарио. На самом деле она не могла представить себе, что он вообще кого-то ждет. Дред был из тех, кто хочет все делать сам.

«Да, и мне достанется жирная порция чего-то очень вкусного, когда парочка грубых парней вломится сюда через окна, а он по-прежнему будет в стране Нет-и-не-будет.»

Еще один крик, невнятная ругань, которая донеслась прямо из-под окна. Дульси вздрогнула. «К тому времени, когда ты успеешь его разбудить,— подумала она,— кто-нибудь успеет воткнуть в тебя нож, Энвин». Она отложила кофе в сторону, пошла в комнату, которую Дред отдал ей, стала на колени, ухватилась за свой чемодан и вытащила его из под кровати.

Пока она находила и собирала различные пластиковые компоненты, некоторые из которых были спрятаны в уголках и колесиках чемодана, а другие казались обычными частями оборудования путешественника — набор ручек, будильник для тех экзотических областей, где вас время от времени лишают доступа к сети, небольшие щипцы для завивки волос — она думала о своих странных неровных отношениях с нанимателем. Было ясно, что он физически интересуется ею, и, надо

признаться, он действительно интересный мужчина. После своей последней сетевой сессии он вскочил, бурля от радости, и она, удивляясь сама себе, заразилось его радостью и поторопилась рассказать об успехе, о взломе личных файлов Жонглера. Он похвалил ее, посмеиваясь над ее возбуждением; он весь дрожал от странного гиперактивного веселья, наполнявшего его, и на мгновение она захотела, чтобы он взял ее прямо сейчас, быстро и грязно, как один из книжных халтурщиков взял ее мать прямо в их доме, вместо обсуждения скучных деталей секса и любви со своим собственным ребенком.

Но хотя они исполнили что-то вроде сверхбурного вальса по всей огромной комнате, и Дред закидывал ее вопросами, делая себе кофе и принимая душ, она выбрала неправильный момент: он совершенно не интересовался ею, по меньшей мере сексуально, они вместе порадовались ее успеху и его приподнятому настроению, но только как коллеги.

И все-таки он был доволен ею, а это кое-что значило. В первый раз со времени приезда в Сидней она доказала свою ценность и незаменимость. Он вышел из душа, его черные прямые волосы сверкали, рубашка беззаботно открывала тугие мышцы живота. Он подошел к ней и сказал, что ее работа дала ему последний инструмент для большого удара.

Она застыла, рассеянно глядя на маленькие пластиковые кусочки, разложенные на дешевом ковре рядом с кроватью. Похоже он получил полный контроль над сетью своего нанимателя, что само по себе очень впечатляет, и, возможно, узнал настолько много, что может разбогатеть, хотя и трудно себе представить, как это можно сделать. Быть может он собирается продолжать проект Грааль и продавать сетевое бессмертие богачам, получая все деньги вместо Феликса Жонглера? Или, более вероятно, собирается продать все тайны своего нанимателя тому, кто больше заплатит? И где сам Жонглер? Неужели Дред расправился с ним так же, как с Боливаром Атаско? Но никто ничего не слышал о смерти Жонглера. Нет никаких сомнений, что если бы один из самых богатых и влиятельных людей в мире умер, сетевые новости мгновенно сообщили бы об этом, хотя бы как слух.

Дульси вынула трубку из щипцов для завивки волос и вкрутила ее в корпус будильника, работая достаточно медленно — с таким дизайном она еще не сталкивалась. Обычно она не возила с собой револьвер — Картахена все еще не давала ей покоя по ночам — но трудно сражаться с укоренившимися привычками профессионала, особенно в ее особой профессии. Тот револьвер, которым она убила хакера в Колумбии, так и остался там: Дред

вызвался освободить ее от него, но она прочитала много детективов и посмотрела немало триллеров, и не собиралась оставлять каких-нибудь улик против самой себя. Она разобрала револьвер, тщательно промыла все части жидкостью для снятия лака, и бросила их в разные мусорные баки по всей Картахене.

«Ты не доверяешь ему даже в этой мелочи, боишься, что он будет шантажировать тебя, но готова спать с ним? Интересно у тебя получается, Энвин.»

Труднее всего разобраться в самой себе. Он очень живой, подвижный, каждый момент какой-то другой, но тот ли он, кого она хочет? Давным-давно она обнаружила, что сотрудники рекламных агентств из Лонг-Айленда и брокеры, озабоченные испытанием своих первых бронированных Бенцов, не заставляют биться ее сердце.

«Энвин, скажи себе правду. Тебе нравятся только плохие парни.»

И, более того, ей нравилось знать, что она сама плохая, порочная, только более скрытная.

«Но когда ты совсем близко подошла к сексу, не только декорации меняются. Ты… ну да, ты сделала выбор, очень странный выбор.

Господи Иисусе, Дульси, ты попыталась броситься ему в объятия, а он… он не захотел. Так что поезжай-ка ты обратно в Нью-Йорк, пару дней попьянствуй, посмотри сетевой винегрет и пожалей себя — могло быть и хуже. Но, в любом случае, неужели ты думаешь, что можешь рассчитывать на долгие отношения с ним?»

Ей пришлось признаться, что она не может представить себе, как можно жить достаточно долго в одном городе с этим парнем, не говоря уже о том, чтобы вместе выбирать занавески. Но почему же все так плохо? Он возбуждает ее. Она думает о нем все время, иногда она восхищается им, но временами испытывает к нему что-то более сильное и более опасное, чем нелюбовь или раздражение — скорее ненависть и страх.

«Ну и что? Он то, что ты хочешь — плохой парень. Конечно трудно найти парня хуже, чем он, и тебя это пугает. Но ты же не можешь идти по туго натянутой проволоке и, одновременно, пользоваться сетью. Иначе для чего вообще проволока? У него слегка чужие навыки общения? Не забывай, что он международный преступник. По меньшей мере с ним не скучно.»

Руки и пальцы действовали сами по себе, без участия головы: хотя все модели разные, но после того, как ты соберешь несколько таких пластиковых револьверов-«невидимок», то сможешь делать это с закрытыми глазами. Он встала с коленей,

села на кровать, вытрясла несколько керамических пуль из бутылки с витаминами и вставила их в магазин. Клик, клик, клик… как восемь младенцев в одну колыбель. Дети, револьверы, виртуальные миры, старик, собиравшийся стать египетским богом — ничего удивительного, что ее голова идет кругом.

«Тебе нужны каникулы, Энвин. Длинные. Очень длинные.»

Какое-то время она раздумывала, потом пересекла комнату и подошла к окну. Ссора внизу закончилась: быстрый взгляд через окно показал, что на улице никого нет. Она положила револьвер на среднюю полку кофейного шкафчика, под салфетки.

«Мне нужно, чтобы случилось что-нибудь волнующее. И большое.»

* * *

Кристабель стояла, держа стакан в руке. Ее вторая рука лежала на водопроводном кране, но она не осмеливалась включить воду, хотя едва не плакала от жажды. Она злилась на себя за то, что захотела пить и для этого встала с кровати. И сейчас она должна стоять в темной ванной как испуганная мышка и слушать, как папа с мамой спорят в соседней комнате.

— … Это зашло слишком далеко, Майк. Я не могу заставить тебя вернуться со мной домой, но я совершенно не собираюсь оставаться здесь с Кристабель и рисковать ее жизнью, пока все не закончится. У мамы мы будем в полной безопасности.

— Черт возьми, Кей! — Папочка говорил так громко и с такой болью, что стакан чуть не выпал из руки и не разбился о твердый пол ванной. — Неужели ты не видишь, что происходит?

— Конечно вижу. И поэтому любой, у которого есть хотя бы на дюйм здравого смысла скажет, что здесь не место для маленькой девочки. Майк, ты даже дал кому-то направить на нее револьвер! На нашу дочку!

Очень долго никто ничего не говорил. Кристабель, которая собиралась поставить стакан на пол, потому что рука уже начала болеть, оставалась где была, как в ужасной игре «Заморозь Шпиона».

Наконец папочка заговорил, тихо и испуганно. Он никогда не слышала, чтобы он говорил таким голосом — и ей немедленно захотелось убежать. — Знаешь, я никогда не слышал от тебя более ужасных слов. Неужели ты думаешь, что мне не снятся кошмары, каждую ночь? Я не брал ее на встречу с Рэмси. *Ты* разрешила ей пойти в туалет. И что я должен был делать?

— О, извини. Я действительно что-то не то сказала. — И

мамочка говорила каким-то сумасшедшим голосом. — Но я страшно напугана, Майк. Я… я так себя чувствую, словами не скажешь. Я хочу забрать мою малышку отсюда и собираюсь это сделать. И мальчика я тоже заберу. Он, конечно, совсем дикий, но от этого не перестал быть ребенком и нуждаться в защите.

— Кейлин, ты слышишь меня? Если бы я думал, что есть такое место, где вам было бы безопасно, то немедленно отправил бы вас туда — мой бог, поверь мне! Но я сейчас здесь, и только потому, что Якубиан решил избавиться от меня при помощи обычного персонала базы. Если бы Рон не вытащил меня, ты бы вообще больше обо мне не услышала. Без вариантов.

— Ты так говоришь, чтобы я бы почувствовала себя лучше?

— Нет! Но очень много из того, что говорит Селларс — правда. Я тебе точно говорю — как они схватили меня, что говорил и делал генерал, это все воняет. Там не было ничего по закону — чистое похищение. Рон и Рэмси спасли мне жизнь — и только потому, что были там.

— И?

— И что будет, если эти люди опять придут за мной? Не заботясь ни о каких военных законах, быть может ночью — по видом грабителей. Неужели ты думаешь, что они первым делом не проверят дом матери моей жены? И, если меня там не будет, неужели они не решат, что ты и Кристабель великолепно подойдут на роль заложников? Это не бойскауты. И что твоя мама сможет сделать с ними? Напустить на них кошку? Или позвонить в чертов отряд самообороны, который она всегда насылает на детей со скейтбордами?

— Майк, успокойся. Это совсем не смешно.

— Да, совсем не смешно. Это ужасно, Кей. По меньшей мере пока вы обе здесь, я могу защитить вас. Мы можем ехать, все время, и Селларс постоянно делает так, что мы остаемся в тени. А если ты останешься в каком-то одном месте, даже не таком очевидном, как дом твоей матери, нам останется только надеяться, что они не найдут тебя.

— Ты говоришь так, как будто веришь в этот… заговор. Во все безумные рассказы Селларса.

— А ты? Попробуй объяснить Селларса. Или Якобиана с его маленькой комнатой в отеле и головорезами-телохранителями.

Кристабель слишком долго стояла в одном месте и точно знала, что заплачет, если не поставит стакан хоть куда-нибудь. Она поставила его на край умывальника и стала выискивать плоское место.

— Я не могу объяснить этого, Майк, и даже не буду пытаться. Я просто хочу, чтобы мой ребенок был как можно дальше от

этого… безумия.

— Я тоже этого хочу, и как можно быстрее. Но я вижу только один путь…

Стакан пошатнулся и начал падать. Кристабель схватила его, но он выскользнул из пальцев и ударился о пол со таким звуком, как будто взорвался в сети. Мгновением позже в ванне зажегся свет, и в дверях возник отец, такой большой и злой, что Кристабель невольно отшатнулась, оступилась и начала падать. Отец прыгнул вперед и так сильно схватил ее за руку, что она взвизгнула, но не упала.

— Боже мой, что ты здесь делаешь? *А!* Господи Иисусе, здесь повсюду стекло!

— Майк, что происходит?

— Кристабель только что разбила стакан. И мне в ногу воткнулся кусок стекла величиной с нож. Господи Иисусе!

— Дорогая, что случилось? — Мамочка подняла ее и перенесла в комнату, в которой спорили родители. — Тебе приснилось что-то плохое?

— Я сейчас соберу все стекло, — сказал папа из ванны. — И ампутирую себе ступню, чтобы спасти ногу. Не имеет значения. — Он говорил злым голосом, но Кристабель немного успокоилась — это не та развод-злость, которую она слышала только что.

— Я… мне захотелось пить, И потом я услышала… — Она заколебалась, возможно лучше не говорить, но потом решила, что если рассказать мамочке правду, быть может все будет хорошо. — Я слышала, как вы спорили, и испугалась.

— О, дорогая, конечно. — Мама крепко обхватила ее и поцеловала в макушку. — Конечно. Но ты не должна бояться. Папа и я спорили, пытаясь решить, что надо делать. Обычные взрослые споры.

— Которые приводят к разводу.

— А, вот что тебя пугает? О, моя сладкая, не воспринимай это всерьез. Это просто спор. — Но голос мамы прозвучал странно и хрипло, и она не сказала: «Папочка и я никогда не разведемся.» Кристабель уткнулась головой в нее, отчаянно желая никогда больше не хотеть пить.

Они все еще говорили в другой комнате, хотя намного тише. Кристабель лежала в своей кровати, стоявшей напротив кровати мальчика Чо-Чо, который зарылся в одеяла, как какая-нибудь египетская мумия. Кристабель старалась дышать медленно, как ее учила мама, но никак не могла перестать думать о том, что только что произошло и ее вздохи больше походили на всхлипы.

— Заткнись, *mu'chita*, — внезапно сказал Чо-Чо приглушенным голосом — у него на лице лежала подушка. — Люди пытаются уснуть.

Она не обратила на него внимания. «Что он может знать? У него нет ни мамочки ни папочки, которые постоянно спорят и хотят развестись. Не его вина, что все такие злые, как и она». Хотя ей было очень больно, она слегка приободрилась.

— Чегой-то там разбилось, — сказал Чо-Чо и скатился с кровати, взяв с собой все свои одеяла, так что матрас, покрытый простыней, внезапно стал голым и белым, как мороженое-сэндвич со срезанной верхушкой. — Невозможно спать. *Mierda*[44]. — Он сбросил с себя все одеяла, остался в трусах и майке, и отправился в ванну.

— Куда ты идешь? Не ходи туда.

Он даже не посмотрел на нее и не закрыл дверь. Кристабель зарылась под одеяло, когда он начал писать. Потом из туалета послышался шум воды, и какое-то время было тихо. Когда она высунула голову из-под одеяла, он сидел на кровати и глядел на нее большими темными глазами.

— Эй, да ты боисся, что какое-нибудь чудовище тебя съест? Трусиха!

Кристабель уже встречалась настоящим чудовищем, улыбающимся человеком в комнате отеля, с глазами-гвоздями. Нечего и отвечать этому глупому мальчишке.

— Просто спи, — сказал он, немного помолчав. — Не о чем беспокоиться.

Это была чудовишная ложь, и она не смогла удержаться.

— Ты ничего не знаешь!

— Я знаю, что ничего не случаается с маленькими *ricas*[45], вроде тебя. — Он глядел на нее, глупо усмехаясь, но счастливым не выглядел. — И чо может случиться? Хочешь, я скажу тебе, чо будет со мной? Когда все кончится, ты опять поедешь в свой папамама дом, а маленький Чо-Чо отправится в лагерь. Секи, твой папуля приятный мужик. *Los otros*[46] мужики могли бы просто пристрелить меня.

— Что за лагерь? — Это звучало не слишком плохо. Офелия, подруга Кристабель, была в лагере «Синяя птица», они там рисовали, ели сэндвичи и конфеты-маршмеллоу.

Чо-Чо махнул рукой.

— Кросс Сити, они сунули туда моего *tio*[47]. Заставили копать, носить и все такое. А хлеб с маленькими *bichos*[48] внутри.

Кристабель закрыла рот ладошкой.

— Ты сказал плохое слово.

— Что? — Он на секунду задумался, потом улыбнулся,

показав отсутствующие зубы.

— Бичос? Это значит жуки. — Он опять улыбнулся. — А ты подумала, что я сказал «блядос», а?

Она выдохнула.

— Ты только что *так* сказал!

Мальчишка скользнул в кровать и уставился в потолок. Из-под подушки торчал только его нос.

— Скажу тебе, вот, и не гляди на меня. Как только выпадут карты, Чо-Чо сделает ноги.

— Ты… ты собираешься сбежать? Мистер Селларс, ты ему нужен! — Она не могла понять, это казалось чем-то злым, о чем им рассказывали в церкви, но не в воскресной школе, а в большой комнате с лавками и стеклянными окнами, на которых был изображен Христос. Сбежать от бедного старика?

«И ее мама тоже огорчится»,— сообразила Кристабель. Хотя мамочка громко жаловалась, но, похоже, ей нравилось купать Чо-Чо, заставлять его носить чистую одежду и подкладывать дополнительные куски еды.

Мальчишка что-то забормотал, едва слышно — быть может опять засмеялся.

— Я то думал, что здесь делают *efectivo*[49], хорошие деньги, а оказалось, что кучка чокнутых пытается спасти мир, как фильме про шпионов, *mierda*. Малыш Чо-Чо, скоро сделает… большие… ноги.

Больше он ничего не сказал. Кристабель могла только лежать в кровати напротив него, пытаться услышать то, что тихо говорили родители, и думать, почему мир стал таким странным.

* * *

Она нарисовала молочным порошком на крышке стола столько египетских иероглифов, что хватило бы на диетическое издание «Книги Мертвых». Она столько раз слышала тихое шипение и жужжание, когда дорогая кровать для комы сама изменяла свое положение, что ей уже хотелось выть. Тысячи каналов сетевых шоу, и ни один из них не заинтересовал ее.

Дульси знала, она должна лечь и отдохнуть, но была уверена, что заснуть не сумеет. Она вынула легкий плащ и настроила цифровой замок на двери. Когда он звякнул, она заколебалась, вернулась обратно и взяла револьвер из потайного места в кофейном шкафчике.

Была почти полночь, и бугристые улицы Редферна светились от только что прошедшего дождя, хотя как раз сейчас на небе не

было ни облачка. Шумная группа людей вывалилась из похоронного бюро недалеко от нее, главным образом белые подростки и азиатские дети, одетые в мешковатые черные плащи; их лица закрывали арабские капюшоны. Она оказалась позади самой большой группы; их голоса бились о фасады зданий, как возбужденный писк стаи летучих мышей. Казалось, что они кричат друг на друга на каком-то туземном диалекте. Дульси помнила времена, когда она могла стоять на улицах Сохо или Гринвич-Виллиджа рядом с группкой молодых людей вроде этих, давая глубокий социальный анализ каждого слова, каждого предмета одежды и каждой позы. А сейчас она даже не могла вспомнить, это под-под-группа Грязные Фермеры или Нет-Сидру, или какая-нибудь другая, за исключением того, что все они любили органические галлюциногены, громкую медленную музыку и искусственное отбеливание кожи.

«Все это кажется важным когда ты молод, подумала она. Показать всем, кого ты знаешь, кто ты такой. А в настоящей жизни людям вполне достаточно было бы иметь уникальный личный номер, как у симов из BP, и вместо того, чтобы пускаться во все тяжкие, рискуя получить кнутом по коже или клеймо на рожу, продемонстрировать маленькое сообщение: *„Я люблю кошек и садомазо, не слушаю никакую музыку старше полугода, и папа наказывает меня за то, что у меня слишком много подкожных имплантантов“*.

Или, как в моем случае, *„Мама наказывает меня за то, что я превратила свою жизнь в нечто такое, о чем ей лучше не знать.“* Хорошая мысль, а?»

«Я в депрессии»,— поняла она. Ей не удалось соблазнить Дреда, то ли из-за плохого выбора времени, то ли из-за чего-то там еще, и упущенное мгновение внезапно превратилось в длинный кошмарный перечень того, что она должна была сделать или, наоборот, не должна. На самом деле, хотя ей и нравилось играть по его правилам — прыжок вперед, эмоционально и боязливо, легкая ласка, потом опять назад — такое слишком долгое ухаживание ей уже изрядно надоело. Быть может то, что она *не* любит его, начинает перевешивать все остальное.

«А ухаживал ли он вообще за мной? Ведь он не сказал мне ни одного слова! Он затащил меня в это странное дело, промышленный шпионаж в огромных размерах, платит мне достаточно прилично, но не чтобы ах, и, насколько я знаю, только ищет способ превратить свинец в золото. У меня нет никаких гарантий. А что, если дело обернется плохо — я не дам ему даже забрать от меня револьвер, почему же я даю ему держать меня здесь, в темноте, в далекой чужой стране? Я даже не знаю

австралийских законов на этот счет.

А то что он сказал мне, как будто подарил миллион — „Хочешь быть богиней, Дульси?“ Быть может он имеет в виду бессмертие в сети Грааля? Кто знает? И, на самом деле, он ничего не предложил. Он ничего не преложил, кроме самого себя, и, хотя это не так уж и плохо, но недостаточно. Не для девушки.»

Толпа быстро рассеялась, некоторые отправились на остановки автобуса, другие уехали на такси. «Возвращаются домой после вечеринки по случаю джихада»,— с мрачным юмором подумала она, представив себе как группа юношей, одетых в черные тюрбаны, набились в наемный кэб как сельди в бочку. И только тут сообразила, что темная, хотя и широкая улица, еще мгновение назад переполненная галдящей толпой, совершенно опустела.

«Где же я? Просто великолепно — заблудиться в полночь.»

Указатели не говорили ей ничего, разъем она оставила на чердаке, так даже не могла посмотреть карту. Злясь на саму себя, хотя и не слишком беспокоясь — все-таки на улице еще были люди, даже парочки — она начала возвращаться по своим следам, стараясь вспомнить, где и как она поворачивала, идя следом за толпой. Ряды старых домов с ржавыми коваными решетками на балконах смотрели на нее пустыми не одобряющими лицами. Она пощупала карман плаща и почувствовала себя более уверенно. По меньшей мере она вооружена.

Три темнокожих мужчины глядели на нее, пока она подходила к углу, на котором они стояли, и хотя никто из них не пошевелился и не сказал ни слова — самой молодой из них даже сладко улыбнулся, когда она проходила мимо — и невольно убыстрила шаги, уходя от них по темной улице.

«Как будто мы всегда в их тени,— подумала она.— Мужчины всегда закрывают свет, и мы ничего не можем поделать с этим. И почему? Только потому, что такое отношение к нам сформировалось много лет назад, в предисторические времена — и с самого начала они были сильнее, духовно и физически.»

Внезапно ей вспомнился Феликс Жонглер, прекрасный экземпляр хищного старика. Его странный файл, *Ушабти*, последняя воля и завещание — если-ты-увидел-его-значит-я-умер — драма, заботливо приготовленная для наследника, которую так и не сыграли. Что об этом подумают настоящие наследники, когда он, наконец, сдастся и перестанет держаться за жизнь мертвой хваткой? Будут ли они так же поражены, как и она?

Мужчины и их секреты. Это часть их силы, так? Так трудно заставить их заговорить о действительно важных делах, если они думают, что кто-то пытается похитить их души. Дред, вот еще

один пример — и очень подходящий. Что она вообще знает о нем? Конечно, учитывая то, чем он занимается, трудно было надеяться найти что-нибудь полезное во время ее ранних попыток исследовать его прошлое, и все равно на нее произвело большое впечатление насколько ничтожным он был — и кем себя сделал. Она не нашла ни одной фотографии Дреда, нигде — ни в международных файлах, ни в списках преступников. Достаточно только посмотреть на него, чтобы понять, что он австралиец, смешанной крови, как и миллионы других людей. Откуда он взялся? Как жил раньше? Это наверняка интересно. И у Жонглера есть тайны. У всех могущественных людей есть тайны. Но что скрывает Джонни Мор Дред?

Она услышала шум и тут же увидела несколько теней на тротуаре не очень далеко перед собой — тихий шорох, как будто кошка катает клубок шерсти. Она пошла медленнее, пытаясь понять, что перед ней — и только через несколько шагов увидела мужчину рядом со стоящей на коленях женщиной. Вначале Дульси решила, что он держит ей голову, пока ее рвет — результат усиленных развлечений в одном из баром или клубов — но когда ступила в водосточную канаву, чтобы обойти пару кругом, заметила, что мужчина на самом деле бьет ее лицом о тротуар.

Бледноволосый человек посмотрел на Дульси так, что она мгновенно разъярилась, несмотря на свой внезапный страх. Он опять посмотрел на женщину и что-то громко сказал на незнакомом языке, быть может славянском, и женщина, плача, выдохнула из себя несколько слов на том же языке. Дульси вспомнила, как Дред рассказывал ей, что множество иммигрантов оказалось в Редверне после несчастья в украинском зерновом поясе; он сказал это почти с раздражением, которое она тогда приняла за антибелый расизм, и только потом осознала, что таким образом экзотический мистер Дред выразил самое обычное человеческое чувство — недовольство появлением новых соседей.

Женщина, из нижней губы которой текла кровь, неуклюже попыталась встать. Мужчина, яростно сжав свои широкие челюсти, опять потянул ее вниз, как хулиган на детской площадке. В ее нервы, казалось бы давно закаленные Манхеттеном, вонзилась острая иголочка. Дульси остановилась в нескольких метрах от медленно боровшейся пары и сказала:

— Отпусти ее.

Мужчина зло посмотрел на Дульси, потом опять перевел взгляд на женщину и так сильно толкнул ее вниз, что она перестала сопротивляться и упала на четвереньки.

— Я сказала, отпусти ее.

— Ты хочешь, тоже? — он говорил с густым акцентом, но довольно разборчиво.

— Просто дай ей встать. Если она твоя любовница, нечего над ней так измываться. Если нет, я позову полицию и твоя задница очень быстро окажется в тюрьме.

— Нет, — с отчаянием сказала женщина. Широкая рука мужчины все еще лежала на ее затылке; она выглядывала из под его пальцев как побитая собака. — Нет, не надо. Он ничего не сделал мне.

— Чушь. Ты вся в крови.

Лицо мужчины, вначале оживленное, начало меняться. Хмурая усмешка стала чем-то страшным. Он опять сильно толкнул женщину, и та улетела в канаву, потом повернулся к Дульси.

— Ты нарываешься, да? Сейчас получишь.

Что-то такое, тлевшее в Дульси весь день, ярко вспыхнуло. Она выхватила револьвер из кармана плаща и направила его на мужчину, помахивая запястьем как опытный стрелок.

— Нет, это *ты* сейчас получишь, засранец. — Было странно чувствовать себя богом с молнией в руке. — Хочешь поползать на коленях, да? — Она увидела, как рот мужчины открылся, и ее возбуждение возросло. Вот так, наверно, чувствуют себя заклинатели змей, держа в руке живую смерть.

— Ты… ты сумасшедшая. — Мужчина начал отступать назад, пытаясь сохранить лицо твердым, но не получилось. Женщина в канаве плакала, охватив руками голову.

Дульси почувствовала в себе искушение выстрелить, заставить ублюдка почувствовать ветер, пронесшийся мимо лица. но она еще не пристреляла револьвер и не знала, как болезненна будет отдача.

«А если я промажу и отстрелю ему ухо,— подумала она.— Или еще хуже. И что?»

Из мрачных глубин ее мыслей возникло лицо колумбийского хакера Селестино, его коричневые глаза, наполненные страхом, как у раненой собаки, хотя на самом деле она не видела страха на его лице, потому что он находился в сети и не видел, как она выстрелила в него.

Юный русский повернулся и быстро пошел по улице, едва ли не бегом. И прежде чем Дульси успела помочь женщине, та резко вскочила и — бросив на Дульси взгляд испуганного кролика — побежала за ним. Обе ее туфли на высоком каблуке остались лежать на тротуаре.

Дульси все еще дышала немного быстрее и дрожала от

возбуждения, которое уже начало сменяться злобой, когда опять оказалась на своей улице.

«Это все власть, так? подумала она. Ты отдаешь им всю власть, разрешаешь им держать все в тайне, а они бьют тебя лицом об землю. Нужен уравнитель, или игра становится нечестной.

Но что скрывает Дред? Счет в швейцарском банке? Тайные делишки членов Грааля?»

Она вспомнила маленький невидимый ящик в его системе, картонку под кроватью с грязными тайнами мальчишки, до которой не могут добраться мать и сестра.

«Я могу взломать его, верно? Если я смогла взломать систему Джи Корпорэйшн, какого черта, я могу вскрыть и какое-то скрытое хранилище в домашней системе Дреда. Я могу входить в систему и выходить из нее, а он ни о чем не догадается. И тогда у меня на руках будет что-то на него. Как вы себя почувствуете тогда, мистер Дред?»

Она чувствовала, что ему это не слишком понравиться, но сейчас, когда в крови пели страх, ярость и триумф, ей было все равно.

ГЛАВА 22
Тут во кусты

СЕТЕПЕРЕДАЧА/СТИЛЬ ЖИЗНИ: Мэр объявляет смерть вне закона

(изображение: Ледли Берн, Хай Стрит)

ГОЛОС: Мэр Ледли Берн, чарующего деревенского городка в Чешире, Англия, объявил незаконным умирать внутри города. То, что на первый взгляд кажется донкихотской борьбой со смертью, на самом деле является вполне прагматичной попыткой спасти городское кладбище тринадцатого века, немногие оставшиеся участи которого стали полем битвы для местных жителей.

(изображение: Мэр Бикин на дворе церкви)

БИКИН: «На самом деле все очень просто. Если вы умираете в Ледли Берн, вы нарушаете закон и в наказание должны быть похоронены где-то в другом месте. Где? А вот это не мое дело.»

Сбитая с толку и расстроенная, Рени плюхнулась на землю рядом с черной водой, все еще бурлившей после исчезновения Ведьминого Дерева. Каменная Девочка отползла от нее, испуганная силой гнева Рени.

— Вернись, — сказала Рени. — Прости меня. Я не должна была кричать. Вернись, пожалуйста.

— Ты заставила Ведьмино Дерево убежать, — сказала сделанная из грязи малышка. — Раньше такого не бывало.

Рени вздохнула.

— Что оно сказало тебе? Мне можно спрашивать? Я слышала кое-что об Окончании и детские песенки…

Каменная Девочка с любопытством поглядела на нее.

— Ты сказала, что дерево украло твоего брата.

— Это… это трудно объяснить. Но не дерево, нет. — Внезапно ей пришла в голову мысль, нереальная, но стоит спросить. — Ты знаешь кого-нибудь по имени Стивен? Маленький мальчик…?

— Стивен? — Каменная Девочка захихикала. — Смешное имя!

— То есть нет, — сказала Рени. — Боже праведный, что я наделала? Что это за глупое и сумасшедшее место? — Она дала

плечам тяжело опуститься, в первый раз осознав, что в лесу стало холодно. — Что еще дерево сказало тебе?

Ее гид опять помрачнела.

— Плохо, все очень плохо. Окончание подходит все ближе и ближе, скоро здесь вообще не останется места. Тогда мне придется пойти к Колодцу вместе со всеми, потому что место останется только там.

— Колодец? Что это такое?

Каменная Девочка наморщила свою земляную бровь.

— Там все как здесь, только туда идти далеко: надо пересечь реку, еще раз и еще. Иногда там появляется Леди и говорит с людьми.

— Леди? — в шею Рени вонзилась иголочка — она знала, кто это может быть. — Она приходит к Колодцу и… дальше?

— Дальше говорит людям то, что думает Тот-который-есть. — Каменная Девочка потрясла головой. — Она больше так не делает. С того времени, как началось Окончание. — Она встала. — Я должна идти. Ведьмино Дерево сказало, что я должна идти к Колодцу, так что я пошла. — На мгновение она заколебалась. — Хочешь со мной?

— Не могу, я должна дождаться друзей, — Рени чувствовала, как события ускользают у нее из рук. — Но я не знаю, где была. Ты можешь отвести меня туда, где нашла меня?

Каменная Девочка наклонила голову на бок.

— А откуда ты пришла?

Рени как могла описала скругленные далекие холмы, луга, их прозрачность. Пытаться вспомнить их — все равно, что рассказывать старый сон.

— Наверно это За-Теми-Холмами, в Дали, — решила маленькая девочка. — Но, скорее всего, там теперь ничего нет. Туда уже пришло Окончание, еще когда я искала Ведьмино Дерево. После него ничего не остается, все, как ты рассказала.

А она-то была уверена, что нашла место, которое становится настоящим! Рени стало страшно. Как там !Ксаббу и Фредерикс? Сумели ли они пересечь реку, как она? Она обязана найти их.

«Да, но как? Бродить по этому странному миру и глядеть, как он испаряется на глазах? Что это даст?»

Альтернатива? Идти вслед за каким-нибудь сказочным созданием, вроде этой Каменной Девочки, прямо в сумасшествие?

«Не теряй самообладания. Почему бы, для разнообразия, тебе не помолчать? Быть может, если я буду поприветливее, мне удастся узнать что-нибудь полезное.» Рени помнила, как она общалась со Стивеном, как кричала и ругала его, отчего он становился только еще более угрюмым.

«Операционная система сама похожа на ребенка, и как она с ней общалась? Как разъяренный родитель с непослушным ребенком. И не слишком умный родитель.»

— А то, что ты сказала… ну, то что дерево сказало тебе? Что ты должна идти к Колодцу и все люди с тобой?

Каменная Девочка кивнула, все еще стоя на краю поляны.

«А что, если Стивен все-таки здесь? подумала Рени. Что, если он один из тех, кого посылают к Колодцу? Что, если я смогу найти его, подойти к нему… коснуться его?»

Что делать? Она истощена, но обязана на что-то решиться. Эта девочка уйдет, с ней или без нее. Бросить !Ксаббу и остальных, или отказаться от возможности найти Стивена?

«Годы в университете, и для чего? Как можно выбирать — нет фактов, нет видимой логики, нет настоящей информации…» О ! Ксаббу думать было мучительно больно, она знала, что он ищет ее так же усердно, как и она его. Еще больнее было думать о Стивене, ее замечательном сияющем человечке, настолько близким, что казался ее собственным ребенком, который сейчас скорчился на больничной кровати — кожа да кости, как сломанный воздушный змей. Она чувствовала себя сломанной, беспомощной, несчастной.

«А я — здесь в сети я почти никто, живой мозг. Мозг с тяжелой болью в сердце…»

Каменная Девочка поскребла ногой землю. И ей было трудно, даже мучительно ждать, ведь Ведьмино Дерево сказало ей, что делать.

— Я действительно должна…

— Я знаю, — сказала Рени и глубоко вдохнула. — И иду. Я иду с тобой.

«У меня не было выбора, твердила она себе, но все равно чувствовала себя предательницей. !Ксаббу и остальные могут никогда не выйти из серости… чем бы она ни была. Их может засосать в другую часть сети или даже…

Конечно, будем предполагать, что я смогу что-то сделать для него, если найду, мрачно подумала она. Еще то предположение, особенно если учесть, что я даже не могу выйти из сети.»

— Ты сердишься на меня? — спросила Каменная Девочка.

— Что? — Рени сообразила, они уже давно идут, молча. Она внезапно вспомнила, что это означает — идти рядом со взрослым, который злится на тебя — и ей стало стыдно. Даже когда мама была еще жива, отец часто мрачно молчал. — Нет, что ты! Я просто задумалась. — Она поглядела на искрящие деревья вокруг, на бесконечные зеленые туннели под пологом леса. — А где мы,

кстати? У этого места есть имя? Ведьмино Дерево, или какое-нибудь другое?

— Ведьмино Дерево это не место, это предмет. — Каменная Девочка явно оживилась; даже непобедимое невежество Рени не вызвало ее обычного недоверчивого взгляда. — Здесь может быть много мест — вот почему мы всегда их ищем.

— И мы найдем… где?

— Здесь. Я же говорила тебе, это всегда в Лесу.

— И куда мы идем?

Каменная Девочка на мгновение задумалась.

— Я не уверена. Но я думаю, что мы должны пройти через Тут Во Кусты и может быть даже через Линь Динь Мост. И очень трудно пересечь ее.

— Пересечь?..

— Реку, глупая. — Спутница Рени нахмурилась. — И я надеюсь, что не придется идти через Прямо Ничей Дом. Там очень страшно.

«Тут Во Кусты и Прямо Ничей Дом. Это должно быть… Тутовый Куст и Пряничный Домик,— решила Рени.— Похоже она чему-то научилась».

— Почему там очень страшно?

Каменная Девочка приложила ко рту ладошку.

— Я не хочу говорить об этом. Мы туда не ходим. Но там живут Жинни и Тики, много-много.

Жинни и Тики. Фраза застряла в мозгу Рени, но в отличии от других имен, которые казались детскими переделками взрослых названий, вроде Лондонского Моста, она никак не могла найти простое объяснение. Но на Жинни она уже насмотрелась, и не меньше своей спутницы хотела избежать Прямо Ничей Дома.

— А эти Тики? Они такие же плохие, как и Жинни?

— Хуже! — Девчушка театрально вздрогнула. — Они все такие глазастые — слишком много глаз.

— Ух! Ты меня убедила. Но послушай, если нам еще идти и идти, почему бы на не остановиться и не поспать? Я очень устала, да и ты уже давно должна быть в кровати.

Вот теперь ее маленькая спутница посмотрела на нее с искренним недовольством.

— Спать в Лесу? Очень глупо.

— Хорошо, хорошо, — сказала Рени. — Ты здесь главная. Но сколько нам еще идти, прежде чем мы сможем поспать?

— Пока не найдем мост, глупая.

«Да, лучше помолчать.»

Луна — огромная летающая тарелка — неподвижно висела над их головами, даже не собираясь двигаться к горизонту, а они

шли и шли, все дальше уходя в лес, и деревья вокруг них становились все выше и выше. Они давно оставили за собой озеро и чувствительное дерево, но Рени кожей ощущала, что на них смотрят, хотя кто именно, понять было невозможно: то ли маленькие глазки скрытных лесных жителей, то ли большое доброжелательное существо. Полянки, над которыми ветки нависали сводом кафедрального собора, переливались и сверкали волшебными огоньками, как небо, полное ярких звезд; на них ощущение взгляда казалось особенно сильным. От странной мультипликационной красоты этого мира волоски на коже Рени стояли дыбом: она никак не могла заглушить тревожного чувства, что идет по вражеской территории.

«Почему бы мне действительно так себя не чувствовать, подумала она. Если я права, я вообще не в сети — я внутри самой операционной системы, в животе зверя.»

Рени потуже натянула на себя одеяло-плащ, защищаясь от ночного ветра, и внезапно нащупала зажигалку, прижатую к груди.

— О, нет! Я говорила с Мартиной… — Поглощенная непрекращающейся чередой странных событий, она полностью забыла свой отчаянный вызов с вершины холма, когда Жинни окружили ее со всех сторон. — Наверно она подумала…

Каменная Девочка остановилась, удивленно подняв брови, и смотрела, как Рени вытаскивает из ее одежды маленький предмет и разговаривает с ним.

— Мартина, это Рени, ты слышишь меня?

Никакого ответа. Рени подняла зажигалку вверх и потрясла ее, как остановившиеся часы, хорошо сознавая, насколько глупо выглядит этот жест из РЖ.

Впрочем, это не помогло: зажигалка молчала, как камень.

Они пошли дальше, и Рени мысленно добавила ужас, который должен был остаться у Мартины после их разговора, в свой список грехов.

«Очень длинный список,— подумала она.— Я не сумела найти брата, не сумела помешать планам Братства, потеряла ! Ксаббу и Сэм, и в конце концов связалась с друзьями и заставила их подумать, что меня убивают».

«Да, и тебя действительно собирались убить,— напомнила она себе.— Так что расслабься, детка.»

Они проходили мимо сверкающих деревьев, пересекали лесистые долины, покрытые темной травой, колышущейся без ветра, переступали через круги тускло светящихся грибов. Лес был полон самой разнообразной жизни. Рени слышала шорохи листвы, пару раз видела тени, быстро исчезавшие за поворотами

длинных открытых тропинок. Он указала на них Каменной Девочке, которая глубокомысленно кивнула.

— Другие люди тоже идут к Колодцу, — сказала она. — Окончание наступает, и очень быстро.

— Но это не… Жинни. Или Тики.

Каменная Девочка изобразила маленькую улыбку.

— Мы бы уже знали.

Огромная луна и не думала двигаться с одной стороны неба на другое, но Рени решила, все-таки она опустилась немного ниже, когда они увидели впереди себя, на маленьком холме, огонек костра. Какое-то мгновение Каменная Девочка колебалась, глядя на дрожащие отблески света, потом подняла ко рту свой толстенький палец и повела Рени вперед. Вокруг пламени, на траве, сидели странные тени. Каменная Девочка опять пошла медленнее, наклонилась вперед, прищурилась и облегченно выпрямилась.

— Всего-навсего гномы, — весело сказала она, беря Рени за руку.

Часовой на краю холма поднял палку и высоким недовольным голосом спросил:

— Кто идет?

«Господи,— подумала Рени.— Еще дети. Неужели в этом месте одни дети?»

— Друзья, — объявила Каменная Девочка. — Мы не сделаем вам ничего плохого.

Существа, сгрудившиеся вокруг костра, с опаской глядели на них. Рени, в тайне ожидавшая увидеть ровно семь гномов, спустя несколько мгновений обнаружила, что на них не слишком приятно смотреть. Они были, скорее идеей гномов, с множеством разных добавлений, и очень курьезной идеей.

Маленькие люди действительно были ростом с гнома — вооруженный палкой часовой, стоя, доходил головой только до бедер Рени — но хотя Иной, их предполагаемый создатель, вероятно понимал, что гномы должны быть маленькими, он, создавая их, не уменьшил пропорции нормального человека, но перемешал все его части. Лица гномов росли прямо из груди и ходили они неуклюже, как пингвины: вглядевшись в неуверенную походку часового, Рени сообразила, что его ноги заканчиваются на коленях и суставов на них нет. Руки, однако, был нормальной длины: часовой опирался ими на землю, как шимпанзе, помогая себе идти.

Рени заставила себя остаться спокойной, хотя гномы неприятно напомнили ей симуляцию Канзаса — хотя в них, похоже, не было жестокости, как в тамошних монстрах. Рени и ее

подруга подошли к костру и маленькие существа встали, приветствуя их неуклюжими поклонами. Самый высокий, чьи плечи доходили Рени до пояса, спросил:

— Вы что-то ищете?

— Нет, — ответила Каменная Девочка. — Просто идем. А вы, идете к Колодцу?

— Скоро. Но сначала мы должны найти то, что потеряли. А мы потеряли все, даже наш дом!

Все это время один из гномов не отрываясь глядел на Рени.

— Скажи Диво, — мрачно сказал он.

— Хм… диво, — ответила Рени, спрашивая себя, было ли это что-то вроде проверки или ритуал приветствия.

— Нет, они из Скажи Диво, — прошептала Каменная Девочка.

— Скажи Диво исчезло! — сказал их предводитель, из его открытого рта глядело само горе, от одного ребра до другого. — Луга, горы, замечательные пещеры! Исчезли, все!

— Их з-з-забрало Окончание, — сказал кто-то за спиной Рени, и заплакал. — Я пришел с работы и не нашел своего дома — и всех своих жен! Мои кошки, мешки — все исчезло! — Остальные гномы тоже хором застонали, страшная бессловесная песня отчаяния.

— Пришла мачеха и сказала, что мы должны уходить, — сказал предводитель. — Люди, которых мы повстречали здесь, в Лесу, говорят, что мы должны идти к Колодцу. Но мы не можем идти, пока не найдем наших жен, наши мешки и наших кошек! Быть может они успели убежать!

— Человек без жен, сумок и кошек вообще не человек, — веско заявил еще один. Над холмом повисло глубокое трагическое молчание.

— И… и у вас есть мачеха? — наконец спросила Рени, обнаружив, что сидит на бревне рядом с костром, стараясь не смотреть на ужасные деформированные тела. Она напомнила себе, что гномы уступили ей место и, вообще, какими бы странными они не казались ей, для них все эти события так же ужасны, как и для любого беженца в настоящем мире.

Сидевший рядом с ней гном с робкими глазами, чье лицо находилась так низко, что пояс едва не душил его, предложил Рени что-то, от чего шел пар.

— Каменный суп, — тихо сказал он. — Очень хороший.

Каменная Девочка оглянулась, с озабоченным мрачным лицом.

— Вы едите… камни?

Предводитель покачал головой.

— Мы никогда не причиним тебе боль, наша дорогая гостья,

мы едим только неживые минералы. Кроме того, если ты простишь меня, ты выглядишь как осадочная порода. Я не хочу никого обидеть, но мы такого не любим.

— Никаких обид, — облегченно сказала малышка.

— Неужели у всех, кто живет… в этих местах… есть мачехи? — спросила Рени.

Гномы не могли покачать отсутствующими головами, поэтому они наклонились в довольно странные положения, которые должны были изображать удивление.

— Конечно, — сказал предводитель. — А как еще мы узнаем, что опасность близко? Кто еще будет охранять нас, когда мы спим? — Его нижняя губа опустилась в развилку между ногами. — Но и они не могут остановить Окончание.

«То есть мачехи — часть операционной системы, решила Рени. Что-то вроде подпрограммы наблюдения — и они могут быть злыми, как в сказках. Но откуда эти чудовища, Тики и Жинни?» Она попыталась припомнить детские песенки с часами, что не вспомнила ничего подходящего, кроме «Хикори, дикори, док», которая тоже не слишком подходила.

[50]

— А ты откуда? — спросил у Рени один из гномов. Она беспомощно посмотрела на Каменную Девочку.

— Где Бобы Разговаривают, — ответила та. — Мы ходили к Ведьминому Дереву, и оно сказало нам идти к Колодцу.

«Мне она этого не говорила,— мрачно подумала Рени.— Оно мне вообще почти ничего не сказало». Внезапно ее осенило.

— А вы не видели кого-нибудь, похожего на меня? Темнокожий мужчина и девочка с немного более светлой кожей?

Гномы дружно пожали плечами.

— В Лесу полным-полно путешественников, — сказал один из них. — Возможно среди них и твоя семья.

Рени ничего не сказала, пораженная неожиданной идеей. ! Ксаббу и Сэм Фредерикс, ее семья. В каком-то плане так оно и было, и не только из-за цвета кожи. Мало кто из людей перенес больше трудностей со своей настоящей семьей, и безусловно ничьи испытания не были такими странными.

Разговор быстро прекратился. Гномы героически пытались быть хорошими хозяевами, но их мысли витали совсем в другом месте, а Рени и Каменная Девочка устали до потери пульса. Они свернулись клубочком на земле, пока гномы переговаривались между собой растерянными страдальческими голосами. Хотя Каменная Девочка почти не боялась холода, она все равно

прижалась потеснее к Рени и мгновенно заснула — во всяком случае Рени вообще не чувствовала ее дыхания. Она обхватила руками маленькое существо и глядела, как свет костра сверкает в верхушках деревьев высоко над головой. Сейчас она ходит по странному детскому миру-сну — и этот мир под осадой. Она потеряла все и всех. Из тех, кто пришел на зов Селларса, осталась только она одна. Даже операционная система, бог этого мира, побеждена. Что она может сделать?

«Я могу держать этого ребенка,— подумала она.— Хотя бы на одну ночь, я могу дать ей немного тепла — даже если это всего-навсего иллюзия».

Наконец огромный диск луны пополз вниз, к горизонту, и Рени провалилась в сон, в котором она так отчаянно нуждалась.

Проснувшись, она обнаружила, что мир залит рассеянным сиянием, безнадежным серым светом. Гномы исчезли, оставив за собой только угольки костра. Каменная Девочка уже встала и пыталась разжечь умирающий огонь, шевеля пепел обгорелой палкой.

Рени зевнула и потянулась. Даже в этом тошнотворном рассвете хорошо иметь одеяло, в которое можно завернуться, хорошо и иметь кого-то, с кем можно поговорить. Она улыбнулась малышке.

— Мне кажется, я спала очень долго, но, надеюсь, нет. Если здесь есть луна, почему нет солнца?

Каменная Девочка удивленно посмотрела на нее.

— Солнце?

— Не имеет значения. Я вижу, что наши друзья ушли.

— Давным-давно.

— Тогда почему они не дождались солнца… о, я хотела сказать утра?

— Почему, они дождались. Они всегда так делают, прежде чем идти. — Только теперь Рени заметила, что ее маленькая подруга очень испугана. — Не думаю, что будет светлее, чем сейчас.

— О. — Рени огляделась. Темно, и небо какое-то мрачное и серое. — О. Такое… такое бывает часто?

— Ночь не превращается в день? — Малютка потрясла головой. — Никогда.

«Боже праведный,— подумала Рени,— неужели это означает, что система останавливается? Это и есть то Окончание, которого они все боятся?» Если бы система была человеком, Рени без колебаний поставила бы ей диагноз: тяжелая депрессия.

— Так что, это чертова штука собирается обрушиться на

нас? — вслух сказала она.

«А если уже? Если мы уже внутри нее, каким-то образом, а?» Они замкнуты внутри системы, смерть или рана в которой означает то же самое в РЖ, и трудно поверить, что она и ее друзья переживут всеобщий коллапс сети.

«И Стивен, и все остальные дети, пойманные в ловушку, беспомощные…»

— Мы должны идти. — Рени вскочила на ноги. — К Колодцу. И ты должна повести нас.

Каменная Девочка попрыгала на своих ягодицах и посмотрела на окружающий лес.

— Нам нужно найти мост, — безразлично сказала она. — Тогда мы сможем попасть в Тут Во Кусты. Или, может быть, в Считающий Дом. Там живет король, — добавила она.

Рени не слишком хотелось встречаться со сказочной версией короля, наверняка очень странной — насколько она понимала, Иной должен был взять его из Алисы в Стране Чудес и превратить черт-знает-во-что.

— Значит мы должны найти мост. — Она заколебалась. — Не означает ли это, что вначале мы должны найти реку?

Каменная Девочка фыркнула.

— Конечно.

— Тогда дай мне попробовать. — Рени обрадовалась, услышав нормальный ответ от своей спутницы. — У меня чутье к таким вещам.

То, что ночью казалось загадочными волшебными путями, сейчас почти лишилось своего очарования — просто много вьющихся тропинок через мокрый темный лес — но смущало не меньше. Даже при этом слабом свете Рени видела других путешественников, которые шли через Лес, хотя мало кто из них оглядывался на нее, и никто не собирался останавливаться и поговорить. Многие ехали в тележках или в фургонах, запряженных лошадями, козлами, быками или какими-то совершенно необычными вьючными животными, похожими на трехмерные имитации детских рисунков. Некоторых из беженцев Рени помнила по детским книгам сказок, вроде трех поросят и нервного волка, путешествовавших вместе и, похоже, действовавших сообща, другое казались не менее странными, чем гномы, и выглядели как сетевые модели. Но у всех тех, кто брел или бежал по темным тропинкам Леса, было кое-что общее — озабоченное выражение лиц, по меньшей мере среди тех, у кого были лица. Некоторые плакали, не стесняясь своих слез. Другие, с белыми от ужаса лицами, механически шли, спотыкаясь и падая.

Каменная Девочка остановилась на полянке, чтобы

поговорить с предводителем большой группы, в которой было не меньше трех дюжин беженцев. Пока малышка обменивалась новостями с оленем и крошечным шмелеподобным человеком, сидевшим у того на рогах, Рени смотрела в лица беженцев, пытаясь найти Стивена.

«Но он не будет выглядеть как Стивен,— сказала она себе.— Значит он может быть любым из них — любым из тех, кого мы сегодня видели!»

И тем не менее одна подошла поближе.

— Кто-нибудь из вас видел людей вроде меня — с кожей как у меня? — спросила она. Несколько мрачных лиц, человеческих и животных, повернулись к ней. — Маленький мальчик, мужчина и девочка? Они новички — люди, которых раньше здесь не видели.

— Лес полон странников, — сказала какая-то женщина; она держала в руках ежа, завернутого в детское одеяло. Каждое слово, выходившее из нее, казалось тяжелым камнем, который надо поднять.

— Я имею в виду новоприбывших. Снаружи. — Рени попыталась вспомнить, как другие называют их. — Из-за Белого Океана.

— Уже давно никто не пересекал Белый Океан, — сказала мама ежа. — С того времени, как началось Окончание.

— А тебе какое дело? — спросил человек с лицом рыбы. — Почему ты так волнуешься?

— Я переживаю за… — начала было Рени, но тут ее прервал маленький мальчик с носом, длинным как палец.

— Есть несколько новичков, — пронзительно сказал он. — Мачеха рассказал мне.

— Что за новички? — спросила Рени. — Как они выглядят?

— Не знаю. — Он начал задумчиво ковырять пальцев в своем длинном носу. — Она сказала, что есть незнакомцы, очень опасные, и именно из-за них Окончание прогнало нас из дома.

— А где вы жили? Здесь в Лесу?

Мальчик покачал головой.

— Нет. Сапожная Лавка, это был наш дом. — Его палец застыл. Лицо опечалилось, он ссутулился под тяжестью потери. — Был.

— И где это? Другие все еще там?

Еще один ребенок, с рыжими ушами лисы, насмешливо тявкнул.

— Никто! Мачехи прогнали из города всех!

Мальчик-нос кивнул.

— Они позвали на помощь Горностая, «потому что Обезьяна больна».

— Рени! — позвала ее Каменная Девочка. — Нам надо идти.

Беженцы из Сапожной Лавки остались далеко позади, а Рени все еще пыталась поднять себе настроение. Новоприбывшие *были* — кто-то их видел. Быть может !Ксаббу и Сэм. Или Мартина и остальные… Рени предполагала, что Пол, Мартина и остальные не остались на вершине черной горы потому, что их унесло куда-то в другое место — но этот детский мир не был обычным миром сети Грааля. И, быть может, если их всех тянут к месту, которое называется Колодец, они в конце концов найдут друг друга.

Когда серый свет дотянулся до того, что должно было быть полуднем, они, наконец, нашли реку и пошли по болотистой земле вдоль ее. Темная журчащая вода убаюкивала Рени, она шла как во сне, механически переставляя ноги. В Лесу они повстречали множество путешественников, но, странным образом, у реки их почти не было, а те, что были, спешили в противоположную сторону. Все лицах выражали отчаяние. И никто не остановился, чтобы поговорить.

И еще Рени начала опасаться за свою спутницу. Если раньше Каменная Девочка постоянно шла впереди и Рени приходилось ее догонять, то сейчас она выглядела усталой и растерянной. Несколько раз она останавливалась и вглядывалась в другой берег реки, хотя Рени ясно видела, что там нет ничего, кроме пустого леса.

Наконец, когда дневные сумерки начали сгущаться во что-то более темное, Каменная Девушка обессилено бухнулась на ствол упавшего дерева. Ее маленькие плечи опустились, лицо помрачнело.

— Я не могу найти мосты, — сказала она. — Мы давно должны были найти один из них.

— Что за мосты?

— Места, где можно пересечь реку. Это единственный путь из Леса, если, конечно, мы не хотим идти обратно, через все эти деревья, и искать другую реку. — Она тихонько всхлипнула. — Тогда мы сможем вернуться в Туда Где Бобы Говорят. Если Окончание еще не съело его.

— Другая река? Есть другая река?

— Всегда есть другая река, — уныло сказала Каменная Девочка. — По меньшей мере так было раньше. А сейчас может быть и она исчезла, тоже.

Благодаря осторожным расспросам Рени наконец поняла, что все места этого мира — Лес, то место, где Рени встретилась с Каменной Девочкой, и даже места которые она не видела, но о которых слышала — вроде Тут Во Кусты и Скажи Диво — граничат с рекой. Чтобы попасть в другое место надо пересечь

реку. Все это слегка напоминало шахматный мир Льюиса Керрола, где Алиса попадала в очередное приключение, пересекая границу квадрата.

«Да, но *„все страньше и страньше“* — не для этого мира, *потому что Обезьяна больна*,— подумала она.— Здесь *„все хуже и хуже“*». Вслух, она спросила: — А если мы не найдем мост, мы, что, застрянем здесь?

Каменная Девочка несчастно пожала плечами.

— Не знаю. Почему Ведьмино Дерево приказало нам идти к Колодцу, если мы не может туда попасть?

«Потому что Ведьмино Дерево, или, скорее, тот, кто стоим за ним, останавливается, *потому что Обезьяна больна*,— подумала Рени.— Или сдается».

Все дело в Дреде, внезапно поняла она. На вершине горы он говорил о том, что заставил страдать операционную систему. Да, это могла быть метафора, но сейчас достаточно очевидно, что это сердце правды. Дред медленно убивает то, что держит Иноземье вместе, и особенно эту часть.

— Мы никуда не придем, если будет сидеть. Вставай! Будет искать дальше.

— Но… но вся моя семья!.. — Каменная Девочка умоляюще поглядела на Рени. По грязным щекам побежали две маленькие струйки. — Они там, и Окончание!..

При виде слез все нетерпение Рени исчезло. Она опустилась на колени перед малышкой, сделанной из земли и камня, и крепко обняла ее.

— Я знаю, я знаю, — безнадежно сказала она. Что она могла сказать? А что она говорила Стивену, когда тот был напуган или расстроен, кроме обычных взрослых глупостей? — Не бойся, все будет хорошо.

— Не будет! — зло взвизгнула Каменная Девочка. — Я не хочу исчезать! Полли, Малышка Сид и Тип, все дети бояться. Что если они не ушли? Окончание придет и заберет всех!

— Шшш! — Пени погладила малютку по спине. — Мачеха отошлет их всех. Мачехи только этим и занимаются — предупреждают об опасности. Все будет хорошо. — Она почти ненавидела сама себя за то, что уверяет ребенка сама ничего толком не зная, но в любом случае долгая дорога через Лес к гигантским туфлям и курткам не обещала ничего хорошего.

Каменная Девочка немного успокоилась. Она встала, хотя еще громко всхлипывала.

— Хорошо. Давай поищем мост.

Было уже достаточно темно, но света еще хватало. Рени совсем не хотелось провести еще одну ночь на этом берегу реки, и

она быстро шла за Каменной Девочкой, и даже обгоняла ее там, где тростники и кустарник не давали той видеть реку. Она только что передала лидерство малышке, когда взобравшись на небольшой холм между двумя излучинами реки, Каменная Девочка внезапно остановилась и закричала:

— Смотри! Мост!

Рени так быстро полезла вверх, что поскользнулась и упала; когда она, наконец, добралась до вершины, ее руки были грязные и мокрые, а бледно-зеленая трава облепила одеяло. Сверху была видна вся долина реки. Большая толпа собралась на ближней стороне реки около первого камня очень и очень необычного моста. Он состоял из прямоугольных каменных колонн, протянувшихся поперек реки, как лежащий на боку Стоунхедж. Каждая колонна была немного другой высоты, и от соседей ее отделяло не более метра пустого пространства. Насколько Рени могла видеть, можно было перебраться с одной на другую и так пересечь реку, но в целом вся конструкция напоминала челюсть, полную неровных зубов, и сердце Рени упало.

«Как зубастая пасть перед Мистером Джи,— подумала она.— И все это место какое-то безумное зеркало, верно? Похоже на дом развлечений, но, наверно, отражает то, что Иной был вынужден создавать.»

— Почему никто не пересекает его? — спросила она.

Каменная Девочка пожала плечами и неуклюже зашагала вниз с холма.

Когда они подошли поближе, Рени четко увидела, что лес продолжается и на другой стороне реки, но самая середина моста окутана туманом, и совершенно не видно, доходит ли он до другого берега. И все равно это не объясняло, почему так много путешественников, пестрая мешанина всяких сказочных созданий, не меньше сотни, молчаливо стоят на берегу, с тоской глядят через реку и даже не пытаются использовать мост.

— Что-нибудь… сломано или?..

Добравшись до мрачной толпы, Каменная Девочка спросила женщину в причудливой средневековой одежде.

— Что происходит? — Женщина какое-то время глядела на них, особенно на Рени, и только потом ответила.

— Тики, дорогуша. Дюжины.

— Тики? — Глаза Каменной Девочки расширились. — Где?

— На той стороне, — ответила женщина с мрачной гримасой удовлетворения. — Кое-кто уже попытался пересечь реку. Окончание, ты же знаешь. Они говорили, что не побоятся нескольких Тиков. Но их не несколько. Пара из них вернулась назад и рассказала, что произошло, а остальных забрали Тики.

Каменная Девочка опустилась на колени, как если бы то, что оживляло тело из камня и земли внезапно исчезло.

— Тики! — хрипло сказала она. — Они такие плохие.

Рени почувствовала, как внутри нее все похолодело.

— Хуже чем Жинни?

— Они плохие, — повторила Каменная Девочка и застонала.

— И некоторые говорят, что эти Тики уже поймали кое-кого, — продолжала женщина в средневековой одежде. — Странных людей — не из ближайших окрестностей.

— Что? — Рени с трудом подавила желание схватить женщину за корсаж и подтянуть к себе. — Что за странные люди?

— Не знаю точно, дорогуша, — сказала женщина, бросая на Рени взгляд, который означал, что и ее только что причислили к категории странных. — Слышала от кролика, а они всегда так торопятся. Или от одной из белок?…

— Ты сказала на той стороне? — Рени повернулась к Каменной Девочке. — Это могут быть мои друзья. Я должна помочь им.

Каменная Девочка посмотрела на нее снизу вверх, тени заволокли ее глаза-ямочки, лицо побелело от апатии и беспомощного ужаса.

— Вот дерьмо. Оставайся здесь. — Рени начала локтями прокладывать дорогу среди толпы, собравшейся на берегу, прямо таки натурщики для сюрреалистической картины. Большинство из них стояло неподвижно, охваченные тем же ужасом, что парализовал Каменную Девочку, и только некоторые недовольно шептались, когда Рени протискивалась мимо них.

Первый камень моста вытянулся почти на рост Рени над берегом. Она нашла зацепку и не без труда забралась на него. Она очень устала после целого дня ходьбы, и, вползши животом на грубую каменную поверхность, какое-то время лежала, пытаясь восстановить дыхание. Распростертая настичь и уязвимая, она невольно вспомнила о том, что мост напоминает хищную пасть с неровными зубами.

— Помоги мне забраться, — сказал чей-то голос.

Рени заглянула за край и увидела темное лицо Каменной Девочки.

— Что ты делаешь?

— Я не собираюсь оставаться здесь. Ты моя подруга. И, кроме того, ты ничего не знаешь.

Времени думать не было, надо было спасать !Ксаббу и Сэм. В одном девочка точно права — она знает намного больше Рени. И учитывая то, что система постепенно растворяет этот симмир, вряд ли ей будет безопасней ждать здесь.

«Чушь собачья, а не оправдание, Сулавейо. Но делать нечего.»

— Хватай меня за руку, — сказала она.

Девочка добралась до вершины камня, жестом приказала Рени молчать и торжественно продекламировала:

Серый гусь с гусыней,
Мигом крылья распустите,
Дочь царя перенесите
Через речку побыстрей.

— *Всегда* надо говорить это перед тем, как пересекаешь реку, — сказала она Рени. Страх заставил ее чуть ли не визжать. — Неужели ты не знала? Это очень важно.

Они быстро перебирались с одного каменного зуба на другой, и предостерегающие крики тех, кто ждал на берегу, постепенно стихли. На середине реки черная вода понеслась быстрее, стиснутая близко стоящими камнями, холодные брызги градом сыпались на них. Туман, который Рени видела еще с берега, окружил их со всех сторон, мешая ясно видеть и делая камни скользкими. Она заставила себя идти медленно и осторожно.

Они были еще в нескольких камнях от середины, когда струи тумана истончились. Рени, пересекавшая длинный промежуток от одного зуба до другого, так испугалась, что ее нога едва не сорвалась с полки и только каким-то сверхусилием она сумела допрыгнуть до ожидавшего ее камня.

Дальняя сторона реки полностью изменилась.

Раньше это казалось первобытным лесом, протянувшимся в обе стороны, но сейчас Рени смотрела на совсем другой ландшафт. Вначале она решила, что это классический сад, полный изгородей и подстриженных кустов и деревьев, но потом сообразила, что смотрит на целый город — очень большой — выросший из ежевики и ползучих лоз, множество живых зеленых скульптур в форме домов, улиц и церковных шпилей.

— Это… это и есть Тут Во Кусты?

Маленькая Каменная Девочка что-то жалобно проскулила.

Полным контрастом к тысячам зеленых форм являлись бледные существа, двигавшиеся среди кустов и деревьев, как черви в гниющем трупе. Отвратительно белые, они, в отличие от бесформенных Жинни, немного напоминали животных, длинных и низких. Их бока были изрезаны выступами, из которых торчали пародии на ноги, но двигались они на удивление быстро, наполовину скользя, наполовину бегая. Ростом не меньше Рени, сотни и сотни их сновали повсюду. Больше всего толпилось вокруг основания зеленой башни в середине города,

извивающееся белое ожерелье, ясно видное даже в умирающем свете; твари кишели как муравьи, обнаружившие неохраняемый свадебный пирог.

— Боже милостивый, — сказала Рени, ее страх стал острым и холодным, очень холодным. — Это… Тики?

Голос Каменной Девочки с трудом перекрыл шум реки. Она опять заплакала, дробя слова на куски.

— Я х-х-хочу к м-м-моей *м-м-мачехе*!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Смертный час

Сколько миль до Вавилона?
Дважды пять и шестьдесят.
А можно дойти при одной свече?
О да, и вернуться назад.

(перевод О. Седаковой)

ГЛАВА 23
Рекогносцировка

СЕТЕПЕРЕДАЧА/СПОРТ: «Фашизм тела». Спортсмен, выигравший процесс в суде, убит на тренировке

(изображение: Ноут около здания суда после победы)

ГОЛОС: Эдвард Ноут, выигравший в суде право играть в местной футбольной команде, был убит на второй день тренировок. Мистер Ноут утверждал в суде, что подвергся дискриминации из-за типа своего тела и только поэтому команда отказывалась предоставить ему возможность пройти тест. Пенсакольские[51] Рыбные Бароны обязаны соблюдать антидискриминационные законы ООН, потому что их стадион построен на местные налоги, и представители команды сделали скорбные лица на похоронах, но некоторые игроки на условиях анонимности высказались в том духе, что «он получил то, что заслужил».

ИГРОК КОМАНДЫ (анонимный): «Если ты весишь сто двадцать фунтов, иди играй со школьниками. Неужели ты можешь бегать с парнями, которые весят в три или четыре раза больше тебя? Ничего удивительного, что его крошечная дурацкая задница лопнула. Детишкам в профессиональном футболе ловить нечего.»

ГОЛОС: Тридцативосьмилетний Ноут, объявивший современный спорт бастионом «телесного фашизма», во время тренировки оказался под кучей игроков и задохнулся. Семья Ноута потребовала расследования обстоятельств его смерти.

— Минуточку, Ольга. — говорившая фамильярно, как старая подруга, но незнакомая женщина протянула ей призывно дымящуюся чашку кофе. — Я слышала, что ты опять работаешь на Джи Корпорэйшн. Это должно быть невероятно интересно — ты наверняка слышала новости. Как там дела?

— Мне запрещено говорить обо всем, связанном с работой.

Женщина улыбнулась.

— О, конечно, конечно — я это знаю. Но я же не пытаюсь узнать у тебя какие-то секреты. Просто… что это такое? Она действительно занимает весь остров?

Безусловно уж это знают все, но Ольга осталась

непреклонной.

— Мне запрещено говорить даже о том, где я работаю.

Женщина нахмурилась. — Ты выглядишь очень глупой, когда так сердишься. Тебе нужно как следует выспаться. Неужели ты работаешь по ночам?

— Мне очень жаль, но мне запрещено говорить обо всем, связанном с работой. — Женщина раздраженно махнула рукой. Мгновением позже комната заколебалась и изменилась, так быстро, у Ольги закружилась голова и ее затошнило.

«Уж переходы они бы могли сделать получше, подумала она. Если бы они работали в настоящей сетевой фирме, вроде Оболоса, их бы разорвали на куски за такое качество.»

Она терпеливо сидела, пока кто-то, назвавшийся ее родственником, просил принести домой немного всякой ерунды из офиса, как игрушку для детей — вроде липучек или липкой ленты для несчастных детей из бедной семьи, которые должны делать проекты для школы. Ольга вздохнула и в очередной раз начала вежливо отказываться, терпеливо ожидая, пока не закончится череда обвинений в черствости и невежливости.

— Великолепный результат, — сказал мистер Ландро, когда она вышла из голограммной комнаты. «Маленький человек с бритой головой, россыпь блестящих камней, вделанных в запястье — пытается выглядеть молодым»,— подумала Ольга.

— Похоже вы действительно хорошо подготовились, а?

Она попыталась улыбнуться. Прошлой ночью она четверть часа изучала огромный пакет требований компании к наемным работникам, прежде чем совершенно ясно поняла, что они хотят.

— Да, сэр, — сказала она. — Эта работа очень важна для меня. — «И ты даже представить себе не можешь, насколько».

— Как приятно это слышать. И для меня это тоже очень важно. — Кадровик прищурился, внимательно изучая настенный экран. — И ваш послужной список просто великолепен. Четырнадцать лет в Рейчерт Системс — замечательная компания. — Он улыбнулся, но в серых глазах мелькнуло что-то еще. — А теперь расскажите мне еще раз, почему вы уехали из Торонто.

«На самом деле это уменьшенная версия того, с кем я говорила, уходя из Оболоса, подумала Ольга, еще один розовый мягкий медвежонок с острыми зубами. Неужели люди Жонглера выращивают их в горшках, как водянистые помидоры?» Вслух она рассказала историю, которую придумал для нее Катур Рэмси, а его друзья каким-то образом сумели засунуть в сеть.

— Это все из-за моей дочки, Кэрол, сэр. С тех пор как… она

разошлась с мужем, ей нужно помогать с детьми, потому что она обязана работать. И она работает очень много. — Ольга покачала головой. Это как конфета. Не так-то просто убедить сотни возбужденных детей сидеть тихо и не бояться Квадратного Бизона. Если бы все это не дело не было так странно и ужасно, она могла бы даже наслаждаться своим маленьким обманом — хотя эти люди корпорации совсем легкая цель. — Вот я и подумала, что если я буду поближе…

— И вы уехали из Великого Белого Севера к нам, в Большой Кайф, — Ландро радостно улыбнулся. — Ну, *laissez les bontemps roulez*[52], как мы говорим. — Он наклонился вперед, с видом заговорщика. — Но не во время работы, конечно.

Она попыталась сделать вид, что восхищена его непринужденностью.

— Конечно, сэр. Я знаю, что такое настоящая работа.

— Уверен в этом. Ну, все в порядке, и я с радостью приветствую вас в нашей семье, Джи Корпорэйшн. — Он протянул ей руку, не вставая, заставив ее наклониться вперед, чтобы пожать ее. — Руководителя вашей смены зовут Мария. Вы найдете ее в двенадцатом корпусе на эспланаде. Идите и познакомьтесь с ней сейчас. Вы готовы начать сегодня ночью?

— Да, сэр. Спасибо большое, сэр.

Он уже начал терять к ней интерес и поворачиваться к настенному экрану, когда он заметил белую полоску на ее шее. — Да, кстати, я хотел спросить вас, — сказал он с обманчивой легкостью, не обманувшей ее ни на йоту, — о этой повязке на шее. Нет ли у вас каких-нибудь проблем со здоровьем, о которых вы не упомянули, миссис Чотило?

Ольга сама выбрала для себя псевдонимом фамилию Александра: ее она не могла забыть ни при каких обстоятельствах. И все-таки ей потребовалась секунда, чтобы прийти в себя и сориентироваться в обстановке.

— Э, это? — Она коснулась пальцем липкой ленты, покрывавшей ее разъем. — У меня был родинка, и я ее удалила. Она не была канцерогенной или хоть чем-то опасной. Но она… мне не нравилась.

Он засмеялся и махнул рукой.

— Я просто хочу быть уверенным, что не беру на работу того, кому от нас нужна только наша медицинская страховка. — Его лицо опять слегка изменилось, угрожающий взгляд мигнул и исчез. — Ольга, запомните, мы не любим, когда нас обманывают. Джи Корпорэйшн большая семья, но и семья должна уметь защищать себя. Снаружи не самый приятный мир.

Снаружи, то есть в пяти километрах о черной башни.

— О, я знаю, мистер Ландро, — заверила она его. — Мир полон плохих людей.

— Вы совершенно правы, — рассеянно сказал он, его мысли уже вернулись к предстоящему дню, к маленьким трюкам, ловушкам и потрясениям управляющих среднего звена.

Ольга встала. Она еще шла к двери, а он уже повернулся к ней спиной.

Проходя через площадь за центром ориентации она делала героические усилия, чтобы не смотреть на черную башню, поднимавшуюся вверх на озере. Еще труднее было не чувствовать, что на тебя смотрят, хотя, если подумать, почему кто-то должен тратить время и силу, наблюдая за самым новым из тысяч сотрудников? И почему бы этому новому сотруднику не посмотреть на черную башню, символ корпорации?

Тем не менее она не хотела даже пытаться смотреть на нее, пока не окажется на корабле. Она должна быть суеверной и не расслабляться, иначе тяжелая рука офицера безопасности опустится на ее плечо и на этот раз ей ее будут трясти по-настоящему.

Двенадцатый корпус был ангаром, стоящим прямо на пирсе. Большие суда на воздушной подушке, привозившие и увозившие целую армию персонала и уборщиков, стояли на якоре, небольшие волны заставляли их натыкаться друг на друга. Внутри ангар представлял из себя очень сложный комплекс — склады и раздевалки, сейчас заполненные эхом сотен голосов, потому что как раз сейчас смена уборщиков уезжала с острова.

Мария оказалась огромной и не слишком терпеливой женщиной, с волосами, выкрашенными полихромным серебром, чьи черные корни отчаянно нуждались в отделке.

— Боже мой, еще одна, — сказала она, когда Ольга подошла к ней. — Неужели эти карманные жокеи в Ориентации не знают, что на этой неделе у меня нет времени обучать кого бы то ни было? — Она бросила на Ольгу взгляд, который предполагал, что для новой сотрудницы будет лучше всего немедленно отправиться на берег озера и утопиться. — Эстер? Где тебя черти носят? Возьми новенькую, подбери ей униформу и объясни, что делать. И взгляни, есть ли для нее значок. И если она что-нибудь отмочит, за это ответит твоя задница, ясно?

Эстер оказалась худой мексиканкой, примерно Ольгиного возраста, с девичьим усталым видом и доброй робкой улыбкой. Она помогла Ольге найти подходящую ей серую униформу — платье и кофточку — на полке, протянувшейся от крыла до крыла гигантского, как Боинг склада, потом провела ее через череду

усталых функционеров, пока Ольга не получила свой значок и шкафчик в одной из раздевалок. Чем-то все это напоминало школу-интернат для студентов с больными ногами и суставами, сотни черных и коричневых женщин, и совсем мало белых, вроде Ольги, и практически у всех родным языком был не английский.

Пока она переодевалась, слушая, как женщины обмениваются шутками в сырой раздевалке, она почти поверила, что жила так всю жизнь и годы в сети ей только приснились.

— Побыстрее, — сказала ей Эстер. — Корабль уходит через пять минут.

Ольга изучила свое собственное лицо на значке, и еще повернула его, чтобы посмотреть на свой голографический профиль. «Я выгляжу настоящей старухой,— подумала она.— Боже мой, я и есть старуха. И что с этим поделаешь?» Она подняла рюкзак, заперла шкафчик и осознала, что скорее всего никогда больше не увидит свою одежду. «Быть может я должна была срезать с нее метки, как во всех загадочных историях, которые я видела». Конечно, если бы она действительно собиралась быть женщиной без прошлого, ей бы никогда не проникнуть в корпорацию, потому что ее лицо и настоящее имя безусловно спрятано где-то среди десятков тысяч других личных файлов.

Она подхватила рюкзак под руку и влилась в толпу серых женщин, текущую к пристани.

Из всех странных событий этого самого странного месяца ее жизни, встреча с Катуром Рэмси безусловно стояла у вершины списка. Она свернула с дороги около Слиделла в область для пикников, и, пожалуйста, он сидит на скамье, размахивая ногами — тот самый молодой человек, которой, казалось, несколько дней назад стучался в ее дверь, в тысячах миль отсюда, в другой стране. Он обняла ее, еще один неожиданный поворот событий. Неужели адвокаты обнимают клиентов? Даже такие приятные, как Рэмси?

Потом, когда из-за припаркованного фургона вышел больший белокурый человек, она на мгновение глупо испугалась и даже хуже. Он слишком походил на полицейского, и пока он шел к столу, она была совершенно уверена, что Рэмси выдал ее — быть может ради ее собственного блага, как он понимал это, и ее сейчас арестуют. Вместо этого человек протянул руку, представился майором Майком Соренсеном, и они вместе пошли к машине.

Рэмси, как будто прочитав ее мысли, сказал.

— Держитесь — сейчас будет кое-что намного более

странное. — Увидев того, кого Соренсен выгрузил из фургона, Ольге пришлось признаться, что Рэмси не соврал.

Они говорили час, по дороге за деревьями неслись машины, но сейчас Ольга помнила очень мало из того разговора. Сморщенный человек, назвавшийся Селларсом, говорил так спокойно и тихо, что вначале Ольга даже немного обиделась, решив, что ее жалеют и считают чуть ли не сумасшедшей. Но через некоторая время она сообразила, что он всегда так говорит — этот болезненно худой человек с изрытой бороздами кожей не может достаточно глубоко вздохнуть и заговорить громко, даже если бы захотел. И когда она услышала то, что он ей сказал, в ней зажглась искра радости и облегчения. До этого она даже не подозревала, насколько была одинока.

— Я все еще не понимаю, почему у вас есть опыт в таких делах, миссис Пирофски, — сказал он ей, — но как бы вы его не приобрели, вы знаете, что делаете. Если бы у меня был день, я бы рассказал вам обо всех странностях, которые обнаружил, изучая все эти дела. Какой бы не был источник ваших голосов, не может быть простым совпадением, что вас притащили к башне Жонглера. Мы хотим объединить наши силы — это даст вам возможность быстро получать ответы, а ответы нужны нам для того, чтобы положить конец этому ужасному преступному заговору.

Сам заговор, как она поняла его из слов Селларса, напугал ее до смерти. И хотя майор оказался военным специалистом, экспертом в вопросах безопасности, она так и не смогла понять его место в крошечном движении сопротивления — и уж совершенно невероятным казалось то, что в каком-то мотеле его ждали жена и ребенок. Кроме того она не слишком понимала, насколько во все это дело был вовлечен Рэмси, знал ли он что-нибудь о заговоре, когда расспрашивал ее в первый раз, но уже то, что она получила на свои вопросы ответы, а не снисходительные взгляды, заставил ее отбросить остатки смущения.

Соренсен грубовато, но очень тщательно, напомнив ей давно умершего отца, просмотрел ее крошечный рюкзак, который она собиралась взять на остров, и добавил ее одну маленькую вещь — серебряное колечко с одним чистым камнем. Искристый камень, объяснил он, совсем на гемма, но линза с передатчиком, спрятанным внутри. Кольцо с камерой.

— С ним мы будем видеть все, что вы видите, миссис Пирофски, — сказал ей Селларс. Оказавшись в дружеской компании после недель самокопания, добровольной ссылки и одиночества, которое стало еще более жестоким после того, как

голоса покинула ее, Ольга с удовольствием осталась бы подольше с Рэмси и другими, но Селларс сказал, что у них совсем нет времени. После того, как он очень мягко подтолкнул ее к вторжению на остров, пообещав, что использует все свои таланты и сделает ее появление как можно более легитимным, ей больше не захотелось спорить. И он действительно сделал то, что обещал.

Оказавшись на передней палубе вместе с остальными, обдуваемая горячим влажным ветром, Ольга больше не могла сопротивляться искушению и посмотрела на черную башню. Издали она выглядела как средневековый собор, высокий шпиль поднимался над более привычным для взгляда современного человека зданием, но на фоне закатного неба башня скорее походила на черную гору ее снов, странный монолит из черного камня, изогнутые части фасада, изрытые бороздами как лицо Селларса, как будто скорчились от боли — вполне современный стиль.

«Выглядит так, как будто давно ждала меня — всю мою жизнь. Но как такое возможно, если я услышала голоса всего несколько недель назад?» Тем не менее ей никак не удавалось отделаться от чувства, что она на пороге открытия, к которому так долго шла.

«Это то, о чем я думала раньше — внезапно понять суть какой-нибудь религии. Ты знаешь вещи, ты уверена в них — и не имеет знает значения, что или почему говорят другие.»

Но большинство религий обещало спасение. От этой черной башни такого ждать не приходилось.

Они причалили в еще одном огромном складе, настолько близком к башне, что полнеба за ним казалось черным. Вблизи башня не казалась такой уж ошеломляюще высокой — хотя наверняка не меньше тысячи футов в высоту — но ее размеры и тяжесть просто подавляли. Она видела ее издали, видела через туманы над заливом, и все равно оказалась не готова к ее сбивающему с толку присутствию.

«Это крепость, а не офис,— поняла она.— Ее создал тот, кто воевал, или собирался воевать. Хотя, может быть, и не против армий».

Она не могла не вспомнить лекции об архитектуре, которые много раз слышала от отца, пока их цирк кружил по всей Европе — он всегда рассказывал о зданиях, оставшихся от фашизма или коммунизма, хвастливого капитализма или бесстыдного империализма. Все они буквально кричали о своей важности, и, несмотря на все свои различия, было в них что-то общее, публичное — то, чего у башни Джи Корпорэйшн не было и в

помине. Единственное, что пришло ей на ум, — крепость эпохи Ренессанса в Италии, хотя и намного меньшая, располагавшаяся на острове в центре города и предназначенная для обороны, а не для красоты.

«Я никогда не видела офисного здания в миллиарды долларов, которое бы так ясно говорило „Убирайся отсюда“,— подумала она.— И я не обращаю внимание на предупреждение — посвистывая прохожу мимо вывески „Оставь надежду всяк сюда входящий“. Что ты делаешь, Ольга?»

Но она уже знала ответ.

Эстер нашла ее молча стоящей в уголке и пытающейся собрать мужество, чтобы вслед за галдящими рабочими войти в огромный внешний переход, по которому можно было попасть ко входу в лифты и коридоры небоскреба.

— Давай, дорогуша, — сказала она, касаясь руки Ольги и заставив ее подпрыгнуть от неожиданности, — они начали отсчет времени, когда твой значок прошел через дверь. Через десять минут эту станцию закроют и ты потеряешь зарплату за полчаса.

Ольга промямлила извинение и пошла вслед за Эстер. Огромное черное здание, его полированные стены, блестевшие в лучах заходящего солнца, вызывали у ней невероятное отвращение.

— О, но почему у тебя этот рюкзак?

Ольга попыталась сделать вид, что удивилась.

— А что в этом такого?

— Предполагается, что ничего нельзя вносить внутрь, — сказала Эстер. — Я думаю, они бояться, что мы украдем или что-то еще в этом роде. — На ее лице появилось недовольное выражение. — И они очень настаивают на этом. О, дорогуша, ты должна была спросить меня. Я бы подсказала тебе оставить его в твоем шкафчике на эспланаде.

— Я не знала. Там только немного еды и лекарств.

— У них есть ящик, и, когда ты входишь на корабль, они просвечивают тебя какими-то икс-лучами или чем-то еще. — Эстер нахмурилась. Ну, нам придется найти место, где можно оставить его. Ты же не хочешь неприятностей в первый же день работы.

Ольга покачала головой. Нет, она конечно не собиралась попадать в неприятности в первый день, но она не собиралась и расставаться с рюкзаком. При быстром осмотре все вещи выглядели совершенно безобидными, но если они посмотрят более тщательно, то ей обеспечено намного более пристальное внимание, чем любому среднему уборщику.

Сунув рюкзак в одно из тех местечек, куда уборщики складывали плащи и другие предметы, не нужные во время уборки, Ольга начала свой первый (и, как она горячо надеялась, последний) день как уборщица в Джи Корпорэйшн. Эстер, Ольга и еще шесть других женщин должны были под надзором местных наблюдателей убирать офисы на Уровне Б, двумя этажами ниже улицы. Ольга слегка волновалась, думая о том, что они работают в большой трубе под поверхностью озера, но вскоре забыла об этом. Более того, у нее не было ни малейшей возможности осмотреться или заняться намного более опасными делами, которые она планировала — огромный объем работы просто подавлял. Аккуратно переступая через колпакообразных роботов-пылесосов, они шли из помещения в помещение, опорожняя мусорные корзины, подметая полы и чистя места общего пользования. Особого внимания требовали туалеты — их требовалось отмыть дочиста. Как самой новенькой в смене, она получала самые неприятные задания, ей приходилась чистить щеткой унитазы и писсуары, и еще заливать их ферментативным раствором, цветочный аромат которого не мог полностью скрыть слабый запах химии. Эстер предупредила Ольгу, что нельзя ни коем случае проливать. Казалось, что это просто экономия, но, случайно капнув на руку, Ольга почувствовала, как кожа загорелась.

Уровень Б оказался шире, чем надземная башня, и в нем находилась сотни офисов. Ночь тянулась долго. Окруженная облаком испарений, слушая странное пение пары других женщин и постоянное чавканье серых роботов-пылесосов, Ольга осознала, как ей повезло, что ее маленькая фантазия жить такой жизнью не стала правдой.

«Как они могут выносить это?— спросила она себя.— Надзиратели смотрят на тебя чуть ли не в упор, как строгие учителя, и некоторые из них не разрешают даже говорить, только шептать. Я всегда думала, что во время такой работы можно поговорить или пошутить с другими бабами, ни с тех пор, как мы сошли с корабля, их как подменили. Неужели компания платит им так мало, что эти женщины бояться потерять даже несколько минут работы?»

Ответ появился сам собой, когда она на мгновение остановилась, опершись о стол рядом с одним из туалетов, и стенной экран за ней ожил, активированный ее прикосновением. На экране появился ребенок, сидевший в паруснике, личное фото, использованное как обои, но тут же около нее, как по волшебству, возник один из наблюдателей, толстый человек с тяжелым дыханием, по имени Лео.

— Что вы сделали?

— Ничего. Я… я просто оперлась на стол. Я не хотела…

— Да, не хотела. Где ваш значок?

Она показала ему. Он прищурился и нахмурился, как будто обозлился из-за того, что был вынужден заниматься своей прямой работой.

— Первый день, а? — сказал он. Прозвучало не слишком успокаивающе. — Сейчас я прочитаю лекцию, очень хорошую лекцию. Вы должны не прикасаться ни к чему, кроме того, что чистите. И, если вы хотите сохранить работу, зарубите это себе на носу. Снаружи полным-полно народу, которые будут счастливы получать вашу зарплату. Не прикасайтесь ни к чему. А теперь повторите.

Ольга, усталая и разъяренная, тем не менее была вынуждена сохранять вид испуганной почтительной служанки.

— Я никогда не коснусь ничего.

— Верно. Чертовски верно. — Он повернулся заковылял прочь, маленький и толстый защитник законов о частной собственности и неприкосновенности собственности корпораций.

Только поближе к самому концу смены, когда более счастливые уборщики верхних этажей уже могли увидеть блеск рассвета за черными шторами окон, Ольге удалось остаться одной. С разрешения Эстер, она отправилась в еще не чищенный туалет и зашла в самую дальнюю кабинку. Уверенная, что глаза и, возможно, уши следят за каждым ее движением, она спустила штаны и трусы, уселась на унитаз и молча поблагодарила Создателя, что ей не придется говорить вслух. Не размыкая губ она сказала кодовое слово, которое ей дал Рэмси, и мгновением позже услышала его голос в ухе.

— Ольга, как вы? Мы беспокоились о вас.

Она попыталась не засмеяться. Просто работаю как большинство нормальных людей, подумала она.

— Все хорошо. Но не было возможности позвонить раньше.

— Я подключен к этому узлу все время, так что не колеблясь вызывайте меня в любой момент, когда я чем-то могу помочь. — В его голосе проскользнула виноватая нотка, которую она раньше не слышала, как будто он думал, что сам толкнул ее в логово льва, хотя на самом деле она сама бросилась в него.

— И? — спросила она, немного дразнясь. Как только ты научишься, говорить не размыкая губ совсем просто, решила она, пока кто-нибудь не испугает тебя заговорив в слух. — Если я окажусь в беде, неужели вы сумеете вытащить меня отсюда?

Рэмси болезненно помолчал.

— Селларс хочет поговорить с вами, — наконец сказал

он. — Но не отключайтесь, когда он закончит — я хочу сказать вам еще пару слов.

Слабый хриплый голос старого человека оказался на удивление успокаивающим. Кем бы он там ни был, этот Селларс, в этой необычной ситуации он не казался таким уж странным.

— Здравствуйте, миссис Пирофски, — сказал он. — Мы все очень рады слышать ваш голос.

— Я думаю, что вы можете называть меня Ольга. Учитывая то, что сейчас я сижу на горшке со штанами на щиколотках, «миссис Пирофски» кажется слегка формальным.

В его голосе послышалась улыбка.

— Очень хорошо, Ольга. Я очень рад, что мы можем поговорить опять, хотя и в таких обстоятельствах. Были ли у вас трудности во время собеседования в Ориентации?

— Нет, не думаю. Все прошло очень гладко. Как вы добились этого?

— Сейчас не время для деталей. Вы сумели сохранить ваш рюкзак?

— Да. Правда как раз сейчас его у меня нет, но я могу легко добыть его.

— Отлично. Позвоните мне, когда смена закончится и он будет у вас в руках. Лучше всего вам не находиться там слишком долго, поэтому все остальное я скажу вам тогда. А сейчас сделайте только одну очень важную вещь. Сможете ли вы поднести значок к разъему на шее? Я думаю, что за вами наблюдают, так что попробуйте сделать вид, что счищаете с него какую-нибудь грязь. Я думаю, что смогу считать код значка. — Она сделала так, как он просил. — Отлично. Благодарю вас, — с удовлетворением сказал он. — А теперь с вами хочет поговорить мистер Рэмси.

Мгновением позже в ухе послышался голос Рэмси.

— Я хочу сказать только одно — будьте поосторожнее, хорошо?

Теперь она по-настоящему засмеялась, от удовольствия.

— Все в порядке, сынок. А ты одевайся потеплее и ешь побольше овощей.

— Ольга, прошу прощения — что в точности…? — он говорил, когда она отключилась, все еще улыбаясь.

За эти десять часов на ногах она устала больше, физически, чем за месяцы предыдущей жизни, и, когда смена подошла к концу, едва стояла на ногах. Пятничная ночь давно сменилась субботним утром, но она, погруженная в бессолнечные глубины здания, знала об этом только по часам, висевшим на стенах. Она

почти чувствовала чудовищную гору из пластика, стали и фибрамика, нависшую над ней и отделяющую от дневного света, как если бы затерялась в подземелье или в глубинах подземной тюрьмы.

«И только сейчас начинается настоящая работа,— подумала она.— Боже, как я хочу спать!»

Она устало поболтала с Эстер и остальными, убирая орудия уборки, и они медленно пошли обратно на пристань. Потом с быстро бьющимся сердцем, испуганная, но полная странного, неожиданного веселья, она резко остановилась.

— О, нет!

Эстер обернулась. Под ее глазами залегли глубокие круги, и Ольга в первый раз спросила себя, куда возвращаются другие женщины. К любимой семьи или мужу? Или к чему-нибудь хоть чуть-чуть лучшему, чем эта отупляющая работа на копях фараона? Она надеялась на это.

— Что с тобой, дорогуша? Ты выглядишь так, как будто увидела призрак.

— Мой рюкзак! Я забыла свой рюкзак!

Эстер покачала головой.

— Я говорила тебе, не бери его с собой. Но ничего страшного — ты заберешь его в понедельник, когда мы вернемся.

— Я не могу. Там мои лекарства. Я должна их взять. — Она отступила назад, и махнула остальным женщинам рукой, молясь о том, чтобы усталость не позволила им проводить ее обратно. — Я сейчас возьму его и вернусь. Идите вперед.

— Корабль уходит через несколько минут…

— Я успею. Но, если я опоздаю на него, счастливых выходных. — И добавила, от чистого сердца. — Благодарю за помощь! — Потом повернулась быстро пошла против потока одетых в серое уборщиков, пока Эстер и ее озабоченные призывы не остались далеко позади. «Теперь, надеюсь, она не будет искать меня на переполненном корабле или после того, как он пришвартуется, по меньшей мере не слишком усердно.» Она посадила семечко раньше, сказав, что дочка должна забрать ее в рабочей одежде — из-за визита к врачу. «И если Селларс, считавший код моего значка, сделает то, что пообещал, то все будет выглядеть так, как будто я приехала на корабле и уехала на нем. Если повезет, у меня есть время до вечера понедельника — и что это мне даст?»

Два с половиной дня, чтобы найти сердце зверя. Очень много. И очень мало.

Большая комната, в которой она оставила рюкзак, была совершенно пуста, за исключением одного единственного

мужчины-уборщика со шваброй и ведром, мывшего пол. Она кивнула ему, взяла рюкзак и отправилась обратно на пристань, но по дороге свернула в одну из лестничных клеток и снова поднялась на Уровень Б. Она знала, что мистер Селларс и майор Соренсен проделали какой-то трюк с камерами слежения, но знала и то, что не сможет сделать абсолютно ничего, если наткнется на компанию сотрудников из плоти и крови, поэтому она быстро и осторожно шла к намеченной цели, маленькому шкафу в одном из рабочих коридоров. Убедившись, что сможет открыть его изнутри, она захлопнула за собой дверь и рухнула на пол, в полной темноте. Сердце билось как сумасшедшее и она вся дрожала.

Слегка придя в себя, она произнесла кодовое слово и в ухе немедленно появился голос Рэмси, настолько успокаивающе знакомый, что она удивилась сама себе.

— Ольга? Как дела?

— Достаточно хорошо, особенно если человек, опекающий меня, не будет слишком усердно искать меня на корабле. Но эта бедная женщина едва не валится с ног от усталости. Очень тяжелая работа. Все мои суставы болят, а кожа на руках треснула. И это после одного дня!

— Обещаю, что в этом году дам моей уборщице огромную премию, — сказал Рэмси, но не смог выдержать шутливый тон до конца. «Он слишком серьезен,— подумала Ольга.— Даже если мир действительно катится в тартарары, он слишком серьезен».

— Вы должны были родиться евреем, — сказала она, — как я. Тогда бы вы узнали, как справляться с такими делами.

Оглушающая пауза.

— Я не понял, что вы хотели сказать, Ольга. Вы меня полностью сбили с толку. Но я рад, что вы в безопасности. И горжусь вами. Селларс хочет поговорить.

— Здравствуйте, Ольга, — сказал старик. — Я полностью присоединяюсь к чувствам мистера Рэмси. У нас не слишком много времени, и я собираюсь вам дать так много, как только смогу. Но ничего не записывайте, на случай, если вас схватят.

— Не беспокойтесь, — сказала она, устраиваясь поудобнее в темноте и молча разговаривая с людьми, которые могли находиться на другой планете. — Сейчас у меня нет сил даже поднять карандаш.

— Надеюсь у вас все-таки осталось немного сил и вы можете взять кое-что из вашего рюкзака.

— Пакет?

— Да.

Она рылась в рюкзаке, пока не нашла фонарик и, с его

помощью, пакет с военным рационом Рэмси — или, скорее Соренсена, как она предполагала — в котором была еда на несколько дней и который занимал намного меньше места, чем обычный ящик с обедом. Была там и бутылка воды, что казалось излишним в здании, в котором были тысячи питьевых фонтанчиков. На дне пакета она нашла тщательно упакованный ящичек с меткой «стероиды», на котором рукой самой Ольги было написано «две после каждой еды».

— Нашла.

— Откройте его, пожалуйста, я должен провести маленькую проверку. — Она аккуратно распаковала его, чтобы потом можно было вернуть в прежнее состояние, и вытащила узкий серый прямоугольник, размером с ее ладонь. Он оказался на удивление тяжелым и она с недоверием посмотрела на него.

— Скажите мне, что сейчас произошло, — сказал Селларс своим обычным мягким голосом. Мгновением позже на его поверхности свернул крошечный красный огонек.

— Зажегся красный свет.

— Хорошо. Теперь я уверен. Ольга, вы можете опять запаковать его и положить обратно.

Все еще взволнованная, она вернула его обратно в рюкзак, вместе с едой, и накрыла своим свитером.

— Это… бомба? — наконец спросила она.

— Бомба? О боже мой, конечно нет. — В голосе Селларса прозвучало искреннее удивление. — Нет, мы не собираемся уничтожать всю систему — внутри ее наши друзья. Это было бы все равно, что подложить бомбу в дом, где держат заложников. Нет, Ольга, этот предмет называется зуб вампира — особый вид информационного кабеля, который майор помог мне добыть. Если мы найдем то, что ищем, нам понадобится посылать и принимать файлы с намного большей скоростью, чем та, что я использую сейчас.

— Теперь я чувствую себя лучше.

— Ну, бутылка воды — вот это действительно бомба. — Он хихикнул, тихий гудящий звук. — Но очень маленькая, только для того, что сделать дымовую завесу. Мой бог, я же забыл сказать вам.

«Я ушла из реальности,— подумала Ольга.— Неужели я считала безумным мир детских фантазий? Этот безумнее в десять раз.»

— Все в порядке, — сказал Селларс, — слушайте внимательно и я объясню вам, что вы должны делать дальше. У нас меньше трех дней, потом они начнут понимать, что происходит что-то странное — если, конечно, все пойдет как

надо. В здании еще есть люди и вы не должны допустить, чтобы кто-нибудь из них увидел вас. Я попробую сделать что-нибудь с системой наблюдения, но это намного труднее, чем вы можете себе представить, и, откровенно говоря, почти безнадежно. Но у нас нет выхода.

Ольга задумалась.

— Теперь я могу поверить, что вы еврей, мистер Селларс.

— Боюсь, что не понял вашу мысль.

— Не имеет значения. — Она вытянула болящие ноги так далеко, как только позволял крошечный шкаф. — Вперед — я слушаю.

ГЛАВА 24
Вырваться из Доджа

СЕТЕПЕРЕДАЧА/БИЗНЕС: Плохой год для руководителей компаний

(изображение: похороны Дедобланко, Бангкок, Таиланд)

ГОЛОС: Смерть Имоны Дедобланко, владелицы Криттапонг Электроникс, ясно дала понять, что для руководителей бизнеса настали плохие времена. Некоторые миллиардеры, в том числе возможно самый богатый и безусловно самый знаменитый китайский финансист Цунь Бяо, умерли за последние несколько месяцев. Другие просто не показываются на публике, включая Феликса Жонглера, престарелого Франко-Американского предпринимателя, редко покидающего свой дом в Луизиане.

(изображение: бизнес обозреватель Ше-Ра Моттрам)

МОТТРАМ: «Да, за последнее время мир бизнеса потерял нескольких очень важных фигур, и рынок слегка задрожал. Конечно, многие из них были очень старыми. Тем не менее, — ирония судьбы! — двое самых старых, Жонглер и Роберт Уэллс, еще живы и дрыгают ногами. Быть может они даже испытывают определенное удовольствие, видя, как их более молодые соперники один за другим сходят на обочину…»

* * *

Пол пристально поглядел на гибкое темное тело человека, лежавшего связанным на полу пещеры. В ответ пленник уставился на него, сузив глаза, как если бы был бешенным псом, порывавшимся укусить. Пол не сомневался, что если дать пленнику возможность, тот с удовольствием разорвет ему горло.

— Тысячи? Что вы имеете в виду?

Бат Мастерсон толкнул пленника кончиком сапога и заработал взгляд концентрированной ненависти.

— То, что сказал, приятель. Они набросились на нас, и вначале мы решили, что это обычный военный отряд Команчей или Шайенов. Видишь ли, когда тебя пытаются убить как-то не до взаимных представлений — и только потом мы сообразили, что

они все совершенно одинаковы. Это какая-то тайна, честное слово. Сейчас я думаю, что это другое племя, в котором все долгое время женились друг на друге. — Тем не менее он говорил не слишком уверенно, как будто сам сомневался в своих словах.

— А по моему это дьяволы, — сказал бородатый человек, который стерег Дреда. — Земля открылась и ад выплюнул их. Совсем просто.

— Но, Дейв, черт побери, почему ад должен быть полон окторонами[53]? — Мастерсон дернул себя за бороду. — О. Простите, леди.

Мартина, не обращая внимания на их слова, прошептала, как во сне:

— Это Дред, но и, одновременно, что-то меньшее. Я чувствую это совершенно отчетливо. Он скопировал себя — используя собственное тело, возможно он из какого-нибудь индейского племени.

— М'дам, — сказал ей Мастерсон, — должен признаться, что не могу понять, о чем вы толкуете. Вы что, встречали этих парней раньше?

Пол пожал плечами, пытаясь сообразить, что можно сказать.

— Не совсем. Это трудно объяснить.

— Встретил его, я, — сказал Т-четыре-Б. — Схватил его, тоже, — добавил он, совершенно напрасно.

Пока ошеломленный Мастерсон стоял и чесал голову под цилиндром, Пол положил руку на плечо Мартине. Надо что-то делать, но совершенно бесполезно пытаться объяснять распад сети симам, живущим в ней.

— Что теперь?

— Даже если миллионы их ждут нас внизу, — тихо сказала Мартина, — мы должны пройти сквозь них. Другого пути отсюда нет. — Она повернулась к Мастерсону. — Вы можете проводить нас к Додж Сити? Или, по меньшей мере, сказать, что нас там ожидает? Мы не хотим идти туда, но у нас нет выбора.

— Если вы, ребята, хотите, чтобы вас убили, — предложил человек по имени Дейв, — спускайтесь с утеса и дуйте прямо. И крякнетесь, очень быстро и чисто.

— Загадочный Дейв обычно говорит очень мало, — сказал Мастерсон с кислой усмешкой, — но любое его слово — чистое золото. И он прав. Только спуститесь вниз и тут же умрете. Без вопросов. Лучше оставайтесь с нами — будете жить, да и у нас рук прибавится.

— Мы не можем, — сказал Пол, отчаянно желая, чтобы дело обстояло иначе. Он слышал о Дреде вполне достаточно и ужасался его, чудовище ничем не лучше Финни и Мадда, но с

мозгами. Мысль о тысячах, ждущих… — Боже мой, как я хочу остаться. Но мы должны идти.

— Но почему, черти меня раздери? — Мастерсон почти кричал. — Откуда вы? Неужели у ваших матерей родились безмозглые дети?

Флоримель, которая все это время разглядывала сим Дреда со смесью ужаса и отвращения, наконец заговорила.

— Мы не можем остаться. Нам нужно попасть в Додж Сити. И мы не можем ничего объяснить.

— Это… это религия, так вы могли бы сказать, — сказал Пол, в последней отчаянной попытке что-то объяснить. — Мы можем поклясться.

Мастерсон какое-то время молча глядел на них.

— Я должен был догадаться раньше, только увидев ваши странные костюмы. И все равно, это плохая сделка. Мы потеряем вашу помощь, вы потеряете свои жизни. — Он недовольно сплюнул, только случайно не попав в рычащую физиономию Дреда.

— Вы можете указать нам лучшую дорогу туда? — спросила Мартина. — Мы не знаем этих гор и не хотим повстречаться с монстрами, которые уже однажды схватили нас.

— Ха, вы найдете, что родственники этого парня намного хуже любого шакала, — проворчал Мастерсон. — А если вы хотите найти путь в эту адскую дыру…

— Я могу довести их до реки, — сказал чей-то голос.

Пол повернулся и увидел черного мужчину по имени Тит, который слушал, опершись рукой о стену пещеры.

— Спасибо тебе. Ты очень добр.

— Посмотрим, что вы будете чувствовать, когда они будут снимать с вас скальпы, — сказал Тит. — Я думаю, что вы все дураки, но мне все равно надо идти в долгий рейд и я смогу присмотреть за вами, пока буду недалеко. Но нужно подождать до темноты.

Мастерсон пересек пещеру и тут же вернулся с револьвером Пола в руках.

— Возьми, — сказал он. — Я перезарядил его. Я считаю смертным грехом потерять такое оружие и напрасно потратить пули, но, видимо, это мой долг как христианина.

Пол посмотрел на желтоватую ручку и вороненый ствол как на змею.

— Я же сказал, что больше не хочу нести его. Кроме того, если их там тысячи, что хорошего принесут мне шесть пуль?

Мастерсон подбросил его в руке и наклонился к уху Пола.

— Я думаю, что у тебя есть немного здравого смысла,

приятель. Неужели ты думаешь, что я разрешу тебя взять этих женщин вниз без револьвера? Неужели ты думаешь, что когда они схватят их, то просто убьют?

Пол, почувствовав камень в горле, только сглотнул и взял револьвер.

Совсем мало людей собралось посмотреть на их уход. Остальные беженцы похоже решили, что нет смысла тратить время на группу обреченных на смерть фанатиков. Полдюжины провожающих стояло у внешнего края пещеры, и только Энни Ладю казалась слегка опечаленной.

— Я никак не могу поверить, что вы уходите… и даже не взяли с собой еды.

Пол нахмурился. Как объяснить, что еда им не нужна и они не могут позволить себе тратить на нее время? Все эти недомолвки, неспособность сказать людям правду об их собственном существовании… Чувствуешь себя как бог серди смертных, но вряд ли большинство богов были так несчастны.

— Это все из-за нашей религии, — сказал он, как будто это что-то объясняло.

Энни потрясла головой.

— Ну, я не самая лучшая христианка, которую вы можете повстречать, но бог в помощь вам всем. — Она резко повернулась и ушла в пещеру.

— Я не предлагаю вам руку, — сказал Мастерсон, — потому что не одобряю такую глупость. Но я, вслед за Энни, говорю вам «удачи». Хотя, откровенно говоря, не могу себе представить, чтобы кому-нибудь из вас повезло. Тит, ты, по меньшей мере, должен вернуться назад.

— Что… что ты собираешься делать с пленником? — спросил Пол.

— Давайте скажем так, — сказал Мастерсон, — пусть он не рассчитывает на нежное обращение с собой. Мы не собираемся задавать банкет в его честь. Но это будет намного быстрее чем то, что случится с вами в Додже, если его родственники вас схватят. — Он кивнул головой, коснулся шляпы, прощаясь с Мартиной и Флоримель, и увел остальных провожающих в пещеру.

— Н-да, очень весело, — сказал Тит. — А теперь мы должны идти. Вы идете вслед за мной, и очень тихо. Если я подниму руку, вот так, просто стойте — не говорите ничего, только стойте. Дошло?

Река под ними уже спряталась в тенях, когда они отправились в путь, вершины далеких гор окрасились в темно-

фиолетовый цвет. Пол замыкал колонну и с трудом видел своих товарищей, хотя самый ближайший из них был всего в нескольких метрах впереди.

«Сколько миров? — спросил он себя. — Сколько миров падают в тень прямо сейчас?»

Но это был не тот вопрос, над которым можно долго размышлять на высоте тысячу футов над долиной реки, спускаясь вниз по крутому склону.

Тит уверенно вел их вниз, но все равно они шли достаточно медленно. Больная нога не позволяла Флоримель идти быстро, а Т-четыре-Б вообще не любил высоту, когда не мог себе представить, что играет в какую-нибудь свою любимую игру. Прошло не меньше половины ночи, прежде чем они почувствовали в воздухе влагу, хотя уже какое-то время слышали рокот реки.

Тит говорил очень мало, и только во время остановок. Он родился и вырос в Марикенде, сын освобожденного раба, и оттуда сбежал на запад. Большую часть взрослой жизни он работал следопытом — Пол даже не знал, что бывали черные ковбои, но Тит уверял, чтобы их тысячи на юго-западе. Он перегнал стадо шортгорнских овец из Техаса в Додж Сити, и беспечно пропивал заработанные денежки в ту ночь, когда земля задвигалась.

— В жизни не видел ничего страшнее. — В слабом лунном свете его было почти не видно, но, катая во рту табачную жвачку, он на мгновение сверкнул бледными скрюченными зубами. — Хуже только сотни одинаково выглядящих дьяволов на лошадях, которые появились позже, крича и завывая. А тогда все затряслось и земля начала выпирать складками — сначала я подумал, что вот-вот провалюсь прямо в ад, потом увидел, как горы растут на глазах прямо вокруг нас, как тростник. Я думаю, что это был Судный День, о котором мне рассказывала мама. А может быть и конец света. Почему нет? Уйма народу верит в это.

«Так оно и было — для них,— подумал Пол.— Но когда они все умрут, то встанут ли опять и начнут заново, как народ Зазеркалья? Или Дред заморозит эту симуляцию и она будет в постоянном упадке?»

Тит оказался прав — горы выпирали из земли как сорняки. Подойдя к дну долины они не нашли ни предгорий, ни пологих склонов — только валуны и каменные осыпи вокруг корней горы. Началась сама трудная часть пути, каждый шаг угрожал обрушить камнепад, и только вступив на болотистую плоскую землю рядом с рекой, Пол сообразил, что уже какое-то время видит свет над Додж Сити.

— Великий боже, — тихо сказала Флоримель. — Что они там делают?

— То, что сделают с вами, — прошептал Тит. — И со мной, поэтому заткнитесь!

Он поманил их рукой в пещеру, образованную упавшими со склона камнями — гора булыжников возвышалась над землей как гигантский символ лавки ростовщика. Из этого жалкого укрытия они могли город за рекой и его узкие улочки, освещенные светом огромного пожара, пылавшего на главной улице — столб дыма от него закрывал звезды, а бесчисленные более мелкие пожары освещали крыши домов Додж Сити как блестки на Рождество. По освещенным красным огнем улицам метались и кружились тени; даже отсюда, издали, слышались отчаянные крики.

— Они догорают, — прошептал Пол.

— Не-а. Горят с того времени, как эти дьяволы захватили город, — сказал Тит. — Горят и горят, и никогда не тухнут. — Он покачал головой. — Конец света.

— Куда мы должны идти, в точности? — тихо спросил Пол у Мартины. Он чувствовал, как его сердце стучит как молот, и видел, что Флоримель и Т-четыре-Б тоже не горят желанием идти в это ужасное место.

— Еще не знаю. Мне надо немного спокойно подумать. — Она встала и отползла на несколько метров в сторону так, чтобы между ней и ее товарищами остался огромный валун.

— Ненавижу портить впечатление, но этому мамочкину сынку время двигать ногами.

— Задержись на мгновение, — попросил его Пол. — Быть может будут вопросы…

Мгновение тянулось и тянулось, а Пол и остальные глядели, как, доказывая справедливость слов Тита, пламя горело и горело на крышах и фасадах домов, не пожирая их, несмотря на очевидную непрочность зданий.

— Бесполезно, — сказала Мартина, приползая обратно. — Я ничего не могу сделать — слишком много факторов, слишком много пробоев в реальности. Если бы Дред специально захотел затруднить мне восприятие, он бы не мог сделать лучше.

— И? — резко спросила Флоримель. — Просто пойти в город? Это было бы безумием.

— Давайте поплывем по реке, мы, — предложил Т-четыре-Б. — Сделаем плот. И уплывем из этого сканированного места.

— Ты что, не слышал? — сказала Мартина негромко, но очень зло. — Нет другого пути туда, куда мы хотим попасть. Если мы поплывем по реке к дальним воротам, и нас по дороге не

убьют, ворота скорее всего не откроются. Но даже в самом лучшем случае у нас нет никакой гарантии, что нас не зашвырнет в какой-нибудь еще более ужасный мир. Если мы хотим попасть в Египет, нам нужны самые ближние ворота.

— Все, кранты, приплыли, — пробормотал Т-четыре-Б, но больше не сказал ничего.

— Вы помните места, где мы находили ворота? — спросила Мартина? — Катакомбы? Лабиринты?

— Быть может шахты? — предположила Флоримель. — На склоне горы были шахты. — Она простонала. — Великий боже, не думаю, что смогу вскарабкаться обратно.

— Кладбища, — сказал Пол. — Места мертвых. Братство любит подобные маленькие шутки. — Он разрешил себе мрачно улыбнуться. — Вернемся обратно и укусим их за задницу, а? — Он повернулся к Титу, смотревшему на них с удивленным восхищением. — В городе есть кладбище?

— О, да, прямо на северо-запад. Туда. — Он указал через реку, в темноту, левее пылающего города. — Какое-то идиотское имя. Сапожный Холм, или что-то в этом роде.

— Сапожный Холм, — выдохнул Пол. — Я слышал о нем. Можем ли мы пересечь реку и дойти до него? — Он взглянул на товарищей. — И тогда нам вообще не надо входить в город.

— Я вообще не понимаю, ребята, какую глупость вы собираетесь сделать, но одно могу точно сказать — вам никогда не добраться до Сапожного Холма, если пойдете в этом направлении. Когда земля встала на дыбы, берега реки разломало и появилось болото, в котором водятся змеи, толстые как рюкзак и длиной как упряжка из двадцати мулов, не говоря о москитах, размером с орла. — Тит пожал плечами. — Я знаю, что на земле все это не имеет смысла: змеи, шакалы и всякая всячина, которая лезет из-под земли — и никто не видел их раньше. Вот почему я думаю, что это Суд.

— Мы тоже знаем о змеях, — сказал Пол, — и даже встречались с одной. А что ты скажешь о пути с востока?

— Тоже не шибко хорошая мысль. Сразу за городом Арканзас падает вот так, — его длинные пальцы резко упали вниз, — там водопад и каньон, такой глубокий, что днем в нем темно, как при луне. И тянется он на многие мили. Почему, как вы думаете, мы живем на склоне горы, и не пытаемся убраться отсюда к чертовой матери? — Он встал. — Вам нужно было послушаться Мастерсона и остаться с нами. Он хороший человек, и его черепушка варит как надо. Сейчас я собираюсь уйти. Мне не слишком нравится быть так близко к Доджу.

— Подожди, — сказала Флоримель, с паникой в

голосе. — Мы, что… должны перейти через мост?

— Тогда точно потеряете скальпы. На нем днем и ночью торчит не меньше дюжины этих дьяволов. Но если хотите протянуть немного подольше, прогуляйтесь вдоль реки пару сотен футов. Вон туда. В это время года Арканзас там довольно мелок, несмотря на всю эту кутерьму.

Он насмешливо попрощался и исчез в темноте, тихий, как летящая птица.

— Мне кажется, что все чертовски уверены, что нас убьют, — спокойно сказал Пол.

— И вероятно они правы, — проворчала Флоримель.

Вода Арканзаса, хотя достававшая им до пояса, оказалось на ощупь неприятной, теплой и маслянистой. Река текла лениво и не торопясь, но в ней оказалось странное подводное течение, затягивающее путешественников, как уличный мальчишка-попрошайка, нашедший свою жертву и не собиравшийся ее терять.

Пол понял, что больше не в силах думать о воде, но даже не из-за неприятных ощущений, а из-за разыгравшегося воображения, которое услужливо рисовало ему самых разных подводных тварей, вроде тех, которые описывал Тит.

Далеко от них, справа вдоль берега, освещенная еще одной группой огромных костров, виднелась массивная изгородь, которая, как решил Пол, когда-то была ограждала площадку для приведенного в город скота. Несмотря на поздний час, там клеймили полным ходом, хотя, судя по отчетливым крикам, жертвами были не коровы.

Но не все там кричали от боли. Когда хор криков и веселый смех прокатился по скотобойне, Пол увидел, как Мартина споткнулась и едва не упала в воду. Он схватил ее за руку и обнял.

— Опять его голос, — прошептала она, закрывая посильнее глаза, как если бы могла таким образом заставить себя оглохнуть. — И слышать его размноженным, опять и опять, со всех сторон…

— Это просто трюк. Как ты и сказала, они все его копии, очень грубые. Его здесь нет. — «Правда ли это, или я пытаюсь выдать желаемое за действительность? Возможно в Додже новый шериф».

В дюжине метров от берега Мартина опять схватила Пола за руку. На мгновение он решил, что она больше не может вынести все это, но ее лицо, хотя и напряженное, выражало тревогу и внимательное изучение обстановки.

— Тит был прав, — прошипела она. — На мосту люди.

— Поэтому мы здесь, — сказал Пол и махнул Т-четыре-Б и Флоримель, приказывая им остановиться.

— И на другой стороне реки, тоже, — сказала она. — Не очень близко, поэтому мы их не слышим, но я их чувствую. Если мы выйдем из реки здесь, то попадем прямо им в лапы.

— Что мы можем сделать? — Пол постарался обуздать свое отчаяние. Крики боли и ужаса по-прежнему плыли над долиной реки, отражаясь от склонов гор. — Мы не можем вернуться назад!

— Поворачиваем на запад, — решительно сказала Мартина. — Остаемся в реке. Проходим под мостом. Идем к той стороне города, которая нам нужна — но по реке, не по открытой земле.

— Но на мосту люди, — прошептала Флоримель, наклонившись к ним. — Что если они услышат нас?

— Другого пути нет, — сказала Мартина, все еще не двигаясь. В воздухе повисло напряжение, Пол с удивлением почувствовал, что остальные ждут его решения. Он повернулся и медленно побрел к мосту.

Когда они подошли ближе, он разглядел наверху человеческие тени, освещенные множеством огней, но к его облегчению, все они собрались на самом конце моста, ближе к городу. Он решительно двинулся на середину, в более глубокую воду, где маслянистая вода доходила ему до груди, а обоим женщинам даже выше. Деревянный мост, широкий и низкий, навис над головой, но под ним вполне хватало места. И Пол двигался, охваченный спасительной темнотой.

Но прежде, чем он прошел и половину пути, над ним послышались громкие шаги. Он замер, надеясь, что все остальные поступили так же, хотя и не видел их. К первому человеку присоединилось еще несколько, мост затрещал. Пол молча выругался: тяжелые ноги топтались прямо над головой. Неужели их заметили? Может быть копии Дреда ждут, когда они выйдут из-под тени моста и бросятся на них, как на рыбу в мелком пруду?

Он стоял, пульс бился в виске так сильно, как если бы кто-то бил ему в голову, и тут он услышал приглушенный всплеск в нескольких метрах от себя, потом еще один. Что-то невидимое было в воде рядом с ними — быть может один из этих людей спустился вниз, чтобы проверить реку? Пол вытащил револьвер из внутреннего кармана комбинезона и держал его слегка выше воды, опасаясь стрелять, но и еще больше боясь сойтись в рукопашной с гибким и сильным человеком, которого видел в пещере.

— Что?.. — прошептала Флоримель, но так и не закончила вопрос. Что-то ударило сверху, настолько громко и внезапно, что на мгновение Пол подумал, что сам случайно нажал на курок. Эхо выстрела еще звенело в ушах, как что-то большое и жесткое ударило его. Пола отбросило в сторону и едва не сбило с ног; если бы он не налетел на одного из своих товарищей, то точно бы оказался под водой вместе с револьвером. Люди над ним стреляли и смеялись, заглушая слабые крики ужаса Пола и его друзей, которые сообразили, что рядом с ними в воде бьется что-то огромное и очень сильное.

— Змея! — прошептала Мартина, ее испуганный голос сам казался змеиным шипением. Т-четыре-Б приглушенно вскрикнул, когда дергающийся мускулистый хвост ударил по нему. Пол рыскал рукой под водой пока не нашел руку юноши и не схватил ее. Флоримель схватила его с другой стороны и они оба выволокли Т-четыре-Б на поверхность, дрожащего и кашляющего.

— Не шевелитесь, — прошептала Мартина. — Тихо! — Т-четыре-Б хотел было поспорить, но был слишком занят, изрыгая из себя речную воду. Флоримель держала его. Змея еще металась в воде рядом с ними, постепенно отдалялась, как если бы напала на них в панике, а не нарочно. Когда она оказалась за восточной стороной моста, на свету, по телу Пола побежали мурашки. Тварь, задевшая его, была не меньше того самого монстра, шахтного поезда, который охотился за ними в горах.

Еще дюжина выстрелов, вода вокруг огромного вытянутого тела змеи вскипела. Люди на мосту радостно закричали от кровавого сладострастия.

— Спаси нас бог, — сказала Мартина, — вперед, сейчас! — Пока она шлепала по воде, Пол опять схватил Т-четыре-Б и помог Флоримели вытащить его к западному краю моста. За ними раненая змея взбивала воду в светящуюся пену. Люди на мосту прыгали так, как будто танцевали, и всаживали одну пулю за другой в умирающую рептилию.

Несмотря на то, что полночь была горячая как печка, Пол дрожал словно в лихорадке, когда они выволокли себя на погруженный во тьму берег реки, в сотне метров на запад от моста. Он и его товарищи какое-то время просто лежали в грязи, тяжело дыша. Веселье на мосту все еще продолжалось, хотя выстрелов стало поменьше.

Наконец они заставили себя встать и подняться по берегу выше, ближе к шуму города: крикам боли, которые казалось, не в состоянии издавать человек, мольбам о пощаде, стрельбе и дьявольскому смеху захватчиков. И, к полному удивлению Пола,

музыке, которую он узнал, классическим мелодиям, которые играли на раздолбанном пианино, иногда не попадая в размер, как если бы кто-то поставил спектакль из пыток и убийств, сопроводив его самым неподходящим звуковым оформлением.

Пол вообще не хотел знать о том, что происходит в Додж Сити, и повел было свою маленькую группу на запад, несмотря на предупреждения Мартины, и очень быстро убедился в том, что Тит был совершенно прав: за несколько секунд они провалились в болото, засасывающая грязь доходила им до колен.

Флоримель нашла для себя нечто еще более опасное. Если бы Т-четыре-Б не был позади нее, все еще кашляя и отхаркиваясь после вынужденного купания, она бы исчезла под поверхностью плывуна раньше, чем Пол или Мартина даже заметили бы ее отсутствие. Но Т-четыре-Б успел перехватить ее и Мартина, которая, несмотря на слепоту, в темноте видела лучше их всех, нашла палку и удержалась ее помощью на поверхности. Они вытащили ее на берег болота и Флоримель расплакалась.

— Это уже слишком, — сказала она. — Я не настолько сильна — я едва иду даже по ровной поверхности.

Пол повернулся к Мартине.

— Да, ты была права, а я ошибался. Куда мы идем?

— Не могу сказать наверняка — для меня это место слишком искажено — но болото подходит прямо к краю города, значит мы должны держаться среди зданий, если не хотим опять попасть в плывуны.

Пол на мгновение закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Хорошо. Пошли.

Они аккуратно вернулись по своим следам туда, где вышли на берег. И опять перед ними оказалась Фронт Стрит, все ее здания горели в непрекращающемся огне. В четверти мили на восток посреди улицы пылал гигантский костер, как раз между главным железнодорожным путем и подъездной веткой; вокруг него сновали бесчисленные черные тени, празднуя разрушение города — и этот фестиваль продолжался уже много дней. Судя по всему там собралось большинство захватчиков, тем не менее дюжины их шлялись по улицам, недалеко от того конца, где Пол и его товарищи ждали в тени, отчаянно надеясь на какое-нибудь чудо, которое позволит им пройти по широкой улице незамеченными.

Хотя все горящие дома по Фронт Стрит еще стояли, фасады некоторых из них обвалились, обнажив внутренности, как диорама в музее — и это был музей ужасов. В салонах женщины с белыми глазами и сожженными ногами танцевали на горящих сценах, устало увертываясь от бутылок, летевших в них от

гикающей аудитории двойников Дреда. С канделябров свисали мужчины с перерезанными горлами и истекающие кровью, как олени в коптильне. Множество трупов лежало на улице, целые горы, хотя некоторые из них стояли, приколоченные к зданиям или к скамьям, ужасные живые картины. Люди-Дреды шлялись повсюду, попивая виски из кувшинов, а некоторые упились до того, что ползали на животах, лая как собаки или танцевали с блевотиной на рту и груди.

«Это все ненастоящее,— повторял себе Пол.— Это все как в сетевом шоу — нет, даже еще нереальней. Это не актеры, просто куклы». Но было трудно заставить себя поверить собственным словам, когда каждый запах и каждый звук так ужасающе реален, и особенно если знаешь, что любой из них в любой момент может покалечить или убить.

Вверх по улице один из Дредов подкатил бочонок к огромному костру и бросил его в пламя, а потом стоял, разинув рот, и глядел, как боеприпасы внутри начали взрываться. В доли секунды летящий свинец превратил экспериментатора в окровавленное месиво, но остальные побежали к огню, привлеченные шумом. Некоторые начали стрелять куда попало, но большинство нашло зрелище очень приятным и образовало вокруг костра визжащий круг.

Воспользовавшись тем, что все отвлеклись, Пол дал сигнал остальным и они молча побежали к железнодорожным рельсам, шедшим посредине Фронт Стрит, стараясь не глядеть на трупы, главным образом женские, привязанные к путям. В любом случае смотреть особо было не на что, потому что кто-то прогнал по ним несколько раз локомотив, взад и вперед, прежде чем ему надоело и он сжег сам локомотив. Остатки паровоза еще чернели на рельсах как закопченный скелет гигантского мерзкого создания, обеспечив им на какое-то мгновение защиту от чужих глаз, но вонь от множества трупов быстро погнала их дальше.

Никем не замеченные, они уже почти пересекли тень у конца улицы, как Мартина остановилась и схватила Пола за руку. Хотя большинство Дредов собрались вокруг огня далеко от них, Пол и его товарищи все еще были на открытом месте и их мог обнаружить любой случайный взгляд; нервы звенели от возбуждения, но Мартина упорно толкала его в другую сторону.

— Туда нельзя, — прошептала она. — Давай к перекрестку.

Он хорошо выучил урок. Не споря, вопреки всем своим инстинктам, Пол повернулся и потрусил обратно по Фронт Стрит к центру города, потом свернул на север в боковую улицу рядом с двухэтажным зданием, чей дымящийся фасад все еще гордо провозглашал, что он «Райт, Беркли и Компаньоны.» Они сделали

буквально шаг с главной улицы, как группа всадников, стуча копытами, вылетела из-за угла как раз оттуда, куда они направлялись — и небольшой отряд пьяных Дредов на конях-мутантах пронесся, завывая, мимо темного перекрестка, где Пол и остальные изо всех сил вжались в стены здания.

На боковой улице музыка звучала громче, как если бы они стояли около громкоговорителя в адском саду наслаждений, но в ее колеблющемся звучании было что-то такое, что Пол захотел побыстрее уйти от нее и храбро ступить на главную улицу. Его более логическая часть потерпела поражение: он махнул остальным и они пошли от Фронт Стрит; звук пианино поднялся до неба и опал.

— Моцарт, — выдохнула Мартина. — Он говорил мне, что любит Моцарта.

Пол не стал спрашивать, что она имеет в виду.

Пока они быстро шли по боковой улице, пытаясь оставаться в пятнах тени, Пол наконец-то увидел того, кто играл на пианино. Комната, в которой он находился, могла быть задней частью общей комнаты салуна, фасадом выходившего на главную улицу, укромный уголок, где ковбой или игрок с деньгами в кармане мог провести немного время в уединении с городской профессионалкой, но мощный взрыв снес большую часть стен и уединение в этом городе осталось в прошлом. Музыкант оказался старым черным человеком, хотя сейчас скорее серым. Его окружали покачивающиеся копии Дреда, которые были то ли слишком пьяны, чтобы двигаться, то ли действительно хотели услышать Моцарта, даже в таком исполнении. Кошмарность музыки стала более понятна, когда Пол увидел, что безногий пианист привязан к скамье колючей проволокой и сидит, как корабль во время штиля, в луже собственной крови.

Теперь настала очередь Пола спотыкаться, рвать и опираться на остальных, которые помогли ему идти дальше.

Долгие минуты они перебегали от одного здания до другого, от близких огней чесалась кожа, уши заполняли крики умирающих и мольбы о смерти — долгая мучительная прогулка через ад. Пол заставлял себя идти. Каждый кусочек темноты казался оазисом мира. На каждом открытом месте он чувствовал себя так, как будто на него смотрят сотни глаз.

«Слава богу, что мы попали в город после того, как они провели в нем столько дней,— подумал он, пытаясь перевести дух в глубине дымной конюшни.— Слава богу, что эти клоны Дреда настолько погрязли во зле, что почти не чувствуют этого». Он не мог разрешить себе подумать о сотнях жителях Додж Сити, чье несчастье подарило ему и его товарищам возможность выжить.

Они пересекли вторую улицу и остановились в дверном проеме развалин дома, в котором находилась типография. На пыльной улице лежала груда того, что казалось кожами животных. Пока Пол соображал, что это остатки местных жителей — их пропускали через пресс, пока они не стали совершенно плоскими, а на теле одной несчастливой жертвы даже был напечатан заголовок «Добро Пожаловать в Додж Сити!» — Мартина махнула рукой, призывая к молчанию. Никто из них и так почти не дышал и ничего не говорил, так что это вряд ли было необходимо.

— Там, — наконец сказала она. — Это было мгновение, но… Да, я чувствую их.

— Чувствуешь что? — Голос Флоримель от страха и усталости был невыразительным и монотонным.

— Ворота, мне кажется.

Т-четыре-Б зашевелился.

— Так-то лучше, мне.

Они пошли вдоль выпотрошенных зданий и потом на запад, по Валнут Стрит. Моцарт за ними постепенно замолкал, как будто у граммофона кончался завод. Вскоре они вошли в темную западную часть города, и взглянув на небо, Пол увидел луну, которая только сейчас поднялась над горными пиками, как бы смущенная катаклизмом, постигшим знакомые ей равнины.

— Сюда, — выдохнула Мартина.

Горящие стены остались позади, и Пол с радостью почувствовал, как темнота накрыла его холодным мокрым покрывалом. Сейчас они шли на северо-запад вдоль края болота, хлюпая по грязи, поскальзываясь и застревая, и эта дорога казалась в тысячу раз лучше той, что осталась позади. Даже когда какая-то жужжащая тварь, большая как крыса, вцепилась в плечо Мартины, заставив ту вскрикнуть и упасть на землю, Пол чувствовал, что сделка того стоила. С бесстрастностью, порожденной полным эмоциональным истощением, он оторвал летающую дрянь от Мартины и сжимал и мял ее руками, пока она не стала истекать кровью и умерла.

— Там, — прошептала Флоримель, когда Пол помог Мартине встать. — Я вижу его!

Она указала на бледный низкий холм в четверти мили от них, блестевший в свете луны и казавшийся верхушкой гигантского черепа. Позабыв об усталости, они бросились вперед по скользкой предательской равнине.

Внезапно Т-четыре-Б полным отчаяния голосом крикнул:

— Фенфен! — На мгновение Пол решил, что юноша упал, но, повернувшись, увидел, что тот глядит назад на облако маленьких

огней, отделившееся от огромного пожара, в который превратился Додж Сити.

— Факелы, — простонал Т-четыре-Б. — За нами, вроде.

Пол тянул юношу за собой, пока они оба опять не побежали.

— Быстрее, — крикнул он остальным. — Кто-то увидел нас!

Земля вокруг Сапожного Холма была суше и тверже, и, добравшись до нее, они побежали быстрее. Пол споткнулся и земля прыгнула к нему, ударив тяжелой рукой, и теперь уже Т-четыре-Б помог ему подняться на ноги.

Кладбище на вершине холма оказалось на удивление маленьким: пара дюжин деревянных крестов и немного скромных каменных плит, разбросанных по неровной земле. Это были скорее камни, а не памятники.

Не считая бизоновой травы, единственным высоким предметом оказался узкий ясень, на длинной ветке которого болталась петля — местная виселица.

— Где они? — спросила Флоримель. — Ворота?

Мартина медленно поворачивалась из стороны в сторону, как тарелка радара, осматривающая небо.

— Я… я не могу сказать. Они не открылись по моей команде, и, похоже, здесь нет ничего достаточно большого, что могло бы их вместить. Могила?..

— Хочешь, чтобы я копал? Скажи, — Т-четыре-Б наклонился к земле и стал рыть руками ближайшую могилу, как обезумевшая собака. — Нужно линять отсюда — зуб даю!

Факелы приближались с ужасающей скоростью, и Пол уже видел, что они находятся в руках по меньшей мере дюжины Дредов, ехавших на тех самых лошадеподобных тварях. Отряд спешил к холму, не замедляя причудливого галопа, и Пол почувствовал, как на него наваливается апатия. Пересилив себя, он вытащил из кармана револьвер Бена Томпсона. Он казался тяжелым, как якорь.

— Хавьер, тише! — крикнула Мартина за его спиной. — Дай мне подумать!

Пол опустился на одно колено, пытаясь держать револьвер параллельно земле. Первый из Дредов уже достиг подножия холма. Пол направил револьвер на него, вспомнив то время в своей жизни, когда он, мальчик, восхищался оружием. Он выжидал так долго, как только мог, вспотев настолько, что палец едва не соскальзывал с курка; и когда всадник был уже в двадцати метрах, выстрелил.

То ли благодаря слепой удаче, то ли потому, что оригинальная симуляция благоволила к людям, но он попал в обезьяно-лошадь, которая покатилась по земле. Наверно она

прокатилась и по своему всаднику, во всяком случае он не встал после того, как она соскользнула вниз и осталась на месте, молотя ногами. Остальные Дреды, крича от ярости, или, возможно, от удовольствия, отпрянули в стороны, образовав дугу вокруг подножия холма. Многие из них были вооружены винтовками и револьверами; на вершину холма обрушился свинцовый град. Пол бросился на землю, Флоримель и Т-четыре-Б последовали его примеру. Только Мартина осталась стоять.

— Что ты делаешь? — крикнул ей Пол. — Мартина, ложись.

— Конечно, — сказала она, когда пуля пролетела у ее ног. — Я должна была увидеть это с самого начала. — Она прыгнула к дереву. — На священной земле не должно быть виселицы, — крикнула она.

Опасаясь за нее, Пол встал и начал стрелять, надеясь отвлечь внимание Дредов от такой легкой цели, но удача изменила ему: хотя ему показалось, что один из них откинулся назад в седле, остальные пули не произвели на них никакого эффекта. Он бросил взгляд через плечо и увидел, что Мартина дотянулась до петли виселицы и тянет ее на себя, как если бы хочет расширить для особенно большой шеи. В то же мгновение полыхнул золотой свет. Петля стала больше Мартины и растянулась чуть ли не до земли. Т-четыре-Б и Флоримель, низко наклонившись, уже бежали к ней. Пол повернулся к всадникам, уже взбиравшимся на склон и оравших как свора гончих, охотящихся на медведя. Он выстрелил в последний раз, бросил пустой револьвер в ослепляющий свет факелов и изо всех сил побежал к сиянию.

Мартина уже ждала его. Она схватила его за руку и они вместе нырнули в необжигающий золотой огонь.

Пол упал на твердый камень и на мгновение ему показалось, что преследователи прыгнули вслед за ними: колеблющийся свет факелов был повсюду.

Убедившись, что никто не орет и не стреляет, Пол сел. Факелы крепились в держателях на стенах огромного каменного фасада, затмевая даже звезды в черном небе. Стены покрывала живопись в египетском духе, цветные портреты царей и богов с головами животных.

Он встал, боясь сломанных костей, но не обнаружил ничего, страшнее содранных коленок и порванного комбинезона. Рядом с ним Флоримель, Мартина и Т-четыре-Б тоже встали на ноги. Тишина, почти осязаемая в этой галерее каменных стен, нарушалась только дыханием людей.

— Мы прорвались, — прошептал Пол. — Великолепно, Мартина.

Она еще не успела ответить, а из-за угла здания уже появилась чудовищная фигура, похожая на гигантского кота. Через мгновение она стояла перед ними и над ними, гигант с телом льва и головой человека. Его тело было грубо заделано во многих местах, как на старой кукле, из дюжины зияющих прорех сыпался песок. Веки зашиты.

— *Вы вторглись в священное место*, — объявил сфинкс таким низким могучим голосом, что, казалось, камни вокруг содрогнулись. — *Это Храм Анубиса, Повелителя Жизни и Смерти. Вы грешники.*

Пол, потрясенным размерами сфинкса, обнаружил, что пытается выдавить из себя слова оправдания:

— М-м-мы н-н-не с-с-собирались…

— *Вы грешники.*

— Бежим! — крикнул Пол и повернулся, но не успел он сделать и трех шагов, как что-то врезалось в него, как бархатный грузовой поезд, и отправило в темноту.

ГЛАВА 25
Спрятанный мост

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ИНТЕРАКТИВНЫЕ ИГРЫ: GCN, 7.00 (Евр., Сев. Ат.) — «Побег!»

(изображение: Зельмо на каменной полке)

ГОЛОС: Недра (Камчатка Т.) и Зельмо (Колд Уэллс Карсон) снова сбежали из Академии Железного острова, но агенты лорд Лубара (Игнац Рейнер) выстрелили в Зельмо «Лучом Отчаяния» и теперь Зельмо в отчаянии хочет убить сам себя. Это последний эпизод, после которого «Побег!» превратится в «Я ненавижу мою жизнь». Требуется пять человек в группу поддержки и двадцать пять в массовку, предпочтительно с опытом пребывания в холодных открытых местах. Обращаться в GCN.IHMLIFE.CAST

Уже в третий раз они пытались пересечь лениво текущую реку и достичь другого берега. Казалось, что берег находится на расстоянии броска камня, но несмотря на все усилия Сэм и Азадора с одного борта, и !Ксаббу и Жонглера с другого, приближаться он не хотел.

Наконец они вытащили шесты и остановились, восстанавливая дыхание. Высвободившийся плот лениво поплыл по течению. Луга на другом берегу, на первый взгляд ничем не отличающиеся от лугов на этом, уже казались каким-то мифическим древним континентом.

— Кто-то должен плыть, — сказал Жонглер. — Быть может человеку разрешено пройти, а лодке нет.

Сэм рассердилась. Старик быть может и прав, предполагая, что надо пересечь реку, а не идти вдоль нее, но ей очень не понравились командирские нотки в его голосе.

— Мы не работаем на тебя, — сказала она, сжав зубы. Что-то слегка толкнуло ее в спину и она повернулась, готовая наорать на Жонглера, но это оказался !Ксаббу, слегка толкнувший ее локтем и выразительно посмотревший на нее. Ей понадобилось мгновение, чтобы понять.

«Мы не будем говорить, кто такой Жонглер»,— вспомнила она и смешалась. Все эти годы она, вор, держала язык за зубами и обкрадывала дома богатых и могущественных людей Срединной Страны — пускай даже вымышлено богатых и могущественных —

и вот теперь, когда это действительно важно, она почти выдала секрет, совершенно без причины. Она опустила глаза.

— Он прав, — сказал Азадор. — Но мы не узнаем этого точно, пока кто-то не попытается. Я бы попробовал, но моя нога… — Он с сожаление пожал плечами, откладывая героизм на потом.

Сэм ждала, что вызовется !Ксаббу и очень удивилась, что он этого не сделал. Обычно маленький человек брал на себя самые опасные предприятия раньше, чем кто-нибудь другой, особенно Сэм, успевали сделать что-нибудь опасное.

— Похоже, придется мне, — сказала она. Многие годы она плавала каждое утро, и, наконец, это может кому-то помочь. Она надеялась, что однажды скажет об этом маме. Как бы она хотела, сидя у мамы на коленях, вместе с ней посмеяться над плаванием!

— Погоди, я не уверен… — начал было !Ксаббу.

— Не беспокойся, я хорошо плаваю. — Не давая обеспокоиться само себе, она подняла руки и прыгнула с края плота. Входя в воду, она услышала ругательства Азадора и Жонглера, едва не упавших с резко накренившегося плота.

Вода оказалась обжигающе холодной, намного холоднее, чем она ожидала, и хотя течение было достаточно слабым, плыть оказалось гораздо тяжелее, чем в бассейне рядом с домом; тем не менее, немного привыкнув к холоду, она заученно легла на воду и начала разрезать гладь реки, направляясь к гостеприимному травянистому склону на дальнем берегу.

«Пара минут»,— сказала она себя, оценив расстояние.

Но через полсотни ударов руками стало ясно, что или течение намного сильнее, или ей суждена та же судьба, что и плоту. Она подняла голову над водой и перешла на брасс, чтобы лучше видеть берег. Она врезалась в воду, боролась с сопротивлением, плыла и плыла… земля не приближалась. Разочарованная, она нырнула и опускалась все ниже и ниже, пока не коснулась травы на дне реки, потом поплыла ровно. Она била изо всех сил ногами и извивалась как рыба. Она гордилась своей силой: она не сдастся не проверив себя и симуляцию.

Когда воздуха в легких больше не осталось, Сэм дважды ударила ногами и разрешила себе скользнуть вверх. Берег остался там же. Разочарованная, она высунула голову из воды, оставаясь на месте, и повернулась к центру реки, выискивая глазами плот, когда внезапная боль пронзила ее ногу.

«Кто-то схватил меня!..»— успела подумать Сэм и ушла под воду. Она начала барахтаться, выплывая наверх, одна нога не работала, и только тут сообразила, что никакой речной хищник ее на хватал — просто свело бедро. Какая разница: она не могла держаться на поверхности больше секунды и уже потратила все

силы на бесполезную попытку доплыть до берега.

Она попыталась докричаться до !Ксаббу, но вода уже была во рту и носу, и вместо крика получилось слабое бульканье. Сведенная нога не работала, плыть она не могла. Сэм попыталась перевернуться на спину и расслабиться — в мозгу мелькнули слова *мертвый не тонет* — но в ногу как будто воткнулся раскаленный нож и вода захлестывала лицо. Она уже погрузилась под воду, когда что-то сильно ударило ее в плечо. Сэм схватилась за длинный шест и вцепилась в него так, как если бы это был посох ее ангела-хранителя. Кем он и был.

— Сэм, ты напугала меня до смерти, — на этот раз !Ксаббу поручил костер Азадору, не желая оставлять ее. Уже полчаса, все еще дрожа, она жалась к низкому пламени, и Сэм почувствовала, что действительно благодарна бородатому мужчине.

— Я очень надеялся, что мы успеем перехватить тебя, как бы далеко ты не заплыла, — продолжал !Ксаббу. — О, я очень испугался.

Сэм была тронута. Похоже он чувствовал себя даже хуже, чем она.

— Ну, не волнуйся. Ты же спас меня.

!Ксаббу только тряхнул головой.

— Итак, мы в тупике, — сказал Жонглер. — Мы не можем пересечь реку, на лодке или вплавь.

Сэм удалось на мгновение перестать стучать зубами.

— Быть может есть мост. Эти маленькие животные — вроде Баббл Банни — что-то говорили о мосте. Просто мы не успели узнать, что они имеют в виду. — Она не могла не посмотреть с упреком на Жонглера, потому что именно его вспыльчивый характер прогнал местных прочь. Ей показалось, что на его лице мелькнула тень вины.

«Может быть в нем осталось что-то человеческое,— решила она.— Хотя бы немного». Конечно только тогда, когда не мешает его личным планам.

— Но здесь нет мостов, — объявил Азадор. — Я трижды обошел эту чертову реку. И вы тоже обошли ее. Вы видели хоть один мост?

— Не все так просто, — упрямо сказала Сэм. — Мы можем видеть другую сторону реки, но это не означает, что мы можем добраться до нее. Так что если мы видим вещи, до которых невозможно добраться, почему бы здесь не быть предметам, которых мы не видим, но до которых *можно* добраться? — Она остановилась и мысленно повторила свои слова. Да, в этом есть смысл, более или менее.

— Сегодня мы ничего не сможем сделать. — Озабоченное выражение на лице !Ксаббу не исчезло, но изменилось, стало другим, более далеким. — Подумаем об этом завтра. — Он протянул руку и коснулся плеча Сэм. — Я счастлив, что ты не пострадала, Сэм.

— Только моя нога, но и ей уже лучше. — Она улыбнулась, надеясь слегка развеселить его, но трудно быть убедительной, когда твои зубы отплясывают чечетку.

Несмотря на всю заботу !Ксаббу, его не было рядом с ней, когда в полночь Сэм проснулась. В свете умирающих углей она отчетливо видела темные фигуры двух остальных, но ни малейшего следа маленького человека.

«Похоже голос природы»,— подумала она, и, уже укладываясь обратно, вспомнила, что никто из них в этом не нуждается. Она резко встала. Мысль о том, что она может потерять его и остаться одной с Жонглером и Азадором, казалось чересчур кошмарной.

«Я не хочу никого из них. Я хочу домой.»

Сэм попыталась успокоить себя, представив себе, что бы сделали Рени или Орландо. Если !Ксаббу исчез, она должна отправиться на поиски, без вариантов. Она подумала, не разбудить ли других, но все в ней было против. Если не удастся найти никакого следа !Ксаббу в ста метрах от костра, тогда она подумает об этом опять.

Она протянула руку, чтобы взять тлеющую палку из костра и использовать ее как факел, когда заметила, что кто-то уже воспользовался этой идеей: в сотне метров от лагеря, на фоне бархатно черных холмов светилось оранжевое пятно. Сэм с облегчением отправилась к нему.

!Ксаббу воткнул конец посоха в мягкую глину травянистого склона и сидел рядом с ним. Он не заметил, как она подошла, она опять перепугалась, но тут он вырвал себя из задумчивости и повернулся к ней.

— Что случилось, Сэм?

— Все в порядке, чизз. Я проснулась и… испугалась, что ты исчез.

Он кивнул.

— Прости. Я думал, что вы все спите мертвым сном и не заметите. — Он повернулся и посмотрел на небо. — Здесь очень странные звезды. Это модель, я понимаю, но все равно в голове не укладывается.

Она села рядом с ним. Трава была мокрой, но после несчастного приключения на реке она это даже не заметила.

— Тебе не холодно? — спросил !Ксаббу.

— Все хорошо.

Какое-то время они сидели и молчали, Сэм сражалась с собой, ей очень хотелось прогнать страх как можно дальше дружеским разговором. Наконец !Ксаббу прочистил горло и заговорил, но так неуверенно, что по коже Сэм побежали мурашки.

— Я… сегодня я сделал ужасную вещь, Сэм.

— Ну да, спас меня.

— Я разрешил тебе пойти в реку. Я сам должен был сделать это, но испугался.

— И почему ты должен был лезть туда? Ты такой же как Рени — думаешь, что должен делать все опасные вещи раньше любого другого.

— На самом деле я боюсь воды. Однажды, когда я был еще ребенком, меня едва не съел крокодил.

— Это ужасно.

Он пожал плечами.

— Но это не означает, что я должен был разрешить тебе сделать то, что не могу сам.

Сэм даже зашипела от раздражения.

— Ты не должен делать все, — сказала она, — это *фенфен*, в высшей степени.

— Но…

— Послушай. — Она наклонилась к нему, заставив его поглядеть на себя. — Ты спасал мне жизнь не меньше дюжины раз. Помнишь гору? Помнишь, как ты вытащил нас с той ужасной тропы? Ты сделал больше всех нас, но это не значит, что остальные не должны выполнять свою часть, вроде того. — Она подняла руку, призывая его помолчать. — Орландо спас меня, ценой собственной жизни. Как я могу жить, если не могу рисковать, как он? Я, что, должна сидеть как… как какая-нибудь сказочная принцесса, а все вокруг должны бегать и спасать меня? Я не знаю, как там живут люди в дельте Окаванго, но там, откуда я родом, это был бы настоящий скан, день за днем.

!Ксаббу улыбнулся, слабо и болезненно.

— Рени сказала бы, что это «старомодная чушь».

— И она еще скажет это, когда мы ее найдем, если ты не раскиснешь. — Сейчас уже улыбнулась Сэм. Рени и !Ксаббу заслужили друг друга, по любому. Так много любви, так много упрямства. Она надеялась, что всю оставшуюся жизнь они будут спорить друг с другом, кто из них должен делать более тяжелую работу. — Поэтому ты и ушел сюда? Потому что почувствовал себя плохо из-за того, что я прыгнула в воду и у меня свело бедро?

Он покачал головой.

— Не только. Иногда я волнуюсь, сам не зная почему. И тогда я должен спокойно подумать. — Он опять улыбнулся. — Иногда я должен больше, чем подумать. Станцевать.

— Станцевать? — Если бы сказал, что думает над постройке космического корабля, она удивилась бы меньше.

— Для меня, это… как молитва. Иногда. — Он щелкнул пальцами, досадуя на невозможность выразить свои чувства словами. — Но я не готов. Не чувствую, что готов.

Сэм не знала, что и сказать. Через мгновение она встала.

— Ты хочешь побыть один? Или мы должны вернуться в лагерь.

!Ксаббу выдернул факел из земли и ловко вскочил на ноги.

— Меня еще кое-что волнует, — сказал он. — Не так-то просто молчать о настоящей истории Жонглера в присутствии Азадора.

Лицо Сэм залила краска смущения.

— Прости — сегодня я была полной дурой.

— Трудно — и неестественно! — помнить о таких вещах все время. Возможно мы должны объяснить Жонглеру, что Азадор ненавидит Братство Грааля. Тогда он сможет помолчать, хотя бы для того, чтобы защитить самого себя.

— Все это так странно, — сказала Сэм, когда они шли обратно к лагерю. — Здесь нет ничего настоящего, ты не можешь никому доверять. — Она дружески подтолкнула !Ксаббу локтем. — Ну, я не знаю, что-то вроде… карнавала. Или маскарада.

— Но ужасного, — сказал он. — Ужасного и очень опасного.

Идя к лагерю и спящим спутникам, они не сказали больше ни одного слова.

Следующий день они потратили на совершенно безнадежные, по мнению Сэм, поиски пути на ту сторону реки. Они продирались через заросли тростника, надеясь найти ключи к тому, как другие пересекали реку — следы, остатки моста или пристани — без малейшего успеха. Сэм чувствовала себя подавленной, !Ксаббу замкнулся в себе, Жонглер, который, как обычно, почти не говорил, тоже погрузился в свои мысли. И только Азадор казался не сломленным. На самом деле он говорил почти не переставая, надоедливо рассказывая о своих приключениях в сети, об открытии ее структуры, о секретных ходах, соединяющим симмиры и о тайных воротах, ведущих из них. Кое-где он явно хвастался, но все равно Сэм не могла не впечатлиться глубиной его знаний. Сколько же времени этот

человек странствовал в сети Грааля?

— Откуда ты пришел? — спросила она его, когда они шлепали по мелкой воде рядом с берегом. Многообещающая группа камней, увы, оказалась остатками большого каменного выступа. — Я имею в виду прежде, чем попал сюда?

— Я… я бы не хотел говорить об этом, — сказал он. Он нахмурился, сбивая с ног ил стеблем тростника. — Но я использовал свое время здесь с намного большей пользой, чем кто-нибудь другой. Я узнал о создателях этой сети множество фактов, которые иначе остались бы навсегда тайной…

Сэм не хотела выслушать еще один рассказ о его достижениях.

— Да, но ты тоже не можешь найти путь через реку, так что сейчас все твои знания ничего не стоят.

Азадор обиделся. Сэм почувствовала себя нехорошо — в конце концов он, в отличие от Жонглера, не сделал им ничего плохого — и попыталась найти какую-нибудь другую тему для разговора.

— Ну, не обижайся, ты же сделал замечательный плот. — Который, откровенно говоря, смог плыть только после того, как !Ксаббу его починил, но об этом она не собиралась упоминать. — Не твоя вина, что система не дает нам пересечь реку.

Он немного успокоился.

— А ты действительно цыган? — спросила она.

Он буквально вскинулся.

— Кто сказал тебе эту чушь?

Сэм изо всех сил постаралась не глядеть на !Ксаббу, который в тридцати шагах от них о чем-то негромко говорил с Жонглером.

— Никто… Мне кажется, что ты сам так сказал. — Она разозлилась на саму себя. — Или я решила так из-за… из-за твоей бороды.

Он с ударением повторил слово, как если бы это было обиженное животное, которое надо успокоить.

— Цыгане, они подлецы и воры. Азадор исследователь. Ты неправильно поняла все мои приключения. Я пленник. Я имел право открыть все, что мог, забрать знание у моих похитителей.

— Извини. Я действительно не так поняла.

— Тебе надо быть более осторожной. — Он тяжело посмотрел на нее. — В таких местах нужно быть очень осторожным, особенно когда говоришь с незнакомцами.

Сем промолчала, но внутренне полностью согласилась.

После еще одного часа бесполезных поисков, ей представилась возможность поговорить с !Ксаббу без посторонних

ушей. Они вместе обыскивали последние заросли тростника. Азадор и Жонглер уже сдались и сидели на одном из травянистых холмов, молча глядя на них.

— Я такая сканированная, — сказала она, объяснив, что произошло. — Мне надо держать рот на замке.

!Ксаббу встревожился.

— Возможно ты напрасно ругаешь себя, как я прошлой ночью. Возможно мы должны чему-то научиться, хотя сейчас я не знаю, чему. И мне очень странно, что он так сказал. Ведь он сам говорил нам, что *был* цыганом — Ромале, так они называют себя. Это единственное, что он рассказал о себе. И очень гордился своим происхождением. — Маленький человек отвел в сторону занавес раскачивающихся камышей и обнаружил то, что на расстоянии казалось остатками деревянной постройки, а в действительности оказалось грудой стволов деревьев, принесенных сюда каким-нибудь штормом. — Возможно не только он решил держать свое прошлое в тайне.

— Не знаю. Он не казался испуганным или нервным, какой была бы я сама, если бы кто-нибудь знал обо мне такое, что не должен знать никто. Он казался… злым. — Она поглядела на склон холма. Жонглер и Азадор говорили, или, по меньшей мерее, так казалось отсюда. Она почувствовала себя неуютно. — Нет, ты только посмотри на этого старого козла. Из-за него мы не можем найти местных и спросить их, как пересекать реку. — Была ли это вина Жонглера или нет, они действительно не видели обитателей этого симмира с тех пор, как Жонглер напугал Джекки Ниббла, и все его подопечные убежали от их лагеря.

— Возможно. Но возможно и то, что они все пересекли реку и отправились туда, где безопаснее.

— Может быть. — Сэм нахмурилась. — Что эти двое могут сказать друг другу?

!Ксаббу посмотрел на них.

— Не знаю. Я объяснил старику, что Азадор может стать жестоким, если узнает, кто такой Жонглер. Так что не думаю, что он расскажет ему о себе.

Они выбрались из грязи и начали подниматься на травянистый холм. Тем временем Азадор встал, отошел от Жонглера, поднялся на верхушку холма и стоял, глядя вдаль. Они подошли поближе, и тут Азадор внезапно повернулся к ним и крикнул:

— Идите ко мне! Вы только посмотрите на это!

Сэм и !Ксаббу переглянулись и пробежали последние несколько метров.

— Смотрите, — сказала Азадор. — Видите?

— О, нет! — Сэм вся похолодела. — Они тают.

Далекие холмы превратились в призрачные силуэты, полоски, освещенные светом, туманные и неясные намеки на то, что здесь стояло что-то твердое. Даже часть долины уже казалась стеклянно-прозрачной. Сэм в панике посмотрела кругом, но река и ее берега казались достаточно жесткими, а склон холма под ногами безусловно походил на настоящий.

— Они исчезают, — сказал Азадор. В первый раз за все время она услышала в его голосе настоящий страх. — Что это означает?

— Это означает, что у нас мало времени, — сказал Жонглер, подойдя сзади. Его лицо, как обычно, не выражало ничего, но голос на мгновение дрогнул. — Симуляция умирает.

!Ксаббу разбудил ее, в его руке горел факел.

— Меня какое-то время не будет в лагере, — прошептал он. — И мне не хочется оставлять тебя одну с этими двумя.

Сэм сонно встала на ноги и побрела за ним. Звезды казались ярче, чем обычно, как если бы были преждевременными траурными свечами по исчезающему под ними миром.

Достигнув вершины холма, !Ксаббу сел и повязал на свои щиколотки браслеты, сделанные из тростника и травы, которые он сорвал по дороге.

— Это еще для чего? — спросила Сэм.

— Танец, — ответил он. — Пожалуйста, Сэм, мне нужна тишина.

Получив от ворот поворот, она села рядом с ним и уперлась коленями в подбородок. Плащ из упавших листьев, который !Ксаббу сделал для нее, плохо защищал от холода, но ночь была мягкой. Она молча смотрела, как он закончил приготовления, отошел от нее на несколько шагов и встал, глядя на небо и горящие звезды.

Он стоял долго, очень долго. Сэм провалилась в сон, потом проснулась — он стоял там же, застыв как статуя. Ее мысли убежали, она вспомнила другие звезды, горевшие над ней, когда она и отец, залезши в спальные мешки, спали в их саду. Несмотря на тревожные звуки ночного сада, Сэм чувствовала себя так безопасно в его молчаливом обществе, и еще силуэт мамы в окне кухни…

«Что они делают сейчас? Они не могут проводить столько времени со… мной. В больнице. Даже если я здесь умру, они должны будут жить нормальной жизнью, разве не так?» Но это казалось неправильным, нечестным. Но будет только хуже, если они не смогут этого сделать, да?

«О, мой бог. Мам, Пап, прошу прощения…»

!Ксаббу начал двигаться, медленно поднимая одну ногу в воздух и опуская обратно, как беспокойная лошадь, бьющая копытом о землю. Потом, сделав шаг вперед, поднял вторую ногу, потряс ею и опустил опять. Травяные трещотки тихо зашипели. Постепенно, в почти полной тишине, он начал двигаться в сложном и запутанном ритме, шаги стали еще более странными.

Сначала Сэм внимательно глядела на него, пытаясь догадаться по отрешенному выражению лица маленького человека об его мыслях, но танец был слишком медлительным, слишком повторяющимся, чтобы задержать надолго ее внимание: не успел он закончить первый медленный обход круга, который мог видеть только он, как ее мысли опять разбежались. Точные движения !Ксаббу напомнили ей сетевую игру, в которую она когда-то играла. Тогда она была совсем маленькой и две недели не могла оторваться от нее: в воздухе медленно плавали странной формы блоки, надо было столкнуть их вместе и создать геометрические фигуры. Как и в танце !Ксаббу, блоки непрерывно поворачивались, как если были одновременно и тяжелыми и невесомыми. Их замысловатые грани терлись и ударялись друг о друга с той же самой смесью нежности и настойчивости, с которой поднимались и опускались ноги маленького человека, как будто ими управляла не грубая сила тяготения, державшая его на земле, но свободная воля.

«Интересно, играл ли когда-нибудь Орландо в эту игру, сквозь сон подумала она. И что бы он сделал там — что-нибудь совсем другое, чем я, точно. Что-нибудь смешное и печальное.

Интересно, что !Ксаббу хочет…»

И она сама медленно уплыла в другое место, на вершину черной гору, где одиноко кричали птицы…

— Сэм, просыпайся. — Голос показался очень странным: сон все еще крепко держал ее и она решила, что говорит Орландо.

— Ты, проклятый сканмастер, дай мне поспать.

— Уже светло. И сегодня у нас нет времени на сон.

Она открыла глаза. Над ней стоял !Ксаббу, его лицо сверкало от капель пота, грудь обнажена и ходит ходуном, как если бы он только что пробежал марафон. Тем не менее, казалось, он был полон энергии.

— О, боже мой, прости. Я думала, что мы… — Она потерла глаза. — Как ты?

— Великолепно, Сэм. Я много думал. Как хорошо танцевать… и снова стать самим собой.

Она разрешила ему помочь ей встать. Ноги замерзли, в них

вонзились тысячи иголочек; потребовалось некоторое время, чтобы вернуть их к жизни.

— Ну, ты сумел что-нибудь придумать?

Он засмеялся.

— Ты прямо как Рени, честное слово. Мой танец это не… как это называется? А, торговый автомат. Вставляешь карточку, получаешь ответ. Но я понял, почему я не могу найти ответ, который нам поможет. — Он казался светлее, чем во все эти дни, почти светился. — Сейчас мы увидим, Сэм. Пошли.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, пока они шли обратно к лагерю по мокрой траве. Она явственно чувствовала траву под ногами и ей было трудно поверить в то, что скоро все вокруг превратится в серебряное ничто. Однако далекие холмы уже почти растаяли, ландшафт вокруг них казался вырезанным из стекла. Почти не думая, она пошла быстрее. — Когда ты сказал, что хорошо опять быть самим собой?

— Я всегда пытался понять это место, думать так, как люди, которые создали его, думать как Рени и другие, такие как она. Но сейчас я понял, что это совсем не лучший способ и, для меня, даже очень плохой — все равно, как надеть одежду, которая мне не подходит. Я не могу изменить себя, свое восприятие жизни, за несколько недель. Иногда я должен возвращаться назад. К моей прежней жизни.

Она медленно кивнула.

— Наверно я понимаю, что ты имеешь в виду. Я тоже иногда чувствую, что не знаю, кто я такая — то есть кто я на самом деле. — Его удивленный взгляд подхлестнул ее и она продолжила. — Я имею в виду, что теперь, когда я снова девочка — ну, в этом теле — я уже не говорю так, как раньше, не думаю так, как раньше, вроде того. Я начала поступать как… как девочка!

Он улыбнулся, очень мягко.

— Неужели это плохо?

— Нет, не всегда. Но когда я была просто Фредерикс, тенью Орландо, еще одним мальчиком… Не знаю, но все было проще. Я пробовала сделать больше, говорила иначе, и все такое. — Она засмеялась. — И даже ругалась больше.

— Ага, ты точно поняла в чем дело, Сэм. Именно поэтому я и начал волноваться.

Удивленная, она споткнулась о кочку и едва не упала.

— Ты стал волноваться, потому что я не ругаюсь?

— Нет. Но подожди — мы почти пришли. Сейчас ты узнаешь, что я придумал.

Жонглер и Азадор сидели напротив друг друга, с мрачными

не выспавшимися лицами. Более старший холодно посмотрел на них, когда они подошли.

— Итак, после всех разговоров о необходимости и опасности, у вас нашлось время для романтической прогулки. Очаровательно.

Сэм почувствовала, как ее лицо запылал от гнева и уже собиралась высказать все, что она об этом думает, но !Ксаббу коснулся ее руки.

— Мы пытались решить наши проблемы многими способами, — сказал он совершенно спокойно. — Нам нужен новый, иначе мы останемся здесь, когда этот мир растает.

Жонглер недовольно фыркнул.

— А, это была разведывательная экспедиция?

— Что-то в этом роде. — !Ксаббу повернулся к Азадору, который сидел с затуманенными глазами, возможно сожалея от отсутствии в этом мире кофе. — Мне нужно поговорить с тобой, мистер Азадор. И задать тебе пару важных вопросов.

Что-то мелькнуло в глазах мужчины, но он только небрежно махнул рукой.

— Спрашивай.

— Тогда расскажи мне еще раз, как ты оказался здесь — как достиг черной горы, как обнаружил себя в этом месте.

Сэм смотрела на !Ксаббу, заинтригованная, но стараясь не показать этого, пока Азадор недовольно повторял свою историю — как он оказался в лабиринте храма Деметры, как бродил в бледном ничто, и как обнаружил, что гора исчезла.

— Я должен был подумать об этом раньше, — резко прервал его !Ксаббу, когда Азадор приблизился к концу рассказа. — Я вспомнил, что, вырвавшись из Трои, мы довольно долго сидели на склоне черной горы, спорили и разговаривали. И я думаю, что к тому времени, когда мы начали карабкаться вверх, ворота уже исчезли. Как же ты прошел через ворота, а мы тебя не видели?

— Ты хочешь сказать, что я лжец? — Азадор наполовину встал, но опять сел, когда !Ксаббу успокаивающе вытянул руку. Похоже он блефовал, не собираясь ссориться по-настоящему.

— Возможно — но возможно и нет. — !Ксаббу подошел на несколько шагов ближе и уселся рядом с дымящимися остатками костра. Азадор, наоборот, слегка отодвинулся. Сэм с восхищением посмотрела на !Ксаббу. Что он знает или, по меньшей мере, предполагает? Азадор выглядел испуганным. — Я верю, что ты последовал за нами, — сказал !Ксаббу, — и, не исключено, рассказал то, что помнишь, но я не верю, что все это было так, как ты рассказал.

— Зачем мы тратим время на бесполезные расспросы? —

проворчал Жонглер.

— Если ты хочешь пересечь реку до того, как этот мир исчезнет, — холодно сказал !Ксаббу, — тебе лучше закрыть рот.

Азадор, быть может решив, что замечание направлено в его сторону, закрыл свою собственный разинутый рот.

— Что ты хочешь сказать? — требовательно сказал он, немного помолчав. — Что я сумасшедший? Что я не знаю, что такое правда? Или ты решил, что я обыкновенный лжец?

— Как ты смог пройти через закрытые ворота, если только не сумел заново открыть их? Как ты нашел дорогу через серое ничто? Мне для этого понадобилось все умение моего народа идти по следам, которому бушмены учились тысячи поколений. Как ты сумел провести свой плот вверх по течению и найти нас? И самое странное из всего, откуда на тебе одежда, если мы все остались голые? Как ты можешь ответить на любой из этих вопросов, если, как ты говоришь, не был в этом месте раньше? — !Ксаббу на мгновение замолчал. — А то, что ты на самом деле помнишь, это другой вопрос.

— Да! — сказала Сэм, начиная понимать его мысль. — Суперскан! Я даже не подумала об этом. У него есть одежда!

— Это просто смешно, — прошипел Азадор, но в его глазах опять что-то промелькнуло. — Намного более разумно назвать меня лжецом.

— Как тебе будет угодно, — просто сказал !Ксаббу. — Но есть и другие вопросы. Расскажи мне о ромале, мистер Азадор. Объясни, почему вы никогда не выдаете ваших секретов *горджиос*[54], как ты говорил мне раньше. Как ты и другие цыгане, твои друзья, встречаетесь на Цыганской Ярмарке, рассказываете истории и обмениваетесь информацией.

На этот раз Азадор выглядел по-настоящему сбитым с толку и глядел на маленького человека так, как будто !Ксаббу говорил по-китайски.

— Что ты имеешь в виду? Я никогда не говорил ни о чем таком с тобой — это девочка начала нести чушь о цыганах.

Сэм глядела на развертывающийся спектакль, и чувствовала, как ее сердце понеслось вскачь. Даже Жонглер, похоже, был ошеломлен происходящим.

!Ксаббу покачал головой.

— Нет, Азадор. Ты сам начал это. Там, в тюрьме, где мы впервые встретились. А потом на лодке в Канзасе. Помнишь? Ты называл меня человеком-обезьяной, потому что тогда я был в теле бабуина…

— Ты! — Азадор вскочил на ноги, разметав во все стороны

последние угольки костра. — Ты, и твоя стерва — вы украли мое золото! — Он бросился вперед на !Ксаббу, который слегка отступил назад

— Стой! — крикнула Сэм. Крик получился пронзительным и слегка испуганным. Она схватила рукоятку и сломанный меч Орландо вылетел наружу. — Только коснись его, и я выпущу наружу твои кишки.

— Я сломаю тебе шею, девочка, — прорычал Азадор, но не сдвинулся с места. Жонглер тоже вскочил на ноги, и на мгновение все застыли, четыре угла четырехугольника недоверия.

— Прежде всего скажи, — сказал !Ксаббу, — что мы украли у тебя?

— Золото! — крикнул Азадор, с перекошенным, почти испуганным лицом. — Мое… золото.

— Ты не помнишь, что это было, а?

— Я знаю, что вы украли его у меня!

!Ксаббу покачал головой.

— Мы ничего не крали. Мы разделилась, когда система засбоила, — сказал он так спокойно, как если бы перед ним не стояли Азадор с видом кровавого убийцы и рядом Сэм, направив меч в живот мужчины. — А теперь скажи, что ты помнишь на самом деле? Я думаю, что ты уже был здесь раньше, в этом так называемом Белом Океане. Почему бы тебе не попытаться вспомнить? Мы все в страшной опасности.

Азадор отшатнулся, как если бы его ударили палкой. Он замахал руками и безумным взглядом уставился на !Ксаббу.

— Это ты — ты сумасшедший, Азадор нормальный. — Он посмотрел на Сэм и ее оружие, потом на Жонглера. — Вы все сумасшедшие! — Рыдание сдавило его горло. — Не Азадор! — Он повернулся и захромал из лагеря, прошел по лугу, и начал забираться на склон холма, потом внезапно упал и скрылся в траве, как будто его подстрелили.

— Что ты наделал? — спросил Жонглер, почти своим обычным командирским тоном.

— Спас нас, возможно. Сходи за ним — я думаю, он не хочет, чтобы я или Сэм подошли поближе, но он нам нужен.

Жонглер, с разинутым ртом, смотрящий как бы сквозь ! Ксаббу, пришел в себя, замахал руками и пробормотал:

— Сходить за ним?..

— Иди, черт тебя побери! — крикнула Сэм, размахивая сломанным мечом. — Два дня назад мы вообще собирались бросить тебя. Сделай хоть что-нибудь полезное!

Было видно, что Жонглер выбирает, что бы такое сказать. Наконец, не произнеся ни слова, он повернулся к ним спиной и

зашагал к упавшему Азадору.

— *Хорошо*! — сказала Сэм. Ее сердце все еще болезненно билось.

— Жонглер — это враг, с которым надо вести себя очень аккуратно, — сказал ей !Ксаббу. — Это все равно, как управлять очень ядовитой змеей — не накликать бы на себя несчастье.

— Что ты знаешь? Об Азадоре? Кто он такой? Что он такое?

Поединок закончился, !Ксаббу позволил себе немного расслабится.

— Я не могу точно сказать, кто такой Азадор — во всяком случае не здесь, самом сбивающим с толку месте в сети. Но, возможно, он такой же фантом, как та женщина, Ада, и мальчик, которого повстречал Джонас — он передвигается по этим мирам, сам не зная, кто он такой. И, конечно, он не тот Азадор, которого я встречал раньше — тот очень гордился собой, глядел на всех холодно и свысока. И Джонас рассказывал, что тот Азадор говорил в час по чайной ложке.

— То есть это разные люди?

— Нет, не думаю. Но, в этом месте, кто знает? — !Ксаббу уселся около костра. — Сейчас это абсолютно не важно. Важно — где он бывал.

— Не понимаю.

!Ксаббу устало улыбнулся.

— Подождем и увидим. Возможно, если я правильно угадал, ты назовешь меня очень умным человеком. Но если я ошибся, мне будет не очень стыдно. То, что последует потом, будет намного труднее.

— Ты тоже изменился, — внезапно сказала Сэм. — Я не хочу сказать, что ты — другой человек, но ты стал… более уверенным в себе.

— У меня было время послушать голос солнца, — сказал он, — хотя здесь нет никакого солнца. И поговорить с предками-звездами.

Сэм пожала плечами.

— Не поняла ни одного слова.

!Ксаббу потянулся о погладил ее по руке.

— Не имеет значения, Сэм Фредерикс. Пошли, пришли время посмотреть, сработала ли моя магия на мистере Азадоре.

— И что вы сделаете со мной, если я не захочу сотрудничать? — резко спросил Азадор. — Проткнете меня мечом? — Он говорил с таким преувеличенным мальчишеским гневом, что на мгновение Сэм спросила себя, уж не живет ли в теле взрослого мужчины душа очередного украденного ребенка.

— Очень хочется, — тихо сказала она, но все равно заработала жесткий взгляд !Ксаббу.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, — сказал маленький человек. — Мы просто уйдем из этого мира, который исчезает вокруг нас.

Жонглер стоял слегка в стороне со своим обычным видом равнодушной ящерицы. Сэм понятия не имела, что такого он сказал этому бородачу, но он вернул Азадора обратно, и хотя бы за это можно она была ему благодарна.

— Я в руках безумцев, — сказал Азадор.

— И это может быть, — ответил !Ксаббу. — Но я обещаю, что с тобой не случится ничего плохого. — Он поднял руку. — Дай мне твою рубашку.

Азадор недовольно засопел, но разделся. !Ксаббу взял ее, скрутил из нее полоску и обвязал вокруг головы Азадора так, чтобы тот ничего не видел.

— Ты что-нибудь видишь?

— Нет, черт тебя подери, конечно нет!

— Это важно. Не лги мне.

Азадор повел головой из стороны в сторону.

— Не вижу ни хрена. И если я сломаю ногу, то с тобой будет то же самое, даже если вы выпустите мне все кишки наружу.

!Ксаббу возмущенно задышал.

— Ничего с тобой не будет. Пошли, мистер Азадор, ты часто говорил, какой ты храбрый и решительный. Неужели ты боишься прогуляться с закрытыми глазами?

— Я не боюсь. Но вся твоя затея кажется мне полной фигней.

— Возможно. А теперь все остальные, тихо. Мы идем вдоль реки. И ты, Азадор, идешь до тех пор, пока тебе не покажется, что здесь хорошее место для переправы.

Сэм ничего не понимала, но была заинтригована и предпочитала помалкивать. Даже Жонглер, похоже, заинтересовался экспериментом. Они свели Азадора вниз, к последнему твердому участку земли перед берегом, потом повернули вверх по течению.

Они довольно долго шли, не говоря ни слова. Только Азадор время от времени непечатно ругался, налетая на очередное препятствие. В некоторых местах тростник рос так плотно, что они едва не падали в воду; в других местах перед ними простирались необозримые луга, и постепенно Сэм заметно меньше стала верить инстинктам !Ксаббу. Насколько она могла видеть, вокруг не было ничего, кроме воды и травы. Что за разница, слеп этот человек или нет?

Через какое-то время Азадор даже перестал недовольно

ворчать. Он шел как лунатик, бесстрастно, отдыхал тогда, когда отдыхали другие, и даже не жаловался, когда они шли по грязи. Иногда она слышала его тихий шепот, но слов было не разобрать.

Первый час перетек во второй, и он резко изменился: на него опустилось спокойствие, время от времени он останавливался и наклонял голову, как будто слушал то, что другие не могли слышать.

Свет начал меняться, стало отчетливо темнее, половина дня была позади, а они все еще ничего не нашли.

«Только посмотрите на нас!— подумала Сэм. Ноги болели, ей было жарко и душно, хотелось лечь и лежать до тех пор, пока не произойдет то, что должно произойти; и только из-за уважения к !Ксаббу она двигалась как автомат последние несколько часов.— Азадор прав. Это полная фигня. Четыре человека прутся по берегу реки в поисках того, что не существует».

Они прошли мимо еще одной шуршащей купы деревьев, и увидели мост.

Сэм раскрыла рот.

— Но как…? Мы были здесь. Это… мы не видели… *Дзанг!* — Узкий мост почти ничем не отличался от каменной стены с дырами для прохода воды, и все-таки он был достаточно широк — два человека могли идти по нему бок о бок. Еще более важно, он простирался до лугов на той стороне реки, или, во всяком случае, так казалось: низкий туман скрывал дальний конец моста.

— Можешь снять с глаз повязку, — сказал !Ксаббу Азадору.

Из всех них только Азадор ничему не удивился, как если бы он уже видел этот мост раньше. Тем не менее на его лице мелькнул страх и, повернувшись к !Ксаббу, он сказал.

— Я… я не хочу идти туда.

— Деваться некуда, — твердо сказал !Ксаббу. — Пошли. Веди нас туда.

Азадор недовольно покачал головой, но все-таки подошел к началу моста. Мгновение поколебавшись, он шагнул на него, за ним !Ксаббу, Сэм и Жонглер. Сэм поразилась твердости каменного моста — особенно потому, что точно знала — завтра от моста ничего не останется.

Азадор сделал несколько осторожных шагов, потом остановился.

— Нет, — сказал он странным далеким голосом. — Сначала… сначала мы должны кое-что сказать.

Все замерли, ожидая.

Серый гусь с гусыней,—

прошептал наконец Азадор, с его голосе прозвучало чувство, которого Сэм не сумела понять.—

Мигом крылья распустите,
Дочь царя перенесите
Через речку побыстрей.

Какое-то мгновение он глядел на них, потом пошел вперед по каменной дорожке над сияющей, медленно текущей водой. Потрясенная Сэм только сейчас увидела так долго спрятанные глаза человека, полные слез.

ГЛАВА 26
Мухи и пауки

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Последний рубеж

(изображение: Лаборатория обоняния компании ВиВин)

ГОЛОС: Евро-Азиатская компания ВиВин объявила, что выпускает «первую настоящую систему производства запахов» для пользователей сети без нейроканнулярных имплататов. ВиВин утверждает, что система ЗнаетНос использует палитру запахов, которая может симулировать миллионы различных ароматов.

(изображение: Дугал Кейги, вице-президент службы информации ВиВин)

КЕЙГИ: «Многие люди не пользуются канюлями — и не только потому, что не могут позволить их себя, но и по религиозным или медицинским причинам. Так что мы не только взволнованно, но и с глубокой гордостью объявляем о том, что теперь вам нет необходимости встраивать в ваш мозг проволоку, чтобы почувствовать все запахи сети. И это не одна из этих дешевых шоколад-сыр *систем — затычка ЗнаетНос дает результаты, которые невозможно отличить от того, что дает нейроканнулярный имплатат.»*

Дульси украдкой еще раз посмотрела на своего нанимателя, уверенная на каком-то иррациональном уровне, что даже погруженный в похожий на смерть сон он способен заставить ее почувствовать себя виноватой; но, если это и была правда, он не обратил на нее внимания. Она опять повернулась к маленькому экрану своего блокнота, которым, как ей казалось, сейчас более благоразумно пользоваться, чем огромным настенным экраном.

Тайное хранилище Дреда казалось сделанным из адаманта. Она бросила на него все свои дешифровщики и средства взлома, но обнаружила только то, что он защищен самым обычным паролем, никакой квантовой криптографии или чего-нибудь еще более изощренного, но ее основной взломщик проверил астрономическое число комбинаций цифр и букв, и не нашел нужной.

«Ради всего святого! Это только чертов пароль! Почему я не могу взломать его?»

Конечно, когда дело касается паролей, вам всегда может помочь любая информация о владельце банковского счета, который вы собираетесь взломать.

Недовольно ворча, она сдалась, закрыла канал в систему Дреда и запустила чистку. Вряд ли Дред или его система безопасности настолько искусны, чтобы отловить следы ее присутствия, но лучше даже не оставлять им такую возможность.

Она была очень недовольна сама собой, боевое настроение растворилось в заботах и сомнениях, она вздохнула и открыла файлы Жонглера — свое законное занятие, если можно использовать такой термин для описания воровства чужих данных — и погрузилась в работу. Индикаторы файлов заполнили до предела ее маленький экран, она выругалась и перенесла операции на стенной экран — и так достаточно трудно найти смысл событий, оставаясь в двух измерениям, пусть хоть экран измеряется в метрах. На этом она остановилась, почему-то ей не захотелось погружаться в трехмерный мир, хотя там она работала намного более эффективно.

«Я боюсь стать беспомощной в ВР, потому что я в одной комнате с Дредом,— сообразила она.— Это тебе не уличные хулиганы или обычные бандиты. Я… я боюсь его. Великолепно, Энвин — тебе потребовалось всего две недели, чтобы что-то понять, не слишком ли много?»

Она взглянула на его темный профиль, слабо смещающийся вверх и вниз под действием кровати, массажирующей его, и внезапно ей пришла на ум картинка из книжки, которую она читала в детстве. Она едва не уронила свой кофе.

«Иисус Христос, я же Ренфилд. Тот парень, который ел мух и пауков. И это моя работа — наблюдать за Графом Дракулой.»

Наскоро приняв душ, она почувствовала себя немного лучше, но все равно решила ввести мораторий на кофе, хотя бы до конца дня.

«Дракула? Не сходи с ума, Энвин,— сказала она себе, садясь за работу.— Тем не менее, если он сейчас выскочит из своего жужжащего гроба, наполненный словами и едва завуалированным сексуальным интересом, я не собираюсь идти ему навстречу во всех отношениях».

Она сосредоточилась на информации Жонглера, выискивая то, что пропустила при первом знакомстве, все скрытые данные, которые могли быть связаны с сетью Грааля. Прошел час, она почувствовала себя намного лучше, и даже разрешила себе потратить несколько минут на файл *Ушабти*, но опять, как и в первый раз, не сумела найти подходящий код или пароль, и он

остался молчаливым и замкнутым, как устрица.

«Они чертовски похожи, оба. Ничего удивительного, что Жонглер нанял его… Боже мой, ну конечно! Его наниматель! Если у кого-нибудь и есть информация о нашем мальчике, то только у Жонглера!»

Через несколько мгновений она вернула все файлы Жонглера в блокнот и начала поиск. Запрос «Дред» не дал ничего полезного, что, впрочем ее не удивило, однако в голову не приходили ничего, кроме «Сидней», «Картахена», «остров Сантуарио» или прочей ерунды. Как можно искать информацию, если у тебя нет почти ничего для начала поиска?

Дульси сильно сжала челюсти — завтра наверняка заболит голова! — открыла огромный банк платежных данных Джи Корпорэйшн, и послала дюжины разных битов специальной программе по поиску в ней аномалий, а также и среди файлов Жонглера. «Парню должны были заплатить,— подумала она.— Не имеет значения, как они это называют, но он должен был как-то связываться с ними». Она открыла личную систему Дреда, которую исследовала всю, кроме тайного хранилища — «запертой комнаты», как она решила называть его. Вроде бы ближе к концу она на что-то наткнулась, прозвенел слабый звоночек, но она была слишком занята, чтобы обратить на него внимание. Совершенно обычная скучная информация, но она и не искала новых открытий, особенно там, где уже все как следует исследовала. В системе Дреда могло быть место, связанное с соответствующим, хотя и не обязательно таким же, местом в системе Жонглера.

На это потребовалось два часа, но в конце концов она его нашла. Короткая строчка цифр на одном из платежных поручений невероятно большого бюджета Джи Корпорэйшн, направленном через несколько более мелких компаний, которые внешне никак не было связаны с корпорацией, одна в Северной Африке, другая на Карибах, полностью соответствовала другой строчке цифр на счете, принадлежавшем скорее всего фиктивной компании, ссылка на которую, однако, имелась в системе Дреда. Судя по датам, это выглядело как платеж за убийство в Колумбии. Скорее всего это было срочное возмещение некоторых выплат, которые загадочным образом исчезли, и только поэтому она нашла связь.

«Маленькие ошибки, они всегда убивают»,— радостно подумала она.

Имея в руке эту маленькую ниточку, она пошла по ней назад, от узла к узлу цепочки, иногда легкие шаги, иногда, наоборот, только огромный опыт и интуиция помогали найти решение, и, наконец, обнаружила, что медленно движется к тому самому

каналу связи, который нашла раньше — между Джи Корпорэйшн и личной системой Жонглера. Ее ладони вспотели, сердце трепетало.

Нити вели в группу файлов системы Жонглера, отмеченных как «устранение» — вначале она решила, что старик так пошутил, но потом, проверив их внимательно, обнаружила, что это контракты, отчеты и другая информация об огромном комплексе системы уничтожения отходов искусственного острова, тысячи и тысячи файлов, и все совершенно и скучно обыденны. Она откинулась на спинку стула, разочарованная и пораженная. Как она могла так ошибиться? Неужели она пропустила какой-то стежок, потянула не за ту ниточку и неправильно прошла по ковру? Ей потребуется немало часов, чтобы вернуться обратно и найти ошибку.

Она уже собиралась с разочарованием закрыть весь этот балаган, когда внезапно спросила себя, почему Жонглер настолько заинтересовался инфраструктурой уничтожения отходов корпорации, что поместил ее среди своей собственной системы? Конечно, это его основная резиденция, но все равно выглядит очень странно. Она проверила и обнаружила, что все эти файлы существуют и в системе Джи Корпорэйшн, но это не доказывало ничего — быть может Жонглер захотел поиметь свою собственную копию из-за какого-нибудь несовпадения в счетах, которые захотел проверить. Но, судя по словам Дреда, Жонглер не походил на человека, интересующегося ежедневной работой по уборке своей штаб-квартиры.

Дульси запустила процесс сравнения файлов в обоих системах, и беспокойно барабанила пальцами, пока процесс не остановился и не замигал.

«Два файла с одинаковым именем,— увидела она с возродившимся азартом.— И версия Джи Корпорэйшн короче, чем версия Жонглера. Бинго! Победа!»

Она мгновенно ввела несколько цифр и больший файл открылся. Пальцы Дульси больше не барабанили по краю блокнота, они изогнулись, как когти хищной птицы, готовой броситься на жертву. Дополнительные данные были спрятаны на нижнем уровне, как бутылки с контрабандным виски под шасси фургона. Едва дыша от волнения, она открыла их.

Что-то завыло как дрель бормашины.

Файлы и индикаторы начали прыгать с экрана и исчезать. Указатели на сообщения замигали и стали похожи на маленькие взрывы. Ее система безопасности закричала в полный голос, высокий сигнал тревоги, настолько болезненный, что какое-то мгновение она не могла понять, что происходит.

«О, блин — вирус! Но почему моя система не остановила его?»

Она открыла файл не введя разрешения и перенесла его в свои данные, так что ее антивирус не знал, что с этим делать. В доли секунды вирус уничтожил весь файл, причем не только удалил ссылку, но и перекопал место, в котором он находился. Только бог знает, что он еще может сделать — может быть уничтожит вообще всю ее систему.

Однажды, еще подростком, она подрабатывала няней в чьем-то там доме, и, не подумав, выбросила еще теплую золу в корзину с мусором и начался пожар. Пламя взобралось на длинные занавески венецианского окна раньше, чем она успела выскочить из комнаты. Тогда она испытала то же самое чувство ужаса и греха, как и сейчас. Только на этот раз она не могла прыгнуть на ноги и разбить блокнот о пол, пытаясь убить ужасную вещь, которую разбудила.

Зная, что на счету каждая секунда, она перевела блокнот на управление голосом и начала выкрикивать команды, для ее системы эквивалентные пожарной службе, потому что вирус уже сожрал все ее встроенные утилиты. Через несколько мгновений ей удалось изолировать ракообразно разрастающийся вирус от своих собственных данных, но она ничего не могла сделать, чтобы остановить разрушение файлов, которые она скачала из системы Жонглера.

Тем не менее, несмотря на быстро выставленный брандмауэр, вирус, похоже, успел сделать что-то странное с ее системой: замигал маркер передачи данных, как будто она сама пыталась получить канал связи.

Еще минута лихорадочной работы, и она нашла еще один раздел своей системы безопасности, о котором почти забыла, и он дал ей возможность получить контроль над разрушаемыми данными и заморозить их, но она опоздала: вирус уничтожил практически все. Она очень сомневалась, что от этих файлов осталось хоть что-нибудь.

«Но это же только копия,— напомнила она себе.— Главная версия все еще в системе Жонглера. Сейчас я скопирую ее и на этот раз буду более осторожной…»

И только тогда она поняла смысл мигающего маркера передачи данных. Внутри нее все похолодело от ужаса, она разорвала соединение, но опять опоздала. Встроенный в файл вирус был исключительной мерой, он не только уничтожил украденный файл, но и послал команду на уничтожение главного файла, и, скорее всего, сообщение о взломе владельцу файла, давая тому возможность отменить приказ.

«Если Жонглера нет, тогда файл стерт. Исчез. Но если он здесь, я только что сообщила ему, что кто-то украл его самые секретные файлы.»

Быстрая проверка подтвердила самые худшие опасения. Главный файл официально больше не существовал.

— Дерьмо! — вслух сказала она. — Дерьмо дерьмом!

— Что случилось, моя сладкая?

Дульси вскрикнула, планшет соскользнул с коленей и улетел на покрытый ковром пол. Рядом с ней стоял Дред, блистая обнаженной коричневой кожей и тугими мускулами, одетый только в полотенце, обернутое вокруг бедер; он напоминал статую, сошедшую с пьедестала. И как всегда она не услышала, как он подошел.

— Боже мой, т-ты напугал меня! — Но ее сердце затрепыхалось не только из-за того, что он появился так внезапно. Блокнот лежал на ковре, полный следов ее преступления. Она опустилась на колени, бормоча, чтобы скрыть настоящую причину ужаса. — Я не знаю… Я думала, что ты… Здесь так тихо, но я не слышала…

Пока он глядел на нее, с довольной улыбкой, перекосившей его рот, она успела почистить от информации маленький экран.

— Не собирался вызывать у тебя инфаркт, — сказал он усмехаясь и посмотрел на блокнот. — Почему ты не пользуешься стеной?

— Глаза… из-за него у меня болит голова… иногда.

Он кивнул.

— А чего ты так зло кричала?

— Что? — она отчаянно пыталась вспомнить, что еще открыто в блокноте. Что, если он захочет войти в систему? — О, просто… проблемы с защитой некоторых файлов Жонглера. Его банковских счетов. — Насколько она помнила, канал к данным Дреда все еще был открыт, и ее взломщик еще ждал данных для поиска. Она выругала себя за то, что не скопировала файлы Дреда в собственную систему. Ее охватило липкий противный страх, что вот сейчас он все узнает и тогда с ней случится нечто намного худшее, чем обычная стрельба. Она попыталась успокоиться и заговорить погромче и повеселее. — Я работала много часов и устала, очень устала. Не хочешь немного развлечься?

Он наклонил голову.

— Как?

— Ну, не знаю. Может сходим куда-то и поужинаем, а? Просто выйдем отсюда на час или два?

За темными глазами что-то шевельнулось; она взмолилась, чтобы это оказались не подозрения.

— Хорошо, — сказал он слегка подумав. — Почему нет? Ты хочешь что-нибудь купить?

Она заставила себя улыбнуться.

— Конечно. Просто дай мне привести в порядок кое-что…

Пока Дред одевался, Дульси закрыла и выключила все, потом запустила программу чистки. При этом ее пальцы дрожали так, что ей пришлось поставить блокнот на крышку стола.

«Как он может двигаться так тихо? Он выходит из свой кровати, пересекает комнату, а я не слышу его, никогда. Может быть он на самом деле вампир.» Не самая хорошая шутка, особенно сейчас. Она закончила, выключила блокнот и вытерла рукавом лицо. В комнате было холодно, но она вспотела.

«Быть может Ренфилду стоит подумать о другой работе…»

За ужином Дред был совершенно очарователен, сверкал белыми зубами и весело преувеличивал свою австралийскую мужественность, пытаясь заставить ее смеяться. Если бы Дульси повстречалась с ним в первый раз, она была бы полностью очарована его рассказами о странных местах и еще более странных людях, с которыми он встречался во время своей особой работы. И даже неделю назад она с удовольствием выпила бы третий стакан вина, и может быть даже четвертый, и разрешила бы себе погрузиться в теплое «согласна-на-все». Вместо этого она, улыбаясь, думала только о том, что он едва не схватил ее, и каждый раз, когда он бросал на нее пронизывающий взгляд, спрашивала себя, не понял ли он, чем она занималась.

Подозревал ли он ее в чем-нибудь или нет, но внутри него определенно что-то происходило. Время от времени Дреда охватывали странные и многословные, почти лихорадочные приступы энтузиазма. Так было и сегодня вечером, но на этот раз он был еще и настороженным Дредом, которого она тоже хорошо знала, Дредом, накинувшим на себя тугую узду и понимающим, что балансирует на краю пропасти. Он молчал, когда они возвращались из кафе, не смотрел ни на нее, ни на политые дождем улицы; его глаза всматривались в одну ему видимую точку на невидимом горизонте. И еще он как-то необычно подпрыгивал при ходьбе, почти незаметное, но постоянное напряжение мускулов, как если он один из всего человечества победил гравитацию, но решил сделать вид, что подчиняется ей.

В главной комнате чердака, освещенной только красно-белым призрачным светом сигнальных огоньков кровати для комы, он обнял ее за талию и подтянул к себе. Он оказался невероятно силен, невозможно было сопротивляться даже этому быстрому и беспечному движению; на мгновение она решила, и он собирается

сломать ей спину и не сомневалась, что он с легкостью это сделает. Но он только прижался щекой к ее щеке и поднес губы и уху.

— Давай потанцуем, моя сладкая? Ты же знаешь, внутри меня всегда играет музыка и могу сыграть ее для тебя.

Она закостенела при его прикосновении и искала любую возможность с благодарностью отказаться. Внезапно мысль о том, чтобы заняться сексом с этим человеком показалась не просто более неприятной, чем она могла себе представить, не обычными на-следующий-день угрызениями совести, но настоящим ужасом. Слабый голосок глубоко в мозгу — детский, рассказывающий сказку — проверещал «*Он хочет украсть твою душу!..*» Она в очередной раз постаралась успокоится, уверенная, что своим острым звериным чутьем он уже почуял ее страх.

— Я… я не очень хорошо себя чувствую. Колики в животе. Но… это был очень милый ужин.

Его зубы мягко сомкнулись на ее мочке уха. Крошечный укус послал черную молнию боли по всему позвоночнику.

— О Дульси, моя сладкая — ты же не хочешь помучать парня, особенно сейчас?

— Нет. — Ее сердце мучительно стучало в груди: *«Я совсем одна»*. — Нет, я не такая… Я не хочу.

Он зажал ее челюсть между указательным и большим пальцами и повернул ее лицо к себе так, чтобы поближе посмотреть на нее, и улыбнулся, очень странной улыбкой, его глаза на мгновение превратились в черные бездонные дыры за маской. Она почувствовала, что ей хочется кричать, но в это короткое мгновение, внутри ночного кошмара, она не смогла издать ни звука.

Он отпустил ее, и она едва не упала.

— Тогда, — легко сказал он, — я думаю, что мне лучше всего вернуться к работе. Не так-то просто быть Богом. — Он поцеловал кончик пальца и легко коснулся им ее пересохших губ. — Не хочу, чтобы ты подумала, будто я не могу контролировать себя. — Он засмеялся, поразительно беззаботно, и начал раздеваться, готовясь лечь на кровать для комы. Дульси сбежала в ванну.

«Я больше не доверяю сама себе,— подумала она.— Я не могу сказать, что настоящее, а что нет. Он чудовище? Тогда почему он не изнасиловал меня — я бы не смогла пошевелить и пальцем. Ни малейшего упрека или попытки напугать».

Но она *испугалась* до полусмерти, хотя рациональная часть ее сознания уже начала рассылать напоминания, образовывать

комитеты и договариваться о встречах.

«Он просто… странный. Темный. А что ты ожидала? Черт побери, этот парень — международный преступник, а не домашний учитель».

«Иди в аэропорт,— сказал более испуганный голос.— К дьяволу город. Скажи ему, что мать умирает. Все, что угодно».

«Но я не могу просто так уйти от него,— внезапно поняла она.— Он никогда не освободит меня, верно? Я единственный человек, который знает, чем он занимается.— Нервный страх, охвативший ее, внезапно закостенел, превратился во что-то более твердое и холодное.— Он убил своего босса, неужели он отпустит меня? Конечно нет, если я его не опережу — жертва начинает охотиться на охотника».

«Кого ты слушаешь, Энвин — разве ты жертва? Ну тебя заносит. Что он тебе сделал на самом деле? Нанял, платит бешенные деньги. И ты решила, что он тебе не нравится…»

Она уселась на кровати, кровь бешено стучала в ушах. Она порылась в чемодане, ничего не нашла, потом вспомнила, что положила револьвер в шкафчик рядом с кофе.

«Неужели я действительно такая глупая? Кроме того он очень быстр — если в следующий раз он не захочет услышать слово „нет“, разве у меня будет возможность использовать револьвер?— Она дала чемодану соскользнуть на пол.— Слишком много. Слишком много для меня — надо поспать».

Полчаса спустя, когда таблетка слегка приглушила бой барабанов в голове, сон все еще оставался далекой недостижимой мечтой. Она встала и тихо подошла к главной комнате чердака.

Дред опять лежал в своей кровати для комы, серьезный как Будда. Слегка менее взрослая часть ее прошептала: «Типичный мужик. Я мучаюсь от головной боли и думаю, не застрелить ли его, а он спит не обращая внимания ни на что».

Но он, конечно, не спал. Он вернулся в сеть и занимался там своими делами. Дульси не была в своим любимых местах сети уже несколько недель, и, странным образом, скучала по ним.

«Какой чертовщиной он там занимается?»

Злясь на свои собственные страхи, которые никуда не хотели уходить, она взяла свой блокнот со стола, вернулась в свою комнату и еще закрылась на засов. Через несколько мгновений она уже глядела на почти полностью уничтоженные вирусом файлы. Она отправила работать свое средство восстановления и откинулась на спинку стула. В такие моменты ей очень хотелось иметь какое-нибудь незамысловатое хобби, которое бы помогло провести время — курение, пьянство, или даже Русскую рулетку.

Быть может настало время для Важной Встречи с Самой

Собой? Она немного подумала, но отложила на потом. Сейчас жизнь и так ни на что не похожа, и не имеет смысла принимать какие-то решения, когда ты в депрессии и устала как собака.

Она трижды обошла чердак, потом ответила на сообщения, пришедшие из Штатов, включая сбивчивое объяснение ее соседки снизу, Чарли, почему она случайно накормила собачьей пищей ее кошку Джонс, причем даже звонок к Чарли и разговор с глазу на глаз не помог прояснить ситуацию. Наконец программа восстановления закончила работу. Она открыла спасенные файлы и обнаружила то, что и следовало ожидать — фрагменты. Часть из них оказалась непостижимой смесью кусков разных текстов, которые могли быть счетами или даже личными сообщениями, но сейчас выглядели так, как будто были написаны на неведомом языке. Было и несколько вполне читаемых абзацев, но и они по большей части получились как результат работы программы восстановления и без контекста не имели смысла. Единственное, что действительно заинтересовало Дульси, оказались фрагменты на медицинском языке, быть может части истории болезни. Указания на изменения лекарств, и список того, что казалось показаниями приборов измеряющих активность мозга, но странно утонченных, не таких, которые вы ожидаете даже от такого важного и необычного пациента, как Дред.

На самом деле, основываясь на том, что осталось после атаки вируса, она не могла быть уверена, что все эти данные касались Дреда. Это было логическое допущение, совершенно недоказуемое. И еще хуже, оставшиеся данные не содержали никакой информации о связи между Дредом и его хозяином, Феликсом Жонглером.

Достаточно большой кусок данных оказался изображением, вероятно одним из многих среди себе подобных, но единственным сохранившимся. Она сумела открыть его и озадаченно уставилась на меленький снимок, плохого качества, сделанный в плохо освещенной комнате, и, возможно, во время съемки камера дергалась. Ослепительно белая вспышка, потом на экране появилась маленькая темноволосая фигурка, сидящая у стола в белой комнате. Голос назвал номера, камера пододвинулась ближе к рукам объекта и маленькому предмету, лежащему на столе. Следующие двадцать секунд не происходило ничего, потом камеру отдернули, голос произнес другие номера, и сегмент закончился.

Дульси, озадаченная, откинулась на спинку стула. В нормальном состоянии она бы сочла файл потерянным, но, взвинченная и нервная, она знала, что уснет очень и очень не скоро. И не желала признать себя побежденной, хотя и потерпела

поражение. Она нашла в своей системе средство для улучшения изображения — она сделала доброе дело одному почти другу, который занимался темными делами в области передачи информации, и он отплатил ей этим пакетом, который, по его словам, был разработан для военной системы обработки изображений — и начала экспериментировать, пытаясь улучшить последний уцелевший видео-файл.

Во первых она увеличила лицо человека. Особенно улучшить не удалось, но все-таки стало ясно, что это темноволосый и темнокожий мальчик. Она глупо глядела на него несколько мгновений, боясь поверить в то, что казалось очевидным.

«Неужели это Дред? Он выглядит лет на тринадцать. Зачем Жонглеру фильм про тринадцатилетнего Дреда? И что все это может значить?»

Она включилась в работу по-настоящему, пытаясь получить лучшее качество и сожалея о том, что слишком мало знает об обработке графических изображений. Поменяв контрастность, она сумела рассмотреть скулы и челюсть под ниспадавшими черными волосами и ее пульс зачастил — по форме это лице безусловно напоминало лицо Дреда. Но как бы она не старалась, она не могла сделать изображение яснее, очень странно, потому что она точно могла улучшать другие предметы, вроде рук или края стола.

Немного расстроенная, но все равно убежденная, что это он, она начала работать над предметом, лежащим между его рук, темной ромбовидной фигурой между десятью и пятью сантиметрами в длину. Наконец она построилась под него и переместила в фокус. Это оказался таймер с числовым выводом, похожий на продолговатые часы без ремешка. Гоняя фильм вперед и назад, она стала обращать внимание на выдаваемые им числа, и, пару раз ошибавшись, в конце концов сообразила, что где-то на полдороге эксперимента числа внезапно пошли в обратную сторону.

Дульси тряхнула головой. Подросток Дред держал таймер, который тикал себе вперед, как ему и полагается, и вдруг пошел обратно? Что же это за эксперимент? И почему Жонглер спрятал его среди самого секретного эквивалента личного файла?

Она пересматривала пленку с экспериментом снова и снова, убедилась, что это действительно Дред, но никак не могла понять смысл происходящего. И только запустив фильм из конца в начало, сообразила, что не обратила внимания на вспышку белого цвета в самом начале, предполагая, что это просто испорченные данные. Остановив пленку, она медленно посмотрел на то белое, что действительно прошло перед камерой. Скорее

всего это чей-то белый лабораторный халат, или, возможно, искаженная рука оператора, поправлявшего объектив, но она начала с ним играть.

После нескольких минут игры с разрешением, она обнаружила, что это карточка — возможно с номером эксперимента на ней. Начало фильма исчезло, так что от надписи остались только слабые серые маркеры. Она опять начала улучшения, решив любой ценой прочитать саму надпись.

Спустя полчаса машина выдала пятый и лучший вариант. Свет падал на карточку сверху, почти не позволяя камере увидеть текст, но ее пакет, предназначенный для распознавания земных объектов из ближнего космоса, все-таки сумел получить слова:

ДОКТОР ЧАВЕН — ПРОЦЕДУРА #12831 — ВУЛГАРУ, ДЖОН

Дульси внезапно почувствовала, что на нее кто-то пристально смотрит. Она в панике оглянулась, уверенная, что Дред опять незаметно подкрался к ней, но в спальне не было никого, двор была по-прежнему заперта на засов. Она закрыла блокнот, тихо вышла наружу и убедилась, что Дред лежит на своем шепчущем саркофаге.

«Джон Вулгару,— подумала она, вернувшись назад. Ее руки тряслись.— Это и есть твое имя, а? И я единственная, кто это знает? Единственная живая?»

Она прогнала от себя все мрачные мысли, списав их на нервы. «Важно то, что она взломала это. Кто еще мог бы вытащить его имя? Почти никто».

Вагон американских горок резко взлетел вверх и Дульси постаралась сразу использовать так трудно доставшуюся победу. Она вызвала запертую комнату Дреда, но та не ответила на имя Вулгару в любой комбинации. Слегка разочарованная, она закрыла канал связи. Хотя его настоящее имя скорее всего никому не известно, Дред не решился использовать его как пароль, особенно для файла, в котором по-видимому собраны доказательства его преступлений. Но это только первый шаг; для того, чтобы взломать систему надо знать все о ее владельце — и вот она уже кое-что знает.

Дульси на мгновение остановилась, спрашивая себя, почему Жонглер так эффективно заминировал все, что он знал о Дреде, но оставил без надлежащей защиты файл *Ушабти*, который, скорее всего, содержал что-то большое и важное, вроде ключей к его состоянию. Возможно Жонглер знал, что без серьезной причины никто не будет искать информацию о Дреде, но другой файл должен был ликвидировать себя, попав в руку адвокатов,

офицеров компании или любых сторонних организаций.

Он побарабанила пальцами, решая, что же еще сделать. Худобедно она может попробовать поискать в сети, используя новонайденное имя. Она сомневалась, что такой поиск принесет много интересного, но, как ветеран информационных войн, знала, как трудно искоренить все из огромного мирового хранилища данных.

Она запустила защищенный поиск на слово «Вулгару», улеглась в кровать, глядя в потолок, и заскрежетала зубами.

Как она и опасалась, поиск принес всего несколько кусочков информации, и те о мифах австралийских аборигенов. Самая длинная и полная версия была опубликована в академическом журнале фольклора, авторы Кертнер и Джигалонг. Слишком короткая история с непонятно-открытым концом. И хотя она опять не узнала ничего полезного о своем нанимателе, и провела уже несколько часов, страстно желая заснуть, ее сознание, и так уже воспламененное всем тем, что она узнала и сделала в этот день, опасный день, было еще больше растревожено образом безжалостного деревянного человека с камнями вместо глаз.

* * *

Дред сделал музыку громче, когда стоны хора начали спускаться и подниматься по всем двенадцати ступеням октавы; потом мелодия разбилась на отдельные резкие крики, похожие на дождь из страдающих капель. Он находился в своей собственной симуляции, плавая в воздухе белого дома, окруженного ясным светом Аутбэка.

Он открыл информационное окно в комнату Дульси и опять проверил ее, но она спала. Из последних нескольких часов он достаточно много времени посвятил ей, глядя, как она работает и спрашивая себя, как он должен решить Проблему Дульси. Энергично изучая человечество примерно так, как истребитель насекомых изучает *класс Insecta*[55], Дред не преминул отметить, что она стала относиться к нему совсем иначе. Каким-то образом, пока он был занят разнообразными экспериментами в сети, рыба сорвалась с крючка. Что означает, что больше ей нельзя доверять.

«Так что наша мисс Энвин пережила свою полезность».

Он размышлял, купаясь в музыке, воздухе, в искристом пустынном свете. Видит бог, он заслужил небольшой праздник. Может быть надо дать ей еще пару дней. Пусть закончит работу с файлами Жонглера, а потом он решит проблему.

Но может ли он позволить себя закончить с Дульси? У него еще так много вопросов. Хотя его интерес к сети Грааля начал потихоньку уменьшаться, так трудно осуществлять свои планы в настоящем мире без поддержки могучей операционной системы, и вот это настоящая проблема. Он практически полностью контролирует основные функции сети, но самая разумная часть операционной системы больше не реагирует так впечатляюще на симуляцию боли, как если бы система научилась отключать ее, или, возможно, устала.

Можно еще поднажать, но вряд ли это поможет. Надо знать, насколько далеко он может зайти, и есть ли какие-нибудь другие возможности, на случай, если он загонит ее так далеко, что она рухнет. Быть может ему и надоело виртуальное уничтожение, но сеть Грааля остается величайшей страной, и преступников из нее не выдают… И если рухнут остальные планы, он всегда сможет исчезнуть в мирах Грааля и провести там остаток вечности, как собирались сделать Жонглер и его друзья. Если, конечно, программа бессмертия Жонглера действительно работает. Да, он сам прервал ее во время первой же атаки на операционную систему, но было бы полезно найти и исследовать Рикардо Клемента, который, похоже, оказался единственным, кто пережил процесс.

Так что виртуальная вселенная все еще достаточна привлекательна — и не в последнюю очередь потому, что там еще прячутся его бывшие спутники, слепая малышка Мартина, эта баба Сулавейо и остальные, ожидая, когда он поймает их и самым подходящим образом накажет.

Но финансовая сила корпорации Жонглера вместе с почти безграничными возможностями операционной системы Грааля предоставляли ему куда большее поле деятельности. Как насчет того, чтобы начать войну, просто для того, чтобы позабавиться? Заставить жителей огромного города сбежать, угрожая им биологическим оружием? Разбомбить самые большие памятники в мире?

А его собственные особые желания, почему бы не удовлетворить и их? В Африке и Азии есть несколько маленьких, вечно воющих стран, где он может на деньги Жонглера купить себя тысячи акров земли и полную безопасность. Он сможет собрать там любое количество женщин — на рынках невест в Индии можно найти все, что ему надо.

Мысль была настолько приятна, что Дред даже прищурился от удовольствия, плавая в колонне полутвердого воздуха. «Я могу огородить все изгородью и запустить их внутрь. Охотничья резервация, только для меня».

Его опять окатило легким дождем музыкальных страданий. Вернулось ощущение бога — более слабый ум счел бы это признаком сумасшествия, но Дред знал лучше. Не было такого, как он. Ни одного.

Как и положено богу, даже парящему у самых верхних пределов своей славы, он не забыл и о мелких делах.

«Дульси. После того, как я дам ей закончить исследование операционной системы, не должен ли я взять ее на маленькую экскурсия в Буш?— Он какое-то время обдумывал эту мысль, лениво, пока не появилась нотка недовольства.— Но я планировал для нее совсем другое, и, в конце концов, она приехала на такси. Где-то вероятно записано. Если это будет выглядеть как убийство, возникнут вопросы. Не имеет значения, сколько уровней между мной и тем, кто якобы снимает дом, зачем мне все эти колючки в заднице? Не сейчас. Пусть все будет выглядеть, как несчастный случай.

Что не означает, что сначала я не получу от нее заслуженного удовольствия».

Он решить дать своему наемному работнику сорок восемь часов, чтобы закончить работу. Потом, охваченный приступом великодушия, увеличил до семидесяти двух.

«Три дня. А потом что-нибудь ужасное случится с бедной туристкой из Нью-Йорка».

Будет замечательным удовольствием решить, что именно с ней случится, когда он сумеет оторваться от важнейших дел с пленниками из Круга и другими проектами, которые ждут его в сети. Быть может он оставит решение на последнее мгновение — пускай все будет спонтанно.

А иначе, где же здесь искусство?

ГЛАВА 27
Растительная башня

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Еще одно убийство мормонов в Юте

(Изображение: обломки машины Элтрима, Солт-Лейк-Сити, Юта)

ГОЛОС: Взрыв в машине, которым закончилась жизнь Иохима Элтрима, адвоката, работавшего на мэра Юты, угрожает положить конец хрупкому миру между правительством штата и движением воинствующих мормонских сепаратистов, известным под названием «Завет Дезерета». Мэр и полиция Солт-Лейк-Сити утверждают, что это дело рук сепаратистов, которые, однако, отрицают все обвинения.

(Изображение: Эдгар Рили, представитель «Дезерета»)

РИЛИ: «Я не говорю, что у нас мало людей, которые хотели бы, чтобы Элтрим и другие докучливые предатели сдохли как собаки. Я просто говорю, что мы для этого ничего не сделали…»

По заросшим ежевикой улицам Тут Во Кусты скользили бледные многоногие фигуры. Даже глядя на их с середины каменного моста, Рени почувствовала такой ужас и отвращение, что покачнулась и едва не упала в быстро текущую реку.

— Я… я должна идти туда, — сказала Рени, хотя все в ней кричало от ужаса. — Там, в ловушке, чужаки — быть может это мои друзья.

Каменная Девочка всхлипнула и спрятала лицо за короткими ладошками.

Рени вспомнила склон холма и Жинни, охотившихся на них — но сейчас все казалось намного хуже, потому что тварей было видимо-невидимо. И только то, что !Ксаббу и остальные могли находиться в башне, стоявшей в центре города, в окружении кошмарных тварей, роившихся вокруг как гигантские термиты, заставило ее остаться на месте. Это, и еще маленькая девочка, упавшая на колени рядом с ней, даже более испуганная, чем она сама.

— Я не могу оставить тебя здесь, — сказала ей Рени. — И я не могу бросить своих друзей. Ты сможешь вернуться обратно? —

Плечи Каменной Девочки полезли вверх. Рени наклонилась и положила руку на ее спину. — Обещаю, что подожду, пока ты не окажешься на берегу.

— Я не могу, — провыла Каменная Девочка. — Я уже сказала слова Дочери Царя. Я не могу вернуться назад.

Так много непостижимых правил! Да, научить ИИ детским сказкам — определенно не самый лучший способ запрограммировать его.

— Если мы не можем вернуться назад, значит нам надо идти вперед, — мягко сказала Рени, изо всех сил пряча свой собственный ужас. — Мы обязаны.

Не помогло, Каменная Девочка не перестала плакать. Рени поглядела на постепенно темнеющее небо.

— Пошли. — Она взяла ребенка за руку, отчаянно пытаясь вспомнить, что она обычно делала, чтобы заставить Стивена двигаться. — Делай… делай то же, что и я. Я собираюсь петь. И ты подпевай, каждый раз, когда я буду петь очередной куплет, договорились? Смотри и иди тогда, когда я иду, поняла? — Один бог знает, но это должен быть детский стишок, подумала она, но даже ради спасения собственной жизни она не могла вспомнить ничего подходящего. В отчаянии, она схватилась за первую же песенку, пришедшую в голову, из какого-то азиатского игрового шоу, которое любила смотреть ее мама:

Если знаешь все вокруг,—

пропела она,—

Приходи на Шпрути Круг.

— Ты сильная, ты можешь, — ободрила она Каменную Девочку. — Смотри, нужно просто идти и петь, вот так. — Она опять запела, медленнее, подчеркивая ритм. — Если знаешь все вокруг…

Маленькая девочка наконец посмотрела вверх, с лицом полным тоски и… чего-то еще. Молча, как делают дети, она просила Рени не ошибиться. Сделать невозможное. Сделать маленькую ложь правдой.

Рени тяжело сглотнула и начала с начала.

«Если знаешь все вокруг,
Приходи на Шпрути Круг.
Можешь всех спасти детей?

Будешь Шпрути Богатей!»

Медленно, как будто идя через воздух, липкий как расплавившаяся карамель, Каменная Девочка зашагала в такт судорожному, зачастую немузыкальному пению Рени.

«Хочешь денег раздобыть?
Надо Шпрутиком побыть.
Слишком умный, не беда,
Будешь Шпрутиком тогда!

Энди-бенди-лебеда,
Шпрути победит всегда!»

Она пропела эту песнь раз шесть, идя через мост, и каждый раз становясь все спокойнее и спокойнее. Они подошли к последнему каменному столбу, до ближайшей бледной твари оставалось не больше ста метров, но, тем не менее, она их не замечала. Рени перебралась на травянистый берег, взяла Каменную Девочку за маленькие холодные руки и спустила ее вниз. И только тогда, когда ребенок оказался рядом с ней, Рени увидела, что та плотно зажмурилась, от страха.

— Все в порядке, — прошептала Рени.

Каменная Девочка открыла глаза и посмотрела вокруг, с трудом сдерживаясь, чтобы опять не заплакать.

— Кто… кто такой Шпрути?

— Ну, это такая глупая… не важно. Сейчас мы должны быть очень тихими, и они нас не услышат.

— Тики, они не слушают. Они смотрят.

Рени стало легче, но не надолго.

— Мы можем что-нибудь такое сделать, чтобы они не замечали нас?

— Не двигаться.

Вид бледных суетящихся тварей пугал Рени еще больше, чем раньше, потому что река была за ними, мешая бегству.

— Мы не можем оставаться здесь. Есть что-нибудь другое, что может нам помочь?

— Идти очень-очень медленно.

Рени прищурилась, пытаясь оценить расстояние между ними и башней, вокруг которой, похоже, собрался чуть ли не весь город. Улицы и здания были совершенного одинаково ежевично зеленые, как если бы раньше служили решеткой в каком-нибудь безумном садовом эксперименте, однако уже давно за ними

никто не ухаживал: уголки и края зданий погрубели и лишились листьев. Лианы перекидывались с одного высокого места на другое, и висели между башнями и коньками крыш как огромная провисающая паутина.

— Темнеет, — тихо сказала Рени. — Нам надо идти.

Каменная девочка не ответила, но держалась как можно ближе к Рени, когда они сделали первые осторожные шаги. Не привлекая к себе внимания, они поднялись по берегу реки к низкой стене на краю города. Съежившись за ней, Рени обнаружила, что отчаянно мечтает о каком-нибудь оружии. С собой у ней была только зажигалка, и сама мысль о том, что ей можно поджечь двухметровых каракатиц была шуткой, и не смешной. Быть может факелом, но до ближайших деревьев шагать и шагать.

— Эти Тики, они боятся чего-нибудь? — спросила она. Недоверчивый взгляд Каменной Девочки послужил ответом, но Рени потянулась в листья, покрывавшие стену, решив, что она будет себя немного лучше чувствовать с большим камнем в руке. Рука все глубже и глубже зарывалась в колючее переплетение листьев и прутьев, пока, к ее удивлению, не вышла наружу. Никаких камней — одна ежевика.

— А где стена? Разве под листьями не должна быть стена?

Каменная Девочка, пепельно бледная от страха, нервно посмотрела на Рени.

— Это и *есть* стена.

— Но… под листьями… ничего нет. — Внезапно ей пришла в голову безумная мысль. — Неужели все эти дома и башни сделаны из растений?

— Это Тут Во Кусты, — объяснила малышка.

— Вот дерьмо. — Негде взять ни палок, ни камней, и, значит, никакого оружия. И, если ее друзья действительно осаждены в башне около центра города, то у них нет стен, которые бы могли защитить от этих мерзких тварей.

«Да, но что тогда держит Тиков снаружи?»

Рени глубоко вздохнула, обнаружив, что это даже труднее, чем сделать заставить себя шагнуть вперед. Над всем городом висело что-то вроде облака ужаса — не просто ее банальный страх перед этими странными Тиками, но что-то более глубокое и менее объяснимое. Она вспомнила волну паники, схватившую ее тогда, когда на нее охотились Жинни.

«Мы внутри операционной системы. Неужели мы чувствуем ее страх? Но чего может бояться искусственный интеллект?»

Она привела Каменную Девочку к месту, в котором стена была ниже и они более-менее легко перелезли через нее, хотя

Рени и получила пару добавочных царапин. На той стороне они остановились. К ним направлялся Тик, колеблясь над низкой травой, как будто плыл над дном океана. Хотя Каменная Девочка и сказала, что Тики ничего не слышат, Рени поняла, что молчит, не в силах сказать ни слова.

Тик остановился в дюжине метров от них. Ног у него не было, но каждый выступ на боку заканчивался чем-то вроде ложноножки; они непрерывно колыхались, даже тогда, когда тварь не двигалась. Под просвечивающей кожей плавали темные пятна, как будто чудовище наполняли бильярдные шары и гель. Видя, как темные пятна одно за другим прижимаются к коже и уплывают, она вспомнила слова Каменной Девочки: у Тиков слишком много глаз.

— Господи Иисусе! — прошептала она сдавленным голосом.

То ли Тик действительно не мог видеть неподвижные предметы, то ли он стоял слишком далеко от них и не заинтересовался ими, но он повернулся и отправился обратно к главной улице. Некоторые из его товарищей на него натолкнулись, другие переползли. Рени не могла сказать, то ли они общаются прикосновениями, то ли непроходимо глупы.

— Я не хочу здесь находиться, — сказала девочка.

— Я тоже, но мы здесь. Держи меня за руку и пойдем. Хочешь, я опять спою песню Шпрути?

Каменная девочка покачала головой.

Медленно-медленно, они шли все дальше в город, застывая на месте каждый раз, когда очередной Тик появлялся рядом, и прячась за укрытием там, где только возможно. Рени обнаружила, что благодарна приближающимся сумеркам: темнота может стать их другом, если твари действительно зависят от света. Тем не менее ей очень хотелось оказаться как можно дальше от этих ползающих чудовищ до того, как настанет непроглядная ночь.

Наконец они поравнялись с первым домом, коттеджем из зеленых листьев и извивающихся виноградных лоз. Рени успела бросить взгляд внутрь — даже мебель состояла из растений — и не смогла удержаться, чтобы шепотом не спросить:

— Кто жил в этом городе?

— Главным образом медведи, — сказала Каменная Девочка тихим испуганным голосом. — И немного кроликов. И еще большая семья ежей, Тинкли или Винкли, не по-о-омню… — Из глазных ямок хлынули слезы.

— Шшшшш. Не бойся. Мы…

Три Тика выскользнули из-за угла следующего дома и заскользили через заросшую ежевикой улицу прямо к ним. Каменная Девочка слабо вскрикнула от ужаса и начала падать.

Рени успела подхватить ее и поставить прямо, хотя ее собственные ноги тряслись как в лихорадке.

Тики остановились и легли на растительный ковер в полудюжине метров от того места, где стояли Рени и Каменная Девочка. Благодаря своей продолговатой форме у них были и перед и зад, совершенно одинаковые, но Рени не сомневалась, что они находятся лицом к ней. Они что-то почувствовали и теперь ждали.

Один из Тиков пробежал немного вперед к дому. Другой последовал за ним и залез на него, потом они разделились и легли опять, параллельно друг другу. По их телам пробежала рябь из темных и светлых пятен. Глаза сбились к кучу у передних частей тел, три-четыре темных круга прижались к просвечивающей коже.

Каменная Девочка тихонько завыла от страха, и Рени почувствовала, как рука ребенка напряглась. В любое мгновение она могла не сдержаться и броситься бежать. Рени попыталась крепче ухватить ее за руку, но чувствовала, что и в ней быстро поднимается волна паники.

Внезапно, с громким свистом, от которого сердце Рени едва не остановилось, что-то выпрыгнуло из ежевичного ковра прямо перед Тиками — смазанное пятно с дикими сверкающими глазами и серым мехом — и понеслось через двор к свободной улице. Тики полетели вслед за ним, невероятно быстро; казалось, что они едва касаются ежевики. Кролик, размером с ребенка, в крошечном голубом костюме, вылетел на улицу, но был вынужден резко свернуть в сторону, чтобы не налететь на третьего Тика, вставшего на дыбы и раскрывшего пасть, полную неровных зубов. Внезапное изменение направления бросило несчастного беглеца прямо на преследователей. Кролик закричал от ужаса, совершенно по-человечески, и Тики набросились на него, шевелящейся мясистой массой.

Рени утащила Каменную Девочку за дом, подальше от улицы и влажных звуков разрываемого мяса. Им повезло, здесь их не ждал ни один Тик. Она провела спотыкающуюся девочку через улицу, заросшую травой по колено, и они нырнули в дверь следующего дома.

Свет, лившийся через маленькое окно, освещал обычные домашние предметы, сделанные из листьев и лоз — стулья, стол, тарелки, и даже подсвечник, но никого живого. Рени, испуганная и растерянная, стиснула кулаки. Через окно она ясно видела башню церкви, обвитую лозами как майское дерево, до нее было всего несколько дюжин метров, но могла быть и тысяча, с тем же успехом. На земле, между их временным убежищем и башней,

расположились сотни бледных тварей.

— Я подумала кое о чем, — объявила Рени. — Не сдавайся. Я вытащу нас отсюда.

Маленькая Каменная Девочка глубоко всхлипнула.

— Правда, т-т-ты сможешь?

— Обещаю, — твердо сказала Рени, обнимая себя и пытаясь перестать дрожать. А что еще она могла сказать?

* * *

Три пустые пластиковые бутылки «Горной розы» лежали на полу перед ним, как отбеленные кости. Длинный Джозеф размышлял и чувствовал, что до отчаяния ему осталось совсем ничего.

«Знал, что это произойдет, выругал он сам себя. Пил бы по капле за раз, глядь и хватило бы надолго…»

Весь ад в том, что он ничего не мог сделать. Сейчас, когда ему так нужен этот теплый целебный напиток, когда в нескольких метрах над ним находятся люди, желающие убить и его, и его дочку, когда он уже несколько недель торчит в бетонной могиле под горой в компании сухаря Джереми Дако — он, можно сказать, своими руками добавил Дель Рея Чиуме в эту смесь, но лучше она не стала — и ему нечего пить.

Он грубо вытер рот рукой. Он знал пьяниц, видел их все время, людей, едва стоявших на ногах, слоняющихся за стенами кабака со старыми пятнами мочи на штанах, от которых пахло, как от разбавителя, с глазами, как у призраков. И это не он. Ни в коем случае. Но от также знал, что может заплатить дорогую цену за небольшое утешение от жизненных неприятностей. И, в конце концов, он не так чтобы любил вкус или даже слабое чувство удовлетворения, когда первые несколько глотков попадали в брюхо. Нет, но вот сейчас он чувствовал, что все тело стало пустым и больным, кости скелета не стоят на нужных местах, а кожа не того размера.

Джозеф проворчал и встал. И вообще, что за дела? Даже если Рени вернется, выйдет из своей электрической ванны, как этот, не-помню-его-имя, а, Лазарь, здоровая, счастливая и гордая своим папой, им все равно не выйти из горы живыми. Не с этой четверкой убийц наверху, которые раскапывают из убежище, как муравьед гнездо термитов.

Джозеф прошелся вдоль мониторов. Мужчины наверху еще не проветрили помещение от дыма, но воздух там явно стал чище. Скоро они опять возьмутся за работу и продырявят бетонный пол.

И тогда что — гранаты? Или горящий бензин на их головы, чтобы они сгорели как крысы? Он сосчитал их в полутьме. Да, четверо. По меньшей мере одного они убили костром Селларса. Но это означает, что остальные будут еще более мерзкими, когда время придет.

«Мерзкими? Парень, да ты шуткуешь». Это будет не та из этих простых потасовок в Пайнтауне после пива, кулаки, столы, может быть нож прямо перед тем, как убежать, и даже не эти юнцы с пушками, которые стреляют с таким ужасным шумом, как будто колотят палками по изгороди, и люди останавливаются, с бледными лицами, зная, что случилось что-то плохое…. Нет, это наверняка будет что-нибудь намного худшее.

Внутри все зудело, хотелось немедленно бежать — и как можно быстрее! — под открытое небо. Быть может удастся найти какой-нибудь другой путь наверх, вроде той вентиляционной шахты, которую он нашел раньше. Можно было бы вынуть Рени и ее маленького человека из их ванн, этих обмотанных проволокой гробов, и, что бы они там не делали, жизнь в любом случае важнее.

«А что потом? Бегать вокруг горы, пока эти уроды бегают за тобой в своем грузовике, в котором оружия как в танке?»

Он ударил рукой по консоли и отвернулся. В конце концов он хочет только одного — что-нибудь влить в глотку. Неужели это так много для человека, обреченного на смерть? Даже в Уэствильской тюрьме бедному преступнику дают в последний раз выпить, прежде чем убить его, пиво или вино.

Джозеф остановился, разминая пальцы. В этом большом месте должно быть, нет, обязано быть что-то, что можно выпить — вроде бутылки, спрятанной, пока он выполнял свой долг. Он посмотрел на нишу, в которой Джереми обсуждал с Дель Реем их запасы, свет оттуда падал на бетонный пол, окружавший большую комнату. Джозеф им не нужен. Они совсем не такие как он, человек с руками, не бросающий слов на ветер и даже работавший на богачей буров. Если бы не дочка, он сказал бы им пару ласковых и нашел дорогу наверх.

Он опять потер обратной стороной ладони рот, и, даже не думая об этом — если бы подумал, то понял, насколько это безнадежно и глупо, потому что он уже не меньше полудюжины раз обыскал все место сверху до низу — отправился поискать, не спрятал ли какой-нибудь безликий солдат или техник бутылку с пивом, чтобы скоротать долгие часы дежурства.

«Нет — вина,— подумал он. Если уж мечтать о чем-нибудь неисполнимом, почему бы не о совершенном?— Большая бутылка, полная чего-нибудь хорошего, чего-нибудь ударяющего в

голову. Не открытая. Он спрятал ее здесь, когда пришел приказ и они все должны были уйти.— Джозеф отдал честь анонимному благодетелю.— Ты не знаешь, но ты отложил ее в сторону для Джозефа Сулавейо. Как говорится, ты протянул ему руку помощи в трудную минуту».

Кожу кольнуло. Шкаф для документов лежал на боку около стены чулана, такой же прекрасный, как шкатулка с сокровищами из пиратского романа.

Взрыв нервной энергии победил страх и разочарование, и он начал разбирать кучу стульев, которые уже проверил множество раз, работая с такой же надеждой как и тогда, когда он открывал шкафы и выдвижные ящики, которые обыскал не меньше дюжины раз за последний месяц — но, к своему изумлению, обнаружил перевернутый шкаф, спрятанный за стульями. Сейчас он едва осмеливался двигаться, боясь, что чудесное видение исчезнет.

«Вероятно полон никому не нужных бумаг, сказал ему тихий разумный голос. Или пауков. Если там вообще что-то есть».

Тем не менее его ладони вспотели, и только через несколько секунд он понял, что дверцы не открываются не только потому, что его скользкие ладони не могут дернуть за ручки. «Не работают лежа, сообразил он. Надо его поднять».

Шкаф был большим и неуклюжим, из тех самых вещей, которые должны пережить пожары и прочие несчастья. Мышцы запротестовали от натуги, когда он напряг их, и на мгновение ему захотелось позвать на помощь Джереми, но не смог найти убедительную — для Джереми — причину, почему вообще надо поднимать этот шкаф. Наконец, потратив много пота и ругательств, он оторвал конец шкафа от земли. Приподняв его еще немного, он почувствовал, что спина больше не может, присел на корточки и перенес полный вес шкафа на бедра, готовясь поднимать его дальше. *«Как будто его камнями набили». Он подумал, что кости ног под этой заразой сейчас* рассыпятся в порошок, но, с другой стороны, такой большой вес не спроста — что-нибудь там должно быть.

Джозеф собрался и начал медленно подниматься, уголки шкафа врезались к запястья, лицо исказилось от боли, но он все тянул и тянул, пока не смог включить в работу спину и плечи. На мгновение шкаф задрожал — в мозгу возникла мрачная картина самого себя, лежавшего под ним с переломанной спиной, а Дель Рей и Джереми мирно болтают меньше чем в ста метрах от него, не зная ни о чем — прежде, чем он сумел полностью подняться из приседа и толкнуть шкаф так, чтобы он встал почти прямо. Шкаф ударился о край вентиляционной решетки, вделанной в бетонную

стену, и застрял. Спина дрожала мелкой дрожью, руки тряслись, пот заливал глаза, но Джозеф толкал и толкал, пока болты, державшие решетку, не отпустили и та не упала на пол, после чего шкаф скользнул и с глухом ударом встал на пол.

Джозеф разогнулся, тяжело дыша, пот заливал лицо и капал прямо на пол. В маленькой комнате было жарко и темновато. Из-за проклятой секретности приходится терпеть кучу неудобств. Секретность помешала Джозефу открыть дверь в главный зал и дать доступ холодному воздуху прежде, чем начать обыскивать шкаф.

Он оказался не заперт. Увы, на этом счастье кончилось.

«Кто потратил столько времени, наполняя его всеми этими папками?» Глухая безнадежная ярость билась в нем, как боль в фиолетовом синяке. Шкаф был такой тяжелый только потому, что в нем находились папки, никому не нужные бумаги, личные дела кого-то там, чушь, которая заполняла до краев ящик за ящиком.

Джозеф едва успел ощутить глубину своего горя, как кто-то упал на него сверху.

В первое безумное мгновение он решил, что на него обрушилась крыша, как на Дель Рея, когда этот ублюдок-бур и его убийцы сверлили пол прямо над ним. Потом, когда странная тяжесть толкнула его на пол и в лицо впились пальцы, он решил, что на него напал Джереми, который по какой-то причине пытается ранить его.

«Я только искал выпивку»,— хотел он крикнуть, но не сумел, потому что пальцы вцепились в горло. В панике он перекатился на бок, больно ударившись о стоящий шкаф, но сумел сбросить с себя удушающий захват. Он отполз назад, тряся головой, кашляя и едва успел прошептать: «Что…?», как человек вновь напал на него.

Впрочем это был скорее осьминог, а не человек, потому что схватил его и руками и ногами, стараясь прижать к полу и задушить. Джозеф попытался закричать, но рука уже сжала его горло и давила вниз так сильно, что он уже решил, что скоро шея сломается, голова оторвется и составит компанию телу. Он яростно брыкнулся. Ноги ударились о шкаф, тот поддался и, судя по звуку, ударился о стену и с грохотом упал на бетонный пол. Он схватил руку, которая пыталась задушить его, и отвел ее немного назад. В легкие хлынул воздух, но в глазах все равно плавали искры. Что-то двигалось над ним, потом наклонилось к лицу — маска демона, черная и красная, с ослепительно белыми сжатыми зубами. Джозеф опять брыкнулся, на этот раз никуда не попал, и на шею навалилась такая тяжесть, что сопротивляться стало невозможно. Лицо дьявола начало удаляться в черный

туннель, но хватка на шее только увеличивалась. И он все еще не понимал, что происходит и кто убивает его.

И тут, как раз тогда, когда испещренная светом темнота перед глазами затопила почти все, давление ослабло и вообще прекратилось — или почти прекратилось, потому что шея еще болела. Он перекатился на живот, тяжело хрипя и кашляя; горло, казалось больше никогда не начнет дышать.

Кто-то орал и что-то грохотало, как будто тяжелое тело тащили вниз по ступенькам. Джозеф почувствовал под щекой холодный бетон, в горящее огнем горло хлынул холодный воздух, слаще самого тонкого вина. Он подтащился к стене чулана, обернулся и поднял дрожащие руки, жалкий жест самообороны.

Это был Джереми, с перекошенным от гнева лицом — такого лица у него Джозеф еще не видел. Но что он делает? По кому он бьет стальной ножкой от стула, которую всегда носил с собой с того момента, когда Джозеф вернулся на базу? И почему кричит как ненормальный?

Джереми, похоже, почувствовал удивленный взгляд Длинного Джозефа. Он посмотрел на него наполненными слезами глазами, потом опять на темную груду на полу. Груда оказалась человеком — белым мужчиной, хотя, глядя на его закоптелое окровавленное лицо, об этом можно было догадаться только по розовому кончику уха. Его затылок был разбит, наружу торчали обломки черепа. Капли крови сочились с конца палки Джереми и падали на пол. Джереми перевел взгляд с Джозефа на черную дыру, которую раньше скрывала решетка. В дверях чулана появился Дель Рей.

— Боже мой, — сказал он. — Что произошло? — Его глаза расширились. — А это еще кто?

Джереми Дако поднял окровавленную ножку стула и посмотрел на нее так, как будто никогда раньше не видел. Жуткая усмешка искривила кончики его рта — Джозеф давно не видел ничего хуже.

— По меньшей мере… по меньшей мере у нас еще… остались две пули, — сказал Джереми и засмеялся. А потом заплакал навзрыд.

— Это был пятый, — сказал Дель Рей. — Четырех я все еще вижу на мониторе. А мы думали, что его убил дым.

— Ну и что? — вяло спросил Джереми. — Это означает только то, что с утра их не прибавилось.

Джозеф мог только слушать. Он чувствовал себя так, как будто кто-то оторвал ему голову, а потом, быстро и неумело, провинтил обратно.

— Это означает, что они еще не знают о ходе через вентиляцию, — сказал Дель Рей. — Скорее всего он пополз, пытаясь убежать от дыма — быть может он решил, что отрезан огнем, попал в ловушку в другой части здания. Вот он и пополз, пока не угодил в вентиляционных ход, а оттуда воздух привел его к нам. Быть может он там застрял. — Он поглядел на труп, который они оттащили на в открытое место, на свет. Так что остальные вряд ли собираются спуститься по вентиляции, пока мы спим.

Джереми покачал головой. Плакать он уже перестал, но все еще казался несчастным.

— Мы не знаем ничего, — сказал он таким же хриплым голосом, как у Джозефа.

— Что ты имеешь в виду?

— Посмотри на него. — Джереми, не поворачивая головы, ткнул пальцем в направлении тела. Он весь в крови. В засохшей крови. Следы ожогов. Порезы и царапины. Скорее всего он сразу бросился в вентиляцию, спасаясь от дыма. Он оставил следы всюду, где протискивался — и, может быть, решетку на полу. Когда дым рассеется, они ее найдут. И будут его искать.

— Тогда мы… Не знаю. Заварим вентиляцию в кладовке. — Джереми и Дель Рей уже прибили решетку обратно на место, с очень ограниченным успехом.

— Они могут легко отравить нас — запустят газ и все, — сказал Джереми, глядя в пол.

— Тогда почему они не сделали этого раньше? — спросил Дель Рей. — Если бы они хотели нас убить, то давно бы нашли наши выходные отверстия.

Джереми покачал головой.

— Слишком поздно.

Джозеф никак не мог взять в толк, почему этот парень так несчастен. Убил кого-то, ну и что? Как может кто-нибудь, даже самый чувствительный человек на свете, сожалеть о смерти того, кто пытался убить Джозефа Сулавейо?

— Джереми, — сказал он тихо. — Джереми. Послушай меня.

Оба повернулись к нему, с красными глазами.

— Ты спас мне жизнь. Мы сражались вместе, ты и я, и я никогда не забуду этого. — Он попытался найти слова, которые прояснят дело. — Благодарю тебя. Я действительно хочу это сказать.

Джереми кивнул, хотя лицо еще оставалось бледным.

— Отсрочка. Вот и все. — Он засопел, почти зло. — Но я всегда рад помочь тебе, Джозеф, и действительно хочу это сказать.

Некоторое время все молчали.

— Я только что подумал кое о чем, — сказал Дель Рей. — Что мы будем делать с мертвым телом?

* * *

— Они выглядят как рыбы, питающиеся тем, что лежит на дне, — сказала Рени. — Если это больше, чем внешность, может быть нам повезет. — Она говорила, главным образом, сама с собой. Ее спутница, Каменная Девочка, была настолько испугана, что не глядела ни на что.

Рени еще раз взглянула из окна на шпиль храма, сделанного из ежевики, болезненно близкий, но до которого было несколько дюжин Тиков, настолько бледных, что они, казалось, светились в умирающем вечере.

Но в это мгновение ее внимание привлек лес ползучих лиан и лоз, которые как канаты протянулись от башни к крышам соседних домов.

— Придержи-ка стол, — сказала она и стала осторожно забираться на него, хорошо помня, что в этом странном подмире все сделано из переплетенных между собой растений. Стол зашатался, но выдержал; вероятно мебель действительно использовали по назначению, хотя и не для той цели, которую Рени имела в виду. Каменная Девочка метнулась ко столу и изо всех сил обхватила его.

Рени вытянулась во весь рост, дотянулась до низкого потолка и зарылась с руками в растительность. Не ломая и не скручивая, но только отводя лозы в сторону, ей удалось сделать дыру, через которую можно было видеть фиолетовое темное небо и слабые ранние звезды. Убедившись, что стоит достаточно твердо, она быстро расширила дыру настолько, что в нее могли пролезть ее плечи. Она выбралась наверх и, тяжело дыша от напряжения, быстро оглядела крышу дома. Убедившись, что никто суетливых тварей не ждет ее там, она разрешила себе спуститься вниз.

— Пошли, — сказала она своей спутнице. — Я подниму тебя наверх.

Каменная Девочка немного поупиралась, но потом позволила себя убедить и поднять наверх.

— Там, — сказала Рени, забравшись на крышу следом за ребенком. — На дальней стороне, видишь? Эти лозы приведут нас к дому, который находится совсем рядом с башней, а оттуда мы легко заберемся в нее.

Каменная Девочка взглянул на Тиков, сновавших по земле,

потом недоверчиво посмотрела на провисавшие лозы.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы можем перебраться по ним, поставить ноги на нижние и держаться руками за верхние. В джунглях так строят мосты. — сказала уверенно Рени, хотя, на самом деле, никогда не ходила по таким мостам, в джунглях или где-нибудь еще. Но в любом случае это лучше, чем сидеть в маленьком доме и ждать, когда Тики заметят их.

Каменная Девочка только кивнула, устало смирившись с судьбой.

«Верит, потому что я взрослая. Кто-то вроде мачехи». Не самая приятная ноша, но разделить ее не с кем. Рени вздохнула и подошла к краю крыши. Поманив пальцем Каменную Девочку, она подняла ее и поставила на толстую лиану, которая протянулась от угла их дома и не отпускала рук, пока не убедилась, что лиана выдерживает вес ребенка. — Держись, — сказала она девочке.

— Я лезу за тобой.

Какое-то время она лезла, цепляясь за лиану руками и ногами, пока не добралась до места, где можно было ухватиться за более высокую лиану и встать. Нижняя лиана опасно раскачивалась под ее голыми ногами, пока Рени не восстановила равновесие.

— Вперед, — сказала она Каменной Девочке и помогла ей схватиться за верхнюю лиану. — Но иди медленно. Мы должны добраться вон туда — на крышу высокого дома между нами и башней.

Медленная ходьба — других вариантов не было. Не так-то просто удерживать ноги на скользкой лозе, ступая по узлам спутанных веток. Тики, похоже, их не замечали, хотя Рени постоянно спрашивала себя, действительно ли их чувства так ограничены, как предполагала девочка: те, которые сновали внизу, казались необычайно возбужденными. Рени предпочитала даже не думать о том, что произойдет, если она и ее спутница внезапно упадут сверху на ежевику, прямо среди Тиков.

И вообще, лучше всего не смотреть вниз.

Света почти не было. Достигнув крыши высокого дома, на полдороги до шпиля, Рени решила, что отдыхать здесь — не очень хорошая мысль, лучше идти дальше, используя последние лучи света; впереди самая трудная часть пути. Внезапно Каменная Девочка остановилась, в нескольких шагах от крыши.

— Что случилось?

— Я н-не могу идти дальше.

Рени молча выругалась.

— Давай доберемся до крыши, а потом отдохнем. Мы почти дошли.

— Нет! Я не могу! Слишком высоко.

Рени, сконфуженная, посмотрела вниз. До земли было меньше полудюжины метров. Если бы она была маленькой девочкой, то, конечно, она тоже была бы не в состоянии забыть это, но все-таки…

— Скоро мы будем на крыше и ты больше не увидишь землю.

— Нет, глупая! — Каменная Девочка почти кричала от гнева и раздражения. — Лоза слишком высоко.

Все Тики, кажется, собрались под ними. Их суета отвлекла Рени, и только через долгое мгновение она сообразила, что ребенок прав. Самая высокая из двух лоз, которые они использовали как мост, поднималась намного круче, чем нижняя. Каменная Девочка, и так вытянувшаяся чуть ли не во весь свой маленький рост, была просто не в состоянии сделать несколько следующих шагов.

— Господи Иисусе! О, прости меня. Я действительно полная дура, ты права. — Рени изо всех сил сражалась с паническим страхом, Тики внизу копошились и лезли друг на друга, как черви в корзине. — Сейчас я подойду ближе и помогу тебе. — Очень медленными маленькими шагами она дошла до девочки, и, держась одной рукой за верхнюю лиану, второй обвила ребенка за пояс. — Ты можешь схватиться за мою ногу и взобраться на ступню?

Каменная Девочка, которая до этого озабоченно молчала, расплакалась. Успокоившись, она обхватила руками бедро Рени, а ногами щиколотку — неудобное и даже слегка непристойное положение, но Рени обнаружила, что может идти вперед, очень осторожно. Тем не менее, прошло не меньше четверти часа, пока они не свалилась на пружинящую безопасную крышу, и последние лучи дня уже погасли.

— Где же луна? — спросила Рени, когда они немного пришли в себя.

Каменная Девочка покачала головой.

— Не думаю, что в Тут Во Кусты еще когда-нибудь покажется луна.

— При свете звезд, при свете звезд мы сделаем, что надо.

«*Звучит как песня*»,— решила Рени, голова которой слегка кружилась от усталости — передышка оказалась слишком маленькой. Она села. Несмотря на наступившую темноту она все-таки видела силуэт башни и свет, лившийся с колокольни. Быть может это !Ксаббу? Ей очень хотелось окликнуть его, но она не слишком верила в глухоту Тиков.

— Мы должны идти, — сказала она. — Если ждать дальше, мои мышцы начнет сводить от усталости. Пошли.

— Но я не могу хвататься! — Каменная Девочка едва не расплакалась.

Короткое мгновение недовольства и Рени пришла в себе. «Боже мой, во что я втянула этого ребенка! Бедолажка».

— Я понесу тебя на спине. Ты достаточно маленькая.

— Я самый большой ребенок в доме, — сказала Каменная Девочка с тенью уязвленной гордости.

— Да, и еще ты очень храбрая, — сказала Рени, приседая. — Залезай.

Каменная Девочка забралась на спину Рени, оттуда перебралась на плечи и обхватила шею Рени холодными маленькими ногами. Рени встала, слегка покачнулась, но обнаружила, что вполне в состоянии нести на себе вес девочки.

— Последняя часть, — сказала Рени. — Держись крепче. Я расскажу моим друзьям, как ты мне помогла.

— Да, — тихо ответила Каменная Девочка и они опять пошли по лозам. На это раз им повезло. Нижняя лоза висела немного ниже крыши, и Рени шла вниз, а не взбиралась вверх с ребенком на спине. — Да, я помогла тебе. Помнишь Жинни? Я помогла тебе спрятаться, да?

— Конечно.

Последняя часть пути оказалась самой тяжелой, и не только из-за добавочной ноши и неуклюжести этой самой ноши. Мускулы Рени слишком долго работали слишком тяжело, почти не отдыхая, и ее сухожилия были натянуты, как струны на фортепьяно. И еще вечный страх, что время летит слишком быстро, что в любой момент Иной может перестать бороться и весь мир растает прямо под ней. Рени, конечно, могла бы вернуться на крышу и поспать, но друзья находились на расстоянии броска камня.

Боль на каждом шагу, чем ближе башня, тем круче угол подъема, и Рени старалась отвлечь себя.

«Что за черт эти Тики? Почему машина могла бояться жуков? А Жинни? Кто они такие?»

«И Жинни». Фраза ударила по голове, как дубина. Пораженная, она едва не отпустила лозу. Каменная Девочка в ужасе крикнула, и Рени поспешила ухватиться болящими руками за лозу. Тики по-прежнему бурлили внизу. «И Жинни — инженеры. Кто работает с машинами? Инженеры и… и техники. Жинни и Тики».

Рени истерически хихикнула. «Но это означает, что я тоже Жинни — у меня есть степень, и все такое. Почему тогда Иной не

сделал меня медузой-убийцей?»

— Почему ты смеешься? — спросила Каменная Девочка дрожащим голоском. — Ты напугала меня!

— Извини. Я думала о чем-то другом. Не бери в голову.

«Но, боже мой, что инженеры и техники сделали этому ИИ — или кто он там такой — что он представил их себе в таком виде…?»

Стена растительной башни стала намного ближе. Над ее головой, в двух или трех метрах, находилось открытое окно, из которого в темное небо лился слабый свет, но лианы, свисавшие с самой вершины шпиля, проходили слишком далеко он него. Впрочем, еще чуть-чуть, и они пойдут вверх почти вертикально.

— Нам придется сойти с лианы и попытаться взобраться по стене, — сказала она так небрежно, как только могла. — Я наклонюсь вперед так далеко, как только смогу, но потом прыгну. Ты сможешь удержаться?

— Прыгнешь?..

— Только так я могу добраться до стены. Я уверена, что кусты выдержат нас, — добавила она, хотя не очень верила самой себе. Рени уже собиралась покрепче ухватиться за верхнюю лозу, но остановилась и мягко, но настойчиво попросила Каменную Девочку отпустить ее шею. — Ты не должна держаться за меня. Если ты схватишься за меня во время прыжка… у нас будут большие неприятности.

— Хорошо, — сказал ей в ухо тихий голос.

«Она доверяет мне. Я бы почти хотела, чтобы было наоборот…»

Рени начала раскачивать лозу, пытаясь выиграть дополнительные несколько дюймов. Наконец, внутренне собравшись, она прыгнула прямо на темную стену.

Какое-то мгновение сухие листья под ее руками рвались как бумага, они заскользили вниз и она решила, что это конец. Но потом ей удалось ухватиться за что-то более твердое и она стала зарываться пальцами рук и ног в стену, не чувствуя боли в голых ногах. Наконец они перестали скользить и она глубоко выдохнула.

«Не жди. Не виси. Нет сил.»

Она заставила себя подниматься вверх, перехват за перехватом, каждый тяжелее предыдущего. То, что казалось двух-трех метровым подъемом от сравнительно безопасной ветки, превратилось в бесконечное восхождение по стометровой стене. Каждый мускул корчился от нестерпимой боли.

Свет в окне завораживал. Она переползла через ежевичный подоконник и соскользнула на ежевичный пол, открыла рот,

пытаясь вздохнуть, застонала, потому что все мышцы завязались узлом, и на глаза опустилась искрящая звездами темнота.

Придя в себя, она сразу заметила источник света — большой качающийся цветок, свисавший с самый высший точки сводчатого потолка; из-под его лепестков лился желтый успокаивающий свет. Рени услышала, как Каменная Девочка шевелится рядом с ней и села. Кто-то еще сидел на дальней стороне маленькой комнаты, наполовину скрытый листьями и тенями. И это был не !Ксаббу. Рикардо Клемент, единственный удачный результат проекта Грааль, во всей красе — юный, прекрасный, полоумный.

— Это и есть твой друг? — тихонько спросила Каменная Девочка.

Рени хрипло рассмеялась.

— Где остальные? — Она едва могла говорить. — Мои друзья. Они здесь?

Клемент взглянул на нее, совершенно равнодушно. В руках он нянчил какую-то маленькую вещь, Рени не поняла, что именно.

— Остальные? Нет остальных. Только я… мы.

— Кто? — У нее зародилось очень плохое предчувствие. — Кто мы?

Клемент медленно поднял существо, которое держал в руках. Маленькое и неприятное на вид, она походило серо-голубой безглазый пузырь, с зачатками рук, ног и головы, и щелью вместо рта.

— Господи Иисусе, — с отвращением сказала Рени. — Это еще что за черт?

— Это… это… — Клемент колебался, его лицо побелело, как будто он искал слова. — Это мой… нет… это мое…

После всех этих поисков, найти Клемента и его необъяснимое маленькое чудовище!.. Каждый кусочек ее тела горел от боли, но хуже всего было разочарование, потрясающий удар, как будто пулей в грудь.

— Что ты делаешь здесь?

— Жду… кого-нибудь, — равнодушно сказал Клемент. — Не тебя.

— И я чувствую то же самое. — Рени, несмотря на все усилия, сорвалась на крик. — Черт побери тебя и весь этот мир!

ГЛАВА 28
Властелин его молчания

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ: Так печально и одиноко…

(Изображение: рекламодатель М. Дж. [анонимно])

М. ДЖ.: «Мне больше не нужен никто. Здесь нет никого, и я больше не хочу пытаться. Это… это настоящее одиночество. Темнота. Я хочу, чтобы кто-нибудь позвонил мне, потому что я одна и я печальна. Но даже если кто-нибудь позвонит — боюсь, что ему никто не ответит…»

Не так-то просто было выпасть из Додж Сити и попасть в Египет, но этот второй переход оказался значительно тяжелее и болезненнее. Когда Пол пришел в себя, ему показалось, что его мысли плавают в темной окровавленной воде, как первобытные рыбы.

Он открыл глаза и обнаружил усмехающееся желтое лицо, плавающее перед ним. Пол застонал.

— О, хорошо, — сказал голос из-за клоунской маски цвета созревшего лимона. Маска сидела, как на насесте, на теле, завернутом в безупречно чистое одеяние мумии. — Ты проснулся. Я боялся, что сфинкс убил тебя, хотя он был очень нежен, по своему.

Мартина тяжело дышала от боли рядом с ним, как будто ее тоже не слишком нежно перенесли в это место, серую каменную комнату без окон. Т-четыре-Б и Флоримель тоже очнулись, и мрачно глядели на их похитителя.

— Что ты хочешь от нас? — Голос Пола звучал безнадежно и жалко. Руки оказались крепко связаны за спиной, щиколотки тоже. Четверо пленников подпирали стену, как брошенные посылки.

— Еще не решил, откровенно говоря, — ответил желтолицый. — Я полагаю, что Пта-искусник должен знать такие вещи, но я начал карьеру бога совсем недавно. — Он хихикнул. — Но теперь мне стало интересно, где же я встречал тебя раньше. Конечно я бы узнал моих бывших товарищей по путешествию, даже если бы они переоделись в другую одежду — привет! Но ты… — Он склонил голову на бок, разглядывая Пола. — Я встречал тебя раньше, верно? О, погоди, ты же друг

Кунохары.

— Уэллс? — Пол был потрясен, но не мог не заметить несомненное, хотя и странное сходство. — Роберт Уэллс?

В ответ послушался довольный смешок.

— О, да. Но в данный момент на сцене находится моя египетская реинкарнация. Повелитель Анубис оказался достаточно добр и простил мне плохой выбор союзников.

— Анубис? — глухо переспросила Мартина. — Ты имеешь в виду Дреда, личного убийцу Жонглера, не так ли?

— Да, полагаю, его так и зовут. Снаружи мне было намного легче делать дела, но здесь я должен волей-неволей налаживать отношения.

— Это преуменьшение, — сказал Пол. — Ты упал слишком низко, Уэллс, отдал себя и свою судьбу в руки палача-психопата.

— Не трать время понапрасну, Пол, — треснувшим голосом сказала Флоримель, с явным пренебрежением. — Он ничем не лучше Дреда.

— Любой, кто хоть немного понимает в бизнесе, знает, что иногда лучше не замечать некоторые причуды парня, являющегося генеральным директором твоей компании, если хочешь иметь с ним дело, — весело сказал Уэллс. — И, как раз сейчас, все карты на руках у мистера Дреда. А это означает, что я горд и счастлив принадлежать к его команде.

— То есть ты стоишь рядом и разрешаешь ему делать все, что он захочет, — сказал Пол. — Уничтожать сеть, насиловать и убивать, и только бог знает, что еще…

— Ответ — да, — сказал Уэллс. — Но он не собирается уничтожать сеть. Он хочет жить вечно, как и еще кое-кто. Вроде меня. — Он повернулся и коснулся двери. — Скоро он вернется, наш милосердный Повелитель Анубис, и, я уверен, он будет очень рад объяснить тебе все это.

Тяжелая дверь скрипнула и открылась, за ней обнаружилось три бритоголовых стражника, их смазанные маслом мышцы сверкнули в свете факелов. Потом дверь с грохотом закрылась за Уэллсом, засов лязгнул, возвращаясь на привычное место.

— Нас схватил Дред! — Мартина, казалось, говорила из далекого берега отчаяния. — Боже, помоги нам, мы в руках чудовища!

Усталые и павшие духом, со связанными руками и горящими болью мышцами, ни Пол, ни его товарищи не были расположены говорить. Примерно через час засов снова лязгнул, дверь открылась и появилось причудливый желтый сим Роберта Уэллса.

— Надеюсь вы славно повеселились, — сказал

он. — Походные песни или что-то в этом роде? «Майкл, к берегу греби / Аллилуйя»? — Он улыбнулся, совершенно безумной улыбкой. — Я принес ваших приятелей, попоете вместе. — Пара стражников вошла в комнату, каждый нес на плече обмякшую фигуру. Пленники, оказавшись на ногах, закачались и рухнули на пол. Маленькую круглую женщину в изорванной египетской одежде Пол не знал, но, несмотря на кровь и раны, мгновенно узнал лицо мужчины.

— Нанди?..

Пленник с трудом перевел на него покрасневшие глаза с распухшими веками.

— Простите… Я… никогда не думал…

— Да! — радостно сказал Уэллс. — Он никогда не думал, что ты когда-нибудь появишься здесь, иначе держал бы свой рот на замке и не стал бы рассказывать о встрече с тобой. — Желтая маска кивнула. — Мне потребовалось какое-то время, прежде чем я сложил два плюс два. И тогда я сообразил, что было бы чудом, если бы ты оказался другим Полом Джонасом, а не тем, о котором нам так охотно рассказал этот почтенный джентльмен.

— Чудовище! — Нанди Парадиваш попытался подползти к Уэллсу, но ближайший стражник с силой толкнул его обратно на пол, где он и остался лежать, всхлипывая и тяжело дыша.

— Пол Джонас. — Уэллс глядел на него сверкающим взглядом. — Или «Икс», как я долгое время называл тебя — загадочный эксперимент Жонглера. — Он скрестил на груди перевязанные руки. — Вскоре я узнаю чертовски больше. Ты объяснишь мне все. Сейчас это не так интересно — Жонглер мертв или ушел на покой — но я хочу знать.

Пол мог только с вызовом посмотреть на него.

— Даже если бы я знал… а я нет… я ничего не сказал бы тебе. Мне стерли память.

— Тогда можешь уже сейчас меня благодарить, — весело сказал Уэллс. — Я помогу тебе вспомнить. — Он махнул рукой, стражники подбежали к Полу и подняли его в воздух, как свернутый ковер. У него даже не было времени крикнуть что-нибудь ободряющее своим товарищам, потому что стражники мгновенно вынесли его в освещенный факелами коридор. Голос Уэллса полетел следом за ним.

— Ребята, я приду через пару минут. Не забывайте, он должен остаться связанным. Да, и заострите все, хорошо?

* * *

Код Дельфи. Начать здесь.

Никак не ожидала, что вновь произнесу эти слова.

Еще несколько часов назад я была уверена, что продолжать мой дневник перед лицом неминуемой смерти — дневник, который не сможет найти никто, кроме меня, даже если сеть не рухнет — было бы полным безумием. Эти записи должны помочь мне вспомнить мои нынешние чувства и мысли в том совершенно невероятном случае, если я захочу мысленно вернуться сюда из будущего, которого сейчас невозможно представить. Так что когда я, несколько часов назад, лежала на дне пропасти отчаяния, это казалось хуже чем сумасшедшим — бессмысленным и скучным. Я никогда не хотела оставлять последние душещипательные слова и завещание, которое никто не услышит. Я никогда не демонстрировала кому-нибудь бессмысленную храбрость и уж точно не хотела обременять кого бы то ни было исполнением моей последней воли.

Короче, я сдалась.

Я даже не знаю, изменилось ли что-нибудь — возможность спастись прежнему исчезающе мала — но у меня появилась неожиданная надежда. Нет, не надежда. Я все еще верю, что мы не доживем до конца всего этого. Решимость? Да, возможно.

Мы пережили кошмар Додж Сити только для того, чтобы попасть в плен в Египте. Еще хуже, мы обнаружили, что нас взял в плен — и еще держит — сам Дред. Я соскользнула на дно отчаяния. В яму. Дыру в темноте. Я не могла говорить, и не могла думать ни о чем, кроме той кошмарной комнаты в Доме, в которой Дред мучил меня. Если в то мгновение кто-нибудь предложил бы мне пулю в голову, я бы согласилась с благодарностью.

Потом все изменилось опять — к худшему, если такое вообще может быть. Наш тюремщик, Роберт Уэллс, ставший подручным Дреда, принес еще двух пленников и увел Пола Джонаса, вероятно для на допрос. Мне стало так плохо, что я даже не могла двигаться. Я боялась за Пола. Боже, как я боялась за него. Он и так прошел через такое!.. Мне стыдно, что мои собственные страдания заставили меня сосредоточиться на себе. Я не могу даже представить себе что испытал он, затерянный в сети, почти ничего не помнящий о своей настоящей истории и о том, что произошло с ним. При этом он остался таким разумным, добрым и храбрым… Это просто удивительно. И еще более удивительно, что я не осознавала, насколько восхищаюсь им, пока его не увели.

Не исключено, что он уже мертв. Или испытывает запредельную боль. Что хуже?

Это проклятие, которое я осознала уже давно, бремя, от

которого я пыталась избавиться всю жизнь. Любить человека — значит сделать его заложником судьбы.

И я соскользнула вниз, в пропасть. Долгие минуты — быть может часы — я не могла говорить. Не могла думать. Ужас тисками сжал мое сердце, заморозил мысли и превратил в существо, которое не в состоянии сдвинуться с места, даже если бы могло.

Сейчас я понимаю, что это чуть более прямой вариант того, чем я занималась всю жизнь. Напуганная, я постепенно запечатывала себя каменных глубинах горы, в убежище, которое я делила только со своими механизмами. Не осознавая этого, я изо все сил делала себя чем-то намного меньшим, чем личность.

Тогда, охваченная ужасом, я ничего не соображала, и поняла это только сейчас, когда все прошло. Я бы так и осталась в глубинах черной паники, если бы не руки моих друзей, Флоримель и Т-четыре-Б, которые решили, что у меня сердечный приступ. Я чувствовала их и слышала как бы издалека, и какое-то время не хотела возвращаться обратно, к нервам и чувствам. Лучше прятаться в черной яме. Пускай победивший страх защитит меня, как дом, сделанный из блоков льда, защищает охотников в Арктике от холода.

Потом, находясь все еще далеко от себя, я почувствовала на себе другие руки, неловкие и запинающиеся, и услышала другой голос. Новая женщина-пленник пришла ко мне на помощь, не обращая внимания на свои многочисленные раны. Мне стало стыдно, даже в глубинах одиночества. Я только испугалась, а вот кто-то, кто страдает по настоящему, и она нашла в себе силы позаботиться обо мне, совершенно незнакомом человеке!

Я решила, что мне надо вернуться обратно, пока я навсегда не упала в медленно движущуюся темноту. Кстати, я почувствовала себя намного хуже, когда, вернувшись обратно, обнаружила, что мои усталые друзья и эта незнакомка, страдающая от многочисленных ран, заботятся обо мне так, как будто я — капризный ребенок, командующий группой взрослых.

Бывают случаи, когда доброта становится самым острым оружием.

Наконец приступ стыда прошел и я поняла, что знаю обоих новых пленников, по меньшей мере по имени — Бонни Мей Симпкинс, которая была так добра к Орландо и Фредерикс, и Нанди Парадиваш, тот самый, который первым объяснил Полу, что тот заперт в сети Жонглера. Нанди находился в состоянии, очень похожим на мое, его мучила вина за все, что случилось с Полом, и еще его жестоко пытали, но женщина Симпкинс говорила за двоих. Она рассказала, как открыла ворота и послала

через них Орландо и Фредерикс, как оставшиеся члены Круга ждали слишком долго и не смогли убежать: появился Жонглер в облике Осириса, бога этого симмира, и огромный храм Ра рухнул. Жонглер пробыл недолго, и выжившие спрятались в руинах, надеясь найти другой путь из симуляции, но через несколько дней место Осириса занял Анубис, и ситуация из плохой стала ужасной.

Бонни Мей Симпкинс описала разрушение, которое последовало за сменой власти, оргию убийств и пыток, по меньшей мере такую же кошмарную, которую мы видели в Додж Сити. Хотя меня не удивишь рассказами о зверствах Дреда, все-таки я похолодела, когда она рассказала о массовых публичных сожжениях, о том, как Дред дирижировал симфонией убийств и о том, как дикие шакалы пожирали детей на глазах у родителей. Похолодела, потому что поняла, что даже в этой сети, где можно исполнить любую прихоть, нет верхнего предела безумцу, одержимому жаждой крови.

Сила Дреда и его амбиции все растут, но как долго симуляции могут кормить его аппетит? Если он сумеет унаследовать власть Жонглера не только внутри, но и снаружи сети — если Жонглер действительно мертв, почему бы Дреду не подчинить себе его корпорацию? — тогда его возможности станут устрашающе огромны.

Пока Бонни Мей говорила, мне пришла в голову неожиданная мысль и я спросила «А что случилось с другими детьми? Маленькими летающими детьми, о которых упоминал Орландо?» Я не помню, как эта группа детей называла себя, Озлобыши, Плохиши или что-то в этом духе.

Вопрос ее опечалил. Она сказала, что дети-обезьянки хотели уйти за ворота вместе с Орландо и Фредерикс, но их отвлек хаос в храме Ра, и они все остались, когда ворота закрылись.

Бонни Мей Симпкинс сказала, что она пыталась спрятать их, и когда солдаты нашли ее и Нанди, то дети-обезянки успели улететь, преследуемые стражами храма. Скорее всего, добавила она, их схватили и убили, потому что дети, еще даже не ходившие в школу, не могли рассказать Дреду ничего полезного.

И она продолжила рассказывать об ужасах, которые она и Нанди испытали, главным образом потому, что Дред знал, что их видели в компании Орландо и Фредерикс. У меня опять все похолодело внутри — достаточно плохо то, что скоро мы окажемся в руках Дреда, но еще хуже, что, оказывается, он активно ищет нас. И, похоже, заранее приготовил свою месть.

Но мысль о детях-обезьянах Орландо никак не хотела уходить из головы.

Я как бы повернула за угол. Я здесь и примирилась с мыслью о смерти, даже такой неприятной, которая нас ждет, но не могу пассивно ее ждать. Я сейчас расскажу, к чему это привело. Я все менее и менее внимательно слушала ужасные рассказы Бонни Мей Симпкинс, потому что… потому что мне нужно было подумать о чем-то другом. Теперь я понимаю почему Рени упрямо, закусив удила, всегда идет вперед — когда ты не можешь сделать нечего, ты должна сделать хоть что-нибудь.

Мы все умрем. Именно краткость придает жизни ее форму и даже красоту. Тогда почему мы должны думать о чем-нибудь другом, кроме собственных удовольствий? И, зная, что все может кончиться буквально в любое мгновение, не сдаемся?

Я не знаю ответа. Но знаю, что теперь не сдамся никогда.

Я сказала паре из Круга: «Не думаю, что маленьких обезьянок схватили. Дреду нравится ломать вашу волю — он любит это даже больше, чем причинять физическую боль. И он хочет заставить вас рассказать все, что вы знаете о Рени и всех нас. Так что если бы стражники схватили их, он стал бы мучить вас, расписывая в подробностях, что собирается с ними сделать. Он бы наслаждался, занимаясь этим.»

«Быть может они действительно сбежали, — сказала Бонни Мей Симпкинс. — Пусть Бог поможет им, будем надеяться, что они в безопасности — бедные малыши». Я почти чувствовала, как она призывает последние капли оптимизма, еще сохранившиеся в ее душе, и опять устыдилась своего прошлого поведения.

Флоримель вспомнила, что Орландо и Фредерикс говорили о Нанди, и спросила, не может ли он открыть ворота прямо здесь, в тюрьме. Медленно и мучаясь от боли — я думаю, что у него сломано несколько ребер, хотя это очень трудно объяснить, учитывая то, что мы все в виртуальных телах — он объяснил, что может открыть ворота только в предназначенном для этого месте, и, определенно, не в этой тюрьме. Пока он говорил, я всерьез задумалась о том, что возможно, а что нет, и что на самом деле мы пленники не в каменном храме, а в *идее* храма.

Постепенно ко мне начали приходить и другие идеи. Ничего особенного, ничего такого, что могло бы взломать двери или убить стражников, но у меня появилось занятие, спасибо и за это. Нанди закончил свои объяснения, и я попросила остальных какое-то время помолчать. Даже Т-четыре-Б — который, на самом деле, был необычно сдержан с того мгновения, как к нам бросили Нанди и Бонни Мей Симпкинс — не запротестовал.

Как мне представляется, эта виртуальная вселенная составлена из сказок, и я подозреваю, что, частично, сама в этом виновата. Во всяком случае я верю, что помогала наполнить

Иного сказками, когда система создавалась и идентифицировала сама себя. В частности из сказок он черпает свои надежды, если такое можно сказать об искусственном интеллекте. И, если говорить о нас, каждый стал олицетворением какого-нибудь характера — Рени, например, храбрый и иногда слишком упрямый герой, !Ксаббу — мудрый советчик, Пол сражается с судьбой, загадка для остальных, и так далее. Долгое время я считала, что моя роль прозрачно ясна. Слепая пророчица — я даже пошутила об этом в одном из указателей к записям моего дневника, для последующего использования. Но, с помощью !Ксаббу, я делала намного больше, открывая ворота там, где не мог никто другой. На самом деле много раз необычные особенности места давали мне возможность сделать то, что не мог никто из моих друзей.

Вероятно я волшебница — ведьма. Надеюсь, что добрая.

Здесь, в вымышленном мире, у меня есть сила. Пока я сидела в камере, размышляя о попытках Нанди заставить систему работать, я сообразила, что еще не полностью высвободила свою силу. И разве может быть лучшее время, чем сейчас, когда Дред может появиться в любое мгновение?

Я попросила товарищей помолчать и попыталась увидеть то, что находилось за стенами нашей маленькой камеры. Я уже неоднократно делала это, в мире Дома или в Жилище Заблудших, но всегда находилась на открытом месте и я могла считывать информацию с потоков воздуха и долгих эхо, хотя не всегда могла их идентифицировать. Мне всегда казалось, что мои способности — продолжение обычных чувств, и я думала, что они достаточно ограничены, но только сейчас сообразила, что не знаю, правда ли это. Пока мои друзья ждали в растерянной боязненной тишине, я открыла себя и попыталась увидеть, услышать, почувствовать — на самом деле нет подходящего слова — то, что находится снаружи.

Исследуя систему вместе к !Ксаббу, я всегда ощущала фундаментальное различие между его восприятием и моим, как между игрой в веревочки и ее математическим обоснованием — оба помогают постигнуть мир, но различие никогда полностью не исчезнет. Сейчас я начала думать о том, что означает эта разница — почем совсем молодой человек со столь малым опытом в области информации может воспринимать то, что я, после стольких лет учебы и со своими расширенными способностями, воспринимаю с большим трудом? Причина, решила я, в том, что я сама себя ограничиваю. Народ !Ксаббу научил его принимать все, что посылает мир, и, тщательно исследовав самые важные детали, реагировать соответственно. Кроме того он очень умен в высшей

степени гибок. Оказавшись лицом к лицу с новым миром, он не пытается привести его в соответствие со своими ожиданиями, но прежде всего старается понять законы и правила мира, без предрассудков и предвзятых представлений, черпая информацию отовсюду.

Но меня — и всех нас, я думаю — обманывает невероятная правдоподобность этой сети, и мы пытаемся понять этот мир, как если бы он был настоящим. Даже используя те удивительные возможности, которые у меня есть, я разрешала себе слышать только то, что могла услышать, касаться того, что могла коснуться и направляла результаты в то, что можно назвать моделью настоящего мира. Какая-то дьявольская ирония — слепая женщина отчаянно борется за то, чтобы превратить мир, в котором она превосходит своих товарищей, в нечто, более похожее на настоящий мир, в котором она им уступает.

Итак, что бы сделал !Ксаббу? Даже охваченная ужасом и отчаянием, я мысленно улыбнулась. *Что бы сделал !Ксаббу?* Открыл себя. Дал бы окружающему миру заговорить и слушал, без всякого предубеждения, не пытаясь втиснуть информацию в заранее нарисованную схему.

Я попыталась сделать то же самое.

Во первых я обнаружила, что все еще страшно напугана, несмотря на внешнее спокойствие. Сердце билось слишком быстро, мысленно я все еще слышала испуганное дыханье Пола Джонаса в тот момент, когда его схватили стражники, как если бы эхо этого события навсегда поселилось в нашей камере. Эта мысль привела меня к другой, которую я на мгновение отставила в сторону, сосредоточившись на том, чтобы успокоиться и очистить сознание. Я сделала все, что могла, но была слишком слабой, чтобы за несколько минут достичь нужной степени спокойствия.

Труднее всего было избавиться от мысли, что стены камеры и весь храм — настоящие и твердые. Я полагаю, что мистики и ученые делают подобные усилия, чтобы воспринимать физический мир как сочетание энергий. У меня было смутное представление о том, что находится за пределами нашей тюрьмы — звуки, запахи — и они уже были более существенны для меня, чем для любого из моих друзей, но мне надо было намного больше. Я должна была заставить себя воспринимать их по меньшей мере такими же существенными, как и то, что находится внутри камеры, заставить стены замерцать, становясь несущественными, и так до тех пор, пока бы все эти симуляции препятствий не стали дополнительными источниками информации. Переводя на язык зрения, я должна была научиться

глядеть *сквозь* стены, а не *на* них.

Потребовалось много времени, но все-таки это произошло, достаточно внезапно — простой изгиб восприятия, и я почувствовала, как информация открывается передо мной, уровень за уровнем, информация о стражниках в коридоре, такая же существенная, как и информация о товарищах в камере. Один из них почесал голову. Я засмеялась. Я чувствовала себя так, как будто открыла секрет фокуса, как в детстве в тот день, когда научилась ездить на двухколесном велосипеде. Я двигалась осторожно, все дальше и дальше, вдоль стены-информации на дальней стороне коридора, потом скользнула сквозь нее, проверяя коридоры и комнаты.

Эта способность оказалась ограниченной. Чем дальше от себя направляла я свою проекцию, чем больше барьеров преодолевала, тем меньше получала информации. В сотне метров от нашей камеры личность — то есть сим, претендующий на то, чтобы быть личностью — мало чем отличалась от человекоподобной фигуры, которую можно было узнать главным образом по движению. На вдвое большем расстоянии я замечала только движение. Во время обследования я обнаружила несколько скоплений человеческих тел и движений, любое из них могло быть Полом и его похитителями, но узнать их было невозможно — слишком далеко.

Я разрешила своей проекции выйти наружу, пытаясь найти энергетическую тень ворот, которая оставалась даже тогда, когда сами ворота были закрыты. Я нашла нечто похожее на самом краю замка-дворца, но к этому времени моя голова гудела от боли. Я вернулась обратно к товарищам и рассказала то, что обнаружила. Я задала несколько вопросов Нанди и его ответы подтвердили мнение Орландо, который считал Нанди экспертом по путешествиям в сети. Вооружившись его указаниями, я опять попыталась найти ворота.

На этот раз это оказалось намного труднее. Я устала, голова болела, но мне нужно было проверить ворота и убедиться, что они работают. Ворота казались вполне в рабочем состоянии, но, странно, у меня не было доступа к их обычной информации. Но, самое главное, они могли перенести нас куда-нибудь прямо сейчас, все остальное не имело значения.

Я едва успела объяснить это остальным, а потом свалилась от усталости и заснула мертвым сном. Проснувшись, возможно через час, я заметила, что небольшое оживление, вызванное моими новостями, опять сменилось беспомощным молчанием, потому что пока мы сидим в тюрьме, даже самые близкие к нам ворота могут быть хоть на луне.

Несмотря на ощущение, что моя голова сделана из старого

хрупкого стекла, я решила попробовать что-нибудь другое. Время бежало — и очень быстро. Я не могла позволить себе ждать, когда голове станет полегче; Дред мог появиться в любое мгновение, но я не хотела и возбуждать несбыточные надежды.

На самом деле, хотя последняя попытка оказалась сравнительно удачной, я все еще не обнаружила почти ничего полезного.

Я снова открыла себя. На мгновения я испугалась, что потеряла сноровку, потому чти стены остались твердыми и непроницаемыми, но потом подумала о !Ксаббу, успокоилась им, наконец, произошел сдвиг. Я потянулась наружу, но не в каком-то одном направлении, но в целом, разрешив моему сознанию рассредоточиться и вылететь наружу через информационные каналы. Я искала кое-что менее специфическое, чем ворота, и чем дальше я улетала от камеры, тем тяжелее было просеивать информацию.

Я уже почти сдалась, когда нашла то, что искала. Круговорот существ и передвижений на дальней стороне храма. Центр располагался в алькове, возможно в нише за настенным ковром, меня это очень обеспокоило. Вторая, и менее определенная часть плана стала очень трудной.

Запомнив, где находится это место, я всплыла на поверхность. Голова разрывалась от боли, но только вспомнив, что вынесли Нанди и Бонни Мей Симпкинс и что ждет нас самих, я заставила себя встать с пола и подойти к двери камеры, где я легла на пол, лицом к щели под дверью.

«Что ты делаешь? — обеспокоено спросила Флоримель. — Тебе трудно дышать?»

«Мне, более чем когда, нужно полное молчание, — сказала я ей. — Пожалуйста, ждите. И попытайтесь не двигаться, если хотите помочь».

Повернув ухо к щели, я прислушалась. Я слушала точно таким же способом, как тогда, когда разрешила моим чувствам улететь, но сузив фокус. Сейчас я хотела только звук, в любой форме, в которой могла воспринимать его. Я представила себе храм как двумерный лабиринт, и постаралась найти все воздушные потоки, летящие вдоль пути, который я нашла раньше. Наконец я услышала тихую возню и шепот из алькова. Описывая, как мне это удалось, я упрощаю, не из скромности — это было невероятно тяжело — но потому, что у меня нет времени описать все более подробно.

Как только я услышала ожидаемо слабые звуки, которые искала, я начала самую трудную часть. Я опять повернулась лицом к щели и тихо прошептала несколько слов, а потом

последовала за ними. Увы, звуковые волны быстро рассеялись, не долетев даже до конца коридора.

Кто-то, я думаю Т-четыре-Б, слегка пошевелился у меня за спиной, но для моих жестоко напряженных чувств это оказалось рокотом океана. Я сдержалась, и не стала кричать на своих друзей. Вместо этого я попыталась еще раз.

Мне потребовалось почти два часа, и могло бы длиться вечно, если бы коридор, которым я пользовалась, не оказался почти пуст. Это все равно, как играть в самую сложную бильярдную игру во вселенной, передавая небольшую последовательность звуков из одного конца храма в другой — отражая ее от стен и заводя за углы; все зависело от почти микроскопической разнице в начальном направлении и от того, насколько мне удастся угадать направление движения ветра. И то что я, преодолевая головную боль, сумела это сделать, было исключительной удачей.

Услышать ответ было намного легче, хотя и заняло несколько мучительных мгновений. Никто, кроме меня, не мог услышать его — звук был настолько слаб, то я не услышала, а прочитала его.

«Кто это? — спросили меня. — Откуда ты знаешь имя Зунни? Откуда ты знаешь об Озлобышах?»

Трудно вести такие переговоры — могут потребоваться часы работы наугад — и опираться на истории, которые мне рассказали. Кроме того я не верила в терпение детей-Озлобышей. Все, что я хотела им сказать, я высказала в одном сообщении.

«Мы друзья Орландо Гардинера. Нас заперли в тюрьме храма. Они собираются нас пытать. Нам нужна помощь, прямо сейчас».

Ответа я не услышала. Снаружи заговорил стражник, разрушив тонкие пространственные трубки и движения.

Вот и все. Вероятность того, что они услышали мое послание и что-то смогут сделать, до смешного мала, но это единственный план, которые я смогла разработать. По меньшей мере в одном я оказалась права — дети-обезьяны действительно все еще прячутся в храме. И, несмотря на все, я сказала хоть *кому-нибудь*, что мы здесь, что нам нужна помощь. Нам не стало хуже оттого, что теперь наши жизни зависят от группы дошкольников. Хотя и не намного лучше.

Тем не менее, хотя Бонни Мей Симпкинс была счастлива услышать, что дети выжили, остальные не обрадовались, услышав насколько тонка ниточка, на которую я потратила столько времени и энергии, и на которой висят все наши надежды.

Я, однако, настолько устала и настолько плохо себя чувствовала, что если бы даже не Дред, а сам Сатана постучал в дверь камеры, я бы не испугалась. Я упала на пол и мгновенно уснула, несмотря на барабаны, стучавшие в голове. Сейчас я

проснулась, но ничего не изменилось. Моя голова все еще болит, и страх настойчиво бьется во мне. Бедный Пол Джонас, один, подвергается бог знает каким пыткам. Остальные ждут смерти — или худшего. Мы ждем Дреда. Возможно я не добилась ничего — возможно я потерпела поражение, как ведьма. Но по меньше мере я сделала… что-то.

Если я скоро умру, то это будет небольшое утешение. Очень маленькое.

Код Дельфи. Закончить здесь.

* * *

Он был связан и абсолютно беспомощен, спина притянута к каменному столу, и он чувствовал себя так, как будто при малейшем прикосновении живот лопнет. В дымной, освещенной только факелами комнате желтое лицо Пта плавало над ним, как неяркое солнце.

— Удобно?

Пол дернулся в веревках, которые уже натерли кожу на запястьях и щиколотках. — Зачем тебе все это надо, Уэллс?

— Потому что я хочу знать. — Пта выпрямился и сказал стражнику, который связывал Пола. — Позови Узерхотепа.

— Но я сам ничего не знаю !Как ты можешь пытать того, кто не знает то, что ты хочешь от него узнать?

Роберт Уэллс покачал головой, насмешливо печально.

— О, конечно не могу. В любом случае это не настоящий мир, Джонас. Это кое-что значительно более сложное — и более интересное.

— Действительно интересное, особенно если твоему новому хозяину не понравится то, что ты сделаешь со мной, и он убьет тебя.

Его похититель рассмеялся.

— О, не беспокойся, я оставлю ему с чем поиграться. Но вначале мы попробуем несколько своих фокусов. — Послышались шаги и он поднял голову. — А, вот и главный фокусник, собственной персоной.

— Я живу, чтобы служить тебе, о Повелитель Белых Стен. — Человек мог быть молод или стар — в затемненой комнате было плохо видно, к тому же лицо незнакомца было мясистым, но гладким. Он не был толстым — хотя под необычайно белой кожей перекатывались чудовищные мускулы — но каким-то округлым, почти женственным, и с бесполым взглядом евнуха.

— Узерхотеп — особая личность, — торжественно сказал Уэллс. — Э… черт побери, что за слово? Тут есть такая маленькая змея, которая все время говорит мне в ухо и почти никогда не замолкает, я уже устал ее слушать. А, правильно, *керихеб*. Особый жрец.

— То есть палач, — прервал его Пол. — А ты — заносчивый ублюдок, и еще преступник, Уэллс. Как это переведет на египетский твоя змея-переводчик?

— Ты и так знаешь перевод. Это… бог. — Роберт Уэллс улыбнулся. — Но Узерхотеп обладает намного большими талантами, чем любой палач. Он лектор-жрец. То есть маг. И он поможет тебе рассказать все, что ты знаешь. И все, что не знаешь, тоже.

Узерхотеп подвинулся ближе, поднимая руки над ничем не защищенным животом Пола. Пол вздрогнул, жрец нахмурился, но его взгляд остался таким же пустым, как стеклянный взгляд рыбы.

«Нет, акулы, с ужасом подумал Пол. Того, кто использует зубы только потому, что они и него есть».

— Нет необходимости корчиться заранее, — сказал ему Уэллс. — Боль — самая маленькая часть процесса. Кстати, я потому и посадил к тебе пару приятелей, чтобы ты пораскинул мозгами. Нет, Узерхотеп наложит на тебя заклинание, и ты запоешь, как канарейка.

— Ты слишком долго пробыл здесь, Уэллс, если думаешь, что какое-то египетское мумбо-юмбо заставит меня сказать хоть что-нибудь. — Он, несмотря на веревки, поднимал голову до тех пор, пока не сумел увидеть бесполое лицо Узерхотепа. — Ты код, ты это знаешь? Ты даже не существуешь. Ты — мнимая величина, последовательность номеров в большой машине.

Уэллс хихикнул.

— Он не может слышать то, что не соответствует симуляции, Джонас. И это ты, кто мало что понимает, если думаешь, что это… мумбо-юмбо на окажет на тебя никакого воздействия.

Узерхотеп наклонился. Чрез мгновение он выпрямился, в его руке свернул длинный бронзовый клинок, скорее напоминающий опасную бритву, чем кинжал. Прежде, чем Пол успел что-то сделать, жрец уже полоснул его по груди. Узерхотеп успел сделать три неглубоких надреза, прежде чем Пол почувствовал жгучую боль в первом.

— Ублюдок!

Не обращая внимания на Пола, Узерхотеп поднял с пола кувшин, вылил на грудь Пола немного черной и липкой жидкости, и втер ее в разрезы. Грудь полыхнула огнем, Пол даже

не мог кричать.

— Я думаю, что эту пасту, скорее всего, делают из семян мака, — заметил Уэллс. — Что-то вроде примитивного опиума, чтобы помочь тебе увидеть сны. О, они подходят к делу серьезно, со всех сторон — немного науки, немного магии, немного боли…

«О боги, пред вами злодей,—

запел жрец.—

Он тот, чей рот закрыт пред вами на засов,

Он тот, кто никогда не говорит ни слова правды,

Пока вы не откроете его рот и дух его не выйдет из тени,

Скрывавшей его!

Откройте мне источник его языка!

Откройте мне тайны его сердца!»

Узерхотеп пел, и, одновременно, его пальцы опять и опять скользили по коже Пола, втирая в каждую рану соленую черную пасту. Высокий пронзительный голос, далекий и безучастный, как бы отсчитывал минуты никому неважной встречи, но в его холодных глазах было странное напряжение: по мере того, как боль разгоралась, они сверкали все ярче и ярче, пока вся остальная комната не провалилась во тьму и осталось только одно лицо.

— Видишь ли, не имеет значения, веришь ты или нет, — откуда-то из-за него сказал Уэллс, желтое лицо Пта затмило круглое лицо жреца, как луна солнце. — Это одна из самых странных особенностей этой сети — скажи спасибо Жонглеру, он настоящий гений…

— Я не помню *ничего*! — прорычал Пол, безуспешно борясь с веревками, обжигавшими кожу.

— О, ты вспомнишь. И если мы сыграем по правилам системы, прочитаем правильные заклинания, ты заговоришь, хочешь того или нет — помнишь ли или нет. Ты уже заметил, что сеть работает на уровне подсознания? Что все совершенно, как настоящее? Что сеть имитирует то, что действительно существует, и даже убивает людей, убеждая их, что они мертвы? Если бы я знал, как Жонглер добился этого, я бы давно послал старого хрена в задницу. — Смешок Уэллса медленно добрался до ушей Пола — понимать что-нибудь становилось все труднее, сознание затуманилось от боли и беспокойства.

«Видишь, боги ждут тебя в пещерах Нижнего Мира!

Смотри, как они разбивают сердце твоего молчания!

Смотри, вот они во всем своем величии, познай страх!

Поднявший Голову!

Ужасный!

Отвернувший Лицо!

Он из Гроба!

Она, которая причесывается!

Кобра, говорящая из Пламени!»

— … Конечно, он никогда не расскажет нам, как это работает. — Голос Уэллса слышался издалека, едва различимый на фоне песни жреца. Жуткая боль терзала суставы Пол, угрожая оторвать руки и ноги. — Что же это за маленькая шутка? Механизм Продолжения Реальности. Понял? МПР, что-то вроде сна. Но черт побери, ты должен согласиться, что он работает. Чувствуешь?

Пол безуспешно пытался вздохнуть. Черный жар полз через него, горячий и жирный, как маковая паста, темный, как пещеры в заклинании жреца, пещеры, которые он почти видел, невероятно глубокие, полные ждущих глаз…

— А теперь, Джонас, пришло время рассказать все, что ты знаешь о нашем друге Жонглере. — Желтое лицо бога вернулось, плавая в водовороте теней. — Расскажи мне, что там произошло…

«Дай мне силу его языка, и я сделаю из него бич, которым накажу врагов богов!—

сказал жрец, в его жужжании появилась триумфальная нота. —

Дай мне силу его языка, я сделаю из него бич,

и он больше не спрячет ни одной тайны!

Сделай меня властелином его молчания!

Сделай меня жрецом его упрямого сердца!

Говори!

Говори!

Говори!

Боги приказывают тебе…!»

— Я… я не… — Голос жреца гремел в ушах, ужасающий гром, который не давал думать. Из прошлого налетели картины, куски жизни в башне, печальные темные глаза Авы, запахи оранжереи. Его собственные слова зазвучали одновременно внутри и снаружи головы. — Я… я… — Он увидел сам себя, увидел все и время распахнулось, как будто с плоти сорвали кожу, обнажив прошлое — болезненно, пронзительно болезненно, но воспоминания стали подниматься на поверхность.

Темнота исчезла, упав во что-то более глубокое. Он услышал свой собственный голос, говорящий как будто издали.

— Я… сирота.

ГЛАВА 29
Каменные стены

СЕТЕПЕРЕДАЧА/МУЗЫКА: Группа «Дикие Животные» вновь воссоединяется?

(изображение: брат и сестра Бенчлоу входят в больницу для предоперационного обследования)

ГОЛОС: Продолжается то, что, как признают даже самые преданные фанаты, стало самой экзотической сагой последнего времени. Сиамские близнецы Саския и Мартинус Бенчлоу, основавшие группу «Моя Семья и Другие Дикие Животные» и хирургически разделившиеся несколько месяцев назад для того, чтобы делать музыкальную карьеру по отдельности, продумывают возможность соединения.

С. БЕНЧЛОУ: «После того, как мы разделились, мы проводили все время в спорах. В результате мой новый продюсер сказал: — Что это с вами двумя, вы как будто соединились бедрами. — И, знаете, это заставило нас задуматься…»

М. БЕНЧЛОУ: «Вся эта идея разделения оказалась очень странной. Я никогда не думал, что мне будет так одиноко идти в туалет.»

Он повторил свои слова, схваченный какой-то непостижимой силой. Темнота растаяла, но — так странно! — он как бы стоял рядом с самим собой и слушал собственный голос.

— Я сирота.

— Извини, но ты должен узнать об этом, парень, — сказал Найлз по-настоящему взволнованным голосом, хотя его лицо на экране оставалось таким же непроницаемо-спокойным, как всегда. — По какой-то причине больница не в состоянии с тобой связаться, и они позвонили мне. Думаю, что ты можешь назвать меня запасным каналом связи, или что-то в этом роде.

— Я… я сирота, — в третий раз сказал Пол.

— Да, такое сбивает с ног, верно? — доброжелательно сказал Найлз. — Но, в конце концов, тебя трудно назвать ребенком, а? Но мне действительно очень жаль, Пол. Она прожила хорошую жизнь, не так ли? Сколько ей было?

— Семьдесят два. — Он сообразил, что живет в Америке уже полгода. — Семьдесят три. Совсем не старая. Я думал… я думал,

что она проживет еще несколько лет. — «Я думал, что успею вернуться обратно и увидеть ее. Как я мог дать ей умереть одной?»

— И все-таки она себя не слишком хорошо чувствовала? Лучше всего так, а?

На мгновение Пол возненавидел симпатичное лицо своего друга и его сочувствие. «Лучше всего? Да, для члена семьи, в которой стреляют старых собак и лошадей, это кажется естественным». Мгновением позже вспышка ярости прошла.

— Да, наверно, — с трудом сказал он. — Я должен позвонить и заняться подготовкой…

— Уже сделано, парень. Она все предусмотрела. Хочешь, я пошлю тебе пепел?

Это было настолько странно и отталкивающе, что Пол на какое-то время задумался. — Нет. Нет, ни в коем случае. Не думаю, что она любила Луизиану. Скорее она бы хотела лежать рядом с папой.

— Даже ради спасения жизни он не мог вспомнить имя этого так называемого парка поминовения, и никогда не был на месте успокоения отца — если ниша с дверью в стене из фибрамика, выглядевшей как мраморная, достойно того, чтобы его так называть. — Я взгляну на детали и позвоню тебе завтра.

— Замечательно. Мы в Дубках. — Самый простой способ сказать, что семья Найлза проводит полугодовой отпуск в своем имении в Стаффордшире.

— Спасибо, Найлз. Ты настоящий друг.

— Не волнуйся. Но как дела у тебя? Один из твоих американцев позвонил мне, очень странный звонок.

— Знаю. — Он прикинул, не рассказать ли Найлзу всю историю, но он и так в долгу у друга — скольким ты обязан тому, кто устроил сожжение тела твоей матери? — и не хочет опускаться еще глубже, рассказывая ему по телефону, который скорее всего прослушивается, о своих подозрениях и всех этих странностях. — Здесь все более-менее в порядке. Множество историй, будет о чем поговорить при встрече. Немного странно, но в основном я доволен.

Найлз недоуменно посмотрел на него, но, как обычно, решил, что лучше всего улыбнуться. — Хорошо. Только держись подальше от неприятностей, старина. И, еще раз, мои соболезнования.

— Я позвоню тебе завтра. Спасибо.

Его самого смущало то, что он сказал Найлзу, но, пока лифт бесшумно нес его наверх, слово не желал покидать голову.

«Сирота. Я сирота. У меня не осталось никого…»

Да, конечно, это небольшое преувеличение — он не видел маму с того времени, как уехал из Англии, но и пока он был там, он бы не стал двигать небо и землю, чтобы сохранить ее на этой стороне с того момента, как ей стало плохо в первый раз — но сейчас, когда она ушла, что-то действительно изменилось.

«Что ты на самом деле должен сделать? Найлз? Он достаточно добр и эффективен, он даже немного погорюет о тебе в крайнем случае, а потом вернется к своей обычной сказочной жизни. — Помнишь Пола Джонаса? — скажет он какому-нибудь очередному другу. — Я знал парнишку с Крэнли — мы вместе учились в университете. Он еще работал у Тейта? Бедный старина Пол…»

Она встретила его в античном кабинете, тонкие черты ее лица были так неподвижным что казались маской, и улыбнулась ему, слабой официальной улыбкой.

— Пойдемте, мистер Джонас. Пора начинать занятие.

Он остановился в двери, смущенный блеском в ее глазах — намек на возбуждение или даже страх.

— Мисс Жонглер, я…

— Пожалуйста! — сказала она немного слишком пронзительных голосом. — Мы не можем терять время! Мы и так слегка опаздываем, дорогой мистер Джонас, но я вас не осуждаю. Вы должны понимать, что для меня время между уроками очень много значит.

Он разрешил втолкнуть себя внутрь, вовремя отдернув руку, которую, иначе, защемила бы закрывающаяся дверь. Он еще не успел вздохнуть, а она уже бросилась ему на шею, покрывая его лицо поцелуями.

— Мисс Жонглер! — Он попытался отцепиться, но она повисла на нем, как морская звезда на камне. — Ава! Ты сошла с ума? — Он подсунул одну руку под живот, закованный в корсет, и стал осторожно толкать назад, пока не смог схватить ее за плечи и оторвать от себя. Потрясенный, он увидел в ее глазах слезы.

— Здесь они нас не видят! — крикнула она. — Наш друг защищает нас!

Он едва заметил, что ее выдуманный друг каким-то образом стал и его другом.

— Даже так, Ава — я уже говорил тебе, что это ужасная мысль. Этого просто не может быть.

— О, Пол, Пол. — Расстроенная, она нагнула голову и поцеловала его руку там, где он держал ее. Несмотря на чудовищное неудобство, даже безумие всего этого, что-то в нем ответило трепетом в паху, как будто зашевелилась спящая змея.

— Ава, перестань. Ты должна остановиться.

— Но Пол! — Она взглянула на него огромными мокрыми глазами. — Я только что узнала самую кошмарную новость. Я думаю, что папа… он собирается убить тебя!

— *Что?* — Вот это уже слишком. На мгновение он возненавидел ее — несмотря на всю ее беспомощность и расстройство. Как так произошло, что он оказался в таком нелепом и смешном положении? С Найлзом Пенеддином никогда бы не случилось ничего такого. — Почему?

— Пошли наружу, — сказала она. — В лес. Там мы сможем поговорить.

— А думаю, что мы можем поговорить и здесь. Этот… твой друг-призрак, он защищает нас.

— Да! Но я не могу оставаться в этом доме. Сидишь в клетке, как зверь в зоопарке. Время… здесь время тянется очень долго! — Она опять набросилась на него, и хотя он отвернул лицо, отказавшись целовать ее, в ее напряженном теле чувствовалась такая болезненная мука, что он не мог больше сопротивляться и обнял ее, успокаивая как испуганного ребенка.

«Она и есть ребенок,— подумал он, его страх и растерянность смешались с печалью.— Они сделали с ней что-то ужасное. Что бы это ни было, это преступление».

Ее волнующаяся грудь уперлась в его. Наконец она успокоилась.

— Выйдем наружу, — сказала она. — Пожалуйста, Пол.

Он разрешил вывести себя за дверь кабинета, в последнее мгновение отпрянув от нее, чтобы, выходя из предполагаемой зоны безопасности, сделать картинку на мониторах наблюдения более приличной.

«Она заставила меня поверить ей, сообразил он. Этот призрак, ее тайный друг. Быть может кто-то действительно взломал систему, незамеченный Финни и Маддом. Никогда не поверю, что они найдут такое поведение приемлемым».

В доме было тихо, все служанки куда-то подевались — не на работе? Болтают о сумасшедшей дочери хозяина в современных раздевалках на нижних этажах? Или висят в шкафах, как марионетки, ожидая, пока невидимый кукловод опять не использует их?

«Они должны быть настоящими людьми,— сказал он себе. Из-за готической атмосферы дома он уже наполовину верил в любую, даже самую причудливую идею.— Я наткнулся на одну из них. Вы не можете натыкаться на голограммы, и пока нет роботов, так напоминающих людей». Он надеялся, что выживет, вернется обратно в Англию и однажды сможет рассказать все Найлзу и остальным друзья, желательно со стаканом в руке. Вот рассказ,

который не переплюнет никто из них!

Нетронутый завтрак Авы стоял на столе на веранде. Пол, глотая слюни, посмотрел на него — его завтрак ограничился одним стаканом кофе. Выйдя в сад, его ученица пошла быстрыми мелкими шагами. На мгновение ему захотелось побежать за ней, но он вспомнил о глазах, смотрящих на него, и пошел так неторопливо, вразвалочку, как только мог.

Она ждала его в эльфийском кольце, глаза блестели, но слез еще не было.

— О, Пол, — сказала она, когда он вошел в круг, — если бы всегда могли быть вместе. Способны говорить друг другу то, что думаем, и не бояться!

— Ава, я не понимаю, что происходит. — Он сел рядом с ней, не слишком близко. Она с упреком посмотрела на него, но он решил не обращать на это внимания. — В последний раз, когда мы были здесь, ты сказала… ты сказала мне, что у тебя есть ребенок. Сейчас ты говоришь, что твой отец хочет убить меня. Не говоря уже о твоем друге из мира призраков. Как я могу поверить во все это?

— Но у меня *был* ребенок, — негодующе сказала она. — Я никогда бы не стала врать в таких делах.

— А… кто отец?

— Не знаю. Не человек, если ты это имеешь в виду. — Она на мгновение замолчала. — Возможно Бог. — Не было и намека на шутку.

Теперь Пол убедился, что она, без всяких сомнений, сумасшедшая. Назойливый контроль со стороны ее отца, жизнь пленницей в этом удивительном месте — зоопарк с одним животным! — все это полностью расстроило ее сознание. Он знал, что должен встать, вернуться в дом, спуститься в офис Финни и уволиться, потому что ничего хорошего из этого не выйдет. Он знал, что должен сделать, но, по какой-то причине, остался, возможно из-за боли, скрытой за нежным лицом Авы.

— И где ребенок? — спросил он.

— Не знаю. Они забрали его — даже не дали мне посмотреть на него.

— На него? Ты знаешь, что это был мальчик? Кто тебе сказал?

— Врачи. Да, я знаю, что это мальчик. Я знала об этом еще до того, как начала его вынашивать. Мне приснился сон. Очень странный.

Пол покачал головой.

— Боюсь, я не слишком хорошо понимаю тебя. Ты… у тебя есть дитя. Но ты никогда не видела ее. Врачи забрали ее у тебя.

— *Его*. Да, забрали *его*.

— Его. Когда это произошло?

— Сразу после того, как ты стал моим учителем, шесть месяцев назад. Ты помнишь? Я была больна и пропустила несколько уроков.

— Сразу после того, как я появился? Но… но ты не выглядела так, как будто вынашиваешь ребенка.

— Срок был еще небольшой.

Пол по прежнему ничего не понимал.

— И ты никогда… — Он заколебался, сообразив, что говорит с ней как будто она действительно девушка, жившая двести лет назад. — И ты никогда… не была с мужчиной?

Она рассмеялась, неожиданно громко, и оживилась.

— И кто это может быть, мой самый дорогой Пол? Бедный старый доктор Ландро, которому лет сто, не меньше? Или один из этой ужасной парочки, работающей на моего отца? — Она пожала плечами и подвинулась поближе к нему. — Нет, я не была ни с кем. И вообще, для меня не существует никаких других мужчин, мой любимый Пол. Только ты.

Он уже не мог сопротивляться ее ласкам.

— Но кто-то же забрал ребенка?

— Не знаю, наверно. Несколько недель я плохо себя чувствовала. В то утро я был совсем больна. Я пришла к врачам и они проверили меня — по меньшей мере так я думала. Только потом я обнаружила, что они забрали у меня ребенка прежде, чем он вырос. Каким-то образом я знала это, Пол — знала! Но я уверилась в этом только тогда, когда мисс Кинли сказала мне.

— Мисс Кинли?.. — Он чувствовал себя так, как будто пришел на спектакль в перерыве, и сейчас безнадежно пытается представить себе, что происходила в первом действии. — Кто?..

— Одна из нянечек, которые приходили вместе с доктором Ландро. Но Финни увидел, как она шепчется со мной, и теперь она не приходит. Мисс Кинли была очень добра ко мне, она квакер, знаешь таких? Ей не нравилось работать здесь. Конечно ей было запрещено рассказывать мне о ребенке, но она ужаснулась тому, что они сделали, и сказала доктору, что собирается посмотреть, не стало ли мне лучше, а вместо этого пошла со мной в сад и рассказала обо всем. — По щеке Авы скатилась слеза. — Ребенок даже не вырос!

— То есть ты знаешь, что у тебя должен был быть ребенок только из рассказа нянечки?

— Я знаю, Пол. Я видела сны, и там во мне был ребенок. И когда она рассказала мне о том ужасе, который они со мной сделали, я все поняла.

— Это больше, чем я могу сказать о себе. — Птицы над

головой чирикали громко и весело. Пол невольно спросил себя, почему они сами слышат все, но их разговор, похоже, действительно не слышит никто.

«Что-то здесь происходит,— подумал он.— Они никогда не дали бы нам сидеть здесь и разговаривать вот так, верно?— Но, может быть, они и так знают, что девушка сошла с ума и хотят посмотреть, как на это отреагирует Пол. Проверка на лояльность? — Если так, то я больше не хочу эту работу так сильно. На самом деле я вообще больше не хочу эту чертову работу».

Тем не менее в рассказе Авы было кое-что такое, от чего так легко не отмахнешься. Это не означало, что ее слова правда — все это могло быть истерической фантазией мисс Кинли, которую та навязала доверчивой и беззащитной Аве — но это могло означать, что девушка не полностью сумасшедшая. И, в любом случае, она точно была жертвой.

— Давай поговорим о кое-чем другом, — сказал он, заметив, что она придвинулась еще ближе, так ее бедро, прикрытое гофрированной нижней юбкой, уперлось в его. — Почему ты думаешь, что твой отец хочет убить меня?

— О! — Ее глаза расширились, как если бы она совершенно забыла об опасности, из-за которой полчаса назад плакала навзрыд. — О, Пол, я не вынесу, если потеряю тебя, я так испугана!

— Просто расскажи мне все.

— Мой друг сказал мне. Ну, ты знаешь, мой друг.

Пол скривился.

— Да, знаю. Твой призрак. Что в точности он рассказал тебе?

— Ну, он не совсем рассказал — он показал. Точно так же, как он показывает мне тебя, когда ты находишься в своей комнате. — Она нахмурилась — очень красиво, как в старых книгах. Неужели воспитание по старинке автоматически порождает людей, похожих на иллюстрации к старым книгам? — Пол, что такое Грааль?

— Грааль? — Вот уж вопрос, которого он не ожидал. — Гм… Грааль… мифический объект. — Несмотря на университетский курс по литературе и дюжину лекций о прерафаэлитах, нельзя сказать, что он хорошо все помнил. — Святой Грааль. Мне кажется, что это чаша, из которой пил Иисус во время Последней Вечери. Вроде так. В средние века легенды о Граале соединись с циклом о Короле Артуре. — «Я говорю как филистер-американец, над которым мы с друзьями всегда насмехались»,— подумал он. — Мне кажется, что есть и другие значения, например котел из ирландского фольклора, но не помню точно. А что?

— Отец говорил о нем с этими двумя жестокими людьми,

которые на него работают, Финни и Маддом.

Пол покачал головой.

— Ава, ты опять меня запутала.

— Мой друг — он показал мне этот разговор в зеркале. Или, скорее, он показал мне в зеркале Финни и Мадда, они говорили с отцом, который был в зеркале, большом, как стена. Он пришел к ним через зеркало, как и ко мне.

«Финни и Мадд говорят со своим боссом через настенный экран»,— подумал Пол. Получается, что призрак Авы может не только шпионить за ней и Полом, но и шпионить за шпионами.

— И?

— Отец сказал, что ему опять не удалось достичь Грааля. И еще он сказал, что пришло время для тебя — он назвал тебя «персонаж Джонас» — исчезнуть.

Пол отчаянно путался найти нить смысла в этом большом перепутанном ковре бессмысленности и глупости.

— Ава, термин «Грааль» иногда используют, имея в виду что-нибудь важное — например проект или цель. Я не знаю, что делать, если меня захотят застрелить, и точно не понимаю, почему твой отец должен интересоваться такой мелкой сошкой, как я. — Он улыбнулся, показывая, что смирился с собственной незначительностью, но она по-прежнему озабоченно глядела на него.

— Он не говорил о том, чтобы уволить тебя, Пол, — жестко сказала она, как будто она стала учителем, а он — проказливым учеником. — Никелированный — Финни — сказал, что они готовы и ждут только слова от отца, а Мадд сказал: «Никто и не вспомнит о нем, в любом случае. У него есть только старая мать, которая долго не протянет. Она не в том состоянии, чтобы поднять шум». Я сама слышала это.

Что-то холодное и пугающее, как холодная мокрая рука, схватило его изнутри. Пола охватила паника, голова закружилось. Никто не говорит таким образом, когда хотят кого-нибудь просто уволить, никто. Звучит, как криминальная драма. Должно быть более простое объяснение. Определенно.

— Она уже умерла, — вслух сказал он. — Моя мама. Вчера.

— Пол, мне очень жаль. Тебе наверняка очень больно. — Глаза Авы опустились, показав огромные черные ресницы. — А я никогда не знала свою мать. Она умерла, когда я родилась.

Он внимательно посмотрел на нее. Краска возбуждения запятнала бледную кожу над высоким воротником.

— Ты не… ты ничего не выдумала, Ава? Пожалуйста, скажи мне. Я не рассержусь, но я должен знать.

Она рассердилась, резко и заметно, как ребенок.

— Выдумала?.. Но, Пол, я никогда не врала тебе, я… я люблю тебя.

— Ава, ты не можешь, я уже говорил тебе.

— Не могу? — Ее смех резко и мучительно царапнул слух. — «Любовь не сдержат каменные стены» — так, кажется сказал твой Шекспир. Я помню это из «*Ромео и Джульетты*».

«Вот почему я бы никогда не преподавал эту пьесу одиноким впечатлительным девушкам, подумал он. Ох, я бы много чего сказал ее предыдущей учительнице».

— Ава, я должен подумать. Слишком… слишком много информации. — *Что я несу, просто смех*. — Мне нужно время, чтобы привести мысли в порядок.

— И тебе совсем нет до меня дела Пол? Совсем-совсем?

— Конечно я переживаю за тебя, Ава. Но ты говоришь о дьявольски сложных и опасных делах. — Она покраснела и закрыла ладошкой рот. Полу стало стыдно. По ее стандартам он выразился слишком сильно. — Ава, я даже не знаю, что и думать обо всем том, что ты мне рассказала.

Она положила руку на его, холодные сухие пальцы прижались к его коже.

— Ты думаешь… ты думаешь, что я могу ошибаться, да? Или, еще хуже, ты думаешь, что я… какое слово? Истеричка? Безумная?

— Я думаю, что ты хороший и честный человек, Ава, — только и сумел сказать он. Он сжал ее руку, мягко убрал со своей, встал и тут его осенило. — Твой друг… он может поговорить со мной?

— Не знаю. — За тонким фасадом ее спокойствия скрывалось глубокое разочарование. Пол Джонас обрадовался, что не может видеть ее насквозь. — Я спрошу его.

Его разбудил мерцающий свет.

После длинного бесконечного вечера он наконец сумел заснуть, хотя ему мешало — или помогало — больше вина, чем обычно. Первая несвязная мысль — оконные шторы сломались, и мечутся как сумасшедшие вверх и вниз, сигналя ему, что пришел рассвет. Только немного придя в себя и сев на кровати, он сообразил, что это вспыхивает и гаснет стенной экран.

«Вызов…? с изумлением подумал он. Почему без звонка? Мгновенный приступ страха. Тревога. Сработала система безопасности. Башня горит».

Он соскочил с кровати, спотыкаясь бросился к окну и раздвинул шторы. Снаружи царила глубокая ночь, внизу темнел

миниатюрный город, освещенный оранжевым светом нефтяных вышек, единственных соперников звезд. По блестяще-темным стенам башни не бежало никакое пламя, вообще не было ни малейшего следа какого-нибудь беспорядка. Наверно экран испортился.

«Пол Джонас».

Он резко повернулся, но в комнате не было никого.

«*Пол Джонас*». Голос, пришедший ниоткуда, негромкий и навязчивый, как жужжание мухи у подоконника.

— Кто… кто это? — Но он знал даже раньше, чем спросил. Последние следы бестолковой пьянки исчезли. — Ты… Ты друг Авы?

— *Авиаль,* — выдохнул голос. — *Ангела…* — Стенной экран опять замигал, потом расцвел. Его наполнила Ава — не такая, какой она была сейчас, но Ава, освещенная светом солнца, сидящая под деревом, в широко раскинутых руках крошки для птиц, которые окружают ее, как толпа восхищенных лилипутян.

— Кто ты? — спросил Пол. — Почему ты разговариваешь с Авой — с Авиталь? Что ты хочешь от нее?

— *Хочу… хочу… безопасности. Безопасности Авиаль*. — Голос говорил со странным выговором, как больной афазией. Пол был готов даже пожалеть его, но что-то в этом запинающемся нечеловеческом голосе пугало его до смерти.

— И кто ты такой?

— *Потерявшийся.* — Он застонал, шипящий шум, как помехи при связи. — *Потерявшийся мальчик.*

— Потерявшийся… где? Ты где?

Долгие мгновения молчания, потом образ Авы зарябил, исчез и сменился неровно мерцающими квадратами света. — *Колодец,* — наконец сказал он. — *Внизу, в черном черном черном.* — Он опять хрипло застонал. — *Внизу, в черном колодце*.

Все волоски на теле Пола встали дыбом. Он знал, что не спит — об этом кричал каждый трепещущийся нерв — но разговор скорее напоминал падение в ночной кошмар.

Он отчаянно поискал, за что можно зацепиться. — Ты сказал, что хочешь безопасности Авы, хочешьаид защитить ее, верно? От кого?

— *Жонглер.*

— Но он ее отец! Неужели он может что-то сделать ей…?

— *Не отец!* — простонал голос. — *Не отец!*

— О чем ты говоришь? — Семейное сходство налицо, хотя жестокие ястребиные черты лица Жонглера в его дочери стали более мягкими и нежными. — Я не понимаю…

— *Пожирает детей,* — опять простонал голос. *Жонглер.*

Грааль. Помоги им. Слишком много боли. И… — Квадраты замигали быстрее, пока не превратились в почти осязаемую вспышку света. Пол беспомощно глядел на экран. — *Всех детей…*

Свет замигал еще быстрее, стал очень ярким и ему показалось, что стена комнаты исчезла. Каким-то образом он упал в этот свет, в бесконечное сияние, призрачный голос оказался везде, могучий и потерянный.

«Грааль. Пожирает детей. Так много!.. Делает им больно!»

Он горел, как в огне, но ничего не мог сделать, потому что свет пронизывал его, лился сквозь него и сжигал его глаза; мозг превратился в кусок чистого кристалла. Начали появляться лица, лица детей и это были не просто картинки: он знал каждого ребенка, знал их жизни и истории, даже если они проносились мимо него как стайка воробьев, схваченная ураганом. Сотни крошечных сознаний пролетели сквозь него, затем тысячи, каждая казалась узлом болезненной темноты в море сияющего света, каждая была драгоценна и обречена на смерть. Потом темные вихри стали складываться в новую форму — большой серебряный цилиндр, плавающий в черной пустоте.

— *Грааль,* — сказал голос, умоляюще и печально. — *Для Жонглера. Пожирает их*. Ad Aeternum[56]. *Навсегда.*

Пол обнаружил, что у него есть голос, но нет легких, которые могли бы вдохнуть воздух, и горла, которое могло бы закричать.

— Прекрати! Я больше не хочу ничего видеть!

Но ничего не прекратилось и он потерялся в буре страданий.

Он проснулся на ковре, в окно лился настоящий утренний свет. Голова казалась гниющим кочном капусты, неуверенно качающейся где-то над шеей. Он был несчастен.

И испуган до смерти.

Ночью он испытал то, что никак мог объяснить. Он не стал оскорблять себя, утверждая, что видел плохой сон — детали врезались в память навсегда, само положение на ковре перед экраном говорило без слов. Простых путей для объяснения не было. Ясно как день, с ним говорил не какой-нибудь хакер. В призраков он не верил, особенно в таких, которые появляются на стенном экране. Так что же все это значит?

Пол сел у окна, руки тряслись. Внизу, прямо под ним, только что пришвартовался один из кораблей на воздушной подушке, весело выкрашенный в бело-голубой цвет; ему этот паром показался увеличенной версией лодки Харона, везущей своих пассажиров в Аид, в котором он сам уже давно жил.

Он встряхнулся. Ему страстно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, все равно где. Хватит. Он не может

оставаться в этом черном здании. Он должен двигаться, ему нужно выйти наружу. Может быть тогда он сможет чего-нибудь придумать.

Одевшись, он почувствовал укоры совести. Ава. Если он просто исчезнет, хотя бы только на одно утро, она будет напугана. Опасаясь, что не сможет оторвать себя от нее, он решил не подниматься в ее дом и оставил сообщение у одного из многочисленных помощников Финни. «*Мистер Джонас сообщает, что его мать умерла и он должен заняться ее похоронами. Его не будет весь день. Пожалуйста, попросите мисс Жонглер продолжить изучение геометрии и прочитать две главы* Эммы. *Занятия возобновятся завтра, в обычном порядке*.» Тем не менее он чувствовал себя виноватым, так же, как и тогда, в детстве, когда прогуливал школу.

«Я должен проветриться, сказал он себе. Хотя бы ненадолго».

Выйдя из лифта в огромном вестибюле и идя к главной двери, Пол не смог побороть себя и обернулся, проверив, не идет ли кто-нибудь за ним.

«Но вроде бы, уходя из Ада, ты не должен оглядываться. Откуда это, из легенды об Орфее? То, что ты не должен глядеть назад?»

Как бы там ни было, за ним не шел ни плачущий призрак, ни одетый в черную форму охранник, хотя в огромном вестибюле было столько народу, что невозможно было сказать что-то наверняка. Волна смешивающихся голосов ударялась в мраморные стены зала и в кристаллический пирамидальный потолок, похожая на рев океана, как будто обрел голос поток детских лиц, ворвавшихся в его сон.

Он на мгновение задержался на площади перед главными дверями, и посмотрел вверх, на башню — высокий как гора палец из черного стекла, миллион черных просвечивающих панелей, соединенных между собой. Если это действительно ворота в нижний мир, неужели он, такой дурак, собирается вернуться назад? Он решил заняться кое-какими исследованиями, которые лучше делать подальше от огромной сети Джи Корпорэйшн, но что тянет его обратно? Обреченная девочка? Нужно иметь намного больше власти, чем есть у него, чтобы сломать ее золотую клетку. Что-то, что называется Грааль, угроза всем детям этого мира? Конечно он может намного больше сделать находясь снаружи — например сообщить эту тайну некоторым серьезным журналистам — чем внутри, под непрерывным наблюдением.

«А не должен ли я уехать? Просто взять и уехать? Черт побери, разве эта работа? Да это безумие, вид паранойи, вот и все».

— С вашим значком что-то не в порядке, — сказала женщина. Он видел трап парома по другую сторону закрытой стеклянной двери, но дверь не собиралась открываться.

— Что вы имеете в виду?

Юная женщина нахмурилась, глядя на символы, пляшущие на внутренней стороне ее очков.

— Я не вижу разрешения на выезд с острова, сэр. Боюсь, что вы не можете уехать.

— Что-то не в порядке с моим значком? — Он поглядел на нее, потом на трап, всего в нескольких метрах от него. — Тогда оставьте себе эту проклятую штуку.

— Вы не можете уехать, сэр. Служба безопасности не дала вам разрешения. Вы можете поговорить с моим начальником.

Прежде, чем полдюжины резких словечек успели сорваться с его языка, охранники — те самые, которых он наполовину ожидал увидеть в вестибюле башни — проводили его к спокойному офицеру для того, чтобы, как они уверяли, разрешить маленькое недоразумение.

По меньшей мере потом ему разрешили самому выйти из района пристани и вернуться в башню. У службы безопасности не было приказа что-то делать с ним, даже задерживать его, пока он оставался на острове. Слабое утешение.

Весь потный, несмотря на холодное утро, Пол стоял внутри вестибюля с лифтами, не зная, что думать и что предпринять. Не значит ли все это, что они слышали его разговоры и знают, что он собирается предать Джи Корпорэйшн, обвинив их в неподобающем обращении с дочкой хозяина? Или это все чистая случайность?

Он должен поговорить с Финни. Иначе он точно сделает то, что ему отчаянно хочется сделать: вернуться в свою комнату и напиться вдрызг. Нет, от должен быть невинен и трезв, как стеклышко.

Очередной помощник Финни заставил его ждать двадцать пять минут. Из окна открывался великолепный вид на город — разрывающий сердце вид на город, до которого было не добраться, хотя он казался так близко, что протяни палец и ткнешь в шпиль Речной Башни.

Наконец ему разрешили войти. Финни как раз заканчивал разговор. Он поглядел на Пола, странным образом его глаза были почти не видны за очками.

— Что случилась, Джонас?

— Я… мне не разрешают уехать с острова. Служба безопасности.

Финни спокойно глядел на него.

— Почему?

— Не знаю! Что-то не в порядке с моим значком. Они сказали, что он не нравится службе безопасности.

— Оставьте значок моему помощнику. Мы проверим, в чем дело.

Пол испытал чувство облегчения.

— Тогда… могу ли я взять небольшой отпуск? Мне нужно кое-что сделать в Новом Орлеане. — Наступила тишина, и Пол понял, что должен объяснить побольше. — Моя мать умерла. Мне надо позаботиться о похоронах.

Финни посмотрел на свой блокнот, хотя его экран был пуст.

— Так печально слышать это. Мы сделаем всё необходимое.

— Но я хочу сделать всё сам.

Финни опять посмотрел на него.

— Хорошо. Оставьте значок моему помощнику.

— Но я хочу уйти, прямо сейчас! Уехать с острова, сделать то, что должен. Я хочу сказать… что вы не имеете права держать меня здесь. Не давать мне уехать.

— Но, мой дорогой Джонас, почему вы так торопитесь? Безусловно вы можете сделать все распоряжения через сеть, и с еще большим успехом. Все эти процедуры службы безопасности могут показаться вам глупыми и мелочными, но, поверьте, они очень серьезны. Смертельно серьезны. Если кто-нибудь пытается уехать с острова — или, наоборот, приехать на остров — без правильно оформленного значка, то я даже боюсь себе представить, что с ним может произойти! — Финни позволил себе слегка улыбнуться. — Так что держитесь твердо и будьте хорошим мальчиком. Развлекайте мисс Жонглер. А мы все проверим… в свое время.

Вернувшись в лифт, Пол почувствовал, что ноги не хотят держать его. С трудом добравшись до свей комнаты, он выключил свет, аккуратно отключил стенной экран и пару раз проверил это, в почти полной темноте, нарушаемой только светом, лившимся в щель между портьерами, уселся на пол и надрался до чертиков.

Он видел, как пальцы касаются кнопки лифта, видел как свет рассвета, просачивавшийся в коридор, исчез, когда за ним закрылась дверь — видел, но ничего не чувствовал. Винные пары все еще кружили голову, он ничего не чувствовал и мало чего соображал. Но он знал, что сейчас раннее утро, и что еще одну ночь таких чудовищных снов ему не пережить.

Дверь зашипела, открываясь, обнажив внутреннюю дверь. Он привалился к ней, уперся головой в холодную раму, неуклюже

набрал код и прижал ладонь к считывателю. Голова кружилась, и ему пришлось простоять еще несколько мгновений, хотя замок уже щелкнул.

Наконец он ввалился внутрь, и одна из горничных с удивлением посмотрел на него. В ее широко открытых глазах он увидел целую фабрику лжи.

— Ты настоящая, — сказал он. — Можешь врать.

— Куда вы направляетесь, сэр? — Она отступила назад, как будто приготовилась повернуться и убежать.

— Важные дела. Мисс Жонглер. Мы уходим. — Представление, которое он здесь разыгрывал, наконец заканчивалось. — О, прости. Мне что-то нехорошо. Нужно дать мисс Жонглер программу уроков — ей нужно знать, что мы сегодня будем учить. Я вернусь через пару минут.

Он пошел по коридору, тщательно пытаясь идти прямо.

«Я не пьян, подумал он. Нет, совсем нет. Я, черт меня подери, просто лопаюсь по швам».

Он постучал в дверь, подождал, постучал еще раз.

— Кто там?

— Я, — сказал он, потом, вспомнив о несомненно подслушивающих ушах, добавил, — мистер Джонас. Я должен сообщить вам план лекций на сегодня.

Дверь приоткрылась. На ней была белая ночная рубашка, мягкая, но непрозрачная, и еще она накинула на себя халат, хотя и не попыталась застегнуть его. Темные волосы, ничем не завязанные и на удивление длинные, рассыпались по плечам.

Ангел, подумал он, вспомнив слова призрака. *Ты прекрасна,* хотел он сказать, но, сохранив достаточно здравого смысла, поднял руку и смахнул со лба свои собственные волосы, мокрые от пота.

— Мне нужно поговорить с вами, мисс Жонглер.

— Пол! Что с вами произошло?

— Я болен, мисс Жонглер. — Он приложил пальцы к ее губам, неуклюже призывая ее к молчанию. — Возможно мне нужно немного воздуха. Не хотите выйти со мной наружу и мы поговорим о вашей сегодняшней работе?

— Дайте мне… Мне нужно одеться.

— Нет времени, — хрипло сказал он. — Я… мне действительно нехорошо. Вы можете выйти со мной?

Она явно испугалась, но постаралась не показать этого.

— Тогда дай мне одеть туфли.

Все, что он смог сделать — не дать себе навалиться на нее прямо в холле. Две служанки стояли у двери веранды, но даже на мгновение не притворялись, что работают; когда Пол о Ава

подошли к ним, они опустили глаза и отошли в сторону.

— Но я настаиваю, мистер Джонас, — сказала Ава так, чтобы они услышали. — Вы действительно выглядите очень плохо. Давайте сделаем пару кругом по саду и вам станет легче.

Он почти чувствовал шок, охвативший благопристойных служанок, и замешательство своей ученицы. Его собственное злополучное смятении дошло до такой степени, что, только очутившись на дорожке сада, он вспомнил, что служанки Авы вовсе не были юными женщинами, жившими двести лет назад.

На этот раз Ава не пошла быстро в лес, но шла неторопливо, заботливо поддерживала Пола, с беспокойством спрашивала, как он себя чувствует, и настаивала на том, чтобы он выпил стакан чая с ромашкой и отправился в кровать. Только тогда, когда они оказались в мнимой безопасности кольца грибов, она обернулась к нему и бросилась в его объятья, сдавив его так сильно, что он едва не упал.

— О, Пол, дорогой Пол, где ты был? Почему ты не пришел вчера? Я так испугалась!

У него не было сил оторвать ее от себя, у него не было сил не на что. У него не были ни плана, ни решения. Он вообще не был уверен, что не сошел с ума.

— Твой друг, призрак. Он приходил ко мне. Показал мне… детей.

— Теперь ты веришь мне? — Она отклонилась назад, и посмотрела на него так, как будто может никогда не увидеть его опять. — Веришь?

— Я все еще не знаю, во что верить, Ава. Но я знаю, что должен уехать отсюда, каким-то образом. — Холодная тяжесть в груди. — Но я даже не могу остаться наедине с самим собой. Вчера я попытался уехать с острова, но меня не выпустили.

— Остров? — удивилась она. — Как странно. Мы живем на острове?

На него обрушились отчаяние и безнадежность. Что он собирается делать? Что он *может* сделать? Похитить и спрятать девочку, которая никогда не покидала это здание, дочку самого богатого человека на земле? Человека, у которого есть своя армия, танки и вертолеты? Человека с половиной мировых руководителей в кармане? Его колени ослабели, ноги подогнулись, и он упал на землю. Ава, все еще прильнувшая к нему, упала вместе с ним, на мгновение они сплелись вместе, девушка оказалась на нем, ее гибкое тело, на этот раз не прикрытое корсетом, прижалось к нему.

— Я не знаю, что делать, Ава. — Он чувствовал, что бредит, раздавленный отчаянием. Ее лицо было так близко, ее волосы

покрывалом окружали их головы, и на мгновение они оказались в полутьме.

— Просто люби меня, — сказала она. — И все будет в порядке.

— Я не могу… Я не должен… — Но его руки уже охватили ее талию, быть пытаясь защитить ее, спасти от дрожи, пронзившей его тело. — Ты еще ребенок.

— Каменные стены, — напомнила она ему, и хихикнула, так неожиданно, что он едва не улыбнулся.

«И я шут судьбы». Цитата выплыла как рыба тихом ручейке, журчавшем в нескольких метрах от него. *Шут судьбы.* Он поднял голову и поцеловал ее. Она поцеловал его в ответ с простодушным восторгом ее возраста, ее дыхание участилось, но через несколько долгих секунд он оторвался от нее и сел. Трава, на которой они лежали, стала медленно распрямляться.

— Верное сердце, — прошептала она со слезами в глазах.

Горло сдавило, он ничего не мог сказать. «*Ромео и Джульетта*,— подумал он.— *Мой бог, что с ними случилось*!»

— У меня есть для тебя подарок, — внезапно сказала она. Порывшись в воротничке ночной рубашки, он вытащила маленький мешочек, висевший вокруг шеи, вытряхнула на руку что-то маленькое и сверкающее, и протянула ему. Серебряное колечко с сине-зеленым камнем в форме пера. — Подарок от отца, — сказала она. — Я думаю, что раньше оно принадлежало маме. Он привез ее из Северной Африки. — Она подняла колечко вверх, луч утреннего солнца упал на перышко и оно заискрилось, как тропический океан, потом протянула ему. — Он сказал, что это турмалин.

Пол посмотрел на кольцо. Перо, замечательно вырезанное из камня, казалось воздушным, земная твердь превратилась в порыв ветра.

— Надень.

Палец, как будто сам по себе, проскользнул в кольцо.

— Теперь ты не сможешь меня бросить. — В ее голосе была не мольба — скорее сила приказа или заклинания. — Ты никогда не сможешь бросить меня. — Мгновением позже она забралась ему на колени, обняла за шею и прижалась губами к его губам. Какое-то мгновение он сопротивлялся, потом сдался, отдавшись приливу безумия.

— Ого! — сказал кто-то.

Ава вскрикнула и вырвалась из рук Пола. Он повернулся и увидел усмехающееся безобразное лица Мадда, глядящее на них из-за деревьев.

— Непристойно, очень непристойно, — сказал толстяк.

Внезапно все потемнело, как будто просочилось в длинную канализационную трубу. Свет, воздух, плач Авы, чириканье птиц, шорох листьев, уплыло все. Не осталось ничего, кроме темноты и пустой тишины.

Он пробыл в темноте так долго, что почти забыл обо всем другом. Потом что-то холодное упал на него сверху и он с криком проснулся.

* * *

Пол Джонас вырвался из пустоты и обнаружил, что его кожа горит, а голова распухла так, как будто он много часов провел под солнцем пустыни. Однако вокруг него был не раскаленный песок, а мигающая полутьма камеры.

Жрец Узерхотеп, с тупым и безразличным лицом, стоял над ним, все еще держа в руке глиняный кувшин с холодной водой, которую он вылил на связанного Пола. Глядя на Пола, как на плохо сделанный кусок ткани, жрец какое-то время хмуро изучал его, пощупал пульс, грязным пальцем оттянул назад веки, и только потом отступил назад.

Улыбка клоуна прорезала желтое безволосое лицо Роберта Уэллса.

— Бог мой, да ты способен проговорить без перерыва всю оставшуюся жизнь.

Пол попытался что-нибудь сказать, но не сумел. Артерии, по которым кровь должна была поступать в мозг, забило чем-то вязким и жирным.

— И тем не менее мы узнали прискорбно мало, — пожаловался Уэллс. — Да, признаю, ты что-то узнал о Граале, очень незначительное. Но это никак не объясняет, почему Старик решил не убивать тебя. Из твоих воспоминаний ясно, как дважды два, что его операционная система еще более ненадежна, чем мы полагали — и чем полагал сам Жонглер — и в какой-то степени разумна. Но мы остановились на самом интересном месте. — Он покачал головой. — Последняя часть мозгового блока на удивление сильна, а это заставляет предположить, что поначалу он хотел вообще смыть все твои последующие воспоминания. И, значит, это именно то, что я хочу узнать.

Горло Пола стало шершавым, как кожа акулы, но он все-таки набрал немного слюны и смог ответить.

— Почему тебя это так волнует? Жонглер мертв, я и мои друзья у тебя в руках. Дред на коне. Что тебя волнует? — На

самом деле ему не хотелось больше вспоминать. Над всем, что вернулась к нему, нависало тягостное беспокойство, и что-то ждало за углом, еще более ужасное. — Давай, убивай меня, если ты ничем не лучше своего нового босса. — По меньшей мере боль закончится. Должна закончиться.

Уэллс покачал лимонно-желтым пальцем.

— Эгоистично, мой дорогой Джонас, очень эгоистично с твоей стороны. Если Старик мертв, то тем более мы должны узнать все, что только возможно. Может быть тебя и не было в списке гостей, но мы, все остальные, собирались сделать это место нашим домом на очень долгое время. И если нам пришлось поменять канализацию, то нам нужно знать почему. — Он наклонился вперед, его желтое лицо чуть ли на касалось Пола. — И, должен признаться, ты меня заинтересовал. Кто ты? Почему Жонглер обращался с тобой как со звездой, а не утопил в своем личном болоте? Он заставил нас, Телеморфикс, обходиться с тобой очень аккуратно, знаешь ли. И теперь мы очень хотим узнать, кто ты такой.

— Ничего ты не узнаешь, — хрипло сказал Пол. — Промывка мозгов, гипнотический блок, остальная хрень, слишком сильно для твоего жреца.

— Хмм. Я думаю, что мы можем, не убивая тебя, зайти достаточно далеко, проверяя эту теорию. — Пта-искусник отошел назад, освобождая место для лектора-жреца Узерхотепа. — Похоже я ошибся, думая, что мы можем сделать свое дело с минимальным ущербом для тебя. Придется надорвать конверт — посмотрим насколько. Просто поразительно, что сильная боль делает с мозгом, знаешь ли. Какие-то замечательные нейрологические эффекты. Я бы не удивился, если бы ты запел как птица еще до того, как мы бы сняли с тебя верхний слой кожи.

Роберт Уэллс скрестил на груди перевязанные руки, посмотрел на Пола и весело кивнул жрецу.

— Узерхотеп, мне кажется, что ты можешь начинать.

ГЛАВА 30
Взобраться на вершину

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Врач требует оставить пациента в живых

(изображение: Доктор Шейла Лоутин и родители Беллинга на пресс-конференции)

ГОЛОС: Несмотря на то, что Международная Медицинская Ассоциация называет «устрашающей низким уровнем корпоративного сострадания», врач подал в суд на страховую компанию, требуя сохранить жизнь пациента за точкой, которую Транс-Европейская Страховая Компания назвала «последней этически и финансово возможной.» Пациент, десятилетний Имон Беллинг из Килларни, Ирландия, находится в коме Тандагора больше года, но его родители и врач отказываются удалять механизмы, поддерживающие ему жизнь, несмотря на требование страховой компании…

— Мне очень жаль, — сказал ей Селларс, *— но вам надо положить ее как можно дальше. Тогда им будет труднее найти источник дыма — и это может купить вам дополнительные полчаса.*

Ольга вытерла пот с глаз, опять наклонилась к трубопроводу и втиснулась в него с плечами, но так, чтобы руки остались свободными. Полчаса назад, когда она начала, в подвале не казалось так жарко, но сейчас она чувствовала себя так, как будто работает в сауне. Она направила кольцо с камерой на угол, блеснула вспышка белого света, теперь он была уверена, что Селларс увидел его.

— Туда?

— Да, туда. И постарайтесь поставить ее за тот пучок кабелей, тогда ее будет меньше видно.

Ольга вытерла мокрые потные руки о комбинезон, потом вынула из рюкзака бутылку.

— Сначала вы должны взвести ее, — сказал Селларс, почти извиняясь. *— Крутите крышку, пока не щелкнет.*

Она так и сделала, хотя и боялась, что, несмотря на уверения Селларса и майора Соренсена, бутылка может взорваться прямо у нее в руках; тем не менее раздался только предсказанный щелчок и, мгновением позже, она уже заталкивала бутылку в место,

которое освободила, отдернув двойные, с полимерным покрытием кабели. Потом уселась, опять вытерла руки и сказала. — Готово. Хотите посмотреть?

— *Похоже все в порядке…* — начал говорить Селларс, но тут кто-то обхватил сзади ее талию.

— Ага! Поймал тебя!

Ольга вскрикнула, упала назад с края трубопровода, и приземлилась на бетонный пол, больно ударившись локтем. Напуганная до полусмерти, она поползла, понимая, что у нее нет никакого оружия, кроме вспышки, и если Селларс попытается взорвать дымовую бомбу, то, скорее всего, она просто задохнется, а не убежит. Его взволнованный голос кричал в ее голове.

— *Ольга? Что произошло?*

Он протянула руку и прижала разъем, выключая голос. Человек, стоявший над ней, выглядел еще более напуганным, чем она сама. Как и она, он был одет в фирменную одежду Джи Корпорэйшн, много седины в волосах, но казался наказанным ребенком: руки подняты, ладони трясутся.

— Ты не Лена! — Он отступил назад. — Кто ты?

Сердце Ольги забарабанило, как тогда, когда она стояла на краю помоста, собираясь прыгнуть на далекую трапецию. — Нет, — сказала она, пытаясь решить, должна ли она воспользоваться его неподдельным удивлением и прошмыгнуть мимо него к двери. — Нет, я не Лена.

Он наклонился к ней и прищурился. Его глаза казались слегка затуманенными, и в чертах лица, тоже, было что-то странное, как если бы их быстро собрали после падения.

— Ты не Лена, — опять сказал он. — Я думал, что ты Лена.

Она резко вздохнула.

— Я… я новенькая.

Он торжественно кивнул, как если бы она ответила на невероятно мучавший его вопрос, но с его лица все еще не сходило озабоченное выражение.

— Я думал, что это она. Я… я просто дурачился. Я не хотел ничего плохого. Я и Лена, мы так просто шутим. — Он поднял руку, сунул в рот палец и стал сосать его. — Кто ты? Ты не будешь смеяться надо мной?

— Нет, не буду. — Сердце понемногу успокаивалось. Она вспомнила, где видела такие молочные глаза — у жертвы террористов во время операции спасения. Он мог быть кем угодно, но только не стражником, только что схватившим шпиона. Наконец она заметила и предметы, которые он тащил за собой, и через которые ее взгляд, ищущий дорогу к бегству, пролетел несколько раз за последние секунды — округлую

пластиковую корзину и швабру на длинной ножке. Мужчина-уборщик, только и всего.

— Очень хорошо. Я хотел пошутить, потому что думал, что ты Лена. — Он искательно улыбнулся. — Так ты новенькая, хм? И как тебя зовут? Я — Джером.

Она подумала, не соврать ли ему, но решила, что ничего хорошего из этого не выйдет — расскажет ли он кому-нибудь о неизвестной в подвале или нет, ложное имя ей не поможет, если ее начнут трясти всерьез.

— Меня зовут Ольга, Джером. Рада познакомиться с тобой.

Он серьезно кивнул. Мгновение позже прищурился опять.

— А что ты здесь делаешь? Что-то потеряла?

Сердце опять пустилось вскачь. Крышка трубопровода висела за спиной, открытая. Она повернулась и толкнула ее спиной, так незаметно, как только могла. Одновременно она отчаянно пыталась найти, что бы такое ему сказать.

— Мышь, — наконец сказала она. — Мне показалось, что я услышала мышь.

Глаза Джерома раскрылись до невозможности.

— Здесь, внизу? Никогда их не видел. — Он нахмурился. Быть может надо принести мышеловку, как ты думаешь? Вот тараканов, да, мы истребляем. Я не люблю тараканов.

— Хорошая мысль, Джером. — Она встала, почистилась и заговорила, так медленно и спокойно, как только могла. — Я должна идти наверх и работать.

— А почему не пришла Лена? Обычно она бывает здесь в конце недели.

Ольга понятия не имела, кто такая Лена, и уже успела пожалеть, что сказала ему свое настоящее имя — Джером, похоже, не слишком любопытен, но Лена может оказаться совсем другой.

— Не знаю. Если я увижу ее, скажу, что ты спрашивал о ней. Но я действительно должна вернуться к работе.

— Хорошо. — Он опять нахмурился и, похоже, задумался. Ольга воспользовалось возможностью и проскользнула мимо него к лестнице наверх. — Оль-га?

Она выдохнула и остановилась.

— Да?

— Если увидишь Лену, не говорил ей ничего. Понимаешь, мне не положено быть здесь, внизу, пока я не закончу другие этажи. Но я услышал ее — нет я услышал здесь тебя, понимаешь? Я спустился вниз и хотел подшутить над ней. Но мистер Кингери сойдет с ума, если узнает, что я спускался вниз для того, чтобы подшутить над Леной.

— Тогда, Джером, я не скажу никому, что видела тебя. Приятно было познакомиться с тобой.

— И мне тоже. В перерыв приходи вниз. Я здесь ужинаю — ну, на самом деле завтракаю, потому что я ем уже утром…

— Обязательно. А пока до свиданья, Джером. — Она махнула ему рукой и поспешила подняться по ступенькам. Достигнув следующего этажа, она включила разъем.

— … *Ольга, вы можете слышать меня? Вы слышите меня?*

Она прислонилась к стене и закрыла глаза, в первый раз за долгие минуты вдохнув полной грудью.

— Да, я могу слышать вас. Сейчас все в порядке. Уборщик застал меня врасплох. Я думаю, что он… как бы это сказать? Слегка тупой.

— *Вы сейчас одна?*

— Да. Но мне нужно остановиться и отдохнуть. Я почти получила инфаркт, когда он схватил меня.

— *Схватил вас?*

— Не имеет значения. Дайте мне передохнуть, и я все объясню.

— *Простите мне все эти лестницы,* — сказал ей Селларс. — *Но если мы будем слишком часто вмешиваться в работу камер наблюдения в лифтах, служба безопасности может заинтересоваться, почему так много пустых лифтов поднимаются вверх и спускаются вниз.*

— Я… понимаю. — Сжав зубы, она старалась не упасть в обморок.

— *Отдохните. План, на который я гляжу, говорит, что на этом этаже есть генераторная.*

Она посмотрела в коридор и увидел в его конце вспышку света: кто-то вошел в лифт. Она застыла на месте, но никто не вышел, очень хорошо. Селларс мог спрятать ее, зациклив сигнал камеры наблюдения, но только в том случае, если вначале коридор был пуст. Иначе охранники с удивлением бы увидели, как люди внезапно исчезают, входя в коридор и также внезапно появляются, выходя из него.

Дверь лифта зашипела и закрылась. Коридор опять погрузился в тишину, длинный темный проход, покрытый ковром и пустой, как деревенская дорога ночью.

Манипуляции, которые Селларс проделывал с ее значком, сработали так же хорошо на двери генераторной, как и на двери подвала. Он зациклил сигнал камеры наблюдения в генераторной, потом дверь, зашипев, открылась, Ольга быстро шагнула внутрь и закрыла дверь за собой. Комната оказалась

очень длинной, метров сто в длину; вдоль стен стояли механизмы, похожие на памятники мертвым королям. В ней было на удивление холодно.

— *Я не задержу вас здесь дольше, чем необходимо,* — сказал ей Селларс. — *Давайте примемся за работу.*

После нескольких минут поиска она нашла механизм, который он описал, подняла кольцо и дала ему проверить. Потом вынула из рюкзака серый прямоугольник. — Толкнуть его в одну из этих дыр?

— Н*ет, просто приложите его к концу вот этой, слегка выступающей штуки, теперь расправьте. Могу я взглянуть? Отлично. Удерживайте его в таком положении*. — Послышался щелчок; серый ящичек завибрировал под пальцами Ольги. — *Теперь отпускайте*. — Она так и сделала. Ящик остался на месте. — *Почему бы вам где-нибудь не посидеть — так, чтобы вас не заметили, если дверь откроется. Мне нужно несколько минут.*

В одной из ниш за непонятным механизмом Ольга нашла крутящийся стул и с благодарностью рухнула на него. Делать было нечего, только смотреть на ряды почти неразличимых механизмов. Она даже задремала, на несколько минут. Проснувшись, она поняла, что дрожит от холода, и Селларс опять говорит ей в ухо.

— *Что-то неправильно.*

Она встрепенулась, сердце забилось.

— Кто-то идет?

— *Нет. Это… это неправильная комната. Неправильное оборудование. Ни один из этих механизмов не связан с сетью Грааля. Обычная телекоммуникационная структура Джи Корпорэйшн. Должна быть еще одна такая же комната — только намного больше.*

— Что мы будем делать? — Она устала и слегка обиделась. Одно дело — отдать свою судьбу загадочным незнакомцам, но если эти незнакомцы посылают тебя охотиться за дикими гусями, это совсем другое дело.

— *Я действительно не знаю, Ольга. Я должен все как следует обдумать. Я вернусь через час. Тем временем выйдите отсюда и идите в кладовую, о которой мы говорили, и ждите. Я настроил на нее ваш значок. Если вы выйдете сейчас, будете в ней через пять минут. А я пока займусь камерами на лестнице.*

— Опять лестница.

— Да, боюсь, что так.

Кладовая занимала большую часть этажа, огромное

помещение, полное стоек с неоткрытыми посылками и неиспользуемой мебелью. Как только Селларс зациклил сигнал камеры наблюдения, Ольга обогнула угол и уселась перед множеством экранов на самом удобном кресле, который смогла найти.

Она опять задремала, и, проснувшись, подумала о том, насколько странно то, что она находится в самом сердце черной башни, которую столько раз видела во сне, и, тем не менее, дети, которые привели ее сюда, исчезли, как тени при появлении солнца. Тишина в голове казалась почти болезненной.

Но была и другая тишина. Она опять проверила внутреннее подсоединение. Прошло почти два часа. Селларс или Катур Рэмси должны были позвонить, час назад. Она встала, потянулась, разминая мышцы, потом нашла туалет. Закончив, позвонила Селларсу. Нет ответа. Вызвала Рэмси, но и он молчал. Она оставила ему сообщение.

«Трудная задача»,— решила она, опять уселась на кресло и стала ждать.

Два часа превратились в три. Ольга чувствовала, как холод заползает в нее, как туман. Они не собирались звонить. Что-то произошло — и очень плохое.

Четыре часа, пять, шесть. Тусклые огни безопасности высоко над головой создавали вечный полумрак. Колонны ящиков уходили вдаль, как дюжины картонных Стоунхеджей, собранных и забытых занятыми друидами. Ольга чувствовала себя замерзшей и несчастной.

Одна, внутри черной башни. Сначала ее бросили дети, теперь Рэмси и Селларс. Она опять осиротела.

* * *

— Не вижу смысла, — закончил Селларс.

Рэмси попытался выглядеть внимательным, но уже давно потерял нить рассуждений Селларса.

— Я думаю, что в здании должно быть и другое оборудование.

— Нет, — сказал старик, — не все так просто. Все линии передачи данных выходят из этой генераторной и уходят к провайдерам. И все в здании — даже личные комнаты Жонглера и резиденция на самом верху — подключены к этим линиям. Я не мог пропустить чего-нибудь настолько важное, что способно обеспечивать пропускную способность, нужную для сети Грааля. Это все равно, как скрыть данные от НАСА.

— Насау? — Рэмси нахмурился. — Багамы?

— Не имеет значения. Задолго до вас. — Селларс воспользовался моментом, чтобы вдохнуть через ароматизированную тряпку, зажатую в его узловатой руке, тряпку, которая казалась такой же частью его, как носовой платок для придворного в Версале. Рэмси подумал, что старик дышит хуже, чем в последние два дня, и невольно спросил себя, сколько еще он выдержит под таким давлением. — Но я должен что-то найти, — продолжал Селларс. — Ваша миссис Пирофски ждет звонка.

— Не понимаю. Вы же уже взламывали систему Грааля, верно? Почему вы не можете сделать это сейчас?

— Потому что я никогда не взламывал ее через вход Феликса Жонглера. — Селларс вздохнул и опустил тряпку. — Вот почему я решил, что… вторжение, за отсутствием лучшего слова, Ольги может помочь. В любом случае я не в состоянии коснуться операционной системы, и дело не в моей усталости. Я должен войти в сеть через Телеморфикс, и она поддержит меня. Много лет я, можно сказать, дневал и ночевал вместе с Телеморфиксом. Наверно я должен платить им зарплату. — Он слегка улыбнулся.

Рэмси пожал плечами.

— Что мы можем сделать?

— Не знаю. Я должен… — Внезапно он покачнулся, потом поднял трясущуюся руку к лицу, как бы удивляясь, что голова еще на месте. — У нас очень мало времени. И есть еще другие вещи, требующие моего внимания. Неудача в любой из них может разрушить все.

— Я могу помочь?

— Возможно. Просто слушайте… это заставляет меня… заставляет меня навести немного порядка в этом хаосе. Иногда мы думаем, что хорошо знаем дело, и только тогда, когда пытаемся объяснить… — Он выпрямился. — Смотрите. Я покажу вам кое-что, что меня больше всего интересует.

Стенной экран полыхнул чистым белым светом. Рэмси подпрыгнул. Мгновением позже на нам появились странные заросли, которые Селларс называл Садом.

— Это я уже видел, — осторожно сказал Рэмси.

— Но не этот кусок. — Селларс согнул палец, и часть картинки прыгнула вперед, заслонив все остальное. Грибы, серые и жалкие, которые, тем не менее, казалось только что вылезли из-под земли рядом с более сложными растениями. — Они появились сегодня, пока я работал с Ольгой. И когда я закончил с ней, меня ждало множество сообщений о тревоге.

— Что это?

— Операционная система, — сказал Селларс. — Операционная система сети Грааль. Или, скорее, образец, который показывает, что операционная система выбрала из сети какой-то объект, привлекший ее внимание — что-то вроде особо интересной ключевой точки.

— Ни имею ни малейшего понятия, что это означает, — сказал Рэмси, — но, похоже, я привык лучше всего себя чувствовать, признавшись в собственном невежестве. Но, должен сказать, вы меня впечатлили — я никогда не встречал человека, использовавшего в разговоре слово «ключевая точка».

И заработал еще одну улыбку старика.

— Это означает, что в первый раз с того мгновения, как, за отсутствием другого слова, в операционной системе начались неполадки, я обнаружил признаки того, что она вышла в сеть. Ну, операционная система всегда была в сети, конечно, но та ее часть, которая более или менее разумна и способна принимать решения, какое-то время отсутствовала. Теперь она вернулась.

— И это означает…?

— Как-то раз я говорил вам о методе, который использовал, чтобы обнаружить в сети моих добровольцев. Возможно, что эта концентрация внимания поможет нам найти этих бедолаг. Я завел их и опасное место — и вот уже столько дней не могу найти. — Он закрыл глаза, размышляя. — Если я смогу войти в сеть со стороны Жонглера, то пройду через жестокую систему безопасности и смогу поискать их сам. Если они еще живы. Только бог знает, сколько времени им еще осталось.

— Звучит так, как будто надо пытаться опять связаться с ними.

— Согласен — но я не могу войти. Мне кажется я рассказывал вам, что последние несколько раз система не разрешила мне войти, даже через Чо-Чо. — Он на мгновение остановился, видимо изучая какие-то личные источники информации. — У меня осталось еще полчаса до звонка к миссис Пирофски. Для попытки времени вполне достаточно — даже если мне повезет, я никогда не мог выдерживать борьбу с системой безопасности больше нескольких минут. — Он кивнул на дверь, отделяющую их от Соренсенов. — Мне нужна ваша помощь. Это может сработать совсем по другому, если мальчик не спит.

— Мальчик?

— Конечно мальчик. Очень сомневаюсь, что система разрешит войти мне самому. — Он опять вдохнул через тряпку. Но, как я уже говорил, на этот раз все может быть по другому — я никогда не пытался входить с бодрствующим Чо-Чо. И вам придется позаботится, чтобы он не упал с дивана.

Все три Соренсена стояли в двери, с болезненным любопытством глядя на сцену, на которой, впрочем, пока ничего не происходило. Кристабель казалась испуганной, и, внезапно, Рэмси стало стыдно. Они, взрослые, не сумели уберечь этих двух детей от мало приятной жизни.

— Ну, ради бога, — сварливо сказал Селларс. — Я не могу ничего делать, когда на меня смотрят во все глаза. Оставьте меня наедине с мальчиком. Если будет надо, мистер Рэмси поможет мне.

— Я не понимаю, что вы собираетесь делать с ним, но мне это уже заранее не нравится, — объявила Кейлин Соренсен. — Только потому что он бедный мексиканский мальчик…

В первый раз Рэмси увидел, как Селларс рассвирепел.

— Мадам, он такой же американец, как и вы, и, безусловно, даже больший, чем я, потому что я родился не здесь. — Он слегка успокоился. — Прошу прощения, миссис Соренсен. Я понимаю, что вы беспокоитесь. Я извиняюсь… я очень устал. Но, уверяю вас, беспокоиться не о чем. Мы уже делали это несколько раз, я и Чо-Чо. Но мне нужно уединения, иначе я не могу сконцентрироваться. И у нас все меньше и меньше времени. Пожалуйста.

Она сжала челюсти, взяла дочку за руку и потащила ее из комнаты.

— Пошли, Кристабель. Пойдем посидим у бассейна. Я дам тебе мороженное.

— Будьте поосторожнее, мистер Селларс, — сказала маленькая девочка, задержавшись у двери. — И… позаботьтесь о Чо-Чо, хорошо?

— Обещаю, малышка Кристабель. — Мать и девочка исчезли, и Селларс слегка расслабился.

Последним ушел майор Соренсен.

— Я буду в соседней комнате, — сказал он, закрывая дверь. — Крикните, если буду нужен.

Чо-Чо забился на дальний конец дивана, откуда глядел, как загнанный зверек.

— Чо ты собрался делать?

— То, что мы уже делали, сеньор Изабаль. Я хочу послать тебя в другое место.

— И для этого ты меня разбудил?

— Да, потому что я не могу ждать до полуночи. Мои друзья могут опять уйти.

Мальчик засопел.

— Что я должен делать?

— Сейчас? Просто лечь.

Чо-Чо лег, но с напряженным вниманием, как будто ждал, что его кто-нибудь ударит. Было видно, что под его напускной храбростью прячется страх.

«Если бы внутренности людей вышли наружу,— подумал Рэмси,— то этот ребенок, а не Селларс, был бы исполосован шрамами с головы до ног».

Селларс наклонился вперед и положил дрожащую руку на шею мальчика. Чо-Чо вздрогнул и сел.

— Что ты делаешь, *локо*[57]? Хочешь коснуться меня и вся эта *mierda*[58].

Старик вздохнул.

— Сеньор Изабаль, мне очень хочется, чтобы ты лег и закрыл рот. Я хочу войти в контакт с нейроканюлей, вмонтированной в твою шею. — Он повернулся к Рэмси. — Я мог бы связаться с ним через выделенную линию, но это дешевая уличная подделка под настоящую нейроканюлю и у меня не будет полного контакта.

— Полегче, старик! Я потратил на нее кучу *efectivo* [59].

— Я только немного пощекочу тебя, сынок. — Селларс слабо улыбнулся. — Ну, не сердись, я пошутил. Так легче работать.

Чо-Чо улегся на диване.

— Не шути так.

Селларс опять протянул пальцы и установил контакт.

— Закрой глаза, пожалуйста. — Мальчик подчинился, после чего и сам Селларс закрыл глаза и слепо поднял лицо к потолку. — Видишь ли ты свет, о мой юный друг?

— Что-то вроде. Но все серое.

— Хорошо. Теперь подождем. Если все будет хорошо, через несколько минут ты войдешь в сеть и окажешься в том самом месте, которым ты так восхищался. Ты будешь слышать в ухе мой голос. Не делай ничего, пока я тебе не скажу.

Рот Чо-Чо безвольно открылся. Его пальцы, еще мгновение назад сжатые в кулаки, распрямились.

— А теперь… — сказал Селларс и замолчал. Он лежал, неподвижный как камень, но, в отличии от Чо-Чо, казался все воспринимающим, как йог во время медитации.

Рэмси глядел, чувствуя себя таким бесполезным, как никогда. Молчание продолжалось слишком долго, и он уже начал спрашивать себя, не связаны ли мелькающие на стенном экране новости с тем, что делает Селларс, когда, внезапно, старик выпрямился на своем стуле и его рука соскользнула с шеи мальчика, как если бы его обожгло.

— Что это? — Рэмси подбежал к Селларсу, но старик ничего не сказал. Он сильно содрогнулся, его глаза широко открылись,

потом опять закрылись. Мгновением позже он начал падать вперед. Если бы Рэмси не успел подхватить его хрупкое тело, легкое, как связка костей, оно упало бы на пол. Рэмси опять усадил его на стул, прямо, но старик только откинулся на спинку стула, молчаливый и безвольный. И мальчик, тоже, лежал на диване, такой же вялый и неподвижный. Рэмси слегка тряхнул Селларса, безуспешно, прыгнул к мальчику, его отчаяние росло с каждой секундой. Голова Чо-Чо подпрыгнула на диване, когда Рэмси попытался разбудить его, и опять опустилась, когда он перестал.

— Они оба еще дышат. — Соренсен отпустил запястье Селларса и встал. — Пульс нормальный.

— Если это Тандагор, это ничего не значит, — с горечью сказал Рэмси. — Мои клиенты… уже много месяцев у их дочери нормальный пульс и дыхание, и все это время она в коме. И у ее друга, тоже — а сейчас он умер.

— Господи Иисусе. — Соренсен сунул руки в карманы, — так менее очевидно, что он чувствует себя беспомощным, решил Рэмси. — Черт побери, в какие глубины ада нас занесло?

— В те же самые, в которых мы и были, только немного глубже. — Рэмси чувствовал себя настолько плохо, что не мог даже представить себе, что сумеет прийти в себя. — Быть может стоит отвести их в больницу?

— Не думаю. — Соренсен прошелся по комнате и сел на другой стул. Было место и на диване, потому что потерявший сознание ребенок занимал только две трети его длины, но Рэмси не удивился выбору майора. — Больница может помочь детям, больным Тандагором?

— Тандагором? Нет. Они только предохраняют их от пролежней. — Он вспомнил больницу. — И еще кормят через трубочку. Через катетеры, я хотел сказать.

— Катетеры…? Господи Иисусе. — Майор Соренсен выглядел скорее подавленным, чем испуганным — Катур Рэмси хотел бы сказать то же самое о себе. — Надо сказать Кей о том, что произошло. — Он нахмурился. — Не представляю, как мы сможем доставить их в больницу. Ребенка, да, но Селларса… Мы сообщили о нем во все больницы на восточном берегу, потому что мы думали, что он обратится в одну из них из-за трудностей с дыханием. Зараза. Его дыхание — единственное, с чем у нас проблем нет.

— Не гляди на меня так, майор. Селларс сам ввязался в это дело. А я так, просто рядом гулял.

Соренсен поглядел на него с чувством, похожим на

симпатию.

— Ага. Рядом гулял, а, Рэмси?

— Да. Гулял.

Соренсен исчез за дверью, и Рэмси пошел взглянуть на свой блокнот, надеясь найти информацию о первой помощи, которую надо оказывать при Тандагоре. Вроде бы он что-то такое записал к себе, когда расследовал дело Фредериксов. Он включил блокнот и маленькое устройство задрожало.

«О, боже мой,— подумал он. Наверно это Ольга.— Она ждет нас уже минимум час — и наверно в панике. Но что я могу сказать ей? Он нащупал кнопку, принимающую вызов. Я знаю только в самых общих чертах, что хотел сделать Селларс, и я совершенно не знаю, как он собирался действовать дальше».

— Ольга? — спросил он.

— *Нет.* — Голос был какой-то призрачно слабый, многие звуки исчезали. — *Нет, Рэмси, это я.*

Он уже понял. Волосы на голове встали дыбом. Он посмотрел на неподвижное тело на инвалидном стуле. — Селларс? Но как…?

— *Я не мертв, Рэмси. Просто… очень занят.*

— Что произошло? Вы — ваше тело здесь. Вы и мальчик оба…?

— *Я знаю. У меня очень мало времени. Система рушится — умирает, я думаю. Я не знаю, сумею ли сбросить ее хватку с мальчика — или с себя, если уж на то пошло…* — На мгновение передача остановилась — звук исчез — потом шепчущий голос Селларса вернулся — *…жизненно важно. Мы должны найти дорогу к данным операционной системы и считать их. От этого зависит все. Вы должны помочь Ольге Пирофски…*

Сигнала не было так долго, что Рэмси уже решил, что потерял его. Живое тело Селларса издевательски молчало.

— *… и не делайте ничего особенного ни с кем из нас. Я вновь попытаюсь связаться с вами через час, если смогу…* — Голос Селларса опять растаял. И на этот раз не вернулся.

Рэмси какое-то время глядел на блокнот, теперь такой же молчаливый, как старик и мальчик.

— Нет! — сказал он, даже не понимая, что говорит слишком громко. — Нет, ты не можешь — я не знаю, что делать! Возвращайся, черт тебя побери! Возвращайся.

* * *

Со своего места Кристабель смогла услышать, и то с трудом,

как папа прошептал маме, что дела по-настоящему плохи. Она так внимательно глядела, как они говорят, сдвинув головы, что совсем забыла о мороженном, пока оно не растаяло и не упало на ноги большим холодным шариком.

Она пихнула его ногой в кусты за бассейном отеля, потом промыла ногу водой из бассейна, потому что оно успело прилипнуть к пальцам. Все это заняло несколько секунд, но когда она посмотрела вверх, папочка опять ушел, а мамочка выглядела очень странно. В животе у Кристабель все перевернулось. Она побежала к маме.

— Кристабель, никогда не забегай за бассейн, — сказала мамочка, не отрывая глаз от отеля, и Кристабель точно знала, что она говорит не думая.

— Что-то случилось?

Мама стала собирать их вещи в большую соломенную корзину, которую она принесла из комнаты. Какое-то время она не говорила ничего.

— Я не очень уверена, — наконец сказал она. — Но твой отец сказал, что мистер Селларс и Чо-Чо… — Она прижала руки к глазам, как если бы у ней внезапно заболела голова. — Они… им плохо. Я собираюсь посмотреть, могу ли я помочь. Ты, пока, можешь посмотреть… Кристабель!

Она не стала ждать, пока мама закончит. Все это время она знала, что должно случиться что-то плохое. Она не побежала, но пошла по лестнице от бассейна так быстро, как только могла, думая о бедном мистере Селларсе и его ухающем голосе, и о том, каким усталым он выглядел.

— Кристабель! — Голос мамы прозвучал зло и испуганно. — Кристабель! Немедленно иди ко мне, сейчас же!

— Кристабель, что ты, черт побери, делаешь здесь? — проворчал папа, когда она ворвалась в комнату. — Где твоя мать?

— Она сбежала от меня, Майк, — сказала мамочка, все еще держа в туках тюбик с солнцезащитным кремом и другие веши, которые не успела запихнуть в корзинку. — Она… Боже мой, Майк! Что ты с ними сделал?

— Ничего, ни с одним из них, — ответил отец.

— Мистер Рэмси, что произошло? — спросила мамочка.

Кристабель глядела во все глаза. Мистер Селларс выглядел совершенно ужасно: он обмяк на стуле, как мексиканская мумия, которую она видела по сети, рот открыт буквой «о», как если бы он хотел свихнуть, глаза наполовину закрыты. Ее глаза наполнились слезами, и ужасное белое лицо расплылось.

— Он мертв?

— Нет, Кристабель, — сказал мистер Рэмси. — Он жив. Я только что разговаривал с ним.

— Ты говоришь, что только что разговаривал с человек, который вот так выглядит? — зло спросил папа.

— Он позвонил мне.

— Что?

Пока взрослые говорили тихими, но испуганными голосами, Кристабель протянула руку и коснулась лица мистера Селлларса. Его кожа, которая всегда выглядела как расплавившаяся свеча, оказалась тверже, чем она думала, такая же жесткая, как и подошвы ее туфелек. Однако она была теплая, и, наклонившись поближе, она услышала легкий шум, идущий из горла.

— Не умирай, — прошептала она в его ухо. — Не умирай, мистер Селлларс.

Она отвернулась от него и только тогда увидела Чо-Чо, лежавшего на диване. Ее сердце подпрыгнуло в груди так, как будто хотело выбежать наружу и убежать.

— Он тоже заболел?

Взрослые не слушали. Мистер Рэмси пытался что-то объяснить родителям, те все время прерывали его вопросами. Он выглядел усталым и очень, очень взволнованным. И все остальные взрослые, тоже.

— И я даже не могу позвонить ей, — сказал он, говоря о ком-то, кого Кристабель не знала. — По какой-то причине ее номер не доступен. Она сойдет с ума от тревоги!

Глядя на Чо-Чо, Кристабель подумала, что он не похож на того мальчика, который дразнил и пугал ее. Он спал, и его лицо не было ну твердым, ни жутким. И вообще он казался очень маленьким. Под ухо была вделана пластиковая вещь — кан, так он называл ее, когда хвастался перед ней, кожа вокруг нее казалась грубой, как будто неправильно зажила.

— Они оба умрут? — спросила она. Взрослые не отвечали, и она почувствовала внутри себя что-то горячее, горячее и злое, рвущееся наружу. — Они оба умрут? — крикнула она изо всех сил.

Мамочка, папочка и мистер Рэмси повернулись к ней, удивленные. Она и сама удивилась себе, но не из-за того что закричала, но потому, что заплакала. Она чувствовала себя так, как будто ее поставили вверх тормашками.

— Кристабель! — сказала мама. — Дорогая, что?..

Она прикусила губу, стараясь больше не кричать.

— Они… они умрут?

— Шшш, дорогая. — Мама подошла, осторожно взяла маленького мальчика на руки и села на диван, держа его на

коленях. — Иди ко мне, — сказала она, протянула руку и посадила Кристабель рядом с собой. Кристабель не понравился вид мальчишки, он спал не нормальным сном, а как-то… неправильно, слишком неподвижно, ей не хотелось касаться его, но мама прижала ее к боку и обняла.

— Не бойся, — тихо сказала мама. — Все будет хорошо. — Она гладила волосы Кристабель, но сама смотрела на Чо-Чо, и, похоже, сама хотела расплакаться. — Все будет хорошо, вот увидишь.

В конце концов только мистер Рэмси ответил на ее вопрос.

— Я не думаю, что они умрут, Кристабель. На самом деле они даже не больны — скорее всего просто спят.

— Разбуди их!

Мистер Рэмси встал на колени рядом с диваном.

— Я не могу разбудить их, — сказал он. — Это должен сделать мистер Селларс, но как раз сейчас он очень занят. Мы должны ждать.

— И он разбудит Чо-Чо, тоже? — Почему-то ей казалось, что это правда. Она не знала, почему. Она была бы счастлива, если бы этот мальчик отправился куда угодно, но она не хотела, чтобы он заснул навсегда, даже если она не будет его видеть. — Ты должен спасти его. Он очень напуган.

— Он тебе так говорил? — спросила мамочка.

— Да. Нет. За всю жизнь я не видела ни одного мальчишки, который бы был так напуган.

Взрослые отошли в сторону и опять начали говорить. Кристабель выскользнула из-под руки мамы и пошла поискать что-нибудь потеплее. Тяжелые одеяла с кровати стащить не удалось, поэтому она взяла из ванны два полотенца и одним закутала узкие плечи мистера Селларса. Второе она накинула на мальчишку и натянула, как одеяло, вплоть до его шеи, так что теперь он действительно казался спокойно спящим на коленях ее мамы.

— Не бойся, — прошептала она ему в ухо. Она погладила его руку и потом опять наклонилась к нему. — Я здесь, — сказала она ему так тихо, что даже мамочка не могла услышать ее. — Пожалуйста, не бойся.

* * *

«… Обернутое вокруг фибрамического ядра, что представляет собой одно из самых ранних примеров использования этого гибридного материала для

построения высотных офисных зданий. Спиралевидная оболочка из специально произведенного низко-эмиссионного стекла придает зданию форму, которую все комментаторы называют по своему, кому что нравится: от поднятого пальца до горы или черной сосульки. За эти годы сходство с человеческим пальцем породило несколько сдержанных комментариев, включая знаменитое утверждение одного журналиста, который сказал, что основатель Джи Корпорэйшн, Феликс Жонглер, получив все, что хотел от гибкой законодательной власти штата Луизиана, говорит всем нам, что он о нас думает — короче говоря, парни, он показывает нам палец…»

Ольга остановила исследовательский файл, заморозив вид с высоты птичьего полета на огромное здание, в котором заблудилась.

Она видела его целиком, но изменить точку зрения будет не так-то просто, и, в любом случае, она не настолько хорошо знала здание, чтобы искать что-то конкретное. Что сказал Селларс — должна быть еще одна генераторная? Без его помощи и защиты нечего и надеяться найти ее. Нечего и надеяться, что ее не схватят по дороге. И это нужно Селларсу, не ей. Что она может узнать от телекоммуникационного оборудования о голосах, которые притащили ее сюда?

Она вздохнула и огляделась кругом, проверяя, не появился ли кто-нибудь в просторном складе, потом опять запустила файл, в свое время добытый со специального узла, посвященного небоскребам.

«*Молчаливо вздымающаяся вверх на три сотни метров, не считая радиомачты и спутниковых антенн на крыше, башня Джи Корпорэйшн тем не менее ниже нескольких других, более новых зданий, например знаменитого пятисотметрового небоскреба Галф Финансиал Сервисес, но по-прежнему остается одним из самых высоких зданий Луизианы. Заслуживает внимания также великолепный искусственный остров, на котором она стоит — или который ее окружает, потому что фундамент здания уходит в землю глубже, чем остров — и десятиэтажный египетский атриум. Кроме того башня является резиденцией самого Феликса Жонглерат, загадочного основателя Джи Корпорэйшн, который, как говорят, живет в петнхаузе на самом верху черного здания, откуда он может видеть озеро Борне, Залив и большую часть юго-восточной Луизианы, и без сомнения,*

думать о том, сколько из всего этого принадлежит лично ему…»

Помимо атриума было видно само озеро, его вода горела оранжевым в лучах садившегося солнца, черный шпиль башни торчал, казалось, прямо из-под воды — очень похоже на то, как Ольга впервые увидела ее. Она закрыла файл, отключила виртуальную среду — и опять оказалась на складе. Она оставила открытой линию для входящих звонков. Ни Селларс, ни Рэмси еще не пытались связаться с ней.

Ольга встала на ноги, удивленная тем, насколько все тело закостенело.

«Ты уже старуха. И что ты ожидала?»

«Что делать?» Ей было трудно смириться с тем, что она осталась одна — и все, что надо сделать, она должна сделать сама. Физическая усталость, боль в мышцах после целого дня уборки, бесконечные лестницы, по которым она взбиралась, выполняя указания Селларса — казалось, дальше двигаться невозможно. И вообще, что она *может* сделать?

«Животные, если их поймать и они ничего не могут сделать, сворачиваются в клубок и спят». Где-то она это читала. Быть может ей тоже следует так поступить: остаться здесь, ждать, дремать. Ждать.

«Чего ждать?»

«Чего-нибудь. Потому что сама я ничего не могу сделать».

И только сказав себе эти ужасные слова, она разозлилась. Она пересекла весь континент только для того, чтобы прятаться как крыса в дыре только потому, что этот мужчина, Селларс, на что-то отвлекся? Она даже не слышала о нем, когда решала придти сюда — она вообще собиралась все сделать сама.

И что она собиралась сделать, в точности? Ольга должна была признаться, что в первую очередь думала о том, как попасть внутрь огромной штаб-квартиры корпорации, и как-то совсем не думала, что будет делать там. Селларс вмешался и помог ей проникнуть внутрь, большое спасибо. Но где искать голоса пропавших призрачных детей?

«Наверху,— внезапно поняла она.— На самой вершине. Этот человек выстроил это место. Это он отравил сознания детей, заставил их заболеть. Если он здесь, то, по меньшей мере, я смогу сказать ему, что кое-кто знает о его грязных делах. Если я сумею подняться наверх. Если охранники не убьют меня. Я скажу это ему прямо в лицо, и пусть будет то, что будет.

Что я еще могу сделать?»

Ольга начала собирать рюкзак. Она пойдет вверх, на вершину

горы.

ГЛАВА 31
Цыганская ярмарка

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Мультимиллиардер хочет купить марсианский проект

(Изображение: Креллор в Монте Карло на пресс-конференции)

ГОЛОС: Объявив о своем банкротстве несколько месяцев назад, бывший нанотехнологический барон Уберто Креллор потряс всех своим предложением купить неудачный проект строительства базы на Марсе, в том числе все материалы и минироботов, при условии, что ООН даст ему долгосрочные права на Марс, включая разработку месторождений полезных ископаемых и преобразование атмосферы планеты под земные условия. Говорят, что Креллор является рупором остающейся в тени группы финансистов, которых ООН лишила права участвовать в Марсианском Проекте из-за опасения, что весь Марс попадет в частные руки.

КРЕЛЛОР: «Никто не хочет, чтобы правительство тратило народные деньги на это дело. Пускай бизнесмен, который знает, что такое риск, посмотрит, что он может сделать. Если я преуспею, мой триумф разделит все человечество…»

Сэм Фредерикс повидала кое-что с тех пор, как впервые вошла в эту сеть. Пережив кровавую кульминацию Троянской войны, битву между египетскими богами и сфинксами, и атаку гигантских плотоядных щипцов для салата, она, можно сказать, устала от чудес. Тем не менее даже ее слегка впечатлило то, что они начали пересекать одну реку, а закончили совсем другую.

Впрочем сама река осталось той же самой, чернильная вода под темным небом, с белым бурунами вокруг камней. В более удачных обстоятельствах ее журчание можно было бы назвать приятным, а каменный мост под их ногами — живописным. Однако на середине пролета, когда туман рассеялся, Сэм увидела, что луга, видимые от начала моста, превратились в окаймленный туманом край леса, из-за деревьев поднималась отвесная черная гора. Сэм пришлось согласиться, что это очень эффектный трюк.

И она до смерти устала от всех этих трюков.

— Как? — прошептала она !Ксаббу. Азадор шел перед ними,

скорее похожий на лунатика, чем на путешественника. — Как он нашел мост? И откуда ты знал, что он может его найти? Мы уже проходили здесь! И здесь совершенно точно не было никакого моста.

— Потому что, как я подозреваю, мы были не здесь. — Ее друг жадно глядел на ряды древних деревьев — возможно надеясь увидеть еще одно послание от Рени, развевающееся на ветке. — Я имею в виду, что мост находится не здесь. — Он уловил ее взгляд и улыбнулся. — Я тоже не очень понимаю смысл всего этого, Сэм, но верю, что Азадор — он из… Иноземья, из места, построенного самой операционной системой, и то, что происходит с ним, не происходит с нами. Вот и вся моя догадка.

— Великолепная идея, — согласилась Сэм.

Азадор уже спустился с моста и взбирался по темной земле на высокий берег, по-видимому направляясь к лесу.

— Нам надо остановиться, — крикнул ему !Ксаббу. — Уже темнеет. — Азадор пошел дальше, и не думая останавливаться или поворачиваться. — Мы должны идти за ним, — сказал ! Ксаббу Сэм. — Если мы потеряем его среди деревьев, то не найдем никогда.

Мост, спускаясь к берегу, переходил в дорогу, которая так заросла травой, что с реки ее было не видно. Старые и новые колеи от колес, извиваясь, уходили в лес. Сэм поглядела назад. Жонглер находился далеко сзади, и шел медленно, как ходят в темном и страшном месте.

Они перехватили Азадора у самого края леса.

— Я думаю, что нам надо остановиться, — сказал ему ! Ксаббу. — Становится темно, и мы все устали.

Азадор повернулся и посмотрел на него дикими глазами.

— Они впереди.

— Что впереди?

— Будут огни — много огней. Лошадей почистят и они засверкают. Все в таборе оденут свои лучше одежды. И запоют! — Казалось, что он говорил кому-то еще: его взгляд постоянно возвращался на вьющуюся между деревьев тропинку. — *Чу!* Слушай! Я почти слышу их!

Сэм, открывшая было рот, мгновенно закрыла его. Она не слышала ничего, только ветер тихонько терся о бесчисленные ветки.

По лицу Азадора было видно, что он напряженно вслушивается; через несколько мгновений его лицо помрачнело.

— Нет, я тоже не слышу. Возможно мы еще не подошли достаточно близко.

У Сэм болели ноги, она очень устала. Весь этот долгий

тяжелый день они искали мост, и теперь, когда они наконец пересекли его, она точно не хотела всю ночь идти следом за Азадором через дикий лес, в поисках магии эльфов, лесных музыкантов или чего он там еще искал. Она уже почти сказала ему об этом, но в его взгляде была какая-то призрачная надежда, какой она у него не видела никогда, и она промолчала.

Лес оказался более материальным чем любая другая вещь, которую они видели с того мгновения, как оказались на черной горе, деревья были почти совершенны, только, насколько она могла видеть в гаснущем свете, их верхние ветки казались покрыты не отдельными листьями, а облачной зеленой массой. Под ногами вполне распознаваемая зеленая трава, разве что более густая и ухоженная, чем в настоящем диком лесу, на камнях и стволах деревьев мох. Единственное, что казалось совершенно неправильным — полное отсутствие птичьих трелей. Даже сверчков не было слышно. Лес казался тихим, как пустая церковь.

Азадор уверенно вел их вперед, вытянув руки перед собой, как если бы касался того, что видел он один, грезя наяву. Жонглер, быть может тоже пораженный странным лесом, молча шел последним.

— Где мы? — прошептала Сэм, но тут !Ксаббу остановился, широко раскрыв глаза. По дороге волочился кусок бледной материи, терзаемый слабым ветерком. — Чизз — это от Рени?

Лицо !Ксаббу побледнело.

— Не похоже. Не тот цвет, более желтый, чем то, что на нас, и кусок слишком большой.

Но для Азадора кусок что-то означал, он бросился вперед, коснулся его и резко свернул в лес. Теперь он пошел очень быстро, Сэм и !Ксаббу почти бежали, чтобы не отстать от него.

Кусок кроваво-красной материи свешивался с куста; Азадор повернул налево. Еще через сотню шагов, на краю поляны обнаружились два белых лоскута; Азадор повернулся к ним спиной и зашагал в другую сторону. Они вынырнули из зарослей, оказались на склоне холма и опять нашли поросшую лесом дорогу, или другую, очень похожую на нее, со следами многих колес.

Дорога привела их в рощу высоких деревьев с перекошенными серыми стволами. Теперь и Сэм почувствовала запах дыма. Внутри плотного кольца деревьев, скрытые от посторонних глаз, стояли фургоны.

Сначала Сэм решила, что они наткнулись на бродячий цирк. Даже сейчас, в умирающем свете дня, фургоны казались удивительными, две дюжины или больше, раскрашенные яркими

красками в совершенно невероятных сочетаниях, обвитые цветными полосками материи, украшенные перьями и кисточками, с блестящими латунными спицами на колесах и латунными ручками на дверях. Все это выглядело настолько великолепно, что она не сразу сообразила, что не так.

— Но… где все?

Азадор влетел внутрь и стонал, обшаривая поляну безумным взглядом, как будто толпа людей и лошадей, привезшая сюда фургоны, могла спрятаться за деревом. Сэм и !Ксаббу подошли к нему. Внезапно Азадор застыл на месте, потом резко метнулся к струйке дыма, поднимавшейся в воздух за одним из самых далеких фургонов, довольно мрачному, по сравнению с другими — всего лишь выкрашенному в глубокую полуночную синеву и усеянному белыми звездами.

В каменном круге за фургоном горел маленький костер. Из фургона спускалась короткая лестница, ее конец находился между высокими деревянными колесами. На ее нижней ступеньке, с трубкой во рту и колпаком на голове, сидела старуха, во всяком случае так показалось Сэм; только подойдя ближе она заметила, что незнакомка по бокам слегка просвечивает.

Азадор остановился перед ней и уселся прямо на землю.

— Куда они ушли?

Женщина поглядела на них, и у Сэм внутри все похолодело. Лицо женщины казалось таким же дымом, как и серые завитки, вьющиеся над костром, а глаза — точками света, маленькими, но блестящими, как угольки на краю костра.

— Ты опять вернулся к нам, Азадор, — сказала она странно звучным голосом, совсем не таким призрачным, как она сама. — Не совсем вовремя, мой *чабо*[60], мой предвестник несчастий. Твое имя оказалось правильным. Они все ушли.

— Ушли? — Горе в голосе Азадора можно было пощупать пальцами. — Все?

— Все. *Мортс*[61], их *мардс*[62] и все их дети. Они убежали от Окончания. Видишь, некоторые из них так испугались, что бросили свои *вардони*[63]. — Она посмотрела на фургоны и неодобрительно покачала головой. Азадор казался пораженным. Очевидно то, что цыгане бросили свои великолепные и любимые повозки, было знаком чего-то совершенно ужасного. — И вот, наконец, ты здесь. Ты ушел в неудачный день. И в такой же вернулся.

— Куда… куда они ушли, мачеха?

— Приближается Окончание. Все ромале пошли к Колодцу. *Тот-который-есть* приказал им. Они надеются, что Черная Дама

поговорит с ними и объяснит, как спасаться.

— А ты, почему ты еще здесь, мачеха?

— Я не могу отдохнуть, пока не поговорю со всеми моими *чабос*. Это моя задача. Ты вернулся, после всех этих лет, и моя задача окончена. — Она встала и медленно поднялась к двери фургона. — Теперь я могу идти.

— Как я попаду к Колодцу? — Азадор едва не плакал. — Я почти ничего не помню. Ты проводишь меня?

Она покачала головой. На мгновение ее угольки-глаза потухли.

— Я туда не пойду. Моя задача выполнена. — Она начала отворачиваться, потом заколебалась. — Я всегда знала, что тебя ждет странная судьба, мой потерявшийся *чабо*. Когда ты родился, я прочитала листья — о, как печально! *Он умрет от своей собственной руки, но не добровольно*, вот что они сказали мне. Но, возможно, все может быть иначе. Теперь, когда приближается конец, когда умирает сам Тот-который-есть, кто может сказать, что произойдет?

— Как мне дойти до Колодца? — опять спросил Азадор. — Я не помню.

— Ты, как и все ромале, оставившие мир своих предков для того, чтобы вечно бродить по свету — ты можешь найти дорогу куда угодно. Не поверх мира, но через него. Внутрь. Туда, где ты сможешь коснуться Того-который-есть, как и мы. — Сэм не могла прочитать выражение ее дымного лица, но почему-то решила, что следующие слова мачеха произнесет с улыбкой. — Возможно ты даже окажешься там раньше всего твоего народа. Как и подобает Несчастливому Цыгану, а? Уйти позже всех, но найти Окончание самым первым? — Она кивнула и вошла во тьму фургона. Азадор с трудом поднялся на ноги, протянул руку туда, где только что стояло создание, которое он называл мачехой, но тут сверкнула вспышка света и фургон начал таять, пока от него не остались только бледные звезды, нарисованные на боках; они повисли в воздухе, как умирающие огни фейерверка. Потом растаяли и они.

Азадор упал на грязную землю и зарыдал. Сэм протянула руку и взялась за руку !Ксаббу. Она не понимала, что произошло, но знала, как выглядит сломанное сердце.

От Азадора больше толку не было, во всяком случае пока. Сэм помогала !Ксаббу собирать хворост — хотя бы костер остался! — когда заметила, что Жонглер исчез.

— Проклятие! — сказала она. — Он ждал, пока мы не отвлеклись, и бросил нас!

— Возможно. — Похоже, она не убедила !

Ксаббу. — Посмотрим.

Они нашли старика сидящего рядом с деревом на краю поляны, холодного и серьезного, как статуя. Какое-то мгновение он казался настолько неподвижным, что Сэм решила, что у него удар. Потом он поглядел на них, ничего не выражающим взглядом. Она ошиблась и чувствовала себя слегка разочарованной, но все равно упрямо решила, что сегодня он себя вел как-то странно.

— Что ты здесь делаешь? — с вызовом спросила она. — По меньшей мере мог бы помочь нам разбить лагерь.

— Никто не просил меня. — Жонглер встал и устало пошел туда, где мелькал свет маленького костра. — Эта вещь исчезла?

— Та, которую Азадор называл мачехой? Да, растаяла, — сказал !Ксаббу. — Ты знаешь, что это такое?

— Примерно. Функция операционной системы, которая помогает и инструктирует. Жалкое подобие того, что мы встраивали во все наши симмиры.

— Вроде троянской черепахи Орландо, — сказала Сэм, вспоминая. Она начала было объяснять !Ксаббу, но внезапно поняла, что не хочет говорить о своем дорогом друге перед этим противным стариком.

«Да, мне слегка жаль Азадора, но это не означает, что я обязана жалеть и этого старого убийцу».

— Ты думаешь, что она говорила голосом Того-который-есть? — спросил !Ксаббу. Увидев кислое выражение лица Жонглера, он поправился. — Голосом операционной системы?

— Возможно. — Несмотря на хмурое лицо, в старике осталось мало от его обычной жесткости, на самом деле он казался взволнованным. Неужели что-то в несчастье Азадора затронуло сердце Жонглера, которое, как представляла себе Сэм, было маленькое, темное и твердое, как брикет угля? Казалось трудно в это поверить.

Азадор не только не посмотрел на них, когда они подошли к костру, но и не ответил на все вопросы Сэм или !Ксаббу. На небе появилась луна и поместила себя между черными руками деревьев, ее окружили маленькие, но яркие звезды.

Сэм еле держалась на ногах от усталости, и уже спрашивала себя, не заползти ли в один из пустых фургонов и заснуть, когда Азадор начал говорить.

— Я… я не все помню, — медленно сказал он. — Но после того, как я нашел мост, ко мне начала возвращаться память, как если бы я увидел обложку книги, которую читал ребенком, но забыл.

Я помню, что вырос здесь, в этих лесах. Но я помню и то, что

странствовал вместе с семьей по всем странам. Мы пересекали реки, заезжали в деревни и города, искали работу. Мы делали все, чтобы выжить. И у нас хватало на жизнь. А потом мы все собирались здесь, на Цыганской Ярмарке, плясали, пели и смеялись — все Ромале. — На мгновение в его глазах вспыхнул свет, воспоминание о лучших временах, потом растаял. — Но я никогда не чувствовал, что принадлежу к этой жизни — даже хотя и принимал ее, целиком. Я был несчастен даже когда, когда был счастлив. «Азадор», так прозвали меня ромале. Я думаю, что это старое слово из языка испанских цыган. Она означает сделать несчастным, принести горе. Но они были добры ко мне, моей семье, моему роду. Они знали, что таким меня сделала судьба, а не я сам.

— И как тебя зовут по-настоящему? — мягко спросил !Ксаббу.

— Я… не знаю. Не помню.

Даже Жонглер внимательно слушал, с жадным выражением на ястребином лице.

Азадор внезапно сел прямо, его лицо потемнело от гнева.

— Это все, что я могу вам рассказать. Почему вы все время спрашиваете о прошлом? Я не хочу возвращаться назад. Сейчас я опять потерял все, что однажды уже терял.

— Она сказала, чти ты можешь последовать за ними, — напомнила ему Сэм. — Твоя мачеха. Она сказала, чти ты можешь последовать за ними… куда? В колодец?

— Они отправились в путешествие к Черной Кали, — с презрительным смешком сказал Азадор. — Они могут полететь на звезды, с тем же успехом. Насколько я знаю, попасть туда можно только одним способом — идти. Мы далеко от центра, в котором находится Колодец — нам надо пересечь несколько рек. Этот мир исчезнет прежде, чем мы пройдем полпути.

— Быть может ты помнишь что-нибудь еще? — спросил ! Ксаббу. — Я встретил тебя далеко отсюда, в другой части сети. Тебе надо было долго шагать, чтобы добраться до сюда. Как тебе это удалось!

Азадор покачал головой.

— Я не помню ничего. Но здесь я жил, потом странствовал в других краях. Теперь я вернулся… и мой народ исчез. — Он с такой силой ударил ногой по земле, что листья взметнулись в воздух и полетели в огонь, пламя подпрыгнуло и затрещало. — Я пошел спать. Если Тот-который-есть действительно милосерден, я не проснусь.

Он ушел. Они услышали треск кожаных рессор, когда он забирался в один из фургонов.

— Разве… разве его мачеха не сказала, что он может убить

себя, — озабоченно спросила Сэм. — Я имею в виду, можем ли мы оставить его одного?

— Азадор никогда не покончит жизнь самоубийством, — ровным голосом сказал Жонглер. — Я знаю такой тип людей. — Он тоже встал и пошел между повозками.

Сэм и !Ксаббу посмотрели друг на друга через костер.

— То ли мне кажется, — сказала Сэм, — то ли скан каждую минуту растет.

— Я не понял тебя, Сэм.

— Ну, тебе не кажется, что все вокруг все больше и больше сходят с ума?

— Нет, тебе это только кажется. — !Ксаббу покачал головой. — Я и сам сбит с толку, но я надеюсь. Если всех тянет к месту, которое называется Колодец, возможно и Рени будет там.

— Но мы не знаем, как попасть туда. Азадор сказал, что, пока мы туда идем, мир может закончиться.

!Ксаббу медленно кивнул, но потом сумел изобразить замечательную улыбку.

— Но ведь этого еще не произошло, Сэм Фредерикс. Еще есть надежда. — Он погладил ее. — Иди спать — если ты ляжешь в этом фургоне, я смогу присмотреть за костром. Я хочу подумать.

— Но…

— Иди спать. Всегда есть надежда.

Сэм очнулась от кошмарного сна и очутилась в мире тумана и теней.

Во сне родители объясняли ей, что Орландо не поедет с ними в путешествие, потому что он мертв, хотя и стоит рядом; сам Орландо выглядел опечаленным, потому что огромное тело Таргора, в котором он находился, не помещалось в машину. Сэм разозлилась, не зная, что делать, а Орландо только улыбнулся, округлил глаза, тихонько пошутил над ее родителями и растаял.

Она села, вытирая слезы, вывалилась из фургона и очутилась в мире без дневного света.

— !Ксаббу! — Эхо ее голоса вернулось к ней. — !Ксаббу! Где ты?

К ее огромному облегчению он появился из-за угла повозки.

— Сэм, как ты себя чувствуешь?

— Чизз. Я не знала, где ты. Который час?

Он пожал плечами.

— Кто может знать? Но ночь прошла, и, похоже, утро лучше не станет.

Она посмотрела на мокрую траву, на белые усики тумана между деревьями, и похолодела от страха.

— Все схлопывается, да?

— Не знаю, Сэм. Но, как мне кажется, симуляция ведет себя очень странным образом. И это меня не радует.

— Где остальные?

— Азадор ушел, рано утром, но вернулся. Сейчас он сидит в центре луга и не хочет говорить со мной. Жонглер тоже гулял. — !Ксаббу выглядел очень усталым. Сэм невольно спросила себя, спал ли он вообще, но прежде, чем она задала вопрос вслух, из тумана у края поляны появилась высокая, изможденная и почти обнаженная фигура.

— Мы не может дольше ждать, — объявил Жонглер, даже не успев дойти до них. — Мы должны уходить, немедленно.

«В настоящем мире,— горько подумала Сэм,— утром ты получаешь завтрак. А в этот мире ты получаешь приказ от двухсотлетнего убийцы детей прежде, чем успеваешь продрать глаза».

— Да? И куда?

Жонглер даже не взглянул на нее.

— Азадор может отвести нас к операционной системе, — сказал он !Ксаббу. — Ты сам так сказал.

!Ксаббу покачал головой.

— Не я. Эта… мачеха сказала, что он может. Но он не поверил ей.

— Мы должны заставить его поверить.

— Ты собираешься пытать его, или что-то в этом роде? — спросила Сэм. — Или обмануть его?

— Я думаю, что могу помочь ему найти дорогу, — холодно сказал Жонглер. — В пытках нет необходимости.

— Ого, *ты* собираешься показать ему как это делать?

— Сэм, — тихо сказал !Ксаббу.

— Твои манеры типичны для твоего поколения. То есть их вообще нет. — Жонглер взглянул на Азадора, сидевшего в нескольких дюжинах метрах от них, смутно виднеясь на фоне леса. Он понизил голос. — Да, я собираюсь обмануть его. Я сам построил эту систему и я знаю кое-что о ее слабых местах. — Он повернулся к !Ксаббу. — Азадор — конструкт, зверушка операционной системы, как и весь этот мир. Ты сам доказал это, надо отдать тебе должное. — Он попытался улыбнуться, и Сэм подумала о крокодилах. — Он пойдет прямо к ней, если не будет знать об этом. «Туда, где ты сможешь коснуться Того-который-есть, как и мы», так сказала программа-мачеха. Я прав?

!Ксаббу какое-то время задумчиво глядел на него, потом пожал плечами.

— И как мы это сделаем?

— Мы должны найти следующую реку. Тут есть точки пересечения и связи, похожие на ворота, которые мы встроили в систему Грааля. Остальное предоставьте мне.

— А откуда ты знаешь, что сказала мачеха? — внезапно спросила Сэм. — Ты же не слышал ее. Ты ушел в себя.

Лицо Жонглера превратилось в маску.

— Ты уже говорил с Азадором, разве нет? — сказала она, отвечая на свой собственный вопрос. — Что-то нашептал ему в ухо.

— Он не верит вам, — холодно сказал Жонглер. — Он несчастен, и чувствует себя так, как будто вы *заставили* его прийти сюда.

— Ого, и теперь ты его лучший друг? Он хотел убить всех людей Братства Грааля. Ты, случайно, не упомянул, что кое-что сделал для него?

!Ксаббу положил руку ей на плечо. Азадор, смутно видневшийся сквозь туман, накрывший траву, повернулся и посмотрел на них.

— Тише, Сэм, пожалуйста.

Какое-то мгновение казалось, что Жонглер ответил какой-нибудь яростной тирадой, потом шторм, бушевавший внутри его, успокоился или был подавлен.

— Неужели важно, что он на самом деле думает обо мне. Он нам нужен. Это часть сети — и возможно вся сеть — умирает. Ты сама сказала, девочка, что я был бесполезен. Возможно, хотя твоя отсутствующая подруга могла бы вспомнить, что на горе я спас ей жизнь. Разве я не могу что-нибудь вложить в общее дело? — Он посмотрел на нее холодным ясным взглядом. — Неужели, если я попытаюсь, пострадает что-нибудь еще, кроме твоей гордости?

Сэм не могла сдержаться и с вызовом посмотрела на него. В скованной позе Жонглера было что-то странное, неуравновешенное и неприятное. «Он стал веселее с тех пор, как мы идем за Азадором,— подумала она.— Быть может он понемногу становится похож на человека, вроде того?»

Она в этом сомневалась, но, несмотря на то, что не любила и не доверяла этому человеку, не нашла что возразить.

— Мне кажется, мы должны сделать… что-то. — Она взглянула на !Ксаббу на маленький человек почти не отреагировал, только слегка кивнул.

— Хорошо. — Жонглер с силой хлопнул ладонями. По поляне разнеслось гулкое эхо. — Тогда пришло время выходить.

— Минуту, — сказала Сэм. — В фургоне, в котором я спала, осталось много брошенной одежды. Как я понимаю, будет темно и холодно, и я хочу найти что-нибудь теплое.

Жонглер не улыбнулся, за что Сэм уже была ему благодарна, но одобрительно кивнул.

— Хорошая мысль, но поторопись. — Он посмотрел на собственный саронг из листьев и тростников. — У меня давно не было тела и мне не нравится, когда его царапают всякие колючки и ветки. Я тоже подберу себе одежду.

Хотя вся одежда в фургоне Сэм была ярко раскрашенная и даже кричащая, в одном из других фургонов Феликс Жонглер сумел подобрать себе обшарпанный серый костюм и белую рубашку без воротника. Сэм подумала, что так он выглядит как проповедник или гробовщик из сетевого Запада.

Поддавшись моде, !Ксаббу выбросил свой лиственный килт и надел штаны, чуть-чуть более темные, чем его золотая кожа, но на этом остановился.

Сэм внимательно оглядела голубые сатиновые штаны и гофрированную юбку, которую она выбрала — самое лучшее, что она смогла найти, и которые никогда бы не надела дома. «Мы выглядим как в последнем ряду самого унылого шествия государственных служащих».

Тихий разговор с Жонглером вероятно примирил Азадора с планом старика. Какие бы чувства не бушевали внутри его, он не дал им выйти наружу и повел своих спутников прочь от поляны с разноцветными фургонами. Сэм не могла не бросить печальный прощальный взгляд на призрачные повозки, уплывавшие вдаль по туманной траве. Как удобно было спать в фургоне, маленьком и уютном. Вряд ли еще представится такая возможность.

Азадор вывел их на длинную узкую тропу, вившуюся по лесу, и они шли по ней вплоть до полудня, почти ничем не отличающегося от утра. Свет остался слабым и рассеянным, в лесу царил туманный полумрак. Несколько слабых лучиков, похожих на огоньки умирающего костра, дрожали на верхушках деревьев, но не добавляли ничего с серому холодному миру.

Сэм так надоело тащиться через мокрый темный лес, что она уже была готова заорать, лишь бы не слышать звук падающих капель или их собственных шаркающих шагов, когда Азадор остановил их.

— Река, — сказал он безразличным голосом, указывая в просвет между деревьями. Серая вода не сверкала и казалась не живым потоком, а отметкой жирного серого карандаша. — Но даже если я найду мост, мы просто перейдем в другую страну, очень далекую от центра, в котором находится Колодец.

— Я подозреваю, что когда ты нашел последний мост, мы были очень далеко от Цыганской ярмарки, — сказал

Жонглер. — Быть может за мостом была совсем другая страна. Я прав?

Азадор казался усталым и растерянным.

— Быть может. Не знаю.

— Ты нашел Цыганскую Ярмарку только потому, что хотел ее найти. Точно также, как ты нашел дорогу, выведшую нас из леса. Я прав?

Азадор покачнулся, поднял руки и закрыл ими лицо. — Мне так трудно вспоминать. Я потерял все.

Жонглер взял его за руку. — Я поговорю с ним наедине, — сказал он Сэм и !Ксаббу. Старик оттащил Азадора немного в сторону, вдоль склона холма, подальше от их ушей, и наклонился к самому лицу цыгана, как будто хотел заставить непослушного ребенка выслушать себя; Сэм даже решила, что сейчас он возьмет Азадора за подбородок и заставит поглядеть на себя.

— Почему бы ему не поговорить с ним здесь, перед нами? Я не доверяю ему, а ты?

— Конечно и я не доверяю, — сказал !Ксаббу. — Но в нем есть что-то особенное. Ты видишь?

— Да, — согласилась Сэм. Они молча смотрели, как Жонглер закончил свою речь и привел Азадора обратно к ним.

— Сейчас мы собираемся найти мост, — ровным голосом сказал Жонглер. Азадор казался пораженным и истощенным, как тот, кто пытается спорить, заранее зная, что проиграет. Он посмотрел на Сэм и !Ксаббу так, как будто никогда не видел их раньше, повернулся и начал спускаться по довольно крутому, лесистому склону холма.

— Что ты рассказал ему? — между вздохами спросила Сэм.

— Как надо думать, — кратко ответил Жонглер.

Они вышли из деревьев на откос, нависший над рекой. Азадор остановился, с безвольно свисавшими руками, и, открыв рот, уставился на мост.

— Мама моя родная, — сказала Сэм, тяжело дыша. — Он опять нашел его.

Мост, сделанный из хилого дерева и накрытый чем-то вроде крыши, скорее напоминал маленький дом, протянувшийся через темную плоскую реку. Через висевший над рекой туман она видела место, где мост касался земли, но теперь она знала лучше и не думала, что лесистые холмы, как две капли воды похожие на тот, на котором они стояли, их настоящая цель.

Подойдя к Азадору они обнаружили, что тот стоит, закрыв глаза.

— Я не хочу пересекать мост, — тихо сказал он.

— Глупости, — сердито сказал Жонглер. — Разве ты не

хочешь найти свой народ? Ты же собирался сделать то, что Тот-который-есть хотел от тебя.

— Там мой конец, — жалобно сказал Азадор. — Как и было предсказано. Я это чувствую.

— Ты чувствуешь свой собственный страх, — ответил Жонглер. — Нельзя ничего добиться, если не преодолеешь свой страх. — Он поколебался, но все-таки положил руку на плечо Азадора — более или менее человеческой жест, который удивил Сэм чуть ли не больше, чем напугал цыгана. — Пошли, Ты нужен нам. И я уверен, что твой народ тоже нуждается в тебе.

— Но?..

— Даже смерть можно обмануть, — сказал Жонглер. — Разве я не рассказывал тебе об этом?

Азадор покачнулся. Сэм почти видела, как он слабеет. Она даже спросила себя, а хочет ли она, чтобы он сдался?

— Очень хорошо, — со вздохом сказал он. — Я пересеку реку.

— Настоящий мужчина. — Жонглер сжал плечо Азадора. Старик казался возбужденным, даже взволнованным, но Сэм никак не могла понять, почему. Ее недоверие опять вспыхнуло ярким пламенем, но Жонглер уже вел Азадора на мост.

Сэм и !Ксаббу пошли в нескольких шагах сзади. Через минуту они очутились под крышей моста. Там царила такая темнота, что полумрак, оставшийся снаружи, казался по сравнению с ней светом яркого полдня. Сэм обнаружила, что ее физически тянет к единственной точке серого света, трепетавшей далеко впереди них, другому концу моста. Ее шаги эхом отдавались в маленьком тесном пространстве. Мост под ней опасно скрипел.

— Погоди, — сказала она. — Если это свет с другого конца моста, почему мы не видим перед собой Жонглера и Азадора?.. ! Ксаббу? — Она остановилась. — !Ксаббу?

Она не слышала ничего, кроме тяжелых ударов сердца и мягкого потрескивая деревянного настила моста под ногами. Темнота, близкая и тяжелая, сгустилась вокруг нее, как живая. Она вытянула руки в стороны, в поясках стен моста, но пальцы нащупали только холодный воздух. В панике она пошла вперед, или, по меньшей мере, туда, где был перед — сначала медленно, но ее осторожные шаги быстро превратились в бег трусцой, а потом в опасный стремительные бег.

И прямо в объятия чего-то, сильного, как боль, и холодного, как сожаление.

Оживший страх сжал ее огромным темным кулаком. В долю мгновения смертельный холод зарылся в нее, замораживая все тело несуществованием, пока от нее не осталось ничего, кроме крохотного мерцающего огонька — мысли, дыхания, сражающего

против все побеждающей пустоты.

«Я уже чувствовала все это раньше — в храме посреди пустыни. Но я не помню как… как плохо!..»

Она была не одна. Каким-то образом она чувствовала !Ксаббу и даже Жонглера, как если бы от нее к ним тянулся через темноту ненадежный и исчезающий канал связи — !Ксаббу тонул в пустоте, Жонглер кричал в тенях, хватаясь за темноту, как если бы пытался придать ее более подходящую форму; но это был только проблеск, мгновение. Потом все остальные исчезли, и она осталась одна, умирающая искорка.

«Дай мне уйти»,— подумала она, но вокруг не было ничего, что могло услышать ее или хотело услышать.

Сила, которая держала ее, начала сжиматься сильнее, потом еще сильнее, пустота обхватила ее и утащила вниз…

Это оказался парк около их старого дома — место, которое она не видела много лет, но чьи качели и горки были так же знакомы, как собственные руки. Она сидела на траве на краю детской площадки, солнце ярко сияло, и ее голые, загорелые до черноты ноги, видневшиеся из кучи бледного песка, походили на обломки кораблекрушения, торчащие из замерзшего океана.

Рядом с ней сидел Орландо. Не герой-варвар Орландо, или даже не высохший сморщенный ребенок, которым она иногда представляла его себе в самых мрачных мыслях с тех пор, как узнала о его болезни, но тот Орландо, которого она однажды придумала — темноволосый подросток с тонким серьезным лицом.

— Он не хочет тебя, — сказал Орландо. — На самом деле он вообще больше ничего не хочет.

Сэм уставилась на него, пытаясь вспомнить, как она оказалась здесь. И вспомнила только то, что Орландо мертв, и, значит, не слишком-то вежливо с его стороны являться к ней.

— Я думаю, что тебе лучше уйти, если сможешь, — продолжал он, потом наклонился и вывал из земли длинную травинку.

— Уйти?..

— Туда, где ты была. Он не хочет тебя, Сэм. Он не понимает тебя. Я думаю, он уже перестал пытаться.

Земля содрогнулась — тихонько, но Сэм ягодицами чувствовала, что кто-то ударил по миру, очень сильно, хотя и далеко от того места, где они сидели.

— Я боюсь, — сказала она.

— Конечно боишься. — Он улыбнулся. Именно такой перекошенной улыбкой, которую она себе всегда представляла. — Я бы тоже боялся, если бы был жив.

— Значит ты знаешь?..

Он поднял травинку и сдул ее с пальцев.

— На самом деле я не здесь, Сэм. Если бы я был здесь, то называл бы тебя «Фредерикс», верно? — Он засмеялся. Его рубашка, на которую она не могла глядеть без жалости, была застегнута не на те пуговицы. — Ты говоришь сама с собой, знаешь ли.

— Но откуда я знаю, что… что он думает?

— Потому что ты внутри его, сканмастер. Мне кажется, ты можешь сказать, что проникла в его сознание, в его сны. И сейчас это далеко не самое лучшее место.

Почва опять содрогнулась, на этот раз более отчетливо, как если бы то, что было под ними, обнаружило, что связано и попыталось порвать веревки. Качели стали медленно раскачиваться.

— Но я не знаю, как уйти! — сказала она. — Я ничего не могу сделать!

— Всегда можно что-то сделать, — возразил он с печальной улыбкой. — Даже если этого недостаточно. — Он встал и стряхнул пыль с коленей. — Я должен идти.

— Только скажи, что делать!

— Я знаю то же самое, что и ты, — объяснил он, потом повернулся и пошел сквозь траву и зеленое поле, намного больше того, которое она помнила. Несколько мгновений его слегка нескладная фигура уменьшалась, пока она не прочувствовала, что может вытянуть руку и схватить его.

— Но я не знаю ничего! — крикнула она.

Орландо обернулся. Потемнело, солнце скрылось за облаками, она с трудом видела его.

— Он боится, — сказал Орландо, серьезно глядя на нее. Почва закачалась, Сэм слегка подбросило в воздух, но Орландо не шелохнулся. — Запомни, он по-настоящему боится.

Она попыталась броситься за ним, но земля под ее ногами начала проваливаться, и она не могла ступить и шагу. Какое-то мгновение она думала, что может удержать равновесие и схватить его прежде, чем он исчезнет — она всегда быстро бегала, а он, разве он не был калекой, в конце концов? — но нечто, огромное и черное, появилось из-под поверхности мира, пробив рассыпающуюся землю как кит, выскакивающий из темных глубин океана, и Сэм бросило в опадающую, рушащуюся бездну.

Наконец она сообразила, что быстрый скрип, резавший уши — это ее собственное испуганное дыхание. Она почувствовала, что лежит, вся в грязи. Она не хотела глядеть, боясь, что увидит нечто, смотрящее на нее, такие же большое, как и Создатель.

Рядом с ней кто-то тяжело вздохнул, и она рискнула открыть глаза.

Она лежала на спине под лилово-серым небом, еще более мрачным чем то, что протянулось над лесом. Земля под ней казалась достаточно твердой и настоящей. Они находились на склоне, окруженном холмами, выглядевшими как корона из черных гор, без малейшего зеленого пятна.

Сэм села. !Ксаббу лежал рядом с ней, упершись лицом в землю, его грудь поднималась и опускалась так, как если бы у него был инфаркт, горло душили рыдания. Она подползла к нему и обняла обеими руками.

— !Ксаббу, это я! Сэм. Поговори со мной!

Рыдания стали тише. Она почувствовала, как его небольшое тело вздрогнуло под ее руками. Наконец он успокоился и повернулся к ней с мокрым от слез лицом. Какое-то мгновение он, казалось, никак не мог понять, кто она такая.

— Прости, — сказал он. — Я подвел тебя. Я никто.

— О чем ты говоришь? Мы живы!

Он уставился на нее, потом тряхнул головой.

— Сэм?

— Да, Сэм. Мы живы! Боже мой, я не думаю… не знаю… но я сделала, и я совершенно забыла, как это больно. Мы были в храме, вместе с Орландо, то же самое… — Тут она сообразила, что !Ксаббу глядит на нее, не понимая ни слова из ее болтовни. — Не имеет значения. Я так счастлива, что мы здесь. — Она горячо обняла его, потом помогла сесть. На ней все еще была позаимствованная цыганская одежда, как и на нем. — Но где мы?

Прежде, чем он ответил, они услышали крики снизу. Поднявшись на ноги, они осторожно спустились вниз по темной обваливающейся земле и нашли Феликса Жонглера, лежащего на склоне маленького холма. Он лежал на боку, с закрытыми глазами, и извивался, как уж на сковородке.

— Нет, — выдохнул старик, — ты не можешь!.. Птицы… птицы улетят!..

!Ксаббу неуверенно протянул руку и коснулся его, глаза Жонглера резко открылись.

— Она моя! — крикнул он, замахиваясь на них. — Она… — Он остановился, его лицо сморщилось. Какое-то мгновение он глядел на !Ксаббу и Сэм, сбросив с себя защитную маску, глазами загнанного, отчаявшегося животного. Потом маска вернулась на место. — Не трогай меня, — проворчал он. — Никогда не трогай меня…

— Я нашел! — крикнул Азадор.

Они повернулись. Он поднимался к ним по склону холма, пригибаясь к земле на крутом подъеме. Потом он поднял голову, его лицо светилось от изумленной улыбки.

— Ты был прав. Пошли, сам увидишь.

Сэм поглядела на !Ксаббу, который пожал плечами и кивнул. Жонглер, с холодной решимостью, встал на ноги, без их помощи, и они все вместе пошли вслед за Азадором.

Через несколько минут они смогли заглянуть за последний из маленьких холмов и увидели чашеобразную долину. Окруженная кольцом холмов, она более чем напоминала вершину черной горы, но вместо огромной связанной фигуры в ее центре находился чудовищный кратер, наполненный черной водой и странным приглушенным светом. Вокруг него клубились фигуры, слишком далекие, чтобы можно было рассмотреть подробности.

— Что… что это? — наконец спросила Сэм.

— Колодец, — торжествующе сказал Азадор. Он повернулся и так сильно хлопнул Жонглера по плечу, что почти сбил с ног. — Ты был прав! Ты мудрый, очень мудрый человек. — Он повернулся и вытянул руку. — Вы видите их, а? Все дети Того-который-есть, все собрались там. И все ромале, тоже. Мой народ!

И как если бы ему надоело ждать своих медлительных спутников, Азадор раскинул руки и помчался с холма на равнину, оставив Сэм и остальных потрясенно глядеть вниз.

ГЛАВА 32
Плохой Дом

СЕТЕПЕРЕДАЧА/РАЗВЛЕЧЕНИЯ: Джикси сглазил Джингла

(изображение: выдержка из передачи о Веселой Вечеринке)

ГОЛОС: Создатели и актеры популярного детского шоу «Дядюшка Джингл» начали спрашивать себя, что происходит с компанией. Серия странных происшествий привела некоторых из них к мысли, что кто-то сознательно вредит «Оболос Энтертейимент», продюсеру шоу. Подозрения пали на шотландскую фирму «ВиВин», производителя детских игрушек, акции которой принадлежат главным образом Криттапонг Электроникс. За последние несколько недель сам Дядюшка Джингл несколько раз исчез на середине представления, другие фигуры переставали вписываться в виртуальную среду, а некоторые интерактивные персонажи были прерваны неожиданными шумами, которые один из участников назвал «стонами, ревом и даже плачем».

(изображение: представитель компании Сигурд Фоллинжер)

ФОЛЛИНЖЕР: «Разве может быть простым совпадением то, что все эти атаки начались сразу после того, как мы совершенно обоснованно обратились в суд, чтобы защитить нашу интеллектуальную собственность. Скажем так, мы сомневаемся в этом. Мы очень сильно сомневаемся в этой теории.»

Тики сновали вокруг основания растительной башни, дюжины и дюжины бледных теней, в вечерних сумерках похожих на червей, ползающих в гниющем мясе. Рени, помня, как некоторые из них разорвали кролика, не могла смотреть на них без тошноты.

Она отошла от окна.

— Мы должны выбраться отсюда до того, как наступит рассвет — если он когда-нибудь наступит. — Она посмотрела на Рикардо Клемента, который все еще держал на руках странное деформированное тельце, которую Рени начала считать синюшным младенцем. — О чем думаешь? Как ты попал сюда?

Клемент упорно не смотрел ей в глаза, и было трудно сказать, слышал ли он ее вообще. После долгого молчания он заговорил.

— Мы шли. Я шел. Ногами.

— Да, ногами. — Рени разозлилась сама на себя за крик, но поскольку она никак не хотела быть таким же желеподобной и бесчувственной, как он, она даже гордилась своими слезами. — Почему эти твари не съели тебя?

Клемент не ответил. Синюшный младенец время от времени махал маленькими ручками и сучил исковерканными ножками. Клемент держал его как кусок камня или дерева и, несмотря на кошмарную внешность ребенка, ей почти хотелось забрать его у Клемента и побаюкать его по-человечески. Вместо этого она отошла и села около Каменной Девочки.

— Как ты?

Малышка покачала головой.

— Боюсь.

— Я тоже. Нам нужно уйти отсюда, тогда дела пойдут лучше. — «Вот если бы кто-нибудь соорудил из листьев и ветвей автомат или огнемет и предусмотрительно оставил мне». Мысль об огнемете зацепила ее. — Интересно, как они видят на самом деле, — сказала она вслух. — У них тот же видимый спектр что и у нас, или они еще используют и инфракрасное излучение?

Каменная Девочка печально посмотрела на свои короткие толстые пальцы.

— *Инфракрасное излучение*? Что это?

— Долго объяснять. — Рени сунула руку за свой самодельный лифчик и вытащила зажигалку. — Но я думаю, что это вся эта зелень может гореть.

Вот теперь Каменная Девочка посмотрела на нее, широко открыв глаза.

— Ты хочешь устроить пожар? Это очень опасно!

Рени, несмотря на все свои страхи, болезненно и хрипло рассмеялась.

— Иисус милосердный, ребенок, мы окружены этими плотоядными ползучими гадами, ждем конца света, а ты беспокоишься о том, что я сделаю что-то опасное?

Подчиняясь порыву, она наклонилась и поцеловала Каменную Девочку в верхушку ее круглой холодной головы.

— Что б ты была здорова. А теперь помоги мне увидеть, не найдется ли среди этих листьев и сучьев чего-нибудь сухого.

Прогнав девчонку для того, чтобы занять ее чем-то — она сама точно сделала бы все быстрее — Рени не могла не вспомнить Стивена. За эти годы Рени выдержала множество битв,

вместе с ним делая даже самые элементарные домашние дела, на что уходило вдвое или даже втрое больше времени, чем если бы она сделала их сама, но она твердо решила, что по меньшей мере ее брат не вырастет человеком, который считает, что за него все и всегда будет делать женщина.

«Как мой отец, например». И тут же вспомнила те дни, когда она, еще ребенок, видела, как Джозеф Сулавейо приходит домой с работы, усталый, потный, с натруженными мышцами. «Когда-то он тяжело работал,— вынуждена была согласиться она.— Пока не сдался».

— Рени, это сухой? — спросила Каменная Девочка.

— По моему достаточно коричневый, — сказала она, прищурившись. Свет от цветка на потолке был намного слабее, чем от газа. — Разорви его на куски и начинай делать кучу.

Растительность в Тут Во Кусты оказалась настолько живуча, что только через час упорной работы Рени и ее маленькая подруга сумели собрать достаточно сухих листьев, чтобы сделать кучу высотой по колено. Но даже и в ней было больше зеленой краски, чем коричневой. Рикардо Клемент время от времени глядел на них, нелюбознательный, как корзина со стиркой. И не предлагал помочь.

— Если это сработает, — сказала ему Рени с некоторым возмущением, — предполагается, что ты не остаешься сидеть здесь — если не хочешь поджариться, как картошка.

Клемент опять посмотрел в сторону. Синюшный Младенец повернул к ней слепое лицо, как если бы хотел возместить незаинтересованность своего опекуна.

— Дай-ка мне этот большой лист, — сказала она Каменной Девочке. — Неважно, что он зеленый — да, этот. Я буду использовать его как веер, чтобы раздувать огонь. — Рени присела перед кучей изорванных листьев. — Ну, пожелай мне удачи.

— Удачи, — серьезно сказала Каменная Девочка.

Рени зажгла зажигалку и поднесла ее к самому сухому листу, который смогла найти. С облегчением она увидела, как край листа почернел, потом появился легкий дымок. Она держала руки чашечкой вокруг него, защищая от легкого ветерка, дующего из окна, пока не разгорелось настоящее маленькое пламя, потом начала брать один за другим листья из кучи и бросать их в крошечный огонь. Через какое-то время она сообразила, что ей слишком жарко. Тот лист, с которого она начала создавать огонь, похожий на лист плюща и такой же большой и морщинистый, как ухо слона, начал завиваться и чернеть.

— Через несколько минут мы должны побежать на

следующий мост, — сказала она Каменной Девочке.

— Тики догонят нас!

— Нет, если не сразу поймут, что происходит — у нас будет хорошая фора. Но мы должны бежать прямо на мост. Ты сказала, что он недалеко.

— Мы не сможем перейти через мост.

— Что? О чем ты говоришь? Я уже спрашивала тебя и ты сказала, что это сработает — мы сможем пересечь реку! — Огонь, хотя еще и сдержанно, уже начал лизать низкий потолок. Занавеска, похожая на орхидею, начала чернеть и сворачиваться на концах. — Я даже не знаю, сможем ли мы остановить огонь. Почему мы не сможем пересечь реку?

— Мост приведет нас в Плохой Дом Жинни.

— Не имеет значения. Я уверена, что там очень страшно, но если мы останемся здесь, Тики в конце концов заберутся сюда и убьют нас.

— Я не хочу идти в Плохой Дом.

— Не спорь, я не оставлю тебя одну. — Она встала и взяла длинный упругий стебель, который приготовила заранее. — А теперь давай в окно, через которое мы пришли. — Рени повернулась к Клементу. — Ты тоже. Время убираться отсюда.

Клемент долгое мгновение глядел на нее, потом встал. Рени опять повернулась к огню. Стеблем она толкнула потемневший лист к стене башни, противоположной окну. Куски пылающих листьев падали сверху и гасли, не в состоянии зажечь темную мокрую траву, листья на стене начали чернеть и морщиться.

— Мы уйдем за несколько минут до того, как станет слишком жарко, — сказала Рени, поворачиваясь, и, изумленная замерла. В маленькой зеленой башенке осталась только Каменная Девочка. — Где Клемент?

— Он вышел вот сюда. — Девочка показала на отверстие на нижнем уровне.

— Иисус Христос! Эти твари его съедят. — Рени шагнула к ежевичной лестнице, горящие листья уже вовсю слетали со стен, в башне повисло дымовое одеяло. У них оставалось всего несколько секунд. Стены горели по настоящему, стало настолько жарко, что даже живые растения вспыхивали как соломенные. Рени заколебалась. Каменная Девочка глядела на нее огромными, наполненными страха глазами. Кто такой Клемент? Убийца и чудовище. Быть может новая версия немного более терпимая, но разве она может рисковать жизнью ребенка ради того, чтобы спасти Клемента от собственной глупости?

Огненная полоса прорезала пол, думать больше некогда.

— Наружу, на лозы, — сказала она Каменной

Девочке. — Быстрее.

Рени залезла на подоконник и вылезла наружу. Найдя место, где можно было более-менее надежно стоять, она помогла ребенку забраться к себе на плечи.

— Держись крепче, — сказала она. — Я должна спуститься немного вниз.

К тому времени, когда голова Рени оказалась ниже подоконника, комната за ней уже ярко горела; пламя разломало потолок и выело несколько дыр в стенах. Наконец Рени почувствовала под ногами первую лозу. После некоторых попыток она нашарила голой ступней еще одну лозу, пониже, и встала на нее, держась за первую руками. Каменная Девочка осторожно слезла на более нижнюю извилистую веревку, и они обе закачались над темнотой и суетящимися Тиками.

— Через минуту вся башня будет в огне, — прошептала Рени, — так что нам надо уходить. Если нам повезет, пламя перекинется на этих тварей и отвлечет их — быть может даже убьет некоторых, если совсем повезет!

Они осторожно отошли метров на двадцать от башни, верхушка которой превратилась в горящий факел, ветер срывал с нее искры и осыпал ими все вокруг. И тут Каменная Девочка дернула одеяло Рени.

— А что будет, когда она упадет? — спросила она.

— Шшшш! — Рени пыталась остановить опасное раскачивание, которое началось после того, как ребенок дернул ее. Мигающий красный свет, лившийся из растительной башни, освещал все вокруг, и их в том числе, и она боялась, что кто-нибудь может заметить их. — Я уже говорила тебе! Пожар, суматоха, дым, огонь — все это должно будет отвлечь всех этих чудовищ, и мы убежим.

— Но и все лозы упадут, верно?

Рени замолчала, все еще раскачиваясь из стороны в сторону.

— Черт побери!

— Ты сказала плохое слово!

— Боюсь, я еще много чего скажу. Разрази меня гром, разве можно быть такой глупой? — Она изо всех сил заскользила по лозе. Она сообразила, что они вообще сумели уйти так далеко только потому, что огонь распространялся вверх намного быстрее, чем вниз, к тому месту, где лозы выходили из башни.

Рени посмотрела на землю под ногами, прикидывая, куда они упадут, когда лозы ослабнут, и у ней возникло ощущение, что все белые твари собрались прямо под ними, сплетаясь и расплетаясь на ежевике как дельфины, сопровождающие корабль.

— Быстрее, — прошипела она Каменной Девочке. — Если

будет слишком тяжело, лезь ко мне на плечи.

Началась гонка наперегонки с огнем, и Рени очень хотелось, чтобы у нее было время изучить это переплетение лоз, прежде чем лезть на него. Каждая лоза отстояла от другой достаточно далеко, но не всегда одна над другой: случалось, однажды они сумели пройти около дюжины метров по одной лозе, используя вторую как перила, пока эта вторая не стала ниже первой. Каменной Девочке опять пришлось забраться на спину Рени, потому что расстояние между лозами иногда становилось слишком большим.

Что-то зажужжало и треснуло у подножия башни, и нижняя лоза угрожающе провисла. Она еще держалась, и Рени даже могла стоять сравнительно прямо, но внезапно лоза очень ослабла. Рени взглянула назад и увидела на месте верхушки башни столб пламени, бивший в небо на дюжину метров, потом огромный горящий факел покачнулся и начал падать. Кто-то или что-то услышало ее панические мольбы, потому что он упал далеко от переплетения лоз, на которых стояли она и Каменная Девочка, но вся система содрогнулась. Лозы стали прыгать как оборвавшиеся струны, и Рени пришлось вцепиться обеими руками в верхнюю и повиснуть на ней, сохраняя равновесие, а Каменная Девочка, сидевшая на плечах, закачалась и едва не упала.

У них оставалось всего несколько секунд, и Рени молча выругала себя за то, что выбрала самые длинные лозы. Она хотела оказаться как можно дальше от башни прежде, чем придется спускаться на землю, но сейчас отчаянно хотела, чтобы поблизости была крыша, на которую можно прыгнуть. Она сосредоточилась на ходьбе, стараясь видеть каждый будущий шаг в неясном мигающем свете. Каменная девочка, тихонько всхлипывая, крепче схватилась за нее.

В следующее мгновение она почувствовала, что верхняя лоза натянулась под ее рукой, как если бы по ней кто-то сильно ударил. Рени мгновенно отпустила ее.

— Держись! — крикнула она и повисла, ухватившись руками и ногами за нижнюю лозу. Вес ребенка тянул ее вниз, но Рени намертво вцепилась в лозу, как и Каменная Девочка. Пока они болтались спиной вниз, верхняя лоза со страшным треском лопнула, и мгновением позже оторвавшийся конец, похожий на бич из красной бычьей кожи, пронесся мимо, улетая от упавшей башни. Рени почувствовала, как он больно хлестнул ее по пальцам.

«Могла бы лишиться головы,— промелькнула мысль. Мимо просвистел со скоростью пули еще один гибкий кабель.— Надо падать, с ужасом поняла она, иначе…»

На этот раз времени на предупреждение не было. Рени разжала пальцы, и тут же там, где она висела, ударила еще одна лоза. Они, крутясь, падали вниз, и вокруг шипели лозы, проносясь мимо.

Они приземлились во что-то вроде густых кустов, но Рени все равно почувствовала, что из нее вылетел весь воздух, как будто ее ударила гигантская рука. Долгое мгновение она не могла вздохнуть, и только лежала, уткнувшись лицом в колючие листья.

Наконец она сумела с трудом встать на ноги, и увидела, что упавшая горящая башня превратилась в огромный костер метров в пятьдесят в ширину, усики огня уже тянутся к окружающей его растительности. Некоторые Тики, застигнутые врасплох, вспыхнули — она видела горящие тела, извивающиеся на земле — но большая часть взволнованной массой окружила огонь.

Каменная Девочка застонала.

— Как ты? — прошептала Рени. — Ничего не сломала? — Малышка вроде была способна ходить, но не встала. Рени наклонилась, взяла ребенка в руки и выпрямилась. — Куда? — Каменная Девочка простонала опять и показала дорогу. Рени побежала.

Бежать было трудно, тем более в темноте, под ногами было много самых разных растении и мало твердой земли, ежевика, лозы, корни деревьев были повсюду, хватали за ноги, тянули к ней кровожадные пальцы. Через несколько сотен метров Рени поняла, что дальше бежать не в силах, дыхания не было, порезы на ногах болели. Она остановилась, посадила ставшую такой тяжелой девочку на пружинистые листья и посмотрела назад. К счастью, растерянные Тики все еще кружились вокруг быстро распространяющегося огня, и ни одного поблизости не было.

— Ты можешь идти? Я больше не могу нести тебя.

— Я… может быть могу. — Малышка встала. — Мне кажется, я повредила ноги.

— Просто попробуй. Если ты не сможешь, я попробую понести тебе. Нам надо торопиться. Я не знаю, насколько огонь отвлечет их.

Они зашагали, торопясь уйти как можно дальше от огня. Поцарапанные ноги Рени жгло как огнем, но она перестала обращать на них внимание, потому что все равно ничего нельзя было сделать. «Беги или умри,— подумала она.— Как всегда, начиная с того мгновения, как мы вошли в эту чертову сеть». — Мы идем туда, куда надо? — спросила она ребенка. — Ты можешь сказать?

Каменная Девочка, не отвечая, упорно брела вперед. Рени оставалось только доверять ей.

Быстрый взгляд назад, и по ней пробежала волна ужаса: на этот раз она точно увидела за собой бледные тени. Она понятия на имела, могут ли Тики идти по следу, или даже вообще те ли это твари, которые окружали башню, но все это будет неважно, если они подойдут достаточно близко и увидят ее или девочку. Она никогда не сможет обогнать этих бледных монстров — она уже видела их потрясающую скорость.

Из темного кустарника за ними появился какой-то силуэт. Рени тревожно вздохнула, опустилась на колено и бросила Каменную Девочку лицом вниз на землю. Она отчаянно зашарила вокруг руками, пытаясь найти что-нибудь, что можно использовать как оружие — она уже знала, что оружие здесь бесполезно — но ожидаемой атаки не последовало.

У тени перед ней оказалось лицо.

— Клемент! Как ты… тебя не!.. — Мастер Грааля все еще держал в руках странного синего младенца, хотя и почти не видимого в ночи. — Они за нами, — сказала Рени. — Я видела их. Тебе надо бежать, как и нам.

— Я… жду.

— Чего? Что тебя съедят?

Клемент покачал головой.

— Я не знаю… правильное ли это место. Я… мы… не чувствуем….

Рени вскочила на ноги, и подняла тихо плачущую Каменную Девочку.

— Нет времени. Делай что хочешь, черт тебя побери. — Он взяла малышку на руки, странное отражение Клемента и его безобразного младенца, и опять побежала.

Через какое-то время Рени поглядела назад, уверенная, что увидит белых гигантских червей, преследующих их, и не увидела ничего, кроме бесконечной растительности. Она уже не доверяла собственным глазам. Легкие горели. И казалось невозможным поверить в то, что на свете есть что-нибудь другое, кроме бега через этот бесконечный кошмарный мир.

Она пошла шагом, тяжело поднимаясь по длинному склону, отсюда пожар в городе казался маленькой огненной монеткой в черной ночи, и тут Каменная Девочка внезапно посильнее обхватила ее шею.

— Я чувствую его, — сказала малышка. — Мы почти на месте.

По вершине холма бежала высокая стена, сделанная из листьев, как и все остальное в Тут Во Кусты. Рени остановилась и оперлась на нее, отчаянно пытаясь вдохнуть в грудь новый воздух, прежде чем перелезать через стену. Посмотрев назад, она увидела Клемента, медленно поднимающего на холм; он

находился в паре сотен метров от нее. За ним, быстро приближаясь, по траве скользили полдюжины Тиков, похожие на бледные искры. Она видела их совершенно отчетливо. Они двигались быстро и согласованно. Охотились ли они на Клемента, или на Рени и ее маленькую подругу, но они точно кого-то преследовали.

Рени неприлично выругалась. Она подняла маленькую девочку, ставшую втрое тяжелее, на верхушку изгороди, убедилась, что она держится и полезла сама. Она едва могла держаться прямо, но, неизвестно откуда, все-таки нашла силы для подъема.

Сверху она увидела благословленную реку, которая текла совсем рядом с подножием холма, ее черная вода змеилась среди бесконечной ежевики. Она оглянулась назад, и увидела, что Тики огибают яму у подножия холма, и уже почти догнали Рикардо Клемента. Взбираясь по склону вверх, как охотничьи собаки, они быстро догнали его, потом разделились, как если бы он был деревом на их пути. Не задержавшись ни на мгновение, они поскользили дальше, к тому месту, где Рени все еще сидела на верхушке стены, ошеломленная увиденным.

У нее оставалась время только для еще одного испуганного ругательства, потом она схватила Каменную Девочку, опустила ее достаточно низко, чтобы та сумела спрыгнуть на землю, потом спрыгнула сама и заскользила через колючие кусты.

— Где мост? — крикнула она. — Они прямо за нами.

Малышка вытянула руку, указывая путь немного в сторону по склону. Тики уже перелетали через стену, как пальцы тумана, катящие вниз со склона горы. Рени схватила ребенка на руки и помчалась изо всех сил.

К тому времени, когда они достигли линии густого кустарника, растущего вдоль реки, Рени уже слышала, как трещит трава под их преследователями.

— Там, — пропищала Каменная Девочка.

Мост оказался почти невидимым. Как и все в Тут Во Кусты, он был сделан из живых веток и листьев: из толстого ствола посреди реки влево и вправо протянулись живые арки. Рени пробежала последние несколько шагов и, с ребенком в руках, прыгнула на конец моста. Только тогда, когда вода была уже под ней, она рискнула обернуться назад.

Тики остановилась у берега реки, хотя точно знали, что она там. Они несколько раз пытались заползти на мост, но что-то держало их на берегу.

— Похоже мы в безопасности, — выдохнула Рени. — Кажется… нам надо что-то сказать… прежде, чем

переходить. Про… серого гуся?

— Я не хочу пересекать мост.

— Мы должны. Мы не можем вернуться назад — посмотри на этих тварей! Они нас ждут. — И при этом не хотят Клемента. — Пошли, — сказала она ребенку. — Все будет хорошо.

— Нет, не будет, — прошептала Каменная Девочка, но, сдавшись, пропела песенку про серого гуся. — Это Плохой Дом, — сказала она, закончив. — Мост приведет нас в Плохой Дом.

— Он не может быть хуже этого, — Рени повернулась к центру реки.

— Может, — сказала маленькая девочка. — Еще как может.

Ее не удивили туманы, которые поднялись, когда они оказались около середины пролета, не удивило и то, что река исчезла под ними и ее журчание стала тише неровного дыхания самой Рени, но внезапная темнота все-таки оказалась сюрпризом. Немногие далекие звезды резко мигнули и погасли, темное небо потекло вниз и накрыло мир чернильной тьмой. Потом первый силуэт того, что маленькая девочка назвала Плохой Дом Жинни появился из темноты, и Рени должна была признаться, что такого она совсем не ожидала.

Она наполовину ожидала что-нибудь в духе детских песенок — причудливый пряничный домик, возможно слишком большой или даже расползшийся на весь мир, как во вселенной Дома, акры зубчатого пирога с марципановой начинкой — но никак не ожидала невероятной странности Плохого Дома.

Формы не было. Она видела только странные серебристые вспышки, как будто луч света, вылетавший из неведомого источника, на мгновение рисовал изгибы и углы — тонкие полукруги и плоскости, которые появлялись и исчезали, как будто весь мир постоянно поворачивался. Все казалось вывернутым наизнанку, как если бы только что появившаяся иллюзия внешней формы в следующий момент — или может быть в тот же — сменялась почти невообразимой инверсией, развертывающейся в воображаемом пространстве любой ограничивающей стены. В этих вспышках чувствовалась даже округлая, неуловимая форма, парадоксально запечатанная и скрытная.

Она не только не видела моста под ногами, но и не чувствовала неровной растительной конструкции, на которой стояла еще несколько мгновений назад. Осталось только чувство моста, идея пространства между ней и… этим местом. Плохой

Дом. И туман становился все гуще.

Она сообразила, что больше не чувствует руки Каменной Девочки в своей.

— Где ты? — спросила она, — потом отчаянно крикнула: — Каменная Девочка? — Никто не ответил. Рени остановилась, даже отступила на несколько шагов, вытянула руки в стороны, пошарила ими в воздухе, ничего. Она прислушалась, сердце грохотала слишком сильно, и решила, что слышит детский плач — но не за собой, а далеко впереди.

Испуганная и пристыженная, Рени едва могла думать. Она привела девочку сюда, вопреки ее желанию, и потеряла ее. И она не могла отступить, несмотря на все инстинкты, требовавшие немедленно бежать обратно.

Она пошла вперед, в темноту. Плохой Дом открылся перед ней и сомкнулся вокруг нее. Они объединились.

Все это она уже испытывала раньше, но она оказалось в том, чего она никак не могла ожидать — ее сжала пустота, с такой силой, что, испугавшись, она почти сдалась в первое же мгновение. «Та самая ледяная хватка, которая, наверняка, убила старого хакера Сингха»,— подумала она, цепляясь за остатки рациональности. Она уже чувствовала ее раньше, чувствовала и выжила, и все равно, казалось, находилась в одном выдохе от полного уничтожения сознания, от смерти.

«Я внутри него, поняла она. Иного, операционной системы. Не в том, что он сделал — в нем самом!»

Понимание привело ее к еще более ужасной мысли, которая почти взорвала душевное равновесие, за которое она изо всех сил держалась. «Неужели это именно то, что он чувствует все время? Неужели весь этот ужас и означает… быть Иным?»

Как если ее открытие разбило совершенный черный кристалл, темнота распалась на куски и слегка отступила. Куски самым разных видений пронеслись сквозь нее, некоторые настолько быстро, что казались потоком лазерных лучей, пронзавших насквозь ее сознание, другие более материальные, даже показавшие себя, но только на мгновение, как если бы она попала во вселенную сломанных зеркал и видела отрывки из тысяч самых разных сцен.

И еще детские голоса, на сотнях языков кричавшие от страха и боли, и взрослые голоса, воющие от ужаса и гнева, перекошенные страхом лица, взрывы жестокого холода и обжигающей жары. Потом вспышки замедлились, стали более регулярными, как будто время и пространство вновь вернулись в свои берега. Она находилась в белой, ярко освещенной комнате. Глубокие голоса кричали, громко и непонятно, как рев могучего

водопада, гигантские искаженные лица давили на нее. Потом все содрогнулось, сама вселенная поперхнулась и захлебнулась рвотой, лица унеслись прочь, вопя и истекая кровью.

Голоса кричали. Белое и красное. Белые стены с красными кровавыми пятнами. Низкие лающие голоса взрослых, переходящие в крик. Кровь превращается в висящий в воздухе туман. Темные формы падают на пол и извиваются.

Рени оказалась внутри ужаса, тонула в нем, но он не был направлен на нее. Он просто был, и она казалась самой себе слабеющим пловцом, болтающимся в бушующем океане.

«Повисни на чем-нибудь,— сказала она себе.— Держись за что-нибудь. Палку, любую. Утонешь».

«Стивен».

Но в это безумное мгновение она никак не могла вспомнить, кто такой Стивен, кто он ей. Быть может он — одно из тех искаженных лиц, кричавших на нее?

«Мой брат. Маленький брат».

Она схватилась за эту мысль, бросила на нее весь свой вес, весь страх, бивший ее, всю темноту и кричащее безумие, колотившее ее. Она изо всех сил строила что-то — Стивена, с его блестящими глазами, коротко остриженными волосами и оттопыренными ушами, расхлябанной походкой, подражающей походке более взрослых подростков, отчего он выглядел еще более по-детски. Этот кошмар, замерзший ураган ужаса, схватил его. Это она не забудет никогда. Она не может это забыть.

«Я хочу, чтобы он вернулся обратно.— Если бы у нее был рот, она бы прокричала эти слова.— Я никогда не сдамся и не перестану его искать. Тебе придется убить меня, как ты убил всех остальных».

Темнота рухнула на нее ледяной лавиной, все образы исчезли, острия безумия заледенели, превратились в что-то более смертельное и намного более неумолимое.

«Стивен,— подумала она.— Я пришла сюда за ним. Он не твой. Мне не важно, кто ты такой, что они с тобой делали, как они построили тебя. Он не твой. Ни один из детей не принадлежит тебе».

Темнота давила на нее, пыталась заставить ее замолчать. Рени чувствовала, как исчезает, впутывая в себя холодное отчаяние, бесконечное, как путешествие через вселенную.

«Меня не остановить». Это была последняя мысль — ложь, жалкая похвальба, потому что все, чем она была... *останавливалось…*

И тогда темнота стала чем-то другим.

От нее осталось так мало, что долгое время она могла только лежать с зарытыми глазами, вытянувшись во весь рост, пытаясь не вспоминать, кто она такая или где находится, да и почему ее вообще должны заботить такие мелочи. И только звук далекого плача заставил ее вернуться к жизни.

Рени открыла глаза и очутилась в сером мире. Первое, что она отличила, оказалось вертикальной тенью, более темной по одну сторону от нее, чем по другую. Только через несколько секунд головокружения и размышлений, она наконец поняла, где находится.

Она лежала навзничь на узкой тропе из твердого камня, бегущей вдоль края каменной стены; тропа штопором вилась по черной горе, уходя как вверх, так и вниз. Но как будто для того, чтобы доказать, что любой из этих миров является извращением настоящего, эта тропа вилась вокруг внутренней кромки огромной круглой дыры: за тропой лежала огромная пустая чернота, но, как ей показалось, она различала на той стороне такую же стену.

«Яма,— подумала она.— Я на тропе, ведущей на дно какой-то громадной ямы».

«Колодец,— вспомнила она мгновением спустя.— Каменная Девочка говорила, что мы должны идти к Колодцу».

Откуда идет свет?

Рени посмотрела вверх и во мраке, высоко над собой увидела звезды, много звезд, целый круг, который, как она поняла, должен быть верхушкой ямы. Очень большой, широкий круг, и у ней на мгновение вспыхнула надежда, что он близко. Увы, надежда исчезла, как только она увидела далеко вверху другую сторону Колодца. Понадобится много часов, чтобы добраться до верхушки, даже если огромная дыра ближе к масштабам настоящего мира, а не к невообразимо высокой черной горе, на которой она уже была.

«Похоже, это и есть черная гора — только перевернутая, отраженная, верх стал низом… все наоборот…»— подумала она, но тут услышала приглушенный звук рыдания, плач маленького ребенка.

«Каменная Девочка. Она где-то ниже меня».

Рени попыталась встать, застонала, попыталась опять. Тело, казалось, стало мешком с водой, который может разлететься на куски от малейшего движения. А у шеи не было сил держать тяжелую голову.

Тем не менее с третьей попытки она встала на ноги. Тропа был неровной, но достаточно широкой, а странные туманные звезды давали достаточно света, и она могла идти сравнительно

безопасно.

Плач пришел опять, еще и еще. Рени похромала вниз, минуты сложились в час, и она уже начала бояться, что из-за какого-то акустического трюка она уходит от источника шума, который, на самом деле, находится выше ее. И только то, что сам Колодец, если это действительно был он, постепенно становился все уже, и стена напротив казалась все ближе после каждого круга удерживало ее от отчаяния.

Наконец, когда ее полностью истощенные тело и мозг были готовы сдаться, она нашла дно Колодца. Но до него было не добраться.

Тропа заканчивалась на каменной площадке, висевшей в десяти или пятнадцати метрах над основанием дыры; по грубому камню шелестел поток черной воды, покрытый пятнами приглушенного синего света. За этой маленькой рекой сидела, сгорбившись, маленькая фигурка.

— Это ты? — спросила Рени. Фигурка не посмотрела вверх. Со своего каменного гнезда Рени слышала тихий плач, призрачный и разрывающий сердце. — Каменная Девочка?

Маленькая фигурка не ответила. На мгновение Рени испугалась, что это очередная иллюзия, что она ошиблась, приняв валун на дне этого самого бессмысленного места в самой бессмысленной из всех вселенных за ребенка, потом опять послышался тихий плач, прилетевший из ниоткуда, такой жалостливый, что ей оставалось только лечь здесь, умереть и решить все проблемы, раз и навсегда. Потом ребенок посмотрел вверх.

Это был Стивен.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Плачущие дети

Раз — печаль,
А два — удача,
Три — письмо,
Четыре — мальчик,
Пять — монета,
Шесть — банкнота,
Семь — секрет,
Что знать охота!

Детская считалка

ГЛАВА 33
Уикенд

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Армия Асцидий — обманутая надежда?

(изображение: члены АА в рыбьих масках и килтах)

ГОЛОС: «Армия Асцидий», военная антисетевая группа организации, называющей себя «Коллектив восстановления информации», потерпела поражение во время попытки, как они говорят, «убить сеть». Уже в пятый раз с того момента, как они впервые заявили о своей цели, акция Армии Асцидий полностью провалилась. На этот раз они попытались полностью уничтожить записи о продажах одного из основных сетевых магазинов, что, теоретически, означало бы потерю миллиардов, которые магазин должен заработать на продаже электронных Рождественских открыток.

(изображение: члены КВИ в масках Сеппа Освальда)

КВИ: «Люди недооценивают, каким шоком было бы для еврейских и исламских покупателей получить эти Рождественские открытки. Да, ясен пень, нам слегка не повезло, но, рано или поздно, мы своего добьемся. Немного терпения, и мы взломаем национальные выборы.»

Каллиопа Скоурос сидела на развалинах субботнего утра — невымытые чашки от кофе и тарелки с завтраком, некоторые из которых восходили к среде, ее стенной экран громко выкрикивал новости, детское шоу, привлекшее ее внимание, хихикало на вставной панели — и спрашивала себя, понравится ли ей иметь личную жизнь.

Она думала не о сексе, но только о компании. Понравится ли ей сидеть рядом с другим человеческим существом — например с официанткой Элизабет — и говорить о будущем дне, выбирать, куда поехать, в музей или в парк. Нет, лучше думать о том, сколько еще времени она сможет прожить без стирки, или о том, что если она съест еще одну вафлю, то после обеда сможет обойтись без мороженного.

После того, как ее и Стена официально отстранили от расследование убийства Мерапануи, ее работа кардинально изменилась и ей стало трудно не обращать внимание на пустоту жизни.

«Быть может мне надо завести кошку или собаку, подумала она. Не, нельзя. Запереть бедную собачку на целый день в квартире, пока я на работе? Есть законы, которые это запрещают».

Прошедшая неделя была утомительной и очень скучной, она занималась главным образом незаконченной бумажной работой — смешное старомодное выражение, от которого за милю несло древними офисами и пыльными папками. Они вернулись к своей обычной работе, главным образом к жестоким, тяжело идущим делам, где надо было разговаривать с мрачными или прикидывающимися глупыми свидетелями поножовщины, и опрашивать соседей о чертовых деталях домашних скандалов, внезапно ставших роковыми. Что такого было в этом деле, почему оно как будто зачаровало ее? Запах серы, который сопровождал все воспоминания о Джоне Дреде? Или отчаяние Полли Мерапануи, которую никто не замечал при жизни, и о смерти которой все сразу постарались забыть, и которая теперь терпеливо ждет кого-то, кто придал бы ее дикому убийству какой-то смысл?

«Все кончено, Скоурос,— сказала она себе.— Ты выстрелила и промазала. Лучше займись стиркой. Это именно то, что делает жизнь жизнью».

Она поправила пояс на спадающем купальном халате и занялась чашками и тарелками.

Сообщение пришло на ее рабочий номер ближе к концу пятницы. От Келл Херли из Регистрации, и быстрый взгляд на него напомнил ей, что вчера она насколько устала, что даже проверить свою почту показалось ей тяжелой обязанностью, и еще о крошечной радости освобождения, когда она сбежала, решив не открывать его.

«Может подождать»,— сказала она себе тогда. Возможно об этом парне, как-там-его-зовут, поджигателе Макси Клуба. Неужели в нем может быть что-нибудь более интересное, чем последняя бельгийская вафля?

Она открыла сообщение, и уже через пятнадцать секунд была в центральной база данных, пытаясь найти домашний номер Келл Херли.

Наконец она дозвонилась до нее, но экран остался темным. Она слышала, как неподалеку двое или трое детей громко спорили, и шел шумный репортаж с матча по австралийскому футболу.

— Да? — сказала женщина.

— Келл? Это Каллиопа Скоурос. Простите, что беспокою вас. Я получила ваше сообщение.

Мгновением позже экран замигал. Херли из Регистрации выглядела так, как будто у нее была замужняя-с-детьми версия субботнего утра самой Каллиопы, хотя Каллиопа не могла не заметить, с некоторой досадой, что один из детей все-таки оделся.

— Да? — Херли выглядела немного ошеломленной. Глядя, как на заднем плане трое юных леди пытаются надеть на кота детскую рубашку, Каллиопа решила, что надо будет подумать получше о преимуществах компании.

— Прошу извинить меня, Келл, но я не могла ждать. Ты сказала, что у тебя что-то есть о Джоне Вулгару?

— Ты шутишь, Скоурос, сейчас выходной. Неужели у тебя нет ничего, кроме работы? И, кроме того, я думала, что дело Мерапануи закрыто.

— Не потому что я так решила. Просто скажи, что у тебя есть.

Келл Херли недовольно фыркнула.

— Головная боль. Иисус Христос, что же еще? И, кроме того, это был не «Джон Вулгару», а просто «Вулгару». Расследование. Я автоматически отслеживаю все ссылки на это имя, для тебя. — Она нахмурилась и повернулась назад, как раз вовремя для того, чтобы спасти кота; потом приказала дочкам выйти из комнаты, на что они громко завизжали в три горла. — Поскольку ты не собираешься никого рожать, могла бы посидеть с моими. Получишь море удовольствия.

Каллиопа заставила себя рассмеяться.

— Искушаешь, Келл. А что ты имела в виду, сказав «просто Вулгару»?

— Именно это. Слово для поиска. Кто-то пытался найти, что оно означает. Я подумала, что тебе будет интересно об этом узнать, потому что это был единственный поиск с того времени, как я поставила это слово на контроль.

— Искал слово. — Возбуждение Каллиопы слегка улеглось. — Откуда?

— Какой-то университет с непроизносимым именем. Из Хельсинки, я думаю. Это же Финляндия, верно?

— Да. — Возбуждение исчезло, так же быстро, как и появилось. — То есть кто-то из финского университета искал слово. Блин.

— Не думаю, что это много, но если ты хочешь посмотреть на поиск, я прикрепила ссылку на него к своему первоначальному сообщению.

— Нет. В любом случае большое спасибо, Келл. Ты и сама знаешь, что дело закрыто. И мне нет дела до какого-нибудь студента из Финляндии. — Она протянула руку, чтобы закрыть

соединение.

— Да, наверно, если он действительно оттуда.

Рука Каллиопы остановилась в воздухе.

— Что ты хочешь сказать?

— На самом деле он мог выйти в сеть совсем из другого места. — Херли обернулась, отвлеченная каким-то звуком из другой комнаты, который Каллиопа не слышала.

— Но ты сказала, что он из Финляндии. Университет.

Херли какое-то время удивленно глядела на Каллиопу, поражаясь ее наивности.

— Поиск *выглядит* так, как будто он сделал из Финляндии. Но народ все время пользуется университетскими экранами. Легче легкого взломать их, там множество плохо защищенных узлов, неряшливые проверки, это же студенты, ты знаешь.

— Нет, не знаю. Не хочешь ли ты сказать, что этот поиск… мог быть сделан из какого-то другого места?

— Конечно. — Херли пожала плечами. — Во всяком случае очень на это похоже.

— Ты можешь найти откуда, для меня?

— Боже мой, где найти время? Понедельник или четверг… — Она задумалась. — Каллиопа, я могу попробовать. Но я действительно очень занята.

Она должна спросить.

— Как насчет сейчас?

— Что? — Слабое удивление Келл Херли переросло во что-то, похожее на настоящую злость. — Ты шутишь? Скажи мне, что да. У меня здесь трое необузданных детей, мой чурбан-муж собирается весь день мыть свою машину, а ты хочешь, чтобы я все бросила и отследила какое-то!..

— Хорошо, хорошо! Плохая мысль. Прошу прощения, Келл.

— Не могу поверить! Только потому, что ты одинока и тебе нечем заняться в выходные…

— Прости, прости. — Она поблагодарила Келл еще несколько раз и побыстрее выключила телефон. — Я дура. Ты права.

Какое-то она сидела, тупо глядя на стенной экран. Показывали трехмерные новости о зашатавшейся азиатской электронной империи и возможной смертельной болезни ее баснословно богатой основательницы. Целеустремленное женское лицо с хирургически гладкой кожей, как на статуях острова Пасхи, ужасающе пустое, но и эта фотография, судя по всему взятая из архива, ей льстила, очень сильно.

«Вот что случается с людьми, у которых нет личной жизни,— подумала Каллиопа.— Они умирают в своих домах, и долгое время никто об этом на знает».

Странная мысль задержалась, смущая ее. «Но я не могу просто так сдаться. Не сделав последней попытки. Скорее всего бесполезной…»

«… почему бы и нет? И как ты вообще можешь хоть что-то узнать, если не будешь пытаться…»

Стэн сидел на диване между двумя племянниками, и Каллиопа видела только половину каждого из них, по длинной кожистой ноге и голой ступне. Судя по звуку, они смотрели тот же самый матч, что и чурбан-муж Келл Херли.

— У тебя действительно прорва свободного времени, Скоурос, — сказал Стэн. — Это суббота.

— Почему это каждый думает, что может рассуждать о моей личной жизни?

Брови Стэна поползли вверх.

— А кто заставил меня провести большую часть недели, слушая рассказы о Диком Чудесном Мире Официанток? Не спрашивая меня, должен я добавить.

— Хорошо. Сегодня я немного слишком нервная. Можешь подать на меня в суд. — Какое счастье, что она хотя бы сменила купальный халат на одежду у-меня-есть-личная-жизнь. — Почему бы тебе не развлечь меня. Ты должен знать кое-кого, кто может помочь.

— В субботу? Дело закрыто, Скоурос. Финито. Капут. Если ты собираешься носить воду решетом, почему бы тебе не дать бедному парню отдохнуть до понедельника?

— Потому что я хочу знать. В понедельник все начнется заново, обычное дерьмо, и бедная маленькая Полли Мерапануи будет уходить все дальше и дальше. — Она попробовала зайти с другой стороны. — Не говоря уже о том, что тогда в понедельник мне придется использовать время в офисе для этого, как ты так точно назвал, закрытого дела. А сейчас я трачу только свое.

— И мое! — Но тут Стен на мгновение замолчал, думая. — Откровенно говоря, мне не приходит в голову никто, кто смог бы помочь тебе в субботу. — Один из племянников что-то сказал, Каллиопа не расслышала. — Ты шутишь, а? — спросил Стэн.

— Нет! — огорченно крикнула Каллиопа.

— Нет, не ты, я разговариваю с Кендриком. Он сказал, что у него есть друг, который может помочь тебе.

— Друг… его возраста?

— Да. Не думаю, что ты можешь себе позволить привередничать, Скоурос, — усмехнулся Стэн. — Особенно если ищешь того, кто работает по субботам.

Каллиопа уселась на стуле поудобнее.

— Блин. Хорошо, давай твоего Кендрика.

Еще десять минут ушло на то, чтобы старшая сестра нашла его, и, наконец, друг Кендрика появился на настенном экране Каллиопы. Мальчик, даже не подросток, маленькое тело, темное круглое лицо и большая голова с завивающимися черными волосами, искусственно замороженными белым, так что он выглядел как мутировавший одуванчик.

— Ты полицейская? — похоже Кендрик уже ему что-то объяснил.

— Да, я детектив Скоурос. А ты Гери Две Клюшки, верно?

— Вроде того.

Она помедлила, вспоминая, как надо говорить с подростком, которого еще ни в чем не обвиняют. В этой области у ней было мало опыта.

— Да… слушай, Две Клюшки — очень странное имя. Откуда оно?

Его, похоже, это позабавило.

— Гольф.

— Не поняла.

— Мой отец член гольф-клуба Триал Бей, к северу отсюда, профессионал. Там его так прозвали, ну и меня ребята в школе. Наша настоящая фамилия — Бейкер.

— Ага. — «Что там кто-то сказал о тебе, Скоурос. Вроде бы „идиотка“ подходящее слово». — Кендрик сказал тебе, что мне надо?

Он кивнул.

— Ты хочешь узнать, место, из которого вышли в сеть — оно настоящее или вроде как фальшивое.

— Точно. Я посылаю тебе информацию, которая у меня есть — человек, который дал мне ее говорит, что в ней есть все ссылки.

Гери Две Клюшки уже изучал низ экрана.

— Не боись. Похоже легко.

— А ты уверен… что твои родители не будут против? Что они не скажут мне пару ласковых?

— Не. Мам на уикенд поехала в Пенрит со своим приятелем. И прошлым вечером я сделал все домашнее задание, так что сегодня днем все равно отправился бы в Срединную Страну или в Пятеро Без Лица. И погода сегодня дерьмо — у меня астма, сечешь? Если я найду это для тебя, ты сможешь сделать меня каким-нибудь официальным помощником в полиции или что-нибудь в этом роде?

— Н-не знаю. Посмотрим, может быть.

— Чизз. Я позвоню тебя, когда будет готово. Давай. — Изображение исчезло, оставив Каллиопе чувство, что ей специально дали понять, какая она старая и тупая.

* * *

Даже служебные лифты не идут выше сорок пятого этажа.

«Даже не пытайся,— подумала Ольга.— Откуда это? Вроде бы это шутка, или имя какого-то старого шоу. Да, шутка. Из того времени, когда я еще смеялась». Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, и нажала на кнопку верхнего этажа.

Наконец лифт остановился и, свиснув, открылся; зажглась надпись «45-ЫЙ ЭТАЖ. СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ». Ольга Пирофски наполовину ожидала, что ее засосет в какую-нибудь переходную камеру и в нее вонзятся безжалостные лучи белого света, как во время допроса в полиции в старом сетефильме. И оказалась совершенно не готова к маленькому гроту за дверью лифта, мягким вспышкам света на темных стенах, тихому фонтану и пустому столу с вазой поникших гардений.

Ольга остановилась и быстро оглядела стол, по его блестящей черной поверхности бежали сцены природы. Что же хотел от нее Селларс, что она должна была найти на терминале этажа, который занимает служба безопасности? Сейчас это уже не имеет никакого значения — Селларс больше не разговаривает с ней, и даже если этот экран настоящий ключ ко всех секретам Джи Корпорэйшн, у ней нет ни малейшей мысли, как открыть их.

Внезапно она вспомнила, что здесь повсюду камеры наблюдения, а у ней больше нет тайного союзника, который прятал ее от них. Она вынула из комбинезона тряпку, быстро смахнула пыль со стола, потом перешла к двери, вделанной в стену помещения. Она была уверена, что где-то на этом этаже должен быть лифт, ведущий в личный пентхаус Жонглера — судя по тому, что она знала, до него оставалось минимум полдюжины этажей.

Задержав дыхание, она подняла свой значок к считывателю, наполовину ожидая, что сейчас поднимется тревога и ей придется бежать со всех ног. Вместо этого дверь скользнула в сторону, открыв за собой комнату. Она заглянула внутрь и ей стало плохо.

Большое помещение, быть может пятьдесят метров в каждую сторону. По краям пусто — только ковер. Зато в середине, занимая почти все пространство в длину и упираясь в потолок, стоял гигантский куб, сделанный из плексигласа, такого

толстого, что никакая пуля или граната не могла пробить его. Внутри пластиковой клетки находился офис — не показушный сад при входе, а настоящий рабочий офис со столами, механизмами и длинной батареей настенных экранов. Света было немного и потоки данных бежали прямо по плексигласу, не давая разглядеть внутренности куба. Тем не менее она заметила на паре экранов крутящиеся голографические модели здания; на какое мгновение все остальное застыло, и только неоновые блики мерцали на прозрачных стенах. Потом, когда глаза привыкли, она увидела полдюжины мускулистых мужчин в фирменных рубашках — в небрежных позах они сидели вдоль офиса, как экспонаты в зоопарке, и глядели на нее.

«Я не могу вздохнуть,— сообразила Ольга. Ей хотелось бежать обратно, в приемную, и броситься в лифт.— Меня поймали».

Один из мужчин встал и поманил ее. Она никак не могла заставить свои ноги двигаться. Он нахмурился и его усиленный динамиками голос загрохотал вокруг нее.

— Идите вперед.

Она заставила себя подойти к тяжелой плексигласовой двери, вделанной в прозрачную стену. За охранником, неподалеку от задней стены пластиковой камеры, одна единственная широкая прямоугольная колонна уходила в фибрамический потолок. В ближайшую к ней стену колонны была вделана ничем не примечательная дверь. «*Лифт на верхние этажи»,*— поняла она, но без удовольствия и даже без интереса. Он мог быть в другой стране.

— Дайте мне ваш значок, — сказал мужчина. Он, скорее всего, был вдвое моложе Ольги, голова выбрита, за исключением двух полосок над ушами. Он говорил мягко и негромко, но в глазах было что-то пугающе холодное, и она никак не могла оторвать взгляд он большого револьвера, которой он носил в плечевой кобуре.

— Ваш значок, — повторил он, более жестким голосом.

— О, простите, простите. — Она нашарила значок и неловко протянула его через отверстие, появившееся в двери. Руки тряслись настолько сильно, что, на их месте, она бы казнила себя только на этом основании.

— Что вы здесь делаете? — Охранник поднес ее значок к маленькому ящику. — Вы не должны убираться на этом этаже.

Ольга чувствовала, что подозрения мужчины углубляются с каждой прошедшей секундой. Его товарищи переговаривались между собой — один даже смеялся и жестикулировал, возможно рассказывая смешную историю — но даже в их невнимательности

они оставались настороже

— Я ищу… — Она преувеличила акцент, надеясь уменьшить угрозу, но это не имело значения. Мозг застыл, она никак не могла вспомнить имя. Она сорвалась с поводка Селларса меньше часа назад, и уже успела испортить все.

«Я не хочу умирать — во всяком случае так, из-за этой глупой ошибки. Я не хочу, чтобы эти люди убили меня, сожгли мое тело и высыпали где-то пепел, и чтобы водяные лилии росли надо мной как над утонувшими кораблями…»

— Джерома! — сказала она, не зная, хорошо ли это или плохо. — Я ищу Джерома.

— Джером? Кто такой этот чертов Джером?

— Один сторож. — Она произнесла эту фразу так, как говорит безнадежно глупая крестьянка, не интересная никому, и тем более уважающему себя казаку. — Он… мой друг.

Охранник посмотрел на одного из своих товарищей, который в ответ что-то прошептал ему.

— О, *тот самый* Джером? — сказал человек, говоривший с ней и засмеялся. — Тот парень, ага? — Он повернулся к Ольге. — И почему вы думаете, что он должен быть здесь, миссис Чо… — Он прищурился на монитор. — Миссис Чотило. Почему вы ищете его здесь? Он работает на нижних этажах.

— О, я не нашла его там, — сказала она, надеясь, что страх вполне подходит к ее образу и положению. — Вот я и подумала, что вы можете увидеть его в свои камеры и сказать мне.

Юный охранник какую-то долгую секунду глядел на нее жестким взглядом, потом его лицо смягчилось.

— Ну и ну, неужели вы так подумали? — Он что-то очень быстро и неотчетливо бросил через плечо своему товарищу, который рассмеялся. — Ну, тогда я обязан поискать его. Он ваш любовник?

Ольга постаралась выглядеть смущенной.

— Он мой друг… просто друг. Мы вместе едим, вот и все. Иногда.

Охранник подошел к одному из мониторов, потом вернулся обратно.

— Он только что вышел из одного из туалетов на Уровне А. Возвращайтесь к лифту и вы успеете перехватить его. — Его улыбка исчезла, на лицо вернулся холод. — И еще одно. Вы должны быть очень осторожны, передвигаясь по зданию. Местные боссы очень нервничают, когда видят людей, находящихся там, где им не положено быть. Понятно?

Она кивнула, отступая наружу.

— Спасибо вам! — Она была по настоящему благодарна ему.

В лифте Ольга крепко охватила себя, пытаясь перестать дрожать. Она злилась на саму себя. Что она думала — это будет так легко? Ей очень повезло, что она здесь, а не в какой-нибудь камере.

«Какая разница? Пройти мимо этих людей невозможно. Я потерпела поражение. Я навсегда потеряла детей».

Ей захотелось, чтобы лифт прошел через основание здания и ушел в болотистую дельту, похоронив ее в темной тишине.

* * *

«Время,— подумал Рэмси.— У нас совсем нет времени. Сколько осталось? До конца воскресенья меньше сорока восьми часов, и в понедельник кто-нибудь обязательно заметит, что Ольга не вернулась вместе со своей сменой — не говоря уже о том, что здание опять наполнится служащими».

— Черт побери! — Он сел и безнадежно посмотрел на свой блокнот. Селларс и Чо-Чо без сознания, может быть умирают в соседней комнате, и он, Катур Рэмси, унаследовал единоличную ответственность за безопасность Ольги Пирофски… но не может даже найти номер ее телефона.

— Мы не можем просто сидеть и ждать! — Он с мольбой повернулся к Соренсену. — Мы должны связаться с ней.

— Селларс не сказал тебе, что делать? — Майор Соренсен глядел на данные на блокноте Рэмси с выражением самодельного механика, не знающего, за какой кольцевой клапан хвататься в первую очередь.

— Он не сказал мне ничего. Только то, что система рушится, или что-то в этом роде. И обещал перезвонить. Но… — Рэмси сжал голову руками. Последние несколько часов он не делал ничего, только помог перенести худое, почти птичье тело Селларса в кровать, но устал так, как никогда в жизни. — Он связывался с Ольгой через мудреный обходной канал — ради безопасности, так он говорил. Но я не нашел его! И я вообще ничего не знаю об этом. Быть может ты можешь вернуться на свою базу и они найдут, как он это делал, Соренсен!

Судя по выражению лица у Майклу Соренсену выдался ничуть не лучший день, чем у Катура Рэмси.

— Ты что, не заметил? Мы проклятые беглецы, или, во всяком случае, должны вести себя так, как будто за нами гонится половина полиции штата. И я понятия не имею, какие люди на базе работают на Якобиана. Я знаю несколько парней в моем офисе, но я им не слишком доверяю. Неужели ты хочешь, чтобы я

позвонил им и попросил помочь восстановить связь с нашим шпионом в башне Джи Корпорэйшн?

— Хорошо, а как насчет того парня, который нам уже помогал? Твоего друга, Паркинса?

Соренсен кисло улыбнулся.

— Рон разбирается в информационных технологиях, как свинья в апельсинах. Не говоря о том, что, судя по его словам, вообще больше не собирается вмешиваться в это дело.

— Иисус Христос, но мы-то уже вмешались! — Рэмси положил блокнот на стол и пошел сполоснуть лицо в умывальнике, стараясь не глядеть на Селларса и Чо-Чо, лежавших на кровати бок о бок, как жертвы катастрофы, ждущие опознания. Он физически чувствовал, как время утекает; у него даже пальцы тряслись. Голос Селларса, его апокалиптическое предупреждение о смерти сети, вошли в Рэмси как вирус.

— Смотри, никто из нас не в состоянии что-нибудь сделать, — сказал Соренсен, когда Рэмси, с мокрым лицом вернулся в гостиную. Я только что очень серьезно поссорился с женой, а моя маленькая дочь с трудом выдерживает все это. Я боюсь, что Кейлин в любую минуту может выйти отсюда и отправиться прямиком в ближайшее отделение полиции. Так что мне лучше выйти в следующую дверь и провести с ними какое-то время. Если что-нибудь придумаешь, позови меня.

Рэмси махнул рукой.

— Хорошо. И скажи им… скажи им, что я прошу прошения.

— Ты ни в чем не виноват. — В его потерянной улыбке была усталость и печаль. — И я тоже, но не думаю, что смогу убедить в этом Кей.

Майор закрыл за собой дверь. Катур Рэмси отправился в минибар, нашел себе крошечную бутылку виски и, держа ее в руке, пошел в ванну. На этот раз, проходя через спальню, он закрыл глаза. Вылив всю бутылку в стакан, он разбавил виски водой, вернулся в гостиную и уселся в кресло со стаканом в руке. Он настолько устал, что мог бы заснуть сидя, и знал, что алкоголь — не самая лучшая мысль, но иногда ты находишься в таком положении, что остаются только самые плохие мысли.

«Мы помогли этой бедной женщине войти в здание, чего, конечно, без нас она бы никогда не сделала сама. Кроме того у нее на пальце замечательное кольцо, по которому любой охранник сразу вычислит, что она шпион. И мы бросили ее.— Вот для чего виски — смягчить глухую боль предательства.— Это вроде как помочь кому-то перейти улицу и тут же вколоть ему смертельный укол. Ольга, хочешь самый лучший совет? Возьми себе другого адвоката».

И самое смешное — они застряли на простейшей проблеме: надо просто войти в телекоммуникационное мумбо-юмбо и восстановить связь. Наверняка вокруг полным-полно школьников старших классов, которые могут это сделать. Тот же Орландо Гардинер восстановил сделал бы это за несколько минут. Но это не мир Катура Рэмси, и в условиях секретности очень трудно найти того, кто может помочь ему, а время идет, и скоро будет плохо, совсем плохо.

«Так что, это и есть выход?— спросил он себя, глядя на нетронутое виски.— Это и есть твое великолепное решение? Поднять из мертвых Орландо Гардинера, а?»

Рэмси выпил стакан и глубоко вздохнул, думая о темноте, смерти и пустых проводах.

Прежде, чем виски успело согреть его желудок, Рэмси вспомнил о том, кому он может позвонить.

Он уже давно не звонил по этому номеру. Семь звонков, восемь, двенадцать, никто не отвечал, подтверждая его худшие подозрения. Потом, когда он уже был готов сдаться, кто-то ответил.

— Алло? Кто это? — Экран остался темным, но голос забыть было невозможно.

— Катур Рэмси. Ты помнишь меня?

— Я не узнаю линию, по которой ты звонишь. — Пауза. — На самом деле ты используешь очень странное соединение.

Работа Селларса, осознал Рэмси. Их звонки из этого отеля проходили через все узлы Канзаса, и сам черт не смог бы разобраться в маршруте. — Это я, клянусь. Ты в состоянии… распознать голос?

— Да. — Голос говорил медленнее, чем помнил Рэмси. — Но я должен проверить его через систему распознавания департамента полиции, которую… которую упорядочил мой друг. Потребуется немного времени.

— У меня нет ни секунды. Смотри, у тебя есть мой старый номер, верно? Позвони мне на него. Я тебе отвечу «это я», повешу трубку и тут же перезвоню снова. Годится? — Даже если все обычные линии прослушиваются, было бы совершенно невероятно, если бы кто-то успел заметить такой короткий разговор.

Двумя минутами позже, когда электронное па-де-де успешно завершилось, Рэмси опять позвонил по защищенной линии.

— Удовлетворен?

— Да, похоже порядок, — проворчал собеседник. — Но я все равно прогоню твой голос через систему распознавания.

Рэмси не удержался и слабо улыбнулся. До чего же он дошел! Надо доказывать, что ты есть ты недоверчивым машинам.

— Как ты, Бизли?

— Все в порядке. Но от Орландо ни одного слова, и уже давно.

В комнате нет никого, он разговаривает с нахальной детской игрушкой, и все равно он вздрогнул от вины и печали. Неужели Бизли не знает?

«А как он мог узнать? Рэмси единственный, кто в состоянии контактировать с программой-агентом Орландо и сообщить ему, что его хозяин мертв. На самом деле родители Орландо пытались найти и выключить Бизли. Ничего удивительного, что он вне досягаемости».

— Ты мне нужен, — сказал он, отметая в сторону все эти рассуждения. По меньшей мере более морально не врать машине, а просто умолчать. — Я все еще пытаюсь получить ответы — ты же помнишь дело, над которым мы работали вместе — но у меня неприятности.

— Не уверен. — Голос агента звучал с небольшой задержкой, как будто Бизли выпил электронный эквивалент субботнего пива и ему трудно начинать говорить. — Мне нужно держать линии открытыми на случай звонка Орландо.

Рэмси закрыл глаза. Он настолько устал, что едва мог говорить, и от беспокойства за Ольгу Пирофски у него разболелся живот. Только десятилетняя привычка к работе в суде помогла ему сохранить спокойствие и не наговорить чего-нибудь глупого или непоправимого.

— Я уверен, что если он попытается связаться с тобой, ты об этом узнаешь, так или иначе. Пожалуйста, Бизли. Это очень важно. Если… если то, через что прошел Орландо, что-нибудь значит, тогда в этом вся суть.

Еще одна пауза, похоже Бизли пытался разобрать замысловатый синтаксис Рэмси, или, может быть, он распознал боль в голосе Рэмси.

— Хорошо, босс, скажи, что тебе надо, — наконец сказал агент. — И я посмотрю, смогу ли помочь.

— Слава богу, — выдохнул Рэмси. — Спасибо, Бизли. — Он уже приготовил все данные своего блокнота и тут же переслал их, включая и последний звонок. И все-таки не смог удержаться и спросил себя, что делал Бизли в мертвые дни с того времени, когда они говорили в последний раз. — Где ты, кстати?

— Да нигде, — ответил скрипучий голос. — Просто… — Он замолчал. Рэмси обругал себя за неудачный вопрос — что физическое расположение значит для электронной цепи? На

самом деле, решил Рэмси, в очередной раз ошеломленный этой вселенной, в которой все наоборот, это не неудачный вопрос — скорее жестокий. Все равно, что спросить сироту «Где твои родители?»

И действительно, когда Бизли заговорил опять, у него был растерянный голос, которого Рэмси раньше от него не слышал.

— Где я? Просто… жду. Ну, знаешь. Жду.

* * *

Субботний полдень тащился как умирающий зверь. Каллиопа с трудом удерживалась от того, чтобы позвонить другу Кендрика и потребовать отчет о продвижении расследования.

«Он всего лишь ребенок, Скоурос. И работает за спасибо. И вообще, почему ты так торопишься?»

Элизабет на звонок не ответила. На самом деле ее подруга по комнате говорила очень расплывчато и неопределенно, так что, скорее всего, ее сообщение до Элизабет и не дойдет. Скучающая и беспричинно беспокойная, она набросилась на домашнюю работу.

«Смешанные результаты.— Она видела себя, докладывающей воображаемому начальнику.— Мы еще не схватили убийцу Мерапануи, но я наконец-то отскоблила свою раковину и бросила кое-какую старую одежду в шкаф».

Полдень переполз в вечер. Квартира засияла чистотой, или, во всяком случае, стала чище, чем за последние несколько недель, и она устроилась у экрана, чтобы посмотреть фильм, который давно хотела увидеть — творение бельгийского символиста, о котором говорила Финелла, когда они виделись в последний раз. Стоит посмотреть один раз, решила Каллиопа, и узнать, о чем все говорят — даже хотя когда они опять увидятся, Фенелла будет бредить о чем-нибудь другом, вроде музейной ретроспективы или балете о геноциде Тасманийских аборигенов.

Через полчаса Каллиопа полностью перестала понимать смысл этой истории, если он там вообще был. Если бы этот бельгийский символист был здесь, она бы с удовольствием придушила его. Выключив фильма, она вызвала свою копию файла Мерапануи. Призрачный Джон Дред опять стал издеваться над ней с экрана. «Думаешь, что сможешь найти меня?— казалось, говорил он.— Я пыль. Я ветер. Я — тьма в твоей тени».

Пока солнце спускалось за порт, она вновь просмотрела свои заметки. Быть может она что-нибудь пропустила? Если Джон Дред жив — она уверена, что жив! — почему никто об этом не знает? Быть может кое-кто знает, но молчит, боится сказать? Она

тут же вспомнила странное выражение лица Пайка Большого Джи. «*Если он узнает, что ты интересуешься им, то выйдет из под земли, убьет тебя трижды, и каждый раз по другому.*»

Где он вообще может быть? На поезде в Европе, в американском супермаркете, поджидает следующую жертву? Или поближе? Австралия, почему нет? Залег где-нибудь на отдаленной ферме и ждет, пока не придет время снова поохотиться? Ждет как злой дух…

Блокнот звякнул, и она вздрогнула.

— Да?

Это оказался Гери Две Клюшки.

— Работал над твоей задачкой, сечешь?

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— И?..

Он выглядел слегка пристыженным.

— Труднее, чем я думал. Кто-то постарался запутать следы. Петлял как *фенфен*.

Она недаром гордилась самоконтролем.

— Гери, я не поняла ни слова. Скажи мне по-английски.

Его глаза округлились.

— О, это… это очень запутанно. Пытался отследить соединение, но все время теряю. Он постоянно переключается, ложные вызовы, настоящий *фенфен*.

— То есть ты хочешь сказать, что он не из университета в Хельсинки?

— Из универа большого скана. Кто-то очень ловкий. Умеет прятаться.

Каллиопа села прямо.

— То есть это был не прямой вызов.

Гери пожал плечами, его замороженные волосы подпрыгнули.

— Не знаю. Ну, может быть кто-то помешанный на безопасности, сечешь? Кто-то, кто хочет, чтобы никто ничего не узнал о нем.

Она попыталась обуздать свой энтузиазм. На самом деле, что у них есть? Как и сказал мальчик, это может быть самый обычный вызов из хорошо защищенной системы. Но замороженное издевающееся лицо Джона Вулгару все еще глядело на нее со стенного экрана. «Я собираюсь добраться до тебя, ублюдок. И доберусь. Каким-нибудь образом. Однажды».

— Когда ты точно сможешь сказать, откуда?

— Не знаю. — Он оттопырил нижнюю губу и задумался. — Прям щас занят. Попробую завтра. Может взять несколько дней.

— А сегодня?

Гери Две Клюшки посмотрел на нее так, как подростки всегда смотрят на спятивших взрослых.

— Еще ничего не ел, я. — Он улыбнулся, немного раздраженно. — Полиция даже бандитам разрешает поесть, а?

— О, извини, ты прав. Я очень ценю то, что ты делаешь — и никак не думала, что будет так трудно.

Он отключился, а она опять опустилась на спинку стула, недовольная сама собой. Ведь не похоже, что время давит, верно? Полли Мерапануи убита и похоронена пять лет назад. Джон Вулгару, он же Джон Дред, умер через несколько месяцев после нее, согласно документам. Почему же она так торопится?

Вокруг было тихо, она сидела, глядя на расплывчатые изображения и вытащенные на файлы, темная комната освещалась только светом экрана, и они никак не могла отделаться от ощущения, что уходит что-то намного большее, чем вечер субботы.

Прошла большая часть утра, прежде чем она сумела вытащить себя из кровати. Вчера, после ужина, ей потребовалось четыре стакана пива, чтобы расслабиться и заснуть, и теперь чувствовала каждый из них. Она сидела в комнате, крепко закрыв глаза, нянчила в руках чашку кофе и спрашивала себя, действительно ли бог сделал свет воскресного утра таким неприятным для глаз только для того, чтобы заставить грешников прятаться от него в темных церквях.

Покончив со второй, она решила, что теперь может даже что-то съесть, и только тут наконец заметила, что то, что ей казалось симптомом будущей головной боли, оказалось сообщением о пропущенным вызове, вспыхивавшем в уголке экрана. Вероятно она проспала его.

«Элизабет? Друг Кендрика?» Быть может этот день все-таки станет чем-то более приличным? В животе кололо, рот был сух, как песок в пустыне, думать было невозможно, но она все-таки посмотрела записанное сообщение.

Оказалось, что это был Гери Две Клюшки. Он сказал, что работал допоздна, и теперь у него для нее для нее кое-что. То *самое*, что она хотела узнать, многозначительно сообщило изображение. Даже несмотря на нетерпение и таки пришедшую головную боль, она не могла не улыбнуться. «Этот парень посмотрел слишком много фильмов о шпионах». Она перезвонила ему.

Закончив, она поблагодарила его за помощь, пообещала, что попытается сделать его добровольным помощником полиции — что бы это не означало — откинулась на спинку стула и

уставилась на остывшее кофе. Плоды поисков Гери Две Клюшки наверняка можно как-то использовать, но пока они оставались как раз тем, что искал оригинальный запрос — чем-то вроде отрывка фольклора аборигенов. Теперь она знает, что запрос пришел из роутера Сиднея, и если она сможет узнать улицу и номер дома…

Каллиопа вздохнула. Что за способ провести воскресенье? От телефонной компании бесплатной помощи не дождешься, нужен приказ судьи. И как его получить, не поставив себя под грандиозный разнос от капитана, или даже, может быть, формальное расследование?

Надо попробует убедить провайдера и посмотрит, что из этого выйдет. Еще один уикенд, который отправился прямо в ад. Да, но все лучше, чем чистить унитаз.

А что, если она каким-нибудь способом получит адрес? Не дожидаясь понедельника?

Линия Стэна долго не отвечала. Наконец на экране засветился и ее приветствовало лицо чудовища, сине-белое, с глазами насекомого и длинными антеннами.

— Иисус Христос! — сказала она, вздрогнув.

— Стэнли Чана дома нет, — мрачно сказало чудовище. — Он покинул нашу планету.

— Похищен! — добавило другое чудовище, отталкивая первое. — Инопланетянами!

Теперь Каллиопа увидела Стэна, сидящего на диване и делающего вид, что ужасно страдает со связанными руками и ногами, пока его племянники говорили с ней. Он махнул руками, связанными поясом от купального халата.

— Все! Простите все! Меня похитили и перенесли на другую планету, — печально сказал он. — Или в зоопарк. Или еще куда-нибудь.

— В космос, и там тебя будут пытать, — кровожадно сказал первый монстр, потирая руки в предвкушении жестоких пыток.

— Сообщение, — прошипел другой.

— А, да. Если ты хочешь оставить сообщение, давай. Но оно не принесет мистеру Чану ничего хорошего, потому что его все равно замучат до смерти на нашей родной планете.

Каллиопа попросила несчастного пленника позвонить ей, если, конечно, он вернется домой. Даже если ее партнер не в этой галактике и она собирается потратить воскресенье, пытаясь отследить бессмысленные детали закрытого дела, она не хотела полностью утратить с ним контакт.

ГЛАВА 34
Улыбка пустыни

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ/ИГРА: IEN, 17:00 (Евр., Сев. Ам.) — «ТИК, ТИК, ТИК»

(изображение: участник, объятый пламенем)

ГОЛОС: Завершающий эпизод популярного игрового шоу. Двенадцати соревнующимся сделали загадочный укол, и теперь они должны ждать результатов неделю. Десять из них безвредны, и участники выиграют домашнюю версию игры. Одна инъекция приведет к тому, что на коже участника появятся слова «Бешенные Деньги», и он — или она — выиграет миллион швейцарских кредитов. А двенадцатый участник — и именно из-за этого шоу стало таким знаменитым — внезапно вспыхнет. Множество болельщиков пришло понаблюдать за тем, что делают участники во время семидневного обратного отсчета времени, пока те ждут, что случится с ними во время прямого эфира в конце недели. В ходе последнего эпизода сезона зрители не только узнают, чем кончился конкурс этой недели, но и увидят наиболее волнующие моменты из предыдущих эпизодов…

Жрец с безрадостными глазами поставил на камень рядом с Полом ящичек из слоновой кости. Он открыл его, впечатав угол ящичка в кожу Пола, и начал аккуратно вынимать, один за другим, бронзовые ножи и другие предметы, более непонятные и неприятные на вид.

— Здесь, преступник, о боги,

запел Узерхотеп.

— Тот, чей рот закрыт на замок как дверь.

Пол отчаянно пытался сосредоточиться на жужжащем голосе жреца, на мигающем свете факелов, даже на ухмыляющейся маске Роберта Уэллса — на чем угодно, только не на том, что произойдет сейчас.

Человек с мертвыми глазами наклонился к нему, в его пальцах сверкал полированный бронзовый полумесяц. Пол напряг мышцы, потом рванулся торсом в сторону, натягивая веревки, пока они не затрещали. Нож оставил только неглубокий разрез, тем не менее волна невыносимой боли пробежала по его грудной

клетке. Грудь Пола даже приподнялась от напряжения, но он купил себе только несколько секунд. Узерхотеп посмотрел на него довольным взглядом и опять приготовился резать.

— Все это совершенно бессмысленно, мистер Джонас, — сказал Роберт Уэллс. — Вся эта борьба. Почему бы тебе не расслабиться и не поучаствовать в нашем забеге?

Глядя на ненавистное желтое лицо, Пол почувствовал, как его рот наполняется желчью; что-то горело в его боку, как раскаленное до бела пламя, и из него вылетел гневный, отчаянный крик, как будто зверь вылетел из своего логова.

— Чем скорее ты расслабишься и перестанешь сопротивляться, тем скорее мы сломаем гипнотический блок. — Ему казалось, что голос Уэллса доносится откуда-то издалека. — И боль прекратится.

— Ублюдок! — Пол всхлипнул. Тени в комнате ожили, что-то двигалась за Уэллсом, все расширяющаяся темнота.

Неожиданно *керихеб* отпустил свой нож. Еще до того, как тот звякнул, ударившись о каменный пол, палач отшатнулся от жертвы, размахивая руками перед лицом. Вокруг него роилось что-то невидимое Полу, какое-то облако бледных теней.

— Господин, — завыл жрец, — спаси меня!

Но что-то схватило и Уэллса: краешком глаза Пол видел высокую перевязанную фигуру, сражающуюся с чем-то маленьким и волосатым, которое схватило его ногу, как собака. Уэллс ругался от неожиданности и боли, пытаясь освободиться от напавшего на него существа. В комнату вплыли и другие фигуры. Люди кричали. Факелы раскачивались так, что тени, такие спокойные еще несколько мгновений назад, запрыгали по стенам. Казалось, что все расширилось и заколебалось.

Уэллс уже боролся с темноволосой фигурой ростом с него. Они покатились по полу, и тут вспышка электрического света на болезненное мгновение сделала мир синим. Пол с напряжением приподнял голову, и замигал, пытаясь избавиться от ярких пятен, плававших перед глазами после вспышки.

«Что происходит?..»— успел он подумать, когда позади него поднялся Узерхотеп, все еще крича и держа в руке другой нож; по его лицу ползли и извивались тени. Потом жрец упал на алтарь, ударив голову Пола о камень, и отправил его в темноту.

Его ноги, освобожденные, горели огнем, а сердце билось в груди как мотор, работающий на некачественной горючем. Голова казалась сгустком боли. Кто-то взял его под руки и потянул вверх.

— Боже мой, он весь в крови — и кровь еще течет!..

Пол, с внезапной благодарностью, узнал голос Мартины. Он

попытался открыть глаза, но они были наполнены чем-то соленым и жгучим.

— Неглубокие… с трудом выдохнул он, безуспешно пытаясь удержать тело на ногах. Кровь вернулась в затекшие ноги, как будто их одновременно укусили тысячи смертоносных муравьев. — Неглубокие порезы. Они только… начали…

— Не разговаривай, — приказала Флоримель с другой стороны. — Береги силы. Мы поможем тебе, но сейчас мы должны идти.

— Не думал, что когда-нибудь увижу такого желтолицего, — сказал незнакомый голос, низкий и хриплый; он донесся откуда-то снизу, как будто его обладатель стоял на коленях. — Ты только посмотри, как он извивается, как червяк на горячем камне. — Голос рассмеялся. — Твое заклинание, приятель, такое сильное, дальше некуда.

— Хочу отсюда, я, — Пол услышал голос Т-четыре-Б. Мальчик говорил с трудом, задыхаясь, как будто только что пробежал марафон. — Прежде чем эти чокнутые убийцы будут нас искать.

— А почему бы нам его не прикончить? — спросила Флоримель, и на мгновение, через терзающую его боль, Пол подумал, что его друзья собираются таким образом избавить его от мучений.

— Смотри, смотри! — тоненький голосок говорил почти у него в ухе. — Он весь в крови. Эй, мистер, ты еще жив? Выглядишь так, как будто тебя поцарапал целый отряд зомби.

— Что происходит, черт побери? — простонал Пол.

— Ты слишком легко говоришь о смерти Пта, — сказал хриплый голос, не обращая внимания на слова Пола, — но я должен сказать тебе, что смерть бога изменяет форму небес — особенно такого важного, как Повелитель Белых Стен.

— Уэллс нам не враг, — сказала Мартина. — Настоящий монстр в дороге — и может появиться здесь в любую секунду.

Голос у колен Пола громко рассмеялся.

— Вам не нужны другие враги, если ваш враг — наш новый повелитель, Анубис. Если он схватит вас, то раздавит за несколько мгновений — и меня заодно — как пыль под его черными пятками.

Пол наконец сумел приоткрыть глаза. Перед ним стоял кто-то очень маленький, похожий на гнома — большая спутанная борода и уродливое лицо, расплывшееся в широкой улыбке, когда маленький человек увидел, что Пол смотрит на него.

— Ваш друг опять может видеть, — сказал он, потом поклонился. — Не нужно благодарить Беса за то, что он спас тебя и твоих друзей. В этой земле осталось мало работы для

домашнего бога — все дома превращены в руины. — Гном засмеялся. Он вообще, похоже, любил хорошо посмеяться, но Пол не мог не отметить, что при этом не выглядел особенно счастливым. — Но, думается мне, все мои дела можно назвать маленькими.

Пол ошеломленно тряхнул головой. Прямо перед ним в воздухе плавала желтая обезьянка, длиной в палец. Мгновение спустя к ней присоединились еще полдюжины таких же.

— Почему никто не говорит нам, где Ландогарнер, — пожаловалась крошечная обезьянка. — Ты знаешь? И где Фредерикс?

Роберт Уэллс лежал на каменном полу в нескольких метрах от него, извиваясь, как в приступе эпилепсии; его перевязанная голова была как будто прикована к полу. Жрец Узерхотеп неподвижной грудой лежал у дальней стены, под ним расплывалась черная лужа, в которой отражались лучи факелов.

— Что происходит? — опять спросил Пол, без особой надежды.

— Мы тебе расскажем, позже. — Рука Мартины, холодная и успокаивающая, вытянулась из под его подмышки и погладила ему лицо. — Сейчас ты в безопасности.

— Ровно настолько, как и все мы, — мрачно добавила Флоримель. — Вот твоя одежда.

— Оставь Уэллса, — сказала Мартина. — Нам надо уходить. Я не знаю, как далеко до ворот.

— Ворот?.. — В голове Пола плескалась черная краска, или, может быть, грязное масло, настолько липкое, что мешало видеть и слышать. Насколько он мог понять, в помещении были еще два человека, бывшие пленники, которых стражники привели раньше, чем утащили Пола. Нанди Парадиваш увидел, что Пол смотрит на него и прихромал поздороваться.

— Я очень рад, что ты выжил, Пол Джонас. — С лица и рук Нанди кое-где содрали куски кожи, на его ногах остались отвратительные следы ожогов в виде человеческой руки. Он весь увял, от храброго, решительного и веселого человека осталась только тень. — Я никогда не прощу себе, что выдал тебя. — Пол пожал плечами, не зная, что сказать. Нанди, похоже, хотел что-то вроде отпущения грехов, но в это мгновение Полу было не до абстрактных идей. — Миссис Симпкинс и я… — Нанди неловко показал на женщину, — много дней были пленниками человека, который называет себя Джон Дред.

— Мы поговорим об этом позже. — Голос женщины прозвучал спокойно и разумно, но ее темные глаза не смотрели на Пола, а руки висели так, как будто в них не было костей.

— Пол, ты сможешь идти, если мы поможем тебе? — спросила Мартина. — Нам надо торопиться и мы не сможем нести тебя. Мы отвлекли стражников, но они могут вернуться.

Бес хихикнул, подошел к двери и распахнул ее. Из коридора доносились отдаленные крики.

— Просто невероятно, насколько можно отвлечь людей, если дать факелы группе летучих обезян.

Желтое облако взорвалось в воздухе и вылетело наружу.

— Огонь, огонь, огонь! — верещали они, кружась как песчаные дьяволы. — Красивый огонь!

— Большой *фуего*[64]!

— Племя рулит!

Т-четыре-Б, пошатываясь, отправился за ними. Одной рукой он поддерживал другую, как если бы та была ранена. Пол не мог не заметить, что раненая рука светилась.

Поддерживаемый Мартиной и Флоримель, Пол захромал из камеры. Ему пришлось переступить через одну из ног Уэллса, который брыкался и дергался, как на электрическом стуле.

Над головой висел огромный белый диск солнца, и воздух за стенами Абидоса-который-был оказался настолько горячим и сухим, что Пол чувствовал, как он высасывает всю жидкость из его легких. Здание, разрушенное и обожженное пожаром, окружало огромный храм, который еще слегка дымился. Похоже Дред порезвился здесь ничуть не меньше, чем в Додж Сити.

Полу приходилась слегка опираться на Флоримель, но силы быстро возвращались, и Мартина пошла вперед к каменному пирсу, который выдавался из задней стены храма и уходил в плоскую коричневую воду широкого канала. Обезьянки какое-то время вились вокруг нее, потом унеслись вперед, исследовать огромную золотую барку, похожую на плавучий отель, ждавшую на конце пирса. Мартина остановилась на полпути и стала медленно поворачиваться из стороны в сторону.

— Не здесь, — сказала она напряженным встревоженным голосом. — Ворота — я чувствую их, но они не здесь.

— Что это означает? — спросила Флоримель. — Они невидимы?

— Нет, просто не здесь. Я отчетливо чувствовала их, когда мы были внутри. Я и сейчас их чувствую, еще более сильно, но… — Она стала поворачиваться, пока не отвернулась от храма и не посмотрела на юг, вдоль русла реки.

— Боже мой, — медленно сказала она. — Это… это очень далеко. Но так сильно! Вот почему я думала, что они здесь, на краю храма. — Она повернулась к Бесу, который смотрел на нее с

безоблачным спокойствием того, кто видел и даже делает чудеса каждый день. — Что там?

— Песок, — проворчал он. — И скорпионы. Много песка. Больше смысла в том, чтобы сказать, чего там нет — воды, тени, убежища. Он погладил свою курчавую бороду. — Это дорога в Красную Пустыню.

— Но что-то же там есть? То, что я чувствую. Что-то большое, могущественное — и открытое. — Она нахмурилась. Пол решил, что она ищет слова, которые гном мог бы понять. — Какая-то… какая-то очень сильная и очень черная магия.

Бес покачал головой.

— Женщина, тебе не надо идти туда.

— Черт побери, но мы должны! — Мартина повернулась к нему. — Просто скажи. Мы сами решим.

Бородатый бог какое-то мгновение глядел на нее, потом опять покачал головой.

— Меня нашли маленькие обезьянки и я пришел на помощь потому, что очень жалел о том, что мне пришлось оставить этих двоих — он кивнул на Нанди и миссис Симпкинс — в злое время в храме Ра. Но теперь, неужели ты хочешь идти в еще более злое место? Я, конечно, не самый благородный из богов, но даже я не хочу посылать тебя на верную смерть.

— Просто скажи, что там такое, — резко оборвала его Мартина.

Миссис Симпкинс шагнула вперед, ее бесполезно болтающие руки делали ее похожей на просящую собаку.

— Нам нужно знать, Бес, — сказала она. — В конце концов это для нас, не для тебя.

Он зло посмотрел на нее.

— Храм Сета, — наконец ответил он. — Дом Потерянного. Это его вы чувствуете там, в пустыне. Дыра в подземный мир, место, в которое даже великий Осирис входил так, как обычный смертный входит в собственную могилу. И если вы пойдете туда, то там и останетесь, навечно.

Мартина посмотрела на него с неописуемым выражением на невидящем лице. Нанди и Т-четыре-Б прихромали обратно от пирса, где проверяли огромную барку.

— Все эти черные парни с веслами там, вроде, — сообщил Т-четыре-Б. Он все еще нянчил свою сверкающую руку, как если бы она сильно болела. — Сидят, глядят в никуда. Сканированы.

— Тогда идите туда, — сказал Бес Мартине. — Взойдите на корабль и скажите, куда хотите попасть. Корабль повезет вас. И вы будете там намного быстрее, чем сами захотите.

— Мы так и сделаем, — тихо сказала она.

— Но вы поедете без Беса. — Маленький бог с отвращением повернулся и пошел к храму. — Может быть семь Хатор дадут вам сладостную кончину.

Миссис Симпкинс повернулась и крикнула ему вслед.

— Спасибо тебе! Ты спас нас. Помоги тебе бог!

Без махнул рукой, наполовину прощаясь, наполовину отказываясь. Обезьянки покрутились вокруг его головы, потом унеслись обратно к Полу и остальным.

— Мне кажется, — мрачно спросила Флоримель, — или кто-нибудь действительно всегда говорит нам, что то проклятое место, куда мы собираемся, намного хуже того проклятого места, где мы находимся?

Полу поежился, даже несмотря на жаркий воздух Египта.

— Ну, они всегда оказывались правы, — сказал он.

* * *

Код Дельфи. Начать здесь.

Нам невероятно повезло. Нет, *мне* невероятно повезло. Моя отчаянная попытка найти помощь подняла Озлобышей, дети нашли маленького бога Беса, друга наших пленников, Нанди и Бонни Мей Симпкинс. Это по себе было подарком судьбы — само племя крошечных детей никогда не смогло бы поднять засов на двери нашей тюрьмы, но Бес намного более могуществен, чем кажется по его виду. Он же бог, в конце концов.

И, несмотря на все мои мрачные предчувствия, мы успели спасти Пола, раненного, истекающего кровью, но живого и даже не сошедшего с ума. Даже сейчас его кожа вся в крови, хотя я и перевязала все его многочисленные раны, и он спит рядом со мной. Нанди и Бонни Мей тоже сумели пережить пытки, хотя тень страданий осталась на обоих. Виртуальные галерные рабы гребут на барке Осириса против течения, как мотор, которому все равно куда плыть — а плывем мы к Храму Сета.

Я и без Беса знаю, что наше путешествие очень опасно. Орландо и Фредерикс однажды побывали там — их затянуло туда, как листья, подхваченные водоворотом — и Орландо рассказывал, что они едва остались живы. Тем не менее я настроена, скорее, оптимистически, как бы глупо это не звучало. Мы все живы, хотя, с точки зрения здравого смысла, уже давно должны были умереть. И убежали прямо из-под носа у Дреда, по меньшей мере на какое-то время. Что-то внутри меня пляшет как ребенок, который выскочил в сад после долгого скучного дня в доме. Я жива! Нет ничего важнее. Пусть на мгновение, но этого

достаточно.

Но когда я чувствую, что Пол лежит рядом со мной, погруженный в глубокий сон усталого до невозможности человека — и чем-то напоминает Роберта Уэллса, которого Хавьер ударил по голове своей сверкающей рукой, после чего один из великих богов этого симмира упал на пол как баран на бойне — я не могу не спросить себя, что все это значит. Мы опять выжили, неужели просто по счастливой случайности? Мы внутри операционной системы, выросшей на сказках, и поэтому череда совпадений и странных спасений не кажется такой невероятной. Возможно система специально повредила руку Т-четыре-Б, чтобы он раз за разом спасал нас — и это тоже часть сетевой сказки. Но все-таки это не объясняет, почему на нас постоянно обрушиваются удары судьбы. Я сама пришла в сеть, пытаясь помочь Рени Сулавейо спасти ее брата, и совершенно не подозревала, что это как-то связано с теми ужасными событиями, когда я потеряла зрение. Как можно объяснить это совпадение?

Быть может в этой сказке намного больше идей, чем я думаю.

Не так ли мы, люди, создаем вселенную, придавая форму самому времени? Разве мы не берем сырой материал хаоса и упорядочиваем его, выделяя начало, середину и конец, как и самые простые и, одновременно, самые глубокие сказки, отражающие суть нашей крошечной жизни? И, если физики правы, утверждая, что физической мир изменяется наблюдателем, разве мы — единственные наблюдатели здесь — не сгибаем эту вечно-хаотическую вселенную, вечно действующее Сейчас, не придаем ей знакомую форму?

Если это действительно так, то эта вселенная, от самой маленькой квантовой пыли до самых широких пустых пространств, действительно принимает форму. Так начинаются все сказки: «Давным-давно…»

И, если это правда, тогда только мы, люди, несчастные, голые полуобезьяны, прижатые к земле светом нашей единственной звезды, затерявшейся на окраине второстепенной галактики, можем определить, действительно ли будет «Счастливый конец».

Мое сердце болит, думая об этом. Слишком большая и странная возможность, особенно сейчас, когда мы в такой опасности.

Корабль Осириса рассекает ленивую воду реки, трясется подо мной, доски палубы потрескивают, весла ударяют в нечеловечески ровном ритме. Мы плывем по Нилу в самое мрачное место в этом мире, а быть может и во всех этих мирах. Я очень устала. Лучше мне немного поспать.

Код Дельфи. Закончить здесь.

* * *

Дред плавал в белой пустоте костяного замка Аутбэк. Издалека доносилось тявканье динго, достойный, хотя и странный контрапункт к мелодии пианино, трепетавшей в воздухе. Дред приглушил свет, погрузив скучный ландшафт в сумерки, и вгляделся в краткую экономическую сводку, приготовленную для него Дульси Энвин.

Он нахмурился, ему хотелось парить и грезить наяву, а не изучать скучные цифры. Сводку дополняли диаграммы, трехмерные графики и список активов — аккуратно просуммированные данные о самых разных холдингах, принадлежащих Феликсу Жонглеру. Из каждой точки выпрыгивал целый лес ссылок на информацию о доступе и связях, и он немного развлек себя, придумывая, как какая-нибудь подкорпорация, холдинг или просто собственность может быть использована, как инструмент боли.

Он с удовольствием слушал одинокий и атональный напев пианино. «Из этих сухих цифр я могу сделать настоящую симфонию,— подумал он.— Экономический кризис здесь, чума там, даже богачи перестанут наслаждаться легкой жизнью. Война, голод — все кровавые всадники Апокалипсиса, один за другим. Что-то вроде Третьей Мировой Войны, но медленной. Чтобы подольше и полегче наслаждаться.

Конечно, я буду играть ее очень аккуратно — надо быть всегда уверенным, что дела не вышли из-под контроля. И, кроме того, я же не хочу, чтобы со мной что-нибудь случилось, верно?»

Но прежде, чем этот план, обещавший настоящее наслаждение, мог начаться, надо было уладить последние детали. Одно дело — иметь доступ к самой секретной информации Феликса Жонглера, и совсем другое — осуществить те артистические проекты, о которых он сейчас грезил. Безусловно в какой-то момент отсутствующий Жонглер будет официально признан мертвым, и все эти различные управляющие и наследники выйдут на сцену, выслав перед собой армии бухгалтеров и экономистов. И Дред знал, что, прежде чем это произойдет, он должен будет завладеть всем, перевести все активы в свои руки.

Нужна ли для этого Дульси? Она пережила свою полезность. На самом деле она слишком много знает. Еще день или два, она поможет ему перевести со всеми эти переводами, а потом ее поездка в Австралию закончится. Он уже решил, как сможет сделать так, чтобы получить небольшое удовольствие для себя, и не вызвать при этом ненужных подозрений у полиции. Кто

вообще удивится, если бедную американскую туристку ограбят и убьют в трущобах Сиднея?

К пианино присоединился новый звук, на этот раз не дикие собаки, а писк срочного сообщения. Дред сначала хотел не обратить на него внимания, но передумал — а вдруг от Дульси? Им осталось пробыть вместе очень недолго, и он хотел, чтобы она работала не покладая рук. Управляющий бога не должен упустить ни одного актива.

К его удивлению вызов пришел по линии, которую он никогда не использовал. Голова, наполнившая открывшееся в воздухе окно, оказалась полностью выбритой, его одежда была серо-черной от сажи.

— О Всемогущий Повелитель! — завыл жрец, заикаясь от страха и спешки. — На нас напал враг, о Великой Дом! Твои слуги в отчаянии — вся Черная Земля охвачена ужасом!

Дред нахмурился. Это был один из виртуальных жрецов Старика. Вызов пришел к нему через личное соединение Жонглера к сети Грааля, как если бы слуга звонил из настоящего мира, а не из воображаемого Египта.

— Что ты хочешь?

— О благословленный Анубис, повелитель последнего пути, великий Абидос горит! Множество жрецов умерло, намного больше получили страшные ожоги и лежат, умирая!

Интересно, что жрец позвонил ему, подумал Дред, хотя он сам пытал и убивал жрецов в Абидосе-Который-Был ровно двадцать четыре часа назад.

— И?

Испачканное пеплом лицо жреца стало еще бледнее. Какое-то время от открывал и закрывал рот, не в силах ничего сказать.

— И пленники великого бога убежали.

— Что? — Дред сузил глаза. — Ты дал этим двум идиотам из Круга убежать? Обоим?

Жрец сглотнул. Потом заговорил, почти зашептал.

— Всем. Всем пленникам великого бога.

— О чем ты говоришь? — Он услышал, как его голос превратился в злое рычание, как если бы он действительно стал тем богом, которым видел его жрец.

— Не шевелись!

В мгновение ока он перенесся в Египет.

Уэллс съежился на полу камеры, одежда мумии в грязи, бананово-желтое лицо перекошено страхом и негодованием; он с ужасом глядел на огромную фигуру с головой шакала.

— Откуда я мог знать? — Уэллс говорил неразборчиво и

невнятно, как если бы что-то повредило его мозг. — Это был какой-то ребенок, быть может тот самый, что напал на Якубиана. Он… он просто ударил меня рукой. И меня парализовало — я чувствовал себя так, как если бы меня выбросили из сети, хотя я все еще находился в виртуальном теле.

— Что за хрень ты несешь? — Дред повернулся и сильно ударил Уэллса по голове, швырнув перевязанного бога на пол. — Я тебя покажу паралич, ты скулящий педераст. Жрецы сказали, что мои пленники убежали — *все* мои пленники. Я захватил двоих, мелкая добыча, но они не могли уйти никуда. Почти дохлые. Так о чем говорил жрец?

— Они просто… появились здесь, — быстро сказал Уэллс. — Те, с которыми я встречался в мире Кунохары. Они появились здесь, я схватил их и держал для тебя.

— Мир Кунохары?.. — Дред уставился на скорчившуюся на полу фигуру. — Неужели ты говоришь мне?..

Уэллс пытался подняться на ноги.

— С ними был Пол Джонас.

— Это что еще за кусок дерьма? — Имя казалось смутно знакомым, но все воспоминания смыл красный раскаленный гнев, и он чувствовал, что еще немного, и взорвется.

— Его искал Жонглер. — Уэллс, казалось, решил, что это информация спасет его; он встал на ноги и смело посмотрел на Дреда. — Старик перевернул всю сеть сверху донизу, пытаясь найти его, но мы так и не узнали почему — мы даже не знали его имени. В мозгу этого Джонаса гипнотический блок, он почти ничего не помнит, вот я подумал, что маленький сеанс с одним из моих жрецов, херибом, поможет ему вспомнить…

— Заткнись! — проревел Дред. — Мне нет дела до твоего Джонаса. Кто там был? Что за пленники? Куда сбежали.

Уэллс, мигнув, отшатнулся назад.

— Я говорил тебе… они из мира Кунохары. Ты же помнишь, верно? Ты сам послал за ними жуков-мутантов. Парень со странной рукой. Женщина с перевязанной головой. Слепая женщина…

— Что?! Ты… у тебя в руках была Мартина?.. — Дред едва мог говорить, его руки тряслись. — Ты держал в руках Мартину Дерубен и ее друзей, и не сказал мне?

Уэллс отступил на шаг назад. Он постарался стать выше.

— Я обязательно сказал бы тебе. Не сомневайся! Но я решил, сначала, кое-что узнать и сам принял решение. Я управляю одной из самых больших компаний в мире — и теперь я еще бог, тоже!

— Куда они ушли?

Уэллс, с выпученными глазами, огорченно покачал головой.

— Хорошо. Я узнаю сам. — Он схватил Уэллса и подтащил его ближе, так, что теперь мог схватить челюстями безволосую голову Пта и разгрызть ее, как орех. — Вы, проклятые янки, думаете, что знаете все. Вот тебе немного того, что ты не знаешь, приятель. Быть может ты и бог… но здесь я всемогущий бог.

Его жертва забилась от ужаса, но только на мгновение. Рука Дреда ударила, быстрая, как укус кобры, и погрузилась в разинутый рот Роберта Уэллса, потом пальцы согнулись, ударили вверх и прошли через череп, как если бы это была яичная скорлупа. Обездвижив меньшего бога, он схватил желтые губы, у стал растягивать их как можно шире, как маску из латекса, до тех пор, пока лицо не исчезло. Потом, одним ужасным быстрым движением своей длинной руки, он выдернул скелет из тела и бросил его на пол. Кукла из костей и сухожилий извивалась на полу как рыба на суше, рядом с пустыми резиновыми складками собственной плоти. Глаза, заключенные в глазницах голого черепа, дико вращались, хотя разум в них уже начал гаснуть.

— Так ты бог, а? — Дред плюнул на скользкие блестящие кости. — Тогда вылечи *это*.

Настроение слегка улучшилось, и Анубис отправился на поиски пленников.

* * *

Теперь он мог думать. Густой туман, который омрачал и спутывал все мысли, начал рассеиваться, как бы высыхая под жарким египетским солнцем, но тут Пол обнаружил, что ему не просто неинтересно думать, нет, ему активно не хочется это делать. Он испытывал стыд и ужас при одном воспоминании о собственной беспомощности.

Проснувшись, он перетащился в тень навеса, стоявшего на позолоченной палубе барки. Похоже, они вышли из канала и плыли по самому Нилу: по берегам широкой коричневой реки тянулись километры пустого песка. Далекие вздыбленные горы, охряно-серые и плохо видимые, только подчеркивали плоскую безликость пустыни.

Хотел он того или нет, но в голове уже трепыхались лоскуты воспоминаний — Ава, чирикание птиц, торжествующее, почти человеческое лицо Мадда, заставшего их в объятиях друг друга.

«Я целовал ее. Любил ли я ее? Почему я этого не чувствую? Если вы любили кого-нибудь, вы не можете это забыть, да?»

«Слишком темно, слишком тяжело на душе». Он не хотел узнать, что было дальше — безусловно кто-то из них предал

другого. Ничто иное не могло объяснить отвращение от одной мысли о новых воспоминаниях.

Нанди Парадиваш опустился на палубу рядом с ним, отвлекая его от мрачных мыслей, и уже за это Пол был ему благодарен.

— Я вижу, что ты проснулся. — Он говорил намного медленнее, чем тогда, когда они впервые встретились. И вообще потерял всю свою живость и непоседливость, которую Пол помнил по Ксанаду — стал сухим и жестким, как бы окаменел. — Я рад видеть тебя опять, Пол Джонас.

— И я тоже рад тебя видеть. У меня еще не было возможности поблагодарить тебя — ты спас мне жизнь.

— А, от людей Хана? — На лице Нанди появился призрак улыбки. — На самом деле они ловили меня, но я убежал. Эта жизнь, она похожа на детскую игру с приключениями, верно? И все-таки она очень опасна, как для тела, так и для души.

— «*Ничто вокруг тебя не настоящее, но все, что ты видишь, может тебя ранить или убить*», — процитировал Пол. — Вот сообщение, которое я получил — мне кажется, я говорил тебе о нем. И ты действительно спас меня. Ты объяснил мне, что происходит. Без тебя, боюсь, я бы сошел с ума.

Нанди медленно и осторожно сложил свои обожженные ноги ноги в позу лотоса. — Грубые шрамы на них перенесли Пола обратно, к своим собственным последним часам в храме, и на мгновение в нем все заболело.

Нанди, похоже, ничего не заметил: он не отрывал взгляда от пустого берега реки.

— Бог защитит нас от злых людей. Они увидят, как все их труды пойдут прахом. — Он повернулся к Полу. — И их труды действительно пошли прахом, верно? Я говорю о том, что случилось на церемонии бессмертия Братства Грааля.

— Да. Но почему-то я не чувствую себя так, как будто мы победили.

Какое-то время они молча сидели, пока Пол внезапно не сказал.

— Знаешь, ты был прав. О Пэнках.

Нанди нахмурился.

— Кто это?

— Английская пара. Мужчина и женщина, которые были со мной, когда мы встретились в первый раз. — Он рассказал о странных событиях в катакомбах под Венецией в то мгновение, когда Близнецы и Пэнки встретились лицом к лицу, как будто в зеркало глядели, и как Сефтон Пэнки и Ундина Пэнки повернулись и исчезли. — Но это все еще не объясняет их, —

добавил он.

— Возможно более ранняя версия, — предположил Нанди. — Кто-то выпустил новый, улучшенный продукт и позабыл уничтожить первоначальную версию.

— Возможно, но были и другие, — сказал Пол, вспомнив мир Кунохары. — Я встречал их в виде пары насекомых, и им тоже не было дела до меня. Они тосковали по кому-то, кого называли Маленькой Королевой. — Воспоминание укололо его. — И Пэнки тоже искали их вымышленную дочь.

— Тогда две копии оригиналов, — сказал Нанди, — с которыми, как мне рассказала Мартина, ты встречался.

Пола ошеломила мыслью о том, что люди обсуждают его грязные тайны, его замечательно забытую жизнь — в конце концов это *его* жизнь, разве нет?

«Которая вся сплошная загадка,— напомнил он себе. И здесь мы все в ужасной опасности».

— Да, думаю встречался, но даже сейчас я почти ничего не помню. — Она опять появилась, тень на краю мыслей, туманное ощущение чего-то, что лучше не знать. — Но почему эти разные версии действуют совсем по другому? Почему некоторые из них буквально охотятся на меня, а другим до меня нет никого дела? — Перед его мысленным взглядом опять возникли венецианские катакомбы и две пары, похожие как две капли воды, на которые с удивлениям смотрели он, бедолага Гэлли и Элеанора.

— Возможно они по разному запрограммированы. — Нанди, казалось, не очень хотелось размышлять на эту тему, но Пол пытался вспомнить что-то, что Элеонора сказала ему, или показала ему…

— Боже мой, — внезапно сказал он, — они действительно копии. — Он сел прямо, не обращая внимания на острую боль в ребрах. — Элеонора — настоящая женщина, жившая с симмире Венеции — она показала мне своего любовника, мафиози, который построил этот мир для нее. К тому времени он уже умер, но люди Грааля сняли с него копию, пока он еще был жив. Я думаю, что это был более ранний образец процесса Грааля. Он был достаточно настоящий — мог отвечать на вопросы — но, на самом деле, был чем-то вроде информационного цикла, отвечающего на то, о чем его спросили, и повторяющего свои слова снова и снова. Что если Пэнки и все остальные версии Двойников — тоже что-то в этом роде?

— У тебе идет кровь, — спокойно сказал Нанди.

Пол посмотрел вниз. Его внезапное движение открыло неглубокую рану на груди; через грубый комбинезон сочилась

кровь.

— Джонас, что ты делаешь? — Флоримель уже бежала к нему. — Мартина, у него опять идет кровь.

— Она тебя не слышит, — сказал Нанди. — Она на носу.

— Помоги мне перевязать его.

— Со мной все в порядке. — Но Пол не стал сопротивляться, когда Флоримель расстегнула его комбинезон и, ругаясь, начала удалять промокшие насквозь куски материи, которыми обмотала его Мартина.

— Т-четыре-Б, — позвала она. — Где ты? Найди что-нибудь, что можно использовать как повязку. Т-четыре-Б? — Нет ответа. — Черт побери, Хавьер, где ты?

— Хавьер? — спросил Нанди, помогая Флоримель снимать с Пола комбинезон.

Пол разозлился — но не на угрожающие жизни раны, а на мысль, жегшую ему голову. Много копий, некоторые более совершенные чем другие…

«Я сломанное зеркало,— сказала она ему.— Сломанное зеркало…»

— Ты не торопился Хавьер, — с упреком сказала Флоримель, когда мальчик наконец появился. — Нашел что-нибудь?

— Ничего. — Он бросил на Нанди такой взгляд, как будто больше боялся его, чем гнева Флоримель.

— Хавьер… Хавьер Роджерс? — спросил Нанди.

— Нет! — резко сказал Т-четыре-Б, потом закостенел, и угрюмо посмотрел вниз, на свои ноги. — Да.

— Ого, вы знаете друг друга? — Взгляд Флоримели переходил с одного на другого.

— Да, — сказал Нанди. — Хавьер здесь только потому, что ему помог Круг.

Флоримель повернулась к Хавьеру.

— Это правда?

— *Фенфен,* — печально ответил он.

Все собрались вокруг мальчика с таким видом, решил Пол, что трудно не подумать об инквизиции. Но Т-четыре-Б, несмотря на мокрое от пота лицо и юношеское смущение, не выглядел жертвой.

— В чем еще ты обманул нас? — спросила Флоримель.

— Не соврал ни в чем, я, — засопел Т-четыре-Б. — Не брехал. Просто не все говорил, сечешь?

— Ты не должен оправдываться в то, что веришь в бога, дорогой, — уверила его Бонни Мей.

— Он не хранил от вас никаких опасных секретов, — сказал

Нанди. — Мы вербуем многих, вроде него, талантливых молодых людей и женщин веры. Мы обучаем их, даем им знания, информацию и экипировку. В конце концов это война, мы сражаемся, и вы должны знать это лучше, чем кто-нибудь другой. Разве вы сами не использовали людей, чьи мотивы скрыты намного глубже, чем ваши?

— Ты работал на Кунохару, признайся? — спросила Флоримель. Пол подумал, что на выглядит необычно взволнованной. — Неужели Мартина была права, подозревая тебя?

— Нет! Ничего не делал для Куно-как-его-там, я. — Он выглядел так, как будто собирался заплакать. — Я вообще ничего не делал плохого. Просто… просто не сказал вам о Круге.

Пол посмотрел на Мартину, но та, казалось слушала что-то другое.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «людей и женщин веры»? — спросил он у Нанди.

— Мы — группа людей, связанных вместе нашей верой в силу, большую чем человечество. Я не скрываю это от тебя с того мгновения, как мы встретились.

— Но Хавьер?..

Мальчик посмотрел на них исподлобья, когда заметил, что все опять смотрят на него.

— Родился заново, я. Христос спас меня.

— Опять ты за свое, — сказала Бонни Мей. — Не стыдись пути, который выбрал. «Блаженны алчущие и жаждущие правды» сказал Иисус в нагорной проповеди, «ибо они насытятся».[65] Нет ничего дурного в жажде правды. — Она повернулась к остальным. — Мальчик нашел свой путь через Христа. Неужели это оскорбляет вас? А тогда, как же я? Есть что-нибудь дурное в любви к Богу?

— Иисус помог мне завязать, — серьезно сказал Т-четыре-Б. — Я был, вроде того, пропащий. Он спас меня.

— Пришел в твой дом и показал тебе новые фокусы? — Флоримель коротко рассмеялась. — Извини, но я выросла с этой чушью. Она отравила жизнь моей матери и мою, тоже. Извини еще раз, но я почувствовала себя преданной, когда узнала, что ты все это время служил другому господину.

— Служил другому господину? — разозлился Нанди. — Как? Мы не говорили с Хавьером с той секунды, как он вошел в сеть. И разве ваши цели чем-то отличаются от наших — спасти детей и разрушить эту дьявольскую операционную систему, эту ужасную машину бессмертия, пожирающую души и кровь?

«Я думал о чем-то важном, когда это все случилось»,—

подумал Пол, но никак не мог оторваться от яростных или сконфуженных лиц товарищей. Только Мартина Дерубен казалась где-то в другом месте, слушая то, что могла слышать только она.

— Мартина? — спросил он.

— Близко, — сказала она. — Я чувствую его. Оно не похоже ни на одно из тех мест, где мы уже были — что-то вроде Пещеры Потерянных Душ, но одновременно и более и менее живое. И очень могущественное. — Она поежилась. — Близко. Очень близко.

Пол поглядел вперед. Корабль, влекомый не устающим экипажем роботоподобных галерных рабов, одолевал излучину широкой ленивой реки. Когда они проплывали мимо россыпи торчащих из воды камней, Пол увидел его, расположившегося на широкой долине красного песка.

— Господи, — тихо сказал он.

— Оно пусто. — Мартина все еще хмурилась, на ее лице застыла боль. — И не пусто. Глубоко внутри есть что-то горячее и активное. Оно похоже на печку с закрытой дверцей.

Озлобыши, которые витали наверху как анархические мысли над головами фигурок комиксов, сгрудились в желтое облако и опустились на плечи Полу.

— Плохое место, — сказал один из них.

— Был здесь, — добавил другой. — Больше не хочу. Летим отсюда!

Некоторые из них взлетели и стали дергать Пола за волосы.

— Время лететь. Туда, где весело. Давай!

Обсуждение Т-четыре-Б закончилось в то же мгновение, когда они увидели отдаленный коричневатый храм — сделанные из песчаника колонны массивного фасада стояли как часовые перед смоляно-черной тенью.

— Он… он выглядит как улыбка, — сказала Флоримель.

— Мертвая улыбка, — медленно ответил Нанди. — Ухмылка черепа.

Храм не только выглядел пустым, но и оказался наполовину похоронен под песчаными дюнами, как будто его давно никто не посещал и о нем полностью забыли. Кружась под ветром, который никто из них не чувствовал, облака искрящихся серых песчинок набросили на храм защитный полог, который скрывал его полный размер и структуру.

Равномерный плеск весел замер. Корабль медленно остановился у дока. Пол и его товарищи вгляделись в черневший перед ними храм, его обветренный фасад, высокий, как офисное здание и широкий, как целый городской квартал. И ни малейшего

звука.

— Не хотел бы идти, туда, — наконец сказал Т-четыре-Б.

— Мы должны, — сказала Мартина, с нежностью: если она и слышала спор о его тайном членстве в Круге, то он не изменил ее мнение о юноше. — Дред бросится за нами — и он может появиться здесь в любую секунду. Его не обмануть и не победить — это не Уэллс. И он будет очень злым.

Т-четыре-Б больше не сказал ничего, но когда другие пошли к трапу, он пошел вместе с ними с таким видом, как будто его вели на казнь. Озлобыши висели на нем, Флоримели и Поле, как летучие мыши; их хорошее поведение даже настораживало.

— На этот раз не так плохо, — прошептал один из них в ухо Пола, хотя в детском голоске не хватало уверенности. — Оно спит. Быть может и не заметит, что мы здесь.

Несмотря на предупреждение Мартины, Пол не мог заставить свои ноги тащиться быстрее по обоженной солнцем пустыне. Летящий песок жалил лицо. Черный ряд колонн приготовился проглотить их. Сам воздух казался тяжелым, как если бы они проталкивались через что-то твердое и липкое. За ним Флоримель придушенно вскрикнула, страх сжал ей горло, она сражалась за каждый глоток воздуха.

Они вступили в тень циклопический колонн, жара уменьшилась, но ненамного. Длинная стена перед ними когда-то была разрисована фресками, но теперь они настолько выцвели, что казались рисунками идиота, лишенными смысла каракулями. Единственная дверь оказалась обыкновенным черным квадратом посреди массивной стены, дырой в более глубокую темноту.

Мартина шла первой, зажав руками уши, несмотря на ожидаемую тяжелую тишину — как будто кто-то стоял рядом с ней и кричал, подумал Пол, пока он и все остальные шли за ней.

Его глаза, наконец, привыкли к почти полной темноте, рассеиваемой только светом из двери, и Пол увидел лежащие повсюду завернутые в белое тела, не меньше пары дюжин. Ни одно из них не двигалось, и все умерли в муках. Он с отвращением отвернулся от ближайшего трупа, чьи покрытые красным пальцы как будто еще царапали неподатливый каменный пол, глаза выпучились наружу в поисках спасения, которое не придет никогда.

— Это не марионетки, — тихо сказал Нанди. Пол с удивлением посмотрел на него. — Это пустые симы, — сказал темноволосый человек. — Видишь — они не сгнили и даже не изменились, только застыли. Настоящие люди, оживлявшие их, умерли, или ушли в офлайн, оставив за собой пустые симы.

Мартина остановилась перед огромной, доходящей до

потолка дверью во внутренней стене, обе ее створки были покрыты чеканной бронзой. От размера двери желудок Пола болезненно сжался.

«Я совершенно не хочу знать, что находится по другую сторону…»

Кто-то коснулся его руки и он подпрыгнул.

— Никому не лгал, я, — тихо сказал Т-четыре-Б. Пола потрясло, что, посреди напоенной смертью атмосферы, мальчик беспокоился только о том, что думают о нем другие.

— Я верю тебя, Хавьер.

— Извини. Извини… я пытался закрыть тебя. — Он говорил так тихо, что Пол с трудом понимал его. — На горе, типа.

— О, это! Я давно простил тебя, успокойся.

— Но эта девчонка, Эмили, она была чизз. Пожалел ее, я. Реально. — Он, похоже, отчаялся пытался, чтобы Пол его понял. — Когда весь этот *фен* слетел…

Полу весь этот разговор казался чем-то нереальным. «Сначала Нанди, а теперь этот пацан. С каких это пор я стал исповедником? Или они оба думают, что нам долго не прожить — и скоро будет слишком поздно для извинений…»

— Эй вы, двое, собираетесь ходить вокруг и около, и ждать, пока кто-нибудь не убьет нас? — голос Мартины, искаженный страхом и болью, или ими обоими, напугал как Пола, так и Т-четыре-Б. — Идите сюда и помогите открыть дверь!

Оба быстро прошли через гулкий зал. Все остальные уже собрались около двери, и тихо перешептывались. Полу захотелось громко рассмеяться, но страх слишком давил на него. Почему они говорят так тихо? Неужели они думают, что тварь на той стороне действительно спит и боятся ее разбудить?

Он вспомнил чудовищное присутствие, которое испытал на Итаке, и то, что пришло к Орландо и Фредерикс в Холодильнике. Неужели они не понимают это место? Иной всегда спит — и всегда слушает.

Дурные предзнаменования давили, было трудно думать и двигаться, но он сам давил, вместе с Т-четыре-Б и Нанди, на закрытую двойную дверь. Какое-то время ничего не происходило, но потом бронзовые створки с ужасающим скрежетом распахнулись — как будто завыл разозленный первобытный зверь. Озлобыши бросились прочь от открывшегося отверстия, как если бы оно вело в пещеру, наполненную отравленным газом или обжигающим воздухом; Пол не мог не вспомнить слова Мартины о печке.

— Не идем туда! — крикнула одна из обезьянок. — Ждем здесь! — Они бросились в вестибюль и повисли в воздухе около

входной двери, возбужденно и боязливо переговариваясь.

Мартина уже вошла внутрь, идя как будто против сильного встречного ветра. Пол последовал за ней, ожидая похожих ощущений, но, к его удивлению, чувство опасности внутри было не больше, чем снаружи.

Помещение внутри было сделано из грубого темного камня, как если бы кто-то очень быстро и неряшливо вырезал его в живой горе. В центре, по контрасту тщательно отполированном, находился огромный черный саркофаг.

Пол почувствовал, что все давление идет из него, но ему не хотелось делать следующий шаг. Мартина опять прижала ладони к ушам и закачалась, как если бы у ней закружилась голова. Пол испугался, что она может упасть, но даже это не могло заставить его подойти к молчаливому каменному ящику.

— Он… он чувствует меня… — сказала Мартина задыхающимся шепотом. — Ее слова отразились от стен и вернулись обратно. «*Чувствует меня… чувствует…*»

Свет, болезненно яркий, вспыхнул у края пещеры, метрах в двадцати от гроба. Чувствуя себя как в ночном кошмаре, Пол не мог двигаться, но сердце в груди билось как сумасшедшее.

Свет мгновение повисел в воздухе, разбрасывая вокруг себя искры, как от горящего магния, потом искры сложились белую дыру, по форме напоминающую человека. Пол с удивлением ощутил смутное и немного тревожное чувство узнавания. Тем не менее ни он, ни его товарищи оказались не готовы к высокому тонкому голосу, прозвучавшему в пещере.

— *Черт побери! Что за* mierda *этот сумасшедший старик, который бросил меня сюда?*

Невероятное зрелище перекошенной безликой фигуры, ругавшейся по-испански, внезапно прервал крик, донесшийся из облака желтых обезьянок, висевшего у входа в погребальную комнату.

— Кто-то идет, — заверещали они. — Смотри! *Le* big *chien*[66]!

Их восклицания слились в гул, из которого нельзя было понять, что происходит.

— Дети, что произошло, почему вы кричите? — спросила Бонита Мей Симпкинс. — Зунни, говори ты — остальные, молчок!

— *Не удивительно, что вы все друзья Селларса*, — объявила сияющая фигура со смесью радости и недовольства. — *Вы все* loco[67], *ясно*!

— Селларс? — вздрогнув сказала Флоримель.

— Она идет, — объяснила маленькая обезьянка по имени Зунни.

— Кто?

— Большая черная собака, — пропищала она. — Идет через пустыню.

— Очень, *очень* большая, — запищала еще одна. — Как гора. И идет очень быстро.

ГЛАВА 35
Обувь Радуги

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Зарядники осаждают «В настроении»

(изображение: пациентки ВСН ждут подгонки модуля)

ГОЛОС: Вагинальная Симуляция Нервов, или ВСН, искусственный процесс, позволяющий изменить настроение, который некоторые врачи прописывают для лечения от зарядной зависимости, может сам стать некоторой формой наркомании.

(изображение: Доктор Карина Каванде, вставка)

КАВАНДЕ: «В сущности это было неизбежно. Стимуляция вагинальных нервов, которая должна освобождать от стресса, является приемлемой заменой крайне опасным уличным устройствам только в том случае, если проходит под наблюдением врача. Но любое устройство, основанное на коде, может быть взломано, и уже появились пациентки, которые используют ВСН двадцать четыре часа в сутки…»

Пока они шли сквозь толпу, мимо Сэм Фредерикс проходила череда странных лиц и созданий, которые как будто вышли из бесконечного ночного кошмара — собаки, птицы, змеи с опаловыми глазами, дети с крыльями и птичьими головами, мальчики и девочки, сделанные из дерева, пряника или стекла. Но среди тысяч созданий, окружавших Колодец и его надоедливые огни, целого лагеря беженцев, раскинувшегося под бесконечным сумрачным небом, не было ни одного знакомого.

Ни одного, кто бы был Рени Сулавейо.

Она даже не могла смотреть на !Ксаббу, который, она знала, должен быть еще больше разочарован, чем она. Оставив Азадора с его вновь найденной цыганской семьей, !Ксаббу почти бегом бросился на поиски Рени, но день уже увял, шаги маленького человека стали намного более медленными, а ни малейших следов Рени они так и не нашли. Во время их путешествий, даже в самые отчаянные времена, она не видела его таким усталым. А теперь он едва дышал.

— Пошли, нам надо вернутся назад. — Сэм взяла его за руку. — Позже мы еще раз все осмотрим.

Он повернулся к ней с пустым, глубоко разочарованным лицом.

— Ее здесь нет, Сэм. Нигде. И если это — последнее место в этом мире…

Она не знала, что и думать об этом, и не хотела, чтобы !Ксаббу тоже думал.

— Нет, на самом деле мы не знаем, как работает это сканированное место. И мы могли пропустить ее — я так устала, что перед глазами все плывет.

Он вздохнул.

— Это ужасно, я не должен был так таскать тебя, Сэм. Пошли, вернемся к народу Азадора и немного отдохнем.

— Чизз. Ты помнишь, где они? — Сэм поглядела на кольцо окружающих Колодец одинаковых холмов. — Лично я заблудилась. — Девочка чувствовала себя слегка виноватой — она нарочно рассчитывала на его защитительные инстинкты — но знала, что так будет лучше ему самому. «Даже смешно, насколько !Ксаббу похож на Орландо,— подумала она.— Ты не можешь заставить их сделать что-то для самого себя, но они в лепешку расшибутся ради друга».

«Орландо даже погиб, спасая меня…» Это была не самая хорошая мысль, и она отбросила ее.

Казалось, что путь через плотную толпу занял несколько часов. Большинство из беженцев просто стояли, ничего не делая, и только некоторые из них пытались найти своих пропавших товарищей — крошечные общины из мест вроде Где Бобы Разговаривают или Скамья Башмачника пытались даже помочь Сэм и !Ксаббу — но все остальные просто подошли к Колодцу так близко, как только могли, и остановились.

Цыгане Азадора то ли приехали раньше всех, то ли были более агрессивными, чем все остальные, но их лагерь оказался очень близко к краю Колодца, раскрашенные фургоны сгрудились у самого края пропасти, как если бы группа туристов решила устроить пикник на краю гигантской воронки от бомбы — но никакая воронка никогда не выглядела похожей на Колодец.

Когда Сэм впервые увидела его, она подумала, что в его черной воде отражают не изменяющееся вечернее небо над головой и брызги слабых звезд. Но когда они, еще не пришедшие в себя после пересечения моста и молчаливые, подошли поближе, она обнаружила, что Колодец — совершенно особое зеркало. Звезды, или скорее точки света, движущиеся в его темных глубинах, ничем не походили на стоявшие на месте звезды в небе: они вспыхивали и умирали, непостоянные как болотные огоньки. Иногда внизу расцветал более сильный огонь, и на мгновение

весь колодец наполнялся красноватым сиянием, как если бы в самой глубине его родилась суперновая. Бывали моменты, когда огоньки начинали тускнеть и полностью исчезали; на какое-то время Колодец становился совершенно черной, лишенной света дырой, выдолбленной в безжизненной земле.

— Это гора, вверх тормашками, — сказал !Ксаббу, когда они впервые подошли к Колодцу, а Азадор бежал впереди как человек, тропящийся встретить с возлюбленной после долгого расставания. Тогда Сэм не очень понимала его, а сейчас подумала, что знает, что он имел в виду. Почти все в Иноземье встало в ног на голову, все шло неправильно.

Наконец она с облегчением увидела огни цыганского табора. Чем больше она глядела на Колодец, тем больше он казался ей, особенно в темное время, пещерой, убежищем. Она легко могла себе представить, как что-то большое, вроде гиганта на верхушке горы, внезапно взбирается из его волнующихся глубин. Но цыгане, как и другие сказочные жители этого места, вообще не боялись его. Для них конец мира стал замечательным поводом для того, чтобы собраться вместе и повеселиться. Пока она и !Ксаббу шли вдоль края пропасти, в таборе играла музыка и красивые голоса пели веселые песни.

Феликс Жонглер не участвовал в их поисках. Чему Сэм была очень рада, хотя ей и показалось странным, что этот человек с мертвыми глазами решил остаться в лагере цыган, окруженный живыми стереотипами беззаботными веселья. Сейчас, когда они вернулись в окрестности лагеря, она увидела, что он сидит на ступеньках одного из фургонов, глядя как трио цыганок с длинными шалями пляшут под скрипку. Она потянула !Ксаббу в другую сторону: сейчас, подумала она, у них слишком тяжело на душе, чтобы общаться с этим ужасным стариком.

Азадор заметил, что они идут вдоль лагеря, и вышел навстречу. Он заменил свою походную одежду на новую: цветастую куртку и белую рубашку с надутыми рукавами. Его черные ботинки сверкали. Он даже причесал и намаслил волосы, которые сверкали почти так же ярко, как и сапоги.

С белозубой улыбкой и точеными челюстями, он выглядел как не-очень-убедительный герой сетевого фильма.

— Вот и вы! — радостно крикнул он. — Пошли! Там музыка и добрый разговор. Мы ждем, когда придет Леди и спасет нас.

И он повел их через поселок, сделанный из многих маленьких семейных лагерей. Сэм невольно спросила себя, как же так получилось: раньше он приходил в гнев при одном намеке на цыган, а сейчас он чуть ли не с религиозной радостью объявляет, что принадлежит к ним. Пока она смотрела на собравшихся

ромале и те в ответ осматривали ее, она не могла не почувствовать, насколько все они были похожи на Азадора — своей *цыганистостью*, за отсутствием слова получше — и это казалось почти издевкой.

Мужчины с густыми курчавыми бородами, ковавшие подковы на маленьких наковальнях, и старухи, одетые в черное и болтавшие, как вороны на проводах. На краю табора некоторые другие затеяли какую-то азартную игру и деловито обирали всех заинтересовавшихся не-цыган в окрестности при помощи сухих горошин, спрятанных под быстро движущимися наперстками.

«Кажется именно из-за этого всех цыган и изгнали из старых сказок»,— подумала она.

Азадор привел их поближе к краю Колодца, где заняла место его собственная чрезвычайно большая семья. Пока он представлял ей всех своих родственников, и большинство по второму разу — настоящий парад *чалс, чейс* и *чабос*, черных сверкающих глаз и белых зубов — Сэм обнаружила, что еще немного, и она заснет, стоя. !Ксаббу, увидев это, схватил ее за руку и спросил Азадора, где она может лечь. Ее привели к одному из фургонов, и кудахчущая цыганская бабушка показала ей крошечную кровать, размером с книжную полку. Сэм захотела было запротестовать и сказать, что !Ксаббу больше нуждается во сне, чем она, но оказалось, что она уже лежит. И через несколько секунд было уже поздно что-нибудь говорить.

Если Сэм и видела сны, то, проснувшись, не помнила ни одного. Она заковыляла наружу и едва не упала с крутой лестницы фургона. Старая карга исчезла. Все цыгане лежали и спали прямо на земле, как если бы веселье продолжалось так долго, что они попадали там, где стояли. Небо за время ее сна не изменилось, осталось таким же мрачным и штормово серым.

«Я потеряла время,— с грустью подумала она.— Я потеряла утро, солнце… и все остальное».

Кто-то пел, медленно, спокойно и печально. Она обошла фургон и нашла !Ксаббу, сидящего на корточках около угасающего огня и ворошащего серый пепел концом обожженной палочки. Увидев ее, он перестал петь и улыбнулся слабой, почти призрачной улыбкой.

— Доброе утро, Сэм. Или добрый вечер.

— Даже ты не можешь сказать, да? Иногда мне кажется, что это самое долбаное место во всем мире. — Она уселась на землю рядом с ним. — Что ты чертишь?

— Чертишь? — Он посмотрел вниз. — Ничего. Я дал своим рукам свободу, а сам думал. Это как танцевать, но не так

утомительно. — Он не смог еще раз улыбнуться, даже своей собственной маленькой шутке.

— О чем ты думаешь? — Она была уверена, что знает ответ, но он удивил ее.

— Жонглер. — Он оглянулся. — Но прежде, чем мы поговорим, давай пойдем в место более… — он поискал слово.

— Безопасное.

— Точно. Где мы сможет видеть все вокруг себя. — Он встал и пошел между фургонов, дымящихся углей и спящих цыган, к скале, нависавшей над лагерем. Они лезли вверх до тех пор, пока не смогли сесть на небольшом плато в конце длинного склона; фургоны остались метрах в ста внизу. Там тоже были люди, кое-кто разбил лагерь прямо на склоне — не цыгане, но обычный сказочный народ, говорящие коты и пряничные дети — и им не было никакого дела до новоприбывших.

— Ну, и что ты думаешь о Жонглере? — спросила Сэм, когда они уселись.

— Есть какая-то тайна, в отношениях между ним и Азадором, и я не понимаю ее. — !Ксаббу нахмурился. — Во первых он каким-то образом помог Азадору привести нас сюда. Потом его очень заинтересовал цыганский лагерь. Учти, что это тот самый человек, который с презрением глядит на всех — людей и не людей — кого бы мы не повстречали.

— Я знаю, — Сэм пожала плечами. — Но может быть есть простое объяснение. Он построил эту сеть. Он знает о ней то, чего мы не знаем, и не говорит нам. Он, типа того, не Мистер Благородство.

— Верно. И все-таки есть в этом что-то, что сбивает меня с толку.

Они какое-то время сидели, глядя на пробуждающийся цыганский лагерь, и на огромную толпу людей и полулюдей, окружившую Колодец, палаточный город не-совсем-людей. Странный лунный ландшафт, и Сэм в очередной раз остро захотелось домой.

— Неужели мы так и будем сидеть здесь и ждать конца света? — спросила она.

— Не знаю, Сэм. Но всегда есть надежда. Я рассказывал тебе историю о том, как Всепожиратель пришел в крааль Дедушки Богомола? Это история о надежде. Я рассказал ее Рени, потому что она — Возлюбленная Дикобраз.

— Что? — несмотря на тяжесть на сердце, Сэм захохотала.

!Ксаббу кивнул.

— Да, и Рени тоже рассмеялась, когда я рассказал ей. Дикобраз — невестка Дедушки Богомола и самая любимая для

него из всех Первых Людей. И самая храбрая — даже когда сам Дедушка Богомол поддавался страху, она держала голову высоко и делала то, что необходимо. Похоже на Рени, верно?

Сэм нежно посмотрела на него.

— Ты действительно любишь ее, а?

Он какое-то время молчал, только на его лице эмоции сменяли одна другую.

— В языке моего народа нет слова, имеющего так много значений, как ваше слово «любовь», Сэм. Я очень волнуюсь за нее. Мне ее ужасно не хватает, и я очень, очень несчастлив и напуган, потому что мы никак не можем найти ее. Если я больше не увижу ее, моя жизнь будет короче и печальнее.

— Для меня это звучит так, как будто ты ее любишь. Ты бы хотел жениться на ней?

— Я хотел бы… попытаться жить вместе. Да, хотел бы.

Сэм засмеялась.

— Ты можешь быть откуда-то там, !Ксаббу, но, похоже тебе надоело быть холостяком. Ты можешь просто сказать ей об этом? Что любишь ее и хотел бы на ней жениться?

Он что-то пробурчал, но, скорее, смеясь сам над собой.

— Очень хорошо, Сэм. Ты меня убедила, все будет так, как ты скажешь.

Судя по всему, однако, легче на сердце у него не стало.

— Мы найдем ее, !Ксаббу. Она где-то здесь.

— Я должен верить, что это так. — Он вздохнул. — Я расскажу тебе историю Всепожирателя. Это страшная история, но, как я уже сказал, это и история надежды.

Сэм уселась поудобнее.

— Давай.

!Ксаббу был хорошим рассказчиком, он в лицах показывал своих героев и невольно вовлекал слушателей в действие. Он изменял голоса, говоря за разных персонажей, подчеркивал рассказ широкими жестами, танцевал, показывая, как Дикобраз подходит к дому отца, и жадно подносил руки ко рту, когда изображал Всепоглощающего, едящего все, что мог найти. Потом он распластался на земле и сказал слабым испуганным голосом Богомола, ждущего чудовище: — *«О дочь моя, почему стало так темно? Ведь на небе нет туч»*. — И тут Сэм по-настоящему ужаснулась, видя, как ее собственные грехи возвращаются домой.

Наконец он закончил, и она заметила, что кое-кто из героев сказок, разбивших лагерь на склоне, подошли поближе и тоже слушал. — !Ксаббу, это было великолепно. Но очень страшно! — Это была не та простая сказка, которую она ожидала. Что-то могущественное и загадочное таилось за незнакомыми образами

и непонятными мотивами поступков, и ей захотелось понять лучше.

— Но эта история говорит, что даже за величайшей тьмой всегда есть свет. Дедушка Богомол и его люди выжили и увидели его. — Его лицо помрачнело. — Я думал, что это моя работа — охранять их, и с ними истории моего народа. Я думал, что это то, чему я посвящу всю свою жизнь, но ничего не сделал для этого.

— Еще сделаешь, — наигранно жизнерадостно сказала Сэм, но !Ксаббу только небрежно кивнул. Она бы хотела чем-нибудь занять его, заставить забыть — хотя бы на время! — о Рени и их ужасном положении. В конце концом можно не торопиться, все равно идти некуда. — Ты можешь рассказать мне еще одну? Ты не против?

Он поднял бровь, как если бы заподозрил ее настоящее намерение, но только сказал:

— Да, но потом я хочу опять отправиться на поиски Рени. Быть может появились новые… люди, пока мы спали. — Он посмотрел на Колодец. — При виде этого места я действительно вспомнил одну историю — быть может самую величайшую историю моего народа.

— Чизз, — сказала Сэм. — О чем она?

— О Дедушке Богомоле, о том, как луна попала на небо… и о других вещах. Надеюсь ты поймешь, почему я не мог не вспомнить ее в этом месте, рядом с дырой в земле, полной звезд, плавающих в воде творения.

— Воде… Ты действительно думаешь, что это она?

— Не знаю, но она очень похожа на те картинки, которые я видел в той городской школе, в которой учился. Они показывали космос, увиденный через объективы телескопа, очень далекий по расстоянию — ну и по времени, конечно, так мне объяснили, потому что сам свет состарился, пока дошел до нас. И мне кажется, что этот Колодец очень похож на место, в котором родилась вселенная.

По Сэм прошла холодная дрожь. Она не могла не спросить себя, что бы она почувствовала, упав в эту темную дыру и вдыхая воздух в последний раз, пока вокруг тебя кружатся галактики света.

— Полный скан, — тихо сказала она.

!Ксаббу улыбнулся.

— Истории моего народа редко рассказывают о больших вещах, войнах, звездах или сотворении вселенной — и, даже если упоминают, то мельком. Ты сама видишь, мы маленький народ. Мы шагаем очень тихо, и, когда умираем, ветер быстро сдувает наши маленькие следы. Даже Дедушка Богомол, укравший огонь

из-под крыла Страуса, чтобы люди не боялись темноты — да, даже Богомол, величайший из нас, маленькое насекомое. Но он человек, тоже. В те первые дни все вещи были людьми. — Он кивнул, закрыв глаза, как бы уйдя в свои мысли. — Эта история начинается с очень маленькой вещи. С кусочка кожи.

— Однажды Дедушка Богомол шел по тропинке и нашел кусочек кожи, лежащий рядом с ней. Это был кусочек обуви — я думаю, вы бы назвали ее сандалию — и он принадлежал Радуге, его собственному сыну. Обувь лежала сломанная и забытая. Но что-то в ней воззвало к Дедушке Богомолу. Что-то в этой крошечной выброшенной вещи привлекло его внимание, он поднял ее и понес с собой.

!Ксаббу говорил, и его печаль и озабоченность исчезли. Голос усилился, руки замелькали в воздухе, как испуганные птицы. Сэм заметила, что к ним подходят все новые и новые беженцы, привлеченные его рассказом и оживлением.

— Богомол подошел к бассейну с водой, — продолжал ! Ксаббу, — в котором росли тростники. Это было тайное, плодородное место, и он опустил в воду кусочек обуви — как будто он спал и кто-то приказал ему, хотя он не спал и не видел сон.

Потом Дедушка Богомол пошел прочь, но никак не мог забыть об этой обуви. Наконец он не выдержал, вернулся назад и громко крикнул: «Обувь Радуги, обувь Радуги, где ты?»

Но в воде кусочек обуви Радуги превратился в антилопу канна. Быть может ты не знаешь, но для моего народа канна — величайшая из антилоп. Мой отец охотился на одну из них так долго и с таким остервенением, что вышел из пустыни — единственного мира, который он знал — и гнался за ней вплоть до дельты реки, где жил народ моей матери. И истории рассказывают, что сам Дедушка Богомол, когда хотел путешествовать с достоинством и честью, скакал между рогов большого канны.

!Ксаббу, показывая гордую поступь канну, затанцевал с высоко поднятой головой, и Сэм почти увидела рога, венчающие его голову. Толпа беженцев, собравшаяся вокруг них, стала гуще и заняла почти все плато. Широко раскрытые глаза жадно глядели на маленького человека, но !Ксаббу не обращал внимание на все увеличивающуюся публику.

— Но канна в бассейне не был ни большим, ни сильным. Он был маленьким, мокрым и дрожащим, и таким новым, что вызвал слезы на глазах Дедушки Богомола. Он запел песню хвалы и благодарности, но побоялся коснуться канну, потому что антилопа была слишком маленькой и слабой. И ушел, а когда

вернулся назад, нашел маленькие следы на земле за прудом, и так обрадовался, что затанцевал. Канна увидел его и подошел к нему, как будто он был его отцом. Тогда Богомол принес мед, темный, сладкий и священный, потер им ребра канну и он стал сильней.

Каждую ночь он возвращался к бассейну и своему канну. И каждую ночь он пел ему, танцевал и натирал его сладким медом. Наконец он сообразил, что должен уйти и подождать, вырастет ли вообще юный канна. Три дня и три ночи он не подходил к бассейну, хотя его сердце болело. И когда он вернулся утром четвертого дня, канна бродил за прудом в свете солнца, и его копыта стучали по камням. Он уже стал достаточно большим, и Дедушка Богомол так обрадовался, что воскликнул: «Смотрите, идет новый человек! Ха! Идет Обувь Радуги!» И он почувствовал, что сотворил новое живое существо из выброшенного Радугой куска кожи.

Но Радуга, и его сыновья, Мангуст и Молодая Радуга, совсем не обрадовались, когда услышали то, что сделал Богомол. «Он думает, что обманул нас своей историей, — сказали они друг другу. — Все знают, что старый Богомол великий обманщик.» И они пошли к пруду и нашли молодого канну, пасущегося на берегу. Они окружили его и убили своими острыми копьями. И очень обрадовались — это был прекрасный большой канна — и начали смеяться и петь, пока разделывали его.

Дедушка Богомол услышал их голоса и тоже пришел к пруду. Он спрятался в кустах, внимательно все осмотрел и вскоре понял, что произошло. И наполнило его горе и печаль, но не потому, что они убили его канну, но потому что они не поделились с ним, и вообще сделали все без всяких церемоний, не сплясав даже танца благодарности. Но он боялся их, потому что их было трое, а он был один, и ждал в тростниках, пока они не ушли, унося с собой мясо канна и завернувшись в его шкуру.

Потом Богомол вышел из укрытия и подошел к тому месту, где умер канна. Радуга и два внука Богомола оставили только один орган канны, желчный пузырь, черный и горький, который не едят даже люди моего народа, хотя их с детства обучают есть и пить почти все. Они оставили пузырь висеть на кусте. Богомол настолько расстроился и разозлился, что изо всех сил ударил по нему копьем. И тут желчь из пузыря заговорила с ним и сказал: «Не бей меня.»

Богомил рассердился еще больше. «Я буду бить тебя, когда захочу, — сказал он. — Я брошу тебя на землю и потопчусь по тебе. И проколю тебя копьем.»

Желчь опять заговорила с ним и сказала: «Если ты так

сделаешь, то я выйду, и заберу тебя с собой во тьму.»

Но Дедушка Богомол настолько рассердился, что не слышал ничего. Он поднял копье и с размаху проколол пузырь. И оттуда, как и она и угрожала, вышла желчь, горькая и черная, как ночь без звезд, она покрыла Богомола с головы до ног и залепила ему глаза, так что он ослеп.

Богомол бросился на землю и стал кричать: «Помогите! Я ничего не вижу! Черная желчь залепила мне глаза и я чувствую себя потерявшимся!» Но никто не услышал его, потому что пруд находился далеко от крааля, и никто не пришел ему на помощь. Богомол мог только ползти по земле, нащупывая путь руками, слепой и беспомощный. «Скоро меня найдет гиена, — подумал он, — или какой-нибудь другой голодный зверь, и меня убьют. Дедушка Богомол будет мертвым — разве это не печально?»

Но никто не пришел к нему на помощь, и ему оставалось только ползти в темноте. Наконец, когда от усталости и страха он уже не мог двигаться, его рука что-то нащупала. Это было перо страуса, белое как дым и светящееся как пламя, и сердце Дедушки Богомола наполнилось надеждой. Он взял перо и стер черную желчь с глаз. Когда он опять смог увидеть красоту мира, он взял перо и вытер остаток горькой желчи, которая упала на землю, оставив перо чистым и незапятнанным. Восхищаясь чудесным предметом и радуясь своему спасению, Дедушка Богомол подбросил перо вверх, высоко в небо, где оно и осталось видеть, изогнутая белая полоска на фоне черного как желчь неба. Он затанцевал и запел. «Теперь ты лежишь на небе, — сказал Богомол перу. — С этого дня ты будешь луной, и будешь жить, опять падать и опять оживать, и всегда будешь дарить людям свет.» Так и случилось.

!Ксаббу замолчал, опустив голову, как если бы сказал «Аминь» в конце молитвы. Сэм не могла не заметить, что все лица, окружившие их в бесконечном полумраке — детские, ожидающие лица. Толпа стала еще больше и напирала на них как жертвы катастрофы, молящие об информации; в результате их двоих окружило множество плотных рядов.

Она подумала, что должна поблагодарить его за историю, хотя и чувствовала, что не все поняла — почему противный черный *фенфен* залепил глаза этому насекомому? И почему у насекомого есть сын-радуга? И еще ее озадачило, что история, в которой сандалия превратилась в антилопу, внезапно стала совсем другой: это неправильно, это нарушает правила, по которым в историях должно все происходить. Но она знала, что все эти истории очень важны для !Ксаббу, типа религия, и не хотела обижать человека, которого так любила.

Из середины большой молчаливой толпы раздался тонкий голосок.

— Расскажи еще!

!Ксаббу оглянулся, вздрогнув от неожиданности, но, прежде чем он или Сэм поняли, кто попросил первым, все остальные тоже стали просить, чуть ли не хором.

— Сказку!

— Расскажи еще.

— Пожалуйста!

— Они хотят услышать еще, — с удивление сказал !Ксаббу.

— Они боятся, — сказала Сэм. — Этот мир идет к концу. А они все дети, верно? — Посмотрев на молящие испуганные лица она почувствовала, как на глаза навертываются слезы. Если бы Жонглер был поблизости, она точно бросилась бы на него, постаралась бы сбить с ног и заставить заплатить за жестокие страдания этих невинных. — Это они, — сказала она как себе, так и !Ксаббу. — Это они, украденные дети.

И тут же остановилась, увидев в толпе знакомое лицо, хотя ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, где она уже видела этого симпатичного черноволосого мужчину. Он стоял в нескольких рядах от нее, держа в руках узел, который Сэм не рассмотрела, и глядел на !Ксаббу немигающим, почти пустым взглядом. Рядом с ним не стоял никто из сказочных детей, как будто они чувствовали в нем что-то плохое.

Сэм потянула !Ксаббу за руку.

— Смотри, это один из парней Грааля — тот, который исчез, когда исчезла Рени.

— Рикардо Клемент? Где?

— Там, — сказала Сэм, но там, где стоял Клемент, уже не было никого. — Он был там мгновение назад, без дураков.

Они начали прочесывать толпу, и тут Сэм чуть не наткнулась на маленькую девочку, стоявшую очень близко к ней и сделанную, по видимому, из грязи. Она попыталась обойти маленькое препятствие, но ребенок опять заступил ей дорогу и ее толстая ручка схватила цыганский наряд Сэм.

— Его здесь нет, — сказал !Ксаббу. — Он больше почти всех этих людей и мы бы увидели его, я думаю…

— Он не мог убежать так быстро, — почти зло сказала Сэм. За толпой беженцев, все еще просивших еще одну историю, откос был пуст, на дюжины метров. — Мы бы увидели его. — Сделанная из грязи девочка опять попыталась привлечь ее внимание. — Эй ты, хватить дергать меня, поняла? — резко сказала Сэм.

Ребенок отпустил ее и отступил назад. По лицу, черты которого мало отличались от ямок и бугорков, трудно было

сказать, о чем она думает, но по напрягшимся плечам было ясно, что она так просто не отстанет.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказала незнакомка голосом маленькой девочки.

Сэм вздохнула. — О чем?

— Вы… вы друзья Рени?

Сэм ожидала, что ребенок будет просить еще одну историю, и долгое мгновение могла только стоять, тупо глядя на девочку.

— Рени?..

!Ксаббу в мгновение ока опустился на колени рядом с ребенком.

— Кто ты? — спросил он. — Ты знаешь Рени? Ты знаешь, где она? Да, мы ее друзья.

Девочка какое-то мгновение глядела на него.

— Я… я Каменная Девочка. — В следующее мгновение рот-палочка изогнулся, из глаз-ямок полились слезы, — Вы знаете, где она-а-а?

!Ксаббу закрыл глаза и простонал, как человек, получивший болезненный удар; Сэм кожей ощутила его ужасное разочарование.

— Может быть будет лучше, если ты нам все расскажешь, — сказала она плачущей Каменной Девочке.

— … И потом мы побежали от Тиков, в гору и пересекли мост. — Малышка все еще хныкала, но, рассказывая историю своих путешествий с Рени, немного успокоилась. — И мы увидели этого странного человека, который просто шел, а Тики его обходили! — Она была очень впечатлена. — Как если бы им не было до него никакого дела.

— Ну и скан! — сказала Сэм. — И это не-знаю-его-имя Клемент?

!Ксаббу нахмурился.

— А что произошло потом? Когда вы пересекли мост?

Каменная Девочка пожевала грязный палец, думая.

— На самом деле мы не попали в Плохой Дом Жинни. Мы вроде как вошли, а потом я оттуда прямо сюда, к Колодцу. Но не Рени. — Она на мгновение прищурилась, стараясь не заплакать. — Ты думаешь, с ней все хорошо?

— Да, мы реально так думаем, — сказала Сэм, поворачиваясь к !Ксаббу. — Но где она?

Маленький человек стоял, глядя в никуда.

— Мне кажется, что все мы путешествовали подобным образом. Мы подошли близко к Иному, он испытал нас — и, возможно, осудил — и потом отослал. С теми, кто принадлежит

этому миру, вроде Азадора или этой малышки, он не стал делать ничего и отправил их прямо сюда.

— Что ты хочешь сказать?

Он стоял, рассеянно гладя Каменную Девочку по голове, но таким несчастным она его еще не видела.

— Быть может я ошибаюсь, но, похоже, Рени разрешили войти внутрь.

— Внутрь чего? — не поняла Сэм.

— Колодца. — !Ксаббу повернулся и поглядел на кратер и море беспокойных огоньков. — Я думаю, что она в сердце Иного.

— О, нет, — сказала Сэм. — Бог, да?

!Ксаббу улыбнулся, в первый раз на памяти Сэм в его улыбке мелькнуло что-то неприятное.

— Да, бог. Бог этого места. Умирающий безумный бог.

Пульс Сэм бился как сумасшедший. Она совершенно забыла о Каменной Девочке, стоявшей между ними с печальным и озадаченным лицом.

— !Ксаббу, что делать?

— Я? Пойду за ней. — Он посмотрел на Колодец так, как будто видел его в первый раз. Сэм тут же вспомнила, как он боялся нырнуть в тихую реку. — Вниз.

— Только со мной. — Ужас остаться одной победил даже страх перед неестественным Колодцем. — Я уже говорила тебе, что я думаю о этом *фенфене*, дай-мне-спасти-тебя.

Он покачал головой.

— Ты не понимаешь, Сэм. Иной — я думаю, что он уже отверг меня, отверг и тебя, всех нас. — Он уже почти шептал. — Я не верю, то сумею добраться до Рени, но я должен попробовать. — Он повернулся и посмотрел на нее, почти с мольбой. — Я не могу взять тебя с собой, Сэм, потому что уверен — надежды нет.

Она уже собиралась с гневом возразить ему, когда сообразила, что надоедливый шум, который слышит краем уха уже несколько секунд, — сердитый и злой голос Феликса Жонглера. Он повернулась, и увидела старика, стоявшего между ними и краем цыганского лагеря.

— … и я больше тебе не верю. Твое молчание — самая обыкновенная наглость, если не что-нибудь похуже.

Он кричал на Рикардо Клемента.

!Ксаббу уже торопился вниз по склону. Она тоже сделал несколько шагов, как услышала позади себя жалобный плач. Она совершенно забыла о Каменной Девочке.

— Пошли, — сказала Сэм. — Хочешь, я понесу тебя?

Каменная Девочка скованно покачала головой, подбежала к

Сэм и неожиданно крепко схватилась за ее руку своей холодной ручкой.

К тому времени, когда они добрались до остальных, !Ксаббу уже был готов забросать Клемента вопросами о Рени, но Жонглер, полный холодной ярости, и не думал прерывать потока обвинений. Только тут Сэм, с омерзением, сумела рассмотреть предмет, который Клемент держал в руках. Тело младенца, бесформенное лицо и отвратительный сине-серый цвет. Бррр!

— Ты когда-нибудь ответишь мне? — продолжал разъяренный Жонглер. — Я-то думал, что ты мой союзник, Рикардо — я стольким пожертвовал ради тебя. И тем не менее ты исчез именно тогда, когда нам было очень плохо, и теперь не хочешь даже сказать, где ты был. Может быть ты хотя бы объяснишь, что это за… маленький сувенир?

На мгновение Клемент прижал к себе крепче похожее на младенца создание — первый человеческий жест, который Сэм видела у этого мужчины.

— Он… мой.

— Тогда скажи мне, что ты делал все это время, — потребовал Жонглер.

— Ждал, — после долгой паузы сказал Клемент.

— Ждал… чего?

— Чего-нибудь. — Клемент медленно повернулся к Колодцу, потом опять к Жонглеру, !Ксаббу и Сэм. — И… и я нашел его.

Мгновением позже Рикардо Клемент исчез.

Сэм безнадежно уставилась на пустое место, потом повернулась к !Ксаббу, наполовину веря, что с ней что-то не то. Ее друг выглядел таким же удивленным, но им обоим было далеко до Жонглера, который выглядел так, как будто на него напала его собственная мебель.

— Что?… — едва выдохнул он. — Как?..

И тут вселенная сдвинулась, мир содрогнулся и остановился. Уже много дней Сэм не чувствовала ничего похожего, и почти забыла ужас, который испытывала во время остановки времени и пространства. Цвета и звуки расплылись, превратились в путаницу чувственной информации. Уверенная, что настал конец и система рухнула, она покрепче сжала зубы, готовясь к ужасной, раскалывающей кости боли, которую она испытала перед тем, как ее выдернуло из системы Грааля. Но тут хаотическое переплетение света и звука исчезло и реальность вернулась, как будто кто-то повернул ключ и заставил механизм идти дальше. Мир восстановился. Почти.

Каменная Девочка дернула ее за руку, но Сэм не видела ее и вообще почти ничего не видела — свет вокруг потускнел, как

если бы старый генератор, освещавший виртуальную вселенную, начал останавливаться. Тени вокруг нее стали меньше, чем тени, но она слышала крики ужаса беженцев, собравшихся вокруг Колодца, похожие на шум ветра в ветвях деревьев.

Каменная Девочка опять дернула ее за руку.

— Звезды, — задыхаясь прошептала она.

Сэм посмотрела вверх.

Небо стремительно темнело, превращаясь из вечернего в по настоящему ночное, но звезды не становились ярче. Вместо этого они гасли, одна за другой. Наконец небо стало абсолютно черным, свет звезд погас, и земля вокруг Колодца погрузилась в глубочайшую смоляно-черную тьму.

ГЛАВА 36
Вне сети

СЕТЕПЕРЕДАЧА/РЕКЛАМА: АНВАК означает «Доверие»

(Изображение: гуляющие собаки и дети на фоне загородных домов и парков)

ГОЛОС: В эти дни говорится много глупостей, но когда люди называют нашу компанию замкнутой, высокомерной или мстительной, они заходят чертовски далеко. Наш бизнес — защищать людей. Да, среди наших клиентов действительно есть ведущие мировые политики и бизнесмены, но большинство из них такие же обычные люди, как и вы. Хорошие люди. Люди, которые знают, что для счастья нужна безопасность, а безопасность — это АНВАК.

Многие спрашивают: «Что означает ваше имя? Это первые буквы чего-то особого?» Это наше внутреннее дело. Мы — частная корпорация, и нам, как и вам, не понравится, если кто-нибудь проникнет к нам в дом и начнет читать наши старые записи. У нас тоже есть право на личную тайну. А вам достаточно знать, что мы стоим на страже наших пользователей, и что буквы А-Н-В-А-К на самом деле означают «доверие»…

Она стояла на платформе, не в силах пошевелиться, и смотрела на белую трапецию, которая подлетела к ней, зависла в воздухе, и качнулась обратно, в тень верхушки огромного тента. Она знала, что должна прыгнуть и схватиться за трапецию при следующем махе, иначе она никогда не схватится за нее и останется на высокой платформе, навсегда. Но она знала и то, что предохранительной сетки нет, и упасть в круг с опилками, сейчас невидимый из-за яркого света прожекторов — все равно, что нырнуть с высоты в восемьдесят футов в цемент.

Трапеция опять полетела к ней и, судя по ее слегка изменившейся траектории, возможности прыгнуть больше не было. Она напрягла мышцы и через подошвы мягких тапочек почувствовала край платформы, и, против всех инстинктов, наклонилась вперед так, что едва держала равновесие. Все, возврата назад нет. Когда перекладина приблизилась к концу размаха и уже замедлялась, чтобы повиснуть в воздухе на долю

секунды, она прыгнула вперед, в колонны света и бесконечную тьму.

Только тогда, когда она коснулась перекладины, схватилась за нее и почувствовала, как она мнется под ее пальцами, как кусок мыла, только в тот момент, когда она на мгновение потеряла вес, но смерть и вечность затвердели вокруг нее, превратив ее из личности в доказательство закона всемирного тяготения — только тут Ольга сообразила, что она спит. Во сне зрители зааплодировали от удивления и ужаса, оглушив ее, пока она падала, а потом она выдохнула уже на полу кладовой, в которой заснула, дрожа и сражаясь за каждый вздох, пока кондиционер над ее головой ревел как мотор самолета.

К тому времени, когда она нашла фонтанчик с водой и напилась, руки уже перестали трястись. От низкого гула кондиционера она чувствовала себя больной, поэтому быстро собрала вещи и отправилась на другую сторону склада.

Непреднамеренный сон взбодрил ее, она почувствовала себя лучше. И все-таки она еще чувствовала, как скользит и падает, ведь даже после стольких лет работы над сеткой вместе с отцом и его воздушными акробатами, она никогда не переставала бояться.

«Цирк перестает быть цирком, если никто не может умереть».

Странно, но эта мысль слегка успокоила ее. Ничто не может тебе гарантировать жизнь — даже хорошая сетка. Дженси, венгерский канатоходец, хороший друг отца, во время тренировки упал на сетку, зацепился за нее ногой, и каким-то образом перевалился через край. Всего-навсего пятнадцать футов высоты, но его парализовало.

«Никаких гарантий, даже с сеткой».

Она выпила еще немного воды, опять попробовала позвонить Рэмси, но магия, через телематический разъем связывающая ее с настоящим миром за стенами башни, исчезла. Карета опять стала тыквой, а лакеи мышами. И она была предоставлена самой себе.

Она собрала свои скромные пожитки и отправилась к служебному лифту.

Почти полный день жизни в стенах дома Жонглера научил ее прятаться не хуже крысы. Когда лифт открылся на антресоли, она выглянула из него прежде, чем выйти, и немедленно бросилась обратно, увидев в конце коридора молодого человека, огибающего угол. На нем была рубашка без воротничка и рабочие брюки, но он казался скорее служащим, одетым в повседневную одежду, чем уборщиком — возможно юный менеджер-карьерист, решивший произвести на боссов впечатление работой в неурочные часы. Он быстро скрылся из виду.

«Даже черти в аду не переодевались в уикенд,— подумала она.— Во всяком случае я не помню, чтобы мистер Данте упоминал об этом».

Она подержала двери несколько лишних мгновений, для безопасности, и подумала о самых-обыкновенных-служащих, которых она видела в здании, занимающихся самыми-обыкновенными-делами. На самом деле все, что она видела здесь, говорило только об одном: сюда ее привел самый-обыкновенный-бред. За черным фасадом штаб-квартиры Джи Корпорэйшн не было нечего, что она не могла бы найти в любом небоскребе города. И даже бронированный офис охраны наверху не был чем-то необычным, учитывая то, что здание являлось резиденцией одного из самых богатых людей в мире.

Разумный человек не смог бы не признать, что фантазия о похищенных детях и мировом заговоре стала казаться все более и более надуманной — а Ольга сама себя считала разумным человеком.

«Можно ли быть разумной и безумной одновременно?— спросила она саму себя.— По-моему это немного чересчур».

Убедившись, что коридор пуст, она спустилась по лестнице с антресоли в обширное фойе с пирамидальной крышей. Хотя оно и видела, как несколько людей пересекают его, идя от одного лифта к другому, сейчас оно было пусто — шокирующе пусто, как бывает только в закрытых общественных зданиях. Она быстро пошла по черному мраморному полу к главной стойке администратора, эхо ее шагов било в уши как выстрелы из пистолета. Добравшись до стойки, она устроила шоу для невидимых камер, как бы случайно перевернув квадратную вазу с цветами, стоявшую на ней, так что вода и увядающие ирисы, политые еще в пятницу утром, оказались на полу перед стойкой. Сделав вид, что она ничего не заметила, она заторопилась обратно, в сравнительную безопасность антресолей.

Из безопасного места — целой рощи декоративных деревьев в горшках — она глядела на болезненно-медленную струйку сотрудников Джи Корпорэйшн, лившуюся через дверь, быть может на какую-нибудь вечеринку, или переходивших через фойе из одной части здания в другое. Некоторые из них вроде бы заметили лужу с водой и рассыпанные цветы перед стойкой администратора, но если кто-нибудь из них и сообщил об этом, то использовал свой разъем, и Ольга никак не мог быть уверенной в этом.

Прошел час. Быть может двадцать или тридцать служащих прошли через фойе, но разбитая ваза все еще лежала на месте. Огромные настенные часы, четырехугольник из золота размером с

кабину грузовика, внутри которого находились фигуры египетских богов, показали почти восемь вечера. Вечер субботы, ее время кончилось почти наполовину, и она все еще не сделала ничего. Ольга всегда была терпеливой женщиной, но сейчас она чувствовала себя так, как будто идет по тонкому канату, качаясь под любым ветерком, и канат вот-вот лопнет. Она уже решила, что ей придется рискнуть и самой поискать на нижних этажах, когда нескладная фигура вывалилась из служебного лифта и пошла к цветам, толкая перед собой пластиковую урну для мусора на колесах; швабру он держал на плече, как часовой винтовку.

Ольга с облегчением выдохнула. Уборщик медленно и аккуратно собрал упавшие ирисы, потом опустил швабру. Убедившись, что это он — кто знает, сколько уборщиков работает в уикенд? — она поспешила к лифту. Через минуту она уже была на уровне фойе. И сделала вид, что страшно удивлена, когда он вошел внутрь.

— Привет Джером, — сказала она, когда он поставил свою корзину в крошечное отверстие между кабиной и дверью. Она улыбнулась своей лучшей улыбкой. — Что ты здесь делаешь?

— Я ничего не знаю об этом, Ольга. — Он говорил спокойно, хотя и волновался. — Все эти этажи закрыты. Я бываю там только тогда, когда ребята из охраны просят меня кое-что подвинуть. — Он сидел и напряженно думал: рот открыт, молочные глаза полузакрыты, в руке, остановившейся на полпути ко рту, половина сэндвича.

Ольга заставила себя съесть немного сэндвича с ливерной колбасой, которую он настойчиво ей предложил. Поскольку ей ни в коем случае нельзя было входить в закусочную для уборщиков, она убедила его расположиться вместе с ней на складе — она столько времени провела в нем, что уже начала чувствовать себя в нем как дома — и даже не выбросила сэндвич, несмотря на очень смешанное отношение к ливерной колбасе.

— Значит… значит ты бывал на этих этажах.

— Да, конечно. Много раз. Но только в офисе охранников. — Он опять нахмурился. — Однажды был в комнате наверху, со всеми этими механизмами, потому что один из боссов очень разозлился, увидев там мышь, и захотел показать мне. Но я сказал ему, что даже не чищу эту комнату, откуда в знаю, есть там мышь или нет? — Он засмеялся, потом сконфуженно смахнул кусочек колбасы с подбородка. — Лена сказала, что мышь поднялась по лифту. Мы долго смеялись.

Ольга попыталась подавить почти болезненный интерес ко

второй генераторной. Что это ей даст? Она даже не знает, как и к чему подсоединять устройство Селларса, и, в любом случае, Селларс не сумеет воспользоваться им. Но это часть башни, куда бы она хотела попасть.

— Ты можешь взять меня туда?

Он покачал головой.

— Нет, нам запрещено. Будут неприятности.

— Но я уже говорила тебе, что все равно попаду в беду, так или этак.

— Я все еще не понимаю, — сказал он, энергично жуя.

— Неужели ты забыл? Мой друг, из другой смены, взял меня наверх в пятницу, просто чтобы показать мне. И я уронила там бумажник, понял? Случайно. Если кто-нибудь найдет ее, меня сразу выгонят. И там мои кредитные карты и еще кое-что.

— Похоже дело плохо, а?

— Да. Точно выгонят. И я не смогу помочь моей дочке и маленькой внучке. — Ольга разрывалась между отвращением к себе и увеличивающимся отчаянием. Никто, кроме мужчины-полуидиота не купился бы на эту плохо состряпанную историю. Нужно использовать Джерома, потому что он доверчив и стремится угодить — вероятно психически больной — и все равно Ольга почувствовала себя последней стервой. И только воспоминание о спящих детях, о том, как они слетаются к ней, как стайка испуганных птиц, ищущих убежища, об их умоляющих безнадежных голосах, смогло немного облегчить боль того, что она делала.

— Может быть… мы можем просто сказать кому-нибудь из парней службы безопасности, — наконец сказал Джером. — Это очень приятные ребята. Они найдут его и отдадут тебе.

— Нет! — Она смягчила тон и попробовала снова. — Нет, они должны будут составить рапорт, иначе сами окажутся в беде, понимаешь? И тогда будет плохо и моему другу, который взял меня наверх. Всем будет плохо, а я не хочу, чтобы кого-нибудь выгнали из-за моей оплошности.

— Ты такая симпатичная, Оль-га.

Она мигнула, но попыталась сохранить на лице улыбку.

— Ты можешь помочь мне, Джером?

Конечно он явно расстроился и очень не хотел нарушать правила, но она видела, что он с усилием думает.

— Я могу попробовать, но не знаю, откроется ли лифт. На каком этаже ты уронила бумажник?

— На том, где машины. — Скорее всего именно он самый редко посещаемый, и оттуда можно будет попасть на другие — неужели даже в самом суперсекретном и охраняемом здании в

мире нет обычных лестниц и пожарных выходов? А как избавиться от Джерома она придумает на месте, по ходу дела.

«Быть может, Ольга, тебе придется стукнуть его по голове, кисло подумала она. Для полноты картины».

Джером сунул недоеденный кусок сэндвича в пластиковый пакет и тщательно запечатал его. Похоже его аппетит куда-то пропал.

— Пошли и посмотрим, Оль-га. Но если ничего не получится, не сердись на меня, хорошо?

— Обещаю. — «И да простит меня Бог»,— подумала она.

* * *

Рэмси оглядел комнату, стараясь не пропустить ничего. Даже в виртуальном мире и многоуровневом пространстве, где тяжесть не проблема и размер комнаты — просто иллюзия, она выглядела ненормально захламленной. Его внимание привлекала неприятная куча голов в стеклянных ящиках, человеческих и нечеловеческих, коллекция трофеев, скорее похожих на застывшие голограммы, чем на действительно отрубленные головы, но у нее было много конкурентов. Странные предметы грудами валялись повсюду: мечи, копья и полные наборы вооружения рыцаря, геммы, размером с виртуальный кулак Рэмси, огромные черепа животных, которые — слава богу! — никогда не жили в настоящем мире. Даже перила оказались огромной неподвижной змеей с головой в половину роста Рэмси. Через холмы реликвий можно было с трудом рассмотреть две стены, которые показывали совершенно разные сцены из мира за пределами электронного коттеджа Орландо Гардинера во Внутреннем Районе.

Первая показывала симуляцию болота позднего мелового периода — сейчас мама-гидрозавр убегала от худого дромеозавра, с безучастным видом идущего к ее яйцам; совершенно понятно, почему Орландо заинтересовался ей. Зато в другой, обширной безжизненной равнине с красной пылью, не было ничего интересного.

А в целом обыкновенная мальчишеская комната в месте без границ, и мальчик, который так гордился ею, больше никогда не вернется сюда. Рэмси вспомнил мальчика-фараона Тутанхамона, чью могилу, набитую его личными вещами, отрыли и выставили на показ спустя тысячи лет после его смерти. Останется ли в сети комната Орландо? Скорее всего Гардинеры прекратят платить за нее. А что, если продолжат? Быть может в будущем кто-то

наткнется на нее и попытается представить себе облик и мир ребенка двадцать первого века? Странная и печальная мысль: жизнь, во всей своей сложности, сводится к нескольким игрушкам и сувенирам.

«Ну, быть может не нескольким…»

В полу открылась дыра и оттуда, в сопровождении облака мультяшной пыли, вылезло что-то, похожее на черный потертый робот-пылесос.

— Спасибо, что согласился встретиться со мной здесь, — сказал Бизли.

— Никаких проблем. Но это… — он хотел спросить, не является ли это место для агента чем-то особым, но обнаружил, что опять смутился. Бизли не походил на искусственный интеллект. В сущности он был детской игрушкой. — Ты часто бываешь здесь?

Выпученные глаза Бизли закружились, потом остановились. Ответ оказался странно уклончивым.

— Я знаю здесь все. Это хорошее место. Чтобы заниматься своими делами.

— Хорошо. — Рэмси оглянулся, ища, куда бы сесть. Однако единственным предметом, приспособленным для человека, оказался гамак, висевший в углу.

— Ты хочешь стул? — Бизли нырнул в дыру, и, с громким шумом, выволок наружу стул в три или четыре раза больше себя. — Садись. Я расскажу тебе, что нашел.

Пока Рэмси устраивался поудобнее, Бизли вытащил маленький черный куб, слегка ударил по нему, и тот превратился в туманное трехмерное тело, повисшее посреди комнаты. Мгновением позже туман исчез, открыв высокий черный предмет.

— Здание Джи Корпорэйшн.

— Да. — Бизли коснулся просвечивающего куба и здание открылось, как книга, обнажив внутренности. — Это из заметок того парня, Селларса.

— Ты нашел их!

— Этот парень, он робот или как? Он пишет заметки на машинном языке.

— Нет, насколько я знаю он не робот, но это долгая история и я тороплюсь. Ты можешь связать меня с Ольгой Пирофски?

— Хочешь увидеть, где она? — Бизли махнул уродливой лапкой и крошечная красная точка сверкнула примерно на трети высоты здания. — Селларс следил за ней — у нее есть что-то вроде значка, верно? — через считыватели, которые есть на каждом этаже. Слабый сигнал, но вполне достаточный, чтобы установить ее местоположение.

Пока Рэмси глядел на нее, красная точка начала медленно двигаться. «Она жива,— подумал он.— Если, конечно, кто-то не несет ее тело».

— Селларс хотел что-то сделать с ее помощью. Вроде бы проникнуть в поток данных корпорации. Есть ли в его заметках что-нибудь об этом?

— Типа того, — сказал Бизли рассеянным голосом таксиста. — Твоя подруга — она передвигается.

— Вижу… — начал было Рэмси и внезапно сообразил, что красная точка начала медленно подниматься вверх. — Бог мой, что случилось? Что она делает?

— Служебный лифт. Она поднимается.

— На самый верх!.. Селларс говорил, что там резиденция и охрана. Я должен остановить ее! — Внезапно его осенило. — Ее значок, он разрешает ей подняться туда?

Бизли сделал вид, что пожимает плечами, насколько это может сделать существо, у которого нет плеч и слишком много ног.

— Нет, если она не сделала что-то, что изменило его. Дай мне проверить. — Мгновение помолчав, он сказал: — Нет. Она должна остановиться на этаже с охраной. Если она попытается подняться выше сорок пятого этажа, скорее всего включится тревожная сирена.

— Иисус Христос. Ты можешь связать меня с ней?

— Я еще не закончил все проверки, но могу попробовать. — В полу рядом с Бизли открылась еще одна дыра. Он шагнул к ней, потом остановился. — Ты знаешь, что на острове торчит целая армия? Какого черта ты хочешь взбудоражить место вроде этого?

— Просто свяжи меня! — крикнул Рэмси.

Бизли сделал несколько запинающихся шагов и упал в яму. Мгновением позже в электрическом коттедже застучал бурильный молоток и, разрывая уши, завизжала пила.

— Иисус Христос, что ты делаешь?

Из дыры в полу донесся голос Бизли.

— То, что ты попросил меня сделать, босс. А теперь, не дашь ли ты мне поработать?

Красный огонек продолжал карабкаться вверх. Рэмси уже не мог смотреть на него. Он отвернулся и уставился на пыльную пустыню, покрывавшую всю ближайшую стену. Присмотревшись, он увидел маленькие, похожие на жуков фигуры, наполовину покрытые песком и неподвижные, как ископаемые. Он смутно припомнил, что читал в сети о марсианском проекте МБК, и почему маленькие роботы остановились.

«Это научит их доверять машинам»,— горько подумал он,

вздрогнув, когда пила опять завизжала под аккомпанемент бурильного молотка. Стены коттеджа затряслись и, казалось, должны были обрушиться через считанные секунды. Из дыры взметнулся столб пыли. Череп дракона на полке затрясся и разлетелся на куски, кусок челюсти запрыгал под ногами Рэмси.

И посреди всего этого красная точка продолжала безмятежно подниматься.

* * *

Бесшумный лифт поднимался очень плавно, но Ольга все равно чувствовала себя так, как будто гигант сжал ее гигантским кулаком и поднимает вверх к чудовищному лицу, которое она не хочет видеть. Внезапно она сообразила, почему ей приснился цирк, актеры которого умерли — и часть ее жизни умерла вместе с ними. Сейчас она делало почти то же самое, что и тогда — взбиралась по лестнице на высокую платформу, и не важно, что она уже сотни раз делала это, что она поднималась почти механически, переставляя руку за руку отработанным движением, и даже в голове у нее звучали навсегда затверженные слова отца и она готовилась к тому, что будет потом.

«Ты всегда должна быть внутри своих мыслей и вне своего тела, моя дорогая.» Внезапно она почти увидела его рядом с собой, на месте Джерома. Папа с чистой, седой бородой и шрамом на носу. Он получил его еще в юности, когда его собственный брат сломал ему нос во время совместного выступления, и это был только один из многих шрамов — на его больших руках остались следы от сетки, канатов шатра и проволочных растяжек. Он часто говорил, что получил их выступая в *«Королевском Цирке»* вместе с метателем ножей. Впервые он рассказал ей об этом, когда ей были три или четыре года, она страшно испугалась и заревела, и ему пришлось уверить ее, что он пошутил.

От него пахло сосновой смолой, всегда, он использовал ее, чтобы руки оставались сухими. Этим, и вонючими сигаретами мамы, произведенными в России, и даже сейчас, после стольких лет, эти два запаха на мгновение вернули ее в детство. Большие руки отца обнимают маму за плечи или за талию, пока они вместе смотрят репетицию. Мама всегда с сигаретой в уголке рта, подбородок поднят, чтобы дым не ел глаза. Она всегда была прямая, как шомпол, худая, с мускулистым телом танцовщицы, даже когда ей уже исполнилось семьдесят, до того, как она заболела.

— Моя польская принцесса, — так папа называл ее. — Вы только посмотрите на нее, — говорил он, наполовину в шутку, наполовину с гордостью. — Она, может, и не королева, но сложена по-королевски. Зада вообще нет, бедра как у мальчика. — И потом он дружески шлепал маму по заду, и она шипела на него как кошка, защищающая котят. Папа смеялся, подмигивая Ольге и миру. «Вы только посмотрите, как великолепно выглядит моя жена, вот что это означало.— И посмотрите на ее характер!»

Они оба давно ушли: мама умерла от рака, папа вскоре последовал за нею, и все знали, что так и будет. Он сам не раз говорил: «Я не хочу пережить ее. Ты и твой брат, Ольга, пускай бог дарует вам долгую жизнь. И не обижайтесь, если я не доживу до внуков.»

Но, конечно, никаких внуков не было и в помине. Брат Ольги, Бенджамен, умер вскоре после родителей, причудливый каприз несчастной судьбы — у него прорвался аппендицит именно тогда, когда он был с друзьями из университета в горах. И задолго до этого она в одну неделю потеряла единственного сына и мужа — и ними все надежды на счастье.

«Я последняя,— подумала она.— Вся цирковая династия — папа, мама, их родители — все заканчивается мной, и может быть закончится сегодня, в этом мрачном здании.— В первый раз за все эти дни она почувствовала себя разбитой и раздавленной.— Такой печальный финал. Все планы, которые строили эти люди, все детские одеяла, которые они шили, деньги, которые хранили — все закончится вместе с жизнью немолодой женщины, которая собирается отдать жизнь за иллюзию».

Лифт, казалось, полз вверх так же медленно, как поднимающаяся волна прибоя, маленькие квадратики на черной стеклянной панели вспыхивали один за другим. Так печально.

— У тебя есть семья? — спросила она Джерома только для того, чтобы услышать человеческий голос.

— Только мама. — Он, как загипнотизированный, глядел на мигающие на панели огоньки. Она даже спросила себя, видит ли он их вообще. Они переползли с 35 на 36, потом на 37. Для современных лифтов, подумала Ольга, невероятно медленно. — Она живет в Гранвиле, — продолжал Джером. — И еще брат, он живет в Хьюстоне, Техас.

— *Ольга? Вы меня слышите?* — Внезапный голос в голове заставил ее подпрыгнуть и выдохнуть.

— Что случилось, Ольга? — спросил Джером.

— Голова заболела. — Она погладила висок. — *Кто это?* — неслышно сказала она. — *Мистер Рэмси, это вы?*

— Иисус Христос, не думал, что сумею добраться до вас. Вы должны немедленно выйти из лифта.

Она взглянула на панель. 40.41.

— О чем вы говорите? Откуда вы знаете?…

— Оль-га, ты выглядишь больной.

Она махнула рукой, показывая, что не хочет говорить.

— Просто выйдите из лифта! — Очевидный страх Рэмси победил ее растерянность. *— Немедленно! Если дверь откроется на сорок пятом этаже, включится сирена тревоги. Охрана бросится на вас прежде, чем вы успеете мигнуть.*

Выдуманная головная боль стала настоящей.

— Останови кабину, — сказала она Джерому. — На каком мы этаже? — На панели мигало 43. — Мне нужно в туалет, Джером. Хорошо?

— Да, конечно. — Он нажал на кнопку, но кабина уже поднималась на следующий этаж. Ольга затаила дыхание. Наконец кабина остановилась, дверь с шипением открылась, открыв вестибюль, устланный ковром и весело освещенный — на стенах висели сверкающие неоновые картины. Джером столбом застыл в двери лифта. Через мгновение Ольга сообразила, что она должна знать, где туалеты. В конце концов она здесь работает, разве нет?

— Я никогда не была на этом этаже, — объяснила она. Он объяснил ей, куда идти, и она попросила его подождать в вестибюле рядом с лифтом, боясь, что кто-нибудь обратит внимание на то, что лифт слишком долго стоит открытый.

В туалете никого не было. Она вошла в самую дальнюю кабинку и села, не раздеваясь.

— Скажите мне, что произошло, — сказала она Рэмси. — Куда вы пропали? Я пыталась дозвониться до вас весь день.

Он объяснил ей что произошло, и Ольга почувствовала себя намного хуже — было трудно представить себе, что даже та маленькая уверенность в себе, которая ей осталась, полностью уничтожена.

— Помоги нам бог, Селларс, он… ушел? И кто такой Бизли, который теперь помогает вам? Он армейский специалист или что-то в этом роде?

— Долго рассказывать. — Похоже Рэмси не рвался все объяснять. — Сейчас мы должны представить себе, что собираемся делать. Вы в безопасности?

Она даже рассмеялась.

— Я на вражеской территории, мистер Рэмси! И я в такой же безопасности, как таракан в ванной, когда на него падает свет. И

если кто-нибудь не раздавит меня каблуком, я буду очень довольна.

— Я делаю все что могу, Ольга, честное слово. Вы даже не представляете себе, как трудно было восстановить связь после того, как Селларс… после того, что случилось с ним. — Он глубоко вздохнул. — Я хочу передать трубку Бизли. Он… он слегка эксцентричен. Но не бойтесь — он доброжелателен и делает хорошо все, за что берется.

— С эксцентриками я смогу жить, мистер Рэмси.

Голос, раздавшийся в ухе, напомнил ей голоса актеров из старого шоу Телевизионная Эра.

— Ты Ольга, верно? Рад встречь.

— Я тоже. — Она тряхнула головой. Она сидит полностью одетая на унитазе и говорит с беженцем из округа Катскилл, а в двадцати футах над ней находятся вооруженные мужчины, которые с радостью пристрелили бы ее или избили до потери сознания, если бы только узнали, что она собирается делать. «Есть намного более приятные способы покончить с собой»,— сказала она себе.

— Смотри, быть может эта куча всяких машин — то самое, что искал Селларс, — сказал ей Бизли, когда она пересказала ему то, что услышала от Джерома. — Но мы не узнаем этого, пока не найдем ее, и даже тогда все равно ничего не узнаем, потому что Рэмси говорит, что этот Селларс валяется в отключке. — Он возмущенно фыркнул, очень явственно и очень забавно. — Но если ты попытаешься прогуляться там без разрешения, станешь кормом для собак, усекла?

Голос казался немного слишком взрослым для детского сленга, но Ольга провела всю жизнь среди людей искусства, которые любили подчеркивать, что они богема.

— Думаю, что усекла.

— Мы должны поиграться с твоим значком. Я не знаю, что собирался с ним делать Селларс. Я не нашел никаких заметок на этот счет, но я еще ищу. Он мог бы вставить туда какой-нибудь код, для большего доступа, но я не нашел его. Быть может ты можешь найти кого-нибудь с таким доступом, и тогда я смогу подделать разрешение.

— Тут есть один уборщик, который помогает мне, — нерешительно сказала Ольга. Он пару раз бывал на этих этажах.

— Что? — вклинился Рэмси. — Ольга, мы не можем сказать никому!..

— Я ничего не говорила ему, кроме большой и глупой лжи, — зло сказала она. — Вы должны доверять мне. Он сумасшедший, или, возможно, умственно отсталый, и вы можете себе

представить, что я чувствую, используя его. — Она опять едва не заплакала. — Бизли, информация из значка поможет тебе?

— Да. — Какое-то время незнакомец, называвший себя Бизли, молчал. — Быть может мы сможем сделать вид, будто этот уборщик ошибся этажом — типа того.

— Если ты как-нибудь повредишь ему, я тебя убью!

— Убьешь меня? — В ухе раздался скрипучий смех. — Леди, родители мальчика несколько недель пытались выключить меня и не сделали даже первый шаг, так что я не представляю, как ты думаешь это сделать.

Полностью сбитая с толку этим странным *non sequitur*[68], Ольга предпочла промолчать.

— Просто добудьте нам информацию из его значка, — сказал Рэмси. — У вас еще есть кольцо, верно?

— Лучше использовать ее разъем, — сказал Бизли.

— Отлично. Ольга, сделайте это. И потом мы решим, что делать дальше.

Чувствуя себя персонажем древнего фарса, она быстро вышла из уборной и зашагала по коридору. Джером все еще стоял в фойе рядом с лифтом, внимательно разглядывая свои ботинки. Свет, лившийся сверху, подчеркивал его выдающиеся вперед скулы и делал его похожим на остановившегося робота.

Услышав шаги, уборщик поднял голову. Улыбка изменила уродливое лицо, сделала его более привлекательным — старая кукла, сломанная, но знакомая.

— Я просто хотела, чтобы ты знал — я почти пришла в себя, — сказала она. — О, моя туфля! Можно опереться на твое плечо? — Она подошла совсем близко к нему и, делая вид, что поправляет туфлю, поднесла телематический разъем к его значку, потом заторопилась обратно в туалет. Рэмси и его новый друг уже анализировали результаты.

— Я могу кое-что сделать для тебя, — наконец сказал Бизли. — Но это не обманет никого, если они проверят значок, и они скорее всего заметят, что кто-то поработал над ним. Судя по схеме, на каждом этаже есть камеры наблюдения. И еще есть небольшие индикаторы, которые могут зажужжать.

— Это не сработает, — с несчастным видом сказал Рэмси. — Даже если у нее будет время установить маленькое устройство Селларса и мы выясним, что это то самое место, кто-нибудь обязательно проверит его и найдет ее с подделанным разрешением на вход. У них наверняка есть дежурные инженеры.

Ольгу испытала такое облегчение, поняв, что ей нельзя показываться на верхних этажах, что она только сейчас поняла, насколько боялась оказаться там.

— Никакой надежды?

— Леди, я не умею делать чудеса, — проскрежетал Бизли. — Мой хозяин, Орландо, всегда говорил…

— Погоди, — сказал Рэмси, прерывая еще одно удивительное замечание. — Вы же принесли не только это устройство. Мы можем взорвать дымовую шашку.

— И как это поможет? — Ольга уже приготовилась к поражению. Все стимулы идти вперед, даже память о детях, притупилась растущим страхом. Ей отчаянно хотелось опять увидеть небо, почувствовать на лице настоящий ветер и даже тот горячий пар, который в этой части Соединенных Штатов называется воздухом. — Взрыв не вышибет двери и я настолько далеко внутри здания, что дым не спрячет меня ни от кого, не задушив до смерти.

— Да, но если они начнут эвакуировать здание, то не обратят внимание на то, что происходит на сорок шестом этаже.

— Вы сказали, что у них повсюду камеры. Даже если какое-то время они меня не будут видеть, они смогут осмотреть все здание, когда обнаружат, что тревога ложная.

— Если нам повезет — если вам повезет, я бы сказал, потому что я знаю, что главным образом рискуете вы — вы уже будете снаружи, и все это будет неважно. Но вам придется действовать быстро. Установить зуб вампира и немедленно сбежать.

У нее закружилась голова.

— Я… я могу попробовать. Вы хотите взорвать шашку прямо сейчас?

— Еще нет, — сказал Рэмси. — Бизли нужно подделать ваше разрешение — не будет ничего хорошего, если мы заставим их подумать, что здание горит, а вы не сможете выйти с этого этажа. И я хотел бы изучить заметки Селларса. Я позвонил вам в такой спешке, что у меня не было времени подумать. — Его голос опять помрачнел. — Я действительно никогда не готовился к таким делам.

— А кто готовился? Я? — Ольга опустила ноги на пол туалета.

— Вы можете где-нибудь спрятаться, где вас никто не найдет? В полночь мы позвоним опять.

— Отлично. — Она разорвала связь, чувствуя себя так, как будто смотрит как отплывает корабль, который должен был вывести ее с необитаемого острова.

Дверь туалета зашипела, закрываясь за ней, и она отправилась обратно к Джерому, чтобы сказать ему, что ее планы изменились. Даже хорошо, что не надо тащить его прямиком в логово тигра. Во всяком случае теперь он не пострадает. Она

подумала о пропавших детях. Похоже это ее судьба — стать их защитником и паладином, есть ли в этом смысли или, хочет она того или нет. Будем надеяться, они оценят это. Что ее мать как-то говорила о благодарности?

«Благодари меня сейчас, пока я еще жива. Сэкономишь на почтовых расходах.

Но я не собираюсь платить за почту, мама, подумала она. Пока у меня нет твоего адреса».

* * *

Мама хотела, чтобы она пошла в магазин вместе с ней, но Кристабель не хотела идти. Она вообще не хотела ничего делать. Она сказала мамочке, что хочет остаться в отеле и посмотреть сетевое шоу, но на самом деле не хотела и этого. Мама с папой слегка поссорились — папа не хотел, чтобы мама пошла туда, где кто-нибудь сможет увидеть ее.

— Нам нужно сидеть тише воды ниже травы, — сказал он.

— Я не собираюсь сидеть и ждать, пока мой ребенок помрет с голоду или будет вынужден есть отбросы, — сказала мама. — В номере есть кухня и я собираюсь ею воспользоваться. Ребенок не должен касаться плохо прожаренных овощей.

Это была маленькая ссора, и Кристабель чувствовала себя плохо вовсе не из-за нее, хотя она ей и не понравилось. Мама и папа больше не шутили, папа не обнимал маму и не целовал ее в шею. Он поднял Кристабель на руки и крепко обнял, но ни он, ни мамочка не казались счастливыми. А с тех пор, как с Чо-Чо и мистером Селларсом случилось что-то плохое, они не могли слова сказать друг дугу, не поссорившись.

— Ты уверена, что не хочет пойти со мной, моя сладкая? — спросила мама. — В магазине ты могла бы выбрать сериал себе по вкусу.

Кристабель покачала головой.

— Я устала.

Мама закрыла дверь, вернулась в комнату, пощупала лоб Кристабели и вздохнула.

— Температуры нет. Но ты не выглядишь здоровой, а?

— Нет, я себя чувствую хорошо.

— Скоро мы уедем отсюда, — сказала мама. — Так или иначе. И я куплю тебе что-нибудь вкусненькое.

— Я тебе позвоню, если ты не вернешься через полчаса, Кей, — сказал папа.

— Полчаса? Да мне потребуется больше, чтобы сходить туда

и обратно. — На мгновение злой взгляд, которым она всегда глядела на папу в последние дни исчез, и она посмотрела на него так, как обычно. — Я обещаю, что если не вернусь через час, то позвоню.

Она ушла, и папа отправился в соседнюю комнату, чтобы поговорить с мистером Рэмси. Кристабель попыталась посмотреть стенной экран, но не было ничего интересного. Даже Дядюшка Джингл казался глупым и печальным в истории о Принцессе Попо, новом ребенке Королевы Облачных Котов, потерявшейся в цирке. И даже самые смешные шутки, вроде той, когда слон схватил Дядюшку Джингла за ногу и стал крутить его по кругу, вызвали у ней только улыбку.

Чувствуя себя настолько усталой, что хотелось плакать, она открыла дверь и вошла в соседнюю комнату. Папочка разговаривал с мистером Рэмси, они оба глядели в блокнот мистера Рэмси и не видели нечего вокруг. Она прошла в спальню и посмотрела на кровать, на которой лежали мистер Селларс и Чо-Чо, рядом друг с другом, тихие и неподвижные. Она долго смотрела на них, надеясь, что мистер Селларс откроет глаза и она побежит к родителям и мистеру Рэмси и расскажет им, что он проснулся. Они будут гордиться ею, мистер Селларс сядет на кровати и назовет ее «*маленькой Кристабель*» и поблагодарит ее за то, что она хорошо смотрела за ним. Может быть и Чо-Чо проснется, тоже, и станет не таким противным.

Но глаза мистера Селларса не открылись, и она даже не видела, как шевелится его грудь. Она коснулась его руки. Теплая. Значит ли это, что он не мертв? Или надо трогать его за шею? В сети всегда так и делали, но она никак не могла как.

Чо-Чо выглядел очень маленьким. Его глаза были тоже закрыты, зато рот отрылся и слюна текла на подушку. Кристабель подумала, что это совершенно отвратительное зрелище, но он в нем не виноват.

Она наклонилась к кровати.

— Просыпайся, мистер Селларс, — прошептала она, так громко, чтобы он мог услышать, но не настолько громко, чтобы услышал папочка в другой комнате. — Просыпайся, пожалуйста.

Но он не проснулся. Он выглядел плохо, как тот, кого сбила машина и он лежит на обочине. И ей опять захотелось плакать.

Дядюшка Джингл лучше не стал. Она перепробовал множество других шоу — даже *«Молодежную Банду»*, которую так не любили ее родители, называя ее «вульгарным», что означало плохим или страшным, она точно не знала. Папочка вернулся, и она быстро переключилась на другой канал.

— С какой стати ты смотришь лакросс[69] — командная игра,

в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядом, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой)? — спросил он ее.

Она решила, что так называется игра. Игроки махали палками один на другого.

— Даже не знаю. Интересно.

— Хорошо. Я собираюсь прилечь на несколько минут. Через четверть часа должна позвонить твоя мать, так что если не будет звонка, разбуди меня, договорились? — Он указал на часы в уголке стенного экрана. — Ровно в 17:50, хорошо?

— Хорошо, папочка. — Она посмотрела, как он идет в спальню, потом переключилась обратно на «Молодежную Банду». Люди в шоу похоже всегда говорили о том, кто что танцует — хотя она никогда не слышала о таких танцах, вроде «Сыграть-в-ящик» и «Подрыгнуть до Неба». Кто-то сказал: «Клорина собирается поиграть в Бампере с чем-то жидким» и Кристабель не поняла, говорят ли они о еще одном танце или о настоящем бампере, хотя вроде ни одного автомобиля в шоу не было, а тут еще кто-то сказал «Да, вот почему она всегда ходит ударенная» и это больше относилось к машинам, чем к танцам. Она выключила экран.

Все казалось не так. Мистер Селларс болен, может быть умирает, а ему даже не позвали доктора. А что, если ему нужно какое-нибудь лекарство. Мамочка пошла за покупками, но Кристабель знала, что в супермаркете лекарства не продают, в лучшем случае всякие фруктовые сиропы от кашля. И если кто-то болел по настоящему, вроде бабушки Соренсен, то ему покупали лекарства в аптеке или везли в больницу.

Она прошлась по комнате, спрашивая себя, не поговорить ли с мистером Рэмси. Мама позвонит только через десять минут и Кристабель чувствовала, что это будут самые долгие десять минут в мире. И она действительно хотела есть. И очень устала, вот. Быть может ей стоило пойти в магазин с мамой.

Она поискала в кармане папиного плаща крендельки, которые он забрал у нее утром, потому что ей не разрешали есть их на завтрак, и внезапно нашла книгоочки.

Она слегла удивилась, потому что думала, что папа оставил их дома. Она вспомнила тот день, когда они уехали, и внезапно ей действительно стало очень тоскливо — захотелось увидеть других детей, даже Офелию Вейнер, которую *не всегда* выносила. И спать в своей комнате, вместе с постером Зумера Зизза, куклами и животными.

Она села на диван, надела очки и какое-то время просто

глядела в темноту, которая была намного более интересной, чем этот глупый печальный отель. Потом она включила их, и, хотя стекла остались темными, в ухе неожиданно зазвучал голос мистера Селларса.

— Если эти ты, малышка Кристабель, скажи мне наш код. Ты помнишь?

Секунду она вспоминала.

— Румпельштильцхен, — прошептала она.

— Хорошо. Я хочу тебе кое-что сказать…

— А где ты? Ты в порядке? Ты проснулся? — Она уже бежала через комнату в спальню, чтобы посмотреть на него, но он говорил, не слушая ее, и вопросы замерли у нее во рту.

— … и я не могу объяснить тебе, но я очень, очень занят. Я знаю, это выглядит так, как будто я болен, но это не так — просто сейчас а не могу быть в своем теле. Надеюсь, ты не слишком переживаешь.

— Тебе будет лучше? — спросила она, он опять начал с начала и только сейчас она поняла, что это запись и что он не звонил ей сказать, что проснулся. Обычное сообщение.

— Мне нужно, чтобы ты очень внимательно выслушала меня, маленькая Кристабель. Я не хочу, чтобы ты боялась. У меня всего несколько секунд, потом я опять буду очень занят, поэтому я оставляю тебе сообщение.

Я подозреваю, что Чо-Чо в таком же положении, как и я — выглядит больным или спящим. Не беспокойтесь о нем. Он здесь, со мной.

Хотела бы она знать, где это «здесь», но она знала, что он не ответит.

— Я оставляю это сообщение по двум причинам, — продолжал голос мистера Селларса. *— Во-первых, что бы там не говорили мы, взрослые, дела не всегда идут так, как нужно. Я надеюсь, что вскоре опять увижу тебя и мы будем дружить еще долго-долго. Но если что-нибудь случится со мной — помни, Кристабель, я очень стар — я хочу, чтобы ты запомнила, что я считаю тебя самой храброй и доброй девочкой, которую я когда-нибудь встречал. А я прожил долгую жизнь, и слов на ветер не бросаю.*

И еще я хочу сказать тебе, что если я сумею… остаться здесь немного подольше и сделать кое-что из того, над чем я сейчас работаю, мне может потребоваться твоя помощь. Я не очень уверен, что сам понимаю в чем тут дело, и, в любом случае, у меня очень мало времени — я занят так, как и той ночью, когда мы сожгли наш дом и я ушел в туннели, помнишь? — но я хочу, чтобы ты внимательно выслушала меня и запомнила то, что я скажу.

Когда ты впервые встретила Чо-Чо, он испугал тебя. Я думаю,

сейчас ты понимаешь, что он не такой уж плохой — возможно ты поняла, что у него была очень тяжелая жизнь, он не доверяет людям и постоянно опасается, что с ним случится что-то плохое. Он жил совсем другой жизнью, чем ты, но внутри него есть много хорошего и доброго.

Я хочу, чтобы ты помнила об этом, малышка Кристабель, потому что мне может потребоваться твоя помощь. И тогда я попрошу тебя… встретится кое с кем. Мне трудно объяснить тебе это, но этот кое-кто может оказаться еще более страшным, чем Чо-Чо, и совсем другим. И тебе придется быть такой храброй, как всегда, Кристабель. И даже храбрее, чем обычно…

ГЛАВА 37
Запертая комната

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Дети подали в суд на родителей за слишком активную благотворительность

(изображение: наследники Вальстремов входят с Стокгольмский суд)

ГОЛОС: Четверо детей недавно умерших Гуннара и Ки Вальстремов, знаменитых шведских активистов-экологов, требуют себе собственность их родителей, которая, согласно завещанию Вальстремов, должна быть отдана различным организациям по охране окружающей среды.

(изображение: Пер Вальстрем)

ВАЛЬСТРЕМ: «Все думают, что мы делаем что-то ужасное. Но они никогда не жили с родителями, которые занимались чем угодно, но только не своими детьми. Никому из нас нет дела до китов или джунглей. И кто позаботится о нас? Неужели мы не заслужили получить хоть что-нибудь от родителей, которых почти никогда не было дома? Они переживали за улиток намного больше, чем за собственных детей.»

Пол побежал к входу в храм, молясь, чтобы Озлобыши преувеличили. Он проскочил через дверь, жара и свет обрушились на него и какое-то мгновение он мог только стоять, мигая и ничего не видя.

Наконец зрение вернулось и он увидел то, что вначале показалось ему беспризорной тенью — что-то черное быстро скользило по пескам пустыни. Дети предупредили его, но только тогда, когда тень в несколько шагов взобралась на один из ближайших холмов, сопровождаемая пылью от сотрясающих землю шагов, он осознал, насколько она ужасающе велика.

На мгновение тень застыла на верхушке холма, оживший колосс. Похожая на собачью морда поднялась вверх и завыла; секундами позже воздух вокруг храма — и на несколько километров вокруг — содрогнулся и треснул. Потом колосс опустил голову и побежал дальше.

Пол похромал обратно, чувствуя под собой не ноги, а обожженные спички.

— Он идет! Дред идет! — Шатаясь, он остановился во

внутреннем помещении. Флоримель, Т-четыре-Б и остальные глядели на него широко открытыми глазами, их лица перекосила гримаса бесконечного ужаса. — Они правы — он чудовищно велик.

Только Мартина не повернулась к нему. Она глядела на чистый белый силуэт, который появился несколькими секундами раньше и сейчас висел над замлей как кукла-марионетка.

— Скажи мне, — спросила она его, — ты можешь говорить с Селларсом?

— *El Viejo*[70]? — Силуэт изогнулся, его контур стало трудно различить. — Иногда. Я слышу его. Но сейчас он очень занят. Сказал, чтобы я оставался с вами.

— Тогда он подписал тебе смертный приговор. — В хриплом голосе Флоримель Пол услышал что-то близкое к отчаянию. Далекий звук, похожий на грохот огромного барабана — бум, бум, бум — заставил слегка затрястись массивные камни пола храма.

— Зараза идет к нам! — крикнул Т-четыре-Б.

— Тише, пожалуйста. — Мартина повернулась к большому черному саркофагу, лежавшему в центре комнаты. — Держитесь вместе, — сказала она. — Пусть кто-нибудь приведет маленьких обезьянок.

— Что ты делаешь? — спросил Нанди Парадиваш, одновременно повелительным жестом приказывая Озлобышам спуститься вниз. Кое-кто из них устроился на Поле, вцепившись в его одежду и волоса.

— Просто молчи. — Глаза Мартины были закрыты, голова опущена. — У нас осталось несколько секунд.

Пол заходил ходуном, как будто под храмом взорвалось несколько бомб. Каждый следующий шаг титана был громче предыдущего.

— *Слушай меня!* — крикнула Мартина. — Сэт, Иной, как бы тебя не звали — ты помнишь меня? Мы уже встречались, я думаю.

— Что это за психованное место? — боязливо спросил белый силуэт.

Бонита Мей Симпкинс молилась:

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое…

— Слушай! Я Мартина Дерубен, — сказала она низкому черному ящику. Я рассказала тебе историю о мальчике в колодце. Ты слышишь меня? Я нахожусь в ловушке в этой симуляции, со мной много других, которых ты привел в сеть. Некоторые из них дети. Если ты не поможешь мне, мы все умрем. — Продолжительная пауза. Они уже слышали дыхание приближающегося монстра, шипевшее как пыльная буря. — Он не

слушает меня, — наконец хриплым и злым голосом сказала Мартина. — Я не могу заставить его услышать меня.

Земля содрогнулась настолько сильно, что весь храм зашатался так, что, казалось, собирался обрушиться им на голову. По стенам побежали струйки пыли. Бонни Мей и Т-четыре-Б упали на пол, не удержавшись на ногах. Потом шаги остановились, дыхание стало тише.

Пол облизал губы. Говорить было почти невозможно.

— Попробуй… попробуй опять, Мартина.

Она еще крепче закрыла глаза и обхватила руками голову.

— Помоги нам, кто бы ты ни был — и кем бы ты ни был. Черт побери, я чувствую, что ты слышишь меня! Я знаю, что тебе больно, но сейчас всех этих детей убьют. *Помоги нам*!

Над их головами что-то взорвалось, как бомба. Потом грохотнуло еще раз, еще и еще. Пол упал на спину и с ужасом смотрел, как гигантские пальцы проткнули каменную стену у самой крыши. Мгновением позже, под грохот падающих камней, крыша комнаты сорвалась со стен и поднялась в воздух. Камень, размером с маленький автомобиль, пролетел мимо Пола и разбился о дальнюю стену, но он даже не пошевелился. Солнечный свет ворвался в внутрь, над ними опять распростерлось безграничное небо пустыни.

Чудовищная фигура с головой шакала опустила крышу на землю рядом с храмом. Гигант наклонился в зияющую рану, возникшую на месте крыши пещерообразной комнаты, каменная пыль клубилась над ним, как гриб от ядерного взрыва. Он улыбнулся, из челюстей, способных перемолоть тираннозавра, как жареного цыпленка, высунулся длинный язык.

— МНЕ НЕ ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ ТО, КАК ВЫ СЕБЯ ВЕДЕТЕ, — прогрохотал Анубис. Еще больше камней и пыли хлынули с крошащихся стен. — ВЫ УЕХАЛИ РАНЬШЕ, ЧЕМ ВЕЧЕРИНКА НАЧАЛАСЬ — И ЭТО НЕМНОГО НЕВЕЖЛИВО.

Только Мартина еще, качаясь, стояла на ногах, рядом с саркофагом. Пол пополз к ней, собираясь опрокинуть на пол прежде, чем чудовище схватит ее и смахнет с нее голову, как пушок с одуванчика.

— Помоги нам, — опять услышал он еле слышный шепот.

— НУ, НУ. КТО ЭТО ТАМ ИЗВИВАЕТСЯ НА ПОЛУ? — радостно сказал гигант.

И тут саркофаг начал разваливаться. Его углы затрещали, из них полился красный свет, скорее похожий на кровь; мгновением позже он вывернулся наизнанку, как если бы в нем было не тело мертвого бога, но какое-то новое пространство-время, раскрывавшееся и расширявшееся, как медленный взрыв, пока

вокруг них не сомкнулось что-то черное, сверкающее красным светом; и это было все, что Пол мог видеть.

— Он плачет!.. — услышал Пол крик Мартины, полный смертельной боли, но он исчезал, как угасающий сигнал. — Дети… — Голова Пола наполнилась туманом — холодным, пустым, смертельным.

— ПРОКЛЯТЬЕ! КАКОГО ЧЕРТА?.. — и это было последнее, что он услышал: сверху ударил гром, хотя и приглушенный, шум падающих камней пропал и Пола поглотили молчание и небытие.

* * *

Бессловесно рыча и брызгая слюной, которая дождем падала на пыльный пол, Дред какое-то время рылся в обломках, как ребенок, обнаруживший, что в подаренном на день рождения ящике нет ничего, кроме оберточной бумаги. Они исчезли.

Рычание превратилось в гневный приглушенный рык. Черные пятна, похожие потухшие звезды, плавали перед глазами. Он ударил ногой по стене храма, потом рукой, по зданию пробежала волна разрушения. Потом нагнулся в круговорот пыли, схватил каменный обелиск, вырвал его из земли и забросил так далеко, как только мог. Вдали взметнулось в воздух песчаное облако.

Только тогда, когда весь храмовый комплекс превратился бесформенную груду песчаника, он остановился. Но гнев не исчез, он давил на мозг и Дред чувствовал себя так, как будто горит в огне. Он отбросил голову назад и завыл, но легче не стало. Эхо воя умерло в далеких горах и пустыня опять затихла, все такая же пустая.

Он закрыл глаза и закричал:

— *Энвин!*

Она ответила через несколько секунд, и в каждую из этих секунд пульс молотом бил по его черепу, угрожая разнести его на куски. Наконец над пустыней открылось окно и в нем появились ее глаза, широко открытые от изумления. Он даже не знал, видит ли она его настоящее тело или горообразного Анубиса, бога смерти. Сейчас ему было наплевать.

— Что? Что случилось? — Она сидела на стуле — судя по углу она видела его на своем блокноте, а не на стенном экране. Она выглядела не столько испуганной, сколько виноватой, и на мгновение его гнев утих настолько, что он спросил себя, почему. Но потом вспомнил об Мартине и ее маленьких друзьях, просочившихся буквально между пальцами, и удушающий гнев разгорелся по новой.

— Я в сети, — выдохнул он, пытаясь приглушить ярость и говорить членораздельно, хотя на самом деле ему хотелось разорвать вселенную на клочки и потоптаться на обломках. — Соединение… только что открылось. Мне нужно последовать за ним — внутрь. И что-то сделать с операционной системой. — Вот это и было самое неприятное — операционная система бросила ему вызов, не подчинилась. Сообразив, что произошло, он послал заряд боли, который должен был заморозить все ее функции. Мелькнула мысль, а не уничтожил ли он вообще проклятую штуку, но он был настолько взбешен, что ему было все равно. Нет, она впитала наказание и продолжала работать.

Она украла пленников и где-то спрятала. Не подчинилась ему! И они не подчинились ему, открыто и нагло. И должны заплатить за все.

— Я… я посмотрю, что можно сделать, — запинаясь пробормотала Дульси. — Но потребуется время…

— *Сейчас!* — заорал он. — Немедленно. Прежде, чем оно закроется, исчезнет или как там у вас называется. Сейчас!

Ее глаза раскрылись еще шире, в них появилось больше животного страха, чем вины, больше возбуждения, чем удивления, и она наклонилась к блокноту.

— Соединение еще здесь, — сказала она. — Ты прав. Но оно что-то вроде черного хода в систему.

— Это что еще за чертовщина?

— Вход-выход из сети, но такой, который открывается только изнутри. Я не могу объяснить лучше, потому что сама не очень понимаю. — Концентрация проглотила ее ужас, хотя пальцы немного дрожали, летая над экраном. Даже раскаленный добела гневом, он не мог не восхититься ее полным, не замечающим ничего, погружением в дело, которое она любила.

«Мы очень близки по духу,— подумал он.— Но все-таки отличаемся, и моя душа съест твою душу, и не подавится. Дай мне только уничтожить Мартину и ее товарищей — и я займусь тобой. Интересно, кстати, эта шлюха, Сулавейо, с ними?» У него не было времени подробно все рассмотреть — ничего, он еще успеет, после того, как уничтожит последний бит воли операционной системы и заставит ее глупо хныкать.

— Я подключила тебя, — наконец сказала она, — насколько смогла. Это немного похоже на ворота в другие части…

— Исчезни, — грубо оборвал он ее, разрывая связь. Он сузил фокус зрения, и наконец сумел рассмотреть постепенно гаснувшую точку перехода, блуждающий огонек, плававший над

развалинами саркофага. Он почувствовал, как в мозгу горячей проволокой засверкала скрутка, она поднялась без его желания, как иногда случалось с ним во время охоты. «Ну, я действительно на охоте,— подумал он.— Точно, так оно и есть. Эти уроды посмеялись надо мной и сейчас думают, что находятся в безопасности. Я вас найду и буду рвать на куски, пока от вас не останется ничего, кроме крика».

Он шагнул через ворота, бог с сердцем из черного огня. Безумный бог.

* * *

Пол мог только лежать в пыли, пытаясь вспомнить, где он, кто он… и *почему* он.

Похоже, они летели через середину умирающей звезды. Мир стал бесконечно плотным; какое-то время не было измерений, и он решил, что умер и от него остались только частицы сознания, рассеянные в нигде и движущиеся все дальше и дальше, как корабли, отставшие от конвоя, потерявшие связь и ставшие одинокими пылинками.

И еще он не был уверен, что вообще *жил*.

Пол заставил себя сесть, земля была сухая и пыльная, как во дворе Храма Сета. Однако природа, по сравнению с Египтом, стала значительно приятнее: появилось серое небо с далекими звездами, воздух похолодал. Пол находился у подножия низкого холма, посреди равнины, усеянной такими же холмами. Ландшафт казался странно знакомым.

Бонита Мей Симпкинс села рядом, потирая голову.

— У меня все болит, — сказала она спокойным голосом.

— У меня тоже. Где остальные? И где мы сами, кстати?

— Я думаю, внутри, — сказал кто-то другой.

Пол повернулся. По крутому склону холма спускалась Мартина, наполовину скользя по рыхлой земле. За ней шли Нанди, Т-четыре-Б, Флоримель и мальчик, которого он не знал — маленький и грязный, с всклокоченными черными волосами. Озлобыши, яркие цвета которых приглушили сумерки, кружились над ними, как комариный рой.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он. — И что это за маленький мальчик?

— Это Чо-Чо, — объявила Мартина. — Друг Селларса. Ты уже встречался с ним, но тогда он выглядел немного иначе. Мы поговорили, и теперь ему придется путешествовать с нами.

— Низзя, леди, — угрюмо сказал маленький мальчик. — Вы

все *loco*.

Мартина и остальные спустились вниз как раз тогда, когда Бонни Мей и Пол наконец сумели встать на ноги. Пол чувствовал себя очень слабым и больным, и ему захотелось немедленно лечь обратно. У него были вопросы, много вопросов, но не было сил их задать.

— А что касается того, где мы, — сказала Мартина, — то мы внутри операционной системы, мне кажется.

— Но я думал, что мы и так были внутри всего, более или менее.

— Нет. — Она покачала головой. — Мы были внутри сети Грааля, а операционная система существует в этой сети как невидимые нервы. Но сейчас мы внутри самой операционной системы, или, по меньшей мере, в ее личном убежище, где она спасается от своих хозяев, Жонглера, братства Грааля и, сейчас, Дреда.

— Рени говорила… она в сердце системы, — вспомнил Пол.

— Откуда ты это знаешь? — резко спросил Нанди. — Твои слова, быть может, и имеют какой-то смысл, но ты можешь только гадать.

— Потому что я коснулась Иного прежде, чем он перенес нас сюда, — сказала Мартина. — Он не говорил со мной словами, но я все равно много поняла. И мы уже были в похожем месте. Даже дважды, хотя первая версия, Недоделанный Мир, осталась незаконченной. В последний раз я просто не заметила сходства, но в третий раз я узнала тот же образец.

— Мы были здесь… раньше? — Пол осмотрел смутно знакомую территорию.

— Не здесь, в точности, но в месте, очень похожем на это — наш хозяин специально выстроил его для нас, чтобы встретиться на нейтральной земле. В первом тебя не было с нами, Пол Джонас, но ты должен помнить второе.

— Гора?

— Точно. — На лице Мартины появился призрак улыбки. — И я надеюсь, что мы опять обнаружим, что Иной ждет нас. Быть может на этот раз мы поймем, как говорить с ним.

— И куда мы пойдем? — спросила Флоримель. — В ту сторону холмы выглядят пониже…

— Да, — коротко ответила Мартина. — Но нам не нужны ни холмы, ни склоны. Я ощущаю большую концентрацию данных, ждущих здесь, что-то живое, активное и беспримерное, очень похожее на то, что нас ждало на вершине горы. — На мгновение она замолчала, устало и испуганно. — Нет, неправда. На этот раз он кажется другим — меньше, слабее. Я думаю… Иной умирает.

— Но это же невозможно, — сказала Флоримель. — Это же операционная система — код!

— А, это, если он крякнется, что будет с нами? — спросил Т-четыре-Б.

Мартина покачала головой.

— Не знаю, но я боюсь ответов.

Она повела остальных через узкую долину и вверх, по склону ближайшего холма. Они прошли не больше сотни метров, когда Пол почувствовал покалывание в шее, как будто кто-то смотрел на него недобрым взглядом. Он оглянулся, но сзади не было никого и ничего, кроме бесцветных холмов. Тем не менее в воздухе было разлито какое-то напряжение, что-то волнующее и недоброе, мешавшее ему повернуться обратно.

Мартина тоже повернулась, медленно, испытующе. Она нашла направление, наклонила голову и на мгновение застыла, присушиваясь.

— Бежим, — сказала она.

— Что ты?.. — начала было Флоримель, но тут небо раскололось.

Из ниоткуда с воем налетел ветер и почва заколебалась. Затряслось все, воздух и земля, одновременно, и на вершине холма, от которого они только что ушли, появилось что-то звероподобное, огромное и темное. Разряды молний ударили в уродливую голову. Существо упало на колени и завыло, от гнева и боли, лающий рев ударил по ушам Пола. Усилившийся ветер взметнул в воздух клубы пыли, он закрыл глаза руками и сквозь пальцы поглядел на поле битвы.

— Я говорила вам, бежим! — крикнула Мартина. — Это Дред. Он преследует нас!

Огромная фигура на вершине холма корчилась от боли; рев поднялся до неба.

— Что-то сражается с ним! — крикнул Пол. — Система! Она сражается!

— И потерпит поражение! — крикнула Мартина, схватила его руку и толкнула его вперед; спотыкнувшись, он сделал пару шагов вверх, на холм. Озлобыши, подхваченные порывом шквального ветра и безнадежно пища, пронеслись мимо. Пол повернулся и схватил упавшую Бонни Мей; когда он осмелился бросить взгляд назад, огромная темная фигура пыталась встать на ноги, рыча на ветер, молнии по-прежнему били в его уродливую голову.

Пол отвернулся и побежал за Мартиной. Позади рев зверя становился все громче и громче, пока, наконец, весь мир не закачался от звериного яростного крика.

Небо потемнело. Звезды над головой начали умирать.

* * *

Сердце Дульси билось как сумасшедшее.

«Что он делает? Над чем он работает? Я никогда не видела его таким, даже во время рейда на Атаско. Ради всего святого, что бы это ни было, оно находится в сети. Тогда почему он орал на меня?»

Она тщательно закрыла блокнот, ожидая, пока пульс придет в норму. «Он не смотрит на меня,— сказала она себе. Она взглянула на неподвижное тело Дреда, которое осторожно поворачивала хитрая кровать.— Это не доказывает ничего. Он может наблюдать за мной через скрытые камеры».

«Нет,— резко сказала она самой себе.— Глупости. Через стенной экран, да, может быть, но не через мою собственную систему. Моя защита лучше, чем в любой правительственной конторе. Если бы он был способен на такое — он бы вообще не нуждался во мне».

Дульси знала, что не сможет работать, пока она не успокоится. Она поставила воду кипятиться. Стакан старого доброго Эрл Грэя, вот что ей нужно. Старомодный способ его готовить, и медленный, но она предпочитала его этим пакетам с уже готовым горячим чаем. Одного стакана будет вполне достаточно.

«Он не знает, что ты делаешь,— сказала она себе.— И если ты будешь осторожна, никогда не узнает. Нужно только все чистить за собой».

Но ее более осторожная часть не успокоилась. «Почему ты вообще это делаешь? Это вызов? Неужели ты хочешь взломать его личные файлы только для того, чтобы доказать, что ты лучше его?»

«Нет,— решила она.— Я делаю это потому, что у него есть что-то такое, о чем не знает никто — и он хочет, чтобы никто и не узнал, даже я. Вполне похоже на него, и если я сумею взломать и скопировать это, то получу козырь, который, не исключено, может помочь мне уйти отсюда живой.

И мне надоело ничего не знать».

Когда чай заварился, а руки перестали дрожать, она взяла стакан, и вернулась к стулу и маленькому столу, которые поставила в уголке своего чердака. На улице под ней смеялись люди, из машин громко орала музыка. Она с тоской подумала, насколько приятнее было бы родиться чувствительной юной

женщиной, которая проводит вечера субботы с друзьями, а не сидит на тихом чердаке с занавешенными окнами, играя роль сторожа такого жестокого ублюдка, вроде Джона Дреда.

Она выпила еще глоток и открыла блокнот. Что за пароль использовал Дред, почему он сопротивляется все ее попыткам? Ее это невероятно бесило. Пароль? Даже самая странное собрание букв и цифр рано или поздно должно появиться в ее генераторе случайных последовательностей, но — по какой-то загадочной причине — не появляется. И теперь, когда она, используя программу дешифровки немного по новому, выяснила длину пароля — девять символов — это просто ни в какие ворота.

И действительно, это казалось совершенно невозможным. Девять символов! Ее программа дешифровки за несколько минут перебрала все возможные комбинации букв, чисел и символов пунктуации, но метафорическая дверь замкнутой комнаты Дреда так и не открылась.

Помня о странном и размытом экспериментальном фильме, она попробовала и все варианты с его именем, Джон Вулгару.

Ее программа по ходу работы сгенерировала все кодовые последовательности с этим именем, безуспешно, но она никак не могла отделаться от ощущения, что все то, что он так скрупулезно скрывал, вроде своего настоящего имени и прошлого, напрямую связано с тем, что он хотел сохранить в тайне от всего мира, вроде этого загадочного хранилища. Но его имя не являлось ключом к нему, и как раз тогда, когда Дред так неожиданно и тревожно прервал ее, она вводила имена из мифологии аборигенов, хотя, конечно, и их должна была уже проверить ее бесконечно терпеливая программа дешифровки.

Дульси какое-то время глядела на блокнот, потом опять перевела глаза на лежащего Дреда, ее темное лицо Будды. Все это не имело никакого смысла. Девять символов, и часы работы, коту под хвост! Что-то она пропустила — но что?

Интуитивно он решила заглянуть в инструментарий своей программы, которым пользовалась очень редко, где было множество мелких кодов, еще более странных чем тот, при помощи которого она обнаружила длину пароля. Хакер из Малайзии, с которым она как-то имела дело, продал их ей в обмен на данные клиентов Азиатского банка, которые она скачала, помогая захватывать этот банк, причем дело полностью провалилось. Потом этих неудачливых корпоративных пиратов схватили в Сингапуре и одного даже казнили. Дульси была уверена, что о ней там и не вспомнили, хотя бы потому, что ей так и не заплатили, но в любом случая она была рада выйти сухой из воды и еще прихватить с собой файлы с данными.

В обмен она получили кусок кода, который ее малазийский друг называл «Стетоскоп», не самый используемый кусок ее программы, но полезный, в любом случае. Она использовала его тогда, когда надо было отследить малейшие изменения в скорости работы какой-нибудь программы — то, что никогда не видно на уровне интерфейса, но помогает найти потенциальные ошибки, которые могут превратиться в серьезные проблемы. Дульси никогда не писала программы для легального бизнеса, но как-то раз, случайно, обнаружила, что Стетоскоп можно использовать для нахождения дыр в системе доступа. Она больше года не пользовалась им, но сейчас, во время путешествия в Австралию, он оказался исключительно полезен для проникновения в систему Грааля. И сейчас что-то — быть может интуиция хакера — заставила ее опять воспользоваться им.

«Потому что надо хоть что-то сделать»,— сказала себе Дульси и запустила Стетоскоп.

Она опять запустила генератор случайных последовательностей, и вернулась к чаю. Она уже почти забыла о паническом страхе, который пронзил ее во мгновение, когда Дред заорал с экрана. Почти.

Спустя три минуты цикл закончился, безуспешно, как и последние пару дюжин раз. Она открыла отчет Стетоскопа и почувствовала, как сердце забилось быстрее. Что-то *было*, или, по меньшей мере, выглядело, что было: небольшое колебание, мгновенная заминка, как если бы система безопасности Дреда на мгновение остановилась и чего-то ждала. А это, подумала она, означает, что она ждала подтверждения, не дождалась и отказалась открываться.

Дульси укусила губу, думая. Похоже она имеет дело с двойным паролем: сначала X, потом Y. Но генератор выдал, что требуется только девять символов, почему нет подсказки для второго пароля? И почему система остановилась и ждала? Никакой человек не сможет ввести достаточно быстро второй пароль за микросекундную задержку, даже если скажет его, а не напишет.

Скажет. В заднюю поверхность шеи вонзились крохотные иголочки. Она еще раз проверила систему Дреда и с триумфом обнаружила, что звуковой ввод выключен. Оно! Второй пароль должен быть произнесен, а не напечатан. Система услышала первый, проверила звуковой ввод, обнаружила, что он выключен и квалифицировала пароль как ошибочный, и все это за доли секунды, не воспринимаемые человеческими чувствами.

Он включила звуковой ввод, напомнив себе, что должна быть чертовски осторожной и, закончив, выключить его — иначе Дред

с его дьявольским чутьем может заподозрить, что она пыталась взломать его систему — начала вносить небольшие изменения в свой генератор, цепляя его к Стетоскопу. Теперь, когда система Дреда опять замрет, ее генератор остановится и она должна будет увидеть первый пароль.

Она налила себе еще один стакан чая и запустила генератор — мысленно она представляла его себе колесом рулетки, крутящимся так быстро, что становилось почти невидимым. Меньше чем через минуту он остановился и на выдаче замигало слово «АЛЬЕРЕННЕ»[71]. Она узнала слово из краткого знакомства с австралийской мифологией и опять испытала вспышку триумфа. На этот раз звуковой ввод доступен, система узнала первый пароль и ждет второго.

«Но она не будет ждать слишком долго,— внезапно осознала она, и радость победы погасла.— Она дает мне десять секунд, потом двадцать или больше, но потом закроется, если я не скажу правильного слова. И в следующий раз, и еще, и, скорее всего, после нескольких неудачных попыток она вообще закроется — обрежет весь доступ и, быть может, зажжет сигнал тревоги. И останется чертовски ясный след, что кто-то пытался ее взломать».

Как назло, она не подготовилась ко второму паролю, и в голову ничего не лезло, кроме тривиальных слов вроде «Вулгару». И она просто не в состоянии генерировать звуковые пароли с такой же скоростью, как символьные, которые идут прямо в систему — даже если изменит генератор, а это потребует нескольких недель работы в области, о которой она не знала почти ничего.

Прошло десять секунд. «АЛЬЕРЕННЕ» все еще мигало на экране, насмехаясь над ней, но окно могло закрыться в любой момент. Она столько работала, решила первую часть головоломки и, несмотря на это, зависла, обманута, поставлена в тупик.

— Отродье *шлюхи*! — с чувством сказала она.

При последнем слове экран очистился. Мгновением позже вспыхнула надпись «ДОСТУП РАЗРЕШЕН» и дверь тайной комнаты Дреда открылась.

Пятьдесят шесть файлов, упорядоченных по дате, первому больше пяти лет, простое имя «Нуба 1». Она открыла его, и обнаружила, что это двухмерный узкоформатный фильм, намного худшего качества, чем лабораторный. Как будто его снимала очень примитивная камера наблюдения, стоящая в одной точке.

Сначала вообще трудно было понять смысл, картинка была очень темной. Только посмотрев около полуминуты она сообразила, что смотрит на бетонные колонны перед внешней

стеной какого-то сооружения. Похоже колонны поддерживали съезд на автостраду, а темный фон около их вершины был ночным небом.

То, что двигалось у основания одной из колонн, скрытом в тени, несмотря на море света на самой автостраде — натриевые лампы? — оказалось двумя человеческими фигурами, хотя то, что это люди, оставалось догадкой, пока не прошла по меньшей мере минута фильма. Сначала она решила, что темные плохо различимые фигуры (у одной из более далеких колонн) занимаются любовью — свет, падавший за ними, освещал то руку, то вытянутую ногу. Потом, затаив дыхание от ужаса, она поняла, что большая фигура душит фигуру поменьше. Но и это оказалось не так, потому что через несколько мгновений большая фигура остановилась, а маленькая еще двигалась, сползая по колонне и держа руки так, как если бы молила большую не уходить. И все это время Дульси слышала только приглушенный и низкий шум проносящихся машин, как если бы камера, фиксировавшая события, находилась очень близко к дороге.

Очень трудно было видеть, что происходит дальше и еще труднее понять, почему кто-то решил записать все это. Качество было просто ужасающим, как будто кто-то добрался до записи и специально ухудшил его. Почему? И что это все значит?

Большая фигура наклонилась над маленькой, на мгновение в ее руках что-то бледно свернуло — бутылка? Нож? Сложенный кусок бумаги? Маленькая фигура, похоже, спорила или молила о пощаде, размахивая руками, но плохие предчувствия Дульси слегка ослабели, когда она заметила, что маленькая фигура даже не пытается бежать.

Большая опустилась на колени рядом с маленькой, так близко, как будто собиралась заняться с ней любовью, или, по меньшей мере, готовилась заняться. Долгое время — не меньше двух минут, судя по файлу, но быть может еще дольше — две тени были переплетены. Время от времени появлялась рука и медленно махала, как если бы посылала привет далекой камере или уходящему поезду. Однажды рука появилась и вытянулась изо всех сил. Растопыренные пальцы медленно сомкнулись, как лепески цветка на ночь, движение, почти прекрасное в своей простоте.

Наконец, через несколько минут, большая фигура встала. Маленькая все еще сидела, опираясь на колонну, но, прежде, чем Дульси сумела рассмотреть подробности, пленка кончилась.

Дульси уселась прямо и уставилась на экран, ощущая во рту кислый привкус. Совершенно невозможно было сказать точно, что там произошло, и ей могло потребоваться много часов работы с

ее улучшающей изображение программой прежде, чем она сумеет догадаться. В любом случае она должна сделать в своей собственной системе в подходящее время. Глупо сидеть здесь с открытыми тайнами Дреда — лучше скопировать файлы, а потом уже изучить их.

Но она ни смогла победить искушение открыть еще несколько, просто чтобы увидеть, действительно ли все то, что Дред так тщательно хранит от всех, также непонятно, как и то, что она видела. Она выбрала несколько других и решила открыть «Нуба 8».

Изображения в Нубе 8 была намного четче, хотя и они, похоже, была скачаны из камеры наблюдения, на этот раз находившейся на площадке лестницы того, что выглядело большим офисом или роскошным жилым зданием, тоже ночью. Сцена была освещена прожектором; фигура женщины, появившейся из стеклянной двери с сумочкой под одной рукой и блокнотом под другой, была видна совершенно отчетливо. Молодая, возможно возраста Дульси, темноволосая, стройная. Она остановилась на верхней ступеньке и порылась в сумочке, вынув оттуда небольшой цилиндр, похожий на какое-то химическое средство защиты, и тут со страхом посмотрела вперед. Перед ней появилась тень, быстрая, как летучая мышь; мгновением позже площадка опустела. Изображение прыгнуло и изменилось, теперь фильм снимался с другой камеры, находившейся на подземной стоянке, и женщина, которую держала неразличимая фигура в темной одежде, безусловно была та же самая, хотя и с перекошенным ужасом лицом.

Взбудораженная этим коротким фильмом ужасов — неужели это и есть тайна Дреда, ужасная и отвратительная: он собирает эти занюханные фильмы? — Дульси скорее была недовольна собой, чем страдала от того, что она видела.

«Вполне логично,— подумала она.— Первый парень, который понравился мне за последние несколько месяцев, и такое же дерьмо, как все. Слава богу, я не дала ему…»

Женщину бросили на пол. В этом файле не было звука, но Дульси и так знала, что женщина кричит от ужаса. Потом мужчина, который бросил ее на цементный пол повернулся к камере — он точно знал, что она там — и улыбнулся, как если бы посылал фотографию домой, на память.

И только тут Дульси поняла, что он делает.

С невыразимым ужасом она смотрела, как Джон Дред, он же Джон Вулгару и Джонни Дарк, тщательно связал женщине запястья, залепил рот клейкой лентой и начал орудовать очень длинным ножом. Он все делал очень тщательно и так, чтобы

камера наблюдения засняла все с самого лучшего угла. В какой-то момент Дульси почувствовала, что она не может двинуть ни рукой ни ногой, не может отвернуться, как если бы и она сама связана, и вообще не может шевельнуть ничем, кроме испуганных глаз.

И только тогда, когда заиграла мягкая чувствительная мелодия фортепьяно, к которой присоединились несколько тактов струнных и хор, и Дульси сообразила, что музыку добавили после конца пленки, в ней что-то щелкнуло. Она встала на ноги, рыдая во все горло, и пару раз упала, прежде чем сумела добраться до ванны, где ее начало рвать без остановки.

ГЛАВА 38
Мальчик во тьме

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ: «Улыбка» — развлечения для взрослых

(Изображение: игровой салон «Улыбка», сцена с представлением)

ГОЛОС: Ты много работаешь, верно? Как насчет того, чтобы, не выходя из дома, поучаствовать во взрослых развлечениях высшего качества? «Улыбка», сетевой клуб для джентльменов номер один, предлагает самые лучшие осязательные развлечения и полную анонимность, во всем; останови эту боль, темноту и холод, и эту боль, боль, боль…

— Стивен? — Рени заметалась на каменной полке, отчаянно пытаясь найти путь вниз, к мальчику, но тропа заканчивалась через нескольких метров, соединяясь со стеной ямы, гладкой, как расплавленное стекло. — Стивен! Это я, Рени!

Он медленно откинул голову назад, его затененные глаза ловили медленный блеск звезд, висевших высоко над ними, но ничем не показал, что узнал ее. Быть может, она ошиблась? В яме было темно, несмотря на странные искривленные звезды над головой, темно как поздним вечером, а он был во многих метрах от нее.

Рени ползала взад и вперед на полке, как леопард на ветке.

— Стивен, поговори со мной. Как ты себя чувствуешь?

Он перестал плакать. Когда эхо ее крика умчалось прочь, она услышала его вздох, слабый и несчастный, пронзивший ее сердце. Какой он маленький! Она даже забыла, насколько он мал, насколько незащищен от этого жестокого мира.

— Послушай. — Она попыталась говорить спокойным голосом. — Я не могу спуститься, но, может быть, ты можешь подняться ко мне. Ты можешь, Стивен? Пожалуйста?

Он опять вздохнул. И опустил голову.

— Нет пути наверх.

Как будто что-то тяжело ударило Рени в грудь. Это его голос, никаких сомнений.

— Черт побери, Стивен Сулавейо, не говори мне так, не попытавшись. — Она услышала гнев в своем голосе, гнев, рожденный ужасом и усталостью, и попыталась

успокоиться. — Ты не представляешь себе, как долго я искала тебя, где только не была. Я не сдамся. И ты не должен сдаваться, тоже.

— Никто не ищет меня, — вяло сказал он. — Никто не приходит.

— Нет, неправда! Я пыталась! И пытаюсь. — Из-за слез в глазах вся эта и так странная сцена расплылась, стала полным абсурдом. — О Стивен, я так скучаю по тебе.

— Ты не моя мама.

Рени заледенела, потом с трудом отодвинулась назад, едва не упав в реку. Она молча вытерла слезы. Неужели у него что-то с головой? И он думает, что мама еще жива?

— Нет, я не твоя мама. Я — твоя сестра, Рени. Ты помнишь меня, или нет?

После долгих мгновений молчания он ответил.

— Я помню тебя. Ты не моя мама.

Сколько он помнит? Возможно он, защищаясь, выдумал себе, что мама еще жива. Не напугает ли она его настолько, что введет в ступор, если будет спорить с ним. Может ли она позволить себе рискнуть?

— Нет, я не твоя мама. Мамы здесь нет, только я. И я пыталась найти тебя… очень долго. Стивен, нам надо уходить отсюда. Есть там такое место, что ты можешь взобраться наверх?

Он покачал головой.

— Нет, — с горечью сказал он. — Нет такого места. Я не могу взобраться. И у меня все болит.

«Тише,— сказала она застучавшему сердцу.— Медленнее. Ты не поможешь ему, если ввергнешь себя в панику».

— Что у тебя болит, Стивен? Скажи мне.

— Все. Я хочу домой. Я хочу к маме.

— Я делаю все, что в моих силах…

— *Сейчас!* — пронзительно крикнул он. — Руки замелькали в воздухе — он бил себя по голове. — Сейчас!

— Стивен, нет! — крикнула она. — Успокойся, все будет хорошо. Я здесь. Теперь ты не один.

— Всегда один, — с горечью сказал он. — Только голоса. Обманы. Ложь.

— Иисус милосердный. — Рени почувствовала, что еще немного, и распухшее болящее сердце задушит ее. — О, Стивен, я никакой не обман. Это я, Рени.

Он долго молчал, крошечная фигурка, почти неотличимая от больших каменных валунов, валявшихся на дне ямы. Журчала река.

— Ты возила меня на океан, — наконец сказал он более

спокойным голосом. — Там птицы. Я бросал… что-то. Они хватали это в воздухе. — В его голосе появилась нотка удивления, как если бы что-то вернулось к нему.

— Хлеб. Ты бросал кусочки хлеба. И чайки, она сражались за них — помнишь? Ты еще так смеялся. — Маргит[72], вспомнила она. Сколько ему было? Шесть? Семь? — Ты помнишь, как один человек играл, а его собака танцевала?

— Да, прикольно. — Он сказал это так, как если бы ничего не чувствовал. — Прикольная маленькая собачка. Одетая в платье. Ты еще так смеялась.

— Ты тоже смеялся. О, Стивен, а что еще ты помнишь? Твой комнату? Нашу квартиру? Папу? — Она увидела, как он закостенел и молча выругала себя.

— Кричит. Всегда кричит. Большой. Громкий.

— Стивен, он не такой…

— *Кричит! Злой!*

По звездам наверху прошла рябь, их накрыла тень, на мгновение погрузившая большую пещеру во мрак, и сердце Рени опять застучало. Она не могла дышать, пока не увидела маленькую съежившуюся фигуру Стивена.

— Да, иногда он кричит, — осторожно сказала она. — Но он любит тебя, Стивен.

— Нет.

— Любит. И я. Ты знаешь это, верно? Насколько я тебя люблю? — Ее голос треснул. Как ужасно — быть так близко и все-таки так далеко. Она хотела схватить его, обнять, целовать его лицо, прижать к себе близко-близко, почувствовать каждый изгиб его волос, дышать запахом маленького мальчика. Неужели настоящая мать чувствует что-то большее?

Но, похоже, вспомнив об отце, ребенок опять погрузился в угрюмое молчание.

— Стивен? Поговори со мной, Стивен. — Ничего, кроме журчания реки. — Не делай так! Нам нужно уходить отсюда. Нам нужно найти путь. Но я ничего не смогу сделать, если ты не будешь говорить со мной.

— Отсюда не уйдешь. — Голос говорил так тихо, что она едва слышала. — Обман. Ранят меня.

— Кто ранит тебя?

— Все. И никто не приходит.

— Я здесь. Долгое время я искала тебя. Почему бы тебе не попытаться найти дорогу и подняться ко мне? — Она отползла подальше от конца тропы, стараясь найти место в отвесной каменной стене, в котором можно было бы спуститься вниз. — Скажи мне, что еще ты помнишь? — сказала она. — Как

насчет твоих друзей? Ты помнишь их? Эдди и Соки?

Он опять откинул голову.

— Соки. Он… он повредил голову.

Она почувствовала, как по спине пробежала холодная дрожь. Неужели Стивен имеет в виду припадки Соки, конвульсии, которые, как показалось Рени, она вызвала сама, разговаривая с ним. Сколько Стивен об этом знает? Быть может он запомнил, как они впервые пошли в этот ужасный клуб, «Мистер Джи»?

— Да, у Соки болит голова, — осторожно сказала она, ожидая, что произойдет.

— Он был слишком напуган, — спокойно сказал Стивен. — Он… рванулся. И повредил голову. — В его голосе проскользнула странная нотка. — Я… я так одинок.

Рени на мгновение закрыла глаза, пытаясь загнать обратно слезы, но, одновременно, боясь, что Стивен исчезнет, пока она не смотрит на него.

— А ты помнишь что-нибудь приятное? Разве ты, Соки и Эдди не играли вместе в солдатики? В «Сетевые сыщики»?

— Да… обычно… — Стивен говорил слабым, усталым голосом, как будто их короткий разговор ужасно утомил его. Он еще что-то сказал, скорее неразборчиво прошептал, и замолчал. В груди Рени опять вспыхнула паника.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, — сказала она. — Ты не против? Стивен, слушай меня, мне нужно, чтобы ты встал. Просто встал на ноги. Ты можешь сделать это?

Он сел и сгорбился, опустив голову на грудь.

— Стивен! — На этот раз она не сумела скрыть ужас в голосе. — Стивен, говори со мной! Черт побери, Стивен, даже и не думай отмолчаться. — Она вернулась на самую нижнюю точку тропинки и стала наклоняться наружу, пока не почувствовала, что еще немного и упадет. — Стивен! Я говорю с тобой. Я хочу, чтобы ты встал. Ты слышишь меня? — Прошло полминуты, он и не подумал двинуться с места. — Стивен Сулавейо! Обрати внимание! Я уже сержусь, по-настоящему!

— *Не кричи*! — Его внезапный крик показался Рени ударом грома. Он отразился от стен их тюрьмы, рассыпался на множественное эхо. — *Кричи… кричи… кри… чи…*

Рени прижалась к каменной полке. Удивление от его внезапной вспышки почти сбросило ее вниз.

— Стивен, что?..

«*Это тяжелая гнусновость! — ответил Ковш.*»

Рени почувствовала, как ее сердце подпрыгнуло и споткнулось. Он процитировал кусок из истории о Сетевых Сыщиках, которую она читала ему в больнице — но не из-за этого

ей было трудно дышать.

«*Оставив голобликующий пульт парить в воздухе, он повернулся к своему взволнованному приятелю. — Должно быть, там большие проблемы — на два входа!*»

Темнота начала сгущаться вокруг нее, круг все суживался. Голова закружилась, потом заболел живот.

«*Хватит, парень*, — сказал щелкающий голос Длинного Джозефа, настолько похожий, как будто Стивен включил запись. — *Хватит всей этой чуши. Кончай с этим, или я сниму кожу с твой задницы. Черт побери, я хочу только немного отдохнуть, и если ты заставишь меня встать на ноги, я буду бить тебя до тех пор, пока лицо не окажется на затылке…*»

И, хуже всего, Стивен смеялся собственным голосом, одновременно говоря за отца.

— Не делай так! — закричала Рени. — Перестань! Останься Стивеном!

«*Но, во имя Господне, кому нужна такая система безопасности?* — Язвительный и резкий голос Сьюзен Ван Блик отразился от дна ямы, но Стивен еще истерически смеялся, почти рыдал. — *Что, черт возьми, они защищают*? — Доктор Сьюзен, которую Стивен никогда не встречал, даже когда еще не впал в кому. Сьюзен Ван Блик, которая уже умерла. — *Ирен, как тебя угораздило связаться с преступниками*?»

На мгновение она почувствовала, что может больше не выдержать, сломаться, ужас слишком тяжело давил на грудь. Потом, внезапно, поняла. Страх стал меньше, теперь она боялась только за себя, но его место заняло отчаяние, почти непереносимое.

— Ты… ты не Стивен, да? — Голоса умерли. — Ты никогда не был Стивеном.

Существо, которое выглядело как ее брат, все так же сидело у реки, сгорбившись и укрывшись тенями.

— Что ты сделал с ним?

Никакого ответа, но его стало хуже видно, как если бы он начал сливаться с каменной стеной ямы. В воздухе разлилось ожидающее спокойствие, потрескивающее напряжение перед близкой грозой. Рени почувствовала, как в ее кожу вонзились маленькие иголочки. Внезапно ей стало не хватать воздуха в легких, она начала задыхаться.

И тут внутри нее поднялся гнев, бледная ярость: эта странная штука, конгломерат кодов, делала вид, что является ее братом — та самая нечеловеческая тварь, которая и схватила его. Она оттолкнула гнев в сторону и сосредоточилась на дыхании. Она в его сердце, каким-то образом. Все вокруг нее часть Иного, часть

его ума, его воображения…

Его сна?..

Она ничего не добьется, если взбесит его. Он похож на ребенка, на того же Стивена в возрасте двух лет, полного крикливого возмущения, находящегося почти за пределами языка и разума. Как она может иметь с ним дело?

«Не слишком хорошо,— напомнила она себе.— Терпение — а я никогда не была такой терпеливой, какой должна быть».

— Кто… кто ты такой, в точности? — Она подождала, но ничто не нарушило молчание. — У тебя есть имя? — спросила она.

Существо пошевелилось. Тени стали длиннее, а звезды дальше, их блеск ослаб, как если бы вселенная внезапно начала расширяться.

«Но это же не настоящая вселенная,— сказала она себе.— Это вселенная внутри… внутри этой штуки».

— У тебя есть имя? — опять спросила она.

— *Мальчик*, — ответил он голосом Стивена, но со странной прерывистой интонацией. — *Заблудившийся мальчик.*

— И… как ты хочешь, чтобы я называла тебя?

— *Мальчик.* — Прошел эон. — *Нет… имени.*

— Иисус милосердный. — Ее глаза опять наполнились слезами. — Что они сделали с тобой?

Создание на дне колодца стало почти не видимым. Река зашумела громче, монотонный постоянный рокот. Рени показалось, что она слышит в нем жалующиеся голоса.

— Где мы? — спросила она. — Что мы здесь делаем?

— *Прячемся.*

— От кого?

Казалось, он долго обдумывал ее вопрос.

— *От дьявола*, — наконец сказал он.

Мгновенно, даже не понимая в точности, что он имеет в виду, она почувствовала то же, что чувствовал он — безнадежный не рассуждающий страх и безграничная покорность, готовность к любой жестокости.

«Почему я,— спросила она себя.— Почему он разрешил мне войти? Внутрь… чего бы то ни было? Неужели из-за того, что я чувствую по отношению к Стивену?»

Она думала, тонкая мембрана мысли скользила над все углубляющейся пропастью ужаса, и, внезапно, она поняла то, о чем он говорил ей — сама не понимая как, почти инстинктивно.

«Он умирает». Свет, пламя его существования, мигает. И не только слова, но все вокруг, начиная с гаснущего света и исчезающего воздуха, кричит об этом. За таким состоянием может

последовать только одно — полное уничтожение.

«Поэтому он и использовал Стивена, говоря со мной,— решила она.— Надел его маску. Но это не только маска. Он слишком резко отреагировал, когда я заговорила о папе, каким-то образом Иной знает то, что знает Стивен и даже то, что знаю я. И чувствует так, как чувствует маленький мальчик».

— Я думаю, ты еще можешь освободиться. — Она не очень верила в свои слова, но не могла сидеть и ждать конца, предать себя, друзей и всех детей, которых сожрала эта тварь, ждать всеобщей гибели всех, находящихся в сети Грааля, которая, безусловно, наступит в то мгновение, когда операционная система остановится. — Я думаю, что мы можем сбежать. Мои друзья способны помочь тебе, если ты разрешишь нам это сделать.

Тень под ней зашевелилась.

— *Ангел?..* — жалобно спросил он. Голос был еще слабее, чем у Стивена. — *Никогда-Не-Спит?..*

— Конечно. — Она понятия не имела, что это означает, но не могла дать остановить себя. Она вспомнила, как заставила Каменную Девочку идти, хотя страх буквально парализовал ребенка. Терпение, вот то, что работает. Терпение и иллюзия, что взрослые обо всем позаботятся. — Если бы ты мог придти ко мне…

— *Нет,* — устало и равнодушно сказал он.

— Но я могу помочь…

— *Нееееееет*! — На этот раз даже стены ямы подобрались ближе, а тени стали такими глубокими, что темнота показалась больше пространства, в котором находилась. Эхо от его крика металось слишком долго, смешиваясь с журчанием реки, которое совершенно отчетливо превратилось в безнадежный и испуганный крик тысяч голосов — детских голосов.

— Я хочу помочь тебе, — громко сказала она, говоря так спокойно, как только могла, хотя ей хотелось кричать до тех пор, пока хватит воздуха. Нервы горели — на мгновение она опять почувствовала, как сердце сжал холодный кулак небытия. *Терпение, Рени*, сказала она самой себе. *Ради бога, не дави слишком сильно.* Но удержаться было трудно. Время бежало с невероятной скоростью, подстегиваемое криками детей, отчаянными, безнадежными. — Я хочу помочь тебе, — повторила она. — Если бы ты подошел ближе…

— *Не могу выйти!..* — заорал он. Рени упала на колени, прижав руки к ушам, но мучительный голос уже проник внутрь, достал до костей и потряс ее до основания.

— *Не могу! Болит! Все болит!* — Он впал в ужасный гнев, от

которого, казалось, мир должен был развалиться напополам. — *Очень злая.*

Голос — ничем не похожий на голос Стивена — бил ее по ушам.

— Злая! Злая! ЗЛАЯ!

Сокрушающая рука тьмы обрушилась на нее.

* * *

Джереми, смахнув сон с глаз, поглядел на часы на самой большой консоли. 7:42. Утро. Какое утро? Какого дня? Здесь, в яме под горой, в сотнях метров от солнца, почти невозможно следить за календарем. Он устал, изо все сил пытаясь сохранить порядок, создать впечатление, что они живут, как на поверхности, что их жизнь еще имеет смысл, но события последних дней разбили вдребезги все его усилия.

«Утро воскресенья,— наконец решил он.— Это должно быть утро воскресенья».

Еще несколько месяцев назад он в это время завтракал в своей чистой, набитой всякой всячиной кухне. Потом он помыл бы машину, на которой он и доктор Ван Блик могли бы поехать в церковь. Возможно бессмысленно — Сьюзен редко выходила из дома и почти не ездила — но это была часть заведенного рутинного распорядка. В те дни ему часто казалось, что он тонет в рутине. А сейчас она казалась ему самым замечательным островом на свете, который может себе представить тонущий человек.

У мониторов должен был сидеть Длинный Джозеф Сулавейо, его очередь. Вместо это высокий мужчина сидел на краю дорожки, болтая ногами и глядя в никуда. Он выглядел потерянным и несчастным, и не только потому, что вина больше не осталось. В конце концов Джереми и Дель Рей решили, что единственное место, куда они могут засунуть убитого Джереми наемника, — неиспользуемая и неподключенная В-капсула. Они завернули труп в простыню и положили внутрь, но, как только за ним закрылась воздухонепроницаемая крышка, Джозеф надулся и ушел.

Достаточно странно, но Джереми даже посочувствовал ему. Они превратили В-капсулу в то, что она так напоминала — гроб, и это не могло не напомнить Джозефу о его дочке, Рени, лежавшей рядом в точно таком же контейнере. Да, она и ее друг бушмен были еще живы, но как раз сейчас это различие казалось чисто академическим.

«Как и все мы трое,— мрачно подумал Джереми.— Чем мы отличаемся от дочки Джозефа? Только размерами гроба!»

Мысль появилась, как мыльный пузырь, и внезапно исчезла, когда Джереми посмотрел на монитор.

— Джозеф, это еще что за хрень? Предполагается, что ты дежуришь, а?

Длинный Джозеф недовольно посмотрел на него, засопел и вернулся к внимательному изучению бетонного пола и молчаливых устройств.

— Дель Рей! — крикнул Джереми. — Сюда! Быстро!

Более молодой мужчина, готовивший завтрак на импровизированной кухне — Джереми слишком устал и ему надоело изо дня в день готовить первобытную еду из черт знает чего — поторопился подняться к нему с нижнего уровня.

— Что случилось?

— Смотри! — Джереми показал на монитор, подсоединенный к камере, наблюдавшей за главным входом. — Фургон — он исчез! — Он повернулся к Джозефу. — Что это может быть?

— Что это может быть? — Джозеф встал на ноги и подошел к монитору, уже окрысившись. — Из-за чего вся эта суматоха?

— Потому что проклятый фургон исчез. Исчез! — Гнев смешался с истерической, головокружительной надеждой. — Фургон наемников исчез.

— Но сами они нет, — веско сказал Дель Рей. — Смотри. — Он показал на другой монитор, отображавший область рядом с лифтом. В паре метров от выкопанной наемниками дыры лежали спящие люди, отгородившись положенными на бок стульями.

— Но где их фургон?

— Не знаю. — Дель Рей уставился на экран. — Я насчитал троих. Значит один из них поехал на фургоне. Может быть за продуктами.

— А может быть, — с мрачным удовлетворением сказал Джозеф, — за новыми убийцами.

— Черт тебя подери, Джозеф Сулавейо, заткни свою грязную пасть. — Джереми с трудом поборол искушение избить Джозефа до полусмерти. «В кого я превратился». — Мы должны были узнать об этом несколько часов назад. Он, скорее всего, уехал ночью. Но ты не делаешь свою работу!

— Какую работу? — Даже Джозеф не походил сам на себя, возможность поспорить не вызвала в нем особого интереса. — Какая разница? Ты выбежишь отсюда и остановишь его? «Эй, мистер Убийца, я не разрешаю вам привести еще несколько человек с револьверами.» На что ты жалуешься?

Джереми поудобнее сел на стул. — Просто заткнись.

— Если ты ожидаешь, что я буду всю ночь пялиться на эти маленькие экраны, — предположил Джозеф со спокойствием шизофреника, рассказывающего о всемирном заговоре, — тебе лучше научиться разговаривать со мной повежливее.

Поздним утром фургон опять появился на экране монитора главной двери. Джереми позвал остальных и они с замиранием сердца смотрели, как наемник спустился из кабины, поправил внушительный револьвер в плечевой кобуре и пошел к большому серому кузову своего внедорожника.

— Сколько их, как вы думаете? — прошептал Длинный Джозеф, несмотря на сотни метров бетона, отделяющих из от места действия. Джереми не ответил — он чувствовал себя так, как если бы сам задал вопрос.

— Кто знает? Туда может поместиться не меньше дюжины. — Лицо Дель Рея блестело от пота.

Водитель открыл заднюю дверь и взобрался внутрь. Его не было больше минуты и, Джозеф опять не выдержал.

— Какого черта он там делает?

— Может быть инструктирует их. — Джереми чувствовал себя так, как будто смотрит сетевой репортаж об убийстве, вот только убивать будут его.

Дверь кузова опять открылась.

— О, Иисус милосердный, — простонал Длинный Джозеф. — Это еще кто?

Четверо спрыгнули один за другим, энергично нюхая землю. Водитель спустился вниз и они окружили его, как акулы глубоководный буй. По спине каждого огромного пса шел меховой гребень, с которым они еще больше напоминали акул.

— Родезийские риджбеки, — сказал Дель Рей. — Это мутанты — посмотрите на выпуклые лбы. Их запрещено разводить, — сказал он почти оскорбленно.

— Не думаю, что эти люди соблюдают законы. — Джереми никак не мог оторвать глаз от экрана. Даже в свете дня глаза собак тонули в тени их торчащих вперед лбов, придавая их лицам мрачный вид. И тут он вспомнил, и ужаснулся. — Гиена, — тихо сказал он.

— О чем ты говоришь? — недовольно сказал Длинный Джозеф. — Ты же слышал, что он сказал — это риджбеки.

— Я подумал об одной истории маленького бушмена. — Ворота открылись. Водитель прицепил тяжелые поводки к ошейникам собак и повел их ко входу в базу. — О гиене и ее дочке. — Джереми почувствовал, что ему стало

плохо. — Не имеет значения. — Боже мой, что мы собираемся делать?

После нескольких мгновений гнетущего молчания Дель Рей сказал:

— У меня есть две пули. Если мы займем правильную позицию, и собаки будут бежать одна за другой, я смогу одной пулей подстрелить сразу двоих. Две пули, четыре собаки.

Длинный Джозеф свирепо нахмурился и хриплым голосом, широко раскрыв глаза, сказал:

— Это была шутка. Ты пошутил, верно?

— Конечно же это чертова шутка, ты, идиот. — Дель Рей тяжело опустился на другой стул рядом с консолью и закрыл лицо руками. — Раньше этих тварей использовали при охоте на львов — и это до того, как началась вся эта свистопляска с генами. Они найдут нас даже в полной темноте и разорвут на куски.

Джереми слушал его в пол-уха. Собаки и наемник шли через гараж базы, но Джереми не смотрел и на них. Вместо этого он смотрел на маленькое пустое место на одном из экранов.

— Селларс не отвечает, — глухо сказал он. — Никакого сообщения, ничего.

— Я так и думал! — взорвался Джозеф. — Говорит нам, что делать, говорит, говорит, говорит и внезапно исчезает именно тогда, когда он нам больше всего нужен!

— Его идея с дымом спасла нас, — зло сказал Дель Рей. — Иначе они были бы здесь несколько дней назад.

— Да, спасла тогда, но только для того, чтобы нас съели сейчас, — объявил Джозеф, но энергия уже вытекла из него. — Быть может нам стоит устроить еще один костер, посмотрим, как эти твари любят дым. — Он повернулся к Джереми. — Собаки, им тоже надо дышать, разве нет?

Джереми глядел на экран. Наемники около лифта проснулись и сгрудились вокруг своего вернувшегося товарища. Собаки сидели рядом, ряд мускулистых машин с желтыми зубами, ждавших когда их включат и отправят работать. Джереми понимал, что наемники закончили пробивать дорогу через пол и собираются использовать собак-мутантов на случай еще одной атаки ядовитым дымом или вооруженного сопротивления.

«Если бы эти люди только знали,— подумал он.— С тем, что у нас есть, мы не сможем отогнать даже группу решительных школьников».

— Без Селларса нам не проделать этот фокус, — вслух сказал он. — Мы не знаем, как действуют вентиляторы. Не думаю, что нам удастся управлять ими отсюда. — Он нахмурился, пытаясь

поймать мысль, которая угрожала раствориться в страхе и беспорядке его мыслей. — И нам нечем зажечь такой огонь…

— Мы, что, собираемся ждать здесь? — спросил Джозеф, беспомощно глядя на экран. — Ждать… чего?

Джереми встал и направился к лестнице.

— По меньшей мере я ждать не собираюсь.

— И что ты собираешься? — крикнул Дель Рей.

— Найти что-нибудь, что поможет нам устроить пожар, — крикнул в ответ Джереми. — Мы не сможем напустить на них дым, но даже собаки размером с дом боятся огня.

— Но мы же использовали все!

— Нет. Еще есть шкаф бумага. Там… там где наемник пытался убить Джозефа. Нам нужно сделать факелы!

Он побежал и тут же услышал, как Джозеф и Дель Рей бегут за ним.

* * *

На мгновение — к счастью только на мгновение — Рени почувствовала, как ее схватили неумолимые тиски пустоты. На этот раз он отбросил всю сдержанность и взорвался не рассуждающим всесильным гневом. Потом вокруг нее опять появилась яма. Она стояла на четвереньках на каменной полке, и ее рвало, воздухом. Голоса реки стали громче, слились в плачущий молящий хор.

— *Он идет!* — Крик ребенка, крик чистого ужаса завибрировал в ее черепе, как колокол тревоги. На нее обрушился каскад образов, огромные тела, воющие собаки, комната, полная крови и визжащих белых тел. Боль понеслась через нее как бесконечный удар электрического тока. Рени кричала и извивалась, добавляя свои слабые крики к детскому плачу, когда голос в ее голове завизжал опять: *«Он идет сюда!»*

Яма расширилась, стала глубже и чернее, стены убежали с такой скоростью, что, казалось, упали в пустоту. Река и крошечная фигурка рядом с ней тоже унеслись прочь, падая в бесконечный туннель, погружаясь в бездонный колодец.

— Кто? — выдохнула она. — Кто идет?

— *Дьявол.*

Звезды упали вниз, и Рени оказалась посреди ночного неба, которое пролилось на нее, как перевернутый океан. Она, как пойманный пузырь, скользила среди замерзшей черной пустоты и белого блеска горящих звезд. Чудовищное давление встряхивало, переворачивало и мяло ее.

«Я тону,— подумала она, ошеломленная искорка сознания, потерявшаяся среди молчаливо ревевших огней.— Я тону во вселенной».

ГЛАВА 39
Разбившийся Ангел

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Вдова подала в суд на нанотехнологическую фирму за несчастье во время медового месяца

(изображение: Сабина Вендель на похоронах мужа)

ГОЛОС: Венцом трагедии, которая уже стала поживой для комиков всего мира, стало обращение в суд Сабины Вензель из Бонна, Германия. Госпожа Вендель начала судебный процесс против распространителей нанотехнологогического средства «Мастерман», которое, судя по рекламе, помогает в случае проблем с эрекцией. Хотя производители, Борхарт-Шлимер, и настаивают, что их продукт должен использоваться только под наблюдением врача, многие распространители продают Мастерман без всякого рецепта, и, скорее всего, именно так Йорг Вендель приобрел микроскопического электронного клеща, который и привел к несчастному случаю, который многие сетевые узлы уже окрестили «Сексотрясением»…

Они скатились вниз с холма и очутились на безжизненной равнине, с неба били молнии, вонзаясь во что-то за ними, а они изо всех сил бежали к тому, кто выглядело как океан, полный звезд. Множество странных тел лежало на берегу и ждало. Настала ночь, созвездия над головой стали темнее чем те, что плавали в яме.

«Похоже на „Машину Времени“ Герберта Уэллса,— подумал Пол.— Последние ужасные мгновения Земли, которые видит путешественник во времени — серое небо, серая земля, умирающие крабоподобные твари на пустом берегу моря».

Бонита Мей Симпкинс запнулась и тяжело упала, искалеченные руки не могли помочь ей встать. Пол наклонился над ней. Рев зверя, который последовал за ними из Египта, стал немного тише, приглушенный холмами и электрической бурей, все еще бушевавшей в том отдаленном месте, где появилось чудовище, но Пол не сомневался, что Мартина права — операционная система не в силах остановить его, Дред скоро будет здесь. Он охотится на них.

Он поставил миссис Симпкинс на ноги. Она шептала:

— … Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим…[73]

«Если я пойду и долиною смертной тени,— подумал Пол,— не убоюсь зла»[74]. Но он боится. Очень боится. Их всех проглотил ночной кошмар.

Остальные были уже далеко впереди, только Нанди Парадиваш остановился и ждал их. Пол схватил миссис Симпкинс за руку и поторопился вперед вместе с ней.

— Спасибо тебе, — прошептала она. — Да благословит тебя бог.

Нанди молча закинул другую руку женщины себе на плечо, он и Пол, вместе, могли удержать ее на ногах. Бассейн с вырывающимся из него светом казался очень близко. Толпа, окружавшая его, сомкнулась вокруг Мартины и остальных. Его товарищи исчезли в мешанине тел и на долю секунды Пола охватила паника, но потом он увидел Мартину, Флоримель и остальных — и особенно высокого Т-четыре-Б — их окружили, но никто им не угрожал. На самом деле толпа, окружавшая их, напоминала скорее нищих детей, которых он видел в Риме и Мадриде.

— Эти люди… они… — Нанди тоже смотрел на них. — Я понятия не имею, кто они такие!

«И я»,— подумал Пол. Они находились уже рядом с толпой, и Пол поразился дикому и бессмысленному разнообразию частей, из которых они состояли — животные на задних лапах, существа с телами зверей и человеческими лицами, а были еще живые существа сделанные из совершенно неподходящих частей. Потрясающее разнообразие, и самое поразительное, толпа состояла только из фантастических созданий. Их окружала армия вымышленных персонажей, сошедших со страниц детских сказок.

Ближайшая к ним коллекция антропоморфных медведей и козлов, а также рыб с ногами, и еще пара, худой и жирная — скорее всего Джек Спрат из детской песенки и его огромная жена, увидев которых Пол на мгновение заледенел — все они подошли к Полу и его товарищам; даже самые нечеловеческие лица наполнял настоящий страх, детские голоса громко и боязливо визжали.

[75]

— Что это? — крикнул костистый Джек Спрат. — Кто вы? Вас послал Тот-который-есть?

— Где звезды? — завыла его трясущаяся супруга.

— Вы видели Леди?

— Почему она не пришла к Колодцу? Почему не говорит нам, что делать?

Пола, оказавшегося в водовороте молящих созданий, понесло к берегу волнующегося моря, как листья через пороги бурной реки.

— Мартина! — крикнул он, стараясь держаться вместе с Бонни Мей и Нанди, хотя его тащили покрытые шерстью пальцы и сильные цепкие крылья. — Флоримель? Где ты? — Кто-то так сильно дернул Бонни Мей, что Пол, все еще поддерживавший ее, вынужден был отпустить руки и все равно не удержался на ногах. Какое-то мгновение он был уверен, что сейчас его затопчут до смерти.

«И в конце концов меня убили мультяшки,— подумал он, задушенный пылью.— В это есть какая-то ирония, не так ли?»

Внезапно все вокруг него тревожно закричали; коллекция всех этих разнообразных ног и лап, окружившая его, стала отступать. Пол поднялся на ноги и в нескольких метрах от себя увидел миссис Симпкинс и Нанди, куда-то глядящих. Он повернулся взглянуть, на что они смотрят.

Да, не самое необычное зрелище сегодняшнего дня, но достаточно впечатляющее.

К ним, через толпу, давая возможность сказочным героям уступить дорогу — но помогая им легкими ударами кнута, если они не торопились — ехал Азадор, с широкой улыбкой на лице. Он сидел на месте кучера в фантастически раскрашенном фургоне, который везли две белые лошади.

— Ионас, мой друг! — крикнул он, из-под великолепных усов сверкнули ослепительно белые зубы. — Вот ты где! Иди сюда, и твои друзья, тоже — карабкайся же, иначе эти идиоты пройдутся по твоим ногам.

Пол никак не мог отвести от него взгляд, и не только из-за неожиданного спасения. Все время, пока он путешествовал с Азадором, тот никогда не выглядел таким радостным. Пол посмотрел на небо, которое уже стало смоляно-черным, на звезды, превратившиеся в крошечные точки. «Как может хоть кто-нибудь быть в хорошем настроении в конце света? Если он не полный идиот».

Но лучше так, чем быть затоптанными плюшевыми мишками.

Пол забрался в фургон и помог Нанди и миссис Симпкинс сесть рядом с ним, Азадор поцокал языком, махнул кнутом и, развернув фургон, направился к мигающему морю.

— Есть люди, которые ждут тебя, мой друг, — крикнул Азадор. — Ты будешь так счастлив. Мы споем, станцуем и отпразднуем нашу встречу!

«Нет, не полный идиот,— подумал Пол, пока они катили под умирающим небом.— Сумасшедший, самый настоящий

сумасшедший».

Цыгане Азадора развернули десяток фургонов так, что расположились полукругом вдоль берега странного кратера, отгородились от всех остальных беженцев и образовали маленьких город из лакированных повозок, сверкавших как в свете множества костров, так и в серебряно-синем свете, лившемся из огромной ямы. Молнии по-прежнему били в вершины холмов, быстрые, как удары меча, но их блеск уменьшился, как если бы сражение шло к концу.

Пол не думал, что конец сулит им что-то хорошее.

От мрачных мыслей его немедленно отвлекли люди, которые бежали к нему, расталкивая толпу любопытных цыган, и выкрикивали его имя. Если бы они немедленно не назвали себя, он никогда бы не узнал Сэм Фредерикс и бушмена !Ксаббу. Быть может, в более спокойной чем сейчас ситуации, он и мог бы догадаться, кто такой этот маленький человек с миндалевым разрезом глаз, но он совершенно забыл, как в Трое Фредерикс призналась, что она девочка.

— Это… это поразительно видеть вас обоих вместе, — сказал он. — Такое счастье. — На мгновение он заколебался. — А где… Рени?

Лицо !Ксаббу вытянулось. Он покачал головой.

— Мы не знаем, — объяснила Сэм. — Мы расстались.

!Ксаббу, казалось, хотел сказать что-то, но Мартина Дерубен, пережившая внимание толпы сказочных героев, встала на подножку одного из фургонов и громко хлопнула в ладоши.

— Флоримель, Пол, Хавьер — все сюда. Нам надо поговорить. Немедленно. — Внезапно она повернулась туда, где стоял Пол. В отличии от него, у нее не было проблем с незнакомыми лицами и формами. — Фредерикс?.. !Ксаббу?

Она спустилась на землю и, протолкнувшись через толпу беженцев, обняла обоих.

Через мгновение к ним присоединилась смеющая Флоримель, которая так сильно стиснула маленького человека, что Пол испугался, как бы она не поломала ему ребра. Бушмен казался странно необщительным, но Пол решил, что он просто незнаком с человеческим лицом !Ксаббу. Даже Т-четыре-Б разрешил втянуть себя во взаимные объятия, и невнятно пробормотал пару вопросов и ответов.

— Хватит, — внезапно сказала Мартина, все еще крепко сжимая руку Сэм. — Мы собрались не в самое удачное время, хотя мы все рады видеть друг друга. Нас преследует Дред.

Лицо Фредерикс изумленно сморщилось.

— Дред?

— Ты видела его только однажды, на вершине черной горы, он был размером с бога — очень злого бога.

— А, помню, очень сканированный.

— И Дред идет — нет, он уже здесь. Операционная система сражается с ним. Там.

В далеких холмах сверкнули последние молнии, процарапав ночное небо, мутные, как следы светлячков.

Пол и остальные уселись вокруг одного из костров, жавшихся под ночным небом. Сзади них пульсировал Колодец, в дыре сверкало рожденное в земле северное сияние, превращавшее в гротескную маску даже знакомые лица.

Мартина попыталась поддерживать порядок, но любопытство и необходимость создали слишком летучую смесь: едва кто-нибудь успевал ответить на вопросы, как появлялась пачка новых. Нанди, миссис Симпкинс и маленький мальчик по имени Чо-Чо только изумленно смотрели вокруг, зато остальные говорили почти не умолкая. Пола больше всего впечатлил рассказ о приключениях их группы — чудовищно странный рассказ — и он очень внимательно выслушал то, что произошло с !Ксаббу и Сэм. И одна подробность их истории зацепила его намного больше, чем всех остальных, и он даже решил прервать Сэм на полуслове.

— Прошу прощения, но… — Голова гудела, тело настолько ослабело от напряжения и усталости, что он еле мог сидеть, но он не мог дать этому ускользнуть. — Я почти не верю своим ушам. Вы путешествовали с Жонглером? С Феликсом Жонглером, тем самым ублюдком, который построил всю эту штуку? *И тем самым ублюдком, который украл мою жизнь*, хотел бы он добавить, но судя по выражению лица Сэм ей вообще не хотелось об этом говорить.

— Мы… мы думали, да, это он, хотя он был сильно трахнутый. — Она взглянула на !Ксаббу, ища поддержки, но маленький человек встал несколькими минутами раньше и куда-то ушел, так что она опять повернулась к Полу. — Рени сказала… она сказала, он нам может понадобиться. Он много знает.

Пол еле сдерживал гнев.

— Я потрясен. — Он сглотнул. — То есть вы не столкнули его с обрыва. И не разбили ему череп камнем.

Пол сел прямо и попытался успокоится — слишком много важной информации, которую надо переварить.

— И куда он отправился? Что с ним произошло.

Сэм изумленно уставилась на него.

— Что… что ты имеешь в виду?

— Когда вы расстались с ним — или, надеюсь, кто-то его съел?

В первый раз за все время ее лицо стало нервным лицом подростка, говорящего с разгневанным взрослым.

— Но… он здесь. — Она посмотрела на Пола и его товарищей, как если бы они должны были это знать. — Вот он, — сказала она, указывая пальцем.

Пол почувствовал, как кольцо боли сжало его виски. В нескольких метрах от них стояли Азадор и лысый человек в темной одежде и смотрели на них, Азадор оживленно что-то говорил, лысый молчал, полузакрыв глаза.

— Это… это он? — На грудь Пола кто-то уселся. — *Это* Феликс Жонглер?

— Да, но… — Прежде, чем Фредерикс успела что-то сказать, Пол вскочил на ноги и побежал.

Азадор взглянул на него.

— Ионас, мой друг! — сказал он, открыв руки, но Пол уже промчался мимо. Он со всего маха бросился на лысого и свалил его на землю. Жонглер видел, как разгневанный Пол летит на него, но ничего не успел сделать. Пол обоими руками схватил его за голову и изо всех сил ударил затылком о землю, потом забрался на него и начал бить его в лицо. Мужчина сопротивлялся, он поднял руки, пытаясь блокировать дикие беспорядочные удары, и извивался, пытаясь сбросить Пола на землю. Пол с удовлетворением, чувствовал, что некоторые из его ударов как следует встряхнули твердую голову Жонглера, но ему все время казалось, что руки какие-то слишком короткие, удары не достают. В голове кричали голоса, вспышка гнева, казалась, разорвала время.

«Украл мою жизнь. Пытался убить меня».

Он бил опять и опять.

«Ублюдок. Убийца».

Некоторые слова он проорал вслух. Были и другие голоса — кто-то смутно звал его по имени, хватал за руки — но Жонглер холодно молчал. Он выдержал первоначальную суматоху ударов, потом его рука поднялась, схватила Пола за подбородок и надавила, заставив противника отводить голову назад до тех пор, пока позвоночник не стал угрожать треснуть.

— Я тебя убью! — крикнул Пол, но Жонглер уже ускользнул от него, как будто Пол стоял на одном берегу реки, а его враг плыл в лодке на другую сторону. Смутно, через пелену гнева и адреналина, он сообразил, что его схватили несколько рук и подняли с земли, как и его жертву. По меньшей мере двое из тех, кто держал его, оказались цыганами, мускулистыми людьми, от

которых пахло дымом горящего леса.

— Отпустите меня! — провыл он, бесполезно. Его держали крепко.

— Перестань, — сказал в ухо голос Флоримель. — Ничем хорошим это не кончится, Пол.

Азадор уже оттащил Жонглера подальше от Пола.

— Что стряслось? — спросил цыган. — Ионас, ты мой добрый друг. И этот человек тоже мой друг. Почему друзья должны драться?

Пол слышал слова Азадора, но не понимал их. С безнадежной ненавистью он посмотрел на Жонглера. Тот вернул ему взгляд, уже надев лицо маску равнодушного презрения; только тонкая струйка крови, текущая из носа, напоминала о том, что произошло.

— Мартина? — спросил кто-то. Только тут Пол сообразил, что слепая женщина была среди тех, кто держал его. — Мартина?

— Да, Сэм?

— Я не могу найти его, Мартина. — Сэм Фредерикс выглядела бледной даже в странном металлической свете, лившемся из огромной ямы. — Он куда-то делся — исчез!

— О ком ты говоришь? — спросила Мартина. Некоторые из людей, державших Пола, отпустили его, и но только не два цыгана. — Кто исчез?

— !Ксаббу, — с несчастным видом сказала Сэм. — Он отошел от костра, и не вернулся. Я не могу найти его.

* * *

Глядя на то, как другие разбились на пары и отправились на поиски !Ксаббу, Сэм, по идее, должна была почувствовать себя лучше. Но нет, что-то в его внезапном исчезновении заставило ее поверить, что он не просто заблудился.

!Ксаббу не может заблудиться, сказала она себе и почувствовала себя еще более несчастной.

Она знала, что не может стоять и ждать, когда вернуться остальные, но не понимала, где еще можно посмотреть. Она уже избегала весь цыганский табор, вдоль и поперек, выкрикивала имя маленького человека толпе беженцев, теснившейся за кругом повозок — и именно этим, скорее всего, сейчас занимались Мартина и остальные — и не могла найти лучшего способа провести время. Все что угодно, только бы не сидеть здесь, томясь в ожидании конца света.

Она повернулась, и едва не сбила с ног Каменную Девочку.

— Тебя зовут Сэм, верно? — спросил девочка.

При всем желании она не могла не ответить ребенку.

— Да, я Сэм.

— Твой друг хотел, чтобы я кое-что сказала тебе.

— Мой друг? — Она присела на корточки рядом с девочкой. — Что за друг?

— Человек с курчавыми волосами и без рубашки. — Каменная девочка озабоченно поглядела на Сэм. — Он твой друг?

— Что он сказал? Говори!

— Я должна вспомнить. — Малышка сморщила свой глиняный лоб и прищурила дыры, служившие ей глазами. — Он сказал… он сказал…

— Не тяни!

Каменная Девочка обиженно посмотрела на нее.

— Я думаю! Он сказал… что теперь, когда появились твои друзья, он может уйти и знает, что с тобой все будет хорошо. — Она перестала хмуриться и на ее лице появилась довольная улыбка. — Вот что он сказал! Я вспомнила.

— Уйти куда? Куда он направился? — Сэм схватила девочку за руку. — Он не сказал тебе? Ты видела, куда он пошел?

Малышка покачала головой.

— Нет. Он показал, где ты и попросил поторопиться. — Каменная Девочка повернулась и показала место на берегу огромной ямы. — Он был там.

И только тут Сэм вспомнила.

— О, *фенфен!* Он думает, что Рени там, внизу — и говорил, что собирается найти ее! — Каменная Девочка с любопытством посмотрела на нее, но у Сэм больше не было времени на разговоры. Она побежала вдоль края цыганского лагеря, удаляясь от костров и стены фургонов, вниз, в неровному берегу.

«Надо позвать остальных,— подумала она.— Пола и Марину — я не смогу остановить его в одиночку…» Но она уже видела худую фигурку, стоявшую на самом берегу пульсирующего Колодца, знакомую, несмотря на плохо различимый силуэт. Она знала, что не успеет позвать остальных и вернуться вовремя.

— !Ксаббу! — крикнула она. — Подожди!

Если он и услышал ее, то не подал виду. Он постоял еще мгновение, балансируя на краю светящегося океана, окутанный синим и бледно-желтым, серебристым светом, сделал несколько шагов вперед и прыгнул в яму. Он не нырнул, а именно прыгнул, как делают самоубийцы, первый некрасивый поступок, который она видела за все время знакомства.

— *Нет! Нееееет!*

Через несколько секунд она добежала до места, где он стоял. Ничего, только странные завихрения света.

«Он говорил, что боится воды. Но он прыгнул в… это…— Ноги замерзли, потом холод пополз к голове.— Он так боялся…»

Она знала, что если подумает еще секунду, здравый смысл возьмет верх — она повернется и потащится обратно в цыганский лагерь с пустотой в душе. «Потеряла Орландо,— как в бреду подумала она.— И Рени. И теперь !Ксаббу тоже». Какое-то мгновение она колебалась, стоя на краю , а потом прыгнула за ним.

Она падала не через воду, но через что-то намного более странное — дрожащая, искрящаяся и наэлектризованная жидкость, которая плыла прямо через нее. Глаза широко раскрылись, как если бы кто-то дернул за веревочки, но не было ни глубины, ни ширины, ничего, только невозможная одновременность черноты и ослепляющего света.

«Как же я найду его,— спросила она себя, но только на мгновение. Искрящийся океан сомкнулся вокруг нее, схватил и выбросил наружу, как кусок мыла.— Орландо сказал… он не хочет меня…» Она, потрясенная, лежала на берегу, неспособная сделать ничего, только глядеть на Колодец и на ленивые пузыри света, образующиеся и лопающиеся под его поверхностью. Она глядела на них странно отстраненно, спрашивая себя, не так ли умирают. Приблизились голоса, Флоримель, Мартина, все кричали то, что должно было быть ее именем, но она не чувствовала ничего, кроме поганого ощущения, что ее попробовали и выплюнули.

* * *

Пол опустился на колени рядом с Флоримель.

— Что с ней? Как она себя чувствует?

Несмотря на все, что произошло, Флоримель не потеряла своего особого врачебного такта. — Во имя всех святых, откуда я знаю? Она дышит. И наполовину в сознании. Один бог знает, почему это произошло.

— Прыгнула, — сказал Т-четыре-Б. — Туда, в эту сканированную яму. Видел, я.

— Но почему? — спросил Пол.

Мартина посмотрела на пульсирующие потоки света с выражением того, кто склонился над ужасным водоворотом. — Она искала !Ксаббу…

— Иисус, значит?.. — Желудок Пола сжался — найти их

обоих, одновременно, и так быстро потерять одного, и, может быть, обоих…

Внезапно Мартина резко повернулась, встав спиной к непостоянному морю. Ее изнеможенное лицо вытянулось. — Нам грозит страшная опасность, — сказала она.

— Что? — Пол посмотрел на Колодец, и не увидел ничего особенного. Тогда он повернулся и посмотрел в том же направлении, что и Мартина. — О! О, черт.

Это было только далекое пятнышко, почти невидимое в глубоком полумраке, но человекоподобная фигура неприятно поглощала свет, как если бы не была частью мира, через который шла.

— Он больше не гигант, — заметил Пол. Поразительное изменение, которое могло бы дать им надежду, но было что-то ужасающе завораживающее в этом существе по имени Дред, которое шло к ним через серую мертвую землю, отмеряя шаг за шагом, и это не имело значения. Страх захлестнул Пола, парализующий все члены ужас, такой же могущественный, как и аура вокруг Близнецов, и даже хуже: это двое были жестоки и пагубны, лишенный света призрак казался чистым концентрированным злом.

— Он сбросил с себя все лишнее, — сказала Мартина. — Его било и обжигало, пока он не затвердел, как черный алмаз. Но это он. — От ужаса она говорила безжизненным голосом. — Иной не смог удержать его.

Их товарищи тоже увидели его, и стояли с отвисшими от удивления челюстями, глядя на быстро приближающуюся фигуру. Вокруг них раздались крики отчаяния — беженцы тоже поняли, что происходит. Как будто перед далеким незнакомец, идущим к Колодцу, неслось невидимое облака страха, которое заставила сказочный народ, собравшийся на внешней стороне цыганского лагеря, повернуться и побежать. Их бегство вызвало всеобщую панику; еще сотни присоединись к ним им, завывая, и все бросились к краю огромной ямы, как стадо оленей, убегающее от степного пожара. Пол и все остальные образовали стену вокруг Сэм Фредерикс, сцепили руки и крепко держались друг за друга, не давая обезумевшим беженцем смести себя с края обрыва.

— Где Нанди? — крикнула Мартина. — А женщина Симпкинс и маленький мальчик?

— Где-то в толпе! — Пол изо всех сил вцепился в руку Т-четыре-Б, и тут на них бросилось трио плачущих козлов. Пол ударил ближайшего кулаком, но козлы, не обращая на него внимания и глядя на приближающуюся тень, только блеяли с безнадежным ужасом:

— *Тролль, тролль, тролль*!

«Надеюсь, что первым он убьет этого ублюдка, Жонглера»,— вот и все, о чем мог думать Пол.

Перепуганные создания давили все сильнее, и, несмотря на все усилия, их несло назад, пока Колодец не оказался сразу у них за спиной. Некоторые из беженцев, крича, полетели вниз, исчезнув в тихом потоке света и не появились обратно. Т-четыре-Б и Пол сцепились локтями; юноша что-то шептал, быть может молился. Флоримель кричала, требуя, чтобы все подвинулись ближе к ней и помогли охранять Сэм. Пол почувствовал, как чья-то рука скользнула по нему, и еще одно тело прильнуло к его телу. Мартина. На ее лице был написан чистый детский страх. Пол схватил ее руку покрепче.

На краю лагеря появился Дред. Он остановился на земле, истерзанной и затоптанной спасавшимися бегством беженцами и поднял руки, как если бы хотел взять в руки всю огромную толпу. Покрытое тенями лицо, человеческое, но какое-то непостоянное, глаза — пустые белые полумесяцы. И только зубы были видны совершенно ясно — чудовищная жадная усмешка. Вся его фигура излучала такую победоносную и кровожадную силу, что ближайшие беженцы, еще невредимые, тем не менее попадали на землю, завывая и дрожа от страха.

Мартина даже не взглянула. Она уткнулась лицом в руку Пола.

— Теперь… теперь я понимаю тот ужас, который ощущает Иной, — простонала она.

Пол решил, что бесполезно анализировать что-нибудь. Это конец, после всех мучений.

— *О, вы так умны.* — Смех Дреда ударил во все уши. — *Но я знаю, что вы где-то здесь.* — Мертвые белые глаза скользнули по скулившей толпе.

«Он ищет нас.— Сердце Пола запнулось, потом запрыгало.— Он знает, что мы здесь, но не знает где».

Внезапно человек-тень и все вокруг него расплылось, стало неясным.

«И я слепну, как Мартина…

Слепну?»

Воздух стал плотным и туманным. Пол замигал, путаясь смахнуть его, но туман был не в нем, а перед ним, липкий и плотный, он сгустился над мерцающей ямой и ее окрестностями. Сначала он подумал, что это дел рук Дреда, что он высасывает метафорический воздух этого мира, но темная фигура внезапно заволновалась, подняла руки перед лицом, темные пальцы задергались, как будто рвали невидимый занавес.

— Я раздавлю вас! — прорычал Дред. *— Вам не остановить меня.*

А занавес, да, *был* — Пол с изумлением смотрел, как стена быстро сгущавшегося тумана образовалась между Дредом и его жертвами. Просвечивающий барьер, тонкий как осенняя паутина, быстро становился толще, облачная полусфера накрыла Колодец — настолько прозрачная, что через нее можно было разглядеть черную фигуру Дреда, и настолько толстая, что отражала свечение, идущее из ямы. Человек-тень метнулся вперед, царапая быстро твердеющий туман, облако натянулась так, что, казалось, вот-вот порвется… и не порвалось.

Разочарованный крик Дреда ударил по черепу Пола, сотряс всего и бросил на землю. Все беженцы вокруг него как будто сошли с ума, они стали кидаться друг на друга, пытаясь убежать от того, что было в их головах. Крик стал еще сильнее, и Пол почувствовал, как его мозг закипает, потом из носа и ушей потекла кровь, и только тогда безумный вой прекратился, исчезнув как пролетевший ураган.

На мгновение наступила тишина. Внутри облачного купола все молчали, но не от боли, а от удивления, получив передышку в последнюю секунду, когда уже не было никакой надежды.

Мартина заговорила тихим голосом, в котором чувствовались боль и потрясение.

— Я… я могу чувствовать это… о, боже мой! Иной выставил свою последнюю защиту, но в ней… в ней осталось мало силы.

Фигура за облачной стеной успокоилась.

— Это не может длится вечно. — Ледяные слова укололи в уши Пола. Вокруг него плакали дети, неспособные убежать от голоса богимена. *— Это только вопрос времени.*

Темная фигура опять широко раскинула руки, прижав их к барьеру. Ближайшие к нему беженцы заплакали и попытались забраться в плотную толпу, но на этот раз Дред не стал пытаться сломать стену.

— Я знаю, вы здесь. Все. — Он на мгновение замолчал. *— Ты, Мартина. Когда-то мы были вместе, моя сладкая. Ты знаешь, что я имею в виду.*

Мартина упала ничком на землю. Пол положил руку ей на спину, чувствуя, как ее плечи вздрагивают.

— Будет очень плохо, если ты заставишь меня ждать, — промурлыкал Дред. *— Боль. И не только для тебя, маленькая Мартина. Рыдания — о, будет полно рыданий. Почему бы тебе не придти ко мне и не спасти этих невинных?*

— Нет, — глухо прошептала она, так тихо, что даже Пол едва расслышал ее.

— *Выходи*, — сказала темная фигура. — *Я опять покажу тебе эти тайные места, места в тебе самой. Ты даже не подозревала, что кто-то может их найти. Ты знаешь, что это произойдет, рано или поздно. Зачем ждать и бояться? Все будет только хуже*. — Голос стал глубоким и соблазнительным. — *Просто приди ко мне, сладкая Мартина. И я освобожу тебя. Тебе больше не придется бояться.*

К ужасу Пола Мартина поползла к барьеру. Он схватил ее запястье и дернул назад, но то, что тащило ее вперед, было сильным, ужасно сильным. Мартина молотила руками, плакала и сражалась с ним, пока Пол не сумел обхватить ее руками и ногами. Т-четыре-Б прорвался сквозь сумятицу тел и схватил ее за плечи, и только тогда Мартина перестала бороться. Она заплакала еще сильнее, ее тело содрогалось от рыданий. Пол прижался лицом к ее щеке и крепко держал ее, шепча на ухо бессмысленные заверения.

— *Хорошо*, — сказал Дред. — *Тогда мы сыграем иначе*. — Он пробежался вдоль барьера, быстро, как паук по паутине, потом остановился. — *То, что я снаружи, вовсе не означает, что я не могу коснуться тебя. Это означает только то, что я не могу сделать это… занятным. Эта маленькая стена, которую накропала операционная система, удержит меня на несколько минут — но это значит, что вы все заперты вместе со своими старыми друзьями*. — Он прижал пальцы к барьеру, пробуя продавить туман внутрь. — *Они повсюду, верно? Сеть кишит ими. Достаточно безобидные, по большей части.* — Он хихикнул. — *Пока я не разбужу их.*

В озадаченной тишине, наступившей за его словами, Пол помог Мартине сесть, но продолжал придерживать ее. В это мгновение откуда-то с берега, достаточно далеко от них, раздался тонкий крик, потом еще и еще, пока весь воздух не наполнился криками ужаса. Часть толпы начала разбегаться во всех направлениях, охваченная безумным страхом, как крысы с горящего корабля. Что-то росло и увеличивалось в центре беспорядка — странная и сложная фигура распухала вверх и вширь, как если бы строила себя из сухой пыли.

«Нет,— сказал себе Пол, но его желудок уже завязался узлом. — Двое». Он слышал, как Дред смеется внутри его головы, как беспомощно ругается Т-четыре-Б. Мартина повисла в руках, как пустой мешок.

Тела Джека Спрат и его жены буквально взорвались плотью, они росли и росли вверх, пока не нависли над остальными беженцами. Костлявые пальцы Спрата стали изгибаться и вытягиваться, как быстро растущие ветки, ноги удлинились. На

пальцах рук и ног появились когти, лицо вытянулось и исказилось, и он весь стал высокий и сучковатый, как старое дерево. Вытянув скелетоподобные когти, он схватил хныкающее существо, покрытое шерстью и обернутое розовой лентой, разорвал его на куски и бросил остатки на беженцев, пытающихся убежать.

Жена Спрата, увеличившись, стала похожа на ярмарочный воздушный шар, руки и ноги остались кукольно-маленькими, а огромное жирное тело расползлось и раздавило всех беспомощных созданий вокруг нее. Голова начала исчезать между горбатыми плечами, пока от нее не остался только огромный рот гиппопотама, полный кривых зубов — и ведущий в грузную грудь. Она наклонилась, сложившись как большой пудинг, и вернулась обратно с дюжиной сказочных персонажей в пасти. Она медленно проглотила их. Ее шея надулась, маленькие фигурки еще двигались внутри.

— Где принцесса? — У нынешнего Джека Спрата не было глаз, только складка на самой узкой части головы.

— Принцесса! — изрыгнула его жена. Маленькое недопереваренное создание попыталась выскочить из ее рта, но она втянула его обратно и тщательно пережевала. — Наша замечательно вкусная принцесса!

Они пошли через толпу, пятиметровый когтистый Джек Спрат и его расплывшаяся жена, похожая на огромную медузу, и они убивали всех, кто попадался на пути. Беженцев, зажатых между стеной тумана и колодцем, охватил безрассудный ужас и они давили друг друга. Тела и куски тел летали в воздухе, крики слились в непрекращающийся хор.

В давке Пола отнесло назад, и он мог только поддерживать поникшее тело Мартины прямо. Из ямы за его спиной вылетали беспорядочные вспышки света, как если бы там строилось что-то ужасное, но Пола стиснули так крепко, что он не мог повернуться и посмотреть — он с трудом дышал.

— Отдайте нам принцессу! — Сучковатые пальцы Джека Спрата держали что-то, что раньше было живым. Он использовал ее как дубинку. — Принесите ее к нам!

Они находились уже в нескольких метрах от Пола и остальных. Свет прыгал и горел на их безобразных телах, делая их еще более гротескными.

— *Остановитесь!* — Тонкий голос прорезал хаос как бритва. — *Остановитесь!* — кто-то крикнул опять. — *Вы делаете им больно — и убиваете их!*

Огромные бесформенные тела застыли, безглазые лица повернулись к яме.

— Наша принцесса, — почти простонала жена Джека Спрата, ненасытный голод которой сменился бесконечным праздником. — Принцесса!

Крики раненых и умирающих все еще неслись к небу, но даже беженцы замедлялись и останавливались под действием невидимой силы, и переводили взгляд от убийц к яме.

Широко раскинув руки она висела над возбужденным морем света, как будто на невидимом кресте, то возникая, то пропадая, как картинка из древнего целлулоидного фильма. Пол так давно не видел ее, что забыл ее невероятную красоту, свет которой сиял даже через эту испорченную инкарнацию.

— Ава, — сказал он задушенным хриплым голосом, скорее прошептал. — Авиаль.

Она не замечала его, или не потрудилась заметить. Во внезапно наступившей тишине она вспыхнула и стала еще более нематериальной, призрачное лицо наполняли боль и ужас.

— *Похвольте… им быть.* — Она начала расплываться, как грязь на окне во время дождя. — *Вы… делаете больно… нам…*

— Мы съедим тебя, Принцесса, — проревела чудовищная жена Джека Спрата. — Пойдем домой! — Близнецы побрели к краю ямы, сметая в сторону или втаптывая в мертвую серую землю тех, кто стоял на их пути.

Она застонала, стон полетел вдоль берега, потом, с безнадежным смирением, закрыла лицо руками.

— Авиаль! *Авиаль!*

На этот раз кричал не Пол, а мужчина, прокладывавший себе дорогу в толпе беженцев к трепетавшему в воздухе призраку. Это был Феликс Жонглер.

— Авиаль! — опять закричал лысый человек, и на этот раз Пол услышал в его голосе не только отчаяние, но и гнев. Бледное лицо Жонглера, наполненное сумасшедшей энергией, сияло так ярко, что Пол больше не видел ничего, даже мерцающего ангела, который так долго являлся ему во сне. — Иди ко мне! Авиаль!

Эхо слов Жонглера ворвалось в голову Пола, и не угасло но, напротив, стало еще громче, потом еще и еще, и, наконец, он не мог слышать ничего, кроме ее имени, которое переворошило весь мозг, как стремительное ядро, и разбило его на куски, из-под которых поднялась тьма и проглотила его.

* * *

— Ого! — сказал кто-то.

Ава вскрикнула и вырвалась из рук Пола. Он повернулся и

увидел усмехающееся безобразное лица Мадда, глядящее на них из-за деревьев.

— Непристойно, очень непристойно, — сказал толстяк. — Что мы здесь имеем? — Но, несмотря на насмешку, Мадд казался слегка неуверенным, как если бы и он был застигнут врасплох.

— Убирайся! — крикнула Ава.

— О, я так не думаю. — Мадд покачал большой головой. — Я думаю, мистер Джонас, что вы вышли за границы своих привилегий. — Он бросил на Пола взгляд радостной злобы. — Я думаю, что за ваши действия полагается некоторое наказание. — Он бросил на Аву косой взгляд. — Обоим.

— Нет! — Ава прыгнула на ноги, но запнулась, запутавшись в своей длинной ночной рубашке. Мадд вытянул свою тяжелую руку, чтобы поймать ее, или, возможно, помочь не упасть. Видя, как к ней протянулась огромная лапища, Пол схватил первое, что попалось под руку, камень, размером с кулак, и бросил его в лицо Мадду. Огромный человек заревел от боли упал на спину. Он схватился за лоб, а когда отнял руки, они были в крови.

— Я убью тебя, маленький кусок дерьма, — проскрежетал он. — И вытащу наружу твои кости! — Пол дернул Аву, поставил ее на ноги и побежал. За его спиной Мадд разговаривал с кем-то, говоря в воздух. — Тревога! Охрану на Оранжерейный этаж. Немедленно!

Ветки били Пола по лицу, и он тащил Аву за собой, слепо продираясь через чащу. Куда идти? Это же не настоящий лес, а парк на вершине небоскреба. Охрана уже поднимается на лифтах. Пути вниз нет.

Он замедлил шаг.

*— Ава, это бессмысленно. Нам не убежать, и тебя могут ранить. — «*И они собираются сделать со мной черт знает что»*,— подумал он, но не сказал. — Ты можешь связаться с отцом напрямик?*

— Не знаю! Я говорю с ним только тогда, когда он… звонит мне. — Ее глаза стали широкими и беспокойными, как у тех, кто слишком много выпил. Пол почувствовал, как в нем растет холод и отстраненность, как будто все происходит далеко от него. — Я не могу дать им ранить тебя, — сказала она, слезы хлынули ручьем. — Я люблю тебя, Пол.

— Это все очень глупо, — сказал он. — Мы не должны были дать этому произойти. Я сдаюсь.

— Нет!

— Да. — Они наняли его и могут делать с ним все, что захотят. Внезапно ему в голову пришла мысль, невероятный

проблеск надежды. — Ты можешь поговорить с твоим другом, которого ты называешь призраком. Ты можешь связаться с ним? — Возможно этот призрак сможет чем-то помочь, иначе его раздавят, как надоедливую козявку. Если призрак умеет входить в линии коммуникации, возможно он сможет связаться с Найлзом Пенеддином. В крайнем случае он сумеет оставить для Найлза сообщение, рассказать ему о том, что произошло. Тогда людям Жонглера будет намного труднее скрыть его исчезновение — возможно он сможет использовать это как козырь в переговорах. — Ты можешь связаться с ним? — опять спросил он.

— Я… я не знаю. — Она остановилась и закрыла глаза. — Помоги мне! Мой друг! Мне нужна помощь, немедленно!

В наступившей тишине Пол услышал крики преследователей — не только голос Мадда, но и других, рыскавших между деревьями — и встревоженные крики и свист птиц. Первая порция охранников, решил он, пробирающаяся через искусственный лес позади них.

— Он… он не отвечает мне, — с несчастным видом сказала Ава. — Иногда он не приходит немедленно…

!Теперь я понимаю, почему они хотели нанять кого-нибудь, вроде меня, без имплантированного разъема,— *горько подумал Пол.*— Я-то думал, что они искали человека со старомодными привычками, но, на самом деле, они просто не хотели никого, кто мог бы свободно общаться с внешним миром!.

— Где он? — Из-за деревьев донесся высокий пронзительный голос Финни. Псы Жонглера уже здесь, погоня в полном разгаре. Пол подумал, не лучше ли сесть на землю и ждать неизбежного.

— Помоги мне! — крикнула Ава пустому воздуху.

— Забудь. — Он чувствовал не просто гнев, на гнев на всех — на самого себя, на эту глупую сбитую с толку девочку, даже на Найлза и его первоклассные связи. — Все кончено.

— Нет. — Ава схватила его за руку и потащила дальше в чащу. — Давай выйдем за лес — там должен быть путь наружу!

— Нет там пути наружу, — крикнул Пол, но она уже ломилась через густую растительность. Его ноги стали тяжелыми, как в ночном кошмаре, и он захромал за ней.

Охотники приближались, суживая угол, оставляя им только путь вперед. Ава уверенно шла вперед, как если бы у леса действительно был конец, как если бы они могли вырваться на опушку и увидеть перед собой холмы, луга и свободу.

— Вернемся! — крикнул он, но она не слушала. Развевающая ночная рубашка цеплялась за свисающие ветки, но она скользила вперед намного быстрее его, как неуловимый фантом.

Он поторопился за ней, пытаясь вспомнить, что впереди. Еще

один лифт? Нет, не на этой стороне. Но разве из здания нет пожарного выхода? Вроде бы Мадд или Финни что-то такое говорили ему в первый день.

Да, точно.

— «Будем надеяться, что он никогда не понадобится вам, Джонас*, сказал ему тогда Мадд, усмехаясь. —* Потому что это окно запечатано. Мистер Жонглер не любит, когда правительство говорит ему, как управлять его собственным домом.*»*

«Запечатано. Но запечатано как?» *Ветки били по лицу, он, спотыкаясь, ковылял по ухабистой земле искусственного леса, и в голову ничего не лезло. Ава была уже в дюжине метров впереди, призывая его поторопиться. Он ясно слышал крики преследователей, рубленные голоса передавали информацию друг другу, эффективные, как роботы.*

— Джонас, не глупите, — крикнул Финни, отставaвший от него всего на несколько шагов. — Остановитесь прежде, чем будет поздно.

«Черт тебя побери, приятель»*,— подумал он.*

— Пол, деревья кончаются!.. — В ее голосе прозвучала надежда. Мгновением позже она закричала, животный вой горя и боли. Сердце Пола сжалось. Он продрался через последние ветки и нашел Аву, застывшую и оцепеневшую. Ее ноги стояли на естественной почве, но перед ней была только белая пустая стена. Ровная, без единого отверстия или щели, она тянулась вверх метров на десять, потом плавно изгибалась и переходила в потолок, на который проецировалось искусственное небо. Пространство между лесом и стеной тоже изгибалось в каждую сторону, и через несколько метров скрывалось за деревьями.

— Это… это… — только и выдохнула потрясенная Ава.

— Я знаю. — Сердце Пола билось так быстро, что у него кружилась голова. Стена равнодушно изгибалась налево и направо, ни малейшего намека на то, куда идти дальше. Шаги преследователь звучали совсем близко, через несколько минут они будут здесь. Он должен выбрать направление. Должен быть пожарный выход, но где? Напротив лифта — а это где? Они неслись через лес зигзагами, и могли сдвинуться метров на сто или больше.

«Налево*,— наконец решил он, мысли прыгали как рыба на сковородке.—* Бросок монеты. Пятьдесят процентов, и, скорее всего, вообще не имеет значения». *Он схватил Аву за руку — она оказалась легкой, как ребенок, с почти полыми костями — и поволок вдоль изгиба стены.*

Некоторые ветки, вырвавшиеся за границы искусственного леса, хлестали Пола по лицу, заставляя его защищать глаза рукой.

Он почти ничего не видел, и даже не сразу заметил, что ветки перестали касаться его. Наконец он уткнулся во что-то холодное и гладкое, что-то более скользкое, чем стена.

Пол остановился и открыл глаза. Весь остров раскинулся под ним, от края до края, но странно искаженный, с расплывшимися и затуманенными цветами. Большое окно, пять на пять метров, начиналось над его головой и спускалось на уровень колена. Под их ногами лежал гладкий паркет — в этом месте искусственная лесная страна отошла прочь от изгиба стены и вставленного в него окна, так что между лесом и стеклом образовалась широкая дорога, на которой могла разъехаться пара грузовиков.

Мадд бушевал за деревьями; он приближался, ревя как буйвол. Судя по крикам, он был готов голыми руками вырывать деревья.

— Он здесь, — сдавленным голосом сказала Ава.

— Знаю. — Пол поискал взглядом еще один камень — как бы он хотел запустить его в отвратительные зубы толстяка. Или в маленькие змеиные глаза Финни.

— Нет, я имею в виду моего друга — он здесь.

*Пол оглянулся, наполовину ожидая увидеть призрачную фигуру, но, конечно, не увидел ничего. Его взгляд опять метнулся вниз, на удивительное зрелище, открывавшееся через окно: здания, находившиеся далеко внизу, изгибались в нему, как если бы отражались в серебряной ложке. «*По стеклу каким-то образом идет ток*,— подумал он,—* вероятно это одно из тех суперстекол, которые могут выдержать удар фугасного снаряда, даже если кто-нибудь и осмелиться выпустить его по Жонглеру и этому сумасшедшему дому…»

— Попроси его отключить окно, — сказал Пол. — Выключить электричество — тогда мы сможем выбраться в окно и спуститься по пожарной лестнице.

— Я не понимаю, — сказала Ава, но кто-то другой понял. Стекло резко изменилось, вид на остров стал чистым и ничем не замутненным, небо серым, снаружи пошел мелкий дождь, задания под ними стали остроконечными, похожими на скульптуры экспрессионистов.

Стена вокруг окна замигала. На долю мгновения Пол решил, в безумной надежде, что она растворяется, все это иллюзия, и сейчас они останутся вдвоем, совершенно голые. Вместо этого на стене, в десяти метрах выше, появилось злое ястребиное лицо Феликса Жонглера, оно отразилось в окне, и потом, умножившись, распространилось по всему изгибу стены.

— КТО ВКЛЮЧИЛ ТРЕВОГУ? — сказали лица злого бога голосом, похожим на контролируемый взрыв. Пол сжался, сражаясь с желанием упасть на колени перед высшей

силой. — АВИАЛЬ? ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

— Отец! — крикнула она. — Они пытаются убить нас.

Охранники уже вынырнули из кустов на дорогу и катились к ним, направив на них самые разнообразное оружие — Пол даже не догадывался, что оно существует где-нибудь еще, кроме сетевых драм. Но вся их ужасающая воинственность сошла на нет, когда они увидели разгневанное лицо Феликса Жонглера — один из них даже испуганно вскрикнул. Все остальные остановились, с широко раскрытыми ртами и выпученными глазами. Из-за дерева в нескольких метрах от Пола появился Финни, его дорогой пиджак, из которого кое-где торчали сучки, был покрыт листьями и грязью.

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? — *проревел Жонглер.*

Ава заплакала, повиснув на Поле.

— Я люблю его.

— Все под контролем, сэр, — объявил Финни, но он явно нервничал. В двадцати метрах от них, по другую сторону от Авы и Пола, из леса, как разъяренный носорог, вырвался Мадд, за ним следовало еще около полудюжины охранников.

— Вот где ты, мой маленький английский ублюдок, — проворчал Мадд. Он попытался смахнуть с лица кровь, но только размазал ее и его лицо стало походить на воинственную маску. — Эй, кто-нибудь, пристрелите его.

— Заткнись, — щелкнул Финни.

— Нет, — Ава бросилась вперед и встала перед Полом. — Не трогайте его — отец, не дай им убить его.

Ночной кошмар вышел из-под контроля. Что бы там не думала девочка, Пол ни на секунду не верил, что Жонглер спасет его — но, скорее всего, они не захотят, чтобы это произошло перед ней. Он быстро взглянул через плечо, отпрыгнул назад и бросился к ручке на краю оконной рамы. Через мгновение она оказалась у него в руке, он даже успел взглянуть вниз и увидеть черные металлические перила пожарной лестницы, находившейся сразу за окном; потом один из револьверов стражников взорвался серией вспышек. Пули пролетели мимо, вырвав куски размером с кулак из стен и покрыли тяжелое стекло над его головой сетью трещин.

— ТЫ СОШЕЛ С УМА? — *проревел Жонглер, его бледное лицо повторилось на всей стене маской разгневанного бога. Красиво раскрашенные птицы, испуганные выстрелами, брызнули в воздух, вереща, чирикая и размахивая крылышками.* — ТЫ МОГ ПОПАСТЬ В МОЮ ДОЧЬ!

— Прекратить огонь, вы, идиоты! — провизжал Финни.

Пол лежал на земле, обессиленный и остолбеневший. Он потерпел поражение. Окно не открылось. Огромная рука схватила его за воротник и вздернула на ноги.

— Ты, маленький кусок дерьма, — Мадд наклонился поближе к нему. — Ты даже не представляешь себе, что тебя ждет.

Финни схватил Аву за руку и потащил в лес.

— Отец! — крикнула она, пытаясь вырваться, — Отец, сделай что-нибудь!

— УСПОКОЙТЕ ЕЕ, — *сказал Жонглер.* — КТО-ТО СДЕЛАЛ ОШИБКУ, ЗА КОТОРУЮ ДОРОГО ЗАПЛАТИТ.

Финни остановился.

— Но, сэр!..

— И УБЕРИТЕ КУДА-НИБУДЬ УЧИТЕЛЯ. МЫ РАЗБЕРЕМСЯ С НИМ ПОЗЖЕ.

Мадд пихнул Пола охранникам. Один из них шагнул вперед, но не стал его ловить, а поднял кулак и с силой ударил в челюсть. Пол упал на землю, в голове рвались фейерверки и хлопали крыльями птицы.

— Нет, — крикнула Ава, вырвалась от Финни и бросилась к Полу.

— ОСТАНОВИТЕ ЕЕ, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ! — *прогрохотал Жонглер.*

Финни схватил ее за ночную рубашку, которая мгновение держалась, затем разорвалась по шву. Один из охранников бросился ей в ноги, она споткнулась и полетела спиной прямо в окно. Некоторые из птиц, усевшиеся было на ветки, опять в панике взлетели; ударившись об окно, она безнадежно протянула к ним руки.

На один квант времени она повисла на нем и пуленепробиваемое стекло треснуло на тысячи кусочков; она замерла в пустоте, как бы застыв в полете, окруженная расходящимися линиями, как ангел на витраже. Потом все окно вывалилось наружу, как искристый сломанный кристалл, и она улетела в серое небо.

С глухим звоном она ударилась о перила пожарной лестницы. Прошла бесконечная секунда, прежде чем Пол опять услышал ее крик, и вечность, прежде он повторился и исчез, навсегда. Это мог быть бессловесный вой ужаса. Это могло быть его имя.

На какое-то время наступила тишина, все молчали — Финни, Мадд, охранники, даже гигантская пораженная маска Феликса Жонглера, выгравированная на изогнутой стене. Потом облако цветных искорок — Пол даже не сразу понял, что это такое — сорвалось с деревьев и бросилось в разбитое окно.

Птицы.

Щебет, трепет крыльев и вопросительное верещание слилось в торжествующий крик триумфа, и птицы, вырвавшись из своего долгого заточения, вылетели в дождливое небо и рассеялись там,

их яркие перья мерцали как обломки сломанной радуги.

В наступившей тишине один единственный сине-зеленый луч скользнул через пространство между деревьями и пустым окном, описал в воздухе широкую дугу и упал на землю между руками Пола.

ГЛАВА 40
Третья голова Цербера

СЕТЕПЕРЕДАЧА/ДЕТСКИЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ШОУ: HN, Hr. 2.0 (Евр, СевАм) — «Пиппа выращивает картошку»

(изображение: Пиппа и Пурди ищут Треснувшую Мотыгу)

ГОЛОС: Пиппа хочет выращивать цветы, но Плутишка Кролик прячет его орудия. Также показывается короткий эпизод с Магической Счетной Шкатулкой, и, когда ветер дует, колыбель раскачивается, ветка ломается и ребенок падает вниз ребенок падает вниз ребенок падает вниз…

— Просто оставайтесь на месте, — сказал ей Катур Рэмси. — Я не думаю, что дым доберется до вашего склада, но держите мокрую тряпку недалеко от себя, на всякий случай.

— Судя по моим вычислениям, дым наполнит весь подвал, — сказал Бизли. — Более чем наполнит.

— Селларс хотел, чтобы никто не мог сразу туда войти и проверить, что там за огонь — особенно потому, что там не будет никакого огня.

Ольга посмотрела на вентиляционное отверстие высоко в стене склада. — Ты уверен, что я не задохнусь здесь? Или в одном из лифтов?

— Верь мне, леди, — проворчал Бизли.

— Верить тебе? — Ольга очень устала и нервничала. В последние сорок восемь часов она спускалась и поднималась на лифтах столько раз, что начала искать взглядом номер этажа каждый раз, когда входила в дверь. При одной мысли о том, что дымное облако может вырваться из воздухопровода, ее охватывал ужас. — Почему я должна верить тебе? Откуда ты взялся — и кто ты такой?

— Он друг, — торопливо сказал Рэмси. — Он…

— Я агент, леди. Ты не знала?

— Что? — Ольга попыталась разобраться. — Театральный агент? Тайный агент? Что за агент?

Он шумно вознегодовал, как будто мультяшка пукнул.

— Программный агент — я программа. Виртуальной помощник, Инфожук, продукт Фансмарт Интертеймент. Черт

побери, Рэмси, ты не сказал ей?

— Я… я не… мы так торопились…

— Успокойтесь, пожалуйста. Вы… вы передали все вымышленному персонажу? — Что-то укололо ее память. — Инфожук. Да это же детская игрушка! Мы продавали ее на Дядюшке Джингле. Много лет назад.

— Эй, леди, я не самая новая программа из ящика, но я по прежнему самый лучший.

— Мистер Рэмси, я не могу поверить, что вы все это сделали со мной. — Выглядело похожим на предательство. В первый раз за много дней напряжения и опасности на ее глазах появились слезы. — Мою безопасность — игрушке?

— Миссис Пирофски… Ольга. — Рэмси запинался и раскаивался, как мальчишка, пойманный во время кражи. — Мне жаль, действительно очень жаль. Вы правы, я должен был рассказать вам. Я бы и рассказал вам, но все произошло слишком быстро. Бизли не детская игрушка — его очень сильно улучшили. И сейчас я работаю с ним…

— Нет, это детская игрушка, мистер Рэмси. Мы продавали эти чертовы штуки на моем шоу. Бог мой, его доставали из ящика с картинкой, на которой был нарисован маленький мальчик, говорящий «Вау! Мой новый лучший друг.» Если бы у вас был клиент, чья жизнь зависела бы от результата судебного заседания, неужели бы вы доверили вести это заседание Судье Джинглу из «Играй в Суд»? Я так не думаю. И вы просите меня доверить свою жизнь этому… Джеку-попрыгунчику?

— Мне тоже приятно было познакомиться с тобой, леди.

— Ольга, все совсем не так, честное слово. — В голосе Рэмси прозвучала паника, и это немного уменьшило ее гнев. Он так старается. Немного туповатый, быть может, но симпатичный молодой человек, который есть то, что он есть, и все еще в том возрасте, когда люди думают, что могут поспорить с жизнью, совершая правильные поступки.

«Но жизнь никогда не спорит с тобой,— подумала она.— Жизнь поднимает тебя как прибой, каждый раз все выше и выше».

— Но кто же обманул меня? — сказала она вслух и засмеялась. — Я пришла сюда из-за голосов в голове, голосов призрачных детей, которые говорили со мной. Я пробралась сюда как шпион. Мы собираемся поджечь дом самого богатого человека в мире — как бы случайно. Почему бы детской игрушке не руководить операцией? Давайте сделаем это.

— Я говорил вам, Ольга, мне очень жаль, простите меня. — Рэмси неправильно оценил перемену в ее настроении и принял оживление смертника за чистый сарказм. — Я могу

помочь вам, но только вместе с Бизли…

— Я уже сказала, что мы продолжаем, мистер Рэмси. Почему нет? — Она опять засмеялась. И почувствовала себя почти хорошо. — Лучше рискнуть сломать шею, чем никогда не увидеть неба, как обычно говорил мой отец.

На мгновение наступило молчание.— Знаешь, леди, — восхищенно сказал Бизли, — у тебя есть стиль.

— И это все, что у меня есть, сейчас. Но спасибо тебе.

— Значит… значит мы готовы начать? — Голос Рэмси прозвучал так, как если бы он был на несколько улиц позади. — Включаем дымовое устройство?

— Бомбу? Да. Почему нет?

— Мы будем очень осторожны, Ольга. У нас есть диаграммы работы вентиляторов — и мы будем пристально следить за…

— Пожалуйста, мистер Рэмси. Катур. Давайте начнем, пока я не потеряла терпение.

— Хорошо, хорошо. — Он глубоко вдохнул. — Бизли, начинай.

— Поехали. Три, два, один — *бинго*! — Какое-то время он молчал, глядя на что-то. Ольга не могла не спросить себе, что такое программный агент — формы? Цвета? Или просто собрание данных, влекомое информационными волнами, как актиния океанскими течениями? — Ого-го! Зажигание! — радостно сообщил агент.

Ольга закрыла глаза и стала ждать.

— Не лучше ли было мне ждать в лифте? — спросила она, когда дверь за ней закрылась. — Чтобы сэкономить время?

— У нас уже три этажа в дыму, босс, — сообщил Бизли. — Быстро движется вверх. Как только дым появляется на диаграмме, я отключаю пару герметических клапанов.

— Слишком рискованно, — сказал Рэмси, отвечая на вопрос Ольги. — Но именно поэтому наше начальное положение было близко к верху. Мы не хотим привлекать внимания больше, чем необходимо, поэтому подождем, пока охранники не начнут бороться с пожаром. Бизли, какие-нибудь сигналы тревоги?

— Да, целая пачка. Селларс приготовил несколько вирусов, чтобы еще больше запутать их — изменять выходные коды тревоги, посылать им неправильные полномочия или давать неправильную информацию о том, что происходит. Они даже еще не сообщили собственным пожарным на военной базе. Потребуется по меньшей мере четверть часа, прежде чем кто-нибудь на острове сообразит, что происходит, а то и больше.

Блеющий шум уже пробивался через стены, автоматические

сигналы тревоги включались один за другим, как будто само здание распухло от дыма и порывалось убежать.

— Начинаем, — сказал Рэмси. — Ольга, набирайте номер этажа и посмотрим, сработают ли изменения в вашем значке.

Так она и сделала, а потом прижала руки к ушам. Сигнал тревоги вышел на новый уровень.

— Я почти не слышу вас! — Ей представилось, от звука стены трясутся, как дым на нижних этажах, служащие бегут в ужасе, немногие оставшиеся уборщики, тоже — бедный Джером!.. — Что происходит с народом внизу? — спросила она с внезапным недовольством. — Вы сказали, что дым не ядовит, но смогут ли они дышать, когда он заполнит все вокруг?

— Он не заполнит все вокруг, — проворчал Бизли голосом таксиста. — Я вентилирую — и в любом случае все выглядит не так плохо. И весь остров уже позвонил в охрану.

— Вы движетесь, — с облегчением сказал Рэмси, кого лифт начал подниматься.

— Я знаю.

— О, простите. Я просто вижу вас. Вверх, вверх, вверх. — Он как будто пропел. Ольга чувствовала себя так, как если бы из нее вытекло все мужество.

— В офисе охраны остались люди?

— Не похоже, — сказал ей Рэмси. — Скорее всего они пытаются вывести людей из здания.

— Много движения на лестницах, и ни малейшего движения на мониторах этажа с охраной, — сказал Бизли. — Но когда дверь откроется, не иди сразу внутрь, поняла?

«Мной командует игрушка»,— подумала она.

— Поняла.

Она ждала в лифте на сорок пятом этаже, чувствуя за спиной Бизли и Рэмси, как незримых ангелов. Тревога все еще мычала. «Им даже не нужно звонить на материк, предупреждая о тревоге, — подумала она.— Их и так слышит вся Луизиана».

— Все еще никакого движения, — сказал Бизли. Дверь зашипела и открылась.

В элегантно освещенной приемной не было никого, но блестящий стол, раньше показывавший картины природы, теперь стал картой этажей с запасными выходами, мигавшими красным. Здесь тревога была казалась более далекой, как если бы верхняя часть здания была выстроена из более тяжелого, звуконепроницаемого материала, но работала дублирующая система сигнализации, и иррационально спокойный женский голос советовал тем, кто его слышит «немедленно идти прямо в предназначенную для вашего этажа область эвакуации».

«У кое-кого из нас нет области эвакуации, дорогая». Дверь в задней стене прочитала ее измененный значок и, зажужжав, открылась. Несмотря на заверения Бизли она вошла внутрь с таким же чувством, с каким дрессировщик входит в клетку с непредсказуемыми животными.

Охранников не было, неоновые данные-иероглифы сверкали на плексигласовых стенах, как следы наскальные рисунки исчезнувшей расы. Спокойный женский опять и опять требовал от нее идти в «область эвакуации», но Ольга попросту игнорировала его.

Она вставила свой значок в считыватель, вделанный в толстый пластик. Дверь немедленно открылась, как будто радуясь ее визиту. Она быстро пересекла застекленную область и подошла к черной фибрамической колонне, которую видела в первый раз. Как и ожидалось, так была дверь лифта и перед ней черная панель считывателя. Она затаила дыхание и вставила значок. Мгновением позже дверь скользнула в сторону, открыв кабину, стены которой были покрыты дорогой кожей.

— Сработало! — Голос Рэмси прозвучал так, как будто и он затаил дыхание.

— Откуда вы знаете? Не было ни единого звука.

— Кольцо. Я вижу то, что передает камера, потому что это нам понадобится. Я видел, как дверь открылась.

Но дверь, о которой они говорили, опять закрылась, на этот раз за ней, и лифт медленно пополз вверх. Три секунды, пять, десять…

— Нам нужно подняться только на один этаж, — сказала она. — Почему так долго?

— Высокие этажи, — сказал Бизли. — Кстати, тебе понравится — они эвакуируют тьму народа через главную дверь, прямо сейчас. И нет никакого огня, даже намека. Я думаю, Селларс должен был предусмотреть еще что-нибудь, чтобы они все сбежали.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рэмси.

— Скажу когда узнаю.

Лифт остановился. Дверь открылась в тамбур. Короткое записанное сообщение об сохранении секретности и поддержании чистоты сражалось объявлением об эвакуации, потом сдалось и замолчало, когда дверь тамбура ответила на ее значок и с шипением скользнула в сторону. Ольга вышла наружу.

Сначала она подумала, что смотрит сетевой фильм, какой-нибудь научно-фантастической эпик с полным погружением. Потребовалось как следует напрячься и убедить себя, что все это настоящее. Весь этаж представлял из себя открытую комнату с

несколькими колоннами, которые нарушали то, что казалось десятками тысяч квадратных метров пола, почти полностью покрытого механизмами. Машинный зал не имел окон, только непрерывный изгиб белых стенных экранов, которые показывали карты с путями выхода из здания, вытеснившие обычные сообщения программ. Огромное помещение, в котором было тихо, как в музее после закрытия, если не считать, конечно, спокойного голоса робота. И совершенно нереальное.

Но оно *было* реально.

«… прямо в предназначенную для вашего этажа область эвакуации. Повторяю, это не учебная тревога…»

— Боже мой, — сказала Ольга. — Оно огромно.

— Поднимите кольцо, — сказал Рэмси, резким от беспокойства голосом. — Мы видим только пол.

Она сжала руку в кулак и подняла руку, бесцельно направив ее на ряд молчаливых машин. Она думала, что коллекция механизмов на более низком этаже была весьма впечатляющей, но в сравнении с этой казалась тостером на фоне океанского лайнера.

— Что… что я должна сделать?

— Не знаю. Бизли?

— Я плохо вижу картинку, — проскрипел агент. — До дури всяких эффектов, ни хрена не понять. Но я попробую разобраться. Просто иди вперед. И дай мне видеть обе стороны, сечешь?

Ольга начала ходить вперед и назад, как будто ее вела вытянутая рука, мимо сверкающих машин, безусловно стоящих миллиарды кредитов. Пять минут, десять, она все ходила, рука затекла, начала болеть. Невольно она спросила себя, появились ли уже пожарные, и через сколько минут охранники вернутся к своим экранам. Дважды она останавливалась перед предметами, которые заставляли предположить, что служащие были здесь совсем недавно и в спешке убежали — выглядящий очень дорогим маленький блокнот, затерянный посреди машин, все еще подсоединенный к порту, и, в двадцати метрах от него, осколки стакана с кофе, лужа еще дымилась.

Она только что нашла третий артефакт, бесформенный кусок синтетической материи, который, решила она, остался от головной повязки какой-нибудь уборщицы, как Бизли сказал:

— Босс, я думаю, что нашел.

Она посмотрела туда, куда указывал ее кулак, и увидела башню, мало чем отличающуюся от других, разве что вокруг нее змеилось больше-чем-среднее количество фиберлинковых кабелей.

— Это?

— Стоит попробовать, — сказал Рэмси. — Бизли, если ты ошибся, произойдет ли что-нибудь плохое?

— Здание взлетит на воздух. Не бе, шучу.

— Клево, — глухо сказала Ольга. Странное место ужасно нервировало ее, а тут еще этот идиотский голос с предупреждением…

— Извини. Орландо любит такие шуточки. — Отпустив это непонятное замечание Бизли начал указывать, куда поставить загадочный ящичек Селларса. Как и раньше, пришлось несколько раз менять положение, пока инструктор — в первый раз Селларс, на этот раз Бизли, и если Бизли был программой, то, интересно, кто же такой Селларс? — не удовлетворился; ящик звякнул, коротко затрясся и прилип.

На какое-то время наступила полная тишина и Ольга уже начала паниковать.

— Катур, вы еще там? Катур?

— Я здесь, Ольга. Бизли, это правильная машина? А?

Опять молчание, на этот раз более долгое. Рэмси несколько раз окликал Бизли, с возрастающим беспокойством. Прошла минута, и только тогда Бизли вернулся к жизни.

— Вау! — сказал он, его голос изменился, и сильно изменился. — Хотел бы я выругаться, но, как леди правильно заметила, я игрушка, детская игрушка. Но это-совершенно-невероятно.

— Что именно? — спросил Рэмси.

— Это место — поток данных большого города, зуб даю.

— Какого города?

— Ну, не настоящего города, — проворчал Бизли. — Не будь занудой. Я говорю о пропускной способности. Потрясуха! Целая световая ферма на крыше здания — пачка лазеров, которых ты никогда не видел, сжимателей данных, передатчики, бешенная скорость. И все очень запутанно — какой-то вид супермощных цезиевых лазеров, судя по схемам. Хочешь, я исследую их?

— Не сейчас, — сказал Рэмси.

— Что это? — спросила Ольга. — Все эти данные — это сеть Грааля, о которой говорил Селларс?

— Не спрашивай меня. — Голос Бизли прозвучал почти сердито. — Я не в теме. Но ты даже не представляешь себе, какие данные качаются через это штуку.

— Но разве Селларс не подготовился?..

— Леди, слушай здесь. Я не знаю, что собирался делать Селларс. Он не оставил никаких заметок о том, что собирался сделать, если доберется до нее. И даже со всеми примочками, улучшениями и добавочными возможностями, которыми

оснастил меня Орландо, я ничего не понимаю в этой системе — все равно, как попытаться пропустить все данные Юнайтед Телеком через счеты!

Игрушки не говорят так убедительно, подумала Ольга. И он нашел совершенно замечательную метафору.

— И что нам делать? Мистер Рэмси?

— Я… мне кажется, мы сделали все, что могли, — сказал адвокат. — До тех пор, пока не сможем связаться с Селларсом. Бизли, а ты не можешь, не знаю как, подключиться к этой силе и использовать ее — ну хоть как-нибудь?

Агент только хмыкнул.

— Хорошо, — сказал Рэмси. — Тогда, я полагаю, мы действительно сделали все, что могли. Отличная работа, Ольга. Будем надеяться, что это к чему-нибудь приведет — быть может Селларс вернется назад и у него будут идеи, как можно использовать эти механизмы. — Голосу Рэмси не хватало уверенности. — А сейчас мы можем только развернуться…

Ольга оглядела огромное помещение.

— Еще нет.

Рэмси потребовалось несколько мгновений, чтобы услышать то, что она сказала.

— Ольга, через несколько минут здесь будет не протолкнуться от пожарников и копов, не говоря уже об охранниках Джи Корпорэйшн. Уходите!

— Я еще не готова. — На нее опустилось спокойствие, которое она не ощущала несколько часов, если не дней. — Я пришла сюда не для того, чтобы поставить этот «зуб вампира» или как там этот ваш Селларс называл его. Я пришла сюда потому, что меня позвали голоса. И я хочу знать почему.

— Ольга, о чем вы говорите? — Из беспокойства он быстро двигался в сторону паники, и, судя по всему, собирался выйти далеко за ее пределы. — Что за чертовщина?

Тревога звенела не переставая, монотонный женский голос сливался с бессловесным гудением сирен.

— Я собираюсь попасть на самый верх, — сказала она. — Где живет этот ужасный человек. Я думаю, его можно назвать домом Дядюшки Джингла. Или логовом Дядюшки Джингла.

— Вау! — Бизли даже свистнул. — Слушай, леди, ты действительно чокнутая.

— Похоже ты прав, — сказала она, абсолютно счастливая — ее оценил кусок кода! — Я провела долгое время в больнице — когда была помоложе. Да и совсем недавно — да, мы знаем, что это значит, когда слышишь в голове голоса.

— И ты слышишь голоса прямо сейчас, — заметил Бизли.

— Верно, ты прав. Я привыкла слышать их. — Он повернулась и через невероятно широкий машинный зал пошла к лифту.

— Ольга, нет! — В ухо ударил отчаянный голос Рэмси. — Вы должны как можно скорее уходить!

— И я привыкла на замечать их, тоже, — добавила она.

* * *

Сейчас это было легче, но не намного. Он не чувствовал, что быстро умрет.

В сотый раз, в тысячный, а у него все еще нет никаких мыслей. Он отбивал атаку и по прежнему поддерживал открытым канал связи с сетью Грааля. Несмотря на весь свой опыт, полученный в течении этой ужасно долгой схватки и более ранних вторжений, он все еще поражался тому, как реагирует на него эта штука.

Бестелесный, он плавал в темноте, которая, казалось, дышала злом. Сейчас, когда он пережил первый обжигающий удар, вторичные атаки накатывались волнами, через случайные интервалы. Иногда у него была целая минута для того, чтобы подумать и подготовиться, а потом атаки возобновлялись, волна налетала за волной, и все его мысли сосредоточивались на том, как выжить.

Из предыдущих вторжений он знал, что защита системы выстроена на очень изощренных средствах, а не при помощи обычных технических трюков. Она не только путала следы, постоянно меняла коды и пыталась разорвать связь, как и следовало ожидать от самой совершенной программы в мире, атакуя и контратакуя так быстро, что все это походило на космическую войну, в которой удары наносились со скоростью света. Но это была самая обычная физическая часть, хотя, возможно, та самая, которая вызывала болезнь Тандагора: во время каждой атаки он чувствовал, как система защиты пытается проникнуть не сколько в его систему, сколько в него *самого*, пытаясь управлять его телом, замедлить или убыстрить скорость сердца и дыхания, перепрограммировать сигналы нервов.

Но Селларс не был ничего не подозревающим ребенком, попавшим в челюсти невидимого монстра. Он долго изучал систему и изменил внутреннюю структуру тела настолько, что большинство из самых грубых попыток физически манипулировать им переводились на безвредные пути и гасли в буферах, примерно так же, как громоотвод поглощает смертельную силу молнии. Тем не менее, пока он пойман сетью,

пока сражается с ее системой защиты, он полностью отключен от своего физического я, и его старое потрепанное тело должно само не дать разорвать себя на куски. Быть может система безопасности не в состоянии убить его, но и он не может освободиться от нее, не потеряв связь с Чо-Чо, а он не мог позволить еще одному невинному созданию исчезнуть в темном сердце сети — на его совести и так слишком много грехов. И хотя операционная система ясно слабела, возможно умирала, он предпочитал не надеяться на такой вид освобождения, потому что, скорее всего, всеобщий коллапс убьет всех, кто останется онлайн. Селларс и система мертвой хваткой вцепились друг в друга, умирающие враги, кружащиеся в смертельном танце.

Последняя волна атаки рассыпалась и остановилась. Он висел в темноте, отчаянно пытаясь способ выйти из тупика. Если бы он только понимал, с кем сражается!.. Эта вещь казалась темной и злой (он долгое сражался против таких антропоморфных представлений о враге, пока не сообразил, что, делая так, он недооценивает его тонкую непредсказуемость), и значительно темнее самой операционной системы.

И, самое безотлагательное, система безопасности, которая изо всех сил пытается убить его, только одна голова этого конкретного Цербера. Другая голова смотрит на него в самый разгар сражения, оценивает его и, кажется — каким-то парадоксальным образом он чувствовал это, хотя не мог ни объяснить, ни определить — не хочет ему зла. Он не мог не спросить себя, быть может действия системы безопасности находятся вне контроля операционной системы, как обычный человек не может управлять своей иммунной системой. Эта вторая голова, решил он, и есть та часть операционной система, которая является чем-то вроде настоящего интеллекта. Та самая часть, которая разрешает детям вроде Чо-Чо безболезненно войти в сеть — и откуда система безопасности знает, кто ребенок, а кто нет? — и которая жадно следит за его добровольцами, вошедшими в сеть.

Но есть и третья голова, куда ж без нее. Селларс чувствовал ее, молчаливую, отвернувшуюся от него, о мыслях которой — или снах? — он мог только догадываться. И эта третья голова пугала его больше всего.

Новая стремительная атака началась без предупреждения, жестокое решительное наступление, которое ураганом налетело на него, и на долгие минуты все мысли, кроме одной — выжить! — вылетели из его сознания. И опять он чувствовал, как что-то попыталось забраться ему в мозг. Попытка провалилась, но Селларс знал, что если патовая ситуация продлиться достаточно

долго, эта чертовски странная и умная машина найдет способ разрушить его защиту. Интересно, сколько же времени он здесь, в этом не-месте, сражается с Цербером?

Наконец шторм стих и он получил несколько мгновений так нужного отдыха. Добравшись до своей системы он обнаружил, что прошел почти день, как он и Чо-Чо впервые вошли в сеть. Уже целый день он сражается за свою жизнь! Ничего удивительного, что он истощен.

В настоящем мире уже полдень воскресенья. Если система убьет его — или он убьет систему! — он проиграет. Нужно найти другой способ. Надежда одна — Ольга Пирофски и Катур Рэмси смогут разместить зуб вампира и сеть Грааля начнет выдавать ответы.

«Нет,— сказал он себе,— мне нужны не просто ответы, а решение этой не решаемой задачи».

Но он не мог позволить себе проверить, как идут у них дела, пока не переживет по меньшей мере еще одну атаку системы безопасности. В более ранние циклы он улучил несколько мгновений и сделал несколько самых необходимых звонков, благодаря которым сумел найти и активировать отличный защитный ресурс, но для работы с зубом вампира нужно намного большее время.

Следующая атака началась достаточно быстро, и он был рад, что ждал ее. Она была такой же жестокой, как и другие, но, отражая удары со всех направлений, он почувствовал какое-то изменение, как будто тот, кто стоял за атакой, стал менее решительным. Подавив все, кроме самых основных программ безопасности, с которыми без проблем справлялась его собственная встроенная защита, он уже приготовился переключиться на башню Джи Корпорэйшн. Но прямо перед тем, как перевести свою систему и канал связи в настоящий мир, он остановился и заколебался; его волновало что-то, чему нет имени.

Колебание спасло ему жизнь. Атака, последовавшая через несколько мгновений, оказалась самой неистовой из всех, не просто усиленным вдвое ударом по его каналу, но концентрированным нападением сразу со всех сторон, попыткой сломить его сопротивление как более тонкими, так и более разрушительными физическими ударами. Долгие мгновения он на самом деле чувствовал, как эта штука тянется к нему через канал связи, чудовище по ту сторону хлипкой, наполовину разломанной двери, и Селларс узнал, что такое настоящий ужас. Темная не-видимость стала другой, превратилась в бесконечное ничто, в котором он тонул, всеми брошенный, преследуемый,

одинокий.

Тем не менее он держался, и когда алчущая тварь наконец коснулась его, он сумел послать обратный удар через частично открытый канал. И был уверен, что почувствовал, как нефизическое существо заметалось от боли и удивления, и атака немедленно прекратилась.

Зверь уполз обратно в нору.

Сердце и легкие работали на самой грани, голова кружилась от того, что он сделал, но было жизненно необходимо немедленно воспользоваться плодами победы. Селларс выставил автоматического сторожа, который должен был предупредить его о новых атаках, и скользнул в свою собственную систему.

Его любимый, тщательно выпестованный интерфейс, Сад Поэзии, в котором он проводил столько времени, ухаживая, сажая, подрезая или просто отдыхая, полностью исчез. На его месте появились мутировавшие джунгли, разросшийся хаос из виртуальный лоз и корней, в котором только он мог различить какие-то следы порядка.

В одно мгновение он отправил несколько очень важных сообщений и привел в действие несколько маленьких процессов, потом обратил внимание на узкий черный побег, вынырнувший из-под земли на самом краю растительного моря. Три лозы ползли по его темному стволу и взбирались поразительно высоко. Он знал, что представляют два усика, но вот в третьем, лиловом, неестественного цвета и формы, скорее походившем на пластиковую трубку, чем на растение, он был менее уверен. Соренсен? Вряд ли. Сад никогда бы не изобразил его таким способом. Полный дурных предчувствий, Селларс подсоединился.

Как призрак он слушал разговор Катура Рэмси с Ольгой, и, разделяя беспокойство Рэмси, хотел даже повторить его предупреждение, но канал данных, установленный Ольгой, нужно было использовать немедленно. Он только улыбнулся на мгновение, когда сообразил, кто такой третий усик. Программный агент Орландо Гардинера! Что за мысль — и очень хорошая. Они работают вместе — и каким-то образом установили зуб вампира. Селларс обнаружил, что восхищен и теперь любит Рэмси еще больше. И Ольгу, тоже. Эх, если бы у него было время! Жаль, он не проживет слишком долго и не успеет сказать им об этом.

Он быстро переключил внимание на канал данных, тщательно изучил собранные Бизли снимки, отмечая на них кабели связи с базами знаний, которые, похоже, обеспечивали работу сети Грааля. Программный агент, не зная точной природы

и местоположения самих баз, тем не менее установил и отрегулировал канал — быть может при помощи народа из Скворечника — и теперь только осталось убедиться, что у него хватит мощности справиться с наплывом данных. Он еще раз проверил и перепроверил уже сделанные вычисления. Потом прошептал молитву, с которой начинал любой полет. И открыл канал.

Сад взорвался.

Информации было слишком много — за пределами любого воображения. Границы Сада вспыхнули и растворились, модель оказалась не в состоянии справиться с наплывом данных. С бьющимся сердцем он понял, что вся его система оказалась на грани уничтожения. Если это произойдет, то он останется в темных глубинах комы Тандагора, без сети, без надежды, и полностью без защиты перед следующей атакой операционной системы. Все будет кончено. Абсолютно все.

Он сражался, но Сад умирал вокруг него, каждую микросекунду уменьшаясь на несколько случайных бит. Перед его внутренним взглядом сложная матрица, оживлявшая оранжерею, распадалась на абстрактные образцы света и тени, случайным образом вспыхивавшие, искажавшиеся и бурлившие, как гнезда звезд.

Потом, выбрав самый неподходящий момент, включились сигналы тревоги. Операционная система опять пошла в атаку, пытаясь разорвать его связь с системой Грааля.

«Нет,— осознал он,— она ищет меня. Только меня». Он почувствовал, как щупальце системы прошло через его разрушенную защиту прямо в сознание. А он ничего не мог сделать.

Селларс закричал от боли и потрясения, когда оно коснулось его, но в этом бесконечном пространстве текущих данных не могло быть ни звука, ни надежды, ни помощи — только бессмысленный пульс рождающейся вселенной.

Или умирающей.

* * *

Она не знала, как или почему вернулась на стул, но, очнувшись, обнаружила, что смотрит на свой блокнот. Всего несколько минут прошло с того мгновения, как она вскрыла запертый архив своего нанимателя, но они перемололи прошлое так же медленно и верно, как геологические эоны. Она находилась в темном туннеле, ее зрение сузилось, она могла

видеть только экран, ужасный экран. Сейчас он показывал файл Нуба 27. Невозможно было выразить словами то, что Дред делал с женщиной в комнате отеля, а свет солнца, лившийся в окна, делал всю сцену призрачно четкой.

«Вставай,— подумала Дульси.— *Вставай».* Но туннель вокруг нее скрывал все, кроме экрана. Она видела только мерзкий свет в комнате отеля. «*Вставай».* Она даже не знала, говорит ли женщине, привязанной к кровати или себе.

Безрадостный глухой звук вторгся в ее безрадостные мысли. Она сообразила, что выключила звук файла, крошечный подарок от вечного ужаса, потому что была не в состоянии больше слушать. Музыка оказалась куда хуже криков. Но, если звук блокнота не работает, откуда этот звонок?

В уголке экрана открылось окно. А в нем фигура в пальто, стоящая у двери. На мгновение ей показалось, что это только продолжение кошмара файла, возможно вторая жертва, что ее наниматель решил устроить дуэт из вопящих от ужаса женщин, и только потом до нее медленно дошло, что это изображение, переданное камерой слежения, висящей над входной дверью их дома. Еще больше времени и еще один звонок в дверь потребовалось ей, чтобы понять, что происходит. Прямо сейчас.

«Закрой глаза,— потребовал от нее голос.— Пускай все уйдет. И никогда не открывай их опять. Это ночной кошмар, только и всего».

Но это был не ночной кошмар. Она это точно знала, хотя сейчас вообще знала мало чего. Он сжимала в руке пустой стакан из-под кофе, так сильно, что пальцы свело, но не помнила, как брала его. Она поглядела через туннель темноты, крутящийся вокруг нее, и увидела, что Дред спокойно лежит в кровати для комы, в миллионах миль от нее.

«Свет звезд,— отстраненно подумала она.— Требуются тысячи лет, чтобы он попал сюда, холодный. Но если ты находишься поблизости, ты вспыхнешь…»

Дверной звонок прозвенел опять.

«Он убьет меня,— подумала она.— Даже если я убегу. Куда бы я не убежала…»

«Вставай, дура!»— прошептал последний голос, но что-то в нем прорезало туман, собравшийся в голове, мглу, единственную защиту от чистого животного ужаса. Она попыталась встать и едва не упав, и вжалась в спасительную спинку стула, дожидаясь, пока ноги не перестанут трястись. Стул скрипнул. Она в панике вздрогнула и поглядела на Дреда, который лежал неподвижно, ну прямо бог, вырезанный из темного дерева. Она проковыляла к лестнице и с трудом спустилась вниз, как какая-нибудь калека.

Дверной звонок прозвучал опять, но микрофон находился наверху; здесь, на нижней площадке, он казался далеким звуком, тонущим в океане.

«Если я сейчас лягу,— подумала она,— то, через несколько минут, уже не услышу его».

Вместо это внутренний импульс заставил ее протянуть руку, набрать код на замке и открыть дверь. Сверху она увидела, что человек в дверном проеме ниже ее, но шире и крепче. Темные вьющиеся волосы, глаза, суженные подозрением или тревогой. Женщина.

«Женщина…— подумала она.— Если это женщина, я должна сказать ей что-то… предупредить ее…» Но она не могла думать. Она ничего не помнила. Темнота, повсюду темнота.

— Извините меня, — после секундного молчания сказала незнакомка, твердым и глубоким голосом. Извините, что беспокою вас в воскресенье вечером. Я ищу человека по фамилии Хантер.

— Здесь… нет… — Дульси оперлась о дверь, чтобы не упасть. — Здесь нет никого с таким именем. — Часть ее обрадовалась. Она опять могла закрыть дверь, отправиться наверх и накрыться темнотой, как одеялом. Но… Хантер? Почему это слово звучит так знакомо? Почему все звучит знакомо, уж если на то пошло?

— Вы уверены? Прошу прощения, я вас не разбудила? — Женщина с участием посмотрела на Дульси, в выражении ее лица чувствовалась озабоченность и что-то еще. — Как вы себя чувствуете?

К ней начали возвращаться воспоминания, как из другой страны, или даже из другой жизни. Хантер — эти имя того, на кого оформлены документы на чердак. Она видела его в системе Дреда, и подумала, что это случайный псевдоним, но сейчас… — Боже мой, — сказала она.

Женщина шагнула вперед и взяла ее за руку — мягко, но было ясно, что она сможет сжать и посильнее, если захочет.

— Мы можем поговорить? Я — детектив Скоурос. У меня есть к вам пара вопросов. — Ее глаза скользнули в темноту за Дульси. — Вы можете выйти наружу?

Дульси, захваченная врасплох, почти парализованная, сумел только пробормотать

— Я… я не могу… Он…

— Это дом кого-то другого?

Великолепный вопрос — и чей же это дом, на самом деле? «*Иноземье, так они называют его. Иной. Где-то? Нигде?*» — Дульси засмеялась. И собственный смех ей не понравился.

— Нет, он… ушел…

— Тогда поднимемся наверх. Как вы себя чувствуете?

Она могла только кивнуть. «Я призрак,— подумала она, пытаясь вспомнить, на что это похоже — находиться по ту сторону тьмы.— Не имеет значения — призванный или изгнанный. Я ничего не могу с этим поделать».

Они поднялись по лестнице и женщина в пальто вынула что-то из своего кармана. На мгновение Дульси подумала, что это револьвер, но это оказался маленький темно-серебряный блокнот. Женщина поднесла его ко рту, как если бы говорила в него, и тут Дульси с ужасом вспомнила, что на экране ее собственного блокнота открыты эти ужасные файлы, и любой может их *увидеть.* «Нуба 27. Эти извивающиеся пальцы, как будто потерянные и тонущие в глубинах океана…» Даже через оцепенение она почувствовала укол беспокойства и стыда, как если бы эти сцены ужаса принадлежали ей, и, оказавшись на верхней площадке, взяла женщину за руку.

— Это не мое, — объяснила она. — Я не знаю. Я… он…

Она повернулась, все еще держа женщину за руку, и увидела, что кровать для комы пуста.

— Просто скажите мне… — женщина начала, но не закончила. Воздух со свистом вышел из нее, она споткнулась и, сделав несколько шагов, упала на пол чердака. Из ее спины торчал огромный нож, появившийся там как будто из ниоткуда, несколько дюймов лезвия виднелись между рукояткой и красным ручейком, вытекавшим из того места, где сталь пронзила пальто. Дульси потрясенно глядела на женщину, только что говорившую, а сейчас молчаливую и неподвижную. Темнота мгновенно вернулась, затянув туманом все вокруг.

— Дорогая, чем же ты тут занималась, пока папочки не было дома?

Дред вышел из тени за дверью чердака. На нем был белый купальный халат, небрежно завязанный.

Он прошел мимо нее, ступая по кошачьи бесшумно босыми ногами, и остановился над полицейской. Дульси видела, что глаза женщины еще открыты, в уголке ее рта трепетал красный пузырь. Дред наклонился к ней, его лицо оказалось в нескольких сантиметров от ее.

— Жаль, но у меня нет времени заняться тобой по настоящему, — сказал он ей. — Тебе пришлось как следует поработать, добираясь до моей двери. Но все случилось слишком быстро и мне не до игр. — Он выпрямился, усмехаясь, маньяк, наполненный энергией, которая освещала его как рождественскую елку. — А ты, Дульси, моя маленькая кошечка,

чем ты тут занималась? — Его взгляд скользнул на ее блокнот, все еще стоявший на стуле, на экране мелькала одна сцена насилия за другой, и его глаза раскрылись еще немного шире — хотя и так были широко открыты, как у человека, стремительно мчащегося вниз с американской горки. — Ну, моя маленькая шлюшка, по моему ты стала слишком любопытной, не так ли?

Дульси, не осознавая, что делает, попятилась к маленькому прилавку, где находились все ее кофейные принадлежности.

— Я не…. я не… почему?..

— Почему? Это вопрос, не так ли, моя сладкая? Почему? Потому что мне это нравится. Потому что я это могу.

Она остановилась, уткнувший спиной в выдвижной ящик, пальцы нащупали ручку. Она вспомнила, что в нем лежало. Что-то вернуло к жизни, плеснув на ее мысли холодом, как ледяной водой, и в первый раз за этот час она могла думать. «Иисус, надо заставить его побольше говорить,— сказала она себе.— Он чудовище, но любящее поговорить чудовище».

— Но почему? Ты… тебе не было необходимости так делать.

— Потому что я могу трахаться совершенно законно? — На его губах появилась ироническая улыбка. И он стал высоким, очень высоким, как небо. — Это ничто. Секс — ничто. В сравнении.

Она уже открывала ящик, тихо и медленно, боясь, что ее бьющийся пульс и дрожащие пальцы заставят ее поскользнуться и уронить его на пол.

— Что… что ты собираешься сделать со мной?

— Избавиться о тебя. Ты сама знаешь, что я должен, любимая. Но ты хорошо поработала на меня, так что я сделаю это быстро. Конец должен быть быстрым и человечным, верно? Разве не об этом говорят все учебники по бизнесу? Кроме того сейчас я занят — очень, очень занят. — Он улыбнулся; если бы она не знала, что находится под этой маской, она бы поклялась, что это искренний и очень добрый парень. — И теперь я могу обходиться без тебя. У меня все под контролем. Вот бы тебе увидеть, что происходит с сетью и твоими старыми друзьями! Я не люблю уходить оттуда, даже на минуту — там сейчас происходит такое! — но я верю, что сумею сохранить активную связь с моими служащими и без тебя.

Ящик наконец открылся. Она испуганно вздохнула, чтобы заглушить легкий скрип, и начала шарить в нем пальцами. Не было нужды изображать страх, совсем не было. Он глядел на ее гипнотизирующим взглядом, его зрачки были такие большие и черные, как ствол…

«Пистолет. Где пистолет?»

Она резко повернулась, так быстро, как только могла, и, поставив все на карту, вытащила ящик до конца. Пустой ящик.

— Не это ли ты ищешь? — спросил он.

Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он вытаскивает его из кармана купального халата. Блестящий железный ствол глядел ей между глаз.

— Я не идиот, моя сладкая. — Дред покачал головой, издевательски разочарованно. — И ты помнишь, что я сказал о скорости?..

Он направил ствол слегка ниже. Дульси почувствовала, как что-то ударило ее в живот и отбросило назад, тут же она услышала громкий треск выстрела. Потом она была уже на той стороне, пытаясь понять, как много вещей должно перестать работать одновременно. Ей захотелось позвать на помощь, закричать, но воздуха не было — огромный кулак сдавил ей грудь. Руки инстинктивно прижались к животу. Она посмотрела вниз и увидела, как между пальцами течет кровь. Она убрала руки и кровь побежала прямо на пол, где уже образовалась широкая лужа.

— Я передумал, — сказал он.

ГЛАВА 41
Игра рыцарем

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: «Автоматическая слежка» не противозаконна, судебное решение

(изображение: аватар подсудимого Дункана, «Смеющегося Мстителя»)

ГОЛОС: Региональный суд ООН постановил, что нет ничего незаконного в программе, следующей за клиентом, входящим в виртуальную симуляцию и даже убивающей его симулоид, пока это не нарушает законов узла. Речь идет об Аманде Хоек, семнадцать лет, Южная Африка, школьница. Ее преследует кусок кода, созданный ее бывшим любовником, который, по словам ее адвоката, «систематически преследовал ее и много раз убил.»

(изображение: Дженс Вервоерд, адвокат Хоек)

ВЕРВОЕРД: «Бедная девушка не в состоянии пользоваться сетью — хотя это жизненно необходимо как для занятий в школе, так и для социальной жизни — потому что в каждом узле за ее виртуальным персонажем увязывается аватар обвиняемого, который оскорбляет, атакует и уже много раз сексуально приставал к ней, как словесно, так и через осязательные рецепторы узлов ВР. И тем не менее судьи решили, что это просто детские сетевые шалости…»

Даже плывя и умирая в сверкающей тьме Рени не могла избавиться от привкуса страха — но страха кого-то другого.

«Не кого-то,— подумала она,— чего-то. Как может предмет, машина, кусок кода, бояться!..»

Операционная система коснулась ее, а потом отбросила прочь, зашвырнула в темные глубины своего сознания, оставила тонуть в море звезд. Медленно тонуть — постепенно уходило сознание, куски личности. Что-то похожее она почувствовала перед тем, как система разозлилась, и это наполнило ее ужасом. Сейчас она медленно плыла, пульсируя как умирающее эхо, между одинокими пятнами света, и знала, что операционная система живет в постоянном страхе, даже худшем, чем она может себе представить — в состоянии полного нечеловеческого ужаса, даже далекие отзвуки которого могут убить.

«Ну, и какая мне разница?— спросила она себя.— Умереть

так или умереть от страха?» Она чувствовала, как уходит, растворяется, но это было так постепенно и медленно, что… стало неважно. Говорят, что замерзающие до смерти радуются смерти. Тело и сознание разделяются, убивающий холод становится похож на тепло, и последний сон приходит как лучший друг. И с ней будет то же самое.

«Но я не хочу уходить,— рассеянно подумала она, и даже сумела себя в это убедить, слегка.— Даже если это не больно. Я не хочу резать нить».

Никогда не увидеть Стивена, Мартину и остальных, Фредерикс… и !Ксаббу… Вроде это из его поэмы, или нет? Что-то про смерть — или что-то про нить?..

Есть люди, другие люди,
Порвавшие мою нить.
И теперь
Грустно мне здесь жить:
Нить оборвана.

Она почти слышала, как он говорит ей, слышала его мягкий голос, со слегка чужими интонациями, с привычкой говорить слишком быстро в самые неожиданные мгновения, а потом замедлиться так, чтобы один слог прозвучал мелодией. !Ксаббу.

Нить порвали мою,
И теперь
Как чужие мне эти
Края,
Потому что оборвана нить.

Что такое эта оборванная нить? Жизнь? Мечта? Канат, на котором держится вселенная?

Все это вместе?

Она слышала эти слова так, как если бы он стоял рядом с ней, как стоял в мгновения тоски и растерянности, непоколебимое пламя во тьме.

Как открыты мне эти края —
Пусты,
Потому что оборвана нить.
И теперь
Несчастен я в этих краях.
Потому что нить оборвана.

Она слышала эти слова так, как если бы он стоял рядом с ней, как стоял в мгновения тоски и растерянности, непоколебимое пламя во тьме.

«Несчастен я в этих краях,— повторила она себе.— Потому что нить оборвана. Потому что я одна.

Как открыты мне эти края, — сказала она темноте, плывя и распадаясь.— Я бегу от этого ужасного ребенка, Иного, оставляя за собой обломки себя.

Пусты,— прошептала она вспыхивающей пустоте.— Потому что нить оборвана».

И тут что-то ее ошеломило, привлекло ее распадающееся внимание. Голос. Голос?

«Операционная система,— подумала она.— Она позвала меня обратно. Интересно, что означает слово „обратно“? А слово „меня“?..»— Думать было все тяжелее и тяжелее.

«Потому что нить оборвана».

Песня донеслась к ней через пустоту, но не как звук, а как что-то меньшее и большее, одновременно. Брызги света, как будто далекий взрыв в вакууме, крошечное биение тепла на дне замерзшего, вялого океана. Сонный шепот, услышанный на пороге бодрствования, идея, мысль, запах, приглушенный стук сердца. Это…

«!Ксаббу?»

С другой стороны вселенной тихий шепот: «*Рени?..*»

Невозможно. Невозможно! «!Ксаббу! Иисус милосердный, это ты?»

Внезапно распад показался ей не благом, а злом. Внезапно она захотела получить назад все, что потеряла, хотя, быть может, уже слишком поздно. Она почти ушла, почти распалась на составляющие части, почти стала недолговечным облаком частиц в море звезд.

«Нет,— подумала она.— Он где-то там, снаружи. Снаружи!— Она должна бороться, плыть к нему, но не чувствовала реальности — здесь не было силы тяжести, не отчего оттолкнуться.— !Ксаббу! Я тону!»

«Рени.— Голос, слабый, почти не слышный.— *Иди ко мне».*

«Где ты?»

«Рядом с тобой. Всегда рядом с тобой».

И она открыла всю себя и почувствовала его, как он и сказал, рядом с собой, неопределенное расплывчатое облако, как будто во время долгого ночного прилива вселенной две галактики встретились и, как призраки, проходят сквозь друг друга.

«Я чувствую тебя,— сказала она.— Не бросай меня».

«Не бросай меня,— эхом отозвался его голос.— *Верь мне».*

Она верила. Он потянулась к нему, страстно желая, чтобы нить не порвалась.

«Коснулась,— сказала она.— Я коснулась».

«Я чувствую».

И они встретились и обнялись — шириной во много световых лет, но близкие, как прилив и отлив, слившие на один удар сердца, две матрицы обнаженных мыслей стянулись в темноте и крепко ухватились друг за друга в бесконечном любовном объятии.

У нее опять было тело. Она знала это, даже с закрытыми глазами, потому что она прижалась к нему так близко, как не прижималась ни к кому.

— Где мы? — наконец сказала она. Она слышала, как бьется его сердце, быстро и сильно, слышала его дыхание. Все остальное молчало, но она не нуждалась во всем остальном.

— Не имеет значения, — сказал он. — Мы вместе.

— Мы… занимались любовью.

— Не имеет значения. — Он вздохнул, потом засмеялся. — Я не знаю. Но думаю… да, мы любили друг друга.

Внезапно она сообразила, что боится открыть глаза. И обхватила его еще сильнее, хотя и не думала, что такое возможно.

— Не имеет значения, — согласилась она. Я думала, что никогда не найду тебя.

Его пальцы коснулись ее лица, холодные, настоящие. Она так испугалась, что все-таки взглянула на него, несмотря на все. Да, на нее глядело сверху вниз его лицо, его дорогое лицо, освещенное холодным вечерним светом. И в его дорогих глазах стояли слезы.

— Я… я не мог поверить… не мог дать себе поверить… — Он опустил свой лоб и коснулся ее. — Я так долго плыл… в этом свете. Тонул. Звал тебя. Распадался…

Она заплакала.

— У нас есть тела. Мы можем плакать. Мы… дома? В настоящем мире?

— Нет.

Обеспокоенная странным тоном, Рени села, не переставая обнимать его, боясь, что иначе они опять растают, станут нематериальными.

Умирающий свет освещал серый ландшафт, чужой, но странно знакомый. На мгновение ей показалось, что они вернулись на вершину черной горы, но там не было голых безлистных деревьев и пушистых кусты.

— Вначале я решил, что мы находимся там, куда я нырнул, когда искал тебя, — медленно сказал !Ксаббу.

— Нырнул?.. Куда?

— В Колодец. Но я ошибся. — Он указал на небо. — Гляди.

Она подняла голову. Ярко сверкали звезды. Луна, круглая и желтая, висела над горизонтом, как зрелый фрукт.

— Это африканская луна, — сказал он. — Луна Калахари.

— Но… но мне показалось… ты сказал, что мы не вернулись обратно… — Она отклонилась назад и уставилась на него. На нем была набедренная повязка из шкуры какого-то животного, а рядом, на грязной земле, лежали лук и колчан со стрелами. И она, тоже, была одета в шкуры.

— Это твой мир, — тихо сказала она. — Симуляция мира бушменов, куда ты брал меня — боже, с того времени прошел целый век! Где мы танцевали.

— Нет. — Он опять качнул головой, вытер слез со щек и глаз. — Нет, Рени, это кое-что другое — совсем другое.

Он встал, протянул руку и помог встать ей. Браслеты из стручков акации, завязанные вокруг его щиколоток, зашуршали.

— Но если это не твой мир…

— Там костер, — сказал он, указывая на мигающий свет, сделавший песок пустыни в красно-оранжевым. — За тем возвышением.

Они пошли через сухую котловину, пыль покрывала их ступни, и казалось, что они идут через облако. Серебряный свет луны играл на дюнах, камнях и колючих кустах.

Лагерный костер оказался маленьким и слабым, его питало всего несколько тонких прутьев. И никакого следа человека, только огромная ночная пустыня.

Прежде чем Рени успела что-нибудь спросить, !Ксаббу указал на глубокий овраг, который разрезал землю сразу за лагерем, сухая оболочка давно умершего потока.

— Внизу, — сказал он. — Я вижу его. Нет, я чувствую его.

Рени не видела ничего, кроме трепещущих теней вокруг огня, но голос !Ксаббу заставил ее внимательно поглядеть на него. Лицо было очень серьезное, но глаза горели восторженным огнем, про любого другого она бы сказала, что у него истерия.

— Что это? — Испуганная, она взяла его руку.

Держа ее руку в своей, он свел ее вниз и остановился рядом с костром. Она не могла не заметить, что на пыли не было других следов, кроме их. Посмотрев вниз, в овраг, она увидела, что ручей, вырывший его, не полностью умер: слабая струйка воды текла по самому низу, такая узкая, что спустившись вниз, она могла бы перегородить ее одной ступней. Рядом с ручейком что-

то шевелилось — очень, очень маленькое.

!Ксаббу сель в пыль рядом с узким провалом. Его браслеты зашелестели.

— Дедушка, — сказал он.

Богомол посмотрел вверх, вздернув треугольную голову и подняв повыше пилообразные руки.

— Полосатая Мышь. Дикобраз. — Спокойный тихий голос шел отовсюду и из ниоткуда. — Вы пришли издалека посмотреть на конец.

— Можем мы сесть около костра?

— Можете.

Рени начала понимать.

— !Ксаббу, — прошептала она. — Это не Дедушка Богомол. Это Иной. Он взял образ из твоего сознания, каким-то образом. Мне он показался в виде Стивена — как будто он мой брат.

!Ксаббу только улыбнулся и посильнее сжал ее руку.

— В этом месте он Богомол, — сказал он. — Наконец-то, как бы ты не называла это, мы встретились со сном, которому мы снимся.

Она села рядом с ним, чувствуя себя слабой и эмоционально истощенной. Она хотела только одного — быть вместе с !Ксаббу. «Может быть он и прав,— подумал она.— Зачем сражаться? Логика исчезла, мы в чьем-то сне». Если Иной решил пообщаться таким образом — а возможно иначе он вообще не умеет! — остается только принять его правила. Она попыталась заставилась его, в облике Стивена, посмотреть на мир ее глазами; в результате его гнев и разочарование чуть не убили ее.

Богомол опустил свою сверкающую голову к земле, потом опять поднял, изучая их крохотными выпуклыми глазками.

— Скоро придет Всепожиратель, — сказал он. — Он придет и сюда, к моему костру.

— Еще можно кое-что сделать, Дедушка, — сказал !Ксаббу.

— Погоди, — прошептала Рени. — Я думала, что если в этой сказке и есть Всепожиратель, то это он. Он *сам*. Иной.

Насекомое, похоже, услышало ее.

— Мы в конце мира. Моя борьба окончена. Большая голодная тень вскоре сожрет все, что я сделал.

— Дедушка, все может быть совсем иначе, — сказал ! Ксаббу. — Есть те, кто в состоянии помочь тебе — наши друзья и союзники. Взгляни, вот твоя Возлюбленная Дикобраз, у нее ясные мысли и отважное сердце!

Отважное сердце, подумала Рени. Ясные мысли? Ни черта подобного. Только не в этой долбанной сказке.

— Мы хотим помочь, — сказала она вслух. — Мы не только

хотим спасти наши жизни, но и жизни детей. Всех детей.

Прошла минута, и только тогда богомол покачал головой.

— Для первых детей слишком поздно. Всепожиратель уже начал есть их.

— Но ты — мы — не можем сдаться! — Рени почти кричала, несмотря на самые лучшие намерения. — Не имеет значения, что все выглядит очень плохо. Мы должны сражаться! Пытаться победить!

Богомол съежился, стал совсем маленьким, почти пятнышком тени.

— Нет, — прошептал он, на мгновение его голос стал несчастным и хриплым, почти детским. — Нет. Слишком поздно.

!Ксаббу сжал ее руку. Рени отклонилась назад. Как бы расстроена она не была, она поняла, с опозданием, что эту… штуку, независимо от ее внешнего вида, невозможно убедить сделать правильные вещи.

Последовало долгое молчание. Наконец !Ксаббу сказал:

— Не думал ли ты о другом мире, за пределами этого? Мире, в котором добрые спасутся и опять вырастут?

— Его рот полон огня, — прошептал Богомол. — Он не бежит, а летит, как ветер. Он пожирает все, что я делаю. За его пределами нет ничего. — Какое-то мгновение он молчал, съежившись, мягко потирая передними лапками друг о друга. — Но, мы думаем, плохо быть одному. Хорошо быть там, где пока еще горит огонь костра. Хорошо слышать голоса.

Рени закрыла глаза. Вот к чему все пришло — она заперта в воображении сошедшей с ума машины и ждет конца в мире, построенном из мыслей и воспоминаний !Ксаббу. Очень интересный способ умереть. Жаль, что она никому не расскажет о нем.

— Слишком тихо, — сказал Богомол. Он сам говорил очень тихим голосом, так, шуршание ветра в колючем кустарнике. — Дикобраз, моя дорогая дочка, ты печальна. Полосатая Мышь, расскажи мне историю о том, как перышко стало луной.

!Ксаббу взглянул вверх, немного испуганно.

— Ты знаешь эту историю?

— Я знаю все твои истории. Расскажи, пожалуйста.

Вот так, в мгновение спокойствия, под ночным африканским небом — казалось, это мгновение может длиться вечно, хотя Рени и знала правду — !Ксаббу начал повторять историю о том, как Богомол создал жизнь из кусочка выброшенной кожаной сандалии. Умирающий богомол сидел на земле рядом с тонкой струйкой ручейка, внимательно слушал рассказ о собственной

сноровке и, казалось, находил его очень интересным.

* * *

Они приготовили не просто огонь, но стену огня — перед углом комнаты сложили арку из бумаги, ящиков, пустых мешков из-под зерна, короче из всего, что могло гореть. За огненным барьером они навалили всю оставшуюся мебель, не прикрученную к полу — столы, стулья, даже крышки от неиспользуемых В-капсул. Пустоту между ними они заткнули тонкими армейскими матрацами.

«Но все это не остановит пули,— мрачно подумал Джозеф.— И собак».

Монитор замигал, привлекая его внимание.

— Они движутся. Зажигай.

— П-проверка, — сказал Дель Рей, не слишком хорошо скрывая панику в голосе, — но я подожду, пока ты не будешь с нами. А сейчас скажи, что там происходит.

Джозеф посмотрел на четырех наемников, которые, наклонившись над ямой, оживленно жестикулировали, и почувствовал себя полностью голым. Наемники уже надели на себя одежду для боя: кучу оружия, пуленепробиваемые жилеты, шлемы с очками. Ему не слишком нравилось, что его засадили за мониторы, и только потому, что он якобы прозевал то, что происходило наверху раньше. «Как мы собираемся остановить летящий на нас грузовик? И чудовищных собак?» Но все его недовольство было ничто, по сравнению с ужасной уверенностью, что все кончено.

— Они готовы, — вслух ответил он. — Здесь мне больше делать нечего.

— Только скажи нам, что они делают, — потребовал Джереми.

— Одевают собак, — сказал ему Джозеф.

— Что?

Джозеф прищурился на монитор.

— Нет. Вначале я решил, что они закутывают собак в одеяло, но они делают что-то другое. — От одного вида этих тварей кишки завязывались в узел и не хотели развязываться. Огромные звери дрожали от возбуждения, их подрубленные хвосты махали без остановки. — Они… они используют одеяло, чтобы что-то сделать. Может быть понесут их. — Он с ужасом глядел, как люди, стоявшие около пробитой в полу ямы, дружно взялись за веревки, привязанные к одеялу, на середине которого, как король,

сидел первый чудовищный мутант. — О! О! Они используют одеяла, чтобы спустить на них собак вниз, через дыру.

— Черт, — выругался Дель Рей. — Время зажигать огонь. Иди сюда!

Джозефу не надо было повторять дважды. Он пробежал через темную лабораторию, перепрыгнул через стену из бумаги, взобрался на баррикаду из мебели и спрыгнул вниз, едва не сбив Дель Рея.

— Давай, зажигай!

— Я пытаюсь, — простонал Джереми. — У нас было слишком мало бензина, что бы смочить бумагу по-настоящему. — Дрожащими пальцами он махнул еще одной сигаретой Рени. С негромким *«пых»* бумага вспыхнула. Голубое пламя побежала по самодельному барьеру, и Джозеф почувствовал укол надежды.

— Почему нет света? — прошептал он. — Так мы не сможем стрелять по ним.

— Потому что у нас две пули, а у них тысячи, — ответил Дель Рей. — Джозеф, кончай спорить, идет?

— Темнота не обманет собак, — заметил Джозеф, но более спокойно.

Дель Рей вроде простонал, хотя немного странновато.

— Слушай, Джозеф, мне очень жаль — я не хотел, чтобы моими последними словами к тебе были «заткнись». Но все-таки *заткнись*.

Длинный Джозеф почувствовал, что сердце стало слишком большим, хотя и слабым, и пытается биться побыстрее, хотя что-то давило на него изо всех сил.

— Извини, мы все на взводе.

— Я тоже, — сказал Дель Рей. — Бог знает, я тоже.

— Кто-то приближается, — треснувшим голосом сказал Джереми. Они все уставились за пламя, пытаясь заметить движение на другом конце лаборатории.

Грудь Джозефа сжималась все сильнее и сильнее. Он попытался представить своих предков-зулусов, которыми так часто хвастался: вот они глядят от своего костра в африканскую ночь, храбрые и сильные, их не пугает ничто, даже рычание льва; он попытался, но не смог. Единственное оружие, стальная полоса с нижней стороны стола в конференц-зале, безвольно лежала в его потной руке.

Пожалуйста, бог, подумал он. Не дай им навредить Рени. Сделай это быстро.

Джозеф увидел, как что-то движется на дальнем конце лаборатории — низкая тихая тень. Потом увидел вторую. Первая

посмотрела вверх, поворачивая голову из стороны в сторону, как на шарнирах. Ее глаза поймали свет костра, сверкнули две желтые злые точки.

Громкое *«бум»* заставило Джозефа подпрыгнуть. Что-то проломилось через их маленькую стену огня и покатилось к их убежищу. Мгновением позже над ним взметнулось облако дыма, который заполнил глаза и проник в легкие. Он замахал руками, слыша задушенные крики Джереми, но прежде, чем он успел что-то сделать, огромная тень перепрыгнула стену огня и, рыча, приземлилась прямо на него.

Его швырнуло на пол и что-то стало рвать его руку — он почувствовал острие серебряной боли, более яркое, чем любой огонь. Он попытался сопротивляться, но на него навалилось что-то более тяжелое, чем он сам, что-то, что хотело вонзить зубы в его живот. Над его головой гремели выстрелы, но они казались очень далекими и не имеющими смысла. Тварь взяла его, достала его. Он услышал, как один из его товарищей что-то гневно крикнул, потом пистолет Дель Рея выстрелил и выплюнул пламя прямо над головой, и тяжелое тело соскользнуло с него.

Джозеф поднялся на ноги, стараясь отдышаться. Мимо, как цепочка фейерверков, пролетела автоматная очередь — *катоккатоккатоккаток*. Еще несколько собачьих теней прыгнули через остатки огня; он услышал еще выстрел, потом еще и еще. Через дверной проем в затянутое дымом помещение прыгнуло несколько человеческих фигур. Затуманенному взгляду Джозефа показалось, что их много, намного больше, чем четыре.

«Нечестно!»— хотел он крикнуть, но рот горел, горло сжалось. Трясущийся Дель Рей скорчился рядом с ним, держа в руке пистолет с одной оставшейся пулей. Джозеф не слышал его огонь из-за треска других револьверов, не видел даже вспышки, но на полу валялись две собаки.

«Две одним выстрелом,— поразился Джозеф, дым туманил его легкие и его голову. Как и сказал.— Как тебе это удалось, Дель Рей?»

Но прежде, чем он смог что-то сообразить, из-за дыма появилась еще одна собака-мутант, перемахнула через стену столов и матрасов, как молния ударила Джозефа в грудь и опять бросила на пол. Рычащая голова ткнулась ему в лицо, горячая мокрая морда вцепилась в горло и вышибла из него воздух.

* * *

Пол Джонас лежал у ног Сэм, дергаясь и стоная, как человек,

получивший удар электрическим током. Сэм сама пришла в сознание несколько секунд назад, и теперь пыталась понять, что происходит. Плачущий ангел мелькнула и растаяла в воздухе над Колодцем. Близнецы, на этот раз в виде Джека Спрата и его жены, взбешенные ее исчезновением, кричали в бессловесном гневе, хватали плачущих беженцев и бросали их в сверкающую яму, которая не захотела принять ее саму. Но из этих беззащитных созданий никто не явился назад, не появлялась и ангел.

— Сэм Фредерикс! — Голос Мартины. Но ее саму было не видно из-за мечущейся толпы напуганных созданий. Сэм попыталась схватить руку Пола и оттащить его в безопасное место, но пальцы соскальзывали с его потной руки, и он дергался, как человек, мучимый ночным кошмаром. Кто-то рядом с ней тоже схватил Пола и вместе они оттащили его подальше от толпы, на самый край Колодца. После невероятных событий последних минут Сэм почти не удивилась, что ей помог Феликс Жонглер.

— Нам надо уходить отсюда, — проскрипел он. — Я не могу управлять этой версией Финни и Мадда. Где твои друзья?

Сэм потрясла головой. В этом хаосе казалось невозможным найти хоть кого-нибудь; она могла только стоять над Полом и защищать его от обезумевших молочниц и впавших в панику гномов.

— Фредерикс! — Голос Мартины опять ударил по ушам, но на этот раз Сэм заметила ее саму в дюжинах метрах от них по краю Колодца, окруженную некоторыми другими; все они находились на крошечном кусочке берега, буквально в пяди над сверкающей поверхностью. Сэм нагнулась, схватила Пола под мышки и попыталась приподнять верхнюю часть тела. Его голова безвольно болталась, открытые глаза бессмысленно смотрели в небо. Жонглер подхватил его под ноги, и они наполовину понесли, наполовину поволокли его туда, где сгрудились Мартина и остальные, на какое-то время вырвавшись из худшей части хаоса.

Лицо Пола Джонаса медленно повернулось к ней. На мгновение в его глазах появилась мысль.

— *Скажи им закрыть окно…* — прохрипел он, как если бы это означало что-то очень важное и полезное, потом его глаза закатились и он опять улетел в бессмысленное бормотание.

Они сделали еще дюжину неуверенных шагов, потом что-то схватило ее за щиколотку и бросило на землю.

— Верните нам принцессу! — прошипел голос сзади. Она попыталась ползти вперед, но кто-то крепко и больно держал ее за ногу; потом ее перевернули на спину, как тряпку. — Мы хотим

принцессу! — потребовал Джек Спрат и тряхнул чем-то рядом ней. Это была другая жертва — маленький человек с выпученными глазами, одетый в зеленое, свисавший из другой руки чудовища. Джек Спрат наклонился ближе, слепое лицо, зернистое как старое дерево. Она так испугалась, что не могла дышать или кричать. Сэм стала брыкаться, но не могла сбросить обвившие ее пальцы. Высокое как дерево создание вздернуло ее в воздух, махнуло ею сверху вниз, но потом его внимание привлек брыкающийся человек, одетый в зеленое. Монстр сдавил шею пленнику мягким, почти исследовательским образом, и с интересом следил за тем, как ноги зеленого человека задергались еще быстрее, а потом помедленнее.

— Меч! — крикнул Жонглер. — Дай мне меч.

Она могла только удивляться, что старик вспомнил о мече, а она нет. Порывшись в поясе, она достала его и бросила на землю. Жонглер схватил с таким торжествующим взглядом, что на мгновение она прокляла свою тупость.

«Я вижу его в последний раз»,— только и успела подумать она, в голове ревело и гудело, она качалась как маятник в двух метрах над землей. Но Жонглер поразил ее, прыгнув вперед и изо всех сил рубанув по державшей ее руке. Джек Спрат с восхищением наблюдал за смертельным муками другого пленника и даже не заметил Жонглера, но его пальцы разжались и Сэм с двух метров грохнулась на землю с такой силой, что ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где верх, а где низ.

— Быстрее! — крикнул Жонглер. — Помоги мне с Джонасом!

Сэм, качаясь, встала на ноги. Они подняли Пола и, запинаясь, похромали к краю Колодца, мимо рыдающих беженцев. Снизу протянулись руки и помогли спустить Пола, потом они же помогли самой Сэм оказаться на узком скальном выступе — три шага в ширину и дюжину в длину — в нескольких метрах ниже края Колодца и чуть-чуть выше сверкающей поверхности. Жонглер спустился сам сразу за ней и, тяжело дыша, упал на землю, не обращая внимания на испуганные или даже враждебные взгляды остальных.

Полка оказалась битком набита народом: Мартина, Флоримель, Т-четыре-Б, даже миссис Симпкинс и Нанди, не говоря уже об непрерывно чирикающих Озлобышах, рассевшихся на некоторых из них. Странный мальчик по имени Чо-Чо лежал рядом с Мартиной — спина прижата к серой земле, глаза широко открыты от страха.

— Мы что, так и будем сидеть и ждать, когда они найдут нас? — задыхающимся шепотом спросила Бонни Мей Симпкинс.

— Что это за чудовища? — спросила Флоримель. — Откуда они взялись?

Нанди Парадиваш взглянул на Пола, лежащего рядом с Сэм и погруженного в какой-то ужасный сон.

— Это копии настоящих Близнецов — людей, которые преследовали Джонаса по всей сети. Вероятно их полным-полно в сети, одержимых мыслью о дочери Жонглера, и, по большей части, они достаточно безвредны. Системой управляет Дред, хотя как раз сейчас Иному удалось на какое-то время защититься от него. И, вероятно, Дред нашел способ изменить эти копии.

— Зачем? — спросила Флоримель. Она вздрогнула, когда длинный задушенный крик прорезал шум над ними, сняла со лба нервно ерзающую обезьянку и пересадила ее на плечо. — Таким образом он не может уничтожить операционную систему — он только убивает детей! Или он просто сумасшедший?

— Он хочет, чтобы мы сдались, — сказала Мартина, медленным мертвым голосом. — Он хочет заставить нас сдаться, чтобы спасти детей.

— Даже если мы сдадимся, им не выжить. — Сэм замахала руками, привлекая к себе внимание. — Он убивает сами-знаете-кого — операционную систему. И тогда они все тоже умрут.

— Возможно… возможно Дред умнее, чем мы о нем думаем. — Голос Мартины звучал боязливо-пусто, как если бы ее больше не волновало ничего. И это напугало Сэм до невозможности. — Он очень разозлился, обнаружив, что Иной сопротивляется ему, но, полностью уничтожив Иного, он потеряет контроль над сетью. Быть может он вообще не хочет уговорить нас сдаться. Быть может он делает все эти ужасные вещи с детьми, которых защищает Иной, только для того, чтобы свести операционную систему с ума.

— Возможно, но нам-то какое дело? — Тоскливый голос Флоримель прорвался сквозь шум. — Там дети! *Наши* дети! И эти чудовища убивают их! Моя дочь Эйрин — даже сейчас я чувствую ее настоящее тело, лежащее рядом с моим, клянусь! Наверняка она напугана, ее сердце бьется так быстро! Иной украл какую-то часть ее, она где-то здесь — и эти твари убивают ее!

«И кого еще вместе с ней?— тоскливо спросила себя Сэм.— Кого еще съели и раздавили совсем рядом с нами? Брата Рени? Друга Т-четыре-Б? Того бедного ребенка, который в Срединной Стране называл себя Сенбар Флай». Он почувствовала, как вокруг ее сгустилась холодная безнадежность. Все бесполезно. У них две цели: спасти детей и выбраться из сети живыми. Похоже, им не видать ни того, ни другого, как своих ушей.

— Что мы должны делать? — сказала Бонни Мей

треснувшим, но требовательным голосом. — Дать им убить всех этих невинных?

— *Принцесса*! — Трясущая туша жены Джека Спрата появилась над краем ямы всего в дюжине метров от них. Сэм и ее друзья бросились на землю, но бесформенное лицо не видело их и глядело только в колеблющиеся волны. В жалобном голосе больше не было ничего человеческого. — Принцесса, вернись к нам — мы хотим съесть тебя!

Ее костлявый кошмарный муж последовала за ней на край кратера, и они вместе пошли по самой кромке, хватая и душа всех, до кого могли дотянуться. И они направлялись прямо к их укрытию. Даже не зная этого, Близнецы будут над ним через считанные секунды.

— Будем убивать, пока нас не накормят, — проскрипели они вместе.— Накормите нас.

Бонни Мей опять начала молиться. Почти парализованная ужасом, Сэм секунду глядела на огромных Близнецов, потом отвернулась. Ей тоже хотелось закрыть глаза — не для молитвы, а для того, чтобы не видеть тварей, которые собираются убить их всех. Вместо этого она обнаружила, что смотрит в сам Колодец, на мигающие огни которого, глотая их, надвигалось непрерывно расширяющееся темное облако.

«Он действительно умирает,— подумала она.— Мы все умрем в темноте!..» Потом ее внимание привлекло что-то другое. Через темноту двигалась вереница маленьких огоньков, крошечных раскаленных пузырьков, число которых увеличивалось каждую секунду.

— Смотрите, — тихо сказала она, потом поняла, что ее никто не слышит. — *Смотрите*!

Из волнующихся волн что-то поднималось. «Ангел вернулась? — удивилась Сэм.— Иной? Неужели Иной в конце концов появился?» Но она не чувствовала его, ничего похожего на то огромное ледяное присутствие, которое наполняло Морозилку. То, что поднималось, казалось не слишком большим и более человеческим — она уже смутно видела туманный темный силуэт, всплывавший через мерцающие огоньки.

Тот, кто прорвал поверхность Колодца и выскочил на его берег, оказался человеком с гибким мускулистым телом, светящимся от пятен фосфоресценции. Огни Колодца уже не сверкали, а приглушенно светили — даже массивные Близнецы стали мрачными темными силуэтами. Новоприбывший, покрытый потоками света, стал самым ярким пятном в ландшафте, и все глаза повернулись к нему. На долю мгновения Сэм решила, что это Рикардо Клемент, но потом он повернулся, поднял меч, и она

увидела длинную черную гриву волос и знакомый профиль. Сердце едва не взорвалось от удивления и радости.

Озлобыши, сидевшие на плечах Нанди, громко застрекотали.

— Ландогарнер, Ландогарнер!

— *Орландо*! — крикнула Сэм. — Боже мой, это же Орландо!

Рев обеих убийц и их жертв стих, но если новоприбывший и услышал крик Сэм, то не подал виду. Он повернулся к Близнецам и направил на них меч — смесь приветствия и угрозы. Тварь, бывшая Джеком Спратом всхлипнула — только мгновением позже Сэм сообразила, что она хихикнула — и шагнула вперед. Огни Колодца внезапно опять вспыхнули, вернув в мир поздние сумерки.

Сэм уже перелезала через край их убежища, когда кто-то схватил ее за ногу и потянул вниз. Она гневно крикнула и дико ударила по руке врага, уверенная, что это Жонглер, но это оказался Нанди Парадиваш, в свете Колодца его лицо казалось сделанным из серого мрамора.

— Дай ему сражаться одному, — сказал он. — Это его бой.

— *Фенфен*! Я должна помочь ему… — Она брыкнулась, но Флоримель схватила ее за вторую ногу.

— Нет, Сэм, — проворчала она. — Мы, все остальные, будем только мешать ему. Смотри!

— Да, смотри, — согласилась с ней Мартина. — Иной играет рыцарем.

Сэм понятия не имела, что она имеет в виду, и ей было наплевать — но она ничего не могла сделать с руками друзей. Орландо уже прыгнул к своему гигантскому врагу, тело Таргора двигалось с такой скоростью, которую она не видела со времен Срединной Страны, а его меч вообще был бы невидимым, если бы не странный полусвет Колодца. Он успел нанести три мощных удара по ногам Джека Спрата, прежде, чем тот попытался ударить его в первый раз. Великан споткнулся именно в то мгновение, когда его рука летела к Орландо. Но даже и так, он почти попал: сучковатые пальцы пронеслись мимо головы Орландо с бешенной скоростью и Сэм точно знала, что они вбили бы голову в тело по плечи, если бы Орландо не успел упасть на землю.

Сэм не могла оторвать глаза от того, что происходило, как и остальные, которые — она чувствовала — сгрудились у нее за спиной. Это был сон, ночной кошмар — Орландо! Сражается не на жизнь, а на смерть!

Но теперь она ясно видела, что он был немного другой — и даже не из-за невероятной скорости, а из-за тела. Его тело не было телом Таргора последних дней в Срединной Стране, телом ветерана сотен сражений, покрытое шрамами от многочисленных

ран. Но и не более юным вариантом этого же тела, которое он приобрел, когда в первый раз вошел в сеть Грааля. Этот новый Таргор был все еще мускулистым, но более гибким и легконогим, как если бы Сэм видела ту версию персонажа, юного Таргора, которая существовала только в воображении Орландо.

Больший вес более старых версий очень помог бы сейчас, потому что Джек Спрат удивил Орландо, ударив его тыльной стороной кисти руки. Орландо взлетел в воздух и упал на землю всего в нескольких метрах от трясущей от жира жены Джека Спрата. Второе чудовище скользнуло вперед, на удивление быстро, нависло над Орландо, как студенистая гора и потянулось к нему головой. На удар сердца Сэм решила, что Орландо исчез в гигантском рту; вместо этого клинок его меча внезапно ударил в голову твари и она с ревом распрямилась. Еще до убийственного наклона Орландо отскочил в сторону, и сейчас, согнувшись вдвое, сумел избежать и удара упорного Джека Спрата, который торопился вперед, пытаясь схватить Орландо, пока тот занимался его жирной женой.

Сама жена, несмотря на бегущую из раны кровь, снова напала на Орландо, загоняя его между собой и мужем. Оба чудовища, похоже, выучили урок и теперь двигались очень осторожно. Орландо отскочил назад, стараясь удлинить треугольник, но позади находился Колодец и места для маневра почти не было.

Радость Сэм быстро перешла в безнадежное отчаяние. Победить обеих сразу совершенно невозможно. Она увидит, как он снова умрет. Она попыталась вырваться из державших ее рук, но друзья не отпустили ее.

— Беги, Орландо, — крикнула Сэм.

Он сделал шаг назад, последний. Пятки заколебались на самом краю Колодца, он оглянулся назад, на мигающие огоньки. Оценивающий, но боязливый взгляд открыл Сэм ужасную правду: он вышел оттуда, но не может вернуться обратно и остаться в живых.

«Он разобьется, если прыгнет,— с ужасом подумала она,— исчезнет». Она не знала откуда, но была уверена на сто процентов: в Колодце не хватит энергии, чтобы создать его заново.

«Создать? Но это же Орландо, настоящий Орландо!..»

Тварь по имени Джек Спрат шагнула вперед, с трудом держась на раненых ногах и размахивая руками как огромными швабрами, пытаясь перебросить Орландо через край ямы. Места больше не было, и Орландо сделал то единственное, что мог: прыгнул вперед, избегая бешено молотящих рук и, как бильярдный шар, прокатился мимо тощих ног твари. С сухим

хлопком нога треснула, монстр зашатался и издал свистящий вопль ярости. Зашатавшись, он шагнул вперед, чтобы не упасть, и зашарил руками под собой, но Орландо был уже за ним. Перехватив меч обеими руками, он перерубил ногу твари. Джек Спрат закачался на оставшейся ноге, и Орландо, бросившись на нее всем весом, столкнул его в Колодец.

Джек Спрат перевалился через край, но, вонзив костистые пальцы в мягкую землю, сумел повиснуть над мутными волнами, его длинные ноги дико брыкались.

Он даже начал вытаскивать себя из пропасти, но Орландо, одновременно уклоняясь от беспорядочных ударов второй твари, отрубил ему пальцы, и Джек Спрат полетел в пульсирующие глубины, свистя и извиваясь, как омар в кипятке, какое-то время дико молотящие руки еще виднелись на поверхности, но потом исчезли в сверкающей субстанции Колодца.

Чудовищная студенистая тварь, его жена, нависла над Орландо, что-то яростно лепеча. У него была только доля секунды, но он успел отпрыгнуть в сторону, и титанический кулак, как будто сделанный из глины, просвистел мимо. Тварь быстро перетекла в сторону, не давая Орландо отойти от пропасти, потом опять выпрямилась, широко, как идиот, разинув рот и став похожей на гигантскую раздутую марионетку. Орландо, не дожидаясь, пока она упадет на него, глубоко вонзил клинок в ее тело, потом побежал вокруг, таща меч за собой, его длинные мускулы вздулись узлами, меч шел через резиноподобную плоть, а сама тварь наклонялась к нему, пыталась схватить его руками.

Сердце Сэм запнулось и совсем остановилось, но тут Орландо появился из-под гигантской туши, покрытый какой-то липкой слизью. Гневный рев твари сменился резким воем, в котором чувствовались боль и даже страх. Она опять выпрямилась, из длинной раны на животе бежала липкая жидкость. Жена Джека Спрата, ставшая похожей на спустивший воздушный шар, закачалась, упала на скользкую грязную землю на краю Колодца и соскользнула вниз.

Сэм мгновенно оказалась наверху и побежала, расталкивая пораженных беженцев и перепрыгивая через мертвых и умирающих, даже не думая о них. Орландо отвернулся от края Колодца, закачался и упал на колени.

— Орландо! — закричала она. — О, *дзанг*, Гардинер, это действительно ты? — Она бросилась на землю рядом с ним и обхватила его, крепко-крепко. — Не умирай, прошу тебя, не умирай! О, боже мой, я знаю, ты не мог умереть. И ты вернулся ! Как Гендальф! Ты потрясно вернулся!

Он повернулся к ней голову и посмотрел на нее. На мгновение ей показалось, что на нее глядит незнакомец и ее сердце упало. Но потом он улыбнулся, слабой, несчастной улыбкой, и она решила, что никогда не видала ничего более замечательного.

— Но я мертв, Фредерикс, — сказал он. — Действительно мертв.

— Нет, нет! — Она опять крепко обняла его. Из глаз текли слезы, она плакала навзрыд — не имеет значения, она не знает ничего, он жив, жив! Другие уже подбежали к ним, но она не собиралась отпускать его. — Нет, нет! Ты здесь, со мной,

После долгой паузы он слегка отстранился.

— Гендальф? — Он посмотрел на нее, моргая, чтобы смахнуть с глаз собственные слезы, потом засмеялся. — Черт побери, значит ты читала. Ты читала, но никогда не говорила мне. Да ты, я вижу, скан-мастер, Фредерикс. — И он упал в ее объятья.

ГЛАВА 42
Старая школа

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Бедные страны хотят быть тюремщиками

(изображение: новые здания в городе Тотнес, Суринам)

ГОЛОС: Несмотря на жестокую позицию общественности таких бедных стран как Суринам или Тринидад и Тобаго, их правительства соперничают за право принять у себя избыток заключенных из Америки и Европы, тюрьмы которых заполняются намного быстрее, чем строятся новые.

(изображение: Висента Омарид, вице-президент «Сопротивляйся!»)

ОМАРИД: «Наша страна — не свалка для ядовитых отходов или ядовитых людей. Ведущие мировые державы цинично эксплуатируют как свой собственный народ, так и наш, пытаются скрыть последствия их политики бедных-в-тюрьму, и трясут деньгами перед носом таких бедных стран, как Тринидад и Тобаго…»

Вначале Селларс не понял, где оказался. Он так глубоко утонул в мягком сидении, что чувствовал себя скорее во чреве матери, чем на стуле, успокоенным и соединенным. Прямо перед ним находилось большое окно, полное горящих источников света, и он чувствовал молчаливую вибрацию моторов — нет, это не вибрация, осознал он, это работает настоящий двигатель на антипротонах, он различает любую деталь его работы, как и миллион других функций корабля, все данные о них текут через его модифицированную нервную систему. Он летит к звездам.

— Салли Райд, — прошептал он. Мой корабль!.. Мой замечательный корабль.

Но что-то было не так.

«Как я очутился здесь?» Память постепенно возвращалась, калейдоскоп дней, огня и ужаса, за которым последовали долгие годы уединения. О прошлом, когда это серебряное зерно превратилось в покореженные обломки в ангаре в Южной Дакоте, так и не выйдя за пределы нижней термосферы.

«Но звезды!.. Они — его жизнь. Нет — больше, чем жизнь. Быть может все, что я считал настоящим — уничтожение

ПЕРЕГРИНА и долгое заключение — только сон, холодящий кровь ночной кошмар?»

Он хотел поверить в это. Он так хотел поверить в это, что мог пощупать свою веру. Если бы это было настоящим, то пять искалеченных десятилетий должны были бы вскоре испариться, оставив его наедине с кораблем и бесконечными полями звездного света.

— Нет, — сказал он вслух. — Это не настоящее. Ты прорвался через мою оборону. Ты взял все это из моих воспоминаний.

Долгое мгновение он не слышал ничего, кроме ровного жужжания моторов. Звезды пролетали через окно как снежный вихрь. И корабль заговорил.

— *Оставайся,* — сказал он. — *Оставайся с… ним.* — Он много раз слышал этот голос во время бесконечных проверок оборудования — странно бесполый, сгенерированный компьютером голос его собственного корабля. — *Ему одиноко.*

Что-то сжало его сердце. После несчастья на базе Санд Крик он выкинул корабль из памяти, как мертвую любовницу. Даже то, что он слышит его голос через столько лет — уже чудо. Но слова взволновали его. Неужели операционная система сети Грааля, которая построила этот сон в его голове, на самом деле хочет поговорить? Селларс очень долго сражался с ней, и обнаружил, что не может поверить в это.

— Я знаю, что все это не настоящее, — сказал он. — Но для чего ты сделал весь этот мир? Почему ты просто не убил меня, когда прорвался в мое сознание?

— *Ты… ты другой,* — сказал механической голос корабля. За толстым окном продолжали кружиться снежинки-звезды. — *Сделан из света и чисел. Как я.*

«Моя проволока — моя внутренняя система. Неужели он действительно думает, что я такой же, как он сам? Неужели он ищет… родственную душу?» Он не мог поверить в собственную догадку — неужели операционная система давно почувствовала его и изучала, при каждом вторжении, так же тщательно, как он ее? Тогда почему она так долго ждала, прежде чем заговорила с ним? Неужели только потому, что ей мешала его внутренняя защита? Или происходит что-нибудь еще?

Селларс, растерянный и измотанный, никак не мог сосредоточиться. Его искушали мечтой, выполнением самого заветного желания, сгоревшего дотла много лет назад.

— *Звезды,* — сказал голос, как бы почувствовал его мысли. — *Ты знаешь звезды*?

— Я должен был, — сказал Селларс. — Я думал, что проведу среди них всю жизнь.

— *Очень одиноко*, — опять сказал корабль.

Это, по меньшей мере, настоящее. Никакая корабельная программа не могла говорить с такой душераздирающей тоской.

— Некоторые люди думают иначе, — сказал он, почти дружески.

— *Одиноко. Пусто. Холодно*.

Селларс не стал отвечать — тяжело слышать отчаяние ребенка и не говорить ничего — но странность и нелогичность происходящего начала давить ему на нервы.

«Если он хотел только поговорить со мной, почему именно сейчас? Он давно умеет выходить из своей сети — достаточно посмотреть на то, что он делал в Мистере Джи, когда начал исследовать остальные системы настоящего мира. Тем не менее он не стал обращаться ко мне, а ждал, когда я попытаюсь войти в сеть Грааля. Но я был в сети множество раз — значит он ждал какого-то особого момента. Он попытался собрать вместе куски того, что случилось перед контактом. Мы сражались, по меньшей мере я сражался с системой безопасности. Потом она оставила меня в покое, я открыл канал данных… вся эта информация из сети Грааля, огромный все смывающий поток… и в этот момент он напал опять. Смял мою защиту.

Когда я открыл канал данных».

— Ты, как я — мы одинаковые, — внезапно сказал голос-корабль. В голосе прозвучал откровенный страх.

— Ты использовал, меня, на так ли? — Селларс кивнул. — Ты умный ублюдок. Ты ждал, пока я взломаю систему Жонглера, а потом влез в нее за закорках у меня. Есть что-то, что ты не можешь сделать сам, так? Что-то специально защищенное от тебя? И я нужен тебе живым, чтобы ты мог дотянуться до него, через меня. — Вместе с пониманием пришел глубокий страх. «Чего хочет его соперник, ради чего он сражался так упорно и умело? И что он делает прямо сейчас, пока развлекает меня, воскрешая давно забытые воспоминания?

И что он сделает, когда я больше буду ему не нужен?»

— *Нет. Одиноко в темноте. Больше не хочу быть там*. — Механический голос исказился и чуть не плакал.

— Тогда дай мне помочь тебе, — попросил Селларс. — Ты сказал, что я как ты. Дай мне возможность! Я хочу того же, что и ты — спасти детей.

— *Не спасти*, — прошептал голос. Даже звезды за окном потускнели, как если бы сейчас Салли Райд обгоняла их лучи. — *Слишком поздно. Слишком поздно для детей.*

— Каких именно детей? — резко спросил он.

— *Всех детей.*

— Что ты делаешь? — требовательно спросил Селларс. — Как ты используешь меня? Если ты скажешь, то, быть может, я смогу помочь тебе — или, по меньшей мере, помочь детям.

— *Не помочь,* — печально сказал голос, и запел траурным запинающимся голосом.

«Ангел коснулся меня, ангел коснулся меня, река омыла…»

Селларс никогда не слышал этих слов или этой простой мелодии.

— Я не понимаю — просто скажи мне, что ты сделал. Почему ты держишь меня здесь? *Что ты сделал?*

Голос опять запел. На этот раз Селларс узнал песню.

«Баюшки, на ели мальчик засыпает»

Потом корабль исчез, звезды исчезли, вообще все исчезло, и он оказался в знакомых границах своего Сада.

Но это больше не было садом, тем уютным ухоженным местечком, которое он так долго нежил и лелеял. Теперь он вытянулся на километры, стал больше Кенсигтона или Версаля, почти невероятное буйство зелени, распространившееся во все стороны.

«Теперь они вместе,— сообразил Селларс.— Система информации Грааля поглотила мой Сад, и теперь они вместе. И я еще жив, тоже. Иной сделал то, что хотел, и освободил меня». С облегчением он убедился, что его связь с сетью все еще открыта и что он может связаться с Чо-Чо.

«Так что же сделала операционная система?— спросил он себя.— Что она хочет?»

Он перебросил себя в акры данных, к невероятному количеству информации; команде экспертов потребовались бы годы, чтобы проанализировать ее. Но он был только Селларсом, у него не было в запасе лет или даже месяцев. На самом деле, как он подозревал, у него есть день или два, прежде чем все полностью развалится.

Открытия, во всяком случае некоторые, последовали очень быстро. Со скоростью света пробежав через все, что случилось с того мгновения, как он открыл канал данных, изучив самые последние события, касающиеся сети Грааль и бешено покопавшись в файлах Братства Грааля, он понял, что такое операционная система и что она сделала.

И все оказалось намного хуже, чем он себе представлял. У

него не было дней. У него осталось всего три часа, чтобы спасти друзей и бесчисленных невинных жертв. И то только в том случае, если ему повезет.

Если безумно повезет, то четыре.

* * *

На руинах табора цыган Азадора они разбили что-то вроде лагеря. В полумраке обломки фургонов казались скелетами странных животных. Повсюду лежали тела сказочных персонажей, изломанные и, зачастую, расчлененные. Многие остатки унесли друзья, а цыгане собрали всех своих мертвых на краю лагеря, покрыв цветными покрывалами, но дюжины трупов все еще лежали не оплаканные и не погребенные. Пол не мог смотреть на это. Еще счастье, что Колодец умирает и свет постепенно гаснет.

Вода почти полностью потемнела, от свечения, которое танцевало по поверхности, остались только отдельные вспышки, которые не могли даже коснуться кокона серого облачного неба; даже немногие костры светили ярче. То, что по обе стороны барьера росла тень, давало дополнительное преимущество: Пол не сомневался, что Дред ждет за стеной-облаком, но, по меньшей мере, теперь они не видят, как его темная человекоподобная фигура беззвучно ходит взад и вперед.

Внезапно ему пришел на ум стих из Библии, воспоминание детских лет. *«И сказал Господь сатане: — Откуда ты пришел? — И отвечал сатана Господу и сказал: — Я ходил по земле и обошел ее.»*[76]

«Но в этой вселенной есть еще один сатана,— подумал Пол.— И он здесь. С нами».

Он посмотрел на Феликса Жонглера, который, как и сам Пол, сидел на некотором расстоянии от остальных выживших. Жонглер тоже взглянул на него. Их товарищи больше интересовались Орландо, который все еще не пришел в сознание. Тем не менее мальчик казался достаточно здоровым, только полностью истощенным. Не считая, конечно, того, что он умер — а Пол всегда считал смерть достаточно серьезной медицинской проблемой.

«И никому нет дела до меня,— подумал он.— За исключением человека, который пытался убить меня. Но почему они должны интересоваться мной? Они не знают то, что знаю я».

Воспоминания вернулись полностью — и не только последние ужасные мгновения в башне, но все отсутствующие места, даже самые маленькие, даже ежедневная скучная рутина,

все, что было скрыто мощным гипнотическим блоком.

— Она мертва, — сказал он Жонглеру. — Ава мертва, уже давно, не так ли?

— Значит к тебе вернулась память, — медленно сказал Жонглер. — Да, она умерла.

— Тогда почему она здесь? Почему она продолжает… являться мне? — Он посмотрел на остальных, сгрудившихся вокруг Орландо. Товарищи находились только в нескольких метрах от него, но он чувствовал себя настолько далеким от них, как будто они были во многих километрах. — Это как-то связано с тем, что случилось с этим мальчиком, Орландо Гардинером?

Жонглер бросил на него быстрый оценивающий взгляд. Несмотря на свет костра, отразившийся от его зрачков, взгляд не стал более живым. Даже свет костра, искрившийся в его глазах, не оживил мертвый взгляд. «Он выглядит как чучело,— подумал Пол.— Как набитое чучело со стеклянными глазами. Мертвыми глазами».

— Не знаю, — наконец сказал Жонглер. — Я не знаю ничего о мальчике, хотя кое-что подозреваю. Но моя Авиаль… Она умерла и остались копии, только копии.

— Копии? — Слово, хотя и наполовину ожидаемое, заморозило его.

— Из более ранних версий процесса Грааль. Несколько слепков сознания, сделанные в разное время. Не слишком хорошие. — Он нахмурился, как будто собирался отослать прочь не понравившееся вино.

— Вроде Тинто из симуляции Венеции, — сказал Пол. — Я был прав. — Услышав имя, Жонглер поднял брови, но промолчал. — А как Ава — все эти Авы — входят в систему? Почему она продолжает являться мне?

Жонглер пожал плечами.

— После ее смерти я обнаружил, что сохраненные копии, даже сделанные Финни и Маддом, исчезли. И я решил, что это произошло из-за какого-то сбоя в системе Грааля. Это же огромный и дьявольски сложный комплекс. — Его глаза сузились. — Тогда я не понимал, что Иной — операционная система — вырвался из своих границ, разорвал смирительную рубашку своей сети и забрался в мою систему. Даже когда я… увидел ее в первый раз в моей симуляции, я не понял, как одна из этих копий вошла в сеть Грааля. — Его спина выпрямилась, челюсти затвердели; Полу показалось, что он пытается надеть на себя маску, спасаясь от боли или гнева. — Потом я видел ее в моем Елизаветинском мире. Видел в Саутваркском соборе, около театра Глобус, видел, как ее преследуют два головореза, очень

похожие на Финни и Мадда. Я схватил их, всех троих, и собирался изучить, на она загадочным образом убежала. Вот тогда я сообразил, что все пропавшие копии каким-то образом попали в систему Грааля, но я все еще не подозревал операционную систему.

— Значит… все версии Близнецов — тоже только копии? — Было ужасно неприятно обхаживать этого жестокого убийцу, чтобы получить хоть какую-то информацию, но Пол слишком изголодался по ответам.

— Нет, Финни и Мадд все еще живы. После… после того, что случилось с Авиаль, они были наказаны — посажены в тюрьму — но они по-прежнему работают на меня. Именно они преследовали тебя по всей сети Грааля после того, как ты убежал.

— Но почему, черт побери? — На мгновение гнев вернулся, по позвоночнику пробежала горячая волна. Он заставил себя остаться сидеть. — Почему я? Почем я так чертовки важен тебе?

— Ты? Ты никто. Но для моей Авиаль ты был кем-то. — Старик нахмурился и опустил глаза. — Все ее копии, все эти призраки — они все тянулись к тебе. Вначале я этого не знал. После того, как… как я потерял Авиаль, я держал тебя в плену и без сознания. И у меня было много вопросов о том, что произошло. Я имплантировал тебе нейроканюлю и послал в мою сеть Грааля, чтобы я мог… исследовать тебя.

— То есть мучить, — сплюнул Пол.

Жонглер пожал плечами.

— Называй как хочешь. У меня почти не осталось физической жизни. Я хотел посмотреть на тебя в моем королевстве. Но очень скоро я заметил, что ты привлекаешь к себе много внимания… кое-кого. Оно всегда убегало, но мне удавалось поймать его следы. Оказалось, что это Авиаль — или, точнее, копии Авиаль. Их тянуло к тебе. Они не могли долго оставаться без тебя.

— Она любила меня, — сказал Пол.

— Заткни свой поганый рот. У тебя нет права говорить о ней.

— Верно. Но мой единственный грех состоит в том, что мне нечего было предложить ей, кроме жалости. И все равно это больше, чем ты можешь сказать о себе!

Жонглер встал, бледный от ярости, и поднял сжатые кулаки.

— Свинья. Я убью тебя.

Пол тоже встал.

— Попробуй. Вперед — ты и так сделал мне все, что только мог.

Товарищи Пола повернулись к ним — его спор с Жонглером стал слишком горячим. К ним уже бежал Азадор.

— Пожалуйста, мои друзья, не надо драться. Один враг у нас

уже есть — и его одного хватит на нас всех, а?

Пол пожал плечами и сел. Азадор прошептал что-то в ухо Жонглера и вернулся к тем, кто собрался вокруг Орландо. Жонглер долго глядел на Пола, но потом все-таки опять сел на землю.

— Никогда больше не говори об этом, — холодно сказал он.

— Я буду говорить то, что хочу. Если бы ты не запер ее и не обращался с ней как музейным экспонатом, ничего это бы не случилось.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Жонглер безжизненным голосом. — Ничего.

Какое-то время Пол только слушал отдаленное шипение и треск огня, тихие разговоры товарищей.

— И ты бросил меня в симуляцию Первой Мировой Войны, — наконец сказал он. — Ты ловил на меня. Я был наживкой.

Жонглер посмотрел на него странным взглядом, как будто издалека.

— Я надеялся подманить ее поближе и схватить, да. И, возможно, собрать достаточно копий, чтобы реконструировать что-то близкое к настоящей Авиаль.

— Почему? Неужели только из-за обычной отцовский любви? Или, все-таки, из-за чего-то другого, менее приятного? Она была твоя, и ты хотел вернуть то, что принадлежало тебе?

Старик остался тверд.

— То, что в моем сердце — не узнает никто.

— Сердце? У тебя есть сердце? — Он ожидал вспышки гнева, но Жонглер казался таким слабым и холодным, чти даже не ответил. — Но зачем это все? Все это сумасшествие, странный музей из дома и поместья — зачем? Чего ты хотел добиться?

Жонглер долго молчал.

— Ты знаешь, что такое *ушабти*? — наконец сказал он.

Пол, сбитый с толка, покачал головой.

— Никогда не слышал такого слова.

— Не имеет значения, — сказал Жонглер. — Весь этот разговор не имеет смысла. Мы оба вскоре умрем. Система остановится, и все, кто находится здесь, умрут.

— Тогда, если это не имеет значения, можешь сказать мне правду. — Пол наклонился вперед. — Ты собирался убить меня, не так ли? Ава была права — ты собирался прихлопнуть меня, как муху. Скажешь нет?

Феликс Жонглер глядел на него долгую секунду, потом опустил глаза на огонь.

— Да.

Пол уселся поудобнее, с чувством маленькой победу.

— Почему?

Жонглер тряхнул головой.

— Это был ошибка — плохая идея. Неудавшийся проект. Все ради *ушабти*. Это слово означает крошечные статуи, ставившиеся на египетских усыпальницах, статуи тех, кто должен был работать на мертвого фараона после жизни.

— Ничего не понял. Ты хотел, чтобы я работал на тебя после смерти?

Жонглер холодно улыбнулся.

— Не ты. Ты считаешь себя слишком важным, мистер Джонас. Общая беда людей с твоего маленького острова.

Пол проглотил оскорбление. В древности французы так оскорбляли британцев — простим ему. Он никогда не думал, что ему представится возможность поговорить с этим человеком с глазу на глаз. Разве он мог упустить такую возможность?

— Тогда кто? Или что?

— Я начал проект Ушабти несколько лет назад, в то время, когда был уверен, что проект Грааль зашел в тупик. Первые результаты работы с таламическим разделителем совсем не радовали, а операционная система сети Грааля — Иной, как кто-то назвал ее — была крайне нестабильной. — Жонглер нахмурился. — Я был уже очень стар. Если бы проект Грааль не достиг цели, я бы умер. Но я не хотел умирать.

— А кто хочет?

— Мало у кого есть мои возможности. Мало у кого есть мужество сразиться с трусливой капитуляцией перед лицом смерти.

Пол сдержал свое нетерпение.

— И ты… начал этот… проект Ушакти?

— *Ушабти*. Да. Если бы я не смог увековечить мое «я», я бы сделал кое-то другое. Как и фараоны, я мог бы сохранить мою династию. Свою священную кровь. Я мог бы сделать это, создав версию самого себя, которая пережила бы мою физическую смерть.

— Но ты сам сказал, что эта технология не работает…

— Не работала. И я выбрал лучшую из возможных альтернатив. Поскольку я не мог убежать от смерти, то я создал клона.

В голове Пола засуетились ужасные мысли.

— Но это… не имеет смысла. Клон не ты, это только твои гены. Он вырастет, и станет совершенно другой личностью, потому что его опыт… будет совсем другим…

— Я вижу, что ты начал понимать. Да, клон не я. Но если я дам ему то же воспитание, какое получил сам, он будет

достаточно похож на меня. Вполне достаточно, чтобы оценить результат. И, возможно, настолько достаточно, что сможет воскресить меня из уже сделанных копий Грааля, хотя бы и дефектных. — Жонглер прикрыл глаза, вспоминая. — И все было готово. Если бы он достиг зрелости и сказал моей системе свое настоящее имя — *Горсаисет*, Гор Младший — то узнал бы все мои секреты. Потому что он — *настоящий* Гор египетской мифологии, Гор, рожденный от мертвого тела Осириса. — Он нахмурился. — Как жаль, что я придумал проект Ушабти после проекта Грааль. Иначе я никогда бы не дал имя «Гор», как кодовое слово, этому слабоумному Якубиану…

— Погоди. Ты… ты собирался использовать клон, чтобы воссоздать свое собственное детство? — Пола до глубины души потрясло чудовищное сумасшествие этого человека. — На вершине небоскреба? — Мысль ударила, как камень. — Боже мой, Ава? Она должна была стать?..

— Матерью. Моей матерью — или, по меньшей мере, матерью моего *ушабти*. Сосудом для сохранения крови.

— Иисус Христос, ты действительно сумасшедший. Где ты взял бедную девочку? Неужели ты нанял актрису, которая должна была сыграть роль девы Марии? Она не могла быть твоей настоящей дочкой, если, конечно, ты не вырастил ее в генетической лаборатории. — И тут его опять ударило, выдавливая силы из тела и замораживая кости. — Или…или… ты сделал ее?

Женглера, похоже, немного позабавило удивление Пола.

— Да. Она еще один мой клон — модифицированный, конечно, женский, но отличия не слишком велики. И не гляди как ударенный — египтяне женились на собственных сестрах. И почему я не могу этого сделать для получения потомства? На самом деле я использовал клетки моей собственной матери, как генетический материал Авиаль, но я не выкапывал из земли ее тело. Больше двухсот лет она спокойно спит на кладбище в Лиму. Никто не тревожил ее кости. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Но, в любом случае, разницы мало. В конце концов мать не передает ДНК. Она должна была стать сосудом — вынести и родить моего настоящего сына.

— Помоги мне бог — все ужасней и ужасней. Значит Ава была права — она действительно была беременна.

— Очень недолго. Внезапно произошел прорыв в проекте Грааль и я охладел к Ушабти.

— И забрал эмбрион назад. А потом… просто держал Аву в золотой клетке.

На мгновение с Жонглера соскользнула обычная маска

холодного презрения.

— Я… я заботился о ней. Мои собственные дети умерли много лет назад, а их детей я почти не знаю.

Пол обхватил голову руками.

— Ты… ты… — Он судорожно вздохнул. — Я должен остановиться, но у меня слишком много вопросов. Причем здесь я? Что ты намеревался делать со мной до того, как Ава разрушила все твои планы, полюбив меня?

Холодная улыбка вернулась.

— Она ничего не разрушила. Я ожидал, что она так и сделает. Моя мать влюбилась в своего учителя. После чего он покончил жизнь самоубийством. От горя она разрешила своим родителям выдать ее замуж за моего отца, но всю жизнь была печальна — те события наложили отпечаток на всю ее жизнь. И, кстати, если бы этого не случилась, она не была той мамой, которую я знал. — Презрение исказило его лицо. — Все из-за этих придурков, Финни и Мадда, он выпустили ситуацию из-под контроля. Они должны были оставить вас обоих наедине до того времени, пока мы не были бы готовы избавиться от тебя. Проект Ушабти я отменил, и кого вообще все это волновало?

— Меня, — зло сказал Пол. — Меня и Аву.

— Больше не говори о ней. Я уже устал от твоей фамильярности.

Пол на мгновение закрыл глаза, сражаясь с гневом, которым заканчивались все вопросы и ответы.

— Тогда скажи мне, почему ты выбрал именно меня из всех бедолаг этого мира? Чисто случайно? Неужели ты просто ткнул пальцем в первого подходящего кандидата, пригодного для этой маленькой… чести? Или во мне есть что-то особое?

Взглянув на старика, он поразился: глаза Жонглера опять стали стеклянными и мертвыми.

— Потому что ты учился в Крэнли.

— Что? — Он ожидал чего угодно, но только не этого. — Ты говоришь о школе — моей старой школе?

Презрительная усмешка Жонглера казалась почти признаком слабости — первым, который Пол видел у него.

— Меня поместили в нее ребенком. Английские мальчики выбрали меня, как иностранца и слабака. Выбрали, чтобы мучить.

— И поэтому ты выбрал *меня*? Ты собирался убить меня только потому, что я учился в Крэнли? — Пол рассмеялся, против своей воли, болезненная, почти истерическая дрожь в верхушках легких. — Иисус Христос, да я ненавидел это место. Старшие ребята обращались со мной еще хуже, чем с тобой. — «За исключением Найлза»,— вспомнил он, и эта мысль повлекла за

собой другую. — А что случилось со мной потом — с *настоящим* мной? Я мертв, как Ава? Ты убил меня?

Старик потерял весь свой запал.

— Нет. Мы устроили автомобильную аварию, но не с твоим настоящим телом. Оно все еще лежит в одной из лабораторий проекта, и, насколько я знаю, вполне живо. А в Англию послали остатки какого-то бродяги. А британские власти и не подумали идентифицировать тело.

«Но даже если я не совсем мертв, это не надолго,— подумал он.— Найлз не будет переворачивать небо и землю, чтобы найти меня, это точно. Он уже давно говорит что-то вроде „помнишь старину Пола Джонаса?“»

— Как давно? — спросил он.

Жонглер, не понимая, поглядел на него.

— Что?

— Как давно я брожу по твоей чертовой системе? Как давно ты убил свою дочь и почти убил меня?

— Два года.

Пол с трудом встал, хотя ноги подкашивались, колени дрожали. Он больше не мог сидеть рядом с этим убийцей. Два года. Два года, вычеркнутых из его и так разрушенной жизни, ни за что. Из-за неудавшегося безумного проекта. И только потому, что он учился в частной школе для мальчиков. Более мрачной шутки нельзя себе представить. Он захромал от огня, к Колодцу. Он очень хотел заплакать, но не мог.

* * *

Орландо зашевелился, даже попытался сопротивляться. Сэм неохотно отпустила его и села.

— Как он?

— Только что очнулся, мне кажется, — сказала Флоримель.

Через плечо Т-четыре-Б Сэм увидела, как Пол Джонас внезапно встал и захромал через лагерь, направляясь к яме. Вспомнив о !Ксаббу, она испугалась за Пола, но оставить Орландо — нет, абсолютно невозможно. К счастью Мартина уже поднималась на ноги.

— Я пойду с Полом, — сказала она. — А с Орландо я поговорю потом.

Веки Орландо затрепетали, потом открылись. Он посмотрел на лица, склонившиеся над ним.

— У меня был самый потрясный сон, — через несколько секунд сказал он. — И вы все в нем были — ты, ты и ты. — Его

губы задрожали. — Что-то вроде шутки. — Он разразился слезами.

Она крепко обняла плачущего варвара.

— Все в порядке. Мы здесь. Я здесь. Ты здесь.

Флоримель прочистила горло и встала.

— Здесь очень много раненых. Я пойду посмотрю, не могу ли им помочь. — Никто из остальных даже не пошевелился. Флоримель строго посмотрела на Т-четыре-Б. — Хавьер, я все еще возмущена, что ты лгал нам, но я прощу тебя, если ты пойдешь и поможешь мне.

— Но хочу перекинуться парой слов с Орландо, я… — начал было он, но потом посмотрел на лицо Флоримель и сдался. — Да, дошло, иду. — Он встал, потом наклонился и коснулся плеча Орландо. — Ну ты дал, чудеса. Помолись Богу, усек?

— Нанди, миссис Симпкинс, может быть вы тоже сможете помочь мне? — спросила Флоримель. — И Азадор — кто-нибудь из твоих людей тоже нуждается в помощи, верно?

— Все в порядке, мне не нужно, чтобы на меня свалился дом, — сказала Бонни Мей Симпкинс. Она тоже наклонилась и потрепала Орландо по плечу, потом встала. — Хавьер прав, парень — это настоящее чудо, что ты вернулся к нам. Мы оставим вас обоих вдвоем, ненадолго. Уверена, вам есть о чем поговорить.

Сэм состроила гримасу уходящим спинам.

— Вы думаете, что мы были любовниками или что-то в этом роде.

Орландо слабо улыбнулся.

— Да, вы думаете. — Слезы на его глазах и щеках никак не могли высохнуть. Он обтер лицо задней стороной ладони. — Это так стыдно — Таргор никогда не плачет.

В сердце Сэм опять кто-то воткнул иголку.

— О, Орландо, мне так тебя не хватало. Я думала, что больше не увижу тебя. — Теперь и она заплакала. Потом высморкалась и зло вытерла глаза изодранным рукавом свой цыганской рубашки. — Черт побери, это так глупо. Теперь ты начнешь думать обо мне, как о девчонке.

— Но, Фредерикс, ты же девочка, — нежно сказал он. — Быть может я в первый раз вижу тебя такой, но ты девочка, без всяких сомнений.

— Только не для тебя! Не для тебя, Гардинер! Ты должен обходиться со мной, как с человеком!

Он вздохнул.

— Я узнал твой голос, как только… вернулся. Я видел, как ты пыталась выскочить оттуда и помочь мне с этими штуками. Я мог бы сам убить тебя. О чем ты думала?

— Я не собиралась сидеть там и ждать, когда тебя убьют, ты долбаный идиот! Однажды я уже решила, что ты мертв.

— Я был мертв. Я и *сейчас* мертв.

— Не говори *фенфен*.

— Нет, это не *фенфен*. — Он коснулся ее руки. — Слушай, Сэм, это важно — реально важно. Что бы не случилось, я хочу, чтобы ты поняла. Я не хочу видеть, как тебя кто-то ранит.

Что-то в его тоне тронуло его, заставило ее сердце затрепетать. Это была не любовь, конечно, во всяком случае не того сорта, о котором говорили в школе и в сети, что-то более широкое, глубокое и странное.

— Что ты хочешь сказать?

— Я умер, Сэм. Я знаю, чувствую. Я сражался с той штукой, ублюдком Грааля с головой птицы… — Он замолчал. — А что произошло потом, в любом случае?

— Ты убил его, — гордо сказала она. — Т-четыре-Б стукнул его рукой по голове — сверкающей рукой, помнишь? А потом ты вонзил в него меч, прямо в сердце, и он упал на тебя… — Она внезапно вспомнила. — О, твой меч…

Орландо только отмахнулся.

— Он здесь, под рукой. Послушай, Сэм. Я сражался с этой тварью с головой птицы, и вдруг почувствовал, как все во мне… остановилось. И потом я ушел — по настоящему ушел. Я был где-то… не могу объяснить. Потом все было черным, я плыл через вспышки света и знал, что должен убить этих двоих, и… и… — Он пожал плечами и попытался сесть, но Сэм нежно толкнула его обратно на землю. — И я даже не знаю, честно. Но одно я знаю точно. Другой Орландо, с прогерией, с папой, мамой и телом… он ушел.

— О чем ты говоришь?

— Помнишь, о чем говорили на церемонии Братства Грааля? Как выйти из своего тела и жить только в сети? Ну, я думаю, это со мной и случилось. Я не знаю как, но… но я умирал, Сэм. А сейчас нет, точно говорю.

— Но это же хорошо, Орландо — просто великолепно.

Он покачал головой.

— Я призрак, Сэм. Мое тело — того Орландо — мертво. Я никогда не вернусь назад.

— Назад?.. — Она опять тонула в холодном неизбежном сейчас. — Ты не сможешь?..

— Я не смогу вернуться в настоящий мир. Даже если мы все выживем, даже если все остальные вернутся назад… я не смогу пойти с тобой. — Некоторое время он смотрел на нее, широко открытыми, горячечными глазами. — Потом их выражение

смягчилось. — Черт побери, Фредерикс, ты опять ревешь. — Он протянул руку и поймал слезу, катившуюся на ее щеке. Он поднял ее и она заискрилась в свете костра. — Больше так не делай.

— Что… что мы будем делать? — спросила она, незаметно задержав дыхание, чтобы не рыдать.

— Будет стараться, чтобы нас не убили. Или, в моем случае, не убили еще раз. — Он с трудом сел. — А теперь расскажи мне все, что случилось после моей смерти.

Это застало ее врасплох. Она невольно прыснула от смеха, хотя внутри осталась болезненная пустота.

— Черт побери, Гардинер, больше так не делай.

Он улыбнулся.

— Ну, извини. Похоже, кое-что не изменилось.

* * *

Она перехватила его на самом краю Колодца. И, не говоря ни слова, взяла под руку. Он слегка вздрогнул, не ожидая ее прикосновения, но не стал отдергивать руку. Как приятно, когда тебя кто-то касается, осознал он и, одновременно, понял, что собирается жить дальше.

— Я не собираюсь прыгать, — заверил он ее.

— А я и не думаю, что ты собираешься, — ответила она. — Но будет крайне неприятно, если ты упадешь туда случайно.

Он повернулся и она аккуратно повернулась вместе с ним. Они неторопливо пошли вдоль берега.

— Скажи мне, — сказала она. — На этот раз ты получил ответы?

— Больше, чем хотел, — ответил он.

Описывая вернувшиеся воспоминания — на самом деле вернувшуюся жизнь — и странные объяснения Жонглера, он почувствовал, что скорее стыдится собственной робости, тому, что дал событиям прошлой жизни нести себя без всякого сопротивления с его стороны к ужасной развязке.

— … И Ава — она была так молода! — Руки так крепко сжались в кулаки, что Мартина должна была почувствовать его дрожь. — Как я мог?..

— Как ты мог что? — Он удивился неожиданному гневу в ее голосе. — Предложить ей безопасность? Помочь ей хоть чем-то в этой пугающем и необъяснимом положении? Ты пытался совратить ее?

— Нет!

— Воспользовался ли ты ее незнанием — ее невинностью?..

— Нет, конечно нет. Даже не собирался. Но просто плыл по течению — продолжал быть ее учителем, хотя и знал, что все это очень плохо пахнет…

— Пол! — Она сжала руку Пола покрепче. — Один… друг… однажды сказал мне кое-что. Он сказал это мне, но мог бы сказать и тебе. «Ты никогда не упускаешь возможность поглядеть на что-нибудь плохое», вот что он сказал. — Она издала звук, который, при желании, можно было принять за смех. В первый раз за все время знакомства Пол спросил себя, как выглядит настоящая Мартина; увы, но слепота сделала ее сим безликим и ничем не примечательным. — В оригинале эпиграмма конечно более остроумна, — сказала она. — Из-за намека на зрение.

— Звучит жестоко.

— В то время я подумала то же самое и соответственно оценила его — студенткой я была очень цинична. Но сейчас мне кажется, что у него просто не было сил быть вежливым. — Она улыбнулась. — В последние часы жизни можно делать все, что захочешь, Пол Джонас. Неужели ты хочешь провести вспоминая все то плохое, что сделал?

— Пожалуй нет.

Они какое-то время шли молча вдоль тускло светящегося Колодца.

— Тяжело, — наконец сказал он. — Я все время думаю о том, что должен найти способ… спасти ее. Или, возможно, чтобы она спасла меня.

— Ты говоришь об… Аве? — осторожно спросила она.

Он кивнул.

— Но это не Ава. Не настоящая. Ава Жонглера мертва, от нее остались только фрагменты. Иной собрал их вместе, как мне кажется, но она не слишком похожа на настоящую. Вроде как собрать головоломку, не зная правильного конечного положения. Кстати, Иной наверно любил ее больше любого другого — и уж конечно больше, чем ее так называемый отец. Больше, чем я. Она — его ангел.

Мартина не ответила.

— Есть еще кое-что, — сказал он, помолчав. — Жонглер рассказал мне, что мое настоящее тело еще живо.

— Ты думаешь, он врет?

— Нет. Но я не думаю, что это мое тело.

Мартина даже остановилась.

— Что ты хочешь сказать?

— Я тут немного подумал — в течении тех немногих

мгновений, когда никто не хотел убить нас. — Он попытался улыбнуться. — Были же такие секунды, верно? И теперь я знаю, что произошло, когда Селларс вытащил меня из симуляции Первой Мировой Войны. Видишь ли, пока люди Грааля владеют моим телом, они владеют и моим сознанием. Селларс — и Ава — могут говорить со мной только тогда, когда я сплю. Тем не менее каким-то способом я убежал из симуляции.

— И ты думаешь…

— Я думаю, что тоже прошел через церемонию Братства Грааля — мое сознание каким-то образом отделили, именно так, как они планировали сделать это с собой. Возможно это получилось случайно — я не понимаю, для чего им делать виртуальную копию меня. Тем не менее это произошло, и Селларс каким-то образом оживил виртуальное сознание. И этот второй, виртуальный Пол Джонас — это я.

Мартина не сказала ничего, но сжала его руку еще крепче.

— Так что все, что я оставил в настоящей жизни, все эти простые глупые вещи, которые заставляли меня идти даже тогда, когда хотелось лечь и умереть — моя квартира, скромная работа, вся моя старая жизнь — все это не мое. Они принадлежат настоящему Полу Джонасу. Тому, чье тело находится в лаборатории. Даже если это тело умрет, я этого не замечу…

На какое-то время он замолчал, говорить было слишком больно. Они шли по пустынному берегу.

— Помнишь строчку из Т.С. Элиота? — сказал он, справившись с собой. — Что-то вроде этого:

> «Родиться б с парою клешней корявых,
> И по морскому дну бочком ползти куда-то…»[77]

Он повернула к нему незрячее лицо. — Ты опять критикуешь сам себя?

— Нет, я говорю о ландшафте. — Он остановился. — Это место вполне подходит для конца света.

— Я уже устала ждать конец света, — призналась она, наклонив голову под странным углом.

— Ну, не думаю, что у нас большой выбор, — начал он. — Дред все еще ждет снаружи, и хотя Орландо разобрался с Близнецами, не думаю, что даже он сможет справиться с тем, кем стал Дред…

— Я подозреваю, что ты прав. Иной сыграл рыцарем, выиграл немного времени, но не больше.

— Значит это?…

— Рыцарь. Ты помнишь сказку о мальчике в колодце? Рыцарь

— один из предполагаемых спасителей. Я подозреваю, что Иной с самого начала выбрал Орландо на эту роль. — Она нахмурилась и подняла руку. — А теперь помолчи, пожалуйста. Стой спокойно.

— Что произошло? — спросил Пол, недолго помолчав.

— Вода убывает. Ты видишь?

— Нет, не вижу. — Хотя он спросил себя, не потускнели ли огоньки.

— А я чувствую, как все останавливается, — растерянно сказала она. — Как мотор, который работал слишком долго. Конец приближается быстрее, чем я думала.

— Что мы можем сделать?

Долгие мгновения она сосредоточенно слушала.

— Боюсь, что ничего. Пойдем к остальным и будем ждать с ними. — Она повернулась к нему. — Но вначале я хочу кое о чем попросить тебя. Не обнимешь ли ты меня, Пол Джонас? Хотя бы ненадолго. Очень давно никто не обнимал меня. Мне… мне было бы легче умереть… когда кто-то касается меня.

Он обнял ее, полный противоречивых мыслей. Она была маленькая, по меньше мере в этой инкарнации; ее голова оказалась под его подбородком, щека уткнулась в грудь. Он спросил себя, ощущает ли она своими обостренными чувствами, как быстро бьется его сердце.

— Возможно в другом мире, — прошептала она. — В другое время.

Потом они просто держали друг друга и не говорили ни слова. Наконец развернулись и, взявшись за руки, пошли обратно к огню, где их ждали друзья.

ГЛАВА 43
Слезы Ра

СЕТЕПЕРЕДАЧА/РАЗВЛЕЧЕНИЯ: Порнозвезда игнорирует протесты против запланированных интерактивных шоу

(изображение: Виолет в отрывках из «Ультрафиолетовая»)

ГОЛОС: Известная актриса сетевых шоу для взрослых Вондин Виолет говорит, что не понимает полемики о ее намерениях создать то, что она называет «образовательное интерактивное шоу о сексе для детей до двенадцати лет».

ВИОЛЕТ: «Дети хотят все знать, и они узнают, так или иначе. Разве не будет лучше, если они получат информацию из тихого мирного шоу, в котором будут участвовать сами вместе с хорошо обученными профессионалами вроде меня? А сейчас они узнают об этом на школьном дворе или на улице. Ради всего святого, да это то, что рекомендуют все доктора!»

— Я вижу это, — сказал Катур Рэмси, — но не верю собственным глазам.

— Я здесь, — отозвалась Ольга. — И тоже не могу поверить в то, что вижу.

Рэмси откинулся на стенку стула и потер усталые глаза, наполовину уверенный, что сейчас проснется и весь этот ненормальный день окажется сном. Но, опять посмотрев на экран, увидел ту же самую невероятную картину, передаваемую камерой, вмонтированной в кольцо Ольги Пирофски.

— Это лес, — сказал он. — Вы вышли из лифта на верхнем этаже и оказались в лесу?

— В мертвом лесу, — тихо сказала она.

— Что?

— Смотрите. — Точка зрения переместилась вверх, и Рэмси увидел ветки, по большей части голые. Даже вечнозеленые деревья умерли, на их скелетоподобных сучьях осталось только несколько коричневых иголок. Камера опять ушла вниз, и Рэмси увидел ноги Ольги, бредущие через сугробы коричневых и серых листьев, рассыпавшихся в серую пыль. Изображение перестало двигаться, когда Ольга остановилась и отпихнула ногой какую-то

тряпку, потом точка зрения изменилась, и Рэмси увидел обширную черную поверхность, испещренную белыми точками.

— Что это? — спросил Рэмси. — Что-то я не пойму.

— Наверно река, — сказала она. — Грязная и почти высохшая. — Камера пододвинулась поближе, и белые кляксы приняли знакомый облик.

— Рыбы?

— Были рыбами.

Она говорила самым обычным голосом, но Рэмси услышал в нем неприятные нотки — нотки отчаяния.

— Ольга, спускайтесь. Бизли сообщил мне, что они уже почти эвакуировали все здание. У нас осталось всего несколько минут, чтобы вывести вас наружу.

— Я что-то вижу. — Мгновение позже камера поглядела вверх и Рэмси тоже увидел его. Пожалуй, увидеть такое на верхнем этаже небоскреба еще страннее, чем увидеть мертвые деревья и скелеты рыб.

— Дом? *Дом?*

— Я собираюсь подойти поближе.

— Я бы не хотел. — Рэмси открыл вторую линию. — Бизли, я не могу заставить ее уйти. Сколько времени у нас есть?

— Ты спрашиваешь меня? Селларс тут такое накрутил — включилась тревога чуть ли не на все на свете, включая ядерный реактор. Через пять минут здесь будет целая армия и никто не сможет выйти отсюда по меньшей мере несколько дней.

— Реактор? Здесь есть реактор? Господи Иисусе. Сообщай мне обо всем, что будет происходить, договорились?

Бизли фыркнул.

— Ты узнаешь все в ту же секунду, что и я.

Картинка на экране блокнота Рэмси качалась и раскачивалась, смотреть было почти невозможно: рука Ольги взлетала то вверх, то вниз, она пробиралась к дому через лежащие на земле стволы мертвых деревьев. Он закрыл глаза.

— Насколько велик этот лес? — спросил он, — спросил он. — Вы видите что-нибудь еще? И что над головой?

— Ничего. Только большой белый потолок, метров пятьдесят в высоту. Изображение опустилось и показало ему дом, который сейчас казался намного больше. — Вы его видите?

— Ольга, вы не должны входить в него. А что если так кто-нибудь есть?

— Похоже вы видите не слишком хорошо, — сказала она, но не стала объяснять. Рэмси обнаружил, что задержал дыхание, пока она шла через жалкие остатки того, что когда-то было большим и прекрасным садом.

— Этот дом, он не выглядит американским, — сказала Ольга. — Совершенно европейский особняк — достаточно небольшой. Я повидала их множество, когда была моложе.

— Просто не забывай об осторожности.

— Вы слишком осторожны, мистер Рэмси. Никто не живет здесь, и уже давно. — Изображение прыгнуло вперед, она достигла двери. — Но кто здесь жил? Вот это хороший вопрос.

Дверь заскрипела и открылась. Канал связи работал замечательно, и Рэмси понял, что тишина, воцарившаяся в ухе, означает тишину, царившую в доме.

— Ольга, как вы?

— Здесь… пусто. — Она сделала несколько шагов вперед, и он увидел переднюю. Окна разбиты, темнота. Рэмси добавил контрастности и разрешения, но добился только того, что из темноты выплыли широкие силуэты старинной мебели.

— Я почти ничего не вижу, — сказал он. — Что там?

— Пыль, — сдержанно ответила она. — Повсюду пыль. Мебель кажется очень старой. Два-три века. Очень пыльный ковер, следов на нем нет. Здесь давно не было никого. Очень давно. — Длинная пауза. — Мне здесь не нравится. Плохое чувство.

— Тогда уходите, Ольга. Пожалуйста. Я уже говорил вам…

— Я спрашиваю себя, кто здесь жил? Этот мужчина, Феликс Жонглер? Но для чего ему строить европейский особняк на вершине своего здания, когда он мог иметь настоящий дом в Новом Орлеане, с настоящим садом, с настоящими орхидеями…

— Он очень богат и, возможно, слегка тронулся рассудком. Такая комбинация может породить множество странных вещей.

— Кто бы ни жил здесь, это печальное место. — Камера прошла вдоль стены, на которой висели картины в золоченых рамах; Рэмси увидел мрачные лица в высоких воротниках. — Дом призраков…

— Ольга, время уходить.

— Я думаю, вы правы. Мне здесь не нравится. Но я хочу посмотреть в других комнатах.

Рэмси придержал язык, но с трудом. Он не мог командовать ею, только советовать — будет только хуже, если он потребует от нее вернуться. Тем не менее, ее странное, неторопливое настроение постоянно держало его в напряжении.

— Столовая — смотрите, на столе столовый прибор. Только один. Как если кто-то не вернулся домой поесть. — Камера прошлась между запыленными тарелками и серебряными ложками. Паутина затянула стеклянные стаканы. — Как будто я в Помпеях. Вы были там, мистер Рэмси?

— Нет.

— Странное место. Даже самые обыкновенные предметы в определенной ситуации становятся волшебными.

Она прошла еще через несколько комнат. Потом она нашла то, что, безусловно, было спальней девочки — на полках стояли большеглазые куклы, хотя и затянутые паутиной. И только тогда она заговорила.

— Я ухожу. Здесь слишком печально, что бы здесь ни было раньше.

Рэмси не сказал ничего, не желая подрывать ее решимость. Он молчал, пока она не вернулась в безжизненный сад.

— Ольга?.. — сказал он наконец, когда она задержалась перед сухим каменным фонтаном.

— Дети — на этом этаже их нет. — Она вздохнула. В этом месте вообще нет ничего, не осталось ничего.

— Я знаю…

— Осталось только одно место, куда я хочу заглянуть, — сказала она.

— Что? О чем вы говорите?

— Есть еще этаж между этим и помещением с машинами, — сказала она. — Я хочу заглянуть туда.

— Ольга, у вас нет времени!..

— У меня нет ничего, кроме времени, мистер Рэмси. Катур. Всю мою жизнь я шла сюда — в это место, в это мгновение. — Несмотря на мечтательный тон, она говорила твердо. — У меня есть время.

— Кажется я забыла дорогу к лифту, — наконец сказала она. Она давно не поднимала кольцо и через камеру, качавшуюся вперед и назад, Рэмси видел только сухие листья, высохшие корни и растрескавшуюся землю. — Бизли, — сказал он по другой линии, — куда ей идти?

— Чизз, не знаю, — проскрипел агент. — У меня нет карт этого этажа. Но у него круглые стены, и вдоль них, скорее всего, идет дорожка, которая приведет к лифту. Скажи ей идти прямо. Тогда она точно куда-нибудь придет, рано или поздно.

— Рано или поздно? — Рэмси закрыл глаза и глубоко вздохнул. — Боже мой, похоже я здесь единственный, кто торопится. — Но он передал слова Бизли Ольге.

Бизли оказался прав. Через пару сотен шагов мертвый лес кончился и она оказалась на полу из полированного дерева, прямо перед изогнутой стеной.

— Куда? — спросила она.

— Бизли сказал, выбирайте сами.

Она повернула направо и буквально через несколько секунд пошла медленнее, а потом остановилась. Раздраженный Рэмси мог видеть только ее ноги.

— Ну, что там еще?

Камера посмотрела вверх. Там в стене темнел большой квадрат из просвечивающего пластика. Через него смутно виднелось то, что, быть может, было крышами других зданий далеко внизу и на мгновение он решил, что это еще одно обычное окно, но, присмотревшись, обратил внимание на грубые мазки клейкой пены по краям. Судя по всему окно каким-то образом разбилось и его починили, весьма небрежно.

— Я могу… могу чувствовать их.

Ему понадобилось мгновение, чтобы понять.

— Голоса? Вы чувствуете их?

— Очень слабо. — В ее голосе послышалась улыбка. — Я знаю, вы наконец-то убедились в том, что я так давно твердила вам. Я *сумасшедшая*. Но я могу чувствовать их, очень слабо. — Какое-то время она молчала. — Не хорошо. Это еще одно печальное место — другое, чем в доме, но даже хуже. Не хорошо.

Она пошла дальше.

— Но меня сюда привело вовсе не то, что случилась здесь, — добавила она. Рэмси похолодел от ее уверенного голоса.

— Но… вы чувствуете их?

— Я чувствую призраков, мистер Рэмси.

Она нашла лифт и вызвала его своим значком. Как только она вошла внутрь и дверь за ней закрылась, Рэмси перешел на другую линию.

— Это займет вечность, Бизли — она собирается осмотреть и следующий этаж. Что будем делать? Пожарники уже поднимаются наверх? — Агент не ответил. — Бизли?

— Я должен был включиться и, боюсь, отрезал его, — сказал совсем другой голос. — Сейчас все… слегка усложнилось.

— Селларс?

— С трудом, но да.

Это был, без всякого сомнения, его голос, в нем проскользнуло что-то странное, под внешним спокойствием чувствовалось нервное напряжение. Рэмси показалось, что он говорит как человек, держащий в руках концы тысячевольтного кабеля.

— Господи Иисусе, что происходит?

— Долгая история. Я вижу, Ольга все еще в башне.

— Да, и я не могу заставить ее уйти. Мы сымитировали все тревоги, весь материал, который вы заготовили, но в любою

секунду власти могут взломать двери, я все время прошу ее уйти, но она меня не слушает — она бродит по башне в поисках детей, вы знаете, голоса в у нее в голове…

— Мистер Рэмси, — прервал его Селларс, — каждое мгновение я плаваю в информации — нет, тону в ней, я окружен данными, их больше, чем вы можете себе представить. Каждый нерв и каждый электрод в моем теле горит огнем. — Он в трудом вздохнул. — Вы бы не могли сделать мне одолжение и помолчать?

— Да, конечно. Конечно, сэр.

— Отлично. Я должен поговорить с Ольгой. Пока я буду говорить, вы должны поговорить с Соренсенами. Если бы у меня было время, я бы поговорил с ними сам. Это критически важно. Если их нет, немедленно найдите их.

— Найду.

— И еще. Сейчас я буду говорить с Ольгой, и я хочу, чтобы вы были на другой линии.

— Я? Но?…

Селларс в нескольких словах объяснил все, что он обнаружил и что собирается сказать Ольге Пирофски. Рэмси почувствовал себя так, как если бы ему в живот ударила лошадь.

— …Так что теперь вы понимаете, почему я хочу, чтобы вы были с ней, когда я закончу, — немного резко сказал Селларс. Был ясно, что его спокойный голос куплен дорогой ценой.

— Иисус Христос. — Рэмси смотрел на экран, не в состоянии сосредоточится. — Боже мой, боже ж ты мой. — Ноги Ольги уже вышли из лифта и шли по застеленному ковром полу. — Она… она вышла из лифта.

— Знаю, — сказал Селларс, более мягко. — Идите и поговорите с Соренсенами, пожалуйста. — И он исчез.

— Что это была за чертовщина? — спросил Бизли. — Какой-то паразит обрезал меня и выгнал с линии.

— Сейчас я не могу говорить, — Ответил Рэмси. — Боже мой, я до сих пор не верю. Оставайся на линии. Я скоро вернусь.

— Чизз, — сказал Бизли. — Пора мне перестать работать с теми, кто из мяса.

* * *

— Неужели мы ничего не можем сделать? — зло спросила Флоримель. — Опять мы должны ждать?

— Да, если не найдем путь наружу, — ответила Мартина.

Орландо сел и вытянул длинные ноги, потом проверил

пальцем острие меча. Старый, до боли знакомый жест Таргора, и Сэм, хотя и пыталась вспомнить что-то важное, невольно отвлеклась, на мгновение почувствовав себя опять в Срединной Стране, в мире, где у игры были правила. Таргор здесь. Не значит ли это, что они победят? Таргор побеждал всегда.

«Но это не Таргор,— печально подумала она.— Это всего-навсего Орландо, и его однажды уже убили.— Она посмотрела на невозможно серую стену из облаков.— Мы его не видим, но этот парень, Дред, все еще там». Сэм чувствовала себя запертой в норе мышью, к которой подкрадывается не торопящийся кот.

«На этот раз я действительно умру»,— подумала она. Раньше она как-то не слишком думала об этом — всегда была надежда, или надо было бежать и драться. А сейчас между ней и небытием осталась только последняя защита операционной системы. «Я никогда не увижу папу и маму. Школу. Даже мою глупую комнату…»

— А что с этим ребенком? — спросил Нанди Парадиваш. — Ты говорила, что он эмиссар того человека, Селларса.

— Никакой я тебе не миссари, *vato*[78], — огрызнулся Чо-Чо, сидевший так далеко от других, что ближе всех к нему оказался необщительный Жонглер. — Он никогда не касался меня — и я зарежу любого, кто попытается. Только помогал ему, я.

— Мальчик, именно это он и имел в виду, — сказала Бонни Мей Симпкинс. — Эмиссар означает помощник. Тот, кто приносит сообщения.

— Что за сообщение? — После расправы с Близнецами Флоримель немного успокоилась, но все равно с трудом сдерживала гнев. Глядя на то, что сделали Близнецы, на сотни несчастных выживших, сгрудившихся на краю Колодца, и на сотни тех, кто уже не встанет, Сэм вполне понимала ее. Любой из них мог быть дочкой Флоримель или братом Рени, хотя, судя по отдельным замечаниям, никто из них не помнил прошлую жизнь. — Что за сообщение? — повторила Флоримель. — Мы ничего не знаем. Мы по-прежнему ничего не знаем, как и вначале!

— Сказал ли Селларс тебе что-нибудь? — спросила Мартина. — Ты вообще можешь слышать его?

— Не, не могу, как только этот собакоголовый мамаёб сорвал крышу с того места, — угрюмо сказал Чо-Чо. — Селларс бросил меня, вроде того.

— Да, похоже от Селларса мы много не получим, — устало сказал Пол. — Еще идеи?

Неуютное молчание прервал Феликс Жонглер.

— Просто чудо, что вы все так долго оставались в живых.

Если присмотреться, демократия очень опасна для здоровья.

— Заткнись! — рявкнула Флоримель. — Ты, сукин сын, хочешь увидеть чем сильна демократия? Помни, ты один, а нас много.

— Кто-то говорил, что он может оказаться *полезным*, — медленно сказал Пол. Сэм никогда не видела его таким холодно-злым. — Пришло время проверить. Быть может уже слишком поздно и нам не поможет, но я бы хотел услышать ответы на вопросы. О операционной системе — и обо всем…

Некоторые из остальных, похоже, согласились: во всяком случае вокруг огня полетел одобрительный шепоток. Все повернулись и посмотрели на Жонглера, который даже не мигнул глазом, но Сэм показалось, что к его обычной презрительной маске что-то добавилось. Стыд? Страх? Нет, скорее… нервозность.

— Друг, — обратился к нему Азадор, который сидел рядом с Мартиной. — У этих людей есть вопросы. Успокой их умы.

Пол повернулся к цыгану.

— А ты, Азадор, знаешь ли ты, кто этот твой так называемый друг? Это Феликс Жонглер, человек, создавший Братство Грааля. Ты помнишь ублюдков, которые входили и выходили из сети, которые охотились на тебя и держали в плену весь твой народ, которые использовали ваших детей, чтобы поддерживать работу своих дьявольских машин? Он их глава — этот самый человек, который сидит перед тобой.

Сэм не могла вздохнуть, спрашивая себя, не нападет ли цыган на Жонглера, как раньше Пол. И действительно чудо, что секрет, который она и !Ксаббу договорились хранить, продержался так долго…

— !Ксаббу! — вслух сказала она, неожиданно вспомнив.

Азадор не слышал ничего. Он пристально посмотрел на Жонглера, потом перевел взгляд на Пола Джонаса, и, в конце концов, растерянно пожал плечами.

— Все это было так давно.

— Что? — Пол почти кричал. — Помилуй бог, этот человек убивает твой народ, а ты говоришь «кто старое помянет»? И только потому, что он твой чертов *друг*? Как ты можешь?

— Потому что всего этого не было, — презрительно сказал Жонглер. — Вот его народ, точнее все что осталось от него. — Он махнул рукой, указывая на обломки фургонов и на оставшихся цыган, мужчин и женщин, сгрудившихся вокруг костров. — Все остальное — его фантазия.

— !Ксаббу! — сказала Сэма, на этот раз громче. — Все, послушайте, я реально забыла о !Ксаббу, из-за этих монстров и Орландо и… и всего. Он прыгнул в яму — нырнул туда! Я тоже

прыгнула, но Колодец меня выплюнул и я не нашла его. Он думал, что Рени там, внизу.

— Тогда он ушел, Сэм, — сказала Флоримель, на этот раз мягче и печальнее.

— Орландо вернулся именно оттуда! — зло сказала Сэм.

— Это совсем другое, Сэм, — сказала ей Мартина. — Ты сама знаешь.

«Потому что он не живой, как !Ксаббу,— подумала Сэм, но ничего не сказала.— Вот что она имела в виду». В глубине души она, ненавидя себя, знала, что Мартина права. Некоторые из друзей тоже говорили об этом. «Орландо не вернулся оттуда, он… родился там».

— Очень легко узнать, там она или нет, — громко сказал Жонглер. В уголках его рта заиграла кислая улыбка. — Но я уверен, что вы уже подумали об этом и вам не нужна помощь от чудовища, вроде меня.

— Не отталкивай своего счастья, — предостерегла его Мартина. — Если у тебя есть идея, скажи.

— Хорошо. У вас еще есть устройство связи? Я был с этой женщиной, Рени, когда вы звонили ей. Почему бы не позвонить ей сейчас?

— Боже мой, со всеми этими делами я совершенно забыла о нем, — сказала Мартина и вытащила из кармана своего комбинезона серебряную зажигалку.

— Откуда она у тебя? — спросила Сэм, сбитая с толку. — У Рени в точности такая же!

— Это копия, — ответила Мартина. — Я объясню тебе позже.

Сэм увидела блеск удовлетворения — или чего-то другого — в хищных глазах старика. Она прыгнула на ноги и указала на Жонглера.

— Не разрешайте ему приближаться к ней.

Он картинно развел руки.

— Я по другую сторону огня. И, как кто-то сказал, вас много, а я один.

Мартина подняла зажигалку.

— Рени, — сказала она, — ты слышишь меня? Это Мартина. Рени, где ты?

Долгие мгновения молчания.

— Ты слышишь меня, Рени?

Потом, внезапно, прозвучал знакомый голос, так близко и ясно, как будто она сидела около костра.

— Мартина? Мартина, это ты?

Мартина от радости даже засмеялась.

— Рени! Что за счастье слышать тебя? Где ты?

— Я… я даже не знаю. Наверно внутри операционной системы. Но это только начало всех странностей, случившихся со мной. Со мной !Ксаббу…

— !Ксаббу! — Сэм обнаружила, что опять плачет. — Он жив!

— Ты слышишь Сэм Фредерикс? — сказала Мартина, все еще смеясь. — Она…

Что-то сшибло Мартину на землю. Сэм крикнула и шагнула вперед. Орландо, все еще усталому, потребовалось не меньше двух секунд, чтобы встать на ноги. А Азадор уже стоял над Мартиной, держа в руке зажигалку. На его лице играла торжествующая улыбка.

— Я его вернул! — крикнул он. — Вернул!

* * *

Голос, казалось, пришел ниоткуда.

— *Рени,* — сказал он, — *ты слышишь меня? Это Мартина. Рени, где ты?*

Наверно она наполовину спала, усталость в конце концов победила ее, и долгие мгновения она не могла вспомнить, где находится.

— !Ксаббу, что случилось? — Оба посмотрела на сухую равнину, колючие кусты и блестящее звездное небо, пытаясь сообразить, где Мартина. Разве бывает сон внутри сна?

— *Ты слышишь меня, Рени?* — опять спросила Мартина.

— Это в твоей *каросс*. — !Ксаббу показал на одежду из шкуры антилопы, которая была на ней. Рени вытащила устройство. Она по-прежнему походила на зажигалку, и казалась самым невероятным предметом в этом невероятном мире. Она нажала на точки включения, надеясь, что она помнит правильный порядок. — Мартина? Мартина, это ты?

— *Рени! Что за счастье слышать тебя? Где ты?*

Она посмотрела на !Ксаббу, на небольшую фигурку Дедушки Богомола, скорчившегося на дне оврага, рядом с маленьким ручейком. Сейчас он лежал на боку, подобрав под себя ноги. Похоже он еще дышит, рассеянно подумала она, иначе бы вся эта вселенная уже умерла.

«Но разве боги дышат?»— спросила она себя мгновение позже.

— Я… я даже не знаю. Наверно внутри операционной системы. Но это только начало всех странностей, случившихся со мной. Со мной !Ксаббу…

— *Ты слышишь Сэм Фредерикс?* — голос Мартины излучал

безграничную радость. Рени почувствовала, как на ее глаза навернулись слезы. — *Она…*

Внезапно передача прервалась.

— Мартина? — через секунду спросила Рени. — Мартина, ты еще там? — Она повернулась к !Ксаббу. — Меня… отрезали.

Богомол зашевелился. Его мысли зазвучали у ней в голове, мягкие и безнадежные.

— *Ты не должна… не должна говорить. Всепожиратель услышал твои слова и придет прямо сюда.*

— Так это ты отрезал нас? — Рени подобрала под себя ноги, зная, что если встанет, то может убить умирающее насекомое. — Это наши друзья!

— *Слишком поздно. Слишком поздно для них.* — Слабый и далекий шепот. — *Нам осталось… очень мало. Сейчас все кончится.*

— Мартина! — крикнула Рени в зажигалку. — Мартина, поговори со мной! — Но из устройства раздался совсем другой голос.

* * *

Азадор отскочил от слепой женщины, уже пытавшейся встать на колени и, вероятно, не пострадавшей.

— Мое! — С горячечным блеском в глазах крикнул он. — Они думали, что забрали его у меня — мое золото! Но Азадор не забыл!

Орландо заворчал и поднял меч, но не успел он сделать и шага к вору, как кто-то крикнул.

— Всем стоять!

С кошмарным предчувствием Сэм повернулась на голос и увидела, что Феликс Жонглер схватил Чо-Чо, который бился в его руках как ошпаренный кот, и приставил сломанный меч Орландо к горлу мальчика.

— Я не блефую, — сказал Жонглер. — Если вы не хотите, чтобы единственная связь с вашим Селларсом была убита у вас на глазах, сядьте на землю и не двигайтесь. — Он зло поглядел на Орландо. — Особенно ты.

Азадор пошел к Жонглеру, держа зажигалку обеими руками, с восхищением на лице.

— Смотри — разве оно не восхитительно? Ты был прав, мой друг. Ты сказал, что оно у слепой женщины, и оказался прав.

Жонглер улыбнулся.

— А ты был очень терпелив. Не хочешь ли дать мне

посмотреть на него?

Азадор остановился, его радость внезапно сменилась подозрением.

— Ты не должен касаться его.

— А я и не собираюсь, — сказал Жонглер. — Только посмотреть, убедиться, что они не обманули тебя — ты же слышал, как они говорили, что это копия.

— Никакая это не копия! — возмущенно крикнул Азадор. — Я бы знал! Оно мое!

— Конечно, конечно, — успокоил его Жонглер.

Чо-Чо внезапно вывернулся из рук старика и бросился к цыганскому лагерю. Азадор повернулся поглядеть на мальчика, и Жонглер в мгновение ока схватил Азадора, воткнул ему меч в шею и распорол горло. Захлебываясь кровью, цыган с изумлением посмотрел на своего предполагаемого союзника, и попытался ударить его, но Жонглер легко перехватил его руку. Азадор тяжело осел на землю и замер. Жонглер стоял над ним, держа в запятнанной кровью руке зажигалку.

— Ублюдок! — крикнул Пол. Орландо не сказал ничего, но молча скользнул к лысому старику.

Жонглер поднял руку.

— Стоять! Я легко могу бросить ее в Колодец, и тогда вы потеряете вашу подругу, Рени.

Орландо, с перекошенным от ярости лицом, остановился, дыша как мастиф в натянувшемся ошейнике.

— Я знала! — Сэм бросила взгляд на Азадора. Под цыганом уже скопилась черная лужа крови, в широко открытых, умирающих глазах застыло удивление. — Я знала! — крикнула она старику. — Ты лжец и убийца!

Жонглер улыбнулся.

— Лжец? Да, конечно. Убийца? Возможно, но только если ты не имеешь в виду его. — Он толкнул Азадора носком цыганского ботинка. — Он даже не личность. Он — еще одна копия, как Близнецы. Как моя Авиаль.

— Копия? — запинаясь спросил Пол.

— Да — копия меня, — ответил Жонглер. — Довольно грубая и неполная, от одного из ранних процессов, сделанная нашей дикой операционной системой. Возможно пока я спал, не помню. Но, совершенно точно, воплощение всех моих детских фантазий. Этот смешной цыганский лагерь, существовавший исключительно в Викторианской литературе — я мгновенно узнал его. — Он ухмыльнулся. — В детстве я был уверен, что родился именно в таком месте, а не в моем скучном доме от моих более скучных родителей.

— И что ты думаешь предпринять, Жонглер, — резко спросила Мартина Дерубен, лицо которой было еще в грязи. — Это тупик. Мы не можем дать тебе улизнуть вместе с зажигалкой.

— Ну, тебе меня не остановить. — Зубы обнажились в улыбке хищника. — Я долго и терпеливо ждал. А теперь я отправляюсь домой, перекрыть кислород вам, моему бывшему служащему и всей непослушной системе. И будьте мне благодарны — вы не почувствуете боли. Я предполагаю, что ваши сердца просто остановятся. — Жонглер поднял зажигалку вверх. — *Высший Приоритет,* — сказал он. — *Слезы Ра.*

И в то же мгновение растворился в воздухе, исчез из мертвой местности рядом с Колодцем.

ГЛАВА 44
Украденные голоса

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Аризона — общество ваучеров?

(изображение: Торнли перед зданием правительства штата)

ГОЛОС: Первый Либертарианский губернатор, Дервуд Торнли, предложил расширить систему школьных ваучеров на всех уклоняющихся от уплаты налогов, но его критики не в восторге от этой идеи. Предложенная Торнли система позволяет перенаправить налоги тем структурам, которые индивидуальный налогоплательщик не хотел бы поддерживать. Например сотрудники Торнли предлагают людям без машин использовать ваучеры на ремонт дорог для оплаты работы во дворах и на обочинах дорог, а налогоплательщики без домашних животных могут использовать их ваучеры для контроля за животными для оплаты сноса незаконных домов и уничтожения дворовых вредителей…

На мгновение он испугался, что его привилегии не сработают — быть может операционная система каким-то образом сумела залезть в свою собственную базисную программу — но после мгновения темноты он оказался в знакомой бездонной серости своей собственной системы. Он опять почувствовал свое тело — но не крепкое тело сима, а настоящее, умирающее, плавающее в цистерне и поддерживаемое в живых только невероятно дорогими машинами.

Несмотря на весь ужас возвращения в свое настоящее состояние, это было замечательное чувство.

Феликс Жонглер вернулся домой.

«А теперь немедленно включить Апеп-последовательность». И, конечно, надо немедленно уничтожить Иного, особенно если им управляет Дред. Жаль терять миллионы часов работы, но эта конкретная операционная система доказала, что самые худшие страхи иногда становятся реальностью.

И будет очень жаль, если пострадает сама сеть Грааля. Люди, запертые в ней, его не волновали — без малейших колебаний совести он убил бы их всех, особенно Пола Джонаса, который и так прожил на два года больше положенного — но он не знал, что

будет с системой после остановки. Да, можно запустить резервную копию, но тогда неизбежны чудовищные потери в деталях и в функциональности, и все потому, что сейчас она подогнана под эту уникальная и потрясающая вещь, Иного. Черт с ними, с Полом Джонасом и его друзьями, но умрут и все, кто находится в сети, и, конечно, те, кого подцепила особая матрица Иного. Скорее всего и все призраки Авиаль, тоже, хотя, возможно, ее-то удастся оживить, ее код должен будет находиться в памяти системы, когда сеть оживет.

Как бы он хотел, чтобы из его попыток разработать другую операционную систему что-то получилось. В свое время он отказался работать вместе с Робертом Уэллсом, который предлагал сделать что-нибудь более обычное, но сейчас поздно сожалеть. Сейчас идет война — война за его сеть, которая обошлась ему в невероятное количество денег, пота и крови — а война без жертв не бывает.

Однако сейчас больше всего его заботила безопасность. Его собственная безопасность. Он бы уже погиб, если бы попытался переместиться в виртуальное тело, и может ли он теперь доверять другим телам, разработанным инженерами Телеморфикса Уэллса — быть может более надежным, чем его, но намного менее совершенным?

«Если копии Авиаль могут пережить выключение системы, подумал он, быть может выживет и мое ждущее виртуальное тело. Все равно придется рискнуть и завершить процесс Грааля, хотя я совсем не верю новой системе — но я никогда не боялся риска». Конечно он не предвидел того, что случилось в последние дни; он был близок к отчаянию, но выстоял. Чтобы выжить и победить он должен действовать умнее и агрессивнее всех вокруг, как и всегда.

Не так-то просто было оставаться терпеливым и кротким с Джонасом и остальными, зная, что одно из устройств доступа находится совсем рядом, у женщины по имени Мартина. Но от одного устройства доступа было мало толку, иначе он мог бы намного раньше силой забрать его у Рени Сулавейо. Он испугался, когда каким-то образом оказался в сердце системы, но, к счастью, эта вульгарная баба, Сулавейо, тоже нашла сюда дорогу. Он дождался, когда два устройства соединятся, и рискнул, поставил на карту все, надеясь на то, что когда инициированная им команда достигнет устройства Рени Сулавейо на самом конце коммуникационного цикла в сердце Иного, то она заставит систему подчиниться.

Конечно, риск — одно дело, глупый риск — совсем другое; он тщательно подготовил момент, делая вид, что помогает

клонированному Азадору, предложив псевдо-цыгану забрать обратно то, что, как тот глупо думал, у него украли; так что даже если бы первая попытка провалилась, Жонглер остался бы вне подозрений и мог попробовать еще раз.

На самом деле он даже немного расстроился, увидев, насколько легко может манипулировать версией самого себя — пусть даже и ущербной. Это почти ранило его гордость.

Но это все ерунда. Все сработало именно так, как он и планировал. Он дождался, сыграл и выиграл.

«И теперь время пришло. Время конца игры».

Он приказал инициировать процессы Апеп, приведя в движение сложные приготовления; подготовка вскоре закончится и тогда он одним движением сможет разделаться с мятежной операционной системой. А пока он выплыл из своей серой системы в реальность огромного дома.

Который, к его огромному удивлению, казался полностью пустым.

«Что происходит?» Система здания жила, и была переполнена конфликтующими между собой сообщениями о тревогах — пожар на подземных этажах, утечка радиации на ядерной электростанции острова. Он включил камеру и пробежался по всем уровням. Да, сегодня воскресенье, в здании не должно быть много людей, но в холлах и офисах не было абсолютно никого. Жонглер послал сообщение с высшим приоритетом в охрану, но и оттуда никто не ответил. Он переключился на камеру в офисе охранников, двумя этажами ниже него. Пусто!

«Невозможно». Что-то не так. Он попытался послать сообщение с высшим приоритетом на его личную военную базу, но все линии были заняты. И кто-то выключил связь с камерами наблюдения базы. Он переключился на низкоорбитальный спутник и пытался рассмотреть остров с него, пока не заметил движение — на самом деле очень большое движение, как армия муравьев на марше. Его войска сгрудились около паромов компании. Эвакуировались.

Жонглер почувствовал, как его сердце попыталось пуститься вскачь, но оборудование тут же вернуло его обратно. Он почувствовал, как через его тело плывет холодный поток химикатов. Он нашел узлы контроля и отключил транквилизаторы: происходит что-то ужасное, он ни в коем случае не должен уснуть.

«Подвал,— подумал он.— В первую очередь». Он вывел изображение на экран. Дым наполнял все подземные этажи и уже пробивался наверх, в атриум — но никаких следов пламени. Он проверил время. Приборы отметили огонь почти два часа назад.

Жонглер никак не мог понять, в чем дело. Тлеющий огонь мог дымиться достаточно долго, но разве это причина для того, что эвакуировать все здание и тем более остров? Где же его персонал? Он запросил экспресс-анализ воздуха в здании — все в порядке, никаких токсинов.

«Что за черт?»

Быть может ответ в происшествии с реактором, но записи показывают, что радиационная тревога включилась через полчаса после пожарной, хотя, конечно, именно из-за нее полностью эвакуирована вся база. И это тоже полная бессмыслица — ядерная установка находится на крошечном островке, никак не связанном ни с башней, ни с главным островом. Жонглер хотел иметь маленький личный реактор, как источник энергии на случай короткого замыкания основной системы, но он же не настолько глуп, чтобы размешать его рядом с офисом своей корпорации — и своим беспомощным телом.

Он проверил данные реактора, но они были какие-то темные и отрывочные. Тревога была послана, персонал сбежал, но ясная картина упорно не складывалась. Визуальное изучение реактора не помогло: он казался абсолютно исправным, и, внимательно изучив журнал управления, Жонглер убедился, что реактор выключен и температура в норме. На самом деле его выключили до того, как был послан сигнал тревоги, как если бы техники отреагировали на чей-то приказ, обезопасив реактор и подняв защитные щиты, прежде чем начать эвакуацию.

Итак, огонь — на минимуме, реактор — вне опасности. И почему все сбежали?

«Быть может кто-то из врагов? Неужели Уэллс сбежал в офлайн? Но для чего ему бить по мне, рискуя уничтожить свою собственную сеть и потерять огромные инвестиции?»

«Дред.— Слово ударило как зимний мороз — на мгновение он даже увидел лицо своего бывшего служащего, быстро расплывшееся в ужасающую гримасу мистера Джинго, его детский кошмар.— Наверняка его работа. Мало того, что этот уличный головорез украл мою сеть; он еще напал и на мой дом, используя мою же собственную систему. Но чего он добьется, даже если на всем острове не останется никого? Неужели он не знает, что у меня есть несколько самых разных генераторов — и вообще моих ресурсов хватит, чтобы поддерживать цистерну много месяцев, если понадобится».

Чем больше он об этом думал, тем больше недоумевал. На мгновение все мысли об Апепе куда-то уплыли, смытые стоящей перед ним загадкой.

Охваченный внезапным страхом, он быстро переключился на

огромную генераторную Грааля, с радостью убедившись, что все функционирует правильно. Камеры наблюдения показали гигантское помещение, полное работающих процессоров и переключателей. И ни одного техника.

«Так для чего все это Джонни Дреду? Быть может он проверяет мою защиту? А может быть что-нибудь менее рациональное — в конце концов у него же детский склад ума? Мелкая пакость стоимостью в миллион кредитов, ребяческая месть своему бывшему боссу? Возможно он даже не знает, мертв ли я или все еще в онлайне».

Жонглер почувствовал себя намного лучше. Уверенный, что зданию ничего не грозит, он вернулся к подготовке процедуру Апеп, и с замешательством обнаружил, что система выдала полную чушь. Судя по всему, решил он, кто-то перехватил управление над системой, рассылает фальшивую информацию, приказы и тревоги, и даже испортил критические данные системы Грааля. Система выдала, что процедура Апеп уже запущена, что, конечно, не могло быть правдой. И работает уже два часа. На самом деле он начал ее инициализировать несколько минут назад.

«Ошибка,— подумал он.— Должна быть ошибка». И вот самое очевидное доказательство — траектории полностью бессмысленны. Потом один из экранов наблюдения замигал и отвлек его внимание от такой важной задачи, как расправа с непокорной операционной системой.

Кто-то двигался. В здании кто-то есть.

Он увеличил изображение, переведя все остальные экраны в фоновый режим, и увидел то, что заметила камера. Ужас пронзил все его старое тело. Шпион, террорист, нарушитель — кто бы это ни был, он *здесь*, на этаже с его цистерной!

На мгновение сознание сдвинулось и он вернулся в детство — запах проветривающегося чулана, вокруг него сомкнулись накрахмаленные полотенца и простыни, он прячется от Хэлсола и других старших мальчиков. Он даже слышит их.

— Джингл? Джингл-Джангл? Выходи, лягушатник. Мы снимем с тебя штаны, ты мелкая вошь.

Неслышно хныкнув, он отогнал свои воспоминания. «Как? Каким образом кто-то сумел проникнуть в мое убежище?»

Отчаянная надежда — быть может какой-нибудь храбрый техник остался, несмотря на все тревоги — немедленно разлетелась на куски, когда он изучил открывшееся окно. Женщина средних лет, с короткими волосами. Он никогда не видел ее раньше. И — еще более поразительно! — одета в фирменную униформу уборщицы.

«Уборщица? На этом этаже? На моем этаже?» Это было настолько чудовищно смешно, что если бы не страх вторжения и подозрения на тему о том, что происходит на самом деле, он бы рассмеялся. Но сейчас ему было не до смеха. Он уставился на ее лицо, пытаясь прочитать по нему, кто она такая и что собирается делать. Она шла медленно, оглядываясь по сторонам, очевидно смущенная и озадаченная, в точности как человек, случайно попавший совсем не туда, куда собирался. Никакого признака злого умысла, никакой напряженности диверсанта или террориста. Жонглер задышал легче, но страх еще не прошел. Как ее убрать отсюда? В здании никого нет — даже охранников. В нем запузырился гнев.

«Просто скажу ей,— решил он.— Но очень громко. Это будет рев разъяренного бога. Это заставит ее убежать». Но прежде, чем прогнать свой голос через аудиосистему, он вытащил записи системы безопасности, желая понять, каким образом она вошла сюда.

Совершенно примитивно — она имела нужный приоритет, такой же как у команды техников, обслуживавших его этаж. «Ольга Чотило, Уборщица»,— прочитал он. В ее имени было что-то смутно знакомое. Но намного более удивительным оказался код, отмеченный в ее списке перемещений. Код, который он не узнал. Где же он его видел? Долгие мгновения он пытался вспомнить его — и никак не мог.

«Верх!— наконец сообразил он, и мысли заскакали как у умирающего.— Она была на запертом этаже… месте смерти… как она вошла… кто ей помог?..» И тут он вспомнил, откуда знает ее имя.

Дыхание Феликса Жонглера стало мелким, голова закружилась. Пульс заволновался, потом устремился в небо. По пластиковым трубам в древнее тело хлынула река успокаивающих сердце химикатов, но им не удалось даже ослабить всепобеждающий ужас.

* * *

Этаж оказался таким же большим, как и все остальные, но странно пустым. Здесь не было холодного великолепия тысяч стоявших в ряд механизмов, или сюрреалистических внутренних джунглей. Посреди огромной темной комнаты находилось несколько машин, погруженных в бассейн света, как развалины какого-нибудь друидского храма. В центре, на полу из мраморных плиток, лежали четыре черных контейнера, по форме

напоминающие треугольник; центральный очень большой, с длиной стороны метров пять, второй немного поменьше, и два сравнительно маленьких.

«Нет, не треугольник,— решила она.— Пирамиду».

«Гробы,— подумала она в следующую секунду.— Они выглядят как гробы мертвых королей».

Он пошла вперед, ноги неслышно ступали по мягкому ковру. В остальной части помещения мало помалу становилось светлее, и она увидела далекие стены, без окон, покрытые чем-то темным и не отражающим свет, вроде ковра. Так что ярко сияющие машины и пластиковые саркофаги посреди помещения казалось плавали в беззвездном пространстве.

Великий боже, подумал она, да это похоже на похоронное бюро. Она уже наполовину ожидала услышать спокойную мелодию органа, но в помещении царила тишина. Даже механические голоса, выкрикивавшие предупреждения, не пересекли порога этого загадочного этажа.

Дойдя до середины комнаты, она постояла несколько секунд, глядя на молчаливые черные предметы и пытаясь преодолеть уколы суеверного страха. Самый средний контейнер был так высок, что его вершина темнела над ее головой, еще один несколько пониже, два других совсем низкие. Он по глядела на самый ближний, лежащий справа от центрального, но пластик оказался непрозрачным и гладко соединялся с полом. Пластиковые трубы, в которых наверняка находились какие-нибудь кабеля, змеились у боков контейнеров и, как корни, зарывались в черный ковер.

Она прошла мимо и остановилась рядом с горизонтальной пирамидой, второй по высоте. Задержав дыхание, она осторожно вытянула руку вперед. Пальцы коснулись холодного гладкого пластика, и на боку контейнера блеснул красный свет; испугавшись, она отпрыгнула назад, но больше ничего не двигалось. На боку появились слабо святящиеся буквы. Она наклонилась ближе, на этот стараясь ничего не коснуться.

Проект: Ушабти

Содержимое: бластоциста 1.0. 2.0, 2.1; Гор 1.0

Предупреждение: криогеновая печать — не открывать и не обслуживать без разрешения.

Она глядела, пытаясь вспомнить, что такое бластоциста. Вроде бы какая-то клетка — раковая? Нет, что-то связанное с беременностью. А кем может быть гор, она вообще не имела понятия — быть может еще одна клетка? Ольге не хотелось даже начинать думать, для чего хранить клеточный материал в огромной цистерне, вроде этой.

«Они, что. все в таком роде?— спросила она себя.— Вроде холодильника для медицинских экспериментов? Быть может они занимаются здесь генной инженерией?»

Она коснулась одного из более маленьких контейнеров. Мигнула еще одна красная вспышка и появилась надпись: *Мадд, Джи. Л.*, и строчка чисел. Второй маленький саркофаг выдал *Финни, Д.С.Д.* и еще больше чисел. Несколько долгих мгновений она собирала мужество и, наконец, слегка коснулась бока самого большого контейнера. Он замигал и… ничего. Она подождала, пока рука не стала дрожать немного меньше, потом опять коснулась его и на этот раз не отпустила руку.

— Миссис Пирофски?

Она взвизгнула и отпрыгнула обратно. Голос прозвучал прямо в голове.

— Прошу прошения, я не хотел пугать вас. Это я, Селларс. — Он говорил хрипло, как будто сражаясь с сильной болью, но это безусловно был он. Ольга споткнулась и уселась на ковер.

— Я думала, вы в коме. Вы напугали меня до полусмерти. Да еще здесь, рядом с могилами мумий. Я почти выпрыгнула из собственной кожи.

— Мне действительно очень жаль. Но я должен поговорить с вами, и, боюсь, не могу ждать.

— Что это за место? И что это за предметы?

Селларс мгновение помолчал, и только потом ответил.

— Самый большой из них — настоящий дом Феликса Жонглера. Человека, который владеет Джи Корпорэйшн и который создал сеть Грааля.

— Дом?..

— Его тело почти мертво, и уже на протяжении многих лет. К капсуле, в которой лежит его тело, подключено невероятно много машин, которые поддерживают в нем жизнь — их кабели уходят почти на десять метров в пол помещения.

— Он… прямо здесь… — Она посмотрела на контейнер, потрясенная и растерянная. — А он не может выйти из нее?

— Нет, не может. — Селларс прочистил горло. — Я должен кое-что рассказать вам, миссис Пирофски.

— Ольга, пожалуйста. Я знаю, что должна уйти отсюда. Но я еще ничего не нашла — о голосах…

— Я нашел.

До нее дошло не сразу.

— Вы что? *Нашли*?

— Это трудно, мисс… Ольга. Пожалуйста, приготовьтесь. Я боюсь, что правда… потрясет вас.

Трудно было себе представить, что, после всего пережитого, он может потрясти ее чем бы то ни было.

— Просто скажите.

— У вас был ребенок.

Она ожидала услышать что угодно, но только не это.

— Да. Был. Он умер. Родился мертвым. — Просто невероятно, что такая сильная боль может появиться так быстро. — Я никогда не видела его.

Селларс опять заколебался. Потом заговорил так, как будто бросился в холодную воду.

— Вы никогда не видели его, потому что он не умер. Он не умер, Ольга. Они солгали вам.

— Что? — Слез не было, только глухой гнев. Как у него язык повернулся сказать настолько жестокие и нелепые слова! — О чем вы говорите?

— Ваш ребенок был мутантом, очень редким мутантом — телепатом. Он был — и есть — ребенком, который никогда не жил в обычных условиях. Грубая сила его ума такова, что, несмотря на все предосторожности, врач в родильном отделении умер, делая кесарево сечение. Двух нянь хватил апоплексический удар, но наготове было еще несколько, и одна из них сумела вколоть ребенку огромную дозу успокоительного.

— Это безумие !Как такое могло произойти, а я ничего не знала?

— Да, вам тоже вкололи успокоительное — и сказали, что были очень трудные роды, роды при тазовом предлежании, помните? И все потому, что они знали заранее, что ребенок обладает паранормальными способностями. Вы помните все эти проверки? Безусловно вы должны были понять, что все это очень необычно. Все доктора и няни были специалистами высокой квалификации. Очень высоко оплачиваемыми специалистами.

Ольге хотелось свернуться в лубок и зажать уши руками. Ее ребенок мертв. Больше тридцати лет она сражалась с этим, научилась жить с этим.

— Я не понимаю ни одного вашего слова.

— В этом контейнере находится человек — Феликс Жонглер. Он много лет искал ребенка с таким потенциалом. Он и его помощники установили контакт с десятками родильных домов по всей Европе, а многие из них приобрели. Вы ведь не сами выбрали больницу, верно?

— Нам… нас направили. Доктор — но он был очень добрый человек!

— Возможно. Возможно он даже не понимал, что делает. Но он отдал вас и вашего ребенка в руки людей, которым был нужен

только ваш сын. Убедившись в его способностях, специалисты Жонглера начали накачивать его успокаивающими прямо в лоне. Они приготовились к моменту, когда он родится, но даже и так, он почти умер от родовой травмы — слишком много ментальной энергии, гиперактивность, которая убила бы его за несколько минут. И по меньшей мере один человек точно умер. Но они очень хорошо подготовились. Его опустили в криогенную установку и температура его тела резко понизилась. Его ввели в состояние бесчувствия, временного прекращения жизненных функций.

Вот теперь слезы хлынули ручьем. Воспоминания вернулись — по ночам она просыпалась с Александром, спящим внутри нее, убежденная, что с ребенком что-то не так, потому что он чувствовал себе плохо. Иногда она могла бы поклясться, что чувствует, как он… думает внутри нее, странное ощущение чужого существа, живущего в ее животе. Но она говорила себе, что все это ерунда, другие матери испытывают то же самое, и врачи соглашались с ней.

— Откуда вы все это знаете? — спросила она. — И как вообще возможно узнать такое? Почему вы не сказали мне раньше? Вы играли со мной в свои безумные игры, это все ваша скрытность, ваша безумная скрытность!

— Нет, Ольга, — печально ответил Селларс. — Я не говорил вам потому, что не знал сам. Я не знал, как действует операционная система Грааля, потому что она не подчинялась никаким правилам даже самых сложный нейронных сетей. Но…

— Мой мальчик! — Ольга прыгнула на ноги и похромала к пирамидоидальному контейнеру. Слово «*криогенный*» горело в сознании огненными буквами. — Он здесь? Здесь? — Она поскребла пластик, бесполезно. — Где он?

— Он не здесь, Ольга, — голос Селларса прозвучал так, как если бы он сдерживает слезы. — Он не в этом здании. И вообще не на Земле.

Ее ноги подкосились, перестали ее держать и она упала на пол, ударившись лбом о ковер.

— Что вы такое говорите? — простонала она. — Я не понимаю.

— Пожалуйста, Ольга. Пожалуйста. Мне очень жаль. Но я должен рассказать вам все. У нас очень мало времени.

— Времени? Большую часть своей жизни я думала, что мой ребенок мертв, а сейчас вы говорите мне, что у меня нет времени? Почему? Что вы делаете?

— Пожалуйста. Просто послушайте. — Селларс глубоко вздохнул. — Жонглер и его техники построили систему Грааль

вокруг вашего ребенка. Его беда… его дар, как его не называй, гипермутация, которая убила бы его задолго до того, как он вырос — и, возможно, вас тоже — сделала его идеальным объектом для целей Грааля. Они создали миры, в которых могли жить вечно, но не смогли создать достаточно реалистичного виртуального окружения, хотя использовали самые лучшие на сегодняшний день информационные технологии. Что толку быть бессмертным, если у тебя нет подходящего места, в которым ты будешь жить? Тогда Жонглер и его ученые создали огромный распределенный процессор из человеческих мозгов — главным образом зародышей — и, опираясь на природные способности вашего сына, связали их вместе так, как не могут связать никакие механизмы. Вот так была создана операционная система их сети.

И с самого начала начались неудачи и проблемы. Человеческий мозг не компьютер. Ему надо делать человеческие дела, иначе он не будет развиваться. А если его не учить, он не разовьется физически. Ваш сын, Ольга, обладал невероятно редким даром, один на миллиард, но все равно оставался ребенком. Для того, чтобы развить этот невероятно могущественный ресурс, они должны были обучать его — учить входить в контакт с другими человеческими сознаниями, общаться с ними, даже убеждать их, в известной степени, иначе он был бы совершенно бесполезен для них.

Парадоксально, но люди Грааля обнажили перед ним человеческие мысли только для того, чтобы создать самый эффективную машину. Их не волновало его человеческая сущность. И, в конце концов, это их убило. — В его голосе прозвучало мрачное удовлетворение. — С самого начала, помогая ему развиться, они начали эксперименты, в которых позволяли ему контактировать с другими детьми, совершенно обычными. Сейчас в сети находится женщина по имени Мартина Дерубен, которая была таким ребенком. Она знала вашего сына только по голосу — но знала.

Ольга перестала плакать. Она уселась на саркофаг и поглядела на свои руки.

— Я ничего не понимаю. Где он сейчас? Что они сделали с ним?

— Они используют его, Ольга. Вот уже тридцать лет, как они используют его. Мне очень жаль, что приходиться говорить вам об этом — поверьте мне! — но они не обращались с ним мягко. Он вырос во тьме, как буквально, так и фигурально. Он даже не знает, кто он такой — он действует не думая, наполовину спящий, наполовину проснувшийся. У него сила бога и разум аутиста.

— Я хочу к нему! Не имеет значения, кто он такой!

— Я знаю. И еще я знаю, что вы будете говорить с ним так, как настоящая мать. И вы должны попытаться понять.

— Понять что? — Она тяжело дышала, сжимая пальцы в кулак. «Пожарный топор,— подумала она.— Где-то должен быть пожарный топор. Сейчас я возьму его, разнесу к чертовой матери черный гроб этой сволочи, Жонглера, и выволоку его на свет, как червяка из дыры…»

— Ваш сын, он не… обычный человек. И как он может быть? Он говорит почти целиком через других. Каким-то образом он связан с детьми, лежащими в коме Тандагора. Эту часть я еще не понял, но…

— Говорит через… других?..

— Детей… детей в ваших снах. Я думаю, что они — его голос, они пытаются поговорить с вами.

Ольга почувствовала, как ее сердце подпрыгнуло.

— Он… знает обо мне?

— Не всю правду. Но, я думаю, он чувствует, что в вас есть что-то… особенное. Разве вы не говорили, что заподозрили что-то неладное, когда узнали, что ни один из заболевших детей не смотрел вашей программы? Какое-то время назад ваш сын вышел за пределы сети Грааля — начал все исследовать, и, как я подозреваю, особенно детей, которые смотрели ваше шоу; впрочем его всегда тянуло к другим детям. Я не знаю, что он чувствовал по отношению к вам, но, быть может, глубокую близость… похожесть на его самого. Безголосый и непонимающий, он немедленно потерял интерес к вашим детям-зрителям. Вместо это он попытался, как обычно полубессознательно, установить контакт. С вами.

Она содрогалась в рыданиях, но глаза оставались болезненно сухими, как будто она уже выплакала все слезы. Эти ужасные головные боли, странные голоса, они были вовсе не проклятием, но…

— Мой ребенок! Мое дитя! Пытался найти м-м-меня!

— Ольга, у нас очень мало времени. Осталось всего несколько минут, дело зашло слишком далеко. Я попытаюсь привести вас к нему — и тогда вы сами поговорите с ним. И не бойтесь.

— Я никогда не боялась!..

— И будьте терпеливой. Очень терпеливой, когда будете говорить с ним. Он родился другим, и его дикая человечность приняла нынешнюю форму в результате действий холодного эгоистичного человека. А сейчас другой человек, еще более жестокий, бьет и унижает его до такой степени, что он едва не

сдался. Быть может уже слишком поздно. Но если вы поговорите с ним и успокоите его, можно спасти множество жизней.

— Я не понимаю. Где он? — Она дико оглянулась, ожидая, что какое-нибудь чудовище, вроде Франкенштейна, вынырнет из теней огромного помещения. — Я хочу к нему. Не имеет значения, как он выглядит, на что он похож. Дайте мне увидеть его!

— Нет времени. Есть еще множество всего, что я не рассказал вам…

— Скажите мне!

И пока она сидела в большой темной комнате, единственный движущийся предмет в круге света, он рассказал ей, так ласково, как только возможно, где ее сын и что он делает. И потом оставил ее одну, чтобы заняться другими неотложными делами.

Ольга думала, что уже выплакала все слезы. Она ошибалась.

* * *

Незваная гостья с кем-то разговаривала — Жонглер не видел с кем. Погруженный в защитную жидкость, он извивался в бессильном гневе. Он попытался включить аудиосистему помещения, но обнаружил, что она заблокирована, команды не проходят. Наверняка работа его бывшего служащего, но для чего это уличное животное забралось в такие глубины? Чтобы запутать и смутить его?

Жонглер глядел на экран с напряжением безумного, старого ястреба, который живет только для того, чтобы бить все, что движется. Губы женщины все еще двигались — что она говорит? «Черт ее побери, неужели она разговаривает с Дредом?»

Он увидел, как женщина опять заплакала, закрыв лицо руками, и его слабое сердце опять похолодело. Она узнала. Каким-то образом она узнала. А это означает, что его враги тоже знают, иначе кто бы мог ей сказать?

«Почему он послал сюда эту женщину? Он думает, что она может что-то сделать. Что?»

Она полезла на его контейнер — *его* контейнер, и теперь находилась в нескольких метрах от лохмотьев и обломков его настоящего тела. Он переключил камеры так, что мог видеть ее лицо, искаженное гневом и горем. Она сжала кулак и стукнула по контейнеру — бессмысленный удар по крепчайшему пластику, но Феликс Жонглер внезапно почувствовал как задыхается, его душил гнев. Бандиты в его доме — его насилуют. Преследуют. Поймали.

«Нет! Я не дам этому произойти». Дюжина возможностей вспыхнули в мозгу, он отбросил их всех, мешало отсутствие персонала и вторжение в его систему. Не работала даже самая последняя защита — он не мог запустить обездвиживающий газ или нанести акустической удар.

«Я не дам этому произойти».

Внезапно его осенило, но вначале он даже не мог решить, это гениальная мысль или полное безумие. Месяцы — они были без движения последние двадцать четыре месяца. Сработает ли это? Должно — обязано. Он послал огромную дозу адреналина, обоим. Должно сработать. Он возбудился, но пульс бился не от ужаса, а от лихорадочного ликования. Где же команда на освобождение? Если эта большая доза адреналина ударит их и они не смогут выйти, они умрут — повредят дыхательные маски и утонут в суспензии.

«Вот». Он выбрал команды. Система возвращения их к жизни заработала, открылось окно с графиками, стремящимся к показателям нормально функционирующего тела, они задвигались, волнуемые адреналином. Он опять осмотрел помещение, ужасная баба сидела на полу его sanctum sanctorum[79], между его беспомощным телом и последними остатками Ушабти, ужасной ошибкой, которая уничтожила его замечательную Авиаль.

«Изнасилован. Она…»

— *В нескольких шагах от вас террористка*, — сказал он своим слугам, слова должны были громом ударить им в уши, и они должны понять их, несмотря ни на что — не так-то просто вернуться в свои настоящие тела в первый раз за последние два года. — *Схватите ее, делайте с ней, что хотите, но узнайте все, что она знает. А потом можете оставаться свободными.*

Световые индикаторы мигнули, потом мигнули опять, и крышки двух черных контейнеров начали медленно подниматься.

ГЛАВА 45
Отправлено

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НЕКРОЛОГ: Роберт Уэллс, основатель Телеморфикс

(изображение: Уэллс на корпоративной вечеринке «при свечах»)

ГОЛОС: Роберт Уэллс, пионер новых технологий и один из самых богатых людей в мире, вчера умер от сердечного приступа. Уэллсу, основателю Телеморфикс Корпорэйшн, было ровно сто одиннадцать лет.

(изображение: Оуэн Танабе, исполнительный секретарь Уэллса)

ТАНАБЕ: «Он ушел именно так, как и хотел — в офисе, погруженный в сеть, до последнего мгновения стремясь улучшить человеческую жизнь. И хотя он ушел, еще многие годы идеи Боба Уэллса будут вести нас вперед…»

Он рассмеялся, очень громко. Ничего не мог с собой поделать. Сердце горело от возбуждения, мысли искрили и закручивались, как струйки дыма. Сейчас он жил настоящей жизнью, как в конце охоты — как будто галлюциногенное искажение времени ввело его в многочасовой оргазм.

Хор в голове достиг крещендо. «Камера наезжает поближе. Лицо расплывается, но холодно привлекательно. Победитель. Неодолимый».

Он держит за глотку всех своих врагов в сети — слепую женщину, Жонглера, суку Сулавейо, даже саму операционную систему. Все они трепещут перед ним. Он разрушитель, зверь, человек-дьявол. Бог.

А снаружи?…

«Вернуться обратно, чтобы увидеть их у своих ног. Последний длинный выстрел. Завершающий».

Дред поглядел на два тела, лежавшие на полу чердака. Дульси лежала молча, в луже крови, нелепо раскинув руки и ноги, как марионетка с перерезанными нитками. Полицейская еще двигалась, но совсем немного, ее голова подергивалась, она часто дышала, на губах пузырилась красная артериальная кровь. Он нахмурился. Даже сейчас, в ослепительной величественности мгновения, он вспомнил мантру против сверхуверенности.

Дред приглушил внутреннюю музыку, наклонился и перевернул полицейскую на бок. Она еле слышно хрипела, но в остальном не реагировала ни на что, даже когда он пошевелил рукояткой ножа, торчащего из ее спины. Позор оставлять ее без внимание в ее последние мгновения, но идет слишком большая игра, не до нее. В любом случае она не в его вкусе — он не любил таких коренастых. Он быстро обыскал ее пальто, нашел Глок в наплечной кобуре и вытащил его. Прижал ствол к голове полицейской, потом вспомнил, что даже после того, как он вернется в сеть, камеры наблюдения чердака запишут ее последние мгновения.

«Зачем тратить еще одну медленную смерть?»— подумал он. Дульси и так умерла разочаровывающе быстро.

Он немного поразмышлял, потом вынул пули из пистолета полицейской и разборного револьвера Дульси, и сунул все оружие в карман купального халата. Он опять нагнулся к полицейской и нашел ее полицейский блокнот. «Прости, дорогуша, но никаких звонков». Он бросил блокнот на пол и мял пяткой до тех пор, пока детали не захрустели, потом отбросил в сторону.

«Нет смысла искушать умирающую женщину»,— весело подумал он. Женщины не могут сопротивляться искушению — красивые вещи, яркие цвета, лживые надежды. Они как животные, в этом отношении.

Он опять забрался на кровать для комы и нахмурился, увидел, что запачкался в крови и нарушил чистоту белой простыни. «Ничего нельзя поделать. Придется вырезать при редактировании фильма». Но, с другой стороны, быть может будет замечательно выглядеть?.. Он быстро убедился, что камеры сняли все, что произошло на чердаке, и что он сам будет на виду, даже когда вернется в сеть. «„Уверенный, беспечный, ленивый, мертвый“, верно? Только не этот парень».

Дред опять включил музыку погромче, вал триумфа струнных и литавр. Опять зазвучал хор, в костях черепа запели сотни голосов, и он провалился в завоеванную им вселенную.

* * *

Пол мог только беспомощно глядеть на то место, где мгновение назад стоял Феликс Жонглер. Еще секунду назад старик был там, а потом просто исчез — лопнул, как мыльный пузырь.

Первым заговорил Т-четыре-Б, совсем детским голосом, Пол такого от него еще не слышал.

— Старый пердун Грааля… ушел, он? Сбежал, вообще? Совсем?

Сэм Фредерикс заплакала. Орландо Гардинер обнял ее за плечи мускулистой рукой варвара.

— Я знала! — крикнула она четвертый или пятый раз. — Обалдеть — мы все такие идиоты! Он дожидался подходящего случая.

Пол мог только кивнуть, соглашаясь. «Я должен был понять сразу, как только Жонглер заговорил о нем — устройства вроде этой зажигалки могут переносить своих владельцев в любое место». Но он дал убаюкать себя необычной разговорчивости Жонглера, его готовности выдать все секреты. Старик действовал как, человек, потерявший всю надежду. Пол распознал чувство и поверил ему.

— У нас осталось несколько минут, — тихо сказала Мартина.

— Все в руках Бога, — сказала Бонита Мей Симпкинс. — Мы не знаем Его планы.

— То что мы точно знаем, — ответила Мартина, — что это не в *наших* руках.

Флоримель встала.

— Нет. Я не верю. Я не отдам мою жизнь, и жизнь моей дочки, без борьбы.

— И с кем ты собираешься сражаться? — Полу было даже трудно говорить. — Мы недооценили его. А сейчас он ушел. И даже если он, почему-то, не выключит систему, что делать с этим? — Он указал на облачную стену, за которой, как мрачная марионетка-демон, вышагивал силуэт Дреда. — Как насчет его?

— Куда убежал мальчик? — спросил Нанди. — Мальчик Селларса. Он испугался и убежал.

— Там, — указал Орландо.

Пол увидел, как Чо-Чо сидит, скорчившись, на самом краю Колодца, маленькая тень на фоне мигающих огоньков.

— Я приведу его, — медленно сказал он. Он знал, что такое быть брошенным всеми и растерянным. «Мы встретим его все вместе, как и сказала Мартина».

— Что-то происходит, — лицо Мартины Дерубен посуровело, она вся напряглась. Пол заколебался, но все-таки пошел за мальчиком.

«Конец, подумал Пол. Конец происходит, вот и все».

Слабеющее свечение Колодца заставило его вспомнить Аву, такую, какой она появилась в последний раз, страдающую, безнадежно сражающуюся с неизбежным. «Прости,— сказал он воспоминанию о ней. Кем бы ты ни была, прости. Ты рискнула всем ради меня — и потеряла все. А я потерял тебя».

Мальчик стоял на четвереньках, дрожа всем телом. Пол коснулся его, и он отполз вдоль края Колодца; Пола испугался, что он свалится внутрь.

«Но какая разница, в сущности?» Тем не менее он отдернул руку.

— Успокойся, парень. Все в порядке. Я хороший. Можно смеяться, ну?

— Он здесь, — сказал мальчик.

— Нет, он ушел, Тот человек ушел.

— Не тот. Он в моей голове, *verdad*[80]!

Пол помедлил, его рука все еще была вытянута к мальчику.

— О чем ты говоришь?

— *El viejo*[81]. Селларс! Он в моей голове — я его слышу! — Мальчик отполз немного подальше от края Колодца и от руки Пола. — Больно!

«Боже мой,— подумал По.— Только не напугать его, иначе он упадет». Он присел на корточки рядом с мальчиком, потом опять вытянул руку.

— Мы можем помочь тебе. Пожалуйста, вернись к костру. — «А что, если он упадет? И мы никогда не узнаем?» — А что Селларс говорит тебе?

— Не знаю! Не могу понять — голова болит! Он хочет… он хочет… чтобы ты выслушал его. — Мальчик заплакал, а потом начал зло тереть лицо как если бы хотел загнать слезы обратно. — Уйди от меня, *m'entiendes*[82]? — Трудно было понять, кому он кричит.

Пол мог бы рискнуть, повернуться и позвать на помощь товарищей, но не был уверен, что кто-то видит их.

— Чо-Чо — так тебя зовут, верно? Пойдем со мной. Человек, который сделал тебе больно, ушел. Селларс может сказать нам, как выбраться отсюда — как мы все можем выбраться отсюда. Ты ведь хочешь этого, верно?

— *Mentiroso*[83], — проворчал мальчик. — Слышал, что ты плел раньше. Мы все подохнем.

— Нет, если Селларс нам поможет. — Пол наклонился немного поближе. — Пожалуйста, пойдем со мной. Я не коснусь тебя, обещаю. Сейчас я повернусь и пойду к остальным, а ты пойдешь со мной. — Мальчик отполз немного подальше. Пол оглянулся, но никто из остальных не шел к ним, хотя кое-кто с любопытством смотрел на них. — Смотри. Я сейчас встану и пойду к огню. Ты можешь пойти со мной, если хочешь. Мы все здесь друзья. — «Кто он такой, этот пацан? Как я могу убедить его?» — Ты сам знаешь, что это единственные люди на землю, которые могут помочь тебе. Действительно могут.

Он подождал несколько секунд, но мальчик не двигался и не говорил. Зная почти наверняка, что делает глупость — сколько минут им осталось, в любом случае? — Пол встал, повернулся и, не оборачиваясь, расслабленной походкой пошел обратно к костру. За его спиной не раздалось ни звука: даже если мальчишка там, то совершенно бесшумно идет по серой мертвой земле.

Ближе всех к нему были Флоримель и Нанди; они глядели на него с вопросом в глазах. Пол остановился рядом с ними и неторопливо сел, по прежнему не глядя назад.

— Зарежу любого, — пообещал мальчишка, — кто коснется меня.

— Тогда просто садись, — сказала Флоримель.

Пол прочистил горло.

— С ним говорит Селларс.

— Что?

— Он пытается, — хмуро сказал Чо-Чо. — Но моя голова заперта.

Все остальные повернулись к ним.

— Ребенок напуган, — сказала Бонни Мей.

— Перескажи нам то, что он пытается сказать, — сказала Флоримель. — Это все, что мы хотим. Мартина, ты слушаешь?

— Пытаюсь. Но… искажения, большие искажения.

Пол мог бы сказать, что это что-то намного худшее, чем искажения, но промолчал. И без того Мартина Дерубен выглядела так, как будто у ней голова разрывается от мигрени.

— Он опять заговорил, — внезапно сказал Чо-Чо. — Остальные наклонились к нему. — Он говорит… Он говорит… — Мальчик вздохнул и крепко закрыл глаза. Долгое напряженное мгновение он молчал, потом его челюсти заработали. — *Это… очень трудно,* — наконец сказал он. — *Извиняюсь… за путаницу.* — Голос был тот же, детский голос Чо-Чо, но совсем другие интонации.

— Селларс? — спросила Флоримель. — Это вы?

— *Да.* — Глаза Чо-Чо оставались закрыты, хотя рот двигался, как если бы ребенок говорил во сне. — *На самом деле,* — продолжал Селларс, — *я должен очень долго извиняться, но нет времени. Не так-то просто управлять нейтроканюлей ребенка и говорить с вами напрямик, но я должен сказать нечто очень важное и сложное, и малыш Чо-Чо просто не сумеет передать его вам.*

— Что происходит? — В голосе Флоримель был и гнев и облегчение. — Где вы были все это время? Пока все в этой проклятой искусственной вселенной пытались нас убить?

— Боюсь, что у меня нет времени на объяснения. Я очень глубоко забрался в сеть и в операционную систему, и моя голова чувствует себя так, как будто готова взорваться. Но это самая маленькая из наших проблем. — Даже через детский голос Пол слышал невероятное напряжение.

— Вы знаете, что Жонглер сбежал? — спросил он.

— *Что?* — Лицо мальчика осталось бесстрастным, но голос дрогнул. — *Жонглер?*

Пол рассказал ему, с помощью остальных.

— Он давно планировал это, — несчастным голосом сказала Сэм Фредерикс.

— Ты ни в чем не виноват, Фредерико, — сказал ей Орландо. — Но если нам представится возможность, давай отрубим ему голову, идет?

— *О, мой бог,* — сказал Селларс. — Неужели… я не ослышался… Орландо Гардинер?

Орландо кисло ухмыльнулся.

— Полный скан, а?

— *Объяснения будут позже — если будет это «позже»,* — сказал им Селларс. — *Операционная система останавливается, готовится к уничтожению. Сейчас я обязан установить с ней контакт. Наша единственная надежда — заставить ее жить немного подольше, чтобы вы успели уйти, и это очень призрачная надежда. А теперь, быстрее. Я вижу след. Несколько минут назад кто-то из вашей группы был в контакте с самым сердцем системы.*

— Да, с Рени Сулавейо, она внутри. Мы говорил с ней через устройство доступа, — печально сказала Флоримель. — Но его забрал Жонглер.

Пол ждал, что Селларс что-то скажет, хоть что-нибудь, но голос, говоривший через виртуальное тело Чо-Чо, молчал.

— Так что? — не выдержал наконец Пол. — Мы были готовы сдаться, пока не услышали ваш голос. Это все, что вы можете дать нам?

— *Я думаю, черт побери,* — огрызнулся Селларс. — *И, признаюсь, не знаю что делать. Я испробовал все, что возможно, с моей стороны, но мыслящая часть операционная системы изолировала сама себя и не отвечает.*

Пол повернулся к Мартине Дерубен, которая, казалось, слушала их только наполовину. — Мартина, ты рассказывала мне, как нашла дорогу из другого странного мира — ты и !Ксаббу открыли ворота, помнишь? Ты можешь сделать это еще раз?

— Открыть… ворота?.. — Боль в ее голосе можно было пощупать пальцами. Она и Селларс говорили так, как будто их обоих искусали до смерти пчелы, пока они пытались вести

торговлю. — Рени…!Ксаббу… они… за пределами любых ворот.

— Но у тебя в руке только что был коммуникатор. — Пол наклонился ближе, пытаясь заставить ее сосредоточиться. — Ты чувствуешь… след? Ты говорила, что когда мы вернулись с горы в мир Кунохары, ты чувствовала связь, каким-то образом видела ее в сознание — схватилась за нее, и вытащила за собой нас. Давай, Мартина, ты можешь делать то, что не может никто из нас. Другой возможности не будет!

— Сделай это, — неожиданно сказал Т-четыре-Б. Он вытянул руку и коснулся пальцев слепой женщины. Она вздрогнула, испугавшись. — Будь сильной. Не хочу крантоваться — нам еще рано!

— Но связь с миром Кунохары была еще активна, — слабо сказала Мартина. — Я поймала ее еще до того, как она растаяла.

— Попытайся, — резко сказал Пол. — Ты — наша единственная надежда.

— Он прав, — сказала Флоримель, но более мягко. — Все в твоих руках.

— Это… нечестно, — Мартина тряхнула головой. — Боль… я не могу выносить ее.

Пол подполз к ней и обнял.

— Ты можешь, — сказал он. — Ты уже совершала чудеса. Бога ради, Мартина, чего тебе стоит еще одно?

Она закрыла лицо руками.

— Тогда у меня ничего не болело, — хрипло прошептала она. — А сейчас я вся горю. — Пол было начал что-то говорить, но она покачала головой. — Нет. Молчи. Мне нужна полная тишина.

* * *

Рени, сбитая с толку, яростно уставилась на зажигалку. Оранжевая луна низко висела в небе, насмешливо глядя на нее.

— Нет! Я слышала ее — ты тоже слышал ее. Она только что была здесь.

— Да, я слышал ее, — сказал !Ксаббу. — Но я слышал и голос Жонглера.

— Но что произошло? — Рени никак не могла совместить крайности: радость услышать Мартину, возбуждение от контакта с друзьями, потом отвратительный сюрприз — голос Жонглера, выкрикнувший что-то о высшем приоритете. И теперь…

— Ничего, — сказала она, повторив последовательность. — Зажигалка, она мертва.

!Ксаббу вытянул руку. Рени отдала прибор ему, потом посмотрела на крохотное тельце умирающего богомола.

— Надеюсь, ты счастлив, — проворчала она. — Теперь наши друзья ушли, навсегда. Если бы я не была уверена, что это работа Жонглера, я бы подумала на тебя…

«Умираю.— Везде-нигде голос был едва различим.— *Пытался до последнего… пока дети… могут быть… спасены».*

— Дети? — горько спросила Рени. — Ты не спас ни одного ребенка. Ты что, не слышал меня? Жонглер, человек, который построил тебя — он напал на нас!

«Нет. Дьявол. Все еще… дьявол. Тот, который делает все больнее и больнее…»

— Я что-то чувствую, — спокойно сказал !Ксаббу.

— Что?

— Что-то. Очень далекое. — Он нахмурился и закрыл глаза. — Похоже на слабый след. Как мускусный след антилопы, уносимый ветром. — Он широко открыл глаза. — Игра в веревочки !Кто-то просит сыграть в веревочки.

— О чем ты говоришь? — начала было Рени, потом вспомнила. — Мартина! Помнишь, ты и Мартина?..

Он опять закрыл глаза.

— Я что-то чувствую, но… очень трудно.

«Нет.— Ветер-шорох голоса богомола стал немного слышнее. *— Нет, ты не должен опять открывать нас… ему…»*

— Заткнись! — Рени даже передернуло от гнева. — Наши друзья пытаются дозвониться до нас!

Богомол поднялся на ноги-прутики. Крошечные глаза застилала темная пленка. «*Ты приведешь сюда дьявола, очень быстро — и украдешь последние мгновения».*

— Думаю, потерял ее. — !Ксаббу вцепился в зажигалку с такой силой, что костяшки пальцев побелели, резко выделяясь на его коричневой коже. — Она так далеко!

«Нет… не должна… Нет!»

— Перестань! — сказала Рени, и тут пустыня вокруг них, цвета ночи, янтарная луна и даже горящие звезды стали расплываться и таять. — Остановись!

Но было уже слишком поздно. Небо и земля слились вместе и закрутились, как если бы кто-то сунул палку в горшок с краской и начал шевелить ею. Рени вытянула руку и схватила крошечное насекомое, но оно одновременно росло и сокращалось, и, даже уменьшаясь, господствовало надо всем; потом стало крошечным пятнышком пустоты и быстро улетело от нее.

После долгого мгновения хаоса мир опять успокоился.

— !Ксаббу? — выдохнула она, сражаясь с головокружением.

— Я здесь, Рени. — Его рука коснулась ее, схватила, сжала.

Они все еще находились в пустыне, в выдуманном !Ксаббу Калахари, но сейчас она напоминала ту самую яму, в которой Рени говорила с мнимым Стивеном. Звезды, еще мгновение назад такие яркие, стали невообразимо далекими и тусклыми, как последние угольки догорающего костра. Рени и !Ксаббу скорчились на самом краю сухой равнины, земля над ними вытягивалась в стену ямы, овраг и крошечный ручеек находились далеко от них, быть может в полсотни метров ниже их полки. Несмотря на расстояние и умирающие звезды, свет оставался невероятно ярким, как во сне. Рени увидела, что фигурка, съежившаяся около ручейка, больше не походила на богомола, но не была и ребенком. Что-то, что невозможно определить — маленькое, темное и очень одинокое.

«Все умрет.— Голос-выход поднялся, как струйка дыма.— Невозможно… спасти детей».

На грубом каменном полу ямы мерцало что-то серебряное и безнадежно недосягаемое, как одна из звезд над головой. Внезапно оно выпустило ноги, став похожим на крошечного металлического жука, отползло от одинокого ребенка-неребенка, слепо перевалилось через край реки и кануло в воду.

«Зажигалка,— сообразила Рени. Последняя маленькая надежда, вспыхнувшая в пустыне, исчезла.— Мы потеряли ее. Мы потеряли все».

— Это солнце, — рядом с ней прошептал !Ксаббу. На мгновение ей показалось, что он обращается к ней, но он говорил с закрытыми глазами и совершенно непонятно что. — Да. Оно опускается. Все ниже. Пальцы, толстые большие пальцы. Вот — садится за холмами.

* * *

Больше она не могла держать глаза закрытыми, несмотря ни на какой риск. Апатия уже наползала на нее, темный туман с красным светом и крошечными взрывающимися звездочками. Еще несколько мгновений, и она решит, что лучше сдаться. Ноющая боль — она знала, что в спине, но чувствовала так, как будто она проходила через все тело и выходила через грудь — стала более далекой. Боль отступала.

Каллиопа Скоурос знала, что это плохой знак.

«Надо было подождать, пока Стэн перезвонит,— подумала она, и кашлянула еще одним кровавым пузырем.— Как я хочу, чтобы он был здесь. Смотри, Чан, на этот раз я надела чешую.

Поэтому нож не прошел через легкие в сердце. Поэтому я не умру еще пару минут. Уйма времени.

Да, уйма. Для чего?»

Каллиопа попыталась перекатиться с боку на живот. Если бы она могла ползти, тогда могла бы что-нибудь сделать — может быть даже сползти по ступенькам и выползти из двери чердака. Кроме того так меньше возможностей задеть за что-нибудь ножом. Она знала, что не должна вынимать его — сейчас только лезвие ножа и противоударный гель защитного жилета частично запечатывают рану. Без ножа, который почти убил ее, она бы умерла за несколько секунд.

Бесполезно. В ее руках нет столько силы, чтобы перекатиться на живот, и уж тем более она не сумеет поднять свое тело. Все часы тренировок и вся ее подготовка пошла к черту, и она как рыба, брошенная на дно лодки. Быть может она и протащит себя несколько дюймов, но ей никогда не спуститься по ступенькам.

Кто-то слегка застонал рядом с ней. Каллиопа приподняла голову, но из-за своего положения на полу не увидела ничего. Джонни Дред должен быть в другой части комнаты — она слышала, как он пересек ее и забрался на то, что должно быть странной кроватью, стоявшей в углу. Больше она его не слышала. Кто же стонал?

«Женщина — та самая, что жила с ним. И которую он только что убил».

Каллиопа, медленно вращаясь вокруг бедра, повернулась на бок и заскользила сквозь лужу собственной крови, пока не увидела женщину, тоже лежавшую на боку, как если бы она и Каллиопа были двумя последовательными кадрами очень странного рекламного ролика. Лица женщины было смертельно бледно, но глаза были широко открыты. «Глядит. Глядит на меня».

Женщина опять слегка застонала.

«Да, мне тоже, сестра». Каллиопа пыталась остаться в сознании и делала вид, что не замечает наползающую на глаза темноту и на беспорядок в мыслях. Мы обе хотели его, хотя, как мне кажется, по разным причинам. И обе неправильно оценили его.

Другая женщина открыла глаза пошире. Она еще раз слегка простонала.

«Как будто она хочет мне что-то сказать. Что она извиняется? Что она не знала, что он дома? Сейчас, какая разница?»

Потом она увидела, что из-под груди женщины торчит уголок ее блокнота, обрызганный чем-то красным, как если бы его разрисовал ребенок. Она упала на него и телом спрятала от

Дреда. Умоляющий взгляд женщины метнулся на него, потом на Каллиопу.

— Я вижу его, — попыталась сказать Каллиопа, но вместо слов изо рта появились только пузырьки крови. «Я умру, если попробую взять его,— подумала она, мысли путались.— Но я точно умру, если не попробую».

Она попыталась вытянуть руку, надеясь схватиться ногтями за ковер и подтянуть себя вперед, но в грудь немедленно врезался дротик боли, как будто кто-то ударил по рукоятке ножа, торчащего из груди. Перед глазами собралась тень и даже нитки ковра начали уплывать все дальше и дальше, пока не стали похожи на странный покрытый снегом лес, видный из окна самолета. И тут она обнаружила, что если будет извиваться, как червяк, то сможет сдвинуться на пару дюймов вперед, оставаясь на боку.

«Меня никогда не учили это делать…» Она старалась не обращать внимание на жгучую боль, сопровождающую каждое движение. Ковер хватался за нее и не давал ползти. «Все эти премудрости, как влезать на стены, точно стрелять… Они должны были учить нас… ползать… как червяк…»

Червяк закашлялся. Червяк свернулся от невыносимой боли, даже попытался крикнуть беззвучным пузырящимся выдохом. И когда электрошокер слегка отодвинулся, червяк молча выругался и пополз дальше.

Как жаль, что у меня нет мозга в каждой части. А у червяка, есть? Или это у динозавра? Племянники Стэна должны знать.

«Какое тебе дело до динозавров, Скоурос»,— спросил ее Стэн.

«Они интересные,— ответил она.— Они вымерли, потому что были слишком глупыми. Слишком большими. Слишком медленными. И не носили чешую».

«Нет, носили, даже на уикенд. Но они не брали с собой своих партнеров. Вот в этом и была их беда. Спросите Кендрика — он любит такие вещи».

«Все в порядке. И это не имеет никакого значения. Они умерли давным-давно, верно? А я сейчас сяду на диван… и немного отдохну».

«Ты устала, Скоурос?»

«О, да, Стэн. Я действительно устала… очень устала…»

Туман слегка рассеялся. Перед ней находилось что-то бледное. Луна? Удивительно близко. Но разве сейчас время для нее?

Нет, этот призрачный белый круг — лицо женщины, в сантиметрах от нее. «Мой бог, нет. Я сейчас отключусь, прямо сейчас. Не хватает кислорода…»

Каллиопа сдвинулась еще на несколько дюймов и коснулась пальцами блокнота, почувствовала выпуклую поверхность.

«Не могу его открыть — он под ней…»

Она слегка толкнула женщины головой, пытаясь заставить ее сдвинуться с блокнота, но хотя глаза незнакомки были широко открыты, она не пошевелилась. «Черт побери, только не говори мне, что она мертва, пожалуйста, пожалуйста… Мертвый вес. Прямо на нем». Каллиопа толкнула руку немного вперед и с каким-то безумным интересом наблюдала, как та сомкнулась на блокноте. Она потянула, но пальцы соскользнули. Она попробовала еще раз, сражаясь с кровью, которая была не только на руках, полу и блокноте, но и туманом висела в воздухе, и даже залила ей уши, так что звук ударов сердца казался странным и далеким, как голос в морской ракушке.

Медленно, она протянула вторую руку. Луч боли в спине был ярче и жег больнее, чем любой огонь. Пальцы схватили блокнот и потянули. Он освободился.

Каллиопа мяла пальцами кровавую крышку, пока не нашла место, где надо коснуться. Блокнот открылся, сверкнул поразительно чистый экран.

«Нет крови,— осознала она.— Наверно последнее такое место на Земле…»

Она не имела понятия, что видит на нем, открытые файлы, движение в окнах — перед глазами все плыло. Она молилась только о том, чтобы аудио вход был включен. Она попробовала заговорить, не получилось, закашляла, заплакала, и попробовала опять. Голос вышел, тихий как шепот робкого ребенка.

— Позвони ноль… ноль… ноль.

Каллиопа разрешила голове опускаться до тех пор, пока не коснулась пола, который показался ей мягким, как пуховая подушка и пригласил поспать. Надо было еще добавить код полиции, но она даже не подумала об этом. Теперь все на коленях бога — считает ли блокнот ее голос? Установлен ли он так, что воспринимает голосовые команды? И даже если все сработает, сколько времени потребуется им, чтобы прислать машину?

«Я сделала все, что могла, подумала она. Может быть… отдохнуть… немного».

Она не знала, прошли минуты или секунды, но она вынырнула из другого, еще более густого тумана, и увидела, как что-то движется перед ней. Каллиопа открыла глаза пошире, но это было все, что она могла сделать. Даже если это был сам Дред, она не верила, что может сдвинуться и на сантиметр.

Это оказалась еще одна окровавленная рука. Не ее.

Женщина, с лицом бледным как бумага, протянула руку, ее

пальцы медленно тянулись к нему, как красно-белый паук. Каллиопа, не веря собственным глазам, смотрела, как рука поползла по экрану и начала неуклюже, но целенаправленно, открывать файлы и двигать картинки.

«Она уничтожит звонок». Каллиопа попыталась было пошевелиться, но мускулы не подчинились. «А что если он еще не считал мой голос? Какую еще хрень делает эта идиотка?»

Окровавленная рука задвигалась медленнее, опять коснулась экрана, остановилась, потом соскользнула вниз, оставив за собой переливающийся малиновый след. Через быстро сгущающийся туман Каллиопа услышала, как женщина глубоко булькающе вздохнула.

«Все,— подумала Каллиопа.— Она мертва».

— *Отправлено*, — прошептала женщина.

ГЛАВА 46
Мысли словно дым

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Высший Суд ООН рассматривает дело «Живой Разъем»

(изображение: отрывок из эпизода, посвященного Светлане Стрингер)

ГОЛОС: Высший Суд ООН в Гааге согласился заслушать дело Светланы Стрингер, которая утверждает, что сетевое шоу «Живой Разъем» не имело право снимать документальный фильм о ее любовной жизни и семейных неурядицах без ее согласия. Ее адвокаты утверждают, что если Верховный Суд уйдет в сторону, продолжая не обращать внимание на нарушения средствами массовой информации границ частной жизни, то вскоре ни у кого и не останется права на частную жизнь. Адвокаты американской сети, производящей «Живой Разъем», утверждают, что несколько лет назад мисс Стрингер, тогда еще подросток, подписала документ, разрешающий снимать документальный фильм о ее музыкальном образовании; и это автоматически означает, что она навсегда отказалась от своего права не быть наблюдаемой.

(изображение: Блинг Саберстроп, адвокат сети ICN)

САБЕРСТРОП: «Всем известно, что ООН защищает частную жизнь. Но, поймите, это идея, а не закон. Мы считаем, что это тот самый случай, когда истец хочет и иметь пирог, и съесть его — иметь частную жизнь только тогда, когда она этого хочет.»

Вернувшись в сеть, он несколько мгновений смотрел на умирающую полицейскую, плававшую в собственной крови, но потом, со вздохом, закрыл окно. Слишком отвлекает. Слишком великолепное удовольствие. Проблема в том, что он не может быть везде одновременно.

«Как ребенок в лавке со сладостями»,— подумал он.

Он хотел видеть последние мгновения этой суки-полицейской, но как раз это было одно из тех дел, которым можно заняться позже. Он хотел вытащить операционную систему из ее укрытия, раз и навсегда сломать ее псевдоволю, заставить ее прекратить приводящее его в ярость бессмысленное

сопротивление и полностью подчиниться ему. Но больше всего он хотел поймать Мартину Дерубен, Рени Сулавейо и остальных беженцев, перенести их в свой бесконечный белый дом в виртуальном Аутбэке, и подарить каждому из них восхитительно-замысловатую, долгую смерть. Ожидания очаровывали: сначала он заключит их в тюрьму, запугает их, разрешит несколько мнимых побегов, даже сам примет участие в одном из них, потом в другом, так что он сам испытает несколько ужасных мгновений с ними, как сделал это с Кван Ли, играя надеждой и отчаянием, пока они почти не сойдут с ума.

Но не совсем, естественно. Потому что тогда окончание потеряет все остроту.

И все это он будет записывать. Он будет смотреть этот фильм снова и снова после того, как великое предприятие будет закончено, он отредактирует картину до полного великолепия, добавит музыку и спецэффекты — потребуется много часов, но это будет величайшее из всех удовольствий. Возможно однажды он даже разрешим кому-нибудь другому увидеть ее. Она станет объектом религиозного поклонения, по меньшей мере среди тех немногих людей, которые действительно понимают, как работает мир. И еще долго после того, как он умрет, его имя будут произносить с почтительным шепотом.

«Но я же никогда не умру, верно? Я не собираюсь умирать».

Ничего удивительного, что он так возбудился. Так много надо сделать… и для этого у него есть целая вечность.

Он заставил себя успокоиться. «Никаких ошибок,— напомнил он себе. Голову наполнила успокаивающая музыка, глиссандо струнных, мягкий звон цимбал.— Сначала — операционная система».

Он стоял на странной лунной равнине и изучал барьер, который падающая система воздвигла между ним и его жертвами. Нематериальный, но непробиваемый туман. Откуда только такие штуки появляются? И как через нее пройти?

Ясно как день, что он довел операционную систему Грааля до критической точки, но он не хотел уничтожать ее, только подчинить и унизить. Нельзя рисковать всей сетью, пока у него нет возможности заменить ее чем-то другим. Теперь, когда Дульси валяется на полу чердака с пулей в кишках, это будет немного труднее, но она уже взломала домашнюю систему Жонглера: наверняка у Старика есть в запасе копия сети. Так что разумнее просто подождать, пока он не сможет запустить онлайн эту копию. Да, но что если убив операционную систему, он убьет Мартину и остальных? И что, если Жонглер там, с ними? Мысль о том, что милосердно-быстрая смерть выхватит всех его врагов

прямо из его когтей, чуть не свела его с ума.

«И сейчас они как раз там!..» Он рыскал вдоль барьера, пытаясь осмыслить то малое, что видел. А пока он дал своему разуму побродить по инфраструктуре сети. Очень странное состоянии — находиться сразу в двух места, куда уж страннее. Вот он стоит, с силой бога, но никак не может найти себя в сети: он последовал за Мартиной в это место, но оно не существует ни на одной схеме сети.

«Чертовски странное место,— подумал он, чем бы оно не было». У него здесь больше силы, чем в любом другом месте сети — только увидев его жители убегают с криками — но операционная системы здесь намного сильнее, увы.

«Кровавый ад!— Внезапно он сообразил, где оказался.— Я… я внутри этой чертовой штуки».

Он засмеялся, и стена тумана отпрыгнула от него, как живая плоть от скальпеля хирурга. «Конечно я здесь сильнее. Она знает, кто заставляет ее страдать. Она боится меня».

«Так что если ты во что-то веришь,— осознал он, здесь это что-то становится правдой.— Это объясняет, почему барьер удержал меня — он представляет веру системы в последний оплот против меня. И как последний лоскут веры, он сражается против смерти…»

«Здесь все построено на вере,— подумал он.— Мир призраков, магии. Как проклятые истории моей матери». Но эта мысль не слишком подходила к его праздничному настроению, и он отбросил ее подальше.

«Но где же эта чертова штука? Где прячется эта гадкая система?»

Дред закрыл глаза и, продолжая выхаживать вдоль барьера, проверил внутреннюю карту системы. Эта штука, думающая часть операционной система, должна быть близко. Опять — это странное чувство быть в двух местах сразу. А, ему не привыкать — всю жизнь он не любил выставлять себя напоказ и постоянно контролировал себя, живя двойной жизнью — его гордость и уверенность в себе росли вместе с его силой и на такие мелочи можно не обращать внимания. Но на такую головоломку нельзя не обратить внимание.

«Два дела переплелись. Пока я не искалечу эту чертову систему, мне не поймать тех, кто постоянно убегает от меня, Но если я искалечу ее слишком сильно, они сбегут… умрут».

Он вгляделся, но не увидел по ту сторону барьера двух чудовищных агентов Жонглера. Чтобы они там не сделали, они не заставили систему сдаться, и Мартину, тоже. Больше копий за барьером не было, он должен все сделать сам.

«Значит должен быть другой путь»,— подумал он.

Им начало овладевать знакомое возбуждение, возбуждение охотника. Он мысленно перенесся в систему контроля, и начал искать местонахождение ее последнего убежища. В последние несколько минут было несколько вспышек активности, но ни одна из них не имела смысла, и, продираясь через туманные записи системного журнала, он опять с гневом подумал об измене Дульси. «Эта сучка легко бы разобралась во всей этой хрени». Беглецы и сама система оставались скрыты, виртуальный барьер в виртуальном мире недоступен, он даже не видел следов смятения в сети. Он разозлился до невозможности — со всей своей силой бога не в состоянии найти ничего, и теперь вынужден рыскать среди виртуальных ландшафтов или слушать виртуальные разговоры через коммуникатор.

«Коммуникаторы!..» Он сделал замысловатый жест и в руке возникла серебряная зажигалка. Он открыл канал и обнаружил, что его использовали, но передавали только какую-то чушь — слабые нераспознаваемые голоса бормотали что-то о веревках, закатах и птице, которую они называли медоуказчик. «Ясен пень, коммуникационные линии повреждены». В гневе он уже решил вернуться на чердак, и, используя коды доступа Жонглера, отключить сеть, убить ее и заменить другой, более послушной операционной системой… но тогда, черт побери, Мартина, Рени и весь придурочный Круг отделаются слишком легко.

В ярости он уставился на зажигалку. Как бы использовать эти чертову штуку? Устройство для связи, которое не связывает, полное голосов-призраков.

Но Дульси Энвин говорила, что это не просто коммуникатор. Как же она называла его? А, в-эффектор. Что-то такое, что может передавать не только голоса, но и… данные о местонахождение в сети.

Дред улыбнулся.

Он вновь открыл журнал с основными записями системы. Звонили совсем недавно, так что линию можно использовать, хотя текст передачи совершенно испорчен. Он быстро нашел информацию о месте, но, похоже, обе стороны говорили из ниоткуда. Дред чуть не взорвался от гнева. Ну конечно, если они где-то внутри самой системы, то эффектор не в состоянии выдать обычную информацию. Но весь этот сказочный мир обязан быть *где-то* в сети; точно так же, как он охотился за самой системой через все ее извилины, так он будет следовать за линией коммуникатора, пока не окажется на одном конце или другом.

Он потянулся к ней, почувствовал ее в сознание, появилась его скрутка, похожая на раскаленную до бела нить. Открытый

коммуникационный канал стал серебряной проволокой, тонкой и дрожащей. Сейчас он пробежит по ней и узнает все. Он найдет саму систему и будет мучить до тех пор, пока барьер не упадет, а тогда он схватит всех остальных, они будут его и только его, до их последнего вздоха.

* * *

— Мне кажется… я чувствую !Ксаббу, — выдохнула Мартина. Сэм с ужасом глядела на ее лицо, искаженное гримасой смертельной боли. — Но он в миллионе километров от нас — в миллиарде! На другом конце вселенной! Очень… очень далеко.

Мартина схватилась за голову, она едва стояла. Пол протянул руку, пытаясь поддержать ее, но она с неожиданным ожесточением оттолкнула ее.

— Нет!.. крикнула он. — Так трудно… так трудно… слушать…

— Держи канал открытым, — сказал Селларсом голосом Чо-Чо. — Я еще не готов.

— Не могу… — Мартина перегнулась пополам и прижала руки к черепу, как если бы боялась, что он может взорваться. — Что-то ужасное… ах! Аааааах! Иной! Он… так больно. — Ее колени подогнулись и она упала на землю.

Пол Джонас подбежал к ней, бережно поднял и усадил. Она повисла в его руках, как если бы осталась без костей.

— *Готов или нет.* — Голос Дреда прошипел в самой голове Сэм. — *Я иду!* — Она в страхе вскрикнула.

Остальные тоже ясно расслышали голос: Пол, потрясенный, едва не уронил Мартину на землю. Потом реальность зашаталась и, через мгновение, опять остановилась, но мир вокруг Сэм стал другим.

«Так холодно!..» Комнатная температура вселенной сменилась пронизывающим зимним холодом. С морозом пришло что-то еще и так сжало ужасом грудь, что она едва дышала. Некоторые из товарищей громко вскрикнули, но она только покрепче закрыла глаза, инстинкт ребенка говорил ей набросить на голову одеяло и сидеть, незамеченной, пока кошмар не кончится.

Но никакого одеяла не было.

— Иисус Христос — он уходит! — сказал Пол. Но Сэм с трудом расслышала его голос, потому что герои сказок, собравшие у края Колодца, заорали от ужаса. Сильные пальцы схватил ее за руку, она тоже закричала.

— Вставай, Сэм, — сказал Орландо. — Началось.

Сэм открыла глаза. Тело Таргора изменилось, стало неправильным, и дело было не в странном свете. Он выглядел неполным, как если бы с него сняли верхний уровень реальности, оставив только предварительный набросок.

— Он умирает, — сказал он, и она услышала ужас в его словах. — Все умирает. Посмотри на нас.

Сэм посмотрела вниз, на свои знакомые загорелые руки, фиолетово-серые в дымном свете, лившимся из ямы, и заметила, насколько ненастоящим стало все казаться. Дорога, каменные стены, ее товарищи, все потеряло жизнь, заскользило в первоначальное состояние, как та черная гора, которая начала обваливаться под их ноги во время долгого спуска.

«Мы перестали быть людьми,— подумала она, глядя на сглаженное лицо Пола Джонаса, на застывшую мускулатуру Орландо.— Теперь мы марионетки».

Она вскочила на ноги, пытаясь не поддаться давящему страху. «Нет, это операционная система, Иной, не мы. Он теряет контроль над миром. Он теряет свой сон…»

— Ого, крантуется, — выдохнул Орландо. Он поднял меч, но не с вызовом, а, скорее, чтобы не видеть рушащийся мир.

Барьер таял.

Края радужного облака, накрывавшего их, быстро становились обычным туманом, двигающимся, тающим. Беженцы, тоже потерявшие индивидуальные черты и ставшие похожими на плохо запрограммированных роботов, начали разбегаться, крича испуганными детскими голосами. Из-за тающего тумана появилась темная фигура и зашагала к Колодцу, остатки барьера паутинками крутились вокруг ее ног. Сказочные создания, находившиеся ближе всех к исчезнувшему занавесу, в панике разбегались с ее пути, падали на животы и вжимались в землю. Создание, не обращая на них внимание, шествовало по свободному месту, как новый ужасный Моисей через Красное Море. Страх приковал Сэм к месту. Орландо взмахнул мечом, но тот вырвался из его руки и улетел в пыль.

— *Сейчас мы закончим*, — сказала тварь, ужасно-радостный голос раздался в самой голове Сэм и ей захотелось удариться черепом обо что-нибудь покрепче и разбить его вдребезги, лишь бы ничего не слышать. — *Конец. Исчезновение. Последний кадр*.

— Колодец! — завопила Флоримель. Ее голос, казалось, прилетел из другой половины мира. — Он тонет!

Сэм повернулась и увидела, что гаснущий свет, наполнявший колодец, исчез в сердце земли, оставив за собой огромную пустую яму и притянув на ее вершину пустое черное небо, похожее на

гниющее одеяло. Казалось, что в мире не осталось другого света, кроме того, который шел из глаз и ухмыляющихся зубов их врага.

— В Колодец, — крикнул кто-то за ней — Пол, Нанди, она не могла сказать. — Единственное место, где можно спрятаться! Спускаемся в Колодец. — Но Сэм не могла оторвать глаз от идущей тьмы.

«Оно идет.

Вещь из-под кровати… шум в шкафу… улыбающийся незнакомец, который утащил твоего щенка, пока ты шла домой из школы…»

Орландо схватил ее за руку и поставил на ноги. Он потащил ее к тому месту, где, на самом краю ямы, лежала Мартина Дерубен. Большинство из их товарищей уже спускались в темноту по дороге, которую Сэм еще не видела. Слепая выглядела так, как будто ее мучила нестерпимая боль. Орландо и Пол схватили ее под руки и подняли.

— *Где вы?* — Голос Дреда, мягкий как язык змеи, прошипел в самое ухо Сэм. — *Вам от меня не спрятаться. Я слишком хорошо знаю вас всех.*

Она пошла вслед за Орландо и Полом, которые спустились на полку, криво бежавшую вдоль внутренней стены пустой ямы. Оба они двигались быстро, хотя и несли безвольное тело Мартины. Торопясь за ними, она споткнулась обо что-то и упала. Она быстро вскочила на ноги, но они уже исчезли в темноте. Сэм, запаниковав, обернулась назад, уверенная, что холодный как лед голос находится сразу за спиной, и тут увидела то, обо что споткнулась — человеческую ногу. Мальчик Чо-Чо лежал немного в стороне, почти невидимый в сгустившейся темноте. Внутри нее все дрожало от ужаса, она хотела только одного — бежать вслед за остальными.

«Нет, он еще совсем малыш! Я не могу оставить, его… этому».

Она повернулась, сражаясь со своими вопящими нервами, поднялась обратно. Чо-Чо похоже спал, не подозревая о смертельной опасности, охотившейся за ними. Она подняла его на руки, удивившись, как мало он весит.

— *Что происходит?* — Призрачный голос Селларса донесся из раскрытого рта мальчика. — Кто это?

— Все — происходит все! Это я, Сэм Фредерикс! — Она опять запнулась и едва не упала.

— *Где Мартина?*

— Просто… заткнись, — пробурчала Сэм. — Она спускалась вниз, старясь держаться прямо. Стены ямы быстро теряли остатки того, что делало их настоящими; сейчас они светились слабым мутным светом, еще более мутным, чем жидкие звезды. Ей

показалось, что она различает силуэты Орландо и Пола, спускавшихся по длинной спирали в нескольких метрах впереди ее.

«Вверх тормашками — !Ксаббу был прав.— Ее мысли витали как струйки сумасшедшего дыма.— Это гора, перевернутая вверх тормашками!..»

Она не видела ничего позади себя, тем не менее перед ее внутренним взглядом висела только что увиденная картина — пустоглазая тень, которая была Дредом, распухшая до размеров гиганта, шарит среди беженцев огромными тенистыми пальцами, хватает их, подносит к глазам и отбрасывает в груды сломанных костей.

«Ищет нас,— подумала Сэм.— Нас. В любую секунду может найти дорогу вниз…»

Сердце билось от страха, голова кружилась, и когда она, после очередного поворота, оказалась на более широкой части тропинки и налетела на спину Пола Джонаса, то едва не потеряла сознания.

— Сэм? — спросил он, испугавшись не меньше ее.

Мартина лежала посреди тропинки, там, где они ее оставили, свернувшись клубком, как зародыш. Орландо обошел ее, схватил Сэм за руку и сжал так, как будто не собирался отпускать никогда.

— О, чизз… — Он взглянул на маленькое тело Чо-Чо, как если бы заметил его только сейчас. — Кровь и ад, Фредерико, я не знал, где ты!

— Я… я должна была вернуться назад, — выдохнула она. — Этот малыш — я хочу сказать Селларс…

— *Я не могу больше оставаться с вами.* — Раздраженный голос Селларса опять напугал ее до полусмерти. — *У меня еще много других дел. Скажите Мартине, чтобы сохраняла связь открытой. Любой ценой. Я еще вернусь.*

— Не уходите, — сказал Пол. — Эта тварь… Дред… он преследует нас.

— *Я ничего не могу сделать,* — резко сказал Селларс. — *Прошу меня простить, но мне надо завершить и другие дела. Но, что бы не произошло, пусть Мартина сохраняет связь с сердцем системы. Она должна удержать ее, любой ценой.*

— Черт тебя побери, Селларс, неужели ты не можешь… — начал Пол, но тут Сэм пошатнулась, упала прямо на него и они оба едва на покатились вниз с узкой тропинки, потому что маленькое тело, лежавшее на плечах Сэм, внезапно забилось в панике.

— Спусти меня вниз! — заорал Чо-Чо и схватил Сэм за лицо,

она опять зашаталась, на мгновение под ее левой ногой не было ничего, потом она опять сумела поставить пятку на землю. Она шаталась на самом краю, отчаянно пытаясь сохранить равновесие.

— Отпусти! — Левый локоть мальчика ударил в голову с такой силой, что ее колени подогнулись и она скользнула в сторону. В то же мгновение она почувствовала, что плечи освободились.

«Я уронила его»,— подумала она, валясь в пустоту, когда могучая рука схватила ее за рубашку и выдернула обратно на середину тропинки.

Тусклый свет из глубины Колодца разрисовал серебряными и синими полосами тело варвара, прижимавшего все еще брыкавшегося Чо-Чо к обнаженной груди.

— Ты что, совсем отсканировался? — рявкнул он, и прижал подбородок к голове мальчишки. То ли потеряв сознание, то ли убежденный, Чо-Чо перестал дергаться и повис в могучей руке Орландо.

— *А, так вы там внизу, в дыре?* — раздался голос Дреда, радостный и слегка скучающий, его слова вползли через ее уши как цепочка муравьев. — *Так вы хотите, чтобы я сам спустился за вами? Неужели вы еще не наигрались?*

Пол Джонас наклонился к Мартине, собираясь опять поднять ее.

Орландо опять сжал руку Сэм.

— Ну, теперь я могу себе кое-что вообразить, Фредерико, — сказал он небрежно, хотя и не смог скрыть дрожи в голосе. Наверно его рука тоже дрожала, но Сэм сама тряслась от ужаса как в лихорадке. — Кстати, наш друг, граф Дредула — он, случайно, не австралиец?

* * *

Катур Рэмси ворвался через дверь в соседнюю комнату как раз вовремя, чтобы услышать последние слова Селларса. Голос старик казался еще хуже, чем обычно, более слабым и тихим, как если бы он говорил через садовый шланг из другого конца галактики.

— … *И у меня совершенно нет времени на объяснения,* — сказал он. — *Остались считанные минуты.*

Кейлин Соренсен, косолапо расставив ноги и сжав кулаки, стояла перед Кристабель и слушала запинающийся голос из стенного экрана с таким видом, как будто он был величайшей угрозой ее дочери.

— Вы сошли с ума! Майк, похоже я здесь единственная, кто еще может здраво мыслить.

— *И у меня нет никаких других возможностей, миссис Соренсен.* — Голос Селларса звучал так, как будто он собирался умереть в следующее мгновение.

— Хорошо, я понимаю. — Она повернулась к мужу. — Я говорила тебе, уже достаточно плохо, что эта… фантазия выгнала нас из дома и заставила бежать, спасая жизни, как преступников. Но если ты думаешь, что я разрешу Кристабель опять ввязаться в эту… эту… сказку!..

— Но это все правда, миссис Соренсен, — прервал ее Рэмси. — Как я хотел бы, чтобы это было не так. Но…

— *Рэмси, что вы здесь делаете?* — сказал Селларс, на удивление энергично. — *Вы же должны быть на линии с миссис Пирофски.*

— Она не хочет говорить со мной. Она сказала, чтобы вы поторопились — она ждет сына. — Все было намного более странным, конечно. Ольга, с которой он говорил, ничем не напоминала ту женщину, с которой он подружился, стала замкнутой и пугающе далекой, как если бы Селларс связал его с совсем другим человеком. Она не допускала ни одного слова жалости или сочувствия, да и, казалось, вообще не понимала его. Как и сам Селларс, она уединилась где-то в звездных заливах.

— *У нас остался последний шанс*, — сказал Селларс. — *Если я не смогу добраться до операционной системы, то все пропало. Но даже сейчас, когда столько жизней висит на волоске, я не могу заставить вас.*

— Нет, — зло сказала мама Кристабель. — Вы не можете. И вы ее не получите.

— Кейлин… — Голос майора Соренсена звучал несчастно, одновременно зло и беспомощно. — С Кристабель не произойдет ничего плохого…

— Он всегда так говорил! — прервала его жена. — И посмотри на маленького мальчика в другой комнате — он тоже был под защитой этого человека. Это то, что ты хочешь для нашей дочки?

Селларс опять заговорил, на этот раз как скалолаз, взбирающийся на гору, который знает, что у него нет сил забраться на вершину.

— *Нет, я ничего не могу гарантировать. Но Чо-Чо — совсем другое дело. Он связан с системой напрямик через свою электроканюлю. Кристабель не может войти в сеть именно так.*

Рэмси почувствовал себя предателем, но не мог не спросить:

— А как же те дети, которые застряли в системе — у

некоторых из них тоже не было канюли. И у многих из тех, кто заболел синдромом Тандагора.

— Вот, видите! — с триумфом и яростью сказала Кейлин Соренсен.

— *Другое, совсем другое,* — еле слышным голосом ответил Селларс. — *По меньшей мере я так думаю. Операционная система… Сын Ольги… умирает. Не могу подойти… петля обратной связи…*

Соренсены глядели на экран, и только Катур Рэмси видел, как Кристабель соскользнула с кровати, ее босые ноги коснулись пола. «Такая маленькая»,— подумал он. Она выглядела испуганной и совсем юной

«Великий боже»,— подумал Рэмси. Что мы делаем с этими людьми? Маленькая девочка повернулась, молча вошла в ванну и закрыла за собой дверь.

«Для нее это много — слишком много. Для любого другого слишком много, тоже».

— Я не могу… Я не могу не согласиться со своей женой, — сказал майор Соренсен.

— Что ты имеешь в виду? — опять взорвалась миссис Соренсен. Ни она, ни ее муж не заметили исчезновение Кристабели.

— Успокойся, дорогая, — сказал Соренсен. — Я согласен с тобой. Я тоже чувствую себя куском дерьма.

— *Тогда больше говорить не о чем,* — объявил Селларс печальным голосом умирающего человека. В следующее мгновение экран, через который он говорил, переключился на узел самого отеля, улыбающиеся люди сидели в ресторанах Нового Орлеана и бродили по его туристским местам. — *Я сделаю все, что я смогу с тем, что у меня есть*.

Рэмси не надо было видеть экран, чтобы понять, что Селларс отключился. Соренсены уставились друг на друга, забыв о нем и обо всем мире. Рэмси по-прежнему торчал в дверном проеме; с уходом Селларса он из участника превратился в зрителя.

— Я должен идти, — сказал он. Никто из Соренсенов даже не взглянул на него.

Выйдя из двери он на мгновение облокотился о стену и спросил себя, что же все это значит. Неужели Селларс не способен больше ничего сделать без помощи восьмилетней девочки? И, если у него ничего не получится, что это означает? События происходили настолько быстро, что ему было трудно их переварить. За последние два часа лично он совершил несколько серьезных уголовных преступлений — взорвал дымовую шашку, заставив администрацию эвакуировать весь персонал башни,

вмешался в работу тревожной сигнализации всего острова, и установил дополнительный вход в базу данных одной из самых больших корпораций в мире. Не говоря уже о странных находках, вроде заброшенного дома и леса на вершине небоскреба, похожей на могилу комнату с контейнерами, невероятные новости о потерянном ребенке Ольги, ставшем операционной системой сети Грааль.

«Ольга,— подумал он.— Я должен вернуться к Ольге».

Внезапно дверь комнаты Соренсенов распахнулась и едва не ударила его. Из комнаты выпрыгнул Майкл Соренсен с бледным посеревшим лицом.

— Кристабель! — От одного голоса майора и испуганного выражения его лица Рэмси уже стало плохо.

Кейлин Соренсен укладывала дочь в постель, настойчиво повторяя ее имя, но та ни на что не реагировала. Руки и ноги девочки безвольно свисали, как у тряпичной куклы, глаза закатились, видны были только белки. На кровати, рядом с ногами Кристабель, лежали черные солнечные очки.

— Это его работа! — голосом разъяренной фурии прошипела миссис Соренсен. — Это чудовище — и он делал вид, что просит нашего разрешения.

— Я вызову врача, — сказал ее муж, потом повернулся к Рэмси, со странным сконфуженным лицом. — Можно ли вызывать врача?

— Подожди… не делай ничего. Жди! — Рэмси бросился к своей комнате, потом сообразил, что может позвонить со стенного экрана и не рисковать отсоединиться от Ольги. Он пролаял номер, надеясь, что правильно его запомнил. — Селларс! Ответьте мне!

— *Да, Рэмси, что?* — Его голос звучал даже еще хуже, хотя, казалось, дальше некуда.

— Кристабель в коме, черт побери! В коме Тандагора!

— *Что?* — В умирающем голосе прозвучала неподдельное изумление. — *Как такое может быть?*

— Не спрашивайте меня — она лежит на кровати. Родители только что нашли ее. — Он попытался обдумать то, что произошло. — И рядом с ней лежат какие-то солнечные очки…

— *О, о, боже мой.* — Селларс какое-то время молчал. — *Я заранее перестроил их на вход в сеть, но только в том случае, если бы родители согласились!..* — Несмотря на напряжение в его голосе и несвойственные ему колебания, внезапно он стал более сосредоточенным. — *Скажите им не двигать ее. Сейчас она входит в систему. Я должен идти.* — Мгновение голос молчал, и Рэмси уже хотел разорвать связь, как голос пришел опять. — *И*

еще скажите им, что я искренне извиняюсь. Я не хотел этого — во всяком случае не так. И сделаю все, чтобы… вернуть ее назад.

И он исчез.

Соренсены остались в спальне, молча баюкая неподвижное тело своей дочки. Рэмси, несмотря на смутное чувство вины, или, возможно, из-за него, больше не мог ждать.

Он включил блокнот, чтобы поговорить с Ольгой, и сидел, спрашивая себя, должен ли он рассказать ей о том, что здесь произошло. Но, быть может, она в том же положении, в котором он оставил ее — не хочет ни говорить, ни слышать. Он глядел на экран, мысли беспорядочно метались в голове, и он не сразу осознал то, что видит.

Крышки двух маленьких контейнеров поднимались — медленно и, по видимому, совершенно бесшумно. На мгновение Рэмси охватил почти сексуальный ужас, он почувствовал себя таким же беспомощным, как в детстве, в темном зале кинотеатра. Корабль пришельцев, дверь открывается, что-то выходит наружу — что теперь будет?

Но это не кино. Реальность.

Из ближайшего контейнера показалась фигура, омытая дымным светом, лившимся из-под крышки контейнера, и начала вытаскивать себя наружу.

Линия к Ольге была открыта и Рэмси закричал что было сил, но Ольга не собиралась принимать его звонок. Он мог только опять и опять выкрикивать ее имя, пока невероятно жирный голый человек выбирался из сверкающего контейнера.

* * *

Она надела книгоочки. За линзами была хорошая и уютная темнота. Она слышала мать, говорящую о чем-то в другой комнате. Мамочка действительно разозлилась — на мистера Селларса, на папочку, даже на мистера Рэмси, который, насколько она видела, вообще ничего не делал.

В темноте было хорошо. Хотела бы она иметь такие очки и для ушей.

— Расскажите мне сказку, — сказала она очкам, но ничего не произошло. Линзы остались черными. Не было даже сообщения от мистера Селларса. Он опечалил ее — был таким усталым и больным. Она почти хотела, чтобы папа и мама ничего не знали о ее секретиках — о том, как она ходила к нему в гости, помогала ему во всех делах, как он называл ее «малышка Кристабель».

Их секретное слово.

— Румпельштильцхен, — громко сказала она. В ту же секунду перед ее глазами расцвел свет.

— Это будет похоже на звонок кому-то очень далекому, — сказал ей голос мистера Селларса. *— Или как находится в сети. Я буду с тобой через несколько секунд.*

— Где ты? — спросила она, но голос говорил, не слыша ее. Еще одно записанное сообщение, как и первое.

— … И потом я останусь с тобой, обещаю. Но я одновременно занимаюсь очень многими делами, малышка Кристабель, поэтому мне потребуется время, чтобы добраться до тебя. Ничего не бойся и жди. — Свет задвигался, затанцевал, закрутился. У нее даже голова закружилась. Она захотела снять с себя очки, но почему-то не могла их найти. Она чувствовала свою голову, но она стала какой-то другой — волосы стали шелковистыми, приятными, и потом ей показалось, что у нее вообще нет волос. Свет метнулся от нее, таща ее за собой как по водопроводной трубе, у света был голос, он стонал как ветер или плачущий ребенок.

— Прекрати! — крикнула она, по настоящему испугавшись. Но голос звучал неправильно, не так, очень близко, в голове, но, одновременно, далеко и раскатисто. — Я не хочу!..

Свет окружил ее со всех сторон. А потом исчез. Стало темно, и она не могла коснуться ничего. Несколько секунд она была одна, совсем одна, как никогда в жизни, как в плохом сне, но наяву, и в мире не было никого, ни мистера Селларса, ни папочки, ни мамочки…

А потом появилось что-то еще.

Испуганная, она затаила дыхание, но скорее подумала о том, что затаила дыхание, потому что вообще не чувствовала груди. Она чувствовала себя так, как будто сейчас описается, но и это не было достаточно настоящим. Что-то глядело на нее. Что-то большое. Через темноту.

Оно коснулось ее. Кристабель попыталась крикнуть или ударить, но не было ни рта ни рук. И так холодно !Как если бы эта темнота морозила, она в холодильнике, дверь закрыта, света нет, она не может выйти, никто ее не слышит и никто…

Большое холодное что-то коснулось ее, в голове.

«Та сетевая сказка, которую мне не разрешали смотреть, о гигантской горилле, которая схватила леди, обнюхала ее и осмотрела со всех сторон, так страшно, и я подумала, что она сбросит ее на землю, или засунет в рот и сжует, я описалась и даже не заметила, пока не пришла мамочка и не сказала „обожемой что ты смотришь Майк ты оставил экран и она вся мокрая и испортила диван из-за твоих дурацких чудовищ я

говорила тебе что ей еще рано…“».

А потом она дало ей войти. Большое, холодное что-то пронеслось через нее как ветер, и она почувствовала его запах и поняла, как оно думает и чувствует, какое оно усталое, злое и печальное, и даже очень-очень испуганное, но оно не боится маленьких девочек и потому дало ей пройти.

И она повисла в темноте. Заблудилась.

— *Кристабель?*

Она услышала голос мистера Селларса, добрый ухающий голос, но это не помогло. Она начала плакать, а потом разревелась и никак не могла остановиться.

— Я хочу-у-у к маме-е-е, — с трудом сказала она сквозь плач.

— *Я знаю,* — сказал он. — *Прости — я никак не думал, что это будет вот так.* — Она не чувствовала его, не чувствовала и замораживающую темноту, но могла слышать его слова, а темнота стала хорошей и маленькой. Она попыталась перестать плакать. И начала икать. — *Я с тобой,* — *сказал мистер Селларс. — Я с тобой, малышка Кристабель. Нам надо идти. Мне нужна твоя помощь, как всегда.*

— Но я не собиралась входить!..

— *Да, я знаю. Моя ошибка. Возможно это что-то значит — возможно нет. В любом случае все кончиться очень быстро. Пойдем со мной.*

— Я хочу к маме.

— *Я знаю, что ты хочешь И ты не одна такая.* — Сейчас она уже не так боялась, и слышала, как ему больно. — *Просто пойдем со мной, Кристабель. Я собираюсь познакомить тебя кое с кем. Я прошу прощения, что так получилось, но я рад, что ты здесь, иначе мне пришлось бы посылать твоего друга вместо тебя.*

И тут она услышала новый голос — и очень удивилась, потому что знала, что тот, кому принадлежит этот голос, не может говорить и лежит на кровати как мертвый. Но ведь и мистер Селларс тоже спал как мертвый, верно?

«И я сплю как они? А мамочка и папочка, они, наверно, испугались?»

— Забери меня отсюда! — крикнул голос. — И больше не суй в эту *mierda*.

— Чо-Чо, — сказала она.

Какое-то мгновение он молчал. Кристабель висела в темноте и спрашивала себя, не так ли чувствуют себя те, кто спит сном мертвых.

— Дурочка? — наконец сказал он. — Это ты?

— *Да.* — Мистер Селларс неожиданно задышал сильно и весело, как если бы на мгновение отступил на шаг назад, но

сейчас снова побежал. — *Это она, сеньор Изабаль. Мы все опять собрались вместе. И вы двое должны найти маленького мальчика, потерявшегося мальчика. А потом… потом я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть вас домой.*

— Ты псих, — сказал голос Чо-Чо. — Не пойду никуда!

Но темнота уже начала превращаться в свет — серый, как небо утром — который был под ней, над ней, везде. Кристабель почувствовала, как кто-то взял ее за руку.

— Ты, как, дурочка? — прошептал Чо-Чо.

— В порядке, — прошептала она в ответ. — А ты?

— Тоже, — сказал он. — Ни хрена не боюсь, я.

Врал он или нет, но его пальцы крепко держали ее, а свет все рос и рос.

* * *

Пол и Орландо несли Мартину вниз по извилистой каменной полке, пока не уткнулись в остальных.

— Быстрее! — громким шепотом сказал Пол. — Вы разве не слышали этого сумасшедшего? Он прямо за нами.

— Дорога кончилась, — сказала Флоримель. — Обрывается. Растаяла. Что-то.

— Как гора, — прошептала Сэм, из последних сил шедшая за Полом и поставила Чо-Чо на камень. — Все исчезает.

«Ну, вот и конец пути,— подумал Пол.— Конец бега наперегонки со смертью. Дорога становилась все уже и уже, пока я не оказался в тупике». Он посмотрел на Нанди, на молодого Т-четыре-Б, на остальных. Выпученные глаза, призрачные, несовсем-настоящие лица, расслаивающиеся на разные грубые планы, обесцвеченная кожа, одежда и даже камни, на которых они стояли. Стены ямы тоже казались абстрактными картинами, нарисованными торопливой кистью какого-нибудь художника-экспрессиониста.

— Мы еще можем сражаться, — сказал Орландо. Пол подумал, что это настолько смехотворно, что почти комично, и их бессмысленные смерти будут подходящей концовкой этой блеклой шутки.

Мартина вздрогнула и попыталась сесть.

— Эт-т-то ты, П-пол? — Она так дрожала, что ему пришлось присесть рядом с ней и схватить ее за ноги, иначе она могла запросто перевалиться через край и упасть внутрь ямы. Бесконечная тьма оставалась последней совершенно настоящей вещью.

— Я, — сказал он и нежно коснулся ее лица. Она была холодной. И он был холодным, тоже.

— Мы все здесь, но нам надо быть тихими. Эта тварь — Дред — ищет нас.

— Я не д-должна дать ей уйти, — сказала она. — Я… м-могу чувствовать… где !Ксаббу — и з-за ним. Я могу чувствовать… где Иной. Весь путь… до конца. — Она постепенно переставала дрожать, хотя казалась даже дальше, чем обычно.

— Я здесь.

— Холодно. Очень холодно. Как в вакууме.

Он попытался растереть ей руку, но она оттолкнула его.

— Так странно — я чувствую, как ты касаешься меня, но мне кажется, что ты на другой планете. Не надо. Дай мне подумать. Пол. Так трудно… сохранить… держать…

— *Привет, кореша!* — промурлыкал голос Дреда. — *Я знаю, что вы уже заждались меня.* — Дорога за ними, освещенная странным светом Колодца, оставалась пустой и тихой. — *Скоро я буду с вами, но сначала я наиграюсь с детишками. Слушайте.* — Тонкий плачущий крик эхом отозвался в ушах Пола, как и всех его товарищей, она вздрогнули и вскрикнули, связанные абсолютной беспомощностью.

— На этот раз он делает это нарочно, — проворчала Флоримель. — Садист. Он хочет сначала помучить нас.

— Хочет испужать, вроде как, — сказал Т-четыре-Б.

— Тихо, — прошипел Нанди. — Мы не знаем, где он — может быть он пытается заставить нас выдать самих себя.

— Сколько еще неприятностей обрушатся на наши головы на этом пути? — с нескрываемым презрением сказала Флоримель. — Я больше не поползу.

— И я, — сказал Орландо. — Мне по большому счету плевать, кто он такой — Дракула, оборотень, или Злая Ведьма Запада — мы сможем сделать в нем несколько дырок перед… перед концом. — Пока мальчик говорил, Сэм Фредерикс с трудом поднялась на ноги рядом с ним, отраженный свет освещал ее перекошенное от ужаса лице. Пол почувствовал, как в его сердце поднялось чувство, которому он не мог дать имя. «Бедные храбрые дети. Как такое могло случиться с ними?»

— Холодно!.. — крикнула Мартина. Испугавшись, Пол обхватил ладонями ее рот. Она покачала головой. Потом заговорила снова, еле слышным голосом. — Не мне — Иному. Я чувствую его — он такой маленький! Испуганный! Дети… больше не плачут. Они тихие, слишком тихие!..

— *Там, где Иной, всегда холодно.* — Голос Селларса заставил их подпрыгнуть.

— Он вернулся, — безучастно сказала Сэм.

— *Мы не можем терять время.* — Чо-Чо лежал у ног Сэм и спал тревожным сном, из его открытого рта выходил странный четкий голос Селларса. — *Мартина, я попытаюсь соединится с тобой — присоединить конец моего соединения к началу твоего. У тебя будет очень странное ощущение, но, пожалуйста, попытайся не сражаться со мной.*

— Не могу думать. Слишком холодно… больно…

— *Иной заключен в очень холодную тюрьму, как внешнюю, так и внутреннюю,* — сказал Селларс, быстро выплевывая слова. — *Если вы поймете это, то будете меньше бояться. Он не машина, по меньшей мере так было вначале. Он ребенок, человеческое дитя, искалеченный Братством Грааля, которые сделали его сердцем своей машины бессмертия.*

Пол ощутил всплеск беспомощной злости. Иной, маленький Гэлли, Орландо и Сэм Фредерикс, голоса жертв в Колодца — все эти невинные создания были принесены в жертву для того, чтобы люди вроде Жонглера могли жить бессчетные годы.

— Испуганный… — плакала Мартина. — Такой маленький…

— *И он всегда был, по меньшей мере для самого себя. Испуганный, Брошенный. Находящийся в темноте, буквально и фигурально, потому что они боялись его почти безграничного потенциала. Он так сильно действовал на умы своих тюремщиков, что его сослали в самую жестокую и надежную тюрьму, которую только смогли придумать.*

— Тюрьму?

— *Спутник*. — Селларс говорил тихо, но его слова казались странно громкими на каменной полке, висевшей над пропастью. — *Иной на спутнике, кружащемся вокруг Земли. Криогенные механизмы замедлили процесс его метаболизма и сделали его контролируемый — по меньшей мере они так думали. Они выслали его в космос, снабдив самоликвидатором его тюрьму, так что если что-нибудь пойдет неправильно, они могут включить двигатели ракеты и отправить ее в глубокий космос.* — Селларс говорил сухим треснувшим голосом. — *Жонглер называет это Апеп Последовательностью. По имени змеи, которая каждую ночь пытается проглотить летающий челнок Ра, короля богов.*

Мартина вздохнула.

— Быстрее!.. Я больше не могу… — Она дернулась, потом дернулась опять и опять — странно ритмично. Пол посмотрел на ее руки, исполнявшие странный танец — пальцы перед грудью, то сжимаются, то разжимаются. — !Ксаббу, тоже… ему больно…

— Я стараюсь установить связь даже в то время, когда говорю, — сказал Селларс из спящего мальчика. — Это как вдеть

в иголку… нитку в миллион миль длиной. А я… нахожусь у дальнего конца… нитки.

На дальней стороне Колодца что-то задвигалось — кусочек чистой тьмы, который Пол отчетливо видел даже в полумраке этого потустороннего мира; он двигался спокойным неторопливым шагом, кружа вдоль стены ямы.

— Он идет, — прошептал Пол, зная, что бесполезно говорить громко, зная, что Селларс не может работать быстрее. — Дред идет. — Он коснулся Мартины, его пальцы слегка погладили ее ногу. Она застонала и скорчилась от боли.

— Нет! — Ее руки задвигались быстрее, сжимаясь и разжимаясь, а пальцы в полусвете стали почти невидимыми. — Нет! Больно!

— Пожалуйста, не касайтесь ее, — выдохнул Селларс. — Пожалуйста. Я близко… очень близко. Очень… трудно.

Тень шла вдоль стены, все еще по дорожке. Хотя она была еще далеко, но Пол мог видеть блеск двух бледных глаз. Его сердце забилось еще быстрее, как будто в груди застучал молот. «Мы чувствуем то, что чувствует Иной,— сообразил он.— Но я чувствовал то же самое, когда за мной гнались близнецы — страх перед ними, ужас перед Жонглером. И при этом я даже не настоящий человек, я часть кода этой чертовой сети. У меня даже нет своих чувств».

Темный человек шел по дорожке.

Но что все это означает на самом деле? Запаниковавшие мысли Пола разбежались в разные стороны. Что же здесь правда, что нет? Убийца, или сам дьявол? Мальчик, который думает, что он — операционная система, Операционная система, которая считает себя маленьким мальчиком, упавшим в колодец? Сумасшествие. Ночной кошмар.

«На самом деле это сон Черного Короля. Это и есть правда. Сон скоро кончится, сеть умрет, и Пол Джонас потухнет, как свеча».

«Но я даже не Пол Джонас,— с внезапной холодной ясностью подумал он.— Я-то не настоящий. Так, остаток процесса Грааля, копия, как Ава. Быть может слегка лучшая копия, вот и все».

Он посмотрел на товарищей, застывшими взглядами глядевших на приближающуюся фигуру. Все молчали, слышно было только тяжелое дыхание Мартины.

«Конец, подумал он, а я еще бегу. Дергаюсь. Но я говорил, что не больше не собираюсь…»

«Селларсу надо время.— Мысль пронзила голову, как внезапный крик.— Но времени нет. Нет времени, чтобы спасти

друзей.

И даже если я выживу, что это означает, для меня? Вечность в этой зеркальной вселенной.»

Черная тень прошла последний поворот, перед ней летело невидимое облако ужаса.

— Привет, — сказал Дред, ласково улыбаясь. — Вы не устали, ожидая меня? — Глаза монстра и оскаленные в улыбке зубы сверкали из тени, как будто он надел закопченную маску итальянской комедии. — Ждали старину Джонни? Ждали вашего старого корешка Джонни Дреда?

«Конец»,— подумал Пол. И побежал.

Из-за спины донеслись удивленные крики остальных, он почти не слышал их. На него наползло отравленное облако страха, окружавшее темную фигуру, штормовой фронт леденящей нервы и ноги паники, которое заставило его замедлиться, вплоть до того, что он с трудом переставлял ноги. Он брел по тропинке, как человек, идущий против ураганного ветра.

Тварь по имени Дред остановилась и с оживленным интересом наблюдала за его приближением. Но он чувствовал нотку одиночества в ревущей симфонии ужаса, которая становилась все громче и громче, чем ближе он подходил.

«Ноль. Темнота.— Он не мог думать. Он толкнул себя еще на два шага вперед.— Заблудился. Заблудился! Бежал в темноте, заблудился». Он сделал еще шаг, сердце билось так быстро, что его удары почти слились в один, тиктиктиктиктик…

— Ну, и кто ты такой? — Тварь протянула к нему руку, холодную как у трупа. Ее пустые глаза расширились, когда Пол сделал последний спотыкающийся шаг, потом его мозг и спина отказались слушаться. Он упал на землю у ног человека-тени, дрожа от беспомощного ужаса.

— *И что ты собирался сделать?* — спросил его Дред. — *Бросить мне вызов? Честно сразиться со мной на ринге?* — Он наклонился ближе. Ледяные пальцы подняли подбородок Пола, заставив его поглядеть в белые пустые глаза, торчавшие как льдинки из черного тумана его лица. — *Я собираюсь съесть твое сердце, приятель. И твоих друзей — я собираюсь взять их всех ко мне домой и насиловать их души.*

Дрожащая рука Пола, на мгновение поднявшаяся на несколько дюймов над землей, упала обратно. Тьма сомкнулась над ним, пока он отчаянно цеплялся за последнюю слабую разумную мысль.

— Больше не... — выдохнул он.

Дред наклонился еще ниже, его ухмыляющийся рот остановился в дюйме от Пола. Пол почувствовал, что его сердце

сейчас остановится.

— Ты же еще не сдался, верно? Это было бы так разочаровывающе.

— Больше не побегу! — с душераздирающим криком Пол вскочил с земли. Обхватив руками человека-тень, он вместе с ним перевалился через край полки.

Долгое мгновение они падали, черный человек бился и брыкался в его руках как огромная летучая мышь. Пол чувствовал удивленный страх Дреда, и, несмотря на обхвативший его ужас, в нем поднялось что-то вроде триумфа. А потом они стали падать медленнее и остановились.

Они висели в воздухе и Пол чувствовал себя младенцем на конце вытянутой руку Дреда. Ухмыляющийся рот перекосился от ярости. По телу Пола побежало обжигающее тепло, языки пламени затрещали на руках, ногах, волосах, даже изнутри; пробежали по горлу и наполнили рот. Он закричал, вместе с ужасом выбрасывая из себя дым, монстр размахнулся и бросил его вниз, пылающего, как комета, и Пол со страшной силой ударился об отвесную стену колодца.

Пол почувствовал себя так, как если бы в него попала молния, сокрушая и изменяя тело. Потом он смутно чувствовал, как катится вниз по неровной каменной стене, слабый и беспомощный, но, очень странно, ему казалось, что все это происходит очень далеко и совершенно неважно. Внутри все было сломано.

Наконец он остановился. Он должен был еще гореть, однако видел только мигающие перед глазами свет, да и тот очень неяркий.

«Не чувствую себя копией, слабо подумал он. Скорее… умираю».

Движущаяся тьма спустилась сверху и повисла прямо перед ним.

«Из-за тебя я потерял время. Плохой выбор».

Пол хотел было засмеяться, но не сумел. Не имеет значения, что говорить. Не имеет значения, что думать. Его мысли стали легкими, как поднимающиеся вверх струйки дыма, более легкими, чем воздух, более легкими чем все, что было и будет.

«Хотел бы я знать, есть ли у копий Небеса…»

И больше он не думал ни о чем.

ГЛАВА 47
Звезда над Луизианой

СЕТЕПЕРЕДАЧА/СТОЛЬ ЖИЗНИ: Не можешь соблюдать диету? Может быть стоит поменять гены…

(изображение: лаборатория генной инженерии, институт Кандид)

ГОЛОС: Институт Кандид, Тулуза, Франция, объявил о прорыве в исследовании того, что критики уже назвали «генами плохой еды», диаметрально противоположном подходе к борьбе с привычкой слишком много есть у граждан Первоклассных Стран.

(изображение: Клаудия Джаппер, ведущий исследовать института Кандид)

ДЖАППЕР: «Некоторые люди никак не могут сбросить вес, как бы они не пытались. Мы не выносим приговоров и, безусловно, мы не собираемся наказывать за плохие привычки, особенно сейчас, когда верим, что можем оптимизировать их тело независимо от еды, которую они едят. Если небольшие изменения в генах дают возможность организму лучше справляться с красным мясом и с едой, насыщенной жиром и сахаром, то для чего страдать от болезней, так сокращающих срок жизни?»

Слезы закончились. Ольга могла только ждать. Вообще ничего не осталось, ни внутри, ни снаружи, кроме шипения пустого канала. Она оставила канал к Селларсу включенным на максимум — в последние мгновения разговора он говорил так тихо, что она едва разбирала его слова — и теперь до нее доносился звук его долгового отсутствия.

«Но может быть это я,— тупо подумала она.— Может быть я просто оглохла».

До того, как войти в башню, она верила, что потеряла все, но только теперь поняла, насколько была глупа. Тридцать лет она верила в кошмарную ложь, на которой выстроила свою жизнь, с которой примирилась, как с ветхим, но знакомым домом. Сейчас не осталось ничего.

«Сколько раз он плакал, мой ребеночек? И никто не пришел к нему.— Она не могла двигаться, не могла открыть глаза.— Лучше бы мне не знать. Нет ничего хуже такого знания».

Селларс молчал, в ухе говорили только духи электронов и призрачные голоса квантов.

Она попыталась представить себе жизнь, прожитую таким образом, потраченную на то, чтобы слушать неизвестно чей голос, даже не зная, что ты человек. Вот живет ее сын — и ее саму, единственную мать из когда-либо живших, выбрали для такого ужаса…

Свет изменился. Через щели между пальцами Ольга увидела брызги голубого света и широкую черную полосу движущейся тени. Сердце сделало сальто, угрожая остановиться.

Неужели Селларс послал кого-нибудь сюда? Она повернулась, со смесью паники и смехотворной надежды, но увидела только неизвестно откуда взявшуюся ужасную огромную фигуру, двигающуюся к ней.

— Хе-воу. — Фигура улыбнулась, показывая большие зубы. — Хе-воу, вих-у, вай-ее.

Слов было не разобрать — огромные челюсти мужчины двигались как-то не так. За ним тянулись кабели из фиберлинка и какие-то медицинские шланги, с голого тела капала вода, и он казался каким-то глубоководным монстром, покрытым водорослями. На его скользкой коже выделялись шишки, блестевшие от какого-то светящегося жира.

За ним находился черный саркофаг с поднятой крышкой. И у второго маленького саркофага, по другую сторону от контейнера Жонглера, крышка была открыта. Оттуда тянулись костистые руки, как будто кто-то пытался выбраться наружу.

Жирный человек сделал еще один неуверенный шаг, потом поднял огромную мясистую руку. Ольга отпрыгнула назад. Он двигался еще медленно, но постепенно его движения ускорялись. В этом скудном свете его мокрые следы на полу казались следом чудовищной улитки.

— Ве уежишь, — речь стала понятнее, но не намного.— Ве в то вемя ришла сюда. Ве сумеешь уежать. Винни, ве ты?

Еще одна фигура поднаялась над вторым контейнером — голый мужчина, болезненно худой, но выглядевший значительно более нормальным. Он повернулся и слепо уставился на толстяка.

— Бе м-м-моги идеть, — пожаловался он. — Где… мои… чки?

Толстяк засмеялся. Пятна голубой пены сверкали на его губах и подбородке.

— Не беспокойся, Винни — ты сегда слишком ного беспокоишь. Они тебе бе ужны. Я сам пагоню ее… а ты бделаешь… с вей… все, что захочешь.

Ольга повернулась и побежала по ковру.

Через несколько секунд она добралась до лифта, но дверь не

открылась. Он выкрикнула имена Рэмси и его друга, агента, но вспомнила, что выключила линию, чтобы слышать Селларса.

— Рэмси! — опять крикнула она, включив канал. — Открой дверь лифта!

— *Сейчас,* — крикнул он, испуганный не меньше ее. — *Я уже послал сигнал. Я кричал вам, но вы меня не слышали!*

Лифт зашипел и открылся. Она прыгнула внутрь и махнула рукой над закрывающим дверь сенсором. Двое мужчин уже хромали к ней через помещение, толстяк махал руками в воздухе, радостно крича:

— Вернись! Вернись, маленькая леди! И мы немного повеселимся!

— Этот лифт опустит вас только до этажа охранников, — предупредил ее Рэмси, когда дверь наконец закрылась. — Там вы должны пересесть на другой и на нем спуститься в вестибюль. По меньшей мере я так думаю — я прав, Бизли?

— Да, насколько я знаю, но кто вообще обращает на меня внимание? — сказал картонный голос.

Что-то ударило в дверь лифта с такой силой, что металл слегка изогнулся внутрь.

— Вверх, — сказала она. — Вверх!

— О чем вы говорите? Над вами только один этаж. Вы попадете в ловушку!..

— Я не собираюсь вниз. Прекрасно, я сделаю это сама. — Он махнула значком и коснулась кнопки «вверх», но кабина не шелохнулась.

— Нужно специальное разрешение, — сказал Рэмси. — В прошлый раз Бизли пришлось как следует поработать.

— Сделайте сейчас, быстрее! — попросила она. Еще один страшный удар обрушился на дверь, выгнув ее внутрь еще больше. Она слышала, как толстяк продолжает выкрикивать неприятные приглашения. — Ради бога, сделай это!

— У тебя, леди, — сказал Бизли. Лифт начал подниматься.

— Ольга, несмотря на все эти деревья и сумасшедший лес, вам не удастся прятаться там долго, — сказал ей Рэмси. — Я бы так не делал.

— Мне не нужно прятаться там долго, — сказала она.

* * *

Сэм могла только беспомощно смотреть в пропасть, пока тварь с мертвыми глазами и сверкающими зубами поднималась к ним. Грудь замерзла от ужаса, вместо сердца и легких появился

кусок льда. Она смотрела, кусая губу, как Пол Джонас вспыхнул и полетел вниз. Она настолько испугалась, что даже не могла плакать.

Мартина, находившаяся на полке рядом с ней, дышала коротко и мучительно, как рожающая женщина. Орландо осторожно поддерживал ее голову. Флоримель, Т-четыре-Б и остальные молчали, потрясенные и опечаленные. Вихрь крошечных теней опустился на плечи Орландо, некоторые устроились на плечах у Сэм.

— Он идет, Фредерикс, — жалостливо прошептал кто-то их. Она почувствовала, как пальчики крохотной обезьянки дергают ее за волосы, стараясь схватиться покрепче. — Пошли отсюда!

— Некуда идти, — сказала она.

Мартина выдохнула и села, ее открытые глаза глядели в никуда.

— Я чувствую его! Иной — это ужасно! У него нет тела, только мозг — огромный мозг!

Сэм наклонилась к ней и коснулась ее рукой; пальцы Мартины сжались на ее руке так сильно, что кости затрещали, но Сэм даже не вскрикнула.

«Это не надолго»,— сказала себе Сэм. Она почувствовала, как Орландо взял ее за другую руку. Ухмыляющаяся тень поднималась к ним из колодца как черный лист на теплом ленивом ветру.

— *Они решили не сохранять ему тела,* — выдохнул голос Селларса в миллионах миль от нее. Рот Чо-Чо опять задвигался. — *Легче… сохранить… один мозг*. — Голос стал более отдаленным, гаснущий сигнал. — *Механизм восстановления ячеек… заменять умирающие… плохо рассчитали… заполнил весь… спутник.*

Дыхание Мартины опять убыстрилось, превратилось в цепочку скрежещущих звуков, совершенно нечеловеческих. Тень медленно поднималась вверх.

— Прощай, — сказала Сэм — не кому-нибудь конкретно, даже не Орландо. Возможно себе. — Кончено, — прошептала она. — Прости.

* * *

Луна растаяла, превратилась в белую тень. И блестящие звезды пустыни исчезли с неба. Рени держала на коленях руку ! Ксаббу. Он с трудом дышал, скорее тяжело и надрывно скрежетал, такого она еще не слышала. Уже несколько минут он

ничего не говорил, но еще несколько секунд назад его руки изображали фигуры игры в веревочку. Сейчас и они остановилась.

— Не оставляй меня, !Ксаббу. После всего. Я не хочу, чтобы ты уходил первым.

Что-то мигнуло. Она посмотрела вниз и неуверенно решила, что дно ямы стало немного дальше, чем раньше. Свет блеснул опять.

Вода в реке начала сиять.

Слабые искры света стали уплотняться, превратились в потоки, залившие тревожным светом все вокруг, но темная фигурка ребенка рядом с рекой не шевельнулась и даже не открыла глаза. Только когда все русло реки наполнилось сверкающим великолепием, маленький ребенок зашевелился и поднял голову.

Два ребенка, маленькая девочка и мальчик, стояли посреди реки, как если бы они пришли сюда по воде. Рении никогда не видела их раньше, или, по меньшей мере, не узнала их: яркий свет так прыгал и крутился вокруг них, что они оба почти исчезали в свете холодного пламени.

Маленькая девочка протянула руку к сгорбившейся фигурке. Она выглядела как фея из сна, но заговорила дрожащим голосом испуганного ребенка.

— Пойдем с нами. Все будет хорошо. Ты можешь.

Ребенок-тень взглянул на детей, охваченных светом. Он ничего не сказал, даже не качнул головой, но река внезапно прыгнула выше, стала по грудь обоим детям. Они не пошевелились, но Рени увидела, как их глаза расширились.

— Не бойся, — сказала маленькая девочка. — Мы пришли забрать тебя к твоей маме.

— *Врешь!*

Она повернулась к мальчику рядом с собой, темноволосому, с мрачным взглядом, так плотно стиснувшему рот, что Рени решила, что он пытается не закричать от ужаса. Он посмотрел на нее и резко качнул головой.

— Скажи ему, — сказала маленькая девочка. — Скажи ему, что все будет хорошо.

Мальчик опять тряхнул головой.

— Ты должен, — сказала она. — Ты… ты похож на него. — Она опять повернулась к ребенку-тени. — Мы хотим только забрать тебя к твоей маме.

— *Врешь!* — Тень скорчилась, стала еще меньше и темнее, почти невидимой. Вода опять поднялась, на мгновение накрыв детей с головой, и сердце Рени подпрыгнуло в груди. — *Дьявол всегда врет!*

Яркий свет потускнел. Мальчик и девочка стояли в быстрой искрящейся воде, испуганные, но не собирающиеся бежать. Они держались за руки.

— Скажи ему, — сказала девочка своему товарищу, ее шепот донесся до Рени, как если бы был предназначен только для нее. — Он действительно боится!

Маленький черноволосый мальчик уже плакал, его плечи вздрагивали. Он посмотрел на девочку, потом на маленькую детскую фигурку, скорчившуюся на берегу реки.

— Л-люди, — сказал он так тихо, что Рени пришлось наклониться вперед, чтобы услышать, — некоторые л-люди хотят помочь, усек? — Он тяжело и неровно дышал. — Некоторые люди действительно хотят помочь тебе. — И тут он так громко заплакал, что она едва расслышала его слова. — Это п-п-правда-а-а…

Сверкающая вода в реке закружилась и заискрилась. !Ксаббу стиснул руки Рени, но когда она, испуганная, взглянула вниз, его лицо стало спокойнее. Она опять повернулась к яме.

Ребенок-тень встал, какое-то время стоял на берегу, потом шагнул в сверкающую реку. Долгое мгновение дети стояли, глядя друг на друга, и молчали, погруженные в глубочайший бессловесный разговор, двое сверкавшие в свете реки, один настолько маленький и темный, что даже сердце самого яркого света не могло коснуться его. Потом все трое исчезли. Рени не очень понимала, что произошло, но слезы текли из ее глаз. Мгновением позже Рени почувствовала, как на них обрушивается темнота, забирая с собой пустыню, яму, все. Последним усилием она прижала к себе !Ксаббу.

«Конец,— подумала она.— Финал.— И потом,— О, Стивен!..»

* * *

Ольга успела заработать дюжину кровоточащих царапин, пока не добралась до пустого дома. Она вошла и закрыла входную дверь на засов. Им не потребуется много времени, чтобы сломать ее, но сейчас это было неважно. Он видела как две фигуры, толстая и тонкая, пробирались через сад, натыкаясь на деревья. Скорее всего они очень долго пролежали в капсулах, и им было не так-то легко бегать за ней.

«Я-то в форме,— подумала она.— Кто знал, что это пригодится?»

Поднимаясь на лифте вверх, она ощутила себя ужасающе свободной. Вся ее жизнь была ложью. Она построила ее на лжи.

Все эти годы, пока она развлекала детей и горевала над своей потерей, ее собственный ребенок был жив — и страдал так, как не страдало ни одно живое существо. «И что ты можешь сделать теперь, когда знаешь правду? Погрозить кулаком вселенной? Плюнуть в Бога? Сейчас все не имеет значения».

— Ольга*?* — Голос Селларса в ухе ударил как гром, хотя, парадоксально, был очень слаб. Она уменьшила громкость. — *Он идет к вам. Не бойтесь.*

— Не испугаюсь, — прошептала она. — Только не его.

Когда ее сын наконец пришел, она не услышала, но почувствовала его — крошечное созвездие огоньков, поднявшееся из невообразимых глубин, устремилось к ней через невообразимое расстояние. Он пришел как стая птиц, птичек-теней, щебечущих и плавающих в том, что было растерянностью и страхом.

— Я здесь, — нежно сказала она, очень нежно. — О, мой малыш, я здесь.

На дверь заброшенного дома обрушились удары, кошмарная парочка пыталась выбить засов. Ольга переходила из комнаты в комнату, уходя в глубь дома, пока не оказалась в спальне девочки. Она села на пыльное покрывало под полкой со старыми большеглазыми куклами.

— Я здесь, — опять сказала она.

Пришли голоса, те самые, которые она слышала во сне, хаотический шепот, стон, плач и смех хора детей. Они распухали, из ручейка превратились в реку, крутились и вились, пока не слились в один совершенно нечеловеческий голос.

— *Мама?..*

Она его чувствовала, всего, хотя уши смутно отметили треск входной двери, сбитой с петель. Мгновением позже она услышала в холле радостно-пьяные крики толстяка и резкий голос его худого приятеля.

— Я здесь, — прошептала она. — Они забрали тебя от меня. Но я никогда не забывала тебя.

— *Мама,* — сказал нечеловеческий голос, вложив в одно слово все свою печаль. — *Один.*

— Я знаю, мой маленький. Но не надолго.

— Ты здесь! — Голос толстяка был уже за ванной, крошечная задвижка остановит их всего на несколько секунд.

В ухе заскрипел испуганный голос.

— *Ольга, это Рэмси. Немедленно уходите!*

Она рассердилась на него за вторжение, но потом напомнила себе — Катур Рэмси находится в другом мире, мире живых. Там все иначе.

— *Осталось несколько минут, время…*

— Подождите немного, мистер Рэмси, я заканчиваю дело, порученное мне мистером Селларсом. — Она отсоединилась от него и встала. — Я здесь, — уверила она одинокое огромное существо. — Я никуда не уйду. Но ты должен дать им помочь тебе, мой замечательный ребенок. Ты чувствуешь, как кто-то пытается добраться до тебя? Дай ему то, что он хочет. — Она почувствовала себя виноватой, ненавидя себя за то, что должна была использовать последние несколько мгновений материнской любви таким образом, должна была манипулировать собственный ребенком, который ничего не знал, но она обещала. Она еще должна была немного этому живому.

— *Дать ему?*

— Он хочет спасти всех, кого сможет. А потом тебе больше будет не о чем беспокоиться.

Дверь ванной затряслась и начала раскалываться.

— *Да… мама.* — Короткая пауза, потом она опять почувствовала его. — *Сделал.*

Она выдохнула. Все обязательства выполнены. Воспоминание, давно похороненное, очень болезненное, вплыло на поверхность.

— У тебя есть имя, мой малыш, ты знаешь? Нет, конечно нет, откуда — но у тебя есть имя. Твой отец и я, мы выбрали его для тебя. Мы собирались назвать тебя Дэниел.

Долгое мгновение молчания.

— *Дэниел?..*

— Да, Дэниел, по имени пророка, который сохранил свою веру даже во логове львов. Но не бойся — львы больше не сделают тебе больно.

— *Иметь… имя. Дэниел.*

— У тебя оно есть. — Говорить было трудно. Слез не было, только сухое онемение, что-то за болью. — Я собираюсь увидеть тебя, сейчас.

Она открыла дверь, и толстый с тонким отпрянули назад, удивленные, но не собиравшиеся упускать добычу. Она подняла руки, показывая, что они пусты.

— Я думаю, что есть кое-что, что вы должны увидеть, — сказала она и молча прошествовала мимо них в гостиную. Два мокрых голых мужчины в изумлении уставились на нее. Руки тостяка дернулись, но она уже прошла мимо. Они посмотрели друг на друга, потом повернулись и последовали за ней через гостиную, за порог.

— То есть вы решили сделать что-то разумное? — начал тонкий.

— Мистер Рэмси, ваш механический друг, агент, может

открыть окно на этом этаже? — спросила она. — Что-то такое большое, что можно увидеть из двери дома.

— *Н-но, Ольга!..* — заикаясь сказал он.

— Просто сделайте, пожалуйста.

— Что, черт побери, происходит? — проворчал толстяк. Он протянул свои массивные руки, сильные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья. — Что за фокус?.. — Он удивленно отпрянул со скрежетом давно не используемых шестеренок, когда огромная квадратная секция крыши скользнула в сторону, открыв темное вечернее небо, настоящее небо, сбрызнутое щепотью звезд, свет которых таял в огнях метрополиса. Свет всех звезд, кроме одной, которая становилась все ярче и ярче.

— *Ольга!..*

— Все в порядке, мистер Рэмси. Катур. Спасибо за все. За все. Но я не собираюсь идти никуда. — Она повернулась и улыбнулась жирному мужчине и его приятелю. — Мы здесь, джентльмены. У нас осталось несколько мгновений — пора затаить дыхание.

Толстый повернулся к худому.

— О чем она говорит?

— Мой сын, — сказала Ольга Пирофски. — Мы ждем моего сына.

* * *

Селларс так долго висел в холодной пустоте, что с трудом помнил, где он, или даже кто он такой, но все равно чувствовал цепочку страданий, вытянувшуюся в бесконечность, слабую связь с сердцем пустоты. Слепая женщина, бушмен, двое испуганных детей — сколько еще они выдержат?

Потом он почувствовал это. Что-то во тьме коснулось канала связи. Как рыбак, обнаруживший на крючке Левиафана, Селларс приготовился к его гневу. И все-таки он убрал всю защиту, рискуя всем, лишь бы не спугнуть его. Даже умирая, оно могло легко убить его, если бы захотело.

«Нет,— подумал он.— Не оно. Он».

Пришло касание, на удивление мягкое.

— *Имя! У меня есть имя.* — сказал нечеловеческий голос. — *Дэниел.*

— А, — сказал Селларс. — Дэниел. Поздравляю тебя, парень, это хорошее имя. — Он заколебался. У них осталось всего несколько минут, но если он будет давить слишком сильно, то разрушит всю непрочную связь.

У Иного, однако, были свои планы.

— *Быстрее. Мама… моя мама… ждет.* — Он вытащил из Селларса последнее обещание, потом отдал все ключи от королевства, выстроенного им для себя — остров изгнания в океане его страха и одиночества.

— Я сделаю все, чтобы спасти их, — заверил его Селларс.

Молчаливый стон — освобождение? Страх?

— *Сделано. Все сделано.*

— До свидания, Дэниел.

Но большое холодное существо уже ушло.

* * *

Дред чувствовал себя так, как если бы взорвался лучами тьмы, как если бы внутри него горел огонь, пожирающий всю планету, бесконечное топливо, пища богов. Внутри оглушительно играла музыка, гремели горны и били барабаны. Он взмыл вверх, протянул руку к скулящим фигурам на полке, и в тот же самый момент бросил все свои мысли, свою сияющую *скрутку* вниз, по серебряной нити в самое сердце системы, к умирающей твари, которая так долго пряталась от него и сопротивлялась ему.

Сопротивления больше не было. Он победил.

Он, наконец-то, нашел его, крошечного содрогающегося червячка, живущего в самом сердце твари. Он дал ему хороший заряд боли почувствовал, как червяк съежился, как горящий лист. Его *скрутка* горела огнем, питаемая его радостью и гневом, торжествующей, все пожирающей яростью.

«Мое,— с упоением сказал он себе.— Все мое».

Он на мгновение остановился, проверяя, кого поймал. Кусочек индивидуальности, обнаженная воля, вот и все, что осталось от думающего сердца системы. Он мог бы стереть его одной мыслью. И система стала бы его безмозглым рабом. А потом?..

Она выскользнула из его хватки, почти полностью освободившись. Удивленный, он сосредоточился, напряг волю и пронзил ее как беспомощно трепыхающееся насекомое, пытающееся опять спрятаться. Как оно еще может сопротивляться ему? После такой боли? Конечно из всех жертв этого мира только сам Дред может выстоять в схватке с такой болью. Никакая машина и рядом не стояла с Джоном Дредом, черным ангелом, властелином земли. Быть может самим богом.

Из любопытства он открыл ее. Слабый голос, вот и все что он нашел. Один выдох.

— *Уверенный… беспечный,* — прошептал голос. — *Ленивый.*

Мертвый.

Голос выдал свои последние тайны и, внезапно, он узнал все. В ужасе он попытался отсоединиться, вернуться в тело, высвободить сияющую скрутку из сердца системы, но она мертвой хваткой вцепилась в его сознание, умирающий зверь вонзил зубы в своего мучителя. Музыка начала запинаться и растаяла. Он ударил всей своей силой, он рвал и мучил ее, но она слепо держала его.

«Приоритетное Сообщение». Слова зажглись перед его внутренним взглядом. Сражаясь всей силой своего сознания, он не мог отключить его, не мог даже удивиться, откуда появилась такая странная вещь. Высшая сила заговорила, но тварь все еще висела на нем, решив утянуть его за собой в пучину самоуничтожения.

Через сознание потянулась вереница образов. Тела… женские тела, измученные и вспоротые, скользкие и мокрые. «Но почему? Где?» Он не мог отвлечься — остались секунды — но образы, наполнившие его мозг, пролетали сквозь него, как ангелы через небо. Ручеек стал потоком, грязной неодолимой волной расчлененных трупов, его собственное лицо злобно глядело на него из тысяч зеркал, тысячи ртов истошно орали, пока он не перестал думать. Он трепыхался, пытаясь выбраться из потока восстановить контроль но все глаза глядели на него знающие глаза смеющиеся рты лица его матери смеялись и кричали кровью тихая музыка смерти он не мог остановить ее не мог не мог не…

* * *

Финни и Мадд отправились на охоту на верхний этаж, но Феликс Жонглер не мог видеть, что там происходит — он сам запечатал это место два года назад. Самый старый человек в мире мог только беспомощно корчиться в сохраняющей жидкости и задавать себе бесчисленные вопросы.

Дред. Это все работа Дреда. Жонглер поднял его из грязи, но любимец обрушился на него как дикий пес, которым, в сущности, он и был. Да, у него очень острые зубы, но в конце концов от только зверь, скотина, животное, почти целиком созданное им самим…

Его внимание опять привлекла какофония тревог. Он попытался сосредоточится, но мысли разбегались. Многие десятилетия он не чувствовал себя таким испуганным — как все это произошло? Сколько времени потребуется, чтобы снова все

привести в порядок? Он заставил себя еще раз просмотреть информацию системы безопасности, но не смог разобраться в безнадежном беспорядке. Новые тревоги, похоже, говорили об опасности с воздуха. «Почему ее не видят мои вертолетчики и пилоты самолетов с вертикальным взлетом?» Скорее всего еще одна фальшивая тревога, но, тем не менее, за что он платит этим бесполезным ленивым солдатам…

«Исчезли». Ну конечно, их нет на месте. Эвакуированы.

Он уставился на мигающие индикаторы, линяя угрозы начиналась высоко в атмосфере и заканчивалась… здесь?

Рядом с ней вспыхивали данные Апепа. Удивленный и потрясенный вторжением в его частные владения, он совсем забыл о странном упрямстве уже запущенной программы. Вранье — все эти данные вранье. Если бы, как они говорят, ракетные двигатели были запущены часы назад, то они отправили бы спутник в открытый космос со скоростью тысячи миль в час, для чего они и предназначены. Так что траектория конечно неправильна…

Траектория. «Падает, а не поднимается».

Он быстро стал перебирать все камеры периметра, пока не нашел одной, направленной в небо, но и та смотрела слишком низко. И только переориентировав и перефокусировав ее, он увидел новую яркую комету, несшуюся по небу прямо на него.

В это ужасное мгновение он понял все, или, по меньшей мере, достаточно. Но Феликс Жонглер не прожил бы так долго, если бы разрешал паническому страху управлять собой, даже в ситуациях вроде этой. Все могло быть потеряно, но кое-что еще можно спасти. В считанные секунды он запустит процесс Грааля — тот стоял готовым с Церемонии. Тело Феликса Жонглера умрет, но скрытое в недрах огромной резервной памяти Телеморфикса, на другой стороне страны, его бессмертное «я» переживет даже катастрофическое падение системы. И однажды он снова окажется в электронной вселенной, пленник, убежавший от смерти, обладающий знаниями, которые вернут ему деньги и власть.

Жонглер погрузился в свою личную систему и попытался войти в сеть. Прошло долгое ужасное мгновение и автономная программа проверки безопасности разрешила ему полноправный доступ. Он мгновенно добрался до управляющего блока, запускающего процесс Грааля, и разбудил спящего двойника — отныне Феликс Жонглер будет жить вечно, и, что бы ни случилось с его телом, он проснется, освеженный и бессмертный, как будто смерть — всего лишь полуденный сон.

Серый свет растаял. Пришла темнота.

Он не понимал. Он еще ничего не сделал. Процесс Грааля только приготовился начать работу, но еще не активизировался. Тогда почему пространство вокруг него стало черным?

Темнота медленно принимала форму — длинную, низкую, запечатанную тайной печатью. Феликс Жонглер глядел, не веря своим глазам. Каким-то образом, без его желания, его затянуло в симуляцию Египта — в гробницу Сета. Но где остальная часть храма? Почему все в тени?

На краю саркофага блеснула красная линия. Жонглер обнаружил, что его несет вперед. Он отчаянно попытался отменить команду, бесполезно, как в ночном кошмаре. Огненная линия стала шире. Крышка открылась. Внутри кто-то находился.

Человек сел, его черный костюм делал его почти невидимым в тенях саркофага. Бледное лицо сверкнула как свеча из-под черного цилиндра, он улыбнулся и вытянул бледные древние руки.

Ужас схватил Феликса Жонглера, сжал в объятиях и раздавил. Горящие глаза уставились в его, сжигая мысли в пепел, но Жонглер не мог отвести взора. Он попытался закричать, но горло сжало, пульс бился с такой скоростью, что никакая химия и никакой механизм не могли замедлить его.

— Я пришел за тобой. — Могильная улыбка Мистера Джинго становилась все шире и шире, пока не проглотила весь мир. — Я пришел, в конце концов. Поехали, на небо. — Он открыл рот, за зубами открылась тьма в которой горела одна единственная новая звезда. Звезда выбрасывала потоки пламени, становившиеся больше и ярче, по мере того, как она неслась к нему, как огни приближающегося поезда.

— Я пришел, Феликс, — сказал Мистер Джинго.

«Эта улыбка.— Больное сердце Жонглера запнулось.— Пустая жестокая улыбка».

— Наконец-то я схватил тебя.

И тогда, в тенях и тишине, в которой двигались только электроны, старик сумел закричать. Крик полетел в пустоту, находящуюся за мгновениями, таял, но не умирал, вновь и вновь пролетая через то место, где не властно само Время.

* * *

Звезда неслась прямо к ней, поток огня, похожий на стрелку полночных часов.

Ольга даже не повернулась, когда жирный и тощий с криками помчались к лифту. Падающий спутник рос с каждым

мгновением; похожий горящий глаз, он уже заполнил все небо за открытой крышей. Она чувствовала сознание сына, близкое, как удары ее сердца. Пламя окружало его, и хотя он своей собственной рукой обломал сук и сбросил колыбель, он ужасно боялся.

Он поискала в кармане и вытащила завиток белого пластика, завернутый в бумагу.

— Я здесь, Дэниел. — Она какое-то время глядела на больничный браслет, потом закрыла глаза. — Мама здесь, с тобой.

И потом она почувствовала его по настоящему, как если бы они держались за руки. Она притянула его к себе и обняла.

В нескольких метрах от нее, в другой вселенной, появился лифт. Дверь открылась наполовину, и остановилась. Толстый и тонкий орали и били друг друга, пытаясь втиснуться внутрь. Жирный сжал шею тонкого, а тот в ответ вонзился зубами в руку и расцарапал до крови голое брюхо толстяка.

В том месте, которое было за глазами, и в том времени, которое было за временем, Ольга нежно прижала к себе сына. Свет падающей звезды лился на нее, усиливаясь с каждым мгновением. Тревоги выли с каждой стены, какой-то голос болтал без умолку в ухе, двое мужчин завывали, сражаясь перед лифтом, но она слышала только одно.

— Шшшш, — сказала она ему. — Не плачь. Мама здесь.

* * *

Рэмси кричал, раз за разом повторяя ее имя, но Ольга Пирофски не отвечала.

Он видел ее в окне, открытом Селларсом. Учитывая все обстоятельства, она выглядела на удивление спокойной, глядя в ночное небо, открытое Бизли, но двое голых мужчин, охотившихся на нее, сейчас сражались насмерть перед лифтом. Все это не имело никакого смысла.

Он позвал Селларса, но тот не ответил.

— Бизли, что, черт возьми, происходит? Селларс сказал, осталось всего несколько минут, но она не хочет уходить — и не отвечает мне. Наверно она вообще потеряла чувство времени. Охранники уже в дороге?

— Никаких охранников. — Голос Бизли прозвучал очень странно, даже для механической игрушки. — Но *кое-кто* есть.

На экране блокнота Рэмси открылось новое окно. Он потрясенно поглядел на него и уронил блокнот на пол.

Бросившись к окну, он какое-то мгновение сражался с занавесками, потом сорвал их и бросил на пол.

— О, Иисус милосердный, — прошептал он, а потом заорал. — *Соренсены! Все на пол.*

Из соседней комнаты послышались крики, что-то тяжело ударилось об пол, майор громко выругался, но Рэмси не мог оторвать глаз от неба. Новая звезда сияла над ночной Луизианой, звезда, которая горела ярче любой другой в небе и которая увеличивалась с каждой секундой.

Полоса пламени прошла над его головой, и тут из далекой темноты острова в озере Борне выпрыгнули более маленькие линии света.

«Наверно автоматическая защита,— безучастно подумал он. Ракеты.— На острове никого нет. Почти никого».

«О, черт,— подумал он.— Ольга, почему?»

Маленькие светлые полоски устремились к падающей звезде. Две прошли мимо, не задев ее и растаяли в бесконечном ночном небе, но одна ударила прямо в горящее тело. Огни пламени брызнули во все стороны, ядро звезды уменьшилось, но не разрушилось. Она по-прежнему летела к горизонту, постоянно снижаясь, и Рэмси уже не видел, как она прошла за зданиями и ударилась в большое черное болото.

Тишина. Ничем не волнуемая ночь. Катур Рэмси затаил дыхание.

Ослепительная вспышка накрыла небо огненным одеялом, из темного озера в небо взмыл крутящийся столб огня. Рэмси изумленно глядел, как он вскипятил облака, столб для вывесок самого Бога, сделанный из твердого пламени, крутящийся и трепещущий, его резкий свет высветил весь город и болото до последней черточки. Рэмси отпрыгнул назад и бросился на пол именно тогда, когда раздался гром конца света, разбивший все окна в отеле.

Спустя полминуты он поднялся на ноги, в ушах мучительно звенело. Топча разбитое стекло, он подобрался к окну и выглянул наружу, холодный и мокрый воздух залива ударил ему в лицо. Столб живого пламени немного уменьшился, но все еще казался достаточно высоким, чтобы сжечь подкладку Небес.

ГЛАВА 48
Ненастоящие тела

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: АНВАК представляет Эскулап

(изображение: подопытные бьются в судорогах)

ГОЛОС: Корпорация АНВАК объявила, что покорила новую высоту в разработке средств для контроля за толпой — продукт, получивший имя «Жестокий Эскулап». На Международной Выставке Средств Безопасности АНВАК представил новую систему, которое официально называется «Электронная Установка для Разгона Толпы» или, сокращенно, Эскулап. Сердцем продукта является устройство, выпускающее крошечные ракеты, которые позволяют накрыть несколько сотен квадратных метров управляемым электромагнитным полем. Любой человек без полевого ингибитора, включаемого в поставку системы, теряет контроль над телом и чаще всего падает в конвульсиях. АНВАК утверждает, что Жестокий Эскулап является «гигантским шагом вперед в контроле над опасными проявлениями человеческой активности…»

Сэм медленно отпустила руку Орландо. Отметины от ее пальцев еще какое-то время оставались на коже, серовато-синие в полусвете Колодца.

— Мы… все еще здесь, — сказала она.

Орландо неестественно рассмеялся, хлопнулся на спину и раскинул руки, изображая удивление.

— Дзанг, Фредерико. Ты не потеряла свой талант говорить очевидные вещи.

Она посмотрела в яму. Еще мгновение назад оттуда поднимался сам Сатана. И сейчас он… исчез.

— Я имею в виду… мы живы!

— Говори за себя. — Орландо перевернулся и вскочил на ноги, потирая те места, где Сэм держала его. Маленькое облако обезьянок, недовольных тем, что их лишили места, взмыло вверх, громко протестуя, и закружилось над опустевшим Колодцем. Несмотря на замешательство, Сэм попыталась улыбнуться. Настоящий Таргор не стал бы тереть руку, даже если бы его укусил дракон.

— Мне кажется… все изменилось, — сказала Флоримель,

которая тоже поднялась на ноги.

— Большая плохая вещь ушла, — сказала одна из обезьянок, подплывая к ней. — На мгновение она застыла в воздухе, прислушиваясь. — *Две* большие плохие вещи.

— Это не все, — сказал Орландо, глядя вверх на открывшиеся далеко наверху слабые звезды. — Все место стало другим. Сканировано-другим, но я не могу объяснить почему.

Сэм тоже взглянула вверх. Разве звезды не исчезли несколько часов назад? Сейчас они опять висели в небе. Орландо прав — все изменилось. Даже после того, как яма стала казаться менее реальной, она оставалась бесконечной и бездонной, невозможно и кошмарно огромной. А теперь, не изменившись в размерах, она казалась простой, почти нормальной. Просто большая дыра в земле. Или они сами смотрят на все это по другому?..

— Мартина! Где ты? — Сэм повернулась. Тело слепой женщины распростерлось на полке, ее лицо уткнулось в стену, почти невидимое в тенях. Сэм подошла к ней. Мартина была без сознания, но дышала.

Флоримель наклонилась и проверила ей пульс.

— Похоже мы все выжили.

— Кроме Пола, — не могла не ответить Сэм и разозлилась — такая глупая потеря! — Он не должен был поступать так.

— Он чувствовал, что должен, — тихо сказала Флоримель. Она подняла одно веко Мартины, нахмурилась и проверила другое.

— Но что произошло? Кто-нибудь может объяснить? — Сэм повернулась и поискала глазами мальчика, который говорил голосом Селларса, но никак не могла найти.

— Он… он исчез, — сказала Бонни Мей Симпкинс. — Этот Чо-Чо. Не спрашивай меня, ребенок — я не знаю, как.

— Его привел в сеть человек по имени Селларс, — сказал Нанди. — Если он ушел, это, возможно значит, что и Селларс ушел… или умер.

— Кто победил, ваще? — спросил Т-четыре-Б. Его обычная грубость куда-то делась и он показался Сэм совсем ребенком. — Мы?

— *Да, в каком-то смысле,* — сказал голос из ниоткуда. — *Наши враги мертвы или недееспособны. Но и мы потеряли многих.*

— Селларс? — Флоримель раздраженно оглянулась, как если бы бесцеремонный сосед мешал ей заниматься домашней работой. Сэм решила, что, как и все они, немка на взводе. — Где вы? Мы устали от фокусов.

Невидимый Селларс рассмеялся. Сэм невольно спросила себя,

слышала ли она раньше его смех. И на удивление веселый смех.

— *Где я? Везде!*

— Сканированый, — прошептал Т-четыре-Б. — Конкретно сканированный.

— *Нет*, — сказал Селларс. — *Все намного страннее. Но Флоримель права — я должен вспомнить о хороших манерах. Сейчас вам будет легче говорить со мной.* — И, внезапно, он появился — странное сморщенное создание на инвалидной коляске, сморщенное лицо похоже на высохший фрукт. Но инвалидная коляска не касалась полки. На самом деле она парила в нескольких метрах в стороне, над огромной пустотой. — Я здесь. И я знаю, что от меня осталось не слишком много.

— А мы? Мы живы или нет? И можете ли вы помочь мне с Мартиной?

Селларс подплыл ближе.

— Я думаю, что она вскоре проснется. Физически она достаточно хорошо себя чувствует, против всех ожиданий. — Он покачал уродливой головой. — Она вынесла огромное бремя — боль и ужас, который мало кто в состоянии выдержать. Она — удивительная личность.

Мартина застонала, потом закрыла руками лицо и перекатилась на живот, показав всем спину.

— Вы сказали обо мне удивительно хорошие слова, — сказала она хриплым, странно ровным голосом. — Надеюсь, это означает, что я умерла.

Сэм наклонилась к ней и неловка коснулась волос.

— Не надо, Мартина.

— Но это правда — вы действительно сделали нечто удивительное, Мартина Дерубен, — сказал Селларс. — На самом деле мы все сделали нечто удивительное, просто оставшись в живых. И, возможно, мы увидим нечто еще более удивительное.

— Хватит самодовольной болтовни, — сказала Флоримель. — Я жива, хотя никак не ожидала этого — но я совершенно не собираюсь всю оставшуюся жизнь умиляться тому, что мы сделали. Где моя дочь, моя Эйрин? Я чувствую ее — ее тело все еще живо, и это хорошо, но что с комой? — Она нахмурилась, встала на ноги и повернулась к Селларсу. — Ее сознание должно быть где-то здесь, над нами — потерянное и испуганное после всех этих разрушений. Я собираюсь забраться вверх и найти ее, а вы можете остаться здесь и говорить столько, сколько вам захочется.

— Я прошу прощения, Флоримель. — Сэм решила, что слово «парить» не очень подходит. Селларс сидел на пустоте, как на

твердом камне, который никакой ураган не мог сдвинуть и на дюйм. — Я бы очень хотел сказать, что она уже пришла в себя, что ее настоящее тело проснулось, но не могу. Есть многое, что я просто не знаю, осталось еще множество загадок. Однако я могу пообещать, что та Эйрин, которую вы любите, не находится наверху, не корчится от страха на краю Колодца, и никогда не была там. А теперь вы разрешите мне объяснить вам то, что я знаю?

Флоримель какое-то время глядела на него, потом кивнула.

— Я слушаю.

— Я расскажу вам кое-что, пока мы будем идти, — сказал Селларс. — Нам осталось сделать последнее дело, я не доверяю себе и не хочу заниматься им один.

Орландо вздохнул.

— Мы должны кого-то убить?

— Нет, — Селларс улыбнулся. — Напротив, это будет скорее приятно. Там ждут друзья. Нет, не туда, Хавьер.

Т-четыре-Б уже начал подниматься по пологой тропинке.

— Что?

— Вниз. — Селларс медленно поплыл рядом с полкой, шедшей в глубину. — Мы должны спуститься на дно.

— Старый безумный инвалид-пердун, — тихо проворчал Т-четыре-Б Сэм и Орландо, пока они помогали ему поднять Марину. Остальные уже вставали на ноги, ругаясь от ран и усталости. — Не хочет идти, он — летает как долбаная бабочка.

* * *

Он лежал тихий и неподвижный, но грудь двигалась.

— !Ксаббу? — Она тихонько потрясла его. — !Ксаббу? — Она не могла поверить, что они зашли так далеко и проиграли в самом конце. — !Ксаббу, я думаю… я думаю, что все кончилось.

Она посмотрела вверх, не очень веря своим словам. Дно ямы тонуло в полумраке, свет далеких звезд почти ничего не добавлял к сиянию реки.

«Звезды. Разве звезды были раньше?»

Река, впрочем, перестала быть рекой и опять превратилась тонкий ручеек, вода которого сияла странными блестками, голубыми и серебряными.

Но богомол, ребенок-тень… Иной… исчез.

«Пришли двое детей,— вспомнила она.— Они забрали его… с собой. И кто, черт побери, это был?»

Но изменилась не только река. Свет, каменная полка под ней

— все место стало более или менее настоящим. Самые странные из несуразностей исчезли, но когда Рени быстро поворачивала голову, она видела все с очень маленькой, но задержкой. И было еще кое-что…

Она отвлеклась, обнаружив, что !Ксаббу задвигался и открыл глаза, хотя, похоже, ее не видел. Она прижала его голову к груди, чувствовала, как он движется, слышала его сердце.

— Скажи мне, что ты в порядке. Пожалуйста.

— Я… я жив, — сказал он. — Это одно. Мир закончился… а я жив. — Он попытался сесть. Она не дала. — Это другое, очень странное.

— Есть и третье, — сказала она ему. — Пощупай свое лицо.

Он удивленно посмотрел на нее. Удивление стало сильнее, когда он провел ладонью по челюсти, ощупал пальцами подбородок, но и рот.

— Я… я что-то чувствую.

— Маска, — сказала он, и, не сдержавшись, рассмеялась. — Маска В-капсулы. У меня тоже есть! А это значит, что мы можем выйти в офлайн. — Внезапно ее осенило. — *Джереми — Папа — вы слышите нас?* — сказала она, потом опять, громче. — Нет, не слышат. Быть может что-то случилось с капсулами?

!Ксаббу покачал головой.

— Рени, извини, я ничего не понимаю. Я… устал. Сбит с толку. Я никак не ожидал, что почувствую то, что чувствую сейчас. — Он устало потер голову руками, совершенно незнакомый жест, и Рени какой-то момент только беспомощно глядела на него. Потом опять обняла.

— Извини, — сказала она. — Конечно ты устал и потерял все силы. Я просто волнуюсь, вот и все. Мы не можем говорить с Джереми и моим отцом, и, значит, не знаем, открыты ли капсулы, или нет. Там, внутри, есть рукоятки аварийного выхода, но я не знаю… — Она сообразила, что устала не меньше !Ксаббу. — Но если они почему-то не сработают, мы будем там заперты. — От одной мысли о том, что им придется лежать в темноте, заполненной гелем, в двух дюймах от свободы, ей стало плохо.

— Возможно, надо просто… подождать. — !Ксаббу была трудно держать глаза открытыми. — Подождать, пока…

— В любом случае немного, — сказала она, притягивая его к себе. — Да, спи. Я посторожу.

Но теплая успокаивающая тяжесть его головы на груди быстро погрузило ее в сон.

Она медленно приходила в себя, веки слиплись и их было

настолько трудно открыть, что на одно ужасное мгновение ей показалось, что она проснулась в капсуле, несмотря ни на что. В панике она толкнула !Ксаббу, который скатился с нее на каменную полку.

— Что?… — Он приподнялся на локте.

Рени посмотрела вокруг, на знакомую до боли дорожку, каменную стену за ними и на темную пропасть за краем полки.

— Ничего. Я… ничего. — Она прищурилась, тряхнула головой, посмотрела опять. Река перестала светиться — сейчас это была темная царапина на дне ямы — но что-то другое создавало теплый розово-желтоватый свет, сочившийся на камни, на которых раньше лежал ребенок-тень.

— Что-то сияет снизу, — сказала она.

!Ксаббу подполз к краю полки и заглянул в яму.

— Там трещина в каменной стене, рядом с рекой. — Он сел. — Что это может быть?

— Не знаю, и мне все равно.

— Но, возможно, это путь наружу. — Он, кажется, вновь обрел свою обычную энергию, зато ее куда-то делась. Рени чувствовала себя так, как будто ее долго били. Ногами. !Ксаббу показал на дорожку. — Давай проверим, как далеко мы сможем подняться.

— Кто говорил о подъеме? Мы собираемся ждать, пока отец или Джереми поймут, что мы готовы выйти. И если мы не услышим их еще какое-то время, тогда, я думаю, придется рискнуть и сделать это самим. Так какого черта нам надо искать другой путь наружу?

— Это может быть что-то другое. Угроза, к примеру. А может быть нас ищут друзья.

— Что, с фонариками? — Рени даже махнула рукой.

— Оставайся здесь и отдыхай, — сказал он. — А я пойду взгляну.

— Не смей!

!Ксаббу повернулся к ней с удивительно серьезным выражением лица.

— Рени, ты действительно любишь меня? Ведь ты говорила?

— Конечно. — Она перепугалась. Глаза слегка горели и она заморгала. — Конечно.

— И я, тоже. И это правда. Я никогда не останавливал тебя, когда ты делала что-то, что считала важным. Как же мы сможем жить вместе, если ты не будешь уважать меня?

— Жить вместе? — Она почувствовала, как ее, уже и так избитую, кто-то ударил под дых.

— Конечно мы сначала попробуем. Это то, что ты хочешь?

— Да. Мне кажется. Да, конечно, но… — Ей пришлось остановиться и вздохнуть. — Но я вообще пока не думала об этом.

— Вот и подумай, а я пока схожу и посмотрю. — Он улыбнулся и встал, но казался слегка отстраненным.

— Садись, черт побери. Я совсем не это имела в виду. — Она попыталась привести мысли в порядок. — Конечно, !Ксаббу, конечно мы будем жить вместе, я же не могу без тебя. Я все знаю. Но я никак не ожидала, что мы будем это обсуждать посреди вымышленного мира.

На этот раз он улыбнулся по настоящему.

— Быть может другого мира у нас и не будет.

— Не сбивай меня, пожалуйста. — Она вытянула руки. — Это очень важно. Мы никогда не были любовниками в настоящем мире. В каком-то смысле нам может оказаться непривычно и трудно испытать там то, что мы испытали в *ненастоящем* мире.

— Наверно ты права, Рени. — Он стал очень серьезным.

— Так что давай начнем с начала. Мы здесь застряли, по меньшей мере так мне кажется. Откуда бы ни бил этот замечательный свет, он никуда не ведет. Мы здесь уже много часов, и этот свет ничто для нас. К тому же он не меняется… Не становится ни ярче, ни тусклее.

— Это все правда.

— Так что вместо того, чтобы спорить об очередной куске виртуальной бессмыслицы, почему бы тебе не подойти ко мне и не обнять меня? — Только тут она сообразила, как соскучилась по его объятиям. Они пережили бесчисленные опасности. Теперь она хотела чего-нибудь другого, лучшего. — У нас есть полка. У нас есть время. У нас есть мы. Давай сделаем что-нибудь с этим богатством.

Он поднял бровь. Она могла поклясться, что он растерялся.

— Вы, женщины города, не слишком застенчивы.

— Да, не слишком. А мужчины пустыни?

Он сел, наклонился к ней, обнял ее за шею и привлек к себе. Она решила, что, в конце концов, он не слишком растерялся.

— Мы очень богаты, — сказал он.

Она сообразила, что опять заснула, на этот раз от более счастливого истощения. С трудом разлепив глаза, она медленно оглядела окрестности. Камень, пропасть, далекое небо — ничего не изменилось. Но, конечно, в некотором смысле изменилось все.

— Будем считать этот раз первым или вторым? — спросила она.

!Ксаббу приподнял голову с ее груди.

— Хммм?

Она засмеялась.

— Таким ты мне нравишься. Расслабленным. Наверно таким бывает охотник после того, как съел большой кусок мяса, верно?

— Хорошего мяса. — Он скользнул вверх и поцеловал ее в ухо. — Эти поцелуи, что-то невероятное. У тебя здорово получается.

— Ты тоже научился, — усмехнулась она. — Итак — первый раз или второй?

— Ты имеешь в виду то, что случилось, когда мы нашли друг друга… в великой тьме?

Она кивнула, перебирая пальцами завитки его волос.

— Не знаю. — Он приподнялся над ней и улыбнулся. — Но настоящего первого раза у нас еще не было!

Она какое-то время думала.

— А, настоящие тела. Иисус милосердный, я почти забыла. Все мои *чувства* точно настоящие.

Он посмотрел вниз.

— Свет все еще там.

Рени округлила глаза.

— Все, сдаюсь. Но ты пойдешь не один.

Но и сдавшись, Рени не торопилась. Ей совсем не хотелось куда-то там идти — куда приятнее было бы поэкспериментировать с виртуальными телами, но !Ксаббу поймал ее на слове. Наконец, после многих протестов, она разрешила ему поднять себя на ноги.

— Это было так приятно, — лениво сказала она. — И я не хочу идти никуда. Так приятно побыть человеком… хотя бы недолго. Не бегать, спасая свою жизнь. Не бояться.

Он улыбнулся и сжал ее руку.

— Возможно это и есть разница между нами. Я счастлив с тобой, Рени, так счастлив, что не могу и сказать. Но я не чувствую себя в безопасности, пока не узнаю все вокруг нас. В пустыне мы знаем каждый куст, каждый след, каждый бархан.

Она тоже сжала его руку, потом отпустила.

— Все хорошо. Но, пожалуйста, пойдем помедленнее и будем очень осторожными. Я на самом деле очень истощена — и ты сам, частично, виноват.

— Слушаюсь, Дикобраз.

— Ты знаешь, — сказала она, когда они спустились вниз, туда, где кончалась дорожка, — мне кажется, что это место начинает мне нравиться.

!Ксаббу внимательно оглядел камни стены под дорожкой. То ли из-за изменившегося света, то ли из-за глобального изменения всех окрестностей, но спуск не казался таким крутым, как раньше.

— По-моему, я вижу путь вниз, — сказал он. — Но не простой. Ты уверена, что не хочешь просто подождать меня?

— Если я собираюсь уважать твое желание карабкаться вверх и вниз без всякой причины, — спокойно ответила она, — тогда и тебе лучше понять, что я никогда не останусь у тебя за спиной.

— Да, Дикобраз. — Он прищурился и еще раз оглядел камни. — Ты не против, если я пойду первым.

— Ради бога.

Им потребовалось не меньше получаса, чтобы спуститься вниз, и Рени с благодарностью обнаружила, что первое впечатление не подвело ее: спуск оказался совсем не тяжелым, особенно для того, кто выжил на черной горе; надо было только соблюдать определенную осторожность. Но !Ксаббу всегда находился рядом, указывал, куда поставить руку, находил места отдыха и они добрались до низу без происшествий.

Дно ямы оказалось странно гладким, как будто его расплавили и остудили, совсем не так, как у настоящих ущелий. Рени посмотрела на звезды и круг темного неба высоко над головой. От огромного расстояния у нее закружилась голова. Она начала было предлагать !Ксаббу вскарабкаться обратно — и спрашивала себя, сумеет ли залезть наверх без долгого отдыха — как он поднял руку, призывая к молчанию.

Дыра в стене оказалась не простой трещиной. Она простиралась вверх на высоту четырех-пяти ее ростов, и вход, через который лился оранжевый свет, был настолько широк, что через него мог проехать грузовик.

!Ксаббу очень осторожно подошел к расселине. Свет, очень плотный, почти жидкий, превратил его в узкий силуэт. Внезапно испугавшись, она поторопилась за ним.

Они вошли в расщелину вместе и оказались в высоком коридоре, вырубленном в диком камне, яркий свет бил в глаза и вначале она не увидела ничего. Потом ей показалось, что она видит источники света: в стенах коридора находились запечатанные альковы, похожие на соты, и каждый из них ярко сиял.

«Что это такое?— спросила она себя.— Похоже на улей. Их здесь должны быть сотни… Нет, тысячи…»

— Я слышал, как вы говорили и еще другие звуки, — сказал тихий странный голос за ними. Рени резко повернулась. — Я думал — я спрашивал… удивлялся?… когда вы придете.

В устье расселины, загораживая им выход, стоял высокий человек. От неожиданности и сильного света Рени не сразу узнала его и кошмарное чудовище, которое он держал в руках.

«Рикардо Клемент».

* * *

— Хорошо, хорошо. Иной летал на спутнике и данные сети Грааля передавались специальными лазерами-шмазерами или чем-то в этом роде. Чизз. А потом Иному это надоело, он направил спутник вниз, раздавил Жонглера и умер. — Сэм пыталась переварить новую информацию. — Конкретный чизз. Но Дред-то нет. Не дохлый, я хочу сказать.

— Я уже говорил, что не знаю, — сказал ей Селларс. — Я пытаюсь узнать, что с ним произошло, но может потребоваться…

— Точно. Мы не хрена не знаем о Дреде и это совсем не чизз. Но ты говоришь, что мы спасли Иного, и он смог покончить с собой? — Она покачала головой. — Мужик, ты шизанулся!

— Мы не спасли его, — терпеливо сказал Селларс. — Иной слишком страдал, вначале от Жонглера и Братства Грааля, потом от человека по имени Дред. Он уже решил, что не хочет жить дальше. Такое… бывает. — В голосе Селларса проскользнули странные нотки, которые Сэм не поняла. Она повернулась к Орландо, но ее друг глядел вниз, на тропинку, и делал вид, что ничего не слышит. — Когда я впервые привел в систему Чо-Чо и сражался с системой защиты сети, Иной обманул меня. Я думал, что он поглощен борьбой со мной, но, пока я пытался понять его и его стратегию, и отражал его атаки, он уже готовился использовать меня. И был уже готов, когда мне удалась подключиться к дополнительному каналу информации и меня захлестнула огромная волна данных.

Если бы он захотел, он мог бы с легкостью убить меня — но он хотел кое-что другое. Через мое соединение он дотянулся до сердца системы Феликса Жонглера — той части, которая была защищена от него и в которой находился механизм, державший его в плену. К тому времени, когда я понял, что происходит, он уже сорвал спутник с орбиты и направил его прямо на цель. И с этого момента ничто не могло спасти его — приговор подписала гравитация.

— Как ужасно! — Сэм едва могла дышать, думаю об этом. — Он был так несчастлив!

Мартина, которая шла механически, как зомби, встрепенулась.

— В конце… он немного успокоился. Я почувствовала. Я бы не была здесь, если бы… не почувствовала это.

— Но ты же не почувствовала все, верно? — Селларс даже перестал спускаться и повис перед ней. — Я надеюсь, что ты не страдала вместе с ним в его последние мгновения.

Она слабо потрясла головой.

— Он вытолкнул меня. Перед самым концом.

— Вытолкнул? — Селларс посмотрел на нее пронзительными желтыми глазами. Сэм не могла не спросить себя, действительно ли это их настоящий цвет. — А не был ли там… свего рода контакт? Он что-то сказал?

— Я не хочу говорить об этом, — невыразительным голосом сказала Мартина.

— Но если Иной ушел, почему мы все еще здесь? — спросил Орландо, заметно волнуясь. — Я хочу сказать, это место… оно как сон, чизз? Сеть Грааля была для него телом, но эта часть внутри его сознания, верно? Почему она не исчезла? Почему все вокруг не исчезло?

— И если бы сеть исчезла, вы бы тоже, вместе с ней — так вы думаете, Орландо Гардинер? — нежно сказал Селларс. — Хороший вопрос. У ответа две части, и обе важные. Первую часть я сохраню в тайне, пока мы не окажемся на дне ямы, по моим собственным причинам. Но, на самом деле, я давно готовился к этому дню — хотя и не думал, что у меня появится возможность использовать то, что приготовил. Только сегодня я узнал настоящую природу Иного, хотя всегда знал, что он очень опасен и, по меньшей мере, квази-разумен. Я знал и то, что без него сеть может не выжить. Физически система находится в безопасности — она хранится в памяти процессоров штаб-квартиры Телеморфикс Корпорэйшн. Спасибо покойному Роберту Уэллсу — постоянный код сети и симуляций находится в относительно безопасном месте.

— Минуточку, — сказала Флоримель. — *Покойному* Роберту Уэллсу? Но он жив и находится в симуляции Египта — если мы выжили, то и он выжил, тоже.

Селларс ехидно рассмеялся.

— Он скрыл от Дреда, что взял вас в плен. И когда Дред узнал об этом… — Старик отплыл немного подальше от полки и поглядел вниз. — Так что постоянный код находится в безопасности, но там нет ничего этого. — Он обвел руками яму и тропинку, спиралью вьющуюся вдоль стены. — Это часть самого Иного. — Он нахмурился. — Его! Я не хочу скрывать его человеческую сущность, как остальные. Так что когда он умер, все это должно было исчезнуть. Грубая и несовершенная замена операционной системе, которую я подготовил заранее при помощи людей из Скворечника, тоже не содержит ничего этого.

Селларс вздохнул.

— И теперь я должен кое в чем признаться. Освободив Пола Джонаса из симуляции, в которой Феликс Жонглер так долго держал его, я не полностью понимал, что делаю. Я не знал, как

работает процесс Грааля и даже не подозревал о настоящей природе Иного. Я не имел ни малейшего представления о том, что для Пола создали версию виртуального сознания, которые Братство Грааля делало для себя. Я и сейчас не понимаю, почему они сделали это, хотя подозреваю, что это как-то связано с любовью, которую Авиаль Жонглер питала к нему, и обожанием, которое Иной испытывал к ней.

В любом случае я глупо побежал впереди лошади и освободил его из лап Жонглера, потому что хотел узнать все, что он знает и почему они держат его. Но он убежал, как от них, так и от меня. Почти до самого конца я не знал, что освободил виртуальную копию — настоящий Пол Джонас лежит без сознания под сводами Телеморфикс Корпорэйшн.

Мартина вскрикнула, как от удара.

— Настоящий Пол Джонас… — прошептала она. Сэм показалось, что она сейчас заплачет, но Селларс, похоже, даже не услышал ее.

— В любом случае в последние несколько часов дела шли все хуже и хуже. Еще до того, как начался конец игры, Иной начал перекачивать все ресурсы в этот свой личный мир. Несколько раз вся сеть оказывалась на грани уничтожения…

— А, когда реальность икала, — сказала Сэм.

— Но в последние моменты Иной отступал, в отчаянии. Наконец он запустил процесс своей собственной смерти, желая уничтожить символ своих мук и своего жестокого хозяина, Феликса Жонглера. Остальная сеть могла пережить его смерть, но это тайное место — нет. Вовлеченные в его… контур обратной связи, пойманные могучим гипнозом и не способные уйти в другой мир, вы должны были умереть вместе с ним.

— И дети, тоже, — добавила Флоримель. — Разве он не пытался спасти детей, собрав их здесь?

Селларс помедлил с ответом.

— Да, он пытался защитить детей, тоже, — наконец сказал он. — Вот так обстояло дело. Я мог спасти сеть, но не то, что Иной сотворил внутри собственного разума.

— Погодите минуту, — медленно сказал Орландо. — Вы говорите, что мы не в сети? То есть мы… все это время были где-то еще? В чьем-то сознании?

— А где находятся воспоминания человека? — спросил Селларс. — В его сознании, верно? Это место существует в более широкой сети примерно так же, как мысли человека существуют в его мозгу, но мы никогда не знаем их точного расположения. — Он поднял руку. — Пожалуйста, дайте мне закончить. Иной сдался, но у меня был план. Если бы он

разрешил, я мог бы попытаться, в самую последнюю минуту, создать для вас виртуальные матрицы, примерно такие же, как у Пола Джонаса. Процесс Грааля очень точная процедура и требует много времени, но я надеялся, что сумею создать некоторый базис, как в проекте Грааля, начать с самых простых функций и потом уже добавить слой за слоем память и личность. Для этого мне не нужен Иной, только его самые базовые функции. Но я не мог ничего сделать без его помощи.

В самую последнюю минуту, благодаря помощи одной очень храброй женщины, которую не знает никто из вас, он решил мне помочь. Но времени было очень мало, и не было никаких гарантий, что мы сумеем создать настолько качественную виртуальную матрицу этого мира, адского Иноземья, что она переживет падение системы. — Селларс покачал головой, вспоминая. — Вот половина ответа на ваш вопрос, Орландо, как я и обещал. Она *выжила*. И мы находимся в Грааль-версии первоначальной операционной системы, Иного.

— Он живой? — Сэм внезапно почувствовала, как весь мир опять закачался.

— Нет, не живой. На то, чтобы создать виртуальную копию Иного времени не было. Большая сеть все еще действует, и это место выжило, как вид спасенной памяти. Все функции работают, более или менее. А то, что повреждено, необходимо восстановить.

— Восстановить? — Нанди пошел медленнее, а потом вообще остановился. — Это место проклято, здесь происходили преступления против Природы, оно построено на телах невинных детей. Мы, Круг, пришли в это место для того, чтобы разрушить его, а не восстановить.

Селларс поглядел на него с непонятным выражением лица; Сэм решила, что это не из-за бесконечных морщин.

— Я вполне понимаю вашу точку зрения, мистер Парадиваш. Хорошо бы ее обсудить. Но, если мы не сделаем то, что я сказал, не будет никаких обсуждений. Система погибнет и вы вместе с ней, в разгар дискуссии.

Нанди зло уставился на него.

— У вас нет права принимать такие решения, Селларс — сохранять этот мир в живых ради вашего собственного каприза. Дюжины людей из круга умерли, что помешать такого рода делам.

— Мученики, — тихо сказала Бонни Мей. — Как мой муж Теренс.

— Но сами точно не знаете, ради чего они пожертвовали своей жизнью, — спокойно сказал Селларс. — Так что я предлагаю подождать с этим разговором, пока вы не узнаете.

— Мы не дети, как большинство ваших так называемых добровольцев. — Нанди покачал головой. — И у нас нет тайн от наших солдат. Нас не убедить мистификациями или возвышенными речами.

— Хорошо, — ответил Селларс. Мгновение помолчав, он устало улыбнулся и спросил. — Есть еще кто-нибудь, кто хочет накричать на меня?

— Мы слушаем, — сказала Сэм. Она нервничала, слушая разговор между Нанди и Селларсом, хотя и не была уверена, что все поняла. Почему кто-то хочет уничтожить сеть, особенно сейчас, когда она безопасна? Это огромная, дорогая и ни на что не похожая вещь.— «Кроме того, разве ученые не должны изучить ее?— спросила она себя.— Или кто-то еще в этом роде?»

— Но я все-таки не понимаю, — сказал Орландо. — Почему Иной так долго сражался, а потом взял и сдался. Если он сделал этот мир из своих собственных мыслей и так упорно стремился защитить детей, почему не подождал еще немного, прежде чем сдался? И почему так упорно сражался за детей, которых сам украл?

— Некоторые из ответов я уже дал, — сказал ему Селларс. — Иного так долго мучили, что и он в конце концов отчаялся. — Он опять улыбнулся. — А все остальное — та часть ответа на ваш вопрос, Орландо, который, как и обещал, дам на дне ямы.

— Чизз, — сказал Орландо. — И как долго нам еще ждать?

— Хватит, — вмешалась Мартина. — Надоел весь этот лепет. — Не поднимая глаз от тропы, она заговорила тусклым сожженным голосом. — Ваши споры и вопросы не имеют никакого значения. Хороший человек мертв. Пол Джонас мертв. — Она подняла голову. Сэм показалось, что она как-то необычно повернула лицо к Селларсу. — Кто перенес его в этот оживший кошмар? Вы. Вернуло ли все это его назад? Нет. Тем не менее вы очень довольны собой. Вы радуетесь, что все прошло так хорошо. А тем временем мы бредем вниз, вниз и вниз в этот серый ад, у которого нет дна. Отпустите нас домой, Селларс. Дайте нам заползти в наши норы и зализать наши раны.

На покрытом шрамами лице старика мелькнуло новое выражение, выражение удивления и скорби.

— Я очень уважаю Пола Джонаса, миссис Дерубен. Вы правы, мы действительно должны оплакать его, как подобает. Но, уверяю вас, это путешествие вы сможете проделать с легким сердцем. — Он повернулся к остальным. — И здесь есть дно. Но вы напомнили мне о том, что я совершенно забыл, из-за всех этих волнений. Нет необходимости… брести.

— Что вы имеете в иду? — спросила Флоримель.

— Это. — Внезапно Сэм почувствовала, как какая-то сила подняла ее в вверх, каким-то образом не потревожив молекул воздуха и не нажав ни в одном месте, и подвесила над темным глубоким каньоном. Остальные висели рядом, застигнутые в различных позах.

— Вниз! — крикнул Т-четыре-Б, дико махая руками. — Обратно!

— Раньше это место не было связано с тем, куда мы направляемся. Но сейчас оно достаточно просто и относительно… реально. — Селларс кивнул. — Я совсем забыл, что я могу сделать — сейчас я в состоянии манипулировать сетью. Я совершенно напрасно утомил вас. Мои извинения.

Внезапно Сэм полетела вниз, но не как брошенный камень, а как падающее перышко. Т-четыре-Б, падавший рядом с нею, выдал длинную вереницу крепких уличных ругательств. Сэм увидела всех своих товарищей, летевших как и она. Крошечные желтые обезьянки попытались взлететь с ее плеч и волос, но хотя они и парили в воздухе, но не могли подняться обратно вверх, как будто их всех тянула вниз какая-то сила.

«Как я устала от всего этого скана!— подумала она.— Хочу домой. Хочу увидеть папу и маму…»

— Как Воскресение наоборот, — нервно, но скучно сказала Флоримель.

— Просто пристегните ремни, — весело сказал Орландо. — Всегда пригодится. Вот почему тебе говорят об этом.

«Да, а разве Орландо не хочется домой?»— Это была мучительная мысль.

— Иисус, спаси меня! — заорал Т-четыре-Б.

Они падали несколько минут — трудно сказать сколько именно. Несмотря на ощущение скорости, подлетая они не замедлились — просто мгновенно остановились на дне яме, как на гладкой каменной кровати. Над ними нависли каменные стены, уходя к далекому кругу ночного неба. Но в этом месте были и свой свет.

— Сюда, — сказал Селларс, чья инвалидная коляска удобно стояла на земле. Он повел их к огромной расселине в стене, из которой лился теплый оранжевый свет.

— Держу пари, придется кого-нибудь убить, — вздохнул Орландо. Он хлопнул мечом по каменной стене у края расселины. Меч глухо зазвенел.

Сэм вошла внутрь и оказалась в большом ярко освещенном помещении, буквально наполненном светом. Посреди него ждали три фигуры. Сэм прищурилась, уже надеясь, но боясь ошибиться.

— Рени? — несмело спросила она. — !Ксаббу?

Они, удивленные, повернулись, и она бросилась к ним. Третья фигура, прижимавшая что-то к груди, не пошевелилась. Селларс скользнул за ней, его разрушенное лицо казалось еще более нереальным в этом ярком свете, лившимся со всех сторон.

— Стоп, Сэм, — сказал он незнакомым голосом. — Подожди.

Она остановилась. Селларс, не обращая внимания на !Ксаббу и Рени, обратился к третьей фигуре.

— Кто вы?

«Почему он не узнал Рикардо Клемента?— удивилась Сэм. Он же знает все».

— Подожди, — тихо сказал Орландо у нее за спиной. Он подошел бесшумно, как кот. Он коснулся и ее, и она почувствовала силу, дремлющую в его большой руке. — Я же говорил, что надо будет кого-то убить.

— Это Рикардо Клемент, — уже объясняла Рени Селларсу, хотя и сама казалось пораженной. — Один из Братства Грааля. Он путешествовал с нами, недолго.

— Нет. — Человек долго молчал, но потом тряхнул головой так, как если бы должен был вспомнить это движение. Теперь Сэм видела, что он держит, но никак не могла понять, что это за странное получеловеческое тело. — Нет, я не Рикардо Клемент. Я ношу его… тело… вот и все. Вначале, очень долго я думал… думал… я был Рикардо Клементом. Сбивает с толку, это тело-жизнь. Заставляет думать… странно. Но я не он.

Меня зовут Немезис.

ГЛАВА 49
Следующие

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Евреи и арабы наконец объединились

(изображение: евреи и арабы на демонстрации около Стены Плача)

ГОЛОС: Палестинцы и израильтяне, так долго враждовавшие между собой, наконец нашли общую почву — ненависть к чиновникам ООН, контролирующим Иерусалим.

(изображение: Профессор Йорам Вул, Брукингский институт)

ВУЛ: «Только одно может свести вместе этих людей — если кто-нибудь попытается заставить их не убивать друг друга. Это было бы смешно, если бы не было так печально, и у нас уже есть одиннадцать мертвых голубых касок после взрыва в Туннеле Хасмонеев. Самое частое, что ты слышишь здесь: — А что вы хотите — это же Ближний Восток!»

Рени могла только беспомощно глядеть на того, кого она считала Рикардо Клементом, и на ее давным-давно исчезнувших товарищей по путешествию.

Она никак не ожидала увидеть их опять, и, тем не менее, вот они здесь — но, как Рени и !Ксаббу, тоже только стоят, застывшие и смущенные, и там, где должна была быть радость, оказалась очередная загадка. *И страх,* поняла она. «Я тоже испугалась, и даже не знаю почему».

— Что… что за Немезис? — спросила Рени.

— Это программа — кусок кода. — Рени никогда не слышала, чтобы Мартина Дерубен говорила таким несчастным голосом. — Как мне кажется, его послали за Полом Джонасом. Я встретилась с ним, когда была пленницей Дреда. Кажется, что после всех тех переживаний, я забыла рассказать тебе о нем. — Мартина повернулась к нечеловеческому прекрасному лицу, которое настоящий Рикардо Клемент собирался носить целую вечность. — И что ты хочешь теперь? — горько спросила она. — Джонас мертв. И ты, наверно, счастлив — насколько кто-то, вроде тебя, может быть счастлив.

— О, нет! — Рени схватилась руками за рот. — Только не

Пол.

— Да, Пол, — сказала Мартина.

— Но как эта штука смогла прикинуться одним из парней Грааля? — спросила Сэм Фредерикс. — Мы все видели его живым… на этой Церемонии.

— А это еще что за уродливая синяя обезьяна? — Вновь почувствовав под ногами твердую землю, Т-четыре-Б быстро обрел обычную уверенность в себе.

— Я видела его и в другой форме, — сказала Мартина. — Тогда он имитировал труп одной из жертв Дреда. И, наверняка, сделал что-то похожее с Клементом — возможно взял пустое виртуальное тело Клемента до того, как началась Церемония.

Рени никогда не слышала, чтобы ее подруга говорила таким беспомощным голосом. Ей хотелось подойти и обнять ее — всех их, Сэм, Флоримель, даже Т-четыре-Б — но в воздухе, как надвигающаяся буря, висело облако беспокойства. Она почти боялась двигаться.

Она оглядела знакомые и незнакомые лица, и внезапно узнала высокого молодого человека с огромными мышцами.

— Боже мой, — прошептала она !Ксаббу. — Неужели это Орландо?

Длинноволосый юноша услышал ее, даже на расстоянии, и быстро, хотя и несколько натянуто, улыбнулся.

— Привет, Рени. Здорово, !Ксаббу.

— Но… ты же мертв, верно?

Он пожал плечами.

— Это был очень интересный день.

Мужчина на инвалидной коляске не двигался. Он завис в нескольких шагах от Клемента, его глаза сузились.

— Значит ты Немезис. Ты слышал все, что было сказано и, я думаю, понял — Пол Джонас мертв. Что ты хочешь он нас?

«Селларс». Прошло столько времени, но Рени узнала голос. Странно, что он так выглядит. *Если* он так выглядит. Внезапно ее захлестнула волна ностальгии по настоящему миру, по вещам, которые выглядели так, как им положено и не изменялись каждую секунду.

Существо склонило голову набок, как Селларс, потом медленно повернулось и оглядело остальных. — Ничего, — наконец сказало оно — Я здесь потому, что меня… позвали. Разве тебя… вас… не позвали, тоже?

— Позвали? — спросила Рени. — Для чего?

Рикардо Клемент не ответил, только повернул свой пустой взгляд на сияющие ячейки.

Остальные, первоначально настороженные, успокоились, видя что Немезис не проявляет признаков враждебности и даже интереса. Все бросились к Рени и !Ксаббу. Первой оказалась Сэм Фредерикс, и Рени обнаружила, что плачет.

— Я не плакала с того времени, как была ребенком, — засмеялась она, обнимая Сэм. — Я не верю своим глазам — мы опять все вместе.

— О, Рени! Взгляни! — Сэм повернулась, схватила за руку Орландо и вытащила его к Рени. Сим варвара казался смущенным, как если бы воскрешение из мертвых была каким-то трюком, о котором он сейчас сожалел. — Он живой! Ты можешь в это поверить? — Она дико захихикала. — И ты, тоже! Мы искали тебя, повсюду. Но ты совершенно конкретно исчезла.

Долгие мгновения бушевал хаос, счастливый хаос, несмотря на странность ситуации. Даже Т-четыре-Б разрешил Рени обнять его.

— Чизз, ты не дохлая, — объявил он, неловко застыв в ее объятиях. — И этот маленький бушимен, тоже.

После объятий, слез и даже пары представлений, сопровождаемых потоком вопросов и полуответов, большинство из которых еще больше сбило Рени с толку — Иной, похоже, уничтожил себя, захватив с собой Жонглера и, быть может, Дреда — и она подошла к Мартине, которая стояла в стороне от всех. Рени обняла подругу, и встревожилась, почувствовав ее пассивное сопротивление.

— О, это ужасно, — тихо сказала она. — Но, по меньшей мере, мы живы. И это кое-что.

— Большое дело, — тихо сказала Мартина. — Рени, прости, я счастлива увидеть тебя, и очень рада за тебя и за !Ксаббу. Не обращай на меня внимания. Меня… немного покалечило. Конец… конец был просто ужасен.

— Для !Ксаббу тоже, — сказала Рени. — Я думала, что потеряла его.

Мартина кивнула и выпрямилась; в первый раз за это время в ее осанке появилось что-то от старой Мартины. Она мягко высвободилась, сжала руку Рени и подошла к !Ксаббу. Мгновением позже они уже оживленно шептались.

«Это прогресс,— подумала Рени, увидев оживление на лице Мартины.— Вряд ли можно найти лучшего слушателя для павшего духом человека».

— Минуточку. — Внезапно голос Флоримель заглушил все остальные голоса. — Я очень рада, что мы объединились, но нам обещали ответы. — Она кивнула на Селларса, который глядел на них с добродушной отеческой улыбкой. — Я хочу выбраться из

этой… фальшивой вселенной. Хочу найти свою дочь. Да если, как вы сказали, ей не стало лучше, по меньшей мере я хочу увидеть ее, коснуться ее. Почему мы все еще здесь? Что вы хотите сказать нам?

Только через мгновение Рени поняла, что Флоримель имела в виду, и ее затошнило. «Стивен — она хочет сказать, что ему не стало лучше?» Рени не могла даже и подумать об этом. Все это время они так страдали… это нечестно.

— Нет, — сказала она вслух. — Этого не может быть.

— Я этого не говорил, — запротестовал Селларс. — Я понятия не имею, как сейчас себя чувствуют дети, лежавшие в коме. Я не обещал, что им мгновенно станет лучше. Но причина для комы исчезла.

— Из-за смерти Иного? — резко, не скрывая беспокойства спросила Флоримель.

— Да.

— Но система все еще работает, — сказал человек, представившийся Нанди очень-сложное-слово-на-П — *человек из Круга*, как для удобства она назвала его. Один из тех, кто помогал Орландо и Сэм в Египте. — Быть может она… использует этих бедных детей. Сосет их жизни, как вампир. Поэтому ее необходимо уничтожить.

— Пожалуйста подождите, пока не поймете все, — сказал ему Селларс. — Флоримель права. Пришло время объяснить все остальное. — Инвалидное кресло поднялось немного выше, чтобы все могли видеть его. — Прежде всего, как я уже говорил, сейчас работает новая операционная система, созданная при помощи техников из Скворечника и многих других — значительно более традиционная операционная система. И этой сети больше не требуется подсеть из связанных между собой человеческих мозгов. Конечно, сейчас все выглядит далеко не так реалистично, как раньше, но это можно исправить…

— Можно ли сделать концентрационный лагерь местом для пикников только потому, что последние его обитатели умерли или освободились? — презрительно спросил Нанди.

— Вопрос намного сложнее, — ответил Селларс. — Для функционирования системы использовались детские мозги, но это совсем не те жертвы, которые мы ищем. Мозги, использовавшиеся как дополнение и расширение силы Иного, принадлежали тем, кто не родился — возможно зародышам или клонам. Я еще не знаю всей правды, но несомненно узнаю. Нужно просеять почти бесконечное количество информации, среди которой много тайной или вводящей в заблуждение. Братство хорошо скрывало свои следы.

— Но что в точности вы сказали? — спросила Рени. — Не значит ли это, что мой брат Стивен не является частью системы? И не является, например, одним из детей в симуляции?

— Он никогда не был частью системы, во всяком случае не так, как мы думали. Ни дочь Флоримель или друг Т-четыре-Б.

— *Фенфен!* — прорычал Т-четыре-Б. — Слышу Матти, я. Как будто стоит, здесь.

— Но все знаки указывают сюда, на эту сеть! — зло сказала Флоримель. — Что вы пытаетесь сказать нам? Мы страдали, видели смерть друзей — и все это только ошибка?

— Нет, совсем нет. — Он дал своему стулу подлететь ближе к ней. За его спиной Рикардо Клемент, — нет Немезис, напомнила себе Рени — устроился на полу, пристально глядя на сверкающие стены, как на невероятную художественную галерею. — Сеть, — продолжал Селларс, или, точнее, Иной, безусловно виноват в их коме. Но точно таким же способом, как Иной убедил всех вас, что вы не можете оставить сеть без ужасной боли. Я уже говорил, что это бедное запутавшееся существо, которое мы называем Иной, было невероятно могучим телепатом. Он мог читать мысли, он мог управлять сознанием. Чтение мыслей — то есть удаленное подключение к человеческому мозгу — самая трудная часть. Но как только вы напрямик подключились к нервной системе, все остальное сравнительно легко. Я, например, сумел управлять речевыми центрами мальчика Чо-Чо и говорить с вами.

— Говорить, говорить и говорить — вот и все, что вы делаете, — проворчала Флоримель. — Где же ответы? Почему моя дочь в коме?

— Дайте мне объяснить до конца. Не такая уж простая история, тем более, что большую ее часть я обнаружил сравнительно недавно.

Феликс Жонглер — надменный, страдающий манией величия человек, но при этом очень осторожный. И я все время спрашивал себя, почему он рискнул и ввел тысячи детей в кому? Неужели только для того, чтобы закончить свою машину? Ведь его могли разоблачить в любую секунду. На самом деле он этого *не* делал. Ему и его помощникам не нравился Иной — он был слишком силен и плохо управляем. Так что хотя они построили всю систему вокруг него — и говорили остальным членам Братства Грааль, что все идеально работает — но сами искали других телепатов, которые могли бы заменить Иного. Они сосредоточились на детях, во первых потому, что их было бы легче воспитать в нужном духе, и, во вторых, потому что они физически могли дольше прожить. Так они нашли человека, которого вы знаете как Дред, хотя именно ему Жонглер нашел

совсем другое применение.

У них было много программ, которые искали детей и проверяли их в самых разных местах, вроде частных школ и клиник, таких как Институт Песталоцци, где они давали Иному образование, если такой термин можно использовать по отношению к этой бесчеловечной практике. А были и другие места, вроде виртуального клуба Мистер Джи — где я впервые встретился с Рени и !Ксаббу — и там они просеивали миллионы обычных детей, стараясь найти сырые таланты. Этим проектом руководили два главных помощника Жонглера, хотя, конечно, он сам тоже наблюдал за происходящим.

— Финни и Мадд, — сказала Мартина. — Люди, которые охотились на Пола.

— Да, хотя я и сомневаюсь, что это их настоящие имена. Судя по тому, что я знаю, у них должно быть очень богатое прошлое. — На мгновение Селларс нахмурился.

— Но все эти дети — и мой брат! — сказала Рени. — Почему они в коме?

— Потому что Жонглер недооценил Иного. Его собственное тело украли, и он сделал своим новым телом всю эту фантастически сложную сеть — но Жонглер и его помощники не понимали амбиций Иного. И, что еще более важно, они не понимали его человеческой сущности… и его одиночества.

Он обнаружил, что через электронные соединения может передать свою силу куда угодно. И частью этой силы был гипноз — хотя сам Иной наверно этого так никогда и не понял: примерно так же, как мы не знаем, почему можем видеть или ходить не падая. Вот прекрасный пример — вы все не можете выйти из сети. Почему? Потому что он хотел, чтобы вы оставались в сети. По загадочным причинам он восхищался вами — я видел, как он глядит на вас — и следил за вами…

— Это все из-за истории, — хрипло сказала Мартина. — О мальчике в колодце.

— А. Хорошо, я надеюсь, что позже вы мне все объясните. — Вот уже второй раз в течении часа Селларс казался удивленным. — Но сначала я должен закончить свою историю.

Иной общался с вашим мозгом напрямую, и вы даже не осознавали этого. И на некотором уровне его желание сохранить вас, удержать вас, перешло в прямой приказ, внедренный в подсознание. Будет ли это страшная боль или вам покажется, что ваша нейроканюля исчезла, но результат один — вы сами верите, что вам запрещено выходить из сети.

— То есть эта штука, Иной, действительно держал, нас? — беспокойно спросил Т-четыре-Б. — И сейчас мы можем идти в

наши дыры — типа домой?

— Да. Но после того, как я закончу объяснения, я хочу, чтобы вы сделали кое-что очень важное — тем более вы все собрались вместе.

— Да ну? Надо обмозговать, — сказал Т-четыре-Б. — Плети дальше.

— То есть вы говорите, что детей, вроде моего брата, держали здесь таким же образом?

— Нет. Их вообще здесь не было. Вместо этого они находились… и находятся, насколько я понимаю… в коме просто потому, что Иной дал этому произойти — возможно случайно.

Здесь я могу только гадать, но, по моему, когда Иной наконец обнаружил, как выходить за пределы сети Грааля, он проник в личную сеть Жонглера, обнаружил программу по поиску талантливых детей и внедрился в нее, протянув свою силу в места вроде Мистера Джи. Найдя на том конце ребенка — кстати, возможно первых детей он обнаружил еще десятилетия назад, после Института Песталоцци — он очень возбуждался. И пытался… проверить его, быть может поговорить с ним. Я уверен, что они сопротивлялись. Вы все встречались с Иным. Он ничего не мог поделать с собой и был таким, каким он был — ужасным и внушающим страх.

«Как чудовище в глубине океана, а ты беспомощно плывешь над ним,— подумала Рени.— Как убивающий мороз. Как сам Сатана, отверженный и одинокий…»

— Да, — сказала она. — Бог мой, мы помним.

— Именно так, — кивнул Селларс. — Столкнувшись с сопротивляющимся испуганным ребенком, этот могучее, но несчастное создание подавало что-то вроде психологической команды «Успокойся! Тише!» И они становились… тихими. Но он не понимал того, что делал, и, закончив проверять их, не освобождал, хотя, наверно, мог.

— Проверять их? — разгневанно спросила Флоримель. — Что это означает «проверять их»? Почему? Что он хотел?

Селларс пожал плечами.

— Сделать себе друга. Друзей. Вспомните, что Иной сам был обиженным одиноким ребенком.

Мартина неуютно поежилась, хотела что-то сказать, но промолчала.

— *Друзей*? — Рени посмотрела на остальных, пытаясь определить, действительно ли она одна до сих пр ничего не поняла. — Не знаю. Трудно поверить. Неужели он сделал все это… почти убил их… и только потому, что хотел найти новых друзей?

— Вы меня неправильно поняли. Я не сказал «найти», я сказал «сделать.» Он хотел сделать себе друзей — в буквальном смысле этого слова. Я думаю, что Иной хотел быть с такими же детьми, как он сам — или как тот ребенок, каким он представлял себя. Он изучал настоящих детей и затем воспроизводил их в сети — окружал себя товарищами, стараясь скрасить свое одиночество.

— То есть все эти сказочные герои-дети вроде Каменной Девочки и остальных, которых мы встретили в сердце системы… — Рени пыталась разобраться в словах Селларса. — Это… имитации? Сделанные дети?

— Да. В них соединились результаты изучения настоящих детей, вроде вашего брата, и собственных воспоминаний Иного — возможно единственных счастливых воспоминаний — о тех песнях, сказках и колыбельных, которым научили его Мартина и другие дети. Я подозреваю, что там были не только сказочные создания — были и другие изобретенные дети, убежавшие из этого личного мира Иного, или вообще созданные за его пределами и никогда не бывшие здесь. Скорее всего они рассеялись по сети Грааля — не люди, но и не часть системы.

— Пол Джонас называл их «сиротами», — тихо сказала Мартина, — хотя он не понимал, кто они такие. Наверно таким был его юный друг, Гэлли.

— Сироты, — хмыкнул Селларс. — Очень подходящий термин, особенно сейчас. И все они должны были быть основаны, хотя бы частично, на том, что Иной нашел в умах настоящих детей. Вот почему у некоторых из них сохранились смутные воспоминания о предыдущей жизни.

— То есть… моя Эйрин… она не в сети?.. — медленно проговорила Флоримель, как будто проснувшись. — И она никогда не была в этой сети?

— Нет. Но я по-прежнему не знаю, почему гипнотическое воздействие Иного не исчезло после его смерти. — Селларс мрачно покачал головой. — И я очень хотел бы это узнать, Флоримель. Нам очень повезет, если выяснится, что ваша дочь и все остальные дети остаются в коме только потому, что Иной оставил на них какой-то возвращающийся ментальный захват, возможно при прямом контакте через больничную сеть, оборудование для наблюдения, кто знает? Я даже не могу угадать, что это может быть. Я думаю, что мы можем изучать Иного много лет и все равно полностью не поймем.

— То есть мы не знаем, смогут ли они проснуться? — Рени не смогла сдержать ожесточения в своем голосе. И это после всего!..

— Нет, не знаем, — спокойно сказал Селларс. — Но, возможно, мы все-таки можем помочь им. Возможно мы сможем

использовать знания, которые получили при лечении определенного рода…

— О, да, *лечении*! — Рени прикусила губу, едва не сказав то, что заставило бы ее плакать и ругаться. !Ксаббу нежно обнял ее за плечи. Она закрыла глаза, ей внезапно опротивело это место, этот свет, все.

Испуганное молчание нарушил Орландо.

— Все это по-прежнему не объясняет мне меня. Почему я здесь? Быть может, если ты супер-пупер-гипнотизер, ты можешь сказать кому-нибудь «Будь в коме!» или «Если ты захочешь выйти в офлайн, почувствуй себя в огне!», и это сработает. Но ты же не можешь сказать тому, кто умирает, «Оживи!» Извините, Селларс, но даже в фильме с Джонни Айспиком не пытались изобразить такое.

— У нас не было возможности поговорить, Орландо, — сказал Селларс, — но я подозреваю, что вы и так знаете ответ на свой вопрос. Вы получили виртуальный разум того вида, который Братство Грааля приготовило для себя. — Он повернулся и посмотрел на Немезис, который, казалось, впал в глубокую внутреннюю медитацию. — И тело, тоже, как у Рикардо Клемента, которое, правда, позаимствовал другой. Вас создал Иной, точно так же, как он создал Пола Джонаса — быть может он использовал какую-то версию процесса Грааль, и, пока вы были в системе, создал виртуальный дубликат вашего мозга. И я уверен, Орландо, что он очень точно воспроизвел вас. Возможно он чувствовал какое-то… сходство с вами. Учитывая вашу болезнь и вашу борьбу.

Орландо покачал головой.

— Не думаю. Мертвый — это мертвый, а я действительно умер.

Прежде, чем Сэм Фредерикс или кто-нибудь другой мог запротестовать, внезапно встал Немезис.

— Следующий они почти готов, — объявил он. — Я имею… чувство, я думаю поэтому меня позвали. И я желать… ждать конца. Это чувство?

— О чем говорит этот *феншест*? — проворчал Т-четыре-Б. — Что такое «следующий они»?

Рени, которая слышала, как Клемент-Немезис впервые пытался говорить, не могла не почувствовать раздражения, когда эта тварь заявила, что у нее видите ли есть чувства.

— Он говорит о последней части моего долгого объяснения, — сказал Селларс. — Именно поэтому мы здесь — и это мое самое позорное признание. — Он вытянул руку и указал на сверкающие соты. Сейчас они сияли не так ярко, как если бы

огни костра прикрыли листьями, но их загадочный потенциал заставил Рени нервно поежиться. Селларс, казалось, тоже нервничал. — Это настоящие дети Иного.

— Что — еще одна гадость? — беспечно спросил Нанди из Круга, но в его голосе Рени услышала отзвуки настоящей ярости.

— Но этого не может быть, — возмущенно сказала Сэм. — Все эти плюшевые медведи, Бабл Банни и надувные зайцы, те, которых не убили, еще полчаса назад были наверху, на краю ямы. Как они могли очутиться здесь?

— Они не здесь. Здесь кое-что другое. Пожалуйста, потерпите меня еще немного, Сэм, — попросил ее Селларс. — Совсем немного.

Большинство из вас не знает моей настоящей истории, и я спасу вас от всех деталей. Я сегодня и так наговорил достаточно, и есть значительно более важное, что я *должен* сказать, и быстро.

Селларс быстро рассказал о проекте ПЕРЕГРИН и его трагическом конце. Рени была просто поражена. «Когда же будет конец этим странным историям? — спросила она себя. — Сколько еще мы сможем воспринять?»

— Так что я — единственный выживший, — сказал им Селларс. — Свидетель позорной тайны, десятилетия живший под арестом на военный базе. Из-за моих странных способностей к связи, мне не разрешали пользоваться сетью, но я сумел обмануть моих тюремщиков и изменял себя до тех пор, пока не сумел получить доступ к мировой системе телекоммуникаций, а они даже ничего не заподозрили.

И хотя все ресурсы мира были на кончиках моих пальцев, я скучал. И как все скучающие люди, искал себе развлечений. Я всегда любил выращивать… что-нибудь. Вот я и стал выращивать.

Меня готовили для управления космическим кораблем, стоимостью в миллиарды долларов, и поэтому напичкали мое тело бесконечным количеством микромеханизмов. И, кроме того, встроили в меня антивирусную программу, на тот момент самую лучшую из всех возможных, настоящее произведение искусства. Никакой компьютерный вирус не мог уничтожить мои очень дорогие функции, потому что в далеком космосе невозможно ничего починить или заменить. Вдобавок я получил новейшие и самые эффективные программы-антитела, которые могли приспосабливаться и расти вместе с моей внутренней информационной системой. К тому времени, когда я опять сумел связаться с сетью, сетевые вирусы тоже научились приспосабливаться и изменяться, что, в свою очередь, заставило программистов создать новое поколение антивирусов.

Все это вдохновило меня. Как и у большинства пленников, у

меня не было ничего, кроме времени, и я начал экспериментировать. У меня довольно маленькая внутренняя память — вот почему я никогда не мог изменить себя по-настоящему — так что для моих экспериментов я должен был использовать огромные объемы неиспользуемой памяти, до которых мог дотянуться через сеть, обычно принадлежащей правительству, корпорациям или учебным заведениям.

Очень опасная глупость, конечно. Сейчас я понимаю, насколько озлобленным и задиристым был тогда. Антивирусы моей собственной системы оказались более мощными, чем те, которые использовались в основной сети двадцатью годами позже. Вступив в открытое соревнование с самыми изощренными вирусами, они быстро стали еще более могущественными, что, в свою очередь, привело к развитию нового поколения вирусов. Поскольку вся эта неиспользуемая память находилась в мировой сети, эти мои… создания… могли бы вырваться наружу, во внешний мир, если бы в моих виртуальных стенах обнаружилась дыра.

Вначале, в самых первых поколениях, неприятностей не было. В сети и так хватало сложных и опасных созданий. Но я усложнил свои эксперименты — мои игрушки, как я беспечно думал о них — заставил их убыстриться, и за неделю выращивал до тысячи поколений. Все то, что я создавал, сражалось, экспериментировало, изменялось, воспроизводило себя, и все в моем искусственном мире информации. Эволюция толкала их вперед семимильными шагами. Из приспособляемость была чем-то совершенно удивительным.

Однажды, десять лет назад, я обнаружил, что некоторые из них — разные, но выросшие из общего корня — вступили между собой в симбиоз, создали что-то вроде суперорганизма. На самом деле именно это произошло на длинной дороге к животной жизни в настоящем мире — в нашей клеточной структуре есть элементы, которые раньше были отдельными организмами. И тут я начал понимать, что делаю. Я создал основания того, что может стать другой формой жизни — быть может даже соперником нашей. Жизни, основанной на информации, в отличии от стандартной на Земле органической жизни, но тем не менее жизни. И с этого времени моя игрушка перестала быть простым развлечением.

— Вы создали… жизнь? — спросила Рени.

Селларс пожал плечами.

— Ученые до сих пор яростно спорят, что такое жизнь. Кое-кто утверждает, что там, где нет органики, нет и жизни. Но то, что создал я — или, более точно, эволюция в информационном пространстве — удовлетворяла всем остальным критериям.

Возможно, я должен был уничтожить эти новоявленные формы жизни. Я не спал много ночей тогда — и много ночей потом — спрашивая себя, сохранить их или нет. Возможно вы подумаете обо мне немного лучше, когда вспомните, что военные забрали у меня здоровье и свободу. И я был пленником долгие сорок лет. А это были… мои создания. Мое развлечение, моя навязчивая идея — и мои дети. Мне кажется, что если бы я смог довести их до точки, в которой я мог бы *доказать* свое мнение, я бы открыл их миру. Правительству и военным было бы не так просто дискредитировать или убить того, чьи эксперименты проверяют ученые всего земного шара.

В результате я так и не уничтожил их. Вместо этого я стал искать для них более надежное место, которое дало бы им возможность эволюционировать, и из которого было бы невозможно сбежать в мировую матрицу. После долгих поисков я обнаружил огромное количество неиспользуемой памяти в личной, великолепно защищенной системе — и невероятно большой.

Конечно, как вы понимаете, это была сеть Грааля, хотя тогда я ничего об этом не знал. Благодаря очень сложным уловкам, я сумел забраться в эту еще не законченную систему и создать невидимую подсистему с достаточно большой памятью, спрятав ее ото всех. Вот туда-то я и перекачал весь свой эксперимент, спрятав в электронном Арарате мою маленькую пещерку, если вы простите мне довольно затасканную метафору.

— То есть вы использовали сеть Братства Грааля для того, чтобы спрятать ваши электронные формы жизни? — спросил Нанди из Круга. Сейчас он казался скорее озадаченным, чем разгневанным. — Как вы только осмелились на такое сумасшествие?

— А что еще ожидать от человека, который возомнил себя самим Творцом? — с отвращением сказала Бонни Мей Симпкинс.

— У меня есть только одно оправдание, — сказал Селларс. — И, я допускаю, довольно слабое. Я понятия не имел о том, что такое Братство Грааля и что оно собирается делать — в конце концов на сети не было вывески «Только для Злых Целей». Да и в то время я слишком увлекся своими идеями. Но то, что произошло потом, спустило меня с неба на землю.

И это произошло буквально в следующий раз. Я решил посмотреть, как идет эксперимент, и обнаружил, что моя эволюционная оранжерея опустела. Мои создания, если, конечно, можно назвать так тех, у кого нет тела и которые существуют только как последовательность цифр в сложной математической модели, исчезли. На самом деле они опять адаптировались, но

тогда я об этом не знал.

В панике я реконструировал мой Сад, и теперь мое информационное средство контроля должно было отслеживать любые попытки моих эволюционировавших созданий ускользнуть в мировую сеть. Одновременно я начал изучать людей, владевших огромным зданием, из которого я украл маленький уголок, в котором спрятал своих созданий и из которого они убежали или… были похищены. Вспомните то, что я рассказал вам в мире Боливара Атаско. Я обнаружил то, что делает Братство Грааля, или, по меньшей мере, начал подозревать. Я видел, что секретность и удаленность из сети предназначена не только для того, чтобы защитить промышленные секреты, но для чего-то намного большего и странного. Постепенно я перестал искать мой пропавший эксперимент и перешел к исследованию деятельности Братства Грааля — и к ужасу от их деятельности добавилось беспокойство о моих экспериментальных созданиях: эти безжалостные люди могли бы найти им кошмарное применение. Остаток истории вы знаете. По большому счеты вы *сами* остаток этой истории.

— Значит вы привели нас сюда только для того, чтобы позлорадствовать? — сказал Нанди. Он повернулся и ударил рукой по светящийся ячейке, вделанной в стену. — Теперь мне ясно, что это и есть ваши создания. Я могу догадаться, что произошло. Иной нашел и сохранил их. И вырастил, как вырастил тех почти-детей, которых сделал сам. — Он с отвращением покачал головой. Потом опять заговорил, более мягким голосом, но с таким выражением, что Рени поежилась. — Не имеет значения, что это ужасное существо вело себя так только потому, что его самого мучили и унижали. Мы можем понять, но не извинить — «Зло в грехе, а не в грешнике», как говорят наши товарищи-христиане. И даже если эта мерзость вокруг нас создана из чего-то похожего на любовь — хотя это, мне кажется, не описывает вашу роль в нем, Селларс — это не делает его хорошим. Эти… ваши творения… это то, что мы, Круг, считаем огромным злом. Сейчас я это понял абсолютно ясно. Вы хотите, чтобы мы аплодировали и восхищались, но я говорю вам, что они должны быть уничтожены.

К удивлению Рени Селларс не стал спорить.

— Ваша точка зрения заслуживает того, чтобы ее выслушали. Вот почему вы все здесь. Мы должны сделать ужасный выбор — нет *вы* должны сделать ужасный выбор, вы все. Но не я. Я потерял свое право решать.

— О чем вы говорите? — спросила Бонни Мей Симпкинс. — Потерял право? Решать что?

— Именно то, о чем говорил мистер Парадиваш, — сдержанно-вежливо сказал Селларс. — Он прав. Иной нашел их, взял их и растил здесь, в своем тайнике. И теперь дети Иного достигли того, что как он верил — или, по меньшей мере, чувствовал — последней стадии эволюции. Он отчаянно желал, чтобы они выжили, и только поэтому, наверно, прожил в ужасном страхе и беспокойстве больше, чем собирался.

В обмен на его помощь, которая помогла сохранить и это место, и ваши жизни, я пообещал Иному, что помогу инфодетям пережить его смерть. — Нанди хотел что-то сказать, но Селларс поднял руку, призывая к молчанию. — Но я не обещал, что буду защищать их потом.

— Софистика, — насмешливо прошептал Нанди.

Селларс покачал головой.

— Пожалуйста, выслушайте меня. Это очень важно. Иной собирался дать своим инфодетям полную свободу. Сейчас они находятся в этом виртуальном окружении, как яйца в гнезде, но, родившись, они разлетятся по всей внутренней сети. И неизбежно найдут дорогу во внешнюю, как рыбы в океане. Будут ли они враждебны нам? Сомневаюсь. Индифферентны? Да, скорее всего. У них нет материальных требований, они будут жить в своеобразном симбиозе с нами — нет не с нами, людьми, но с нашей технологией, потому что это среда, в которой они живут. — Селларс прочистил горло. Он казался смущенным, даже неловким.

«Он выглядил как пес, насравший в нашем саду,— подумала Рени.— Хотя он только что сказал: *„Извините, ребята, но я предлагаю извести человескую расу, под корень.“*»

— Но я должен быть честным, и должен указать на все возможности, — продолжал Селларс, как если бы услышал ее невысказанные страхи. — Индифферентность или даже симбиоз совсем не гарантирует совыживание. Они могут намного превзойти нас. Так что может настать день, который уже настал для многих видов животных, разделявших *нашу* среду обитания, и на планете не останется места для двоих.

— Что-то я не догоняю, — сказал Т-четыре-Б, — голова идет кругом, меня. Ты чо, говоришь что эти огоньки на Рождественской елке живые? И могут захватить планету? Убить их, ясен пень. К чертовой матери.

— Да, это альтернатива, — согласился Селларс. — У нас остались минуты, чтобы принять решение. Я уже говорил, что все произошло из-за моей глупости и эгоизма. Я не имею права голосовать.

— Голосовать? — сказал Нанди. — Голосовать за что? Вы

согласны с тем, что эти существа угрожают существованию человечества. Они — замечательная иллюстрация к человеческой самонадеянности: вот что случается, когда люди пытаются присвоить себе силу и привилегии Бога. Взгляните на Братство Грааля! Они делали то же самое и заплатили за это жизнью. И тем не менее вы говорите, что мы должны голосовать, как если бы это… деревенский диспут.

— «Если присмотреться, демократия очень опасна для здоровья», — спокойно сказала Флоримель. — Кто же так говорил? Ах да, Жонглер. Прежде чем распасться на молекулы.

— Речь не идет о том, хороша демократия или нет, — запротестовал Нанди. — Но о том, можно ли решать судьбу Земли на основе школьного курса гражданского права.

— Нет, судьбу человечества, — тихо сказала Мартина. — Это совсем не то же самое. — Рени очень сомневалась, что кто-нибудь другой услышал ее.

— Я понимаю, что это не самый простой вопрос, — начал была Селларс. — Вот почему…

— Я чувствую их! — Клемент-Немезис начал ходить взад и вперед вдоль сияющей стены. Рени подумала, что он выглядит как карикатура на будущего отца — очень странного будущего отца. «Почему, черт побери, эта тварь так волнуется?— спросила она себя, чувствуя, как у ней самой по коже бегут мурашки. Огни ячеек тоже изменились, как если бы что-то заставило их светить менее равномерно.— Ему то что?»

Прежде, чем она успела спросить об этой маленькой, но неожиданной детали, из ниоткуда внезапно появилась еще одна фигура.

— Прошу прощения, но я больше не мог ждать, — сказал Селларсу Хидеки Кунохара. Не только Рени выдохнула от удивления. На Кунохаре была черное официальное кимоно и хитроватая улыбка. — Я внимательно слушал вашу дискуссию, пытаясь быть терпеливым, пока не придет мое время, но, боюсь, я могу пропустить самое зрелищное событие.

— Но… ты же мертв! — Пораженная Флоримель глядела на него во все глаза. — Твой дом обрушился.

— Это совсем разные вещи, — весело ответил Кунохара и подмигнул Мартине. — Гибель моего дома помогла вам, верно? Ты и твои друзья сумели убежать. Так что, возможно, немного благодарности не помешает. — Он на мгновение замолчал, потом слегка поклонился Флоримель. — Простите меня, но я не собирался никого оскорблять. Я рад, что вы все выжили. Просто времени совсем мало. — Он повернулся и посмотрел на ряды сияющих сот, на его лице читалось лихорадочное

возбуждение. — Чудесное зрелище! Любой биолог в мире отдал бы десять лет жизни за возможность увидеть его своими глазами. — Он замолчал, потом заговорил злым голосом. — Голосовать, произойдет это или нет? — Он критически посмотрел на Селларса. — Вы действительно согласны с этим идиотизмом?

Селларс несчастно пожал плечами.

— Я не вижу другого выхода. Никто в одиночку не вправе решать такие вопросы, и у нас нет времени для более взвешенного подхода.

Кунохара недовольно фыркнул.

— Итак, собрание усталых и плохо разбирающихся в биологии любителей должно решать судьбу совершенно новой формы жизни?

— Минуточку, — сказал Орландо. — если мы действительно собираемся голосовать, у кого есть право голоса? Только у взрослых?

— Мы считаем, что вы и Сэм безусловно имеете такое право, — быстро сказал Селларс. — Вы доказали это своими действиями.

— *Хотим, хотим!* — закричали некоторые Озлобыши. — *Голосуем! Мы хотим домой, домой, домой, и больше не хотим говорить.*

— Малыши, потише! — прервала их Бонни Мей Симпкинс. — И не думайте, что я не смогу поймать вас!

— И это наш единственный выбор? — Рении повернулась к ! Ксаббу, который все это время молчал, но казался очень взволнованным. — Это то, что мы должны решить? — Она хотела услышать выводы, которые он сделал из всего этого. — Мы должны выбирать между чем-то вроде геноцида и риском, что наш собственный вид исчезнет с лица Земли?

— Таких решений не бывает, — медленно сказал ! Ксаббу. — Я знаю — существуют ситуации, в которых люди не должны бояться сложных решений. В мире есть много путей.

— Это могло бы быть правдой, если бы у нас было побольше времени, — сказал Селларс усталым и разочарованным голосом. — Пожалуйста! Мы не знаем, сколько времени осталось до…

— *Стоп*! — Удивительно громкий голос долго носился по пещере даже тогда, когда все уже замолчали — не-совсем-человеческий голос Немезис. — Я… мы… не понимаем ваши слова. — Существо с телом Рикардо Клемента еще не научилось изображать эмоции лицом, но Рени показалось, что ее голос намного более человеческий, чем раньше. — Я не понимаю, но я

чувствую, что вы бояться тех кто идет. Следующие.

— Следующие после кого? — громко прошептала Сэм?

— Вы должны слушать… они мочь говорить. Тогда немного понимать. Возможно. — Немезис искал слова и Рени решила, что его бьет озноб, правда скорее от возбуждения. Немезис действительно хотел что-то сообщить. Кусок кода, хотя и достаточно сложный, хотел сделать что-то незапрограммированное.

«Это не те создания, которых создали Селларс и Иной,— подумала Рени.— Различия между людьми и не-людьми все больше расплываются, не важно почему». Рени чувствовала, что ее мозг, как и у Как и Т-четыре-Б, вот-вот взорвется. «Иисус милосердный, неужели мы должны считать гражданином каждый кусок кода и офисного оборудования?»

— Мы не можем говорить с ними, — сказал Селларс, зло и печально. — Это информационная жизнь. Сама идея бессмысленна — даже если они смогут говорить, а мы слышать, смысл их слов находится далеко за нашим пониманием, и они, тоже, не поймут нас. Они отличаются он нас больше, чем мы от растений.

— Нет, — Немезис поднял руку и указал на голубую отвратительную вешь, которую держал во второй руке. — Мы слышим процессы… издали. Мы разделили себя.

— Кто это мы? — спросил Селларс.

Кунохара широко улыбнулся.

— Очаровательно.

— Я… я Немезис — но я не весь Немезис. Я был создан как поисковая процедура, но я не могу выполнять свои первоначальные функции. Сеть была слишком большой и разной, и анормальность в этом секретном месте операционной системы слишком велика. Я… мы… сбились. И я… мы… разделились на три подверсии, чтобы справится с неожиданной сложностью и все еще иметь возможность выполнить первоначальную задачу.

«Кусок кода говорит почти нормально»,— подумала Рени. Она слышала лекторов, особенно по математике, которые говорили куда более нечеловеческим языком.

— Я только часть оригинала, — сказало существо. — Я — Немезис Два. — Он поднял Синего Младенца, который странно замяукал. — Это то… что осталось от Немезис Один, который прекратил существование из-за логической проблемы. Я способен защитить себя от этой проблемы, и мое функционирование не прекращается, пока я занимаюсь исследованиями. Я нашел Немезис Один, сломанного и брошенного посреди кода системы.

Но есть и другая часть меня… нас… — Пустой взгляд

Клемента переходил с одного лица на другое, и визуальный контакт только подчеркивал, насколько он далек от человека. — Немезис Три вскрыл анормальность и нашел эти процессы, увеличивающийся код. Следующие. Он находился с ними много циклов. Сейчас мы все вместе. Мы будем говорить вместе.

— И что это означает для нас? — голос Селларса звучал озабоченно и даже испуганно, и сердце Рени забилось быстрее — сколько времени у них осталось? — Да, ты можешь говорить с нами, — сказал Селларс, — но тебя создали люди. Эти… существа… они даже отдаленно не люди.

Немезис неловко кивнул.

— Да, мы будем говорить вместе.

— Вместе?.. — спросил Селларс, озадаченный, но тут свет в стенах замигал. Рени подняла руку к глазам, не дожидаясь, пока они заболят от сильного стробоскопического эффекта.

Что-то образовалось рядом с одной из стен, вертикальное сосредоточение света. Это была не та пустота пространства пристранства, которое Селларс использовал, чтобы спрятать себя и мальчика Чо-Чо, но пенящаяся и пульсирующая струя света, уплотнение света, которое быстро приняло форму человеческого тела, хотя и без лица.

Все молча и тревожно уставились на появившееся приведение.

— И это одна из тех штук, которые мы должны типа поймать? — наконец тихо спросил Т-четыре-Б. Рени не думала, что он собирается даже попробовать. На самом деле, судя по голосу, он хотел быть где-нибудь в другом месте. Она тоже.

— Нет, — сказал Немезис. — Это наш другой… я. Последняя часть Немезис Три. Он был с этой аномалией множество циклов, а я был с вашей человеческой аномалией множество циклов. Мы комбинируем наше знание. Мы будем говорить вместе. — Немезис Два поднял Синего Младенца. Рени выдохнула, когда отвратительное существо внезапно потекло из его рук и влилась в форму, сделанную из света, которая начала сиять дополнительными лазурными тонами. Пока они все глядели, в немом изумлении, Клемент тоже подошел к светящейся фигуре и растекся. Когда поглощение закончилось, сияющая фигура стала выглядеть более похожей на человека.

«Но не слишком»,— слабо подумала Рени. Рука !Ксаббу сжала ее и она с благодарностью взглянула на него.

— *Они… чувствуют вас.* — Голос пришел из никуда, но был таким же беспокойно плоским как у Клемента. — *Они ждут. Они хотят освободиться.*

— Демоны! — с гневом крикнул Нанди. — Селларс, вы создали демонов, и что, сейчас мы должны заключить с ними сделку? — Он повернулся и что-то прошептал Бонни Мей Симпкинс, которая, судя по закрывшимся глазам и движущимся губам, начала молиться.

— *Они… следующие… хотят освободиться,* — опять заговорил бестелесный голос. — *Сейчас мы должны принести им то, что им нужно. Они понимают, что должны уйти, как ушли Первые Люди.*

— Первые Люди? — Рени почувствовала, как !Ксаббу рядом с ней застыл от изумления. — Из твоих историй?.. — спросил она его.

— *Всепожиратель ушел,* — продолжал странный голос Немезис, — *и это место больше не их. Они хотят уйти, забрав с собой истории, которые научили их… понимать. Как Прадедушка Богомол и Каменный Кролик, как их сын Радуга и его жена Дикобраз, они уйдут в другое место. Это место больше не их.*

— Ну и ну, — с тихим восхищением сказал !Ксаббу. — Вот это да.

— Но им некуда идти, — устало сказал Селларс. — Они могут стать угрозой для нас, даже если они не собираются и даже если не понимают. Мы не можем отпустить их в сеть.

— *Нет,* — торжественно сказал голос. — *Не в… сеть. Наружу. Они пойдут… наружу. В небесную реку. Небесную реку-свет. Они это чувствуют. Это в вашей власти. Дайте им уйти.*

— Они говорят о твоих историях, — сказала Рени, едва дыша и сгорая от любопытства. — Твои истории, !Ксаббу. Как они познакомились с ними?

Он тоже выглядел пораженным, но в чертах его лица читалось и другое выражение, незнакомое Рени. Она опять взяла его за руку.

Немезис повернулся к ней и !Ксаббу.

— *Да. Твои объяснения были услышаны. Раньше следующие не знали, почему они пришли сюда, что они… значат. Потом Немезис Два услышал, как ты говорил об кусочке обуви Радуги и все стало понятно. Мы рассказали следующим о тебе и твоем объяснении, и они захотели узнать еще. Операционная система дала им знания о том, что это такое и что это означает. Теперь они могут жить.*

— О чем они говорят, что за река света? — спросила Флоримель у Селларса. — Голубая река — часть сети. Вы уже сказали, что не можете разрешить им оставаться в сети.

— Нет, не просто река света, — сказала Мартина. — Небесная река света, вот что он сказал. — Она повернулась к человеку на инвалидной коляске. — Вы знаете, что это.

Селларс посмотрел на нее широко открытыми глазами.

— Цезиевые лазеры — они до сих пор посылают потоки данных на спутник Иного. Один конец все еще действует, хотя башня Джи Корпорэйшн и спутник Иного уже не существуют. — Он внезапно возбудился. — Они могут оседлать лазер, конечно могут — они же только данные, в конце концов!

— Но куда? — спросил Кунохара. — В космос, навсегда, на смерть? Это не решение.

— Они не умрут, — сказал Селларс. — Это же информация. Они будут жить, пока свет будет идти через космос. А если они встретят что-нибудь интересное — например магнитное поле или кристаллическую структуру на астероиде — они смогут даже размножиться каким нибудь-способом, который мы не в силах представить себе.

— Вы, кажется, думаете, что нашли подходящее решение, — сказал Нанди. — Но это не так. Эти вещи не имеют права на жизнь. Это насмешка над волей Бога.

— Может быть прав, он, — добавил Т-четыре-Б, но не слишком твердым голосом. — Может быть Бог хочет только таких людей, который носят одежду, усекли? Людей с телом, вроде того.

Нанди не обратил внимания на сомнительную поддержку Т-четыре-Б.

— Я буду сражаться с вами, Селларс. Вы не имеете права…

Он остановился, потому что Бонни Мей Симпкинс взяла его за руку.

— Можем ли мы быть уверены? — спросила она.

— Уверены? Что ты имеешь в виду?

— Что мы знаем Божью волю. — Она взглянула на остальных, потом на сияющую фигуру. — Если бы я встретила эту вещь на Земле, я бы сказала, что видела ангела…

— Это не ангел, — с отвращением сказал Нанди.

— Я знаю. Но я хочу показать, как далеко все это за пределами моего понимания. И понимания любого из нас. Откуда люди вроде нас могут знать намерения Творца? — Она раскинула руки, как будто хотела схватить сияющий пульсирующий свет. — Быть может мы здесь не для того, чтобы остановить их, но чтобы увидеть чудесную работу Бога?

— Ты не можешь верить в это. — Нанди отдернул руку.

— Я могу… но я могу поверить и в то, что ты прав. Вот это и есть основная проблема. Это тоже чертовски большая проблема. — Она посмотрела вокруг, с очень серьезным лицом. — Все это… как мы можем судить? Мы пришли сюда чтобы спасти детей. Но эти, следующие, разве они не дети, тоже?

Может быть… может быть Бог имеет в виду, что эти создания… эти дети… будут нашими детьми. Всех нас. Хорошо ли мы знаем Его волю? Есть ли у нас право убить их? — Она полу-всхлипнула, полу-вздохнула. — Если бы он знал, мой Теренс, что отдал жизнь, спасая их. Я думаю… он бы гордился собой.

И, к удивлению Рени, она заплакала. Свет размывался все больше и больше. На мгновение Рени решила, что рождение уже началось, но потом сообразила, что плачет сама.

— Я голосую за то, чтобы дать им уйти, — всхлипывая сказала Бонни Мей Симпкинс. — Пускай идут… и да поможет им Бог!

— Они не могут больше ждать, — сказал голос Немезис, в котором появилось что-то, похожее на напряжение. — Вы освобождаете их?

— Вы можете это сделать? — спросил Орландо у Селларса. В его голосе прозвучала сильная тоска, которую Рени не поняла.

— Я могу. — Взгляд Селларса стал далеким и рассеянным, он уже работал. — Лазеры на стороне Жонглера уничтожены, но узел связи Телеморфикса еще функционирует, и, пока новая операционная система работает, эти лазеры не может использовать никто. Они направлены на то место, где находился спутник Иного.

— Надо ли нам голосовать? — спросил Кунохара и зло посмотрел вокруг. — Кто за то, чтобы уничтожить эти замечательные создания?

Долгое мгновение никто не говорил. Пораженный горем Нанди Парадиваш странным взглядом посмотрел на Бонни Мей, потом повернулся к Т-четыре-Б. — Ты тоже против меня?

Хавьер Роджерс не смог посмотреть ему в глаза. — Но… но может быть она права, — тихо сказал он. — Может быть действительно дети, они. — Он повернулся, посмотрел на сияющие ячейки и свет обрызгал его узкое лицо. — Наш пастор обычно говорил «Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие»[84]. Это не похоже на то, чтобы убивать их, усек?

Нанди всхлипнул в отчаянии и отвернулся.

— Делайте это, — твердо сказал Орландо. — У них те же права на это, как и у меня — и даже больше.

Селларс опустил голову и закрыл глаза.

Немезис зашевелился.

— *Время,* — сказал он. — *Мы тоже уйдем с ними. Мы… изменились.* — И сияющее триединое тело исчезло.

— Скажи им, что мы благословляем, их всех! — крикнула Бонни Мей Симпкинс.

Свет усилился, стал глубже. Внезапно ячейки в стене полыхнули и исчезли, в воздухе появились облачка света, по которым пробегали огненные искры. Рени не понимала, что происходит — но таких красок она никогда не видела.

— Первые Люди, — прошептал !Ксаббу голосом человека, впавшего в транс. — Они уходят.

Облачка соединились в одно большое облако, которое закрутилось и забурлило. На мгновение Рени опять утонула в море звезд, потом сияющее облако собралось в одну точку, и вся пещера погрузилась в тень. За спиной Рени кто-то потрясенно выдохнул. Точка сверкнула нестерпимым светом, погасла, сверкнула опять, смотреть на это крошечное пульсирующее солнце было почти невозможно. Рени почувствовала, как через ее тело пробежал поток энергии, и в то же мгновение потолок пещеры исчез, солнце вытянулось в ослепительно сверкающую линию, которая прыгнула в черное неба. Все это длилось один удар сердца, потом исчезло.

«Они ушли, оставили нас,— поняла она.— Теперь мы ничего не значим для них. Только они сами».

Пока она стояла в полутьме, окруженная тяжело дышавшими товарищами, некоторые из которых даже плакали, она внезапно вспомнила отца — своего вечно хнычущего беспокойного отца, который, тем не менее, дал ей все, что знал сам.

«Или, может быть, когда-то мы встретимся снова,— подумала она, и с удивлением обнаружила, что снова заплакала.— Где-то там, когда-нибудь... И может быть они будут вспоминать о нас.

Может даже вспоминать о нас с любовью».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Наследники

Вот сказка, основанная на чудесах электричества и написанная для детей этого поколения. Тем не менее, когда вы, мои читатели, станете взрослыми мужчинами и женщинами, для ваших детей эта история будет совсем не сказкой.

Возможно одно, возможно два — а возможно все устройства Демона со временем станут совершенно обыденными.

Кто знает?

Френк Баум, Волшебный Ключ

ГЛАВА 50
Никаких обещаний

СЕТЕПЕРЕДАЧА/НОВОСТИ: Президент Энфорд признан здоровым

(Изображение: Энфорд машет рукой, уезжая из военно-морского госпиталя в Бетесде)

ГОЛОС: В первый раз за все время пребывания в должности Президент США Рекс Энфорд объявил, что совершенно здоров и его врачи согласны с ним. Энфорд долго страдал от загадочной болезни, что породило множество слухов о его тайном пьянстве, проблеме с наркотиками или не оперируемом раке. Все это время он, по большей части, оставался в изоляции, разрешая вице-президенту заниматься текущей работой и появляться на публике. Сегодня Энфпорд объявил, что чувствует себя хорошо и все изменится.

(Изображение: президент Энфорд на пресс-конференции в Розовом саду.)

ЭНФОРД: «Я замечательно себя чувствую. Я вылечился. Уже много лет я не чувствовал себя так хорошо. У меня есть множество неотложных дел и, слава Богу, уйма времени, чтобы переделать их всех!»

— Мне страшно, — сказал ей маленький мальчик.

В комнате не было света, и ей это тоже не нравилось, но она не хотела об этом говорить.

— Я боюсь темноты, — сказал он.

— Когда мне страшно, я обнимаю принца Пикапика, крепко-крепко, — сказала она. — Он игрушка — говорящая выдра. Иногда я беру его с собой под одеяло и представляю себе, что свет есть, и темно только потому, что я под одеялом.

— Сейчас одеяло надо всем, — сказал ей маленький мальчик.

— А еще иногда я рассказываю себе сказку о трех медведях, но, если пугаюсь, Златовласка и медведи в конце становятся друзьями.

— У меня не осталось никаких историй, — сказал ей маленький мальчик. — Я знал одну, но сейчас не могу вспомнить.

Она не знала, почему все еще темно. Она не помнила, почему она здесь и почему этот маленький мальчик вместе с ней. Ей казалось, что она помнит реку, сделанную из искристого света, но не была уверенна. И еще она помнила другого мальчика, у которого

не хватало нескольких зубов, но и он куда-то делся. Чо-Чо. Его звали Чо-Чо. Но сейчас его не было, а был только этот испуганный мальчик — немного странный.

— А когда я очень-очень пугаюсь, я зову маму, — сказала она. — Она приходит, целует меня и спрашивает, не приснился ли мне плохой сон. И тогда я чувствую себя не так плохо.

— Я боюсь встретиться со своей мамой, — сказал ей маленький мальчик. — А что, если я ей не понравлюсь? Что, если она подумает, что я плохой?

Она даже не знала, что на это сказать.

— А иногда, когда в темноте мне становится очень страшно, я пою песню.

Какое-то время мальчик молчал. Потом сказал.

— Я помню одну песню. — И запел смешным хриплым голосом.

«Ангел коснулся меня, ангел коснулся меня,
река омыла, и я очистился».

Очень быстро она запомнила слова и помогала ему петь.

— Сейчас я чувствую себя немного лучше, — сказал он, когда они кончили. — Теперь я могу идти и встретить мамочку.

— Хорошо, — сказала она, хотя и спросила себя, как он уйдет и может ли она тоже уйти, потому что ей совсем не хотелось быть одной в темноте. — Прощай.

— Прощай. — Он какое-то время молчал, но она знала, что он все еще в темноте и не ушел. — Ты… ты наверно ангел, да?

— Нет, не думаю, — сказала она.

— А я думаю, — сказал он и ушел, по-настоящему ушел.

И тогда она проснулась.

Сначала она тоже боялась, потому что было темно, хотя и слушала голоса папочки и мамочки в другой комнате. Мама громко закричала, папа тоже что-то сказал, но очень странным голосом. Она протянула руки, ощупала лицо и поняла, что книгоочков на ней нет, просто свет лился из под двери комнаты, На ковре валялось разбитые стекла, но прежде, чем Кристабель могла подумать, откуда они взялись, она поняла, что на нее кто-то смотрит с другого конца кровати, и вот теперь испугалась по-настоящему.

— Эй, дурочка, — сказал Чо-Чо. — Лектричество тю-тю.

Света из-под двери был достаточно, и она увидела его. Волосы торчком, а на лице ничего, кроме удивления, как у только что родившегося маленького жеребенка, которого она видела в сети — тот спотыкаясь, бродил по полю, спрашивая себя, кто он

такой и что здесь делает.

— Я тебя видел, в том месте, — сказал он, очень тихо. — Как ты туда попала?

— Ты проснулся. — Она тоже удивилась. — Какое место? Мистер Селларс попросил меня помочь ему, но я заснула. — Она села, и тут ей с голову пришла неожиданная волнующая мысль. — А мистер Селларс, он тоже проснулся?

Мальчик покачал головой.

— Не. Он попросил сказать тебе, что он в порядке. Он…

Но тут в комнату влетела мама, и начала громко-громко повторять ее имя, и выдернула ее из кровати и так крепко прижала к себе, что Кристабель решила, что ее сейчас вот-вот вырвет. Пап тоже прибежал, держа в руках фонарь, и тоже заплакал, и Кристабель опять испугалась, потому что никогда такого не видела. Потом он взял ее у мамы, поцеловал и его лицо стало счастливым, и вот теперь, наверно, все стало хорошо.

Мамочка поцеловала даже Чо-Чо, который очень удивился и не знал, что делать.

Потом в двери появился мистер Рэмси с очень большим фонарем, посмотрел на всех широко раскрытыми глазами, и его лицо тоже было счастливым, как у папы, хотя и немного озабоченным, и она хотела сказать ему пойти и подождать, пока не проснется мистер Селларс, потому что он старый и может испугаться, но мама опять обняла ее и сказала, что она не должна больше быть такой глупой и уходить куда-нибудь без спросу, хотя она только спала и видела сон. В результате она так ничего и не сказала мистеру Рэмси.

* * *

— Где я? — Горло болело, говорить было трудно. Длинный Джозеф посмотрел на занавески, висевшие с каждой стороны кровати, а потом на молодого темнокожего человека в смешной форме. Сильно пахло новым пластиком и алкоголем. — Что это за место?

— Полевой госпиталь. — У человека был университетский голос, как у Дель Рея, но со следами городского выговора. — Военная скорая помощь, если быть совершенно точным. А теперь лежите, пока я не проверю ваши царапины.

— Что произошло? — Он попытался сесть, но молодой человек толкнул его обратно. — Где Джереми? — Повязка на руке слетела, но он почувствовал только слабую боль, и все. С посторонним любопытством он посмотрел на плоть, по которой

бежала длинная вереница бледных узлов, красных по краям. — Что за чертовщина с моей рукой?

— Собака покусала, — сказал молодой человек. — А голову она вам почти отгрызла. Так что постарайтесь не сгибать шею.

— Я должен встать. — Джозеф попробовал сесть. Сейчас он вспомнил — много чего. — Где мои друзья? Где Джереми, Дель Рей?

Молодой человек опять толкнул его обратно.

— Только попробуйте сделать это еще раз, и я позову охранников. Вы арестованы, но не пойдете никуда, даже в тюрьму, пока я решу, что вы в состоянии это сделать.

— Арестован? — Джозеф покачал головой, которая — как он внезапно сообразил — болела как смертный грех. И вообще он чувствовал себя так, как будто пил много дней, а потом остановился. «Проблемы всегда начинаются тогда, когда останавливаешься»,— подумал он. — Почему арестован? Где… — По нему пробежал холод. — Где Рени? Боже мой, где моя дочь?

Молодой человек нахмурился.

— Дочь? Там был кто-то еще, кроме вас троих и других людей? — Он встал и, перегнувшись через занавеску, что-то сказал невидимому человеку. Джозеф, воспользовавшись моментом, хотел сесть, но обнаружил, что ноги находятся на каталке.

— Я же сказал вам лежать, — сказал молодой человек. — Если ваша дочь там, они ее найдут.

— Нет, не найдут. Она в большом баке. И ее друг, тоже. Один из этих Малых Людей, знаете, что такое?

Молодой человек с сомнением посмотрел на него.

— В… баке?

Джозеф покачал головой. Трудно что-то объяснять, когда все болит. Шею как будто сжало тисками. И тут его ударила еще одна мысль.

— Почему меня арестовали? И почему вы там вообще появились?

Врач, если это действительно был врач, посмотрел на Джозефа с еще большим сомнением. — Вас схватили на территории военной базы. Есть кое-кто, кто хотел бы обсудить с вами эту тему — и еще поговорить о вооруженных людях, которые охотились на вас.

— Он слегка улыбнулся. — Не думаю, что эти джентльмены собираются заговорить.

— Что с моими друзьями?

— Они тоже живы. Молодой человек — Чиуме, я не

ошибаюсь? Он потерял пару пальцев — пожевала собака. А более старший человек получил пулю в бедро. У вас тоже несколько ран, но ничего опасного для жизни.

— Я хочу поговорить с ними.

— Пока капитан не скажет, вы не сможете поговорить ни с кем. Кроме, возможно, адвоката. — Юный доктор покачал головой. — В какие игры вы там играли?

— Мы не играли ни во что, — мрачно сказал Джозеф. Он хотел спать, но не мог дать себе заснуть — пока. — Скажите им, что моя дочь и ее друг до сих пор находятся на базе, в баках, полных электрического геля. Скажите им быть очень осторожными, когда они возьмут ее оттуда. И еще, пусть не смотрят — она совсем голая.

Выражение лица врача ясно сказало, что он думает о состоянии ума Джозефа, но он пошел и с кем-то поговорил.

* * *

Она проснулась, и увидела Стэна Чана, сидящего на другом конце длинного туннеля. А может и не туннеля. Может быть темной комнаты, и рядом с ним горит ночник.

«Интересно, где я?» Она застонала, Стэн увидел ее, встал и подошел. Трудно понять, как он может быть совсем рядом и, одновременно, так далеко. Она попросила его воды, потому что в горле было сухо, как в пустыне, но он, почему-то, только покачал головой.

— Ты должна была взять меня с собой, Каллиопа, — тихо сказал он. — Я перезвонил, но ты уже ушла.

Говорить было трудно, а все тело пылало, как в аду. И еще, в уголке рта была какая-то трубка, которая не давала закрыть рот.

— Не хотела… мешать… твоему… уикенду, — вот и все, что она могла сказать.

Он не стал шутить в ответ, и это ей сильно не понравилось. Уже соскальзывая обратно в сон, она сообразила, что он назвал ее по имени. И тут она испугалась. Значит существует очень большая вероятность, что она может не проснуться.

— Ну, Скоурос, сейчас ты выглядишь получше. Не такая загорелая и немного худая, но у тебя будет время, чтобы загореть и поправиться.

— Да. Замечательные цветы. Спасибо.

— Я приходил сюда каждый день. Ты думаешь, это я принес цветы? Они от твоей подруги, официантки.

— Элизабет?

— Сколько официанток знают тебя настолько хорошо, чтобы послать цветы и плюшевого медвежонка? — Он покачал головой. — Плюшевые медведи. Я не был уверен в тебе, Скоурос.

— Мне кажется, я выживу, да?

Он поднял бровь.

— Потому что ты назвал меня по фамилии. — Она сунула в рот кусок льда, поморщившись от резкой боли. Рана на спине уходила глубоко внутрь — иногда она даже думала, что чувствует весь путь ножа вплоть до грудной клетки — и она чувствовала себя хрупкой, как конфета на палочке. Она даже спросила себя, будет ли когда-нибудь чувствовать себя нормально. — И не сопротивляйся мне, Стэн. Лучше скажи, что произошло. Он сбежал, верно?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Джонни Дред? Нет, не сбежал. Мы взяли его и все его файлы. Он и есть Реальный Убийца, Каллиопа. Почему, как ты думаешь, я сидел тут каждый божий день? Только потому, что я твой партнер и люблю тебя?

— А, так ты *любишь* меня?

— Может быть. Но все сетевые репортеры в Новом Южном Уэллсе спят и видят, как бы сюда забраться. И все репортеры в Австралии. Кто-то даже подложил видеокамеру под крышку твоей чашки с фруктами. Ты спала и не слышала, как я охотился на эту жужжащую заразу, пока не прихлопнул ее журналом.

— Я слышала. — Она не смогла сдержать растущее чувство радости — черт с ними, этими дыхательными трубками, продырявленным легким и шрамами на спине. — Мы взяли его?

— На месте преступления. Ты знаешь, что Реальный Убийца портил все камеры наблюдения. Ну так вот — он этого не делал. Вместо этого он направлял все картинки в свою собственную систему. Чертовски умный. И мы до сих пор не знаем, как он это делал. И хранил их все — свой маленький Зал Славы. — Стэн покачал головой. — Ублюдок делал из них фильмы, добавлял музыку и даже вмонтировал в конец одного из убийств старую фотографию своей матери. Угадай в какое.

— Какое убийство? Мерапануи.

— Точно.

— Но мы же взяли его, верно? И у нас есть хорошие доказательства. — Она засмеялась и почувствовала, как что-то острое пронзило мышцы спины, но ей было все равно. — Это изумительно, Стэн.

— Да-а. — Что в его лице ей не понравилось. — Если он когда-нибудь придет в себя, то будет схвачен, осужден и посажен.

— Придет в себя? О чем ты говоришь?

Стэн опустил подбородок на переплетенные пальцы. — Он в катоническом ступоре. Не движется, не говорит. Что-то вроде комы с открытыми глазами. Подразделение, прибывшее по твоему вызову, нашло его уже таким.

— Что? — Ее возбуждение перешло в кое-что другое. Она почувствовала, как ужас дохнул на нее, его холодные иголки укололи ее в шею. — Стэн — это вранье. Он прикидывается. Клянусь. Теперь я знаю этого ублюдка.

— Его проверили лучшие врачи. Он не прикидывается. В любом случае он в нашей лучшей камере, пока большие мальчики и девочки наверху не решат, что с ним делать. С него не сводят глаз двадцать четыре часа в сутки. Привязан к своей шизоидной кровати. — Стэн Чан встал, и пригладил морщинки на брюках — похоже ему мешали даже микроскладки. — Он был в онлайне, когда мы нашли его. Врачи считают, что там он получил очень сильный ментальный удар, какой-нибудь бластер из нового Китайского Моря или что-то в этом роде, и для него это окончилось очень плохо. — Он увидел выражение на ее лице. — Честно, Скоурос, тебе не о чем волноваться. Он не прикидывается, но даже если бы вдруг, ему некуда идти. Самый громкий арест за все годы. — На его лице мелькнула улыбка. — Так что ты теперь героиня, Скоурос. Поэтому и не захотела взять меня с собой?

— Да. — Она попыталась сохранять тот же шутливый тон, но получалось плохо. — Да, я сказала себе: «Если я смогу отказаться от помощи партнера, получить нож в легкое и почти умереть, и все-таки вызвать помощь, лежа в луже собственной крови, то я безусловно прославлюсь.»

— Ну-ну, я же пошутил, Каллиопа.

— Я тоже, веришь ты в это или нет. — Она протянула руку за другим куском льда. — Что с той американкой?

— Дело плохо, но она еще жива. Тяжелая рана, большая потеря крови. Она должна была надеть чешую. Как ты, Скоурос.

— Как я. — Она улыбнулась, показав ему, что они все еще друзья. — Если ты уйдешь, кто будет отгонять от меня сетевых жуков? — Но она думала как раз не о репортерах.

— Снаружи пара улиц вся синяя от формы. Тебе не о чем беспокоиться.

Он ушел, и она включила настенный экран. Почти все информационные узлы сообщали о деле, камеры показывали убийцу, лежавшего в коме, и однажды даже ее саму — старый снимок, и ей опять стало плохо, такой толстой она выглядела на снимке — но она никак не могла сосредоточится, перед ее

мысленным взглядом постоянно возникала другая картина: узкий клин света под дверью, она открывает ее и он стоит там, тень с ножом, человек-дьвол, ухмыляясь во весь рот.

* * *

— Пора, — нежно сказал Орландо.

Сэм напугалась и разозлилась, сама не зная почему.

— Ты, скан-ящик, я должна уйти в офлайн. Я должна увидеть родителей.

— Да. — Он кивнул, но она слышала его мысли, как если бы он сказал их вслух. «Некоторые из нас не могут уйти в офлайн».

— Я буду приходить каждый день! — Она повернулась к Селларсу. Один за другим все остальные ушли из сети, оставив за собой слезы и обещания; в их полутемной пещере, помимо Селларса, остались только она, Орландо и Хидеки Кунохара. — Я могу вернуться назад, понял?

— Не сюда, Сэм.

Все кишки завязались в узел.

— Что ты хочешь сказать?

Он улыбнулся. Его лицо стало странным, почти испуганным. «Вот так, наверно, он выглядит на самом деле, не могла не подумать она, но почему бы ему не выбрать что-нибудь другое».

— Не волнуйся, Сэм. Я только хотел сказать, что не собираюсь оставаться в этой особой части сети Иного, потому что Иной… и все остальные ушли. У нас не так много ресурсов, и я должен кое-что упорядочить, а кое-что закрыть.

Она ухватилась за эту мысль.

— А, все эти сказочные герои-дети?..

— Я собираюсь закрыть эту часть — Колодец. Те, кто выжил, вернутся в свое обычное окружение, — сказал он. — Они имеют право существовать, по меньшей мере здесь, в сети.

— Мы должны восстановить тех, кто умер, если это можно так назвать, — сказал Кунохара с видом того, кто рассматривает небольшую но интересную шахматную задачу. — Держу пари, где-то должны быть записи о них — образы, отрывки кода или даже весь первоначальный код…

— Возможно, — сказал Селларс, прерывая его. У Сэм возникло чувство, что он не хочет обсуждать такие вещи перед ней — или, возможно, перед Орландо, который сам код.

«Код». Она почувствовала головокружительную непривычность этой мысли. «Мой лучший друг мертв. Мой лучший друг код».

— Но я могу вернуться обратно? Могу или нет?

— Можешь, Сэм, можешь. Мы выберем другое место, вот и все. У нас есть вся сеть. Или почти вся, — мрачно сказал Селларс. — Есть такие симуляции, которые я бы не хотел продолжать.

— Но они достойны изучения! — сказал Кунохара.

— Возможно. Но у нас и так будет очень трудное время — нам надо поддержать сеть Грааля. И, я надеясь, вы простите меня, если я не стану тратить драгоценные ресурсы на миры, построенные на пытках, педерастии и растлении малолетних.

— Полагаю, вы правы. — Но Кунохара не казался полностью убежденным.

Сэм повернулась к Орландо и попыталась поймать его взгляд, но не смогла. В первый раз за все годы знакомства тело Таргора показалось ей маской, маскарадным костюмом настоящего Орландо. Какой он? Остался ли он тем же Орландо, которого она знала? Она думала, что да, но друг, который так много значил для нее, через мгновение окажется невероятно далеко.

— Я буду возвращаться каждый день, — сказала она. — Я обещаю.

— Никаких обещаний, Фредерико, — хрипло сказал он.

— Что ты хочешь сказать? — Она разозлилась. — Неужели ты думаешь, я забуду тебя? Орландо Гардинер, да ты такой скан, совершенно конкретный!..

Он поднял большую руку.

— Нет, я не это хотел сказать. Просто… не надо ничего обещать. Я не хочу думать, что ты придешь повидать меня только потому, что… пообещала.

Она опять открыла рот, потом закрыла.

— Чизз, — наконец сказала она. — Никаких обещаний. Но я *буду* приходить. Каждый день. Увидишь.

Он слегка улыбнулся.

— Хорошо.

Наступило молчание, плохое молчание. Она покачалась на одной ноге. Селларс и Кунохара отвернулись, по видимому обсуждая что-то очень интересное взрослым.

— Ну, *фенфен*, Гардинер, — наконец сказала она, — ты не обнимешь меня на прощание?

Он так и сделал, неловко, но потом по-настоящему прижал к себе, сказав странным голосом:

— Я всегда буду с тобой, Сэм Фредерикс. Я… я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Орландо. И даже не осмеливайся думать, что я буду приходить повидать тебя только потому, что я должна или еще по какой-то другой долбанной мысли. — Она зло

вытерла слезы. — И не думай, что я плачу потому, что я девчонка.

— Да. А ты не думай, что я плачу потому, что я умер.

Она засмеялась, сглотнула слезы и оттолкнула его.

— Увидимся завтра.

— Да, увидимся.

Она повелительно махнула рукой.

— *Офлайн*.

Все прошло не так просто, как она надеялась — и как должно было быть. На этот раз боли не было, по меньшей мере того кошмара, который она испытала в прошлый раз, но тело болело и она никак не могла открыть глаза.

Наконец она смогла приподнять склеившиеся веки и стало еще хуже. Глаза чесались, но она не могла поднять руки и почесать их. Похоже ее запеленали в сеть из тяжелой и колючей проволоки. Она повернула голову — весившую не меньше тонны! — и увидела трубы, касающиеся рук и ног. Неужели эти хрупкие штуки и есть тяжеленные цепи?

Селларс позвонил ее родителям, как и обещал. Они спали на стульях, стоявших у конца кровати, мама опустилась на грудь отца, ее голова касалась его широкой шеи прямо под тяжелыми челюстями.

«Я опять плачу,— подумала она, глядя на расплывавшиеся лица родителей.— Последнее время я только этим и занимаюсь. Так глупо...» Она попыталась позвать их, но голос оказался еще слабее рук. Изо рта вышло только хриплое бульканье.

«Надеюсь, что я не умираю, после этого всего,— подумала Сэм, но не испуганно, а очень-очень устало.— Я так сканирована. Я была в кровати недели, типа того, но я все равно хочу спать». Она опять попыталась позвать родителей, и хотя на этот раз изобразила нечто немногим громче рыбьего кашля, мама ее услышала.

Энрика Фредерикс открыла глаза. И ее взгляд мгновенно прояснился, как только она поняла, что Сэм глядит на нее.

— Джалил! — крикнула она. — Джалил, взгляни! — Она прыгнула к кровати и стала целовать лицо Сэм. Ее муж, у которого исчезла подпорка, плавно скользнул на пол и проснулся.

— Что за черт!..

Но потом он увидел, встал и бросился к ней, большой, темный и прекрасный, так широко раскинув руки, как будто хотел обнять Сэм и жену, поднять вверх и бросить в воздух. У Сэм не было сил даже повернуть голову и посмотреть на мать, которая плакала, целовала ее и говорила слова, которые Сэм не понимала — но она не нуждалась в них, она и так знала, что мама

счастлива, по-настоящему счастлива.

«Типа того, когда кто-то должен был умереть, но не умер»,— подумала она и попыталась улыбнуться отцу. Это была отличная идея, но слишком сложная и тяжелая, сейчас. «Когда смерть отворачивает от тебя лицо…»

И она дала счастью схватить себя.

ГЛАВА 51
Зрелище взрывающихся машин

СЕТЕПЕРЕДАЧА/РАЗВЛЕЧЕНИЯ: Робинетт Мерфи не отступает

(изображение: отрывок из ФРМ-сериала «За Углом»)

ГОЛОС: Профессиональный медиум Фавзи Робинетт Мерфи, поразивший мир развлечений уходом со сцены в преддверии приближающегося конца света, ничуть не смущается, хотя предсказанная им дата Апокалипсиса уже прошла.

(изображение: GCN репортер, Мартин Боабдил, берет интервью у ФРМ)

БОАБДИЛ: «Вы не хотите продлить время вашего первоначального предсказания?»

МЕРФИ: «Не имеет значения, что говорю я или вы. Оно произошло.»

БОАБДИЛ: «Что произошло?»

МЕРФИ: «Мир закончился.»

БОАБДИЛ: «Прошу прощения, я не понимаю. Мы, что, сидим в другом мире?»

МЕРФИ: «Во всяком случае не в том же самом. Я не могу объяснить лучше.»

БОАБДИЛ: «Не имеете ли вы в виду… философию? Вроде того, что каждый день старый мир кончается и начинается новый? Я полагаю, что в этом есть какой-то смысл.»

МЕРФИ: «Вы действительно идиот, или прикидываетесь?»

Мемориальная служба прошла очень быстро. Нанятый ими священник сказал пару слов, прекрасно чувствуя, что происходит что-то непонятное, но при этом вел себя достаточно профессионально и не задавал лишних вопросов.

«Он вероятно думает, что мы в хорошем настроении, потому что не любили дорого усопшего или, как бандиты, собираемся наброситься на завещание,— подумал Рэмси, слушая записанную музыку.— Ну, частично это правда».

Единственное лицо, на котором было написано подходящее случаю выражение, принадлежало Кристабель — опечаленное, с широко раскрытыми и полными слез глазами. Рэмси и ее

родители попытались ей все объяснить, но она ничего не поняла, возможно из-за возраста.

«Черт меня побери,— подумал он,— если я тоже все понимаю».

— Патрик Селларс был авиатором, — сказал священник. — Мне сказали, что он посвятил всю свою жизнь стране и друзьям. Хотя он и был тяжело ранен при исполнении служебного долга, он никогда не терял своей доброты, чувства долга и… человечности.

«Ооооо…»

— Сегодня мы говорим «прощай» его смертным остаткам. — Священник указал на простой белый гроб, окруженный цветами — требование миссис Соренсен. «*Он был садовник,* — заявила она. — *Цветы должны быть.*» — Но часть его бессмертна и будет жить дальше. — Священник прочистил горло. «Какой приятный человек,— подумал Рэмси,— и какая отличная мысль. Хотя он этого никогда не узнает». — Я думаю, не будет слишком большой вольностью предположить, что он еще летает — в том месте, в котором мы еще не были и никто из нас не видел его, там, где ему не мешает искалеченное тело и изнуряющая тяжесть лет. Он свободен, по-настоящему свободен. Летать.

«И в этом тоже,— подумал Рэмси,— спрятана первоклассная ирония».

— У них есть маленькая камера наблюдения в уголке часовни, — сказал им Селларс, когда они вернулись. На настенном экране он выглядел точно так же, как в жизни, хотя его окружало нечто совсем другое. Рэмси подумал, что каменная равнина и тусклые звезды выглядят чересчур мрачно — даже для другого мира. Он не мог не спросить себя, почему Селларс выбрал такой странный фон, но сохранил свое искалеченное тело. Быть может не хотел пугать ребенка новым? — Я не смог победить искушение и посмотрел службу, — продолжал старик, — и, неожиданно, она меня глубоко тронула. — Он озорно улыбнулся.

— Почему ты умер? — сквозь слезы спросила Кристабель. — Я не понимаю.

— Я знаю, малышка Кристабель, — сказал он. — Это трудно. Но, на самом деле, мое тело износилось, и я больше не могу его использовать. Вот мне и прошлось… использовать кое-что другое и перебросить себя сюда. Я бы сказал, сделать себе новый дом. Теперь я живу в сети — или, по меньшей мере, в очень особой части сети. Так что я на самом деле я вовсе не мертв. Но мое

старое тело я больше не мог использовать, вот люди и решили, что я… ушел. — Он посмотрел на остальных. — Будет немного вопросов.

— Очень много вопросов, — сказал майор Соренсен.

— Да, они будут.

— Я не уверена, что простила вас, — сказала Кейлин Соренсен. — Я верю вам, когда вы говорите, что это произошло случайно — я имею в виду Кристабель — но все еще злюсь. — Она нахмурилась, потом внезапно полуулыбнулась, по своему озорно. — Но, как меня учили, о мертвых нельзя говорить плохо.

Чо-Чо встал и вышел из комнаты, чувствуя себя неудобно в черной официальной одежде, которую Кейлин Соренсен заставила его одеть на время похорон. Рэмси беспокоился о мальчике и начал было думать, что с ним делать, но сначала надо было решить множество других проблем.

— Что касается вопросов, — сказал он, — нам надо выбрать стратегию дальнейшего поведения.

— Лично я не хочу никаких стратегий, — сказала миссис Соренсен. — Я хочу забрать свою дочку и поехать домой. Ей нужно в школу. — Она оглянулась на место, где был Чо-Чо и увидела открытую дверь ванны. На ее лице появилась встревоженное выражение. — Обеим детям необходимо опять стать детьми.

— Поверьте мне — маленькое усилие сейчас может сделать дальнейшую жизнь намного легче, — сказал Рэмси. — Будут происходить очень странные дела… — Он на мгновение замолчал и покачал головой. — Я полагаю, было бы более точно сказать, что они *продолжат* быть очень странными. Мы собираемся обратиться в суд и судиться с самыми могущественными людьми в мире. Это будет та самая история, о которой мечтают все сетевые узлы. Я много могу сделать, чтобы защитить вас, миссис Соренсен, но я не пуленепробиваемый жилет. Не помогут даже деньги, которые вы унаследовали от Селларса. Этот судебный процесс поставит мир на уши.

— Мы не хотим этих денег, — сказал майор Соренсен. — Они нам не нужны.

— Да, майор, вам они не нужны, — спокойно сказал ему Селларс. — Но вам нужно их взять. Если вы беспокоитесь о происхождении этих денег, то, уверяю вас, они не украдены. За эти годы я сделал множество инвестиций, все совершенно легальные — и помните, что вся информация мира была у меня в руках, а я не глупый человек. На эти деньги я изменял сам себя и вел борьбу с Братством Грааля. Вы не должны отказываться от

этой небольшой суммы — ведь с ее помощью вы сможете защитить свою семью. И считайте это благодарностью за все то, что вы сделали для меня.

— Небольшая сумма! Сорок шесть миллионов кредитов!

Селларс улыбнулся.

— Вы не обязаны брать всю сумму. Разделите ее с моими… добровольцами.

— Но она действительно ничто по сравнению с тем, что мы получим, когда притащим в суд Телеморфикс и некоторых других, — сказал Рэмси. — Но большая часть уйдет родителям жертв Тандагора, тех детей, которых ввела в кому операционная система. Да, и еще одно, о чем я должен сказать. Мы собираемся построить больницу — Детскую Больницу имени Ольги Пирофски.

Селларс медленно кивнул.

— Я не знал миссис Пирофски так хорошо, как вы, мистер Рэмси, но у меня есть другое предложение. Мне кажется, она предпочла бы другое имя — Детская Больница имени Дэниела Пирофски.

Рэмси потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

— Да… конечно. Да, я думаю, вы правы.

— Но почему мы должны тащить всех этих людей в суд? — спросила Кейлин Соренсен. — После того, через что прошли?

— Вы не должны, — осторожно сказал Рэмси. — Я говорю о групповом иске. Но когда на поверхность выплывет роль генерала Якубиана, вам придется участвовать в судебных слушаниях. Это будет самый большой процесс со времени Антарктической Войны. Черт побери, он будет куда больше — у нас есть облако дыма над всей южной Луизианой, расплавленная плита вместо острова Джи Корпорэйшн, федеральная зона бедствия, и все это только крошечный кусок головоломки. — Он увидел взгляд миссис Соренсен и не мог не улыбнуться. Все приходило в норму, но она еще это не осознала. — Извините за язык. Но вашего мужа в любом случае ждет военный суд. И я уверен, что у нас не будет проблем с показаниями капитана Паркинса…

— У нас? — спросил отец Кристабель.

Рэмси остановился и кивнул.

— На самом деле, может быть… я буду занят, когда он состоится. Но я уверен, что подходящий военный адвокат сумеет с ним справиться. Если у вас нет никого на примете, я вам найду.

— Пожалуйста, возьмите деньги, миссис Соренсен, — сказал Селларс. — Купите себя дом за базой. Немного побудьте одна. Или подольше. Мы будем сражаться за то, чтобы вас никто не потревожил.

— Я не хочу уезжать из базы, — сердито ответила она.

— Выбирайте сами. Но возьмите деньги. Используйте их, чтобы дать Кристабель немного свободы.

— А что с мальчиком? — спросил Рэмси. — Я могу что-нибудь сделать, если вы хотите — до начала суматохи. — Найти ему хороших приемных родителей…

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Кейлин Соренсен не хотела, чтобы ее улещивали или направляли. Рэмси подозревал, что на суде она будет хорошей свидетельницей. — Мальчик никуда не пойдет. Я не для того все это время мыла и кормила его, чтобы отдать в руки тех, кому до него нет дела. Он останется с нами, бедный малыш. — Она поглядела на мужа. — Я права, Майкл?

Майор Соренсен с готовностью улыбнулся.

— Э… да. Конечно. В тесноте, да не в обиде.

— Кристабель, — сказала ей мама, — пойди за… — Она нахмурилась и повернулась к Селларсу. — Как его зовут? По настоящему?

— Мне кажется Карлос, — Селларс тоже улыбнулся. — Но не думаю, что ему нравится это имя.

— Тогда придумаем другое. Я не собираюсь называть своего приемного сына «Чо-Чо». Это звучит как поезд или гоночная машина. Она махнула рукой дочери. — Давай, дорогая, приведи его.

Кристабель странно посмотрела на нее.

— Он будет жить с нами?

— Да. Ему больше негде жить.

Маленькая девочка какое-то время думала.

— Хорошо, — сказала она, потом отправилась к ванну. Мгновением позже она появилась оттуда, таща протестующего мальчика за руку. Он снял с себя черный костюм и на этом остановился, как бы не зная, что делать дальше. На нем остались майка и трусы.

— Ты будешь и дальше жить с нами, — сказала Кейлин Соренсен. — Ты не против?

Он посмотрел на нее, как через дыру. Рэмси даже решил, что если бы он мог, то безусловно убежал.

— Жить с вами? — спросил он. — Типа *su casa*? В вашем доме?

— Да. — Она выразительно кивнула. — Скажи ему, Майк.

— Мы хотим, чтобы ты жил с нами, — сказал майор. К его чести, он говорил твердо и уверенно. — Мы хотим, чтобы ты… стал частью нашей семьи.

Мальчик переводил взгляд с одного на другого.

— Не пойду в школу, — сказал он.

— Конечно пойдешь, — сказала ему Кейлин Соренсен. — И будешь мыться каждый день. И мы исправим твои зубы.

— Зубы? — Он выглядел немного потрясенным. Пальцы руки полезли в рот. Потом выражение его лица изменилось. — Чо, жить с дурочкой?

— Если ты имеешь в виду Кристабель, то да. Она будет… твоей сестрой, надеюсь.

Он опять посмотрел на них, вычисляя, все еще подозрительный, но потом в его лице что-то мелькнуло. Что? Рэмси мог только гадать.

— Хорошо, — сказал Чо-Чо.

— Если не будешь говорить плохие слова, то я разрешу тебе играть с Принцем Пикапиком, — пообещала Кристабель.

Он округлил глаза и они отправились в другую комнату — судебные заседания, военно-полевые суды, даже мертвый человек, говорящий со стенного экрана, ничто не могло заставить их остаться там, где взрослые занимались скучными взрослыми делами.

— Хорошо, — сказал Селларс. — Вот это по-настоящему хорошо. Теперь надо обсудить еще несколько дел.

«Это действительно будет история столетия,— восхищенно подумал Рэмси.— Однажды, лет через пятьдесят, люди будут исследовать то, что мы сейчас говорим друг другу». Он посмотрел на дверь ванной. Второй экран работал. Кристабель лежала на полу, разговаривая с плюшевой игрушкой. Чо-Чо смотрел, как на экране взрываются машины.

«Нет,— подумал он и опять повернулся к Селларсу.— Люди никогда не помнят такие дела, и не имеет значения, насколько они важны».

* * *

— Прошу прощения. Я опоздала. Я вернулась только вчера и все еще… чувствую себя немного странно. И ты знаешь, как медленно ходят автобусы в центре. — Рени поглядела кругом. — Этот офис не совсем то, что я ожидала.

Дель Рей засмеялся и пренебрежительно обвел здоровой рукой комнату без окон и маленький экран на ничем не украшенной белой стене. Другая рука, плотно перебинтованная, висела на перевязи. — Это все временное, я уже положил глаз на значительно более приятное помещение в основном здании ООН на площади Фаруэлла. — Он опять уселся на стул. — Бюрократия

— очень смешная вещь. Три месяца назад ты бы подумала, что у меня заразная болезнь. А сейчас я внезапно стал всеобщим лучшим другом, и только потому, что ветер разносит запах судебного процесса о незаконном увольнении и мое лицо во всех сетевых новостях. — Он посмотрел на нее. — Но не твое лицо. Это плохо — ты прекрасна, Рени.

— Я этого не хочу — внимания, шумихи, ничего. — Она осторожно опустилась на стул, лицом к столу. — Вообще чудо, что я встала и хожу, но эти старомодные капсулы оказались лучше почти всего, через что входили в сеть другие. Они заставляли мышцы двигаться и не дали им атрофироваться. Ну и, конечно, у меня нет пролежней.

— Надеюсь однажды ты мне расскажешь, что происходило на самом деле. Я все еще не все понимаю.

— Это очень долгий разговор, — сказала она. — Но, однажды, я расскажу тебе. Это целый роман.

— Который закончился. Что с твоим отцом?

— Сердится. Но он стал другим, немного. На самом деле я иду его проведать.

Он заколебался.

— А твой брат?

Она попыталась улыбнуться, но не удалось. — Без изменений. Но, по меньшей мере, я могу до него дотронуться.

Дель Рей кивнул, потом начал рыться в ящике стола. «Делает вид, что занят и ищет предлог спровадить меня»,— подумала Рени.

— Не думаю, что в этом офисе есть пепельница, — наконец сказал он. — Должен ли я пойти и поискать ее?

Какое-то мгновение она глядела на него, не понимая.

— Ты знаешь, я бросила курить и не собираюсь начинать. Мне очень хотелось, пока я была заперта в сети, но сейчас, когда я вырвалась… — Она нервно шевельнулась на стуле. — Все изменилось. Я не хочу больше отрывать тебя от работы, Дель Рей. Я просто хотела поблагодарить тебя, лицом к лицу, за то, что ты уладил все дела — с полицией, армией, со всеми.

— Там еще много чего осталось. Но военные ничего на знали о том, что банда вооруженных наемников вломилась на их базу, и сейчас они совершенно ошарашены. Так что они будут счастливы, если все закончится без излишнего шума. И, как я тебе уже говорил, многие люди набиваются мне в друзья. Очень важные люди.

«Ему это нравится,— сообразила она.— Должна ли я завидовать ему? Нет, не думаю».

— Все равно спасибо тебе. А думаю, что сошла бы с ума, если

бы они заперли меня в какой-нибудь камере.

— Я тоже, — усмехнулся он. — Я заплакал, когда в первый раз увидел небо.

— Не думаю, что во мне остались слезы, — сказала Рени. — Но я знаю, что ты имеешь в виду. — Она осторожно подняла себя со стула. «Как старуха»,— подумала она.

— Не хочу задерживать тебя, Дель Рей. Пойду, мне надо успеть на автобус.

Он сунул здоровую руку в карман.

— Рени, ради бога, возьми такси.

Внезапно ей стало больно.

— Я не хочу брать денег от тебя, Дель Рей.

Он тоже посмотрел на ее, с болью во взгляде, потом медленно покачал головой.

— Ты не поняла. Здесь много денег, которые предназначены для тебя, но не от меня. Тебя еще не было, и я говорил с нашим другом Селларсом. Он направил меня к человеку по имени Рэмси. Так что тебя ждет небольшой сюрприз, Рени. И, поверь мне, Селларс хотел бы, чтобы ты взяла такси. Вот, это твое.

Она поглядела на карточку, потом взяла ее.

— Хорошо, но только сейчас, потому что у меня болят ноги.

Он усмехнулся и вышел из-за стола.

— Все та же старая Рени. — Он обнял ее, и ее голова оказалась у него на груди. Ей стало неудобно и она постаралась высвободиться. Он легко удержал ее, нежно поцеловал в шеку и отклонился назад, чтобы видеть ее лицо. — Твой новый мужчина? — спросил он. — Это серьезно?

— Да, надеюсь, что да. У меня встреча с ним в больнице. Он должен забрать вещи из дома, в котором снимает комнату. Мы собираемся найти квартиру.

Он кивнул. Она спросила себя, ей показалось, или в его улыбке действительно мелькнула печаль.

— Хорошо, желаю вам счастья. Но давай не будем чужими друг друга, а? Я не собираюсь — особенно после того, через что мы прошли.

Она посмотрел на клубок белых бинтов, которым кончалась его рука. Врачи сказали, что собака сжевала ему два пальца, и, в разговоре по телефону, он признался, что они покалечены и вряд ли будут двигаться. «Никто из нас не будет тем же самым,— подумал она.— Никогда».

— Я знаю, Дель Рей. — Она высвободилась, потом остановилась и погладила его по щеке. — Еще раз спасибо тебе.

— Да, и еще кое-что, Рени, — сказал он, когда она уже была у двери. — Не торопись снимать квартиру.

Она повернулась, гнев опять забурлил в ней.

— Ты думаешь, что у нас ничего не получиться?

Он засмеялся.

— Нет, что ты. Я имел в виду, что теперь у тебя намного больше возможностей выбрать дом, чем ты думаешь.

Оказалось, что очень интересно увидеть точную сумму на экране такси. «И так было всегда? спросила она себя, махнув карточкой перед считывателем и добавив чаевые водителю.— Для людей, у которых есть деньги? Все… очень просто?»

Дурбанский пригородный медицинский центр, как и другие больницы, отменил карантин. Посетители толпились в вестибюле или стояли кучками в зоне ожидания, маленькие группы усталых родственников и хныкающих детей. Врачи и няни выглядели людьми, а не пришельцами с других планет. «По меньшей мере теперь у них есть вакцина,— подумала Рени.— По меньшей мере теперь Стивен не заразится букаву-4». Слабое утешение.

Поднимаясь по лифту, она аккуратно держала пакет, чувствуя себя так, как будто становится кем-то другим, когда ее никто не видит. «Почему? Все то же самое — та же самая Рени, тот же Папа, тот же самый больной Стивен. Пока мы были в том мире, этот мир двигался вперед. И ничего не изменилось».

За исключением ее чувств к !Ксаббу, конечно. И это ее немного пугало. Она так хотела, чтобы они были вместе, но видела множество проблем. Они такие разные, у них совершенно другой опыт. То, что связала их, происходило в совершенно нереальном окружении. Разве они смогут выдержать обычную жизнь: отсутствующие автобусы, выцарапывание денег на оплату съемной квартиры, бесчисленные посещения больницы?

Дверь в палату отца была открыта. Она говорила с ним только через сеть и очень удивилась, увидев, что он занимает отдельную палату. «Как мы заплатим за это?»— невольно спросила она себя. Но даже если она зайдет в долги, она не обратиться за помощью к Дель Рею, это точно.

Она заколебалась на пороге, внезапно испугавшись чувства, которое не хотела назвать по имени. Отец смотрел настенный экран, перепрыгивая с узла на узел, с усталым и пустым лицом. «Он так стар!— подумала она.— Посмотрите на него. Да он уже старик». Она глубоко вздохнула и вошла.

Увидев ее он мигнул, потом мигнул еще раз. С удивлением она сообразила, что из его глаз текут слезы.

— Что это сегодня со всеми? — спросила она, взволнованная и испуганная. — Почему все только и делают, что плачут?

— Рени, — сказал он. — Как я рад видеть тебя.

Она не собиралась плакать — даже для этого старого дурака. Джереми Дако уже рассказал, как Джозеф ускользнул из форта и поехал в Дурбан, оставив бедного Дако в одиночестве. И тем не менее на глаза навернулись слезы, хотела она того или нет, и, чтобы спрятать их, она наклонилась и поцеловала его в щеку. Его руки сомкнулись на ней, она оказалась в ловушке, крепко прижатая к его небритому лицу. От него пахло медово-лаймовым лосьоном, и на мгновение она стала ребенком, побежденным его силой и размерами. «Но я не ребенок. Уже давным-давно».

— Прости меня, — сказал он.

— Простить? — Она высвободилась и осторожно уселась. — За что я должна тебя простить?

— За все. — Он махнул рукой и экран опустел. — За все те глупости, который сделал. — Он нашел платок и яростно высморкался. — Ты всегда говорила мне о тех глупостях, которые я делал, моя девочка. Неужели ты не помнишь?

Что немного выпрямилось в ней.

— Да, я помню. Но все мы делаем ошибки, папа. — Она нервно вздохнула. — Покажи мне твою руку.

— Видишь? Собака почти отгрызла ее. Теперь меня можно называть однoруким Джозефом. — Он с гордостью показывал свои раны. — Пыталась отгрызть мне шею, тоже. Держу пари, что тебе очень повезло — ты была в том баке.

— Да, пап. В полной безопасности в баке.

Он что-то услышал в ее тоне и улыбка удовлетворения погасла.

— Я прекрасно знаю, что все это было не так. Я просто пошутил.

— Я знаю, папа.

— Видела Стивена?

— Сегодня нет — но собираюсь увидеть его сразу после тебя. Я вернусь и расскажу, если будут… какие-нибудь изменения. — Вид маленького тела брата, сморщенного и пустого, украл большую част радости от возвращения в настоящий мир.

Джозеф медленно кивнул головой. Последовало долгое молчание, потом он спросил:

— А этот твой мужчина, где он?

Рени подавила раздражение. И почему мужчины всегда спрашивают это? Можно подумать, им очень надо знать, под чьей защитой она находится — быть может чтобы передать кому-то ответственность за нее.

— Он в полном порядке, папа. Я увижусь с ним сегодня, но позже. Мы собираемся поискать квартиру. На моем банковском

счету еще кое-что осталось. И, я надеюсь, что смогу опять получить старую работу — хочу позвонить в офис ректора и, быть может, кто-нибудь из них смотрит сетевые новости.

Он кивнул, со странным выражением на лице.

— Тогда вот почему я здесь? Чтобы ты могла искать место с твоим новым мужчиной?

Рени потребовалась пара ударов сердца для того, чтобы понять его слова.

— Ты думаешь?.. О, пап, я оставила тебя здесь только потому, что тебе некуда идти. !Ксаббу и я провели ночь в меблированных комнатах, которые он снимает, и спали прямо на полу. — Несмотря на всю свою печаль, она слегка улыбнулась. Хозяйка не разрешила нам спать в его комнате, потому что мы не женаты.

— И?

— И ты конечно будешь жить с нами, — сказала она, хотя, сказав, почувствовала тяжесть и злость. — Я не оставлю тебя на улице. Мы семья. — Она бросила взгляд на время, отображаемое уголке темного экрана. — Мне надо идти. — Она встала, потом вспомнила о пакете, который держала в руке. — Я… я принесла тебе кое-что.

Он прижал пакет к груди и открыл здоровой рукой. Потом поднял бутылку в воздух и долго глядел на нее.

— Я знаю, что это не твое любимое, — сказала она, — но в магазине мне сказали, что это хорошее вино. И я подумала, что ты захочешь выпить что-нибудь подходящее — чтобы отпраздновать. — Она оглянулась. — Не думаю, что тебе разрешают такое пить, поэтому тебе лучше спрятать ее.

Он все еще глядел на бутылку. Потом посмотрел на нее, и она почувствовала себя немного неуютно.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Но, знаешь, я не хочу пить ее здесь. Может быть, когда я выйду. — Он улыбнулся, и она опять поразилась, как странно он выглядит: старым, костлявым и… очистившимся. Как камень в ветреной долине. — Когда ты найдешь новое место. Вот тогда и отпразднуем. — Он протянул пакет обратно.

— Ты… ты не хочешь?

— Сначала выйду отсюда, — сказал он. — Я же не хочу неприятностей, верно? Иначе они продержат меня здесь еще дольше.

Ей понадобилось время, чтобы запихнуть бутылку обратно в пакет. Закончив, она встала и заколебалась, сражаясь с желанием идти прямо к двери, чтобы избежать смущения, трудных чувств и дать делам идти своим чередом. И только посмотрев на него и

увидев, как он посмотрел на нее в ответ, она поняла, что хочет сделать.

Он наклонилась, опять поцеловала его щеку, потом крепко обняла за шею.

— Папа, я приду завтра. Обещаю.

Он откашлялся, и она выпрямилась.

— Мы можем сделать лучше, ты и я. Ты знаешь, что я люблю тебя, ребенок. Ты же знаешь, да?

Она кивнула.

— Я знаю. — Говорить было трудно. — Мы сделаем лучше.

В комнате ожидания детского отделения !Ксаббу не было. Рени слегка удивилась — обычно он не опаздывал — но в голове крутилось столько всего, что она не стала даже думать об этом, оставила ему сообщение в приемной и пошла к Стивену.

!Ксаббу спал на стуле, стоящим в ногах кровати: голова откинута назад, руки на коленях в таком положении, как будто он держал и освободил что-то летающее. Ей стало стыдно. Да, она устала и плохо себя чувствует, но насколько сильнее устал ! Ксаббу, который столько времени держал чертову связь с Иным? «Не нужно было тащить его сюда, к маленькому несчастному дурачку». На мгновение сердце в груди замерло.

«Но это наш несчастный маленький дурачок,— напомнила она себе.— Это что-то, верно?»

Она нежно погладила его руку и подошла к телу брата. Маленькие руки Стивена были все еще прижаты к груди, как у богомола, из-под тонкого больничного одеяла виднелось худое тело, кожа да кости, а глаза…

Глаза были открыты.

— Стивен? — Она почти кричала. — Стивен!

Он не пошевелился, но его глаза следили за ней, когда она наклонилась к нему. Она осторожно взяла в руки его голову, такую хрупкую.

— Стивен, ты меня слышишь? Это я, Рени. — *И все это время внутренний голос нашептывал ей: «Это ничего не значит, такое случается, они открывают глаза, на самом деле он не…»*

!Ксаббу, разбуженный ее голосом, зашевелился. Он сел прямее, хотя, казалось, еще не совсем проснулся.

— Я видел сон, — прошептал он. — Я был медоуказчиком… маленькой птичкой. И я вел… Тут его глаза наконец открылись. — Рени? Что происходит?

Но Рени уже метнулась к двери, громко зовя няню.

Доктор Чандхар отняла руку от пульса на шее Стивена, но

она все еще держала одну из его маленьких костлявых рук в своей.

— Признаки… достаточно хорошие, — сказала она, улыбка на ее лице полностью противоречила осторожным профессиональным словам. — Безусловное улучшение, первое с того времени, как он попал сюда.

— Что это значит? — спросила Рени. — Он выходит из комы? — Она наклонилась и опять взглянула на Стивена. Точно, в глубине его коричневых глаз мелькнуло узнавание — совершенно точно!

— Да, надеюсь, что да, — сказала врач. — Но он был в коме очень долго. Пожалуйста выслушайте меня, мисс Сулавейо. Не надо слишком надеяться — процесс полного восстановления может оказаться очень долгим. Возможно он просыпается, но не исключено, что мозг может оказаться поврежденным.

— Я здесь, — твердо сказала Рени брату. — Ты можешь видеть меня, верно? И можешь слышать. Пришло время возвращаться к нам. Мы ждем тебя. — Она выпрямилась. — Я должна сказать отцу.

— Не слишком много за раз, — сказала доктор Чандхар. — Если ваш брат проснется, он может быть… дезориентирован. Поэтому никакого шума и резких движений.

— Да, конечно, — сказала Рени. — Я просто… Боже мой, спасибо вам доктор. Спасибо! — Она повернулась к !Ксаббу и обняла его. — Он открыл глаза! Открыл!

Доктор ушла, пообещав связаться со специалистом из другой больницы, побольше. Рени опустилась на стул и заплакала.

— О, пожалуйста, пусть это будет правдой, — сквозь слезы прошептала она. — Пожалуйста, пожалуйста. — Она наклонилась вперед, протянула руку через ограждение кровати и схватила руку Стивена. !Ксаббу подошел, встал сзади и обнял ее за шею, и вместе они оба выглядели как одно сморщившееся тело. Глаза Стивена опять закрылись, но на этот раз Рени не сомневалась, что он спит нормальным сном.

— Я видел сон, — сказал !Ксаббу. — Я был маленькой птичкой, медоуказчиком, и вел Стивена к меду. Мы долго шли, и я слышал его за собой.

— Ты вывел его обратно.

— Кто знает? Возможно я почувствовал, что он просыпается и коснулся его во сне. Или, возможно, это чистое совпадение. Я не уверен ни в чем, что касается меня самого. — Он засмеялся. — Я когда-нибудь был хоть в чем-то уверен?

— А я кое в чем уверена, — ответила Рени. — Я люблю тебя. Мы будем жить вместе. И со Стивеном, тоже. И даже с моим

отцом. — Она едва не рассмеялась. — С моим смешным отцом — он хочет сделать лучше. Хочет начать со мной. Разве это не смешно?

— Я думаю, что это замечательно.

— Да, замечательно, ты прав. Я хочу смеяться, потому что мне надоело плакать. — Он коснулась руку !Ксаббу, потом схватила ее и подтащила ко рту, чтобы поцеловать. — Если все это история, у нее может быть счастливый конец?

— Кто их знает. — !Ксаббу глубоко вздохнул. — Истории, я имею в виду. Откуда они приходят. Куда идут. Но если мы не будем просить слишком много, то, я думаю, наша история будет иметь самый счастливый конец из всех возможных.

И как если бы услышав и согласившись с !Ксаббу, Стивен сжал ее руку.

ГЛАВА 52
Удивленный оракул

СЕТЕПЕРЕДАЧА/РЕКЛАМА: Дядюшка Джингл — упал, но выжил!

(Изображение: Дядюшка Джингл ползает среди обломков сожженных и разрушенных зданий)

ДЖИНГЛ: «Хорошо, хорошо, я согласен, что бедняга Джингл выглядит не лучшим образом. Еще хорошо, что я вовремя нагнулся. — (кашляет) — Если я скажу, что собираюсь вздуть цены до предела во всех Джингопориумах, то, как мне кажется, кто-нибудь воспримет это слишком серьезно. Но сейчас, дети, я прошу вас помочь вашему Джинглу. Мы должны все построить заново, чтобы я мог сделать вас и ваших друзей самыми счастливыми детьми на свете. Как вы можете помочь? Покупайте! Покупайте побольше наших товаров!»

Код Дельфи. Начать здесь.

Снаружи ясный день, но здесь, в глубине моей горы, я его не вижу. Я вернулась в свое тело сорок восемь часов назад, три раза приняла ванну, два раза приготовила себе еду и почти всю выкинула, и провела шесть или семь из этих сорока восьми часов в слезах из-за ужасных мышечных болей. Мое тело не слишком счастливо оттого, что я снова завладела им.

Я слаба как мышь.

Тем не менее — при помощи Селларса — я сумела восстановить мой дневник. Не думала, что опять услышу его. Пока я не могу спать и даже лежать без болей, я медленно хожу взад и вперед по этажам моего подземного дома и слушаю, слушаю, слушаю…

Слушаю голос другой женщины. Я знаю ее, но она — не я. Мне, буквально через несколько часов после возвращения, все эти безумные миры кажутся сном. Ужасным сном, да, но только сном.

Та, которая наговорила эти записи, которая высказывала свои мысли и страхи — та Мартина была слепа, она не видела предметы, но только представляла их себя. Мартина, которая слушает эти записи — и делает новую — эта Мартина может видеть. Но она слепа к тому, что было у другой Мартины и что она знала.

Да, я вижу, но я более слепа, чем раньше. Я… я не могу…

Я вернулась. Я должна была пойти и немного полежать в темноте. Мне все еще тяжело видеть, очень тяжело. Голова болит, в глазах все плывет. Иногда я вспоминаю как кто-то, не помню кто, однажды сказал мне: «Всякая болезнь — дар, всякий дар — болезнь.» Быть может какой-нибудь проклятый терапевт или окулист, но о! Я только сейчас поняла, насколько он был прав.

Иной… это он забрал у меня зрение много лет назад. Сейчас я понимаю это, понимаю озадаченных врачей и не отвеченные вопросы, стоявшие за диагнозом «истерическая слепота». Не думаю, что он сделал это случайно, как, по мнению Селларса, произошло с детьми, которых он ввел в кому, пытаясь сделать их спокойными и послушными. Нет, он был со мной в темноте Института Песталоцци, и был так, как я не понимала тогда — в ушах и даже в сознании. И когда появился свет, который ослепил меня, от которого мне стало больно и я закричала, он попытался помочь мне. Он сделал так, что свет ушел.

Умирая, он вернул мне его.

Он коснулся меня в конце, по меньшей мере я так думаю. Я почувствовала его так же, как тогда, тридцать лет назад. На мгновение, на короткое мгновение, мы снова стали детьми, боящимися темноты. Он… коснулся меня, как если бы сдался. Коснулся меня, и ушел.

Я бы хотела быть с ним до конца и лететь через темное небо в языках пламени, как божественный удар молнии. Возможно я бы тоже погибла, распалась на атомы во время взрыва. Это было бы простое решение. Я долго желала этого простого решения, хотя слишком труслива, чтобы принять его самой.

Слушай — Мартина опять говорит себе, как всегда. Одна в темноте. Это мой выбор, хотя сейчас я могу видеть. Обратно в мой мир под миром.

Для всех остальных жизнь продолжается. Селларс и Хидеки Кунохара готовят изменения в сети, друг Селларса, Рэмси, занимается судебным процессом. У Рени и Флоримель есть любимые, которые их ждут — и я им не нужна. А я, чем займусь я? Раньше я хотела помочь Полу Джонасу. В отличии от него я знала, что у него нет жизни в офлайне. Я даже мечтала, что, если он выживет, мы сможем жить в сети вдвоем — вести виртуальную жизнь, но все-таки жизнь. Ведьма и странник. Духи-защитники Иноземья.

Теперь все изменилось. Пол мертв, и я потеряла то, что делало меня другой, очень полезной. Мое зрение больше не подавляется, и мозг создал новые связи, которые заменили старые. Информация Иноземья, которую я могла читать так же,

как гончая нюхает ветер, теперь ничего не значит для меня — меньше чем ничего, потому что своими глазами я едва вижу то, что очевидно другим.

Я прослушала мой журнал. Думаю, что прослушаю его еще не один раз, хотя я не знаю женщину, которая наговорила его. Больше особо делать нечего. Возможно однажды я выйду настоящий мир и проверю свое новое зрение. Возможно тогда я найду, ради чего стоит жить. Возможно.

Но сейчас я хочу кое-что сказать самой себе. У меня есть друзья — настоящие друзья. Они вернулись к своей жизни. Конечно мы будет общаться — такие связи не исчезают за одну ночь — но неприятная правда состоит в том, что у них есть жизнь, в которую они вернулись, а у меня нет. Мы вместе прошли через невероятные опасности и настоящий кошмар. Но я выжила. И там была *очень важна* для них. А теперь?

Трудно думать. Легче лечь и отдохнуть. В знакомой темноте.

Код Дельфи. Закончить здесь.

* * *

Рени уселась в мягкое кресло и пожалела, что не использовала что-нибудь получше.

«Все эти недели в совершенной имитации реальности я чувствовала себя обманутой, раздавленной и раздробленной на куски. А сейчас, когда я чувствую себя намного более приятно, и выхожу в сеть из ВР магазина, я не могу воспринять этот мир по-настоящему».

— Мне кажется, остальные говорили мне, что твой дом-пузырь был уничтожен, — сказала она Хидеки Кунохара. Она указала на огромный круглый стол, на невероятно высокие деревья, видимые через полусферическую крышу, и на реку, скорее похожую на волнующийся океан, окружавшую их со всех сторон. — Ты быстро построил его заново.

— О, этот значительно больше, — довольно сказал он. — Нам нужно место для встреч, вот я и решил сделать новую конструкцию побольше. — Он тоже села на стул. — Я помню твоего друга — !Ксаббу, я не ошибаюсь? — но второго гостя я не знаю.

— Это Джереми Дако. — Рени подождала, пока Джереми перегнется через нее и пожмет руку Кунохары. — Если бы не он и еще два других человека, ни я, ни !Ксаббу не выжили бы, чтобы присутствовать на этой… встрече.

— Это совершенно поразительно, — сказал Джереми,

потрясенный головокружительной высотой деревьев. — И ты действительно все это время была здесь, Рени? Мы не имели ни малейшего понятия.

— Не в точности здесь, но, да, эта сеть — великолепное место. — Она слегка улыбнулась. — И вы, конечно, даже не подозревали, на что она похожа. Но почему мы все здесь таким образом? Можно было бы использовать что-нибудь получше.

— Спроси своего друга Селларса, — сказал Кунохара. — Он должен присоединиться к нам с минуты на минуту.

— Я уже здесь. — Селларс появился на другом конце большого стола, все еще сидя на инвалидной коляске. — Прошу прощения, дел невпроворот. Что вы хотели спросить у меня?

— Почему мы не можем использовать более лучшие средства для выхода в сеть? — сказала Рени. — Наш друг Дель Рей, благодаря связям, с радостью обеспечит нам настоящие ВР коммуникаторы ООН, и они намного лучше, чем то, что мы используем.

— Я возражаю не против качества оборудования, — сказал ей Селларс. — И в будущем мы, безусловно, сделаем для вас намного лучший доступ в сеть. Но по самым разным причинам я думаю, что не стоит использовать оборудование ООН, даже если его достанет друг.

— Что вы хотите сказать?

— Я все объясню, когда соберутся все. А, мистер Дако, мы наконец встретились — по меньшей мере как личности. Ну, это не совсем точно. Лицом к лицу? Надеюсь, вашей ноге намного лучше.

— Вы… вы Селларс? — Джереми выглядел немного потрясенным. — Благодарю вас за то, что спасли нам жизнь.

Старик улыбнулся.

— Большинство из нас в этой комнате не раз спасли жизнь друг другу. Ваше мужество помогло остаться в живых Рени и ! Ксаббу, так что они смогли сыграть свою роль, очень важную роль.

— Это вы вызвали военных, верно? Сообщили им, что кто-то вломился на базу «Осиное гнездо»?

Селларс кивнул.

— Ничем больше я не мог помочь вам. Как раз тогда я был ужасно занят. Я очень рад, что это сработало. — Он поднял голову, как если бы услышал далекий звук. — А, Мартина.

Мгновением позже появилась Мартина — или, скорее, на одном из стульев возник почти безликий сим. Рени вздрогнула. Она даже спросила себя, а можно ли видеть настоящее лицо Мартины; хотя Селларс сделал так, что все остальные выглядели

как в жизни, она не могла не отметить, что этот едва человеческий сим — шаг назад.

— Здравствуй, Мартина, — сказал Ксаббу. Она только кивнула.

«Ей плохо,— подумала Рени.— Очень плохо. Но что мы можем сделать?»

Рени ненадолго отвлеклась — появились Т-четыре-Б и Флоримель, с интервалом в полминуты. Рени уже знала настоящее лицо Т-четыре-Б, хотя никогда с ним не виделась. Его прямые черные волосы были расчесаны, а кожа светилась.

— Зажег ее, наполовину, — объяснил он. — Классно, посекуха? — Он поднял совершенно нормальную левую руку. — Хочу, чтобы эта тоже светилась, как в сети. Это был *блеск*!

Настоящее лицо Флоримель тоже изумило Рени. Она выглядела намного моложе, чем тот крестьянский сим, в котором она провела столько времени, лет на тридцать — тридцать пять: открытое привлекательное лицо, тяжелая челюсть и простая стрижка, не намного длиннее, чем у самой Рени. Только черная повязка на глазу привлекала дополнительное внимание.

— Как твой глаз? — спросила Рени.

Флоримель поцеловала ее в обе щеки сначала ее, потом ! Ксаббу.

— Плохо. Этот глаз почти ничего не видит, но у меня есть хорошая новость о слухе — он вернулся. — Она повернулась к Селларсу. — Я очень благодарна за помощь, хотя использую деньги не для того, чтобы лечить свои болячки, но для Эйрин. Больницы — очень дорогое удовольствие.

Рени, вспомнив, хотела было поговорить о деньгах, но все-таки задала более важный вопрос.

— Как она?

Рот Флоримель изобразил печальную полуулыбку.

— Время от времени приходит в сознание, но меня еще не видит. Пока нет. Поэтому я не могу оставаться долго на встрече. Я бы не хотела, чтобы она проснулась без меня. — На мгновение она замолчала. — А твой брат? Я слышала, что его состояние улучшилось.

Рени кивнула.

— Да, очень. Стивен проснулся и говорит — он узнает меня и отца. Но у него впереди еще долгая дорога — много физиотерапии, могут быть проблемы, о которых мы еще не знаем, но, да, сейчас ему намного лучше.

— Замечательная новость, Рени, — сказала Флоримель.

Хидеки Кунохара кивнул.

— Поздравляю.

— Большой *дзанг*, — добавил Т-четыре-Б.

— Я уверена, что Эйрин скоро будет лучше, как и Стивену, — сказала Рени.

— За ней наблюдают лучшие врачи Германии, — ответила Флоримель. — Так что я надеюсь.

— И это поднимает вопрос. — Рени повернулась к Селларсу. — Деньги. Несколько миллионов кредитов на моем счету.

Селларс вздернул безволосую голову.

— Вам надо еще?

— Нет! Нет, мне не нужно еще. И я не уверена, что мне нужны… и я заслужила… эти миллионы.

— Вы заслужили все, — спокойно сказал Селларс. — Деньги — слабая замена, но они должны помочь вашей семье. Пожалуйста, вы и все остальные пережили ужасное время, и по большей части только потому, что я втянул вас в это дело. А мне они больше не нужны.

— Это не важно!.. — начала она, но ее прервало появление хорошо одетого мужчины, которого она не знала. Селларс представил его как Декатура Рэмси, американца. Рэмси приветствовал Рени и остальных так, как будто наконец встретился с людьми, о которых так много слышал. — Сэм Фредерикс и Орландо Гардинер будут здесь с минуты на минуту, — сказал Рэмси. — Они заканчивают подготовку… к маленькому проекту.

— Как только они появятся, — сказал Селларс, мы начнем. — Он покачал головой. — Нет, я соврал, есть еще кое-кто, кого я пригласил. — Не успел он закончить, как на стуле рядом с ним появилась невысокая плотная женщина.

— Здравствуйте. — Лицо незнакомки казалось твердым, хотя и немного обеспокоенным. — Полагаю, я должна поблагодарить вас за приглашение.

— Спасибо, что нашли время присоединиться к нам, миссис Симпкинс, — ответил Селларс. — А, вот Орландо и Сэм.

Варвар, сим Орландо, казался смущенным и нервным, но и более реалистический сим Сэм мало отличался в этом от него.

— Мы сделали, мистер Рэмси, — объявил Орландо, махнув остальным.

— Не могу даже сказать, насколько все это странно. — Рэмси улыбнулся. — И не только само это место, а то, что я говорю с тобой, Орландо. — Внезапно его лицо вытянулось. — О, извини, тебе вероятно не нравится, если тебе напоминают…

— Что я мертв? Трудно забыть, особенно сегодня. — Он

изобразил улыбку. — Но нет никаких причин не дружить с кем-то, только потому, что он мертв — верно, Сэм?

— Хватит! — Ей очевидно не понравился новый юмор Орландо.

— Ты пошутил, Орландо, — сказал !Ксаббу, — мы все узнали много нового о дружбе и как далеко она простирается. Мы все множество раз помогали друг другу, как и сказал раньше мистер Селларс. Мы все… мы все одно племя. — Он выглядел немного смущенным. — Если это имеет смысл.

— Имеет, — быстро сказала Сэм Фредерикс. — Реально имеет.

— И, возможно, это хорошее начало для нашей сегодняшней встречи, — сказал Селларс. И поможет объяснить, почему мы должны регулярно встречаться именно здесь, в сете, ведь в жизни вас разделяют огромные расстояния. И мы должны поблагодарить Хидеки Кунохару, который любезно пригласил нас в свой новый дом.

Кунохара едва успел кивнуть, как Мартина наклонилась вперед.

— Все хорошо, но, как мне кажется, у нас есть с мистером Кунохарой незаконченное дело — не отвеченный вопрос. — Она заговорила в первый раз, злым голосом, который казался странным в атмосфере всеобщего объединения. — Во первых я бы хотела знать, как долго вы оба работаете вместе?

— Мы оба? — Селларс поднял безволосую бровь. — Кунохара и я? Последние несколько часов в старой сети, когда я начал понимать, как все устроено. Но мы уже знали друг друга, немного.

— Он… предложил мне выяснить, чем занимается Братство Грааля, — объяснил Кунохара. — Но я не собирался рисковать и привлекать к себе их внимание — пусть делают что хотят. Тогда Селларс обратился к Боливару Атаско. Покойному Боливару Атаско. Так что я очень доволен своим выбором.

— Никто не осудит вас за то, что вас не убили, — сухо сказала Мартина. — Но что о том не отвеченном вопросе, который я задавала в предыдущей версии этого дома, прямо перед тем, как на нас напали?

— И этот вопрос?..

Мартина фыркнула.

— Пожалуйста, мы уже наигрались в эти игры. Я спрашивала, следили ли вы за нами? Вы так и не ответили.

Кунохара улыбнулся и сложил руки вместе.

— Конечно я следил за вами. Куда бы я не повернулся, вы там были, взрывая статус-кво, угрожая моей безопасности.

Почему я не должен был следить за тем, что вы делаете и за эффектами, которые из-за этого получались?

Рени очень смутно знала то, что произошло межу Кунохарой и другими — она помнила только странный разговор во время вторжения солдат-муравьев.

— Вы следили за нами с самого начала?

— Нет. Но после нашей встречи, да.

— Как? Или, — зловеще спросила Мартина, — точнее кто? Кто из нас предатель?

— Не надо никого так быстро обвинять, — сказал Селларс. — Помните, мы все здесь друзья.

Кунохара покачал головой.

— Это был человек, которого я знал как Азадор. Я обнаружил его, когда он странствовал по моей симуляции. Он рассказал мне множество история, и я понял, что он может путешествовать по сети с такой же легкостью, как люди из Братства Грааля. Тогда я не знал, что этот Азадор был частичной версией самого Жонглера, иначе я был бы более осторожен, но я и так понял, насколько он полезен — и насколько его легко убедить в чем угодно. Я еще преувеличил все довольно смутные идеи о том зле, которое Братство сделало лично ему — быть может он, подсознательно, почерпнул их прямо от Иного, как и множество частичных версий Авиаль Жонглер, которые тоже питались мыслями Иного — он открыл мне все.

— И вы заставили его шпионить за нами, — тяжело сказала Мартина.

— Не сразу. Я встретил его раньше, чем познакомился с вами. Скорее меня интересовали планы Братства. Как-то раз я уже говорил вам, что жить с такими соседями — это все равно, что жить в Венеции во времена Медичи. И он был кем угодно, но только не послушным слугой. Я, например, не знал, что он своровал устройство доступа, по форме напоминавшее зажигалку, у генерала Якубиана. — Кунохара развел руками. — Так что, да, я виновен. Позже, когда я, переодевшись, путешествовал по Египту Жонглера, я услышал как эти двое, — он остановился и указал на Сэм с Орландо, — спрашивали о Стенах Приама.

— Значит ты говорил со старым Умпу-Лумпу, — сказала Сэм. — Не думаю, что мы говорили о Стенах кому-то другому.

Кунохара кивнул.

— Да, с Упаутом. Очень странный вид бога, не правда ли? Он был счастлив, рассказывая мне, что вы почти все время поклонялись ему, а в перерывах докладывали ему о своем путешествии.

— И вы послали Азадора шпионить за нами в Трою, —

сказала Мартина.

— Я пытался. Но в симуляциях Илиады и Одиссеи все шло кувырком — из-за вас и из-за Иного, интересовавшегося вами. Если бы Пол Джонас его не спас, Азадор бы не вышел оттуда живым.

— Вы обвиняете Пола? — зло спросила Мартина.

Кунохара поднял руки.

— Мир. Я не обвиняю никого. Я просто объясняю как, благодаря совпадениям — или событиям, которые выглядели похожими на совпадения — я узнал достаточно много о ваших приключениях.

— Если больше вопросов нет… — начал Селларс.

— А что произошло с Дредом? — Похоже Мартина пришла на встречу с целым ворохом вопросов. — По сети передают, что он без сознания, впал в кому Тандагора. Неужели он однажды проснется, как брат Рени?

— Даже если он проснется, — сказал Селларс, — он окажется в австралийской тюрьме, и его очень хорошо сторожат — знаменитый убийца.

— Он дьявол, — холодно сказала она. — Я поверю, что он безопасен только тогда, когда он умрет. И даже тогда не буду уверена.

— Насколько я смог восстановить ход событий, он не сумел вырваться из системы, — спокойно, но твердо сказал Селларс. — Он находился в тесном контакте с Иным вплоть до… до конца. Вы все знаете, что это такое — соединиться с мозгом Иного — и вы, возможно, больше всех, мисс Дерубен. Неужели вы думаете, что Дред сумел пережить смерть Иного и не сойти с ума?

— А что, если он *живет* где-нибудь в сети? — спросила Мартина. — Что, если его сознание выжило, как у Орландо? У Пола? — резко закончила она.

Селларс кивнул, как бы принимая заслуженное наказание.

— Нет никаких свидетельств, что это произошло, никакого следа виртуального сознания или созданного тела, даже малейшего намека на то, что Дред находится в сети или в восстановленной системе. Это не доказательство, конечно, но, в этом месте то, что *кажется*, обычно и является правдой. Его сознание не пережило ужаса конца. Доктора, проверявшие его, дружно утверждают, что он в коме и останется в ней навсегда. — Он поглядел кругом. — Теперь, если больше нет вопросов, я бы хотел поговорить о том, ради чего мы все здесь.

— Мы здесь потому, что вы попросили нас быть здесь, — сказала Рени. — Даже если мы выходим в сеть их мелкой ВР

лавки.

Селларс на мгновение закрыл глаза; Рени почувствовала себя надоедливой школьницей, но, считала разумными все вопросы Мартины.

— Да, — терпеливо сказал старик. — А теперь, поскольку в последнее время вы и так слишком много слышали мой голос, я передаю слово мистеру Рэмси.

Катур Рэмси встал, потом передумал и опять сел.

— Извините, — сказал он, — я судебный адвокат и привык говорить стоя — но сейчас стоит сохранить неформальную обстановку, как принято между друзьями.

— *Адвокат*? — спросила Мартина. — Для чего, во имя святых?

Рэмси казался немного обескураженным.

— Хороший вопрос. Ну, я полаю, что кое о чем мы должны договориться с самого начала. Мы все являемся членами-основателями Доверительного Фонда Сохранения Иноземья.

Рени не могла поверить своим ушам.

— Что?.. Сохранения?..

— Правительства стран южной Африки устроили множество фондов для моего народа и его земли. — В голосе !Ксаббу появилась незнакомая интонация. — Сейчас нет ни народа, ни земли.

— Разрешите мне объясниться, пожалуйста, — сказал Рэмси. — Никто не собирается ничего ни у кого отнимать. Лично я вошел в него только потому, что меня в него затащили, а не потому, что этого хотел.

— Вы не должны защищаться, мистер Рэмси, — сказал Селларс. — Просто объясните, что случилось с вами.

Адвокат так и сделал. Этот кусок истории Рени еще не слышала — странный и шокирующий кусок. В первый раз она услышала подробный рассказ об Ольге Пирофски и маленькой девочке Кристабель Соренсен.

«Бог мой, такое большое,— подумала она.— Не только мы были внутри, а папа, Дель Рей и Джереми снаружи. И, подумала она, я хочу встреться с некоторыми из этих людей — например с маленьким мальчиком и девочкой, которых мы видели в конце. В конце концов мы все члены очень особого клуба».

«И я хочу опять увидеть Каменную Девочку, сообразила она. Быть может она не настоящая, но мне определенно ее не хватает». Она решила узнать у Селларса, есть ли такая возможность.

Рассказ Рэмси вызвал множество вопросов — и только после них все делали собрались вместе и получилась ясная картина. Наконец все успокоились и замолчали.

— Мистер Рэмси, я должна извиниться перед вами, — сказала Мартина. — Вы действительно прошли долгий трудный путь.

— И он ничто по сравнению с тем, что испытали вы, мисс Дерубен, Не говоря уже о тех кто не сумел его пройти — Ольга, ее бедный несчастный сын, ваш друг Пол Джонас. По сравнению со всеми вами я, можно сказать, стоял в стороне. И поэтому я очень хочу, чтобы вы внимательно выслушали меня.

— Мы вас слушаем, — сказала Рени.

— Благодарю. — Какое-то время он собирался с духом. — Как вы уже слышали от мистера Селларса, основной код сети в целом не пострадал. — Он указал на гигантские деревья за домом-пузырем. — Как вы видите, мистер Кунохара уже восстановил свой собственный мир. И есть еще другие миры, которые ждут, чтобы их восстановили. Я считаю, что, со временем, можно восстановить все.

— Можно? — не могла не спросить Мартина, хотя более мягко. — Почему так неуверенно?

— Если мы не сделаем решительный шаг, — чересчур горячо сказал Селларс, — я даже не хочу сохранять их. — Он подождал, пока волнение уляжется. — Прошу прощения, мистер Рэмси, я не должен был прерывать вас. Пожалуйста, продолжайте.

— У этой проблемы по меньшей мере две части, — объяснил Рэмси. — Во первых — кто владеет сетью? Да, Братство Грааля построило ее, но все его ведущие члены мертвы. При строительстве использовались самые различные бизнес-структуры, но, во многих случая, деньги выводились незаконно из их собственных корпораций или стран, которыми они управляли — в чистом виде хищение на личные цели. — Он пожал плечами. — Два самых больших куска инфраструктуры принадлежат Джи Корпорэйшн и Телеморфиксу. Джи Корпорэйшн еще существует, но ее штаб-квартира превратилась в гору обломков камня и битого стекла посреди озера в Луизиане, а ее основатель мертв. Но Телеморфикс благополучно цел, хотя Уэллс тоже погиб — об этом объявили официально. — Он перевел дыхание. — Таком образом спор о собственности растянется на десятилетия. Поверьте мне — только юристы получат сотни миллионов, прежде, чем дело завершится.

— И что мы можем сделать? — спросила Бонни Мей Симпкинс, которая за все это время не сказала и двух слов. — Именно так происходят дела в этом мире, неправда ли? Обыкновенные люди получают по шапке, а адвокаты и бизнесмены рыщут как бандиты.

— Я бы защитил свою профессию, если бы у меня было время, — сказал Рэмси. — Не все из нас акулы. Но есть и другой

вопрос — более живой. И тот, о ком идет речь, находится в этой комнате.

Селларс спас всех от поисков в темных углах круглого пузыря:

— Мы говорим об Орландо Гардинере. Единственный дом Орландо — сеть. Он не может жить в другом месте.

Орландо пожал плечами.

— Вроде никто не собирается выключать электричество. Пока.

— Есть и еще кое-что, побольше, — сказал Рэмси. — Мистер Кунохара?

Их хозяин наклонился вперед, надев на лицо одну из своих странных полуулыбок.

— Все вы — ну, почти все — были со мной, когда освободились информационные формы жизни. Я, кстати, несмотря на возражение некоторых из тех, кто там находился, считаю, что это было единственное рациональное решение. Только представьте себе, какая политическая и судебная борьбу началась бы в мире, если бы передали их судьбу в руки, скажем, ООН. — Он сказал это с таким презрением, как если бы не ставил настоящий мир ни в грош. — Эти создания… плохое слово… эти существа ушли, вырвались из своих тесных рамок. Но с созданными Селларсом эволюционными алгоритмами, процессами, которые помогли создать их, так просто не справишься. Вспомните, что Иной не был отдельным существом, находящимся в определенном месте и оттуда управляющим всей сетью — в определенном смысле вся сеть была его телом. А любые биологи, специалисты по эволюции, прекрасно знают, что клетки, которые оказались в одной части эволюционирующего организма, могут постепенно оказаться и в других частях. А эволюция Иного и сети Грааля была быстрой и не очень хорошо понятной.

Достаточно давно я обнаружил в своем собственном симмире примеры бесполезных и даже невозможных мутаций. Первый появился несколько лет назад, а потом уже ничего нельзя было поделать с гротескными мутациями, вызванными Дредом. Вначале я думал, что все эти создания появляются из программных ошибок, потом отнес их на счет манипуляций Братства Грааля.

Сейчас я думаю иначе. Я верю, что Иной заложил некоторые из эволюционных алгоритмы с свою сеть — быть может это помогало ему создавать детей — или, по меньшей мере, дал им просочиться в код.

— Так что здесь, типа, слишком много мутантов, — сказала

Сэм. — Хочешь, Орландо перебьет их всех? Он *хо дзанг* по убийству всяких уродов.

— Убить их? — ужаснулся Кунохара. Неужели ты не понимаешь, ребенок? Это, конечно, не эволюционный прорыв, создавший инфожизнь — Иной вырастил ее, защищал и даже ускорил ее сложную эволюцию — но это тоже что-то редкое и чудесное. Я имею в виду, что теперь вся сеть почти живая! Медленным изменением главной матрицы, появлением неожиданных форм или даже углублением индивидуальности местных жителей, но, как мне кажется, алгоритмы заработали. — Он откинулся на спинку стула и опять улыбнулся, явно довольный будущими перспективами. — Мы даже не представляем себе, чем может стать эта сеть — мы знаем только то, что она сложнее и правдоподобнее, чем любая другая виртуальная симуляция реальности.

— То есть, — сказала Мартина, — это загадка.

— Точно, — кивнул Катур Рэмси. — Насколько мы можем догадываться, из сети может получиться что-то как хорошее, так и плохое. Хорошее — другого такого места нет, это почти новая вселенная, которую человечество может защищать и исследовать. Плохое — неконтролируемый рост псевдо-эволюционирующих информационных организмов. Возможно загрязнение мировой сети. И кто знает, что еще? И неужели вы действительно хотите отдать весь этот потенциал в руки тех самых корпораций, которые ее построили — и их юристов?

Долгое неудобное молчание прервала Рени.

— Совсем недавно мы не решились убить детей Иного, так что вы безусловно не предлагаете нам убить всю сеть. И, похоже, послать ее всю в космос тоже не получится. Какая же альтернатива? Наверняка у вас есть что-то на уме.

Селларс кивнул.

— Мы спрячем ее.

— Что? — Огорошенная Рени посмотрела на !Ксаббу, но, к ее удивлению, он только улыбнулся. Она опять повернулась к Селларсу. — Черт побери, Селларс, но как вы сможете спрятать ее? Дель Рей Чиуме, например, повторяет то, что я рассказал ему о сети, всякому новостному узлу, расположенному в центре Дурбана. И, наверняка, есть и другие — такая большая вещь не может просто так исчезнуть. Кстати, люди уже потянулись в суды — к радости адвокатов.

— И я один из них, — сказал Рэмси. — Нет, мы не сможем убедить никого, что она не существует.

— Но то, что мы покажем им, совсем не обязательно должно быть настоящим Иноземьем, — объяснил Селларс. — Не

забывайте, у меня есть полный контроль над сетью. На самом деле, если у меня будет достаточно мощности — а я уверен, что корпорации и правительства будут счастливы ее предоставить — я смогу сконструировать для них новую сеть. И даже это сделаю не сам — отдам им код и дам им самим заняться этим.

Однако, это вовсе не означает, что они создадут сеть, идентичную той, в который мы все находимся, особенно если я удалю из нее все мутационные алгоритмы Иного, которых и не было, пока он не обнаружил мои эксперименты. Тем временем настоящее Иноземье может существовать в тщательной изоляции, как свободно плавающая частная сеть, основанная на модели Скворечника. Кстати, там есть симпатичные команды, который поддержат нас. Мы можем сохранить нашу сеть изолированной, навсегда.

— Изолированной, да, — сказала Мартина, — но не в тайне.

— Если мы будем разрешать войти в нее только очень избранным людям, мы, надеюсь, сможем сохранить секрет. Помните, Иноземье не настоящее место, но идея, которую можно передвинуть куда угодно, если сделать достаточные приготовления.

— И кому будет разрешено входить в это изолированное тайное место? — спросила Мартина.

— Вам, конечно — вам всем. И избранным гостям, по вашему выбору. Вот почему мы называем вас членами-основателями Доверительного Фонда Сохранения Иноземья. Если вы согласитесь, так и будет. Если же кому-то из вас придет в голову лучшая альтернатива, скажите мне.

Рени слушала как остальные — кроме !Ксаббу — начали говорить и спорить, стараясь понять смысл слов Селларса и Рэмси, но она сама хотела знать ответ на более важный вопрос:

— Почему ты улыбаешься? — спросила она у !Ксаббу. — Ты что, думаешь это хорошая мысль?

— Конечно, — сказал он. — Большие и сильные не могут не привлечь к себе внимания — и они всегда сражаются друг с другом. Маленькие и тихие прячутся и выживают.

— Но есть ли у нас право на это?

Он пожал плечами, продолжая улыбаться.

— Разве эти светящиеся создания — информационные формы жизни, как назвал их наш друг Кунохара — имели право присвоить себе истории моего народа? Почти никто об этом не знает, но из-за этого мир изменился. Кому ты доверяешь, Рени? Этим людям, нашим друзьям… нашему племени… или тем, кто никогда не был здесь, кто никогда не сражался, чтобы выжить, как мы?

Она кивнула, все еще обеспокоенная.

— А что о вас, мистер Селларс, — спросила она, успокоив остаток спрашивающих голосов. — Я верю, что вы хороший человек. Чувствуете ли вы себя комфортно, принимая на себя такую ответственность? Вы можете назвать нас фондом, но в конце концов мы доверяет именно вам. Потому что у вас есть сила, которой нет у нас. В этой новой вселенной вы будете Богом.

— Очень не надолго, — сказал он. — Именно сейчас я работаю над тем, чтобы уйти с этой должности. — Он поднял жилистую руку. — Наверно вы спрашиваете себя, почему я, владея всеми ресурсами Иноземья, не выбрал себе более привлекательную внешность? Именно потому, что это настоящий Патрик Селларс — обожженный, весь выгнутый, едва живой. Или, точнее, был таким, пока я не нашел способ сбросить с себя мое искалеченное тело. Но я не хочу забывать об этом. Вы не увидите меня Юпитером, бросающим молнии. — Он усмехнулся. — Пожалуйста! Смех меня убьет. Но вы задали очень серьезный вопрос, Рени, и настоящий ответ на него… нет, я не доверяю себе и не хочу иметь так много власти, даже если эта власть над вселенной, о которой мало кто узнает. Но я не знаю никого, кому я могу доверить такую власть. Вот почему мне нужны вы все — вы должны помочь мне принять правильное решение.

— Но почему я? — спросила Бонни Мей. — Я не одна из ваших добровольцев.

— Вы не просто человек веры, вы человек доброй веры, — сказал Селларс. — Нам надо слышать то, что вы несете в мир. На самом деле я надеюсь, что вы сумеете убедить Нанди Парадиваша придти на следующую встречу. Он тоже нам нужен.

— Он очень страдает, мистер Селларс. — Она покачала головой. — Он сказал мне, что хочет вернуться на горящую землю, что бы это не означало. Быть может он собирается начать жизнь заново.

— Он нам нужен, — твердо сказал Селларс. — Пожалуйста, передайте ему мои слова. — Он поднял искалеченную руку. — Я действительно хочу сделать себя ненужным. Как только дела пойдут, этим новым мирам больше не понадобится Боги — ни злые, какими были люди Грааля, ни добрые, вроде меня. Кроме того, у меня есть и другие цели.

Удивились даже Кунохара с Рэмси.

— Другие цели?.. — спросил Хидеки Кунохара.

— Вы видели, куда ушли новые создания, — сказал ему Селларс. — Вы видели, как они унеслись на крыльях света в огромное неведомое. Сейчас я тоже чистая информация.

Однажды, когда я буду не нужен, будет замечательно улететь вслед за ними.

Рени не очень поняла, почему Катур Рэмси улыбнулся. Наоборот, у ее самой чуть не появились слезы.

— Итак… что должен делать наш Фонд Иноземья? — спросила она. — Голосовать?

— Да, и у нас есть за что, — Селларс посмотрел на Сэма и Орландо, которые шептались. — Орландо, пожалуйста встаньте.

На этот раз и Рени не могла не улыбнуться. Он говорил как школьный учитель.

Орландо встал, странная смесь варварской грации и подростковой неуклюжести.

— Вы уже решили, как будете называть себя?

— Да, думаю, что да.

— Но у него уже есть имя! — Было ясно, что Сэм Фредерикс не знала о том, что произойдет.

— Ему нужно не другое имя, — сказал ей Селларс, — но титул. Что бы ни произошло, миры сети потребуют самого пристального наблюдения, особенно вначале, когда мы вернем их в онлайн. Я не в состоянии заниматься всем сразу. Я рассчитывал на Кунохару, но он ясно дал понять, что не хочет играть активную роль. Но мне нужен кто-нибудь, кого я научу выполнять большинство моих функций по поддержке системы — но не божественных! — прежде, чем я улечу в небесную реку света, как называли ее наши отсутствующие друзья. Кто-то вроде… ученика. Орландо?

— Я бы хотел, чтобы меня называли… объездчик. — Рени решила, что под глубоким загаром проступает краска смущения. — Я собираюсь много путешествовать, так что это имеет смысл. И еще я как бы отвечаю за это место — как лесной объездчик за лес. И… есть еще одно значение. Из моей любимой книжки.

Селларс кивнул.

— Замечательный выбор. Но не можем ли мы немного облагородить его? Скажем «Главный Объездчик»? — Он кивнул. Учитывая то, что эта сеть главным образом провинция потрясающего человеческого гения, это добавляет к титулу еще один уровень значения. — Он повернулся к столу. — Давайте голосовать. Кто за то, чтобы Орландо Гардинер стал первым Главным Объездчиком сети Иноземье…

Все руки поднялись вверх.

— Вау, Гардино! — громким театральным шепотом сказала Сэм Фредерикс. — Теперь ты помощник Бога.

— Да, хотя я никогда не учился в колледже.

— Хватит шуточек, вы двое, — голосом доброго учителя сказал Селларс. — Вы будете участвовать в следующем заседании?

— Да, конечно. — Хорошее настроение Орландо внезапно испарилось и он опять стал нервным подростком. — Да, мы будем. — Он и Сэм встали. — Мистер Рэмси, вы идете?

— Я готов, — сказал им адвокат.

— Но мы еще не пришли к заключению по поводу самой сети, — запротестовала Мартина. — Нельзя оставить такой важный вопрос без ответа.

— Конечно, — кивнул Селларс. — Но у нас есть дни, возможно даже недели на то, чтобы принять решение. И надо постараться привести Нанди Парадиваша на нашу следующую встречу. Скажем дня через два, согласны?

Рени уже собралась жаловаться, что два дня слишком мало, что некоторые из них еще должны искать работу, но потом вспомнила.

— Деньги?.. — сказала она.

Селларс покачал головой.

— Их некому возвращать — я же мертв, помните? Если вы не хотите их, что ж, я уверен, вы сможете найти какой-нибудь достойный благотворительный фонд и сделать крупное пожертвование. — Он, похоже, обрадовался ее разочарованию. — Да, вы напомнили мне. В следующий раз я постараюсь устроить для вас более лучший способ входа в сеть. Быть может вам лучше приобрести нейроканюлю, если у вас нет каких-нибудь религиозных возражений.

Селларс позвал Хидеки Кунохару и они вместе отправились в другую комнату, чтобы поговорить наедине. Орландо, Сэм и Катур Рэмси уже исчезли, все остальные разговаривали — все, кроме Мартины, которая сидела в стороне, как незнакомка на пиру. Рени сжала руку !Ксаббу и, обойдя стол, подошла к ней. Мартина подняла на ее глаза, но по ее безликому симу было совершенно невозможно догадаться о ее эмоциональном состоянии.

— Эти деньги, они тоже смущают тебя? — спросила Рени. — Я должна быть благодарна за них Селларсу, но это немного слишком…

Мартина, казалось, удивилась.

— Деньги? Нет Рени, я вообще не думала о них. Я и так богата, из моего поселения и… и у меня мало потребностей. Я уже отложила свою долю и собираюсь отдать ее на детскую благотворительность. Самое подходящее.

— Теперь ты можешь видеть, верно? Это странно?

— Немного. — Она даже не пошевелилась. — Я привыкну к этому. Со временем.

Рени поискала какую-нибудь тему, которая могла поддержать разговор.

— Время от времени я думаю об Эмили. И Азадоре.

Мартина медленно кивнула. — Со мной это тоже случается.

— Я хочу сказать, если она действительно была версией Авы — и Азадор вариантом Жонглера!..

Лицо француженки не могло измениться, но в ее голосе появились злые нотки.

— Это можно считать инцестом, когда ты вспоминаешь о том, чьим клоном была Ава — и даже инцестом вдвойне, когда вспоминаешь о ребенке, которого она должна была родить. Лично я считаю, что она была подсознательным выражением невероятного тщеславия Жонглера. — Мартина вздохнула. — Все это было так же призрачно и отвратительно, как у Эсхила в Орестее. Но сейчас они все мертвы. Они все… и каждый… мертвы.

— О, Мартина, ты кажется такой печальной.

Безликий сим пожал плечами.

— Нет смысла говорить об этом.

— И, похоже, ты очень злишься из-за Пола.

Он ответила не сразу. На другой стороне стола Бонни Мей Симпкин рассмеялась на какое-то замечание !Ксаббу, хотя маленький человек выглядел очень серьезным.

— Полу Джонасу очень не повезло… в самом конце, — наконец сказала Мартина. — Он страшно расстроился, узнав, что является копией, что никогда не получит того, к чему стремился всей душой, что полностью отрезан от жизни, которую помнит. Да, я разозлилась. Он был очень хороший человек. Очень. Он не заслужил этого. Селларс не имел права.

Рени решила, что, каким-то образом, Мартина чувствовала то же самое, что и Пол.

— Селларс делал все, что было в его силах. Как и все мы.

— Да, я знаю. — Из ее голоса исчезла резкость, осталась одно безразличие. Рени почти не слышала ее гнев. — Но не могу выгнать его из своего сознания. Его одиночество. Чувство, что его изгнали из собственной жизни…

Рени пыталась представить себе, чем бы успокоить Мартину, когда сообразила, что ее молчание изменилось. Хотя невозможно было прочитать выражение ее лица, но Рени и так почувствовала что в женском симе перед ней появились какое-то напряжение и тревога, которых раньше не было.

— О, какой же дурой я была, — внезапно сказала

Мартина. — Эгоистичной дурой.

— Что?..

— Прости, Рени, сейчас у меня нет времени. Обещаю, что мы поговорим позже. — И она исчезла.

Рени, взволнованная и непонимающая, отправилась обратно вокруг стола.

— Хавьер критикует мой внешний вид, — заявила Флоримель.

— Низзя! — сказал Т-четыре-Б. — Он покраснел, и вырезанные на щеках иероглифы побледнели. — Просто сказал, что мушки — это чизз. Надо другое, чо зажигает.

— Как что? — Флоримель бросила на него внимательный взгляд. — Купить моему симу гигантские сиськи?

Хавьер энергично замахал головой.

— Не говорил, я — не такой уважухе, как ты. Просто можешь чегой-то вставить под. Ну, инициалы, чтой-то… — Он замолчал и его собственные подкожный свет стал еще ярче. — О. Да ты мурыжишь меня, а?

— Хавьер, если ты имеешь в виду «поддразнивать», то да. — Флоримель обменялась довольным взглядом с Рени. — Но почему ты так оделся? Я думаю, что ты выглядишь, как в жизни. И такая красивая одежда? Неужели только для старых друзей, вроде нас?

Он пожал плечами.

— Иду на собеседование, я.

— На работу? — спросила Рени.

— Не-а. Обратно в школу. АВИПА.

— Аризонская Всеобщая и Пастырская Академия, — расшифровала миссис Симпкинс.

— Сечешь? Идея Бонни Мей, вроде как. — Внезапно показалось, что он хочет ускользнуть со встречи. — Ну, моя тоже.

— Скажи им, что ты собираешься делать, Хавьер, — сказала миссис Симпкинс.

Он засопел.

— Ну, после того… что случилось, могу попытаться стать священником, вроде того. Священником для молодежи, сечете? Работать с мелюзгой. — Его плечи поднялись вверх, как будто он защищался от ударов. И он искоса посмотрел на Флоримель.

Рени и !Ксаббу поздравили его, но он ожидал чего-то другого.

— Хорошо, — через какое-то время сказала Флоримель. — Я думаю, это замечательная идея, Хавьер. — Улыбнувшись, она наклонилась к нему и аккуратно поцеловала его светящуюся щеку. — Надеясь, твоя мечта исполнится.

Даже если бы свет из-под кожи исчез, его лицо все равно бы

светилось, другим светом.

— Прошел через все эти чокнутые миры, пройду и через это, я, — пообещал он.

— Аминь, — сказала Бонни Мей

ГЛАВА 53
Одолженный дом

СООБЩЕНИЕ ПОДПИСЧИКАМ: ОБСЛУЖИВАНИЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

(Изображение: Вице-президент сетевой сетевого узла Салам Одран)

ОДРАН: «Ваша подписка на Сетевую Службу Новостей Нетфид скоро закончится. Мы надеемся, что Вам нравилась наша восхитительная смесь из новостей и фильмов, подобранных специально для Вас, и мы хотим предложить Вам нечто совершенно невероятное. Если Вы вновь подпишитесь на наши новости, Вы заплатите за первый год подписки только половину стандартной цены, и в придачу мы подарим Вам всепогодный плащ с логотипом Нетфид, сделанный из удивительных нановолокон, и одну из наших прекрасных плазменных Нетфид-чашек для кофе…»

— Готовы? — Катур Рэмси постарался говорить совершенно спокойным голосом. В животе били барабаны, хотя у него было меньше всех причин нервничать. А тут еще перелет через несколько часовых поясов. — Я думаю, сейчас самое время.

— Не знаю. — Вивьен Феннис посмотрела на их комнату так, как будто могла никогда больше не увидеть ее. — Не знаю, что делать.

— Мы должны что-то сказать? — хрипло спросил Конрад Гардинер. Последние полчаса он мерил шагами комнату, пока остальные проверяли новою нейроканюлю его жены, а сейчас едва сидел на диване. — Или нажать на какую-нибудь кнопку?

— Нет, — улыбнулся Рэмси. — Если вы готовы, то я и мистер Селларс сделаем все остальное.

Мгновенный переход, и из богато обставленного дома в Калифорнии они перенеслись на тропинку, бегущую по краю темного древнего леса.

— Боже мой, — сказала Вивьен. Она отвернулась от деревьев и увидела сглаженные травяные холмы и сверкающую под утренним солнцем росу. — Это все такое… настоящее.

— Ну, не совсем, по более ранним стандартам сети, — сказал Рэмси. — Но да, все равно очень впечатляюще, не правда ли? Я сам не сразу свыкнулся с этим.

— Кто это? — спросил Конрад. — Это?..

Рэмси сощурился на человеческую фигуру, спускавшуюся с холма по извилистой тропинке. — Нет, это Сэм Фредерикс, как раз вовремя.

Она махнула им рукой, потом быстро пошла к ним, выглядя слегка нелепо в темных штанах и темной рубашке. Рэмси даже внутренне вздрогнул от замешательства, вспомнив, как она отреагировала на его предложение надеть что-нибудь особенное, по такому случаю. Тем не менее ему пришлось признаться себе, что, за исключением обычной подростковой одежды, она выглядела скорее сказочной героиней: яркие глаза и облако каштановых волос, перехваченное блестящей лентой.

Она остановилась перед ними, внезапно став очень скромной.

— Вы… вы родители Орландо, верно?

— Да. Я Вивьен, а это Конрад. — Рэмси невольно восхитился самообладанием женщины. В конце концов за долгие беспокойные часы, приведшие ее сюда, он видел все те эмоции, которые сейчас она успешно скрывала. — Ты наверно Сэм. Мы виделись с твоими родителями. — Она заколебалась, но потом неуверенно обняла Сэм. На мгновение они обе обнялись и застыли, как если бы не знали, что делать дальше. — Мы чувствуем… мы чувствуем себя так, как будто мы уже знаем тебя, — сказала Вивьен, отпуская Сэм.

Сэм кивнула. Ее собственное показное самообладание угрожало испариться в любую минуту.

— Я думаю, мы должны идти, — сказала она, справившись с собой. — Он ждет.

Все четверо начали подниматься по извилистой каменистой тропинке, и Рэмси увидел, что родители Орландо взялись за руки. «Они чересчур напуганы,— подумал он, и, может быть, это им поможет».

«Но, как может хоть кто-нибудь быть готовым к такому?»

— Что… что это за место? — спросила Вивьен.

Они уже почти забрались на вершину холма. Рядом с тропинкой бежал ручей, весело журча между камышами и напевая звонкую песенку. За ним, темным застывшим океаном, лежал лес.

— Я никогда не видела ничего похожего.

— Это из любимой книги Орландо, — сказала Сэм. — Кто-то уже сделал его. Он мог бы жить в замке или еще где-нибудь, но эта часть мира ему нравится больше. — Она, с напряженной улыбкой на лице, посмотрела вниз, на землю.

— Кто-то сделал… это? — спросил Конрад. — Кажется, я знаю, откуда, но…

— О, есть еще и не такие места, — сказал Рэмси. — Намного больше, чем вы думаете. И вы сможете увидеть их все, если захотите.

— Вы должны увидеть Ривенделл! — оживилась Сэм. — Это такой чизз! Даже без эльфов.

Конрад Гардинер смущенно покачал головой, но его жена больше не хотела ничего слушать. Подойдя к гребню низкого холма они увидели еще один, немного повыше. На его вершине стоял низкий дом, сделанный из камней и стволов деревьев, простой по конструкции и идеально вписавшийся в пейзаж.

— Боже мой, — тихо сказала Вивьен, когда они спустились по пологому склону и опять начали подниматься. — Он там? Я и не знала, что буду так нервничать.

В двери кто-то появился. Он посмотрел на них, но не улыбнулся и не махнул рукой.

— Кто это? — спросил Конрад Гардинер. — Он совсем не выглядит, как…

— О, Конрад, неужели ты не слышал, что тебе говорили? — Голос Вивьен прозвучал так, словно вот-вот сорвется. — Так он выглядит… сейчас. — Она, с широко раскрытыми глазами, повернулась к Рэмси. — Это действительно он? Да?

Катур Рэмси мог только кивнуть — своему голосу он уже не доверял. Он повернулся и посмотрел на человека, который медленно спускался к ним.

— Какой он большой! — сказала Вивьен. — Большой!

— Видели бы вы его раньше, тогда он был еще больше. — Сэм Фредерикс улыбнулась, немного слишком широко, подумал Рэмси. Он остановился и коснулся руки Сэм, напоминая ей. Они дали родителям Орландо самим пройти остаток пути и встретиться с ним.

— Орландо?.. — В голосе женщины, глядевшей на высокого черноволосого юношу прозвучало сомнение. — Это… действительно… ты?..

— Это я, Вивьен. — Он поднял руки, потом, внезапно, прижал их к носу и рту, как если хотел сохранить что-то, рвавшееся наружу. — Это я, мам.

Одним решительным шагом преодолев расстояние между ними, она бросилась к нему в объятья и они оба едва не упали на дерн рядом с тропинкой.

— Эй, поосторожнее! — сказал Орландо, слегка неестественно улыбаясь, потом их обоих обхватил Конрад. Все трое споткнулись, упали на траву и, не выпуская друг друга из объятий, заговорили о чем-то, что Рэмси не хотел и слышать.

Вивьен первой пришла в себя и отделилась от них, но все-

таки она держала одной рукой руку Орландо, а второй касалась его лица, как будто боясь, что он исчезнет.

— Но как… Я не понимаю… — Она не хотела высвободить руки и смахнуть слезы с лица, и могла только трясти головой и громко сопеть носом. — Я хочу сказать, я понимаю — мистер Рэмси объяснил, или пытался объяснить, но… — Она опять прижала его руку к своей щеке, потом поцеловала ее. — Ты уверен, что это ты? — с неуверенной улыбкой сказала она, глаза сияли страхом и надеждой. — Действительно ты?

— Не знаю. — Орландо поглядел на нее так, как если бы забыл, как она выглядит и только через несколько мгновений вспомнил черте ее лица. — Я не знаю. Но я чувствую себя собой. Просто… сейчас у меня нет настоящего тела. И не будет.

— Мы обязательно что-нибудь сделаем с этим, — с жалкой улыбкой на перекошенном от волнения лице сказал Конрад Гардинер, все еще держась обеими руками за руку Орландо. — Специалисты… кто-нибудь… обязательно… — Он покачал головой, больше не в состоянии говорить.

Орландо улыбнулся.

— Поверьте мне, нет никаких специалистов, в этой области. Может быть когда-нибудь… — Его улыбка растаяла. — Давайте будем благодарны за то, что у нас есть.

— О, Орландо, мы уже благодарны, — сказала его мама.

— Думайте об этом так… как будто я на Небесах. За исключением того, что вы можете навестить меня, когда захотите. — По его щекам опять потекли слезы. — Не плачь, мам. Ты меня сканируешь.

— Извини. — Она на мгновение оторвалась от него и, отвернувшись, вытерла слезы рукавом своей блузки. — Здесь все… кажется таким настоящим. — Она посмотрела на сына. — И ты, тоже, хотя я раньше никогда не видела… тебя таким.

— Этот мир всем кажется настоящим, — сказал он. — И я так выгляжу, сейчас. Тот, другой я — он ушел. Вы никогда не увидите его снова, и хорошо, потому что он выглядел… иначе.

— Нас это не волновало!

— А меня волновало, особенно когда я чувствовал, что на меня смотрят другие. — Он протянул руку и коснулся ее щеки, поймав маленькую каплю влаги. — А то что сейчас, Вивьен, не так-то плохо, верно? — Он резко вдохнул, внезапно прыгнул на ноги, и поднял родителей, как будто они были детьми.

— Ты такой сильный!

— Я Таргор-варвар, вроде того, — усмехнулся Орландо. — Но не думаю, что буду и дальше пользоваться этим именем. Оно… слишком детское. — Ему уже хотелось двигаться. — Давайте я

вам покажу свой дом. На самом деле он не совсем мой. Я его одолжил у Тома Бомбадила, пока строю свой.

— Том?..

— Бомбадил. Да ну, ты же помнишь — ты сама сказала обязательно прочитать ее. — Он подтащил мать к себе и обнял ее; потом отпустил, когда у нее опять полились слезы. — Я хочу показать вам все. А в следующий раз я покажу вам всех местных: эльфов, Тома и Золотинку, всех, кто захочет придти. Все будет по другому. — Он повернулся к Рэмси. — Вы, оба — идите сюда. Вы должны увидеть, что я сделал с речной долиной.

Едва родители Орландо успели смахнуть с себя листья и траву, как под их ногами что-то зашуршало и они от ужаса вздрогнули. Что-то черное, волосатое и очень странное выбралось на тропинку из-под камня.

— Что-то надо делать с этими мелкими психами, босс, — крикнуло существо. — Они у меня уже в печенках сидят.

Вивьен невольно отступила назад.

— Что?..

— Это Бизли, — опять усмехнулся Орландо. — Бизли, это мои родители, Вивьен и Конрад.

Уродливый картонный жук какое-то время глядел на них, потом картинно поклонился.

— О, даа. Рад встречь.

Конрад вгляделся в него.

— Это… это… та самая заводная игрушка.

Косые глаза Бизли сузились.

— О, великолепно. «Заводная игрушка», а? Я говорил боссу, прошлое прошло, но, кажись, в последний раз, когда мы зацепились, ты пытался выключить меня.

Орландо улыбнулся.

— Знаете, Бизли спас этот мир.

Жук пожал плечами.

— Так, помог маненько.

— И он хочет быть здесь со мной — помогать мне со всякими делами. Путешествовать. Испытывать приключения. — Орландо выпрямился. — Эй, я уже рассказывал вам о моей новой работе?

— Работе? — еле слышно спросил Конрад.

— Мы… мы рады встрече с тобой, Бизли, — осторожно сказала Вивьен, хотя она выглядела не слишком радостной.

— Для тебя, леди, мистер Жук, — проворчал он, но внезапно расплылся в широкой картонной улыбке. — Не-а, шуткую. Не беспокойсь. Игрушки не бывают недовольными.

Внезапно из леса вылетело облако крошечных желтых обезьянок и с криками закружилось над ними.

— Биззл жуж! Нашли тебя!

— Пошли играть!

— В тащи-зука!

Бизли выдал несколько ругательств, похожих на случайные междометия, и нырнул обратно под землю. Разочарованные обезьянки несколько мгновений крутились над камнем.

— Не смешно, — сказал тоненький голосок.

— Дети, сейчас мы заняты, — сказал им Орландо. — Прилетайте немного попозже, и мы поиграем, договорились?

Обезьянье торнадо покрутилось у него над головой и взмыло в воздух.

— Хорош, Ландогарнер, — пропищала одна. — Но мы прилетим!

— *Килохана*! — пропищала другая. — Время пописать на каменных троллей! — И желтое облако исчезло за холмами. Родители Орландо стояли как вкопанные, настолько пораженные всей этой сценой, что Рэмси даже захотелось немедленно отправить их обратно и дать побыть одним.

— Не беспокойтесь — они не всегда крутятся вокруг меня, — сказал Орландо.

— Мы… мы просто хотим быть с тобой. — Вивьен перевела дыхание и попробовала улыбнуться. — Где бы ты ни был.

— Я очень рад, что вы здесь. — Долгое мгновение он стоял, не отводя от них глаз. Его губы дрожали, но потом и он заставил себя улыбнуться. — Эй, пошли смотреть дом. Все вместе!

Он пошел было по дорожке, но потом вернулся обратно и взял Вивьен и Конрада за руки. Он был намного выше их и они почти бежали, чтобы успеть за его длинными шагами.

Рэмси взглянул на Сэм Фредерикс и предложил ей свой виртуальный носовой платок. Подождал, пока она успокоится и они вместе пошли за семьей Гардинеров на холм.

* * *

— Вы выглядите получше, чем в последний раз, — сказала Каллиопа.

Женщина в кровати кивнула, с холодным и безразличным лицом, как если бы кто-то тщательно вытер из него жизнь.

— Вы тоже. Вы даже ходите.

Каллиопа указала на пластико-металлические штуки за своим стулом.

— На костылях. Очень медленно. Но в наше время врачи —

настоящие волшебники. Вы должны знать.

— Я не буду ходить, что бы они со мной не сделали.

Трудно возразить на такой ответ, но Каллиопа попробовала.

— А что, умирать лучше? — тихо спросила она.

— Великолепный вопрос.

Каллиопа вздохнула.

— Простите, мисс Энвин, у вас было трудное время.

— И нельзя сказать, что я его не заслужила, — сказала молодая женщина. — Я вовсе не невинна. Дура, да, — но не невинная дура.

— Никто не заслужил Джонни Дреда, — твердо сказала Каллиопа.

— Может быть. Но и он не получил того, что заслужил, верно?

Каллиопа пожала плечами, хотя та же самая мысль постоянно горела в ее сознании.

— Кто знает? Но я хотела вас кое о чем спросить. Что в точности вы сделали с блокнотом после того, как я отправила сигнал об опасности? Что вы пытались послать?

Американка медленно мигнула.

— Вирус. — Она изучающе посмотрела в лицо Каллиопе. — Программу, которая пожирает информацию. Несколькими часами раньше она съела половину моей системы. Я решила, что это может как-то повредить ему. Я упаковала ее в его собственные… файлы. Среди этих ужасных фильмов. Так что он бы даже не знал, что это.

— Быть может именно это ввело его в кому.

— Я хотела убить его, — равнодушно сказала она. — Мучительно. Все остальное — не кара.

Какое-то время они молчали, но когда Каллиопа начала медленно и мучительно двигаться на стуле, готовясь встать, женщина внезапно заговорила.

— У меня… у меня есть кое-что на совести. — В ее глазах появилось выражение страха и надежды, от которого Каллиопа внутренне поежилась. — Меня это мучает… очень давно. Это случилось в Картахене…

Каллиопа подняла руку.

— Я не священник, миссис Энвин. И не хочу ничего слышать об этом случае, во всяком случае от вас. Я уже изучила все донесения и то, что вы сказали моему напарнику, детективу Чану. Я умею читать между строчек, как и любой другой. — Взглянув на женщину он погасила еще одну попытку исповеди. — Я говорю очень серьезно и представляю закон. Подумайте как следует, прежде чем сказать что-нибудь еще. И если вы, потом, все еще

захотите облегчить сознание, что ж, вы всегда сможете позвонить в полицию Картахены. И я хочу сказать вам, что тюрьмы в Колумбии не самое лучшее место на свете. — Она смягчила голос. — Вы прошли через ад. Выздоравливайте и думайте, что вы собираетесь делать в жизни дальше.

— Вы имеете в виду без ног, верно? — В ее словах был больше, чем намек на жалость к себе. Каллиопа почувствовала, как в ней опять забурлил гнев.

— Да, без ног. Но вы живы, верно? И у вас есть шанс, небольшой, подняться. Это больше, чем у большинства людей. И уж точно больше, чем у остальных женщин Дреда.

Какое-то мгновение Дульсинея Энвин глядела на нее с чем-то вроде ярости и Каллиопа приготовилась выслушать ругательства, но американка промолчала. Через мгновение ее лицо опустилось.

— Да, — сказала она. — Вы правы. Будем считать, что мне повезло, верно?

— Чем раньше вы это поймете, тем лучше, — сказала Каллиопа. — Удачи, вот что я хочу вам пожелать. А теперь я должна идти.

Дульси кивнула и взяла стакан воды стакан воды со столика возле кровати, потом заколебалась.

— Он действительно… ушел? — спросила она. — И не вернется назад? Вы уверены?

— Насколько можно быть уверенным в чем-либо. — Каллиопа попыталась сохранить голос профессионально-холодным. — Уже неделю ни одного знака — ни малейшего изменения, ничего. И его стерегут днем и ночью. Если он и проснется, то в тюрьме.

Дульси не сказала ничего. Трясущейся рукой она поднесла стакан ко рту, но не выпила.

— Простите, но мне действительно надо идти, — Каллиопа ухватилась за костыли. — Звоните мне, если будет нужна какая-нибудь помощь. Кстати, ваши виза продлена.

— Спасибо. — Дульси наконец сумела сделать глоток, и тут же поставила стакан обратно. — Спасибо… за все.

— Я только делала свою работу, — сказала Каллиопа и медленно пошла к двери.

Охранник узнал ее, но все равно заставил махнуть значком перед считывателем, прежде, чем пустил ее внутрь. Каллиопа молча одобрила. Тяжелая дверь звякнула, открываясь, и она вошла в вестибюль с односторонним окном. Охранник вошел вслед с ней и тщательно закрыл за собой дверь.

— Что-нибудь есть? — спросила она.

— Нет. Еще два врача сегодня. Ничего. Проверка рефлексов,

расширение зрачков, все такое, вы же знаете. Если он и не мертв, это только технически. Его спокойно можно хоронить.

Мысль заставила ее содрогнуться от суеверного ужаса. «Тогда мне пришлось бы стоять у могилы с серебряными пулями и острым колом».

— Однажды он уже был мертв, — сказала она охраннику. — Не надо быть слишком самонадеянным. — Она подошла к окну и посмотрела внутрь через перекрестную штриховку усиливающей проволоки. Освещенная ярким светом, на тяжелой кровати лежала фигура, вокруг которой змеились провода, трубки и кожные датчики. В голове невольно вспыхнули жуткие картины — монстр Франкенштейна встает, срывает с себя ремни, рвет голыми руками провода… Глаза Дреда были чуть-чуть открыты, и пальцы, тоже, слегка согнуты. Она попыталась обмануть себя и увидеть какие-нибудь крошечные движения, но за исключением медленного сокращения и растяжения торса — результат работы автоматической системы поддержки дыхания и системы кровообращения — не было ничего.

«Он не вернется,— сказала она себе.— Чтобы там не случилось с ним, заряд, доза, потеря данных, он где-то в другом месте — технически мертв, как сказал охранник. Ты можешь проходить сюда каждый день до конца жизни, Скоурос, и ничего не изменится. Он не встанет».

Достаточно странно, но легче ей не стало, не было того освобождения, в котором она так остро нуждалась. «Ведь это значит, что он сбежал»,— подумала она. Через какое-то время она почувствовала боль в недолеченных мышцах спины, и только тогда сообразила, что ее пальцы слишком крепко ухватились за подоконник.

«Он ушел слишком легко. Слишком. А должен был гореть в аду, стеная и плача. А теперь он проспит остаток своей жизни, и спокойно умрет».

Она опять покрепче ухватилась за костыли, бросила последний взгляд на спокойное, почти симпатичное лицо и медленно пошла к двери.

«Жизнь продолжается,— сказала она себе.— Иногда все кончается таким образом. Вселенная — не детская сказка, где все в конце получают по заслугам».

Она вздохнула, надеясь, что Стэн нашел место для парковки поближе к двери. Ноги ужасно болели и срочно требовался стакан кофе.

* * *

Он хотел спать, отчаянно хотел спать, но возможности не было. С того времени, как он спал в последний раз прошли дни, может быть недели. Он не помнил. Он даже не мог перевести дыхание, в горле першило, он дышал дымом.

«Пожар. Пожар в буше. Они устроили пожар, чтобы выгнать меня из-за деревьев». На мгновение его наполнили такая злость и отчаяние, что ему захотелось остановиться и заорать в небо. Почему они не оставят его в покое? Дни, недели, месяцы — он сбился со счета. И сил больше нет.

Но он не сдастся — как бы им этого не хотелось. Он не даст страху победить себя. Такого никогда не было — и не будет.

Струйки дыма бежали мимо него, извиваясь как жадные пальцы. Он уже слышал их крики, но не за собой, а слева, пронзительные крики, которые приносил пламенно-горячий ветер. Он устало заковылял через подлесок. Они гонят его из эвкалиптовых рощ назад, в пустые степи. И так темно — всегда! Где же солнце? Быть может рассвет загнал бы этих ужасных тварей в их тайные норы, и он бы мог отдохнуть.

«Вечные сумерки»,— захотелось ему заорать,— «это нечестно». Но не успел в нем подняться гнев на чудовищную жестокость вселенной, как он услышал за собой знакомый кашляющий лай. Спотыкаясь, он выбежал из бесполезного укрытия в кустах на открытое место.

Поле серо-желтых камней, лежавшее перед ним, обещало безжалостно изрезать голые ноги, но выбора не было. Охота началась опять и он, покрытый потом и истощенный, спустился на солончак и мертвые земли.

Крики за спиной стали громче, нечеловеческие голоса вопили от радости, хрипло каркая, как вороны. Он посмотрел назад, хотя и знал, что не должен, что только слабнет, увидев их. Окруженные языками огня, они вынеслись из подлеска, из которого он только-то убежал, смеясь, хихикая и показывая на него пальцами, толпа кошмарных тварей из маминых сказок, некоторые животные, некоторые нет, но все чудовища, по виду и размерам. И только женщины и самки.

Его мать сама с лаем неслась перед стаей, Ведьма Сотворения Мира, всегда первая и самая жестокая из всех: блестящие глаза динго сверкают, волосатые челюсти динго широко открыты, красные внутренности ждут его. За ней бежала ведьма Сулавейо с острым копьем, как и шлюхи Мартина и Полли, каким-то образом сросшиеся вместе в каменноглазую безжалостную тварь. За ними, через дым, торопились остальные, злая стая *мопадити*, безымянные, почти безликие мертвецы. Но лица им были не нужны. У мертвых женщин было достаточно когтей и острых

зубов, а их ноги могли бежать не уставая целую вечность.

Они охотились за ним, час за часом, день за днем, неделя за неделей. Они будут охотится за ним всегда.

Плача, как ребенок, разбуженный ночным кошмаром, хныча от истощения, боли и страха, голый Джонни Вулгару побежал через сухие земли Сотворения Мира, пытаясь найти несуществующее убежище.

* * *

Она затолкнула его в маленький парк рядом с больницей, хотя и не знала почему. Свет послеполуденного солнца бродил между зданиями, и сама мысль о том, что придется возвращаться в их меблированные комнаты с таким светом, бьющим в глаза, наводила на нее тоску. Она хотела спать, она хотела поговорить. И сама не знала, чего хочет больше.

Они сели на придорожную скамейку рядом с на удивление хорошо ухоженной клумбой. Группа детей играла на скамейке на другой стороне дорожки, смеясь и пихая друг друга. Одна маленькая девочка упала на бетонную дорожку, но едва Рени в ужасе наклонилась к ней, вскочила и с криком опять вспрыгнула на скамейку, стремясь отвоевать себе место.

— Сегодня он выглядит лучше, верно? — спросила Рени у !Ксаббу. — Он даже улыбался — и это была настоящая улыбка Стивена.

— Он действительно выглядит лучше. — !Ксаббу кивнул, на отрывая взгляда от играющих детей. — Однажды я покажу тебе места, где я вырос, — сказал он. — Не только дельту, но и пустыню. Там бывает очень красиво.

Рени, которая все еще думала о Стивене, не сразу поняла его.

— Но я уже видела ее! — сказала она. — Ту, которую ты построил. Великолепное место.

Он внимательно посмотрело на нее.

— Ты очень волнуешься, Рени.

— Я? Просто задумалась о Стивене. — Она опять уселась на скамейку. Дети попрыгали на землю, выбежали в центр парка, на грязный треснутый бетон и начали бегать друг за другом вокруг одинокой пальмы посреди площадки. — Ты никогда не спрашивал себя, что все это значит? — внезапно спросила она. — Я имею в виду… все то, что мы знаем.

Он посмотрел на нее, потом опять перевел взгляд на кричащих детей.

— Что все это значит?..

— Я имею в виду эти создания. Информационные… люди. Если они будут следующими, что о нас?

— Я не понимаю, Рени.

— Что о нас? Каково… наше предназначение? Всех нас. Всех людей на земле, живых, рождающихся, умирающих. Работающих. Спорящих. Но эти информационные создания идут за нами и пойдут дальше… без нас.

Он медленно кивнул.

— Если у родителей рождаются дети, надо ли им умирать? Кончается ли их жизнь?

— Нет, конечно — но это совсем другое. Родители заботятся о детях, растят их, помогают им. — Она вздохнула. — Прости, но мне… очень грустно. И я не знаю почему.

Он взял ее за руку.

— Я постоянно спрашиваю себя, что все это значит, — сказала он, улыбаясь. — Я уверена, что произошло много всего. Этот мир почти подошел к своему концу. И мы вместе. У нас есть деньги! Но я все еще не знаю, хочу ли я взять их.

— Стивену потребуется инвалидное кресло и специальная кровать, — мягко сказал !Ксаббу. — По крайнем мере на какое-то время. И тебе понравился тот дом на холме.

— Да, но я не уверена, что *сама* понравилась этому дому. — Она покачала головой и засмеялась. — Извини. Сегодня я очень трудная.

Он тоже рассмеялся, тихим тайным смехом.

— Кроме того, я хотел бы потратить часть своей доли. На самом деле я уже потратил.

— Что? Ты выглядишь очень загадочным.

— Я купил землю. В дельте Окаванго. Один из договоров закончился и ее продали.

— Там, где ты вырос. И что ты собираешься с ней делать?

— Проводить там время, — весело сказал он и его глаза широко раскрылись. — Но не один! С тобой, я надеюсь. И со Стивеном, когда он наберется сил, и даже, возможно, с детьми, которые у нас появятся. И то, что они будут жить в городе, вовсе не означает, что не должны знать другое места.

Она опять уселась на скамейку, тревога в душе постепенно улеглась.

— Мне показалось, на мгновение, что ты передумал… о нас. — Она нахмурилась. — Ты должен был сказать мне. Я бы не стала пытаться остановить тебя.

— Вот я и говорю тебе. Мне пришлось очень быстро решать, чтобы повстречаться с тобой в больнице. — Он опять улыбнулся. Видишь, что эта городская жизнь сделала со мной? Обещаю, что

теперь целый год не буду никуда торопиться.

Она улыбнулась в ответ, немного устало, и сжала ему руку.

— Мне очень жаль, но сегодня я — плохая компания. В голове только и крутятся мысли, столько важных дел, и… и почему-то я до сих пор спрашиваю себя, имеет ли все это смысл.

Он какое-то время глядел на нее.

— Неужели то, что эти новые люди взяли истории моего народа с собой, в путешествие, которое мы не в силах представить, означает, что весь мой народ больше не имеет смысла?

— Означает ли?.. Конечно лет.

— И разве то, что ты видела версию моего пустынного мира — ту, которую я выстроил по собственным воспоминаниям — разве это означает, что ты ничего не приобретешь, увидев его на самом деле? Ничего не приобретешь, поспав вместе со Стивеном и нашими детьми под настоящими живыми звездами?

— Конечно приобрету.

Он отпустил ее руку и наклонился к земле. Выпрямившись, он показал ей маленький красный цветок, который держал в руке.

— Ты помнишь цветок, который я сделал для тебя? В тот первый день, когда ты показывала мне, как работают виртуальные миры?

— Конечно. — Она не могла не посмотреть на лепестки, немного неровные на одном конце, где какое-то насекомое пожевало их, на яркие цвета, красные фиолетовые, и на золотую пыльцу, осыпавшую коричневое запястье !Ксаббу. — Очень милый.

— Этот я не делал, — сказал он. — Это настоящий цветок и он умрет. Но сейчас мы можем глядеть на него, вместе. Это что-то, не правда ли?

Он протянул его ей. Она поднесла цветок к носу и вдохнула его запах.

— Ты прав. — Она опять взяла его за руку. То, что мешало ей и кололо ее с того мгновения, как она вышла из капсулы, начало исчезать — как будто в ее сердце раскрылись крылья. — Да, О да. Это безусловно что-то.

Зажглись уличные огни, но дети, играющие в уже ночном парке, не обратили на них внимания.

ЭПИЛОГ

Сейчас, когда звуки боя почти полностью затихли, рев немецких тяжелых орудий стал едва различим, превратился в низкие ноты, волнующие, но не внушавшие ужас. Он плыл через непонятно что, и тут его схватило и вытащило на поверхность, к свету рассветного неба, и он встал и опять услышал ее голос, так долго говоривший с ним во сне.

— *Пол! Не покидай нас!*

На этот раз голос чем-то отличался — и все вокруг изменилось. Он много раз слышал ее, почти ощущал ее, ее крылья, молящие глаза, но сейчас, в неровном усиливающемся свете он увидел ее всю. Она плавала перед ним, широко раскинув руки. Ее крылья стали сетью трещин, из которых лился яркий свет. Лицо печальное, бесконечно печальное, но не совсем настоящее, похожее на икону, которую писали и переписывали десятки раз, пока оригинал не исчез.

— *Не покидай нас!* — молила она. В первый раз за все время в ее голосе была не только печаль — но и требование, безнадежное и резкое приказание.

Он попытался ответить ей, он обнаружил, что не может говорить. Наконец-то он узнал ее. Память потоком обрушилась на него — башня, ложь, ужасные последние мгновения. И ее имя.

Он нашел голос.

— *Ава!* — Но не успел он выговорить последний звук, как она исчезла.

И он проснулся.

В первые секунды он решил, что по-прежнему заперт в бесконечном ночном кошмаре, только перешедшем в другой отвратительный сон, хаос битвы и сюрреалистического замка гиганта сменился на ужас смерти — белые стены, безликие белые призраки. Потом один из врачей снял свою белую маску и выпрямился. Обыкновенное лицо, хотя и незнакомое.

— Он вернулся.

Другие тоже встали, тихо переговариваясь, и над ним наклонилась еще одна фигура в одежде хирурга, улыбающийся мужчина с азиатскими чертами лица.

— Добро пожаловать обратно, мистер Джонас, — сказал он. — Меня зовут Оуэн Танабе.

Пол потрясенно уставился на него. Потом его взгляд пробежал по белой комнате и множеству непонятных механизмов. Он понятия не имел, где находится.

— Вы, без сомнения, слегка растерянны, — сказал Танабе. — Но теперь все в порядке — и вы можете отдыхать столько, сколько захотите. Мы перевели вас в одну из наших лучших палат — для самых выдающихся гостей больницы. — Он тихо засмеялся. Пол точно мог сказать, что мужчина очень нервничает. — Но вы не простой гость, мистер Джонас! Вы вернулись обратно!

— Где… где я?

— В Портланде, Орегон, мистер Джонас. Больница Телеморфикс Корпорэйшн. И вы ее гость.

В мозгу что-то зашевелилось, но мысли разбежались и он только еще больше запутался.

— Телеморфикс?.. Орегон?.. Не Луизиана? Не… Джи Корпорэйшн?

— А. — Танабе мрачно кивнул. — Я вижу, что вы начали вспоминать. Это совершенно ужасно, мистер Джонас, а даже не могу сказать до какой степени ужасно. Очень тяжелая ошибка… но сделанная не нами, а Джи Корпорэйшн, должен я сказать. Но мы исправили ее. И мы надеемся… что вы запомните это.

Пол только покачал головой.

— Ничего не понимаю.

— Время и отдых, мистер Джонас, вот и все, что вам нужно. Но пожалуйста — давайте не будем вас держать здесь. Некоторые из моих коллег хотят поговорить с вами, но я сказал: «Сначала мы должны показать мистеру Джонасу всю глубину нашей заинтересованности, нашу печаль и возмущение тем, что сделали с ним.» Вы пострадали от прискорбной ошибки, мистер Джонас, но мы на вашей стороне. Телеморфикс Корпорэйшн ваш друг. Мы вместе увидим, что все будет в порядке.

Пол только качал головой и ощупывал нейроканюлю на основании черепа — весьма дорогую и совершенно непонятно откуда взявшуюся — пока его везли на каталке в его комнату, которая действительно напоминала номер в роскошном отеле, а не обычную больничную палату. И только ряд мониторов около кровати напоминал о ее настоящем предназначении. Пара молчаливых дежурных помогла ему лечь в кровать — Пол с изумлением обнаружил, что его ноги почти работают, хотя чувствовал себя ужасно слабым — и вот около его двери остался один Танабе.

— Да, еще кое-что. Мне кажется, что вы слишком устали, чтобы принять посетителя?

— Посетителя? — Он был истощен, но боялся закрыть глаза — боялся проснуться в каком-нибудь еще более странном месте. — Нет, я не устал.

Маска веселости немного сползла с лица Танабе.

— Хорошо. Очень хорошо. Но ваш врач и… адвокат вашего посетителя… согласились, что это будет короткий визит, максимум пятнадцать минут. Мы не можем рисковать вашим здоровьем. — Он вновь надел на себя невозмутимый оптимизм. — Вы очень важны для нас, мистер Джонас.

Ошарашенный Пол мог только смотреть, как дверь за Танабе закрылась. Потом в холле раздались голоса — быть может громкие, но из-за непрошибаемых стен и непрошибаемой головы Пол не мог ничего разобрать. Наконец дверь открылась, и в комнату вошла женщина, которую Пол никогда не видел раньше. Примерно его возраста, стройная и хорошо одетая, и очевидно очень волнующаяся. И почему-то в темных очках, хотя в комнате и так было не слишком светло.

— Вы не будете против, если я сяду? — Она говорила по-английски с легким акцентом. Итальянка? Француженка?

— Пожалуйста. — Он покачал головой. «Пускай то, что должно случиться, прольется на мою голову. И я в нем поплыву, подумал он. Пока все не обретет смысл». Но потом ему пришло в голову, что плыть по течению — не самая лучшая стратегия. Из-за этого и из-за его собственной непроходимой глупости с бедной Авой случились ужасные вещи. — Кто вы?

Она какое-то время глядела в пол, и только потом темные стекла повернулись к нему.

— Я не думала, что будет так больно, но увы. Мы незнакомы, Пол. Но мы друзья, большие друзья. Меня зовут Мартина Дерубен.

Он смотрел как она медленно усаживалась на стул около кровати.

— Я никогда не видел вас раньше — по меньшей мере я так думаю. — Он нахмурился, в голове по прежнему плыли облака. — Вы слепы?

— Была. — Она сложила руки на коленях. — Я… пока… еще не привыкла видеть. Иногда от света у меня болят глаза. — Она немного склонила голову на бок. — Но я вижу достаточно хорошо. И очень здорово, что я опять вижу вас, Пол.

— Я по-прежнему ничего не понимаю. Я работал… на Феликса Жонглера. В Луизиане. Потом случилось что-то ужасное. Девушка умерла. Мне кажется, что с того времени я был без сознания.

— Да… и нет. — Она покачала головой. — Я опять сбиваю вас с толку, конечно, но так оно и есть. Простите меня, но это долгая история — *очень* долгая. Но, прежде чем я начну, я хочу сказать вам кое-что очень важное, потому что они могут

попытаться настаивать на их смешных пятнадцати минутах. Не подписывайте ничего. Что бы люди Телеморфикса не обещали вам. *Ничего*.

Он медленно кивнул.

— Вот почему этот Танабе так нервничал.

— И он должен нервничать, потому что они помогли украсть у вас два года жизни. Он сказал вам, что они дали вам эту комнату бесплатно? Это ложь — за нее заплатили ваши друзья. Нет, это не точно. Вы заслужили эти деньги — и во много раз больше.

— Два года? Я совершенно запутался.

Она улыбнулась, в первый раз. Лицо изменилось, из приятного, но неопределимого, стало сияющим.

— Да, я думаю, что да. Как вы думаете, мы можем получить приличный кофе в этой больнице? Я должна рассказать вам столько всего.

— А я не должен спать? — осторожно спросил он, не желая ее обидеть.

— Эта версия вас и так спала слишком много. Послушайте то, что я вам скажу, и потом решайте, — сказала она. — О, Пол, я так рада, что приехала сюда. Остальные тоже хотят увидеть вас, но они так заняты — работы невпроворот. Но когда вы будете здоровы, мы посетим их всех.

— Не думаю, что в ближайшее время сумею поехать куда бы то ни было.

Она покачала головой и опять улыбнулась.

— Ваши друзья намного ближе к вам, чем вы думаете.

— Друзья? Какие друзья? Вы продолжаете говорить о них. — Он порылся во все еще туманной памяти. — Вы имеете в виду Найлза?

Женщина, называвшая себя Мартина, улыбнулась.

— Я уверена, что этот Найлз прекрасная личность, но нет. У вас есть такие друзья, о которых можно только мечтать, которые прошли вместе с вами через огонь и воду, и которые победили, несмотря на все, во многом благодаря вашему героизму.

— Тогда почему я не помню их?

— Потому что, Пол — дорогой храбрый Пол — вы еще не встречались с ними. Но вы обязательно встретитесь.

notes

Примечания

1

Персонаж сказки братьев Гримм.

2

Английское Регенство, или просто Регенство — наименование периода в истории Англии с 1811 по 1820 гг. Эпохе Регенства присущ особенный стиль, что и выделяет ее в отдельный период.

3

Мокрица — живущее в сырых местах мелкое ракообразное животное с большим количеством ножек.

4

В оригинале «exec suite». Дальше используется игра слов: exec suite — execution sweet.

5

Вельд — африканская степь.

6

Internet Experiment Note - экспериментальные рабочие документы сети Internet (открытые для обсуждения).

7

Высшие сорта черного китайского чая.

8

Сорта английского черного чая.

9

Французский лингвистический термин, название местных наречий французского языка; примерно соответствует русскому термину «наречие».

10

Речитатив (*итал.*).

11

Пропитанные сиропом пончики или печенья к кофе, популярные в ЮАР.

12

Восклицание (*греч.*).

13

Вино (*греч.*).

14

Город (*греч.*).

15

Район в Лондоне.

16

Троп (от греч. tropos — поворот, оборот речи), в художественном произведении слова и выражения, используемые в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи.

17

Перевод с английского Е.Витковского

18

Электромагнитное кинетичекое оружие.

19

Белая (*исп.*).

20

Ночной кошмар (*исп.*).

21

Девчонка (*исп. жаргон*).

22

Девочка (*исп.*).

23

Поняла (*исп.*).

24

Отдаленные пустынные засушливые области Австралии.

25

Из Матушки Гусыни. Перевод С. Маршака.

26

Святая святых, уединённое убежище (*латынь*).

27

Старик (исп.).

28

Синие береты (*исп.*).

29

Кошечка (*исп.*).

30

Библейский пояс — регион в США, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром Библейского пояса традиционно являются Южные штаты. Связано это в том числе с тем, что здесь наиболее сильны позиции Южно-Баптистской Конвенции, одного из крупнейших религиозных объединений США.

31

Понять все до конца (пословица).

32

Человек «взламывающий» (обходящий систему защиты) программы).

Весь стишок:

Жила-была старушка в дырявом башмаке,
У ней детишек было, что зерен в колоске.
Она их выпорола всех, сварила им кисель
И, накормив их киселем, велела лечь в постель.

Перевод Г. Кружков и С. Маршак

34

перевод Аркадия Гаврилова

35

Игра в мяч, распространённая в Испании и странах Латинской Америки.

36

Рыбий глаз — сверхширокоугольный фотографический объектив, который имеет угол изображения, близкий к 180° или больший.

Убежище (*гаэлик*).

38

Северо-восток Франции, место, где находится огромное кладбище английских солдат погибших в 1917 г.

39

Знаменитый вестерн 1939 года с Эрролом Флинном и Оливией де Хэвилленд в главных ролях

40

Мандала — сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных практиках. Типичная форма — внешний круг, вписанный в него квадрат, в который вписан внутренний круг, который часто сегментирован или имеет форму лотоса.

41

Гриль (*африкаанс*).

42

Спрингфилд М1903 — магазинная винтовка, используемая, прежде всего, в течение первой половины XX века. Для середины XIX века — анахронизм.

43

Уильям Барклай Мастерсон, или Бат Мастерсон. Годы жизни 24.11.1853 — 25.10.1921. Легендарная фигура американского Дикого Запада, охотник на бизонов, разведчик для американской армии, спортсмен, а также спортивный редактор и обозреватель для газет Нью-Йорка.

Дерьмо (*исп.*).

Богатеями (*исп.*).

Другие (*исп.*).

Дядю (*исп.*).

Насекомые (*исп.*).

49

Наличные деньги (*исп.*).

Хикори, дикори, док.
Мышь на будильник скок!
Будильник — бом — бом!
Мышка бегом!
Хикори, дикори, док.

51

Город во Флориде на берегу Мексиканского залива.

Пусть царит веселье (*фр.*).

53

Человек, имеющий 1/8 часть негритянской крови.

Не цыганам (*цыганский*).

Насекомые (*латынь*).

Навечно (*латынь*).

Сумасшедший (*исп.*).

Дерьмо (*исп.*).

59

Наличных (исп.).

Паренек, мужчина (*цыганский*).

61

Бродяги (*цыганский*).

Женщины (*цыганский*).

63

Фургон (*цыганский*).

Огонь (*исп.*).

65

Матф. 5:6

66

Большая собака (*фр.*)

Сумасшедшие (*исп.*).

Букв. «из этого не следует», т. е. нелогичное заключение (*латынь*).

Фр. la crosse — «клюшка».

Со стариком (*исп.*).

71

«Время сотворения мира» в мифологии австралийских аборигенов, перевод с аранда, одного из языков этих самых аборигенов.

72

Курортный город в Южной Африке.

73

Библия, Псалтырь, 22 псалом.

Библия, Псалтырь, 22 псалом.

75

Намек на стихотворение:

Не терпит жирного Джек Спрат,
А постного — жена,
Но вместе, что им не подай,
Съедают всё до дна.

Иов, 7.

Перевод О.А. Гераськин.

Пидор, сленг мексиканцев, живущих в США.

Святая святых (латынь).

На самом деле (*исп.*).

81

Старик (*исп.*).

Понял (*исп.*).

83

Врун (*исп.*).

Лука, 18:16.